

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

W.C. 1

1381

* 1

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНІЯ,

ЖУРНАЛЬ

СЛОВЕСНОСТИ, НАУКЪ, ХУДОЖЕСТВЪ, ПРОМЫШЛЕ-
НОСТИ, НОВОСТЕЙ ■ МОДЪ.

=

*Ἐμοὶ δὲ τί ἀσχερὸν, τοῖς γέρονσι μὴ δύνασθαι περὶ
ἐμῶν τὰ δίκαια μῆτε γινώσκειν μῆτε ποιῆσαι; Ὅρα
δ' ἔγωγε καὶ τὴν δόξαν τῶν πραγματούτων ἀσθενῶντων
ἐν τοῖς ἐπιγυρομένοις οὐχ ὅμοιον καταλιπομένην τῶν
τε ἀδικούντων καὶ τῶν ἀδικηθέντων.*

Socrat. apud Xenophon. IV, 8, 9.

=

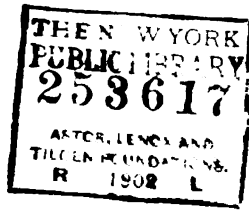
ТОМЪ ДЕВЯНОСТО-ШЕСТЫЙ.

=

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ КАРЛА КРАЙЯ.

1849.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ законное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 4 июля 1849.

Цензоръ Н. Срезневскій.

Исправл. должн. цензора В. Лангерь.

NYOY WER
OLUB
YBWAU

ОГЛАВЛЕНІЕ

ДЕВЯНОСТО-ШЕСТАГО ТОМА.

=

I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Натурщица. Повѣсть. Часть первая. <i>В. Яковлева</i>	1	✓
А вѣдь жаль ее!.... Быль, которая можетъ повториться. <i>А. Павлова</i>	37	✓
Петербургскія дачи. Комедія въ одномъ дѣйствіи, съ ку- плетами.	65	✓
Скитъ Геосиманскій.	105	
Іосифъ. Священная повѣсть, заимствованная изъ книги Бытія.	115	✓

II.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

Глѣзь. Романъ Евгенія Сю. Часть вторая.	1	✓
Гранли-Маморъ. Повѣсть леди Джорджіаны Фуллертонъ. Часть первая.	65	✓

✓ Грантли-Мэноръ. Часть вторая.	117
✓ Вандеръ. Разказъ Стребена.	181

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

✓ Очерки Венгріи. Статья первая.	1
✓ Моцартовъ Донъ-Жуанъ. Статья первая.	25
Естественная исторія сельдей. Изданная господиномъ Валансіенномъ.	41
Геологическій очеркъ дороги къ водопаду Иматры. <i>С. Кутори.</i>	61
Елисавета Кульманъ и ея стихотворенія. Сочиненіе <i>К. В. Гросгейнриха.</i> Статья четвертая и послѣдняя.	83
✓ Очерки Венгріи. Статья вторая	120
✓ Моцартовъ Донъ-Жуанъ. Статья вторая и послѣдняя.	146

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Промышленность великороссійскихъ губерній. Статья вторая.	1
О колоніальномъ и свекловичномъ сахарѣ. Статья первая.	21
Г. Н — а.	21
Промышленность великороссійскихъ губерній. Статья третья.	41

V.

КРИТИКА.

Наставленіе къ употребленію минеральныхъ водъ вообще, и свѣдѣнія о Заведеніи Минеральныхъ Водъ въ Санктпетербургѣ, съ указаніемъ химическаго анализа славнѣйшихъ цѣлебныхъ источниковъ. Доктора Шульца, врача при Заведеніи Минеральныхъ Водъ. Санктпетербургъ. Доктора философа <i>Карла фонъ-Биттервассера.</i>	1
Полное собраніе сочиненій русскихъ авторовъ. Сочиненіе Измайлова. Изданіе Александра Смирдина. Санктпетербургъ, 1849 года, два тома.	33

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Июнь, 1849. Новые книги и брошюры.	1
— — Разныя извѣстія.	14
Июль, 1849. Новые книги и брошюры.	15
— — Разныя извѣстія.	40

VII.

С М Ъ С Ъ.

ІЮЛЬ.

Пустыня. Изъ воспоминаній Якова Арабѣ.	1
Охота на берегу Аркансаса.	40
Князь Меттернихъ.	12
Лія.	20
Торгъ женщинами.	38
Еврей.	40
Литературныя новости во Франціи. Замогильныя Записки Шатобріана. Часть седьмая.	67
Литературныя новости въ Англіи и въ Америкѣ. Дѣйстви- тельныя и фантастическія путешествія Германа Мель- вила. «Танпи». — «Ому». — «Вторникъ».	77
Французскій театръ въ Парижѣ.	90
Музыкальныя новости.	93
Новыя русскія книги.	103
Французскія книги.	105
Новыя музыкальныя сочиненія.	107
Моды.	110

АВГУСТЪ.

Вліяніе электричества на холеру.	111
Лекція профессора Лесля о Гогартѣ.	112
Храмъ Юпитера Аммона.	119
Шангхай, европейскій городъ въ Китаѣ.	124
Нѣсколько словъ объ аббатѣ де-Женудѣ.	126

Князь Меттернихъ	128
Дуэль въ Миссиссипи	139
Ловецъ пѣвковъ	141
Эль-Хаджъ-Зейянь, продавецъ финиковъ	144
Литературныя новости во Франціи. Замогильныя Записки Шатобріана. Часть осьмая	149
Пустыня. Изъ воспоминаній Якова Араго	173
Байронова Форнарна	181
Такъ, да не такъ. Супружеская сцена	190
Концертъ для бѣдныхъ. Разсказъ Юлія Сандо	205
Новыя русскія книги	219
Французскія книги	221
Новыя музыкальныя сочиненія	223

=

БИБЛИОТЕКА ДЛЯ ЧТЕНИЯ.

—
I.

РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

НАТУРЩИЦА.

=

ПОВѢСТЬ.

=

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

I.

Колыбель Лавиниі была окружена роскошью, улыбками, цвѣтами. Дѣтство этой прелестной дѣвочки можно назвать золотымъ и не метафорически. Двадцати-пяти-лѣтняя маленька наряжала ее въ батистъ, въ кружева, въ бархатъ: это было первое дѣтя первой любви. Степенный, погруженный въ дѣла папаша всегда улучалъ минуту — заѣхать въ магазинъ и закупить дочкѣ дорогихъ механическихъ игрушекъ. Обожаемый ребенокъ рѣзвился на мягкихъ коврахъ, и посреди этихъ пышныхъ кашмирскихъ розъ былъ очень похожъ на маленькую перн. Большіе лазурные любопытные глаза, волнистые волосы и особливо эти миниатюрныя розовыя икры, обнаженныя по англійской методѣ, — приводили всѣхъ въ восхище-

Т. ХСѢІ. — Отд. I.

I

ніе. Этотъ звонкій смѣхъ, веселый, какъ щебетанье птички, выпущенной на волю, прояснялъ самую меланхолическую душу. За-то въ домъ не существовало ни одной японской вазы, которую рѣзвушка не могла бы низвести на степень своей игрушки; не было такого драгоценнаго растенія, изъ цвѣтовъ и листьевъ котораго малютка не смѣла бы свить себѣ вѣночекъ; маменькины жемчуги и брилліанты пересыпала она въ своихъ крошечныхъ рукахъ, какъ какія-нибудь плодовые зерна.

Первый языкъ, на которомъ малютка приучалась лепетать, былъ —

Языкъ Петрарки и любви.

Женщины и цвѣты на нашихъ сѣверныхъ тундрахъ развиваются лѣниво; весна и любовь приходятъ поздно. За-то продолжительное отрочество, — покуда голова не тревожится сердцемъ, — даетъ уму полную свободу совершенствоваться. Тогда какъ на югѣ, сладостные пароксизмы любви часто мѣшаютъ красавицѣ углубиться въ изученіе азбуки, Лавинія, на четырнадцатой своей веснѣ, знакомилась съ блистательнѣйшими изъ европейскихъ литературъ, разыгрывала ораторіи Гайдана, пѣла романсы Шуберта, даже рисовала мифологическихъ боговъ и богинь, — вовсе не зная любви, то-есть составляя себѣ понятіе о любви такое же туманное, сбивчивое, восхитительно-безтолковое, какъ понятіе мусульманина о Магометовомъ раѣ, или гаданія физиологовъ о жизненномъ началѣ.

Лавинію перестали наряжать въ коротелькія платьєца, хотя полуразвитыя формы ея не принимали еще очертацій, способныхъ остановить на себѣ взоръ мужчины. Однако жъ, отъ темно-синихъ глазъ, до бархатистыхъ, дивно-округлявшихся рукъ, все въ этой дѣвушкѣ было залогомъ красоты и совершенства.

Шелковистые вьющіеся волосы, золотисто-пепельнаго цвѣту, ниспадали благоуханными гроздьями на блѣдно-розовыя щеки. Профиль, своимъ совершенствомъ, напоминалъ античныя камни. Походка этой молоденькой дѣвушки, легкая и вмѣстѣ благородная, имѣла въ себѣ привлекательность неизъяснимую. Страшно самонадѣянъ былъ бы тотъ, кто покусился бы изобра-

зять, словами или красками, эту малютку-ножку, стройно стянутую чернымъ атласомъ. Свободно-волнующіяся складки платья, съ какимъ-то наивнымъ кокетствомъ то выказывали, то скрывали эти два сокровища, какъ-будто дразнили, завлекали всякій преслѣдующій ихъ взоръ. Пара женскихъ ногъ, годныхъ подъ поцѣлуй, у насъ большая рѣдкость. Надо показать того, кто не видѣлъ ножки Лавиніи: эта ножка была рѣшительно андалузская.

Съ ранняго дѣтства Лавинія слышала вокругъ себя неумѣренные, неблагоразумные панегирики своей красотѣ; зеркала на каждомъ шагу отражали всю ея восхитительную фигуру; попугай твердилъ ей: „bella, bella!“

Непостижимо, какимъ чудомъ эта дѣвушка сохранила полное, восхитительное невѣденіе своей красоты, что, надо признаться, придавало ей новую прелесть. Лавинія не замѣчала ни восторженныхъ взглядовъ, ни таинственнаго шопоту, какими повсюду встрѣчалось ея появленіе.

Въ будоарѣ матери, въ этой овальной комнатѣ, драпированной бѣлымъ дамасомъ, — ни золотыя арабески легкаго свода, ни бѣло-мраморный каминъ и консоли, уставленные вазами дорогихъ растений, ни черепаховая мебель, ни полъ обитый пунсовымъ бархатомъ, ни изящныя статуэтки и замѣчательныя картины — не казались большою роскошью, когда посреди ихъ была Лавинія.

Она непонимала еще прелестей салонной или будоарной болтовни. Въ часы модной бесѣды, ей казалось весьма естественнымъ перелистывать золотообрѣзные англійскіе кипсеки или даже шептаться съ голубымъ попугаемъ, который имѣлъ наглую привычку садиться на это молодое плечо, изваянное какъ-будто рѣзцомъ греческаго художника.

Свѣтъ еще не замѣтилъ Лавинія; она еще не замѣчала свѣта.

Однако нѣкоторые маменьки ревниво поглядывали на восхитительнаго ребенка, какъ на опасную соперницу своимъ давно-созрѣвшимъ дочкамъ.

Вся наша страшно-близорукая молодежь начинала наводить свои лорнеты на этотъ распускающійся цвѣтокъ, разувѣтся,

не безъ маленькихъ соображеній на-счетъ того, сколько онъ можетъ дать меду и воску....

По-счастію, Лавинія не научилась еще различать блескъ, приобретаемый порядочнымъ воспитаніемъ и истиннымъ благородствомъ души, отъ блеску, который заимствуется въ модныхъ магазинахъ и золотошвейныхъ, и смотрѣла на всѣхъ, какъ весеннее солнце, съ одинаковой улыбкой.

Черты этой дѣвушки принимали обыкновенно кроткое и вмѣстѣ гордое выраженіе, устранившее всякую мысль о прошломъ. Покуда еще не настало для Лавиніи время внушать любовь, это дитя, готовое превратиться въ женщину, невольно внушало къ себѣ уваженіе.

Надо имѣть воображеніе восточнаго сказочника на то, чтобъ передать вамъ всѣ надменные мечтанія, всѣ великодушныя надежды, какиимъ предавалась мать Лавиніи, когда красавицѣ исполнилось пятнадцать лѣтъ.

II.

Весна только-что начинала пробуждать землю отъ долгой, холодной летаргіи. Ингерманландская природа только-что начинала улыбаться, слабо и трогательно улыбаться, точно чажоточная красавица. Попечительное солнце по двадцати часовъ въ сутки оставалось надъ горизонтомъ, съ усердіемъ молодого врача ухаживая за интересной пациенткой, и всякій разъ отлучалось на короткій отдыхъ, краснѣя отъ стыда, что при всѣхъ усиліяхъ такъ мало могло отогрѣть эти окоченѣвшіе члены.

Случались два — три денька теплаго безвѣтрія, блѣдные образчики весеннихъ дней юга. — и они-то, коварные, выманили городскихъ жителей въ прелестныя виллы, принимающія рѣзвые зефиры всѣми своими порами, въ рыцарскіе замки, сооруженные изъ ветхихъ барокъ.

Родители Лавиніи владѣли загороднымъ домомъ, скопированнымъ съ знаменитой римской виллы Цамфили.

Лавинія, въ простомъ до изящества, блѣномъ платьѣцѣ, въ звѣнкѣ изъ свѣжихъ маргаритокъ, побѣжала въ садъ поглядѣть на знакомыя аллеи, еще лишонныя таинственнаго сум-

року, но за-то опупонныя молодою прозрачною зеленью, которая весело играла съ золотистыми солнечными лучами; она останавливалась передъ каждымъ кустомъ сирени, передъ каждымъ наститымъ дубомъ, передъ каждой мраморной богиней, у которой роскошный торсъ былъ прикрытъ ревнивымъ мехомъ: все это напоминало какую-нибудь радость, или одинъ изъ свѣтлыхъ дней, какими блистала вся эта разцвѣтающая жизнь, точно цѣпь изъ одинаковыхъ алмазовъ.

Распуковка цвѣтка — дальнiе звуки музыки — вечерняя звезда — всякая бездѣлка могла уже нагнать тѣнь дѣвической души на гладкое, непорочное лицо Лавини.

Но промелькнула бисерная стрекоза или золотая бабочка — и дѣвухѣ страхъ хотѣлось снова быть ребенкомъ.

Между-тѣмъ маленька Лавини, съ важнымъ видомъ Агриппины, сидѣла на позолоченомъ креслѣ посреди трельяжей, обвитыхъ плющомъ и дикимъ виноградникомъ, окруженная вазами цвѣтовъ и померанцовыми деревьями, которыми была уставлена вся галерея и обѣ стороны широкой лѣстницы, спускавшейся въ роскошный садъ.

Безподобный солитеръ на указательномъ пальчикѣ этой, аристократически разряженной женщины — сверкалъ, мерцая всецвѣтными огнями: она что-то писала.

Въ отворенную дверь видѣлась анфилада покоевъ, соединившихъ въ себѣ всѣ причуды моднаго убранства съ лѣтними комфортами.

На галерею вышелъ мужчина достопримѣчательнаго роста, съ юпитеровской осанкой, въ безукоризненно-бѣломъ жилетѣ и черно-бархатномъ пальто на-распашку. Съ перваго взгляда, онъ поражалъ, какъ хорошая парижская декорация. Всмотрѣвшись по-пристальнѣе, вы, можетъ-быть, замѣтили бы, что нижнiя части его лица были развиты несравненно болѣе верхнихъ, что нижняя половина туловища была несоразмѣрно тяжелѣе верхней.

По отсутствiю перчатокъ и по небрежности, съ какой онъ кивнулъ свою флорентинскую соломенную шляпу на атласную козетку, очевидно было, что это хозяинъ.

— Надѣюсь, вы подѣлитесь со мной своими восхитительными секретами....

— Какіе же секреты припнутся на открытой воздухъ?
Что вы?

— Во всякомъ случаѣ, вы вѣрно не назовете нескромностью съ моей стороны, если я полюбопытствую узнать, что вы тамъ такое пишете?

— Эту тайную бумагу я только-что напѣревалась представить вамъ для ратификаціи.

— Да не пугайте дипломатическимъ слогомъ.... Наверно, опять счетъ англійскаго магазина.

И благообразный господинъ схватился за шляпу, обличая всѣми мускулами поспѣшность.

— Да, счетъ.

Домашній юпитеръ, какъ-то странно вдругъ съжившійся, достигъ уже дверей.

— Для Лавиніи....

Это ния было произнесено съ триумфальной улыбкой, съ убѣжденіемъ въ его магическомъ дѣйствіи на бѣгущаго.

Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ остановился.

— Говорите, прошу васъ, поскорѣе. Мнѣ некогда. Терпѣть не могу раздушенныхъ векселей.

— Успокойтесь....

— Сколько тамъ всего?

Лукавая улыбка жены была невыносима. Мужъ величественно глядѣлъ на свои лакированные сапоги.

— Можете положить шляпу. Дѣло не коммерческое, но общественное.... а гораздо поважнѣе.... сердечное.

— Вы сказали что-то про Лавинію.... Вы меня пугаете. Объяснитесь. Неужели?...

— Та, та, та! Ничего не видя, вы ужъ ревнуете!

— Согласитесь сами, она еще совершенный ребенокъ. Пятнадцатилѣтняя жена попроситъ у мужа куклу.

— Не въ томъ дѣло.

— Въ чемъ же?

— А вотъ въ чемъ. Вамъ не безызвѣстно, что скука здѣсь степная, эіопская.... Два вечера и одинъ обѣдъ въ недѣлю — это, просто, скаредно. Иной разъ въ цѣлый день въ домъ не встрѣтишь человѣка. Фразой перекинуться не съ кѣмъ. Вы меня доводите до необходимости бесѣдовать съ монѣ

садовникомъ. Вы еще не знаете, на что я способна.... Я способна рѣшиться на философскій разговоръ.... съ учителемъ музыки. Въ шумномъ обществѣ гончихъ, вамъ не мудроно забыть здѣшнюю отшельническую тишину. Гарцуя въ полѣ, вы и не вспомните о нашей могильной неподвижности....

— Если это прелюдія, то, признаюсь, она безконечна, если же это самое дѣло, то.... то я не вижу тутъ Лавиніи....

— Дойдетъ и до Лавиніи. Что она еще ребенокъ, я съ этимъ согласна. Вы знаете, многія маменьки всѣми мѣрами стараются продлить дѣтство своихъ дочекъ и за-частую невѣжливость души пытаются замѣнить коротенькими платьицами....

Лавинія ребенокъ; но воспитаніе этого ребенка стоить тысячи, а ничто такъ не довоспитываетъ, какъ общество.... я разумѣю хорошее. Намъ необходимо отборное общество.

— Бездѣлица! Да этого окончательнаго воспитателя и за деньги не достанешь.

— Безъ денегъ еще меньше. Мы по-крайней-мѣрѣ можемъ сдѣлать выборъ: есть изъ чего. Неудобно ли вамъ принять на себя обязанность браковщика.

И жена граціозно подала мужу листокъ атласистой бумаги, на которой было красиво написано пять или шесть фамилій.

— Вотъ все, что я могла выбрать, достойнаго нашей Лавиніи.

— Изъ нашего-то огромнаго круга?

— Да.

Иронія, съ какою произнесено это *да*, была такъ тонка, что ускользала отъ мужскихъ орудій вниманія.

Мужъ прищурился, пробѣжалъ глазами списокъ, и физиономія его удлинилась. Онъ не нашелъ въ списокѣ ни одного изъ своихъ монументальныхъ партнеровъ по части преферанса и кеглей, ни одного изъ обѣдненныхъ сосѣдей англійскаго клуба, ни одного имени, прославленнаго отъ гостинныхъ до будоаровъ, ни тѣни титула, даже никакой двойной фамиліи.

— Оставляю вамъ полную свободу выбирать. Любовь къ Лавиніи, я увѣрена, увлечетъ васъ къ безпристрастію. Скажу больше: этотъ выборъ — пробный камень вашей любви....

— Это проектъ замужства, что ли?

- Покуда нѣтъ. Простѣ, приглашеніе погостить на дачѣ.
- Очень радъ.... Но, мнѣ кажется, вы избрали....
- Правда, людей, которые даже не умѣютъ блистательно завязать свой галстухъ....
- Людей препорядочно темныхъ....
- Вы помѣшались на блескъ.
- Когда дѣло идетъ о моей Лавиніи, вы меня извините, я становлюсь страшно требователенъ. Я хочу не только блеску, но ума, красоты, званія, даже, пожалуй, славы...
- Вы хотите сказать — капитала.
- Это должно лежать въ основаніи всего.... Но меня удивляетъ то, что я не вижу въ вашемъ списокѣ ни мосьё *, ни барона **, ни корнета ***, ни другихъ корифеевъ образованной бесѣды.
- Всѣхъ этихъ модныхъ говоруновъ.... Они сносны въ городскомъ салонѣ, гдѣ все поддѣльно и ложно, какъ и они сами. Съ природой эти львы обыкновенно не въ ладу.
- Краспорѣчія у этихъ ораторовъ станутъ на модный визитъ, у иныхъ даже на цѣлую мазурку; а попробуйте-ка продолжить свиданіе на день, на два, — блистательные денди надобѣдятъ вамъ, какъ балаганные волканы, у которыхъ великолѣпное и безконечное изверженіе составлено все изъ двухъ колесъ, постоянно вращающихся вокругъ своей оси. Подержите этихъ радужныхъ мотыльковъ съ недѣлю времени у себя въ кабинетъ — увидите, на сколько потускнѣютъ ихъ обольстительныя крылышки.
- Что жъ, вы вѣрно желаете создать образованную бесѣду изъ людей, которые молчатъ?
- Изъ людей, которые не только говорятъ, но и мыслятъ.
- И прекрасно. Только пожалуйста распорядитесь такъ, чтобъ они мыслили у себя дома, а у насъ говорили.
- По вашему мнѣнію, тотъ круглый невѣжда, кто не умѣетъ много злословить, граціозно унижаться, кто не выучился любить съ расчетомъ, ненавидѣть съ улыбкой, — не такъ ли?
- Винюсь въ моей слабости: люблю собесѣдниковъ, которые умѣютъ поговорить.

.. Сѣтскій языкъ — нарѣчіе условное, взобрѣтенное на волю людей посредственныхъ; известно, люди высшаго ума рѣдко хорошо владѣютъ этими орудіемъ. И кто же нынче выбираетъ людей, судя по ихъ фразамъ?

— Такъ вы твердо рѣшились превратить нашъ садъ въ сущую академію. Въ добрый часъ! Посмотримъ на вашихъ многоскучныхъ мудрецовъ, послушаемъ этихъ профессоровъ зѣвоты: это тоже будетъ не послѣднее развлеченіе. Конечно, всѣ они будутъ, по формѣ, съ античными лысынями.... Надѣюсь, вы не станете вербовать своихъ Платоновъ и Аристотелей въ рядахъ студентовъ.... А то вѣдь эти господа и путемъ метафизики и путемъ ботаники равно успѣшно добиваются до женскаго сердца. Впрочемъ, Лавиніи шестнадцатый годъ, — а вамъ должно быть лучше моего извѣстно, что въ эту критическую пору каждый мужчина кажется Аполлономъ, каждый непризнанный элэгистъ кажется геніемъ. Ну что мы станемъ дѣлать, если вдругъ бѣдняжка влюбится въ какого-нибудь химика, пропитаннаго парами іода, или въ какого-нибудь астронома, который дома ночуетъ только въ пенастьѣ, а прекраснѣйшія ночи проводить съ Вестой, Юноной или Палладой.

Я держусь мнѣнія, что если нашу Лавинію непременно надо окружить обществомъ, то слѣдуетъ окружить людьми лучшаго тону, съ блестящимъ положеніемъ въ свѣтъ, людьми благомыслящими и достойными.... такъ, чтобъ намъ, при случаѣ, не пришлось краснѣть за неумѣстно-нѣжныя чувстваванія нашей дочери, и особенно, не пришлось отвергать предложенія, которыя, знаете, могутъ быть равносильны оскорбленію.

— О, какой же вы профанъ по части женскаго сердца. Вы, по-видимому, и не подозреваете, что женское сердце надѣлено отъ благой и щедрой природы способностью, какою восхищаютъ насъ бриліантъ, перламутръ, южныя горы; способностью къ блестящей игрѣ, къ тысячъ чудныхъ переливовъ.... Грубіяны моралисты, съ досады, что сущность этихъ феноменовъ женскаго сердца ускользаетъ отъ близорукаго наблюденія, условились называть ихъ „капризами“.

— Знаю. Еще Жанъ-Жакъ Руссо сказалъ, что сердце

женщины — частичка неба; за-то, какъ небо, оно и измѣняется день и ночь.

— Это сказалъ не Руссо, а Байронъ.

— И то можетъ-быть.

— Если бы вы удостоили женское сердце сотою долею того вниманія, какое вамъ угодно обращать на сбрую вашей четверни, — то и не подумали бы разставлять вашей любимой дочери эти чудовищныя сѣти.

Женское сердце надо развить, искусно ограничить воспитаніемъ, а тамъ — дать ему биться свободно, не стѣсняя его отеческими планами, и не навязывая ему костылей чужой опытности.

Я видала молодыхъ красавицъ, которыхъ окружали дюками, баронами, и которыя влюблялись въ пажей, въ учениковъ садовника и такъ далѣе; не говорю уже про рисовальныхъ учителей: это слишкомъ обыкновенно.

— Все это вы видѣли въ мірѣ романовъ.

— Нѣтъ, въ томъ самомъ скучномъ и смѣшномъ мірѣ, гдѣ я осуждена вѣчно и такъ бесплодно спорить съ вами.

— Во всякомъ случаѣ, сумасбродное исключеніе не доказываетъ ничего. А мое мнѣніе вотъ: женскій нравъ — вѣтеръ; совершенно овладѣть вѣтромъ, согласенъ, не возможно; тѣмъ не менѣе должно стараться уловлять его въ паруса и направлять его порывы, которые такъ часто бываютъ гибельны....

— Мичманское понятіе о женскомъ сердцѣ! Скажите пожалуйста, у какой Терпсихоры учились вы психологіи? Однако, я покойна: знаю, вы любите Лавинію; эта любовь вамъ посвѣтитъ, не дастъ вамъ заблудиться въ темнотѣ парадоксовъ и феодальныхъ понятій, и, что всего успокоительнѣе, не допуститъ васъ уколоться о свѣтскія эпиграммы.

— Спасибо хоть за то, что не сомнѣваетесь въ искренности моей любви.

— Еще бы! Однако жъ не забывайте, что любовь къ дѣтямъ отнюдь не заслуга, а просто священнѣйшая изъ обязанностей. Значитъ, гордиться тутъ нечѣмъ.

— Я горжусь только моею дочерью.

— *Нашею* — хотѣли вы сказать, зашѣтила мать, съ легкой улыбкой.

— Согласитесь, что такую дочерью можно погордиться.

— Да; только надо всю эту гордость, всю эту любовь выразить лучше дѣлами, чѣмъ фразами.

— Чего ей недостаетъ? Молода, хороша, образована, богата. Природа выказала Лавиніи всю свою расточительность. Мы не отстаемъ отъ природы.

— Одного не понимаю: какъ это прелестное, улыбающееся существо становится у насъ вѣчно предметомъ такихъ скучныхъ споровъ.

— Мы не сходимся мнѣніями только въ отбѣнкахъ.

— Помилуйте! Тогда какъ я хочу выписать на дачу пятокъ образованныхъ людей, единственно для развлечения, или лучше, для постепеннаго упражненія вашей дочери въ образованной болтовнѣ; вы намѣреваетесь выписать цѣлую аллею жениховъ, и пустить Лавинію прогуливаться между ними! Да это сущая ловушка! Берегитесь! Самолюбіе — совѣтъ дерзкій и опасный...

Чтобъ не слышать всѣхъ мелочей этого спора почтенныхъ родителей Лавиніи, заглянемте въ садъ, отыщемте это прелестное яблочко раздора. Вотъ она, рѣзвушка, сбѣжала по бархатистому мху къ игривымъ струямъ ключа, сбросила кашмировый башмачекъ, и любитесь, какъ кристаллыя струи пробѣгаютъ по ея ножкѣ съ журчаньемъ и своими холодными поцѣлуями, заставляющими невольно смѣяться.

Но вотъ разговоръ на галереи вспыхнулъ съ новою силою.

— Я, можетъ-быть, слишкомъ люблю мою.... то есть, нашу Лавинію?

— Фапатизмъ, даже и въ родительской любви, никуда не годится.

— Мнѣ остается только передать вамъ мою долю родительской власти.

— И будто безусловно?

— Безусловно.

— И не будете противорѣчить?

— Постараюсь.

— Я спрашиваю у васъ: что, если бъ Лавинія пришла

теперь и объявила, что влюблена по-уши въ.... въ живописца... въ актера?... Если бъ просила вашего согласія... Что бы вы стали дѣлать, а?

— Что я сталъ бы дѣлать?

— Да!

— Разумѣется...

— Что, отказали бы?

— Отказалъ бы.

— Вы не любите своей дочери! произнесла торжественно маменька Лавинія, быстро поднявшись съ кресла, и глядя на своего мужа, съ надменно, однако жъ восхитительно, занутой назадъ головкой.

Это былъ семейный casus belli.

Произнеся свою страшную фразу, жена непоколебимо ожидала рѣшительныхъ наступательныхъ дѣйствій.

Непріятель, у котораго лицо внезапно побѣлѣло почти какъ жилеть, молчалъ.... какъ молчитъ природа передъ бурей. Измятый, истерзаный цвѣтокъ камелии, выпавшій изъ судорожно сжимавшейся руки мужа, обличалъ степень его негодованія.

Въ-самомъ-дѣлѣ, оскорбленіе было невыносимое.

Въ сердцѣ этого человѣка, въ этомъ темномъ омутѣ эгоизма, тщеславія и прочая, и прочая, хранилась одна капля любви,—и тѣмъ болѣе онъ дорожилъ ею,—любви къ дочери.

И эту-то святыню покушались ограбить!

Сцена становилась мрачною... Вдругъ на лѣстницѣ, подъ померанцевыми деревьями мелькнуло что-то бѣлое, гибкое, неуловимое...

Въ галерею впорхнула Лавинія, съ вѣнкомъ изъ маргаритокъ на головѣ, съ улыбкой на розовыхъ губкахъ, Лавинія, незнавшая куда ни цвѣтковъ безъ запаха, ни улыбокъ безъ радости.

Это была голубка мира.

Въ присутствіи этого улыбающагося существа, безобразіе гнѣва было слишкомъ очевидно.

При видѣ Лавиніи, въ самой овраченной душѣ — разсвѣтало.

Взоры нахмуренныхъ родителей соединились на миломъ,

некороткомъ лицѣ Лавиніи, потому они невольно взглянули другъ на друга и улыбнулись.

Это была улыбка примиренія.

— Ландыши ужъ разцвѣли, маман! беззаботно лепетала Лавинія.

— Поди, поцѣлуй папашу.

Прижимая дочь свою къ сердцу, отецъ былъ дотого разтроганъ, что измялъ весь свой жилетъ.

— Спой намъ что-нибудь, Лавинія, сказала маленька, синяя шелковый чохолъ съ арфы.

Молоденькая красавица охотно съела за арфу: блѣдно-розовые пальчики запорхали по золотымъ струнамъ, и звуки арфы, стройно сливающимся съ мелодическими звуками женскаго голоса, разнеслись по саду, и остановили у рѣшетки не одного прохожаго, пробудили всю поэзію не въ одномъ сердцѣ.

III.

Когда Лавинія исполнилось шестнадцать лѣтъ, — ея блѣдно-розовымъ, продолговатымъ, прозрачнымъ вальчикомъ пришлось выработывать кусокъ насущнаго хлѣба.

Шестнадцатый день своего рожденія бѣдняжка встрѣтила слезами. Этотъ быстрый переходъ отъ издѣлства къ нуждѣ, отъ улыбокъ къ горю, подъ нашей изживчивой луной, вещь очень обыкновенная.

Отецъ Лавиніи принадлежалъ къ категоріи людей, навѣстныхъ подъ названіемъ „тузовъ“ и которые обыкновенно выступаютъ на свѣтское поприще безъ затрудненій; въ пору „безумной“ молодости, на пошлыя наслажденія, на вздорное чванство, тратятъ въ семь разъ болѣе, чѣмъ сколько могли бы приобрѣсть; а въ пожилыхъ лѣтахъ, въ пору благородія, страдаютъ подагрой и вогнаннымъ внутри тисолавіемъ, и стараются не пренебрегать никакимъ средствомъ для поддержки разваливъ своего благосостоянія.

Такие люди вообще возбуждаютъ болѣе зависти, чѣмъ презрѣнія. Позолоченнымъ порокамъ, къ-сожалѣнію, оказывается какъ-то болѣе снисхожденія.

Отец Лавиніи, при одной наружной нравственной полировке, сорокъ лѣтъ слылъ человѣкомъ благонадежнымъ и благонамѣреннымъ. Первѣйшими его друзьями были рысаки и бульдоги. На прочихъ своихъ пріятелей онъ глядѣлъ со стороны необходимости ихъ при составленіи партіи виста или преферанса. Онъ слылъ за человѣка со вкусомъ, а извѣстно, это качество въ богачѣ самое рѣдкое и самое важное. Въ свѣтѣ отъ богача требуется единственная добродѣтель — умѣнье тратить деньги прилично. Это умѣнье освобождаетъ богача отъ всякихъ другихъ заслугъ. Только опытные глаза могли замѣтить, что онъ окружалъ себя произведеніями искусствъ. — единственно изъ желанія блеснуть, а вовсе не изъ потребности эстетически образованнаго ума. Даже рѣшался изрѣдка, въ свѣтломъ расположеніи души, на благодѣанія въ широкихъ размѣрахъ, разумѣется, при извѣстныхъ условіяхъ: напримѣръ, чтобъ „благотворительный поступокъ“ надѣлалъ приличнаго шума, и такъ далѣе.

Богатствомъ своимъ онъ дѣлился съ цѣлою ватагой либрейныхъ лѣнтяевъ, хотя заботился о нихъ несравненно меньше, чѣмъ о любой сворѣ гончихъ.

Я уже сказалъ, что существовало только одно прекрасное, безукоризненное чувство въ сердцѣ этого человѣка — любовь къ дочери, любовь къ Лавиніи.

Это была благоуханная роза посерединѣ колючихъ терній, — цитерна посерединѣ песковъ пустынныхъ, — дивный перлъ посерединѣ гадкихъ полиповъ.

Эта любовь способна была отрезвить голову отъ чаду тщеславнѣйшихъ мечтаній, осмыслить какой угодно поступокъ, придать разумность побужденіямъ. Вотъ чѣмъ объясняется тщательность, съ какою была воспитана Лавинія.

Впрочемъ, что касалось до развитія этой нѣжной души, то всѣ попеченія по этому предмету предоставлены были исключительно матери, которая много и не безъ толку путешествовала, — видѣла европейскій свѣтъ и усвоила понятіе о женщинѣ довольно современное, стараясь, по-возможности, съ похвальною настойчивостью о томъ, чтобъ въ прелестную головку дочери не проникнулъ ни одинъ изъ новѣйшихъ предрасудковъ.

Любовь къ дочери имѣла силу поддержать отца Лавини дѣть десять лишнихъ на поверхности житейской пучины. Но баластъ долговъ день-ото-дня становился грузѣе. А ни отъ одной изъ ложныхъ нуждъ, ни отъ одной изъ воображаемыхъ обязанностей, какія причиняютъ финансовую смерть богача, отказаться почиталось дѣломъ невозможнымъ.... Для многихъ сарказмъ страшнѣе раззоренія, ужаснѣе банкротства.

И такъ, нѣтъ ничего удивительнаго, если въ одно трагическое утро, Лавинія увидѣла своихъ дражайшихъ родителей бѣдными, какъ голландская бумага, и потомъ, изъ своей уютной, благоуханной комнатки, въ замочную скважину могла наблюдать, какъ домъ ихъ наполнился чужими людьми, которые расхаживали безъ церемоніи по великолѣпнымъ поламъ, оттискивая влажные слѣды своихъ неуклюжихъ подошвъ на коврахъ и на паркеть, садились на бархатную мебель, чтобъ попробовать упругость пружинъ, постукивали по зеркальнымъ стекламъ, измѣряли картины складнымъ аршиномъ, принесеннымъ въ карманъ, восхищались художественно-отдѣланными серебряными сервизами — единственно въ-отношеніи ихъ вѣсу.

Лавини вся эта сцена казалась-бы несноснымъ сномъ; если бъ ея мохнатый Милордъ не встрѣчалъ неистовымъ ласкѣмъ cadaго изъ незнакомыхъ пришельцевъ, и тѣхъ, которые смѣренно снимали свой клеенчатый картузь, или порывѣвшую шляпу, и крестились, обращая взоры въ правый уголъ, и другихъ, которые говорили и глядѣли бойко, вовсе не снимая своей треугольной шляпы.

Когда же эти шумныя, но холодныя сцены повторились и завтра и послѣ-завтра, — Лавинія убѣдилась, что это не сонъ, а печальная, стѣсняющая сердце дѣйствительность, что напротивъ, все улыбающееся прошедшее было лучезарный сонъ.... больше ничего!

Сидя у себя въ комнатѣ, Лавинія осуждена была видѣть всеневное разложеніе пышнаго дома, гдѣ она провела столько свѣтлыхъ дней; при выходѣ на улицу, ей было какъ-то неловко, даже стыдно. За зеркальными стеклами знакомыхъ оконъ, она уже не видѣла ни тропическихъ растений, ни

шелковыхъ занавѣсь. На дверяхъ главнаго подъѣзда прибита была бумага, останавливавшая каждого грамотнаго прохожаго. Съ стѣсненнымъ сердцемъ Лавинія прочла: „Сей домъ продается“.

Наковецъ, исподволь, начали разорять и благоуханное гнѣздышко Лавиніи. Въ одно ясное утро, исчезла мебель, обитая гранатовымъ бархатомъ; вечеромъ карселевскія лампы замигались плохими стеариновыми свѣчами.

Лавинія глядѣла на эти житейскія метаморфозы довольно спокойно.

Когда злодѣи пришли и наложили руки на ея любимый эраровскій рояль, сердце дѣвушки забилось тревожно, точно при внезапномъ разставаньи съ старымъ добрымъ другомъ. Съ каждымъ цвѣткомъ, выносились изъ комнаты, Лавиніи казалось, что уносятъ частицу ея собственнаго сердца.

Когда же безжалостная рука внесла разореніе на полки маленькой, но отборной библіотека Лавиніи, когда Шекспиръ, Байронъ, Тассъ, Шиллеръ, Пушкинъ и вся семья гениальныхъ друзей, съ которыми проведено столько незабвенныхъ часовъ, были потревожены, хладнокровіе дѣвушки поколебалось. Когда пришлось съ ними разстаться... Лавинія зарыдала. Бѣдняжка не подозрѣвала, что беспощадная судьба готовитъ ей новыя, важнѣйшія утраты.

Разъ какъ-то случилось, что Лавинія проснулась веселая по-прежнему, — всю ночь ей грезилось, что она прогуливается по аллеямъ, увѣшаннымъ виноградными фестонами; что она въ Италіи, вмѣстѣ съ родителями, которые по-прежнему улыбаются...

И тутъ-то ключница сообщила ей по секрету, что папаша уѣхалъ... уѣхалъ далеко, можетъ-статься навсегда...

— И не простился со мной... экой папаша!

Лавинія поплакала одна, потомъ плакала вмѣстѣ съ матерью, но недолго...

Въ пышномъ, но обобранномъ домѣ новыя хлопоты. Всѣ шьютъ себѣ обновки... чернаго цвѣту. Только для мамочки Лавиніи заказана обнова малиноваго бархату съ золотомъ...

Лавинія осталась сиротою.

— Я сирота.... сирота!! твердила шепотомъ Лавинія, — и изъ глазъ ея, обращаемихъ къ небу, струились слезы.

У Лавиніи отняли все.... Только, что не отрѣзали роскошной косы, не унесли хорошеенькой ножки. У нея взяли даже любимаго пуделя, продали и увели на веревкѣ, какъ жадобно ни вылъ онъ, оглядываясь на свою прелестную и кроткую поведительницу....

Но Милордъ, какъ пудель подававшій большія надежды, на этотъ разъ попытался доказать, что онъ существо сколько-нибудь смышленное, а отнюдь не вещь, которою можно торговать безнаказанно, — ловко обманулъ бдительность покупателей и прибѣжалъ къ ногамъ своей молоденькой госпожи, съ твердою рѣшимостью стоять за нее до послѣдней капли крови.... до послѣдняго клочка шерсти.

IV.

На западной оконечности нашего величественнаго Петербурга, между моремъ и кладбищемъ, въ нѣсколькихъ дюймахъ надъ уровнемъ финскихъ водъ, лежитъ селеніе. Оно похоже на предгѣстіе, но отнюдь не на столичное, или на какой-нибудь небогатый заштатный городишко. Любящему блескъ Петербургу нужна эта скучная слободка развѣ только для того, чтобъ удалая туда частицу своей нищеты и неблагообразія.... Большому барину нельзя обойтись безъ garde-meuble, и вотъ у Петербурга есть галерное селеніе, складочное мѣсто пришедшихъ въ ветхость бѣдняковъ, попортившихся, или, случается, даже немного подержанныхъ невѣсть, — почтенныхъ семьяниновъ, пользующихся сотнею четвертаковъ ежегоднаго дохода (his-torique) и, наконецъ, счастливыхъ, возбуждающихъ зависть вдовъ, владѣтельница покосившейся на бокъ трехъ-комнатной лачужки, которую можно и хозяйкѣ занимать, и въ наемъ отдавать.

Дни этого печальнаго селенія уже изочтены; на каждомъ изъ этихъ бурьхъ, пошатнувшихся, выпучившихся домишекъ, цифрами изображенъ зловѣщій годъ будущей, болѣе или менѣе близкой ихъ кончины, точно какъ въ больницѣ неизлѣчныхъ, на лбу страдальцевъ замѣтны признаки близкаго

разрушенія... Нѣкоторые, однако жъ, изъ этихъ домиковъ бодро пережили срокъ предназначенной имъ кончины. Ровной годъ, изображенный на ихъ незатѣйливыхъ фасадахъ, канулъ въ вѣчность, а они стоятъ-себѣ, наперекоръ предсказаніямъ городского архитектора. Да, волю, и все-ли предсказанія врачей на-счетъ смерти исправно сбываются?....

Но не такова была участь, назначавшаяся этому примѣрскому предмѣстію столицы. О томъ достаточно свидѣтельствуесть портъ или гавань, ея старыя каменные стѣны съ глядящими на море пушками, и вообще весь симметрическій планъ улицъ, пересѣкающихся непремѣнно подъ прямымъ угломъ, планъ, обличающій волю одного, а не своенравныя фантазіи многихъ....

Кто же подточилъ блестящую будущность, готовившуюся этому предмѣстію? Вода!

Въ эту-то глухую слободу, такъ часто издѣвающаяся судьба забросила Лавинію, изнывать въ слезахъ и одиночествѣ. Здѣсь, въ одномъ изъ этихъ домиковъ, выросших безъ вѣдома архитектора, на улицѣ отшельнически-безжолвной, суждено Лавиніи, этому едва развившемуся цвѣтку, забывать благоуханную атмосферу пышнаго жилища и шумъ, блескъ и пылъ моднаго проспекта.

Впрочемъ, надо быть справедливымъ и сказать „сжаленная“ судьба, потому что восхитительная сиротка была передана умирающею матерью на руки бабушки, которая, можетъ-быть, не къ каждому свѣтлому празнику могла дарить внучку ситцевымъ платьемъ, но за-то всегда и во всякомъ случаѣ готова была отдать ей душу.

— Сегодня и птички, бѣдныя, сыты будутъ, говорила самой себѣ сѣдая старушка, отворяя окно и высыпая горсточку кухонныхъ крошекъ на молчаливую улицу, покрытую неподобнѣйшей травой и множествомъ мелкихъ щенковъ, оставшихся тутъ отъ послѣдней починки мостковъ, произведенной, лѣтъ семь тому, какимъ-то разточительнымъ обывателемъ.

Бабушка Лавиніи была бѣдна, или, вѣрнѣе, доведена до самой прозаической степени нищеты, однако не забывала дѣлиться.... хотя бы крохами; дѣлиться.... хотя бы съ птичками.

Старушка принадлежала къ существамъ, у которыхъ сердце развито на счетъ головы, или, выражусь нѣжнѣе, учтивѣе,—которыя мыслятъ, какъ древніе Греки, сердцемъ. Мужчины этой породы, можно сказать съ достовѣрностью, перевелись почти повсемѣстно, какъ мамонты. Нашъ вѣкъ отпускаетъ бороду и умъ, и не иначе, какъ сардонически отзывается о возвышенныхъ сердечныхъ инстинктахъ.

Но теплота женскаго сердца... вамъ не охладитъ ея и ультра-ледяными вашими теоріями.

Вотъ почему мы встрѣчаемъ такъ много женщинъ, которыя всю свою жизнь и по воспитанію и по состоянію, были совершенно чужды умственныхъ наслажденій, и все-таки выловили въ мутной безднѣ жизни столько жемчужинъ радости, что неохотно готовятся разстаться съ жизнью.

Бабушка Лавиніи, давнопрошедшею юностью своею, принадлежала къ той золотой эпохѣ, когда курсъ женскаго образованія ограничивался вязаніемъ чулка, вареніемъ брусники и основательнымъ изученіемъ вальса.

Эта женщина, всегда руководимая своимъ добрымъ, безукоризненно чистымъ сердцемъ, съ годами только болѣе и болѣе убѣждалась, что и одного порядочнаго сердца достаточно на то, чтобъ съ честію добраться до могилы.

Она дожила до осьмага десятка, и можетъ-статься всееще не подозрѣвала, что говорить прозою.

Что касается до ея эрудиціи, то филологическія свѣдѣнія старушки простирались до умѣнья разбирать гуттенберговы гіероглифы, впрочемъ, если они были достаточно крупны, и изображать свои мысли преимущественно мѣломъ, придерживаясь болѣе или менѣе общепринятой какографіи. Грамматика, какъ мороженое, почитается у насъ доселѣ предметомъ роскоши, даже и въ ученomъ сословіи. Значить, отнюдь не подлежитъ удивленію привычка доброй бабушки называть всѣ книги грамматиками. Ариметикѣ она также не училась, и однажды никогда и никого не общитывала ни въ гостиномъ дворѣ ни за преферансомъ. Физико-математическія познанія ея ограничивались отчетливыми наблюденіями надъ состояніемъ температуры, съ помощью Реомюрова инструмента, при чемъ метода Фаренгейта, вообще не пользующааяся у насъ попу-

лярностью, была пренебрежена. За-то, по этой отрасли, старушка имѣла множество мелкихъ, но драгоценныхъ свѣдѣній, какъ напримѣръ, что молоко киснетъ отъ грома, что моль заводится отъ пыли и прочее и прочее.

Къ исторіи, къ географіи она не оказывала слишкомъ явной склонности; но въ демонологіи старушка имѣла познанія блистательныя, ужасающія; не говорю уже объ отрывочныхъ свѣдѣніяхъ въ астрологіи, хиромантіи, гидромантіи и метопоскопіи.

Вся эта мудрость ни-мало не мѣшала старушкѣ-бабушкѣ, быть добрѣйшимъ и благороднѣйшимъ существомъ. Для тѣхъ кто привыкъ судить о человѣкѣ по табели о рангахъ, прибавлю, что въ старушкиномъ комодѣ хранился пожелтѣвшій пергаментъ съ печатью изъ краснаго воску, свидетельствовавшій, что старушка имѣетъ неоспоримое право величать себя титулярною совѣтницею и кавалершею. Это же подтверждалось и пенсіей, которою она пользовалась по смерть, въ качествѣ вдовы. Однакожъ всѣ доходы ея, съ пенсіей включительно, не превышали суммы въ семьдесятъ пять серебряныхъ рублей. Надо было пропастъ геройства и труда на то, чтобъ каждый день жизни брать приступомъ.

Лучшую часть своей жизни бабушка Лавиніи прожила въ ту эпоху, когда разочарованіе еще не было придумано. Это обстоятельство, вѣроятно, не мало пособляло старушкѣ съ немомѣрною бодростью, безъ гарольдовскихъ проклятій, безъ гамлетовскихъ сарказмовъ, выносить непріязненные дѣйствія темнаго призрака, называемаго судьбой.

Что я говорю о проклятіяхъ! Старушка умѣла и изъ этой скудной жизни извлекать каплю радости, и радость эта была ей драгоценна, какъ для химика капля воды, добытая изъ газозъ, въ лабораторіи, по-мимо природы.

Вожделенная минута наставала, когда старушка, снеся отъ взморья за Аничковъ мостъ узелокъ своей швейной работки, круглымъ счетомъ рубликовъ на пять, возвращалась домой съ лицомъ разгорѣвшимся, вспотѣвшимъ до-крайности, но тѣмъ не менѣе торжествующимъ, и съ таинственной улыбкой прягала въ свой комодъ или канчатную салфетку или батисто-

ый платочекъ, не для чего другаго, какъ для постепеннаго сооруженія приданаго любимой внучкѣ.

— Времячко-то еще не ушло, говорила она своей работницѣ Авдотьи, у которой начинала уже просѣдать борода, въ ожиданіи замужества: — однако все оно лучше; пусть конится по-немножку.... не все же вдругъ!

— Вѣстимо, сударыня: отвѣчала обыкновенно Авдотья, сентиментально прикрывая свою бороду пестрядиннымъ передникомъ. Вотъ и мой-то сундучекъ несовсѣмъ-то еще полонъ.

И пятидесяти-пяти-лѣтняя невѣста, — она же и дѣвица, — въ сотый разъ пыталась сдѣлать подробный инвентарій своему богатству, распространяясь особенно, и совершенно съ іезуитскою тонкостью, о статьяхъ, которыя, Богъ знаетъ по какому непреложному уставу, обязанъ поставлять православный женихъ.

Старушка выслушивала всѣ эти реестры съ образцовой снисходительностью; при всемъ томъ тревожно оглядывалась — не было ли тутъ близко Лавиніи.

Любовь бабушки простиралась до какого-то трепетнаго обожанія. Начиненная предрасудками, она, по какому-то счастливому инстинкту, остерегалась помрачить молоденькую головку обветшалыми или неясными понятіями. Она заботилась, чтобъ и румянецъ не блекнулъ, и воображеніе не тускнѣло. Она берегла Лавинію, какъ рѣдкаго мотылька, у котораго, при малѣйшемъ неосторожномъ прикосновеніи, исчезаютъ съ крыльшекъ радужныя краски.

День-ото-дня солнце сіяло ярче и теплѣе. Борю съ морозами пришлось подавать въ отставку. Суровая старуха зима еще разъ оттѣснена животворными лучами къ полюсу.

Пришла новая весна. Она заглянула и въ пустынную улицу галернаго селенія, въ улицу, къ которой я не равнодушенъ съ-тѣхъ-поръ какъ тамъ поселилось милое, хотя и очень, очень меланхолическое существо.

Весна принесла всю роскошь, какая доступна бѣдному домику, гдѣ горевала Лавинія.

Черная плесень на оконницахъ, до-сихъ-поръ почти незамѣтная, оказалась самымъ свѣжимъ зеленымъ мохомъ; изъ

подъ половицъ вѣяло прохладой; золотистая моль весело выпорхала изъ отверстій, искусно проточенныхъ въ полинявшемъ бараканѣ.

Солнышко по утрамъ удостоивало своимъ взглядомъ эти желкія оконныя стекла, принявшія отъ времени какой-то призматической оттѣнокъ. Солнышку тутъ была небольшая работа: пригрѣть тощую вѣтку плюща, да вывести на свѣтъ два три стебелька отъ апельсиннаго зернышка, посаженнаго въ землю вѣроятно на память о послѣднемъ, бывшемъ въ дождь, золотомъ плодѣ съ далекихъ береговъ Мессины.

Грустно встрѣчала эту весну Лавинія. Она все-еще была молода и прелестна; богатство души ея неразтрачено; но вѣра въ жизнь тускнѣла и тускнѣла.

Душа моя иррачна! говорилъ пѣвецъ: дайте мнѣ арфу, я облегчу свою душу звуками.

Гдѣ же арфа Лавиніи? Увы! продана за безцѣнокъ и поκειται въ лавкѣ старой мебели, посреди безобразныхъ затѣй прошлаго вѣка, посреди разнаго запыленного великолѣпнаго хламу.

Металлическія струны, по которымъ порхали прелестныя пальцы, ржавѣютъ и лопаются, одна за другою, съ болѣзненнымъ стenanіемъ. Но мелодическій голосъ остался утѣшеніемъ Лавиніи.

Когда становилось ей слишкомъ грустно, она могла пѣть.

Опершись щечкой на блѣдную руку, она сидѣла подѣ окошко, печальная какъ Гретхенъ, и пѣла.

Окна сосѣдей растворялись осторожно, съ явнымъ опасеніемъ, чтобъ не спугнуть пѣвчую птичку, которая была въ этой сторонкѣ такою рѣдкостію.

Не знаю, гдѣ, должно-быть въ тетрадкѣ у какой-нибудь своей поэтической подруги, Лавинія нашла эту мелодію.

Міръ такъ прекрасенъ: весна улыбулась!
Небо глядится въ прозрачномъ прудѣ;
Перышко пташки въ-ночи развернулось,
Съ пѣсней любви, въ шелковистомъ гвѣздѣ.

Перлами утра усыпана нива;
Молодѣ, какъ радости, зеленый листокъ;

Все такъ свѣжо, лучезарно, игриво,
Бабочка — точно летучій цѣтокъ.

Роши такъ полны мелодій, прохлады;
Время настало любить и цѣсти;
Всѣмъ благовоинному празднику рады....
Мнѣ же — хотѣлось бы въ землю сойти....

Съ тепломъ любимымъ хоть тамъ породниться..
Призракъ желанный! во тѣхъ вечерахъ,
Часто зовешь ты меня помолиться,
Къ камню, гдѣ столько поблекшихъ вѣнковъ...

V.

Между-тѣмъ какъ восточные, южные и юго-восточные обитатели Петербурга преспокойно играли въ карты, и на минуту могли забыть о погодѣ, о которой суждено имъ толковать цѣлый годъ; западные жители столицы, поморяне, наслаждались всѣми поэтическими и прозаическими ужасами морской бури на сушѣ. Ноябрьская погода страдала энцефалией. Припадки вѣтру съ утра приняли такую злокачественность, что не только обличили всѣ ускользавшія отъ наблюденія хозьяевъ скважины въ деревянныхъ строеніяхъ, но еще пытались насильственнымъ образомъ втиснуть въ ложе Невы соединенныя воды Финскаго и Ботническаго заливовъ.

Ноябрьская ночь налегла на городъ гораздо прежде, чѣмъ „порядочные“ люди съѣли за обѣдъ.

Обѣдала ли Галерная гавань въ этотъ день, не могу сказать достоверно; знаю только, что она изъ всей этой долгой ночи не могла выбрать ни минуты для сна. Не до сна было. Море собиралось дать гаванскимъ жителямъ некоторое понятіе о венеціанскихъ улицахъ-каналахъ, гдѣ вода съ успѣхомъ замѣняетъ мостовую. Бѣднѣйшія лачужки по этому случаю иллюминировались огоньками; наличное имущество, домашняя рухлядь, все было увязано въ узлы: всѣ собирались эмигрировать на чердаки.

Бѣдная Лавинія! Если бъ она способна была кому-нибудь завидовать, въ настоящую минуту она позавидовала бы сосѣду, у котораго уровень половъ былъ нѣсколькими дюй-

нами по-выше. Увы! бабушкинъ выпучившійся, поморобившійся полъ не скрывалъ своего близкаго знакомства съ волнами морскими.

Дрожащій полусвѣтъ нагорѣвшей свѣчки затеплилъ крупную слезу на глазахъ тяжело-задумавшейся дѣвушки. Она отвернулась и молча, долго глядѣла въ окно, за которымъ чернѣла холодная, безпощадная ночь.

Бѣдняжка то-и-дѣло вздрагивала: кто-то безпрестанно постукивалъ въ окончину....

Но это былъ тотъ же самый вѣтеръ, который завывалъ и стоналъ въ печной трубѣ на-манеръ умирающихъ, и къ шуткамъ котораго Лавинія не успѣла покуда привыкнуть. Колебаніе пламени на оплывшемъ сальномъ огаркѣ, обличало необыкновенное движеніе въ комнатномъ воздухѣ. Бѣлая изразцовая печь стояла въ углу холодная, какъ надгробный памятникъ.

Руки Лавинія уже не одной красотою, а и холодною, могли поспорить съ мраморными руками любой Венеры. Озябшую ножку Лавинія прятала въ шелковистую, курчавую шубу своего пуделя, дремавшего, растянувшись на подобіе барсовой шкуры.

Воспитанный въ правилахъ барской роскоши, Милордъ, изъ любви къ злополучной госпожѣ, скоро свыкся съ новымъ своимъ положеніемъ. Однакожъ въ этотъ сыро-холодный вечеръ, Милорду все грезилось, что лежитъ онъ на голомъ досчатомъ полу, прохлаждаемый дыханіемъ несчетныхъ щелей: онъ ворчалъ и огрызался во-снѣ, и безпрестанно пробуждаясь, неприязненно озирался кругомъ, но едва замѣчалъ въ окрестностяхъ своего носу слишкомъ знакомое ситцевое платье и эту вѣчно смѣющуюся ножку, то совершенно успокоивался.

Никогда еще Лавинія не знала такой долгой, безутѣшной, могильно-холодной ночи. Бабушка простудилась, захворала не на шутку, и уже съ недѣлю времени не вставала съ постели. Къ-несчастію, послѣднія свои работы, сготовленныя при усердномъ содѣйствіи внучки, старушка не успѣла сбыть съ рукъ — и въ финансахъ ея оказалось гибельное разстройство. Счетъ мелочнаго лавочника, изображенный шломя

на стѣнкѣ за дверью, представлялъ ужасающіе итоги, далеко превышавшіе цѣнность зеленой ассигнаціи.

Температура въ комнатѣ у больной напоминала больше кладовую, чѣмъ госпиталь. Въ богатырской лежанкѣ сохранился еще съ минувшаго лѣта запасецъ картофелю.

Къ довершенію горя, Авдотья, управлявшая кухней съ притраннымъ безкорыстіемъ, и владѣвшая ухватомъ и уполовникомъ, съ рѣдкою энергіей и чистоплотностью, какъ нагрѣхъ, поутру ушла за паспортомъ въ ближнюю деревню, верстъ за семьдесятъ, откуда ей все хотѣли выслать этотъ невзбѣжный атрибутъ всякаго столичнаго жителя, но что-то тамъ позамѣшались.

Лавинія цѣлый день провела на-единѣ съ больною бабушкою, ухаживая за нею, исполняя всѣ копеечныя прихоти, и перебирая со слезами рецепты, которые послать въ аптеку— не было никакого законнаго средства.

Когда же стемнѣло, и больная немного заснула, миниатюрный гаванскій домикъ показался Лавиніи неисходной пустыней. Бѣдняжка то-и-дѣло, притая дыханіе, прислушивалась къ разнообразнымъ голосамъ ночи — и къ трудному дыханію бабушки, лежавшей въ сосѣдней горницѣ, гдѣ на столѣ горѣла лампада; и къ унылому визжанію ржавой петли сорвавшагося съ привязи ставня, и къ частой дроби дождя, барабанившаго по окнамъ, и къ бушеванью вѣтра, который гудѣнье дальнихъ часовъ доносилъ до слуха Лавиніи какимъ-то зловѣщимъ завываньемъ.

А улыбающіяся картины прошедшаго, какъ на зло, плодятся въ ея воображеніи; свѣтлыя видѣнія минувшихъ золотыхъ дней, казалось, издѣвались надъ бѣдняжкой.

Было около полуночи, когда съдой пушкарь, на брустверѣ галернаго порта, ожидавшій выступленія непріятеля на берегъ, приложилъ зажженный фитиль къ старой чугунной пушкѣ.

Выстрѣлъ сверкнулъ и гранулъ, официально возвѣщая близкую опасность.

Пробужденная бабушка застонала. Лавинія кинулась къ больной.

— Охъ, Господи!... Поясница-то моя совсѣмъ отказывается, лепетала больная отрывисто.

Лавинія съ трудомъ могла взять ее за руку, налитую какъ-будто свинцомъ.

— Внучка... а внучка!

— Я тутъ, бабушка.

— Гдѣ-жъ ты? Погляди-ко, моя голубушка, никакъ это и грохнулась на полъ... все больнехонько....

— Это изъ пулики выпалили, бабушка.

— Ничего, моя маточка, видно солдатики учатся.

— Нѣтъ, бабушка, вода прибываетъ.

— Вода! громко прошептала больная, приподнявъ голову съ паническимъ ужасомъ.

Это, до пошлости обыкновенное, слово производило на старушку дѣйствіе потрясающее, магическое, сходное, съ дѣйствіемъ гальванической батареи на трупъ.... Лавинія тутъ только припомнила, что седьмое ноября 1824 года страшными буквами было записано въ памяти старушки; что въ этотъ день, въ этомъ самомъ домикъ, ея семилѣтняя дочка, съ самоотверженіемъ отправившаяся спасать насѣдку, забытую съ цѣлой семьей цыплятъ, за рѣшеткой, погибла въ волнахъ морскихъ, посерединѣ кухни.

Но для больной уже начинала исчезать граница между дѣйствительностью и грезою.

— Вода! вторично пролепетала больная посягавшими губами, на которыхъ мелькнулъ призракъ улыбки. — Вода! пусть ее! Намъ-то что? Вѣдь мы на Пескахъ....

Этотъ утѣшительный бредъ очевидно проистекалъ изъ постоянныхъ, многолѣтнихъ мечтаній старушки о переселеніи на богоспасаемые Пески... но, извѣстно, блистательнѣйшіе воздушные замки строятся несравненно легче и скорѣе, чѣмъ самая ничтожная бревенчатая лачужка.

Между-тѣмъ Лавинія, въ невыразимомъ безпокойствѣ, прислонила лихорадочно горячій лобъ къ ледяному стеклу и глядѣла въ окошко. На темной улицѣ что-то шевелилось.... Наконецъ, свѣтъ уличнаго фонаря помогъ дѣвушкѣ разглядѣть черныя волны, бѣжавшія своевольно по всей улицѣ и молчаливо подкрадывавшіяся къ самымъ домамъ.

Лавинія ужаснулась, отскочила отъ окна и энергически заглушила крикъ, готовый вырваться изъ пересохшей ея гортани

Блаженствовали въ эту минуту тѣ счастливыя, у которыхъ домики, какъ длинноногіе журавли, стояли на самонныхъ сваяхъ.

Лучъ разсудка не замедлялъ снова проникнуть массу помутвившихся мыслей Лавиніи, и освѣтилъ всѣ подробности ея горькаго положенія.

Прежде всего, надо было позаботиться о спасеніи больной. Конечно, перевезеніе египетскаго сфинкса на невоинный берегъ представляло несравненно менѣе трудностей, чѣмъ простое перемѣщеніе бабушки на чердакъ или даже только на лежанку.

Мало свѣдущая въ гидродинамикѣ, и вовсе забывъ о разрушительномъ дѣйствіи воды на кирпичъ и глину, бѣдняжка Лавинія чуть-было не рѣшила въ пользу лежанки.

По счастью, это нѣжное существо, со страху или изъ любви, сознавало въ своихъ мышцахъ силу львиную, необычайную. Всего труднѣе казался Лавиніи первый приступъ къ страдалицѣ, находившейся въ состояніи между сномъ и бодрствованьемъ.

Соображая это обстоятельство, молоденькая фея торопливо вязала въ узлы домашнюю рухлядь и, подставляя стулъ, вѣшала всѣ узлы на гвозди, предусмотрительно вколотенные съ этою цѣлью, подъ самымъ потолкомъ.

Новый выстрѣлъ потрясъ до основанія деревянныя стѣны; съ потолка посыпалась штукатурка, въ трубѣ зашумѣли обломки кирпичей.

Надо было произвести рекогносцировку на чердакъ, въ темныхъ областяхъ мышинаго царства. Злополучная красавица и при этомъ случаѣ обличила не мало мужества, не забыла ни одѣяль, ни подушекъ, ни краюшки ржанаго хлѣба, ни кружки съ водою; и возвратилась изъ экспедиціи, покрытая честію и паутинами.

При всежъ томъ, съ слуховымъ окномъ бѣдняжка, какъ ни билась, не могла сладить: она не нашла ни ставня, ни доски, съ помощью которой можно было бы превратить чердачекъ въ жилые покои. Погашенная вѣтромъ свѣча вынудила Лавинію, по узкой лѣстницѣ, снабженной безчисленными занозами, ощупью спуститься обратно въ комнату. Здѣсь она

осторожно, безъ шуму, подкатила къ бабушкиной кровати старое кресло, обитое черной кожей, и приступила къ окончательной капитальной операціи.

— Бабушка! прошептала Лавинія.

Молчаніе.

— Бабушка, бабушка! повторила внучка, наклонясь къ лицу больной и придерживая рукой свои локоны, пропитанные сыростью ночи.

Снова тишина, но тишина ужасающая, какая бываетъ передъ грозой.

Минуту спустя, подъ половицами послышалось глухое, злобѣщее журчаніе.

— А? что? прошептала больная, очнувшись отъ продолжительной ругады вѣтру.

— Душечка, бабушка, тутъ лежать тебѣ холодно: вотъ я посажу тебя въ кресло; окутаю....

— И, полно, голубка моя.... мнѣ тепло.... вишь какъ солнышко печеть....

Лавинію обдало дрожью.

— Что это ты рѣзвушка какая сегодня, право.... бормotala съ разстановками больная.

— Тутъ худо вамъ, бабушка.

Между-тѣмъ журчаніе подъ поломъ становилось все слышнѣе и слышнѣе.... Милордъ, съ неизвѣрнымъ безпокойствомъ обнюхивалъ каждую щель, какъ-будто чуя въ нихъ тайнаго врага.

— Куда жъ ты хочешь — въ полисадничекъ? Подитко, мои волькамеріи зазеленѣли, настурціи въ цвѣту....

Больная глубоко вздохнула и охнула. Внучка собрала всѣ свои резервныя силы — и немножко приподняла отяжелѣвшую голову бабушки, подложивъ еще двѣ подушки; потомъ обернула ей ноги: одну — лоскуткомъ ковра, другую — малиновой коцавейкой, обшитою фальшивымъ горностаемъ, и опустила ихъ на полъ по одиначкѣ.

Старушка, какъ-будто немножко опаматовавшаяся, не могла, однако и не противилась усиліямъ Лавиніи, дѣлавшей нѣсколько напрасныхъ попытокъ пересадить больную въ кресло. Изъ безсвязнаго ея говору о веснѣ, о зеленыхъ

лесточкахъ , можно было заключить , что больной грезится прервятная прогулка по саду.

Наконецъ , всѣ тяжелые бабушкины члены , пережѣщаемые съ кровати , можно сказать , по-штучно , были тщательно сложены въ кресло , и Лавинія , раскраснѣвшаяся , измученная , покатила бабушку , упираясь своей нѣжной , молодою грудью въ высокую спинку кресла . Успѣшное начало этой экспедиціи внушило дѣвушкѣ новую вѣру въ свои силы на новые подвиги . Триумфальное шествіе заключалось Милордомъ , которому поручено было нести въ зубахъ узелокъ съ сахаромъ и важными бумагами . Глухой , невольной вой вырывался изъ его горла , при каждомъ стонѣ больной , при каждомъ порывѣ вѣтру , отъ котораго дрожали и звенѣли оконныя стекла .

Поездъ благополучно остановился передъ узенькой лѣстницей , ведущей на чердакъ ; откуда вѣяло чистѣйшимъ морскимъ воздухомъ . Милордъ , посланный теперь передовымъ , не безъ нѣкоторой нерѣшимости прыгнулъ на трепетныя досочки ступенекъ . На четвертой ступени , стараніями Лавиніи , поставленъ былъ фонарь , не придававшій впрочемъ своимъ болѣзненнымъ свѣтомъ ничего утѣшительнаго этой печальной сценѣ .

Бабушка , утомленная трудностями путешествія , погрузилась—было въ дремоту . Потревожить ее — стоило слезъ бѣдной внучкѣ ; но опасность была слишкомъ близка , не допускала медленной внимательности .

— Птички—то... какъ распѣваютъ... бормотала старушка , какъ—будто сѣтуя на то , что плохо слышитъ , что голова ея черезчуръ тяжело окутана . Но Лавиніи , съ стѣсненнымъ , ноющимъ сердцемъ глядѣвшей на бабушку , послышался вовсе не голосъ птицъ , а шумъ фонтановъ... Она испугалась при мысли—ужъ не задремала ли сама : оглянулась... и не вѣрила глазамъ своимъ . Поблѣднѣвъ какъ ираморъ , Лавинія протирала свои заплаканныя глазки .

Десятки фонтанчиковъ , одинъ другаго красивѣе , бойко и рѣзво били изъ каждаго отверстія , какое только можно было найти въ половицахъ . Посреди комнаты магически учредилась почти такой же прекрасный водопадъ , какимъ гордится

народный садъ въ Вѣтъ.

Студенныя брызги, попавшія на лицо и на руки Лавиніи, свидѣтельствовали о своей несомнѣнной сущности. Она трепетала.

— Боже! пощади насъ!

Лавинія могла только произнести эти три слова, и то шепотомъ; голосъ у нея исчезъ, ноги подкашивались, но молоденькая страдалица все-таки не утратила присутствія духа до такой степени, чтобъ забыть плачевное положеніе бабушки.

Въ эту минуту Милордъ, исполнившій возложенное на него порученіе, возвращался назадъ, и завидя въ коннать игровыя водометы, залагалъ на невидальщину, какъ сущій че-вѣжда.

— Кто это собаку выпустилъ? Гоните прочь собаку.. Укусить!

— Будьте спокойны, бабушка, это моя. Цыцъ, Милордъ.

— А это кто такой, спросила старушка, ощущывая тремещущую руку Лавиніи.

— Это я, твоя внучка.

— Чего жъ ты такъ дрожишь, голубка моя?

— Немножко холодно, бабушка.

— То-то.

На полусапожки Лавиніи уже плещетъ вода. Бѣдняжка хочетъ кричать, призывать кого-нибудь на помощь, но ужасъ, это неодолимое чувство, сковалъ ей языкъ. Однако, понимая, что терять нельзя ни минуты, дѣвушка напрягла всѣ свои силы, можетъ-быть, утроенныя стражомъ, и атлетически приподняла бабушку на ноги. Это внезапное движеніе на минуту какъ-будто прояснило понятія больной.

— Что ты, въ умѣ ли ты? Куда это меня тащишь! Господи, твоя воля! До чего дожила.... На чердакъ уложить хотятъ, словно ветошь какую.... Не пойметъ старуха!.... Да поборйся ты Бога!

— Бабушка, ради всего для васъ святаго, соберите послѣднія силы....

Что ты, что ты? бормотала больная, дѣлая усилія высвободиться изъ энергическихъ объятій внучки.

Пролетѣла еще минута. Легкіе соломенные стулья начина-

ли покачиваться; скамеечка уже привольно плавала посреди горницы, какъ лебедь посреди пруда; нѣсколько сосновыхъ полѣньевъ также воспользовались новымъ путемъ сообщенія для того, чтобъ побывать въ комнатѣ и представиться Лавиніи.

А плачевная борьба съ больною, борьба раздиравшая сердце бѣдной дѣвушки, продолжалась.

— Пожаръ что-ли? спросила наконецъ по видимому образумившаяся старуха.

— Нѣтъ, голубушка бабушка...

— Да полно ли тебѣ обманывать старуху....

— Бабушка!... скорѣе!... вода!

— Вода!?

Физиологи вѣдаютъ, откуда взялась у больной сила; старуха геройски занесла свою пудовую ногу на ступеньку, потомъ на другую, такъ что Лавинія, отнюдь неожиданная подобной рѣшимости, не успѣла, да признаться, и не могла, представить твердой опоры этой тяжелой полуживой массѣ, которую называла бабушкой.

Достигнувъ третьей ступеньки, больная повалилась, какъ недрубленное у корня столѣтнее дерево.

Лавинія вскрикнула. Потомъ, увидѣвъ это блѣдное лицо, недвижные члены, — окаменѣла. Разумѣется, всѣ усилія слабой шестнадцатилѣтней дѣвушки, изнуренной служею и отчаяніемъ, оказались бесполезными, тамъ, гдѣ было бы работки и двумъ дюжымъ парнямъ.

Неистовый порывъ вѣтру распахнулъ окно. Таинственная лодка съ тусклымъ фонаремъ, скользившая въ эту минуту мимо дома по уличнымъ волнамъ, остановилась; свѣтъ фонаря исчезъ, и въ окно просунулся лохмотный овчинный рукавъ, изъ котораго торчала ручища, почернѣвшая какъ у антика, лежавшаго въ землѣ осемнадцать столѣтій.

— Помогите! помогите! кричала Лавинія въ отчаяніи.

Милордъ, въ два прыжка достигнувъ открытаго окна, и съ попомъ своихъ надежныхъ кыковъ, крѣпко повисъ на овчинномъ рукавѣ незнакомца.

VI.

Мы въ мастерской художника. Я попросилъ бы васъ присѣсть, но — сами видите — на одномъ изъ стульевъ стоять бюстъ Юпитера-Громовержца, на другомъ — колоссальная папка съ рисунками; вотъ этотъ стулъ занять ящикою съ красками и палитрами, а къ тому и не подступайтесь — это трехногій инвалидъ. Что же касается до дивана, — онъ, во всю длину его, занять самимъ хозяиномъ, который съ кистью въ рукѣ, принявъ это горизонтальное положеніе, чтобъ поближе всмотрѣться во всѣ подробности своей недоконченной картины.

Сюжетъ картины — „Сократъ, застающій Алкивіада посреди вакханокъ“.

Какъ художникъ въ высшей степени добросовѣстный, Флоренскій писалъ все, отъ главныхъ фигуръ до мелочныхъ деталей, съ натуры. Но гдѣ найти натуру для сценъ древнегреческой жизни?

Конечно, каждый виноградный листъ, каждая вѣтка плюща были скопированы съ природы; каждая складка афинской туники предварительно изучена на манкенѣ; лица вакханокъ были заимствованы у прелестнѣйшихъ изъ сосѣдокъ и полузнакомыхъ художнику женщинъ, разумѣется, съ придачею портретамъ строгаго овала античныхъ статуй и вакхическаго румянцу. Но какъ-скоро дѣло доходило до другихъ, болѣе тайныхъ формъ, художникъ напрасно искалъ вокругъ себя оригиналовъ. Всѣ эти роскошныя линіи женскаго торса, которыя афинская мода обнажала, или, по-крайней-мѣрѣ, граціозно обрисовывала волнующимися одеждами, всѣ эти линіи скрыты или искажены своенравной парижской модой. Французы до-сихъ-поръ пытаются поправлять природу, какъ они поправляли Шекспира.

Кисть нашего художника изобразила довольно энергически вакханку, выжимающую въ чашу сокъ изъ аштарныхъ и яхонтовыхъ гроздій, и дѣвушку, въ вѣнкѣ изъ розъ и алыхъ цвѣтковъ маку, играющую на лирѣ.

Но эта же кисть дрожала, — какъ, я думаю, никогда не дрожала кисть въ рукахъ у девятисто-девятнадцатилѣтняго Тиціа-

на,—когда нашему художнику пришлось писать первую вакханку оргии, красавицу, у которой Алкивиадъ украдкою развязалъ поясъ, отстегнулъ аграфы, и съ любовью юноши, быть-можетъ, отчасти съ восторгомъ художника, обнажалъ дивныя плечи и грудь, какія могли быть только у богинь Олимпа, да у аонинскихъ прелестницъ.

Прошу покорно писать румяныхъ, полныхъ страсти вакханокъ — съ нашихъ тощихъ натурщицъ, рѣшающихся на эти сеансы изъ куска хлѣба.

Лысинъ, для изображенія Сократовой головы, лысинъ самыхъ патріархальныхъ, лысинъ золотого вѣка, найдете здѣсь сколько угодно; но одну античнымъ образомъ изваянную пригодой грудь, грудь безукоризненную и вмѣстѣ съ тѣмъ побѣдившую свою стыдливость — едва ли не труднѣе найти у насъ, чѣмъ открыть на дневномъ небѣ звѣзду.

Не то въ Римѣ: тамъ натурщица, или „модель“, какъ называется этого класса женщина на берегахъ Тибра, понимаетъ не только финансовую, но и художественную сторону своего званія. Римская натурщица сознаетъ красоту своего тѣла эстетически, и бережетъ ее для одного только художника, или точнѣе — для глазъ художника. Съ истиннымъ геройствомъ она воздерживается отъ брачныхъ узъ, которыя такъ часто губельны для тальи; восторги ваятелей и живописцевъ всѣхъ націй она старается выносить также равнодушно и холодно, какъ мраморная статуя; луидорами, гинеями, полуимперіалами туристовъ не выманить римскую натурщицу на иное свиданіе, кромѣ академическаго. А въ случаѣ дерзкаго нападенія, она ни за что не допуститъ, какъ добродѣтельная Лукреція, до того, чтобъ пришлось заколоться, немножко поздно; нѣтъ, она совершенно во-время вынимаетъ изъ своей черной, лоснящейся косы колоссальную бронзовую булавку, которая съ честью исполнитъ роль стилета, для энергической защиты.

Если ужъ непремѣнно понадобится любить, она любитъ съ непомерною скупостью: выдаетъ поцѣлуи счетомъ, словно жемчужины; не допускаетъ слишкомъ жгучихъ ласкъ, которыя могутъ иссушить красавицу такъ же быстро, какъ хамсинъ иссушаетъ пальму; не даетъ черзчуръ восторженно

мять обольстительные контуры своихъ плечъ, дозволяя впрочемъ довольно снисходительно глазамъ наслаждаться этимъ золотисто-розовымъ колоритомъ, тайна котораго извѣстна только римскому солнцу; безсонныхъ ночей опасается пуще всякой язвы, и сохраняетъ свои прелести съ неизмѣрнымъ художественнымъ кокетствомъ.

Этотъ классъ эстетическихъ женщинъ существуетъ только въ Римѣ, гдѣ художнику раздолье во всѣхъ отношеніяхъ....

У насъ до-сихъ-поръ не водится и тѣни подобныхъ женщинъ.

Женщины, способныя сдѣлать винкельмановскую оцѣнку своей красоты, принадлежать у насъ къ тому кругу, который называется образованнымъ, гдѣ балы предпочитаются искусству, гдѣ красота тщательно сберегается, даже и поблекшая, — для завидныхъ жениховъ или для блестящихъ обожателей, но отнюдь не для художниковъ.

Римская графиня Боргезе, рѣшившаяся, изъ любви къ искусству, принять на себя обязанность натурщицы передъ вдохновеннымъ Кановой, до-сихъ-поръ не нашла ни одной подражательницы.

И то сказать, у насъ не было еще и Кановы.

Молодой Флоренскій былъ въ отчаяніи.... не оттого, что мы не имѣемъ Кановы, а оттого, что невская почва не производитъ мало-мальски сносныхъ натурщицъ. Всѣ тѣ, которыхъ приводили въ его мастерскую, были сухопары, какъ шаманскіе идолы, или чудовищны, какъ индійскія божества.

Добросовѣстный художникъ, недовольный изображеніемъ Алквивіадовой красавицы, съ примѣрнымъ безпристрастіемъ, поднялъ руку на свое созданіе, и стеръ неудовлетворительную фигуру съ полотна, подъ вліяніемъ унынія, красивѣйшимъ изъ своихъ фуляровъ.

Въ эту минуту кто-то скромно стукнулъ въ незамкнутую дверь мастерской, какъ человѣкъ, привыкшій уважать чужія тайны.

На приглашеніе взойти, — въ узко-отворенную дверь проскользнула почтительно наклонившаяся фигура, съ бородой тщательно выбритою съ недѣлю назадъ, и въ пальто, которое было неувлимаго цвѣту поблекшихъ листьевъ.

Невидимая сила удерживала этого человека у дверного створа, как будто атмосфера остальной части комнаты наводнена была убийственными газами.

Однако жъ художникъ былъ радъ гостю, какъ лучшему другу, возвратившемуся сейчасъ изъ Мономотапы.

— Все ли въ добромъ здоровьи, ваше сс—тво?

— Что скажешь? спросилъ художникъ, съ лучезарной улыбкой. Обрадуй!

— Нашелъ, ваше сс—тво, какъ изволили заказывать.

— Будто?!

— Да какую чудовую!

— О?!

— Дѣвочка лхая; жаль только вотъ, что перааумная. Да и упряма, ну ее!

— Гдѣ жъ она, съ тобой? проговорилъ нетерпѣливо живописецъ, шагнувъ къ дверямъ.

— Никакъ нѣтъ—съ.

Опытный поставщикъ натурщицъ намѣревался предварительно заинтересовать пылкаго живописца до той степени, съ которой получаютъ порядочные задатки.

— Всемъ хороша будетъ; молоденькая; останетесь довольны. Блѣдновата маленько; ну, да постыдить крошечку, такъ заальетъ словно маковъ цвѣтъ. Всемъ хороша будетъ. Развѣ вотъ ножѣнками не ужогу: такія мелкія — посмотрѣть не на что: оба—то слѣдка вотъ на ладони рядышкомъ уставятся.

Флоренскій слушалъ, съ видомъ соловья, котораго хотять накормить баснями.

— Значить, она очень молода, значить, формы еще не развиты, повторялъ художникъ почти съ уныніемъ, когда поставщикъ натурщицъ слишкомъ распространился о тонинѣ рукъ, объ излишней худощавости талии.

Поставщикъ струсился, и не давая живописцу выговорить роковое „негодится“, поторопился заглазить свою опрометчивость.

— Не такъ, чтобъ ужъ не—въ—мѣру молода; вѣдь бѣлоручка! А тамъ кто ихъ разберетъ? Хитрать. Иной будетъ подь—со—рокъ, а и не замѣтно: по зубамъ не распознаешь. А ужъ

объ худощавости и о прочемъ не извольте сумлеваться: затянута больно, такъ вотъ вамъ и тонка. Чего другаго, а корсетовъ, видно, осталось довольно.

— А дорогá?

— Дорогонька.

— А какъ?

— Ужь тамъ *опосля*... не обидите.

— Ты, пожалуй, заломишь...

— Какъ можно!

— Эхъ, Римъ! То-ли дѣло въ Римѣ! Пол-скуды — модель на славу! А скуда — такъ богиня, просто богиня.

— Извѣстное дѣло: славны бубны за горами-сь!

— Мать за руку приведетъ свою дочку и поставитъ передъ художникомъ, мужъ самъ провожаетъ жену въ студию... Вотъ какъ понимаютъ искусство!

— У насъ, сами извольте знать, это дѣло непривычное-сь.

— Такъ до завтра?

— Если милость ваша будетъ...

Конецъ этой фразы исчезалъ въ непонятномъ боржотаньи, которое однако жъ не было принято художникомъ за тарабарскій языкъ.

Флоренскій охотно подошелъ къ шифоньеркѣ преклонныхъ лѣтъ, выдвинулъ одинъ изъ ящичковъ, погреблъ серебряными рублями, храпившимися въ-разсыпную между бѣльемъ и книгами, потомъ сунулъ въ руку своего гостя что-то радующее.

— Жду завтра утромъ! прибавилъ живописецъ, озаряя свое полотно взоромъ надежды.

— Счастливо оставаться!

В. ЯКОВЛЕВЪ.

=

А ВЪДЬ ЖАЛЬ ЕЕ!....

=

БЫЛЬ, КОТОРАЯ МОЖЕТЪ ПОВТОРИТЬСЯ.

=

•Addio mia vita,
•Addio mia perduta speranza!....»

TASSO.

=

I.

Въ гостиницѣ одного изъ великолѣпнѣйшихъ домовъ П., женщина лѣтъ двадцати-осьми, полулежала на роскошномъ пате, скрестивъ руки и опустивъ голову. Лице ея было бы прекрасно, если бы на немъ разлитъ былъ цвѣтъ здоровья и играла улыбка; но, какъ у всѣхъ тѣхъ, у кого есть душевныя скорби,—оно подурнѣло отъ слезъ. На лбу у ней не было замѣтно величественной блѣдности, этой поэтической діадемы, которою печаль украшаетъ иногда своихъ избранныхъ: ея блѣдность была слѣдствіемъ усталости. Стянутыя черты, подернутыя грустью и уныніемъ, выражали чтѣ-то грубое и тяжелое.

Не смотря на все это, горесть ея хотя и не имѣла ничего прикрасительнаго, однако жъ на ней мощно выказывалась сила страсти: она выступала изъ всего существа ея. По всему видно

было, что это одна изъ тѣхъ натуръ, поглощающихъ и беззвѣстныхъ, которыя тревожатся только тогда, когда имъ трудно чего-нибудь достичь; одно изъ тѣхъ сердецъ, которое, будучи тронуто разъ, все сосредоточивается на своей привязанности, и которое не иначе можно отдѣлить отъ нея, какъ только разрушить его.

Если бы вы видѣли эту женщину въ томъ положеніи, въ какомъ мы описали ее, вы тотчасъ отгадали бы, что это ужасное спокойствіе не было ни уныніе, ни покорность, но безмолвіе страсти, которая перебираетъ свои силы и переводитъ духъ. Въ ногахъ, на подушкѣ стоялъ полуоткрытый ящикъ; кругомъ разбросаны были взятые письма, повидному часто читанныя и долго хранившіяся на груди. Безъ сомнѣнія, читая ихъ, молодая женщина погрузилась въ горестную мечтательность. Нѣсколько минутъ она находилась въ этомъ внутреннемъ созерцаніи: глазами воображенія слѣдила она за какимъ-то отдаленнымъ, болезненнымъ предметомъ. Смотри на глубокое выраженіе отчаянія, оттиснутого на лицѣ ея, легко можно было отгадать, что не обыкновеннымъ горемъ страдала она, но въ дали будущаго читала одно изъ тѣхъ страшныхъ бѣдствій, которыя подрѣзываютъ жизнь у самаго корня.

Превратившись вся въ это другое зрѣніе, она не помнила о томъ, что ее окружало, и между-тѣмъ, не смотря на это отсутствіе души, чувства ея сохраняли еще обычное свое дѣйствіе: слухъ ея пораженъ былъ шумомъ, который разбудилъ ее отъ видѣнія и возвратилъ мысль ея въ міръ дѣйствительный: она узнала голоса и шаги приближавшихся къ гостинной. Мысль, что она встрѣтитъ постороннихъ, и должна будетъ мучить убитый горемъ умъ свой пустымъ разговоромъ, заставила вздрогнуть молодую женщину; но вспомнивъ, что забыла приказать всѣмъ отказывать, она поспѣшно оттолкнула подушку, которая лежала на ногахъ у ней; быстро схватила ящикъ съ письмами и скрылась въ своей комнатѣ. Лишь только она заперла за собою дверь, гостинная отворилась.

Вошелъ молодой человѣкъ въ сопровожденіи старой служанки.

— А гдѣ же сестра? сказалъ онъ, посмотрѣвъ кругомъ, и обобщиваясь къ женщинѣ.

— Она вѣрно вышла-сь, когда меня не было дома, отвѣчала она; онъ были здѣсь-сь, когда я ушла?

— Что она по прежнему груститъ? спросилъ молодой человѣкъ съ замѣшательствомъ.

— Грустить! вѣтъ сударь! это не грусть... у ней страшная душевная боль. Сердце разрывается глядя на нее: долго, долго... можетъ-быть никогда она не образумится.

Молодой человѣкъ молчалъ съ минуту. Видно было, что онъ хотѣлъ спросить о чемъ-то, и между-тѣмъ не зналъ, будетъ ли это прилично. Нѣсколько минутъ онъ смотрѣлъ на камеру юнгферру; потомъ тихо спросилъ ее:

— Славскій бываетъ рѣдко?

Старуха пожала плечами съ выраженіемъ негодованія и неудовольствія.

Молодой человѣкъ наклонилъ голову; молчаніе продолжалось довольно долго.

— Вероника Павловна давно уѣхала? спросилъ онъ.

— Съ четверть часа, не больше; а можетъ быть она въ буда-рѣ, какъ это случается нерѣдко, если ей захочется поплакать. Прикажете сказать объ васъ.

— Не надобно; я остаюсь не надолго; не беспокойте ее.

И не дожидаясь отвѣта, онъ сѣлъ безъ церемоніи въ кресла, какъ человѣкъ домашній, взялъ журналъ и сталъ читать его съ притворнымъ вниманіемъ. Старуха, поставивъ на мѣста нѣкоторыя кресла, вышла изъ гостиной.

Только что она затворила дверь, молодой человѣкъ бросилъ журналъ, и всталъ съ движеніемъ, въ одно время поспѣшнымъ и печальнымъ. Задумчиво бросивъ вокругъ себя взглядъ, онъ увидѣлъ, во всемъ окружавшемъ его, жизнь женщины. Золотой наперстокъ лежалъ на полу, и развернутая книжка «Revue» кину-та была на складки начатаго шитья. Нѣсколько минутъ Поль смотрѣлъ на этотъ милый безпорядокъ съ безмолвнымъ наслажденіемъ; потомъ пошелъ въ глубину комнаты, и остановил-ся передъ мѣстомъ, на которомъ сидѣла Вероника. Пате, свѣже-смятое, сохраняло еще слѣды недавняго сидѣнья, и на голубомъ шитьѣ подушки, на которой лежала голова, можно было замѣ-тить невысохшія слезы; полуоткрытое письмо лежало забытое возлѣ вожки пате; Поль, казалось, узналъ руку, потому что онъ поблѣднѣлъ, примѣтивъ письмо, и отвернулся. Но приподымаясь, взглядъ его упалъ на зеркало, которое висѣло надъ диваномъ, и что-то похожее на внутреннее сотрясеніе поколебало его. Съ ми-нуту онъ стоялъ неподвижно, читая горькое отчаяніе на соб-ственномъ лицѣ; видъ этотъ пробудилъ въ немъ невыносимыя муки; онъ закрылъ лице руками и упалъ на диванъ.

Внезапная горестъ, возбужденная въ молодомъ человѣкѣ отра-

жевіемъ его лица, оправдывалась нѣкоторымъ образомъ его безобразіемъ. Онъ былъ небольшого росту и весьма щедушенъ; лице его выражало что-то сардоническое, гримасное; и между тѣмъ подъ страдальческими чертами этого лица замѣтны были признаки нестойчивой доброты, которая видѣлась повременамъ или въ глазахъ его почти косыхъ, или въ улыбкѣ искривленныхъ губъ. Къ довершенію всего, безобразіе его имѣло еще ту ложную свѣжесть, которая скрадываетъ годы, и, не украшая пріятностью молодости, отнимаетъ даже красоту морщинъ, величавость старости.

Сознаніе своей физической незначительности сильно подѣйствовало на Поля, и онъ долго оставался въ положеніи глубокаго унынія. Наконецъ онъ поднялъ голову, и, усиливаясь видимо удалить бесполезную мысль, посмотрѣлъ опять вокругъ себя и остановилъ глаза на открытомъ писемѣ. Взглядъ этотъ снова пробудилъ въ немъ прерванную нить мыслей, и онъ опять впалъ въ глубокую задумчивость, которая грустно отвѣчала его безобразію.

Прежде нежели вы узнаете причину этой задумчивости, не хотите ли познакомиться, покороче, съ молодой женщиной, которую вы видѣли только мелькомъ въ началѣ этого разсказа, и съ Полемъ, котораго вы знаете только по имени?

II.

Оставшись осьми лѣтъ сиротою, Вероника провела первые годы свои у опекуна богача З., въ совершенномъ уединеніи, и когда въ осемнадцать лѣтъ старый богачь-опекунъ предложилъ ей выйти за него замужъ, она видѣла въ этомъ только средство продолжить свою беззаботную жизнь, которая ей чрезвычайно нравилась, тѣмъ болѣе, что Вероника не знала другой жизни. Она была въ томъ возрастѣ, когда привычки легко принимаютъ за склонности. И, какъ большая часть женщинъ, которыхъ выдаютъ за мужъ въ эту пору незнавія и неразмышленія, она смотрѣла на этотъ важный шагъ въ жизни, какъ на веселое перемѣщеніе съ квартиры на квартиру, и отдала свою будущность съ безпечною радостью Алеуту, который продаетъ свою хижину за чарку водки.

Первый годъ прошелъ, не объяснивъ ей сдѣланной ошибки. Но если Вероника не вдругъ почувствовала терны, скрытые подъ брач-

вить въидемъ ея, за то скоро могла видѣть опасное вліяніе ея ложнаго положенія. Покорная по обязанности волѣ старика, къ которому можно привыкнуть, но не раздѣлять его склонностей, она нечувствительно стала искать въ снисходительномъ благородствѣ стараго мужа вознагражденій за пожертвованіе, которое она для него сдѣлала. Такимъ образомъ, не замѣчая сама за собою, она стала притворяться и дѣйствовать уже по расчету вмѣсто умеленія. Связи, въ которыхъ сердце не принимаетъ участія, потому уже дурны, что убиваютъ стыдъ: одна только истинная любовь облагороживаетъ чувства. Вероника мало-по-малу забыла дѣвственную робость, которая болѣе всего защищаетъ женщину отъ порока, и это, къ-сожалѣнію, было почти въ тѣ минуты, когда нравственные силы слабѣли, а опасность для нея увеличивалась. По какой-то странной суетности, старики всегда стараются вводить молодыхъ женъ своихъ въ свѣтъ, какъ бы возраженіе противъ морщинъ и сѣдинъ своихъ. Богачъ З. началъ вывозить Веронику въ свѣтъ, и только-что молодая женщина вышла изъ удивленнаго своего жилища, гдѣ была воспитана, какъ душа ея загорѣлась, и она начала понимать себя. Страсти, развивающіяся съ дѣтства, занимаютъ чтѣ-то тихое у привычки; но тѣ, которыя открываются поздно, и принимаются всѣми силами души, тѣ всегда имѣютъ характеръ особенный,—необдуманности и упорства. Пораженная новостью развлеченій, встрѣчая удовольствіе каждой своей прихоти, Вероника стремилась за удовольствіями, и ослѣпленная похвалами львовъ, онагровъ и актеоновъ, предалась самымъ безразсуднымъ капризамъ. Свѣтъ, слѣдившій за нею, замѣчалъ ея ошибки и наконецъ сочинилъ изъ нихъ преступленіе.

Между-тѣмъ молодая женщина шла своею дорогою, не думая о томъ, чтѣ вокругъ нея дѣлалось. Толпа росла около нея. Подозрѣнія и надежды собирали къ ней большую часть молодыхъ людей, и приманка сомнительнаго порока больше привлекла къ ней поклонниковъ, нежели сколько могла бы сдѣлать несомнѣнность добродѣтели. И вотъ Вероника начала жизнь разсѣянную, которая завлекая далѣе и далѣе, оканчивается неизбежною гибелью для тѣхъ женщинъ, которыя искренни въ своихъ проступкахъ, и еще не привыкли облекать безпорядки свои въ принятую форму. Свѣтъ, не найдя ничего, что бы можно было осудить въ ея бракѣ, видѣлъ заранѣе соблазвъ въ его послѣдствіяхъ. Но Вероника объ этомъ не заботилась. Она опытомъ уже знала сужденія толпы и научилась презирать ихъ. Рѣшившись идти на переборъ

предразсудкамъ, она находила величайшее удовольствіе раздражать ксвету, и негодованіе свое противъ общества — выражать дерзостью противъ его понятій. По все это ласкало только ея самолюбіе; а между-тѣмъ, средѣ бурь, тревожившихъ ее, ей было и грустно и скучно. Увлеченная сначала горячкою молодости, она изъ досады потомъ отдалась этой жизни, которая превратилась наконецъ для нея въ необходимость. Но въ мщеніи этомъ участвовалъ только одинъ умъ ея; и потому съ нею повторился чудный нравственный случай, который часто можно замѣтить. Вероника погибла прежде, нежели отжила свою молодость. И чѣмъ смѣлѣе она была въ своихъ безпорядкахъ, тѣмъ больше душа ея возвращалась къ самой себѣ и чуждалась вѣшнихъ дѣйствій. Безъ-сомнѣнія, вечное дыханіе порока могло отуманить душу, но по-крайней-мѣрѣ не совсѣмъ помрачило ее: порокъ коснулся только ума и не проникъ далѣе; въ развалинахъ этой глубокой натуры остался еще уголокъ, гдѣ скрывались прекрасныя сѣмена преданности, любви и поэзіи. Но свѣтъ ничего объ этомъ не хотѣлъ знать; потому что свѣтъ не разбираетъ; онъ видѣлъ въ Вероникѣ Z. только преступное постоянство, и по этому судилъ ее. Мужъ ея, который долго ни о чемъ не зналъ, увѣдомился наконецъ по общимъ слухамъ. Преданные друзья удружили ему самыми вѣрными и точными, по ихъ словамъ, свѣдѣніями объ его позорѣ. Любовь его къ женѣ, какъ всѣ послѣднія страсти, имѣла что-то безумное. Когда онъ узналъ, что этотъ драгоценный цвѣтокъ, выращенный имъ съ такою заботою, котораго запахомъ онъ упивался въ послѣдніе дни своя, поблѣкъ подъ дыханіемъ порока, онъ не перенесъ удара. Онъ не жаловался, не дѣлалъ упрековъ, но сильно занемогъ и черезъ нѣсколько времени умеръ. Вероника, которую занимали балы, рѣдко освѣдомлялась о мужѣ и узнала почти въ одно время объ его болѣзни и объ его смерти. Съ горестнымъ удивленіемъ, въ ней проснулось и нѣ сколько сожалѣній, смѣшанныхъ съ раскаяніемъ; но слезы ея скоро высохли: она не знала, сама ли была причиною этого несчастія, но во всемъ этомъ видѣла естественный ходъ вещей.

По духовному завѣщанію покойнаго, молодая вдова сдѣлалась наследницею всего имѣнія. Эта послѣдняя воля Z... возбудила большіе толки въ свѣтѣ. Злые языки смѣялись надъ добродушіемъ стараго мужа, который передалъ все свое богатство женинѣ, не любившей его; другіе, по-списходительнѣе, сожалѣвъ, что онъ не все узналъ прежде смерти, а между тѣмъ никто не думалъ, что онъ могъ все знать и презрѣть замогильное

ищеніе какъ нечестіе. Свѣтъ все угадываетъ, кромѣ благородныхъ побужденій.

Ктому же Вероника прекрасно распорядилась въ глазахъ толпы щедростію своего мужа. Она благородно и великодушно поступила съ дальними родственниками покойнаго, забытыми въ духовномъ завѣщаніи; и эта легкая добродѣтель, понятная лишь для людей пошлыхъ, примирила съ нею общественное мнѣніе, которое было противъ нея. Вероника мало цѣнила эту возвращенную благосклонность; но обстоятельства, слѣдовавшія за нею, приобрѣла ей драгоценнаго друга.

Въ числѣ родственниковъ мужа Вероники З., вызванныхъ ею по духовному завѣщанію, былъ одинъ молодой человекъ, сирота, бѣдный и больной, Поль Розовъ. Увѣченный при самомъ рожденіи, онъ принять былъ съ отвращеніемъ своимъ семействомъ, и первое чувство матери, при видѣ его, было сожалѣніе — зачѣмъ онъ родился. Поль провелъ свое дѣтство всѣмъ оставленный, не видавъ ни отъ кого ласки. Предоставленный самому себѣ, безъ чѣста и безъ надежды для жизни, бѣдный ребенокъ росъ чахло и медленно. Равнодушіе непріязненное, встрѣченное имъ во всѣхъ его окружавшихъ, сдѣлало его чрезвычайно робкимъ, а робость къ болѣзненному его состоянію прибавила еще. неловкость. Природа произвела его безобразнымъ, воспитаніе сдѣлало смѣшнымъ. Мать одна могла бы простить ему безобразіе его, видя сколько онъ терпитъ, потому что сердце матери, какъ отраженіе божественной любви, не видитъ недостатковъ, гдѣ видятъ слезы; но мать Поля умерла скоро послѣ его рожденія. Отецъ же его, человекъ честный, но жесткій, устроивалъ будущее только для здороваго сына, который могъ бы продолжать дѣла его, и рожденіе горбатаго уродца разстроивало его планы. Въ такомъ-то положеніи узнала его Вероника. По матери онъ былъ одинъ изъ близкихъ родственниковъ З.... Она захотѣла видѣть его, и легкое участіе, возбужденное сначала его положеніемъ, превратилось скоро въ состраданіе нѣжное и глубокое. Съ сердцемъ празднымъ и скучая среди вѣжливаго презрѣнія, которымъ свѣтъ окружилъ ее, Вероника чрезвычайно обрадовалась случаю сдѣлать что-нибудь доброе и полезное. Она занялась этимъ дѣломъ со всѣмъ жаромъ перваго сердечнаго побужденія. Поль нашелъ въ ней вторую мать: въ первый разъ узналъ онъ ласку, довольство, внимательность. Сперва она любила его для добра, а послѣ любила больше за добро, которое ему сдѣлала. Бѣдный ребенокъ

совершенно обезпамятѣлъ при этой перемѣнѣ. Ему казалось, что онъ не жилъ до этого времени, и что онъ ожилъ въ раю, о которомъ такъ часто говорила его няня. Но мало-по-малу онъ началъ привыкать къ новой жизни и понимать, что *жить* не всегда значитъ *страдать*. Сердце его, угнѣтенное долгое время, открылось наконецъ согрѣтое любовью. Счастливое состояніе раскрыло въ немъ умъ. И все это онъ посвятилъ чувству благодарности къ Вероникѣ.

Но въ это время неожиданный случай, разстроившій общественныя отношенія его благодѣтельница, сильно грозилъ его счастію. Вероника познакомилась съ Славскимъ.

Это былъ молодой докторъ, быстро пріобрѣвшій извѣстность двумя или тремя счастливыми леченіями, свидѣтельствовавшими объ отличныхъ его способностяхъ. Совсе невзвѣстный за нѣсколько мѣсяцевъ до того, онъ вдругъ сталъ на ряду съ знаменитыми врачами, и угрожалъ даже затмить ихъ, тѣмъ болѣе, что онъ имѣлъ въ свою пользу и молодость, и ту первую благосклонность свѣта, которую легко получаетъ новая слава, часто потому только, что еще не возбуждаетъ подозрительной зависти, преобладающей извѣстность, уже признаванную. Удача, которая доставляетъ нерѣдко славу, не требуя другаго труда, кромѣ смѣлости итти велѣдъ за счастіемъ, привела Славскаго на эту трудную дорогу. Вероника не знала его, но вездѣ слышала похвалы его свѣдѣніямъ и дарованіямъ.

Подобно большей части свѣтскихъ женщинъ, у которыхъ все-таки остается въ душѣ что-нибудь возвышенное и чувствительное, Вероника была благотворительна. Она любила иногда предаваться естественнымъ побужденіямъ души своей, и искать среди своей искусственной обманчивой жизни наслажденій въ добрыхъ дѣлахъ. И потому нерѣдко утро ея посвящено было больнымъ и бѣднымъ. Тутъ то, возлѣ постели больного, она встрѣтила въ первый разъ молодого доктора, и эта случайная встрѣча ея съ Славскимъ, при постелѣ больного, скоро сдѣлалась причиною связи, принявшей всю силу страсти. Молодой докторъ раздѣлялъ эту страсть, но тогда только когда замѣтилъ ее. Любовь его родилась изъ любви Вероники; онъ не старался ее поселить, онъ только предался ей. Такимъ образомъ привязанность его была безъ ослѣпленія. Впрочемъ, въ немъ и не съяскалось бы довольно мѣста для страстной любви; потому что наука была для него первою и обожаемою любовницею; онъ предавался ей со всею ревностью, со всеми изступленіемъ страсти. Возлѣ этой любви, —

любовь къ женщинѣ могла быть у него только привязанностью брата.

Вероника, напротивъ, предалась новому для нея чувству со всѣмъ увлеченіемъ. Въ первый разъ почувствовала она привязанность, которой причина скрывалась въ глубинѣ души. Это не была вѣтряная любовь молодости, цвѣтъ благоухающій, пронзающій изъ сердца, исполненнаго силы, и который скоро вянетъ: мѣтъ, Вероника приближалась уже къ тому возрасту, когда цвѣтъ души опадаетъ и плодъ созрѣваетъ подь огнемъ страстей. Жизнь ея, легкомысленная и вѣтряная, приготовила ее къ привязанности постоянной, гораздо болѣе нежели какъ бы то могла сдѣлать жизнь благоразумная. Прежде она знала только физическое увлеченіе, теперь вступала въ новый для ея мѣръ страсти. Любовь ея обнаружилась со всѣмъ упрямствомъ послѣдней привязанности. А потому-то и трудно было страсть, столь сильную, согласить съ полу-любовью, предложенною ей въ замѣнъ. Вероника Z. съ каждымъ днемъ дѣлалась требовательнѣе, настойчивѣе, ревнивѣе, что все скоро надобно Славскому. Всѣ эти тревоги разстроивали его занятія и возмущали тишину, необходимую для ума его, и потому посѣщенія его становились рѣже и рѣже и наконецъ почти совершенно прекратились.

Въ такомъ положеніи были дѣла въ ту минуту, съ которой мы начали разсказъ нашъ. Нѣсколько времени Вероника была забыта докторомъ: она не получала даже отвѣта на свои письма. Только наканунѣ этаго дня, соскучившись, безъ сомнѣнія, отъ ея посланныхъ, Славскій велѣлъ сказать, что будетъ у нея днемъ; но день уже почти прошелъ, а его еще не было.

III.

Вспомните, что мы оставили Поля Розова въ гостиной Вероники. Задумчиво и грустно глядѣлъ онъ на письмо, забытое ею на диванѣ. Но вдругъ послышались шаги; дверь растворилась. Онъ оборотилъ голову.

— А! мосьё Славскій! сказалъ онъ, вставая.

Трудно было отгадать, что высказалось съ этимъ именемъ: печаль или радость, упрекъ или благодарность. Докторъ, казалось, не замѣтилъ его смущенія: онъ подошелъ къ нему и дружески поздоровался. Поля вѣжливо отвѣчалъ ему и предложилъ мѣсто возгъ себя. Молча сѣли они и, казалось, старались избѣгать разговора о предметѣ для нихъ общемъ.

Славскій первый рѣшился говорить:

— Я надѣялся найти здѣсь вашу сестрицу.

Поля потушилъ глаза: эти слова снова разбудили въ немъ горестныя мысли; онъ однако отвѣчалъ довольно тихо:

— Я думаю, она уѣхала.

— Она писала мнѣ, что нездорова! возразилъ докторъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ: но вижу, что я напрасно беспокоился, и что она не такъ больна, если могла выѣхать.

Поля тяжело вздохнулъ.

— Сестра не напрасно васъ просила, сказалъ онъ скоро: она больна отчаянно и имѣеть въ васъ нужду.

Голосъ его дрожалъ. Онъ на минуту остановился; потомъ, казалось, сдѣлавъ усиліе и продолжалъ:

— Вы очень суровы съ нею! вы убиваете ее!

Докторъ отступилъ шагъ назадъ, удивленный такимъ прямымъ упрекомъ, и который мѣтилъ такъ рѣзко и ясно на отношенія его къ Вероникѣ. Онъ никогда не думалъ, чтобы Розовъ не зналъ объ его связи; но молодой человекъ до-сихъ-поръ показывалъ совершенное невѣдѣніе, какое могъ бы имѣть только самый почтительный сынъ къ проступкамъ своей матери. И потому Славскій, не приготовившись къ замѣчаніямъ Поля, очень некстати и холодно отвѣчалъ:

— Я бы не думалъ имѣть столько вліянія на здоровье вашей сестрицы.

Поля быстро поднялъ голову. Ложь, не ловко прикрытая отговоркою доктора, уязвила его. Глаза его заблестали, губы раскрылись.... но онъ въ ту же минуту сдержалъ это движеніе и сказалъ спокойно:

— Вы знаете, чѣмъ она страдаетъ; только вы можете вернуть ей здоровье.

— Опытность и свѣдѣнія мои къ услугамъ мадамъ З., отвѣчалъ Славскій, избѣгая прямаго отвѣта на слова Розова.

Тонъ доктора раздражилъ Поля. Онъ гордо подошелъ къ Славскому и, взявъ его за руку, сказалъ:

— Славскій, я говорю не шутя; выслушайте меня, прошу васъ. Я бы не желалъ говорить объ этомъ предметѣ; но болѣе молчать не могу. Вы оставили сестру; она этого не перенесетъ. Вы приучили ее къ себѣ: она свыклась съ вашимъ голосомъ. Отнять у нея это, все-равно, если бы вы отняли у нея воздухъ и свѣтъ. Мы не властны забывать, повѣрьте мнѣ. Это болѣзнь, къ которой надобно имѣть состраданіе. Неужто вы оставите умн-

рающаго, если онъ въ безпамятствѣ оскорбитъ васъ?... Не будьте жъ строги съ сестрою; не мучьте ее, не разрушайте ея жизнь за ея къ вамъ привязанность.

— Послушайте, отвѣчалъ докторъ: я не оболъститель и не омагръ. То, что случилось, будетъ для меня предметомъ долгаго сожалѣнія. Если я началъ забывать вашъ домъ, то потому, что меня къ этому принудили; я оставилъ вашу сестру, потому что ничего не могу сдѣлать для ея счастья, и потому, что каждая изъ нашихъ встрѣчъ подаетъ только новыя причины къ ссорѣ и раскаянію. Вероника сама оттолкнула меня отъ себя своими жестокими требованіями.

— Она васъ такъ горячо любитъ.

— О! вы не знаете, какъ мучительно быть такъ горячо любимымъ!

— Это правда, сказалъ Поль унылымъ голосомъ, который тронулъ доктора.

— Я не обвиняю Веронику, возразилъ онъ: знаю, что она не меньше моего страдаетъ; но мы не понимаемъ другъ друга. Это она мнѣ говорила тысячу разъ. Къ чему же продолжать связь, которая приноситъ ей несчастіе?

— Она любитъ васъ для того, чтобъ любить, а не для того, чтобы быть счастливою, — отвѣчалъ Поль, грустно покачавъ головою. — Не ужели вы думаете, что сердце можетъ рассчитывать — промѣнять любовь на счастье?

— Къ чему же тогда и любовь?

— А безъ любви на что и жизнь?

— Вы справедливы! я смотрю на жизнь не такъ поэтически, замѣтилъ докторъ съ улыбкою; но ужъ если я полюбилъ, то непременно — съ надеждою быть счастливымъ.

— То есть, вы хотите барышничать вашимъ чувствомъ и получать проценты съ вашего сердца.

— Положимъ. Но все таки моя надежда обманула меня. Я могъ бы утѣшиться, если бы страдалъ одинъ, но этого нѣтъ, и я замѣтилъ, что мы оба ошиблись.

— А! это очень поздно, вскричалъ Розовъ; неужто вы думали, что можно такъ испытывать любовь? Вы привязали къ себѣ сердце бѣдной женщины, а теперь отталкиваете его, потому что оно сильно бьется!

— Я не добивался этой привязанности, сказалъ живо Славскій; оно отдалось мнѣ, когда я и не думалъ искать его, и я принялъ его больше съ состраданіемъ, чѣмъ съ горячностью.

Оно разрушало всё привычки моей жизни, и возмущало спокойствіе моихъ занятій. Оно вошло въ мое святилище, какъ непо священный, и я не имѣлъ смѣлости выгнать его, потому что оно плакало. Два года упрекаю себя за эту слабость. Я могу казаться вамъ смѣшнымъ, но знаю, что у меня есть другое значеніе, назначеніе выше того, которое призываетъ насъ осушать слезы женскія. Два года я трачу время въ пустыхъ ребячьихъ ссорахъ, и живу только для одного себя, тогда какъ могу быть полезнымъ обществу. Жить такъ—глухо, предосудительно и преступно. Человѣкъ созданъ не для себя одного, но для всего человѣчества. Эта эгоистическая любовь, въ которой я утопилъ себя, ничто другое, какъ притворное самоубійство, чтобъ ускользнуть только отъ труда. Я не могу продолжать такой образъ жизни: меня зовутъ другія, святыя обязанности и я хочу ихъ выполнить.

Тутъ докторъ всталъ и началъ ходить быстро по гостиной. Поль слушалъ его съ видимымъ неудовольствіемъ; замѣтно было что это чрезвычайно раздражало его участіе. Оба они столкнулись на такомъ предметѣ, который ставилъ ихъ въ неприятное положеніе. Тутъ стояли лицомъ къ лицу и умъ и сердце.

И потому Поль возразилъ съ горькою досадою:

— Вѣрю и понимаю, какъ хорошо истратить жизнь, чтобы достичь путемъ науки до блестящей цѣли, которой гений разъ достигаетъ вѣками: *знать что такое сомнѣніе*. И въ-самомъ-дѣлѣ, — поэзія сердца, очарованіе любви и слезы страдающей женщины такъ ничтожны въ сравненіи....

— Я ищу не сомнѣнія, сказалъ Славскій, остановившись среди комнаты: я хочу достичь рѣшенія опредѣленного и полного. Видите-ли, прибавилъ онъ, потирая лобъ, у меня есть идея, которая можетъ довести до рѣшенія вопроса: *что такое жизнь?* Надобно только объяснить Вольтовъ столбъ и повѣрить: не есть ли жизнь смѣшеніе разнородныхъ электричествъ.

— Но достигнете ли вы чрезъ это средство оживить тѣхъ, которыхъ убьетъ ваша холодность? спросилъ печально Поль.

— Мы не понимаемъ другъ друга, сказалъ нетерпѣливо докторъ, взявъ шляпу, чтобъ уйти.

Это движеніе напомнило Розову о предметѣ ихъ объясненія. Онъ поспѣшно подошелъ къ Славскому и сказалъ:

— Виноватъ, вы вѣрно воротитесь, не такъ-ли?

— Не знаю, сказалъ докторъ съ досадою, — у меня такъ много дѣла.

— Не думаю и не вѣрю, вскричалъ съ грустью Розовъ, чтобы вы хотѣли болѣе отгадывать — *отчего* живутъ, нежели недопустить умирать.

Славскій пожалъ плечами.

— Ваша сестра имѣеть довольно опытности, сказалъ онъ, и не умирать отъ такой бездѣлницы.

Только что вырвалось у него это жесткое выраженіе, какъ онъ сталъ жалѣть объ немъ; но было поздно.

Поль отступилъ шагъ назадъ, сжалъ кулаки; губы его дрожали; онъ хотѣлъ что-то сказать; — но дверь въ гостиную отворилась, и Вероника, блѣдная, какъ смерть, остановилась на порогѣ комнаты. Губы ея посинѣли; правая рука ея, вытянутая впередъ, искала на что опереться. Шатаясь, она вошла въ гостиную, остановилась передъ молодыми людьми, и съ усиліемъ предсмертнымъ сказала глухо:

— Поль....

Розовъ взглянулъ на нее и, казалось, понялъ ее, потому что почтительно поклонился и вышелъ. Славскій остался на прежнемъ мѣстѣ. Вероника дошла до патъ ошупью, отыскала мѣсто и села.

— Я все слышала, сказала она.

Славскій съ минутой былъ въ нерѣшимости.

— Я погорячился, сказалъ онъ наконецъ голосомъ тихимъ и извинившимся, а душевною раскаяваюсь въ безразсудномъ выраженіи, съ которымъ внутренно не согласенъ.

Вероника, все также блѣдная и помертвѣвшая, сдѣлала знакъ, чтобы онъ замолчалъ.

— Я все слышала, повторила она, благодарю васъ! теперь я по крайней мѣрѣ знаю, чего должна ожидать.

И она закрыла лицо руками и пребыла такъ съ минутой; потомъ, поднявъ голову, продолжала медленно, голосомъ тихимъ, какъ бы разсуждая сама съ собою:

— Къ чему я жалуюсь? Не такъ-ли это должно быть? Женщину уважаютъ, выказывая себя въ глазахъ ея добрымъ, честнымъ, благороднымъ; ее обожаютъ, очаровываютъ, лишаютъ разсудка,—ну, а потомъ, когда она надѣется, всячески стараются найти въ ея жизни какое-нибудь пятно, котораго не могли снять ея слезы, и если отыщутъ, — кидаются на него, какъ на

сопровише, упрекають ннъ съ какою-то радостною гордостью! оставляя ее, бросають съ негодованіемъ вамъ въ лицо грязь прошедшаго.

Она горько улыбулась, съ минутоу помолчала, и потомъ прн должна съ энергією:

— Можеть-быть, однакожъ, эта женщина довольно раскаяла много плакала. Что нужды? Вѣдь тѣ, которые не любятъ боли не вѣрятъ ни слезамъ, ни раскаянію. И потомъ, какъ храбро можно нападать на падшаго. И если эта женщина вздумаетъ плакать вслухъ, начнетъ жаловаться,—ей хладнокровно указываютъ ея ошибки—и заставляютъ молчать. — О, я понимаю все это это должно такъ быть.

Вероника опять закрыла лицо свое руками. Она была въ су дорожномъ положеніи. Славскій подошелъ къ ней и сказал растроганнымъ голосомъ.

— Пощадите, Вероника! Я виновата.. Повѣрьте, это меня уби ваеть.

— Полноте! женщина, подобная мнѣ, стоитъ ли сожалѣнія! Женщина, такая какъ я, можеть-ли страдать?

— Вероника!...

— Я же вѣдь виновата: зачѣмъ я васъ любила. Вы не искали меня, вы меня приняли къ себѣ изъ состраданія, *потому что я плакала*, какъ вы сейчасъ сказали. Любовь ваша, въ которой заключалось все мое счастье,—была только милостыня. И могу ли, смѣю ли я жаловаться, когда вы изъ великодушія обманывали меня такъ два года. Согласитесь, я была бы очень неблагодарна....

— Вероника! честию увѣрю, клянусь вамъ, что я любилъ васъ, искренно любилъ....

— Ложь! ложь!

— Я васъ любилъ; но что жъ дѣлать, если характеры наши такъ не сходны, вы могли это видѣть сами; мы думали, что будемъ счастливы, а опытъ жестоко образумилъ насъ.

— Опытъ! вскричала Вероника въ безпамятствѣ, всплеснувъ руками;—очень, очень хорошо!... вы хотѣли дѣлать опытъ вѣдь бѣднымъ сердцемъ; вы рѣзали это сердце для опыта, и теперь хладно говорите: я ошибся, — не безпокоясь о томъ, не смертельно-ли эта рана?

— Ради Бога, Вероника!...

— Но я сумасшедшая, вы этого не боятесь; вы знаете меня

самимъ хорошо. Женщина, какъ я, довольно опытная, не умираетъ отъ такой бездѣлицы.

— Попадите, Вероника, ради Бога, пощадите!

Но она не слушала; глаза ея помутились, губы еще болѣе посинѣли и сжалась; она продолжала:

— Но посмотрите, какъ иногда помогаетъ намъ случай? Есть люди, которые такъ глубоко и сильно васъ любятъ, что не смѣютъ, боясь сказать въ глаза, что думаютъ объ васъ. Они берегутъ эту откровенность для другихъ, когда думаютъ, что вы далеко; въ такомъ случаѣ довольно придетъ послушать любимый голосъ, и полурастворенная дверь лучше вамъ покажетъ всю черноту души въ нѣсколько минутъ, нежели въ два года любви.

И уступая движению сильного негодованія, она быстро встала.

— Это подло, низко!... оскорблять женщину потому что ея здѣсь вѣтъ, — женщину, которая васъ любитъ, когда она одна, когда она не можетъ отомстить за себя. Вѣдь это значитъ убить ее. Повинаете ли вы, сударь, убить? О, это подло! это подло!...

— Веровика! вскричалъ Славскій, мы никогда не увидимся болѣе. Прощайте!

Вероника вздрогнула и остановилась: слова и движеніе доктора, въ одно мгновеніе уничтожили гнѣвъ ея и утишили изступленіе.

— Александръ! кричала она въ ту минуту, когда онъ отворилъ дверь.

Выраженіе, съ которымъ произнесено было это имя, заставило доктора остановиться.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ не оборачиваясь.

— Александръ! повторилъ тотъ же голосъ. Вероника стояла передъ нимъ съ распростертыми руками, почти въ безпамятствѣ.

— Что вамъ угодно отъ меня? повторилъ Славскій тише, отворачиваясь.

Молодая женщина воднесла обѣ руки ко лбу, потомъ положила ихъ на сердце, оглянувшись кругомъ.

— Боже мой! что я сказала,—вскричала она — о, я сумасшедшая! да, я сумасшедшая!

Она ушла на кофѣнъ.

— Александръ! я ничего не говорила, клянусь Богомъ, я ничего не хотѣла говорить; останься, ради Бога, останься, не ухо-

дн. Александръ! развѣ ты не замѣчаешь, что я, бѣдная, помѣшалась; ты видишь, я раскаяваюсь, плачу.... Прости! прости меня!

И она обнимала колѣни доктора.

— О, умоляю тебя, скажи мнѣ слово, одно слово, взгляни на меня; я тебѣ говорю, что я сумасшедшая: на безумныхъ не сердятся. Ты не уйдешь? ты останешься у меня? Я сдѣлаю все, что тебѣ угодно. Я не буду больше жаловаться, не буду сердиться, я буду весела. Боже мой! Ну, скажи же, Александръ, чего ты хочешь? Скажи мнѣ я все сдѣлаю. Я не стою тебя, не правда-ли? Но я тебя люблю, о какъ люблю! ты мнѣ такъ нуженъ; если ты ужъ не можешь меня любить, то по крайней мѣрѣ не гони меня. Отвѣчай же! Неужто ты все еще сердишься? Скажи же мнѣ что нибудь, Александръ! ты плачешь, ты простилъ меня, ты придешь, не правда ли, вѣдь ты воротиться?

— Ворочусь, сказалъ Славскій, опустивъ руки на плеча Вероники, усталый и растроганный.

И она схватила его руки, и какъ безумная цѣловала ихъ. Слезы градомъ катились изъ глазъ ея. Она забыла все. Она была такъ счастлива....

IV.

Александръ и Вероника помирились не надолго. Причина ихъ ссоръ имѣла начало въ самой природѣ ихъ, и они скоро опять были въ тѣхъ же отношеніяхъ, какъ и прежде. Не разрывая открыто своей связи, Славскій опять началъ избѣгать Вероники, и предался исключительно наукѣ. Читатели уже знаютъ, что это былъ одинъ изъ умовъ свѣтлыхъ, смѣлыхъ и предприимчивыхъ, которые не могутъ остановиться на извѣстной истинѣ, но, устремивъ глаза на звѣзды, постоянно плывутъ къ умственной Америкѣ. Предавшись изслѣдованіямъ о первой жидкости, Славскій не обращалъ никакого вниманія на все то, что не имѣло прямаго отношенія къ его изысканіямъ. Всякое явленіе перерабатывалось въ его постоянной идеѣ, и обширное разумѣніе его скоро ограничилось опытомъ, которому онъ неумолимо подвергалъ все. Чтобы сосредоточить всѣ свои силы на одной идеѣ, молодой докторъ отдѣлилъ свою душу отъ всякой другой жизни. Сперва пересталъ онъ заниматься всѣмъ тѣмъ, что не входило въ его науку, а потомъ нечувствительно отсталъ отъ всѣхъ своихъ воспоминаній, съ каждымъ днемъ забывая о мирѣ сердеч-

макъ, котораго впрочемъ онъ всегда зналъ одну только поверхность.

По нравственной причинѣ, странной, но часто замѣчаемой, любви Вероники, казалось, возрастала въ той мѣрѣ, какъ привязанность доктора угасала. Чѣмъ болѣе Славскій становился равнодушнымъ, тѣмъ привязанность Вероники обнаруживалась явнѣе въ ея преслѣдованіяхъ, докучливѣй въ требованіяхъ. Она нестою предалась своей страсти.

Вероника ясно видѣла холодность доктора, но не знала истинной тому причины. Она всегда почитала науку только предлогомъ къ разрыву, и искала настоящей причины въ новой любви Александра. Въ этомъ ничто не могло ее разувѣрить. Мучимая ревностью, она терлась въ бесполезныхъ розыскахъ, стараясь открыть предметъ терзавшій ее. Страсть научила ее терпѣнію. Она оберла глаза, чтобы лучше видѣть, и ничего не щадила, чтобы только достигнуть своей цѣли. Однажды вечеромъ, старая служанка, повѣренная страданій Вероники, вошла къ ней съ лицомъ радостнымъ.

— Сударыня, сказала она шопотомъ, я принесла вамъ новость!

Вероника быстро взглянула на нее.

— Что такое? спросила она.

— Я узнала, гдѣ Александръ Петровичъ бываетъ по вечерамъ.

— Гдѣ-жъ?...

— Въ Б. М. улицѣ, въ домѣ Зои...

— Чтожъ онъ тамъ дѣлаетъ?

— А, вотъ видите.... онъ тамъ лечитъ старуху, которая живетъ въ четвертомъ этажѣ и давно уже больна.

— Что же мнѣ въ этомъ, другъ мой? мнѣ не нужно списка его больныхъ.

— Да вотъ видите ли, сударыня; говорятъ, что у старухи то есть племянница, швея.

Вероника вздрогнула.

— Племянница, — говоришь ты, — молода?

— Молоденькая и хорошенькая!

— И онъ туда часто ѣздитъ?

— Всякій вечеръ ходитъ пѣшкомъ.... Экипажъ его пріѣзжаетъ послѣ къ однимъ знакомымъ, гдѣ онъ проводитъ остальное время.

Это извѣстіе подняло всё подозрѣніе Вероники; невѣрность доктора казалась ей доказанною. Для нея теперь все было ясно. Старуха, которую лечилъ Славскій, только одинъ предлогъ; иначе, къ чему вся эта таинственность? къ чему предосторожность ходить пѣшкомъ, вечеромъ, украдкой? Ясно что Славскій имѣетъ связь съ молодою швеей. Мысль эта совершенно овладѣла Вероникою. До этаго времени она не могла ни на кого жаловаться и отчаяніе ея нечувствительно перешло въ глубокое уныніе; но теперешнее отырытіе оживило ее, указавъ предметъ для ея гаданья. Нелюбныя подозрѣнія ея имѣли наконецъ образъ и имя, и она могла услудить свою горестъ ненавистью: она имѣла врага.

Не откладывая до завтра и не смотря на то, что уже было поздно, она рѣшилась сама увидѣть молодую дѣвушку, въ домѣ Зои... и убѣдиться собственными глазами, должна ли она опасаться своей соперницы. Она вышла одна изъ дому, и закутавшись шалью, отправилась къ сказанному дому.

Женщины, никогда не ходившія вечеромъ по нѣкоторымъ улицамъ, знаютъ только наименѣе любопытную часть двухъ мировъ, изъ которыхъ состоитъ этотъ городъ. Лишь только тѣнь покроетъ улицы и сырой туманъ опустится, — въ это время начинаютъ показываться странныя безымянные фигуры, которыхъ въ другое время вгдѣ не встрѣтишь. Это люди съ истощенными лицами, одѣтые въ грязное изорванное платье; они ходятъ, кажется, безъ цѣли и оставаясь безъ причины.... Не знаешь откуда все это взялось: словно вышли они изъ земли, и тянутся по перекресткамъ, и темнѣютъ передъ всякимъ входомъ. Подумаешь, что это гады, выползшіе изъ земли послѣ сильной бури, которыхъ печастыя полчища готовы наводнить городъ. Все это копошится, движется, хрипитъ во мракѣ сырой атмосферы; и изъ среды этой грязной и живой кучи слышится какой-то сильный говоръ радости, какой-то запахъ разврата и порока, который щемитъ сердце; вамъ отъ чего-то становится страшно, вами овладѣваетъ отвращеніе, вы бѣжите, какъ будто попались въ какой-нибудь міръ нечистый, беззаконный, чудовищный.

Вероника въ первый разъ въ жизни была на улицѣ одна, ночью. Не смотря на свое душевное волненіе, она ощутила чрезвычайно непріятное чувство, когда увидѣла себя среди этой нечестивой толпы. Два или три раза къ ней подходили весьма подозрительныя фигуры, и она боязливо ускорила шаги свои,

именно преодолѣла свой страхъ, и когда пришла въ М. улицу, то дѣла столько смѣлости, что рѣшилась на все. Она узнала мѣст., о которомъ ей говорили, взошла въ четвертый этажъ, не думая и безъ страха, точно пришла сдѣлать знакомое вѣщаніе, и вошла смѣло. И вотъ она въ темной и смрадной комнатѣ; сквозь худо притворенную дверь она увидѣла тусклый свѣтъ въ другой комнатѣ. Ощупью дошла она до двери, постучалась и, не получивъ отвѣта, толкнула дверь и остановилась на порогѣ. Эта вторая комната была также пуста какъ и первая. Огарокъ сальной свѣчки, воткнутый въ бутылку, поставленный на оборванномъ соломенномъ стулѣ, освѣщаль неопрятность, нечистоту и величайшій беспорядокъ комнаты. Въ углу набросаны были разныя вещи, кухонная посуда, черепки, черное бѣлье и старыя башмаки; на лежанкѣ, между сальными огарками лежалъ хлѣбъ, а по невымытымъ тарелкамъ, покрывавшимъ кровать, можно было видѣть, что на ней обѣдали. На древнемъ комодѣ, на которомъ кое гдѣ еще уцѣлѣла бронза, Вероника увидѣла электрическую машину и другіе физическіе инструменты, которыхъ употребленія она не понимала. Въ это время, когда она съ удивленіемъ разсматривала странный для нея приборъ, ей послышалась возлѣ самой ея какое-то предсмертное хрипѣніе, заставившее ее оборотиться въ ту сторону; тутъ ей представился предметъ, котораго она до-сихъ-поръ не замѣчала. На старомъ соломенномъ креслѣ ворочалось что-то страшное, которое при первомъ взглядѣ можно было принять за кучу грязныхъ лохмотьевъ, и только при внимательномъ взглядѣ обнаруживало что-то похожее на человѣческую форму. Вероника услышала второй вздохъ; существо, находившееся на креслахъ повернулось, и она увидѣла голову, высунувшуюся изъ лохмотьевъ. Вероника хотѣла подойти къ постелѣ.

— Ты, Аиушка? спросило существо.

Безобразная масса хрипло простонала; голова оборотилась къ молодой женщинѣ, и она увидѣла отвратительное лицо урода. Неугованнись, она отступила назадъ; голова осталась въ одиномъ положеніи съ минутой, устремивъ на Веронику безсмысленный взглядъ, потомъ, какъ бы уставши, опустила и исчезла въ лохмотьяхъ, которыми была покрыта.

Въ эту минуту послышались на лѣстницѣ голоса; Вероника вѣстншно вошла въ первую комнату; только что успѣла стать къ стѣнѣ, какъ наружная дверь отвернулась и вошли два чело-

вка. Одинъ изъ нихъ былъ Славскій. Комната была такъ темна, что Славскій и его товарищъ прошли, не замѣтивъ Вероники. Они вошли во вторую комнату и начали говорить между собою въ полголоса. Вероника подошла осторожно къ двери и приложила ухо. Славскій продолжалъ начатое объясненіе.

— Параличъ въ членахъ совершенно пропалъ, говорилъ онъ, въ мозгу тоже много измѣнился и, когда я подвергаю больную дѣйствию гальванизма, въ ней пробуждается разумѣніе. Ты это сей часъ увидишь самъ.

Вероника слышала приготовленіе машины. Оба медика, занятые этимъ приготовленіемъ, нѣсколько минутъ молчали.

— Пойми же, сказалъ вдругъ Славскій, что я сдѣлаю, если мнѣ удастся возвратитъ смыслъ и движеніе этой женщннѣ. Я нашелъ храняище общей жизни, я овладѣлъ мозгомъ и могу произрждать тамъ мысли по произволу.

— Это въ самомъ дѣлѣ удивительно, отвѣчалъ другой. Славскій ходилъ большими шагами, предаваясь энтузіазму, который нечувствительно возрасталъ въ немъ.

— И эта необъятная задача, сказалъ онъ вдругъ, остановясь передъ уродомъ, она здѣсь, въ этой безобразной массѣ, которая даже въ эту минуту не знаетъ, что живетъ. О, если бы ты зналъ, какъ для меня дорога эта женщина! Дороже всего въ мірѣ... въ ней все мое... моя слава! наука! это моя Галатея...

— Я понимаю тебя, сказалъ молодой докторъ, улыбаясь. Ты въ ней любишь свою идею: для тебя любить — значитъ думать. Ни одна красавица не могла тебя занимать.

Славскій пожалъ плечами.

— Красавица ничему не научаетъ, сказалъ онъ.

Это сказано было съ такимъ хладнокровіемъ, что у Вероники замерло сердце: тутъ только она вполнѣ поняла Славскаго. Не слушая болѣе ничего, въ полубезуміи прислонившись къ стѣнѣ, какъ-будто рѣшившись на что-то новое, она провела по лбу рукою и шопотомъ проговорила: «А, теперь онъ будетъ меня любить!» Руки ея тряслись, губы посинѣли; она отыскала дверь и вышла.

V.

Спустя три дня послѣ посѣщенія М. улицы, Вероника лежала въ постелѣ, постигнутая болѣзнию вдругъ и безъ видимой при-

чны. Славскій, призванный немедленно, нашелъ болѣзнь не опасною; а между-тѣмъ, она часъ отъ часу усиливалась и противилась всѣмъ средствамъ. Упорство болѣзни обратило наконецъ вниманіе доктора, онъ началъ пристально заниматься больною, сталъ чаще ѣздить и долѣе оставаться. Нѣсколько разъ казалось ему, что онъ нашелъ нить болѣзни; но всегда, спустя нѣсколько дней, послѣ успѣха, въ то время, когда онъ не считалъ уже своего присутствія необходимымъ, болѣзнь снова появлялась съ неизъяснимою жестокостію и упорствомъ. Любопытство Славскаго раздражено было въ высшей степени: ему казалось, что музыка его обманываетъ. Болѣзнь, по-видимому, дѣйствовала съ смысломъ. Симптомы ея были чрезвычайно обманчивы, то просты и открыты, то сложны и таинственны, то уступали, то противились средствамъ. Испытавши напрасно всѣ извѣстныя средства, Славскій прибѣгнулъ къ электричеству. Полезное мнѣніе его скоро обнаружилось. Это привело въ восторгъ медикъ; и прежія вѣжность его къ Вероникѣ почти возвратилась. Онъ сталъ внимателенъ, безпокоенъ, осыпалъ ее распросами и ласками; каждый день по нѣскольку часовъ проводилъ возлѣ ея постели; и никогда, въ самыя счастливыя минуты его страсти, она не видала его столько любезнымъ и внимательнымъ ко всему, что ей могло нравиться. Не смотря на всю суровость опыта, она предавалась обольстительной вѣжности, подкрѣплялась легковѣріемъ, и увѣряла себя, что наконецъ отыскала въ сердцахъ Славскаго не оцѣмѣвшую еще струну, и что прежнее ея счастье возвратится къ ней. Она никакъ не хотѣла вѣрить, что онъ любилъ въ ней не ее, но болѣзнь ея. Ей нуженъ былъ обманъ, потому что истина убила бъ ее, а ей не хотѣлось умирать, — ей еще хотѣлось жить, дышать, видѣть небо и любить!

Поль Розовъ помогалъ ей обманываться. Онъ понималъ, что жизнь для нея въ ошибкѣ, и потому со всею высокою преданностью простыхъ сердецъ отступился отъ собственного своего ума, чтобы раздѣлять безразсудность сестры своей; онъ также сталъ какъ и она вѣрить въ любовь доктора, и когда увѣренность ея слабѣла, онъ поддерживалъ ее, находя всегда или доказательства, или извиненія.

Между-тѣмъ дѣятельность Славскаго слабѣла съ болѣзнію, и лишь только Вероника оправлялась, визиты его становились рѣже. Скоро она не могла уже болѣе себя обманывать. Однажды, когда она задумчиво предалась мечтамъ своимъ, докторъ, кото-

рый не был уже два дня, вошелъ неожиданно, такъ-что Вероника не успѣла еще стереть слезъ со щекъ. Удивленный — онъ остановился.

— Что съ вами?... спросилъ онъ.

— Вы здѣсь! вскрикнула больная, протягивая къ нему съ нѣжностью руки: вы здѣсь наконецъ!

Славскій взялъ руку Вероники, и по обыкновенію, пощупалъ пульсъ.

— Ну, что жъ такое? вы немного встревожены; у васъ небольшая лихорадка.

Вероника отняла руку.

— Развѣ вы чувствуете себя хуже съ тѣхъ поръ, какъ я васъ не видалъ?....

Она едѣлаа знакъ, что нѣтъ.

— А, понимаю, вамъ пришли въ голову печальныя мысли; грустить не должно въ вашей болѣзни; вамъ нужно разсѣяніе; почему бы не принять кого-нибудь....

Вероника ничего не отвѣчала, но взглянула на него съ такимъ глубокимъ уныніемъ, что онъ пришелъ въ замѣшательство. Немного помолчавъ, онъ пожалъ плечами и сказалъ съ легкимъ вздохомъ:

— Вы не хотите разсѣянія, а между-тѣмъ эта жизнь убиваетъ васъ. Вы слабы и нервы.... васъ разстроиваетъ сушая бездѣлица. Вы вѣрно встрѣтили что-нибудь непріятное. Не такъ-ли?

Вероника сложила руки и закрыла глаза.

— Онъ не знаетъ даже, отъ чего я страдаю, прошептала она. Славскій не слышалъ. Опершись подбородкомъ на палку, онъ, казалось, предался глубокому размышленію. Наконецъ, послѣ нѣкотораго молчанія, онъ взглянулъ на свинцовое лицо Вероники: двѣ слезы медленно еще скатывались съ увядшихъ щекъ ея. Тутъ онъ вспомнилъ, что она плакала, когда онъ вошелъ.

— Вы мнѣ не сказали, что у васъ, — спросилъ онъ тѣмъ дѣльнымъ голосомъ, который даже безъ его вѣдома, давалъ ему ласковое выраженіе. Съ вами случилось что-нибудь непріятное?

— Что теперь можетъ со мною случиться?

— Стало бытъ васъ беспокоитъ ваше здоровье? Но будьте послушны, и я даю вамъ слово, что чрезъ нѣсколько дней вы совершенно оправитесь; вы видите, что я не считаю васъ уже больною и ѣзжу къ вамъ рѣже.

— Это правда, сказала Вероника раздирающимъ голосомъ.
Славскій всталъ.

— Не пугайтесь; съ наступленіемъ весны, — если только вы захотите меня послушаться, — вы поѣдете въ деревню и проведете тамъ лѣто, а осенью воротитесь къ намъ свѣжою какъ роза.

Вероника не могла далѣе слушать. Руки ея поднялись къ сердцу съ движеніемъ неизъяснимой горести, и она упала назадъ.

— Боже, Боже мой! сказала она: онъ даже забылъ, что я его люблю.

Славскій былъ въ это время на другомъ концѣ коннаты, чтобы взять свою шляпу; онъ подошелъ къ больной.

— Да свиданіа! сказалъ онъ: на дняхъ я къ вамъ заѣду; вооружитесь терпѣніемъ, а главное — старайтесь быть покойны: не надобно портить моего леченія.

Онъ пожалъ руку Вероники и вышелъ.

Долго оставалась она безъ движенія; потомъ, приподнявъ голову и опустивъ съ отчаяніемъ руки, проговорила:

— Да, надобно умереть! и горько заплакала.

Черезъ три дня Славскій посѣтилъ ее опять, и нашелъ ее гораздо хуже прежняго. Снова прибѣгнувъ онъ къ тому способу, который прежде такъ ему удавался; но на этотъ разъ не имѣлъ успѣха. Болѣзнь усиливалась и скоро сдѣлалась чрезвычайно опасною. Докторъ, сбитый съ толку, пришелъ въ отчаяніе. Онъ не могъ понять причины болѣзни, которая, казалось, ускользала отъ всякаго правильнаго хода, и противъ которой всѣ лекарства оставались недействительны. Разспрашивая Веронику, онъ не могъ получить ничего въ отвѣтъ, что бы могло навести его на надлежащую дорогу. Вероника, рѣшившись умереть, не имѣла другой теперь мысли, какъ только удержать возлѣ себя Александра. И, какъ всегда случается, страсть ея усилилась по мѣрѣ пожертвованій. Она требовала доктора, умоляла его остаться, принуждала его садиться возлѣ своей постели для того только, чтобы держать его руку и смотрѣть на него. Такимъ образомъ любовь ея, лишенная всякаго благородства, представляла что-то ужасающее, невыразимое. Зная, что одна только болѣзнь составляетъ красоту въ глазахъ доктора, она старалась ее высказать, украсить ее. Когда Славскій подходилъ къ ней, она слѣдила за всѣми его движеніями беспокойнымъ взоромъ, и когда онъ оканчивалъ, говорила ему: я очень больна, не правда-ли, такъ больна, что

вы часто должны ко мнѣ ѣздить? — И если докторъ, уступая просьбамъ, обѣщалъ навѣститъ ее вечеромъ, она въ радостномъ изступленіи хлопала въ ладоши какъ ребенокъ.

Славскій во всемъ этомъ видѣлъ только своеправное выраженіе любви; но Поль Розовъ съ нѣкотораго времени терзался ужаснымъ подозрѣніемъ. Онъ замѣтилъ, что болѣзнь Вероники неожиданно возобновлялась каждый разъ, какъ только посѣщенія доктора становились рѣже. Онъ видѣлъ, что въ этомъ страданіи, измѣнчивомъ и постоянномъ, есть какая нибудь добровольная причина; и потомъ припоминая себѣ страсть Славскаго, онъ съ ужасомъ догадывался, не рѣшилась-ли Вероника сама причиною медленной болѣзни, чтобы держать возлѣ себя этого поклонника смерти, котораго она не могла привлечь иначе. Подозрѣніе его оправдывалось съ каждымъ днемъ болѣе, и онъ рѣшился, во что бы то ни стало, убѣдиться въ истинѣ. Случай къ этому представился скоро.

Черезъ два дня, докторъ, не видя большой опасности для здоровья Вероники, и удержавный, вѣроятно, въ другомъ мѣстѣ, забылъ пріѣхать къ ней въ назначенный часъ; больная провела всю ночь въ лихорадкѣ. Только къ утру она заснула спомъ безпокойнымъ и тяжелымъ. Когда она проснулась, — было уже поздно и майское солнце проглядывало сквозь опущенныя шторы. Она съ успіемъ приподнялась, сѣла на кровать и кинула кругомъ себя блуждающій взглядъ. Увѣренная, что ее никто не видитъ, она тихонько открыла свою грудь, долго и пристально глядѣла на нее, потомъ взяла бумажку высыпала изъ нея въ стаканъ нѣсколько прописаннаго ей порошка, закрыла глаза и подпела стаканъ къ губамъ. Въ эту минуту раздался крикъ у окна; испуганная Вероника остановилась и обратила глаза въ ту сторону: зававѣски у окна раздвинулись и вошелъ Поль. Но чрезвычайной блѣдности его, она тотчасъ повѣла, что онъ видѣлъ все....

— Что вы тамъ дѣлали? спросила она сердито. За мною подсматриваютъ? Развѣ я не могу остаться ни на одну минуту свободною?

Поль не отвѣчалъ; скрестивъ на груди руки, онъ стоялъ передъ нею съ такимъ болѣзненнымъ и глубокимъ выраженіемъ, что оно тронуло Веронику. Поль стоялъ долго не говоря ни слова, наконецъ протянулъ къ ней руки и сказалъ умоляющимъ голосомъ:

— Боже мой, Боже мой! И такъ это правда — вы хотите умереть!

Вероника опустила голову и зарыдала.

— О дайте мнѣ услышать вашъ голосъ, продолжалъ Розовъ, скажите, что это не правда, скажите, что вы будете жить.

— Ахъ, я бы очень этого желала, сказала больная; смерть страшитъ меня, вѣдь мертвая я не буду его видѣть.

— Зачѣмъ же вы желаете смерти?

— Я знала, что онъ вѣрно придетъ къ моему трупу.

Розовъ закрылъ лицо руками.

— Боже мой! сколько я страдала до этого, продолжала Вероника, какъ часто старалась сберечь жизнь. Сколько разъ, видя возлѣ себя Александра, я хотѣла открыть ему все. Ахъ, Поль, никто не пойметъ, что значить мучить себя цѣлые шесть мѣсяцевъ. Сколько провела я ужасныхъ часовъ, прежде чѣмъ призвала на помощь болѣзнь! Я видѣла, какъ увядала я и худѣла; чувствовала, что у меня падаютъ волосы, слабѣютъ глаза, сохнетъ тѣло, и совсѣмъ тѣмъ во мнѣ былъ какой то внутренней голосъ, который кричалъ мнѣ: о, ты мало страдаешь, и потому онъ не воротится, онъ не придетъ! и мнѣ нужно было страдать болѣе, чтобы видѣть его.

— И васъ ничтò не могло оторвать отъ этого бездушнаго человѣка? сказалъ Поль, и вы не старались забыть его?

— Я нашла легче умереть.

— И такъ вы ничего не любите въ жизни? Ничтò не можетъ замѣнить вамъ эту любовь?

— Ничтò не замѣняетъ жизни, Поль.

— Ваша правда. Одно только любимое созданіе живетъ на землѣ; всѣ другія — призраки, которыхъ мы и не чувствуемъ и не понимаемъ.

— Утѣшеніе! Я не хочу никакого утѣшенія. Въ жизни я люблю только одно мое горе, и если я потеряю его, что мнѣ тогда въ жизни? Нѣтъ, другъ мой, для меня одно утѣшеніе — закрыть глаза и лечь въ могилу.

— По-крайней-мѣрѣ меня не будетъ при этомъ, вскричалъ Поль, взглянувъ на нее.

— Не говори этого, Поль, сказала тихо больная. Не сынъ ли мой ты, и не тебѣ ли придется быть свидѣтелемъ послѣднихъ минутъ моихъ?

— Никогда, никогда! Я оставляю другимъ эти ужасныя забо-

ты. Чтобъ я видѣлъ, какъ вы будете умирать, чтобъ я пережилъ васъ! Я этого не хочу, не хочу!

И упавъ на колѣни съ сложенными руками, онъ зарыдалъ.

— Чтѣ хотите, чтобъ я сталъ дѣлать на землѣ, когда васъ не будетъ тутъ? продолжалъ онъ съ глубокимъ чувствомъ. Что мнѣ останется любить тогда? У меня нѣтъ ни матери, ни сестры. ни друга. Вы были одно созданіе въ мірѣ, которое знало и не отвергало меня. Безъ васъ — я одинокъ; гдѣ вы, тамъ для меня цѣлый міръ. И для чего я буду жить? Боже мой! для чего? кто мнѣтъ во мнѣ нужду? Укажите мнѣ когонибудь, кто бы сталъ плакать по мнѣ — и я останусь жить. Вы знаете, что весь мой міръ былъ возлѣ васъ, и хотите, чтобъ я остался жить, схоронивши васъ. Нѣтъ, я не доживу до этой страшной минуты, я хочу умереть прежде, хочу умереть теперь.

— Поль! вскричала Вероника, хватая его за руку: ради Бога успокойся! Твое отчаяніе терзаетъ меня.

Молодой человѣкъ, рыдая, опустилъ голову на постелю большой.

— Ахъ, живите вы, сестрица, и я останусь жить, сказалъ онъ.

— Но одинаково ли наше положеніе, отвѣчала больная.

— Можетъ-быть, прошепталъ Розовъ тихимъ голосомъ. Кто знаетъ, не нѣтъ ли я столько же причинъ умереть, какъ и вы.

Вероника вздрогнула и взглянула на него съ ужасомъ.

— Поль! сказала она дрожащимъ голосомъ: я страдаю; пожалѣй меня; ты теперь единственное существо въ мірѣ, которое можетъ облегчить страданія въ послѣдніе дни моя, но оставляй меня. Еще разъ пожертвуй за любовь ко мнѣ: ты уже такъ много сдѣлалъ для меня. Прошу, умоляю тебя объ этомъ, успокойся, побереги меня!

— Вероника, наклонившись съ постели, держала руку его.

Видъ ея страданія вдругъ остановилъ его отчаяніе. Онъ всталъ и сказалъ очень тихо:

— Я спокоенъ, сестрица; простите мнѣ минуту слабости; возлѣ васъ до послѣдней минуты останется человѣкъ, который васъ будетъ любить: общаю вамъ это.

VI.

Черезъ мѣсяцъ послѣ описанной нами сцены, въ той же самой комнатѣ, священникъ читалъ молитвы, и Поль, стоя возлѣ

постели, глядѣлъ неподвижно на умирающую Веровику. По его снѣзатой блѣдности и страданію, выражавшемуся въ искаженныхъ чертахъ его, можно было бы подумать, что онъ самъ уже умеръ, если бы трудное тяжелое дыханіе не показывало въ немъ признаковъ жизни. Ничъ дотога овладѣла душевная скорбь, что онъ не слышалъ даже какъ дверь съ шумомъ отворилась; только звукъ знакомаго голоса заставилъ его вздрогнуть. Онъ приподнял голову и увидѣлъ Славскаго. Взглядъ, брошенный имъ на доктора, кажется, высказалъ все.

— Я пріѣхалъ поздно? спросилъ онъ горестно.

Розовъ покачалъ головою. Докторъ подошелъ къ постели, взялъ пульсъ Веровики, поднесъ руку къ ея губамъ и къ сердцу.

— Она умерла, прошепталъ онъ, отступилъ назадъ, опустилъ голову и стоялъ въ грустномъ безмолвіи. Поль, думая, что сожалѣніе нашло наконецъ доступъ къ этому сердцу, закаленному паукою, смотря на его голову, покрытую преждевременно морщинами, принялъ чувство его за состраданіе и не столько уже негодовалъ на него. Вдругъ докторъ наклонился къ мертвой съ какою то отчаяніемъ, сталъ трогать ея руки и пристально смотрѣлъ ей въ лицо.

— Боже милостивый!.... Мнѣ кажется, вы ищете причину ея смерти.

— Именно, отвѣчалъ докторъ, приподнимаясь.

— Подите, сударь, вы довольно терзали ее во время жизни: оставьте въ покоѣ хоть трупъ ея.

Славскій хотѣлъ отвѣчать, но Розовъ не далъ ему времени.

— Вы не могли понять болѣзнь этой женщины во время ея жизни, и хотите открыть ее теперь на этомъ безчувственномъ тѣлѣ. Ты убилъ ее, не такъ ли? И эту-то глупость вы называете наукою: рыться въ мертвомъ, чтобы найти жизнь. У васъ сердце каменное, я это хорошо знаю. Вы готовы бы погрузить ваши руки въ этотъ трупъ; но это будетъ бесполезно. Неужели искусство ваше не открыло вамъ, отчего она умерла?

Докторъ бросилъ подозрительный взглядъ.

— Ну, такъ я скажу вамъ, потому что сердце мое было учтѣе вашего искусства. Эта женщина умерла отъ любви къ вамъ. Вы оставили ее ради науки, и она хотѣла, чтобъ наука привлазала васъ къ ней, если этого не могла сдѣлать любовь. Она каждый день старалась быть хуже, чтобъ васъ видѣть.

— Это ложь, вскричалъ Славскій.

— Смотрите.

Тутъ Розовъ распахнулъ на мертвой платьѣ, и Славскій увидѣлъ, на груди рану.

— Ракъ! сказалъ онъ.

— А вы знали, что она скрываетъ свою болѣзнь и допустили это.

— Но не вы ли осудили ее на смерть?

Докторъ поднялъ руки въ отчаяніи.

— Несчастный! Это убійство, которое ты допустилъ меня сдѣлать. Ты зналъ обо всемъ и не открылъ мнѣ, что она скрываетъ въ груди смертельную рану.

Въ эту минуту Розовъ пошатнулся и упалъ въ обморокъ.

А. П. ПАВЛОВЪ.

=

ПЕТЕРБУРГСКІЯ ДАЧИ.

=

КОМЕДИЯ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ, СЪ КУПЛЕТАМИ.

=

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

СОМА СОМНІЧЬ БИРЮКОВЪ.

АННА СЕРГѢЕВНА, жена его.

ВЛАДИМИРЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ НЕВОЛИНЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, жена его.

АНЕТА, ея племянница.

ФЕДОРЪ ИВАНОВИЧЪ РОХЛИНЪ, сосѣдъ ихъ.

ОСНИЪ КОНДРАТЬЕВИЧЪ БРЫЗГАЛОВЪ, отставной бригадмейстеръ, хозяинъ дачи.

УЛЪЯНА, кухарка.

Дѣйствіе на Карповкѣ.

=

Театръ представляетъ маленькій садъ, обнесенный деревяннымъ заборомъ; по обѣимъ сторонамъ двѣ калитки, на серединѣ куртинка; двѣ песочными дорожками окружаютъ ее; около забора и по другимъ мѣстамъ, разбросано нѣсколько безцвѣтныхъ кустовъ. На дорожкахъ садовыя зеленныя скамейки.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

УЛЪЯНА, одна, шпатель въ рукѣ.

Куда она дѣвалась, эта проклятая записка?.... Весь садъ обошла, а нигдѣ не видать! Вотъ, кажется, она.... нѣтъ, это опять сырость.... Что ты будешь дѣлать?.... Безпримѣнно я ее здѣсь обронила, какъ вчера съкала грибовъ; въ кучѣ все перешарила.... экая бѣда какая! а онъ того гляди увидитъ да спроситъ! Ну, что я ему скажу? Ахти! вотъ и онъ!

Т. ХСѢІ. — СлѢД. І.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

УЛЬЯНА и РОХЛИНЪ.

РОХЛИНЪ.

Ульянушка, ты здѣсь одна?

УЛЬЯНА.

(Ай, бѣда!) Одна, батюшка.

РОХЛИНЪ.

Что ты тутъ дѣлаешь?

УЛЬЯНА.

Грибковъ ишу, кормилецъ.

РОХЛИНЪ.

Ну, что?

УЛЬЯНА.

Что, батюшка?

РОХЛИНЪ.

Что жъ, отдала ей мою записку?

УЛЬЯНА.

Какъ не отдать! отдала.

РОХЛИНЪ.

Вчера?

УЛЬЯНА.

Вчера, батюшка.

РОХЛИНЪ.

Ну, что же она?

УЛЬЯНА.

Что? Вѣстимо, взяла.

РОХЛИНЪ.

Взяла?! а спросила, отъ кого?

УЛЬЯНА.

Какъ не спросить! спросила.

РОХЛИНЪ.

Что же ты?

УЛЬЯНА.

Что? Вѣстимо, какъ вы приказали: сусѣдъ-дескать; а кто такой, не велѣлъ-де сказывать.

РОХЛИНЪ.

Уминца, баба, уминца! Если ты мнѣ это дѣло сострипаешь, ужъ я тебя награжу по-господски. Вчера я тебѣ далъ два пятиалтынныхъ и пятакъ?

УЛЬЯНА.

Спасибо, родной, кофешку купила, дай Богъ тебѣ здоровья.

РОХЛИНЪ.

Такъ и быть.... нѣ-же тебѣ еще пяти-алтынный.... и если я сегодня съ нею, какъ слѣдуетъ, объяснюсь, конечно, ничего тебѣ не пожалѣю.

УЛЬЯНА, всторону.

(Эко горе! а я письмецо потеряла! Чтобъ оно не поналось ему какъ-нибудь!)

РОХЛИНЪ.

Женюсь, такъ возьму тебя въ кухарки.

УЛЬЯНА.

Спасибо, кормилецъ.

РОХЛИНЪ.

Четыре цѣлковыхъ въ мѣсяцъ, вотъ какъ! Ей-Богу! четыре цѣлковыхъ! Я вѣдь человѣкъ расточительный. Ну, что же она тебѣ сегодня сказала?

УЛЬЯНА.

Сегодня я еще ея не видала, она все тамъ, у себя наверху, а Танька-Косая, горничная, говорила, что, дескать, барышня дурно ночь спала.

РОХЛИНЪ.

А! это вѣрно отъ меня.

УЛЬЯНА.

Дай-то, Господи, батюшка!

РОХЛИНЪ.

Вѣрно отъ меня. Я вчера, до двухъ часовъ ночи, пѣлъ у своего окна разные этакія пѣсенки.... Вѣдь мое окошко противъ ея!.... Ну, дѣло пошло въ ходъ.... Мнѣ только любопытно знать, какъ-то она меня сегодня встрѣтитъ; догадается ли, что эта записка была отъ меня.

УЛЬЯНА.

Какъ не догадаться, если вы въ грамоткѣ написали!

РОХЛИНЪ.

Нѣтъ, матушка, я человѣкъ осторожный, я просто говорю, въ третьемъ лицѣ; да ты правда этого не понимаешь!

УЛЬЯНА.

Не понимаю, батюшка.

РОХЛИНЪ.

Ну, то-то в есть! Я, такъ, стороной говорю, что есть-де человѣкъ здѣсь на дачѣ, который бы желалъ.... чтобы она.... чтобы онъ.... и прочая.... все въ этакихъ не ленихъ словахъ....

УЛЬЯНА.

Такъ, батюшка, такъ! Да отчего вы сѣ напрядки не сделаете?

РОХЛИНЪ.

Напрямки?! Вѣдь это не съ тобою говорить! Она, дѣвушка прекрасно образованная: такъ—ясно—прямо—она ничего не понимаетъ; съ ней все надо—вкось. Да на бѣду у насъ нынче лѣто такое, что по цѣлымъ недѣлямъ она въ садъ не выходитъ. А у меня все это время горло болѣло. На-дняхъ, однако жъ, я собрался какъ-то намѣкнуть ей о любви.... а заговорилъ объ комарахъ! Ну, а бумага-то все терпитъ. Конечно, мое время еще не ушло; настоящая пора жениться; да сватался-то я до-сихъ-поръ очень несчастливо.... Чуть только посвататься, другой подвернется и перебьеть....

УЛЬЯНА.

Ну, батюшка, чуть-ли съ вами и адсь такой-же грѣхъ не случился!

РОХЛИНЪ.

Какъ такъ?!

УЛЬЯНА.

Да вотъ Тамъшка-Косая говорила, что жандъ хозяинъ тоже намекалъ тетухѣ о женитьбѣ.

РОХЛИНЪ.

Какъ? отставной брантмейстеръ?!

УЛЬЯНА.

Да, сударь....

РОХЛИНЪ.

Нуужели! Такъ и есть! Тѣ-то онъ нынче нмъ и кровлю вытравилъ, и ставни поправилъ!... а нмѣ ни одного гвоздя не хотеть выколотить! Нѣтъ, каланча, ты высоко забирася.... Конечно! сегодня же объявлюсь! А! вотъ, и она вышла за крыльцо; идетъ сюда, съ книжкой.... Прекрасно.... Ну, ну, ступай отсюда.

УЛЬЯНА.

Не говорите же брызги объ вашей грамотѣ.

РОХЛИНЪ.

Не беспокойся, я ужъ знаю, какъ сдѣлать!

УЛЬЯНА.

Бѣда, если онъ ее спроситъ! Пойду посмотрю, не обронила-ли въ сараѣ.

Уходитъ.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

РОХЛИНЪ, потомъ АНЕТА.

РОХЛИНЪ.

Рѣшено, приступимъ смѣлѣ! Она вѣрно слышала, какъ я вче-

ра расшваргалъ.... Поиду, какъ-будто печально ей на встрѣчу по этой дорожкѣ.... (Идетъ и встрѣчается съ Анетой). Мое почтеніе, Анна Михайловна.

АНЕТА, проходя.

Здравствуйте....

РОХЛИНЪ, ходя по дорожкѣ.

(Она взглянула очень значительно.... хорошо, письмо вѣрно подѣйствовало!....) Здоровы ли вы?

АНЕТА.

Очень вамъ благодарна.

РОХЛИНЪ, ходя.

(Благодарна мнѣ за то, что здорова! Какая образованность!... Прекрасно! разговоръ завязывается. О письмѣ не надо спрашивать.... это ужъ будетъ слишкомъ ясно.... не пойметъ! Подойдемъ поближе и начнемъ изъ далека. Спрошу, слышала ли она мою серенаду). Какъ вы изволили почивать?...

АНЕТА.

(Какъ надоѣлъ!) Очень дурно-съ!

РОХЛИНЪ.

Дурно? (Хорошо, хорошо! вѣрно слышала). А отчего же вы дурно. почивали?

АНЕТА.

Подъ моимъ окномъ всю ночь выла собака.

РОХЛИНЪ

(Вотъ тебѣ разъ!) Собака?.... странно, очень странно! Я тоже почти всю ночь не спалъ, а ни одной собаки не слышалъ. Вы вѣрно изволили ошибиться. Это было что-нибудь другое.

АНЕТА.

Можетъ-быть; только очень похоже.

РОХЛИНЪ.

(Вѣрно я слишкомъ ясно говорю.... такъ она, изъ образованности, показываетъ видъ, будто не знаетъ для какой цѣли даются серенады, до того, что мое пѣніе приняла за собачій вой. А впрочемъ и то сказать, я былъ не въ голосъ.... обидно, если въ-самомъ-дѣлѣ ей показалось....). Вчера вы не изволили быть на музыкѣ?

АНЕТА.

Нѣтъ.

РОХЛИНЪ.

А я очень люблю музыку. Я даже абонировался на Итальянскую Оперу, на всѣ шестьдесятъ представлений, въ пятномъ яру-

съ: высокое наслажденіе! Сидишь точно на облакахъ и слышишь.... какъ говорится.... гармонію сферъ небесныхъ.... А рускіе романы вы любите?

АНЕТА.

Нѣтъ.

РОХЛИНЪ.

Это очень жаль.... у меня цѣлый альбомъ разныхъ романсовъ, напримѣръ: «О! ты, кого любить боюсь», или «Мой другъ, хранитель», или «Прости меня, прелестное созданье», и еще «О! ты....» Ахъ! ты, проклятый!.... какое злокачественное созданіе эти комары! Кажется, время порядочно размокропогодилось, лѣто такое дождливое, а отъ комарсвъ покою нѣтъ: вѣрно они и вамъ надоѣли?

АНЕТА.

Нѣтъ, комары меня не беспокоятъ.

РОХЛИНЪ.

(Вотъ дуракъ!... опять объ комарахъ....) Вы, какъ высокообразованная особа, изволите по-французски читать?

АНЕТА.

Да.

РОХЛИНЪ.

Это вамъ дѣлаетъ честь. Вы любите читать романы, повѣсти.

АНЕТА.

Да.

РОХЛИНЪ.

Я, знаете, самъ люблю повѣсти, знаете, которыя въ письмахъ.... Письма бываютъ очень интересны.... Иногда, знаете, письмо отъ неизвѣстнаго.... и написано съ такимъ чувствомъ!.... Другой отъ робости пишетъ въ третьемъ лицѣ, но робость можетъ быть отъ того, что любить еще въ первый разъ.... И, разумѣется, такая робость (Отвернулась!.... поняла!.... и не знаетъ, что отвѣчать. У меня всегда былъ особенный даръ къ темнотѣ, которую женщины такъ любятъ.... къ неясности въ мысли и выраженіи.... Ай, кто-то идетъ!)

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ТѢ ЖЕ и НЕВОЛИНЪ.

НЕВОЛИНЪ.

А! Анета, вы здѣсь?.... я васъ искалъ.... я къ вамъ съ добрыми вѣстями.... Здравствуйте, мосьё Рохлинъ! какъ поживаете? что ваше горло?....

РОХЛИНЪ.

Немного еще хрипеть, голосу мало, а впрочемъ слава Богу-съ....

НЕВОЛНЪ.

Ну, что же вы здѣсь подѣлываете?

РОХЛИНЪ.

Ничего-съ, такъ, прогуливался....

НЕВОЛНЪ.

Да, точно, есть гдѣ гулять!

РОХЛИНЪ.

Не смѣю васъ беспокоить своимъ присутствіемъ. Мое почтеніе! (Пойду отъищу хозяина, зловреднаго отставнаго брандмейстера, придержусь къ нему и разругаюсь!.... непременно разругаюсь). До пріятнаго свиданія.

Уходитъ.

НЕВОЛНЪ.

Кажется и этотъ шутъ къ вамъ не равнодушенъ? Вотъ какое дождливое лѣто: здѣсь жениховъ какъ грибовъ!

АНЕТА.

Ужъ не говорите! надоѣлъ до-смерти.

НЕВОЛНЪ.

Я сейчасъ получалъ вѣсточку изъ Тифлиса, кое отъ кого поинтереснѣе.

АНЕТА.

Изъ Тифлиса?... отъ него?... Неужели? Ахъ дайте поскорѣ прочесть!.... Да вѣтъ, не можетъ быть!.... онъ полгода ничего вамъ не пишетъ.

НЕВОЛНЪ.

Не пишетъ! Было бы чѣмъ писать! Его чуть самого не исключили изъ списковъ!

АНЕТА.

Ахъ, Боже мой! онъ былъ раненъ?

НЕВОЛНЪ.

Да. Черкесскія пули.... мѣтки.... всегда попадаютъ въ жениховъ. Но успокойтесь; рана не тяжела, драка была молодецкая, онъ совершенно доволенъ этими варварами и досадуетъ только на то, что они ранили его въ правую руку, которая долго не позволяла ему писать къ вамъ; но лишь-только доктора ее починять, онъ явится сюда и формально предложитъ ее своей прекрасной невѣстѣ.

АНЕТА.

Но развѣ тѣтушка согласится?

НЕВОЛННЪ.

Это ужъ будетъ мое дѣло. Развѣ я, будучи дядюшкой, не равносильнѣ тѣтушкѣ? Я вступлюсь за васъ и за моего друга; онъ теперь женихъ хоть-куда: произведенъ въ капитаны и переведенъ въ гвардію. Это не шутка!

АНЕТА.

Но онъ еще не скоро воротится, а до тѣхъ поръ, тѣтушка выдастъ меня за брандмейстера.

НЕВОЛННЪ.

Полноте! За брандмейстера!.... что онъ за женихъ вамъ!.... Въ его года легко потушить пожаръ въ этой части. Я ужъ отстою васъ, даю честное слово. Займитесь, лучше, здоровьемъ нашего кавказскаго героя; онъ, бѣдняжка, долго еще не поправится, если я не вышлю ему изъ Петербурга одного лекарства, объ которомъ онъ меня умоляетъ.

АНЕТА.

Такъ онъ очень боленъ?.... Вы меня пугаете!

НЕВОЛННЪ.

Ну, хоть и не очень, а болѣзнь-то у него мудреная: раненъ въ правую руку, а воспаленіе въ лѣвомъ боку.... Но нѣсколько строчекъ вашей руки будутъ ему самымъ цѣлительнымъ пластыремъ, котораго и ожидаетъ онъ изъ Петербурга.

АНЕТА.

Какъ это можно?!

НЕВОЛННЪ.

Отчего же?.... вѣдь это не письмо, а пластырь для раны!.... Храбрый капитанъ труситъ только одного: что вы его забыли! Вотъ его письмо; прочтите сами, какъ онъ проситъ меня доставить ему отъ васъ доказательство противнаго, [какъ ждетъ этой радости, какъ уже летитъ къ вамъ на крыльяхъ мечты....] это поэзія! неужели же вы не потѣшите его скромной дѣвичьей прозой?.... Доброе дѣло не надо откладывать: завтра отходитъ кавказская почта, и если вы хотите я вамъ оставлю двѣ страницы въ моемъ письмѣ.

АНЕТА.

Нѣтъ, нѣтъ! ужъ лучше я напишу ему особенную записку, и сама запечатаю....

НЕВОЛННЪ.

Чтобы я не читалъ?

АНЕТА.

Нѣтъ! не дядюшка!.... повѣрьте!.... но изъ хорошей аптеки пла-

стыри всегда посылаются запечатанные.... только, у меня нѣтъ почтовой бумаги, а если попросить у тѣтушки, она спросить, зачѣмъ....

НЕВОЛЕНЪ.

Это правда: вотъ же вамъ ключъ отъ моего бюро; тамъ вы все найдете; а я пойду къ женѣ.... къ вышесказанной тѣтушкѣ.... и займу ее, чтобъ вы успѣли написать....

АНКТА.

Ахъ, милый, Владиміръ Васильевичъ, какой вы добрый!
Уходятъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

РОХЛИНЪ и БРЫЗГАЛОВЪ

РОХЛИНЪ.

Я вамъ говорю, что это наконецъ выводитъ меня изъ терпѣнія!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да помилуйте.... что съ вами сдѣлалось!.... вы были такой тихій и спокойный жилецъ, а теперь....

РОХЛИНЪ.

Жилецъ! жилецъ!.... этому жильцу, сударь, отъ васъ житья нѣтъ.... я давно хотѣлъ вамъ это сказать, да у меня на вашей дачѣ все горло болитъ!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Помилуйте! вы, кажется, человѣкъ порядочный, а такую тревогу подняли, что ужъ и не знаю....

РОХЛИНЪ.

Не знаете?... да я то все знаю! Вы на своей дачѣ ужъ слишкомъ разхозяйничались!.... во первыхъ, посмотрите на себя: на чтѣ вы похожи? Съ вашей ли фигурой, съ вашими ли ухватками, съ вашимъ ли воспитаніемъ, съ вашимъ ли, наконецъ.... (показываетъ на лобъ).... насосомъ.... вопниаете?....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Ей Богу, ничего не понимаю!

РОХЛИНЪ.

Прошу покорно! вотъ что онъ накачалъ себя въ голову! Вы воображаете, что если я уступаю другимъ, такъ и вамъ уступлю! Нѣтъ, ужъ извините! не уступаю! ни на шагъ не уступаю! вотъ ни на шагъ!.... ни на дюймъ!.... ни на волосъ!....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да не ходите, пожалуйста, по травѣ; всю перемяли, а я завтра косить собираюсь.

РОХЛИНЪ.

Знаю я, куда вы косите, знаю; нарочно буду ходить.... Что это у васъ за садъ!.... По-миѣ, здѣсь хоть трава не рости; все перепорчу, все изломаю (*бьетъ палкой по кустамъ*).

БРЫЗГАЛОВЪ.

Что за пропасть такая!.... да что же я вамъ сдѣлалъ? За что вы распѣтушились?

РОХЛИНЪ.

За что? за что?.... И овъ еще спрашиваетъ?.... У меня съ потолка течеть!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Помилуйте! если только за это, такъ я вамъ завтра же пришлю плотника.

РОХЛИНЪ.

Нѣтъ, не за одно это; есть другое поважите....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Что же еще?....

РОХЛИНЪ.

Что? что?.... У меня ни одинъ замѣкъ не запирается.

БРЫЗГАЛОВЪ.

И это дѣло поправное: завтра слесаря позову.

РОХЛИНЪ.

Я вамъ дѣло жаловался, а вы все завтра, да завтра! Я въ вашей лачужкѣ простудился! Вы слышите, у меня совсѣмъ голосу нѣтъ?.... вчера началъ пѣть, такъ за собаку приняли.... Небось, вы у Неволлиныхъ и крышу поправили, и ставни новыя сдѣлали.... что вы думаете, что у нихъ только и свѣту въ окошкахъ?.... потому что тамъ хорошенькая племянница?.... Что?.... а?.... молчите, небось! Вы, говорятъ, тамъ свататься собираетесь?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Полноте, пожалуйста! контузите!....

РОХЛИНЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, постойте: вы хотите свататься?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Ну, хоша бы и такъ: вамъ что за надобность?

РОХЛИНЪ.

А то, что за васъ ея не отдадутъ!.... Найдутся почище васъ! Зачѣмъ вы имъ мѣшаете? Ужъ вы тамъ тѣтку какъ не задабрите, а Анна Михайловна за васъ не пойдетъ.... слышите ли?.... не пойдетъ!!! говорятъ вамъ.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Фу, ты пропасть! какъ расходился.... да хоть по травѣ-то не ходите, всю перемяли; завтра буду косить.

РОХЛИНЪ.

Нарочно буду ходить! Мнѣ все тринь-трава!.... Вотъ вамъ!
вотъ вамъ!....

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТОЕ.

ТѢ ЖЕ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА въ коцавейкѣ съ подвязанной шккой.

РОХЛИНЪ, чуть не наткнулся на нее.

Ахъ, извините, Марья Андреевна! Мое почтеніе....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Здравія желаю, матушка Марья Андреевна!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что это, вы кажется ссорились?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Нѣтъ-съ.... мы такъ-съ.... о погодѣ говорили....

РОХЛИНЪ.

Да-съ, мы такъ-съ.... о своихъ дѣлахъ....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не видали ли вы, господа, моего мужа?

РОХЛИНЪ.

Давеча, они были здѣсь.... я пойду ихъ отыщу, если прика-
жете....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, не беспокойтесь, я такъ спросила....

РОХЛИНЪ.

Помните, что за беспокойство! я очень радъ, сдѣлать вамъ
удобное.... (Брызгалову). А съ вами мы послѣ кончимъ.... Помни-
те, что я вамъ говорилъ!.... Понимаете?....

Уходить.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Ну, задагъ же онъ мнѣ задачу!

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА и БРЫЗГАЛОВЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, Осипъ Кондратьевичъ, вы не забыли моей просьбы?....
помните, объ чемъ я вчера вамъ говорила?

БРЫЗГАЛОВЪ.

О, будьте покойны, матушка!.... что увижу, или услышу, тотъ-
часъ вамъ отапортую. Впрочемъ господъ Бирюковыхъ давно ни-
гдѣ не видать: самъ то говорить нездоровъ, а жены безъ себя
никуда не пускаетъ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А! ну, тѣмъ лучше! Я вѣдь, такъ, изъ любопытства, изъ пред-

осторожности.... а впрочемъ я совершенно увѣрена въ своемъ мужѣ....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Ужъ не сомнѣвайтесь, матушка.... Да что это, у васъ зубки-то, кажется, еще не прошли?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да! Вѣрно какъ-нибудь ноги промочила.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Скажите пожалуйста!.... Экое горе! Признаться, лѣто-то у насъ такое неприличное; конечно, для грибовъ, да для картофеля оно преполезно, а вотъ для порядочныхъ людей.... на дачахъ.... не такъ чтобы.... Не ходите, матушка, по травкѣ, опять ножки промочите!.... Впрочемъ, если не противно будетъ, я вамъ пришлю зубнаго лѣкаря.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, батюшка, Осипъ Кондратьевичъ, я всѣхъ переузнала, и ни одинъ нѣмецкій зубной врачъ мнѣ не пособилъ.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да, Нѣмцы этого дѣла не разумѣютъ, матушка. Они говорятъ-то хорошо, да заговаривать не умѣютъ; а у насъ въ петербургской части, есть одинъ, просто сказать, молодець.... я вамъ доложу.... такой мастеръ, что хоть какіе зубы заговорить. Такой красобай!.... Покойница жена, въ тѣ поры, очень зубами прихварывала. Вотъ-съ онъ и взялся пособить; пришелъ, я ему говорю: «Послушай, Зубаревъ, если ты молъ сохвасталъ, такъ смотри!».... А онъ, мошенникъ, травничку попросилъ, для подкрѣпленія.... я ему, между прочимъ, графинчикъ поставилъ; онъ выпилъ рюмочку: крякнулъ; да другую: опять крякнулъ; потомъ третью, да какъ началъ, по-своему, переливать изъ пустаго въ порожнее.... говорилъ, говорилъ, и заговорилъ — какъ рукой спало! Ей Богу! Послѣ этого покойница не долго и жила. Съ талантомъ человѣкъ, нечего сказать, съ талантомъ, да чарка загубила, а то бы нажилъ себѣ копейку. Другой разъ призовутъ къ больному, а у него языкъ не воорочается.... ну, тутъ ужъ плохо заговаривать! Если прикажете, я вамъ доставлю его трезваго.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, благодарствуйте.... они у меня теперь поунались.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Ну, и слава Богу!.... Хе, хе, хе, это вѣрно я вамъ заговорилъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Можетъ-быть.... Ну, а что же вы говорили про Бирюковыхъ-то? Онъ, стало-быть, очень ревнивъ?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Брызга, матушка! ужасный брызга! я вѣдь живу надъ ними: то и дѣло бранятся!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да что мудренаго! Она должна быть такая кокетка!.... ну, а въ кому же она ее ревнуетъ?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Не могу навѣрное доложить. Должно быть, къ кому-нибудь изъ мужчинъ.... я такъ предполагаю.... изъ тѣхъ, которые помоложе его. Сами знаете: какъ мужъ вдвое старше жены, гдѣ тутъ быть ладямъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, батюшка! что это за резонъ? Вотъ и у меня мужъ помоложе меня, а вы конечно не слышали, чтобъ мы кричали на всю улицу.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Нѣтъ-съ, никогда на улицу не слышно! сохрани Богъ! Про васъ нечего говорить, вы съ своимъ супругомъ — словно голубки; хотѣлось бы, чтобъ всѣ жильцы были смиренны.... Ахъ, матушка Марья Андреевна! глядя-то на васъ, и меня забрала охота попробовать вторичнаго счастья.... Чѣмъ же вы меня порадуете? Что изволить говорить Анна Михайловна о моихъ предположеніяхъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Охъ, Осипъ Ковдратьевичъ.... вѣдь съ молодыми дѣвчонками не сговоришь! она и слышать не хочетъ.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Эю горе какое! Да чѣмъ же я нишъ не правлюсь.... она бы спросила сосѣдей обо мнѣ, хоть всю петербургскую сторону....

Я не замѣченъ былъ ни въ чемъ.
И человекъ-то не таковской,
Во всѣхъ нѣстахъ былъ молодцомъ,
.....

Себя всегда прихвально велъ,
Хитрымъ не попадался сроду,
Служа брандмейстеромъ прошелъ,
Могу сказать, огонь и воду!
Есть свой домишко, огородъ,
Есть три коровы, двѣ лошадки,
Одной жены недостаетъ....
Тогда бы было все въ порядкѣ!...

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМОЕ.

Тъ же и НЕВОЛИНЪ.

НЕВОЛИНЪ.

Ты меня спрашивала, мой другъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, мой дружочекъ, я тебя цѣлый часъ не видала; гдѣ ты это пропадалъ?

НЕВОЛИНЪ.

Нигдѣ. Я былъ дома.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, Вольдемаръ, давеча ты здѣсь гулялъ безъ меня....

НЕВОЛИНЪ.

Ну да, давеча гулялъ, а теперь сидѣлъ дома.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А что ты тамъ дѣлалъ?

НЕВОЛИНЪ.

Что за допросы — ну: курилъ, читалъ, лилъ дробь....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А ты опять завтра поѣдешь на охоту?

НЕВОЛИНЪ.

Поѣду.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Опять на цѣлый день?

НЕВОЛИНЪ.

Можетъ-быть; а что?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ничего, мой дружочекъ, я такъ спросила; ты знаешь что я твоей воли никогда не стѣснюю....

НЕВОЛИНЪ.

Да, это и видно.... Ну а вы хозяйннъ объ чемъ здѣсь бесѣдовали?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да вотъ Осипъ Кошдратьевичъ, все любитъся на наше счастье.

НЕВОЛИНЪ.

Право?

ВРЫЗГаловъ.

Истинно люблюсь, Владиміръ Васильевичъ!

НЕВОЛИНЪ.

Этакъ, пожалуй, вы еще и позавидуете намъ?

ВРЫЗГаловъ.

Какъ не позавидовать супружескому благополучію!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА, взявъ мужа подъ руку.

Это правда.... ужъ вѣдь какъ мы любимъ другъ друга! Наше домашнее счастье не Бирюковымъ чета. Неправда ли, Осипъ Кондратьевичъ?

НЕВОЛИНЪ.

Э, мой другъ, почему ты знаешь! что у тебя за страсть вмѣшиваться въ чужія дѣла!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вотъ прекрасно, это дѣло извѣстное! (*приторно тлѣнетъ*). Да, Осипъ Кондратьевичъ, видите, мы врознь минуты не можемъ пробыть; а если иногда и поспоримъ, такъ развѣ только объ томъ, кто кого больше любитъ. Не такъ ли, Вольдемаръ, а? признайся... правда?

НЕВОЛИНЪ, освобождая руку.

Ты очень тлѣнешь.... позволь, пожалуйста!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, такъ! вы не можете не сказать какой-нибудь любезности! Только васъ похвали немножко, тогда вы изъ рукъ вонъ! Вамъ всегда въ тягость моя ласка! Если бъ кто-нибудь помоложе взялъ васъ подъ руку, такъ вѣрно бы вы были поучтивѣе, чѣмъ со мною.

НЕВОЛИНЪ.

Какъ это скучно, вы вѣчно къ пустякамъ придираетесь!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, я знаю, вамъ всегда со мной скучно, оттого-то вы безпрестанно и пропадаете!

НЕВОЛИНЪ.

Нечего сказать, большая радость оставаться съ вами!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пожалуйста, хоть при постороннемъ-то человѣкѣ поудержитесь!

ВРЫЗГЛОВЪ, въ сторону.

Ну, кажется тутъ что-то загорается, уйти добро. Нашему брату тушить здѣсь нечего: старое строеніе.... Счастливо оставаться.

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕВЯТОЕ.

НЕВОЛИНЪ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Прекрасно, сударь, прекрасно! Вы очень мило себя ведете!

НЕВОЛИНЪ.

Ну! погода кажется разгуливается, а у насъ все по старому.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

До старому?! Какъ это учтиво! Вы нарочно употребили это слово, чтобы только меня уколоть!

НЕВОЛННЪ.

Вотъ ужъ о чемъ не думалъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пожалуйста, знаю я ваши шпильки! Нашъ хозяинъ Богъ знаетъ что объ насъ подумаетъ!

НЕВОЛННЪ.

Большая важность! Стану я его церемониться! Вы, кажется, прочтите его къ намъ въ роденьку?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А вамъ какое дѣло?

НЕВОЛННЪ.

А то, что вашъ брандтмейстеръ дѣлаетъ фальшивую тревогу. У Анеты есть женихъ порядочнѣе его!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, я знаю, вашъ пріятель Ольгинъ. Но онъ, слава Богу, уѣхалъ на Кавказъ, и дѣло кончено.

НЕВОЛННЪ.

Напротивъ; онъ скоро воротится и будетъ на ней свататься.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Но я ни за что не соглашусь!

НЕВОЛННЪ.

Почему же?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Потому что онъ такой же повѣса какъ и вы.

НЕВОЛННЪ.

Однако жъ я имѣлъ же счастье вамъ понравиться!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я теперь узнала на опытѣ, что молодые мужья совѣтъ де-факто-кровище!

НЕВОЛННЪ.

Ну и зрѣлыя жены тоже не заходятъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Очень хорошо! прекрасно! вы забываете, сударь, чѣмъ мнѣ обязаны: еслибъ я не задатила вашихъ долговъ, такъ можетъ-быть васъ бы посадили въ тюрьму.

НЕВОЛННЪ.

Да, конечно, вы довольно дорого за меня заплатили, за то и вы мнѣ не дешево обошлись!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ну, скажите пожалуйста, можно ли такъ обходиться съ женой! Вы не умѣете цѣнить моихъ достоинствъ; мой первый мужъ былъ не вамъ чета, а говоришь, что безъ ума отъ меня!

НЕВОЛНЪ.

Очень вѣрю.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пятнадцать лѣтъ мы прожили съ нимъ въ совершенномъ согласіи.

НЕВОЛНЪ.

Совершенно согласенъ! Теперь вѣдь справки не паведешь, а объ мертвыхъ всегда надо отзываться хорошо.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Мой *серый* мужъ умѣлъ любить!
Привязанъ былъ ко мнѣ и къ коню...
Объ немъ я буду вѣкъ грустить!

НЕВОЛНЪ.

Какъ это весело *сторону!* —
Да, эпитафій дурной
Жена объ мужѣ не напишетъ.
До-смерти надоѣсть вной,
А умеръ, такъ души не слышитъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Ахъ, какъ меня онъ баловалъ,
Гладилъ въ глаза, ласкалъ и вѣжливъ...

НЕВОЛНЪ, восторженно.

Ахъ, если бъ онъ не умралъ!
Тогда и я бы съ нею не жила!

Повѣрьте, Марья Андреевна, мнѣ самому очень тяжело, что вы такъ рано овдовѣли.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Будьте покойны, сударь, если бъ я знала какой вы сахаръ, ни за что бы не вышла за васъ.... Хорошъ мужъ, который почти не живетъ дома: то въ клубъ, то на охотѣ, то Богъ знаетъ гдѣ!

НЕВОЛНЪ.

По незолѣ ищешь какихъ-нибудь развлеченій, чтобъ отдохнуть отъ вашей ревности. Дома только и слышишь одну и ту же пѣсню; уйдешь со двора, вы не церемонитесь, подбираете ключи къ моему бюро, ищете какихъ-то любовныхъ записокъ, которыя вы сами выдумываете отъ нечего дѣлать!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Пожалуйста, пожалуйста!

Т. ХСVI. — Отд. I.

НЕВОЛЯНЪ.

Разувѣтся! Во-первыхъ, выше добовныхъ занесомъ нѣчто и пишеть; не тотъ вѣкъ. Это водплось въ ваше время. Во вторыхъ, еслибъ я ихъ получалъ, неужели я сталъ бы ихъ прятать мажоро, зная вашу милую привычку. Въ городѣ мы болѣе полугодъ не уживались ни на одной квартирѣ: вамъ вездѣ мерещилась сорерницы; по-крайней мѣрѣ здѣсь вы можете быть покойны: во всемъ околоткѣ, хорошенькаго личика не встрѣтишь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Однако жъ госпожа Бирюкова на васъ очень вѣжно посматриваетъ!

НЕВОЛЯНЪ.

Право? Я этого не замѣтилъ! Благодарю васъ за открытіе....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А я такъ очень замѣтила: чуть мы съ ними встрѣтимся, она кланяется мнѣ, а смотритъ на васъ — кокетка!

НЕВОЛЯНЪ.

Неужели? Не догадался.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Полноте, полноте, пожалуйста, разыгрывать такую невinnostь. Вы очень хорошо знаете, что она вами занята, что мужъ гонится ей въ дѣдушки, что на дачѣ легко завести интрижки!... Но смотрите, я васъ предупреждаю, если я что-нибудь узнаю, если я увѣрюсь въ моемъ подозрѣніи, я здѣсь разыграю такую сцену, какой вы и не ожидаете! Я открою глаза ея слѣпому сумасброду.... все выведу наружу!

УЛЬЯНА, ВХОДЯ.

Марья Андреевна! огородникъ привезъ двѣ сотни огурцовъ для соленія; онъ хочетъ васъ самихъ видѣть.... какъ прикажете?...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Сейчасъ приѣду! пошла прочь! Помните, что я вамъ сказала, я ничѣмъ не дорожу. Боже васъ сохрани, если это правда! Вы меня еще не знаете?!... я вамъ покажу себя!... Прощайте, сударь.

УХОДИТЬ.

ЯВЛЕНІЕ ДЕСЯТОЕ.

НЕВОЛЯНЪ, ОДИНЪ.

Ну, спасибо огороднику! Хорошо что ей надо теперь сшить огурцы, а то бы у насъ здѣсь выросла такая разрывъ-трава, что хоть вонъ бѣги! завидное согласіе, нечего сказать! — Проклятый банкъ! поддѣлъ онъ меня на эту пиковую даму.— Да, еслибъ я въ

вухъ не проигрался, судьба бы не сыграла со мною такую пошлую штуку.... Но, что дѣлать! теперь поздно, ужъ не отыграешься... Однако жъ моя дражайшая половина поселила во мнѣ желаніе познакомиться съ нашей сосѣдкой, и если правда, что она благосклонно на меня посматриваетъ, такъ мой долгъ хотѣ изъ учтивости припять это къ свидѣнію.... Я еще не рассмотрѣлъ ее хорошенько, а она кажется не дурна, надо же имѣть на дачѣ какое-нибудь развлеченіе.... А, вотъ и она съ мужемъ.... онъ медвѣдъ, отъ себя ни на шагъ не пускаетъ ее.... Сочетана же ихъ судьба: точно зима и лѣто вмѣстѣ....

Отходить всторону.

ЯВЛЕНІЕ ОДЕННАДЦАТОЕ.

НЕВОЛИНЪ, БИРЮКОВЪ въ бекешѣ, съ бобровымъ воротникомъ, и АННА СЕРГѢЕВНА, одѣта по лѣтнему.

БИРЮКОВЪ.

Нѣтъ, сударыня, вѣтъ, мы туда не пойдѣмъ, ужъ какъ хотѣте! Мнѣ и дѣшніе музыканты надоѣли, а еще платить имъ деньги.... Слуга покорный.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Сдѣлайте милость, потѣшите меня хотѣ одинъ разъ въ цѣлое лѣто....

БИРЮКОВЪ, встрѣтятся съ Неволиннымъ.

Нѣтъ, вѣтъ.... Ахъ, чортъ возьми!... вотъ встрѣча....

НЕВОЛИНЪ.

Здравствуйте, почтеннѣйшій сосѣдушко.... Мое почтеніе, сударыня....

АННА СЕРГѢЕВНА.

Здравствуйте!

НЕВОЛИНЪ.

Что это, Фома Фомичъ, такъ закутался?... Вы достаѣте навугаете наше несчастное лѣто; а сегодня, какъ видите, и саднышко хочѣтъ показаться послѣ трехдневнаго отсутствія.... Вы, кажется, собрались гулять?

БИРЮКОВЪ.

А.

НЕВОЛИНЪ.

Неужели только здѣсь въ саду?

БИРЮКОВЪ.

Нѣтъ!

НЕВОЛИНЪ.

Такъ пойдѣте въ Ботаническій?

БЮРЮКОВЪ.

Да.

НЕВОЛННЪ.

А въ Конкордію поѣдете?

БЮРЮКОВЪ.

Ну васъ съ Конкордією!

НЕВОЛННЪ.

Напрасно; тамъ сегодня праздникъ розъ.... Вечера эти оченъ интересны (*Бюрюковъ кашляетъ*). Я слышалъ, вы были нездоровы?

ВЮРЮКОВЪ.

Да.

НЕВОЛННЪ.

Но теперь, кажется, совсѣмъ поправилсъ?

ВЮРЮКОВЪ.

Нѣтъ!

НЕВОЛННЪ, всторону.

Какое же людоедъ! И у этакого Камчадала такая миленькая жена.... Рѣшено!... надо ея заняться.... До пріятнаго свиданія!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВѢНАДЦАТОЕ.

БИРЮКОВЪ и АННА СЕРГѢВНА.

ВЮРЮКОВЪ.

Вѣкъ бы съ тобой не встрѣчаться.... карповскій шематонъ, проклятый подицало! Вотъ сосѣдъ попался!... видѣть его не могу!

АННА СЕРГѢВНА.

Чѣмъ же онъ вамъ такъ не нравится?

ВЮРЮКОВЪ.

Чѣмъ? его наружность поворачиваетъ мою внутренность.... У меня было совсѣмъ прошла лпхорадка, а теперь — только взглянулъ на него.... вотъ такъ и затрясло!...

АННА СЕРГѢВНА.

Что же онъ вамъ сдѣлалъ?

ВЮРЮКОВЪ.

Что сдѣлалъ? и вы еще спрашиваете! Пожалуйста, не притворяйтесь.... дѣло ясное! Развѣ я не видѣлъ, какими глазами онъ на васъ поглядывалъ! Да, сударыня, я давно замѣтилъ, что онъ къ вамъ не равнодушенъ!

АННА СЕРГѢВНА.

А! такъ вотъ, наконецъ, загадка объяснилась. Нѣсколько дней сразу вы мнѣ объ комъ-то намекали.... и такъ-какъ я не по-

дала вамъ повода къ ревности, то и не спрашивала васъ о подробностяхъ; но теперь я должна успокоить ваши несправедливыя подозрѣнія.... Будьте покойны, сударь; я его во все лѣто разъ два встрѣчала, но не обращала на него вниманія; ктому же, почтенная его супруга всегда такъ страшно на меня смотритъ, что я вслѣдствіи стараюсь избѣгать его встрѣчъ.

ВИРЮКОВЪ.

А! видите! Чтò же это доказываетъ? Стало-быть я правъ; стало-быть она его ревнуетъ не даромъ!

АННА СЕРГѢВНА.

Это доказываетъ, что въ супружествѣ равенство лѣтъ всегда должно имѣть большія неприятности.

ВИРЮКОВЪ.

Ого! это ужъ не въ бровь, а прямо въ глазъ! Вы это говорите на мой счетъ?

АННА СЕРГѢВНА.

Считайте какъ хотите; только, пожалуйста, не ревнуйте меня во пустякамъ. Впродолженіи моего трехлѣтняго замужства, я смѣю могу сказать, что вела себя безъукоризненно.... Не испытывайте же женскаго терпѣнія.... это опасное дѣло!.... Я молода, хочу повеселиться, а вы.... вы никогда не сдѣлаете мнѣ ни малѣйшаго удовольствія!

ВИРЮКОВЪ.

Ни малѣйшаго удовольствія! А для кого же я нанялъ эту дачу?

АННА СЕРГѢВНА.

Хороша дача! Вы изъ ревности выбрали такое захолустье, что уиришь со скуки! Вотъ цѣлое лѣто я не могу допроситься, чтобъ хоть разъ побывать на Водахъ, или въ Конкордіи.

ВИРЮКОВЪ.

Цѣлое лѣто! Да развѣ это лѣто? это, Богъ знаетъ, чтò такое! Месяцъ здѣсь третій мѣсяцъ, а оно все сентябремъ смотритъ.... Отъ этаго чухонскаго лѣта цыганскій потъ прошибаетъ!...

АННА СЕРГѢВНА.

Но можно же было выбрать два или три дня.... Вотъ, напротивъ, сегодня вечеръ прекрасный!...

ВИРЮКОВЪ.

Ну, чего же вы не видали въ этой Конкордіи? У меня и здѣсь голова трещитъ отъ заморскихъ волюнокъ, контробасовъ, шарманокъ, и отъ всей этой мусикійской сволочи!... Я нанялъ дачу въ захолустьѣ, какъ вы изволите говорить, для спокойствія.... а на дѣлѣ оказывается, что здѣсь-то будто все сговорилось

мучить меня, терзать, пилить! Дурацкая мода! Какъ не жить на дачѣ?... какъ же намъ не тянуться за порядочными людьми?... всѣхъ насъ точно припешило къ этимъ сырымъ дачамъ!... Въ жизни мою не прощу себѣ этой глупости! Потѣшилъ насъ: заплатилъ сто рублей серебромъ за какую то продувную лачугу; перѣехали съ Козьяго Болота на Карповское наслаждаться природой.... Ядёмъ лѣтнихъ удовольствій, а гдѣ они? Лѣто только въ календарѣ, а у насъ отъ этихъ удовольствій ревматизмы да простуды, да всякія лихія болѣзны!... О, чортъ возьми! какъ все развѣтѣшъ да раздумаешъ, такъ еще холоднѣе становится!...

Надоѣла дача эта!
Просто, хотъ сойти съ ума!...
Вѣсто краснаго-то лѣта
Здѣсь зеленая шина!
Холодъ, сырость, непогода;
Съ потолокъ течеть струей;
Плачутъ деньги и природа,
А жильцы хотъ волкомъ вой!

Отъ дождя здѣсь все размыто!...
Каждый Божій день, съ утра,
То гвоздитъ какъ черезъ сито,
То польеть какъ изъ ведра!
Повеюмъ, какъ въ берлогѣ,
Здѣсь засядетъ всякъ пѣзъ насъ:
Сдѣлай шагъ — промочншь ноги,
Высувь носъ — насморкъ тотчасъ!

Въ щели, двери и въ окошки
Вѣтеръ ходитъ здѣсь и тамъ....
Мухи, комары и мошки
Спать мѣшаютъ по ночамъ!
День, какъ на снѣгъ, спозаранки —
Всѣ бродяги набѣгутъ;
Скрипки, трубы и шарманки
Такъ вотъ уши и дерутъ!...

Гонишь ихъ — они сильнѣе
Дуютъ, что ни говори;
Бросишь гривенникъ скорѣе,
Только чортъ васъ побери!

Чуть возможно потяну —
 Выйди — и встрѣтятся съ тобой:
 Этотъ съ пластыремъ на шеѣ,
 Тотъ съ повязанной шеей,

У того надубо въ уши,
 У друго^{го} зубъ болить,
 Этотъ съ флюсомъ, тотъ въ коклюши,
 Тотъ спитъ, другой хрипитъ...
 Точно вѣкъ изъ лазарета
 Вырвались отъ дѣкарей....
 Это северное дѣло,
 Это — дача у людей!!

Да, сударыня, ваши петербургскія дачи только разстраиваютъ здоровье да семейное спокойствіе! Въ городѣ жена шиваетъ какъ мужу хочется, а на дачѣ какъ ей угодно; въ городѣ мужъ дозвонитъ, а на дачѣ онъ, чертъ знаетъ, что такое!... Въ городѣ жена всегда на глазахъ, безъ спросу ни на шагъ, а на дачѣ — свобода! дѣлай что хочешь, иди куда глаза глядятъ; а мужъ, хоть въ оба смотри, ничего не увидитъ! О! будь прокляты эти дурцкія дачи!

АННА СЕРГЪЕВНА.

Ахъ, Боже мой! какъ вы кричите! нашъ братмейстеръ полагаетъ, что здѣсь пожаръ!... Вы хоть бы сосѣдей постыдились!

БНРЮКОВЪ.

Вотъ то-то и дѣло.... Въ городѣ мужъ кричи себѣ какъ хочешь, никто и ухомъ не поведетъ; а на дачѣ чихнуть нельзя, рта не смѣешь разинуть, того гляди сосѣди сбѣгутся.... а кто эти сосѣди? волокиты да подлупалы, которые только и думаютъ, какъ бы подсосѣдаться къ чужой женѣ!

АННА СЕРГЪЕВНА.

Полноте, пожалуйста!... Скоро шесть часовъ; скажите же рѣшительно: пойдемъ ли мы въ Конкордію?

БНРЮКОВЪ.

Нѣтъ! рѣшительно нѣтъ!

АННА СЕРГЪЕВНА.

Но вѣдь тамъ сегодня праздникъ розъ!...

БНРЮКОВЪ.

Какіе праздники въ будни!... это все Нивиды выдумали. Да, я повинна васъ, сударыня, отчего вамъ непремѣнно хочется туда

сегодня! оттого, что этотъ усатый любезникъ тамъ будетъ; вы, вѣроятно, условились? тамъ вамъ свобода съ нимъ перемигиваться.

АННА СЕРГЪЕВНА.

А! такъ вы все-таки продолжаете вашу пошлую шутку? Повторяю вамъ, что я объ немъ и не думаю....

ВЕРЮКОВЪ.

О! я знаю любовныя уловки. У васъ, я чай, свои особенныя знаки? Если кому мѣшаютъ словесно объясниться, разумѣется, можно изложить на бумагѣ, а за почтальономъ на дачѣ дѣло не станетъ; положи въ любой кустикъ посланіе, дойдетъ по адресу. Знаю я васъ, писательницы девятнадцатаго столѣтія!

АННА СЕРГЪЕВНА.

А! вотъ наконецъ до чего дошло! Вы ужъ задѣли мое самолюбіе, мою честь.... такъ знайте же, сударь, если вы будете продолжать мучить меня сумасбродною ревностью, придираться ко всякому слову, выдумывать на меня небывалыя исторіи, то, разумѣется, кончатся тѣмъ, что....

ВЕРЮКОВЪ.

Что? что? что?! кончатся чѣмъ?!...

АННА СЕРГЪЕВНА.

Кончатся тѣмъ, что.... что вы будете резновать меня не_по_напрасу!

ВЕРЮКОВЪ.

Безподобно! Вотъ какъ вы начинаете поговаривать на дачѣ, на вольномъ-то воздухѣ!... Вы въ львицы хотите записаться, да я-то вамъ не баранъ достался!... я хочу жить по старинѣ, хочу быть главой въ дому.... Въ Конкордію мы не пойдемъ: ни сегодня, ни завтра, никогда! Извольте здѣсь гулять, у меня на глазахъ! а вѣтъ такъ, пожалуйста въ комнаты: пора чай пить и дѣло съ концомъ! Больше нечего говорить!

ВРЫЗГЛОВЪ, пѣ-за забора.

Сдѣлайте милость, не ходите по травѣ: я завтра косить собираюсь.

ВЕРЮКОВЪ.

Что?... какъ вы смѣете мнѣ это говорить!... какъ вы смѣете насъ подслушивать!...

ВРЫЗГЛОВЪ.

Извините-сь, я такъ пѣть учтивости хотѣлъ спросить, а впрочемъ, какъ вамъ угодно.

ВЕРЮКОВЪ.

Убирайтесь къ чорту! васъ здѣсь не спрашиваютъ (*Брызгаловъ скрывается*). А, вы сударыня помните, что я вамъ говорилъ.... можете погулять здѣсь четверть часа, и приходите въ панталы.... Если жъ опять этотъ любезникъ пожалуетъ сюда, прошу съ нимъ не говорить ни слова.... я какъ мужъ запрещаю вамъ это, и вы должны меня слушаться.... вотъ и все.... Промытая дача!

Уходитъ.

ЯВЛЕНІЕ ТРИНАДЦАТОЕ.

АННА СЕРГѢВНА, одна.

Каковъ муженекъ! мнѣ и въ голову не входило заниматься шшимъ сосѣдомъ, я объ немъ никогда и не думала.... а онъ.... Вотъ такъ-то всегда бываетъ у ревнивыхъ мужей: они видятъ это тамъ, гдѣ его нѣтъ, а гдѣ слишкомъ очевидно, тамъ ничего не видятъ! Однако жъ съ чего жъ онъ взялъ? Говорить, что *давно заштилъ*, на меня смотрятъ не равнодушно.... Чтѣ жъ, тѣмъ лучше, я очень рада! я теперь такъ сердита, что желаю, чтобы это была правда! Онъ запрещаетъ мнѣ говорить съ нимъ: хорошо же, нарочно буду говорить, хоть для того только, чтобы отомстить этому ревнивцу; да, за обидные его упрямъ, которыхъ я еще не заслужила, онъ стоитъ быть наказанъ.

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ.

АННА СЕРГѢВНА и НЕВОЛИНЪ.

НЕВОЛИНЪ.

А, она здѣсь еще.... и одна.... прекрасно. Посмотримъ, правду ли сказала жена.

АННА СЕРГѢВНА.

Вотъ и онъ.... я очень рада.... увидимъ, точно-ли онъ занимается мной.

НЕВОЛИНЪ.

Она въ-самомъ-дѣлѣ прехорошенькая.

АННА СЕРГѢВНА.

А вѣдь онъ очень, очень не дуренъ.... Я прежде этого не за-мѣчала.

НЕВОЛИНЪ.

Вы, Анна Сергѣевна, рѣдко посѣщаете нашъ знаменитый садъ. Конечно, карповская флора, не слишкомъ роскошна; какъ видите рѣпейникъ, крапива, цикорій, за то нѣтъ барской спѣси, простота на каждомъ шагу.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Нынѣшней лѣто такъ скупо на хорошую погоду:
нелюбитъ.

Сегодня однако жъ для вашего выхода; солнце проглянуло и
сдѣлалось теплѣе обыкновеннаго. Можно подумать, что вы не
потому не гуляете, что погода дурна, но потому что вы дурны,
что вы не гуляете.

АННА СЕРГЪЕВНА, всторону.

Это невозможно пошло, а всё-таки онъ хотѣлъ сказать мнѣ лю-
безность, стало-быть мужъ не ошибся.

НЕВОЛНЪ, тоже.

{Она слушаетъ меня довольно благосклонно; Спасибо жень, что
она меня задумала: Конечно, замочусь, непременно замочусь).
Вашъ супругъ тоже кажется не любитъ гулять?

АННА СЕРГЪЕВНА.

Да; онъ большой домохозянъ.

НЕВОЛНЪ.

Вѣрно также какъ моя жена.... Вы изволили видѣть мою же-
ну.... такую... такую солидную женщину.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Да-съ, я ее видѣла.

НЕВОЛНЪ.

Я-бы за честь поставилъ себѣ познакомиться ее съ вами, но она
съ самаго переезда на дачу не совсѣмъ здорова.

АННА СЕРГЪЕВНА.

А, также какъ мой мужъ.

НЕВОЛНЪ.

Сегодня въ Конкордиѣ будетъ очень весело, и вы навѣрно
воспользуетесь нынѣшнимъ вечеромъ.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Я бы охотно туда поѣхала, но мой мужъ не любитъ много-
людныхъ собраній.... Препераетъ для него всего пріятнѣе.

НЕВОЛНЪ.

О, Боже мой! это непростительно! развѣ мало девяти мѣся-
цевъ для этихъ несчастныхъ картъ.

АННА СЕРГЪЕВНА.

А, вы ихъ не любите?

НЕВОЛНЪ.

О, терпѣть не могу.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Я сама ихъ ненавижу.

НЕВОЛИНЪ.

Помилуйте! что за карты! Конечно, въ известныя года, эта слабость очень извинительна, но нельзя же жить только для себя. Въ ваши лѣта, съ вашимъ образованіемъ и вкусомъ вамъ кумуны удовольствія болѣе изящныя.... грѣшно-же вамъ сидѣть въ эверти, когда все вокругъ васъ живетъ, веселится.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Я бы желала, чтобъ мужъ мой насъ подслушалъ.

НЕВОЛИНЪ.

Вы вѣрно любите музыку?

АННА СЕРГѢЕВНА.

Очень, но мужъ мой терпѣть ея не можетъ.

НЕВОЛИНЪ.

А, такъ какъ моя жена. Скажите, каковъ у нихъ слухъ, они оба, кажется, настроены въ одинъ тонъ, но я въ восхищеніи, что мой вкусъ не противорѣчитъ вашему.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Если бъ у меня была своя воля, я бы непремѣнно аборпировалась на итальянскую оперу.

НЕВОЛИНЪ, всторону.

Бѣдная женщина! Каково ей жить съ этимъ дикобразомъ!

АННА СЕРГѢЕВНА.

Какъ мнѣ его жаль! Что ему была за охота сдѣлать такой страннѣйшій выборъ.

НЕВОЛИНЪ.

Надо признаться, что судьба часто жестоко свѣтается надъ людьми, оттого-то инымъ такъ скучно.

АННА СЕРГѢЕВНА.

Что вы хотите этимъ сказать?

НЕВОЛИНЪ.

Ничего. Только согласитесь, что на свѣтѣ много странныхъ, необъяснимыхъ вещей. Напримѣръ, моя жена, своимъ склонностями, характеромъ, лѣтами очень похожа на вашего супруга, а судьба распорядилась иначе....

АННА СЕРГѢЕВНА.

Кажется, сегодня не будетъ дождя, какой пріятный вечеръ.

НЕВОЛИНЪ.

И вы не хотите имъ воспользоваться.... Такіе дни, здѣсь рѣдкость, контрабанда, надо ихъ ловить. Я далъ слово моей племянницѣ отправиться съ ней къ Гильмаву, водой.... Вы не боитесь воды?

АННА СЕРГЬЕВНА.

Напротивъ, очень люблю: но никогда не могла уговорить къ тому моего мужа: онъ врагъ всѣхъ невинныхъ удовольствій.

НЕВОЛНЪ.

А, также какъ моя жена! Впядите-ли, они какъ двѣ капли воды похожи другъ на друга. Впрочемъ, дача имѣетъ свои привилегіи, в еси бь вы удостоили сдѣлать моей племянницѣ компанію.... Кажется, вѣдь вы съ ней знакомы.

АННА СЕРГЬЕВНА.

Да, она премилая дѣвица, но я, право, не знаю.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ.

ТЪ ЖЕ и АНЕТА.

АНЕТА.

Вотъ ключъ отъ вашего бюро, я написала, запечатала и положила въ ящикъ направо.

НЕВОЛНЪ.

Вотъ это напрасно.

АНЕТА.

А что?

НЕВОЛНЪ.

Ничего, ничего, послѣ... мы здѣсь не одни.

АНЕТА.

Ахъ, милая Анна Сергѣевна, здравствуйте, мы, кажется, съ вами цѣлую недѣлю не видались, по причинѣ дурной погоды.

НЕВОЛНЪ.

Поблагодарите Аяну Сергѣевну, она дѣлаетъ намъ честь, соглашается ѣхать съ вами въ Конкордію.

АНЕТА.

Ну ужас! ахъ, какъ это будетъ весело! благодарствуйте!

АННА СЕРГЬЕВНА.

Пѣтъ, пѣтъ, другъ мой, вашъ дядюшка шутить; я совсѣмъ не соглашалась.

АНЕТА.

Почему же вы отказываетесь?

АННА СЕРГЬЕВНА.

Очень просто: мужъ не позволяетъ.

АНЕТА.

Ахъ, Боже мой! вѣдь мы побѣдемъ не въ Кронштадтъ, тутъ всего два шага, только переѣхать Неву. Ахъ, я сегодня такъ счастлива, что мнѣ бы хотѣлось съ вами раздѣлить мою радость.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Въ самомъ-дѣлѣ вы сегодня необыкновенно веселы.

АНЕТА.

О, на это у меня есть свои причины. Полюбите пожалуйста моего милого дядюшку: онъ предобрый, онъ такъ заботится о моемъ счастьи.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Что же это такое?

АНЕТА.

Секретъ; но если вы съ нами поѣдете, я вамъ все расскажу.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Развѣ этотъ секретъ нельзя рассказать на сухомъ пути.

АНЕТА.

Можно; только мнѣ бы ужасно хотѣлось, чтобы вы поѣхали съ нами.

НЕВОЛННЪ.

Анета, я надѣюсь на ваше краснорѣчіе и бѣгу приготовить лодку.

Уходить.

ЯВЛЕНІЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ.

АНЕТА и АННА СЕРГЪЕВНА.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Что онъ дѣлаетъ! Послушайте, послушайте! Воротите его пожалуйста.

АНЕТА.

Вотъ мило: онъ хлопочетъ о нашемъ удовольствіи, а я буду ему мѣшать? Нѣтъ, нѣтъ, ни зачѣто?

АННА СЕРГЪЕВНА.

Впрочемъ, разумѣется, вы можете ѣхать и безъ меня.

АНЕТА

Да отчего же не съ вами?

АННА СЕРГЪЕВНА.

О, мой другъ, когда.... когда вы выйдете за-мужъ, вы также будете не свободны въ своихъ поступкахъ.

АНЕТА.

Вы не ошиблись, я можетъ-быть скоро выйду замужъ, непременно выйду. Но это еще секретъ.

АННА СЕРГЪЕВНА.

Поздравляю васъ, и я кажется догадалась кто этотъ счастливецъ. Господинъ Рохлинъ къ намъ часто ходитъ и безпрестанно говоритъ объ васъ.

АНЕТА.

Кто? Рохлина? нѣтъ, нѣтъ, статскій женихъ герой не моего романа.

АННА СЕРГѢВНА.

Такъ неужели нашъ хозяинъ?

АНЕТА.

Ахъ, страсти! вотъ нашли военного.

АННА СЕРГѢВНА.

И такъ это военный?

АНЕТА.

Пойдите, я вамъ все разскажу.

Хотятъ пѣть.

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ.

ТѢ же и БРЫЗГАЛОВЪ.

БРЫЗГАЛОВЪ.

Здравія желаемъ! Честь нѣвомъ поздравить съ благодатной погодой.

АНЕТА.

Ахъ, какой скучный, уйдемте отъ него!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Позвольте васъ спросить, барыни, не изволили ли обронить что-нибудь?

АНЕТА.

Нѣтъ, нѣтъ, мы ничего не обронили, намъ некогда, извините! Пойдите, Анна Сергѣевна, я сама выпрошу позволеніе у вашего супруга.

Уходятъ.

ЯВЛЕНИЕ ОСЬМНАДЦАТОЕ.

БРЫЗГАЛОВЪ, одинъ.

Ушла! не можетъ меня видѣть! Вотъ каждый день такимъ манеромъ, взглянетъ и повернется.... да вѣдь, то есть, какъ повернется! Картинка! Нѣтъ, братъ, Осипъ Кондратьевичъ, видно и тебѣ придется на право кругомъ, знать не твоего года года.... Эхъ-ма! да и куда у меня удалство дѣвалось. Бывало перья на крышу лезетъ: «Васильевская, качай!» дѣло кончено! бывало хоть какое полымя потушишь, а теперь нѣтъ! (помазываетъ на сердце) здѣсь вотъ словно вода въ бочкѣ замерзла. Вотъ что значить любовь, настоящая, благородная, сдѣлаешься тише воды и ниже травы.... Эхъ они ее тутъ притоптали! Однако жъ между прочимъ, кто же это письмо обронилъ.... Съ городской почты не

можетъ быть: ни части, ни квартала, ни номера; по этому адресу же скоро съобщимъ: «Прелестью обитательницъ здѣшнихъ мѣстъ». Видно къ женщинамъ, а можетъ быть къ дѣвухамъ — дѣло закрытое.... (лай за сценой). Эхъ, да кого это Буянка разлаялась: цыцъ, цыцъ! Буянка, цыцъ!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ.

БРЫЗГАЛОВЪ и БИРЮКОВЪ.

БИРЮКОВЪ.

Чортъ бы ее побралъ!... Проклятая дача! Что вы тутъ разгуливаете?... Что вы не унимаете вашихъ собакъ! Проходу нѣтъ отъ нихъ!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Помилуйте, моя Буянка такая смиренная, пугливая, никого сама не тронетъ.

БИРЮКОВЪ.

Какая къ чорту смиренная! Я шелъ задумавшись, а она тутъ лежала у забора, я чихнулъ, а она меня чуть за шкуру не схватила!

БРЫЗГАЛОВЪ.

А, такъ видите, вы ее сами изволили испугать!

БИРЮКОВЪ.

На что это похоже: свои собаки грызутся!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Извините, еще съ провозня васъ не узнала, а собака смиренная.

БИРЮКОВЪ.

Проклятая дача! На каждомъ шагу неприятности!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Сдѣлайте милость не ходите по трамвѣ, а завтра косить дблираюсь.

БИРЮКОВЪ.

Провалитесь вы съ вашей травой, да и съ дачей-то вмѣстѣ.

БРЫЗГАЛОВЪ, оплечиваясь

Что это, Господь съ вами! Да, гдѣ же вы во всемъ околоткѣ найдете лучше моей дачи? Вѣдь я такъ берегу и забочусь о моихъ жильцахъ, что и сказать нельзя! Вотъ хоть теперь примѣромъ будучи, нашелъ какую-то записку у вашего подсадыника: другой бы взялъ себя, а я такъ нѣтъ, да мое дѣло, надо прежде показать жильцамъ.

БИРЮКОВЪ.

Записку у моего подсадыника?! Покажите, покажите!...

БРЫЗГАЛОВЪ.

Извольте-съ.... я не распечатывалъ, почему звать, можетъ-быть съ деньгами!

ВИРЮКОВЪ.

Что это?! Записка къ женщинѣ!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да-съ, можетъ-быть какая-нибудь амурная!

ВИРЮКОВЪ.

Что, что, что! Охъ, ничего не видя меня въ жаръ бросило....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да-съ, сегодня, такъ слава Богу тепленько! Развѣ къ ночи, но жеть-быть, дождикъ соберется.

ВИРЮКОВЪ.

«Прелестной обитательницѣ здѣшнихъ мѣстъ». А, это ясно!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Видите, какъ тонно сказано?!

ВИРЮКОВЪ.

Это вѣрно къ ней! головой отвѣчаю: не даромъ у меня здѣсь гвоздичъ.... Ступайте, ступайте, хозяйнѣ, эта записка.... ко мнѣ!.. ко мнѣ!..

БРЫЗГАЛОВЪ.

Какъ?... къ вамъ?... да вѣдь это къ женщинѣ!

ВИРЮКОВЪ.

То есть, эта записка.... отъ меня.... я ее потерялъ.

БРЫЗГАЛОВЪ.

А, вотъ что!... Ай да старый хрѣвъ... еще любовныя записки писать! Ну, хорошо же, что я не показалъ его вашей супругѣ.... а то бы, знаете, неловко....

ВИРЮКОВЪ.

Что, неловко? что вы хотите этимъ сказать?

БРЫЗГАЛОВЪ.

Извѣстное дѣло.... мнѣ бы было непріятно.... можетъ-быть... ежели бы она... то есть... какъ-нибудь....

ВИРЮКОВЪ.

Что вы тутъ путаете?!.. Самъ ничего не знаетъ, а туда же суется.... васъ никто не спрашиваетъ! Вы послали записку и прѣ- красно, я вамъ очень благодаренъ, и дѣло съ концомъ, а васъ не прошу вмешиваться въ мои семейныя дѣла!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Помилуйте, я можно сказать изъ привязанности....

ВИРЮКОВЪ.

Привязывайте лучше вашихъ собакъ, а меня оставьте въ покоѣ! Не вад...

БРЫЗГАЛОВЪ.

За что же вы изводитѣ гнѣваться?

ВИРЮКОВЪ.

Оставьте меня, говорю вамъ....

БРЫЗГАЛОВЪ.

Иду, иду-съ.... Вотъ жильцовъ себѣ какихъ напустилъ: самого хозяина чуть въ шею не толкають... Давеча господинъ Рохлинъ оборвалъ, ни дай ни вынеси, теперь этотъ ни за что ни про что....

ВИРЮКОВЪ.

Уйдете ли вы?!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Счастливо оставаться.... Да не ходите по травѣ, завтра косить собираюсь.

Ухлюптъ.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТОЕ.

ВИРЮКОВЪ, однт.

Наслы ушелъ! Ну, что-то я узнаю (*читаетъ*). «Съ того несчастливнаго дня, то есть съ 21 мая, какъ берега тихой Карповки очастливились вашимъ появленіемъ, я потерялъ мою драгоценную свободу....» 21, такъ и есть! Мы 20 числа переѣхали сюда: «Вотъ уже давно прошли Петровка, а я еще не смѣлъ сказать вамъ о моемъ страданіи. Роковое признаніе не могло сорваться съ робкаго моего языка, но мои взгляды вѣроятно высказали вамъ тайну моего сердца. Если вы меня поняли, то мнѣ будетъ достаточно одного вашего краснорѣчиваго взгляда, и тогда я счастливѣйшій человекъ въ мірѣ. Я живу съ вами почти подъ одной крышей, дышу однимъ воздухомъ, но увы! на долго ли это блаженство!» -- И безъ подписи! Но мнѣ все равно! кромѣ его, никто не напишетъ такой пошлости! Вотъ онъ, проклятыя дачи, до чего доводятъ! «Живу подъ однимъ воздухомъ, дышу одной кровлей!!!» — Нѣтъ, чортъ возьми, я этого не потерплю! Сейчасъ же пойду, отыщу его, и спрошу, какъ онъ смѣлъ.... да нѣтъ, онъ отперется! нарочно, фамиліи не подписалъ.... мошенникъ! — Пойду къ жевѣ, скажу ей.... нѣтъ, и она не признается! Онъ здѣсь не называетъ ея имени!! Каково голубчики придумали! — И концовъ не найдешь!! — Хорошо же, коли на то пошло.... покажу эту записку его дражайшей половинѣ.... она должна

знать руку своего негодяя... Пускай она старая дура... Эхъ, да и я не умѣю ея.... По-дѣломъ намъ обоятъ!... Ахъ, Боже мой! ноги подгибаются!... Проклятая дача!

Опускается на скамью.

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ-ПЕРВОЕ.

БИРЮКОВЪ и МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Поди, поди, отыщи его, гдѣ хочешь! скажи ему, что я здѣсь въ саду, чтобы онъ сію минуту пришелъ сюда.... О извѣнникъ! чудовище!... теперь ужъ онъ меня не разувѣритъ... удика въ моихъ рукахъ! Посмотримъ, какъ онъ теперь извернется!... Я задыхаюсь отъ досады! Охъ, тяжело, тяжело! Я не перенесу этого!

БИРЮКОВЪ.

Нелегкое меня повесело на дачу! въ городѣ бы, можетъ-быть, ничего этого не случилось!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Здѣсь на дачѣ онъ совсѣмъ изъ рукъ вонъ!

БИРЮКОВЪ.

Здѣсь ей раздолье! свобода! дѣлай, что хочешь.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

О, чудовище!

БИРЮКОВЪ.

О, кокетка!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что-съ?... а, это вы!

БИРЮКОВЪ.

А, вы здѣсь.... извините, я васъ не замѣтилъ (*старая дура*)!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Старый шутъ! женился на этакой вертушкѣ.... что мудренаго?!... Какъ не войти дури въ голову!

БИРЮКОВЪ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, глупъ бы онъ былъ, еслибъ не волочился отъ этакаго сокровища.... я, милостивая государыня, собрался было къ вамъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А я тоже хотѣла васъ видѣть....

БИРЮКОВЪ.

Право? Стало быть мы сошлись здѣсь кстати?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, очень кстати!

БЕРЮКОВЪ.

Въ чемъ же дѣло?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Я, сударь, церемониться съ вами не стану!...

БЕРЮКОВЪ.

Я, тоже, безъ обиняковъ вамъ все выскажу!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Вы, сударь, душно смотрите за вашей женой!

БЕРЮКОВЪ.

Право? хорошо ли то вы глядите за вашими вѣтрогономъ?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Чужую крышу нечего крыть, когда своя течетъ!

БЕРЮКОВЪ.

Туть, сударыня, рѣчь идетъ не о крышѣ, а дѣло открытое! Я вамъ могу представить формальное доказательство!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А, вы думаете, что я вамъ говорю на вѣтеръ, что у меня нѣтъ уликъ почище вашего?

БЕРЮКОВЪ.

Если вы не умете вашего мужа, у насъ добдетъ съ нимъ до исторіи! Я чести своей коснуться не дозволю.... я.... я.... я буду — жаловаться!!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Полноте пожалуйста! Мой мужъ и не подумалъ-бы объ вашей жень, еслибъ она сама не подавала повода!

БЕРЮКОВЪ.

Вашъ мужъ—негодяй, соблазнитель!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ вы смѣете это говорить? Ваша жена кокетка, вѣтренница! и вотъ вамъ письменное тому доказательство: эту записку я сейчасъ нашла у него въ бюро!

БЕРЮКОВЪ.

Что, что?!... Записка отъ моей жены!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да, сударь, посмотрите, ея ли это рука?

БЕРЮКОВЪ.

Ничего не вижу.... ничего не разберу!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Дайте-же я вамъ прочту: «Ваша упреси несправедливы! вы «да на минуту не выходили изъ моей памяти» — каково!!

БЕРЮКОВЪ.

Дайте, дайте!!!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

«Признаюсь, я очень сердилась на васъ, но теперь сержусь на самое себя. Ваши страданія меня душевно трогаютъ. Вы меня любите, и я совершенно счастлива, больше мнѣ нечего вамъ сказать. Ваша Авета» — Каково? ну что вы скажете?

БПРЮКОВЪ.

Зарѣзала!! осрамила на всю Петербургскую сторону!...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

«Ваши страданія меня душевно огорчаютъ» а? каково?!

БПРЮКОВЪ.

Погодите, погодите.... Сейчасъ и я васъ также поподчую.... прочтите ка теперь вы, посланіе вашего голубчика.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Что?... Письмо моего мужа?!

БПРЮКОВЪ.

Вы вѣрно знаете его почеркъ?...

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

То то и бѣда, что нѣтъ.... Ну да все равно, дайте поскорѣе....

БПРЮКОВЪ.

Да, сударыня, не угодно-ли я вамъ прочту въ свою очередь....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Нѣтъ, нѣтъ, я сама: «съ того незабвеннаго дня»....

БПРЮКОВЪ.

Каково?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Постойте, постойте, не мѣшайте.

(Продолжаетъ читать, тихо).

БПРЮКОВЪ.

О пзмѣнница! Несблагодарная! я съ ней раздѣляюсь: завтра же переѣду съ дачи, сейчасъ же найму пзвошниковъ, запру ее на замокъ, ни на шагъ изъ дому не пущу, сторожа приставлю, охъ, духъ захватываетъ.... ноги подгвбаются!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Охъ охъ чудовище! охъ, дурно! дурно! воды! воды!!

БПРЮКОВЪ.

Дайте и мнѣ чего выбудь!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Да что же вы тамъ сидите, помогите мнѣ!

БПРЮКОВЪ.

Эхъ, отстаньте пожалуйста! я самъ не могу пошевелиться.... Проклятая дача! здѣсь умрешь, такъ никто не услышитъ!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Такъ хотъ закричите, подите.... я не могу, у меня спазмы!

ВЕРЮКОВЪ.

Эй, кто нибудь! Пожалуйте подите сюда!

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Воды, воды! охъ! такъ вотъ здѣсь и горить!

ЯВЛЕНІЕ ДВАДЦАТЬ-ВТОРОЕ И ПОСЛѢДНЕЕ.

Тѣ же и всѣ другіе.

В С ъ.

Что такое? что случилось?

ВРЫЗГАЛОВЪ.

Бричатъ, воды?!.. Гдѣ горить? Не выкинуло ли изъ трубы?!

ВЕРЮКОВЪ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А, милости просимъ, милости просимъ, вы какъ разъ успѣли на очную ставку!

АННА СЕРГѢЕВНА.

Вместѣ. { Что съ вами?

НЕВОЛННЪ.

{ Что это значить?

ВЕРЮКОВЪ.

И вы не краснѣете, сударыня?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

И ты можешь спокойно на меня смотрѣть? Извергъ!!

АННА СЕРГѢЕВНА.

Вместѣ. { Что это за комедія?

НЕВОЛННЪ.

{ Что за драма?

РОХЛННЪ.

{ Что за исторія?

РОХЛННЪ.

Извините, я можетъ-быть лишній, я такъ печально попалъ сюда, я уйду....

ВЕРЮКОВЪ.

Нѣтъ, нѣтъ, останься Федоръ Ивановичъ, я хочу, чтобъ всѣ были свидѣтелями моего стыда и ея невѣрности!

АННА СЕРГѢЕВНА.

Вместѣ. { Да растолкуйте пожалуйста!

НЕВОЛННЪ.

{ Объясните наконецъ, что это значить?

Внѣстѣ { И она еще спрашиваетъ!...
МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.
И она, какъ будто не поднимаетъ!
БИРЮКОВЪ.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.
Читай взмѣнникъ, коли на то пошло!

БИРЮКОВЪ.
Читайте и вы мою отходную!

АННА СЕРГЪЕВНА.
Кто это пишетъ?

НЕВОЛИНЪ.
Чье это письмо?
БИРЮКОВЪ И МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Читайте, читайте!
НЕВОЛИНЪ.

«Съ того незабвеннаго дня, какъ берега тихой Карповки...»
что это за чепуха?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И БИРЮКОВЪ.
Читайте, читайте!

РОХЛИНЪ.
Позвольте, позвольте.... это не годится, это писано совсѣмъ
не для всеобщаго свѣдѣнія....

БИРЮКОВЪ.
Не ваше дѣло, Федоръ Ивановичъ, не ваше дѣло.... дайте ему
кончить!...

РОХЛИНЪ.
Ну, ужъ извините, я человекъ скромный! Вы видите, я по-
краснѣлъ отъ первой строчки, а ужъ отъ прочаго пожалуйте
увольте.... это очень конфузно!!.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА (мужу).
Видишь ли, посторонніе люди за тебя краснѣютъ!

НЕВОЛИНЪ.
Да что за вздоръ! если бъ я и вздумалъ написать къ кому
нибудь, такъ вѣрно бы написалъ потолковье этого....

РОХЛИНЪ.
Позвольте, позвольте.... Вы меня обижаете, я хотѣлъ выразить
мои чувства....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И НЕВОЛИНЪ.
Какъ? Такъ это вы писали?!

РОХЛИНЪ.
Извините, Марья Андреевна, это собственное мое сочиненіе.

БПРЮКОВЪ.

Что? что? ты писалъ къ моей женѣ?

РОХЛИНЪ.

Какъ это можно, Юма Юмичъ, развѣ вы меня не знаете?... Я на это неспособенъ....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА И БПРЮКОВЪ.

Такъ къ кому же это письмо?

РОХЛИНЪ.

Извините, я не виноватъ.... это Уляна меня поддѣла!

НЕВОЛИНЪ.

Вотъ забавно! Такъ къ ней что-ли вы писали?

РОХЛИНЪ.

О, помните, какъ это можно.... она меня утѣрила, что отда-ла Аннѣ Михайловнѣ.... Извините, Анна Михайловна.... я не смѣлъ на словахъ....

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

А, такъ вотъ въ чемъ дѣло!...

НЕВОЛИНЪ.

Видите, сударыня, вотъ всегда ваша ревность этимъ кончается.

АННА СЕРГѢЕВНА (ОУЖУ).

Видите?

БПРЮКОВЪ.

Ну, хорошо, эта статья кончена, а что вы скажете объ этой....

АННА СЕРГѢЕВНА.

Кажется я догадалась въ чемъ дѣло, и передаю кому слѣдуетъ.
(Отдастъ Аветъ).

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Какъ, племянница!!

АВЕТЪ

Извините, тетушка.

РОХЛИНЪ.

Что я слышу! какое счастье! такъ вы написали мнѣ отвѣтъ?

НЕВОЛИНЪ.

Нѣтъ, господинъ Рохлинъ, пишите пропало: она у насъ патриотка, любить военныхъ людей!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Да.... то есть.... примѣрно сказать не кавалериста.... а такъ.... около того.... то есть.

НЕВОЛИНЪ.

То есть не васъ. Это письмо къ Ольгину, ея жениху!

РОХЛИНЪ И БРЫЗГАЛОВЪ

Вотъ тебѣ разъ!

АННА СЕРГЪЕВНА.

Ну, сударь, что вы теперь скажете? и вы не постыдились, при всѣхъ....

ВИРЮКОВЪ.

Виновать, виновать, мой дружочек!

НЕВОЛИНЪ (женѣ).

А, вы, сударыня, опять хозяйничали въ моемъ бюро?

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Не сердись, мой ангелъ, право это въ послѣдній разъ!

НЕВОЛИНЪ

Если вы хотите, чтобъ я васъ простилъ, согласитесь сію же минуту на ея свадьбу.

МАРЬЯ АНДРЕЕВНА.

Согласна, согласна на все, только прости меня.

НЕВОЛИНЪ.

Чтобъ доказать нашу общую мировую и увѣрить другъ друга, что у насъ здѣсь совершенное согласіе, теперь же отправимся въ Ковкордію. Лодка готова, и вы вѣрно не откажетесь?

ВИРЮКОВЪ.

Такъ и быть.... согласенъ (*Особо*). А на той недѣлѣ все таки переѣду съ дачи.

РОХЛИНЪ.

Ну, подкосили меня, подкосили!

БРЫЗГАЛОВЪ.

Не ходите пожалуйста по травѣ, завтра собираюсь косить.

Всѣ уходятъ.

=

СКИТЬ ГЕОСИМАНСКІЙ.

Когда пришедшіе на поклоненіе святымъ мѣстамъ Іерусалимскимъ, напитавъ душу свою великою святынею Гроба Господня, пожелають видѣть и мѣсто величайшаго изъ чудесъ Христовыхъ, упраздненный гробъ четверодневнаго мертвеца Лазаря, — они исходятъ изъ стѣнъ святаго града къ востоку, путь горы Масличной. Но прежде, нежели достигнуть Виваніи, спускаются въ глубокое русло потока Кедрскаго, среди жертваго безмолвія долины Іосафатовой: направо лежитъ путь къ селенію Лазаря, вдоль потока, еще нѣсколько осѣвеннаго остатками тѣхъ масличныхъ рощей, которыя нѣкогда покрывали всю гору и оставили ей свое имя; налѣво, при самомъ подъемѣ горы, въ виду священнаго вертограда, гдѣ молился Господь, въ ночь, когда былъ преданъ ученикомъ своимъ, — вертепъ Геосиманскій. Тамъ упраздненная гробница Матери воскресшаго Сына, который также положилъ трехдневный предѣлъ для ея гробоваго покоя: ибо погребавшіе ее съ плачемъ Апостолы, на третій день ея успѣнія, уже не обрѣли дѣвственнаго ея тѣла: — она была взята ангелами на небо, волею Сына ея и Бога!

Такъ въ Палестинѣ. Нѣчто подобное, мѣстностью и близкии сердцу именами, видимъ мы и въ отечествѣ нашемъ, подъ сѣнію священной Лавры, столько разъ его ограждавшей отъ временныхъ бѣдъ. Усердный богомолецъ, въ храмѣ

Живоначальные Троицы, сложивъ бремя сердечныхъ заботъ, у раки великаго заступника земли русской, Сергія, идетъ также къ Виоаніи, восточными вратами; оставивъ за собою зубчатая твердыни Лавры, которыя напоминають древнія бойницы іерусалимскія, онъ долженъ также спуститься на дно живописной долины, прежде нежели достигнетъ остепенныхъ рощею высотъ виоанскихъ. Но какая новая Геосиманія представляется въво, по ту сторону обильныхъ водъ, на самомъ подъемѣ лѣсистой горы, по которой лежитъ путь въ Виоанію?—Одни только убогія врата, на краю рощи и дороги, обличають существованіе пустыннаго скита, углубившагося въ чашу деревъ, на уединенный берегъ мирнаго пруда. Тамъ, гдѣ нѣкогда было мѣсто отдохновенія и развлеченій, а можетъ-быть и глубокихъ думъ юныхъ питомцевъ Виоанскихъ, будущихъ пастырей Церкви,—теперь пустынный скитъ, и въ немъ неумолкаемое чтеніе псалтыря, неуспяное бдѣніе живыхъ за усопшихъ.

Посреди обширнаго двора, прилегающаго къ прудамъ, и съ трехъ сторонъ обнесеннаго оградю, возвышается деревянная церковь и къ ней примыкають келліи настоятеля скитскаго, простая, убогія, какъ и все устройство сего уединеннаго мѣста; нѣсколько деревянныхъ келлій раскинуто внутри ограды, длинная березовая аллея, остатокъ прежняго сада, пересѣкаетъ пустоту обширнаго двора:— это путь болѣе никуда не ведущій, ибо здѣсь копчается всякая земная стезя для отшельниковъ; мысли ихъ обращены къ иной отчизнѣ, къ которой ведетъ дорога черезъ Сіонъ и Іерусалимъ; непрестанно исторгаются сладкія имена сін пзъ устъ ихъ, словами псалмовъ, не умолкающихъ въ церкви. Одна только литургія субботняя и воскресная прерываетъ чтеніе псалтыря, которое попеременно исполняютъ двѣнадцать братій, по обычаю прочихъ скитовъ нашего отечества. Въ прочіе дни недѣли совершаются только утрення, часы, вечерня и правило монашеское, также по древнему чину церковному.

Замѣчательна своею простотою церковь скита, не вновь сооруженная, но только перенесенная на новое мѣсто, изъ сосѣдняго села, гдѣ оказалась излишнею. Руки преподобныхъ ее основали и здѣсь возвратилась она къ своему пер-

вобытному назначенію, ибо послѣ разоренія Литовскаго, святой архимандритъ Діонисій и ксарь Авраамій Паллицыъ, освободители своего отечества, воздвигли ее на мѣсто сгорѣвшей церкви въ селѣ Подсосеньи, для женской обители, которая впоследствии была упразднена и присоединена къ Хатьковской. Чрезвычайное благоволеніе поражаетъ всякаго входящаго во внутренность церкви изъ крытой панерти, ее окружающей по образцу древнихъ храмовъ; престолъ ея и жертвенникъ и весь иконостасъ устроены изъ кипариса, и вся она обложена внутри по стѣнамъ кедромъ, пемкомъ и кипарисомъ, такъ какъ изъ сихъ древъ сооружено было, по мѣстнымъ преданіямъ іерусалимскимъ и по слову пророческому, честное древо креста Господня. Нѣтъ никакого убранства или металла въ церкви; всѣ ея украшенія рѣзные деревянные, и самыя паникадила и подсвѣчники изъ дерева, съ соблюденіемъ всей строгости скитской; царскія и сѣверныя двери, съ нѣкоторыми иконами, уцѣлѣли еще отъ древней церкви. Достоинно вниманія, что евангелисту Іоанну данъ символъ крылатый левъ Марка, а Марку его орелъ; но особенно замѣчательна сѣверная дверь. На ней изображена вся повѣсть нашего паденія: искушеніе праотцевъ нашихъ змѣею, въ образъ жены, и ихъ изгнаніе изъ рая, и потомъ, послѣ изгнанія, ангелъ, вручающій Адаму заступъ для земледѣлія, а на верху праведные Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, держащіе въ лонѣ своемъ души младенческія.

Въ утѣшительную противоположность сей двери, напоминающей намъ горькое изгнаніе, изображено на южной первое радостное возвращеніе въ утраченный эдемъ, благодарнаго разбойника, вооруженнаго древомъ креста. — Подлѣ сей двери, въ ряду мѣстныхъ иконъ, написанъ Преподобный Сергій, окруженный сотрудинками постнической его жизни и начальниками обителей, которыя произрастала его Лавра, какъ тѣнистое древо, насажденное при водахъ. Здѣсь цѣлый соборъ иноковъ и святителей, живая летопись посмертныхъ подвиговъ Сергія. Здѣсь, кромѣ ближайшихъ учениковъ, означенныхъ въ его житіи, Симонъ братъ его и племянникъ Феодоръ, епископъ Ростова, и Михей, свидѣтель чуднаго посвященія Богоматери, спсатель житія его Епифаній и пер-

вый преемникъ Никонъ, Максимъ Грекъ, страдалецъ за правду, и два другихъ изгнанника, лишеные каедръ, архіепископъ Серапіонъ и митрополитъ Іоасафъ, защитникъ лавры архимандритъ Діонисій, и основатели обителей Савва Звънигородскій, Андроникъ, Аванасій Чухломскій, Сергій и Павелъ Обнорскіе, Романъ, уединившійся на Киржачъ, и Меѳодій на Пѣсношъ, и въ Серпуховѣ Аванасій, и Стефанъ Махрицскій, доселѣ соблюшій въ своей обители подчиненіе лаврѣ, какъ послушное чадо матери, и много еще иныхъ, записанныхъ свѣтлою строкою въ книгѣ жизни и на скрижаляхъ нашего отечества. Здѣсь они, съ Сергіемъ и Никонъ, представлены водружающими крестъ Господень, а на противоположной сторонѣ соотвѣтствуетъ имъ ликъ всѣхъ святыхъ, торжествуемыхъ православною церковію, дабы всѣ они имѣли участіе въ молитвахъ сего новаго дома молитвы: лики Сергія, Никона и Святыхъ, почіющихъ подъ стѣною ихъ обители, Михея, Максима, Діонисія, Серапіона и Іоасафа, изображены еще и со входа, на кипарисовыхъ стѣнахъ трапезы, а большое изображеніе перваго основателя храма сего, архимандрита Діонисія, списанное съ подлиннаго его портрета въ лаврѣ, блюдетъ сѣверныя врата церкви, противъ которыхъ устроено одно лишь малое оконце въ келліи настоятельскія.

Въ южномъ отдѣленіи алтаря, который выдается тремя полукружіями, по подобію древнихъ каменныхъ храмовъ, устроенъ былъ малый придѣлъ, во имя нерукотвореннаго Спаса, знаменитымъ келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ; но придѣлъ сей упраздненъ нынѣ по тѣснотѣ, главный же престолъ, теперь какъ и прежде празднуетъ успенію Богоматери, ибо отъ самаго начала церковь греческая и російская любили учреждать свои соборные храмы, въ городахъ и обителяхъ, на память чуднаго собора Апостоловъ, которые соединились внезапно на Сіонѣ, для возданія погребальнаго долга Матери проповѣданнаго ими Бога. Однако же не самому дню Успенія будетъ праздновать церковь Скитская, дабы не отвлечь благоговѣйныхъ поклонниковъ отъ храмоваго праздника лавры, но на третій день Успенія совершаемо будетъ торжественное воспоминаніе взятія на небо Божія Матери; ибо

Апостолы не обрѣли ее во гробѣ, когда хотѣли утѣшить одного изъ своего лика Тому, опоздавшаго къ ея погребенію. Только въ день сего праздника допускаемы будутъ въ скить вѣстительницы, въ другое время женскому полу возбраненъ входъ въ сіе мѣсто подвига отшельническаго.

Трогательно было и освященіе сей новой Геосимавіи. Оно совершилось въ день преподобнаго Харитонія, перваго отшельника Палестинскаго, и на память блаженныхъ родителей преподобнаго Сергія, Кирилла и Маріи, ровно черезъ три года, отъ того дня, когда самъ настоятель лавры съ своимъ намѣстникомъ, избрали пустынное мѣсто сіе безмолвному пристанищу молитвы. Для сего освященія собрано было все древнее изъ священной лавры, дабы благословеніе Сергіево, Никоново и Діонисіево, видимо перешло на новое ихъ селеніе, въ вещахъ непосредственно къ нимъ близкихъ, чрезъ самую утварь, которую освятили своимъ употребленіемъ. — Опять явились въ священнодѣйствіи, обрадованнымъ взорамъ, убогая риза Сергіева, въ которой митрополитъ Платонъ встрѣчалъ державныхъ посѣтителей лавры, облекаясь среди великолѣпія своего клира, во всеубожество Сергія, и тотъ убогій посохъ, которымъ чудодѣйственно упасъ Сергій всю землю Русскую, послѣ блаженной своей кончины, отказавшись при жизни отъ пастырскаго жезла митрополита Алексія; древнѣйшій крестъ и древнѣйшая панагія, изъ складныхъ деревянныхъ иконъ, скромная митра перваго архимандрита лавры Елвеерія, которую носилъ и преподобный Діонисій, осынили опять перси и главу священнодѣйствовавшаго святителя. Воздвизальный крестъ, съ частію чудотворнаго жезла Моисеева, евангеліе преподобнаго Никона, и убогіе деревянные сосуды, преподобнаго Сергія, въ коихъ совершалъ онъ Божественную службу, освятили собою новый престолъ древней церкви Діонисіевой. До такой степени сблизились между собою бывшее съ настоящимъ, что въ этомъ смѣшеніи разновременныхъ воспоминаній отрадно забывалось сердце и окрыленная ими душа непрестанно спускалась и подымалась по дивной лѣствицѣ времени и событій, какъ бы уже за предѣлами времени. Самъ, облаченный въ одежды Сергіевы, святитель казалось былъ

проиниуть духомъ его молитвы отъ прикосновенія ризъ его; и когда, съ воздѣтыми къ нему руками, предстоитъ престолу Царя Христа, въ часъ совершенія его безкровной жертвы, онъ представлялся восхищеннымъ взорамъ, какъ бы одинымъ изъ древнихъ, возставшихъ на молитву. И вотъ, по совершеніи Божественной службы, въ сладостной рѣчи и въ потоки слезъ, излился сотрясенная чрезъ ибру душа его, устами и очами пролагая путь избытку чувствъ своихъ, которыя съ тою же силою откликнулись въ сердцахъ всѣхъ ему внимавшихъ.

—

Ты воскресъ ущедриши Сіона: яко время ущедриши его, яко прииде время. Яко благоволиши рабы Твои каменіе его: и персть его ущедрятъ. Псаломъ СІ. 14. 15.

Что это за камни Сіона, о которыхъ благоволятъ рабы Господни? Что за персть, которая имъ любезна?— Это камни и персть разрушеннаго Іерусалима, и особенно разрушеннаго древняго святаго храма іерусалимскаго. Пророкъ смотритъ на сѣп развалины во времена плѣненія Вавилонскаго; смотритъ въ то же время на душевныя расположенія народа іудейскаго: и на семь воззрѣній основываетъ надежду новаго благоволенія Божія къ Іерусалиму и храму.

Ты воскресъ ущедриши Сіона. То есть: Богъ умилосердится надъ Іерусалимомъ, и возстановитъ Свой храмъ.

Пророкъ дерзаетъ даже опредѣлить, что сіе должно совершиться вскорѣ. *Яко время ущедриши его, яко прииде время.*

Но почему онъ знаетъ, что сіе будетъ, и должно быть вскорѣ?— *Яко благоволиши рабы Твои каменіе его: и персть его ущедрятъ.* То есть: поелику Іудей, своими душевными расположеніями, являютъ теперь себя достойными наименованія рабовъ Божіихъ; поелику они даже предъ развалинами храма Божія благоговѣютъ къ его древней святыни; съ любовью, съ умиленіемъ взираютъ на самыя камни и персть, какъ на остатки святилища, въ которомъ обитала благодать Божія: то должно уповать, что Богъ вскорѣ умилосердится

идѣ Іерусалиномъ, возстановитъ храмъ Свой, и вновь будетъ обитать въ немъ Своею благодатію.

Надежда сія самымъ дѣломъ исполнилась при Первосвященникѣ Іисусѣ и князѣ Зоровавелѣ.

Но умѣстно ли говорю я о судьбѣ столь великаго храма, когда думаю о судьбѣ столь малаго храма, какъ сей, въ которомъ теперь мы находимся? — Думаю, что не совсѣмъ неумѣстно. Тотъ и другой суть храмы единого истиннаго Бога: потому естественно предполагать нѣкое въ судьбѣ ихъ единство, хотя и при разности многихъ обстоятельствъ. Притомъ и малый храмъ Христіанскихъ таинствъ и Христіанской истины не слишкомъ малъ предъ великимъ храмомъ стѣней и гаданій.

Двѣсти-двадцать-семь лѣтъ стоялъ сей древній храмъ, былъ созданъ Лаврою Преподобнаго Отца нашего Сергія, въ начальствованіе Преподобнаго Отца нашего Діонисія, и тогда еще представленъ въ покровительство Пресвятыя Владычицы нашей Богородицы, въ память славнаго Ея Успенія, дабы, по сей памяти, Она съ благоволеніемъ призирала на него, какъ бы на Свою Геосиманію. Время, съ своимъ закономъ истлѣнія, осторожно прикасалось къ тлѣнному веществу, на которомъ положено было благословіе Святыхъ. Но какъ человѣкъ иногда самъ не довольно бережетъ то, что бережетъ для него Природа и Провидѣніе: то наконецъ храмъ сей обреченъ былъ опустѣнію, а въ слѣдъ за тѣмъ и конечному разрушенію огнемъ. Въ сіе время воспоминали ны древнихъ почитателей древняго іерусалимскаго храма: и какъ они благоволиша каменіе его; такъ и нашъ самое древо сега нашего храма, и нѣкоторые въ пемъ останки древнихъ вѣщущихъ изображеній, показали драгоцѣнными, достойными благоговѣйнаго сохраненія. Но какъ уже не можно было сохранить сей храмъ на прежнемъ его мѣстѣ: то здѣсь, древнее купно и новое, мы *обрѣли мѣсто Господово, асваніе Богу Іакову* (Псаломъ СХХХІ, 5.)

Боже Отецъ нашихъ! Ты воскресъ ущедриши Сіонъ. Ты воскресши въ храмъ семъ древнее благословіе, и ущедриши его новою благодатію. Да будетъ, Господи!

Но что даяеъ будетъ съ симъ обновленнымъ храмомъ, и

съ новыми окрестъ его смиренными жилищами? — Ты всѣх, Господи! Будеть то, чему повелить быть Твое вседѣтельное Слово, которое нарицаетъ не сущая, яко сущая, возсоздаеть разрушенное, возоставляетъ падшее, возвышаетъ смиренное, воскрешаетъ умершее, спасаетъ погибшее. Будеть то, что испросятъ молитвы Святыхъ и Преподобныхъ Отець нашихъ: Сергія, Никона, Михея, Іоасафа, Серапіона, Максима, Діонисія, и прочихъ сподвижниковъ ихъ и сообитателей въ земной, и въ небесныхъ обителяхъ. Будеть то, чему не воспрепятствуютъ быть наши грѣхи, наши немощи, наше недостойнство.

Нѣкто изъ Отцевъ спросилъ нѣкоего великаго изъ Отцевъ: какое есть доброе дѣло, которое бы мнѣ сдѣлать, такъ чтобы оно было дѣломъ моей жизни? Авва отвѣтствовалъ: не всѣ дѣла равны для всякаго. Книги говорятъ, что Авраамъ былъ страннолюбивъ, и Богъ былъ съ нимъ. Ілія любилъ безмолвіе, и Богъ былъ съ нимъ. Давидъ былъ смиренъ, и Богъ былъ съ нимъ. Итакъ въ чемъ душа видитъ для себя хотѣніе Божіе: то и дѣлай. Наипаче же храни сердце свое.

Кто хочеть подражать Авраамову страннолюбію, Давидову смиренію: тотъ, какъ самые сіи примѣры показываютъ, можетъ упражняться въ сихъ добродѣтеляхъ повсюду: на пути, въ домѣ, въ деревнѣ, въ городѣ, на престолѣ. Такъ ли легко найдетъ себѣ открытое и нестѣсенное поприще тотъ, кто избересть дѣломъ жизни своей Іліину любовь къ безмолвію? Гдѣ теперъ Іліищъ Кармилъ, или Хоривъ? Гдѣ Іоаннова пустыня? Гдѣ дикія мѣста палестинскія и египетскія, которыя чуднымъ образомъ угождающая благодати природа сдѣлала неспособнымъ для обыкновенныхъ селеній человѣчeskихъ, чтобы сберечь для жительства земныхъ Ангеловъ? Сонны сихъ Ангеловъ переселились въ сродное небо; земныя жилища ихъ, едва не безъ остатка, пришли въ запустѣніе; и на поприщѣ духовнаго безмолвія вновь рыщетъ одинокій звѣрь, или скитається полудикій человѣкъ. Переселилась любовь къ безмолвію и въ наши страны, и избрала для себя пещеры, лѣса, мѣста удаленныя не только отъ жилищъ, но и отъ путей человѣческихъ, чего близкій примѣръ

лиѣшь въ Преподобномъ Сергіи: но какъ, по непреложному слову Христову, *не можетъ градъ укрытися верху горы столъ* (Матей V. 14); то высоко возрастшая и созрѣвшая любовь къ безмолвію, обыкновенно не оставалась сокрытою; привлекала учениковъ, почитателей, посѣтителей, и отъ самаго множества любителей или почитателей безмолвія, кромя другихъ причинъ, почти по необходимости, стало тѣсно безмолвію. Между-тѣмъ и пустыни нашихъ странъ, по самой природѣ, менѣе южныхъ удобныя для безустойчиваго пустынножительства, съ теченіемъ времени, сдѣлались для него менѣе прежняго просторными и свободными, по дѣйствию распространившагося народонаселенія.

Чего же посему ожидать? Путь Іліи, путь Іоанна Крестителя, путь Антонія Великаго, долженъ ли увидѣть себя оставленнымъ, и возрыдать, подобно какъ нѣкогда, по сказанію Іереміи, *путіе Сіони рыдали, яко нѣсть ходящихъ по нихъ въ праздникъ* (Плачь Іереміи I, 4)? Міръ, вѣроятно, не почелъ бы сей потери тяжкою, но не такъ думать поучаетъ опытъ вѣковъ. Никто въ городахъ и селеніяхъ израилевыхъ не нашелъ столько силы, — одинъ Ілія въ пустынѣ нашелъ столько силы, — чтобы одному, одною силою духа, побѣдно сражаться съ господствовавшимъ въ его время идолопоклонствомъ. Пустыня, а не вселенная, должна была уготовать Іоанна, чтобы онъ сдѣлался способнымъ уготовать путь Господень для спасенія вселенной. Глубокая пустыня и совершенное безмолвіе воспитали Антонія, до возраста великаго, чтобы онъ могъ потомъ духовно родить, такъ сказать, племя и поколѣніе земныхъ Ангеловъ, пустынножительствовавшихъ, общежительствовавшихъ, священноначальствовавшихъ въ Церкви. Сказанное теперь о Святомъ Антоніи, можетъ сказать въ другой разъ, если на мѣсто его имени поставимъ имя Святаго Сергія.

Итакъ, если для любви къ совершенному безмолвію и въ обителяхъ часто бываетъ тѣсно, и въ дикихъ пустыняхъ не совсѣмъ свободно; а доставить ей благопріятное для нея убѣжище должно быть полезно и нынѣ, какъ полезно было прежде: то гдѣ мы поселимъ ее нынѣ, въ семъ вѣкѣ молвы многія? Не будетъ ли, можетъ быть, ей пріятно поселиться

въ малой, простой, уединенной, отъ молвы по возможности огражденной обители, подъ тѣнію обители великой, подобно какъ нѣкогда Варсонофій Великій обиталъ въ совершенномъ уединеніи подъ тѣнью обители Аввы Серида?

Пріиди, благословенная любовь къ безмолвію: Иліина, Юаннова, Антоніева, Сергіева! Скрывайся отъ молвы: но не скрывайся отъ ищущихъ путей твоихъ и слѣдовъ твоихъ, — твоихъ правилъ и твоихъ примѣровъ. Являйся иногда и не ищущимъ, способнымъ принять тебя. Ты устраняешь человѣка отъ видѣнія другихъ, и тѣмъ удобнѣе даешь ему увидѣть самого себя, а *сподобивыйся увидѣти себе*, по слову одного изъ твоихъ Таинниковъ, *лучшій есть сподобившася увидѣти Ангеловъ* (Исаак. Сир. сл. 14). Ты пресѣкаешь бесѣды съ человѣками, и тѣмъ искреннѣе вводишь въ бесѣду со Христомъ. Ты затворяешь дверь внѣшнія храмины, и отверзаешь внутреннюю храмину сердца. Ты подаешь, и научаешь употреблять оружіе противъ страстей. Ты собираешь разсыянные помыслы. Ты погружаешь умъ во глубину Писаній, и почерпаешь свѣтъ. Ты совершенствуешь покаяніе. Ты обрѣтаешь источникъ слезъ. Ты возводишь къ чистой молитвѣ. Ты учишь *молчанію*, которое *есть таинство будущаго вѣка* (Исаак. Сир. сл. 42).

Но для всѣхъ равно призываю любовь къ безмолвію. Жизнь безмолвія не для многихъ. Но посѣщеніе безмолвія для всякаго должно быть вождельно. Кто не упраздняетъ себя, хотя однажды въ день, хотя на непродолжительное время, отъ всякаго зеннаго занятія, попеченія, пристрастія, и не вводитъ своей души въ благоговѣйное безмолвіе предъ Богомъ: тотъ еще не позналъ пути міра для души своей. Ибо тако глаголетъ Господь: *упразднитесь, и разумѣйте, яко Азъ есмь Богъ* (Псаломъ XLV. 11). Аминь.

=

ІОСИФЪ.

=

СВЯЩЕННАЯ ПОВѢСТЬ, ЗАИМСТВОВААННАЯ ИЗЪ КНИГИ ЦЫТІА.

=

(Мы сочли нужнымъ остановить печатаніе начатой уже здѣсь повѣсти, чтобы по-скорѣе дать мѣсто прекрасному труду одного изъ даровитѣйшихъ учителей благочестія на Руси, украсившаго уже не однажды это изданіе твореніями пера своего. Имя его, столь прекрасно извѣстное, всегда было скрыто на этихъ страницахъ, но голосъ его навѣрное отозвался каждый разъ въ душѣ читателей тѣмъ душевнымъ умилениемъ, которое возбуждаетъ онъ въ слушателяхъ въ другомъ, болѣе святомъ, мѣстѣ.

Нѣсколько строкъ вступленія объяснятъ и цѣль почтеннаго автора и причину помѣщенія здѣсь повѣсти совершенно новаго рода въ изящной словесности. Причина можетъ быть высказана очень коротко. Повѣсть — священнаго содержанія; но изложеніе этой *священной повѣсти*, вполне литературное, и языкъ ея, увлекательны, художественны и приспособлены къ чтенію, любимому современными свѣтскими воображеніями.

Преподобный Евремъ Сирскій, извѣстный писатель четвертаго столѣтія, составилъ сказаніе о Прекрасномъ Іосифѣ, въ литературной формѣ того времени. Это Сказаніе или это Слово читается, по указанію церковнаго устава, на утрени, во вторникъ, на Страстной Недѣлѣ. Почему жъ не быть такому Сказанію въ литературной формѣ, намъ современной? Въ настоящей повѣсти со-

хранена строжайшая историческая точность, какъ того требуютъ и предметъ, заимствуемый изъ Святаго Писанія, и образованность нашего вѣка. Объясненіе преобразованій почерпнуто изъ Святыихъ Отцовъ.

Рѣдкость подобныхъ твореній, такъ спасительно и такъ печально переносащихъ насъ изъ суеты и ея мимолетныхъ наслажденій въ вѣчный міръ духа и небесной добродѣтели, составляетъ уже весьма достаточный поводъ къ предпочтенію здѣсь подобнаго сочиненія всякому другому.

Цѣль писателя видна уже изъ этого. Умъ, исполненный высокаго дарованія, почерпающаго силу и прелесть свою въ благочестіи, не можетъ не смотреть съ прискорбіемъ на то, что въ новѣйшемъ искусствѣ вообще, и въ словесности въ особенности, слыветъ красотами и возбуждаетъ восторги. Герои Байрона, Гёте, Шатобриана и ихъ послѣдователей, почитаемые за образцы въ искусствѣ, не могутъ быть объявлены образцами въ нравственности. Возьмемъ ближайшихъ къ вашему сердцу и вкусу, знаменитыхъ, хотя и неравныхъ между собою, писателей, Пушкина и Лермонтова.

Въ лицахъ Овѣгина и Печорина изображены эгоисты, современные каждому изъ двухъ поэтовъ. Взглянушіе въ это зеркало, узнавшіе въ немъ себя, ощутили ли угрызеніе совести? заровилась ли въ ихъ душу, какъ благословенное сѣмя, мысль исправленія? Сомнительно. *Всегда* было автору Печорина, какъ онъ самъ говоритъ, рисовать *современнаго челоуька*: почему же и *современному челоуьку* не весело, увидѣвъ себя нарисованнымъ, не дошопить въ себя, по рисунку художника, то, чего еще не доставало въ его испорченности? Самолюбіе восхищается собой, и радуется своимъ успѣхамъ. Овладевъ челоуькомъ, оно начинаетъ быстро стремиться къ своему печальному совершенству, и стремится, доколѣ изъ челоуька не выработается демонъ. Разумѣется, Овѣгина, и особенно Печорина, прочитываютъ молодые люди еще предъ вступленіемъ въ свѣтъ, или только что вступивъ въ него, и прочитываютъ со всеѣмъ жаромъ перваго наслажденія новостью, со всею воспріимчивостью юности: этимъ чтеніемъ быиаеть ли произведено въ нихъ отвращеніе отъ эгоизма? Очень сомнительно! Напротивъ, можно съ достовѣрностью полагать, что большая часть юныхъ читателей заразились ядомъ эгоизма. Непрерывно блеснула во многихъ мысль: ногъ вѣрный способъ уцѣлѣть въ свѣтъ!... и — впередъ! — по слѣдамъ Григорія Александровича. Мы не долго задумываемся, особенно въ

лѣта молодости, при рѣшеніи судьбы своей; и эта мысль непременно должна родиться въ душѣ неопытной при чтеніи «Героя нашего времени». Вѣдь ему все сходитъ съ рукъ, всякое предпріятіе удается; чего больше надо! А мастерская рука писателя оставила на изображенномъ ею образцѣ безирравственнаго, чуждаго религіи и правилъ человѣка, особенную красоту, мрачную, но приманчивую, — красоту ангела отверженнаго!

Григорій Александровичъ не только соблазняетъ при чтеніи его поддигговъ сильнымъ впечатлѣніемъ, которое остается и живетъ долго по прочтеніи романа; но кромѣ того живописецъ Печоринъ не рѣшилъ и для самаго себя вопроса: полезна ли, вредна ли его книга? Печоринъ умираетъ во время безтолковаго путешествія въ Персію. При жизни онъ былъ мертвъ для общества, а въ частности для ближнихъ. Мало того: заражалъ смертельнымъ недугомъ своимъ всякаго, кому ни приходилось быть въ соприкосновеніи съ нимъ. И этого мало: несмотря на свое нравственное одиночество, на свое отчужденіе отъ людей, Печоринъ оставилъ по себѣ многочисленное потомство послѣдователей, которыхъ онъ ведетъ туда же, куда достигъ самъ.

Образцы порока портятъ человѣка; образцы добродѣтели исправляютъ его. Съ этою мыслью написана, и предлагается, повѣсть о Юсифѣ, всѣми началами противоположная двумъ повѣстямъ нашихъ знаменитыхъ поэтовъ, противоположная и впечатлѣніемъ и послѣдствіями. Это — не вымыселъ, а краснорѣчивое, отлично взященное, изложеніе истиннаго событія библейскихъ вѣковъ, съ сохраненіемъ исторической точности. Впечатлѣніе отъ нея должно быть положительно, существенно, вѣрно, сильно, впечатлительно; оно еще болѣе дѣйствуетъ истинною, чѣмъ увлеченіемъ повѣствователя и обольщеніемъ слога. Невѣріе и есть источникъ эгоизма. Кто умѣетъ вѣрить, тотъ нашелъ источникъ правильной любви къ себѣ и ближнему. Дѣйствія, истекающія изъ правой вѣры въ небесное, существенно противоположны дѣйствіямъ, происходящимъ изъ вѣры въ себя или фатализмъ. Удовлетворяютъ однимъ порочнымъ стремленіемъ — значить ли любить себя? Скорѣе, значить — ненавидѣть. А такъ-то и любятъ себя эгоисты. Они — враги себѣ и всѣмъ. Правильная любовь къ себѣ заключается въ подавленіи въ себѣ зла и въ возможномъ развитіи добра. Здравый разумъ по необходимости долженъ признать эту истину. Оправдываютъ ее самыя послѣдствія: человѣкъ поставляется въ согласіе съ самимъ собою, съ обществомъ, съ обстоятельствами, каковы бы они ни были; всѣ дѣйствія его во-

сать на себя печать высокой добродѣтели; послѣдствія этихъ дѣяній — постоянно и всегда благотворны. Вѣрующій живую вѣру и руководствующійся въ поступкахъ вѣчными истинами, провозглашенными Небомъ, выноситъ съ твердостью и мужествомъ бѣдствія земнаго бытія; не злоупотребляетъ слабостей ближнихъ; не мститъ врагамъ; благотѣльствуетъ имъ, широтивъ; владѣетъ сердечными чувствованіями съ благонамѣренною цѣлю, а не съ цѣлю преступнаго исполненія своихъ порочныхъ замысловъ; устроиваетъ благосостояніе общее и семейное; умѣетъ быть мудро строгимъ для исправленія людей, соратившихся съ пути правды; и нравственная сила его, эта великая сила добродѣтели, имѣетъ счастливое и продолжительное вліяніе на его потомство; и природившаяся сердцу его добродѣтель доставляетъ ему проткое и вѣстѣ сильное наслажденіе: оно слышится въ душѣ его, какъ слышится благоуханіе муръ изъ запечатаннаго сосуда. Историческимъ и духовнымъ образцомъ всего этого служитъ Іосифъ. Имѣетъ съ почтеннымъ авторомъ «священной повѣсти» желаніе, чтобъ многіе изъ послѣдователей Пелворина обратились въ послѣдователей Іосифа, для собственнаго ихъ блага.)

Чудно приходитъ къ праведникамъ, среди ихъ бѣдствій, мысль благодаренія Богу! она исторгаетъ сердца ихъ изъ бездны печали и мрака, возноситъ къ Богу, въ область свѣта и утѣшенія. Богъ всегда спасаетъ прибѣгающихъ къ Нему, съ простотою и вѣрою.

Возвращаясь святой патріархъ Іаковъ изъ Месопотаміи въ землю Ханаанскую, въ землю рожденія своего, въ предопредѣленное Богомъ свое наслѣдіе. Внезапно пришла къ нему вѣсть, что гнѣвный Исавъ, братъ его, идетъ къ нему навстрѣчу, что при немъ четыреста вооруженныхъ мужей. Еще въ лѣта юношества, Исавъ, волнуемый за-

* Бытія, 32.

вѣстью, покушался на жизнь Такова. Чтобъ избѣгнуть преждевременной, насильственной смерти, Таковъ удалился въ Месопотамію. Онъ пробылъ тамъ двадцать лѣтъ. Время было бы исцѣлить уязвленное злобою сердце Исавъ.... вѣтъ! онъ идетъ навстрѣчу брату съ вооруженною дружиной. Многочисленность толпы, воинственный видъ ея, обличали монашѣренный умыселъ. Время не исцѣлило ненависти въ Исавъ: возмужалъ онъ, возмужала въ немъ и ненависть къ брату.

Испугался Иаковъ; не зналъ что дѣлать: онъ рѣшился раздѣлить имѣніе свое, состоявшее изъ домочадцевъ и многочисленныхъ стадъ, на два полка. «Если разъяренный Исавъ, рассуждалъ онъ, изрубить одинъ полкъ, можетъ быть, истощится гнѣвъ его и онъ не прикоснется къ другому полку». За двумя полками стояли жены и дѣти Иакова; позади всѣхъ стояла вторая супруга его, Рахиль, съ единственнымъ сыномъ своимъ, Юсифомъ, юнѣйшимъ изъ сыновей Иакова. Они заняли послѣднее мѣсто, какъ младшіе; но это мѣсто дала имъ также особенная предусмотрительная любовь супруга и отца, какъ безопаснѣйшее. Глазъ любви смѣтливъ; смѣтливъ и глазъ ревности. Сдѣлавъ такое распоряженіе, праведникъ спѣшитъ въ обычное пристанище праведниковъ, спѣшитъ встать предъ Богомъ въ благоговѣйной молитвѣ. «Довлѣетъ ми, исповѣдуется онъ Богу, отъ всея правды, отъ всея истины, юже сотворилъ еси рабу Твоему: съ жезломъ бо симъ преидохъ Иорданъ сей: нынѣ же бѣхъ въ два полка» *. Отвсюду окруженный напастью, праведникъ изливаетъ сердце свое предъ Богомъ, сводитъ расчетъ свой съ судьбою, находитъ себя вполнѣ удовлетвореннымъ, находитъ, что Богъ, заповѣдывавшій ему путешествіе въ Месопотамію и возвращеніе изъ нея, сдѣлалъ все по обѣтованію своему. «Довлѣетъ ми отъ всея правды, отъ всея истины, юже сотворилъ еси рабу Твоему». Глубокое, истинное смиреніе! Оно одно достойно предъстоять Богу; оно одно достойно бесѣдовать съ Богомъ: ни-

* Бытія 33, 10.

когда оно не оставляется Богомъ. Ему внимасть милости-во Богъ, изливая обильныя щедроты на молящагося со смиреніемъ. Измѣнилось, по мановенію Божию, сердце Исава: доселѣ оно пылало враждою, теперь внезапно запылало любовью къ брату. Исавъ кидаетъ мечъ, бѣжитъ въ объятія брата, — и плачутъ два брата въ объятіяхъ другъ у друга *.

Вотъ Иаковъ уже давно — въ Ханаанской Землѣ. Уже скончалась его любимая супруга, Рахиль, родами второго сына, Веніамина. Уже много скорбей испыталъ Иаковъ отъ буйныхъ сыновей, которые вели себя въ обѣтованной землѣ, какъ-бы въ землѣ пріобрѣтенной **. Въ окрестностяхъ кущи его, раскинутой близъ Хеврона, они пасли многочисленныя стада свои, иногда уходя и довольно далеко, на другія, болѣе тучныя пастбища. Иаковъ пребывалъ постоянно дома, гдѣ удерживали его и лѣта и духовное преуспѣяніе. Оно привлекало умъ и сердце старца къ Богу, и потому полюбилъ онъ уединеніе въ кущѣ. Нѣкогда, и несродно, такому человѣку вдаваться въ житейскія попеченія. Не отлучно при немъ былъ — его утѣшеніе — любимый сынъ, прекрасный душою и тѣломъ, Іосифъ. Услуга старцу-отцу и вниманіе глубокому святому ученію отца-Боговидца составляли все занятіе, все наслажденіе юноши. Въ душу его падало слово благочестія, какъ падаетъ сѣмя на тучную землю, и скоро принесло плодъ: зсіяла въ душѣ Іосифа святая чистота. Въ чистотѣ сердца начинается отражаться Богъ, какъ въ зеркалѣ тихихъ водъ отражается солнце. Добродѣтель Іосифа возбудила въ братьяхъ, не соревнованіе, а зависть: такъ, по несчастію, всего чаще случается въ человѣческомъ обществѣ. Братья изобрѣли и внесли злую клевету на Іосифа — какую именно, умалчиваетъ Писаніе. Но пронидательный и благодатный Иаковъ не былъ обманутъ хитросплетенною выдумкою, онъ продолжалъ любить — любить Іосифа, и въ знакъ особенной любви по-

* Бытія, 33.

** Бытія 34, 35.

дарилъ сыну пеструю одежду. Яркость и разнообразіе цвѣтовъ особенно уважались и донинѣ уважаются на кочевомъ Востоѣ. Не была ли одежда эта скорѣе символомъ испещренной противоположными обстоятельствами жизни, предстоящей юности? Вдохновеніе внушило прозорливому старцу изобразить пророчество не словомъ—символомъ: пеструю одеждою. Отсюда начинаются странныя приключенія Юсифа. Онъ служитъ прообразованіемъ, дальнею библейскою тѣнью Господа нашего Иисуса Христа; а для дѣятельной жизни является примѣромъ благочестиваго и добродѣтельнаго чловѣка, подвергающагося разнообразнымъ, страшнымъ бѣдствіямъ, во время которыхъ сохраняетъ онъ вѣрность къ благочестію и добродѣтели, потому никогда и нигдѣ не оставляется Богомъ, повсюду хранимъ, и наконецъ прославляется дивно. Послушаемъ, послушаемъ любопытное сказаніе о чудныхъ и наставительныхъ приключеніяхъ облеченнаго пророкомъ-отцомъ въ пеструю одежду.

Братья Юсифа *, увидѣвъ, что отецъ ихъ любитъ его болѣе всѣхъ другихъ сыновъ, возненавидѣли его: при каждомъ словѣ съ нимъ, при каждомъ взглядѣ на него, закипало въ нихъ мрачное смущеніе. А онъ не понималъ объявшаго ихъ недуга: чистая душа его видѣла всѣхъ чистыми, благонамѣренными. Съ довѣрчивостью открывалъ онъ передъ ними сердце. Это незлобивое сердце уже избрано Богомъ въ сосудъ^а таинственныхъ откровеній. Благодать Святаго Духа, сообразно юношескимъ лѣтамъ Юсифа, начала являть свое присутствіе и дѣйствіе въ знаменательныхъ сновидѣніяхъ. Живо рисовались таинственною рукою странныя сновидѣнія въ дѣвственномъ воображеніи. Юсифу было семнадцать лѣтъ, когда приснился ему первый пророчественный сонъ. Съ откровенностью, не подозрѣвающе никакого зла, онъ пересказываетъ его братьямъ: видно, сонъ оставилъ въ душѣ юноши необычайное впечатлѣніе, которое нуждалось въ объясненіи. Онъ хотѣлъ вызвать, услышать это объясненіе изъ устъ старшихъ братьевъ. «Привидѣлось мнѣ, говорилъ

* Бытія, 37.

онъ имъ, будто всѣ мы вяжемъ снопы на полѣ; мой снопъ вдругъ поднялся и всталъ прямо, а ваши снопы обратились къ снопу моему и поклонились ему.» — Братья отвѣчали: «Неужели ты будешь въ-самомъ-дѣлѣ царствовать надъ нами, или сдѣлаешься господиномъ нашимъ?» — И удвоили братья ненависть къ нему за благодатный сонъ, за уязвившую ихъ, перетолкованную, искаженную ими, святую откровенность его. Иосифъ видитъ новый сонъ. Съ дѣтскою невинностью, какъ-бы въ оправданіе перваго сна, и въ доказательство, что знаменательные сны приходятъ къ нему невольно, независимо отъ него, рассказываетъ онъ сонъ отцу и братьямъ: «Видѣлъ я, говоритъ онъ, будто солнце, луна и одиннадцать звѣздъ поклонились мнѣ.» Отецъ, услышавъ рассказъ сына, остановилъ юношу. — «Что — сонъ, видѣнный тобою? сказалъ онъ ему: неужели я, мать твоя, и братья твои поклонимся тебѣ до земли?» — Опытный и духовный отецъ остановилъ сына не потому чтобы призналъ сонъ его суетнымъ мечтаніемъ, собственнымъ произведеніемъ души, недугующей высокоуміемъ и гордынею, но чтобы предохранить юную душу отъ впаденія въ высокоуміе и вмѣстѣ строгимъ отвѣтомъ сколько-нибудь погасить зависть и ненависть въ братьяхъ.

Такъ и христіанскіе аскетическіе наставники заповѣдуютъ не обращать особеннаго вниманія на всѣ вообще явленія, представляющіеся чувствамъ душевнымъ и тѣлеснымъ; заповѣдуютъ соблюдать при всѣхъ вообще явленіяхъ благоразумную холодность, спасительную осторожность *. Есть сновидѣнія отъ Бога, чему служатъ примѣромъ и доказательствомъ сны Иосифа, но состояніе видящаго сны и видѣнія опасно, очень близко къ самообольщенію. Зрѣніе недостатковъ нашихъ — вотъ безопасное видѣніе! зрѣніе паденія и искупленія нашего — вотъ нужнѣйшее видѣніе! «Духъ сокрушенъ и смиренъ» ** — вотъ состояніе, существенно по-

* См. главы «Зело полезныя» святаго Григорія Синаита, главу X. Съ нимъ согласны и всѣ прочіе Отцы Церкви, писавшіе объ этомъ предметѣ «Добротолюбія», часть I.

** Псаломъ 50, 19.

лезное, чуждое самообольщенія, состояніе, о которомъ благоволятъ Богъ! Разсужденіе, способное постигать, различивать и объяснять видѣнія, свойственно однимъ преуспѣвшимъ въ духовномъ подвигѣ; оно пріобрѣтается долгимъ временемъ, оно — даръ Божій. Имѣлъ этотъ Божій даръ святой Іаковъ: онъ остановилъ сына, рассказывавшаго пророчество о сновидѣніи, а самъ—свидѣтельствуеъ Писаніе—соблюдалъ въ памяти слова его, посившія на себѣ помазаніе Духа.

Не такое дѣйствіе произвелъ новый сонъ на братьевъ Іосифа: онъ только умножилъ въ нихъ ненависть и зависть къ нему. Однажды они угнали стада въ Сихемъ. Іаковъ сказалъ Іосифу: «Братья твои въ Сихемѣ; хочу послать тебя къ нимъ.»—Іосифъ отвѣчалъ: — «Я готовъ». — «Поди, продолжалъ Іаковъ, посмотри, здоровы ли твои братья, и здоровы ли наши овцы. Потомъ воротись и скажи мнѣ».

Легко иногда расстаются люди; расставаясь, они какъ-бы не расстаются; прощаются, почти не прощаются. А такое прощаніе бываетъ часто прощаніемъ навсегда, часто слѣдуетъ за нимъ продолжительная, исполненная горестей разлука. Не зналъ старецъ, отпуская Іосифа, что онъ долго — долго не увидитъ любимаго сына! Могъ ли онъ думать, что, посылая Іосифа къ братьямъ, посылаетъ его къ убійцамъ? Ему была извѣстна ненависть ихъ къ юношѣ; но могла ли ему прійти мысль, чтобъ эта ненависть возрасла до замысла, до заговора, до рѣшимости совершить братоубійство? Незлобіе старца было незлобіе опытное — не то дѣтское незлобіе, котораго исполненъ былъ Іосифъ, шедшій прямо на пожъ какъ агнецъ. Мудрый Іаковъ, при всемъ духовномъ преуспѣяніи своемъ, при всей опытности, накопленной въ многолѣтнюю страдальческую жизнь, не могъ представить себѣ, чтобъ буйные сыновья его были способны къ ужасному преступленію братоубійства. Свойственно святымъ не мыслить зла о ближнихъ; ей свойственно самыхъ явныхъ, открытыхъ злодѣевъ считать мѣйе злыми, нежели каковы они на самомъ дѣлѣ. И видимъ мы многихъ святыхъ людей, не обманутыхъ явнымъ грѣ-

хомъ , обманутыхъ многою любовью своею, своею добѣрчивостію къ ближнимъ. Старецъ! надолго ты разстаешься съ любимымъ твоимъ сыномъ, Іосифомъ! Ты имѣешь даръ и пророчества и прозорливости; но на это время Богъ, непостижимо устрояющій участь человѣка, закрылъ отъ тебя будущее непроницаемою завѣсою. Ты отпустилъ Іосифа на нѣсколько дней — увидишь его послѣ многихъ скорбныхъ годовъ. А онъ увидитъ землю Ханаанскую, то мѣсто, гдѣ раскинута куца твоя, когда настанутъ дни погребенія твоего — и только на короткіе дни того погребенія! Сюда принесутся кости его; сюда возвратится съ ними многочисленное потомство его , и вооруженною рукою вступить во владѣніе наслѣдіемъ праотца своего — теперь юноша Іосифа.

Пошелъ Іосифъ изъ дому отцовскаго, изъ Хеврона; пришелъ въ Сихемъ. Тамъ уже не было его братьевъ. Онъ не зналъ гдѣ найти ихъ — и началъ искать и спрашивать. Внезапно встрѣтился съ нимъ незнакомый человѣкъ , который спросилъ его, кого онъ ищетъ. Іосифъ отвѣчалъ ему: «Ищу братьевъ моихъ; скажи мнѣ, не знаешь ли, гдѣ они со стадами своими?» — Незнакомецъ отвѣчалъ : — «Ушли отсюда; я слышалъ, они говорили между собою: пойдемъ въ Доѳаимъ.» По словамъ этого человѣка, котораго какъ-будто судьба нарочно привела навстрѣчу Іосифу, чтобъ направить его къ его предопредѣленію, юноша начинаетъ снова искать братьевъ — жертва жрецовъ своихъ — и находитъ ихъ въ Доѳаимѣ. Изъдали узнали они его — начали сговариваться объ убійствѣ. Раздались въ собраніи братьевъ ужасныя слова о братѣ: «Вотъ идетъ сповидецъ. Убьемъ его, и скажемъ: его съѣлъ хищный звѣрь. Посмотримъ, что будетъ тогда съ его снами!» Вслѣдъ за ужасными словами поднялись и преступныя руки. Но Рувимъ, старшій сынъ Іакова, отнялъ его у нихъ. «Не будемъ убивать его , сказалъ онъ имъ , собственными руками! Спустите его въ одинъ изъ здѣшнихъ рвовъ; руки же вашихъ не возлагайте на него!» И помышлялъ смягчившійся Рувимъ возвратитъ старцу-отцу любимаго сына. Они

сняли съ Юсифа пеструю одежду и бросили его въ глубокой, сухой колодець — живаго въ ужасную могилу. Во рву Юсифъ, въ челюстяхъ смерти!... Святой юноша, тяжкимъ опытомъ начинается твоя духовная опытность! Чудная твердость души твоей, перенесшая такую лютую скорбы! Твердость въ бѣдствіяхъ дается непорочною, безъукоризненною совѣстью. Научи насъ стяжать и чистоту твою и твердость — могучія опоры для сердца въ превратностяхъ жизни.

Юсифъ во рву. Что дѣлаютъ братья? они съли ѣсть.... Созрѣвшая ненависть!... Когда какая-нибудь страсть созрѣетъ въ душѣ — душа уже не чувствуетъ своего смертнаго недуга. Страшнѣе быть сердцемъ въ этой глубинѣ злобы, чѣмъ тѣломъ при душѣ ангельской, во рву глубокомъ. Сыны Іакова совершили злодѣяніе, какъ бы исполнили долгъ: столько природнилась имъ ненависть къ брату. «И сѣдоша ясти хлѣбъ»*, говоритъ Писаніе.

Когда совершалась эта трапеза, конечно, на ней не присутствовало ничего добраго. Буино совершалась она. Какъ иначе могли обѣдать убійцы? Громкій хохоть прерывалъ страшное молчаніе: то былъ хохоть души, которая сбросила съ себя одежду стыдливости, наслаждается усвоившеюся, насытившеюся злобою. Выскакивали по временамъ адскія слова — какъ-бы изъ темной пропасти — изъ сердець, рѣшившихся на братоубійство. Мрачны, звѣровидны были лица обѣдающихъ. Зрѣніе и слухъ ихъ угрюмо, дико блуждали всюду. Не управляло уже здѣсь благоразуміе. Какое благоразуміе! Когда страсти овладѣютъ человекомъ, тогда умъ, лишенный своего владычества, служитъ угодливымъ и изобрѣтательнымъ слугою страстямъ для удовлетворенія ихъ утонченныхъ, прихотливыхъ, преступныхъ требованій.

Пируютъ сыновья Іакова надъ могилой съ живымъ мертвецомъ, и вотъ мечущіеся взоры ихъ внезапно усматриваютъ путешественниковъ. То были Измаильтяне, кушцы.

* Бытія 37, 25.

Они показались отъ Галаада, на дорогѣ къ Египту. Ихъ верблюды были обильно навьючены стираксою, бальсамомъ и ладаномъ: эти товары везли они для продажи въ Египетъ. На бѣшеной трапезѣ услышался голосъ: «Что намъ пользы, если убьемъ брата и скроемъ кровь его? Продадимъ его этимъ Измаильтянамъ! Руки же наши да не будутъ въ немъ: вѣдь онъ братъ намъ и плоть наша!» Голосъ этотъ былъ голосъ Иуды, четвертаго въ сынахъ Иакова; Иуда предложилъ продажу брата-праведника. Черезъ многія столѣтія явится другой Иуда; онъ скажетъ о другомъ Праведникѣ, самомъ Богочеловѣкѣ: «Что ми хотите дати, и азъ вамъ предамъ его?»*.

Зазвенѣли златницы.... уже вытасченъ изъ колодца Иосифъ, и поспѣшно проданъ Аравитянамъ. Ни одного спорнаго слова, ни о цѣнѣ, ни о плѣнникѣ, не произнесено ни съ той, ни съ другой стороны. Умолчало ли бы Писаніе о какомъ достойномъ памяти словѣ, если бы оно было сказано! Писаніе въ этой повѣсти передаетъ и тѣ слова, которыя сколько-нибудь стоить замѣчанія. Звучатъ златницы!... ихъ было двадцать. Какъ схожъ звонъ этотъ со звономъ тридцати сребренниковъ!.. Блаженный юноша, проданный за двадцать златницъ! ты удостоился быть прообразованіемъ Проданнаго за тридцать сребренниковъ!..

Рувима не было за обѣдомъ. Не былъ онъ участникомъ въ умыслѣ и заговорѣ преступномъ; не былъ и на пиру, на которомъ праздновалось удавшееся злодѣйство. Тайно приходитъ онъ ко рву и зоветъ погребеннаго. Нѣтъ отвѣта. Опять зоветъ.... нѣтъ отвѣта! Въ отчаяніи онъ рветъ на себѣ одежду, прибѣгаетъ къ братьямъ, и говоритъ имъ: «Нѣтъ юноши во рву! Куда теперь дѣнусь я?».... Въ отвѣтъ зазвучали златницы. Ихъ было двадцать: девять братьевъ, присутствовавшіе при продажѣ, доказали, что они не забыли отсутствовавшаго десятаго.

Между-тѣмъ, сыновья Иакова придумывали какъ скрыть отъ старца-отца поступокъ свой съ Иосифомъ. Они закололи

* Ев. Матвея 26, 15.

коденка, въ крови его обагрили пеструю одежду, и послали ее отцу съ жесткимъ вопросомъ: «Мы нашли это; узнавай — одежда ли это сына твоего, или нѣтъ?» — Онъ узналъ ее; онъ сказалъ: «Это — одежда сына моего: звѣрь лютой съѣлъ его? лютой звѣрь похитилъ Юсифа!» — Разтерзалъ Иаковъ на себѣ одежды, надѣлъ на себя вретиче, и много днѣ оплакивалъ сына. Собрались къ нему сыновья и дочери; они утѣшали старца. Но онъ не хотѣлъ утѣшаться, и говорилъ: «Сойду съ стenanіями къ сыну моему въ адъ.» Долго повторялъ онъ эти слова, и долго плакалъ.

Измашатяне привели Юсифа въ Египеть: тамъ перепродали его Пентефрію, вельможѣ фараона — фараонами именовались царя египетскіе — начальнику тѣдохранителей царскихъ. И Господь былъ съ Юсифомъ, таинственно блѣлъ надъ нимъ, помогалъ ему. Скоро замѣтилъ господиень благословеніе неба надъ работъ своимъ, и очень подлюбилъ его. Слѣдствіемъ этой особенной любви было то, что Пентефрій вручилъ Юсифу управление всѣмъ домоу своимъ и всѣмъ имѣніемъ, Господь, ради Юсифа, благословилъ достояніе Египтянина; измѣлась благодать Божія на вса имѣніе его, на домъ его и на поля его. Пентефрій предался расположенію своему со всею беззаботливою довѣрчивостію, даже самъ не осматривалъ ничего, не обращалъ ни на что вниманія Юсифъ былъ очень статень, прекрасень соброу. Красота его привлекла взоры жены Пентефрія. Страсть объяла ее: открыто, прямо объявила она юношѣ страсть свою. Юноша не согласился на беззаконіе. Онъ увѣщевалъ жену, выдавшую безумнымъ и преступнымъ вождельніемъ; онъ говорилъ ей: «Господиень мой такъ върился мнѣ и такъ почилъ на моихъ заботахъ, что даже не знаетъ ничего, что у него въ домѣ. Все добро свое онъ сдалъ безотчетливо въ мои руки: въ его домѣ нѣтъ никого выше меня, все въ моемъ вѣдѣніи, кромѣ тебя, супруги его. Какъ же мнѣ поступить по словамъ твоимъ? Какъ мнѣ согрѣшить передъ Богомъ?» — Не слышать преступная жена мудрыхъ словъ съ-

на Иаковлева: другое говорить въ ней овладѣвшая ею страсть. Она слышитъ только голосъ страсти: слова Юсифа пролетѣли мимо слуха ея, какъ пустые звуки безъ смысла и значенія. Отъ времени до времени повторяетъ жена предложеніе, всегда съ одинаково открытою, пламенною наглостью. Однажды Юсифъ занимался въ домѣ по должности своей; случилось, что тутъ никого не было изъ домашнихъ, исключая госпожи. Она схватываетъ его за одежду, умоляетъ, требуетъ, чтобъ желаніе ея было тутъ же исполнено. Юсифъ вырывается изъ рукъ ея, убѣгаетъ; верхняя одежда его осталась въ рукахъ Египтянки. Неудовлетворенная престудная любовь внезапно превращается въ бѣшеную ненависть; та, которая за минуту искала насладиться прелестями прекраснаго тѣла, теперь неистово жаждетъ напиться кровью. Вопиеть иступленная Египтянка, громкимъ визгомъ и крикомъ сзываетъ домашнихъ. Прибѣгаютъ они. — «Глядите, говоритъ имъ Египтянка: этотъ молодой Евреянинъ введенъ въ домъ нашъ, чтобъ поругаться надъ нами!.. Онъ пришелъ ко мнѣ.... онъ сказалъ мнѣ.... я закричала громкимъ голосомъ.... услышавъ вопль мой, онъ убѣжалъ отъ меня.... вотъ верхняя его одежда въ рукахъ моихъ!» Она сохранила эту одежду до возвращенія Пентефрія. Въ другой разъ одежда—нѣмой услышанный лжесвидѣтель на Юсифа. Когда возвратился вельможа, жена пересказала ему событіе. Она говорила жалобно и тихо: «Ко мнѣ приходилъ молодой Евреянинъ, котораго ты ввелъ къ намъ, чтобъ обезчестить насъ, и предлагалъ мнѣ незаконіе. Когда жъ я громко закричала, онъ убѣжалъ, оставивъ у меня свою верхнюю одежду». Услышавъ сказаніе правдоподобное, въ которомъ простотою и холодностью разсказа искусно прикрывались страшная буря душевная и адская клевета; видя въ рукахъ жены доказательство происшествія — одежду Юсифа, доказательство, противъ котораго, повидимому, не было опроверженій, Пентефрій пришелъ въ сильное негодованіе. Разспросы и судъ призналъ онъ излишними, ненужными, — такъ преступленіе раба въ глазахъ его было ясно, живо, очевидно. Онъ велѣлъ ввергнуть Юсифа

въ темницу. въ которой содержались государственные преступники, — въ твердыню: такъ называетъ эту темницу Писаніе.

Господь, избравшій Іосифа съ дней его дѣтства, Господь, помогавшій ему въ плѣну и въ домѣ Пентефрія, не оставилъ его и въ темницѣ. Расположилось къ Іосифу сердце начальника темницы: онъ вѣрилъ юному узнику всю темницу, всѣхъ узниковъ заключенныхъ въ ней, и подобно Пентефрію почилъ со всею довѣренностью на заботахъ Іосифа. Спустя нѣсколько времени, провинились передъ египетскимъ царемъ двое вельможъ его: старѣйшина виночерпій и старѣйшина надъ хлѣбами*. Разгнѣванный фараонъ заключилъ ихъ въ ту же темницу, въ которой содержался Іосифъ. Начальникъ темницы поручилъ ихъ Іосифу. Когда они пробыли нѣсколько дней въ темницѣ, въ одну и ту же ночь каждый изъ нихъ увидѣлъ сонъ. Утромъ приходитъ къ нимъ Іосифъ, и примѣчаетъ, что они оба въ смущеніи. Онъ спрашиваетъ вельможъ фараоновыхъ:—«Отчего на лицахъ вашихъ видна печаль?»—Они отвѣчаютъ: «Каждый изъ насъ видѣлъ сонъ; но некому истолковать сновъ нашихъ». — Іосифъ сказалъ; «Не Богъ ли даетъ даръ изъяснять тѣ сны, которые посылаются отъ Него? Расскажите мнѣ сны ваши».—Изъ словъ Іосифа видно его духовное преуспѣяніе, плодъ искушеній. Когда въ дѣтствѣ онъ видѣлъ сны, то ощущалъ только, что въ нихъ есть значеніе, и пересказывалъ ихъ отцу и братьямъ, какъ-бы ища объясненія, но не смѣя присовокуплять никакого толкованія. А здѣсь едва услышалъ, что старѣйшины видѣли сонъ, и уже надѣется найти разрѣшеніе загадочныхъ сновидѣній въ Богѣ, къ которому онъ приблизился, которому усвоился скорбями, вѣрою, чистотою, молитвою. Сны ввели его въ горнило скорбей; сны выведутъ его изъ этого горнила, въ которое Промыслъ обыкновенно ввергаетъ людей, предназначенныхъ имъ для дѣлъ великихъ. Началъ старѣйшина виночерпій рассказывать сонъ свой:—«Привидѣлось мнѣ, сказалъ онъ, что передо мною виноградный садъ; въ саду ви-

* Бытія, 40.

жу три лозы, сочныя, пустившія отрасли и давшія зрѣлый плодъ. Чаша фараонова была въ рукѣ моей. Я взялъ кисть винограда, выжалъ сокъ въ чашу, и подалъ ее фараону». — Иосифъ отвѣчалъ: — «Вотъ значеніе атого сна: три лозы — три дня. Пройдутъ еще три дня, и вспомнить фараонъ о тебѣ, возвратитъ тебѣ прежній санъ твой старѣйшины виночерпія: ты будешь подавать чашу фараону по-прежнему. Тогда, въ благополучіи твоёмъ, вспомни о мнѣ. Окажи мнѣ милость: повѣдай о мнѣ фараону, и изведи меня изъ этихъ угрюмыхъ стѣнъ. Я украденъ изъ Еврейской Земли, и здѣсь не сдѣлалъ ничего худаго, а меня бросили въ эту ужасную темницу». Старѣйшина надъ житницами, услышавъ истодкованіе благоприятное, также пересказалъ свой сонъ Иосифу: — «И я, говорилъ онъ: видѣлъ сонъ. Мнѣ представилось, что держу на головѣ три коряны съ хлѣбами. Въ верхней корзинѣ было всякаго роду печенье, употребляемое фараономъ. Внезапно налетѣли птицы, начали клевать печенье.» — Иосифъ отвѣчалъ: «Вотъ значеніе сна: три коряны — три дня. Пройдутъ еще три дня — и сниметъ фараонъ съ тебя голову твою; трупъ твой повѣсятъ на деревѣ; птицы небесныя съѣдятъ тѣло твое». — Насталъ третій день: это былъ день рожденія фараона. Онъ далъ пиръ своимъ придворнымъ; въ бесѣдѣ съ ними, вспомнилъ царь о двухъ заключенныхъ старѣйшинахъ; старѣйшинѣ виночерпію возвратилъ прежній санъ, и тотъ снова сталъ подавать чашу фараону; а старѣйшину надъ житницами велѣлъ казнить, по предсказанію Иосифа. И забылъ старѣйшина виночерпій о Иосифѣ. Еще нужно было праведнику томленіе въ темницѣ! Еще нужны ему были уединеніе и мракъ тюрьмы, чтобъ душа его глубже погрузилась въ молитву, ея еще болѣе приблизилась къ Богу, еще свѣтлѣе озарилась разумомъ духовнымъ.

Прошли два года, — фараонъ видитъ сонъ*. Ему представилось, будто онъ стоитъ при рѣкѣ; вотъ выходятъ изъ рѣки семь коровъ, тучныхъ, прекрасныхъ, и стали ходить

* Бытія, 41.

по прибрежному пастбищу. За ними вышли изъ рѣки другія семь коровъ, тощихъ, нецрїятнаго вида — тоже начали водить съ первыми по берегу рѣки. Внезапно тощія коровы пожрали тучныхъ, и не замѣтно было, чтобъ тучныя вошли въ нихъ: онѣ сохранили свой прежній видъ изпуренія. Проснулся фараонъ. Потомъ опять засыпаетъ — видитъ другой сонъ: видитъ, будто изъ одного стебля выросли семь колосовъ, наполненныхъ зрѣлыми зернами; за ними выросли другіе семь колосовъ, тонкихъ, какъ-бы изсушенныхъ зноемъ и вѣтромъ. Эти тонкіе колосья поглотили въ себя семь первыхъ, полныхъ колосовъ. Проснулся фараонъ; смутилась душа его; съ наступленіемъ утра, онъ приказываетъ созвать всѣхъ ученыхъ и мудрецовъ Египта, и пересказываетъ имъ сонъ свой. Но они не могли истолковать сновидѣнія, про изведшаго въ царѣ задумчивость и смущеніе. Тогда старѣйшина виночерпій сказалъ фараону: «Теперь вспоминаю согрѣшное мое! Когда ты, царь, прогнѣвался на рабовъ твоихъ, на меня и на старѣйшину надъ житницами, и повелѣлъ заключить насъ въ темницу, которая при домѣ начальника тѣлохранителей, каждый изъ насъ, въ одну и ту же ночь, увидѣлъ сонъ. Тамъ съ нами была молодой Евреянинъ, рабъ начальника тѣлохранителей: мы рассказали ему сны свои, и онъ истолковалъ ихъ. Мнѣ предсказалъ возвращеніе сана, а товарищу моему — казнь. Такъ и случилось съ обоими нами.»

Фараонъ послалъ въ темницу за Юсифомъ, велѣлъ привести его къ себѣ. Вывели Юсифа изъ твердыни: вывела его рука Божія. По обычаю страны остригли ему волосы, переодѣли на немъ одежду: онъ предсталъ предъ лицо фараона. Египетскій царь пересказалъ ему сны свои, и жаловался на мудрецовъ, что они не могутъ истолковать этихъ видѣній, — «Я слышалъ о тебѣ», говорилъ фараонъ Юсифу, «что ты объясняешь сны, когда тебѣ перескажутъ ихъ». — Юсифъ отвѣчалъ: «Безъ Бога не можетъ фараонъ получить удовлетворительнаго отвѣта.» Чувольно Юсифъ обнаруживаетъ свое духовное состояніе! Онъ исповѣдуетъ явное, чудное, существовавшее Божественное дѣйствіе, дѣйствіе Святаго Духа, независящее отъ человѣка, посѣщающее человѣка по Высшей

волѣ, и открывающее ему тайны. Это невидимое общеніе съ Богомъ, это благодатное дѣйствіе ощущалъ въ душѣ своей Іосифъ: до такой высоты духовнаго преуспѣянія возвели его постоянство въ добродѣтели, бѣдствія, страданія, — или правильнѣе благодать Святаго Духа, освѣняющая постоянно добродѣтельныхъ, въ особенности же страдальцевъ невинныхъ. — «Оба сны твои», сказалъ онъ фараону, «имѣютъ одно значеніе; сны твои — одинъ сонъ. Семь коровъ тучныхъ предзнаменуютъ семь лѣтъ плодородныхъ; семь полныхъ колосовъ предзнаменуютъ тоже. Семь коровъ гощихъ и семь колосьевъ изсохшихъ означаютъ семь лѣтъ голода. Богъ показываетъ фараону то, что Онъ вознамѣрился совершить. Наступятъ семь лѣтъ: втеченіе ихъ будутъ въ Египтѣ обильныя жатвы. Прійдутъ другія семь лѣтъ, и отъ скудости ихъ забудется обиліе перваго семилѣтія. Голодъ поразитъ, сгубитъ землю. Самые слѣды предшествовавшато обилія изгладятся послѣдующею за нимъ скудостью: потому что голодъ будетъ очень сильный. Дважды повторился сонъ фараона: это подтвержденіе изреченія Божія, и знакъ, что Богъ ускоритъ привести въ исполненіе свое опредѣленіе. Царь! высмотри у себя разумаго человѣка, и поручи ему землю Египетскую. Пусть втеченіе семи плодоносныхъ лѣтъ собирается пятая часть всего урожая; собираемая пшеница должна поступать въ вѣдѣніе фараона и храниться въ городахъ. Такимъ образомъ составятся хлѣбные запасы для семи лѣтъ неурожайныхъ, и земля не погибнетъ отъ голода.» — Понравившись слова Іосифа фараону и окружающимъ его. Фараонъ сказалъ имъ: — «Гдѣ же намъ пайти другаго человѣка, который бы, какъ этотъ, имѣлъ въ себѣ Духа Божія?» — Потомъ, обращаясь къ Іосифу, говоритъ ему: — «Богъ открываетъ тебѣ тайны, и потому цѣтъ человѣка, который бы сравнился съ тобою мудростью и разумомъ. Будь главою въ домѣ моемъ; пусть повинуются тебѣ всѣ люди мои! Развѣ однимъ престоломъ я буду выше тебя. Поставляю тебя надъ всею землею Египетскою».

Фараонъ снялъ перстень съ руки и надѣлъ его на руку Іосифа, облекъ его въ пурпуровую одежду, возложилъ

ва него золотую гривну, и повелѣлъ посадить его на вторую колесницу свою: въ ней возили новаго сановника во городу; передъ колесницей шелъ глашатай, провозглашавшая народу санъ и власть Юсифа. Тогда Юсифу исполнилось тридцать лѣтъ. Фараонъ женилъ своего наперсника на Асефенѣ, дочери жреца илюпольскаго, и переименовалъ его, назвавъ — *Псомѳомфанихъ*. Что бы значило это наименованіе? Оно значитъ «Спаситель міра» *. Прообразовалъ Юсифъ низшествіе на землю Богочеловѣка, къ падшему и заблудшему роду человѣческому, когда посланъ былъ отцомъ къ братьямъ, пасшимъ скотъ вдали отъ отцовскаго кочевья. Прообразовалъ его, когда былъ продаваемъ братьями иноплеменикамъ. Прообразовалъ его погребеніе своимъ заключеніемъ въ темницѣ; внезапнымъ возвышеніемъ и славою своею прообразовалъ славу Его воскресенія. Дочь жреца илюпольскаго, вступившая въ супружество съ Юсифомъ, предъизображала Церковь Христову, составившуюся изъ язычниковъ. Спасеніемъ народа отъ смерти предзнаменовалось спасеніе человѣчества отъ смерти вѣчной. Раздаятель вещественнаго хлѣба былъ предъизображеніемъ Того, кто и «Хлѣбъ сшедый съ небеси», и Раздаятель этого небеснаго хлѣба **. Изъ среды таинственныхъ ветхозавѣтныхъ прообразованій, въ первый разъ услышалось утѣшительное имя: «Спаситель міра!» Дивно Промыслъ предвѣщавъ великое дѣло Божіе, «искупленіе человѣчества», библейскими прообразовательными тѣнями. Въ какой дали времешъ начали являться эти тѣни! Какъ живо обрисовывали они истину! какою таинственностью покрыты были для современниковъ! Какъ онѣ стали ясны, очевидны, когда Богъ открылъ человѣкамъ разумніе вдохновенныхъ Имъ писаній.

Юсифъ приступилъ къ исполненію обязанностей, къ которымъ призвалъ его самъ Богъ, и которыя, по устроенію Божію, возложилъ на него владѣтель Египта. Онъ предпринялъ путешествіе по всему Египту, и, обзрѣвъ страну, сдѣлалъ

* Porro ab Aegyptiis didicimus, quod in lingua eorum resonet: «salvator mundi».

§ Hieronimi Liber de nominibus hebraicis.

** Ев. Іоан. 6.

нужныя распоряженія. Земля въ продолженіе семи лѣтъ давала обильную жатву. Втеченіе этихъ семи лѣтъ Іосифъ скоплялъ хлѣбныя запасы, которые хранилъ въ городахъ за надлежащимъ присмотромъ и стражею въ обширныхъ кладовыхъ. Онъ собралъ безчисленное количество пшеницы: она лежала въ складочныхъ мѣстахъ подобно горамъ песку. Втеченіе тѣхъ же плодородныхъ семи лѣтъ Асенефа родила двухъ сыновъ. Іосифъ назвалъ первенца Манассіею. Называя такъ, онъ включилъ въ имя старшаго сына глубокую мысль: *такъ устроилъ меня Богъ, что я забылъ страданій моихъ*. Второго онъ назвалъ Ефремомъ, соединяя съ этимъ именемъ другую глубокую и благочестивую мысль: *Богъ возрастилъ меня въ землѣ смиренія моего*. Такія мысли заключаютъ въ себѣ эти имена, но значенію своему на еврейскомъ языкѣ *.

Протекала семь лѣтъ плодородныхъ, какъ проходитъ все что подчинено времени: наступили голодные годы. По предсказанію Іосифа, голодъ началъ свирѣпствовать по всей землѣ. Народъ Египетскій возопилъ къ Фараону, прося хлѣба. Фараонъ отвѣчалъ подданнымъ: «Идите къ Іосифу, и дѣлайте то, что онъ скажетъ вамъ». Іосифъ отворилъ запасныя житницы и началъ продавать оттуда хлѣбъ Египтянамъ. А голодъ свирѣпствовалъ по лицу земли. Жители сосѣднихъ странъ, услышавъ, что въ Египтѣ продается хлѣбъ, и, угнѣваемые голодомъ, начали пріѣзжать въ Египетъ для покупки пшеницы. Мудрый, предусмотрительный правитель заготовилъ запасный хлѣбъ въ количествѣ, способномъ не только прокормить свой народъ, но и привлечь деньги другихъ народовъ въ египетское государство.

Въ числѣ прочихъ земель, угнетенныхъ голодомъ, томилась земля Ханаанская. Теряло недостатокъ въ пищѣ и семейство святаго патріарха. Слухъ, что въ Египтѣ продается хлѣбъ, дошелъ до старца**. — Онъ сказалъ сыновьямъ своимъ: «Я слышалъ, есть пшеница въ Египтѣ: что вы не обратите на это вниманія? Сходите туда, купите сколько-нибудь хлѣба для поддержанія жизни нашей; иначе — чтобъ не прѣ-

* Записка на Книгу Бытія, московскаго митрополита Фларета.

** Бытія 42.

шлое намъ умереть съ голоду!» — Повинуясь волѣ отца, десять братьевъ Юсифа отправились въ Египеть для покупки хлѣба. Веніамина не отпустилъ Иаковъ съ братьями; онъ сказалъ: — «Чтобъ не случилось съ нимъ на дорогѣ чего худаго!»

Прибывъ въ Египеть, сыновья Иакова пришли съ прочими покупателями въ то мѣсто, гдѣ продавался хлѣбъ. Продавцу хлѣба занимался самъ Юсифъ. Когда братья предстали передъ него, онъ тотчасъ узналъ ихъ; но они ни сколько не подозревали, что стоятъ передъ братомъ, продающимъ въ рабы за двадцать египетскихъ. И какъ имъ было узнать его? Когда они расстались съ нимъ, ему едва минуло семнадцать лѣтъ; теперь онъ приближался къ сорокалѣтнему возрасту. Измѣненный годами, онъ не менѣе измѣненъ былъ величіемъ и блескомъ сана, перваго въ царствѣ египетскомъ, которое опередило почти всѣ другія государства образованностью, могуществомъ, внутреннимъ устройствомъ. Представъ передъ Юсифа, братья низко поклонились ему, челою до земли. Юсифъ вспомнилъ сны свои.... Мудрый, добродѣтельный Юсифъ! онъ отложилъ до другаго времени объявить себя братьямъ. Сколько эта великая душа имѣла надъ собою власти! Не снѣдалось ли сердце его желаніемъ тотчасъ дать о себѣ радостнѣйшую вѣсть престарѣлому, святому родителю, который болѣе двадцати лѣтъ ничего не зналъ о немъ и, считая погибшимъ безвозвратно, печалился неутѣшно? Онъ не внимаетъ влеченію милостиваго, великодушнаго сердца, избираетъ образъ дѣйствованія, необходимо нужный для пользы, и своей, и братьевъ своихъ. Юсифъ зналъ грубые, необузданные нравы этихъ людей; то были полу-дикіе пастухи, взрослые на кочевьяхъ, проводившіе всю жизнь при стадахъ, на привольи буйной свободы, подъ открытымъ небомъ, въ безлюдныхъ пустыняхъ. Они не знали никакой власти надъ собою, не знали никакой бранды: отцу оказывали неповиновеніе; причиняли ему частыя оскорбленія; всякое пожеланіе свое, какъ-бы оно преступно ни было, приводили въ исполненіе; руки ихъ нерѣдко бывали обогрены кровью невинныхъ. Такими изображаетъ Писаніе сыновей Иакова. Имъ нуженъ былъ урокъ. Для собственнаго

благополучія ихъ, необходимо было познакомить ихъ съ покорностью, съ благонавіемъ. Жестокія души, привыкшія попирать совѣсть и страхъ Божій, иначе не могли быть потрясены, приведены въ чувство и самопознаніе, какъ пыткой страха человѣческаго. Предвидя продолжительный голодъ, Іосифъ предвидѣлъ и необходимость переселенія семейства Іаковлева изъ Палестины въ Египетъ:—Не по этому ли онъ назвалъ братьевъ своихъ, при первомъ ихъ пріѣздѣ въ Египетъ, соглядатаями? Если бъ братья его внесли съ собою въ новое отечество свою необузданность, свое буйство, скоро навлекли бы на себя негодованіе Египтянъ; и не только скоро низринулось бы благополучіе семейства Іаковлева, благополучіе самаго Іосифа, но и семейство это, и онъ, подверглись бы величайшимъ бѣдствіямъ. Приобрѣтенное долговременными страданіями должно было оградить, сохранить мудрымъ поведеніемъ.

Іосифъ обошелся съ братьями важно, сурово, какъ строгій властелинъ. «Откуда вы?» спросилъ онъ ихъ. — Они отвѣчали: «Изъ земли Ханаанской: пришли купить хлѣба. — Онъ возразилъ: «Вы соглядатаи: пришли высмотрѣть нашу страну! — Они отвѣчали: «Нѣтъ, господинъ! рабы твои пришли купить хлѣба. Всѣ мы братья, сыновья одного старца. Мы пришли съ мирнымъ расположеніемъ: рабы твои не соглядатаи.» — Онъ сказалъ: «Нѣтъ, нѣтъ! вы пришли высмотрѣть землю!» — Они отвѣчали: «Насъ двѣнадцать братьевъ; рабы твои — изъ земли Ханаанской. Меньшой изъ насъ остался при отцѣ, а одного.... не стало.» — Іосифъ замѣтилъ: «Въ вашихъ словахъ есть ложь! правду я сказалъ, что вы соглядатаи. Клянусь неприкосновенностью фараона, вы не выдете отсюда, если меньшой братъ вашъ не прійдетъ ко мнѣ. Этимъ вы должны оправдать себя. Пошлите одного изъ среды васъ: пусть приведетъ брата. Вы же останетесь здѣсь подъ стражею, доколѣ не объяснится, справедливы ли слова ваши, или нѣтъ. Если они окажутся несправедливыми.... Клянусь неприкосновенностью фараона! вы соглядатаи!»—и съ этими словами отдалъ ихъ людъ стражу.

Прошли три дня. На третій онъ призываетъ ихъ и говоритъ: — «Я изъ числа болящихся Бога. Вотъ какъ поступите: если вы съ мирнымъ расположеніемъ, то идите, отвезите купленную вами пшеницу; одинъ же изъ васъ будетъ удержанъ здѣсь подлѣ стражею. Въ слѣдующій разъ приведите ко мнѣ брата вашего: этимъ вы докажете истину словъ вашихъ. Если же не приведете меньшаго брата; то ниже увидите лица моего!» — Юсифъ говорилъ съ братьями своими при посредствѣ переводчика. Онъ еще не отпустилъ ихъ окончательно, и, въ то время, какъ занялся другими покупателями, сыновья Іакова начали потихоньку бесѣдовать между собою на еврейскомъ языкѣ. Могли ли они предполагать, что грозный египетскій вельможа понимаетъ ихъ! А онъ напряженнымъ слухомъ и вниманіемъ слѣдитъ за каждымъ словомъ; каждое ихъ слово уловляетъ душа его, полная святой любви, дѣйствующая съ святою, спасительною мудростью. — «Право,» говорили другъ другу сыновья Іакова, преслѣдуетъ насъ грѣхъ, который мы совершили надъ братомъ нашимъ! Мы пренебрегли глубокою скорбью его, мы не послушали его, когда онъ умолялъ насъ: за него пришла на насъ эта напасть!» — Рувимъ сказалъ прочимъ: «Не говорилъ ли я вамъ, не обижайте юноши? Вы меня не послушали: вотъ кровь его взыскивается.» — Произзали чувствительное сердце Юсифа слова братьевъ. Онъ вышелъ на минуту отъ нихъ, и облегчалъ обременившееся сердце потоками слезъ. Потомъ опять пришелъ къ нимъ, избралъ изъ среды ихъ Симеона, приказалъ возложить на него передъ глазами ихъ оковы. Въ поступкахъ мудраго Юсифа все имѣетъ свою причину. О причинѣ, по которой цѣпи сдѣлались удѣломъ дикаго и свирѣпаго Симеона, а не другаго кого изъ братьевъ, умалчиваетъ Писаніе; но изъ того же Писанія видно, что именно ему нуженъ былъ болѣе строгій урокъ. Всѣ десять братьевъ позволяли себѣ тяжкіе проступки; но Симеонъ запятналъ себя ужаснымъ убійствомъ Сихемлянъ, чѣмъ подвергъ все семейство святаго патриарха страшной опасности, отъ которой оно было избавлено особеннымъ заступленіемъ Промысла. И не его ли руки поднимались

на другое убійство, боіе ужасное и преступное?... :ослеъ отдавъ тайное приказаніе наполнить пшеницею мѣшки братьевъ, а въ мѣшокъ каждаго вложить деньги, отданными за пшеницу, сверхъ того дать имъ на дорогу пшени. Видно, каждый отдѣльно заплатилъ за взятую имъ пшеницу: эта черта—одна изъ тѣхъ, которыми изображаются передъ нами отщепенные обочаи библейской древности.

Навъочувъ ослоу пшеницею, :сыновья :акова :оупрашивають въ обратный путь. На первомъ :стому одинъ изъ нихъ, съ :ахвроніемъ :аковать :осла, :опаля съ него :ошкороу, который :акъ-то :азвязался, — и увидѣвъ :узелокъ :своихъ денегъ въ мѣшкѣ, :оверхъ пшеницы. Онъ :акрычалъ :ратьямъ: — «Мои деньги мнѣ :оверщены! :оуть они.... въ мѣшкѣ :оимъ.» — Ужаснулось :оудце ихъ; они :ошутались, и :оворили :ругъ :ругу: — «Что :огу творить съ нами?» — Прибывъ въ :емлю :анаанскую, къ :оту, они :азказали :се случившееся съ ними, и :оворили: «Мужъ, :оуподить :емлю :ою, :ошелся съ нами :очень :оурово, :аже :осадила насъ въ :юрму, :акъ :оглядатаевъ. Мы :аказали ему: :нѣтъ! :оуподить, мы не :оглядатаи! мы :ошли съ :омирнымъ :оположеніемъ. Насъ :а двѣнадцать :ратьевъ, мы :оноуья :оца :ашего; :оного изъ насъ.... не :аало, а :оменьшой :опріюць, въ :анаанской :емлѣ. :оувѣчалъ намъ :отъ мужъ, :оуподить :емли: :оуть что :оудеть для меня :оказательствомъ, что вы не :оглядатаи, а :олюди съ :омирнымъ :оположеніемъ: :оного изъ васъ :оставьте :абоу у меня, :ами, :азавъ :оуплевающую для :ома :ашего пшеницу, и идите; но :оменьшого :ората :ашего :оприведите ко мнѣ. :оо :отому :ознаю, что вы не :оглядатаи, но :олюди :омирные; и :оогда :одамъ :ауъ :ората :ашего, :оостающагося у меня :оеперь :оаложникомъ, и вы :обудете :оторговать :освободно въ :оЕгипетской :оемлѣ.» :оогда они :овысынали пшеницу изъ мѣшковъ, у :окаждаго :оувѣтъ съ пшеницею :овыпалъ и :оузелокъ съ его :оденьгами, :оданными за пшеницу. :оувидѣвъ :оузелки :освоихъ денегъ, они :оиспугались. :оувидѣвъ :оэти :оузелки :оотець ихъ, и :отакже :оиспугался. — «Вы, :оказали онъ имъ, :одѣлали меня :ооуеимъ :обездѣтнымъ! :оосноу :онѣтъ; :оСимеона :онѣтъ: и :оВеніамина :оли :охотите :овзяти? :оЗа васъ

обрушились на голову мою всё эти бѣды.»—Рувимъ отвѣчалъ отцу: «Двухъ сыновей моихъ убей, если не приведу Вениамина къ тебѣ обратно.»—Старецъ отвѣчалъ: «Не дойдетъ смѣль мой съ вами! братъ его умреть; онъ остался одинъ: если случится ему это на дорогѣ, въ которую вы отправляетесь, то вы сведете старость мою съ печалью въ гробъ.»

Голодъ усиливался, усиливался и оплодѣлъ землю. Кончилась въ домѣ Иакова пшеница, привезенная изъ Египта, и сказала старецъ сыновьямъ своимъ: «Сходите опять въ Египетъ, купите намъ сколько нибудь хлѣба.»—Иуда отвѣчалъ ему: — «Мужъ, господинъ той земли, сказалъ намъ, подтверждая клятвою слова свои, что мы не увидимъ лица его, если не прійдетъ съ нами меньшей братъ нашъ.»—Иаковъ самъ шёлъ: «зачѣмъ вы одѣлали это злое дѣло, зачѣмъ сказали мужу, что есть у васъ братъ?»—Она отвѣчали: «Мужъ дѣлалъ намъ строгіе и подробные допросы. Онъ выспрашивалъ: живъ ли еще отецъ вашъ? есть ли еще у васъ братъ? Мы отвѣчали на вопросы его. Развѣ знали мы, что онъ скажетъ: приведите брата вашего?»—Потомъ Иуда началъ уговаривать отца своего: «Отпусти юношу со мною: мы встанемъ, пойдемъ, достанемъ хлѣба, на пропитаніе тебя и себя, чтобъ намъ не умереть съ голоду. Я возьму на мою отвѣтственность Вениамина: отъ моей руки взыщи его. Если не приведу его назадъ и не поставлю передъ тобою, да будетъ гнѣвъ твой на меня во всю жизнь мою. Если бы мы не промедляли столько, то два раза успѣли бы побывать въ Египтѣ.»—Старецъ примолвилъ: «Когда ужъ такъ, то вотъ какъ сдѣлайте: возьмите зѣбишнихъ произведеній и принесите тому мужу въ даръ. Возьмите ладану, меду, styrancy и орѣховъ. Возьмите двойныя деньги, чтобъ можно было возвратитъ деньги, найденныя въ мѣшкахъ вашихъ: можетъ быть, она попали туда во какому недоразумѣнію. И брата вашего возьмите. Собирайтесь въ путь, и идите къ мужу. Богъ мой да преклонять мѣшка къ милосердію, чтобъ онъ

¹⁰ Ваттн, 48.

отпустилъ брата вашего и Веніамина. Я вполне сдѣлаюсь бездѣтнымъ!»

Сыновья Іакова взяли съ собою дары и двойныя деньги, и отправились въ Египетъ. Прибывъ туда, предстали Іосифу. Увидалъ Іосифъ Веніамина, брата своего по матери, — и возмутилась душа его. Онъ призвалъ управляющаго своимъ домою, и сказалъ ему:—«Введи этихъ людей въ домъ мой, и приготовь хорошей обѣды: въ полдень они будутъ обѣдать со мною.» Домоправитель исполнилъ по приказанію Іосифа, повелъ братьевъ въ домъ его. Они, видя что ихъ ведутъ въ домъ Іосифа, говорили другъ другу: «Насъ ведутъ сюда по случаю денегъ, найденныхъ въ нашихъ мѣшкахъ, чтобъ внести на насъ клевету, обвинить насъ, взять въ рабы, и завладѣть ослами нашими.» Поэтому, у воротъ дома, не входя въ нихъ, они приступили къ домоправителю и говорили ему: «Умоляемъ тебя, выслушай насъ. Когда мы приходили въ первый разъ за покупкою хлѣба и, взявъ насыпанными наши мѣшки, отправились въ обратный путь, на первомъ стану развязали мы мѣшки наши, и внезапно увидѣли деньги свои, каждый въ своемъ мѣшкѣ; эти деньги мы принесли теперь обратно, вѣсомъ. А для покупки новаго хлѣба принесли другія деньги. Кто же отданное нами серебро за первый хлѣбъ вложилъ въ мѣшки наши, мы не знаемъ.» «Успокойтесь! отвѣчалъ домоправитель: не опасайтесь ничего. Богъ вашъ, Богъ отцовъ вашихъ послалъ вамъ богатство въ мѣшки ваши. А деньги, внесенныя вами, значатся у меня въ приходѣ и считаются въ числѣ полученныхъ.» Онъ вывелъ къ нимъ Симеона. Потомъ была принесена вода, имъ умыли ноги, а осламъ дали корму. Они выложили дары, и приготовивъ ихъ, ожидали выхода Іосифова къ полдню.

Когда Іосифъ возвратился въ домъ, братья поднесли ему дары и поклонились челомъ до земли. Онъ спросилъ ихъ: «Здоровы ли вы?» — потомъ прибавилъ: «Здравствуетъ ли старецъ, отецъ вашъ, о которомъ вы мнѣ сказывали? неужели онъ живъ еще?» — Они отвѣчали: «Еще живъ и здравствуетъ рабъ твой, отецъ нашъ.» — «Благословенъ

этой человекъ передъ Богомъ!» сказалъ Юсифъ: — Они низко поклонились ему.—Сыскавъ глазами между ними Веніамина, Юсифъ спросилъ: «Это ли меньшой братъ вангъ, котораго вы обѣщали привести ко мнѣ?» — и на утвердительный отвѣтъ ихъ примолвилъ: «Богъ да помилуется тебѣ, дитя мое!»—Смутился Юсифъ; сильно забилось его сердце; слезы хлынули изъ глазъ. Поспѣшно ушелъ онъ въ свою спальню, тамъ насытился слезными потоками; потомъ умылъ лицо, вышелъ къ братьямъ и, удерживая себя, сказалъ: «предложите трапезу». Для него приготовлено было отдѣльно, а отдѣльно для сыновей Іакова, и отдѣльно для Египтянъ, которые въ тотъ день обѣдали у вельможи. Египтяне, повѣствуетъ Писаніе, не могли быть за однимъ столомъ съ Евреями; они, по своему повѣрью, гнушались всякаго пастуха-овцевода. Сыновей Іакова посадили прямо противъ Юсифа, по годамъ ихъ. Удивились они, увидя себя разсаженными по старшинству. Имъ подавали кушанія, каждому отдѣльно часть его: части накладывалъ самъ Юсифъ, и Веніамину накладывалъ больше нежели прочимъ братьямъ. Поставлено было и вино. Отлегло сердце у сыновей Іакова за трапезою роскошною и привѣтливою. Непривыкшіе стѣснять себя, пустынные пастухи поѣли до-сыта и вышли обильно. Эта трапеза прообразовала духовную трапезу Христа Спасителя, предлагаемую христіанамъ на Божественной Литургіи. Господь благоволилъ содѣлаться братомъ нашимъ. Онъ одержалъ побѣду надъ міромъ — таинственнымъ Египтомъ—а братіямъ Своимъ, которые страждутъ подъ бременемъ грѣха, «уготовалъ трапезу и упояющую державную чашу» * пресвятое Тѣло свое и пресвятую Кровь Свою. Христіане, причащаясь этой Божественной пищи, причащаются живота вѣчнаго, освобождаются отъ грѣховъ своихъ и, въ упоеніи наслажденіемъ духовнымъ, забываютъ скорби, гнетущія ихъ при странствованіи въ Египтѣ — въ странѣ чужой, въ странѣ изгнанія: эта страна, исполненная горестей и бѣдствій, видимыхъ и невидимыхъ — жизнь земная.

* Псаломъ, 22.

Иосифъ между-тѣмъ отдалъ тайное приказаніе своимъ подчиненнымъ: * «Наполните мѣшки этихъ людей пшеницею, весыте больше, чѣмъ бы въ силахъ были донести. Денги каждому положите въ мѣшокъ, сверху пшеницы. Въ мѣшокъ меньшаго вложите, кромѣ денегъ, и серебряную мою чашу.» Все было исполнено по приказанію Иосифа. Наступило утро: сыновья Іакова пустились въ путь съ навьюченными хлѣбомъ ослами. Когда они вышли изъ города и были еще недалеко, Иосифъ говоритъ домоправителю своему: «Ступай скорѣе въ погоню за этими людьми, настигни ихъ, и скажи: Что это? вы за мое добро продали землю? За чѣмъ вы украли мою серебряную чашу? Не та ли это чаша, изъ которой пьетъ господинъ мой? да въ ней же онъ и возлаетъ.» — Домоправитель, настигнувъ ихъ, повторилъ отъ слова до слова приказанное Иосифомъ. — Они отвѣчали: «Нарасно такъ говорить господинъ! Нѣтъ, рабы твои не сдѣлали этого. Если деньги, найденныя нами въ мѣшкахъ нашихъ, мы принесли опять изъ земли Ханаанской, то съ чего намъ красть изъ дому господина твоего серебро или золото? У кого найдемъ чашу, тотъ да будетъ казненъ, и мы отдадимся въ рабство господину нашему.» — Домоправитель отвѣчалъ: «Пусть будетъ по слову вашему: у кого найдется чаша, тотъ да поступитъ въ рабы къ господину моему.» — Они поспѣшно сняли мѣшки съ ослонъ, и каждый развязалъ мѣшокъ свой. Домоправитель началъ обыскивать съ старшаго, дошелъ до младшаго, чаша нашлась въ мѣшкѣ Веніамина. Въ отчаяніи они разтерзали на себѣ одежды, положили мѣшки на ослонъ, и возвратились въ городъ. Иосифъ былъ въ дому своемъ: они пришли къ нему и пали передъ нимъ на землю. — «Что вы сдѣлали?» сказалъ онъ имъ: «Развѣ вы не знали, что нѣтъ на землѣ гадателя подобнаго мнѣ?» — Иуда отвѣчалъ: «Господинъ! намъ нечего отвѣчать тебѣ, нечего говорить, нечѣмъ оправдаться! Богъ караетъ тайное согрѣшеніе рабовъ твоихъ. Отдаемъ себя въ рабы господину нашему. Пусть будемъ рабами твоими, мы, и тотъ, у кого нашлась

чаша.» — «Зачѣмъ мнѣ, сказалъ Иосифъ, быть несправедливымъ? Дочь, у кого: вѣнчалась чаша, пусть будетъ рабомъ моимъ, а вы идите оубоодно къ отцу.» — Тогда Иуда, приступивъ къ нему, сказалъ: «Господинь! умоляю тебя, позволь мнѣ сказать передъ тобою нѣсколько словъ, и не прогнѣвайся на раба твоего: я знаю, что ты второй по Фараонѣ. Последняя! ты спрашивалъ рабовъ твоихъ: имѣете ли вы отца или брата? И мы сказали господину: есть у насъ престарѣлый отецъ и меньшой братъ, родившійся когда уже отецъ былъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Ихъ было два у матери: старшій... умеръ; этотъ остался одинъ, и отецъ полюбилъ его. Ты сказалъ рабамъ твоимъ: приведите его ко мнѣ, хочу видѣть его. Мы сказали последнему: невозможно юношѣ оставить отца своего; если онъ покинетъ отца, — отецъ умретъ. Ты же сказалъ рабамъ твоимъ: если не придетъ меньшой братъ нашъ, то вы не увидите болѣе лица моего. Когда мы пришли къ рабу твоему, отцу нашему, то передали ему слова господина нашего. Отецъ сказалъ намъ: Идите опять, купите хлѣба. Мы отвѣчали: Нельзя намъ итти; если меньшой братъ нашъ пойдетъ съ нами, то поидемъ потому что безъ него мы не будемъ допущены передъ лицомъ мужа. Твой рабъ, отецъ же нашъ, сказалъ намъ: «Вы знаете, что жена моя родила мнѣ двоихъ. Одинъ пошелъ отъ меня къ вамъ: вы сказали, что онъ съѣденъ звѣремъ; съ-тѣхъ-поръ цѣлованнѣ я не видалъ его. Если этого возьмете, и случится съ мною дорожное какое зло, вы сведете старость мою съ печалью въ адъ.» И такъ, если я пойду теперь къ рабу твоему, отцу нашему, а юноша не будетъ со мною — вѣдь душа его привязалась къ душѣ... этого! — и увидитъ отецъ мой, что итъ съ нами юноша, онъ умретъ. И сведутъ рабы твои старость раба твоего, отца нашего, съ печалью въ адъ. Я, рабъ твой, возьму юношу у отца, скажу ему: если не приведу его къ тебѣ, я не поставлю предъ тобою, пусть будетъ вѣнча твой на мнѣ во всѣ дни жизни моей. Пусть же я буду рабомъ твоимъ вмѣсто юноши... да! рабомъ господину!... А юноша пусть идетъ съ братьями своими. Какъ мнѣ итти къ отцу безъ юноши? Не снести мнѣ той горести,

которая поразить отца моего.» — Иосифъ не могъ далѣе удерживать и скрывать себя *. Всѣмъ присутствующимъ онъ приказалъ выйти; даже изъ приближенныхъ и домашнихъ не было никого, когда онъ открылъ себя братьямъ. Всѣ удалились: тогда съ плачемъ и воплемъ воскликнулъ Иосифъ братьямъ: «Я — Иосифъ!.... неужели еще живъ отецъ мой?» — Братья пришли въ совершенное недоумѣніе, не могли ничего отвѣчать ему. — Иосифъ сказалъ имъ: «Приблизьтесь ко мнѣ.» Они подошли къ нему. «Я — Иосифъ», повторилъ онъ имъ; я—братъ вашъ, котораго вы продали въ Египетъ. Не скорбите же, что вы продали меня сюда!.... Чтобъ это васъ не тревожило, не мучило! Богъ, промышляющій о спасеніи вашемъ, послалъ меня сюда. Вотъ второй годъ на землѣ голодъ, и еще осталось пять лѣтъ, въ которые напрасно будутъ пахать землю, въ которые жатвы не будетъ. Богъ послалъ меня передъ вами приготовить вамъ убѣжище на землѣ и прокормить наше многочисленное семейство. Не вы продали меня сюда: сюда послалъ меня Богъ, сдѣлавъ какъ-бы отцомъ фараону, господиномъ надъ всѣмъ домою его и владыкою всей Египетской земли. Поспѣшите возвратиться къ отцу моему, и скажите ему: вотъ что говорить тебѣ сынъ твой Иосифъ: «Богъ сдѣлавъ меня господиномъ Египта: прійди ко мнѣ, не медли. Ты поселишься въ Гесемской землѣ, будешь близъ меня, ты, и сыновья твои, и сыны сыновъ твоихъ, и овцы твои, и волы твои, и всѣ стада твои. Я буду доставлять тебѣ пропитаніе; потому что еще втеченіе пяти лѣтъ будетъ голодъ на землѣ. «Ваши глаза видятъ, и глаза Веніамина, брата моего, видятъ, что я, моими устами, говорю вамъ это. Разкажите отцу моему всю славу и власть, которыя даны мнѣ въ Египтѣ, которыя вы видѣли собственными вашими глазами. Поспѣшите, приведите отца моего сюда.» Онъ бросился на шею къ Веніамину, и, обнявъ его, плакалъ, и Веніаминъ обнялъ его, и также плакалъ. Потомъ со слезами онъ обнималъ всѣхъ братьевъ своихъ. Тогда открылись уста ихъ, доселѣ запечат-

* Бытія, 48.

лѣнныя страхомъ и недоумѣніемъ: они вступили въ бесѣду съ Юсифомъ.

Дошелъ слухъ до дома фараонова о прибытіи братьевъ Юсифа: обрадовались фараонъ и дворъ его. — Фараонъ сказалъ Юсифу: «Скажи братьямъ своимъ: такъ поступите, наполните мѣшки ваши хлѣбомъ, идите въ землю Ханаанскую и, взявъ отца вашего, переселитесь ко мнѣ со всѣмъ имѣніемъ вашимъ. Богатства Египта отворены для васъ.» — Юсифъ подарилъ братьямъ, каждому, по двѣ перемѣны платья, а Веніамину пять перемѣнъ и триста золотыхъ монетъ. Отцу своему онъ послалъ многіе дары на десяти ослахъ, и далъ десять муловъ съ хлѣбомъ на дорогу. Одаривъ такъ братьевъ своихъ, онъ отпустилъ ихъ; отпуская, сказалъ: «На пути не ссорьтесь между собою.» Нужно было вольнымъ питомцамъ пустыни такое наставленіе: конечно теперь они дали ему должный вѣсъ, помнили и сохранили его.

Возвратились сыновья Іакова въ Ханаанскую землю, къ отцу своему, сказали ему: «Сынъ твой Юсифъ живъ: онъ-то и управляетъ всею Египетскою землею.» — Ужаснулся Іаковъ, не повѣрилъ имъ. Они увѣрили его, пересказывая въ точности всѣ слова Юсифа. Когда же старецъ увидѣлъ богатые дары и колесницы, посланные за нимъ Юсифомъ, тогда ожилъ духъ его, и сказалъ Іаковъ: «Велико для меня, если живъ еще Юсифъ! Пойду, увижусь съ нимъ, прежде нежели умереть мнѣ.»

Патріархъ поднялся со всѣми домочадцами, со всѣмъ имуществомъ; достигнувъ такъ-называемаго Клятвеннаго Колодца, принесъ близъ его жертву Богу *. Въ ночномъ видѣніи Богъ сказалъ старцу: «Іаковъ! Іаковъ! Я Богъ отцовъ твоихъ. Не бойся переселиться въ Египетъ: тамъ сотворю тебя въ народъ многочисленный. Я сойду съ тобою въ Египетъ, и Я выведу тебя оттуда. Юсифъ своими руками закроетъ глаза твои.»

Семейство Іакова, при переселеніи своемъ въ предѣлы Егип-

* Бытія, 46.

та, состояло, включая сюда и Иосифа съ его сыновьями, изъ семидесяти пяти душъ мужескаго пола. Достигнувъ Гесемской земли, онъ послалъ Иуду извѣстить Иосифа о своемъ прибытіи. Иосифъ велѣлъ заперчь колесницы свои, и выѣхалъ на встрѣчу старцу-отцу въ область гесемскую; увидѣлъ его; кинулся ему на шею съ воплемъ и рыданіемъ. Добрый Иаковъ сказалъ Иосифу: «Теперь пусть умру, потому что я увидѣлъ лицо твое: еще ты живъ!» — Когда все семейство прибыло въ Египетъ, Иосифъ сказалъ братьямъ: «Пойду къ фараону, извѣщу его о вашемъ пришествіи, скажу: братья мои и весь домъ отца моего, обитавшіе въ Ханаанской землѣ, пришли ко мнѣ. Они скотоводы: такое занятіе нашего рода извѣстари. Они пригнали сюда и стада свои. Если призоветъ васъ фараонъ и спроситъ какое ваше занятіе, отвѣчайте ему: мы, рабы твои, съ дѣтства и понынѣ занимаемся скотоводствомъ; имъ занимались и отцы наши. А онъ скажетъ вамъ: по мѣститеся въ Гесемъ Аравійскомъ.» — Этотъ значительный участокъ плодороднѣйшей земли, очень удобный для скотоводства, никогда не былъ населенъ. Причиною помѣщенія семейства патріархова въ отдѣльной и необитаемой странѣ, говоритъ Писаніе, было извѣстное повѣрье Египтянъ, признававшихъ нечистыми тѣхъ, которые занимались овцеводствомъ. Иосифъ доложилъ фараону, что отецъ его и братья съ стадами своими прибыли изъ Ханаанской земли и остановились въ странѣ Гесемъ*. Изъ братьевъ онъ избралъ пять человекъ и представилъ ихъ фараону. Фараонъ спросилъ братьевъ Иосифовыхъ: «Чѣмъ вы занимаетесь?» — Они отвѣчали: «Мы, рабы твои, занимаемся овцеводствомъ: это занятіе было нашимъ съ дѣтства, и занятіемъ отцовъ и праотцовъ нашихъ. Нынѣ мы пришли обитать въ землѣ твоей: въ Ханаанской сторонѣ крайне усилася голодъ, и тамошнія пастбища недостаточны для стадъ нашихъ. Позволь рабамъ твоимъ поселиться въ землѣ Гесемской.» — Фараонъ отвѣчалъ, обратясь къ Иосифу: «Отецъ

* Бытія, 47.

твой и братья твои пришли къ тебѣ. Передъ тобою вся земля Египетская; посели ихъ на лучшемъ мѣстѣ. Пусть ихъ поселятся въ землѣ Гесемъ. Если же между ними есть люди способные, то поставь ихъ въ старѣйшины надъ стадами мнѣ.» — Ввелъ Юсифъ и Іакова предъ фараона: старецъ благословлялъ царя египетскаго. Фараонъ спросилъ Іакова о числѣ лѣтъ его. — «Мнѣ,» отвѣчалъ старецъ, «сто тридцать лѣтъ. Не много лѣтъ мнѣ! жизнь моя преисполнена бѣдствій; я не проживу столько, сколько прожили отцы мои.» — И, снова благословивъ царя, старецъ вышелъ отъ него. Юсифъ исполнилъ все по приказанію фараона относительно помѣщенія отца своего въ землѣ Гесемской. Тамъ часто любимый сынъ навѣщалъ старца-отца своего, и доставлялъ ему все нужное для его содержанія.

Очень занимательны разныя подробности о гражданскомъ устройствѣ Египта во времена Юсифа, сохранные для насъ Книгою Бытія. Въ этихъ подробностяхъ видѣнъ образецъ, какъ первоначально возникали государства, какъ люди переходили изъ состоянія дикой свободы въ состояніе подданства; какъ это подданство было сначала неполнымъ, и болѣе подходило къ патріархальному подчиненію; какъ потомъ сдѣлалось подданствомъ безусловнымъ; наконецъ тутъ же видно, что учредителемъ самодержавнаго или монархическаго правленія въ Египтѣ былъ мудрый, святой Юсифъ. Тогдашній дворъ фараона, хотя уже и представляетъ нѣкоторое величіе и пышность, но не успѣлъ еще уклониться отъ патріархальной простоты: его высшій царедворецъ лично занимается продажей хлѣба; другой царедворецъ носитъ корзины съ хлѣбомъ на головѣ своей, третій собственными руками выжимаетъ сокъ изъ винограда въ чашу, подаетъ эту чашу царю не только во дни торжественныхъ пиршествъ, но, какъ видно, ездя ежедневно. Народонаселеніе въ Египтѣ было еще очень незначительно, отчего цѣлая плодородная область Гесемъ оставалась непаселенною, а жители городовъ имѣли возможность заниматься пашнею и скотоводствомъ. Книга Бытія дышетъ юностью политическаго міра. Сказаніе Боговдох-

нованнаго писателя этой книги, Моисея, своею естественностью переносит внимательнаго читателя въ отдаленную, священную древность, къ этимъ людямъ, жившимъ въ чудной простотѣ, къ этой недавно начавшейся жизни, такъ чуждой всѣхъ утонченностей. Эта жизнь и, эта простота полны силы! Кто погружается часто въ созерцаніе библейскихъ сказаній, тотъ непременно ощутитъ въ душѣ своей особенное, странное впечатлѣніе. Это впечатлѣніе состоитъ въ обладаніи какой-то свѣжести, молодости, какъ-бы отъ дыханія восточномъ прекраснаго лѣтнаго утра. Душа юнѣетъ, отъ пристальныхъ взоровъ на юность міра, отъ бесѣды съ юнымъ міромъ; ея силы бодрѣютъ, укрѣпляются, какъ силы старца, отъ общенія съ дѣтьми. Приятно насладиться свѣжестью юнаго міра, отдохнуть въ ней отъ впечатлѣній современнаго, дряхлаго, разсыхающагося.

Сильный голодъ продолжался; особенно страдали отъ него Египетъ и Палестина: въ этихъ странахъ ни у кого не было хлѣба, кромѣ заготовленнаго Іосифомъ. Не осталось ни золота, ни серебра въ обѣихъ земляхъ: всѣ деньги перешли въ руки Іосифа, а онъ внесъ ихъ въ казнохранилище фараона, которое, нужно замѣтить, было въ самомъ домѣ царя египетскаго. Египтяне, не имѣя денегъ, имѣли нужду въ хлѣбѣ, продавали фараону прежде скотъ свой, потомъ земли, наконецъ самихъ себя. Вотъ начало безусловнаго подданства въ Египтѣ. Только земли жрецовъ остались ихъ собственностью: они получали хлѣбъ отъ фараона безмездно, въ подаваніе. По окончаніи голодныхъ лѣтъ, когда Египтяне и земли свои и самихъ себя укрѣпили фараону, Іосифъ выдалъ имъ на посѣвъ сѣмена съ тѣмъ, чтобъ они пятую часть урожая представляли ежегодно въ дань казнѣ. Эта вещь, учрежденная мѣра относительно къ дани, и самый переворотъ относительно къ власти, были приняты съ удовольствіемъ и благодарностью народомъ подвораждающагося самодержавнаго государства. — «Сохранилъ ты жизнь нашу,» говорили Египтяне Іосифу: «ты благодѣтель нашъ; будемъ рабами фараону». — Писатель Книги Бытія замѣчаетъ, что эта дань оставалась неизмѣнною и въ его времена, то есть, по истеченіи почти

четыре столѣтій. Изъ сочиненій несравненно позднѣйшихъ писателей, Геродота и Диодора, видно что тотъ же способъ взиманія податей продолжался до ихъ времени, видно, что земля въ Египтѣ была собственностью царей египетскихъ. Доходы царей египетскихъ съ земли, говоритъ Диодоръ, были столько удовлетворительны, что всякую другую дань съ народа сдѣлали не нужною*. Въ этомъ распоряженіи видны глубокой, свѣтлый умъ Юсифа, его необыкновенная способность къ управленію, способность, которая обнаружилась въ немъ съ самой юности, и которую такъ скоро и справедливо примѣтили и начальникъ тѣлохранителей и начальникъ темницы. Онъ учреждаетъ налогъ сильный, но чрезвычайно удобный для взноса по свойству страны. Какъ дань свойственна для плодороднаго Египта, какъ же дань хлѣбомъ? Легко было вносить ее тамъ, гдѣ урожай обыкновенный — самъ-сто; легко было доставлять съ полей, лежащихъ при судоходной рѣкѣ, каковы всѣ поля Египта, въ города съ хлѣбными кладовыми, стоящіе при той же рѣкѣ; легко было вознаграждать недовмки, которыя могли случаться въ неурожайные годы, уплатою въ годы непомятаго урожая. Если можно назвать какіе урожай непомятымъ, то названіе это преимущественно передъ всѣми урожаями міра принадлежитъ урожаю нивъ египетскихъ. Наконецъ сбытъ хлѣба внутри былъ вполне удобенъ для фараона изъ пристаней лежавшихъ при этой же судоходной рѣкѣ. Въ послѣдствіи, когда основались гавани и у Средиземнаго Моря, на берегахъ котораго обиталъ весь просвѣщенный и торгующій міръ того времени, Египетъ сталъ житницей этого міра, и оставался его житницею, доколѣ Средиземное море оставалось его центромъ; а оно было центромъ образованнаго, дѣйствующаго міра почти до новѣйшихъ временъ, почти черезъ всю жизнь міра. Установленіе Юсифа имѣло необыкновенную основательность при всей простотѣ своей: потому и было долговѣчно. Самое время благоговѣть передъ мудрымъ государ-

* Замѣки на Книгу Бытія. московскаго вѣтрополита Филарета.

ственнымъ постановленіемъ, и черезъ многія столѣтія хранить его въ неприкосновенной, столько благотворной для государствъ, неизмѣняемости. Черезъ явное для всѣхъ государственное благодѣяніе, Іосифъ усилилъ и образовалъ власть фараоновъ, обезпечилъ новое государство капиталомъ и постоянными, обильными доходами.

Семнадцать лѣтъ прожилъ Іаковъ въ землѣ Египетской, и, достигнувъ ста сорока-семи лѣтняго возраста, почувствовалъ приближеніе кончины. За нѣсколько дней передъ смертью, онъ призываетъ возлюбленнаго сына своего Іосифа, и говоритъ ему: «Сдѣлай падо мною милость и истину: не хори меня въ Египтѣ! — да почию съ отцами моими! Вынеси меня изъ Египта, и похори въ гробѣ ихъ!» — Движимый вѣрою — не какимъ-нибудь мелочнымъ, земнымъ пожеланіемъ — вдохновенный старецъ завѣщаетъ перенесеніе тѣла своего въ Палестину и погребеніе его въ пещерѣ Хевронской области. Такъ объясняетъ его завѣщаніе Святой Апостолъ Павелъ, упоминающій о словахъ этого завѣщанія, какъ о внушенныхъ свыше и заключающихъ въ себѣ глубокую таинственность. * Святой сынъ обѣщаетъ свято исполнить волю святаго отца. Іаковъ потребовалъ, чтобъ обѣщаніе было скрѣплено клятвою — и далъ клятву Іосифъ: тогда Іаковъ, сидѣвшій на одрѣ своемъ, поклонился на верхъ жезла Іосифова. Жезлъ былъ въ рукѣ вельможи — или по тогдашнему обычаю, или какъ знакъ высокаго сана.

По прошествіи немногихъ дней, извѣстили Іосифа, что отецъ его пришелъ въ совершенное изнеможеніе **. Онъ взялъ съ собою двухъ сыновъ своихъ, Манассію и Ефрема, отправился къ умирающему отцу. Дряхлый старецъ лежалъ на смертномъ одрѣ въ разслабленіи. Ему сказали: «Идетъ къ тебѣ сынъ твой Іосифъ». — Старецъ собрался съ силами, сѣлъ на одрѣ. Укрѣпила ли его любовь къ сыну? или въ эту минуту низшло на него ослѣвленіе благодати? Умирающій ожилъ жизнью Божественнаго вдохновенія. Часто въ избранникахъ Божіихъ къ естественному дѣйствию че-

* Посл. Евр. II. 21.

** Бытія 48.

ловѣка внезапно присоединяется сверхъестественное дѣйствіе Святаго Духа. Это могущественное дѣйствіе выводитъ чело-вѣка изъ его обыкновеннаго состоянія, и дѣлаетъ ору-діемъ Божиимъ. Такими были предсмертныя минуты Іакова. Когда Юсифъ вошелъ къ нему, онъ сказалъ сыну: «Мой Богъ явился мнѣ въ Лузѣ, въ землѣ Ханаанской, благословилъ меня, и сказалъ мнѣ: я умножу тебя, произведу изъ тебя племена народовъ и дамъ тебѣ, а послѣ тебя, потомству твоему, эту землю въ вѣчное владѣніе. Поэтому два сына твои, родившіеся тебѣ до пришествія моего въ Египетъ, пусть будутъ моими. Ефремъ и Манассія будутъ моими, какъ мои — Рувимъ и Симеонъ. Сыновья, которые родятся тебѣ послѣ ихъ, будутъ твоими и призовутся къ наслѣдію подъ именами этихъ двухъ братьевъ, въ ихъ участки. Мать твоя Рахиль скопчалась въ Ханаанской землѣ, когда я шелъ изъ Месопотаміи и приближался къ Ефраѣ. Это тоже, что и Велеешъ. Тутъ, при пути, похоронилъ я ее.»—Увидѣвъ сыновеи Юсифа, онъ спросилъ его: «Кто это съ тобою?»—Юсифъ отвѣчалъ:—«Это сыновья мои, которыхъ Богъ даровалъ мнѣ здѣсь.»—И сказалъ Іаковъ: «Подведи ихъ ко мнѣ: я благословлю ихъ».—Глаза патріарха померкли отъ старости: онъ не видѣлъ ясно. Когда Юсифъ подвелъ къ нему дѣтей, онъ обнялъ ихъ, поцѣловалъ, и сказалъ Юсифу:—«Вотъ, я не надѣялся увидѣть лицо твое, а Богъ показалъ мнѣ и дѣтей твоихъ»,—Юсифъ отвелъ ихъ отъ колѣнъ старца, и они поклонились ему до земли. Потомъ, взявъ Ефрема въ правую руку противъ лѣвой Іакова, а Манассію въ лѣвую противъ правой Іакова, онъ подвелъ ихъ снова къ старцу; и простеръ вдохновенный старецъ руки для благословенія, сложивъ ихъ крестообразно: правую руку положилъ онъ на голову Ефрему, а лѣвую на голову Манассіи. Въ первый разъ является при благословеніи крестное знаменіе обычное знаменіе благословенія въ Новозавѣтной Церкви! «Богъ,» говорилъ святой патріархъ, «Богъ, которому благоугодили отцы мои Авраамъ и Исаакъ, Богъ покровительствующій и помогающій мнѣ

съ младенчества моего и доселѣ, избавляющій меня отъ
всѣхъ напастей, да благословитъ этихъ дѣтей! да нароуютъ
ся они по имени моему и по имени отцовъ моихъ Авраа-
ма и Исаака; да произойдетъ отъ нихъ многочисленное по-
томство». — Когда Юсифъ увидѣлъ, что старецъ наложилъ
правую руку на Ефрема, это показалось ему неправиль-
нымъ; онъ взялъ отцовскую руку, чтобы перемѣнить
ее съ головы Ефрема на голову Манассиу, и сказалъ:
— «Отецъ мой! ты не такъ положилъ руки: Вотъ первенецъ:
на него возложи правую руку.» — Старецъ не захотѣлъ
этого сдѣлать. «Знаю,» сказалъ онъ, «сынъ мой, знаю:
и отъ этого будетъ многочисленное потомство, и это
будетъ великъ! Но меньшей братъ его будетъ больше:
потомство его составитъ цѣлый народъ.» Онъ снова
благословилъ ихъ. «Въ васъ,» сказалъ онъ, «да благосло-
вится Израиль! Будутъ говорить: да совершитъ Богъ надъ
тобою то, что Онъ совершилъ надъ Ефремомъ и Манасси-
ей.» А Юсифу сказалъ: «Я умираю. Богъ будетъ съ вами,
и возвратитъ васъ изъ этой земли въ землю отцовъ ва-
шихъ. Въ той землѣ даю тебѣ участокъ ливній передъ
братіями твоими: его взялъ я у Аммореевъ мечомъ и
лукомъ моимъ.» Слово мужей духоносныхъ, замѣчаетъ
одинъ великій наставникъ аскетовъ *, подобно слову
престарлаго Иакова: они словомъ своимъ передаютъ слу-
шателямъ духовную силу, живущую въ нихъ, приобрета-
емую ими въ борьбѣ со грѣхомъ, побѣдами надъ невѣдѣні-
ми Амморейми—помышленіями и ощущеніями порочными.

Часъ кончины святаго патріарха приближался. Въ эту
предсмертную часъ излился на него обильно Святой Духъ,
и какъ-бы вполне овладѣлъ имъ. Въ тѣ послѣднія минуты
земной жизни, въ которыя душа готова была выйти изъ
обветшавшаго тѣла, низшелъ Духъ Божій, остановивъ
разлученіе, излилъ въ отходящую душу, въ остающееся
тѣло жизнь благодатную. Умиравшій ожилъ жизнью бу-
дущаго вѣка. Поспѣшно потребовалъ къ себѣ старецъ

* Преподобный Исаакъ Сирскій. Слово I-е.

рѣчь сыновей своихъ ; поспѣшно они стеклись къ нему, окружили его . Онъ — еще сидѣлъ на одрѣ . Когда они собрались, Иаковъ произнесъ имъ вдохновенное, пророческое завѣщаніе . Это завѣщаніе дышетъ юношескою силою и поэзіей , вѣчною юностью небожителей и святою поэзіей ихъ . Тутъ — нѣтъ человѣка ! Тутъ языкъ человѣка былъ только орудіемъ . Такъ и слышитъ говорящій Богъ . Такъ и слышитъ Богъ , изрекающій волю Свою съ властью распоряжающійся будущими судьбами человѣковъ и ихъ отдаленнаго потомства ! Завѣщаніе патриарха — небесная пѣснь, воспѣтая Духомъ во всеуслышаніе міра . Эта пѣснь возвѣщаетъ міру Искупителя , и цародамъ , погруженнымъ въ идолослуженіе , озареніе свѣтомъ христіанства . « Соберитесь , » сказалъ умирающій старецъ сыновьямъ своимъ , сказалъ какъ-бы уже изъ области того вѣка : « соберитесь , окружите меня ; я возвѣщу вамъ будущее . Соберитесь , сыны Иакова , послушайте меня , послушайте Израиля , послушайте отца вашего . » Рувимъ устраняется отъ правъ первенства за угожденіе чувственности ; не получили ихъ Симеонъ и Левій . Ихъ склонность къ кровопролитію поражена проклятіемъ , потомству ихъ суждено разсѣяніе по племенамъ прочихъ братьевъ . Надъ Іудею разверзлось все обиліе благословенія : ему обѣщано гражданское могущество , знаменитость , первенство между братьями , въ особенности же ему предопредѣлено быть преемникомъ Спасителя , который — возвѣстивъ пророчествующій старецъ — « ожиданіе народовъ » . Вдохновенный патриархъ изрекалъ благословеніе сыновьямъ , отдѣльно каждому , исчисляя сыновей по старшинству . Достигнувъ имени Юсифа , онъ снова призвалъ на него и на его потомство благословеніе неба и земли . Вѣрно и сильно выразилось это благословеніе въ томъ благоденствіи , которымъ впоследствии пользовалось многочисленное потомство Юсифа .

Съ окончаніемъ пророческаго завѣщанія , рѣчь Иакова из-

мѣняется: уже не одушевляетъ ее этотъ восторгъ, эта торжественность, это небесное величіе. Она подобна тѣлу, оставленному душою. Богъ, говорившій устами старца, прекращаетъ Свои таинственныя вѣщанія: умолкаетъ вдохновенный пророкъ, начинается въ изнеможеніи говорить умирающій старецъ: «Я обращаюсь,» были послѣднія слова Іакова, «къ людямъ моимъ; погребите меня въ пещерѣ, которая на полѣ Ефрона Хеттеапина. Тамъ похоронены Авраамъ и Сарра; тамъ похоронены Исаакъ и Ревекка; тамъ похоронилъ я Лію.» Сказавъ это, Іаковъ положилъ на одръ ноги, и скончался. «Онъ присоединился къ людямъ своимъ», говорятъ Писаніе, къ тѣмъ святымъ праведникамъ, которыхъ земля произвела и воспитала для неба, которыхъ она уже передала въ область вѣчности.

Іосифъ, увидѣвъ, что Іаковъ скончался, палъ на лицо отца своего, — цѣловалъ лицо, уста, запечатлѣнные смертью, — орошалъ это лицо обильными слезами. Онъ повелѣлъ врачамъ приготовить тѣло, по обычаю Египта, къ погребенію. Врачи втеченіе сорока дней совершали это приготовленіе, предохраняющее тѣло отъ гніенія. Весь Египетъ участвовалъ въ печали Іосифовой; семьдесятъ дней оплакивали Египтяне кончину святаго старца, родоначальника израильскаго. По прошествіи дней плача, Іосифъ испросилъ себѣ у фараона позволеніе исполнить завѣщаніе отца и свой клятвенный обѣтъ ему, похоронить драгоценное тѣло праведника въ Ханаанской землѣ. Фараонъ пожелалъ, чтобъ шествіе его наперсника въ землю Ханаанскую было сопровождаемо должнымъ великолѣпіемъ. Весь дворъ царя египетскаго, всѣ вельможи его сопутствовали Іосифу; при нихъ было множество колесницъ и всадниковъ. Всѣ сыновья Іакова, всѣ внуки его, способные къ путешествію, участвовали въ немъ. Достигнувъ мѣста погребенія, они почтили священное тѣло семидневнымъ плачемъ, «плачемъ великимъ» — такъ называетъ его Писаніе. То поле, на которомъ остановилось это многочисленное собраніе и гдѣ оно совершало свой погре-

бальный плачь, назвали жители страны «Плачемъ Египетскимъ».

Исполнивъ обѣтъ, Юсифъ возвратился въ Египеть. Еще продолжало беспокоить братьевъ совершенное ими надъ нимъ злодѣяніе. Они подозрѣвали вельможу-брата въ памятьозлобіи, а эта чистая, святая душа была способна только къ благодати! Полагая, что Юсифъ не хотѣлъ зрѣлищемъ мщениа возмутить спокойствіе престарѣлаго отца, что онъ отлагалъ мщеніе до удобнаго времени, они пришли къ нему и сказали:—«Отецъ передъ кончиной заповѣдалъ: скажите Юсифу, прости имъ согрѣшеніе ихъ, прости имъ неправду ихъ; они совершили надъ тобою преступленіе, но ты прости имъ вину ихъ ради Бога отцовъ твоихъ.» Когда они говорили это, Юсифъ плакалъ. Они пали передъ нимъ, и сказали:—«Вотъ, мы отдаемъ тебѣ въ рабы!» — Великодушный Юсифъ, Юсифъ, достойный благословеній земли и неба, достойный благословенія всего племени христіанскаго, благословенія всѣхъ читающихъ сказаніе его назидательныхъ дѣяній, отвѣчалъ братьямъ:—«Не бойтесь! я — Божій. Вы сговорились сдѣлать мнѣ зло, а Богъ совѣщалъ о мнѣ благое. И исполнилось Его опредѣленіе! множеству людей доставлено пропитаніе, сохранена жизнь. Не бойтесь: я буду покровителемъ вашимъ и семействъ вашихъ.» Живая вѣра въ Бога и зрѣніе чистымъ душевнымъ окомъ Промысла Божія, возносятъ человѣка превыше всѣхъ бѣдствій, превыше страшнаго душевнаго бѣдствія: памятьозлобіи и мести.

Книга Бытія умалчиваетъ о дальнѣйшихъ обстоятельствахъ жизни Юсифовой: вѣроятно — жизнь его протекла въ тишинѣ и нерушимомъ благополучіи. Писаніе говоритъ только, что Юсифъ остатокъ дней своихъ провелъ въ Египтѣ, видѣлъ внуковъ Ефремовыхъ, видѣлъ сыновъ Махира, старшаго сына Манассіина, и скончался ста десяти лѣтъ. Отходя, онъ завѣщалъ своимъ: «Я умираю; Богъ посѣтитъ васъ и выведетъ изъ этой земли въ землю, которую онъ обѣщалъ даровать вамъ. Тогда, при переселеніи вашемъ, возьмите кости мои отсюда съ собою въ землю обѣтованную.» Сдѣлавъ это завѣщаніе, онъ почилъ; тѣло его, предохраненное отъ гни-

нїя, было положено въ ящикъ, и пригетоулено къ вавонданному перенесенію. И три столѣтія ожидало тѣло Іосифа перенесенія, о которомъ завѣщаніе было дано и принято съ такою вѣрою.

Пусть умру и буду погребенъ въ Египтѣ, странѣ моего пришельничества. Но завѣщаю дѣтямъ моимъ — я — бездѣтный — завѣщаю племени моему, чтобъ они переселились въ землю обѣтованную, и перенесли туда съ собою мое тѣло. Дѣтьми и племенемъ называю помышленія, раждающіяся въ умѣ моемъ, чувствованія, раждающіяся въ сердцѣ моемъ. Дѣти мои! племя мое! оставьте землю Гесемъ, ея тучныя пастбища, лишь удобныя для скотоводства. Переселитесь изъ Египта, изъ этого дольнаго міра, гдѣ господствуютъ плоть и грѣхъ, переселитесь на Небо! А тѣло мое да снѣдетъ на время въ землю, изъ которой оно взято. Когда же, возбужденное трубою воскресенія, оно возстанетъ отъ сна смертнаго, вы — помышленія и чувствованія мои — окрыленные Духомъ, вознесите воскресшее тѣло на Небо! Небо обѣтовано Богомъ, всему человѣку; не только душѣ его, но и тѣлу! Такъ! — придетъ время — посѣтитъ Богъ человѣка, соберетъ тѣло его, разсынавшееся въ прахъ, смѣшавшееся съ землею, оживитъ это тѣло. И если помышленія и чувствованія человѣка достойны Неба, помазаны, запечатлѣны Духомъ, то и тѣло его измѣнится, прославится, окрылится, и вмѣстѣ съ душою возлетитъ на Небо.

И.

=

И.

ИНОСТРАННАЯ СЛОВЕСНОСТЬ.

=

Г Н Ъ В Ъ.

=

РОМАНЪ ЕВГЕНІЯ СЮ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

«Всей Франціи известно имя и геройская храбрость корсара Отчаяннаго, командира шестнадцати-пушечнаго бригаа, называемаго *Адскою Головною*; всѣмъ извѣстны тоже многочисленныя и блестящія его побѣды надъ британскими морскими силами и бесчисленное множество добычь, взятыхъ Адскою Головною, во время послѣднихъ крейсерствъ, у Англичанъ.

«Нѣсколько дней тому назадъ, знаменитый корсаръ, захвативъ трехъ-мачтовый корабль, принадлежащій Ост-Индской компаніи, возвращался въ Діалъ; корабль этотъ былъ тридцати-пушечный, оснащенный для войны: (онъ сопровождалъ множество купеческихъ кораблей, нагруженныхъ хлѣбомъ.... И все это, послѣ кровопролитнаго бою, продолжавшагося три часа сряду, было захвачено неустрашимымъ корсаромъ; вслѣдствіе этой схватки, половина французскаго экипажа была убита или ранена.»

— Три часа сряду?.... это ужасно!.... вскричала дѣвушка, сколько погибло храбрыхъ.... честныхъ людей!.... Какой страшный битъ.... война!.... Нѣтъ, тѣ, кого называютъ героями, не впускаютъ ни въ восторгъ.... ни противъ.... ужасъ.... содроганіе....

— Мы никогда не сойдемся на этотъ счетъ, отвѣчала со смѣхомъ няня, потому что я съ фанатизмомъ обожаю великую армію! да... но такая война, гдѣ участвуютъ корсары, должна быть еще страшнѣе!...

— Еще бы!... сказалъ Онезимъ, тутъ нѣтъ ни милости, ни пощады!...

— Въ этомъ-то и заключается вся прелесть для читателей. Что за люди, я думаю, эти корсары!... а самъ атаманъ!... о которомъ столько говорятъ.... долженъ быть престрашнаго виду! Я представляю его себѣ съ рыжею бородою.... огненными глазами, яростнымъ лицомъ и поясомъ изъ кинжаловъ и пистолетовъ, въ черномъ, вышитомъ серебромъ мундирѣ, устланномъ мертвыми головами!

— Ради Бога перестань! сказала дѣвушка.... такіе рассказы могутъ грезиться цѣлую ночь!

— Ну продолжай Онезимъ, сказала няня.

Но замѣтивъ, что молодой человѣкъ поблѣднѣлъ, и что холодный потъ выступилъ на лицѣ его, она прибавила:

— Что это съ тобой, душа моя?... ты кажется не совсѣмъ здоровъ?

— Нѣтъ, ничего, тетушка, отвѣчалъ Онезимъ, досадуя на себя, что не могъ скрыть ужасной боли, которая противъ воли выразилась на лицѣ его; если вамъ угодно, я буду продолжать, прибавилъ молодой человѣкъ, обращаясь къ дѣвущкѣ.

— Разумѣется.... но мнѣ кажется, что няня правду говорить.... вы не совсѣмъ здоровы....

— Увѣряю васъ, что ничего.... отвѣчалъ улыбаясь Онезимъ.... только меня.... какъ и васъ.... огорчила мысль объ ужасныхъ бѣдствіяхъ, которыя война влечетъ за собою.... Ахъ Боже мой!... Неужели это всегда будетъ.... что люди вмѣсто того, чтобъ любить другъ друга.... помогать въ скорбяхъ.... станутъ ненавидѣть, убивать, преслѣдовать другъ друга.

— Ты говоришь точно мокрая курица.... а тебѣ, еслибъ ты не былъ близорукъ, слѣдовало бы быть войномъ.... вступить въ почетную гвардію.... Жаль, что не такъ случилось....

— Можно ли говорить такія вещи?... сказала дѣвушка неутомимой теткѣ; напротивъ.... мы должны радоваться.... что тѣ, которыхъ мы любимъ, остаются съ нами.... Но продолжайте, мосье Онезимъ.

Молодой человѣкъ, взявъ журналъ, началъ читать:

«Въѣздъ корсара въ діпекій портъ былъ настоящимъ торже-

ствомъ. Весь народъ стоялъ на берегу; энтузіазму, крикамъ, ура, не было конца; вдругъ въ-дали показался корсарскій бригъ, совершенно законченный порохомъ; онъ медленно приближался, таща за собою и держа подъ пушкою свою добычу.

Снасти Адской Головы были совсѣмъ прострѣлены картечью, паруса продраны пулями, а трехъ-цвѣтный флагъ въ совершенныхъ лахмотьяхъ былъ привасть къ кормѣ.

Трехъ-мачтовый англійскій корабль былъ тоже въ самомъ отчаянномъ положеніи; важность ущерба его доказывала слау нападенія и обороны; когда неустрашимый корсаръ вышелъ на берегъ, то новые крики: «Да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ атаманъ Отчаянный!».... летѣли залпомъ со всѣхъ сторонъ. Но торжество атамана превратилось въ настоящее бѣшенство радости и восторга, когда узнали, что захваченный имъ корабль охранялъ нѣсколько транспортовъ хлѣба; потому что въ то время во Франція чувствовали большой недостатокъ въ хлѣбѣ; а такая добыча была благодаріемъ для народа. Теперь же всѣмъ стало извѣстно, что атаманъ Отчаянный, узнавъ о скоромъ приходѣ транспорта съ хлѣбомъ, чтобъ захватить его, провелъ нѣсколько дней въ крейсировкѣ, не заботясь о богѣ богатыхъ добычахъ, могущихъ достаться ему почти даромъ, и не подвергая жизни своей, при нападеніи, опасностямъ; однимъ словомъ, торжество храбраго война было совершенно; и будетъ со славою вписано въ лѣтописяхъ города Діэпа.

— Чудесно! чудесно! вскричала восхищенная няня. Я отдала бы десять лѣтъ жизни.... чтобъ только быть матерью, женою или хоть сестрою такого героя: какъ бы я имъ гордилась!...

— А я.... къ стыду моему признаюсь.... или лучше сказать.... къ стыду моему радуюсь, что я дочь честнаго и добраго негоціанта, а не какого-нибудь кровожаднаго героя.... какъ этотъ корсаръ....

— Ахъ Господи!.... въ васъ нѣсколько нѣтъ честолюбія! Неужели вы не стали бѣ гордиться.... если бѣ могли сказать: «Этого ужаснаго челоувѣкъ, мой отецъ» или: «Это мой мужъ, мой братъ?»

— Если бѣ онъ былъ въ отсутствіи, то я бѣ дрожала за него.... думая объ опасностяхъ, которымъ онъ подвергается.... а если бѣ онъ былъ со мною.... то мнѣ казалось бы, что на рукахъ его кровь, сказала вздрагивая и блѣднѣя дѣвушка.

— Какъ вы неблагоразумны, дитя мое, возразила съ нѣжнымъ уврекомъ няня, такую раздражительность вы надѣлаете себѣ много вреда....

— Угодно.... я перестану читать, сказалъ Онезимъ обращаясь къ дѣвушкамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, продолжайте.... мнѣ такъ совѣстно.... что я васъ все пугаю.

Потомъ, стараясь улыбаться, сказала няня.

— Это твоя вина.... отъ твоего честолюбія завязался этотъ разговоръ.... Но погоди, ты станешь разсудительнѣе.... перестанешь мечтать о герояхъ великой арміи и рѣшишься наконецъ выйти за бѣднаго твоего вздыхателя, который ужъ такъ давно тебя любитъ.

— Мнѣ! вскричала няня, мнѣ выходить замужъ за прикащика, за статскаго, за *рялчика*, какъ говорятъ военные, за неловкаго добряка, за труса, который каждый разъ возвращается или съ прибавкою.... или съ убавкою.... То колесо раздробить ему ногу и сдѣлаетъ хромымъ; то машина оторветъ два, три пальца.... видите-ли, онъ говоритъ, что только дотронулся до нея; то, наконецъ.... я думаю, что въ этотъ день онъ былъ пьянъ.... то наконецъ падаетъ лицомъ на осколки бутылки и до того разрываетъ себѣ лицо, что на-всегда останется со шрамомъ.... такъ что можно подумать будто и онъ былъ на войнѣ, и что шея его разрѣзана саблею.

— Ну что жъ, тѣмъ лучше, тетушка, сказалъ улыбаясь Онезимъ, такимъ-образомъ вы скорѣе надъ нимъ сжалитесь.

— Москѣ Онезимъ совершенно правъ, сказала со смѣхомъ дѣвушка; когда ты выдешь за него и пойдешь съ нимъ подъ руку; то глядя на шрамъ, его примутъ за одного изъ героевъ великой арміи, которыхъ ты такъ обожаешь.... и тогда на свободѣ можешь вдоволь имъ гордиться.

— погодите.... вы меня не поняли, отвѣчала весело *губернатка*, правда что я обожаю.... только не инвалидовъ, а героевъ. Продолжай теперь, Онезимъ, мнѣ очень любопытно знать какимъ-образомъ могли Англичане эти похитить изъ Франціи этого страшнаго корсара.

— Я начинаю, слушайте.... сказалъ Онезимъ:

Корсаръ Отчаянный, пробывъ три дня въ Діапѣ и сдавъ свою добычу, выѣхалъ изъ порта, оставивъ къ несчастью въ Діапѣ, чтобъ кончить въкоторыя дѣла, своего канонера, одного изъ своихъ старинныхъ сподвижниковъ, довольно опасно раненаго въ послѣднемъ сраженіи. Еслибъ храбрый этотъ морякъ былъ при своемъ атаманѣ, то онъ не былъ бы вѣроятно жертвою такого низкаго обмана.

«Два англійскіе лазутчика, выжидавшіе безъ сомнѣнія удобнаго случая схватить его, завладѣли атаманомъ на дорогѣ изъ Дізна въ Парижъ, между первую и второю станціями.

По всему видно, что лазутчики эти, пользуясь легковѣріемъ ямщика, обманули его и такимъ-образомъ овладѣли лошадыми, экипажемъ и его одеждою.

«Предпріятіе такой невѣроятной смѣлости удалось злодѣямъ.

«Ямщикъ, думая, что уступаетъ свое мѣсто, на время, для шутки, согласился на предложенія англійскихъ лазутчиковъ; но какъ только Руссель вскочилъ на сѣдло, такъ тотчасъ же спустилъ съ горы лошадей, которыя понеслись съ страшною быстротою; между-тѣмъ какъ другой лазутчикъ, столкнувъ съ запятокъ ямщика, за-мертво оставшагося на мостовой, ухватился обѣими руками за рессоры.

«Корсаръ, сначала удивленный такою быстрою ѣздою, и тѣмъ болѣе, что спускъ былъ очень опасенъ въ этомъ мѣстѣ, думалъ, что денщикъ забылъ затормозить колеса и что лошади бѣсятся. Но вскорѣ безумный этотъ бѣгъ пріутихъ и карета продолжала катиться съ неимоверною быстротою.

«Настала совершенная ночь и сдѣлалось такъ темно что Отчаянный не могъ замѣтить какъ карета, вмѣсто того чтобъ ѣхать по большой дорогѣ, брала другое направленіе.

«Не подозрѣвая ничего, и не замѣтивъ подлога ямщика, корсаръ ѣхалъ такимъ образомъ часа полтора и наконецъ заснулъ:

«Карета остановилась; онъ вскочилъ въ просонкахъ и думалъ, что пріѣхалъ на станцію. Увидѣвъ въ потьмахъ два или три фенаря, онъ вышелъ, ничего не подозрѣвая, изъ кареты, какъ вдругъ нѣсколько человекъ бросились на него, скрутили, связали и снесли на пристань хозейскаго порта, находящагося въ семи льѣ отъ Дізна, и извѣстнаго своимъ разбойничьимъ притономъ.

«Корсара, который былъ не въ состояніи ни пошевелиться ни произнести слова, снесли на крейсерское судно и бросили въ трюмъ.

«Нѣсколько минутъ спустя, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, оно отплывало отъ Хозея и направило паруса свои къ берегамъ Англии....»

— Бѣдный корсаръ! сказала няня, какъ теперь онъ выйдетъ изъ такой ужасной бѣды. Но слава Богу!... онъ вышелъ изъ нея; потому что журналъ описываетъ его спасеніе.... Хоть умереть сейчасъ, а я никакъ не могу догадаться, какимъ образомъ онъ могъ избавитися отъ этикъ проклятыхъ Англичанъ? Какое гнусное предательство!

— Да... но можетъ быть это было мнѣніе, сказала вздыхая дѣвушка; ахъ Боже мой! кровожадные эти люди не прощаютъ... ненависть ихъ непримирима....

— Кажется *Отчаянный* корсаръ не одерживаетъ надъ вами побѣды, душа моя, онъ вамъ рѣшительно не нравится?... сказала няня.

Вмѣсто отвѣта дѣвушка вздохнула и покачала головою.

Онезимъ продолжалъ читать:

«Знаменитый атаманъ не принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, у которыхъ опасность отнимаетъ бодрость.... мы рады, что можемъ доказать противное отрывкомъ изъ письма его, къ арматору; въ этомъ письмѣ онъ съ малѣйшими подробностями описываетъ свое бѣгство.

Вотъ этотъ отрывокъ.

«Когда меня заперли въ трюмъ (пишетъ корсаръ), когда лежалъ тамъ, и не будучи въ состояніи пошевеливаться, я вспомнилъ о гнусномъ коварствѣ, котораго былъ жертвою, то мною овладѣла такая ярость, такой *гнѣвъ*.... что еслибъ у меня не отняли моего кляпа, я бѣ всѣхъ ихъ передумилъ отъ бѣшенства.

Я лежалъ на старыхъ парусахъ, съ связанными за спину руками, ноги же мои были перевязаны длинною смоляною веревкою, толщиною въ палець; поэтому, чтобъ перегрысть эти оковы, я не могъ прибѣгнуть къ помощи зубовъ. Нагибался, я старался достать веревку.... невозможно. Судя по качкѣ судна, я полагалъ, что на морѣ сильный вѣтеръ и что онъ несетъ насъ прямо къ берегамъ Англій.

«Я напередъ зналъ ожидающую меня участь; подлещи, схватившіе меня, вовсе не скрывали своихъ замысловъ; вмѣсто того чтобъ убить однимъ ударомъ, они намѣревались долго мучить меня на *понтонсахъ*. Одинъ изъ нихъ даже совѣтовалъ продать меня на посмѣшище, на поруганіе народу.

«При этой мысли, я думалъ, что съ ума сойду; я зарычалъ отъ ярости и упалъ безъ чувствъ на паруса, служившіе мнѣ тогда подстилкой.

«Когда стихла первая буря, и *гнѣвъ* придалъ мнѣ новыя силы, кровь заклокотала въ жилахъ и бросилась въ голову, гдѣ зародились тысячи предпріятій, одно смѣлѣе другаго; я чувствовалъ какъ физическое и моральное мое могущество возрастало отъ этого пылу всѣхъ жизненныхъ силъ.

«Въ припадкѣ ярости, я рѣшился на одно изъ тѣхъ предпріятій, которыя разцвѣли подъ благотворнымъ вліяніемъ *гнѣва*.

Еслибъ я былъ въ другомъ расположеніи духа, то оно показалося бы нѣтъ невозможнымъ, какъ и всякому другому, который бы не былъ, какъ я, раздраженъ волненіемъ гнѣва, гнѣва, страха и могущественнаго божества, какъ говорятъ индійскій стихотворецъ.»

Дѣвушка слушала съ большимъ вниманіемъ, и казалось, боролась съ тягостными думами; нѣсколько разъ она вздрагивала, какъ будто хотѣла отогнать отъ себя горестную мысль; вдругъ... не будучи въ состояніи преодолѣть себя, она вскричала замирающимъ голосомъ.

— Человѣкъ этотъ.... наводитъ на меня ужасъ.

— Почему это? спросила няня. На меня же онъ производитъ совсѣмъ другое впечатлѣніе. Онъ храбръ какъ левъ....

— Да.... но за то какая желѣзная воля.... какой непреклонный характеръ.... прибавила дѣвушка все болѣе и болѣе волнуясь, какіе корывы!... какое бѣшенство!... и онъ еще смѣетъ возхвалять, боготворить гнѣвъ!...

Потомъ, снова вздрагивая, прибавила:

— Гнѣвъ!... это ужасно!...

И блѣдая, трепещущая, она еще разъ повторила:

— О! это ужасно.... гнѣвъ!...

Гувернантка, не обращая большаго вниманья на трепеть дѣвочки, отвѣчала:

— Послушайте, ангелъ мой, вы говорите что гнѣвъ.... ужасенъ; а я думаю, что онъ ужасенъ только смотря по обстоятельствамъ!... потому что наконецъ.... если храбрый этотъ корсаръ находилъ въ гнѣвѣ силу и средство бѣжать отъ этихъ предателей Англичанъ, то былъ совершенно правъ.... и я бы на его мѣстѣ!... Ахъ Боже мой!... что съ вами?... вскричала гувернантка, видя что дѣвушка поблѣднѣла, закрыла глаза и чуть не упала.

При этихъ словахъ няни и при стукѣ отодвигаемыхъ ею кресель, чтобъ подать помощь дѣвущкѣ, Онезимъ вскочилъ, тоже помочь ей въ чемъ-нибудь; но боясь сдѣлать снова какую-нибудь неловкость, опять сѣлъ, тяжело вздохнулъ и опустил голову; онъ былъ въ отчаяніи, что долженъ оставаться въ неувѣренности и не могъ даже прочесть на чертахъ той, за которую дрожалъ, усиливается ли или утихаетъ ее волненье, потому что въ комнатѣ царствовала глубокая тишина, которую няня скоро прервала крикомъ:

— Вы не отвѣчаете, душа моя?... плачете.... губы ваши дрожать.... что съ вами.... Боже мой!...

Дѣвушка не слышала.

Устремивъ неподвижный взоръ, она показывала на: какое-то видѣніе, родившееся отъ безпорядка мыслей ея и шептала задыхающимся, отрывистымъ голосомъ:

— Вотъ онъ! вотъ онъ!... весь въ черномъ.... это страшное воспоминанье дѣтства.... снѣга овладѣло мною....

И большіе глаза ея приняли огромный размѣръ отъ ужасу и безпамятства.

— Не думайте объ этомъ.... успокойтесь ради Бога!... говорила няня, развѣ не знаете какъ вредны такіа мысля.

— Человѣкъ этотъ.... продолжала дѣвушка въ совершенномъ безпамятствѣ.... былъ такъ страшенъ въ своемъ гнѣвѣ.... когда... о!... этому прошло много лѣтъ.... когда.... я была еще ребенкомъ.... Мнѣ кажется, что я вижу его.... въ широкой шляпѣ и черномъ кафтанѣ.... странный мрачный нарядъ!... черное съ бѣлымъ.... какъ одежда мертвецовъ.... Это было вечеромъ.... отца моего не было дома.... тогда.... человѣкъ этотъ.... Ахъ Боже мой!... человѣкъ этотъ.... вошелъ къ намъ.... не знаю какинъ образомъ и откуда, я никогда его не видала.... Онъ угрожалъ моей матери, которая держала меня на рукахъ.... Тогда.... я это очень хорошо помню.... она сказала ему рыдая: «Пощадь хоть ребенка!» Но онъ.... продолжалъ угрожать ей, закричалъ: *Такъ ты еще не знаешь, что въ гнѣвъ я на все способенъ?..* И бросился.... на нее.... Тогда.... мать моя.... умерла!... а я....

Дѣвушка остановилась, и упала въ обморокъ; это случилось съ нею каждый разъ, когда она вспоминала ужасное и роковое событіе дѣтства.

Припадокъ, благодаря опытности и заботамъ няни, скоро утихъ.

Приходя въ себя, дѣвушка, характеръ которой представлялъ странное смѣшеніе слабости и твердости воли, почувствовала сожалѣніе и стыдъ, что имѣла такъ мало власти надъ собою во время разказа о бѣгствѣ корсара, разказа, который внушалъ ей въ одно и тоже время и ужасъ и какое-то мрачное любопытство, что было необъяснимо для нея самой. И потому не смотря на всѣ убѣжденія Онезима, она непремѣнно хотѣла, чтобъ онъ продолжалъ чтеніе, такъ неожиданно-грустно прерванное.

Гувернантка, видя такую настойчивость и боясь, особенно въ эту минуту, противорѣчить ей, велѣла Онезиму продолжать читать.

Онезимъ продолжалъ:

«Чтобъ предпріятіе увѣчалось успѣхомъ, прежде всего надо было разорвать мои оковы. Не будучи въ состояніи достать нѣкъ зубами, я придумалъ другое средство: я перевернулся на животъ и за неимѣніемъ рукъ сталъ ощущивать и шарить по полу люкъ; не найду-ли чего нибудь остраго.... и не ошибся.... мнѣ попался большой желѣзной крюкъ, вколоченный во внутрь трюма, вѣроятно для нагрузки баласта. Приблизясь къ крюку, я легъ на него спиною, и сталъ разщипывать о конецъ гвоздя связывавшія меня веревки. Два часа спустя я до того разщипалъ ихъ, что сильнымъ напряженіемъ совершенно разорвалъ; гнѣвъ придавалъ мнѣ сверхъестественную силу.

Главное было сдѣлано, остальное казалось мнѣ пустяками.

Со мною былъ кремень, трутъ, огниво, трубка, пачка табаку и нитоловій ножъ, — которыми я разрѣзалъ веревки на ногахъ. Совершенно свободный въ движеніяхъ, я на колѣнахъ обѣжалъ трюмъ (стоять тамъ не было никакой возможности); но исключая старыхъ парусовъ и веревокъ ничего не нашелъ. Единственный проходъ, на который я имѣлъ надежду, былъ запертъ широко четырехъ-угольною ставнею; въ одномъ мѣстѣ толстыя эти доски разохлись, и черезъ скважину эту я увидалъ лунный свѣтъ; упираясь тогда въ доски, я старался проломать ихъ плечомъ.... но напрасныя усилія! онѣ были, какъ и слѣдовало быть, заперты двумя толстыми желѣзными болтами.

«Ощувью, я собралъ тогда нѣсколько кусковъ не смоленой веревки, нарѣзалъ ихъ мелко на-мелко, разщипалъ и превратилъ въ паклю; потомъ взявъ одинъ изъ парусовъ, разорвалъ его на полосы и положилъ на приготовленную мною и напитанную смолою паклю; все это я пододвинулъ подъ ставню, подъ то мѣсто, гдѣ находилась щель, а чтобъ оно скорѣе загорѣлось, обсыпалъ паклю сухимъ табакомъ. Потомъ взявъ кремень и огниво, я выскѣкъ огня, зажегъ трутъ и, разбросавъ его по пенькѣ, сталъ дуть изъ всей силы.

«Пакля загорѣлась, куски холстины тоже; въ одну минуту трюмъ наполнился густымъ дымомъ, который выходилъ облаками сквозь скважину ставни.

«Тогда я изо всей силы сталъ кричать: «горитъ! горитъ!... Вошли мои, и смрадъ, выходившій изъ трюма, испугали моряковъ; они думали, что это пожаръ. Я услышалъ тогда какъ на палубѣ всѣ замешкались, засуетились, потомъ сбѣжали внизъ, и оторвали ставню. Тогда изъ люка хлынулъ черный густой дымъ и такой ослѣпительный, что тѣ, которые нагнулись съ палубы

надъ отверстіемъ трюма, принуждены были закрыть глаза и отступить назадъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, я выскочилъ съ ножомъ въ рукахъ на палубу и очутился лицомъ къ лицу съ человѣкомъ высокаго росту въ коричневомъ матросскомъ плащѣ. Я закололъ его; онъ упалъ въ море; схвативъ тогда топоръ, который обыкновенно лежитъ подлѣ битента, — чтобъ въ случаѣ нужды можно было отрѣзать канатъ, — и хватилъ имъ другаго молодца, который повалился къ ногамъ момъ, и хотѣлъ ужъ....»

Увлекаясь рассказомъ, Онезими прочелъ больше чѣмъ хотѣлъ; но тутъ онъ остановился, боясь чтобъ описаніе такого бою не слишкомъ взволновало дѣвушку, которая и въ самомъ дѣлѣ силилась скрыть свой ужасъ и отвращеніе къ такой жестокости, непростительной, по ея мнѣнію, даже для своего спасенія. Однако она преодолѣла себя, какъ по разсудку такъ и для того чтобъ удовлетворить странному своему любопытству; рассказъ этотъ неволью занималъ ее; въ похвалу ей надо тоже сказать, что она боролась съ собою не изъ одного любопытства, но и для того тоже, чтобъ не лишиться удовольствія няню, которая съ жадностью слушала похождения знаменитаго корсара.

— Ты хорошо сдѣлалъ, что остановился, другъ мой, сказала тѣтка племяннику, а было бы еще лучше, еслибъ остановился еще раньше.

— Если ты берешь эти предосторожности для меня, сказала дѣвушка, то напрасно. Я хочу вылечиться отъ этой слабости.

— Право?... и у васъ на это хватитъ духу? Тѣмъ лучше, ангелъ мой, потому что признаюсь, мнѣ страхъ какъ хочется узнать конецъ.... если только васъ это не слишкомъ волнуетъ....

— Потрудитесь продолжать.... сказала дѣвушка Онезиму, который, взявъ журналъ, сталъ читать :

«Я свалилъ съ ногъ еще одного моряка и топоромъ отсѣкъ, только не совсѣмъ, руку другому, который бросился на меня съ саблею въ рукахъ. Все это произошло въ одно мгновеніе. Пользуясь остолебѣннѣемъ экипажа и чувствуя себя гораздо спокойнѣе послѣ изверженія моей ярости, такъ долго удерживаемой, мнѣ хотѣлось осмотрѣть свое положеніе и успокоиться немного.

«Луна чудно сіяла на небѣ, вѣтерокъ вѣялъ прохладно, море было прекрасно. Старый, сѣдой матросъ управлялъ кормиломъ, каютъ-юнга и трое матросовъ стояли въ ужасѣ на другомъ краю судна; человѣкъ, котораго я ударилъ топоромъ, не шевелился больше, а тотъ, котораго я ранилъ, стоялъ на колѣнахъ, поддерживая правою рукою лѣвую....

«Одиниѣ словомъ, противъ меня оставались еще: старикъ, дѣти и трое матросовъ; но внезапное мое нападеніе казалось навело на нихъ ужась.

«Въ эту минуту я замѣтилъ пару пистолетовъ, висѣвшихъ подлѣ коринна; прежде чѣмъ матросы успѣли двинуться, я бросился на оружіе и взялъ топоръ въ зубы; дѣѣ пули отвѣчали мнѣ за двоихъ матросовъ и равняли наши силы. Я находился у коринна, а старикъ и каютъ-юнга у оснастки; такимъ-образомъ мы негли въ случаѣ нужды повернуть назадъ судно, потому что погода стояла чудесная и мы находились отъ береговъ Франціи не болѣе, я думаю, какъ въ десяти или двѣнадцати миляхъ.

«Взвѣсивъ поспѣшно свое положеніе, я зарядилъ пистолеты и бросился на остальныхъ матросовъ.... которые только-что пришли въ себя.... потому что все это произошло не болѣе какъ въ двѣ минуты времени.

— Въ трюмъ!... закричалъ я имъ, а не то.... двоихъ я застрѣлю, а третьяго изрублю.

«Между ними и мною было только четыре фута разстоянія, такъ что пуля не пролетѣла бы даромъ.

«Они попрыгали въ трюмъ, гдѣ догарали уже горючіе, зажженные мною вещества. Раненый сошелъ какъ могоъ; я задвинулъ ставню, заперъ ее на болтъ, и возвратился назадъ.

— Дай руль!... сказалъ я старику матросу, занимая мѣсто его при корнѣ; ты же съ юнгомъ встань у парусовъ.... и правьте прямо... а не то я застрѣлю васъ.

«Въ ту минуту когда я принималъ руль изъ рукъ матроса, онъ отскочилъ назадъ съ восклицаніемъ.

«— Атаманъ *Отчаянный!*

«— Развѣ ты меня знаешь?

«— Знаю ли я васъ! атаманъ? Я дважды ѣздилъ на *Адской Головной.*

«— А имя твое?

«— Симонъ изъ Дюнкирхена.

«— Да.... теперь я вспомнилъ лицо твое. А! мошенникъ, ты хотѣлъ предать меня Англичанамъ, меня, твоего бывшего атамана?

«— Пусть разстрѣляютъ меня сію же минуту, если я зналъ, что дѣло шло о васъ, атаманъ!

«— Такъ это твое судно?

«— Нѣтъ, не мое, атаманъ, а Беземко....

«— А гдѣ онъ?

«— На днѣ морскомъ, атаманъ: вѣдь это онъ былъ въ корабельномъ плащѣ... тотъ самый, что полетѣлъ за бортъ.»

«— Да какъ же вы согласились содѣйствовать въ такомъ низкомъ дѣлѣ.»

«— Что жь было намъ дѣлать, атаманъ.... мы занимаемся контрабандой... и тѣмъ и сѣмъ....»

«— Вижу.»

«— Третьяго-дня пришли ко мнѣ два Англичанина.... посмотрите.... вотъ одинъ изъ нихъ.... сказалъ матросъ, и указавъ на трупъ, лежавшій подлѣ борта.»

«— Брось это въ море, сказалъ я ему.»

«Старикъ съ помощью каютъ-юнга исполнилъ мое приказаніе.»

«— А другой Англичанинъ? спросилъ я у старика.»

«— Въ трюмѣ, атаманъ; его-то вы и ударили топоромъ и почти отрубили руку.»

«— Да какимъ же образомъ подговорили они васъ?»

«— Они пришли къ Беземку и сказали ему: «Если ты согласишься перевести въ Англію человѣка, котораго мы тебѣ представимъ, то получишь за это пятьдесятъ гиней; мы не хотимъ губить его; но если онъ станетъ сопротивляться, то ты и матросы твои, должны помочь намъ связать его и уложить въ трюмъ.... Двадцать-пять гиней получишь теперь, въ задатокъ... а остальные.... по пріѣздѣ въ Филъкестонъ.... Такъ-какъ тутъ не было душегубства, то предложеніе это прельстило Беземка; онъ условился съ Англичанами и васъ привезли.... Но я не зналъ.... клянусь вамъ, атаманъ, что это были вы, а не то.... я бы не вмѣшался въ это дѣло....»

«Черезъ четыре часа послѣ выхода моего изъ трюма, глазамъ нашимъ представилось Мора.... скоро мы причалили къ порту и я вышелъ на берегъ здоровъ и невредимъ....»

«Вѣроятно, читатели поблагодарятъ насъ, прибавляетъ Journal de l'Empire, что мы сообщили имъ этотъ отрывокъ изъ письма храбраго корсара. Поблагодаримъ Бога, что Онъ спасъ неустрашимаго воина, который твердостью духа и храбростью своею избавился отъ такого позора. Станемъ надѣяться, что имя его долго еще будетъ ужасомъ враговъ Франціи.»

Онезимъ, кончивъ чтеніе, положилъ журналъ на столъ.

— Что за человѣкъ! сказала няня съ восторгомъ: что за человѣкъ этотъ корсаръ! совершенно одинъ, связанный, стиснутый, нашелъ средство выйти и такъ храбро еще изъ такой опасности!

— Но сколько пролитой крови! сказала дѣвушка вздрагивая. Ни одного слова жалости или состраданія къ своимъ жертвамъ! съ какими жестокими равнодушіемъ человѣкъ этотъ говоритъ о тѣхъ, кого зарѣзалъ безъ сопротивленія.... Несчастные эти были такъ изумлены.... поражены, что не думали защищаться.

— Это правда, сказалъ шеполгоса Олезниъ.

Мадамъ Робертъ же размышляла словъ его, и обращаясь къ дѣвухѣ, отвѣчала:

— Послушайте, ангель мой.... вамъ очень легко говорить.... но киню ли я ему бѣгу! и ему кажется, что въ такомъ положеніи.... имѣть полное право....

— Ахъ, Боже мой.... душа моя!.... ты, вѣроломно, становишь мнѣ доказывать, что человѣкъ этотъ былъ жертвою низкаго предательства; что онъ, во что бы то ни стало хотѣлъ вернуть себѣ свободу; что онъ имѣлъ право колотить ихъ и рѣзать, что это дикое преслѣніе въ жизни другого называется храбростью, героизмомъ, и такъ далѣе.... Все это возможно.... и я не хотѣю быть дурной судья въ этомъ дѣлѣ.... Только я говорю со мною впечатлѣніи, потому что продолженіи всего разсказа.... который, признаюсь, внушалъ мнѣ какое-то невольное, мрачное любовныство.... я чувствовала только одну ужась и отвращеніе.... Подумай.... тутъ есть одна мысль, одно слово.... которое особенно поразило меня своею жестокостью....

— Какое слово?

— Человѣкъ этотъ, зарѣзавъ двоихъ и ранивъ третьяго, имѣлъ малою духу, чтобъ сказать съ усмѣшкою: *Тогда мнѣ сдѣлалось какъ-то легче.... я чувствовалъ себя спокойнѣе.... послѣ перваго взрыва моего гнѣва, моей ярости!* Спокойнѣе? Боже мой! Такъ чтобъ успокоить этотъ гнѣвъ, ему надо было крови... Отвратительная эта страсть преобладаетъ у него надъ всеми чувствами....

— Да какъ вы хотите, душа моя, чтобъ корсаръ походилъ на святому?.... Корсаръ всегда останется корсаромъ. Какъ быть? каждый дѣлай свое дѣло.... У всякаго свое ремесло.

— Подумайте, тетюшка!.... что вы это говорите?.... вскричалъ Олезниъ, который до тѣхъ-поръ ничего не говорилъ; ремесло палача... а всё же оно отвратительно, это ремесло.

— О! я была увѣрена, сказала съ живостью дѣвушка, что и вы Олезниъ думаетъ какъ я.

— Еще бы!.... онъ настоящая красная дѣвушка, отвѣчала со смѣхомъ явля. Развѣ съ нимъ можно говорить о сраженіяхъ?

— Признаюсь, тетушка, что во мнѣ нѣтъ ничего геройскаго, отвѣчалъ Онезимъ улыбаясь: и потому если бѣ мнѣ пришлось попасть въ неволю... и надо было бы выкупить свою свободу смертью злѣйшаго моего врага, то я бы и тогда отказался отъ свободы.

— Хорошо!... мосё Онезимъ, вскричала съ восторгомъ дѣвушка, вотъ истинная, неподдѣльная храбрость, которой не воймутъ эти кровопійцы.

Отвращеніе, которое дѣвушка чувствовала къ вспыльчивымъ, происходило можетъ быть и оттого, что Онезимъ и по характеру и по слабости своей не могъ принадлежать къ числу ихъ.

— Вы называете храбрымъ Онезима? сказала гувернантка, отвѣчая на послѣднія слова Онезимовой покровительницы, вы вѣрно шутите, душа моя?

Потомъ обращаясь къ племяннику, прибавила:

— Развѣ ты не видишь, что наша барышня сибѣтся надъ тобою?... бѣдвѣй ты мой! А покуда положи мое вязанье вотъ на этотъ столъ, храбрый ты мой герой, и подай рабочій ящикъ, только сдѣлай милость, если это возможно... не урони опять чего-нибудь....

Говоря такимъ-образомъ, она протягивала къ Онезиму обѣ руки; въ одной держала вязанье, а другою принимала ящикъ.

Поэтому молодой человѣкъ, былъ въ свою очередь принужденъ протянуть обѣ руки, одну для того чтобъ принять вязанье, а другую, — чтобъ подать ящикъ.

Свѣтъ лампы, падающій прямо на столъ, освѣтилъ обожженную руку Онезима; тогда только неумолимая тетка увидѣла это и поняла какъ долженъ онъ былъ страдать отъ обжоги.

— Ахъ, Боже мой, дитя мое!... вскричала она, что это у тебя съ рукою?

— Ничего.... тетушка.... отвѣчалъ Онезимъ отдергивая поспѣшно руку, пока дѣвушка, вниманье которой было привлечено восклицаніемъ няни, смотрѣла на него съ безпокойствомъ.

Но неумолимая тетка вскочила, и схвативъ почти насильно руку молодаго человѣка, стала ее разсматривать.

— Ахъ, Боже мой! вскричала она съ ужасомъ, бѣдняжка!... посмотрите какъ онъ обварилъ себѣ руку.... Ты долженъ ужасно страдать.... дитя мое!... да когда же это съ тобою случилось?

Потомъ, обращаясь къ дѣвушкѣ, которая въ это время встала, чтобъ подойти къ Онезиму, сказала поспѣшно:

— Ради Бога... не глядите.... дитя мое.... это такъ страшно.... особенно для васъ.

Помолчавъ немного, она прибавила:

— А! теперь я догадываюсь.... Вѣрно тогда.... Онезимъ.... когда ты наливалъ кипятокъ въ чайникъ.... Бѣдный, милый мой мальчикъ.... онъ боялся, что мы будемъ надъ нимъ смѣяться.... и потому молча.... не говоря ни слова, переносилъ самую ужасную боль.... Ахъ, Боже мой!.... и имѣлъ еще духу такъ долго читать намъ.

Онезимъ молчалъ; но молчанье его было краснорѣчиво....

— Я говорила тебѣ, что онъ храбръ.... вскричала дѣвушка въ невыразимомъ волненіи съ наполненными слезъ глазами, я говорила тебѣ.... Да.... вотъ истинная храбрость, не та яростная, рождающаяся отъ гнѣва, которая ищетъ только крови и смерти.... но та храбрость благородныхъ сердець.... которую чувствуютъ честные люди.... и чтобъ не испугать тѣхъ, кого любить.... умѣютъ переносить безъ жалобъ.... молча, самую жестокія страданія.

Трещеть, волненіе дѣвушки, выражавшіеся въ ея голосѣ, чудно вознаградили молодого человѣка за его мученія; и на этотъ разъ онъ былъ такъ счастливъ, что могъ даже хорошо рассмотреть трогательное выраженіе лица ея, потому что она непрестанно хотѣла помогать нянѣ перевязывать Онезиму руку; а чтобъ сдѣлать это, ей надо было подойти къ нему очень близко; за то продолженіи нѣсколькихъ минутъ онъ могъ упиваться созерцаніемъ этихъ прелестныхъ чертъ, на которыя обыкновенно глядѣлъ какъ сквозь туманъ.... а теперь.... какъ выразить, какъ описать его блаженство!....

Перевязка кончилась, а Онезимъ жалѣлъ зачѣмъ не обварилъ другую руку.... какъ-вдругъ дверь въ гостиную отворилась и въбѣжавшая въ поспѣхахъ служанка, сказала:

— Мадамъ Роберъ!... мадамъ Роберъ!....

— Ну, что тамъ такое?

— Легуфевъ пріѣхалъ.

— Отецъ мой тоже! вскричала дѣвушка съ лицомъ сіяющимъ радостью и спѣша къ дверямъ. Тамъ онъ?....

— Нѣтъ, сударыня.... Легуфевъ сказалъ, что баринъ теперь на почтѣ, но что онъ сейчасъ будетъ....

— Я бѣгу внизъ, душа моя.... сказала дѣвушка гувернанткѣ, а буду ожидать его въ передней и поцѣлую прежде всѣхъ.... Вы же, носѣе Онезимъ.... прошу васъ.... берегите свою руку....

Сказать это, дѣвушка поспѣшила на встрѣчу къ отцу.

— Послушай, другъ мой, сказала мадамъ Роберъ швейцарки, иди въ свою комнату и приладыжь холодную воду... Передъ тѣмъ какъ ложиться... я зайду къ тебѣ и сообщу то, что скажетъ мнѣ насчетъ тебя мосьё Кларекъ, потому что надо, чтобъ онъ зналъ затѣмъ и съ которыхъ поръ я дала тебѣ принять въ его домѣ... Впрочемъ, я знаю какъ онъ добръ и увѣрена, что онъ одобритъ мой поступокъ.

Онезимъ ушелъ къ себѣ. Ему сдѣлалось грустно.

Только что онъ вышелъ изъ дверей, какъ Легуфенъ вошелъ въ комнату.

Значило бы сомнѣваться въ провицательности читателя, предположивъ, что онъ не узналъ въ молодой дѣвушкѣ, некровительницѣ Онезима, *Сабину Кларекъ*, которой было только пять лѣтъ, когда мать ея умерла отъ испугу, сдѣлавшагося наслѣдіемъ дочери; надѣмся, что провицательность эта тоже не сдѣлала промаха на счетъ *гувернантки*, которая была чинко шнес, какъ *Сусанна Роберъ*, бывшая кормилица Сабини, и горничная и повѣренная особа ея матери.

Что же касается до корсара *Отчаяннаго* и вѣрнаго его кашеёра, то... Но остановимся....

И такъ Легуфенъ вошелъ въ гостиную, изъ которой только что вышелъ Сабина и Онезимъ, и гдѣ находилась тогда мадамъ Роберъ.

Легуфенъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ мы его потеряли изъ виду, этому уже двѣнадцать лѣтъ назадъ, мало измѣнился; все тоже длинное, блѣдное, и безстрастное, какъ у *Пьерро*, лицо, увѣчанное чернымъ, походящимъ на сѣтку паричкомъ, все тѣ же поговорки, та же походка. Единственные переизмѣны, маложизненные временемъ, или скорѣе происшествіями на эти безжизненные, смѣшной важности черты, были: во-первыхъ, глубокий шрамъ на лѣвой щекѣ, начинающійся отъ виска, и кончающійся у челюсти,—рана эта происходила, какъ увѣрялъ Легуфенъ, отъ неловкаго его паденія на осколки бутылки) — во-вторыхъ, недавняя потеря глаза, прикрытаго большимъ чернымъ пластыремъ,—причиной этому была вѣроятно тоже неловкость Легуфена.

Не смотря на такія важныя потери въ красотѣ своей, Легуфенъ все еще держалъ голову къверху, а грудь впередъ. Журчавшая его шея была завернута длиннымъ англійскимъ, изъ бѣлой съ розовыми горошинами кисей галстухомъ, концы котораго падали на черныи суковный жилетъ; а длинный, ореховый

сюртукъ его съ бѣлыми пуговицами, и такого же цвѣта панталоны, пріятно славались съ черными сырцевыми чулками и большими заснурованными башмаками. Правую руку лишенною двухъ пальцевъ, оставленныхъ по неосторожности его, какъ онъ самъ увѣрялъ, въ зубахъ машины, — онъ упирался на толстую палку, потому что очень сильно хромалъ вслѣдствіе еще какой-то оплошности; однимъ словомъ, глядя на Легуфѣна, его можно было принять, если бъ только не было шраму, за стараго мажорскаго помощника, или за провинціальнаго судью; мирная эта наружность совершенно согласовалась съ новою его должностію *прикащика купца Кларека, торгующаго руанскими товарами.*

Увидавъ Легуфѣна, мамушка Робёръ не могла скрыть своей радости, не смотря что имѣла привычку преслѣдовать его столько лѣтъ своими остротами и насмѣшками; она до того предалась этой радости, что даже не замѣтила, какъ Легуфѣнъ вертѣлся во всѣ стороны, чтобъ скрыть отъ нея недавнее свое несчастье, и потому такъ извертывался, чтобъ она видѣла его только въ прощаль или по-крайней-мѣрѣ въ три четверти. Онъ старался, какъ можно долѣе откладывать минуту объясненій на счетъ потери своего глаза; но мамушка Робёръ, идя на встрѣчу къ своему бывшему подчиненному, скоро замѣтила, что *прикащикъ купца Кларека* ухалъ съ обоними, если не большими и не прекрасными глазами, то по-крайней-мѣрѣ острыми и пронзательными, а возвратился съ огромнымъ пластыремъ; увидѣвъ это, она вскричала съ ужасомъ:

— Ахъ! Боже мой! что это у тебя на глазу, Легуфѣнъ?....

— Гдѣ это?

— Какъ! гдѣ?... да на правомъ глазу.

— На правомъ.... душа моя?

— Ну, да.... этотъ огромный пластырь?

— А!.... пластырь!.... сказалъ хладнокровно Легуфѣнъ, я знаю, что это такое.

— Разумѣется, что знаешь.... только я боюсь догадываться.

— Не перемонься.... догадывайся.

— Опять какая-нибудь неловкость.... опять чего-то недостаетъ?

— Пфъ! сказалъ развязнымъ видомъ Легуфѣнъ, это ничего....

однѣ только глазъ....

— Неужели!.... такъ ты теперь безъ глаза?

— Чему быть, того не миновать.

— Только этого не доставало.... Такъ ты теперь кривой?

— Къ вашимъ услугамъ.

Т. ХСVI. — Отд. II.

— Благодарю за подарокъ.

— Ты станешь иначе думать, душа моя; что будетъ, тоѹбудетъ.

— Ужъ ты давно объ этомъ толкуешь.... только не знаю, сбудется ли твое предсказаніе.

— Непремѣнно сбудется.

— Нечего сказать, очень хороша будущность!.... если это будетъ продолжаться такимъ образомъ, то ниѹхотѣлось бы знать, что черезъ вѹскольکو лѣтъ останется отъ твоей особы; потому что, наконецъ, великій разъ, какъ ты возвращаешься.... у тебя все чего-нибудь недостаетъ. Съ-тѣхъ-поръ, какъ баринъ сталъ торговать, и сдѣлалъ тебя своимъ прикащикомъ.... я увѣрена, что въ инвалидномъ домѣ вѣтъ такихъ калекъ и увѣчныхъ, какъ ты.

— Всякому своя доля, свое счастье; у всякаго свое ремесло, своя должность.

— Такъ ты потерялъ глазъ, исполняя свою должность?

— Именно такъ.

— Любопытно бѹ было знать, какимъ-образомъ?

— Очень простымъ. Баринъ часто ворчалъ на меня, что я путаю счеты; а это происходило отъ того, что я становился очень слабъ зрѣніемъ; на это есть лекарство, подумалъ я, надо купить очки. Вѣдь я хорошо разсудилъ, неправда ли, милая?

— Какъ пельзя лучше. Чтѹ жѹ потомъ?

— Вотъ я и купилъ очки. Это было въ Мюнхѹ.... Ахъ! Боже мой!.... экой злодѣй этотъ купецъ! вскричалъ Легуфѣнъ, сжимая съ яростью кулаки; а!.... подлецъ!.... а!.... разбойникъ!.... а!.... бездѣльникъ!....

— Ну, успокойся, и продолжай.

— Погода была чудесная; а магазинъ оптика на самомъ припекѹ... на набережной Роты... не забудь милая... что на самомъ припекѹ!

— Чтѹ жѹ изъ этого?

— Какъ чтѹ изъ этого? это очень важно. Я вхожу въ лавку и прошу попробовать вѹскольکو паръ очковъ.... Злодѣй этотъ подаетъ мнѹ.... я беру одну пару.... и надѣваю на носъ.... Вѹ эту самую минуту съ набережной послышались ужасные крики.... Разумѣется, что изъ любопытства я побѣжалъ къ дверямъ.

— Какъ это на тебя похоже!

— Я бѣгу къ дверямъ.... все еще съ очками на носу.... За-мѣть это....

— Хорошо.... хорошо.... продолжай только.

— Я смотрю во все стороны, внизъ, вверхъ, чтобъ знать по-крайней-мѣрѣ.... гдѣ кричать, какъ вдругъ.... Ахъ! милая Су-санна!....

— Ну!....

— Я посмотрѣлъ на верхъ.... и почувствовалъ въ правомъ глазѣ такую страшную боль.... какъ-будто мнѣ рвали его каленымъ желѣзомъ....

— Ахъ! Боже мой!.... что это было такое?

— Этотъ скотина оптикъ ошибся.... и вмѣсто обыкновенныхъ стеклъ вложилъ одно изъ нихъ увеличительное.... сказалъ Легуфѣнъ плачевнымъ голосомъ. Стекло изъ зрительной трубки.... а какъ я поднялъ носъ къ верху.... то солнце, ударяя прямо на очки.... разорвало мнѣ глазъ.... потому что стекло-то было зажигательное.... Ахъ! милая!.... если бъ ты знала, какая это ужасная боль!....

— Возможно ли! вскричала въ ужасѣ мамушка Робёръ, почти не вѣря такому странному дѣйствию оптика. Такъ ты кривой теперь?

— Чему быть, того не миновать.... но, къ оправданію оптика, я долженъ сказать, что съ тѣхъ поръ, какъ лишился одного глаза, другой видитъ гораздо лучше прежняго... такъ, что этотъ одинъ.... постоитъ за двоихъ.... За то я вижу, какъ ты хороша... о!.... такъ хороша, что чудо!.... какъ была въ пятнадцать лѣтъ....

— А какъ я гляжу, къ несчастью, сорока-трехъ-лѣтними глазами, то вижу тебя такимъ, каковъ ты есть въ самомъ-дѣлѣ, мой бѣдный Легуфѣнъ; но поговоримъ серьезно.... кромѣ шутокъ.... мнѣ очень жаль тебя.... но, я думаю, что это несчастье будетъ послѣднее.... потому что баринъ сказалъ барышнѣ, что по всему вѣроятію, онъ больше ни куда не поѣдетъ... а року всегда угодно бываетъ, чтобъ все бѣды твои случались именно во время вашихъ путешествій.... Ну, что вы дѣлали въ это время, и не случилось ли еще чего нибудь?

— Ничего, слава Богу.... все было какъ нельзя лучше.

— А барينوва торговля? хорошо падутъ дѣла его?

— Очень хорошо.... онъ въ большихъ барышахъ.

— Ну, а здоровье его?.... какъ онъ себя чувствуетъ?

— Какъ нельзя лучше.

— Все ли онъ еще скучаетъ по барынѣ?

— Разумѣется.... Тогда уходитъ къ себѣ, запирается на нѣсколько часовъ, и когда выходитъ.... видно, что онъ плакалъ.... Потомъ, это проходитъ.... и опять возвращается.

— А характеръ его?

— Въ сравненіи съ нимъ.... я настоящая ртуть.

— Такъ онъ не сердится больше?.... все равно, какъ здѣсь, такъ и въ дорогѣ?....

— Совершенно такой же.

— А когда подумаешь, каковъ онъ былъ двѣнадцать лѣтъ тому назадъ.... а! Легуфѣнъ?

— Какъ день и ночь.

— Я потому объ этомъ говорю, что съ барышней еще сегодня были нервные припадки.... она вспомнила о смерти своей бѣдной матери. Наконецъ, въ такомъ несчастіи.... ужъ и это хорошо, что она не узнала барина въ его бретонскомъ одѣянии.... въ тотъ ужасный вечеръ.... когда умерла наша добрая барыня.... Бѣдное дитя, все еще думаетъ, что какой-нибудь чужой убилъ мать ея, и страшное это воспоминавіе заставляетъ иногда ее заговариваться.

— Къ-счастью еще, что она никогда не узнаетъ этой тайны, сказалъ вздыхая Легуфѣнъ; о!.... это была страшная, ужасная ночь.

— Сколько событій съ-тѣхъ-поръ, Легуфѣнъ!.... Чего, чего не случилось въ продолженіи этого времени.... Въ какомъ безпрестанномъ безпокойствѣ находилась эта добрая барышня.... да и баринъ тоже!

— Развѣ я когда-нибудь безпокоился, милая?

— Да развѣ ты о чемъ безпокоился?

— Наконецъ, отчаявался ли я когда-нибудь?

— Нѣтъ никогда, это совершенная правда.

— Когда баринъ, послѣ смерти жены своей и послѣ того какъ лишился мѣста, которымъ жилъ.... былъ въ такомъ страшномъ отчаяніи... не говорилъ ли я тебѣ, милая, когда ты сокрушалась о его будущности.... что: *волку лѣсъ, а голубю голубятня?*

— Да, это правда; но такъ, какъ я не понимала тогда.... и до сихъ поръ еще не понимаю этой прекрасной загадки.... то согласись.... что она не могла меня совершенно успокоить.

— Очень возможно, но я понималъ.... и понимаю.... Потерявъ мѣсто, баринъ, чтобъ удовлетворить нуждамъ дочери, которую ввѣрилъ твоимъ попеченіямъ.... собралъ все, что имѣлъ, все обратилъ въ капиталъ, и мы съ нимъ уѣхали.

— Да.... и въ продолженіи двухъ лѣтъ мы не получали отъ васъ никакихъ извѣстій.

— Что жъ было дѣлать?... въ это время господинъ Кларекъ не смотря на свои тридцать два года.... опредѣлился на контору

въ одинъ коммерческій домъ и сталъ учиться.... торговлѣ.... потому что у него съ малыхъ лѣтъ была врожденная страсть къ торговлѣ, отвѣчалъ насмѣшливымъ видомъ Легуфенъ: ты должна была это замѣтить, милая.

— Нѣтъ.... Я этого никогда въ немъ не замѣчала.... и чтобъ замѣтить это надо имѣть твою проникательность, Легуфенъ.

— Однако это было точно такъ, какъ я имѣю честь доложить вамъ, милая; баринъ раздумалъ тогда: «мѣсто мое улетѣло къ чорту.... у дочери моей такъ мало, что ей въ продолженіи вѣсколькихъ лѣтъ.... почти нечѣмъ жить.... Вижу, что я самый плохой судья.... что я не созданъ для этого.... а созданъ для.... торговли.... такъ сдѣлаюсь же я лучше купцомъ.» И сдѣлался въ-самомъ-дѣлѣ знаменитымъ купцомъ, потому что нажилъ дочери великолѣпное состоянье.... не считая еще того.... что былъ сердитъ и вспыльчивъ какъ влюбленный пѣтухъ, а теперь кротокъ и мягокъ какъ овца; ну сама скажи, правду я говорю или нѣтъ?

— Истинную правду, Легуфенъ; и признаюсь тебѣ, что меня не такъ удивляетъ то, что онъ нажилъ такое огромное состоянье; потому что.... если разсудить хорошенько.... то торговля есть ничто иное какъ лотерея; но меня удивляетъ эта внезапная пере-мѣна въ его характеръ....

— Пѣз!... это дѣйствиіе торговли.... сказалъ Легуфенъ съ само-довольнымъ видомъ.

— Что это ты мнѣ рассказываешь, Легуфенъ... неужели ты думаешь, что я стану вѣрить всякому вздору?...

— Разумѣется, душа моя, что торговля связываетъ людей между собою, сказалъ бывшій камердинеръ важнымъ, вравоучительнымъ тономъ; вѣдь ты должна понять.... что еслибъ купецъ предлагалъ свои товары и подчинялъ въ это время кулаками въ голову, или принималъ бы покупателей пинками въ бока, то согласись, что не было бъ возможности имѣть сообщенья съ купцами.... слѣдовательно ни продавать, ни покупать....

— Однако... согласись тоже, Легуфенъ, что судья долженъ быть по-крайней-мѣрѣ такого же сговорчиваго нраву какъ и купецъ; какъ же это сдѣлалось, что нравъ бариновъ смягчился.... какъ ты увѣришь меня.... торговлю.... между-тѣмъ какъ прежде.... онъ былъ такой сердитый.... что доходилъ даже до того... вспомнишь Легуфенъ.... что выбрасывалъ изъ оконъ президентовъ?

Этотъ, высокой психологін вопросъ привелъ въ смущеніе бывшего камердинера; однако, такъ какъ его трудно было сконфузить, онъ отвѣчалъ не запинаясь:

— Это очень понятно.... ты сейчас сама это увидишь.... иная.... это просто какъ дважды два четыре.... чего тутъ не понимать?...

— Посмотримъ.

— Ребенокъ пойметъ....

— Да ну, говори!

— Вотъ въ чемъ дѣло.... сказалъ Легуевъ смысловымъ видомъ: *волку лпсъ.... а голубю голубятня....*

— Ты всегда останешься такимъ же какъ и былъ.... то есть несноснымъ, невыносимымъ созданиемъ! вскричала Сусанна, перебивая своего обожателя; ни годы, ни путешествія, ни торговля.... ничего однимъ словомъ не могло переменить тебя.... ты все тотъ же, разумеется въ нравственномъ отношеніи.... что же касается до наружности.... то это другое дѣло!

— Вотъ тебѣ за это! неблагодарный другъ, сказалъ канонеръ, вытаскивая изъ кармана и поднося Сусаннѣ съ куртизанствомъ престранной формы ящикъ, — человекъ, хоть сколько-нибудь морякъ, особенно же канонеръ, тотчасъ же бы увидѣлъ что это фитильный ящикъ, — вотъ какъ я мишу за твои жестокости.

— Что это такое?.. спросила Сусанна.

— Подарочки поддерживаютъ дружбу.... а въ сердцѣ.... вѣдь ты питаешь ее ко мнѣ.... этакая злая!...

— Питаю-ли я къ тебѣ дружбу?... ты это слишкомъ хорошо знаешь, гадкій ты человекъ, отвѣчала няня отворяя ящикъ и развертывая довольно большой кусокъ пергаменту, въ которомъ былъ завернуть подарокъ Легуева; онъ заранѣе улыбался, радовался и съ нетерпѣніемъ хотѣлъ видѣть, какое дѣйствіе произведетъ его подарокъ на возлюбленную его Сусанну, которая почти съ ужасомъ вскричала:

— Ахъ Боже мой!... пергаментъ этотъ.... съ одного конца какъ будто подожесть, а на другомъ.... вотъ посмотри.... кровь!...

— Ахъ, да!... отвѣчалъ хладнокровно прикащикъ Кларека, это остатокъ отъ куска.... все равно какого куска.... я зажегъ имъ свѣчку, а завертывая эти серьги и булавку укололъ себѣ палець.... Все такой же.... какъ видишь.... неловкій.... И потому меня нисколько не удивляетъ, что на серьгахъ этихъ тоже кровь.... но ты смоешь ее водою.... и ничего не будетъ видно.

Гувернантка.... не станемъ называть ее больше няней. И такъ гувернантка развернула пергаментъ, — надо сказать, что это былъ остатокъ отъ пушечнаго снаряду, — и вынула изъ него шару огромныхъ золотыхъ серегъ, представляющихъ канатный узелъ,

и большую золотую булавку, украшенную якоремъ и увѣчанную королевской короной. Прибавимъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ многіе матросы королевскаго англійскаго экипажа носили еще золотыя серьги, и застегивали шерстяныя свои рубашки оригинальными золотыми или серебряными булавками.

Губернантика была не такъ довольна подаркомъ какъ видѣнаться, потому что она вовсе не была расположена драть ушей своихъ такими кольцами..., и потому, чтобъ доказать благодарность свою за такое вниманіе, она зашпилила манишку булавкою и сказала Легуфену:

— Ты слишкомъ любезенъ, Легуфенъ; эти серьги.... особенно же булавка сдѣлана съ необыкновеннымъ вкусомъ: а такъ какъ мы живемъ близко отъ берегу, то выборъ этой булавки, украшенной якоремъ, очень кстати.

— Я самъ объ этомъ думалъ, отвѣчалъ хладнокровный Легуфенъ; бездѣлицы эти принадлежали женѣ капитана корабля; она промѣняла ихъ на другіе товары, которыми баринъ награждалъ меня.

— Вотъ, посмотрите, господинъ волжеръ, сказала Сусанна взять со стола вязанье и показывая его своему обожателю, этотъ шарфъ доказываетъ, что не вы одни думаете объ отсутствующихъ.

— Какъ, Сусанна.... этотъ шарфъ....

— Тебѣ.... для зимы.... чтобъ ты не простудился, если неравно опять поѣдете....

— Ахъ! Сусанна!... сказалъ разтроганный Легуфенъ.... я этого никогда не забуду....

Къ несчастію изъясненіе благодарности Легуфена было прервано Кларекомъ и его дочерью, которые вошли, вѣжно обнявъ другъ друга, въ комнату.

Ивону было тогда сорокъ два года; но онъ почти не змінился; только волосы его начинали сѣдѣть и лицо сдѣлалось совершенно смуглымъ; впрочемъ, онъ сдѣлался какъ-то гибче, сильнѣе, молодцоватѣе; лицо его сіяло блаженствомъ, а глаза были наполнены, слезами радости.

— Свѣту!... какъ можно больше свѣту.... вскричалъ онъ входя въ комнату.... я хочу хорошенько взглянуть на возлюбленную дочь мою!...

Вырываясь тогда изъ рукъ Сабивы, онъ отошелъ отъ нея на нѣсколько шаговъ, сложилъ крестъ на крестъ руки и съ восторгомъ глядѣлъ на это милое созданье.... освѣщенное яркимъ и натовымъ свѣтомъ лампы.

Сердце его такъ сильно билось.... страхомъ и нѣжностью, что онъ не могъ произнести ни слова.

Стоя посерединѣ комнаты, и протянувъ руки впередъ, онъ пожиралъ боязливымъ и любящимъ взоромъ дочь свою, какъ-будто хотѣлъ увѣриться, поправилось ли больше еще ослабло здоровье обожаемой его дочери, съ-тѣхъ-поръ какъ они разстались.

Во время этого осмотра, весь страхъ, всѣ надежды, весь восторгъ и все обожаніе отца выразились во взорѣ, въ движеніяхъ и въ глазахъ Ивона.... губы его дрожали, руки тряслись.... онъ былъ до того взволнованъ, что ни одинъ звукъ не могъ вырваться изъ груди его.

Сабина, разгорѣвшаяся отъ радости, тоже впивалась глазами въ отца своего. По выраженію возрастающаго блаженства, которое Сабина замѣтила на лицѣ Ивона, она догадалась, что онъ принималъ румянецъ радости и волненья за румянецъ здоровья. Видя, что Ивонъ успокоился на счетъ ея, и что онъ самъ совершенно бодръ и здоровъ, Сабина отъ души радовалась и благодарила Бога за счастливое возвращеніе.... потому-что наконецъ, хотя она и была увѣрена, что Кларекъ не пускался въ опасныя путешествія, однако часто беспокоилась думая не объ опасностяхъ, но о случаяхъ, могущихъ всегда встрѣтиться даже въ самыхъ мирныхъ путешествіяхъ; и потому нельзя выразить ея радости, она нашла отца своего здоровымъ и веселымъ.

Послѣ нѣмага этого созерцанія, Ивонъ движеньемъ головы позвалъ Сабину въ свои объятія и прижимая ее къ груди, вскричалъ съ восторгомъ:

— Приди.... приди, возлюбленное дитя мое.... я вижу теперь, что могу обнять тебя съ спокойнымъ сердцемъ; ты теперь гораздо свѣжѣе, чѣмъ была тогда, когда я уѣзжалъ....

Увидѣвъ мамушку Роберъ, съ которою еще не говорилъ съ тѣхъ поръ какъ пріѣхалъ, онъ пожалъ ей крѣпко руку и сказалъ съ чувствомъ:

— Благодарю.... благодарю изъ глубины сердца тебя, милая Сусанна.... попеченія твои спасли мою Сабину, и я тебѣ этимъ обязанъ....

Сказавъ это, Кларекъ снова посмотрѣлъ на дочь и снова протянулъ къ ней руки, сказавъ:

— Еще.... еще!... душа моя!

Отецъ и дочь снова полетѣли въ объятія другъ къ другу.

— Послушай, милая, сказалъ Легуевъ шепотомъ гувернант-

тѣ... отцы... и дочери, когда долго не видѣлись, любятъ побыть вдвоемъ... это все равно какъ влюбленные....

— Это правда, отвѣчала Сусанна, выходя къ комнаты.

— Ахъ! Сусанна, Сусанна!... сказалъ прикащикъ Кларека, слѣдуя за мамушкой Роберъ: если бъ намъ надо было объяснить-ся... то какой чудесный случай для нѣжнаго объясненія!

— Къ-несчастью любовь слѣпа... а ты тоже слѣпа... только еще не совсѣмъ.

— Однако это не помѣшаетъ тебѣ быть мадамъ Легуфонтъ, сказалъ бывший камердинеръ, съ глубокимъ убѣжденіемъ. Что будетъ, то будетъ... а чему быть, того не миновать.

Оба вышли, затворивъ потихоньку за собою дверь.

Кларекъ и Сабина остались вдвоемъ.

Оставшись одинъ съ дочерью, Ивонъ снова и съ болѣею еще страстью поцѣловалъ ее... какъ-будто присутствіе мамушки Роберъ стѣсняло его; онъ хотѣлъ предаться всей нѣжности отцовскаго сердца.

Посадивъ Сабину подлѣ себя, онъ взялъ ее за обѣ руки и сказалъ :

— Прежде всего поговоримъ о серьезномъ, ангелъ мой... а что можетъ быть серьезнѣе, важнѣе для меня, какъ твое здоровье... Вѣдь я не видалъ тебя три мѣсяца, которые показались мнѣ вѣчностью... Ну, какъ ты чувствовала себя въ это время?...

— Какъ нельзя лучше.

— Ты и въ-самомъ-дѣлѣ поправилась, сказалъ Ивонъ, пожирая дочь свою глазами. Ну, а потомъ...

— Что такое, папа?

— Не знаю, право, какъ бы мнѣ выразиться... но, впрочемъ, это можетъ-быть... одна изъ отцовскихъ идей...

— Посмотримъ, что за идея?

— Мнѣ кажется, что ты еще похорошѣла... стала лучше чѣмъ была.

— О! вотъ именно отцовская идея. Чтобъ быть еще лучше, надо предполагать, что я была уже хороша... а я...

— А кто жъ можетъ въ этомъ сомнѣваться, сударыня?

— Во-первыхъ... я сама...

— Ты въ этомъ ничего не понимаешь... или у тебя скверныя зеркала... Но чѣмъ больше я на тебя смотрю... да... тѣмъ болѣе нахожу въ тебѣ какую-то прелесть... не могу сказать именно какую... но все въ тебѣ восхищаетъ меня... Не знаю, что сказать тебѣ... но ты уже не совсѣмъ дѣвочка... Нѣтъ...

нѣтъ.... простите меня, сударыня.... что укололъ справедливую щекотливость вашихъ семнадцати лѣтъ.... Я хочу только сказать, что вы теперь больше походите на взрослую дѣвушку, чѣмъ три мѣсяца тому назадъ....

— Въ чемъ же состоитъ эта переменна?

— Право не знаю.... у тебя все тѣ же черты.... и слава Богу!... Но они дышатъ какою-то тихою радостью.... въ нихъ есть какое то глубокое чувство....

— Да иначе и быть не можетъ.... Вы со мною!... какъ же могу я не радоваться? А въ эту минуту.... я чувствую не радость.... а лучше чѣмъ радость — счастье!... а въ счастіи всегда глубоко чувствуешь....

— О!... если ты будешь говорить со мною такимъ образомъ, то заставишь расплакаться, и я ничего тогда не увижу.... Однимъ словомъ, я остаюсь при своемъ мнѣніи.... Но будетъ объ этомъ.... ты была здорова.... а это главное.... но не скучала ли ты здѣсь, бѣдное, милое дитя мое? Зимой такъ скучно въ деревнѣ! Только.... какъ же быть?... докторъ, для здоровья твоего, приказалъ жить у моря.... и это видимо подкрѣпляетъ тебя.... А между тѣмъ здѣсь такъ уединенно.... такъ скучно....

— Я вовсе не скучаю.... Развѣ у меня нѣтъ занятій?... я могу читать, заниматься музыкой, вышивать, гулять....

— Однимъ словомъ.... ты здѣсь не скучала?

— И не думала!...

— О Сусаннѣ нечего и спрашивать....

— Вы знаете ее.... этого достаточно....

— Ну, а....

Ивонъ остановился.

Онъ хотѣлъ было спросить, успокоились ли ея нервы, потеряла ли она хоть сколько-нибудь ту чувствительность, которая такъ часто пугала его; но боялся опечалить Сабину и потому рѣшился разспросить объ этомъ Сусанну.

Чтобъ Сабина не замѣтила этой остановки, онъ продолжалъ:

— Ну.... а тебѣ все еще нравится этотъ домъ, эта страна? Ты знаешь, ангелъ мой, что тебѣ стоитъ только заикнуться, и все будетъ по твоему желанію.... Берега Франціи отъ сѣвера до юга такъ обширны, что можно выбирать, слава Богу! и еслибъ тебѣ захотѣлось переменить мѣсто своего пребыванія....

— Нѣтъ, напротивъ, папа.... мѣстоположеніе здѣсь прекрасно, окрестности восхитительны.... я привыкла къ этому мѣсту и считаю его своимъ стариннымъ другомъ.... следовательно, съ моею

стороны было бы неблагодарно разстаться съ нимъ.... если бы вы только этого не пожелали....

— Мнѣ желать того, чего ты не желаешь?... Да я даже не знаю какъ за это взяться.

— Все это очень хорошо на словахъ.... добрый мой папа.

— Чтò это значитъ?

— Дѣйствія ваши противорѣчатъ однако этимъ словамъ.

— Какія дѣйствія?

— Вы говорите, что желанія мои — ваши желанія....

— Ты это видишь....

— Сколько разъ просила я васъ отказаться отъ вашихъ путешествій.... которыя насъ вѣчно разлучаютъ!...

— Это другое дѣло.... вѣдь я для тебя же это дѣлалъ, возлюбленная ты моя.... у меня есть на то свои причины....

— Я это знаю, добрый мой другъ.... вы трудитесь, чтобъ обогатить меня.... а на что мнѣ столько денегъ?... Да.... но вы говорите только обо мнѣ.... а о себѣ ни слова.... Ну, какъ вы провели все это время.... хорошо?...

— Какъ нельзя лучше.

— А дорога?... не слишкомъ дурна? вамъ не было слишкомъ холодно въ каретѣ?... Прошедшій мѣсяцъ было еще такъ много снѣгу!... зато я часто говорила Сусаннѣ: «Мы наслаждаемся здѣсь.... сидимъ въ тепломъ уголкѣ.... а бѣдный отецъ мой.... дрожить, можетъ-быть, теперь отъ холоду.... забнетъ и вмѣсто часу проведетъ можетъ два.... потому что снѣгу было такъ много въ это время.

— Успокойся, милое дитя.... повторяю тебѣ, что я очень счастливо доѣхалъ и туда и назад.... и даже нисколько не усталъ.

— Въ самомъ-дѣлѣ?

— Увѣряю тебя.

— А почему жъ вы опоздали? Надѣюсь, что съ вами ничего не случилось такого?...

— Нѣтъ, ангелъ мой.... надо было распутать вѣкторыя дѣла....

— Если бы вы знали, какъ я мучаюсь во время вашего отсутствія!... Но все это должно скоро кончиться, потому что я увѣрена, вы сдержите свое обѣщанье....

— Какое обѣщанье?...

— Не покидать меня больше.

— Да, я обѣщала тебѣ.... но если неравно случится какое-нибудь непредвидимое обстоятельство....

— О!... я не допускаю непредвидимыхъ обстоятельствъ.... это только одинъ предлогъ....

— Ну.... не ворчи на меня....

— Останетесь вы со мною?

— Навсегда....

— Клянетесь?...

— Клянусь.... честью отца!...

— Ахъ!... вскричала Сабина, бросаясь Клареку на шею: я надѣялась на это счастье... а между тѣмъ.... не могу выразить вамъ, какъ я счастлива.... Зато.... чтобъ наградить васъ....

— Ну! сказала улыбаясь Кларекъ, котораго привело въ удивленіе трогательное выраженіе лица Сабинны. Посмотримъ, что такое?

— Чтобъ наградить васъ за это.... я хочу просить у васъ чего-то.... потому что вы всегда упрекаете меня, что я ничего не прошу....

— Ты ничѣмъ больше не могла такъ обрадовать меня.... Ну, говори, что такое?... что хотѣла ты просить?

— Вашего покровительства.... вашей опоры....

— Для кого?

— Для одного достойнаго человѣка.... за котораго Сусанна тоже будетъ васъ просить.... Но, посмотрите, какая я завистливая.... забѣжала впередъ.... потому что хочу прежде всѣхъ рекомендовать вамъ моего любимца.

— Твоего любимца!

— Да, моего и Сусанны тоже.

— Онъ можетъ быть увѣренъ, что получить отъ меня все, что только желаетъ.... А въ чемъ же состоятъ его желанья?

— Ахъ Боже мой!.. онъ такъ робокъ.... что не смѣетъ желать.... но мы съ Сусанной станемъ просить за него.... Онъ такъ интересенъ.... положеніе его такое тягостное.

— Какъ ты растрогана.... бѣдная моя Сабина!.. ты смѣешь, доброе и нѣжное сердце!.. Я увѣренъ, что ты просишь за очень несчастнаго человѣка!..

— Да, милый и добрый папа!.. Ктому же, сами согласитесь.... когда видишь кого каждый Божій день.... то, разумѣется, узнаешь покороче человѣка и можешь лучше оцѣнить его тогда, и поневолю принимаешь въ немъ участіе....

— Да о комъ же говоришь ты, дитя мое?

— О мосьё Онезимъ?

— Что это за мосьё Онезимъ?... Погоди.... Онезимъ? Кажется, я слышалъ это имя....

— Племянникъ Сусанны.

— Да, именно.... Она часто мнѣ о немъ говорила; имя его осталось у меня въ памяти.... это сынъ Сусанниной сестры, которая умерла два года тому назадъ.

— Онъ сирота.... и служилъ въ Лиллѣ (Lille) въ какомъ-то министерствѣ.... но былъ принужденъ выйти въ отставку.... Такъ какъ у него кромѣ мѣста не было другихъ средствъ къ существованію.... то Сусанна, зная доброту вашу.... написала ему, чтобъ показѣсть онъ пріѣхалъ къ намъ....

— Такъ онъ здѣсь?

— Да, здѣсь.

— Въ нашемъ домѣ?

— Да, папà, болѣе двухъ мѣсяцевъ....

— Опять покраснѣла....

— Нѣтъ.... увѣрю васъ....

— Ужъ не воображаешь-ли ты, душа моя, что я разсержусь на Сусанну, которой мы столькомъ обязаны, за то что она дала пріюти своему племяннику.... который долженъ быть порядочный и хорошо воспитанный человѣкъ.... а иначе Сусанна ужъ вѣрно бъ не выписала его.

— Когда вы увидите его, то оцѣните....

— За чѣмъ же онъ вышелъ въ отставку?

— Онъ былъ экспедиторомъ; но такъ близорукъ.... что это замедляло его работу; ему и отказали.... Вы постигаете, какъ было это для него тягостно.... но потому что онъ честный и благородный человѣкъ, исполненъ бодрости духа.... получилъ отличное воспитаніе и приходитъ теперь въ отчаяніе, что принужденъ жить въ праздности и бездѣйствіи. Близорукость его можетъ быть погубою по службѣ.... испортить всю его карьеру.... и потому я надѣялась.... то есть.... мы съ Сусанной надѣялись на васъ.... дунаки, что вы поможете Онезиму въ такихъ грустныхъ обстоятельствахъ.... дадите ему вѣкоторыя совѣты.... впрочемъ, вы увидите его.... и повторяю еще разъ.... оцѣните.... онъ такой кроткій.... такой добрый!... и когда узнаете его покороче, то послѣдуете всеобщему примѣру... пожалѣете и полюбите....

Нельзя выразить, съ какими трогательнымъ простодушіемъ, съ какими умоительнымъ трепетомъ Сабина произнесла, краснѣя, эти послѣднія слова; грудь ея колыхалась и колыханье это доказывало, какое живое участіе она принимала въ своемъ любимцѣ.

Кларекъ задумался. Онъ начиналъ понимать, объяснять себѣ переѣмну, которую замѣтилъ въ выраженіи лица дочери.

Сабина, испуганная продолжительнымъ молчаньемъ отца, сказала:

— Вы не отвѣчаете мнѣ?...

— Скажи душа моя, съ-тѣхъ-поръ какъ Сусаннинъ племянникъ живетъ здѣсь.... что дѣлалъ онъ.... какъ проводилъ свое время?...

— Онъ проводилъ его съ нами.... когда мы гуляли, онъ тоже гулялъ.... а когда мы оставались дома, то и онъ оставался, рассказывалъ что-нибудь или читалъ въ-слухъ.... Онъ такъ хорошо читаетъ.... съ такимъ выраженіемъ, такую душою! Иногда мы играли вмѣстѣ.... онъ очень хорошо знаетъ музыку.... даже сочиняетъ.... знаетъ тоже хорошо и исторію.... если бъ вы знали какъ онъ краснорѣчивъ.... и я думаю, что нѣтъ ничего занимательнѣе и поучительнѣе какъ слушать его; потомъ, наконецъ, онъ всѣми мѣрами старался угождать, услуживать намъ.... и съ такою охотою.... что право иногда было совѣстно.... но ему не всегда удавалось услужить, потому что онъ почти ничего не видитъ.... и потому дѣлаетъ иногда промахи.... Это его единственный недостатокъ.... прибавила съ милымъ протосердечіемъ Сабина.... кому-же невольный.... а Сусанна немилосердно преслѣдуетъ его и все смѣется надъ его неловкостью....

— А ты не смѣешься?...

— Это было бъ жестоко съ моей стороны.... потому что онъ первый наемѣхается надъ своею неловкостью.... но въ душѣ.... видно какъ страдаетъ.... Какъ грустно быть слѣпымъ.... а вѣдь онъ почти слѣпой!... Да вотъ.... недавно.... сегодня вечеромъ—это докажетъ вамъ какъ онъ умѣетъ владѣть собою, какую обладаетъ душевною силою,—онъ обварилъ себѣ кипяткомъ руку. Вы увидите, мой ангелъ, какая страшная обжоба!... а Онезимъ.... мало того что не закричалъ.... но продолжалъ еще читать.... какъ будто ни въ чемъ не бывало.... Не правда ли, какая сильная воля, какое присутствіе духа!... да мы этого и не узналибъ.... бъ сами невзначай не замѣтили.

— Да, Онезимъ этотъ — настоящій герой!...

— Герой?... нѣтъ онъ не герой, ангелъ мой.... а напротивъ.... еще сегодня вечеромъ мы говорили съ нимъ.... что тѣ.... котрыхъ называютъ героями, убиваютъ и проливаютъ кровь, между тѣмъ какъ Онезимъ....

— Проливаетъ кипяткомъ?

— Не стыдно-ли?

— Боже мой!... какъ ты на меня смотришь!...

— Да.... я не понимаю.... какъ вы, такіе добрые.... такіе справедливые, можете....

— Да гдѣ жъ ты видишь тутъ мою несправедливость?...

— Вы шутите надъ такимъ несчастнымъ человѣкомъ!... въ то время какъ сама Сусанна.... когда увидѣла какъ страшно онъ обварилъ себѣ руку, поблѣднѣла отъ ужасу.... а Сусанна не щадитъ его.... вѣчно преслѣдуетъ своими насмѣшками, называетъ *калекой, убогимъ, инвалидомъ!*... Ей это простительно.... потому что она обожаетъ все рыцарское, все что дерется, поражаетъ, убиваетъ.... Сусанна всегда надъ нимъ смѣется, и сама не знаетъ за что?.... за то, что онъ ненавидитъ злыхъ и кровожадныхъ.... Да вотъ именно сегодня вечеромъ.... у насъ былъ прешаркій споръ съ Сусанной.... и Онезимъ держалъ мою сторону.... а онъ тогда только бываетъ на моей сторонѣ.... когда я справедлива.... Я заранѣе увѣрена, что вы будете одинакаго съ нами мнѣнія.

— Объ чемъ же вы спорили, дитя мое?

— Онезимъ читалъ намъ о спасеніи одного страшнаго корсара, котораго зовутъ *Отчаяннымъ*.... Вы, можетъ-быть, тоже объ немъ читали, душа моя?

— Нѣтъ, не читалъ.... отвѣчалъ Кларекъ, стараясь скрыть свое удивленіе и беспокойство.... Ну что жъ думаете вы... ты и Онезимъ, объ этомъ корсарѣ?

— Жестокость его ужасала насъ, добрый папаша.... вообразите, чтобъ возвратитъ себѣ свободу онъ равнялъ одного и убилъ двохъ матросовъ.... Разумѣется, что Сусанна оправдывала корсара, говоря, что онъ дрался какъ левъ.... называла его храбрымъ.... героемъ.... но Онезимъ говорилъ.... и это доказываетъ его великодушіе.... возвышенность души....

— Что-жъ говорилъ Онезимъ?

— Онъ говорилъ: «что согласился бъ лучше провести всю жизнь въ тюрьмѣ.... чѣмъ быть обязанну смертоубійству свободой....» Неправда-ли, милый папа, что мы были справедливы.... и что вы раздѣляете наше мнѣніе?

— Право не знаю, что отвѣчать нѣтъ на это? Тихій и смирный ребенокъ не можетъ быть судьей въ военныхъ дѣлахъ.... Только нѣтъ кажется, что вы съ Онезимомъ слишкомъ строги къ этому бѣдному корсару.

— Нѣтъ, другъ мой.... прочитайте сами этотъ страшный рассказъ, тогда увидите....

— Ну у него можетъ-быть, есть семейство.... которое онъ лю-

бить.... надѣялся скоро съ нимъ свидѣться.... тогда признаюсь!... изъ отчаянія, что его лишили свободы.... онъ....

— Семейство!... развѣ у такихъ людей можетъ быть семейство?... развѣ они могутъ любить?...

— Да развѣ волки не любятъ своихъ дѣтей?... что ты на это скажешь, упрямая голова?...

— Право не знаю.... но если они и любятъ.... такъ любить по волчьимъ.... Когда дѣти ихъ бываютъ малы, они приносятъ имъ кусокъ добычи.... а потомъ берутъ, вѣроятно, съ собою нападать на бѣдныхъ ягнятъ и пожирать ихъ.

Горестное, горькое чувство промелькнуло какъ облако по лицу Кларека; но онъ не далъ этого замѣтить и продолжалъ:

— Впрочемъ.... можетъ-быть ты и права, душа моя.... и Онегинъ тоже; о!... если бѣ ты заговорила со мною о руанскихъ тканяхъ или о лѳонскихъ матеріяхъ, то я бѣ не поддался тебѣ такъ скоро.... но я не могу судить корсаровъ.... и рѣшительно отъ нихъ отказываюсь....

— О!... я была увѣрена, что.... что вы одного со мною мнѣнія.... Вы такъ нѣжно меня любите, такъ великодушны, и такъ сострадательны, что не можете иначе думать.... или скорѣе; я не могла думать какъ вы.... добрый мой папа.... потому что если я чувствую отвращеніе отъ всего, что порочно, зло, неблагородно.... и если люблю все что высоко и прекрасно.... то этимъ я обязана вамъ.... вашему примѣру и первымъ правиламъ, которыя вложила въ меня мать моя.... а вы такъ нѣжно ее любите.... Не проходитъ дня, чтобъ Сусанна не рассказывала мнѣ о вашей къ ней преданности.... заботахъ.... уваженіи....

Разговоръ Кларека съ дочерью былъ прерванъ приходомъ Сусанны.

Она вошла съ подсвѣчникомъ въ рукахъ и обращаясь съ улыбкою къ Ивону, который смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ, сказала фамиллярнымъ тономъ, дозволеннымъ ей за такую дѣловую службу:

— Мнѣ жаль.... сударь.... но уже десять часовъ....

— Что это значитъ?

— А то значитъ, что барышниѣ пора спать; вы сами знаете, что докторъ запретилъ ей долго сидѣть.... а она и безъ того уже ослабла отъ радости и волненія.... и потому я буду неумолима....

— Еще.... четверть часа, милая Сусанна!... сказала Сабина.

— Ни четверть минуты, сударыня.

— Какъ! Сусанна, въ такой день какъ сегодня, въ день моего возвращенія.... ты не позволишь намъ покутить немножко....

— Теперь, слава Богу, вы остаётесь съ нами... следовательно усѣдете и насидѣться вмѣстѣ и наглядѣться другъ на друга; но я не могу позволить барышнямъ.... сидѣть долѣ десяти часовъ.... это невозможно; а не то.... завтра она будетъ больна отъ усталости и волненья.... поблѣднѣетъ.... что вы тогда скажете?

— На это нечего отвѣчать, какъ развѣ только: прощай, милое дитя, до свиданья, спи спокойно.... и чтобъ завтра ты проснулась спокойною, веселою, розовою и свѣженькою....

Сказавъ это, Кларекъ обвини руками взявъ за голову дочь и, цѣлуя ее вѣжно въ лобъ и глаза, прибавилъ:

— Прощай, ангелъ мой, да благословитъ тебя Богъ, смотри же, будь завтра спокойна, весела и свѣжа!...

— Да иначе и быть не можетъ.... мой добрый другъ!... знаю, что вы здѣсь, подлѣ меня.... вотъ тутъ.... знаю тоже, что увижу васъ завтра.... и послѣ-завтра.... и всегда буду съ вами.... ахъ какое счастье!... Съ этою сладостною мыслью, я закрыю глаза.... и засну *счастливымъ*.... Это настоящее выраженіе.... и засну счастливымъ сномъ.... Прощайте, мой ангелъ... до завтраго.... до свиданья!... сказала Сабина, обинная въ свою отередь Кларека, и говорила ему на уло:

— Сусанна станетъ говорить вамъ объ Онезимѣ. Какъ я рада, что предупредила ее!... Прощайте, непаглядный!...

— Прощай, радость.... спи спокойно.

— О!... будьте увѣрены, что я никогда не спала такъ хорошо, какъ буду спать сегодня. Прощайте, отецъ!

— Прощай, дочь!

Тогда, обратясь къ Сусаннѣ, Кларекъ сказалъ:

— Скоро ты вернешься Сусанна?... Мнѣ надо переговорить съ тобою.

— Сейчасъ баринъ.... Мнѣ и самой надо переговорить съ вами....

Оставивъ садить, Кларекъ всталъ, задумался и началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Лицо его было мрачно.

Вдругъ глаза его остановились на оставшемся на столѣ журналѣ; онъ взялъ его, пробѣжалъ глазами и сказалъ съ ливною досадою:

— Какая нескромность, глупость со стороны этого дурака Вердюрона; я написалъ ему секретное письмо.... а онъ изволяетъ его всадъ разблаговѣстить.... да еще напечатать!... и даже не предупредить меня!... Я всегда боялся глупости и жадности это-

го человека. Къ счастью еще, что скрылъ отъ него гдѣ живу, когда бываю не на морѣ.... Ахъ, Боже мой!... нравственное состояніе дочери моей больше чѣмъ когда-либо требуетъ этой предосторожности.... я считаю это священнымъ долгомъ.... Несчастное дитя.... такое открытіе убьетъ ее!

Сусанна, уложивъ Сабину, возвратилась въ гостиную.

Оставшись вдвоемъ съ Сусанной, Кларекъ сказалъ ей.

— Прежде всего, милая Сусанна, я хочу поблагодарить тебя за всѣ заботы твои, за всѣ попеченія о моей дочери....

— Да за что тутъ благодарить меня?... развѣ не я вскормила Сабину?... развѣ она не дитя мое?... вѣдь я тоже считаю ее своимъ ребенкомъ....

— Ты была ея второю матерью.... я это знаю.... и потому-то именно.... хочу говорить съ тобою объ одномъ очень важномъ дѣлѣ....

— Въ чемъ же оно состоитъ?

— Ты выписала своего племянника, онъ живетъ здѣсь около двухъ мѣсяцевъ?

— Да, сударь.... точно такъ.... объ немъ-то именно мнѣ и хотѣлось переговорить съ вами.

— И я тоже хотѣлъ говорить о немъ, Сусанна.

— Я объясню вамъ, почему я....

— Сабина мнѣ все рассказала.

— Ахъ Боже мой! ужъ не сердитесь ли вы на меня?

— Помилуй, Сусанна!... могу ли я на тебя сердиться?... я не сержусь.... но беспокоюсь.... меня пугаетъ....

— Чтѣ жъ можетъ васъ тутъ пугать....

— Присутствіе твоего племянника въ здѣшнемъ домѣ....

— Ахъ Боже мой!... еслибъ я могла предвидѣть, что это вамъ будетъ неприятно, то ни за что бы въ мірѣ не выписала этого бѣднаго мальчика.... но онъ былъ такъ несчастливъ, а вы такъ добры.... что я осмѣлилась взять на себя....

— Ты мнѣ оказала слишкомъ много услугъ.... чтобъ всѣ твои родные не имѣли права на мою помощь, на мое участіе.... Но въ чемъ я упрекаю тебя.... это въ неосторожности.

— Извините, я не понимаю васъ....

— Племянникъ твой молодъ?...

— Только-что минуло двадцать-пять лѣтъ.

— Хорошо воспитанъ?...

— Даже слишкомъ хорошо для своего положенія. Бѣдная сестра моя съ мужемъ своимъ.... многимъ для него.... пожертвовала

ли... Такъ какъ онъ почти ничего не видитъ.... то они боялись, что его нигуда не примутъ.... и потому, давъ Онезиму отличное воспитаніе, они надѣялись дать ему возможность вступить въ духовное званіе.... но не было ни какихъ средствъ заставить его согласиться на такое предложеніе.... у него не было призванія.... Тогда отъ нечего дѣлать мы помѣстили его на службу, онъ получилъ какое то незначительное мѣсто... и...

— Я знаю остальное.... А какова его наружность?

— Да не завидная.... сударь.... нельзя сказать, чтобъ онъ былъ дурень.... да и красивымъ нельзя назвать.... такъ себѣ.... ничто.... ни то, ни сѣ.... впрочемъ прекрасное лицо.... только близорукость придаетъ взгляду его что-то помѣшанное.... Но въ другомъ отношеніи.... нѣтъ доброе, лучше существа во всемъ мірѣ; вамъ стоитъ только разспросить о немъ.... кого угодно.... да вотъ барышню.... увидите, что она вамъ скажетъ....

— Я право не понимаю тебя, Сусанна.... не могу объяснить себѣ такого страшнаго ослѣпленія!...

— Ослѣпленія?....

— Какъ!... ты!... ты.... Сусанна.... женщина опытная... и здраво-мыслящая.... не понимаешь.... не чувствуешь, что поступила неосторожно.... не хочу сказать неприлично.... пригласивъ подъ одну кровлю съ моею дочерью племянника своего.... оставляя ихъ почти вдвоемъ.... допустивъ ихъ до тѣсной дружбы.... въ совершенномъ удивленіи....

— Я знаю сударь, что я не что иное какъ служанка, и что племянникъ мой....

— Не въ томъ дѣло!... Развѣ мы съ дочерью не старались доказывать тебѣ на каждомъ шагѣ, что считаемъ тебя не служанкою, а другомъ?

— Въ такомъ случаѣ.... я не вижу.... чѣмъ я заслужила ваши упрёки....

— Въ томъ то и бѣда.... что не видишь.... потому что если бы ты была подальновидиже.... то замѣтила бы то, что случилось....

— Ахъ Боже мой! да что жъ такое случилось?

— Сабина влюблена въ твоего племянника....

— Барышня!

— Влюблена!... говорю тебѣ!

— Мадмоазель Сабинѣ.... любить Онезима?!... Вы шутите, сударь....

— До шутокъ ли мнѣ, когда дѣло идетъ о моей дочери....

— Извините.... но вы ошибаетесь, этого быть не можетъ....

— Еще разъ повторяю тебѣ, что Сабина влюблена въ твоего племянника....

— Невозможно!...

— А почему.... невозможно?...

— Потому что Онезимъ робокъ какъ дѣвочка, не хороши собою, ничего не видитъ и по этому такъ неловокъ, что дѣлаетъ по-крайней-мѣрѣ сто промаховъ въ день.... Вотъ ужъ онъ-то.... никогда не будетъ героемъ романа!... Нѣтъ, нѣтъ, сударь, этого же можетъ быть.... на этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны.... Разумѣется, что барышня была очень добра и благосклонна къ Онезиму.... но потому только, что онъ мой племянникъ, и что ей было жаль его; но....

— Экая славная!.. да развѣ ты не предвидѣла, что Сабина съ своимъ характеромъ, съ своею чрезмѣрною чувствительностью, ангельскою добротою ко всему, что страдаетъ, могла почувствовать... сначала жалость.... а потомъ болѣе нѣжную привязанность?... Вотъ что именно и случилось.

— Да можетъ ли быть.... чтобъ барышня стала думать о такомъ бѣдномъ мальчикѣ.... какъ онъ....

— Потому-то именно она о немъ и думаетъ.... что онъ бѣденъ, слабъ, робокъ, и что самый этотъ недостатокъ ставить его въ исключительное тягостное положеніе.... Вотъ почему именно Сабина полюбила его.... Ты.... которая знаешь ее такъ же хорошо какъ и я.... какъ не предвидѣла ты всего этого?... Дай Богъ чтобъ ослѣпленіе твое не имѣло роковыхъ послѣдствій.

— Ахъ Господи!... вскричала съ уныніемъ Сусанна, теперь только вижу какъ поступила я глупо, неосторожно.... но уже поздно исправить дѣло.... да, я кругомъ виновата.... но все еще не могу вѣрить тому, что слышу.... Мадмоазель Сабина не призналась вамъ, что любитъ Онезима?

— Разумѣется, что не призналась, но я отгадала.... бѣдное дитя!... какъ она невѣрна и чистосердечна!.. сейчасъ видишь, что происходитъ въ ея сердцѣ... она не умѣетъ хитрить и обманывать.... Ктому жъ.... говоря о немъ, она краснѣла.... грудь ея трепетала.... я это очень хорошо замѣтила.... и замѣтила тоже досаду ея.... и почти печаль.... тогда, чтобъ испытать ее.... я стала шутить надъ нимъ.... и смѣяться надъ его неловкостью.... Она любить его.... любить, говорю тебѣ.... и любовь эта разстроиваетъ всѣ мои намѣренія.... Но.... что съ тобой?... отчего ты такъ поблѣднѣла?... рыдаешь?... Сусанна.... встань ради Бога!... вскричала

Кларекъ, видя что гувернантка упала на колѣна.... что такое?... сдѣлай милость.... умоляю тебя.... отвѣчай....

— Ахъ Боже мой!... я боюсь, чтобъ вы.... не подумали.... о это ужасно!...

— Да объяснись.... ради Бога!

— Я боюсь, чтобъ вы не подумали.... что я нарочно сближала барышню съ моимъ племянникомъ.... что я рассчитывала и надѣялась на ихъ бракъ!...

— Ты оскорбляешь меня, Сусанна.... думая, что я способенъ предполагать такую низость!...

— Умоляю васъ.... разувѣрьте меня.... что вы не думаете, чтобъ я была на это способна!

— Повторяю тебѣ, что ты поступила необдуманно.... неосторожно.... вотъ и все.... Кажется, этого довольно.... Но чтобъ подозрѣвать тебя въ недостойныхъ замыслахъ.... это было бы безуміе. Я понимаю даже, что нѣкоторыя обстоятельства въ существованіи твоего племянника казались тебѣ достаточнымъ ручательствомъ.... и что почитаю его ничего незначущимъ человѣкомъ ты даже и не подозрѣвала опасности.... сближая его съ моею дочерью....

— Это сушая правда.... Я почитала его ребенкомъ.

— Говорю тебѣ.... что вѣрю; только.... зло уже сдѣлано....

— Но его можно еще поправить: завтра утромъ.... съ зарею, Олесьмъ покинетъ домъ вашъ.... и никогда ужъ больше не вернется.

— Я не хочу этого!... вскричалъ Кларекъ; а Сабина?... ты забываешь ее? ..

— Какъ забываю?

— Отъѣздъ этотъ можетъ привести въ отчаяніе.... убить ее.... ее... слабую, нервную.... чувствительную.... О!... это чистое изобращеніе ея несчастной матери....

— Ахъ Господи, Господи! вижу.... что я кругомъ виновата... сказала рыдая Сусанна; что дѣлать теперь? что дѣлать?...

— Я и самъ не знаю.

Кларекъ всталъ и въ раздумѣ началъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

Онъ былъ до крайности взволнованъ.

Сусанна съ своей стороны была погружена въ горестное оцѣнѣніе, изъ котораго выведена внезапнымъ вопросомъ Кларека.

— Гдѣ твой племянникъ? спросилъ онъ.

— Здѣсь въ голубой комнатѣ.... Я сказала ему, чтобъ онъ шелъ

и ждалъ меня.... потому что хотѣла сообщить ему рѣшеніе ваше на счетъ его.

— Позови его.

— Сюда?

— Разумѣется.

— Ахъ! простите.... простите.... его.. вскричала со страхомъ и сложа руки Сусанна.

Хотя Ивонъ въ продолженіи всего разговора... несмотря что говорилъ съ жаромъ и энергіей, ни на минуту не выходилъ изъ себя.... Сусанна, все еще боясь возвращенія старинныхъ вѣпшыекъ, продолжала:

— Клянусь вамъ, что несчастный этотъ мальчикъ ни въ чемъ не виноватъ.... онъ совершенно невиненъ.... ничего не знаетъ.... я въ томъ увѣрена.... ради Бога.... пощадите его!..

— Позови его, говорятъ тебѣ.

— Сегодня ночью.... или лучше сію же минуту онъ уйдетъ изъ этого дома....

— А дочь моя! Еще разъ спрашиваю я тебя, что станетъ съ моею дочерью?... Развѣ ты хочешь чтобъ она умерла съ тоски?

— Еще одно слово. Можетъ-быть привязанность эта еще не слишкомъ вкоренилась въ сердцѣ Сабини.... можетъ-быть она.... если не будетъ съ нимъ такъ часто видѣться..... и забудетъ его....

— А если не забудетъ?... если она чувствуетъ истинную, глубокую любовь.... такую какъ она должна быть? если она уже вкоренилась въ такой душѣ какова Сабинина душа? Нѣтъ, нѣтъ, милое, доброе дитя!.. я не оскорблю тебя обиднымъ подозрѣніемъ.... не стану думать, чтобъ ты могла быть вѣтренной.... любить минутно.... забывать.... Говорю тебѣ, что это настоящая мать.... такая же чувствительная.... исполненная преданности и огня.

— Ахъ Боже мой!.. къ-несчастью.... это правда!.. все что вы говорите ... приводитъ меня въ отчаяніе.... и я нехотя должна согласиться, что вы совершенно правы.... Только теперь я вижу какія пагубныя слѣдствія произошли отъ этого роковаго сближенія; но къ-несчастью это еще не все?....

— Какъ не все?..

— Не надо....

— Да говори.... ради Бога!..

— Несчастный... не надо.... нельзя обвинять его.... если....

— Въ чемъ обвинять?..

— Если онъ не чувствуетъ той привязанности... которую внушаетъ....

— Проклятiе!... вскричалъ Кларекъ.

Помолчавъ немного, онъ сказалъ отрывисто:

— Позови своего племянника.

— Нѣтъ.... не просите у меня этого.... вскричала съ ужасомъ Сусанна....

— Я приказываю.

— Хоть убейте меня.... а онъ не придетъ сюда.... отвѣчала рѣшительно Сусанна, нѣтъ.... Онезимъ не придетъ сюда.... и сію же минуту выйдетъ изъ вашего дома.... нѣтъ, я не предамъ его....

— Чему?

— Вашему....

— Гнѣву?...

— Умоляю васъ, не....

— Да развѣ ты не видишь, что любовь дочери моей дѣлаетъ его священнымъ въ моихъ глазахъ....

— Но если онъ не любитъ ее?

— Онъ не любитъ ее!... вскричалъ Кларекъ и лицо его открылось смертною блѣдностью.

Потомъ не говоря ни слова, и прежде чѣмъ Сусанна успѣла опомниться отъ ужаса, онъ вышелъ изъ гостиной и очутился въ голубой комнатѣ, гдѣ жилъ тогда Онезимъ.

Отворить дверь, замкнуть ее за собой на замокъ, чтобъ не впустить туда Сусанну и не выпустить оттуда Онезима, было минутнымъ дѣломъ для Кларека.

Вскорѣ онъ остался глазъ на глазъ съ Онезимомъ.

Онезимъ, услыхавъ стукъ дверей, вскочилъ съ удивленіемъ и безпокойствомъ. Онъ ожидалъ тетку, а тяжесть шаговъ, вошедшей съ такимъ шумомъ особы, возвѣщала о присутствіи посторонняго человѣка.

Кларекъ, приходя въ себя, глядѣлъ на Онезима молча, съ какимъ-то безпокойствомъ и любопытствомъ; кроткіе и пріятные черты его понравились ему сначала; но вскорѣ забывая близорукость молодого человѣка, Кларекъ нашелъ, что видъ его слишкомъ дерзокъ и смѣлъ, потому что Онезимъ не видя ничего кромѣ неясной человѣческой фигуры, глядѣлъ прямо, пристально на Ивона.

Тѣмъ болѣе племянникъ Сусанны былъ удивленъ молчаньемъ Кларека, что онъ вошелъ съ такимъ шумомъ. Чтобъ разсмо-

трѣть лицо посѣтителя, Онезимъ пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ тихимъ, трепещущимъ голосомъ :

— Кто тамъ?

Кларекъ все еще забывалъ недостатокъ Онезима, нашелъ вопросъ этотъ слишкомъ дерзкимъ и отвѣчалъ сурово :

— Кто тамъ?... Хозяинъ здѣшняго дома, милостивый государь....

— Мосѣ Кларекъ! вскричалъ Онезимъ, отступая съ робостью и почтеніемъ.

И опустилъ глаза, какъ будто они такъ ясно видѣли, что могли встрѣтиться съ глазами отца Сабинны.

Въ выраженіи голоса Кларека было слишкомъ много значенія, чтобъ Онезимъ, одаренный отъ природы большимъ тактомъ и провинцательностью, не почувствовалъ, что присутствіе его въ этомъ домѣ очень не нравилось отцу Сабинны, хотя молодой человѣкъ не зналъ еще почему онъ внушаетъ такое отвращеніе, и потому голосъ его задрожалъ и онъ продолжалъ все еще робѣя :

— Исполняя желаніе тетушки, выписавшей меня изъ Лилл, я думалъ, что она это сдѣлала съ вашего согласія, или что она по крайней мѣрѣ.... увѣрена, что вы не будете противъ этого.... а не то я бѣ никогда не позволилъ себѣ принять ея предложеніе....

— Очень охотно вѣрю....

— Только прошу извинить меня.... мою нескромность.... въ которой я неволью участвовалъ.... Завтра же я уѣду....

— Но куда жъ вы дѣнетесь? что станете дѣлать? спросилъ отрывисто Кларекъ; что будетъ съ вами потомъ?

— Надѣюсь, что вамъ не покажется удивительнымъ, если я не стану отвѣчать вамъ на эти вопросы.... потому что не знаю еще какое чувство внушаетъ вамъ ихъ.... отвѣчалъ Онезимъ съ кротостью и достоинствомъ.

— Я могу чувствовать къ вамъ благосклонность,.... и могу чувствовать тоже совершенно противное.... Послѣ.... я увижу какъ поступать....

— Если бѣ вы имѣли неограниченную надо мною власть.... могли бы произвольно располагать моею участью.... вскричалъ Онезимъ съ почтительною твердостью, то и тогда.... не знаю.... имѣли-ли бѣ вы право говорить со мною такимъ образомъ.

— Да кто жъ говорить.... что участь ваша не въ моихъ рукахъ?

— А по какому праву?

— По какому праву?... вскричалъ гнѣвно, выходя изъ себя Кларекъ.... да развѣ вы.... не располагали моею участью?

— Я?... я разполагалъ вашею участіемъ?... Извините.... я васъ не увидалъ!....

— Не знаю, осмѣлялось-ли вы.... говоря это.... посмотрѣть мнѣ прямо въ глаза!.... вскричалъ Кларекъ.

Онезимъ поднялъ свои томные и грустные глаза и отвѣчалъ съ раздражающимъ простосердечіемъ.

— Посмотрѣть на васъ прямо въ глаза?... Если бъ я и хотѣлъ это сдѣлать.... то къ несчастью.... на такомъ разстояніи не могу разсмотрѣть лица вашего....

— Это правда, я забылъ вашу немощь.... отвѣчалъ ужъ не такъ сурово Кларекъ. Но будьте увѣрены.... что если вы не можете меня видѣть.... за то я васъ вижу.... и ничто не ускользнетъ отъ моего глаза.... Я имѣю надъ вами это преимущество и объявляю вамъ его....

— Благодарю васъ, и тоже объявляю, что вы немного выиграете отъ такого преимущества.... оно вамъ ни къ чему не послужитъ.... потому что мнѣ рѣшительно нечего скрывать.

Эта смѣсь кротости и чистосердечія, грусти и твердости, поразила и привела въ умиленіе Кларека; но онъ, боясь поддаться въ обманъ, боясь вѣрить наружности, сталъ бороться съ этимъ впечатлѣніемъ, потому что хотѣлъ обсудить хладнокровно, вѣрно нравственность человѣка, котораго полюбила дочь его.

— Я не проинцателенъ.... продолжалъ Онезимъ; но вопросы ваши, выраженіе въ голосѣ... нѣкоторыя слова.... и все наконецъ заставляетъ меня думать, что вы имѣете что-то противъ меня.... хотя къ несчастью.... не знаю, что именно.

— Вы влюблены въ дочь мою, сказалъ Кларекъ, стараясь проникнуть въ самую глубь сердца молодаго человѣка.

Онезимъ сперва поблѣднѣлъ, а потомъ покраснѣлъ, вздрогнулъ и чуть было не упалъ въ обморокъ. Къ счастью еще, что онъ стоялъ подлѣ кресель.... онъ сѣлъ въ нихъ, закрылъ лицо руками и ни одинъ звукъ не могъ вырваться изъ стѣсненной груди его.

Въ эту минуту упалъ платокъ, которымъ была обвязана Онезимова рука... и Кларекъ увидалъ тогда страшную обжогу, о которой говорила ему Сабина. Хотя Ивоу уже свылся съ такими ранами и видѣлъ на вѣку своемъ самыя ужасныя раны, однако не могъ, не смотря на жаркій разговоръ свой съ Онезимомъ, не вздрогнуть и не подумать:

— Несчастный!.... какъ онъ долженъ страдать!.... Чтобъ выносить такую боль, надо имѣть много присутствія духа.... а та-

ная доброта доказываетъ благородное сердце.... ктому жъ я за-
мѣчаю въ немъ кротость, достоинство и твердость характера....
а это можетъ уже быть порукою счастья моей дочери.

Видя отчаянне Онезима, который сдѣлалъ въ молчаніи, закрывъ
лицо руками, Ивоня продолжалъ:

— Какъ долженъ я понимать ваше молчаніе?.... вы не отвѣ-
чаете....

— Чтò жъ могу я вамъ отвѣчать?

— Такъ вы признаетесь?

— Да, признаюсь.

— И дочери моей.... извѣстна эта любовь?

— Сохрани Боже!.... я бы скорѣе рѣшился умереть.... чѣмъ
осмѣлиться говорить ей о моихъ чувствахъ.... Я всегда затаи-
валъ ихъ отъ нея.... и хоровилъ въ самой глубинѣ моего серд-
ца.... и потому.... не понимаю.... какъ вы могли угадать тайну....
тайну, которую я старался скрыть отъ самаго себя....

— Чтò жъ могло зажечь эту любовь?....

— Во первыхъ благодарность....

— Какъ же не старались вы тогда потушить это чувство....
которое кромѣ несчастья ничего не могло принести вамъ?

— Думая, что чувство это.... никому неизвѣстно.... я съ на-
слаждениемъ предавался ему.... До сихъ поръ.... я зналъ только
одно несчастье.... а любовь эта была первымъ блаженствомъ
моей жизни.... и будетъ послѣднимъ утѣшеніемъ въ горькой на-
значенной мнѣ судьбѣ....

— Вы знали, что рано или поздно, вамъ надо будетъ раз-
статься съ моею дочерью.... какъ же вы объ этомъ не подумали?

— Я ни объ чемъ не думалъ.... а только любилъ... для одного
счастья любить.... я любилъ безнадежно.... но за то и безбояз-
ненно.... безукоризненно....

— Но боязнь.... что я узнаю когда-нибудь объ этой страсти....
не удерживала васъ?

— Повторяю вамъ.... что я не разсуждалъ.... я любилъ.... и
больше ни о чемъ не думалъ какъ бы только любить мнѣ.... Ахъ
Боже мой!.... если кто подобно мнѣ какою-нибудь немощью почти
совершенно отчужденъ отъ вѣдшихъ предметовъ.... тогда такъ
легко погружаться.... всѣмъ существомъ своимъ въ одинокое на-
слаждение единственнаго и глубокаго чувства!

— Но если зрѣніе ваше такъ слабо.... слѣдовательно вы не
могли рассмотреть лица моей дочери?....

Съ тѣхъ-поръ какѣ я живу въ этомъ домѣ.... только сегодня.... въ первый разъ я могъ лѣственно разглядѣть черты мадемуазель Сабинны....

— Отчего жъ сегодня?

— Оттого, что ей угодно было помочь теткѣ моей перевязать мнѣ руку.... по этому случаю.... она подошла ко мнѣ ближе обыкновеннаго.... такъ что я могъ лѣственно рассмотреть ее....

— Но если вы не видали ее.... что жъ вамъ тогда въ ней нравилось?.... за что вы любили ее?....

— Что мнѣ въ ней нравилось?.... вскричалъ Онезимъ, да все!.... ее благородное сердце, великодушіе, умъ, милый характеръ.... за что я любилъ ее?.... ахъ Боже мой!.... да за ее присутствіе.... за голосъ.... за голосъ такой трогательный.... когда она обращалась ко мнѣ съ участіемъ или утѣшеніемъ....

— Такъ вамъ никогда не приходила мысль.... что вы можете жениться на моей дочери?

— Нѣтъ!.... Я слишкомъ люблю ее для этого....

— Что это значить?

— Да развѣ вы забываете, что я почти слѣпъ.... что немощна дѣлаетъ меня жалкимъ, смѣшнымъ.... и что судьба предназначила меня нищетѣ и унижительной праздности?.... Неужели вы думаете.... что я.... который могу быть только въ тягость тѣмъ, кто принимаетъ во мнѣ участие.... я бы осмѣлился.... нѣтъ, нѣтъ, это невозможно.... Клянусь вамъ.... что я любилъ.... и люблю мадемуазель Сабину какъ любятъ все высокое и прекрасное, не имѣя другой надежды.... какъ только небесную радость.... глядѣть на нее и слышать ее. Вотъ что я чувствовалъ.... и что до-сихъ-поръ чувствую.... Если откровенность моя тронула васъ.... то общайтесь со мной.... что выходя изъ этого дому.... я унесу ваше уваженіе....

— Вы заслужили и имѣете полное право на мое уваженіе, отвѣчалъ разстроганный до слезъ Кларекъ. Послѣ такого удостовѣренія вы позвольте мнѣ спросить, чтѣ.... выходя отъ сюда.... думаете вы дѣлать?....

— Постараюсь найти такое же мѣсто, какое занималъ въ Лиллѣ, чтобъ только имѣть возможность къ существованью.... вотъ все чего я желаю....

— Но развѣ вы не бонтесь.... что по тѣмъ же причинамъ, по которымъ вы потеряли прежнее мѣсто.... можете лишиться и этого?....

— Ахъ, Боже мой!.... если бъ я думалъ о всѣхъ ожидающихъ

еще меня обдѣстѣихъ... те совершенно уналь бы духомъ... что жъ сталося бы тогда со мною?... отвѣчалъ уныло Онезимъ.

— Вы можете быть увѣрены, что я не для того сдѣлалъ вамъ это возраженіе, чтобъ обезкуражить или огорчить васъ... а напротивъ.... желаю и надѣюсь найти средство помочь вамъ выйти изъ такого тягостнаго положенія.... горечь котораго я вполне понимаю....

— Какъ вы добры?... чѣмъ могъ я заслужить?...

Разговоръ Кларека и Онезима былъ прерванъ сильными ударами въ дверь, за которою послышался голосъ Сусанны.

— Отворите!... отворите.... кричала она.

Кларекъ успѣшилъ отворить.

Увидавъ блѣдность и трепетъ Сусанны, онъ сначала подумалъ, что дѣло идетъ о Сабинѣ и вскричалъ съ ужасомъ:

— Что тамъ такое?... Дочь моя?...

— Успокойтесь.... барышня спитъ.

— Такъ что жъ такое случилось?

— Прежде чѣмъ беспокоить васъ.... я начала стучать къ Лёгугону, но онъ такъ крѣпко спитъ, что невозможно разбудить его.

— Да что такое случилось?

— Тереза по обыкновенію своему пошла запирать ставни.... и только-что разтворила одно окно....

— Ну!...

— Извините.... я такъ взволнована....

Сусанна говорила правду, потому что къ испугу ея присоединилось еще безпокойство на счетъ разговора Кларека съ Онезимомъ, и такъ она продолжала:

— Тереза разтворила одно изъ оконъ въ столовой, какъ вдругъ увидѣла.... при лунномъ свѣтѣ.... какъ изъ за забора терассы.... откуда видно море.... выставились двѣ человѣческія головы.

— Что за вздоръ!... отвѣчалъ Кларекъ пожимая плечами, я увѣренъ, что трусиха Тереза испугалась собственной своей тѣни....

— Увѣряю васъ сударь.... что Тереза очень явственно видѣла, какъ они лѣзли на стѣну и вѣрно хотѣли войти въ садъ, но услышавъ стукъ окна, исчезли.

— Хотя все это.... я увѣренъ, сущій вздоръ, однако сдѣлай мнѣость, не говори объ этомъ Сабинѣ.... Бѣдняжка будетъ болѣть.... беспокоиться.... и понапрасну....

Потомъ обращаясь къ племяннику Сусанны, прибавилъ ласково:

— И вы тоже, Онезимъ, поберегите дочь мою....

Голосъ Ивона выражалъ такую благосклонность, что Онезинъ црюкнулъ отъ радости и удивленья...

Если Кларекъ, зная взаимную любовь дочери своей и Онезина, просилъ его беречь Сабину, следовательно онъ допускалъ, что молодые люди могутъ еще видѣться и говорить другъ съ другомъ?

Сусанна не менѣе радовалась и удивлялась не менѣе своего земляника и рассуждала о томъ же самомъ, какъ вдругъ Кларекъ сказалъ:

— Погода чудесная.... луна такъ и сіяетъ.... я пойду въ садъ и посмотрю что тамъ такое...

— Вы хотите идти въ садъ? воскричала Сусанна съ ужасомъ.... можетъ-быть васъ ожидаетъ тамъ какая-нибудь опасность?

— Ты бредишь, милая Сусанна, какая можетъ ожидать меня опасность, отвѣчалъ Кларекъ идя къ дверямъ; ты нисколько не храбрие Терезы, такая же трусиха.

— Такъ позвольте жъ мнѣ.... умоляю васъ сударь, идти разбудить Легуфена; я стану такъ сильно стучать, что на этотъ разъ онъ принужденъ будетъ проснуться...

— Тоже очень хорошее средство, чтобъ разбудить дочь мою... такая бѣготня и въ такой поздній часъ ночи можетъ испугать ее...

— Это правда, однако вамъ нельзя идти совершенно одному...

— Что дѣлаете вы, Онезинъ?... вскричалъ Кларекъ, видя что молодой человекъ пробирался тоже къ дверямъ... куда это вы идете.

— Если вы позволите, то я пойду съ вами.

— За чѣмъ?

— Тѣтушка говоритъ о какой-то опасности...

— Да чѣмъ же можете вы помочь мнѣ, добрый и достойный мой другъ, сказалъ Ивонъ съ добродушною улыбкою, потому что такая жертва со стороны Онезина тронула его до глубины сердца.

— Это правда, я и забылъ, что я не къ чему не годенъ, отвѣчалъ блѣдный юноша со скромною и покорностию. Но если тамъ ко есть какая-нибудь опасность.... то я хочу разделить ее съ вами... и если не хорошо вѣшу.... за то.... какъ будто въ запискѣ того я очень далеко слышу.... можетъ-быть я и узнаю, какое направленіе взяли эти люди, если остались въ здѣшней окрестности.

Онезинъ такъ протосердечно сдѣлалъ это предположеніе, что Кларекъ, посмотрѣвъ на него съ участіемъ и состраданіемъ, сказалъ разстроганнымъ голосомъ:

— Благодарю васъ, за милое ваше предложеніе.... которое я принялъ бы съ радостью, если бъ вамъ самимъ не надо было отдохнуть.... успокоиться.... и перевязать руку.... И такъ, Сусанна, не занимайся мною.... а займися лучше своимъ племянникомъ.

Сказавъ это, Кларекъ отворилъ двери и сошелъ въ садъ.

Луна освѣщала тогда спящія волны и террасу, выходящую на море, которое видѣлось въ-дали сквозь разщелины огромной скалы.

Кларекъ почти убѣжденный, что служанка ошиблась.... хотѣлъ однако удостовѣриться собственными глазами.... и подошелъ къ периламъ террасы, подъ которой находился ровъ въ двадцать футовъ ширины и двѣнадцать глубины. Ровъ этотъ, обсаженный сницами, начинался тамъ, гдѣ кончалась стѣна, и окружалъ садъ съ той стороны, гдѣ возвышалась скала.

Ивошъ нагнулся черезъ балюстраду и поглядѣвъ на дно этого глубокаго рва, старался разглядѣть при лунномъ свѣтѣ—не снята ли тамъ трава.... нѣтъ ли свѣжихъ шаговъ, доказывающихъ человеческое присутствие: но рѣшительно ничего не увидѣлъ.

Онъ сталъ прислушиваться.... но кромѣ глухаго говора огромныхъ валовъ океана.... тяжело плещущихъ на гранитныя скалы, ничего не было слышно.... все спало.... покоилось въ природѣ.

Кларекъ хотѣлъ ужъ было уйти съ террасы, какъ вдругъ изъ за деревьевъ вылетѣла одна изъ тѣхъ ракетъ, которыя у моряковъ служатъ ночными сигналами.

Ракета взвилась.... и обрисовала свѣтлое полукружіе... Огненная струя задрожала на темноглубомъ грунтѣ неба.... потомъ все погасло....

Сначала это удивило Кларека; онъ вернулся назадъ и посмотрѣлъ на море.... чтобъ разглядѣть не плыветъ ли какой нибудь корабль.... потому что хотѣлъ отвѣчать на сигналъ посланный какъ видно было съ приморья.... но кромѣ безграничнаго моря, темнолазуроваго пелена котораго отражала въ огненно-трепещущихъ струяхъ своихъ свѣтлое сіяніе луны.... онъ ничего не видѣлъ, хотя напрягалъ взоръ свой такъ далеко, какъ только могли выносить глаза его.

Виродолженіе нѣсколькихъ минутъ онъ старался объяснить себѣ это странное обстоятельство, и начиная уже думать, что это какой-нибудь условный знакъ контрабандистовъ, которые переговаривались съ одной скалы на другую, Кларекъ вернулся домой.

Въ другихъ обстоятельствахъ тревога эта заставила бъ мо-

летъ-быть призадуматься нашего корсара, особенно теперь... когда онъ чуть было не сдѣлался жертвою жестокаго обмана... но въ эту минуту тревога эта была забыта для болѣе важныхъ размышленій, которыя должны были слѣдовать за разговоромъ его съ Онезимиомъ.

Кларекъ почти всю ночь продумалъ объ Онезимиѣ и о томъ, что говорилъ съ нимъ.

Вставъ утромъ, онъ тотчасъ же отправился къ дочери, которую засталъ веселою, улюбающеюся.

Увидѣвъ отца, она бросилась съ восторгомъ къ нему на шею.

— Ну какъ ты провела ночь, дитя мое? спросилъ Кларекъ.

— Чудо какъ!... мой ангелъ папаша.... мнѣ снились самые радужные, самые золотые сны; потому что.... вы даже и во снѣ приносите мнѣ счастье.

— Такъ расскажи жъ мнѣ ихъ.... душа моя.... сущность-ли.... сонъ.... я хочу все знать что касается до твоего счастья.... что можетъ тебя радовать.... сказалъ Кларекъ стараясь добиться до разговора, котораго желалъ имѣть съ дочерью на счетъ Онезимиа. Ну, рассказывай.... не правда-ли, я услышу теперь о какихъ нибудь чудныхъ воздушныхъ замкахъ?... Какіе нибудь волшебные сны.... достойные *Тысячи одной ночи*?...

— О!... я не такъ честолюбива; желанія мои очень скромны... даже и во снѣ....

— Ну рассказывай... мнѣ очень хочется знать твой сонъ....

— Въ немъ нѣтъ ничего особеннаго.... Я видѣла, что живу съ вами....

— Для такого сна не стоило и засыпать.... душа моя....

— Съ вами.... продолжала Сабина, и нашей доброй Сусанной....

— Кого жъ еще ты видѣла?

— Легусень тоже жилъ съ нами...

— И ты ничего болѣе не видела?... сказалъ Кларекъ, замѣтивъ, что легкій румянецъ покрылъ милое лицо его дочери.... для этого право не стоило засыпать....

— Нѣтъ.... я забыла....

— Забыла?... Кого же?... вѣрно добрую нашу Терезу?

— Нѣтъ, папа.... я не думаю о Терезѣ?

— Такъ кто жъ эта забытая особа?...

— Мосье Онезимиѣ.

— Какъ!... мосье Онезимиѣ?... Я не понимаю....

— Ахъ, Боже мой!... вы просили меня рассказать сонъ.... ну я и рассказываю....

— Разумѣется.... но съ какой же стати Онезиму жить съ нами?

— Какъ съ какой стати? онъ былъ жевать на нѣтъ....

Сабина сказала это такъ протодушно.... и съ такимъ веселымъ видомъ, что Кларекъ не могъ сомнѣваться въ истинѣ ея разсказа, и спрашивалъ самъ себя долженъ ли онъ огорчаться или радоваться этому странному сну; и потому продолжалъ съ нѣкоторою болзвнью.

— А!... такъ ты была за Онезимова?

— Да, ангелъ мой.

— И я.... согласился на вашъ бракъ?

— Разумѣется.... если мы были ужъ обвѣчаны.... Но сонъ мой.... начинался.... нѣсколько времени спустя послѣ нашего брака.... Мы всѣ трое.... сидѣли въ верхней маленькой гостиной, на большомъ диванѣ.... вы сидѣли между мной и.... Онезимова.... Сусанна вьзала у окна.... а Легушонъ стоя на козлѣнахъ передъ каминомъ раздувалъ огонь.... между-тѣмъ какъ Сусанна по своему обыкновенію насмѣхалась надъ бѣднымъ молодымъ человѣкомъ.... вы же.... папаша молчали.... вдругъ.... взявъ Онезиновы руки и мои вы сказали съ умилениемъ:

— Знаете-ли о чемъ я думалъ, дѣти?

— Нѣтъ, не знаемъ, папаша, отвѣчали мы съ Онезимова, — разумѣется, онъ тоже называлъ васъ своимъ отцомъ.

— Я думалъ, продолжали вы, что на землѣ нѣтъ счастливѣе меня человѣка: нѣтъ подлѣ себя двоихъ дѣтей, которые обожаютъ другъ-друга, и двухъ старинныхъ слугъ.... или скорѣе друзей.... и проводить между ними счастливую и спокойную жизнь: за это надо вѣчно благодарить Бога.... дѣти мои....

Говоря это, глаза ваши наполнились слезами.... Тогда Онезимъ и я схватили васъ въ своихъ объятіяхъ.... и сказали:

— Да!... Господь любитъ насъ!... Боже!... благодарить Тебѣ!...

Одно и тоже же чувство заговорило во всѣхъ насъ.... мы встали.... и всѣ трое бросились въ объятія другъ къ другу.... потомъ я проснулась.... и продолжала плакать отъ счастья....

Кларекъ, слушая протосердечный этотъ разговоръ, не могъ удержаться отъ слезъ.... потомъ несмотрѣвъ съ умилениемъ на Сабину, сказалъ:

— Какъ въ сущности, такъ и во снѣ, ты есть и всегда будешь самою доброю, самою нѣжливѣею дочерью ... Но, во снѣ твоимъ.... есть что-то, что до крайности удивляетъ меня....

— Что жъ это такое?

— Ты позволяешь?

— Еще бы!... Что жь удивляетъ васъ, мой ангелъ?...

— Твой бракъ съ Онезиномъ.

— Право?

— Да.

— Странно.... а мнѣ это казалось такъ естественно.... что я даже не удивлялся.

— Во-первыхъ.... душа моя, у Онезима нѣтъ никакого состоянія....

— Но вы мнѣ сами нѣсколько разъ говорили.... что я буду очень богата....

— Безъ сомнѣнiя, что будешь....

— Такъ вы теперь видите.... что въ сновидѣнiи моемъ.... Онезимъ можетъ обойтись и безъ денегъ....

— Да.... во снѣ каждый можетъ обойтись безъ денегъ... тутъ равенства не надо.

— Да развѣ оно необходимо въ настоящихъ бракахъ?...

— Нѣтъ.... но необходимо.... но надо.... чтобъ бракъ былъ по-крайней-мѣрѣ приличенъ.... Ну, что жь далѣе....

— Еще?

— Охъ... и еще не кончилъ.... но вѣдь ты позволила....

— Хорошо... спрашивайте.... ангелъ мой.

— У Онезима нѣтъ ни состоянiя, ни должности.... следовательно, нѣтъ никакого положенiя въ свѣтѣ....

— Блудливкой.... тѣмъ-то болѣе онъ и жалокъ.... Кто можетъ обвинить его за правдоту.... если онъ принужденъ къ этой правдотѣ?... Вѣдь у него на это есть все.... и желанiе и беднота души, и способности, и образованiе.... однимъ словомъ все!... такъ виноватъ ли онъ, что близорукость его препятствуетъ ему во всякъ его предпрiятiяхъ....

— Ты совершенно права, ангелъ мой, что близорукость его есть непреодолимое препятствiе ко всему,... что бы онъ ни предпринималъ.... она помѣшаетъ его карьерѣ.... помѣшаетъ составить себѣ какое-нибудь положенiе въ свѣтѣ.... и даже жениться.... развѣ только во снѣ....

— Теперь я не понимаю васъ.

— Право?

— Увѣрю васъ.

— Какъ! душа моя.... ты не понимаешь какъ глупо.... какъ глупо выходить за полусвѣтаго.... который не видитъ, что дѣлается съ нимъ въ двухъ мигахъ.... который вѣчно будетъ такъ

сказать ребенку въ онекъ? Ты не понимаешь, что такія образомъ роли переменяются.... и вмѣсто того чтобъ быть покровителемъ жены своей.... какъ всякой честный человекъ это дѣлаетъ.... Онекии должны быть искать покровительства женой своей.... если только найдется такая смѣлая женщина, которая рѣшится на такое безуміе?

— Нѣтъ ничего естественнаго.... какъ защищать того кого не бьешь.... Кто изъ двохъ сильнѣе, тотъ и долженъ защищать другаго.... Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго.

— Разумѣется, но это обязанность мужчины.... а не женщины....

— Да.... когда женщина можетъ выолнить эту обязанность но когда не можетъ.... то это дѣло женщины....

— Повторяю.... если она такъ безумна.... что рѣшается на такую грустную жизнь.

— Безумна!...

— Да.... больше еще чѣмъ безумна.... Ну, не смотри на меня... такими злыми глазами....

— Выслушайте меня....

— Изволь, душа моя.

— Вы воспитывали меня съ необыкновенною нѣжностью, предупреждали всѣ мои желанія, окружали всѣми] возможными благами, наконецъ.... тоже для меня.... жертвовали собою, совершили скукъ этихъ далекихъ торговыхъ путешествій, отъ которыхъ я такъ страдала.... однимъ словомъ вы дѣлали для меня все что состоитъ только въ человѣческихъ силахъ.... неправда-ли?

— Исключая, что это моя обязанность, долгъ, но въ этомъ заключается тоже все мое счастье.

— Такъ вы говорите, что это вашъ долгъ, обязанность?...

— Самая первая, священнѣйшая изъ всѣхъ моихъ обязанностей.

— Любить, защищать меня.... быть моимъ другомъ?... путешественникомъ?... опоромъ?...

— Иначе я не смѣлъ бы назваться твоимъ отцемъ.

— Вотъ истинно до чего мнѣ и хотѣлось добиться, сказать Сабина съ торжествующимъ простодушіемъ; следовательно отецъ долженъ любить и охранять своего ребенка?

— Разумѣется.

— Теперь, положимъ, что во время дороги вы были такъ несчастливы или такъ человекъ какъ этотъ бѣдный Лестюэль...

и что вследствие какого-нибудь ушибу вы потеряли... чего не дай Боже... вы потеряли зрѣніе... Можно-ли было назвать меня сумасшедшей, если бы я стала употреблять тогда все способности ума моего и сердца, чтобъ отплатить вамъ тѣмъ же, что вы для меня дѣлали и въ свою очередь сдѣлаться вашимъ пугаломъ, скорою, покровительницей? Мы поимѣялись бы ролими, какъ вы говорите.... а между-тѣмъ, какая бы дочь не почла себя счастливою, если бы могла сдѣлать для отца своего то же, что и бы для васъ сдѣлала?... Такъ если дочь имѣетъ право доказывать преданность свою отцу... зачѣмъ же отъ меня отнимать это право?... А!... видите ли!... я была увѣрена, что вамъ нечего будетъ на это отвѣчать.

— Во первыхъ, я не отвѣчаю тебѣ, милое и нѣжное дитя мое... потому что слова твои приводятъ меня въ умленіе, разливаетъ въ сердца моемъ невыразимое блаженство и доказываютъ мнѣ рѣдкую доброду твоего сердца... только не смѣши ташь... погоди еще терпѣть...

— Хорошо... посмотримъ.

— Ты сама почувствуешь ... что сравненіе твое не справедливо... не смотря что разстрогало меня до слезъ... Я допускаю, что если дочь, вследствие несчастій дѣлается опорой... покровительницей отца... жертвуетъ для него собою... это благородно, прекрасно... но она не исполняетъ свою обязанность... она не выбираетъ отца... между-тѣмъ какъ жена выбираетъ мужа... слѣдовательно... еще разъ повторю... что только одна сумасшедшая женщина, — не дѣлай мнѣ сланикомъ злыхъ глазъ, — станетъ выбирать именно такого мужа... которому...

— Которому необходима нѣжная заботливость... вскричала Сабина перебивая отца. Выбрать добраго и несчастнаго человѣка... значить быть сумасшедшей? Повторите это еще разъ... тогда я повѣрю вамъ добрый, милый мой другъ. Да, вы... такъ великодушно-преданные своему ребенку, вы, столь сострадательные къ его слабостямъ... вы... принесіе для него столько жертвъ... скажите... повторите... что безумно полагать свое счастье... посвящать жизнь свою бѣдному, гонимому судьбою существу; повторите, что безумно протягивать къ нему руку помощи... потому только что несчастья этого страдальца должны отдалять отъ него всѣхъ добрыхъ людей... Повторите мнѣ это... и я вамъ повѣрю...

— Нѣтъ, я не скажу этого... мой добрый и великодушный ангелъ, вскричалъ Кларенъ, уличенный благороднымъ одушевлен-

нием Сабиты; вѣтъ, я не сомнѣваюсь въ небесномъ наслажденіи, которое мы находимъ въ преданности... особенно когда преданность эта относится къ любимому существу, вѣтъ, я не сомнѣваюсь въ влеченіи возвышенныхъ душъ ко всему, что страждетъ, борется и покоряется.

— Теперь вы сами видите, что сонъ мой вовсе не такъ страшенъ, какъ это сначала вамъ показалось, отвѣчала улыбаясь Сабита, кажется... у меня на все есть отвѣтъ... я не хожу за словами въ карманъ.

— Что про тебя и говорить... ты страшная поборница... и вѣ сознался совершенно побѣжденнымъ... или скорее убѣжденнымъ, еслибъ ты могла также храбро отвѣчать на мое поблѣднее возраженіе... Я берегу его... какъ самое сильное... про запасъ...

— Посмотримъ, что такое?...

— Впнешь-ли что?... вѣдь ты прехрабрый, претывающая особа?

— Хорошо... смѣйтесь, смѣйтесь... я жду васъ... и не робю...

— Скажи, сдѣлай милость... Когда преданность къ кому... доходить до такого самозабвенія... значить, что очень любить того... человека?

— Какъ же иначе?

— И надо предполагать, что предметъ этой преданности тоже страстно любить это преданное ему существо...

— Безъ сомнѣнія.

— Что онъ любить его... в душею и тѣломъ... что присутствіе той... которая съ такимъ самоотверженіемъ посвятила жизнь ему... чаруетъ... восхищаетъ его... что для него уже наслажденіе... видѣть или слышать ее... потому что намъ такъ же сладостно глядѣть на милое личико возлюбленной супруги... какъ видѣть ея достоинства и добродѣтели. А въ твоимъ сонномъ... бракѣ... мнѣ всего страннѣе кажется...

— Зачѣмъ вы останавливаетесь, ангелъ мой?... продолжайте...

— Чтобъ лучше передать мысль мою, а расскажу тебѣ одну сказку. Вчера вечеромъ... по твоей просьбѣ, я видѣла... въ сонномъ... и...

— Не правда ли... что она съ перваго взгляду внушаетъ участіе... что невозможно...

— Согласенъ... но дай мнѣ договорить... Разумѣется... чтобъ судить объ его умѣ, в чувствахъ... а начать говорить съ...

— Привыкните, что нѣтъ благородствъ, умире молодого чело-
вѣка... какой характеръ!...

— Да дай же нѣтъ кончить!... экая неугомонная болтушка!...
Одинъ словомъ, я остался доволенъ Опезимомъ; только...

— Я была удивлена, что онъ вамъ понравится.... вѣдь я гово-
рила...

— Сибина!... да ты не даешь мнѣ говорить?...

— Простите, ангелъ мой!... я молчу и слушаю...

— Мы долго съ нимъ разговаривали, и... не знаю, право какъ
то пришлое изъ разговору... только разсуждая объ его близо-
ручости, я спросила его... можетъ-ли онъ видѣть явственно на
такомъ разстояннн... Онъ отвѣчалъ, что не можетъ... и что на-
прямъ... съ тѣхъ-поръ какъ онъ живетъ у насъ... онъ видѣлъ
тебя явственно... хорошо... только одинъ разъ... и это было
вчера... когда ты помогала Сусаннѣ перевязывать ему руку...

— Это правда... Бѣдняжка... вчера... ему не мудро было
идти меня... потому что я стояла очень близко...

— Такъ-тоже говорить правду... для меня всего непонятнѣе
въ жизни сонномъ бракѣ... это мужъ... который никогда не
идетъ жены!...

— Никогда?... вѣдь онъ еще не совсѣмъ ослѣпъ!...

— Согласенъ... но все-таки наконецъ... онъ проведетъ цѣлую
жизнь съ женою... и почти никогда не будетъ ее видѣть... раз-
нѣ только... случайно...

— А знаете-ли что?... если бъ мнѣ не было такъ жаль... его...
если бъ я знала, что онъ не слишкомъ страдаетъ... то это вос-
хищало бы меня... я находила бъ, что это чудо какъ преле-
стно...

— Нѣтъ, это уже слишкомъ!... не знаю, что находишь ты
тутъ прелестнаго?...

— Хотите, докажу?...

— Неволь... попробуй.

— Не помню... гдѣ я это читала, что нѣтъ больше святотат-
ства какъ оставлять на виду... портреты любимыхъ сердцу лю-
дей... потому что глаза... дотога привыкаютъ къ изображеннн...
что оно... вмѣсто-того чтобъ оставаться вѣчно новымъ и жи-
вымъ... начинаетъ ослабѣвать... и, наконецъ, исчезаетъ изъ па-
мяти...

— Отчасти... это правда... но я не понимаю, какую можешь
ты вымочь изъ этого пользу...

— Погодите... я полагаю, что портреты эти надо запрать!...

и опереть тогда только, когда съ чувствомъ расположить видѣть на милый образъ.... того кого любишь.... тогда произведенное на васъ впечатлѣнiе становится тѣмъ сильнѣе... что вы долго были лишены этого блаженства.... не правда ли, мамаша?

— Вы прекрасно рассуждаете, сударыня.... Чтѣ жъ потомъ?...

— Если бъ я была въ положенiи Онегина.... и любя васъ такъ какъ теперь люблю.... я бы утѣшала себя мыслью.... что всякій разъ какъ я поцѣлую васъ.... благородное и милое лицо ваше сообѣтитъ сердце мое какъ чудное видѣнiе.... на нѣсколько часовъ.... потомъ черты его снова закроются для глазъ моихъ.... но я буду знать по-крайней-мѣрѣ, что вотъ тутъ подлѣ меня.... и...

— Замолчи.... коварная.... а не то мнѣ не равно захочется.... чтобъ ты едѣлалась близорукою.

— О!.... я была убѣждена, что разувѣрю васъ....

— Погоди немножко.... вѣдь я еще не сдаюсь.

— Какой вы опасный противникъ.... мамаша....

— Я допускаю.... что близорукiй нашъ... тотъ самый, что приснился тебѣ сегодня... можетъ утѣшать себя такими выводами я даже находить вѣкоторую.... вѣчно новую прелесть въ этихъ явленiяхъ любимаго предмета.... и допускаю тоже, что и портретъ и оригиналъ чудо какъ хороши.... и что взоръ его вмѣсто-того чтобъ притупиться.... слишкомъ можетъ быть привыкнуть къ восторженному состоянiю.

— Вотъ именно, что я думала.

— И вотъ именно гдѣ я подстерегъ тебя и гдѣ останавливаю, госпожа спорщица!....

— Посмотримъ....

— Если ты рассуждаешь такимъ-образомъ, что участь этого близорукаго совсѣмъ не такъ жалка.... чтѣ жъ останется тогда другому, то есть, *исновидящему*, или скорѣе *исновидящей*.... развѣ только закрыть глаза, чтобъ въ свою очередь наслаждаться видѣнiями.... и не слишкомъ привыкнуть къ безпрестаннымъ восторгамъ!

— Какъ! такъ вы серiозно дѣлаете мнѣ это возраженiе!

— Еще бы!....

— Нѣтъ, я не соглашаюсь съ вами....

— Право?

— Да, разувѣтся.... потому что если я и поставила себя на мѣсто Онегина.... изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобъ я должна была отказаться отъ своихъ глазъ.... и нисколько не боюсь, что

когда мой притупителъ смотря на мужа; запретить.... я уви-
рива, что всегда съ наслажденьемъ буду глядѣть на него.... до-
казательствомъ тому служить радость.... которую я чувствую....
когда смотрю на васъ, мой добрый пана.... и,—хотя въ предви-
дѣнн мнѣхъ идеи настотъ *рыдкихъ леленій* вы часто скрыва-
лись отъ глазъ мнѣхъ — но все-равно.... если бъ я даже сто-
лѣтъ сряду не сводила съ васъ глазъ, то и тогда не насыти-
лась бы еще.... нѣтъ все бы еще хотѣлось вливаться въ васъ
глазами и читать на благородныхъ чертахъ вашихъ.... всю вашу
по мнѣ нѣжность.... которой я право не стою....

Сказавъ это, Сабина нѣжно обняла Ивона.

— Милое.... доброе дитя, сказалъ Кларекъ, отвѣчая на ласки
дочери, ты владишь логикой любви и разсудкомъ сердца... Какъ
же ты хочешь, чтобъ послѣ этого я могъ бороться съ тобою?...
Нечего дѣлать, я сознаюсь совершенно побѣжденнымъ.... и со-
глашаюсь, что сонъ твой совсѣмъ не такъ страненъ какъ казал-
ся сначала.... и что наконецъ.... можно выйти за близорукаго, ес-
ли онъ благородный, честный человѣкъ.... исполненъ преданно-
сти, бодрости.... и если его любить какая-нибудь *ясновидящая*.

— Ахъ! милый.... добрый другъ!.... вскричала Сабина сжимая
съ восторгомъ руки Кларека.

— Только.... несмотря на поэтическую точку зрѣнiя.... съ ко-
торой ты смотришь на недостатокъ Онезима.... мнѣ бы лучше
хотѣлось, чтобъ онъ.... Но впрочемъ.... ахъ, да!.... я вспомнилъ....

— Чтѣ такое?

— Во время коммерческихъ мнѣхъ путешествiй.... я познако-
нился съ однимъ молодымъ, очень искуснымъ хирургомъ (у ко-
торого, будь въ скобкахъ сказано, былъ только одинъ недоста-
токъ.... это ужасная жадность); онъ переселился въ Парижъ, гдѣ
слава его съ каждымъ днемъ возрастала все болѣе и болѣе, и
теперь онъ находится въ числѣ первѣйшихъ знаменитостей уче-
наго мiра.... Можетъ-быть онъ и найдетъ средство вылечить на-
шего бѣднаго Онезима....

— Боже мой!.... Можетъ-ли это быть?!.... вскричала восхищен-
ная Сабина. Неужели есть еще надежда?....

— Не знаю, ангелъ мой, но я слыхалъ о многихъ чудесахъ
доктора Гастерина.... сегодня же я напишу ему.... мы были съ
нимъ довольно дружны.... слѣдовательно, я могу просить его
навѣстить Онезима.... и онъ вѣрно прiдетъ.... если ему можно
только будетъ оставить на сутки свою многочисленную прак-
тику....

— Ахъ, какъ вы добры!... ангелъ [мой!... Сколько надеждъ теперь... на счастье!... потому что участіе... которое вы приносите въ Онезиму... хорошее мѣсто, которое о немъ никто...

— Ну, кончай...

— Хотите выгнать его.... потому что можетъ-быть вамъ не пріятно имѣть близорукаго зятя.... сказала Сабина прасяма и потупивъ въ смущеніи свѣтлыя глаза свои.

— Какъ она спѣшитъ!... погоди, душа моя, я не дамъ еще своего согласія.... Ну, успокойся.... вѣдь я тоже и не отказываю въ немъ.... и чтобъ доказать тебѣ это.... я...

— Чтò такое, папà?

— Поцѣлуй меня еще разъ.... сказалъ Изонъ и пошелъ къ дверямъ, но вдругъ остановился и прибавилъ:

— Черезъ часъ... жди меня въ этой комнатѣ.

— Вы уходите?...

— Да.... для одного очень важнаго дѣла...

— И ничего больше не хотите мнѣ сказать?...

— Нѣтъ, ничего.... ни одного слова.... какъ видишь.... я пружасный человѣкъ.... Такъ до свиданья.... жди меня здѣсь.... и не выходи изъ терпѣнія.

Кларекъ, вышедъ отъ Сабинны, пошелъ къ Онезиму, а чтобъ имъ не помѣшали разговаривать, онъ просилъ молодаго человѣка итти погулять съ нимъ до завтрака.

Когда Кларекъ гулялъ, къ нему пріѣхалъ не прошенный и вовсе неожиданный гость.

Пока Кларекъ и Онезимъ гуляли, Легуѣнъ, стоя неподвижно на террасѣ, смотрѣлъ на морѣ въ большую зрительную трубку, обдѣланную въ зеленый сафьянъ; казалось, все вниманіе его было устремлено на предметъ, который, повидимому, въ высшей степени подстрекалъ любопытство его и удивленіе.

Предметъ этотъ былъ не чтò иное какъ бригъ, который видѣлся вдали сквозь широкія расщелины гранитныхъ скалъ; но такъ какъ бригъ этотъ лавировалъ, то съ минуты на минуту онъ могъ и долженъ былъ, продолжая свои маневры, исчезнуть изъ глазъ Легуѣна, который въ это время предавался слѣдующимъ размышленіямъ:

— Это невѣроятно!... ужъ не сонъ ли это?... или онъ самъ.... на яву?... Да это долженъ быть онъ!.... Вотъ его мачта.... еясти.... паруса.... вотъ наконецъ полетъ его.... а между-тѣмъ, не можетъ быть.... чтобъ это былъ онъ.... это не его корпусъ.... не его, однимъ словомъ.... фасонъ.... Съ своею открытою батареею

они стояли на задъ низко... какъ ниточка... между тѣмъ люди нителсы этого такъ высоки, что даже смѣшно гадать на нихъ; атому же, наконецъ тутъ штъ торговъ... нушкъ тоже не видать... и ни одна изъ нихъ не хочетъ выставить суда сво носа. Нѣтъ... штъ, это не онъ! Развѣ эта сбра пармаи хорскаго цѣту красна съ желтоватою полосою, — что нѣтъ кашеъ съ прескверныиъ, — неможъ сравниться съ черно-лоснящинеи цѣтотъ, съ арко-пурпуровою полосою, которая производила такой ошвышъ заеткъ... то былъ настояшій морской храбрый-лидиъ... а это чтô?... просто, дрянъ... Нѣтъ, это не онъ!... А между-тѣиъ эта огромная... несоразибрина матча, такъ чашеио закинувшая назадъ голову свою... и эти снасти, тонкѣ какъ паутина... дол казывають... что я не ошибаюсь... потому, что во всеиъ мѣрѣ... только одна *Адекал Головиа* можеть имѣть подобныя снасти... придающа ей быстроту птичьяго полета... Но что я за оеалъ!... у меня есть чудесное средство удостовѣриться *въ тождество*... *въ которомъ я хому утвердился*... такъ бы навѣрное сказаъ мосьё Ивоиъ... когда служилъ еще въ городскомъ совѣтѣ, шеголаъ въ судейской мантии и забавлялся швырляеиъ изъ окна президентовъ; это очень легко... но онъ поворачиваетъ къ берегу!... я сейчасъ узваю...

Но размышленя и наблюденыя Легуфена были прерваны такимъ фамильярнымъ толчкомъ въ руку, что онъ чуть было не выронилъ подозрвой трубы... Такая неумѣстная ласка раздосадовала прикащика; онъ обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ Сусанной, которая такъ тихо подошла, что Легуфенъ, погруженный въ свои наблюдения, не слышалъ даже ея приходу.

— Что сдѣлано; то сдѣлано; однако къ чему было мѣшать мнѣ, душа моя... сказаъ прикащикъ съ досадою, снова взявъ трубу и наставляя на потерянную точку зрѣния.

К несчастью было слишкомъ поздно, брига уже не было; онъ исчезъ; такимъ образомъ *удостовѣрение въ тождество*, которымъ Легуфенъ летелъ себя, сдѣлалось невозможнымъ.

— Убирайся къ чорту!... вскричалъ съ досадою Легуфенъ... очень нужно было приходить именно въ то время когда я...

-- Какъ!... ты посылаешь меня къ чорту!... грубиянъ этакой!... вскричала Сусанна, такъ этакъ-то ты со мною здороваешься!

— Такие старинные друзья какъ мы съ тобою, милая, могутъ говорить откровенно, это долгъ, обязанность наша, отвѣчалъ Легуфенъ, бросая на море послѣднй взоръ сожалѣния и складывая подозрвую трубу; нѣтъ было такъ весело... я смотрѣлъ какъ раз-

будузнать тамъ маленькія лодочки, это напомнило мнѣ мое дѣтство.... я замечтался.... а ты пришла.... и все изчезло.

— Ты правъ, Легусенъ, что мы должны говорить откровенно другъ съ другомъ.... и потому я скажу тебѣ.... что никто въ мірѣ не видитъ такихъ каменныхъ сновъ.... какъ твоя мечта.... точно глухой.... не добудинься....

— Да какъ же ты можешь знать, милая Сусанна? къ несомну и твоему несчастью ты не могла видѣть какъ я сплю.... отбѣчалъ каноноръ отважнымъ и самонадѣяннымъ видомъ, особенно же, какъ я.... не сплю!... душа моя.

— Ты ошибаешься, потому что вчера вечеромъ я стучалась къ тебѣ....

— Наконецъ-то!... вскричалъ Легусенъ, посмотрѣвъ торжественно, единственнымъ своимъ глазомъ на Сусанну, вѣдь я говорилъ тебѣ, что ты дойдешь до этого.... и предсказаніе мое сбылось!

— До чего дойду? спросила Сусанна, не желая понимать снѣдой мысля своего бывшего подчиненнаго, до чего жъ я дошла?...

— Да, до того.... что пришла одна.... на цыпочкахъ.... и безъ свѣчки въ мою коннатуку.... чтобъ нашептывать мнѣ ласковыя рѣчи....

— Дерзкій!... вскричала съ досадою Сусанна.

— Клявусь тебѣ, душа моя, что ни кому не скажу.... буду вѣтъ какъ рыба, и если бъ на меня не попалъ такой каменный сонъ.... то я бъ принялъ тебя.... да какъ бы еще принялъ!... какъ царьцу любви.... но когда ты придешь въ другой разъ, то общаю тебѣ....

— Я не обращаю никакого вниманья на твою глупость.... потому что считаю тебя полоумнымъ и вижу, что ты такъ же кривъ умомъ какъ и тѣломъ.... Но хотѣла только сказать.... что стучала къ тебѣ за тѣмъ, чтобъ просить твоей помощи и защиты!...

— Защиты! противъ кого?

— Но какъ ты такъ же трусливъ какъ заяцъ.... то притворился будто спишь.... и не хотѣлъ отвѣчать.... когда я звала тебя....

— Неужели.... тебѣ и въ самомъ-дѣлѣ была нужна моя защита?... Кромѣ шутокъ.... расскажи, что такое случилось....

— Впрочемъ.... продолжала Сусанна не отвѣчая Легусену, я не думаю, чтобъ помощь твоя была на чтонибудь годна.... Ахъ Боже мой!... если бъ весь домъ былъ въ огнѣ.... носъ Легусенъ и тогда бъ не захотѣлъ потревожиться.... къ чему?... ему такъ хорошо лежать въ постелѣ....

— Всѣхъ донъ и въ огнѣ? Еще разъ спрашиваю тебя, чтѣ все это значитъ?

— А то значитъ, что сегодняшнюю ночь къ намъ чуть было не переманилъ двое бродягъ....

— Что за вадоръ.... душа моя, ты бродилъ на яву.

— Повторяю что сегодня ночью.... два человѣка пробиралось сюда.... черезъ этотъ ровъ, у котораго мы стоимъ теперь!... Слышишь, Лёгуевиъ?

— Ихъ было двое?

— Да, двое.

— Они пытались пробраться сюда?

— Черезъ этотъ ровъ, говорю тебѣ....

— Теперь я знаю.... что это такое....

— Какъ знаешь?

— Это были двое изъ твоихъ обожателей....

— Лёгуевиъ!

— Ты вѣрно ошиблась въ числахъ.... и назначила въ одинъ день двоимъ.... тогда....

Но канонеръ вдругъ остановился и не кончилъ своей неумѣстной шутки.

Лицо его, обыкновенно безстрастное, приняло вдругъ выраженіе сперва страху.... а потомъ удивленія и безпокойства. Онъ такъ поблѣднѣлъ, такъ внезапно и поразительно перемѣнился въ лицѣ, что мамушка Роберъ, забывъ всѣ его дерзости, вскричала:

— Что это съ тобою, Лёгуевиъ? На что это ты такъ пристально смотришь?

И слѣдуя за направленіемъ единственнаго глаза своего обожателя, она увидала на концѣ ален, ведущей къ терасѣ, какое-то новое лицо.... которое шло за трусихой Терезой, и наводило страхъ и ужасъ на канонера, что было довольно странно, потому что, ни въ выраженіи лица ни въ наружности его не было ничего страшнаго, а напротивъ....

Это былъ низенькій, толстый и круглый человѣчекъ, съ огромнымъ животомъ, одѣтый въ синій, самаго яркаго цвѣту фракъ, въ казимировые орѣховаго цвѣту панталоны, сапоги съ разтрубами и длинный бѣлый жилетъ, изъ подъ котораго болталась двѣ золотыя цѣпочки, украшенныя огромными привѣсками.

Въ одной рукѣ, особа эта держала палочку, которою стряхивала пыль съ сапоговъ своихъ, а въ другой шляпу, которую издали уже сняла при видѣ мамушки Роберъ: такимъ образомъ

можно: было восхищаться его легкой, завитой и напудренной прической, также какъ и густыми бакенбардами, обстриженными по наполеоновскому; близка нудры еще больше выставила красноту этого здороваго и толстаго лица, надъ которымъ канонеръ нашъ бывало часто водружалъ и называлъ простодушное *лицо мачины, омышиной сажаромъ*.

Но въ эту минуту Лёгуфену было не до шутокъ.... онъ дрожалъ, такъ сказать, при каждомъ шагѣ напудренного посѣтителя и не могъ свести съ него своего глаза.

Достопочтенную эту особу звали *Флоридоромъ Вердюраномъ*; онъ былъ арматоромъ брига *Адская Головня*, которымъ командовалъ атаманъ *Отчалный*.

До этого времени и по причинамъ, впрочемъ очень понятнымъ, Кларекъ скрывалъ настоящее свое имя отъ Вердюрана, особенно же гдѣ намѣревался отдохнуть послѣ своихъ подвиговъ; общій пріятель ихъ обоихъ былъ посредникомъ между корсаромъ и Флоридоромъ и передавалъ письма, которыя они получали другъ отъ друга.

Можно представить себѣ ужасъ канонера; онъ боялся, что узнавъ настоящее имя и мѣсто жительства атамана, арматоръ не желая вредить Клареку и не подозревая даже, что онъ разыгрываетъ двойную роль, объявитъ его тайну, которая можетъ имѣть самыя ужасныя послѣдствія.

Присутствіе Вердюрана объясняло тоже прибытіе брига, котораго Лёгуфенъ узнавалъ нѣсколько минутъ тому назадъ, но не былъ еще увѣренъ въ своихъ догадкахъ, потому что въ этотъ день атаманскій бригъ былъ не въ своемъ видѣ; чего Лёгуфенъ ни какъ не могъ объяснить себѣ.

— Пока канонеръ размышлялъ и приходилъ въ отчаяніе, Флоридоръ Вердюранъ подходилъ все ближе и ближе.

— Что это за человекъ? спросила Сусанна подходя къ Лёгуфену и выводила его изъ раздумья, я никогда еще не видала его. Какое красное лицо!... какъ его зовутъ?... Да отвѣчай же, Лёгуфенъ! Ахъ Боже!... какой у тебя страшный видъ! Ты сегодня еще блѣднѣе обыкновеннаго.

— Это тебѣ такъ кажется, потому что толстякъ этотъ слышкомъ красенъ.... отвѣчалъ канонеръ, который предвидя опасность не зналъ какимъ образомъ предупредить ее.

Служавка провожающая арматора подошла къ Сусаннѣ и сказала:

— Барина этого можно видеть господина Кларка, и говорить, что прибыл по очень важному делу.

— Ты знаешь, что барина нетъ дома.

— Я тоже самое отвѣтила... да они говорятъ что будутъ ждать... что имъ непременно нужно говорить съ барининой... Вотъ и я привела ихъ къ вамъ... чтобъ они рассказали, что имъ такое угодно?

Тереза, объяснивъ въ чемъ дѣло, исчезла... между тѣмъ какъ Вердюранъ, знавшій съ кѣмъ имѣетъ дѣло и почитавшій себя за самого вѣжливаго и свѣтскаго человѣка, потому что въ молодости онъ пользовался репутацией мнунетнаго корнета, остановился въ несколькихъ шагахъ отъ мамушки Робертъ, скругливъ руки, выставилъ впередъ локти, стиснулъ пятки, изобразилъ ногамъ букву V и сдѣлалъ ей пренизкій поклонъ.

Сусанна была въ восторгѣ отъ такого уваженія къ ея полу, которое мстало тоже и ея собственному самолюбію.

На поклонъ Вердюрана она отвѣчала церемоннымъ реверансомъ и несмотрѣвъ съ сардоническимъ упрекомъ на своего собеседника сказала ему шопотомъ:

— Вотъ тебѣ примѣръ... посмотри и учись какъ надо подходить къ женщинамъ.

— Олимпія Бэгу!... я подходилъ не къ однимъ женщинамъ!... что вымалуй скажетъ сейчасъ эта скотина арматоръ, сказавъ арматоръ, зорча сивозъ зубы и грызя съ досады ногти.

Флоридоръ Вердюранъ подошелъ еще ближе, отвѣсилъ второй такой же шизкій поклонъ какъ и первый; Сусанна снова отвѣтила ему реверансомъ, и чтобъ взбѣсить Ледушена и Водстрекнуть его самолюбіе, сказала шепотомъ:

— Самые барскія манеры!... настоящій вельможа!... посланчикъ!

Вѣсто отвѣта, вандиеръ спрятался за дерево какъ-будто чтобъ тоже спрятаться и отъ угрожающей ему бѣды.

Третій и послѣдній поклонъ Вердюрана, слишкомъ походилъ на двѣ первыхъ, чтобъ заслуживать особенное описаніе.

Созерняя три поклона, онъ хотѣлъ было заговорить съ Сусанной, какъ вдругъ увидалъ канонера.

— А!... ты здѣсь, любезнѣйшій?... сказалъ арматоръ своему другу и другу своему, и не замѣтилъ тебя... морской старшій салкъ.

— Пезъ сказалъ Ледушенъ, дѣлалъ пристрашную гримасу и душая что улыбается, если вы потому только называете меня мор-

скиль солкомъ, что я живу у моря.... то даму эту,—канонеръ показавъ на Сусанну,—по этому же самому поводу надо называть морскою солчицею.

— Экой шутникъ!... вѣчно шутить и смѣется.... ну, а глазъ твой.... бѣдника?

— Ничего.... любезный мосё Вердюранъ.... какъ видите.... я ослѣвъ.... Но объ этомъ не стоить говорить.... умоляю васъ.... перестаньте.... у меня на это есть свои причины.

— Вѣрю, вѣрю, старинишка.... вѣдь это право несчастье, неправда-ли, сударыня? сказалъ арматоръ обращаясь къ Сусаннѣ.... проколоть глазъ никой....

— Какъ!... никой!... вскричала Сусанна глядя съ изумленіемъ на канонера; какой никой?....

— Онъ хочетъ сказать каламбуръ, отвѣчалъ отважно Легуефъ, дѣлая самую занутанную гримасу, такъ что никто бъ въ мірѣ не могъ разобрать, что она выражала. Вѣдь мосё Вердюранъ презабавный, и называется козыря, который полетѣлъ нѣ въ глазъ пикани или ликойю, потому-что у меня много сердца, то есть много было червей, но что къ-несчастью я не обернулся бубень.... то есть этого.... проклятаго леонскаго оптика....

Послѣднія эти слова относились къ Сусаннѣ и Легуефъ произнесъ ихъ такъ тихо, что только она одна могла ихъ слышать; ктому же глухие каламбуры Легуефа до того забавляли Вердюрана, что онъ хохоталъ во все горло, и не могъ слышать что говорилъ канонеръ на счетъ оптика.

Отчаянное положеніе, въ которомъ находился Легуефъ, не могло вдохновить его остроуміемъ и потому простилъ ему, если на этотъ разъ каламбуры его не такъ-то были удачны.

— Ха! ха! ха! я не думалъ, чтобъ онъ былъ такой острякъ!... кричалъ Вердюранъ, экой выдумщикъ!... лики.... козыри.... у него много сердца.... и онъ не остерегся бубень. Ха! ха! ха!... да это право презабавно!...

— Это правда, сказала Сусанна, которая находила очень юморскими остроты своего обожателя, это правда, что мосё Легуефъ съ своею серіозною миною старается всѣхъ смѣшить.... но если ему не удастся, то.... это не его вина... Но вамъ угодно говорить съ мосё Кларекомъ....

— Точно такъ, сударыня.... Я имѣю.... вѣроятно.... честь говорить съ его супругою.... Въ такомъ случаѣ.... я....

— Извините.... я гувернантка его дочери....

— Какъ!... ата....

Первый слогъ слова *атаманъ* не успѣлъ еще вылетѣть изъ огромнаго рта арматора, какъ канонеръ ударивъ по рукѣ Сусанны, закричалъ изъ всѣхъ силъ:

— Ахъ! посмотрите!... посмотрите!...

Сусанна до того была оглушена, поражена, голосомъ Легуеши и болью въ рукѣ, что извагнула и даже не слышала столь страшнаго слога, вырвавшагося изъ объемистой внутренности Вердюрана.

За то, лишь только Сусанна оправилась, посмотрѣла сердито на канонера и сказала ему съ досадою:

— Развѣ можно позволять себѣ такіа глупыя шутки!... гдѣ это проресосно!... Я до-сихъ-поръ не могу ономиниться....

— Да посмотри вотъ туда, продолжалъ канонеръ подымая длинную свою руку и показывая на вершины гранитныхъ скалъ, это просто невѣроятно... сверхъестественно.... честное слово.... гласанъ не вѣрится....

— Да что ты тамъ видишь? спросилъ арматоръ, слѣдуя глазами за направлениемъ руки канонера.

— Если бѣ мнѣ даже побоялись.... что это возможно, продолжалъ Легуешъ, то и тогда бѣ.... я далъ голову на отсѣченіе.... что этого быть не можетъ.

— Да что такое? спросила Сусанна, которая не смотря что была не въ духѣ, чувствовала какъ любопытство ея пробуждалось, о чемъ это говоришь ты?

— Это просто чудеса!... продолжалъ канонеръ съ накинъ-то страхомъ и удивлениемъ, точно во снѣ видишь....

— Да скажи, сдѣлай милость, что такое? вскричалъ Вердюранъ такъ же какъ и Сусанна, выведенный изъ терпѣнія, о чемъ говоришь ты?... Куда надо смотрѣть?...

— Да вотъ.... продолжалъ хладнокровно Легуешъ, видите вы эту скалу.... на-лѣво?

— На лѣво?... простодушно спросилъ арматоръ, отъ чего на-лѣво?

— Ахъ, Боже мой! да на лѣво отъ другой.... отвѣчалъ Легуешъ.

— Какой другой? спросила въ свою очередь Сусанна.

— Какъ! какой другой.... продолжалъ канонеръ, да развѣ ты не видишь эту бѣлую огромную скалу.... которая похожа на валъ.... или на навѣсъ....

— Вижу, вижу!.... вскричалъ арматоръ.

— Ну что жъ тамъ такое?... спросила Сусанна.

— Видите.... вотъ тамъ.... на самой вершинѣ?...
 — На самой вершинѣ?...
 — Да.... на сторонѣ....
 — На сторонѣ?
 — Да.... посмотрите точно синее пламя.... ну что?... видите теперь?...
 — Синее пламя?... повторилъ арматоръ вытаращивъ глаза, и прикрывъ вѣхъ лѣвою рукою, въ видѣ навѣса, синее пламя.... на западѣ?...

— Да, вотъ тамъ.... и даже посмотрите!... ахъ!... Боже мой!... пламя это становится краснымъ! вскричалъ Легуэенъ. Въ... ?... не странно-ли, не удивительно-ли это?... Но пойдите.... пойдите, мосье Вердюранъ, надо посмотреть поближе, прибавилъ канонеръ окхвативъ за руку арматора и стараясь увлечь его. Походите... походите....

— Погоди любезный! отвѣчалъ Вердюранъ, вырываясь изъ руки канонера, прежде надо видѣть вещь изъ дали, а послѣ уже въ близки.... а я еще ничего не видалъ.... А вы судариня?... прибавилъ Вердюранъ обращаясь къ Сусаннѣ, видите что нибудь?...

— Рѣшительно ничего.

Можетъ-быть Легуэенъ и постарался бы еще продлить мученія жертвъ своихъ, но близость новой опасности погасила въ немъ вдохновеніе къ выдумкамъ.

Онъ услышалъ голосъ Сабаны.

Молодая дѣвушка не замѣчая Вердюрана, который стоялъ за Сусанной и Легуэеномъ, приближала запыхавшись и обращаясь къ Сусаннѣ спросила:

— Что ты тамъ смотришь, милая Сусанна?

— Барышня! подумалъ съ отчаяніемъ канонеръ.... Все погибло!... несчастная!... такое открытіе убьетъ ее!

==

ГРАНТЛИ-МЭНОРЪ.

=

НОВЪСТЬ ЛЕДИ ДЖОРДЖИАНЫ ФУЛДЕРТОНЪ.

=

I.

Весь день шелъ непрерывный дождь. Только около пяти часовъ солнце рѣшилось, повидимому, во что бы ни стало выгнать на короткое время, прежде чѣмъ совершенно скроется за зеленымъ холмомъ, что возвышается передъ Грантли-мэноромъ. Тяжелая масса тучъ, обведенная по краямъ легкою каймою пурпуроваго свѣту, медленно катилась по небу, нависши надъ лѣсомъ, сохранившимъ названіе Монастырскаго, надъ Геронъ-Кастлемъ и надъ грядою пригорковъ, которая опоясываетъ обширную, болотистую долину Гранта. Красные клены и желтыя березы парка красовались роскошнымъ отливомъ осени, не смотря на то, что множество листьевъ устлали подъ ними траву, или плыли на быстрыхъ волнахъ рѣчки, которая стремилась внизъ по долинѣ, чтобы мильхъ въ двадцати къ югу излиться въ другую, большую рѣку. Хорошій ноябрскій день имѣетъ свою прелесть: какую-то невыразимую сладость, какую-то спокойную, грустную красоту, которая проникаетъ душу и погружаетъ ее въ тихую задумчивость. Въ тотъ день и въ часъ, о которомъ идетъ рѣчь, пожилая женщина и молодая дѣвушка стояли у каменной балюстрады, отдѣляющей двѣтникъ помѣщичьяго дома отъ парка. Неподвижныя черты и разсѣянный взглядъ пожилой

женщины показывали или совершенное отсутствіе мысли, или глубокую думу. Она повидному или задумалась, или дремала: Дѣвочка полусидѣла подлѣ нея на перилахъ, полуопершись и нихъ; красивый, гибкій станъ ея былъ закутанъ въ шубу, которая ниспадала въ роскошныхъ складкахъ; руки ея были сложены крестомъ на груди, а глаза то устремлялись въ землю, то обращались къ дорогѣ, зміѣвшейся по парку, и опять вперялись въ землю. Отъ времени до времени она срывала на тайскую розу съ ближайшаго куста, и разсѣянно раскидывала ошпаннныя лепестки ея.

Маргарита Лесли была прехорошенькая дѣвушка. Глаза ея были того неопредѣленнаго цвѣту, который переходитъ отъ желѣзно сѣраго къ темно-фіолетовому; носъ небольшой, орлиный; ротъ прелестно очертанный, склонялся съ концовъ нѣсколько внизъ что придавало ему не совсѣмъ пріятное выраженіе, когда она не улыбалась; но зато обворожительная улыбка почти не покидала его, такъ что самый внимательный глазъ не уловилъ бы минуты, когда лицо Маргариты не было бы озарено ею. Густыя черныя рѣсницы осыпали ея глаза, а волосы ниспадали не крутыми локонами, а пышными и вольными русыми волнами по бѣлой и тонкой шеѣ. Между-тѣмъ какъ она слѣдила за летящими розовыми листочками, и тщетно старалась направить ихъ полетъ въ бассейнъ небольшого фонтана, бывшаго подъ террасою, тонкія дуги ея прекрасныхъ бровей хмурились такъ грозно, что одни только непокорные розовые листочки могли ихъ не пугаться и не повиноваться имъ. Безразсудно было, правда, ожидать, чтобы они полетѣли противъ вѣтерка, который повѣялъ, какъ скоро солнце закатилось за холмъ; но прихоти Маргариты рѣдко справлялись съ разсудкомъ. Напримѣръ, въ эту самую минуту она едва не сердилась не на шутку на свою наставницу мистрисъ Дальтонъ, за то что та не догадывалась, по какому-нибудь вдохновенію, что ея ученицѣ надоѣло ждать дорожной кареты, которая, по ея соображенію, уже за часъ должна бы показаться въ концѣ главной аллеи парка, и которая до-сихъ-поръ еще не показывалась.

— Право, мистрисъ Дальтонъ, сказала она наконецъ, я не стану ждать долѣе. Если бачушка до-сихъ-поръ не пріѣхалъ, то онъ уже не будетъ къ обѣду.

— Да еще вѣдь всего шесть часовъ.

— Неужели? какъ дни стали коротки! — Что за огонь раз

шли въ прихожей, вскричала Маргарита, съ шумомъ растворивъ настежъ дверь и входя въ домъ.

— Мистръ Сидней пришълъ? спросила она, проходя черезъ бильярдную, и растолкавъ съ досадою всё шары кіемъ. И между-тѣмъ, какъ шары катились по сукну и съ шумомъ падали въ лузы, она продолжала про себя, но довольно громко:

— Никогда не буду я въ состояніи полюбить батюшку какъ люблю Вальтера Сиднея.

— Какъ можно такъ говорить, моя милая! вы должны любить его еще болѣе, подхватила мистрисъ Дальтонъ.

При этихъ словахъ Маргарита быстро обернулась, и, развязывая ленты своей черной кружевной шляпки, и откидывая отъ разружившихся отъ морозу щекъ падавшіе на нихъ волосы, отвѣчала:

— Когда убѣдитесь вы, милая мистрисъ Дальтонъ, что *должна* рѣшительно ничего не доказываетъ?

— А когда убѣдится моя милая Маргарита, что *должна* самое неопровержимое изъ доказательствъ?

Само собою разумѣется, что мистрисъ Дальтонъ никогда бы не отважилась на подобное возраженіе. Его сдѣлалъ нѣкто, всегда высказывавшій правду Маргаритѣ, и отъ кого она всегда была готова выслушать правду; потому что она любила и уважала Вальтера Сиднея, и нерѣдко даже говаривала, что не знала никого кромѣ его, кто бы умѣлъ дѣлать истину пріятною. Въ настоящую же минуту она была такъ рада его появленію, что хотя бы даже замѣчаніе его было ей не по сердцу, она все таия, проходя черезъ комнату, такъ же ласково протянула бы ему руку. Она затворила за собою дверь, потомъ опять отворила, и сказала ему съ улыбкою:

— Еслибъ вы знали предметъ нашего спора, вы можете быть, не поторопились бы такъ принять сторону мистрисъ Дальтонъ. Но вы всегда считаете долгомъ увѣрять напередъ, что другіе правы, а не я.

Онъ покачалъ головою, но дѣвушка уже исчезла, и онъ слышалъ только, какъ она порхала по лѣстницѣ и по корридoramъ, какъ птичка на крылышкахъ.

Вальтеръ Сидней былъ человекъ лѣтъ тридцати пяти или шести. Онъ былъ высокаго росту, сухощавъ, желто-блѣденъ лицомъ; многіе, взглянувши въ его высокій, блѣдный лобъ, въ правильныя черты лица, и въ выраженіе глазъ, сочли бы его красавцемъ; но неловкость его движеній, какал-то робость въ

обращеніи, разрушали по большей части это впечатлѣніе, и вѣдшіе его въ первый разъ говорили обыкновенно: — «Что за странная фигура у мистра Сиднея.» — Маргаритѣ Лесли онъ всегда являлся олицетвореніемъ доброты и мудрости, и она любила его всѣмъ сердцемъ. Онъ съ самаго дѣтства былъ въ тѣсно дружбѣ съ отцомъ ея. Отецъ Вальтера жилъ въ своей усадьбѣ Геронъ-Кастлѣ, томъ стромъ домѣ съ башенками, что стоялъ на холму противъ Грантли-мэнора, въ самой серединѣ такъ называемаго монастырскаго лѣсу, и Вальтеръ Сидней и Генри Лесли еще дѣтими играли вмѣстѣ и были пріятелями. Лесли былъ двумя годами постарше, и когда Вальтеръ, воспитанный почти всегда дома, пріѣхалъ въ Оксфордъ, робкимъ и неловкимъ юношею, страстно любившимъ науки, и на котораго новыя мѣста новыя лица наводили непреодолимый страхъ, Лесли встрѣтилъ его съ радостью и съ горячностью, которыми не мало удивлялъ его веселыхъ и безпечныхъ университетскихъ пріятелей.

Отправляясь въ первый разъ въ Оксфордъ, Генри Лесли мысленно рѣшился, по окончаніи курса, жениться на своей двоюродной сестрѣ, Мери Торитонъ, дѣвушкѣ скромной и тихой, дочери сельскаго пастора, которая была постоянною собесѣдницею и подругою его и Вальтера Сиднея съ той самой поры, какъ они могли только себя запомнить. Онъ бывало еще въ дѣтскихъ играхъ называлъ ее женою, и она выросла въ убѣжденіи, что они должны быть супругами, какъ скоро имъ выйдутъ лѣта потому что онъ говорилъ ей это при каждомъ слезномъ разставаніи послѣ праздниковъ, и при каждой радостной встрѣчѣ въ слѣдующій праздникъ; такъ что, когда онъ однажды спросилъ ее не въ шутку, согласна ли она дѣйствительно быть его женою, она взглянула на него съ неприятнымъ удивленіемъ. Союзъ ихъ являлся ей просто продолженіемъ порядка вещей, которому она никогда не предполагала конца; родные одобряли ихъ взаимный выборъ, знакомые поздравляли ихъ; они были въ постоянной перепискѣ во время университетскихъ курсовъ, и проводили вакаціонное время вмѣстѣ, въ Грантли-мэнорѣ. Вмѣстѣ сидѣли они въ саду, вмѣстѣ скитались по лѣсамъ. Онъ училъ ее ѣздить верхомъ, она рисовала для него его любимыхъ борзыхъ. Вмѣстѣ читали они Вальтонова «Искусство удить рыбу» и пока онъ испытывалъ на дѣлѣ наставленія знаменитаго рыбака, она по цѣлымъ часамъ просиживала подлѣ него, едва смѣя перевести дыханіе, чтобы не испугать чуткой «орелы, готовой схватить крючекъ. Сколько разъ, въ глубокую осень, выходилъ

она въ поле встрѣчать его, и спросить много ли онъ настрѣлялъ куропатокъ, и хорошо ли Юнона дѣлала стойку! сколько разъ, въ туманное зимнее утро, выѣзжала она на бѣломъ клеверѣ, котораго онъ подарилъ ей, посмотреть черезъ просѣку какъ спускали собакъ со своры! По вечерамъ сдѣли они обыкновенно въ старинной библиотекѣ, и вмѣстѣ смотрѣли планы его помѣстій; она затверживала имъ каждой деревушки, пролагала мысленно новыя дороги, расчищала новыя пашни. Потомъ они уходили въ бильярдную, гдѣ онъ удивлялъ ее искуснымъ сбиваніемъ шаровъ въ самыхъ мудреныхъ, самыхъ фокусныхъ положеніяхъ; или же въ укромномъ уголку гостиной обзигрывалъ ее въ шахматы. Иногда садились они за фортепіано, и голоса ихъ сливались въ прелестныхъ дуэтахъ. Тогда застѣнчивый и молчаливый Вальтеръ Сидней клалъ книгу на столъ, и заслушивался; а мать его, — которая, испытавъ въ супружествѣ одни огорченія и разочарованія, смотрѣла на взаимную любовь юной четы съ тѣмъ нѣжнымъ участіемъ, какое обыкновенно возбуждаетъ въ добрыхъ и загнанныхъ судьбою душахъ видъ счастья, которое они знали только въ своихъ мечтахъ, а не въ дѣйствительности, — раскваше играла въ вистъ и дѣлала безпрестанно реверсъ; за такое преступленіе супругъ ея справедливо гнѣвался, хотя и воображалъ, что переносилъ его съ истинно ангельскимъ терпѣніемъ; потому что онъ только клалъ карты на столъ, и говорилъ вроткими, убѣдительнымъ голосомъ:

— Сдѣлайте милость, мистрисъ Сидней, позвольте спросить, играете ли вы въ вистъ, или не играете?

При этомъ вопросѣ мистрисъ Сидней обыкновенно вздрагивала, направляла очки на носу, и съ удвоеннымъ вниманіемъ принималась опять за карты, сопровождая все это только едва слышнымъ восклицаніемъ: — Милыя дѣти! словно созданы другъ для друга!

То же самое, вѣроятно, думали и милыя дѣти, потому что они несколько не заботились о томъ, что говорилось и дѣлалось вокругъ нихъ.

Такимъ образомъ, тихъ и безмятеженъ былъ путь ихъ истинной любви, какъ-будто Шекспиру и въ голову не приходило говорить о невозможности такого порядка вещей. И любовь ихъ была истинна, не смотря на невѣріе Шекспира, не смотря на одобреніе родителей, не смотря на ровный, гладкій путь, который проложила ей благодѣтельная судьба. И истинно было ихъ счастье, когда, въ одинъ ясный лѣтній день, Генри Лесли и его

невѣста отправились въ приходскую церковь и дали другъ другу объѣтъ любви и вѣрности, въ присутствіи восхищенныхъ родныхъ и радующихся поселянъ; и когда они шли, при радостномъ звонѣ колоколовъ и при искреннихъ кликахъ оглашавшихъ воздухъ, по узкой тропѣ, которая вела изъ церкви къ Грангли-мэнору.

И счастливъ былъ союзъ юныхъ супруговъ, потому что они вкушали то райское блаженство, которое, какъ говорятъ Коузеръ, одно пережило грѣхопаденіе нашихъ прародителей. Ни различіе нравовъ, ни охлажденіе, ничто не пустило горькой капли въ ихъ чистую чашу: она осталась чиста и сладка до дна. Отъ брака ихъ родилась дочь, та самая Маргарита, о которой мы говорили въ началѣ этой повѣсти. Когда ребенокъ отнесли въ приходскую церковь, и та же самая рука, которая соединила родителей, полила священную воду крещенія на голову младенца, Мери смотрѣла на мужа, и во взглядѣ этомъ сіяло блаженство, — слишкомъ большое, можетъ-быть, для нашей земли. Прошло два года; подъ большою пвою на старомъ кладбищѣ вырыли могилу, и въ эту могилу положили бранные останки юной супруги и матери, той самой Мери, которая такъ часто, ребенкомъ еще, играла на этомъ мѣстѣ. Она сама избрала его для своей могилы, когда, за нѣсколько дней до смерти, опираясь на руку мужа, приходила на мѣсто, гдѣ впервые было произнесено между ними слово любви; тутъ желала она быть похороненной, чтобы онъ никогда не могъ смотрѣть на это дерево, или сидѣть подъ тѣнью его, не вспоминая о той, которую смерть похитила изъ рукъ его въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ.

По желанію ея, на ея могилѣ не было ни пышнаго намятника, ни хвастливой надписи; простой каменный крестъ означалъ мѣсто, и на немъ былъ написанъ день ея рожденія, ея вѣщавія и смерти. Когда гробъ опустили въ землю, Генри Лесли въ отчаяніи бросился на могилу, и когда Вальтеръ Сидней старался утѣшить и успокоить его, онъ уныло качалъ головою, и на всѣ увѣщавія его отвѣчалъ, что жизнь ему постыла, что она утратила для него все сіяніе, которымъ озаряли ее ювость и надежда. Онъ истинно любилъ жену, и горестъ его по ней была непритворна; но если чувство истинно, это еще не значитъ, что оно глубоко; и если оно сильно, это не значитъ, что оно долговѣчно. Долго и сильно горевалъ онъ; но наконецъ время успокоило его горестъ; потомъ новыя надежды, новыя стремленія возникли въ его сердцѣ; новыя радости и новыя горести, но-

вля лишенія и наслажденія смѣнялись опять продолженіе пятнадцати лѣтъ, которые онъ провелъ частью въ Италіи, частью въ арміи Пиренейскаго полуострова, частью наконецъ въ дальнихъ путешествіяхъ по морю и по сушѣ. Между тѣмъ на роднѣ его остался одинъ человѣкъ, который каждый день посѣщалъ могилу, гдѣ покоилась подруга его дѣтства и юности, втайнѣ собиралъ и хранилъ первые распускавшіеся на ней весенніе цвѣты; и былъ одинъ юный цвѣтокъ, который онъ дѣлалъ съ неусыпною заботливостью и любовью. Нескоро возникало чувство въ сердцѣ Вальтера Сиднея; но зато оно такъ глубоко пускало корни, что ихъ ничто уже не могло вырвать; за дочь Генри и Меря Лесли готовъ онъ былъ отдать жизнь. Какъ ни былъ онъ обыкновенно зарытъ въ свои книги и рукописи, не было того дня или того часу, когда онъ не былъ бы готовъ съ радостью бросить занятія, какъ скоро веселый и звонкій смѣхъ призывалъ его къ окну, привѣтствовать маленькую наѣздницу, горделиво гарцовавшую на своемъ шотландскомъ клеперѣ.

Генри Лесли оставилъ дочь въ Грантли-мэнорѣ, на попеченіи своихъ родителей; но они умерли въ его отсутствіи и Маргарита была отдана на руки устарѣлой гувернанткѣ, мистрисъ Дальтовъ, подъ надзоромъ жены благочиннаго, мистрисъ Торнтонъ, и Вальтера Сиднея, на котораго Лесли больше полагался, чѣмъ на кого-либо изъ своихъ родственниковъ. И это довѣріе его къ Вальтеру было счастьемъ для дѣвочки; потому что она, какъ единственная дочь, богатая наследница и красавица, подвергалась опасности быть совершенно избалованной, еслибы Вальтеръ не наблюдалъ за ея воспитаніемъ съ бдительностью отца и нѣжностью брата. Онъ скоро открылъ въ сердцѣ ея то неукротимое пламя, которое равно могуче въ добрѣ и въ злѣ, смотря по тому, какое будетъ дано ему направленіе. Безграницное снисхожденіе, которое оказывалось постоянно каждому ея дѣйствию, при многихъ дурныхъ послѣдствіяхъ, имѣло одно хорошее: Маргарита была самымъ правдивымъ существомъ въ мірѣ, и съ того самаго времени, какъ она начала лепетать нѣсколько словъ дѣтскимъ языкомъ, съ устъ ея никогда не сорвалось ни одного слова лжи. Это было не слѣдствіемъ особеннаго нравственнаго мужества, и сознанія долга, а только результатомъ открытой, безстрашной души, и воспитанія, которое не обуздывало достаточно дурныхъ, но и не портило хорошихъ наклонностей нрава ея. Въ этомъ, повторяю, не было особенной заслуги, — но все таки черта эта была прекрасна какъ ясный день, безоблачное небо,

какъ безмятежное зеркало озера; она придавала всему характеру очаровательную свѣжесть существа, вышедшаго прямо изъ рукъ Творца, и не испорченнаго еще губительнымъ дыханіемъ чело-вѣка; и какъ часто Вальтеръ, вглядываясь въ голубые глаза дѣвочки или отводя волоса, закрывавшіе ея прекрасный лобъ, съ нѣжностью прижималъ ее къ сердцу, и мысленно повторялъ слова Священнаго Писанія: «Существо, въ которомъ по истинѣ нѣтъ лжи!»

Когда она подросла, и въ дѣтской головкѣ ея стали роняться мысли, которыхъ ни бабушка ея, ни гувернантка, не могли понять, и въ душѣ ея пробудилось сознаніе способностей, которыя онѣ старались подавлять, потому что не умѣли давать имъ направленія; тогда она обращалась къ Вальтеру, и изливала передъ нимъ свою душу. И онъ понималъ языкъ ея, потому что въ высококомъ умѣ всегда есть какая то особенная простота, которая учитъ его понимать простоту дѣтства, и дѣлаетъ его доступнымъ ей. Когда она въ первый разъ постигла, что поэзія не есть одинъ наборъ словъ подъ размѣръ стиха, что бесѣда можетъ быть не одною болтовнею, что жизнь не есть дѣтская игрушка; — когда разнообразныя формы и значеніе жизни, ея дѣйствительность и таинственность, предстали ей въ новомъ видѣ, и въ непостижимомъ могуществѣ, — она опять обратилась къ Вальтеру, и онъ открылъ ей тѣ свѣтлыя истины, которыя даютъ значеніе нашему бытію, и цѣль нашимъ дѣйствіямъ. Онъ давалъ ей книги, наполнялъ умъ ея и воображеніе высокими помыслами, и благородными образами, охраняя ихъ въ то же время отъ всего, что могло бы запятнать ихъ чистоту. Самоотреченіе, во всѣхъ его проявленіяхъ, было любимымъ предметомъ его бесѣдъ, и предметомъ особеннаго его благоговѣнія. И глаза Маргариты блистали, щеки ея разгорались, когда онъ рассказывалъ ей великіе подвиги героизма, и самообузданія, истиннаго мужества души; когда онъ говорилъ о почтеніи, котораго заслуживаютъ мученики, умирающій за вѣру, воинъ, подставляющій грудь тысячѣ пуль для защиты родной земли, миссіонеръ, проповѣдующій ученіе Христова подъ ножомъ дикаря, или сестра милосердія, преодолюющая всѣ ужасы заразы, чтобы нести помощь или утѣшеніе въ жилище нищеты. Особенно обращалъ онъ ея вниманіе на тѣхъ одинокихъ мучениковъ, которыхъ подвиги покорности и самоотверженія совершаются втайнѣ; на тѣхъ скромныхъ страдальцевъ, которыхъ вся жизнь — рядъ безропотнаго горя, никому не извѣстный и не видимый, кромѣ Отца небеснаго.

Такой образъ мыслей старался Вальтеръ внушить своей ученицѣ; онъ рѣдко говорилъ о своихъ чувствахъ, но глубоко чувствовалъ, и всѣ поступки его были руководимы сочувствіемъ къ страданію. Вліяніе его на Маргариту было очень сильно, но болѣе обнаруживалось въ ея образѣ мыслей, чѣмъ въ дѣйствіяхъ. Онъ могъ внушить ей любовь ко всему великому и благому; но чтобы приучить ее не только сочувствовать, но и дѣйствовать, не только благоговѣть передъ великими подвигами, но и подражать имъ, — для этого слѣдовало бы съ самаго дѣтства неусыпно слѣдить за каждымъ ея дѣйствіемъ, за каждымъ помысломъ, и направлять ихъ къ этой цѣли. Только такимъ образомъ, или же собственнымъ строгимъ наблюденіемъ за собою, въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ, можетъ человѣкъ привести свои дѣйствія въ совершенное согласіе съ мыслями.

Изъ того, что умъ Маргариты отъ природы былъ способенъ постигать и уважать все великое, и что бесѣды съ Вальтеромъ научили ее благоговѣть передъ истиннымъ героизмомъ терпѣнія и самоотверженія, еще не слѣдуетъ, что она въ это время уже сама была героинею, или образцомъ самообузданія. Наставленія и примѣры его имѣли для нея ту пользу, что представляли ей всегда идеалъ совершенства, который не позволялъ ей судить о собственномъ своемъ характерѣ и своихъ помыслахъ съ тѣмъ свихожденіемъ и самодовольствіемъ, въ которыя она иначе необходимо впала бы вслѣдствіе слабости своихъ воспитательницъ. Но между тѣмъ какъ сердце ея сильнѣе билось при мысли о героизмѣ Іоанны д'Аркъ или дѣвы Сарагосской, черезъ нѣсколько минутъ оно точно такъ же забилось бы при видѣ самой ничтожной опасности, угрожавшей хорошенькой барышнѣ Грантли-мэнора. Глаза ея, правда, наполнялись слезами при разсказѣ о двухъ сестрахъ милосердія, которыя въ одну изъ самыхъ суровыхъ зимъ настоящаго столѣтія пошли пѣшкомъ изъ Парржа въ Барселону, чтобы ходить за чумными и оставались тамъ до-тѣхъ-поръ пока эпидемія не прекратилась совершенно; но въ то же время она сама проспивала по цѣлымъ днямъ въ своемъ уютномъ будоарѣ, раскинувшись въ покойныхъ и роскошныхъ креслахъ, и протянувъ ноги на рѣшетку камня, не отваживалась въ морозъ или въ дурную погоду навѣстить больную крестьянку или сельскую школу; тѣмъ болѣе, говорила она, что мистрисъ Дальтонъ такъ же хорошо распорядится и безъ нея, а бабушка всегда боится, чтобы она не простудилась. Это не мѣшало ей однакоже въ другихъ случаяхъ находить, что опасенія ея бабуш-

ки сущая глупость и ребячество. Съ восторгомъ читала она житія святой Елисаветы венгерской и святой Маргариты шотландской, этихъ дочерей и жень королей, которыя не гнушались собственными руками обмывать язвы прокаженныхъ, отъ которыхъ родныя матери отворачивались съ омерзѣніемъ; но справедливо и то, что она съ трудомъ рѣшалась навѣщать мистрисъ Джонсъ, большую старушку, которую Вальтеръ поручилъ ей особенной заботливости, — потому что она жила въ тѣсной и душной конуркѣ, и имѣла нестерпимую охоту показывать ей свою большую ногу. Съ энтузіазмомъ говорила она о первомъ появленіи мистрисъ Фрай въ Ньюгетской тюрьмѣ; о томъ какъ она затворивъ за собою дверь, одна, съ бібліею въ рукахъ, приблизилась къ этимъ свирѣпымъ женщинамъ, которыхъ до-тѣхъ-поръ обуздывали только вооруженною силою; заговорила съ ними, какъ съ сестрами и подругами, — голосомъ, о которомъ никто не можетъ имѣть понятія, не слыхавъ его, и котораго память неизгладимо запечатлѣвалась въ душѣ того, кто разъ его слышалъ; и правда, что въ эти минуты, лицо Маргариты горѣло мужествомъ, и сердце ея жаждало послѣдовать примѣру великой жены; — но какъ скоро представлялся случай испытать свое мужество, преодолѣть отвращеніе, боль, или даже одну усталость, всѣ эти высокіе помыслы самоотверженія разсыпались въ прахъ, и переходили въ разрядъ «добрыхъ намѣреній». Словомъ, не будемъ гнать истины, — Маргарита была избалованное дитя.

Мистеръ Торнтонъ и его супруга, какъ ни различны были ихъ характеры во всемъ остальномъ, сходились совершенно въ одномъ: они наперерывъ старались потакать и льстить всѣмъ прихотямъ внучки. Мистеръ Торнтонъ принадлежалъ къ числу тѣхъ кроткихъ, добрыхъ людей, которые слѣпы къ недостаткамъ тѣхъ, кого любятъ; онъ былъ вовсе не глупъ, а между-тѣмъ отзывался всегда о необыкновенной мудрости своей супруги и о рѣдкомъ послушаніи Маргариты съ такими похвалами и съ такимъ благоговѣніемъ, что старому пріятелю его, мистеру Сиднею, отцу Вальтера, стоило ужасныхъ усилій держать въ приличныхъ границахъ свое несовсѣмъ ангельское терпѣніе.

Мистрисъ Торнтонъ была также женщина добрая; этого нельзя отнять у нея. Но къ добротѣ присоединилось въ ней глубокое, непоколебимое убѣжденіе въ собственной мудрости; эта простодушная увѣренность внушала ей во всѣхъ обстоятельствахъ жизни такое самодовольствіе, и въ разговорѣ такой важный, учительскій тонъ, что людямъ, не столь слѣпымъ въ этомъ

отношеніи, какъ ея мужъ, иногда невозможно было удержаться отъ смѣху. Она была чрезвычайно легковѣрна, и имѣла притомъ привычку, имѣнія, высказанныя другими, принимать за свои собственные, и спорить за нихъ до слезъ, вовсе не замѣчая, въ своемъ счастливомъ невѣдѣніи, что они діаметрально противорѣчили имѣніямъ, высказаннымъ ею за четверть часа передъ тѣмъ. Ее никогда ничто не сбивало съ толку; никакая несообразность не поражала, самая очевидная улика не смущала ея. Между нею и мистромъ Сиднеемъ было вѣчто въ родѣ дружественнаго союза, служившаго для того, чтобы прикрыть малую толку взаимной непріязни; она забавляла его, но въ тоже время всегда возбуждала въ немъ нѣкоторое нетерпѣніе. Гдѣ бы они ни встрѣтились, за обѣдомъ ли, за завтракомъ, на пикникѣ или на вечерѣ, она непременно садилась подлѣ него, и оглушала его потокомъ философскихъ изреченій, политическихъ аксіомъ, таинственныхъ изданій, ученыхъ открытій, на которыя онъ отвѣчалъ мгновеннымъ хохотомъ, а если это ея не удовлетворяло, то и одобрительнымъ мычаніемъ. Въ дѣлѣ воспитанія, мистрисъ Торнтонъ принимала поочередно самыя противоположныя теоріи; но онѣ такъ быстро смѣняли одна другую, что испарялись обыкновенно въ однихъ словахъ; а какъ ничто такъ не упрочиваетъ успѣха, какъ твердое и постоянное стремленіе къ цѣли, то само собою разумѣется, что твердое рѣшеніе Маргариты, не имѣть надъ собою никакихъ властей, пережило всѣ системы властвованія, къ какимъ поочередно прибѣгала ея бабушка.

Мистрисъ Дальтонъ, въ самомъ началѣ поступленія своего въ должность, хотѣла было твердою рукою взяться за кормило; но попытка ея, благодаря твердому сопротивленію ученицы и явному содѣйствію бабушки, была отбита съ такимъ урономъ, что бѣдная мистрисъ Дальтонъ заблагодарзсудила опустить флагъ, отказаться отъ неровной борьбы, и довольствоваться на будущее время одними вѣшными знаками власти. Такой мысленный уговоръ былъ очень по сердцу Маргаритѣ; потому что ей ничего не стоило оказывать своей гувернанткѣ самую безусловную покорность, пока воля ея была согласна съ ея собственною волею.

Теперь, послѣ того, какъ мы дали читателямъ нѣкоторое понятіе о характерѣ, о воспитаніи и о положеніи нашей героини, мы можемъ возвратиться въ бібліотеку, гдѣ лица, собравшіяся встрѣчать полковника Лесли, прождавъ его нѣсколько часовъ напрасно, собирались разойтись.

— Еще день ожиданія! еще день напраснаго ожиданія! вскри-

чала Маргарита, протягивая руку, чтобы взять свѣчу, которую зажигалъ для нея Вальтеръ, и идти въ свою комнату. — Не странно ли, что батюшка не ѣдет и не пишетъ?

— Оно въ самомъ дѣлѣ странно, отвѣчалъ Вальтеръ. Когда вы прощались съ нимъ въ городѣ, вѣдь онъ положительно обѣщалъ пріѣхать вчера? не такъ ли?

— Да, положительно обѣщалъ, и потомъ протянулъ мнѣ пальчикъ на прощаніе. Не смотрите на меня такъ сердито, Вальтеръ. Вы знаете, какъ я желала видѣть отца; какъ я радовалась, когда получила извѣстіе о скоромъ возвращеніи его послѣ долгаго отсутствія; въ какомъ нетерпѣніи, въ какомъ волненіи поспѣшила я ему на встрѣчу въ Лондонъ. Одна мысль занимала меня въ скучные часы проѣзда. Когда мы остановились на ночлегъ въ Ньюберн, я не смыкала глазъ во всю ночь, прислушивалась къ каждому удару маятника, считала каждую минуту, остававшуюся до утра; когда мы вѣхали въ Лондонъ, и понеслись по его улицамъ, я едва могла сидѣть спокойно на мѣстѣ; а когда мы пріѣхали, — о, вѣчно буду я ненавидѣть эту гостиницу! — «Полковника Лесли нѣтъ дома! вышли прогуляться!» — И я сидѣла одна въ этой проклятой квадратной комнатѣ, и ждала — ждала битыхъ два часа! потомъ онъ вошелъ....

— И развѣ онъ тогда былъ не ласковъ съ вами?

— Очень ласковъ, нечего сказать. Но кто же не ласковъ со мною? Докторъ Бартлетъ, лордъ Доннингтонъ также очень любезны, когда бываютъ у насъ. Зачѣмъ, Вальтеръ, ставемъ мы обманывать другъ друга? Никогда ни одной мысли не таила я отъ васъ, и не могу таить того, что теперь думаю. Отецъ не любитъ меня ни на волосъ, и чѣмъ скорѣе я свыкнуусь съ этою мыслью, тѣмъ лучше. Я всегда буду почтительною дочерью, по крайней-мѣрѣ постараюсь, сказала она, словами прландской пѣсенки, которую передъ тѣмъ твердила, и улыбалась сквозь двѣ крупныя слезы, которыя текли по щекамъ ея.

— Это безразсудное ребячество, милая Маргарита, сказалъ Вальтеръ. Ваше воображеніе разгорячилось въ ожиданіи прібытія отца, и создало себѣ несбыточную картину, которая не осуществилась; и потому что бѣдный Лесли отъ природы не сообщителевъ....

— А вы сами удивительно сообщительны?....

— Я?.... я, что старая баба, которая не можетъ не завилать хвостомъ, какъ скоро увидитъ тѣхъ, кого любить.

— О, Вальтеръ, милый Вальтеръ! желала бы я, чтобы вы были моимъ отцомъ.

Какое-то странное выраженіе мелькнуло на лицѣ Вальтера; но онъ отвѣчалъ спокойно:

— Ну, я не скажу, чтобы желала этого; потому что лишилъ бы Лесли сокровища, которое онъ, я увѣренъ, исполнѣнъ; а вы не знаете, Маргарита, какъ я люблю вашего отца.

— Не больше, однако же, чѣмъ меня?

Глаза Вальтера отвѣчали, что онъ никого и ничего не могъ любить больше очаровательнаго маленькаго существа, дѣлавшаго ему этотъ вопросъ; но онъ покачалъ головою, и сказалъ:

— Полно, полно, Маргарита; пора вамъ иногда уступать другимъ; вы слишкомъ привыкли вездѣ занимать первое мѣсто.

Между-тѣмъ какъ Вальтеръ говорилъ эти слова, подошла къ нимъ мистрисъ Торнтонъ, и тотчасъ заступилась за Маргариту.

— Такъ и слѣдуетъ; она съ тѣмъ и воспитана; кому же между нами занять первое мѣсто, какъ не Маргаритѣ? Что же до твоего огорченія, моя милая, что будто отецъ твой не радъ тебѣ, это просто ребячество,—сущее ребячество, потому что....

— Я не говорила, что онъ не радъ мнѣ, перебила Маргарита, и щеки ея покрылись яркимъ румянцемъ, потому что она не всегда терпѣливо выслушивала разсужденія и споры своей бабушки.

— Но, моя милая, какъ же можетъ онъ радоваться тебѣ? Надо сначала узнать людей, чтобы полюбить ихъ. При этихъ словахъ она взглянула на Вальтера, будто хотѣла ему сказать, что послѣднее изрѣченіе было по его части. — Я никогда не любила дѣтей своихъ, до тѣхъ поръ, пока не знала ихъ.

— Когда же это было? спросила Маргарита лукаво; потому что, надо сказать правду, она была въ этотъ день въ очень нетерпѣливомъ расположеніи духа.

— Когда они ходили въ школу, моя милая, я всегда говорила сыновьямъ: «Теперь, мои друзья, мнѣ нѣтъ болѣе до васъ дѣла; мнѣ нечего болѣе говорить вамъ. Какъ скоро мальчикъ начнетъ ходить въ школу, онъ знать не хочетъ матери, въ грошъ ее не ставитъ; по этому и я васъ знать не хочу, и умываю себѣ руки. И не говорите со мною до тѣхъ поръ, пока не наступитъ время окончанія вашего ученія, и даже не подходите ко мнѣ; я васъ знать не хочу.

— Мнѣ однако же не поминется, возразилъ Вальтеръ, чтобы Джонъ и Евстафій очень строго соблюдали ваше приказаніе.

Тамъ и льнули къ вамъ, когда приходили по праздникамъ домой.

— О, они никогда ни слова не слушали, что я имъ приказывала, отвѣчала мистрисъ Торнтонъ: я всегда была для нихъ просто ничѣмъ.... нулемъ; какъ-будто меня не существовало. Они льнули ко мнѣ, и бѣгали за мною, потому что я кормила ихъ черносливомъ; но они не любили меня, не ставили меня ни во что; звѣнья родства между нами были разорваны, мы были чужіе.

Тутъ мистрисъ Торнтонъ опять взглянула на Вальтера, потому что въ послѣдней фразѣ, по ея мнѣнію, было ужасно много поэзии; и на этотъ разъ взглядъ ея оказался не напрасенъ, потому что Вальтеръ улынулся, подавая опять подсвѣчникъ Маргаритѣ, и собирался даже отвѣчать, если бы въ это самое мгновеніе стукъ подѣзжающаго экипажа, лай собакъ, и сильный звонъ колокольчика не возвѣстили прибытія полковника Лесли въ свое помѣстье, послѣ десятилѣтняго отсутствія. Дверь быстро растворилась; вбѣжали двѣ собаки; Маргарита выступила впередъ; мистрисъ Торнтонъ засуетилась, Богъ знаетъ о чемъ; мистръ Торнтонъ, которому подагра не позволяла встать со всею живостью, какой бы онъ желалъ, протянулъ руку, и на прекрасномъ, открытомъ и почтенномъ лицѣ его засіяла такая улыбка, что лучше всякихъ словъ привѣтствовала пріѣзжаго. Вальтеръ казался еще задумчивѣе обыкновеннаго. Полковникъ Лесли поцѣловалъ Маргариту въ лобъ, пожалъ руки мистру и мистрисъ Торнтонъ, и крѣпко сжалъ руку Вальтеру. Затѣмъ послѣдовало общее молчаніе, какое обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, когда каждый изъ присутствующихъ силится показать другимъ и увѣрить себя самого, что онъ удивительно счастливъ, между-тѣмъ какъ въ душѣ чувствуетъ, что ему какъ-то неловко, но что ни ему ни другимъ не должно бы быть неловко. Полковникъ Лесли, сказать правду, повидимому вовсе не считалъ нужнымъ такъ насловать себя; онъ сѣлъ въ кресла и принялся поправлять огонь въ каминѣ. Мистръ Торнтонъ улыбался, понюхивалъ табакъ, откашливался, и наконецъ спросилъ (что за задача придумать вопросъ челоуѣку, съ которымъ вы не видались впродолженіе десяти лѣтъ!), пріятно ли онъ провелъ время въ дорогѣ? Мистрисъ Торнтонъ, которая рѣдко дозволяла другому въ ея присутствіи отвѣчать на предложенный ему вопросъ, предупредила полковника, и возразила мужу вопросомъ: Какъ же могъ полковникъ пріятно проводить время въ дорогѣ, мой другъ? Воз-

можно ли дѣло, чтобы человѣкъ, путешествовавшій по всему свѣту, какъ Лесли, могъ встрѣтить что-либо достойное его вниманія на нашей бѣдной родинѣ?

— Почему же нѣтъ, мистрисъ Торнтонъ? пробормоталъ шумъ, который всю жизнь свою сохранялъ обычай разсуждать съ женою, отъ каковой задачи всѣ, сколько-нибудь знавшіе мистрисъ Торнтонъ, давнымъ-давно отказались. Это все равно, если бы ты сказала, что Лесли не можетъ-быть пріятно видѣть насъ, потому что онъ привыкъ видѣть столько лѣтъ одни чудныя иностранныя лица.

Тутъ опять послѣдовало мертвое молчаніе. Последнее замѣчаніе повидному смутило полковника Лесли, и самъ Торнтонъ едва успѣлъ его договорить, какъ почувствовалъ, что лучше было бы этого вовсе не говорить. Положеніе всѣхъ собесѣдниковъ, и безъ того уже неловкое, сдѣлалось теперь еще вдвое неловче. Маргарита, которой щеки все больше и больше разгорались съ самаго прибытія отца, поняла, что на ней лежала обязанность выручить всѣхъ, и заговорить первой. Она взглянула на Вальтера; но онъ сидѣлъ передъ каминномъ, и длинное лицо его было еще длиннѣе обыкновеннаго; длинныя его ноги были вытянуты, какъ будто вдругъ выросли въ непомѣрную длину, а глаза неподвижно вперились въ огонь, будто были къ нему прикованы. Наконецъ, по какому-то счастливому вдохновенію, она схватила переднія лапы одной изъ прекрасныхъ собакъ, привезенныхъ отцомъ, и положила ихъ себѣ на колѣна, не заботясь объ опасности, котрою онѣ подвергали ея бѣлое кисейное платье. Потомъ, взглянувъ на полковника Лесли, она сказала робкимъ голосомъ:

— Что за чудесная тварь, эта собака, батюшка!

Лесли, будто внезапно пробужденный изъ думы, пристально посмотрѣлъ на дочь, и невольно протянулъ ей руку. Маргарита схватила ее, придвинулась къ отцу, и въ это мгновеніе всѣ присутствующіе почувствовали, будто тяжелый камень свалился съ ихъ душъ. Подали во второй разъ чай, и Вальтеръ, замѣтившій нѣжный взглядъ, который Лесли бросилъ на дочь, и лучъ удовольствія, просіявшій въ этихъ глазахъ, которыхъ онъ не могъ видѣть подернутыми тучею, вдругъ сбросилъ съ себя томительную молчаливость. Онъ заговорилъ съ своимъ давнишнимъ другомъ о мѣстахъ, которыя они посѣщали, о людяхъ, которыхъ они знавали въ молодости. Мистрисъ Торнтонъ, которая какъ канарейка всегда припималась громче щебетать, когда другіе говорили, ободрилась, и защебетала по своему обыкновенію; между-

тѣмъ какъ мужъ ея медленно оправился отъ непріятнаго сознанія, что неловко выразился въ затруднительномъ положеніи. Намъ же пора перейти къ другой главѣ, и объяснить почему лучше было бы мистру Торитону оставить сдѣланное имъ замѣчаніе про себя, и почему это невинное замѣчаніе произвело такое сильное замѣшательство во всемъ обществѣ, собравшемся въ Гранта-мэнорѣ.

II.

Вскорѣ послѣ смерти жены, Генри Лесли оставилъ Англію и поѣхалъ на нѣсколько мѣсяцевъ путешествовать по Италіи. Человѣка двадцати трехъ лѣтъ, никогда еще не покидавшаго своего роднаго города, ничто не могло лучше перемѣны мѣста и тревогъ путешествія пробудить изъ того унынія, которое заставило его искать за границею здоровья и развлеченія. Прѣхавъ Францію и пробивъ нѣсколько недѣль въ Туринѣ и Миланѣ, онъ почувствовалъ себя именно въ томъ состояніи ума и души, въ которомъ мы всего болѣе готовы принимать новыя впечатлѣнія. Горечь печали исчезла и замѣнилась безотчетнымъ желаніемъ новыхъ сочувствій и новыхъ ощущеній. Страсть къ живописи и къ поэзіи, къ художественной сторонѣ жизни, овладѣла умомъ Лесли по-мѣрѣ-того, какъ онъ вѣзжалъ въ Италію. Вліяніе ея свѣжаго неба, обаяніе ея дивной природы, память ея прошедшаго,—былая ея слава и настоящая красота—все сильнѣе и сильнѣе дѣйствовало на его воображеніе; и изъ спокойнаго, холоднаго англійскаго помѣщика обратился онъ въ это время въ страстнаго поклонника этой дивной страны, которой одно имя полно волшебнаго обаянія, которой самыя недостатки привлекательны, страданія полны поэзіи и нищета живописна; страны, въ которой жизнь похожа на сонъ; гдѣ прошедшее едва ли не осязательнѣе настоящаго, гдѣ вѣчная жизнь бьетъ ключемъ изъ нѣдръ вѣчнаго разрушенія, какъ прекрасный цвѣтъ колышется на поверхности мрачнаго стоячаго омута; гдѣ на каждомъ шагѣ сталкиваются другъ съ другомъ: жизнь, въ самыхъ яркихъ, самыхъ ослѣпительныхъ цвѣтахъ, и смерть въ самой утѣшительной, самой поэтической формѣ. Съ своимъ безоблачнымъ небомъ и безприливными морями, съ своими масляными рощами, одѣтыми въ неизмѣнно сѣрый цвѣтъ, съ горящими красками своихъ горъ и рѣкъ, съ торжественнымъ безмолвіемъ своихъ кипарисныхъ лѣсовъ и шумнымъ говоромъ своего безпечнаго народа, съ своими великолѣпными храмами, наполненными толпою жи-

выхъ молельщиковъ, и исполненными гробницами, жилищами вымершихъ народовъ, — Италія точно можетъ назваться страню живыхъ и страню мертвыхъ. Лесли понималъ это; онъ не искалъ общества, не принималъ участія въ шумныхъ увеселеніяхъ; онъ проводилъ безмятежные дни въ созерцаніи видѣній красоты и обаятельныхъ сценъ, которыя раскрывали передъ нимъ природа и искусство; и они являлись его душѣ, не какъ нѣчто новое, невиданное и не гаданное, а какъ осуществленіе давнишняго предчувствія или сновидѣнія. Не случилось ли многимъ изъ насъ въ своихъ мечтахъ чертить себѣ образъ той страны, къ которой стремятся наши помыслы, и потомъ, когда судьба приводила насъ въ эту страну, видѣть въ ней нѣчто уже знакомое? Тоже было и съ Лесли, когда онъ увидѣлъ въ первые Римское Поле.

Однажды утромъ сидѣлъ онъ на ступеняхъ церкви святаго Іоанна Латеранскаго, и, любуясь на лежавшій передъ нимъ ландшафтъ, невольно воскликнулъ вполголоса: — Это Римъ!... точно Римъ! узнаю его!

Молодой человѣкъ, сидѣвшій также на ступеняхъ церкви, съ рисункомъ передъ собою, услышалъ это восклицаніе, и поднялъ голову; радостная улыбка блеснула на его смугломъ итальянскомъ лицѣ, и онъ безмолвно кивнулъ головою въ знакъ одобренія. Это безмолвное привѣтствіе познакомило ихъ, и они вступили въ разговоръ. Молодой Итальянецъ былъ живописецъ, и Лесли, взглянувъ на его работу, былъ пораженъ выказывавшимся въ ней талантомъ. Таинственная, грустная красота Кампаньи, противоположность ея опустѣнія съ яркостью ея красокъ, — все это было такъ хорошо схвачено въ эскизѣ, что Лесли, указывая на него, сказалъ ломаннымъ итальянскимъ языкомъ и съ улыбкою.

— И это также Римъ.

— Это также похоже на Римъ, отвѣчалъ молодой художникъ, какъ творенія человѣка похожи на творенія природы. То что я могу сотворить съ помощью этого, — продолжалъ онъ, указывая на кисти и палитру, не похоже ни на то, что я вижу вокругъ себя, ни на-то, что имѣю тутъ, и онъ указалъ на свой лобъ. — Тяжелый удѣлъ живо чувствовать, и слабо выражать!

Эти слова были произнесены такъ печально и такъ чистосердечно, что Лесли тотчасъ полюбилъ молодаго живописца и возвысилъ желаніе узнать его короче. Одно простое слово производитъ иногда такое сильное и странное впечатлѣніе; слово, кото-

рое мы можетъ-быть двадцать разъ слышали, вдругъ поражаетъ наше вниманіе, потрясаетъ, можетъ-быть, далекую, едва замѣтную струну нашего сердца, и какою-то магнетическою силою внезапно рождаетъ въ насъ сочувствіе къ тому, кто произдѣлъ его. Въ настоящемъ случаѣ причиною тому могло быть то, что грустная, пламенная любовь Итальянца къ своему искусству, и выраженное имъ горькое сознаніе неравенства произведеній его рукъ съ созданіями его фантазій, имѣли нѣкоторое сродство съ задушевными мыслями Лесли, который подъ своею спокойною, холодною наружностью, скрывалъ чрезвычайно воспримчивую душу и живое воображеніе. Быть поэтому въ глубинѣ души и не находить словъ, чтобы осуществить толпою возникающія въ душѣ мысли; сознать въ себѣ силу генія и вдохновенія; чувствовать пламя, которое тайнѣ сожигаетъ васъ, и не имѣть формы, въ которую могли бы вылетѣть этотъ жгучій потокъ; чувствовать, что это священное пламя гаснетъ отъ недостатка воздуха и свѣту; создавать внутри себя то звуки радости, то печали, и никогда не слышать этихъ таинственныхъ пѣсенъ извнѣ; чувствовать, что можете таять страстною любовью, или горѣть негодованіемъ, между тѣмъ какъ голосъ вашъ нѣтъ, рука бессильна, глаза мутны!—это мученіе, которое можетъ-быть, испыталъ не одинъ робкій, молчаливый человекъ;—тотъ, на котораго смѣлый и самонадѣянный глупецъ, неумолкающій болтушка или писака, марающій сотни листовъ, смотрятъ съ равнодушіемъ какъ даже съ презрѣніемъ. И для такого-то человека имѣетъ иной разъ одно слово, одинъ взглядъ какую-то волшебную силу; передъ такимъ человекомъ открываютъ они внезапно врата, которые много и много лѣтъ были заперты передъ нимъ.

Знакомство, начатое на ступеняхъ церкви святаго Іоанна Латеранскаго, скоро превратилось въ тѣсную дружбу. Планидная, поэтическая душа Лесли, которой не отчего было прѣбывать въ мирномъ кругу семейныхъ обязанностей, и въ кроткихъ свѣтѣ ранней, безпрепятственной любви, вдругъ воспрянула къ жизни или вѣрнѣе, сознала свои силы; а въ Леонардо Феррари нашлось оное себѣ товарища, котораго характеръ и склонности вполне соответствовали состоянію собственной его души въ это мгновеніе. Феррари былъ энтузіастъ и художникъ, имѣлъ талантъ и дѣятеленъ, простъ сердцемъ и восторженъ въ рѣчахъ; словомъ,—настоящій Итальянецъ. Въ фантазій его была вся роскошь природы,—въ чувствахъ, вся простота,—во взорѣ, весь огонь,—въ движеніяхъ, вся нѣга, характеризующія этотъ народъ, и состав-

двѣящія тѣнь этой страны, къ которой одинъ изъ ея поэтовъ обратилъ эти прекрасныя строчки, полныя глубокой тоски:

Deh, fossi tu men bella. o almen piú forte,

On d'assai piú ti paventasse o assai

T'amassi men *.

Два мѣсяца проводили Лесли и Леонардо по цѣлымъ днямъ вмѣстѣ, какъ можно проводить ихъ въ одномъ только Римѣ. Вмѣстѣ блуждали они среди развалинъ умершей славы, разбросанныхъ въ видѣ природныхъ украшеній среди самаго роскошнаго, самаго волшебнаго края, какой когда либо создавала природа; блуждали среди остатковъ безпримѣрнаго человеческого могущества, среди памятниковъ вѣчной, божественной вѣры; въ катакомбахъ, этихъ мрачныхъ палатахъ доблестныхъ умершихъ, во незабвенной аренѣ, на которой кровь мучениковъ смыла пятно язычества, и образъ умирающаго гладиатора исчезаетъ передъ образомъ святаго, отдающаго тѣло свое лютымъ звѣрямъ, а душу Богу; подъ сводами святаго Петра, въ галлерейхъ Ватикана, въ садахъ виллы-Дорин. Много одинокихъ церквей, много опустѣлыхъ ввалъ, много безмолвныхъ сосновыхъ рощъ посѣщали они вмѣстѣ въ часъ вечерней мглы; днемъ же Лесли почти безпрестанно сидѣлъ въ мастерской Леонарда, гдѣ живописецъ работалъ съ религиознымъ усердiемъ къ своему искуству, съ усердiемъ не нашего времени, а давно-минувшихъ дней, когда художникъ не брался за кисть, чтобы начертать на полотнѣ образъ Спасителя, Святой Матери или Его Святаго, не преклонивъ сначала колѣна, и не почерпнувъ вдохновенiя въ теплой молитвѣ. Лесли выучился итальянскому языку, и въ первый разъ читалъ двѣнадцатое произведенiя итальянскихъ поэтовъ, сидя на обломкѣ мраморной пробилицы, поставленномъ вмѣсто скамейки въ Леонардовомъ саду. Немного,—но прекрасныхъ—цвѣтовъ украшали этотъ небольшой садикъ; на среднiй его игралъ фонтанъ, а надъ нимъ дѣлѣ птички, въ влѣткахъ, издавали свою радостную пѣснь. Итальянское солнце разливало свой яркiй свѣтъ на стѣны мастерской, и глава Лесли часто переходилъ съ книги на полотно, на которое художникъ старался перенести одно изъ свѣтлыхъ видѣнiй своей фантазiи. Сюжетомъ картинъ было воскресенiе Янровой дочери. Живописецъ вливалъ въ ней всю свою душу; на всей картинѣ была одна только фигура, образъ дѣвушки, возстающей съ

* Pilleaja, sonetto all'Italia. «О, была бы ты не такъ хороша, или была бы сильнѣе! чтобы тебя болѣе боялись, или менѣе любили!»

одра смерти. Выраженіе ея лица, ея положеніе высказывали всю повесть лучше, чѣмъ если бы артистъ изобразилъ вокругъ нея и Спасителя, и Апостоловъ, и родителей ея, и толпу цѣлующихъ, обращенныхъ къ вѣрѣ совершившимся на глазахъ ихъ чудомъ; воображеніе представляло ихъ еще живѣе, можетъ-быть, чѣмъ могъ бы ихъ нарисовать художникъ. Въ образѣ дѣвушки было вѣчто такое неземное, — большіе глаза ея, за минуту смежные смертию, были такъ ясны и такъ полны святаго благоговѣнія; въ нихъ такъ хорошо сочетались неопредѣленное сожалѣніе объ исчезнувшемъ видѣніи, и дѣтская радость возвратившейся жизни; — на челѣ печать другаго міра, черезъ порогъ котораго она уже переступала, на полуоткрытыхъ устахъ привѣтъ міру, въ который она возвращалась, — что Лесли по цѣлымъ днямъ смотрѣлъ на картину, и съ каждымъ разомъ воображеніе его болѣе и болѣе приковывалось къ этой божественной и земной красотѣ. Ему казалось, что онъ никогда не видывалъ ничего подобнаго ни по красотѣ формъ, ни по ангельскому выраженію лица, дѣвушкѣ, написанной Леонардомъ.

Однажды утромъ онъ сидѣлъ въ своемъ любимомъ мѣстѣ, съ «Освобожденнымъ Іерусалимомъ» въ рукахъ, и только что оставившись на прекрасномъ стихѣ, которымъ заключается повесть Клориды: «*Passa la bella donna, e per che dogma*». Онъ устремилъ взоры къ полосѣ темносняго неба, простиравшейся надъ дворикомъ, и мысленно повторялъ чудныя октавы. Вдругъ размышленіе его было прервано восклицаніемъ Леонарда, который стоялъ сложивъ руки передъ своею картиною.

— Какъ далеко до ея красоты, до благочестія ея лица! И онъ съ досадою изломалъ свои кисти, и бросилъ ихъ на дворъ; обломки полетѣли къ ногамъ Лесли, который поднялъ ихъ, улыбаясь этому бурному выраженію минутной досады, и спросилъ, кто этотъ идеалъ, который бросаетъ такую тѣнь на стоявшее передъ нимъ твореніе?

— Неужели вы не знаете? спросилъ Леонардо. Разумѣется моя сестра, Аминевра. Это ея портретъ, но если судить справедливо, онъ вовсе не похожъ на нее. Въ одномъ взорѣ ея глазъ больше души, на челѣ ея больше мысли, на устахъ больше любви, чѣмъ когда-либо могъ изобразить Рафаэль или Доменикино; гдѣ же мнѣ уловить ихъ? Увы, бываютъ минуты, когда я жалѣю, что видѣлъ ее, или что она такъ хороша! Она заставляетъ меня ненавидѣть свои картины.

— И ломать кисти, подхватилъ Лесли, подбирая обломки. Но

мнѣ жаль, Леонардо, что это портретъ; мнѣ никогда не нравился обычай вставлять портреты живыхъ лицъ въ произведенія фантази, въ особенности же въ картины религіознаго содержанія.

— Отъ чего же? вскричалъ Леонардо; можно ли придумать что-нибудь болѣе полное религіознаго чувства, чѣмъ лицо Джиневры? Вы никогда не видали ее во время молитвы?

— Ни во время молитвы, ни другимъ образомъ, отвѣчалъ Лесли съ улыбкою. А очень желалъ бы ее видѣть.

— Мнѣ случалось быть въ церкви святаго Іоанна, когда лучи заходящаго солнца разливали обильный свѣтъ сквозь разноцвѣтныя стекла олтара; въ это время Джиневра становится на колѣна у рѣшетки олтара для вечерней молитвы. О, Лесли, я смотрѣлъ на нее до того, что меня наконецъ пугали лучи свѣта, игравшіе вокругъ ея головы; мнѣ казалось, что она, въ минуту религіознаго восторгу, отлетитъ съ земли на небо! И я успокоивался только, когда замѣчалъ такіе же лучи вокругъ головы матери Агнесы, которая, знаю я, не попадетъ прямо на небо, что бы ни дѣлала Джиневра!

— Гдѣ живетъ ваша сестра? спросилъ Лесли.

— Дома, въ Веронѣ, отвѣчалъ художникъ.

Въ названіи Вероны есть для Англичанина нѣчто родное, нѣчто обворожительное, какъ мечта поэта; оно манитъ его воображеніе, какъ небо Италіи; оно ласкаетъ его сердце, какъ воспоминаніе юности. Съ одной стороны природа, архитектура, историческія воспоминанія, слава Ломбардіи, соединяются въ этомъ имени; съ другой стороны геній присвоилъ его, и набросилъ на него чары, которыя не утратятъ своей силы до тѣхъ-поръ, пока Англичанинъ будетъ читать Шекспира, и гордиться тѣмъ, что онъ ему соотечественникъ. Лесли было двадцать-три года; онъ испыталъ счастье и горе, но не доходилъ до крайнихъ предѣловъ ни того, ни другаго. Горе только смягчило его сердце, и когда оно прошло, воображеніе его стало доступнѣе всѣмъ впечатлѣніямъ. Путешествіе, новый край, новый языкъ пробудили таившіяся пылы его души; притомъ онъ не утратилъ отличительной черты каждаго Англичанина, въ особенности когда онъ единственный сынъ и богатый наслѣдникъ: дѣлать что, когда, и какъ вздумается. Принявъ въ соображеніе всѣ эти обстоятельства, никто не удивится, увидѣвъ, на другой день послѣ приведеннаго разговора съ Леонардомъ, новыхъ друзей, катящихся въ открытой бричкѣ черезъ Кампанью къ Болоннѣ, съ цѣлю посѣтить Верону. Лесли вознижелъ внезапное желаніе видѣть гробницу Джульетты и домъ

Капулетовъ; а едва ли не болѣе еще, познакомиться съ оригиналомъ картины, которою онъ столько времени любовался. Когда же онъ сказалъ о своемъ намѣреніи Леонарду, и предложилъ ему воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы завѣститъ своихъ родныхъ, молодой художникъ отвѣчалъ ему тою невыразимую итальянскою улыбкою, которая также непохожа на нашу сѣверную улыбку, какъ наше солнце не похоже на солнце Италіи, и которую каждый можетъ увидѣть, давъ грошъ первому встрѣтившемуся ему на улицѣ итальянскому ребенку; она засияетъ на лицѣ бѣдняка сквозь всю грязь и уныніе нищеты, какъ солнце сияетъ сквозь дымъ и туманъ лондонской атмосферы. Словомъ, Леонардо улыбнулся такою улыбкою, что Лесли пришелъ въ восторгъ, и пробывъ нѣсколько дней въ Болоннѣ, они вѣчно вѣхали ломбардскую равнину, и рано утромъ вступили въ Верону. Веронская Piazza dell'Erbe, безспорно одно изъ самыхъ очаровательныхъ мѣстъ на землѣ; въ особенности въ ясный майскій день, въ восемь часовъ утра. Тутъ соединяется все, что можетъ придумать воображеніе, чтобы придать красоту рынку. Представьте себѣ все, что васъ наиболѣе очаровывало въ затѣйливой, угловатой, вычурной архитектурѣ среднихъ вѣковъ; ея формы и выступы, ея поразительные и въ тоже время полные гармоніи контрасты цвѣтовъ; представьте себѣ мраморные фонтаны, изъ которыхъ брызжутъ потоки воды; — представьте себѣ самую роскошную, самую яркую растительность; гадящты, какихъ вы не увидите нигдѣ, кромѣ, развѣ, на картинахъ фламандской школы, лежащія цѣлыми горами, и наполняющіе воздухъ своимъ ароматомъ. Представьте себѣ наконецъ живописныя группы черноокихъ женщинъ, въ бѣлыхъ меццаро и съ коралловыми ожерельями на шеѣ, подающихъ вамъ огромные пучки этихъ цвѣтовъ. Обернитесь теперь къ улицѣ, которая выходитъ къ площади; посмотрите, въ концѣ ея, на этотъ небольшой деревянный балконъ; это балконъ дому Капулетовъ; на дверяхъ еще красуется его гербъ.... Смотрите, передъ вами является образъ Джульетты, и въ ухахъ вашихъ, кажется, раздастся голосъ, шепчущій слова самаго Ромео.

Потомъ вспомните потоки золотого свѣта, которые итальянское солнце разливаетъ на эти затѣйливыя зданія, на эту искрающую воду, на эти роскошныя цвѣты, на этихъ черноглазыхъ женщинъ. Вспомните шумный говоръ людей, быстрые взгляды, пламенные улыбки, одушевляющіе эту волшебную картину; вспомните всѣ задушевыя мечты, сопряженныя съ именемъ Вероны; — и см-

это вотомъ, не правъ ли былъ Лесли, когда, въѣзжая въ прекрасное майское утро на Piazza dell'erbe, онъ съ энтузіазмомъ итальянца воскликнулъ словами поэта: «Нѣтъ вселенной за стѣнами Вероны!»

Джиневра была дѣйствительно лучше написаннаго Леонардомъ портрета. Никакая картина никогда не представляла ничего подобнаго этому очаровательному существу; ни одинъ поэтъ не выражалъ пламенной нѣги ея темныхъ глазъ; ни одинъ скульпторъ не изваялъ такихъ прекрасныхъ формъ; дрожащія и дробящіяся лучи свѣту, которые играютъ на поверхности бурнаго моря, не такъ разнообразны, какъ свѣтъ озарявшій ея лицо, по мѣрѣ того, какъ надежда или радость, страсть или нѣжность, любовь или негодование одушевляли ея безукоризненныя черты. Когда Лесли увидѣлъ ее въ первый разъ, она стояла подъ портикомъ виллы, въ которую Леонардо вошелъ прежде его; въ одной рукѣ держала она руку брата, а другую протянула его товарищу, говоря на дивномъ языкѣ, котораго каждое слово звучитъ музыкою:

— Милости просимъ, вы, возвратившіе румянецъ его щекамъ, и огонь его глазамъ. Ему нужно было сочувствіе, и онъ нашелъ его въ васъ. Да испошлетъ на васъ Богъ благословеніе, какого заслуживаетъ тотъ, кто подастъ чашу холодной воды устамъ измученнаго путемъ и жаждою странника. Вы будете жить у насъ; не правда ли, другъ Леонардовъ? Наше жилище не представляетъ удобствъ, къ которымъ вы привыкли въ Англіи, — продолжала она, переходя отъ прежняго восторженнаго выраженія къ игривости, и окинувъ взоромъ опустѣлое и запущенное зданіе, передъ которымъ они стояли, — но наше солнце и наши померанцевыя рощи, книги дяди Франческо, и дружба Леонарда постараются усладить вамъ пребываніе въ вашей пустыщѣ, а ваша снисходительность сдѣлаетъ остальное. Тутъ голосъ дѣвушки сталъ еще вѣжливѣе, а взглядъ, брошенный украдкою изъ подъ густыхъ рѣсницъ, показывалъ, что она ожидала чего то больше снисходительности. Изъ этого не должно заключить, что Джиневра была кокетлива. Нисколько; она была невинна, какъ ребенокъ, который убираетъ себѣ голову цвѣточнымъ вѣнкомъ, и смѣется отъ восторгу, увидѣвъ себя въ этомъ уборѣ въ зеркалѣ; она была чиста какъ лебедь, изгибающей свою крутую шею надъ зеркальною гладью воды, или какъ серна, устремляющая свои большіе, черные глаза на проходящаго. Не больше улыбающагося ребенка думала она о своей красотѣ; серна и лебедь не болѣе чужды умышленнаго кокетства, чѣмъ племянница отца Фран-

ческо, священника Руерскаго, и сестра живописца Леонарда. Но глаза ея говорили, какъ могутъ только говорить глаза сердца; щеки ея то рдѣлись яркимъ румянцемъ, то блѣдѣли съ непостижимою быстротою, когда Лесли рассказывалъ о далекихъ странахъ, лежавшихъ за тѣми свѣжными Альпами, что видѣлись изъ ихъ саду. Она училась англійскому языку, который на устахъ ея дѣлался нѣжее какъ ея родное небо, и учила его итальянскому, который дѣлался на его устахъ языкомъ страсти; когда же она, сидя вмѣстѣ подѣ тѣнью вяза, читали прелестный романъ Лунджи да Порты, она казалась ему идеаломъ итальянской Джульетты; а когда онъ засталъ ее однажды на разсвѣтѣ прислоненною къ разбитой колоннѣ и протягивающею свою пустую корзину, чтобы показать шумной толпѣ нищихъ, что весь запасъ ея истощился, онъ почти желалъ бы быть однимъ изъ этихъ несчастныхъ, цѣловавшихъ край ея одежды и называвшихъ ее своимъ ангеломъ-хранителемъ. Такимъ-образомъ, каждый день, каждый часъ, въ каждомъ ея дѣйстви, въ каждой бесѣдѣ, въ которой она изливала чистые помыслы своей пламенной, но безхитростной души, и высокое стремленіе своего духа, онъ познавалъ доброту и благородство, вполне соответствовавшія видѣнію, которое онъ создалъ въ своей душѣ о той, чей образъ приковывалъ его въ мастерской Леонарда. Ежедневная жизнь ея являлась ему живымъ примѣромъ праведной, богоугодной жизни, которую святой Яковъ описываетъ въ немногихъ словахъ: «Утѣшать сиротъ и вдовъ въ ихъ скорби, и хранить свои помыслы неприкосновеннымъ міру»; и къ возникшей въ сердцѣ его любви присоединилось глубокое благоговѣніе, которое подчинило ее себѣ и освятило. Но когда онъ однажды переселивъ свое сердце, заговорилъ объ отъѣздѣ въ Англію, Джиневра побѣлѣла какъ каррарскій мраморъ, оживавшій подѣ рѣзцомъ ея брата; Лесли поспѣшно отрекся отъ своихъ словъ, и гранитъ въ ея рукахъ сталъ блѣднее въ сравненіи съ ея щеками. Все это озарило внезапнымъ свѣтомъ добраго, но непреклоннаго воспитателя бѣдной сироты. Отецъ Франческо кротко но настоятельно увѣщавалъ ее не внимать льстивымъ рѣчамъ, и избѣгать присутствія чужеземца, который молился не передъ однимъ олтаремъ съ ними, и говорилъ Джиневрѣ о своей любви, а не о супружествѣ. Джиневра повиновалась; Лесли видѣлъ безмолвную борьбу ея со страстью, которая могла убить ея жизнь, но не могла отклонить ея отъ долга; и онъ, который слѣдилъ за нею, не спускалъ съ нея глазъ, жилъ свѣтомъ ея темныхъ очей, забылъ все на свѣтѣ, кромѣ ея улыбокъ.

ки и слезъ, забылъ всякій страхъ, кромѣ страху лишиться кумира, который онъ воздвигъ въ своемъ сердцѣ со всею необузданностью души, незнавшей доселѣ ни препятствій, ни противорѣчій, — онъ рѣшился, во что бы ни стало, назвать ее своею.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, исполненныхъ тревогъ, которыхъ хватило бы на цѣлую жизнь; нѣсколько мѣсяцевъ, въ которые онъ долженъ былъ побѣдить сопротивленіе отца Франчески, предубѣжденія Леонарда и возраженія собственныхъ своихъ родственниковъ, въ продолженіе которыхъ онъ разъ уже совсѣмъ было разстался съ Джинневрою, отчаяваясь въ возможности преодолѣть разлучившія ихъ препятствія; но потомъ возвратился въ самую пору, чтобы не допустить ее произнести монашескій обѣтъ. Наконецъ, послѣ долгой борьбы между страхомъ и надеждою, отчаяніемъ и радостью, составляющей второй отдѣлъ его жизни, столь же отличный отъ перваго, какъ пѣснь Данте отъ сцены Метастазіо, — онъ сталъ супругомъ прекрасной Итальянки.

Онъ опять былъ нѣкоторое время счастливъ, счастливъ по крайней мѣрѣ въ настоящемъ. Джиневра была для него всѣмъ на свѣтѣ; онъ любилъ ее съ тѣмъ необузданнымъ пыломъ, который дѣлаетъ человѣческую страсть чѣмъ-то страшнымъ, чѣмъ-то похожимъ на отчаяніе игрока, ставящаго все свое имущество на одну карту, — любовью, которая обращаетъ всѣ силы души на одинъ предметъ, сосредоточиваетъ всѣ чувства въ одной точкѣ. Онъ остался въ Италіи; зиму провелъ въ Римѣ, лѣто на Комскомъ Озерѣ. Онъ не рѣшался пересадить свой нѣжный цвѣтокъ юга подъ леденящее небо сѣвера; не хотѣлъ подвергнуть ее холодности, которою онъ зналъ, неминуемо встрѣтили бы ее неблагоприятные, закоснѣлые въ своихъ предубѣжденіяхъ родственники. И хорошо онъ сдѣлалъ! Они насладились своею долею счастья: два года любви и супружества, два года, проведенные среди самыхъ роскошныхъ благъ природы, два года безраздѣльнаго довѣрія и ежедневнаго, непрерывнаго счастья: не довольно развѣ этой доли счастья на жизнь одного человѣка? не должно ли ожидать конца такому счастью? и не лучше ли ему рухнуть разомъ, внезапно, чѣмъ медленно увядать и клониться къ упадку?

Не хочу я въ самомъ началѣ своего разсказа останавливаться на прискорбныхъ картинахъ; притомъ это только бѣглый очеркъ предъидущей жизни полковника Лесли. Еще разъ остался онъ одинокимъ вдовцомъ, съ ребенкомъ на рукахъ, опять дочерью,

двумя или тремя годами моложе его маленькой Англичанки, Маргариты. Одна изъ тѣхъ внезапныхъ и злокачественныхъ лихорадокъ, которыя сѣютъ смерть между людьми, въ нѣсколько дней свела въ могилу вторую жену Лесли, и передъ смертью умоляла она его, отдать дочь на попеченіе ея родственниковъ и воспитать ее въ вѣрѣ матери. Лесли свято выполнилъ это желаніе. Это горестное событіе, вторично разрушившее все счастье его жизни, произвело въ немъ сильный, внезапный переверотъ, какіе обыкновенно дѣлаются лѣтами. Оно разрушило въ немъ всѣ мечты, оледенило, можетъ-быть нѣсколько ожесточило его. Никто не могъ сказать опредѣлительно, какъ онъ перенесъ свое несчастье. Онъ важно и торжественно сдалъ обѣихъ дочерей дѣмъ ближайшимъ родственникамъ и самъ отправился въ Испанію, а потомъ въ Индію. Онъ сталъ суровъ въ обращеніи; многіе считали его жестокосердымъ, — что онъ сталъ холодець, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Никто не могъ разгадать его порядкомъ, и очень немногіе любили его. Наконецъ онъ возвратился въ родную землю, въ свое семейство, и мы видѣли каковъ былъ его прїездъ послѣ десятилѣтняго отсутствія. Вторичный бракъ его былъ очень хорошо извѣстенъ въ Грантли-Мэпорѣ; но родственники его и первой жены не признавали его открыто, и никогда о немъ не говорили. Это былъ для нихъ непріятный предметъ, о которомъ на-строга было запрещено даже упоминать. Когда Маргарита была еще ребенкомъ, она одинъ разъ какъ-то слышала, какъ мистрисъ Торнтонъ, коснувшись нечаянно имени ея отца, сказала почти шопотомъ мистрисъ Сидней:

— Любезная мистрисъ Сидней, послѣ того несчастнаго итальянскаго дѣла, я никакъ не могу болѣе смотрѣть на него какъ на роднаго, и не думаю, чтобы онъ когда-нибудь вернулся въ свое семейство. Съ-тѣхъ-поръ я рѣшительно ненавижу Итальянцевъ.

На слѣдующій день Маргарита, не имѣвшая никакого попятія о томъ, что такое Итальянецъ, воспользовалась первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы спросить гувернантку, что такое бабушка разумѣла подъ «несчастнымъ итальянскимъ дѣломъ», и за что она такъ ненавидѣла Итальянцевъ?

— Занимайтесь своею книжкою, и не дѣлайте глупыхъ вопросовъ, мисъ Маргарита, отвѣчала мистрисъ Далтонъ: отвѣтъ очень благоразумный, но ни сколько не удовлетворительный. Когда, впослѣдствіи, Маргарита лучше поняла что такое Италия и Итальянцы, эти таинственные слова стали еще болѣе мучить ее, и она никогда не пропускала случая заговорить об-

твоя предметъ, потому что, какъ она объявила одной изъ своихъ милосердныхъ подружекъ :

— Какъ-скоро я заговорю объ этомъ, всё дѣлаютъ такіе странные лица! бабушка подбираетъ губы и смотритъ на потолокъ; Вальтеръ хируитъ лобъ и осматриваетъ свои сапоги; а дѣдушка треплетъ себя подбородокъ и начинаетъ отнашливаться.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? вскричала подруга, которая была нѣсколько помоложе Маргариты, и очевидно представляла себѣ это страшное дѣйствіе чѣмъ-то въ родѣ того, какъ дернутая нитка приводитъ въ движеніе Пунча, Юду и чорта. И тебѣ стоить только заговорить объ Италіи, чтобы заставить ихъ дѣлать такіе лица? Странно!

Но мы знаемъ теперь, что тутъ не было ничего страннаго.

III.

Ярко сіяло солнце, когда на другой день по пріѣздѣ полковника Лесли въ Грантан, все семейство собралось вокругъ чайнаго стола, съ несельми лицами, и если не всё съ радостными сердцами, то по-крайней-мѣрѣ съ сердцемъ полнымъ взаимной привѣтливости. Утро было холодное; стекла въ окнахъ были разрисованы тѣми изящными и причудливыми узорами, въ которыхъ воображеніе можетъ рисовать себѣ самые очаровательные ландшафты. Морозъ опушилъ вѣтви деревьевъ легкимъ инеемъ, и сверкалъ алмазами на поляхъ. Маргарита хозяйничала за чайнымъ столомъ, передъ шипящимъ самоваромъ, и хорошенькія ручки ея быстро суетились между стариннымъ серебрянымъ чайникомъ, большими чашками, синимъ фарфоровымъ сливочникомъ, и огромною, мастерски изукрашенною, сахарницею. Хорошенькій чепчикъ, съ розовыми лентами, прикрывалъ ей одинъ затылокъ: огромные глаза ея, казалось, похитили дивный цвѣтъ свой у гиацинта или у касатика, а голосъ ея звучалъ чище стоявшаго подлѣ нея серебрянаго колокольчика. Четыре пары глазъ безотлучно, съ любовью покоились на ней, но каждая съ своимъ особымъ выраженіемъ; кромѣ глазъ фамильныхъ портретовъ, которые, казалось, также устремляли на нее свои взоры, и кромѣ глазъ Эбро и Таю, двухъ огромныхъ собакъ, которыя лукаво и злорадно поглядывали то на нее, то на стоявшее передъ нею блюдо съдобныхъ пирожковъ. Положивъ руку на черную голову одной, и бросая другой пирожокъ, она сказала Вальтеру:

— Вы, вѣдь, не пойдете сегодня домой?

— Почему? спросилъ Вальтеръ, и взглянулъ сперва на нее,

а потомъ на полковника Лесли, который сѣдѣлъ съ противоположной стороны стола, и былъ погруженъ въ чтеніе газеты. Маргаритѣ показалось, что онъ этимъ взглядомъ хотѣлъ напомнить ей, что теперь просить его оставаться — было дѣломъ ея отца, а не ея; она покраснѣла, и прибавила вполголоса:

— Я увѣрена, что и ему пріятно будетъ, если вы останетесь у насъ; оставайтесь, Вальтеръ.

— Не могу; — въ-самомъ-дѣлѣ, не могу; меня ждутъ дома.

— Должно быть очень важное дѣло, что вы говорите это такъ важно.

— Важнаго тутъ ничего нѣтъ; а просто у насъ будетъ одинъ изъ моихъ друзей, и я долженъ быть въ Геронъ-Кастлѣ, чтобы принять его.

— Вашъ другъ! любопытна бы я посмотрѣть на него!

— Что же тутъ такого любопытнаго?

— Да то, что онъ долженъ быть непременно чѣмъ-то необыкновеннымъ. Я до-сихъ-поръ никогда не слыхала, чтобы у васъ были друзья.

— Миѣ очень прискорбно, что вы полагаете, будто у меня не можетъ быть друзей.

— Не то, что у васъ не можетъ быть друзей. У васъ есть друзья; дѣдушка вамъ другъ, я сама вамъ другъ; мистръ Каллигрю, старый кистеръ, даже мистрисъ Феллозъ вамъ друзья, — по своему. Но я никогда не слыхала, чтобы у васъ были друзья, такъ торжественно пріѣзжающіе къ вамъ въ Геронъ-Кастлѣ; друзья, которыхъ вы не приводите въ Грантли, — о которыхъ вы отзываетесь такъ таинственно, — «одинъ изъ вашихъ друзей» — а не называете просто по имени.

— Чтобы показать вамъ, что тутъ нѣтъ ничего таинственнаго, я скажу вамъ безъ обвиняковъ, что друга моего зовутъ Эдмундомъ Невилемъ.

— Не тотъ ли, котораго вы нѣсколько лѣтъ назадъ спасли отъ смерти, въ Ирландіи?

— Тотъ самый.

— О, теперь я знаю, кто онъ такой, и могу быть спокойна.

— Отъ чего же вы не могли быть спокойны прежде?

— Отъ того, что я прежде воображала, что этотъ неизвѣстный другъ долженъ быть чѣмъ-то въ родѣ вашего двойника, совершеннымъ слѣпкомъ съ васъ.

— А другаго подобнаго миѣ вы бы не вынесли?

Нѣтъ, не то, Вальтеръ. Я считаю васъ близкимъ къ совер-

шенству, на сколько возможно только человѣку подходить къ совершенству; еслибы другъ вашъ былъ совершенно вылитъ въ васъ, вы бы утратили достоинство оригинальности, единства; а плохого слѣзка съ васъ я не могла бы вывести.

— Такъ можете успокоиться; между нами такъ мало сходства, какъ только можетъ быть между двумя человѣками.

— Такъ ли онъ вамъ благодаренъ, какъ бы долженъ?

— Я не вижу, за что бы ему слѣдовало быть мнѣ такъ благодарну.

— Вѣдь вы спасли его отъ смерти?

— Я сдѣлалъ для него, что сдѣлалъ бы для каждого человѣка, видя угрожающую ему опасность. Въ этомъ я не нахожу большой заслуги.

— Большой заслуги! вскричала мистрисъ Торнтонъ; нѣтъ, любезный Вальтеръ, тутъ вовсе нѣтъ большой заслуги, кромѣ того, что этотъ поступокъ дѣлаетъ честь вашей неустранимости и вашему самоотверженію; впрочемъ это въ самомъ дѣлѣ неблагоразумно, — подвергать опасности свою собственную жизнь.

— Это неблагоразумный примѣръ, которому врядъ ли найдутся подражатели, перебилъ съ нетерпѣніемъ полковникъ Лесли.
— Что это за исторія, Вальтеръ?

— Позвольте мнѣ рассказать ее, подхватила Маргарита съ живостью.

Вальтеръ нетерпѣливо пожалъ плечами, а дѣвушка продолжала:

— Это случилось лѣтъ десять тому назадъ, когда Вальтеръ былъ въ Ирландіи и стоялъ въ домѣ мистра Невилля.

— Моя милая, прервала мистрисъ Торнтонъ, какое дѣло твоему отцу, въ чемъ домъ это случилось.

— А можетъ-быть и есть дѣло, спокойно замѣтилъ Лесли; это можетъ-быть мистръ Невилль изъ Клентоа? Я зналъ его въ Оксфордѣ.

— Тотъ самый, отвѣчалъ Вальтеръ.

— Мнѣ помнится, продолжалъ полковникъ, что онъ въ нашемъ клубѣ былъ однимъ изъ самыхъ отчаянныхъ Оранжевыхъ. Помню также его краснорѣчивую, жестокою рѣчь противъ эманципаціи католиковъ. Онъ былъ малый не глупый, но человѣкъ съ страшными предубѣжденіями.

— И такимъ остался онъ донинѣ, прибавилъ Вальтеръ. Пока пристрастіе или предубѣжденіе не сбиваютъ его съ настоящаго пути, онъ очень умный и благородный человѣкъ; но онъ сохранилъ все ложныя понятія своего юности, а послѣдующія об-

стойательства только больше еще укрѣпляли ихъ въ его сердцѣ. Напримѣръ, онъ положилъ себѣ за правило никогда не держать прислуги изъ католиковъ, и всегда соблюдалъ это правило съ свойственною ему строгостью; но случилось, что его лѣсничій, оди изъ тѣхъ потомственныхъ слугъ, которые наследуютъ должности отцовъ, какъ господа ихъ наследуютъ отцовскія имѣнья, женился на католичкѣ, которая воспитана была въ своей вѣрѣ. Зналъ непреодолимая предубѣжденія своего господина, лѣсничій тщательно скрывалъ отъ него это обстоятельство; а какъ самъ онъ исправно ходилъ въ англиканскую церковь, и притомъ мистръ Невилъ мало заботился о семейныхъ дѣлахъ своихъ домочадцевъ, то онъ и не зналъ ничего о вѣроисповѣданіи Максвелова сына, и позволялъ ему быть постояннымъ товарищемъ и собесѣдникомъ молодаго Невилла. Играя и охотясь вмѣстѣ, молодые люди очень скоро подружались. Однажды, когда они вмѣстѣ лазили по деревьямъ парка, сучокъ подломился отъ тяжести подъ Джономъ Максвелемъ, и онъ упалъ; его подняли безъ чувствъ, и нашли что онъ получилъ сильный ударъ въ голову, который имѣлъ большое вліяніе на его мозгъ. Долго лежалъ онъ въ постели; наконецъ выздоровѣлъ тѣломъ; но умственные способности его остались навсегда поврежденными, и во времена стали находить на него признаки совершеннаго разстройства ума. Сначала однакожь эти признаки не представляли ничего опаснаго; и такъ какъ это несчастіе еще усилило привязанность молодаго Невилла къ бѣдному товарищу, то сношенія ихъ продолжались по прежнему. Случалось, что Максвелъ приходилъ въ бѣшенство, но это бѣшенство никогда не обращалось на Эдмунда, къ которому онъ, напротивъ, всегда изъявлялъ безграничную любовь и преданность. Между прочими забавами, мальчики любили бѣгать по крышамъ и башенкамъ стариннаго помѣщичьяго дома; и разъ, когда они вмѣстѣ забавлялись этимъ, на Максвелла вдругъ нашелъ необыкновенно сильный припадокъ; онъ схватилъ товарища въ свои объятія, которыми бѣшенное раздраженіе придавало необыкновенную силу, и хотѣлъ сбросить его съ крыши, черезъ зубцы. Эдмундъ сначала подумалъ, что онъ шутитъ; но убѣдившись, что сумасшедшій дѣйствительно имѣлъ намѣреніе сбросить его, началъ бороться, и ухватился за одинъ изъ зубцовъ со всею силою отчаянія.

— И его спасли, перебила Маргарита, обращаясь къ эту — неустрашимость и присутствие духа Вальтера. Увидѣвъ со двора эту отчаянную борьбу, онъ бросился туда; не думая о собствен-

въ опасностяхъ, изобразилъ по уступамъ и карнизамъ наружной стѣны на кровлю башенки, и поспѣлъ во время, чтобы вырвать несчастнаго изъ рукъ сумасшедшаго, который съ удвоеннымъ свѣдѣтельствомъ бросился на него самого. Такъ это было, Вальтеръ?

— Точно такъ, отвѣчалъ Вальтеръ. Все это совершилось въ несколько минутъ, но это было ужасное зрѣлище, и я до сихъ поръ не могу вспомнить о немъ безъ содроганія. Слуги подошли мнѣ на помощь, и схватили сумасшедшаго, котораго припадки бѣшенства съ того дня такъ усилились, что его принуждали были заперать. Промешествіе это, разумѣется, надѣлало много шуму въ околodкѣ, и досужіе языки принялись сплетать о немъ самыя негѣпыя слухи. Отецъ Невиль былъ сильно пораженъ имъ; скоро дошли до него и всѣ возбужденные имъ толки; между прочимъ узналъ онъ тутъ въ первый разъ, что товарищъ и пріятель его сына, едва не нанесшій ему смерти, былъ католикъ. Какъ человѣкъ умный, онъ конечно понималъ негѣдность всѣхъ этихъ толковъ и слуховъ; но сокрытіе отъ него истины показалось ему гнуснымъ обманомъ, и все это происшествіе придадо новую силу ненависти его къ католицизму, и безъ того уже пустившей глубокіе корни въ его душѣ.

— Ужасно! пробормоталъ Лесли.

— Это очень естественно, замѣтила мистрисъ Торитонъ; какъ же можешь видѣть человѣка, который едва не убилъ вашего сына? Не понимаю какъ не принимать въ расчетъ человѣческое сердце? Да вотъ напримѣръ, я сама: я до настоящей минуты не могу смотрѣть равнодушно на Француза, съ тѣхъ-поръ какъ французскій учитель передалъ скарлатину моему Тамъ. Пришелъ весь красный, и такой охрипый.

— Полно, душа моя, возразилъ мистръ Торитонъ; неужели ты думаешь, что онъ съ намѣреніемъ принесъ къ намъ скарлатину?

— Я ничего не думаю, мистръ Торитонъ, ничего не утверждаю. Я не хочу ставить себя въ судья людскихъ помысловъ; а говорю только, что съ того дня по настоящее время не могу я видѣть Француза, чтобы не приходила мнѣ въ то же мгновеніе мысль о заразѣ. — И мистрисъ Торитонъ принялась итѣвать ужи въ канцѣ съ такою силою и съ такимъ гордымъ сознаніемъ своей свободы отъ предразсудковъ, что Лесли и Вальтера несколько переглянулись и улыбуались.

Должно замѣтить, что ничто такъ легко не вызывало улыбку на уста полковника Лесли, какъ подобныя примѣры людской

глупости и слѣпоты; и при этомъ губы его заворачивались, глаза прищуривались съ выраженіемъ самого горькаго сарказма. Даже когда что-либо дѣйствовало, повидимому, на лучшую сторону его души, возбуждало въ немъ сочувствіе и удивленіе, и тогда онъ, казалось, смѣялся, — не надъ великими и благородными чувствами и поступками другихъ, а надъ тѣмъ, что самъ онъ могъ быть ими растроганъ; — и результатомъ этого тайнаго волненія была по большей части какая-нибудь горькая шутка. Когда онъ обжился въ Грантли-мэнорѣ, и возобновилъ свою прежнюю дружбу съ Вальтеромъ, онъ не могъ не уважать его характера и не дивиться его благородному образу мыслей; но онъ тщательно скрывалъ эти чувства, и безпрестанно старался обратить въ смѣшную сторону, если не самого Вальтера, то его причуды и ученія. Вальтеръ слушалъ эти насмѣшки съ самымъ стоическимъ равнодушіемъ; но онъ ужасно бѣсил его нетерпѣливую воспитанницу. Маргарита пламенно привязывалась къ своимъ мыслямъ, а раздражительный нравъ ея не терпѣлъ противорѣчій; привязанность же къ Вальтеру давала ей необыкновенно острое чутье на самые тонкіе намеки на него въ рѣчахъ полковника Лесли. Неразъ случалось Вальтеру, пробудившись нечаянно изъ разсѣянности, которая порою находила на него, видѣть какъ щеки ея покрывались яркимъ румянцемъ, и глазки сверкали негодованіемъ при какомъ-нибудь замѣчаніи, котораго онъ не разслушалъ, или въ которомъ онъ не замѣчалъ намека, а если и замѣчалъ, то не считалъ его колкостью.

Но пора намъ возвратиться къ дню, послѣдовавшему за прибытіемъ полковника Лесли въ Грантли-мэноръ, и сознаться, что наша юная героиня, лишенная общества Вальтера, и оставшись въ страшномъ для нея свиданіи съ глазу на глазъ съ отцомъ, не безъ труда удерживалась отъ нетерпѣнія или унынія. Когда же прошло еще два дня, и посѣщеніе изъ Геронъ-Кастля, на которое она такъ крѣпко полагалась, не пришло нарушить ихъ однообразія, послѣднее терпѣніе оставило ее.

На четвертый день, надежда ея была опять обманута; прождавъ до вечера, она рѣшилась приказать осѣдлатъ лошадь, и ѣхать въ приходскій домъ, куда мистръ и мистрисъ Торитонъ возвратились въ то же утро, какъ Вальтеръ уѣхалъ изъ Грантли-мэнора. Этотъ приходскій домъ былъ самымъ прелестнымъ домикомъ, какой можно себя представить; низкій, одинокій дачный домикъ, къ которому постепенно пристраивали то тутъ комнатку, то тамъ уголокъ, такъ что за всѣми этими наростами нельзя

было и угадать его первоначальнаго вида. Частая сѣтка плющу и другихъ ползучихъ растений, и лучъ заходящаго солнца придавали ему въ этотъ ноябрьскій вечеръ такой веселый видъ, какъ будто время подходило не къ зимѣ, а къ веснѣ. Нѣсколько далѣй и золотоцвѣтотъ украшали еще цвѣтники, а вѣтви рябины гнулись подъ тяжестью своихъ коралловыхъ гроздй. У Маргариты стало легче на душѣ, когда она просканила паркъ и подѣлала къ желѣзнымъ воротамъ, отдѣлявшимъ его отъ земель придорожнаго дому. А когда она стала приближаться къ самому дому, ей казалось, что окна, дымящіяся трубы, каждый лавровый кустикъ, стоявшій на окнахъ, все встрѣчало ее пріятливою улыбкою; дворовая собака залала и завилала хвостомъ; весело заскрипѣли ворота на своихъ ржавыхъ петляхъ, весело зазвенѣлъ колокольчикъ у дверей, и она соскочила со своей лошади такъ легко и весело, какъ бы не существовало тѣхъ скучныхъ трехъ дней, въ которые она взвѣшивала каждое свое слово, и робко поглядывала на полковника Лесли, въ полномъ убѣжденіи, что онъ считаетъ ее или дурую или дѣвочкою безъ сердца.

Мистръ Торнтонъ, видѣвшій изъ своего кабинета пріѣхавшую ввучку, поспѣшилъ къ ней навстрѣчу, поцѣловалъ ея раздумлившагося отъ морозу щечку, называлъ ее своимъ сокровищемъ, убѣждалъ не стоять въ дверяхъ на сквозномъ вѣтрѣ, и повелъ ее въ гостиную, гдѣ жена его сидѣла за своимъ безконечнымъ шитьемъ, которое было распорото почти столько же разъ, какъ шитье Пенелопы, хотя не съ такимъ умысломъ. Маргарита нѣжно поцѣловала бабушку, взяла изъ рукъ ея давно знакомую работу, бросила шляпу и хлыстикъ на кушетку, усѣлась въ мягкія, покойныя кресла, вдѣла иголку и принялась работать съ такимъ усердіемъ, какъ будто отъ того зависѣло ея существованіе на завтрашній день.

— Дѣдушка! вскричала она вдругъ; дѣдушка, теперь я знаю, что чувствуетъ бѣдная собака, когда съ нея снимаютъ ошейникъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? какъ же ты это узнала?

— Я сама была въ ошейникѣ эти четыре дня, отвѣчала она съ такимъ выраженіемъ, и такою улыбкою, что дѣдушка не могъ удержаться, чтобы не наклониться и не поцѣловать ее въ лобъ.

— Ахъ ты глупенькая дѣвочка! сказалъ онъ.

— Вотъ напримѣръ: когда вы, дѣдушка, говорите: «глупенькая дѣвочка!» — это значитъ: «милая, уменькая, неподобная

внучка!» — Батюшка же, когда я что-нибудь ему скажу, отвѣчаетъ: «Точно, правда, душа моя!» — а это значитъ: — «Чтобы глупой дѣвочкѣ держать языкъ за зубами!» — Вотъ это значитъ понимать значеніе словъ.

— Слова, моя милая, замѣтила мистрисъ Торнтонъ, съ учительскою важностью, — чуть не болѣе, какъ знаки вещей.

— Правда, бабушка; и есть вещи, которымъ лучше бы не дѣлать знаковъ, чтобы не видно было никакихъ признаковъ ихъ существованія; напримѣръ ненависти отца къ дочери.... отвѣчала Маргарита, и голосъ ея дрожалъ отъ волненія и досады.

— Пустяки, душа моя, вскричалъ мистръ Торнтонъ; возможное ли дѣло, чтобы ктонибудь не любилъ тебя, а тѣмъ болѣе твой отецъ?

— Любви и нелюбви нѣтъ закону, мистръ Торнтонъ, подхватила его жена; я сама испытала, что можно чувствовать безотчетное влеченіе къ однимъ людямъ, и неприязнь къ другимъ. Напримѣръ я немогу смотрѣть на Мери Дикинсъ, служанку мистрисъ Сидней, или на того молодого пастора, что говорилъ проповѣдь въ прошлое воскресенье.

— Онъ косить, бабушка, а у Мери Дикинсъ кривой ротъ, и носъ точно бутылка, вскричала Маргарита, бросивъ быстрый взглядъ на висѣвшее противъ нея зеркало, которое, конечно представило ей личико нисколько не способное внушать отвращеніе.

— Въ это мгновеніе дверь отворилась, и вошли два человѣка, тѣ самые, которыхъ Маргарита напрасно прождала послѣдніе четыре дня. Вальтеръ Сидней дружески пожалъ ей руку и представилъ своего товарища. Молодой Невилъ вѣжливо поклонился, и потомъ отвернулся и отошелъ въ углубленіе окна, за пальцы мистрисъ Торнтонъ. Маргарита очень желала видѣть Эдмунда Невилля, во-первыхъ потому, что всю жизнь безпрестанно слышала о немъ; а во-вторыхъ, потому что надежда ея была обманываема впродолженіе трехъ дней. Теперь, увидѣвъ его, она совершенно разочаровалась; люди, о которыхъ мы много слышали и долго думали, рѣдко соотвѣтствуютъ нашимъ ожиданіямъ; и хотя Вальтеръ говорилъ ей напередъ, что пріятель его великъ ростомъ и довольно шедушно сложенъ, и что кромѣ прекрасныхъ темно-сѣрыхъ глазъ съ густыми бровями и рѣсницами, въ лицѣ его не было ни одной замѣчательной черты, однакоже она воображала себѣ героя романа, ни чуть не похожаго

на того мальчишку, — какъ она мысленно называла его, — что сидѣлъ темеръ противъ нея.

Чтобы объяснить, почему ему слѣдовало быть героемъ романа, мы должны нѣсколько больше раскрыть таинственную ткань, которая сплетается въ умѣ дѣвушки въ то время, когда будущая судьба для нея еще неразгаданная тайна. Маргарита, подобно если не всѣмъ, то большей части дѣвушекъ, съ того самого времени какъ перестала воображать, что замужество должно придти само собою, и такъ же неизбежно, какъ наступаетъ время, когда дѣвушка снимаетъ короткое платьице ребенка, чтобы надѣть длинное платье, и поднимаетъ подъ гребенку волосы, прежде распадавшіе локонами по плечамъ, или какъ наступаетъ ей время обѣдать въ шесть часовъ вечера со взрослыми, а не въ два часа съ одною гувернанткой, — часто въ завѣтныхъ мысляхъ своихъ гадала о своей будущности. И не разъ вспадало ей на мысль, что Эдмундъ Неваль, — другъ и почти, какъ она сама, воспитанникъ Вальтера, и притомъ наследникъ богатаго имѣнія въ Ирландіи и одинъ изъ отличнѣйшихъ воспитанниковъ оксфордскаго университета, долженъ быть очень недурная партія для наследницы Грантли-мэнора. На этой мысли созидалось много завѣтныхъ думъ, много гаданій о его вѣроятныхъ достоинствахъ, о его свойствахъ, о его наружности, и объ обстоятельствахъ, которыя должны сопровождать ихъ первую встрѣчу. И вотъ они встрѣтились, — но встрѣча ихъ прошла безъ всякихъ особенныхъ обстоятельствъ; и — что было еще досаднѣе, встрѣча эта не произвела на нее никакого особеннаго впечатлѣнія. Она обратилась къ Вальтеру и сказала:

— Нехорошо отъ васъ, Вальтеръ, что вы впродолженіе цѣлыхъ трехъ дней ни разу не подумали навѣстить меня. Скорѣе представьте свое оправданіе; не то я сочту васъ самымъ прехотливымъ и безпутнымъ человѣкомъ въ свѣтѣ.

Говоря это, она не могла удержаться отъ улыбки. Обвиненіе было такъ несообразно съ характеромъ Вальтера, что она не сомнѣвалась въ томъ, что онъ приметъ его за шутку; но къ крайнему ея удивленію онъ, казалось, нѣсколько смутился, и сказалъ, что два раза собирался въ Грантли-мэноръ, но какъ нарочно каждый разъ случалась какая-нибудь помѣха въ то самое время, какъ онъ уже садился на лошадь.

— Показали ли вы мистру Невалю красоты нашего края? спросила Маргарита, которой очень хотѣлось заставить поговорить своего новаго знакомаго.

Невилл быстро обернулся къ ней; идея его покрывшись яркими румянцами; проивцательный взоръ его остановился на мчюще-но на ея лицѣ, и также быстро отвернулся. Она раскрыла первую показавшуюся ему подъ руку книгу, — настоященію хованкама, какъ обходиться безъ пертинян, или нѣчто въ этомъ родѣ, — и сталъ читать ей вслухъ о томъ, какъ кроить блузу для ребенка; потомъ вызвался пересчитать ей стежни ея вязанья, и совершенно погрузился въ это пріятное занятіе, предоставивъ Вальтеру отвѣчать на вопросъ Маргариты. Но Маргарита, не привыкшая такъ скоро отказываться отъ разъ задуманной цѣли, какъ бы она ни была ничтожна, не давъ ему почти договорить, опять обратилась къ Невиллу съ новымъ вопросомъ: какъ онъ находитъ Бресъ-мурекій видъ, который она видѣла наканунѣ? На этотъ прямой вопросъ Невилл слегка вздрогнулъ, и отвѣчалъ не поднимая глазъ съ вязанія. — Прекрасенъ; чрезвычайно живописенъ и полонъ какого-то дикаго характера. — Потомъ онъ такъ торопливо подалъ вязаніе мистрисъ Торнтонъ, что спустилъ нѣсколько стежковъ; отошелъ къ цѣтнику и принялся нюхать гераній и мять его листья, чтобы скрыть свое смущеніе и краску, выступившую на лицо.

— Уже становится поздно, душа моя, закричалъ мистръ Торнтонъ, съ балкона передъ гостинною; лошадь твоя начинаетъ скакать; не пора ли тебѣ собираться домой?

— Мы проводимъ васъ, сказалъ Вальтеръ; намъ почти по дорогѣ, а я желалъ бы показать Невиллу грантлейсиа березы, пока онъ еще не совѣтъ облажился.

— Нѣтъ, мнѣ надо ѣхать прямо въ Геронъ-Юстель, торопливо возразилъ Невилл; я долженъ еще написать письмо, чтобы отправить съ первою почтою. Но я знаю дорогу домой, такъ не заботьтесь обо мнѣ.

Маргаритѣ стало досадно; очевидно было, что пріятель Вальтера положилъ себѣ не знакомиться съ нею, и вслѣдствіи старался избѣгать ея общества. Сердце ея при этомъ слегка, едва пріятно забилось; не то чтобы это огорчало ее; — нѣтъ, даже не обижало. Какое ей было дѣло до того, удостоивалъ ли ее этотъ невѣжливый юноша своего вниманія, или нѣтъ? Она изъ одной учтивости, изъ одной любезности хотѣла-было завести съ нимъ разговоръ; теперь же ей рѣшительно все равно, увидитъ ли она его когда-либо въ другой разъ, или нѣтъ. Прискорбно ей было только за Вальтера, что у него такой невѣжа, такой бука пріятель. Вальтеръ, разумѣется, исполнилъ долгъ свой, и

поступилъ благородно, вырвавъ его изъ рукъ сумасшедшаго, собравшагося сбросить его съ кровли замка; но затѣмъ было звать его въ Геронъ-Кастль, чтобы возмущать только ихъ удовольствіемъ? Въ такихъ размышленіяхъ сѣла Маргарита на лошадь; но едва она успѣла ухватиться и себратъ поводья, какъ, обратившись къ оннамъ столовой, чтобы еще разъ проститься съ министръ Торнтонъ, глаза ея встрѣтились съ глазами Невилла, стоявшаго подлѣ ея бабушки. Они были устремлены на нее съ такою провинцательностью и неподвижностью, что Маргарита немалюпо опустила взоры и смутилась.

И не успѣли наши путники доѣхать до воротъ парка, какъ въ умѣ дѣвушки уже сложилось цѣлое зданіе предположеній. Вальтеръ, думала она, давно уже задумалъ устроить свадьбу между своимъ другомъ и ею; онъ, вѣроятно, даже намекнулъ о томъ Невиллю, что, сказать шимоходомъ, съ его стороны очень неблагоразумно, потому что, это было причиною неловкости ихъ и взаимной принужденности, которую уже не такъ легко разсѣять. Когда они подѣхали къ колѣну аллеи, мысли Маргариты уже обратились на другой вопросъ: не слишкомъ ли онъ малъ и щедеуменъ, чтобы слыть за человека не дурной наружности? да и согласается ли она выйти за-мужъ за Ирландца? вѣтъ ли въ рѣчи его слѣдовъ ирландскаго произношенія? и наконецъ, доставить ли онъ ей когда-нибудь случай удостовѣриться въ послѣднемъ обстоятельстве? Маргарита не могла терять много времени на изслѣдованіе этого вопроса; потому что не великъ былъ у нея обыкновенно промежутокъ, отдѣлявшій зарожденіе мысли въ умѣ отъ изліявія ея въ словѣ; она не принадлежала къ тѣмъ могучимъ натурамъ, сильнымъ въ добрѣ и въ злѣ, которыя умѣютъ молчать, когда молчаніе для нихъ пытка, но пытка, въ которой душа успѣваетъ укрѣпиться противъ искушенія или собрать все силы своего гнѣва. Едва мысль рождалась въ головѣ Маргариты, она должна была высказать ее, особенно когда подлѣ нея былъ Вальтеръ. Такъ было и въ этомъ случаѣ. Едва прошло нѣсколько минутъ послѣ того, какъ она сѣла на лошадь, она, какъ говорится, взяла звѣря за рога, или вѣрнѣе, схватила лошадь своего спутника за холкъ и, навивая жесткій волосъ на свой нѣжный пальчикъ, спросила:

— Долго будетъ министръ Невилль гостить у васъ?

— Еще пробудеть, я думаю, нѣсколько дней. Какъ онъ вамъ нравится?

Узнавъ изъ приходскаго дому, Маргарита, вѣроятно, отбѣчала

бы: «Очень не нравится.» Но въ послѣднемъ взглядѣ, который она посмотрѣла сквозь плюшевую рѣшетку, заслоняющую окно столовой, было нѣчто такое, что побуждало ее повременить своимъ невыгоднымъ приговоромъ. Она сочла благоразумнѣе не дѣлать прямого отвѣта, и сказала съ улыбкою:

— Сказать правду, онъ, кажется, вовсе не расположенъ доставить мнѣ случай судить объ этомъ.

— Надо полагать, сказалъ Вальтеръ шутливо, что онъ васъ испугался.

— Испугался меня! вскричала Маргарита, заливаясь веселымъ дѣтскимъ хохотомъ. Желала бы, чтобы это была правда! мнѣ хотѣлось бы видѣть, что кто-нибудь боится меня! Доселѣ, Вальтеръ, я не могла заставить даже школьныхъ ребятшекъ бояться меня, какъ ни старалась я дѣлать строгое лицо и принимать бранчивый тонъ. Намедни еще грозилась я выгнать изъ комнаты жирнаго Мартина Дика, сына столяра; и что же? онъ приставилъ большой палецъ къ носу и раскинулъ остальные пальцы, смѣясь мнѣ въ глаза съ такимъ добродушнымъ нахальствомъ, что я сама расхохоталась и уронила свою начальническую важность.... И что у него за черные пальцы! прибавила Маргарита, хохоча отъ одного воспоминавiя, и стараясь перенять жестъ негоднаго мальчишки.

При этомъ она была такъ мила, что Вальтеръ сказалъ полшутливо, полуугрюмо:

— Если Мартинъ Дикъ васъ не боится, это не значитъ, что и другiе васъ не боится.... не боится слишкомъ полюбить васъ, опасная волшебница!

— Полюбить меня больше чѣмъ я стою, Вальтеръ? не такъ ли? Ну, вамъ, пожалуй, можно этого бояться, хотя и то мнѣ кажется очень труднымъ, чтобы не сказать, невозможнымъ; но мистру Невиллю, кажется, не съ чего бы этого бояться!

— О! Маргарита, Маргарита! въ первый разъ въ жизни измѣнила ты строгой истинѣ. Развѣ не думала ты, въ то самое время, какъ эти слова сходили съ твоихъ устъ, что именно такого рода боязнь могла побудить кого-то избѣгать тебя въ гостиной пастора и смотрѣть на тебя украдкою сквозь рѣшетку плюща. И не ты ли пачала втайнѣ раздумывать, почему бы Эдмунду Невиллю бояться, чтобы ты не слишкомъ приглядѣлась ему, избѣгать твоего знакомства, когда худшее что могло предстать ему, было — что онъ влюбился въ одну изъ самыхъ обворожительныхъ наслѣдницъ, какiя когда-либо гарцовали на кроввой арабской ло-

шадъ, въ ту, что въ эту самую минуту, предоставивъ вътру играть вырвавшимся изъ-подъ шляпы русыми ея локонами, нагибаетъ головку, подъ широко раскинувшимися сучьями стараго дуба; или, выйдя изъ бору на открытую поляну, выпрямляется, откидываетъ назадъ безпокойные локоны, и затягиваетъ поводья коню, который изгибаетъ шею въ дугу, встряхиваетъ гривую, скачетъ и пышетъ какъ будто надежда побѣды, гордость красоты, помыслы юности, мечты счастья, волшебныя видѣнія которыя воображеніе чертитъ на чистыхъ листкахъ будущаго, волнуютъ и его сердце, блещутъ въ его очахъ, какъ они волнуютъ сердце и блещутъ въ очахъ прекрасной его повелительницы.

IV.

Между-тѣмъ, какъ Вальтеръ скакалъ рядомъ съ Маргаритою по извилистой дорогѣ, огнившей террасу парка, раздался громкій выстрѣлъ изъ-за дому, гдѣ лѣспичій разряжалъ ружья; лошадь Вальтера испугалась, отскочила въ сторону, наступила на обломившійся кирпичъ у подножья забора, споткнулась и упала, придавивъ всѣмъ своимъ вѣсомъ ногу Вальтера, запутавшуюся въ стремени. Высвободившись изъ подъ лошади, онъ почувствовалъ, что нога его сильно ушиблена, и только съ помощью слуги, выскочившаго на шумъ изъ дому, могъ онъ кое-какъ дотащиться до подѣзда, гдѣ едва не лишился чувствъ отъ боли. Его тотчасъ перенесли въ покои, съ давнихъ лѣтъ отведенные ему въ Грантли Мэнорѣ, и состоявшіе изъ веселенькой спальни съ круглыми окнами, и небольшой гостиной; и Маргарита, уложивъ его на кушетку и призвавъ мистрисъ Рамсей, ключницу, чтобы она употребила все средства, какимъ могла научить ее многолѣтняя опытность, сама пошла въ кабинетъ отца, уведомить его о случившемся. Она постучалась въ дверь — другой, третій разъ, и не получая отвѣта, тихонько отворила ее. Полковникъ Лесли сидѣлъ передъ огнемъ, закрывъ лицо руками, такъ неподвижно, что Маргарита не знала спать ли онъ или просто задумался. Не смѣя прервать его сонъ или думу, Маргарита суетилась вокругъ отца до-тѣхъ-поръ пока онъ не обернулся, и не испугалъ ее въ свою очередь внезапнымъ вопросомъ: «Кто тамъ?» Дрожащимъ голосомъ рассказала она несчастіе Вальтера; она была такъ блѣдна, на лицѣ ея написано было такое безпокойство, что суровое лицо полковника смягчилось; онъ вѣжно обхватилъ ее станъ, и велѣлъ вести себя въ Вальтерову комнату. Когда они пришли, врачеванія мистрисъ Рамсей начинали уже произ-

водить желанное дѣйствіе; но-крайней-мѣрѣ такъ должно было заключать изъ улыбки, которою Вальтеръ встрѣтилъ ихъ и изъ его увѣреній, что хотя онъ не могъ ступить на ногу, однако же не чувствовалъ въ ней почти никакой боли. Правда, что сверщенный лобъ и легкое нервическое подергиваніе въ рукахъ не подтверждали истинны его словъ; но Маргарита довольствовалась увѣреніемъ. Молодости такъ ненавистна печаль, что она рада хватиться за каждое слово, которое избавляетъ ее отъ необходимости печалиться.

— Только бы скоро прошла боль! вскричала она, наклонившись надъ Вальтеромъ, поправляя ему подушки и накрывая ему ноги своимъ розовымъ баржевымъ платкомъ: а ужъ мы не будемъ слишкомъ пѣнять на случай, который привязалъ нашего стараго пріятеля за ногу къ нашему дому; въ буквальномъ смыслѣ, привязалъ его за ногу. Такъ, изиѣнникъ Вальтеръ, мы поддѣлали вамъ крылья и вы должны оставаться, *plene volens*, какъ вы говаривали встарину. Вы видите, что я еще не совсемъ забыла латынь.

— Вижу, отвѣчалъ Вальтеръ: и если вы также хорошо поманте свой родной языкъ, то я попрошу васъ написать записочку моей матери; потому что, какъ мнѣ кажется, вы и Лесли не намѣрены отпустить меня теперь домой.

— Объ этомъ и думать нельзя въ твоемъ положеніи, подхватилъ полковникъ Лесли: а кстатъ, какъ гость твой, молодой Невилль, сынъ моего стариннаго пріятеля, и, пожалуй, безъ тебя будетъ въ тягость твоему отцу, то приглаши его сюда. Онъ можетъ здѣсь стрѣлять и травить зайцовъ сколько душѣ угодно; а Маргарита, я надѣюсь, постарается занять его по вечерамъ.

— Благодарю, сказалъ Вальтеръ: если онъ вамъ не будетъ въ тягость, я буду очень радъ пригласить его.

— Написши записку мистрисъ Слdney, Маргарита, и пошлй съ челоуѣкомъ. Да вели ему дорогою зайти къ доктору Бартлетту; пусть онъ попроситъ доктора побывать сегодня же вечеромъ. По безпокойству Вальтера я угадываю, что онъ еще больше страдаетъ отъ ушиба, чѣмъ говоритъ.

Маргарита поспѣшила въ бібліотеку писать записку. Это было, по ея мнѣнію, дѣло не маловажное. Во-первыхъ, надо было увѣдомить мистрисъ Слdney о несчастіи Вальтера съ осторожностью, чтобы не испугать ее; потомъ слѣдовало писать о мистрѣ Невиллѣ; по всѣмъ вѣроятностямъ записка будетъ ему показана, а люди склонны составлять себѣ поваліе о восторженныхъ

но ихъ писать. Сама же она была бы очень любопытна читать какую-нибудь записку Эдмунда Невилла, чтобы видѣть какой у него характеръ; такъ отчего же и ему не быть такъ же любопытну въ отношеніи ея. Если бы онъ не видалъ своей доли любопытства, не смотрѣлъ бы такъ на нее изъ-за вѣтвой плетца.

На серебряной чернилицѣ, въ библіотекѣ, лежало три пера, уже подержанныя: два обсохшія чернилами, и одно бережно обертное. Маргарита взяла послѣднее.

Каждый, кому случалось писать одну изъ тѣхъ важныхъ записокъ, которыя заставляютъ пишущаго задуматься о минутѣ, когда она будетъ получена, и о лицѣ, которое будетъ ее читать, знаетъ, что за это дѣло всегда принимаются особенныя меры, съ особенными предосторожностями. Обыкновенно пишущій выбираетъ, какъ Маргарита, самое свѣжее перо; обманываетъ его съ чрезвычайною осмотрительностью, наблюдая, чтобы чернила было на перѣ не слишкомъ много и не слишкомъ мало; дрожить надъ каждымъ штрихомъ, чтобы онъ не вышелъ невсень, между тѣмъ какъ въ обыкновенныхъ случаяхъ ему нѣтъ дѣла ни до четкости письма, ни до труда, который онъ готовитъ читателю; да-лѣе, онъ тщательно извѣшиваетъ все сколько-нибудь сходныя по смыслу слова, и считаетъ весьма важнымъ вопросомъ, какъ титуловать ему своего корреспондента: милостивымъ ли государемъ, или почтеннѣйшимъ, или любезнѣйшимъ, и какъ подписаться: покорнѣйшимъ ли слугою, или просто, преданнымъ. Потомъ новая забота съ адресомъ, который все кажется ему не довольно четкимъ и красивымъ, и съ средствами доставки, изъ которыхъ ни одно не представляетъ ему достаточной надежности, и которые, кажется ему, на этотъ разъ именно, на зло, окажутся неисправными. Маргаритѣ по-крайней мѣрѣ нельзя было безпокоиться на счетъ послѣдняго, потому что средство доставленія не подлежало ни одному изъ непредвидимыхъ случаевъ, которыми могутъ подвергаться письма въ многосложныхъ почтовыхъ операціяхъ. Поэтому, какъ скоро записка была придумана, раздумана, передумана, и наконецъ написана вполне удовлетворительно, она сдала ее швейцару, съ приказаніемъ немедленно отпрavitъ ее съ человѣкомъ въ Геронъ Кастль и строго наказать посланному, чтобы онъ дождался отвѣта, и чтобы не забывъ дорогою завернуть къ доктору Барлету. Окончивъ это важное дѣло, она пошла въ свою комнату поразмыслить о событіяхъ дня, и о вѣроятныхъ ихъ послѣдствіяхъ.

Цѣти для каждого своя помнота имѣеть какую-то особую пре-

лестъ ; каждый, вступая въ свою комнату, ощущаетъ какое-то тайное обаяніе. Но *своя комната* молодой дѣвушки совѣмъ непохожа на чью-либо другую *свою комнату*. Приближаясь къ старости, мы запираемъ за собою дверь для того, чтобы насладиться спокойствіемъ, чтобы укрыться на время отъ міра и его заботъ ; иногда для того, чтобы съ благодарностью помыслить о дарованныхъ намъ милостяхъ, или о миновавшихъ насъ опасностяхъ ; иной разъ, чтобы въ безмолвіи вызывать тѣни прошедшихъ благъ, память былаго счастья ; въ горести — чтобы на колѣняхъ вымолить себѣ миръ или искать отдохновенія въ душѣ, въ счастьи — чтобы умленно благодарить Творца, или бодро приниматься за дневной трудъ ; словомъ, мы уединяемся, чтобы мыслить о дѣйствительности, собирать силы и подкрѣплять духъ на день испытанія, перечувствовать горе и радость : потому что до конца жизни скорбимъ мы и радуемся, но радость стала спокойна, а скорбь — сурова : цвѣтъ опалъ и что остается ? сухая шелуха или прекрасный плодъ ! Но когда молодая дѣвушка входитъ въ свою комнату и притворяетъ за собою дверь, она изгоняетъ всю скучную дѣйствительность и вступаетъ въ міръ очарованія. Потупить ли она взоры въ полъ, или устремить ихъ бессознательно въ обширный ландшафтъ, въ одно дерево или въ черепичную кровлю, видѣющіяся изъ окна ея ; или же скорыми шагами ходить взадъ и впередъ по тѣсной своей комнаткѣ ; будьте увѣрены, что духъ ея создаетъ, мысль ея перебираетъ, воображеніе чертитъ явленія, которыя завѣса будущности еще скрываетъ отъ ея взоровъ ; она слѣдитъ за ними съ участіемъ и волненіемъ, какія рѣдко возбудитъ въ ней дѣйствительная жизнь, и дѣтскія тайны ея уединенія составляютъ самую отрадную, самую дѣятельную часть ея жизни. Такъ было и съ Маргаритою ; между-тѣмъ какъ горючая накаливала ей двѣ камелии въ волосы, она думала о вѣроятныхъ послѣдствіяхъ отправленнаго ею приглашенія дотого, что голова ея заболѣла отъ напряженія мысли.

Къ счастью ея въ это мгновеніе вошла мистрисъ Дальтонъ съ букетомъ тепличныхъ цвѣтовъ, который ежедневно приготовлялъ для нея старикъ садовникъ : къ большому еще счастью, послѣ нѣкоторыхъ общихъ выраженій соболѣзнованія къ несчастію Вальтера, мистрисъ Дальтонъ сдѣлала ей тотъ именно вопросъ, котораго Маргарита желала. Видно такой ужъ былъ счастливый часъ для мистрисъ Дальтонъ, которой вопросы рѣдко бывали удачны и рѣдко доставляли удовольствіе ея питомицѣ.

— Ну, что, моя милая, видѣли вы молодого мистра Невилла ?

— Видѣла. А вы, мистрисъ Дальтонъ?

— Какъ-же, видѣла, и даже разговаривала съ нимъ!

— Гдѣ? когда? какимъ образомъ могли вы съ нимъ встрѣтиться?

— Вотъ какъ это было, моя милая: мнѣ нужно было растеніе *Colchicum autumnale*, чтобы пополнить собраніе черноцвѣтничковъ, которое миссъ Флуммеръ описываетъ въ пятой главѣ своей «Упрощенной ботаники». Вотъ уже шесть недѣль, что мы читаемъ вмѣстѣ эту главу; вы, правда, не большая охотница до ботаники; но я не помню другой книги объ этомъ предметѣ, которая такъ бы вамъ понравилась, какъ первыя главы этой «Упрощенной ботаники».

Тутъ Маргарита сдѣлала такое движеніе, что горничная, причешывавшая ей голову, должна была заключить мысленно, что никому еще не приходило на мысль написать книгу объ облегченіи горничнымъ ихъ обязанностей.

— Да, да! вскричала Маргарита съ нетерпѣніемъ: прекрасная книга! И такъ вы....

— Нашла, моя милая, нашла превосходный экземпляръ, хотя не совсѣмъ подобный тому, что описываетъ миссъ Флуммеръ....

— Богъ съ нею съ миссъ Флуммеръ; не говорите о ней: мнѣ одно имя ея противно! И такъ вы встрѣтили его въ саду?

— Нѣтъ, моя милая, на кладбищѣ; оно растетъ подь старымъ вязомъ.

— Не о растеніи рѣчь! я спрашиваю о мистрѣ Невилѣ.

— Ахъ, извините, душа моя. Но и его я встрѣтила на кладбищѣ.

— Чтò жъ онъ дѣлалъ на кладбищѣ?

— Читалъ надписи на нѣкоторыхъ могилахъ. Когда я порадовалась съ нимъ, я какъ-то нечаянно выронила изъ рукъ свою жестянку; онъ очень вѣжливо подвинулъ ее, и когда я его поблагодарила, просилъ меня показать ему, гдѣ находятся гробницы дому Лесли. Потомъ, когда я показала ему, онъ спросилъ меня, не принадлежу ли я къ семейству полковника Лесли; и узнавъ, что я ваша гувернантка.... то есть, что я была вашей гувернанткой....

— Безъ извиненій, милая мистрисъ Дальтонъ, перебила Маргарита, положивъ руку на руку старушки; вы никогда не пользовались властью гувернантки, и потому, что касается до меня, хоть вѣкъ называйтесь моею гувернанткою; даже когда я буду старою дѣвою! Но продолжайте!.... Да не заботьтесь о звонкѣ;

вамъ вѣдь не для чего парижаться.... И какъ мистръ Невиль узналъ, что вы моя гувернантка. А какъ же вы узнали, кто онъ такой?

— Выходя изъ дому, я видѣла, какъ онъ прогуливался верхомъ вокругъ пруда, и старинъ Джозефъ сказалъ мнѣ, что это молодой баритъ, какъ онъ называлъ его, что гоститъ въ Геронъ Каскль.

— Ну, скажите же мнѣ, что онъ спрашивалъ обо мнѣ?

— Онъ спрашивалъ, который вамъ годъ?

— Гм! странно; какое ему дѣло до моихъ лѣтъ! ну, а потомъ?

— Потомъ онъ сказалъ: Не правда ли, что уѣхисъ Лесли правильный правъ?

— Ну, любопытна я знать, что вы отвѣчали на это, мистрисъ Дальтонъ. Берегитесь; не дальше, какъ дня два назадъ, вы говорили, что вы отъ роду не выдывали такой лѣзливой, такой тщеславной, такой неносной дѣвушки, какъ я; что я десятеро нестерпимѣе всѣхъ семи дочерей мистрисъ Аткинъ, и десяти дочерей сэра Чарльза Бутчора; — надѣюсь, что вы не говорили такихъ же любезностей обо мнѣ мистру Невиллю.

— Будьте спокойны, Маргарита; я отвѣчала ему, что не имѣю привычки нускаться въ пересуды о правѣ своихъ воспитанницъ, въ особенности передъ чужими; и я сказала это съ такою улыбкою и съ такимъ поклономъ, изъ которыхъ мистръ Невиль долженъ былъ понять, что я нисколько не оскорбилась его вопросомъ, и готова была продолжать съ нимъ бесѣду — но только о другомъ предметѣ.

— Это было очень умно сдѣлано, мистрисъ Дальтонъ. Безъ сомнѣнiя, онъ убѣжденъ теперь, что я пренесносная бабенка, и что въ родѣ агн-бабы, о которой нельзя сказать одного добраго слова, и что вы изъ снисходительности ко мнѣ, предпочли молчать! Это отъ васъ удивительно мило! Ну, что бы вамъ расписать меня просто ангеломъ; вѣдь каждая дѣвушка имѣетъ право ожидать этого отъ своей гувернантки, хотя бы на дѣлѣ она всю жизнь была сущимъ чертенкомъ. Но погодите, я вамъ отплачу. Пусть только кто нибудь спроситъ меня, доброю ли вы были гувернанткою? я тотчасъ приму смущенный видъ, стану вздыхать и отвѣкиваться, какъ-будто вы впродолженiе пятнадцати лѣтъ замучили меня до полусмерти.

— Не стыдно ли вамъ, миссъ Лесли? сказала мистрисъ Дальтонъ, стараясь принять серьезный видъ, который ей никакъ не давался, и дѣлая нѣсколько гримасу, въ которой можно было кое-какъ угадать улыбку.

— Ну, а почему, вскричала Маргарита, вкосье удорившая нистрисъ Далтъонъ, собравшуюся выйти изъ комнаты; о чемъ же вы потомъ говорили?

— Мало ли о чемъ? о деревнѣ, о садѣ, о оебѣдлхъ, о нистрѣ Вальтерѣ Сиднѣ.

— О Вальтерѣ? онъ говорилъ о Вальтерѣ? какъ же онъ говорилъ о немъ? надюсе со всею любовью, со всею уваженіемъ, которыми онъ ему обязанъ?

— Онъ говорилъ, что любить Вальтера, какъ-будто не чувствуется передъ нимъ страху, и въ то же время боится его, какъ бы его вовсе не любилъ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ? Знаете, что это очень удачно выражено?... Но мнѣ странно, что онъ говорилъ это вамъ, лицу, для него совершенно чужому.

— Ну, не совсемъ чужому.

— Это какъ? что вы хотите этимъ сказать?

— Звонокъ изъ стому! вскричала нистрисъ Далтъонъ въ ужасѣ, потому что при этомъ звукѣ предсталъ ей испуганному воображенію образъ полковника, принужденнаго ждать въ столовой явленія своего семейства.

— Ну что тутъ такъ пугаться! сказала Маргарита, отвѣчая не на слова, а на мысль. Надѣньте обѣ чепчики съ лиловыми лентами, и кружевной платочекъ, и вы будете мигомъ готовы. Но не забудьте, нистрисъ Далтъонъ, продолжала она, слѣдуя за гурванткою въ корридоръ, что я сегодня не намѣрена долго ждать за вѣчными каштанами, до которыхъ вы такъ охотница. Я очень скоро кончу и встану изъ за стола. Я такъ любовитна дослушать конецъ вашей бесѣды.

Полковникъ Лесли въ этотъ день былъ разговорчивѣе обыкновеннаго; онъ такъ живо и съ такимъ одушевленіемъ разсказывалъ нѣкоторые эпизоды изъ испанской войны, что Маргарита забыла намѣреніе свое, скорѣе вѣтать изъ-за стола; глаза ея заблестали даже такимъ восторгомъ, что отецъ сказалъ ей съ улыбкою: — Какъ мнѣ кажется, ты сама не прочь бы стать во главѣ отчаяннаго дѣла; ты смотришь въ эту минуту такую героиню.

Какъ мы уже замѣтили выше, улыбка полковника Лесли всегда сбивала на насѣшку; и это неожиданное замѣчаніе мигомъ разсыпало энтузіазмъ дочери и обдало ея сердце холодомъ. Она закусила губы, вперила глаза въ птичекъ, изображенныхъ на ея тарелкѣ, изъ саксонскаго фарфору, и послѣ нѣкотораго молчанія встала изъ-за стола и послѣшно вышла съ нистрисъ Далтъонъ

въ гостинойю. Долго стояла она передъ нylaющими каминномъ, вертя въ пальцахъ свичку, и наконецъ сказала про себя, но громко: — О нѣтъ, не мнѣ вести отчаянное дѣло!

— Да полковникъ вовсе не думалъ говорить это серьезно, моя душа, замѣтила мистрисъ Дальтонъ.

— Я не понимаю мужества отчаянiя, продолжала Маргарита. Мнѣ станеть силы на великiя дѣла при крѣпкой надеждѣ на успѣхъ; но дѣло безнадежное... отчаянная борьба... одна мысль о нихъ наводитъ на меня унынiе и отвращенiе....

— Зачѣмъ же думать объ этомъ, моя милая? Не признаете ли чашку кофе?

— Стало бы вамъ духу, мистрисъ Дальтонъ, стоять за безнадежное дѣло?

— Отчего жъ бы не стало?

— Почему вы полагаете, что вамъ стало бы духу, когда я чувствую, что мнѣ не стало бы его?

— Потому, что, будь я напимѣръ солдатомъ, это было бы моимъ долгомъ.

— Чтѣ за ледяное слово — долгъ! Признаюсь, я не могла бы дѣйствовать, какъ повелѣваетъ мнѣ долгъ, не имѣя другаго побужденiя, кромѣ того, что это мой долгъ.

— По этому-то, вѣроятно, моя милая, вы такъ рѣдко дѣйствуете, какъ вамъ велитъ долгъ.

— Пожалуй, что такъ, отвѣчала Маргарита протѣжно. Знаю, что слѣдовало бы попытаться, но это такая безнадежная задача... продолжала она полупечально, полувесело.

— Какая задача, душа моя?

— Заставить отца полюбить меня, отвѣчала Маргарита.

Маргарита тутъ коснулась предмета, о которомъ мистрисъ Дальтонъ никакъ не позволяла ей разсуждать. Въ ней такъ сильно было убѣжденiе, что когда что либо должно быть, то нельзя и сомнѣваться, что оно дѣйствительно есть, что допущенiе такого сомнѣнiя казалось ей почти такимъ же преступленiемъ, какимъ было бы отступленiе отъ закона долга; и она съ необыкновенною для нея твердостью просила Маргариту не говорить такой небывальщины. Въ это мгновенiе очень кстати вошелъ слуга съ запискою, которую Маргарита съ жадностью схватила, и которая повиднмому дала другой оборотъ ея мыслямъ. Прочитавъ ее, она вдругъ вскричала:

— Да, кстати, мистрисъ Дальтонъ, скажите мнѣ, какимъ образомъ мистръ Невилъ вамъ не совсѣмъ чужой?

— Развѣ вы не знаете, моя милая, что я нѣсколько лѣтъ жила въ домѣ мистра Варрена? Мистрисъ Варренъ родная тѣтка молодому Невиллю, и онъ ребенкомъ еще былъ отданъ на нѣсколько недѣль на мое попеченіе. Я напомнила ему это; и онъ самъ это вспомнилъ, и даже привелъ мнѣ на память нѣсколько неважныхъ случаевъ, бывшихъ въ то время.

— Хорошенькій онъ былъ ребенкомъ?

— Ужасно избалованный мальчикъ.... своевольный до нельзя. Сущая была пытка имѣть съ нимъ дѣло.

Маргарита засмѣялась и сказала:

— Завтра будетъ онъ у насъ. Надѣюсь, что теперь онъ не слишкомъ насъ замучитъ.

— О, теперь совсѣмъ другое дѣло, милая Маргарита; теперь онъ уже не ребенокъ.

— Вотъ увидимъ, вскричала Маргарита, вскочивъ со стула, и въ одно мгновеніе очутившись въ дверяхъ,—есть люди, которые въ этомъ отношеніи всю жизнь остаются дѣтми! И съ этими словами взбѣжала она по лѣстницѣ, потомъ взбѣжала по другой лѣстницѣ, ведущей къ покоямъ Вальтера, ступая по двѣ ступени за разъ, и напѣвая на всѣ лады и со всевозможными вариациями. — Въ эту игру можно играть вдвоемъ! — Какую игру разучила она? Ловкость и живость, съ которою она бѣгала черезъ двѣ ступени по лѣстницѣ? или бильбоке, которое она схватила книжкою со стола, и скидывала съ удивительнымъ искусствомъ? или волакъ, который она однимъ ударомъ отправила на противоположный конецъ обширныхъ сѣней? Нѣтъ, не то; она скорѣе думала: — Пусть его вздумаетъ мучить меня; я первая замучу его! — Стыдись, Маргарита! не заслуживала ты, когда вошла въ комнату Вальтера, съ такимъ участіемъ освидомлялась о его здоровьѣ, подложила ему подушку подъ голову, и съела у его изголовья, чтобы прочесть ему записку его матери, не заслушала ты, чтобы онъ цѣловалъ тебѣ руку, и называлъ тебя самою доброю дѣвушкою въ свѣтѣ. Не злая ты дѣвушка, правда; ты даже довольно добра, какъ почти всѣ женщины; но никакъ не самая добрая дѣвушка въ свѣтѣ; до этого тебѣ далеко! Еще бы сказалъ самая хорошенькая, — мы пожалуй не стали бы спорить.

На слѣдующій день оказалось, что Вальтерова нога была такъ сильно ушиблена, что онъ по-крайней-мѣрѣ недѣлю или полторы не могъ ступать на нее; докторъ Барлетъ даже запретилъ ему всякое движеніе. Маргарита съ чрезвычайнымъ удовольствіемъ

слушала приговоръ врача, совершенно одавший большаго на помещеніе окружавшихъ его; цѣлый часъ провела она въ перестановкѣ всей коннаты, для того, чтобы узникъ имѣлъ тотчасъ подѣ руками, все что могло ему понадобится во время его затворничества.

— Заключенные въ исправительномъ домѣ, сказала она, должны нести тяжелую работу; такъ и вамъ, любезный Вальтеръ, придется цѣлый мѣсяцъ вѣрнко поработать надъ исправленіемъ моихъ грѣховъ.

— Но чтобы я могъ исправить ихъ, вы должны мнѣ признаться въ нихъ, отвѣчалъ Вальтеръ, улыбаясь; онъ взглянулъ на Маргариту, которая стояла противъ него въ ногахъ кушетки, сложа руки, и замѣтилъ, что лицо ея казалось нѣсколько озабочено.

— Я не хочу, чтобы вы могли возмнѣть дурное мнѣніе обо мнѣ, сказала она наконецъ, съ принужденнымъ смѣхомъ; и потому никогда не изберу васъ въ свои повѣренные.

Спустя цѣлый часъ, проведенный ею въ распутываніи чрезвычайно спутаннаго вязанія, которое она въ сердцахъ и нетерпѣніи привела въ еще худшее состояніе, она спросила:

— Вальтеръ, считаете ли вы это большимъ недостаткомъ, если кто пламенно желаетъ, чтобы его любили, хвалили и ласкали?

— Нѣтъ; само по себѣ это желаніе не преступно; но это опасная оклонность, которая можетъ перейти въ необузданную, нерѣдко гибельную страсть.

Послѣ нѣкотораго молчанія, видя, что она не отвѣчаетъ, онъ продолжалъ:

— Всякой ли хвалы вы жаждете? любите одного лица, или каждаго безъ разбору?

— Не то чтобы всякая хвала, любовь каждаго безъ разбора была мнѣ равно дороги; но никакая не мнѣшается. Мнѣ пріятно, когда дворовая собака виляетъ хвостомъ при моемъ появленіи; пріятно, когда я цѣлую ребенка моей двоюродной сестры Мери, и она обнимаетъ мнѣ шею своими рученками. Я люблю видѣть вокругъ себя довольнаго, любящаго меня лица; холодный, суровой взглядъ я ненавижу какъ мрачный, пасмурный день. Мнѣ хочется, чтобы меня всѣ любили, какъ хочется, чтобы надо мною сіяло солнце. Жизнь безъ любви была бы для меня, что мнръ безъ солнца. Можете ли вы, Вальтеръ, представить себѣ существо болѣе несчастное, чѣмъ тотъ, кого никто бы не любилъ?

— Могу; это тотъ, кто никого не любитъ.

— Вы думаете, что это еще хуже? Неужели же любовь сама себя награда?

Вальтеръ открылъ лежавшую подлѣ него книгу, и прочелъ вслухъ слѣдующія прекрасныя строки одного изъ романовъ Вальтеръ-Скотта: «Мысли ея были отрѣшены отъ міра, и только посѣщали его съ участіемъ, подобнымъ участію духовъ-хранителей къ вѣтреннымъ ихъ покровительству, ревнуя о тѣхъ, кого она любила или о страдальцахъ, которымъ она могла принести помощь или утѣшеніе.»

— Какъ вы! сказала Маргарита, когда Вальтеръ закрылъ книгу; такую точно любовь прѣтаете вы къ другимъ. Я никогда не буду способна на такое самоотреченіе.

Въ это самое мгновеніе взоры ея устремились въ окно, и улыбка мелькнула на ея устахъ, когда конскій топотъ на мощеномъ дворѣ возвѣстилъ прибытіе гостя. Она поспѣшно встала, и не успѣла скрыться въ одну дверь, какъ другая отворилась, и въ ней показался Эдуиндъ Невиль. Не будучи собственно красавцемъ, Невиль имѣлъ въ себѣ нѣчто походившее на красоту. Густой румянецъ щекъ его и озабоченное выраженіе глазъ, когда онъ подошелъ къ Вальтеру и освѣдомился о послѣдствіяхъ случившагося съ нимъ несчастія, внушили Маргаритѣ выгодное о немъ мнѣніе. Онъ быстро обернулся къ ней и протянулъ руку, какъ къ старой знакомой; вообще обхожденіе его совершенно перемѣнилось со вчерашняго дня. Когда она собралась выдти, онъ сказалъ ей съ такимъ дѣтскимъ и въ тоже время убѣдительнымъ выраженіемъ: Не уходите! что она невольно остановилась въ изумленіи.

Такъ какъ ей не было ни малѣйшей охоты уходить, то послѣ этого вѣлюбезно было бы съ ея стороны не оставаться; съ улыбкою, которая это ясно высказала, рѣшилась она на среднее между тѣмъ и другимъ. Она не вышла, но и не возвратилась на прежнее свое мѣсто передъ каминномъ; а прислонилась къ спинкѣ Вальтерово кувшетки, и принялась тереть, угломъ своего шитаго восточнаго платка, чернильное пятно, обезображивавшее самую яркую юбку на лощеной обивкѣ софы. Къ числу удобствъ этого важнаго занятія, принадлежало и то, что оно не могло кончиться достиженіемъ непосредственной его цѣли, потому что доселѣ неизвѣстно, чтобы чернильныя пятна выводились треніемъ. Только когда раздался звонокъ къ завтраку, и мистръ и мистрисъ Торнтонъ, — непремѣнно приглашавшіеся въ Грантли-мэноръ,

какъ скоро тамъ бывали гости, — явились въ столовую, Маргарита въ третій разъ направила стопы къ дверямъ; и на этотъ разъ уже ничто не остановило ее; она сошла по дубовой лѣстницѣ рядомъ съ Эдмундомъ Невилемъ. Мистръ Торатонъ, усѣвшійся уже передъ огромнымъ паштетомъ, съ крылышкомъ куропатки на вилкѣ, и съ блаженною улыбкою на сіяющемъ лицѣ, вскричалъ:

— А, мое сокровище! отчего это, личико твое сегодня просіяло какъ ясный день? Снять ошейникъ съ шеи? а?

Она сбѣжала своею хорошенькою головкой знакъ, какъ-будто вытаскивала шею изъ петли, и притянувъ торчавшее на вилкѣ крылышко на свою тарелку, весело захохотала своему подвигу; хвалилась тѣмъ, что все дѣлается по ея волѣ, и что она всѣхъ водить тѣмъ или другимъ путемъ; наконецъ она наклонилась къ мистрису Дальтонъ и сказала ей: «блгоголося»:

— А пожалуй, мистрисъ Дальтонъ, что я буду въ состояніи вести безнадежное дѣло.

Прошло три недѣли послѣ несчастія, случившагося съ Вальтеромъ. Для Маргариты это были самыя блаженныя недѣли, какія она доселѣ переживала; она провела ихъ въ самой родственной ей сферѣ, среди общей хвалы и любви. Дѣдъ и бабушка ея, равно какъ мистръ и мистрисъ Сидней, пріѣхавшіе въ Грантли, чтобы быть при больномъ сынѣ, боготворили ее. Она выросла среди ихъ, на ихъ глазахъ, на ихъ рукахъ. Голосъ ея, смѣхъ, были для нихъ свѣтлымъ лучемъ солнца въ послѣдніе семнадцать лѣтъ ихъ жизни. Комната Маргариты, — была ли это обитая шпалерами спальня въ Геронъ-Кастлѣ, гдѣ Вальтеръ столько разъ бралъ ее на руки ребенкомъ, поднималъ ее, чтобы показать ей чудныя фигуры, изображенныя на шпалерахъ; гдѣ онъ рассказывалъ ей повѣсть о жестокомъ графѣ Бертрамѣ и нѣжной боярской дочери Годивѣ; гдѣ она бывало угрожала своей рученкой королевѣ Элеонорѣ, и плакала о прекрасной Розамундѣ; или же это была простенькая, окрашенная розовою краскою комнатка въ приходскомъ домѣ, выходившая окномъ на самую бархатную лужайку и самыя роскошныя цвѣтники, какіе когда-либо украшали прелестный англійскій сельскій домикъ, — вездѣ и всегда комната Маргариты была комнатою по преимуществу, сборнымъ мѣстомъ всего дома.

— Улетѣла моя пѣвчая птичка, Вальтеръ, говаривала мистрисъ Сидней сыну; но я все еще съ удовольствіемъ гляжу на ея опустѣвшую кѣтку, и что то шепчетъ мнѣ, что она воротится.

А блѣдный, спокойный Вальтеръ въ отвѣтъ жалъ ей обычно-

оживо руку! въ послѣднее только время онъ часто отвѣчалъ: — Вы знаете, матушка, что теперь мы не можемъ надѣяться, чтобы она такъ часто оставалась у насъ.

А нѣжная, неразумная мать возражала:

— Отчего же не придти дню, когда она останется у насъ навсегда?

Тогда впалыя щеки Вальтера покрывались густымъ румянцемъ; онъ бросалъ на мать строгій взглядъ, но мысленно готовъ былъ обнять ее за эти слова.

Когда Маргарита уѣзжала изъ приходскаго дому, мистръ Торнтонъ твердилъ по десяти разъ въ день:

— Что за досада, что Маргарита должна ѣхать домой! И что за глупость! Ну, какая ей надобность ѣхать домой!

И хотя мистрисъ Торнтонъ каждый разъ возражала ему, что по естественному порядку вещей люди не должны вѣчно оставаться на одномъ и томъ же мѣстѣ, и что она согласиле бы видѣть Маргариту мертвою и похороненною на кладбищѣ, чѣмъ живо схороненною въ ихъ скучномъ жилищѣ; или другой разъ саранивала съ кроткимъ и многозначительнымъ спокойствіемъ:— Да что она такое для насъ, или мы для нея, чтобы ей никогда не разставаться съ нами?— Однакоже она сама также съ нетерпѣніемъ ожидала возвращенія внучки, и разъ двадцать въ день поднимала глаза съ своего шитья,—вѣчной бѣлой кошки на голубомъ полѣ—, и посматривала на дворъ, не повернутся ли зеленые ворота на своихъ скрипучихъ петляхъ, и не войдетъ ли въ нихъ старая воронная лошадка, которая столько лѣтъ носила юную пощадку по тѣнистымъ аллеямъ, по перелѣскамъ, и по шелковымъ полянамъ прекрасной грантлейской долины.

Словомъ, скучный ноябрь мелькнулъ для Маргариты однимъ непрерывнымъ мгномъ счастья и радости. Всѣ улыбались ей; всѣ взоры блистали удовольствіемъ, когда останавливались на ней. Вальтеръ, ея милый старикъ Вальтеръ, по мнѣнію ея не могъ не быть вполне счастливъ въ своей уютной комнатѣ, нѣтъ при себѣ мать для присмотра за нимъ, и свою любезную Маргариту, чтобы читать ему, пѣть, приносить изъ библіотеки тѣ тяжелыя, прескучныя и премудрыя книги, до которыхъ онъ такой охотникъ, для передачи по сосѣднимъ деревнямъ, больнымъ и несчастнымъ, помощи и утѣшеній, которыя онъ носилъ каждый день нуждающимся. Сомнѣваемся, чтобы это свѣтлое видѣніе, мелькнувшее передъ взорами страдальцевъ, хотя оно и оставляло за собою существенныя слѣды своего пребыванія, — такъ же бо-

легчало скорби ихъ, какъ Вальтерово пожатіе руки и утѣшанія его, уповать на помощь, какой не можетъ подать этотъ міръ. Какъ бы то ни было, она дѣлала все что могла; не виновата же была она, дѣтя счастья, тому, что горькій опытъ не научилъ ее еще тѣмъ тайнамъ сердца, съ помощью которыхъ намъ доступны сердца другихъ. А между-тѣмъ несчастные благословляли ее, Вальтеръ хвалилъ, мать его боготворила, всѣ баловали ее. Чего же недоставало ей, чтобы быть счастливою? И удивительно ли, что глаза ея съ каждыиъ днемъ ярче блистали, что поступь ея была легче, смѣхъ звонче и веселѣе чѣмъ когда-либо?

==

ГРАНТЛИ-МЭНОРЪ.

=

ПОВѢСТЬ ЛЕДИ ДЖОРДЖИАНЫ ФУЛКЕРТОНЪ.

=

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

I.

Однажды утромъ Маргарита сидѣла за работою въ гостиной, мистрисъ Торнтонъ подбирала подлѣ нея шерсти, а Эдмундъ Невилъ долго не спускалъ глазъ съ вѣсколькихъ сѣрыхъ мотковъ, и разсматривалъ ихъ съ такимъ вниманіемъ, какъ-будто онъ и самъ подбиралъ тѣни для хвоста бѣлой кошки. Вдругъ онъ вско-чиль и вперилъ глаза въ ворота, гдѣ полковникъ Лесли садился на лошадь.

— Куда это отецъ вашъ ѣдетъ такъ рано? спросилъ онъ, обращаясь къ Маргаритѣ.

— Къ лорду Доннингтону, отвѣчала она, котораго усадьба въ пятнадцать мильхъ отсюда.

Когда полковникъ Лесли поскакалъ по широкой аллеѣ, и скрылся изъ виду, Эдмундъ обратился опять къ Маргаритѣ съ тѣмъ особеннымъ, ему одному свойственнымъ выраженіемъ, въ кото-

ромъ соединялись вкрадчивость ребенка и самовластіе челоуѣка, привыкшаго повелѣвать. Устремивъ глаза ей прямо въ лицо, онъ сказалъ:

— Я желалъ бы посмотреть домъ; покажите мнѣ весь домъ.

— Развѣ кухню и погреба? спросила Маргарита, улыбалась; потому что все остальное вы уже видѣли.

— Нѣтъ, я не смотрѣлъ еще картинъ въ столовой, и не былъ ни во внутреннихъ комнатахъ библіотеки, ни въ кабинетѣ вашего отца. Пойдемте со мною.

— Что за странная охота! замѣтила Маргарита.

— Ни чуть не странная, душа моя, возразила Мистрисъ Торнтонъ; желаніе это очень легко объясняется, въ френологическомъ отношеніи.

Маргарита знала, что бабушка ея два дня уже сидѣла надъ Комбомъ, и ничего такъ не желала, какъ избѣжать предстоявшаго ей толкованія. Поэтому послѣдующій зовъ Эдмунда былъ дѣйствительнѣе перваго, и оба они сошли съ дѣтвницы прежде чѣмъ мистрисъ Торнтонъ успѣла припомнить въ точности френологическую чепуху, которою она думала объяснить желаніе Невилла осмотрѣть домъ.

Теперь слѣдуетъ намъ описать Эдмунда Невилла, — не въ френологическомъ, а въ простомъ смыслѣ, — что мы и попытаемся сдѣлать, хотя знаемъ, какъ трудно прибрать на то вполне удовлетворяющія выраженія. Онъ былъ довольно малаго росту и щедушнаго складу; однако же мускуловатое и чрезвычайно соразмѣрное сложеніе изобличало чрезвычайную дѣятельность и силу. Голова его была невелика, и очень хорошо посажена на плечахъ; во всѣхъ тѣлодвиженіяхъ выражалась та важность и та утонченная мужественность, которыми отличаются всѣ портреты Вандейка. Волоса его были не черные, но очень темнорусые; цвѣтъ лица блѣдень, но здоровъ. Прекрасные глаза, но которыхъ выраженіе чрезвычайно трудно было уловить; главною чертою ихъ была настойчивость, которая тѣмъ болѣе бросалась въ глаза, что она противорѣчила общей безпечности и видимой апатіи его обращенія. Глаза его были прекрасны, и, казалось, читали въ душѣ каждаго, но давая никому заглянуть въ свою душу. Обращеніе его соединяло въ себѣ дѣтскую вкрадчивую смѣлость съ необыкновеннымъ самовладѣніемъ. Губы были чрезвычайно тонкія, а очеркъ его краснаго рта изобличалъ твердость воли, которую трудно было согласить съ его обычною флегмою. То же противорѣчіе было въ его рукахъ, бѣлыхъ и нѣжныхъ, но одаренныхъ

здѣльнымъ силамъ, какъ что онъ могъ безъ усилій преломить сукъ, который полковникъ Лесли и министр Торнтонъ тщетно пытались только потнуть. Въ самыхъ ничтожныхъ обстоятельствахъ жизни оказывалъ онъ твердость воли, которой трудно было претивиться. Напримѣръ онъ настоялъ на томъ, чтобы министръ Торнтонъ посадила свою кошку на красное поле, а не на голубое; чтобы министръ Дайлтонъ дала деревенскимъ ребятишкамъ лишній праздникъ; чтобы Маргарита наколола себѣ въ волоса вѣтку шповника виѣсто шапочки, и чтобы Вальтеръ прочелъ вслухъ невольнотъ на хлѣбные законы, виѣсто опыта о церковной архитектурѣ. Даже старика министра Сидиса поставилъ онъ на своемъ; и, по внушенію его, оврагъ былъ засаженъ не ельникомъ, а березами, не смотря на то, что сначала владѣлецъ Геровъ - кастля, отчаянный сельскій хозяинъ, встрѣтилъ это предложеніе съ невыразимымъ презрѣніемъ. Въ ребяческой настойчивости, съ которою Эдмундъ стремился къ своему желанію, было дѣйствительно вѣчто неотразимое; и высказывалъ онъ свое желаніе такъ вкрадчиво, такъ ласкательно, что, если предметъ былъ ничтожный, то казалось жестокимъ отказать ему въ бездѣлицѣ; если же предметъ былъ поважнѣе, то, казалось, привязывался къ нему всею душою, и опять надо было ему угодить. Такимъ-образомъ онъ вездѣ предписывалъ свою волю, и всѣхъ и каждаго принуждалъ сообразоваться съ своею волею; а между тѣмъ всѣ его любили еще болѣе, чѣмъ это показывали. Самъ даже полковникъ Лесли, хотя и трунилъ надъ тѣмъ, какъ другіе баловали этого ребенка Невилля, однако же всегда былъ радъ его видѣть и готовъ во всякое время свернуть съ своей дороги, чтобы пройти съ нимъ; онъ даже самъ предложилъ отложить давно уже улаженную поѣздку къ старинному монастырю святаго Вульстона, потому что у бѣдняжки Эдмунда болѣла голова, и онъ не могъ бы принять участія въ поѣздкѣ.

Маргарита и Эдмундъ разматривали картины въ столовой съ равнымъ съ обѣихъ сторонъ участіемъ; потому что она любила ихъ почти какъ товарищей своего дѣтства, какъ предметы своихъ сновъ на яву въ послѣдніе годы, какъ знакомые образы, которые вилелсь во всѣхъ воспомнаніяхъ прошедшаго. Онъ же любовался ими какъ челоуѣкъ, способный оцѣнить достоинство ихъ въ художественномъ отношеніи, и съ любопытствомъ слушалъ присвоенныя нѣкоторымъ изъ нихъ семейныя преданія. Нѣсколько минутъ стояли они передъ портретомъ полковника Лесли, писаннымъ для матери Маргариты незадолго до ея свадьбы. Пор-

зреть этотъ повидному приновалъ взоры Эдмунда; онъ смотрѣлъ на него, какъ будто не могъ отвести отъ него глазъ; Маргарита два раза начинала съ нимъ говорить, но не могла пробудить его; только, когда она спросила его въ третій разъ, находить ли онъ въ портретѣ сходство, онъ отвѣчалъ протяжно: — Чрезвычайно много сходства! — и продолжалъ смотрѣть на него съ тѣмъ же вниманіемъ. Наконецъ онъ отвернулся отъ портрета и спросилъ отрывисто:

— Который годъ вашему отцу?

— Около сорока двухъ-лѣтъ, я думаю, отвѣчала Маргарита.

— А вамъ? продолжалъ Эдмундъ, съ улыбкою.

— Мнѣ? скоро девятнадцать.

— А сестрѣ вашей?

Маргарита вздрогнула, и устремила на него свои большіе фиалковые глаза съ смущеннымъ и вопрошающимъ выраженіемъ. Имѣть сестру — было любимую мечтою ея дѣтства; она помнила даже съвозъ туманъ, что однажды подслушала она случайно, какъ бабушка говорила съ гувернанткою, думая что она гдѣ-нибудь далеко и не услышитъ: — «Когда подумаю только, что эта маленькая? Итальянка ей сестра!» — Съ тою странною скрытностью, которую часто видали мы въ самыхъ частосердечныхъ и безкитростныхъ дѣтяхъ, утаила она подслушанное слово въ душѣ, и никому не говоря о томъ, думала и передумывала надъ нимъ, пока сонъ этотъ, блѣднѣя мало-по-малу, не исчезъ среди заботъ и помысловъ ежедневной жизни. Съ теченіемъ времени, ей показалось такъ неестественнымъ, чтобъ никто не упоминалъ о ея сестрѣ, и даже не проговаривался о ней, если бы у нея дѣйствительно была сестра, что она пришла къ тому заключенію, будто это воспоминаніе принадлежало къ разряду несбыточныхъ видѣній, которыя часто въ часы уединенія принимаютъ въ дѣтскихъ умахъ видъ дѣйствительности. И теперь вопросъ Эдмунда, казалось, какъ электрическимъ ударомъ пробудилъ въ умѣ ея цѣлый рядъ уснувшихъ мыслей; и сердце ея сильно забилося, когда она отвѣчала:

— Много лѣтъ назадъ я воображала, что у меня была сестра, — гдѣ-то далеко, за границею; — но какъ никто никогда не упоминалъ о ней, то я и перестала считать это возможнымъ. Откуда же вы взяли, что у меня есть сестра?

— Я слышалъ отъ кого-то, будто у васъ есть сестра, отвѣчалъ онъ равнодушно; впрочемъ, я можетъ-быть и ошибаюсь. Теперь

покажите мнѣ копію съ Гвидо-Реневої «Среганза», о которой вы мнѣ говорили напередн.

Мargarита отворила дверь въ кабинетъ полковника Лесли, и повела спутника къ картинѣ. Но сердце ея было переполнено, она вдругъ обернулась назадъ, и сказала Эдмунду вопрошающимъ голосомъ:

— Сдѣлайте доброту мнѣ въ Невиль, скажите мнѣ, гдѣ и когда слышали вы, что у меня есть сестра? Если бы это правда, я была бы такъ....

Тутъ она вдругъ остановилась, и отвернулась.

— Такъ что? спросилъ Невиль настойчиво.

— Такъ счастлива! вскричала она восторженнымъ голосомъ, и слезы брызнули изъ глазъ ея. — Мнѣ недостаетъ сестры, продолжала она въ сильномъ волненіи; всѣ окружающіе меня такъ ко мнѣ добры, такъ снисходительны; всѣ они любятъ меня, и я люблю ихъ; а Вальтеръ — добрый Вальтеръ — я люблю его отъ всего сердца. Но всѣ они для меня слишкомъ добры, слишкомъ снисходительны, слишкомъ мудры; мнѣ недостаетъ сестры, съ которою могла бы я бесѣдовать, смѣяться, пожалуй ссориться. — И Margarita улыбалась сквозь слезы.

Эдмундъ схватилъ ея руку, и поцѣловалъ.

— Margarita, милая Margarita, началъ онъ, я долженъ вамъ сказать.... что-то, что я давно желалъ сказать вамъ, но откладывалъ со дня на день. Выслушайте меня теперь, Margarita, выслушайте меня....

— Нѣтъ, нѣтъ, вскричала дѣвушка, вскочивъ со стула, и густой румянецъ облилъ ея щеки, лобъ и даже шею. — Я совсѣмъ не хотѣла этого.... вы меня не поняли.... я никогда не думала....

Въ это время просто съ нетерпѣніемъ дернулъ колокольчикъ у подъезда; вскорѣ за тѣмъ послышались на лѣстницѣ шаги полковника Лесли, и прежде чѣмъ дверь кабинета отворилась, Margarita скрылась въ садъ.

Эдмундъ, нисколько не теряя присутствія духа, пзвизгился въ томъ, что самовольно проникъ въ кабинетъ, и потомъ спокойно вышелъ въ гостиную, гдѣ засталъ мистрисъ Торитонъ, раздѣлявшею свое вниманіе между оттѣвненіемъ хвоста кошки, и толкованіемъ мистру Сиднею, необходимости съ самаго нѣжнаго возраста подвергать дѣтскія головы фрегологическому освидѣтельствованію. Она была такъ убѣждена въ важности этого дѣла, что если бы ей пришлось имѣть еще ребенка, она скорѣе

согласилась бы, чтобы онъ родился въсрѣзъ базъ, подорожъ, чѣмъ бѣди-
известныхъ шишекъ, необходимыхъ на черепѣ. каждаго младенца.

Но слушая разсужденій ея о такомъ важномъ предметѣ, послѣ-
дуюмъ лучше за Маргаритою въ ея комнату, куда она бросилась,
услышавъ шаги отца. Она понимала, что - то важное совер-
шилось въ ея жизни, но не могла дать себѣ отчету въ томъ, что
именно произошло въ послѣднія нѣсколько минутъ. Она сѣла;
голова ея невольно опустилась на скрещенныя руки, и она при-
нилась думать. Маргарита думала о томъ первомъ пронзательномъ
взглядѣ, который съ-тѣхъ-поръ столько разъ останавливался на
ней съ выраженіемъ глубокаго участія, который видѣлся ей и на
яву и во снѣ; думала о дѣтскомъ удовольствіи, съ которыми она
ждала Эдмундова посѣщенія, — о дѣтской радости, которую она
ощущала, когда онъ искалъ ее, слѣдилъ за нею взоромъ; и те-
перь къ этой свѣтлой мечтѣ присоединилось нѣчто серьезное.
Казалось, въ ея душѣ была тронута пружина, открывшая передъ
нею соосѣмъ новый міръ. И этотъ новый міръ, въ который она
вступала, былъ ли это міръ фантазій, или міръ дѣйствительно-
сти? сонъ ли она видѣла доселѣ, и теперь пробуждалась, или ея
овладѣлъ новый, странный сонъ?

Она почувствовала въ себѣ лихорадочный жаръ, подняла голо-
ву и обратила разгорѣвшееся лицо къ окну. Печально смотрѣла
она на прелестный ландшафтъ, разстлавшійся передъ окномъ на
шпирокую, чистую рѣчку, и на позолоченныя холмы. Хорошень-
кая птичка отчаянно билась подъ окномъ; вдругъ она оцѣпѣвѣ-
ла, опрокнувшись на взвнчъ и, въ нѣмомъ ужасѣ, устремила взо-
ры вверхъ. Надъ нею парилъ ястребъ. Маргарита съ трепетомъ
слѣдила за этою сценою, и когда хитрый ястребъ спустился и
схватилъ свою жертву, — вскрикнула и закрыла глаза. Когда
она опять открыла ихъ, на усыпанной пескомъ дорожкѣ валя-
лось два или три красныхъ перышка, забрызганныхъ кровью.

— Бѣдная, бѣдная птичка! сказала она тихимъ, дрожащимъ
голосомъ.

— Что за вздоръ! какое мнѣ дѣло! вскричала она съ нетерпѣ-
ніемъ послѣ нѣкотораго молчанія.

Потомъ глубоко вздохнула и будто стряхнула съ себя тяжелое
бремя. Послѣдовалъ внезапный порывъ безумной веселости. Она
сѣла къ фортепіано, и пальчики ея быстро и весело забѣгали по
клавишамъ. Потомъ она отворила окно, сорвала вѣтку съ росшаго
подъ нимъ лавроваго дерева, и принялась ошипывать съ нея ли-
сточки и бросать ихъ въ каминъ; листья трещали и всыхивали яр-

пламеней, а Маргарита улыбалась, вспоминая любимую забаву своего дѣтства. Она переходила отъ окна къ окну, отъ стула къ стулу, открывала каждую книгу, брошенную на столѣ, наконецъ сѣла въ низкія кресла и погрузилась въ размышленіе, въ которомъ она мысленно повторяла всѣ обстоятельства мнѣтливой, но важной сцены, совершившейся въ кабинетѣ. Щеки ея снова запылали румянцемъ, когда подумала, что, можетъ-быть, она сама неосторожнымъ словомъ вызвала на уста Эдмунда признаніе въ своихъ чувствахъ; она съ первыхъ словъ остановила это признаніе... но рѣшится ли онъ въ другой разъ просить ее выслушать его, или же огравчатся этою первою неудачною попыткою? О! нѣтъ, глаза ея, — и она взглянула въ зеркало, которое представило ей всю силу этихъ злодѣйскихъ темно-голубыхъ глазъ, — глаза ея скоро опять приведутъ его къ ногамъ ея. Она взглянула на рѣшетку каминна, на которой покоились самыя маленькія попки въ свѣтѣ; и улыбка, которая заиграла на устахъ ея и образовала ямочки на ея щекахъ, было бы достаточно, чтобы вернуть самаго строптиваго поклонника хоть съ конца свѣта. «Къ счастью... подумала Маргарита, и улыбка ея обратилась въ смѣхъ: къ счастью онъ еще не на другомъ концѣ свѣта; и не будь имя мое Маргарита Лесли, не будь я дочь моего отца, если онъ только уѣдетъ изъ Грантли, не проспвѣ меня въ другой разъ выслушать его!»

И избалованная красавица вышла изъ своей комнаты такимъ твердымъ шагомъ и съ такимъ выраженіемъ твердости, какъ-будто она шла штурмовать стѣны Бадахоса или лечь на валу бургосскомъ.

Войдя въ гостиную, Маргарита нашла въ ней Вальтера, который въ первый разъ, съ помощью тростя, вышелъ изъ своей комнаты, и сидѣлъ въ углу между окномъ и однимъ изъ огромныхъ каминовъ, которыми была украшена эта старинная комната. Она протянула ему руку, и сказала шутя:

— Прошу покорно не слишкомъ скоро выздоравливать; мнѣ уже почти досадно, что вы можете выходить изъ своей комнаты; если я не приму надлежащихъ мѣръ, то не успѣемъ мы отлучиться, какъ вы расправите крылья и отправитесь въ Геронъ-кастль.

Вальтеръ дружески пожалъ ей руку, но не могъ отвѣчать такимъ же шутливымъ тономъ. Онъ спросилъ, не видала ли она отца, по возвращеніи его домой.

— Нѣтъ, не видала, отвѣчала Маргарита; и тутъ только вспом-

нила, что отецъ ея имѣлъ намѣреніе провести въ гостахъ цѣлый день, а вмѣсто того вернулся назадъ, черезъ часъ по отъѣздѣ.

— Не знаете ли, почему онъ не поѣхалъ къ лорду Доннингтону? спросила она.

— Вѣроятно встрѣтилъ на дорогѣ въ Геррингтонъ почтальона и принялъ отъ него письма, въ которыхъ и нашелъ что-нибудь, перемѣнившее его намѣреніе. По-крайней мѣрѣ что-то въ этомъ родѣ сказалъ онъ мнѣ, проходя черезъ залу въ свой кабинетъ.

Слово кабинетъ напомнило Маргаритѣ весь рядъ мыслей, занимавшихъ ее за нѣсколько минутъ, и когда, вскорѣ затѣмъ, Вальтеръ повторилъ вопросъ, который онъ сдѣлалъ три недѣли назадъ: «Какъ ей нравится Эдмундъ Невиль?» Ей показалось, что онъ читалъ въ ея мысляхъ. Она вздрогнула, и отдала бы все на свѣтѣ, чтобы остановить кровь, которая опять быстро хлынула къ ея щекамъ; чтобы скрыть волненіе, она отвернулась къ Вальтеру спиною, и неловко отвѣчала:

— Онъ мнѣ очень нравится. А вамъ?

Вальтеръ не отвѣчалъ.

— Вамъ не нравится? повторила Маргарита, смотря ему на этотъ разъ прямо въ лицо.

Вальтеръ еще нѣсколько помолчалъ, и потомъ отвѣчалъ рѣшительно:

— Нѣтъ, не нравится!

— Не нравится! чѣмъ же? вскричала Маргарита съ такимъ выраженіемъ изумленія и почти досады, которое не могло скрыться отъ Вальтера. Лицо его стало оцѣлѣть мрачно, и онъ молчалъ. Маргарита нетерпѣливо повторила вопросъ; но теперь она сама была поражена страданіемъ, которое было написано на его лицѣ. Она сѣла подлѣ него, нѣжно взяла его руку и спросила въ третій разъ, но уже совсѣмъ другимъ голосомъ:

— Чѣмъ же Эдмундъ Невиль вамъ не нравится?

— Я, можетъ-быть, къ нему несправедливъ, сказалъ Вальтеръ съ очевиднымъ успіемъ: можетъ-быть сузу его слишкомъ строго; но я чувствую, что не могу имѣть къ нему полнаго довѣрія. Мнѣ кажется, что въ немъ нѣтъ чувства истины.

— Развѣ онъ васъ въ чемъ-нибудь обманулъ? въ чемъ-нибудь солгалъ?

— Нѣтъ, этого я сказать не могу; но въ немъ нѣтъ того врожденнаго чувства истины, того глубокаго уваженія къ исти-

нѣ, котораго я требую для того, чтобы имѣть полное довѣріе къ человѣку.

— Это обвиненіе очень неопредѣлительно! возразила Маргарита съ досадою: и довольно трудно его согласить съ тою любовью къ ближнему, о которой вы мнѣ всегда проповѣдуете, и которая никогда не предполагаетъ зла въ ближнемъ.

Лицо Вальтера покрылось яркимъ румянцемъ; онъ склонилъ голову на руку, а Маргарита продолжала, не обращая на то вниманія :

— И это говорите вы, которые недавно еще души не слышали въ Эдмундѣ! вы, которые сами говорили мнѣ, что смотрѣли на него какъ на роднаго сына. Послѣ этого у васъ должно быть на-лицо очень сильное доказательство его виновности, чтобы такъ возстановлять противъ него друзей.

— Его друзей! подхватилъ Вальтеръ въ сильномъ волненіи. Неужели трехъ недѣль знакомства уже достаточно, чтобы называть человѣка другомъ? Можете ли вы быть другомъ человѣку, котораго, три недѣли назадъ, вы только что въ первый разъ видѣли?

— Я познакомилась съ нимъ подъ вліяніемъ ложнаго убѣжденія. Я воображала, что онъ вамъ другъ; теперь вижу, что я ошибалась; однако же не могу слѣдовать за вами въ быстрой перемѣнѣ вашихъ мыслей; въ-особенности же, когда вы сами не можете дать отчета въ причинахъ этой перемѣны.

— Вы безпощадны, Маргарита, но, можетъ быть, и правы. Каюсь, если я мыслью согрѣшилъ противъ Эдмунда, осудилъ его несправедливо! Я произнесъ приговоръ слишкомъ необдуманно, и... но, что я вижу?... слезы на вашихъ глазахъ! Скажите мнѣ, Маргарита, что съ вами?... Не отворачивайтесь отъ меня; вы знаете, я все готовъ перенести, кромѣ этого.... Откройтесь мнѣ, Маргарита, и простите мою настойчивость какъ старому другу... почти какъ отцу...

— Ахъ, если бы вы были момъ отцомъ! вскричала она, сложивъ руки: я открыла бы вамъ всю свою душу!

— Откройте же се, Маргарита; вы не будете о томъ сожалѣть. Вѣрьтесь человѣку, который никогда не обманывалъ васъ, дочь моя! Осмнадцать лѣтъ назадъ, стоялъ я у вашей колыбели, подлѣ вашей матери, и тогда уже любилъ васъ, ради вашей матери! Неужели же вы не можете теперь повѣрять мнѣ свои тайны.... свое горе, если у васъ есть горе?

— Горе, Вальтеръ?... тайны?

— Да; одна тайна у васъ, пожалуй, есть; горе — еднѣ ли; развѣ такое горе, что десять минутъ пазаль не было гореть.

Мargarита сѣла къ фортепіано, сыграла ригурнель и прочтѣла вполголоса французскую пѣсенку, которая кончалась такъ: «Моя тайна, мое счастье, — они тутъ въ моемъ сердцѣ!» Кончивъ пѣсенку, она устремила взоры на Вальтера, и выраженіе ихъ напомнило ему тѣ глаза, которыми онъ столько разъ, на этой-же самомъ мѣстѣ, любовался въ дѣтствѣ и юности; онъ въ душѣ поклонился своей Мері на небесахъ, быть хранителемъ ея дочери, вести ее по опасному пути твердою рукою и неуслышимымъ взоромъ, будто самъ онъ былъ недоступенъ человѣческому страху, человѣческимъ надеждамъ и страстямъ. Это былъ священныи обѣтъ, плодъ одного изъ тѣхъ внезапныхъ ощущеній, которыя глубоко западаютъ въ сердце и выливаются изъ него въ дѣйствіяхъ. Margarита передвѣстывала ноты, потомъ съ живостью закрыла тетрадку, опять обратила на Вальтера кроткій, нѣсколько печальный взоръ, и сказала ему дрожащимъ голосомъ:

— Я открою вамъ всю правду, Вальтеръ. Мнѣ правится Эдмундъ; до какой степени я привязана къ нему, я и сама не знаю! Это для меня было что-то новое: полюбить новаго знакомаго, человѣка почти моихъ лѣтъ, и столь не похожаго на всѣхъ, кого я доселѣ любила; какъ горячо я ихъ любила, этого не могу сказать вамъ, Вальтеръ.

Тутъ слезы опять повернулись на глаза Margarиты; но она удержала ихъ, и они задрожали только на ея рѣсницахъ.

— Теперь, продолжала она съ возрастающимъ волненіемъ, когда я подумаю, что и онъ меня любитъ, что онъ почти сказалъ мнѣ это, — мнѣ становится страшно передъ нимъ, страшно передъ самой собою, передъ вами, Вальтеръ; потому что я вижу, что вы страдаете отъ моего безумія. Если оно такъ, Вальтеръ, если вы въ-самомъ-дѣлѣ имѣете дурное мнѣніе о Неввилѣ, — если, какъ вы говорили сейчасъ, въ немъ нѣтъ чувства вѣстны, — то я откажусь отъ «своей первой тайны и послѣдняго счастья», какъ говорится въ пѣснѣ.

Вальтеръ всталъ, приблизился къ ней и сказалъ спокойнымъ, протяжнымъ и торжественнымъ голосомъ:

— Милая Margarита, я обвинялъ Эдмунда Невила безъ достаточнаго основанія; я не имѣю никакого права осуждать его, и если вы нашли въ немъ то, что могло тронуть ваше сердце, я не посмѣю сказать слова противъ него. Я не смѣю полагаться на свои сомнѣнія и опасенія.... Однако же, Margarита, дочь мо-

его сердца; будьте осторожны. Позабудьте то, что я говорю, — но думайте и обо мнѣ, ни о моей; можете-быть налившей, интимности; — но наблюдайте за мнѣю и за собою; не шутите неосторожно, неискренне, нескрывая; — не отдавайте его слишкомъ необдуманно. Времените и молитесь. Боже! не могу вамъ сказать ничего.

Маргарита подала руку Вальтеру, который тихо прижалъ ее къ устамъ; потомъ оба встали, и нѣсколько минутъ стояли наединѣ у окна, и омотрѣли на тяжелыя сѣрыя тучи, которыя порылокатымъ взоръ гнали причудливыя громады по небу, между тѣмъ какъ онъ не взметалъ послѣднiе осеннiе листья. Оба молчали; сердца обонхъ были переполнены, и оба вздрогнули, когда плось полковника Лесди неожиданно пробудилъ ихъ отъ думъ. Онъ стоялъ въ дверяхъ библіотеки, и съ болѣею еще холодною и перемовою, чѣмъ обыкновенно, сказалъ Маргаритѣ, которая обернулась и шла ему навстрѣчу:

— Сдѣлай одолженіе, зайдн на минуту въ мою комнату.

Дѣвушка подозвала одного изъ водолазовъ, лежавшихъ на коврѣ, в преходя мимо Вальтера, шепнула ему: Вгляните, какъ бѣднѣйшій Эбро поджалъ хвостъ; вѣрно нѣтъ состраданiя ко мнѣ. — Потомъ она молча нагнулась, чтобы поглядить стараго носатаго вриателя, и вошла въ комнату отца, куда она до-тѣхъ-поръ никогда не бывала приглашаема такъ церемонно, ни даже, сказать правду, другимъ образомъ.

Взаимное положеніе отца и дочери приняло, съ самого прибытія его въ Англію, неблагопріятный характеръ. Когда Маргарита пріѣхала въ Лондонъ, холодный пріемъ отца мгновенно остудилъ ее пламенныя чувства, и породилъ такую быструю и полную реакцію въ ея душѣ, непривыкшей скрывать свои чувства, что онъ ни разу не могъ подмѣтить въ ней ни малѣйшаго признаку привязанности къ себѣ. Онъ утвердился въ своемъ убѣжденіи, что родные ея матери постарались впустить ея дѣтской душѣ свои предубѣжденія противъ него; ему и въ голову не приходило, что она ничего не знала ни о вторичномъ его бракѣ, ни о томъ, что у него была другая дочь; и по этому онъ часто мысленно негодовалъ на совершенно невнятыя съ ея стороны замѣчанія, приписывая ихъ умыслу, о которомъ она никогда не думала; молчаніе ея насчетъ этого предмета объяснял онъ умышленнымъ упорствомъ и отсутствіемъ всякаго чувства. Такимъ образомъ съ каждымъ днемъ усиливалось его раздраженіе, а съ тѣмъ вѣстѣю его скрытность и холодность. Маргарита, съ своей

стороны, была убѣждена, что онъ не любитъ ея; и хотя она желала сперва побѣдить эту нелюбовь, однако не умѣла прилечь за дѣло. Оскорбленная холодною его обращеніемъ, явнымъ равнодушіемъ ко всѣмъ предметамъ ея привязанности, одушевленнымъ и неодушевленнымъ, она нерѣдко высказывала свои англійскія пристрастія и предубѣжденія въ такихъ рѣзкихъ выраженіяхъ, которыя, еслибы ей была извѣстна исторія ея отца, не дѣлали бы чести ея чувствамъ въ деликатности. Однажды, напримеръ, когда она была больше обыкновеннаго раздосадована саркастическими выходками полковника Лесли на англійскіе нравы и обычаи, она вскричала съ запальчивостью, что какъ ни глупы и ни смѣшны эти нравы и обычаи, она никогда не проявляетъ ихъ на нравы и обычаи другого народа, и что всегда будетъ смотрѣть на чужеземца какъ на существо чуждаго ей роду. Лесли устремилъ на нее взоры полные такого суроваго выраженія, какого она еще никогда не видала, но которое скоро перешло въ тяжелую грусть и задумчивость. Подобныя недоразумѣнія отравляли ихъ взаимныя отношенія, и питали въ умѣ полковника чувство вражды къ тѣмъ, которые, какъ онъ полагалъ, возбуждали Маргариту противъ него и растревали въ ней предубѣжденіе противъ отсутствующей сестры. Въ такомъ расположеніи духа и подъ вліяніемъ такого неблагопріятнаго образа мыслей, приступили отецъ и дочь къ объясненію, на которомъ мы остановились.

Полковникъ Лесли указалъ ей большія кресла, обитыя зеленымъ сатѣномъ, и пригласилъ ее сѣсть; самъ же сталъ противъ нея, спиною къ камину, откашлялся два или три раза, и сказалъ отрывисто:

— Я получилъ нынче утромъ письмо, которое принуждаетъ меня поговорить съ тобою о предметѣ, о которомъ до сихъ поръ не было помину между нами.

Маргарита взяла переднія лапы Эбро и положила ихъ себѣ на колѣна.

— Не знаю, продолжалъ Лесли, какое дѣйствіе произведутъ на тебя мои слова. Но если оно будетъ неблагопріятно, я все такъ надѣюсь, что ты не дашь мнѣ этого замѣтить; потому что никогда не прошу враждебнаго чувства, выраженнаго въ этомъ случаѣ.

Приказаніе было самое плохое средство ввухнуть Маргаритѣ желанное чувство; она склонила лицо на косматую голову водо-

дѣла, и сердце ея сжалось негодованіемъ при этомъ неудачномъ увѣщаніи.

— Ты, конечно, знаешь, что у тебя есть сестра?

— Есть сестра? вскричала Маргарита; и щеки ея вспыхнули густымъ румянцемъ, глаза ея наполнились слезами, и Эбро вытащилъ свои лапы, которыя она, забывшись, стиснула слишкомъ крепко.

— Не могу я полагать, продолжалъ отецъ строгимъ голосомъ, чтобы твои родные скрыли отъ себя это обстоятельство, и надѣюсь, что въ числѣ нравственныхъ обязанностей, которыя, какъ меня увѣряютъ, они тщательно старались тебѣ внушить, ты не послѣднее мѣсто дашь любви и дружбѣ, которыя должна оказывать сестрѣ.

Тонъ, которымъ были сказаны эти слова, задѣлалъ Маргариту за живое. Еслибы чувстванъ ея былъ предоставленъ вѣхъ естественный ходъ, она вѣроятно бросилась бы въ объятія отца, и вскричала бы въ порывѣ восторга: — Такъ у меня есть сестра? О, дайте мнѣ взглянуть на нее! отведите меня къ ней! — Но сердце ея въ это время обливалось негодованіемъ къ тому, что она считала несправедливостью и жестокостью отца. Радость, которую возбудило бы въ ней самое извѣстіе, уничтожилась передъ чувствомъ умиленія отъ выраженій, въ которыхъ было предано ей это извѣстіе, и она отвѣчала съ горечью:

— Я всегда любила тѣхъ, кто любилъ меня; но къ чужимъ, — родственникамъ ли они мнѣ или нѣтъ, — я питаю одно равнодушіе.

Полковникъ Лесли нахмурилъ брови, и отвѣчалъ еще мрачнѣе:

— Мнѣ очень прискорбно, видѣть въ тебѣ такія чувства; но если ты не можешь насловать своихъ чувствъ, то можешь по крайней-мѣрѣ владѣть дѣйствіями, и я прошу тебя помнить, что отъ того, какимъ ты образомъ встрѣтишь сестру, которую ты должна скоро увидѣть, будетъ очень много зависѣть мое уваженіе и моя привязанность къ тебѣ самой.

— Конечно я должна съ благодарностью принять каждое средство, которое можетъ открыть мнѣ путь къ вашему уваженію и привязанности! — При этомъ словѣ негодованіе отняло у нея голосъ; но она сдѣлала усиліе, — несчастное усиліе! потому что отвѣтъ начало оскорбленное чувство, а кончилъ его гнѣвъ, — и продолжала:

— Какъ бы непріятны ни были эти средства сами по себѣ.

Полковникъ Лесли прикусилъ губы, и сказалъ спокойно, но съ горечью:

— Позволь мнѣ надѣяться, что эти печальныя и нилыя чувства вселены въ тебя чужими. Это, я полагаю, ядъ настоящій, который благотворилъ двать тебѣ Вальтеръ Сидней.

Глаза Маргариты засверкали при этомъ несправедливомъ обвиненіи; она устремила гордый взоръ прямо въ лицо отцу, и отступила:

— Вы не знаете Вальтера Сиднея! вы никогда не знали его; вѣдь вы ни на одно мгновеніе не могли бы подумать, что онъ способенъ внушать что-либо иное, какъ добро, истину и любовь къ ближнему.

Этотъ гвардый, благородный отвѣтъ повривился пошковину, и выраженіе его лица смягчилось.

— Ты можешь-быть не знаешь, Маргарита, сказалъ онъ, что есть одно, ядовитое зелье, которое можетъ помутить и осквернить самый чистый и славыи родникъ. Этотъ ядъ, — *предубѣжденіе*; одна капля его обращаетъ въ желчь молоко челоуѣческой любви, даже въ самыхъ вѣжннхъ душахъ. Вальтеровы предубѣжденія столько разъ принимали образъ добродѣтелей, что она наконецъ сдѣлалась въ его умѣ съ этими добродѣтелями, и если ты заразилась ими, мнѣ остается только сожалѣть о томъ днѣ, въ который я ввѣрилъ тебя его дружескимъ пощеченіямъ.

— А я почти готова раздѣлить ваше сожалѣніе, подхватила Маргарита; потому что для счастья и спокойствія челоуѣка, глубоко ему привыкать къ таеи вѣжнн любви, которой ничто не превозидеть, и видѣть каждый день передъ собою примѣръ доброты, который бросаетъ тѣнь на все прочія достоинства, и посылъ котораго такъ непонятна и такъ тяжела холодность и жестокость свѣта.

— Мнѣ прискорбно слышать, что ты нашла свѣтъ тиннхъ холоднымъ и жестокимъ. Признаюсь, я полагала, что ты только что со школьной скамьи.... впрочемъ это можетъ-быть Вальтеровы фразы; надѣюсь, что не одѣи фразы, но и нѣкоторые изъ своихъ чувствъ ты заимствовала отъ него.

— Вотъ одна изъ его фразъ, возразила Маргарита, которую я замѣтила и запомнила: — Свѣтъ есть для каждаго изъ насъ та сцена дѣйствительной жизни, въ которой мы испытываемъ первыя свои горести, встрѣчаемъ первыя искушенія; эта сцена можетъ встрѣтиться въ уединеніи нашей комнаты, или среди семейства.

— Сегодня встрѣтила я свой свѣтъ.

Послѣднія слова были произнесены такъ тихо, что половина

Лесли не дослышалъ ихъ, и продолжалъ сухимъ и ивричнымъ голосомъ:

— Такъ какъ мы не можемъ понимать чувствъ другъ друга, то лучше намъ ограничиться одними фактами. Какъ ни неприятно можетъ быть тебѣ это извѣстiе, я долженъ предупредить тебя, что сестра твоя скоро должна прибыть въ Англію и слѣдъ за тѣмъ, разумѣется, въ Грантлен-Мэноръ. Надѣюсь, что ты къ тому времени приготовишь свое сердце встрѣтить ее, — если не съ любовью, то по крайней мѣрѣ прiвѣтливо.

Маргарита уже не обращала вниманiя на холодность, съ которою были сказаны послѣднія слова. Она закрыла лицо руками; потоки слезъ пробивались между ея тонкихъ пальцевъ, и грудь ея высоко воздымалось отъ волненiя, котораго она не могла перенести.

— Сестра, сестра! повторяла она нѣсколько разъ, и если бы полковникъ Лесли могъ въ эту минуту читать въ сердцахъ плачущей взволнованной дочери, онъ страстно прижалъ бы ее къ своей груди, и ледяная стѣна, возникшая между ними, растаяла бы въ этотъ часъ волненiя, какъ свѣтъ подъ лучемъ солнца. Но молчанiе, — молчанiе, этотъ ужасный источникъ добра и зла, — хранитель самыхъ священныхъ чувствъ, самыхъ чистыхъ помысловъ, или орудіе самыхъ преступныхъ страстей, — молчанiе стало между ними. Полковникъ Лесли отвернулся и вышелъ изъ комнаты съ мрачнымъ лицомъ и съ тоскою въ душѣ, между тѣмъ какъ дочь его судорожно сжала руки, и вскричала въ сильномъ порывѣ горести:

— Сестра, сестра! о тебѣ мечтала я днемъ, ты снилась мнѣ по ночамъ! а теперь мысль о тебѣ нашла на мою душу, какъ черное облако на ясное небо. Она мучитъ, она томитъ, она давитъ меня.... О Вальтеръ, приди ко мнѣ.... говори со мною, Вальтеръ.... ты любишь меня, Вальтеръ, ты сочувствуешь мнѣ.... Не оставь меня, Вальтеръ!

Она подняла взоры; передъ нею стоялъ Вальтеръ, и смотрѣлъ ей въ лицо съ тѣмъ участiемъ, съ тѣмъ безпокойствомъ, съ которыми онъ всегда слѣдилъ за каждою переменою ея физіономiи. Помявiе его въ то самое мгновеніе, какъ она, забывшись въ порывѣ горести, такъ поэтически призвала его, дало другое направление ея мыслямъ; веселая улыбка блеснула сквозь ея слезы и она сказала:

— Вальтеръ, я скоро стану считать васъ колдуномъ. Мнѣ стоитъ только подумать о васъ, и вы уже тутъ.

Овъ также улыбулся и отвѣчалъ:

— Пожалуй, Маргарита; если нужно колдовство для того, чтобы угадывать когда я вамъ нуженъ, то винюсь: потому-что я почти всегда знаю, когда моей проказницѣ нуженъ старикъ Вальтеръ, чтобы пожурить ее за слезы, и сказать ей въ девятнадцать лѣтъ то, что говорятъ трехлѣтнимъ дѣтямъ, что слезы ни чему не помогутъ, а только портятъ лицо....

— Все это пустяки, Вальтеръ. Во-первыхъ развѣ я теперь хуже, отъ того что плачу?.... что?

Вальтеръ не могъ не согласиться съ нею; прозрачныя слезы кативсь по ея разгорѣвшимся щекамъ какъ дождевыя капли по алой розѣ.

— А во-вторыхъ, продолжала Маргарита, слезы вещь очень полезная; опъ то же, что гроза; очищаютъ воздухъ. Къ тому же можете ли вы говорить мнѣ, будто мнѣ не о чемъ и не изъ чего плакать, Вальтеръ? развѣ сердитый и нелюбящій отецъ не достаточная причина горести?

— Полно, Маргарита; вы не думаете того, что говорите.

— Напротивъ, я думаю именно то, что говорю, даже еще больше. У меня есть сестра; эту сестру я могла бы любить и любила бы всемъ сердцемъ, и нынѣшній день могъ бы быть однимъ изъ счастливейшихъ дней моей жизни. И что же! отецъ довелъ меня въ одно мгновеніе до того, что я готова была возненавидѣть сестру, сдѣлалъ меня несчастнѣйшимъ существомъ въ мірѣ. Не могу простать ему, что онъ своею несправедливостью и жестокимъ обращеніемъ, разрушилъ счастье, которое я вкусила бы въ такое мгновеніе, какъ это. Не плакала бы я, не было бы во мнѣ сердце въ тотъ день, какъ я узнала, что у меня есть сестра. Зачѣмъ не говорили вы мнѣ о ней, Вальтеръ? я начинаю почти думать, что и вы не добры.

— Я, можетъ-быть, долженъ бы васъ къ этому приготовить, Маргарита; во второй бракъ вашего отца....

— Пойдите.... да, понимаю.... всѣ мысли мои такъ разстроены.... да, понимаю; отецъ мой женился въ другой разъ; иначе у меня не было бы сестры. Когда же опъ женился? и на комъ?

— Овъ женился очень скоро послѣ смерти вашей матери, при этихъ словахъ Вальтеръ подавилъ глубокой вздохъ, — вторая жена его....

— Была Итальянка, не такъ ли? подхватила Маргарита, отчего я никогда не видала ея? расскажите мнѣ объ ней подробно.

— Мы объ пей очень мало знаемъ, Маргарита. Она умерла

черезъ два года послѣ замужства, а пока была жива, отецъ вамъ не имѣлъ почти никакихъ сношеній ни съ кѣмъ изъ насъ. Вы знаете, что за исключеніемъ одного непродолжительнаго посѣщенія, онъ жилъ все время за границею, и никогда не говорилъ ни слова о своемъ второмъ бракѣ ни мнѣ, ни, сколько мнѣ извѣстно, кому-либо другому изъ здѣшнихъ. Послѣ такого упорнаго молчанія, я не думаю, если дочь его жива, чтобы онъ имѣлъ намѣреніе привезти ее въ Англию. А какъ я полагаю, что вамъ неизвѣстно ея существованіе, то и не считъ себя въ правѣ говорить вамъ о предметѣ, который только возмутитъ бы миръ вашей души, и на счетъ котораго я самъ находился въ совершенномъ мракѣ. Прощаете ли вы меня теперь?

— Я должна васъ простить, хотя все-таки думаю, что мы могли бы вмѣстѣ ломать голову надъ этою загадкою. Сестра моя должна быть гораздо моложе меня?

— Ей должно быть около семнадцати лѣтъ, сколько я могу припомнить, отвѣчалъ Вальтеръ. Рожденіе ея было въ свое время формально повѣщено намъ.

— А какъ ее зовутъ? не знаете?

— Кажется, Джиневрою. Имя ея матери было Джиневра Феррари.

— Чудесное имя. Желала бы я знать, хороша ли она. О, съ какими нетерпѣніемъ буду я ждать ее! Какое различіе между тѣмъ, что я чувствую теперь, и что чувствовала, когда говорила съ мною отецъ! Здѣсь, на оборотъ прекраснымъ стихамъ Тасса,

*Così a l'agro faneiol porgiam aspersi
Di soave licor gli orli del vaso,*

горечь была на краю этой чаши, а на днѣ ея одна сладость.

— Надѣюсь, что вы дадите замѣтить отцу ваше теперешнее чувство.

Маргарита улыбнулась, и прижала кончикъ языка къ зубамъ.— Я боюсь говорить съ нимъ, сказала она, чтобъ не пришлось опять отыдаться горечи.... Но, Вальтеръ, какъ я рада, что училась по-итальянски! какъ вы думаете, говорить ли Джиневра по-английски?... мнѣ страшно будетъ говорить съ нею по-итальянски. Что скажете на это бабушка, и мистрисъ Дальтонъ, которая воображаетъ, я думаю, что иностранцы составляютъ среднюю породу между Англичанами и обезьянами, какъ ея любимые морскіе анемоны составляютъ переходъ отъ животныхъ къ растеніямъ?

Впрочемъ, дочь моего отца не совершенная же чужеземка. Не правда ли, Вальтеръ?

Отвѣтъ Вальтера былъ произнесенъ такъ невнятно, что Маргарита ничего не разслушала. Въ то же мгновеніе вошелъ слуга, доложить, что пріѣхали гости и ждутъ въ гостиной. Маргарита поспѣшила принять ихъ со всею пріѣтливостью, какую могла допустить досада на несвоевременный пріѣздъ поѣтителей. Вальтеръ послѣдовалъ за нею; и ни разу не вспало на умъ гостямъ, въ продолженіе цѣлаго получаса мелочной болтовни, что не было между слушателями ни одного, котораго мысли не блуждали бы далеко отъ деревенскихъ баловъ, приходскихъ сѣздовъ и даже должностныхъ обѣдовъ, къ которымъ мистръ Торнтонъ рѣдко бывалъ равнодушенъ, но которые въ настоящее время и изъ его воображенія вытѣснялись не столь пріятными для него, а все-таки болѣе поразительными на этотъ разъ видѣніями померанцовыхъ рощъ и черныхъ глазъ.

II.

Читатели безъ труда догадаются, что въ первые дни послѣ извѣстія, возбудившаго такую тревогу въ Грантли-Мэноръ, пріѣздъ младшей мисъ Лесли, или мисъ Лесли Итальянки, какъ ее чаще называли, былъ предметомъ всѣхъ разговоровъ, когда только присутствіе полковника не прекращало этихъ разсужденій. При немъ никто не смѣлъ замолвить слова объ этомъ предметѣ, а какъ онъ одинъ только могъ бы дать вѣрныя свѣдѣнія о времени и образѣ пріѣзда, возбуждавшаго общее любопытство, то разумѣется, что досужимъ умамъ было обширное поле для предположеній и догадокъ. Полковникъ Лесли, казалось, желалъ, чтобы гости не разѣхались; изъ чего Маргарита заключала, что онъ боялся остаться съ нею наединѣ въ минуту, которой оба равно страшлись, и равно пламенно желали. Послѣ роковаго объясненія, не было между ними говорено ни слова объ этомъ предметѣ. Маргарита нѣсколько разъ покушалась на робкій намекъ, въ надеждѣ поправить дурное впечатлѣніе, произведенное тогда на отца; но онъ каждый разъ останавливалъ ее такъ рѣшительно и такъ сурово, что она скоро отказалась отъ этой мысли, и наконецъ сказала про себя, вмѣстѣ съ нетерпѣніемъ и съ удовольствіемъ:

— Придется ему однако же заговорить объ этомъ до ея пріѣзда; иначе кто приготовитъ для нея комнату? а онъ такъ не лю-

бѣтъ говорить съ мистрисъ Рамсей, что, я думаю, скорѣе соглашусь отдать свои приказанія мнѣ.

Мargarita была поражена настойчивостью, съ которою отецъ ее просилъ Сиднеевъ и Торнтоновъ продать свое посѣщеніе; еще съ большимъ удовольствіемъ слышала она приглашеніе, сдѣланное мнѣ Эдмунду Невиллю оставаться до конца праздниковъ; Невилль сначала слабо отговаривался, но наконецъ принялъ приглашеніе. Мистрисъ Торнтоу предпочитала Грантлен-Мэноръ приходскому дому; и ей очень хотѣлось дожидаться прибытія Джиневры, которое, говорила она мужу, должно произвести переворотъ въ ихъ жизни; но въ то же время она желала своимъ отсутствіемъ изъяснить крайнее неудовольствіе на существованіе этого лица, и даже свое незнаніе этого обстоятельства, потому что, какъ она говорила передъ тѣмъ Margaritѣ, она не могла признать въ этой чужеземной дѣвочкѣ другаго права называться дочерью полковника Лесли, кромѣ того, что она его дочь; что противъ этого факта она рѣшилась протестовать до самой своей смерти.

— Однако же это все таки фактъ, бабушка, возразила Margarita; вамъ остается только съ нимъ примириться.

— Никогда не стану я преклоняться передъ фактами, моя милая, когда они противорѣчатъ моей совѣсти.

Мистръ Сидней, читавшій газету въ углу комнаты, положилъ вѣстокъ, и спросилъ мистрисъ Торнтоу, что значило въ точности преклоняться передъ фактами?

Мистрисъ Торнтоу никогда не задумывалась; готовность ее во всякое время дать отвѣтъ на самый крючкотватый вопросъ, была истинно изумительна; она отвѣчала мистру Сиднею съ торжествующею живостью:

— Жертвовать своимъ мнѣніемъ силѣ матеріальныхъ обстоятельствъ.

— Въ такомъ случаѣ я полагаю, что вы не захотите подвергаться весьма матеріальному возраженію, которое присутствіемъ Джиневры представитъ вашей теоріи ея несуществованіе.

— Я буду смотрѣть на нее, отвѣчала мистрисъ Торнтоу съ глубокимъ вздохомъ, какъ на нѣчто дѣйствительно существующее, но чему не слѣдовало бы вовсе существовать.

Послѣ этого протеста, который долженъ былъ отвратить отъ нея всякое подозрѣніе въ участіи въ такомъ предосудительномъ дѣлѣ, каково было существованіе Джиневры, мистрисъ Торнтоу сошла себя уже въ правѣ величаво согласиться на приглашеніе

предать посѣщенію ея на неопредѣленное время; а мистръ Торнтонъ, который, по своей оговорчивости, всегда готовъ былъ на все, что было одобрено его женою или Маргаритою, безъ труда согласился и на это рѣшеніе.

Но такъ легко было уломать жителей Геронъ-кастля. Мистръ Сидней отказалъ на отрывъ; наконецъ однако же обѣ стороны помирились на томъ, что онъ съ женою возвратился домой на двѣ недѣли, давъ слово пріѣхать въ Грантли къ празднику Рождества и остаться тогда на нѣсколько недѣль. Вальтеръ мужественно выдержалъ убѣжденія Маргариты, оставаться съ ними, и отказался отъ своего намѣренія не прежде какъ послѣ секретнаго разговора съ полковникомъ, который успѣлъ уговорить его на то, чего напрасно добивалась она. Въ этомъ объясненіи съ обѣихъ сторонъ были высказаны нѣкоторыя вещи, которыя въ продолженіе послѣднихъ недѣль не разъ готовы были сорваться съ устъ того и другаго, и которыя теперь едва не разрушили однимъ ударомъ ихъ многолѣтнюю дружбу. Но оба во-время удержались; оба почувствовали, что еще не наступило время имъ вполнѣ объясниться, въ-особенности же, чтобы разойтись. Размолвка слишкомъ дорого стоила бы тому и другому. Если быль доведенъ Вальтеромъ, приписывая ему то, что онъ считалъ эгоистическими предразсудками своей дочери; Вальтеръ же былъ сердитъ на Лесли за мнимую его несправедливость и холодность къ Маргаритѣ. Но оба помнили, что они въ юности были друзьями; оба знали, что ссора съ тѣмъ, кого ны любимъ, сожигаетъ душу какъ сумашествіе, и оба они остановились, прежде чѣмъ было произнесено послѣднее слово, долженствовавшее навѣки расторгнуть ихъ дружбу, и пустить ихъ по разнымъ путямъ въ гордомъ одиночествѣ и съ напраснымъ раскаяніемъ въ душѣ.

Когда Лесли увидѣлъ, что Вальтеръ холодною непреклонностью упорствовалъ въ своемъ намѣреніи оставить Грантли-Мэноръ на другой же день, онъ подавилъ свой гнѣвъ и досаду, и сказалъ глухимъ, дрожащимъ голосомъ:

— Если ты не хочешь оставаться ради меня, то останься ради Меръ.

— Вальтеръ вздрогнулъ, провелъ рукою по лбу, и молчалъ.

— Она, продолжалъ Лесли съ возрастающимъ волненіемъ, не стала бы вооружать одну изъ моихъ дочерей противъ другой, и посвящая сѣмена раздору и вражды тамъ, гдѣ должна бы быть любовь, не оставила бы меня одного пожинать горькую жертву.

— Лесли, вскричалъ Вальтеръ съ живостью: отдай дочери сво-

ей справедливость, которую отдаешь наконец долго забытой матери ее, а обо мнѣ можешь думать, какъ хочешь. Если ты считаешь Маргариту способною на злобное или низкое чувство, — кого бы ни подозревалъ во внушеніи ей подобныхъ чувствъ, — ты клеветалъ на нее, и когда-нибудь раскаяешься въ своей несправедливости. Если ты считаешь меня способнымъ вооружать ее противъ твоей дочери....

— Опять моей дочери! Не можешь называть ее сестрою? прерывалъ полковникъ Лесли съ горечью.

Вальтеръ продолжалъ, не обращая вниманія на это возраженіе:

— Затѣмъ мнѣ, любящему ее какъ долженъ бы ты любить ее, оставаться, чтобы смотрѣть на то, чего я, скажу откровенно, не могу видѣть безъ негодованія: на твою холодность къ ней и равнодушіе; въ-особенности теперь, когда скоро, можетъ-быть, придется намъ видѣть рѣзкую противоположность этому обращенію.

— Затѣмъ и долженъ ты остаться, сказалъ Лесли умоляющимъ голосомъ: останься затѣмъ, чтобы удержать ее отъ поведенія, которое навѣки разрознитъ людей, которые должны быть соединены узами любви. Я извиняю обидную запальчивость твоихъ словъ, потому что изъ горькаго опыта знаю, что видѣть хотя бы мнимую несправедливость и неуваженіе къ тому, кого мы любимъ, — величайшее испытаніе, какому можетъ быть подвергнуто человеческое сердце. Но не думай, — тутъ уста полковника Лесли подернулись тою неприятною насмѣшливою улыбкою, которая почти не сходила съ его лица; — не думай, чтобы я вовсе не понималъ цѣны этой прелестной избалованной дѣвочки, которую вы вскормили на похвалахъ, взростили на обожаніи дотога, что вы всѣ и въ томъ числѣ она сама, готовы обвинять въ холодности и несправедливости каждаго, кто не можетъ вѣчно и безусловно благоговѣть передъ нею. Я знаю ея достоинства; но желалъ бы, чтобы она сама не была такъ преисполнена чувствомъ своихъ безконечныхъ достоинствъ.

— Не хочу защищать твоей дочери, сказалъ Вальтеръ съ горячностью, противъ обвиненія, котораго ты не возносилъ бы на нее, если бъ лучше зналъ ее; не хочу и самъ оправдываться въ томъ, что люблю ее со всею нѣжностью, съ какою можетъ человекъ любить себя подобное существо.

— Вальтеръ, сказалъ полковникъ Лесли: я, право, не понимаю, почему ты не женишься на Маргаритѣ?

Глаза Вальтера засверкали гнѣвомъ. Если бъ Лесли погрсни-

ся сжечь до тла Геронъ кастль, или затоптать его въ грязь однимъ почеркомъ пера, онъ едва ли бы нанесъ ему такую смертную обиду, какъ этимъ вопросомъ.

— Это злобая шутка, или умышленное оскорбленіе? пробормоталъ онъ наковецъ, нахмуривъ брови и стиснувъ зубы.

— Ни то, ни другое, увѣряю тебя. Но положеніе мое ужасно затруднительно, и начинается, признаюсь, выводить меня въ терпѣнія; скоро мнѣ не станетъ силъ переносить его. Маргарита на каждомъ словѣ коритъ меня твоими необыкновенными добродѣтелями и достоинствами, которыя, кажется, не дозволяютъ ей обратитьнисходительный взоръ на недостатки остальнаго человечества; ты же негодуешь на меня за то, что я не благоговѣю слѣпо и безусловно передъ самыми ея недостатками; что, признаюсь, простиительно развѣ жениху, но никакъ не отцу и не другу.

Вальтеръ смотрѣлъ неподвижно въ лицо Лесли; поблѣднѣвъ какъ полотно, и съ очевиднымъ успіемъ сказалъ ему:

— Лесли, даю тебѣ честное слово, клянусь всѣмъ, что есть святаго въ мірѣ, что до этого мгновенія никогда мысль жениться на твоей дочери не приходила мнѣ въ голову. Ты несправедливо обвинилъ меня, но я знаю, что ты повѣришь моему слову.

— Скажи мнѣ, ради Бога, вскричалъ Лесли съ нетерпѣніемъ, въ своемъ ли ты умѣ, что на каждомъ словѣ упрекаешь меня въ несправедливости? Въ чемъ обвиняю я тебя? какое преступленіе вывожу я на тебя, самый непонятный и несговорчивый изъ чудачковъ? Что я за дуракъ, чтобы не радоваться, если бы первый другъ моего дѣтства и молодости, человѣкъ, котораго я уважаю больше всѣхъ въ мірѣ, несмотря на то, что онъ больше всѣхъ терзаетъ мое терпѣніе, наследникъ Геронъ кастля и владѣтель богатыхъ помѣстій, вздумалъ влюбиться и жениться на дѣвчкѣ, которой голубые глазки и розовыя щечки могутъ оправдать его любовь? Каюсь въ своей ошибкѣ, и прибавляю, что не было никакой надобности разувѣрять меня такъ торжественно; но я въ самомъ дѣлѣ полагалъ, что ты ухаживалъ за нею, и — прости меня, если это предположеніе оскорбляетъ твое превосходство надъ всѣмъ остальнымъ человечествомъ, — я этимъ только могъ объяснить себѣ то изліяніе восторга, которымъ она почтила меня, давъ мнѣ замѣтить, что никто изъ насъ, со включеніемъ меня самого, негодится тебѣ даже въ подметки.

— Лесли, я вижу, что мы никогда не понимали другъ друга,

а теперь невяше чѣмъ когда-либо, если ты не вѣришь, что я скорѣ умеръ бы....

— Чѣмъ жениться на моей дочерп? О, я тебя не неволю. Маленькой кокеткѣ, я думаю, не будетъ недостатка въ обожателяхъ, и она успѣетъ еще принскать себѣ жепиха.

— Я скорѣ умеръ бы, повторилъ Вальтеръ дрожащимъ отъ волненія голосомъ, чѣмъ позволилъ бы себѣ сказать одно слово любви ребенку, котораго ты отдалъ на мое попеченіе, или завѣдомо употребить хоть одно средство свискать отъ нея такую любовь, какой она не должна бы питать къ отцу или брату. Неужели ты могъ подумать, что видя ее каждый день впродолже ніе столькихъ лѣтъ счастья, и читая безъ утайки всѣ ея юныя, чистыя мысли, я могъ бы воспользоваться этою короткостью п ея удивленіемъ, чтобы присвоить себѣ сокровище, вѣренное мнѣ тобою и той, которую ты назвалъ нынче въ первый разъ послѣ столькихъ лѣтъ молчанія? Нѣтъ, никогда! Благодаря Бога, и мысль объ этомъ не приходила мнѣ на умъ; а если бъ и пришла, я отвергъ бы ее какъ ядовитую змѣю. Хоть я впродолже ніе столькихъ лѣтъ любилъ ее самую безграничною любовью, п для счастья ея съ радостью отдалъ бы самую жизнь; и хотя чувствую, что слова твои открыли моей душѣ видѣніе блаженства, которое возмутитъ навѣки мой покой и можетъ-быть разрушить все мое счастье; однако же я могу смѣло сказать, что если бы она сама пришла ко мнѣ, положила руку свою въ мою руку, и съ тѣмъ спокойнымъ взоромъ довѣрчивой любви, которыми она всегда смотрѣла мнѣ въ лицо, сказала: — Вальтеръ, я люблю тебя, и хочу быть твоею женою! — я отвѣчалъ бы ей, что она еще ребенокъ, и не знаетъ сама, что говорить и что дѣлаетъ; точно также, какъ говорилъ я ей двѣнадцать лѣтъ назадъ когда она надѣла свое брилліантовое ожерелье на шею впшей дѣвочки, которая видѣла, какъ оно блестѣло въ коробчкѣ, плакала, чтобы его далъ ей.... Теперь, можетъ-быть, ты понимаешь меня.

Если крѣпко стиснулъ руки и отвернулся въ молчаніи; но немного спустя, сказалъ:

— Все это одно недоразумѣніе, Вальтеръ. Ты мечтателевъ, какъ ювоша, и не хочешь смотрѣть на вещи, какъ онѣ есть; но не мое дѣло, и я не намѣренъ уговаривать тебя жениться на Маргаритѣ. Хотя, можетъ-быть, — прибавилъ полковникъ съ улыбкою, въ которой уже не было обычной насмѣшливости, — справедливость и требовала бы, чтобы, избаловавъ дочь мою такою благородною и самоотверженною любовью, какую не скоро

найдешь на землѣ, ты же помоги мнѣ сбыть ее съ рукъ; но объ этомъ ни слова болѣе. Останься у насъ. Ты долженъ остаться, Вальтеръ; намъ всѣмъ предстоитъ тяжелое испытаніе. Живуча оскорбленная память, и мучительны тѣ минуты, когда жданъ раскрывается вновь закрытыя временемъ, но не совсѣмъ еще зажившія раны.

Слова эти достигли желанной цѣли. Какъ ни различны были эти два человѣка, они соединены были сильною привязанностью. Вальтеръ, въ-особенности, любилъ Лесли всею душою. Это былъ его самый давнишій и самый близкій ему другъ; въ молодости онъ подкрѣплялъ и ободрялъ его въ минуты разочарованія и унынія дружескою заботливостью, которой Вальтеръ не могъ забыть. Когда Лесли женился на дѣвушкѣ, которую онъ самъ любилъ выше всего въ мірѣ, никакое чувство ревности или неприязни не возникало въ его сердцѣ; напротивъ, онъ полюбилъ его еще больше прежняго, какъ ради его самого, такъ и ради его жены. Мужъ Мери, предметъ ея любви, сталъ ему еще дороже, чѣмъ былъ другъ его молодости; послѣднія слова ея къ нему, были: — Любезный Вальтеръ, любите Генри до самой смерти! — А теперь, когда Генри, послѣ многолѣтняго отсутствія и послѣ нѣкотораго отчужденія, въ первый разъ открывалъ ему нѣсколько свою душу, и онъ увидѣлъ, что она была полна тайной скорби и страданія, прежняя дружба и память прошедшихъ лѣтъ воскресли, и старикъ Вальтеръ согласился остаться въ Грантан, ворча, точно также, какъ за двадцать лѣтъ тѣ же полуповелительныя, полудружескія убѣжденія заставляли его бросать книги и отходить отъ фортепіано Мери Торнтонъ, чтобы противъ воли тащить его на охоту или на рыбную ловлю.

Вечеромъ того же дня Маргарита сидѣла за круглымъ столомъ передъ каминомъ, погруженная въ списываніе одного изъ Флаксамановыхъ рисунковъ къ трагедіямъ Шекспира. Это былъ рисунокъ, изображающій сцену, когда сумасшедшая Офелія раздаетъ цвѣты пзумленнымъ и плачущимъ придворнымъ. Маргарита новидимому была очень занята работою или своимъ размышленіемъ, потому что противъ своего обыкновенія, просидѣла почти цѣлый часъ не вымолвивъ слова. Мистрисъ Сидней и мистрисъ Дальтонъ вдвоемъ играли въ пикетъ; мистрисъ Торнтонъ вязала, забившись въ большія кресла между столомъ и каминомъ, а оба Сидней и Эдмундъ Невиль читали газеты. Наконецъ Вальтеръ положилъ листокъ, и Маргарита сказала ему вполголоса:

— И тамъ, вы чувствуете тамъ?

Она качнула утвердительно головою.

— Это убѣждаетъ меня въ томъ, чему я сначала не хотѣла вѣрить.

— Въ чемъ же?

— Въ томъ, что вы отца моего гораздо больше любите чѣмъ меня. Какъ я не просила васъ, вы не хотѣли оставаться; а теперь, послѣ этого предлиннаго разговора въ кабинетѣ отца, всѣ прятателства устранили?

— И вы на это сердитесь?

— Нѣтъ; гдѣ дѣло идетъ о моемъ удовольствіи, тамъ самолюбію мое должно молчать.

Съ того памятнаго дня, когда передъ Маргаритою открылась новая страница жизни, бѣдная была иногда убѣждена, что Эдуардъ Невилъ любилъ ее. Убѣжденіе это съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе укрѣплялось въ ея умѣ, несмотря на то, что онъ съ тѣхъ-поръ ни разу не намекалъ на свои чувства къ ней; но она безпрестанно наблюдала за нимъ, и замѣчала съ какою охотою участіемъ выслушивалъ ея сужденія обо всемъ, и старался вникать въ нихъ; притомъ онъ, казалось, ждалъ случая поговорить съ нею наединѣ, а когда случай представлялся, онъ или поспѣшно удалялся, или послѣ нѣсколькихъ дошлыхъ фразъ погружался въ задумчивость. Маргарита боролась съ влеченіемъ, которое она чувствовала къ Невилу; по совѣту Вальтера, она хотѣла строго наблюдать за нимъ и за собою; но всѣ эти усилія только болѣе и болѣе доказывали силу этого влеченія. Чѣмъ болѣе она наблюдала за Невилемъ, тѣмъ болѣе убѣждалась въ любви его; она не могла въ ней сомнѣваться; но въ то же время ее обдавалъ какой-то холодъ, и она не могла защититься отъ досады при видѣ холодности и почти жестокосердія, которыми сопровождалась его любовь. Когда она шла, онъ рѣдко отходилъ отъ фортеціано, но всегда слушалъ закрывъ лицо руками; иногда же просилъ ее спѣть выбранную имъ пѣсню, и уходилъ, не дослушавъ конца. Не проходило дня, чтобы сердце ея не волновалось сладостнымъ сознаніемъ, что она любима; не билось отъ радости при какомъ-нибудь несомнѣнномъ доказательствѣ любви Невила; и чтобы оно не сжималось, полчаса спустя, отъ нѣсколькихъ безсмысленныхъ словъ, показывавшихъ, что будущность Невила, въ умѣ его нисколько не была связана съ ея будущностью. Для Маргариты, которая по характеру своему должна была высказывать каждую мелькавшую въ душѣ ея мысль, если не словами,

то наклоненіемъ головы или выраженіемъ взоровъ, принужденію было почти невыносимо. Когда она въ продолженіе дѣлаго дня видѣла или чувствовала, что взоры Эдмунда были прикованы къ ней по дѣльнымъ часамъ, что когда она говорила, онъ слушалъ ее и забывалъ всѣхъ присутствующихъ; когда фраза его, начавшись какимъ нибудь вздоромъ, оканчивалась внезапнымъ выраженіемъ чувства, послѣ котораго можно было ожидать возобновленія объясненія, которое она такъ не кетати прервала; и когда, послѣ всего этого, онъ не показывалъ ни малѣйшаго желанія возобновить объясненіе, и даже высказывалъ намѣренія и сужденія, никакъ не согласовавшіяся съ ея обворожительною мечтою, — она вдругъ впадала въ несвойственную ей нетерпѣливость и раздражительность; или, вѣрнѣе, можетъ-быть, изобличала слабости и недостатки своего характера, которыя едва можно было замѣтить, когда жизнь ея текла спокойно, не возмущаемая никакимъ противорѣчіемъ.

Въ одинъ подобный день, когда она отвѣчала на сдѣланный ей вопросъ съ необыкновенною досадою, и вышла изъ комнаты съ нахмуренными бровями, и съ тѣмъ непріятнымъ выраженіемъ на устахъ, которое повременамъ искажало ея прекрасное лицо, Эдмундъ обратился къ Вальтеру, и спросилъ его равнодушно, всегда ли мисъ Лесли капризна? Вальтеръ не отвѣчалъ, и успивался очинить карандашъ тупою стороною пожа. Онъ въ эту минуту охотнѣе умеръ бы мучительною смертію, чѣмъ сознался бы, что Маргарита не ангелъ; но какъ ангелы не хмурятъ бровей, не падуваютъ губъ и не хлопаютъ за собою дверями, то онъ принужденъ былъ молчать. Нѣсколько минутъ спустя, онъ сказалъ спокойнымъ голосомъ:

— Горе еще не научило ее владѣть собою. Придетъ время, когда горькій опытъ научитъ ее; по горе тѣмъ, чрезъ кого ей суждено научиться этому, если умыслы ихъ жестоки и печисто-сердечны.

— Мнѣ кажется, возразилъ Эдмундъ, что ваша любимица скорѣе сама обидитъ ближняго, чѣмъ дастъ себя въ обиду.

Вальтеръ поднялъ глаза съ видомъ сомнѣнія, и устремилъ ихъ на Эдмунда, какъ-будто хотѣлъ проникнуть точный смыслъ его словъ. Севиль продолжалъ тѣмъ же голосомъ:

— Я думаю, сестрѣ ея будетъ здѣсь житье не очень легкое и пріятное. Не знаете, что она за дѣвушка?

— Не знаю, отвѣчалъ Вальтеръ отрывисто. Затѣмъ опять по-

сѣдовало молчаніе. Наконецъ Эдуинъ положилъ руку на плечо Вальтеру, и сказалъ вполголоса:

— Я желаю бы поговорить съ вами; сказать вамъ, что привело меня сюда, и что держитъ меня здѣсь. Вы единственный человѣкъ, который можетъ дать мнѣ хорошій совѣтъ, и я кромѣ васъ не знаю никого, кому бы могъ вполнѣ вѣряться.

Лицо Вальтера вдругъ измѣнилось, и онъ отвѣчалъ съ такою живостью, что Невиль остановился какъ вкопанный отъ удивленія.

— Вы ошибаетесь; вы не можете вѣряться мнѣ въ этомъ дѣлѣ, и я самъ не могу говорить съ вами объ этомъ. Понимайте мой отвѣтъ, какъ вамъ угодно; я знать не хочу, какъ вы будете его толковать; но я не хочу слышать ни одного слова о предметѣ, по которому я не могу дать совѣта ни вамъ, ни себѣ самому, никому другому.

Сказавъ это, онъ схватилъ со стола книгу, и поспѣшилъ въ цвѣтникъ, гдѣ Маргарита стояла на колѣнахъ на грядкѣ, и подвизывала китайскія астры, которыя, выдержавъ нѣсколько морозныхъ ночей, уныло повѣсили головки въ ожиданіи близкой кончины.

— Вальтеръ, вскричала она, помогите мнѣ воткнуть эти подпорки въ землю.

— Какая пзъ этого польза? вы только простудитесь; пойдите лучше домой и оставьте цвѣты; ихъ уже не спасете отъ морозу.

— Бѣдняжк! сказала Маргарита, приподнимая цвѣты и опуская ихъ снова; — они были хороши и такъ свѣжи, когда я ихъ сажала, мѣсяца три тому назадъ.... Вальтеръ, я желала бы чтобы время могло идти назадъ, или чтобы оно хоть стояло, а не шло впередъ.

— Помнится мнѣ, что вы желали противнаго не дальше какъ вчера; вамъ казалось, что время никогда не можетъ идти слишкомъ скоро.

— Не приводите противъ меня собственныхъ моихъ словъ, Вальтеръ; я не знаю ничего досаднѣе этой привычки. «Вчера вы говорили то», или «намедни вы желали того»; это самыя несносныя выраженія въ свѣтѣ, а у васъ они вѣчно на языкѣ.

Вальтеръ хранилъ угрюмое молчаніе, и она продолжала съ возрастающею досадою. — Нельзя же требовать, чтобы люди всегда думали одинаково, и взвѣшивали каждое слово, которое они произносятъ; кромѣ развѣ стариковъ и несносныхъ педантовъ.

Говоря это, она сѣла на ступень, и принялась обрывать го-

лень несчастныхъ вѣтръ, которыя за нѣсколько минутъ подавляла съ такимъ состраданіемъ.

— Вы простудитесь, Маргарита, оставаясь такъ долго на дворъ. Поидите домой.

— Благодарю, мнѣ не холодно. Если вамъ холодно, то пожалуйте идите домой и оставьте меня одну.

И раскраснѣвшіяся щеки подтверждали ея слова. Послѣ нѣкотораго молчанія, Вальтеръ сказалъ:

— Жаль мнѣ вашихъ друзей, Маргарита, если ихъ ожидаетъ одинаковая участь съ этими цвѣтами. Сначала такое нѣжное участіе, а черезъ минуту такая суровость.

— Я виновата передъ вами, Вальтеръ; очень виновата. О, я теперь ненавижу себя, и желала бы, чтобы всѣ меня ненавидѣли.

— Этимъ вы еще болѣе огорчаете меня, Маргарита, потому что вы знаете, что это единственное желаніе ваше, котораго я не могу исполнить.

Слезы навернулись на глазахъ Маргариты; она отворотила лицо, и проткнула Вальтеру руку. Когда онъ повторилъ свой совѣтъ, идти домой, она отвѣчала съ кротостью:

— Нѣтъ, милый Вальтеръ, позвольте мнѣ посидѣть здѣсь еще немного. Дома такъ душно.... у меня болитъ голова, вѣтлый воздухъ поможетъ мнѣ.

Въ одно мгновеніе Вальтеръ принесъ изъ дому огромный мѣховой салонъ, окуталъ ее какъ младенца, и въ усердіи своемъ завязалъ воротникъ такъ туго, что Маргарита просила пощады, и расхохоталась; потомъ, когда Вальтеръ сказалъ: — Вотъ люблю когда сидѣтесь! — она опять заплакала, и мировая между ними заключена. Между-тѣмъ какъ эти частыя слезы капали на темный мѣхъ салона, казалось, облако разстѣлалось съ ея лба; она положила руку въ Вальтерову руку, и послѣ минутнаго молчанія онъ спросилъ ее о причинѣ ея печали и разстройства такъ кротко и убедительно, что она хотѣла все ему высказать; но слова останавливались въ ея горлѣ.

— Это такое ребячество, такая глупость, говорила она, и снова полуулыбка просіяла на ея лицѣ, и снова нѣсколько крупныхъ слезъ скатилось по ея щекѣ. Наконецъ, потупивъ глаза въ землю, и чертя узоры по песку его тростью, она сказала едва слышнымъ голосомъ: — Все это оттого только, что мистръ Невилль говорилъ мистрисъ Дальтонъ, что онъ никогда не женит-

ся на женщинъ маленькаго росту, а я... кажется... маленькаго росту.

При этихъ словахъ, щеки ея вспыхнули, и она продолжала съ живостью: — Не смѣйтесь, Вальтеръ, не смѣйтесь; я этого не вынесу. Я сама знаю, что оно должно показаться вамъ удивительно смѣшнымъ, удивительнымъ ребячествомъ. Я это иногда и сама думаю, но какъ бы то ни было, а мнѣ ужасно тяжело.

Если бъ Маргарита подняла глаза и взглянула въ лицо Вальтеру, она увидѣла бы, что не было никакой нужды просить его не смѣяться. Послѣ минутнаго молчанія она продолжала съ возрастающимъ волненіемъ:

— Я, можетъ-быть, не должна бы открывать вамъ такія мысли, не должна бы показывать вамъ свою глупость, свою слабость. Я самъ не знаю, какъ мнѣ достаетъ духу говорить съ вами такъ свободно; но вы знаете, Вальтеръ, что я съ дѣтства привыкла все говорить вамъ; и когда вы меня такъ кротко, съ такимъ участіемъ спрашиваете о причинахъ моей горести, я чувствую, что не могу утаить отъ васъ истины.

— И всегда будьте со мною такъ же откровенны, милая Маргарита; вы должны такъ поступать изъ дружбы ко мнѣ и для собственной своей пользы. И да пошлетъ мнѣ Богъ силу въ совѣтахъ своихъ никогда не отступать отъ долга дружбы и отъ истины.

— Какъ же можетъ быть иначе? вскричала Маргарита, какую же другую цѣль могли бы вы имѣть во всемъ этомъ, кромѣ моего счастья?

— Ни какой, надѣюсь, отвѣчалъ Вальтеръ торжественно; и до-тѣхъ-поръ, пока вы будете считать меня другомъ и....

— Отцомъ, подхватила Маргарита, прижимая руку его къ сердцу. Это было то же слово, которое хотѣлъ сказать онъ самъ; во быстрота, съ которою Маргарита его подхватила, сжала ему сердце; однако же онъ пересилилъ страданіе, и продолжалъ:

— Я не буду жаловаться на свою милую Маргариту, или журить ее, хотя бы она желала себѣ росту своей любимой горничной, Маріанны.

Шутливость, съ которою онъ произнесъ послѣднія слова, была величайшимъ торжествомъ Вальтера Сиднея надъ собственнымъ сердцемъ; и торжество его довершилось, когда онъ съ отеческою нѣжностью взглянулъ на прихотливую красавицу, которая, вытянувшись на цыпочкахъ на верхней ступени лѣстницы, и притянувъ покрытую коралловыми кистями вѣтвь высокой ря-

бины, обернулась къ нему и сказала: — Впрочемъ, я уже не такъ мала!

III.

Нѣсколько дней спустя послѣ разговору, которымъ мы заключили предъидущую главу, полковникъ Лесли и Маргарита были приглашены на обѣдъ къ лорду Донингтону, котораго помѣстье находилось миляхъ въ двадцати отъ Грантли Мэвора. Вальтеръ и Эдмундъ должны были ѣхать съ ними, и Маргарита заранее радовалась этому, не совсѣмъ обыкновенному случаю; потому что съ пріѣзда отца, она почти не видала сосѣдей. Дочери лорда Донингтона были ея единственными подругами; они находились между собою въ тѣхъ короткихъ дружескихъ отношеніяхъ, какія обыкновенно заводятся между дѣвухами однихъ лѣтъ, когда онѣ еще на школьной скамьѣ привыкли смотрѣть на проведенное вмѣстѣ воскресеніе, или одинъ вечеръ, какъ на единственное удовольствіе своей однообразной жизни. Нэнси и Люси Винсентъ нѣсколько мѣсяцевъ уже не были въ Донингтонъ-кастлѣ, и только что за недѣлю возвратились изъ путешествія въ Италію. Маргарита, не выдавая ихъ еще по пріѣздѣ, горѣла нетерпѣніемъ возобновить знакомство, которое до этого времени было величайшимъ удовольствіемъ ея жизни; притомъ, при настоящемъ недоумѣніи своемъ на счетъ расположенія Эдмунда Невилля, она очень рада была случаю наблюдать его въ болѣе обширномъ обществѣ, чѣмъ домашній кругъ. Фредерикъ Винсентъ, старшій сынъ лорда Донингтона, также какъ его сестры, былъ товарищемъ ея дѣтскихъ забавъ, и она всегда съ удовольствіемъ видала его даже когда онъ, четырнадцатилѣтній юноша, возвращался по воскресеньямъ изъ Этонской коллегіи, на муку всему дому, и въ особенности сестрамъ. Больше всего удержался онъ въ ея благорасположеніи хвалами ея наѣзднической удали, и своими наставленіями, о вышколкѣ лошадей и собакъ, которыхъ она принимала подъ свое особое покровительство. Теперь Фредерикъ Винсентъ былъ взрослый молодой человекъ, двадцати-четырехъ лѣтъ, возвратившійся подъ родительскій кровъ послѣ трехъ-лѣтняго отсутствія; онъ съѣхался съ своимъ семействомъ въ Италію, и вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ въ Англію. Маргарита не имѣла положительнаго, обдуманнаго намѣренія возбудить ревность Эдмунда, хотя мы не посмѣемъ ручаться, чтобы въ умѣ ея не мелькало что-то въ родѣ этой мысли. Когда она окончила свой туалетъ, и посмотрѣлась съ большимъ противъ обыкновеннаго

самодовольствіемъ въ зеркало, на успленно-сжатыхъ губахъ ея невольна заиграла улыбка, изобличавшая пріятныя мысли и радостныя предугадыванія. Когда она сѣла въ карету, и при слабомъ свѣтѣ фонарей могла разсмотрѣть лица своихъ трехъ спутниковъ, ее поразила противоположность ихъ физиономій съ веселымъ расположеніемъ собственнаго ея духа. Вальтеръ сидѣлъ противъ нея и смотрѣлъ на нее съ тихою покорностью. — Бѣднѣйшій Вальтеръ сегодня не бѣлстаетъ, подумала она; и, сказать правду, размышленіе ея было совершенно справедливо. Онъ былъ одѣтъ съ необыкновеннымъ щегольствомъ, и вовсе не подозрѣвалъ, что щегольство это впадало въ ту крайность, въ которую обыкновенно впадаютъ люди, непмѣющіе притязаній на щегольство, когда вздумаютъ не отставать отъ записныхъ щеголей. Притомъ день былъ чрезвычайно холодный; глаза Вальтера покраснѣли, а носъ посинѣлъ; наконецъ онъ съ такою кроткою покорностью рѣшился, противъ своего обыкновенія, на цѣлый день праздности и разсѣванія, что Маргарита непременно расхохоталась бы, если бы взоры ея не упали нечаянно на Эдмунда. Въ каретѣ было темно; но фонари бросали въ нее неровный, тусклый свѣтъ, при которомъ она могла разсмотрѣть лице его, которое казалось угрюмо и сердито, какъ она еще никогда его не видала. Губы его быстро шевелились, какъ будто онъ говорилъ съ самимъ собою; вскорѣ онъ вынулъ изъ кармана измятое письмо, и принялся тарашить глаза, чтобы прочесть его при дрожащихъ лучахъ фонарей. Онъ кусалъ губы почти до крови, и откинулъ голову назадъ въ уголъ съ такимъ движеніемъ, которое можетъ-статься было очень удобно для тѣла, но ужени какъ не показывало спокойствія духа. Когда же въ довершеніе всего, полковникъ Лесли, видя внезапно поднявшуюся мятель, и снѣгъ, повалившій крупными хлопьями въ ноги лошадямъ, произнесъ выразительное проклятiе на англійскій обычай обѣдать въ гостяхъ среди глубокой зямы, и безъ церемоній отправилъ и себя, и всѣхъ другихъ, къ чертамъ, радость вдругъ покинула сердце Маргариты, и она устремила безпокойный взоръ на сѣрое небо и бѣлѣющую дорогу. Нетерпѣніе взяло ее при видѣ пасмурныхъ лицъ спутниковъ.—Только бы имъ не дуться, подумала она, и все бы хорошо! что за досада, что у людей никогда почти не бываетъ ровнаго праву! какъ они всѣ несносны!—съ этою сострадательною мыслью, которая сопровождалась не малою притѣсью доволства собственнымъ правомъ, она сама забилась также въ уголъ кареты, и погрузилась въ размышленіе.

Послѣ двухъ часовъ, безъ малаго, такой пріятной бесѣды, показались наконецъ огни Домингтовъ-кастля, и радостное восклицаніе Маргариты:—Наконецъ то пріѣхали!—пробудило ея угрюмыхъ спутниковъ. Черезъ нѣсколько минутъ подвозка опустилась, и подъѣздъ отворился.

Зала была полна народу, и прошло добрыхъ пять минутъ, прежде чѣмъ новопривышіе успѣли позать руку каждому изъ гостей, и усѣсться въ томъ безмолвномъ принужденіи, которое обыкновенно предшествуетъ званому обѣду. Пріятельницы Маргариты были такъ не похожи на нее, и другъ на друга, какъ только могутъ быть дѣвушки почти однихъ лѣтъ. Старшая была очень хороша, но такъ мала ростомъ, что передъ нею героиня наша, за нѣсколько дней такъ сѣтовавшая на свой малый ростъ, могла бы почестъся большою; она имѣла огромные черные глаза и такой маленькій ротъ, что, казалось, въ него съ трудомъ прошла бы вишня самой обыкновенной величины. Она была безспорно очень хороша собою; но въ чертахъ ея было нѣчто рѣзкое и рѣшительное, что, при большемъ ростѣ и болѣе крупныхъ чертахъ придало бы ей вовсе не мужественную фizioномію. Другая сестра была высока, тонка, высокоплеча и рыжеволоса; она была бы рѣшительно дурна, если бы, при первомъ взглядѣ на нее, не поражало cadaго необыкновенно кроткое и доброе выраженіе. Последняя была Люси, другая Нэнси. Обѣ приняли Маргариту съ пріятливостью давно не выдававшихся пріятельницъ, а Фредерикъ Винсентъ, который былъ очень похожъ на Люси, но гораздо лучше ея, былъ внѣ себя отъ радости видѣть ее, послѣ столькихъ лѣтъ разлуки. Увидѣвъ себя въ кругу своихъ первыхъ друзей, Маргарита, въ счастья своемъ, невольно спрашивала мысленно, не было ли новое чувство, которое вдругъ такъ тиранически овладѣло ея сердцемъ, — одною игрою воображенія, для разсѣянія которой не требовалось даже чрезвычайнаго усилія воли?

За обѣдомъ она сидѣла подлѣ Фредерика Винсента, и тотчасъ вступила съ нимъ въ разговоръ, удостовѣрившись сначала быстрымъ взглядомъ, что Эдмундъ сидѣлъ прямо противъ нея, между Люси и Нэнси. Она имѣла въ высшей степени способность, которою одарены нѣкоторые люди, казаться вполне погруженною въ разговоръ, и въ то же время прислушиваться къ полудожнымъ другияхъ. Между-тѣмъ какъ она спрашивала сосѣда о его путешествіяхъ, и смѣялась отъ души его разсказамъ о тягостяхъ семейнаго путешествія въ четырехъ экипажахъ съ фургономъ, —

тягостяиъ, которымъ подобныхъ, говорилъ онъ, не испытала даже въ Египтѣ и Сиріи, — она успѣла въ то же время замѣтить, что Эдмундъ былъ еще блѣднѣе, чѣмъ давеча въ каретѣ, и что, несмотря на оживленіе разговора его съ Нэнси, голосъ его дрожалъ и лицо было сумрачно. Около половины обѣда, Вальтеръ, сидѣвшій по другую сторону Винсента, сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о пирамидахъ, которые вовлекли его въ подробное описаніе ихъ, очень мало занимавшее Маргариту; а какъ сэръ Джонъ Мортлокъ, другой сосѣдъ ея, уставъ отъ утренней скачки, почти заснулъ за столомъ, то она могла, не развлекая своего вниманія, слушать разговоръ, шедшій съ другой стороны стола. Что такое произвели тонкія губы Нэнси, отъ чего щеки Эдмунда покрылись такою смертною блѣдностью, что передъ нею прежняя его блѣдность могла бы показаться яркимъ румянцемъ? и что могло побудить его такъ неожиданно бросить на нее этотъ быстрый, прощательный, тревожный взглядъ? Этотъ взглядъ пробѣжалъ трепетомъ по всему ея тѣлу, и рука ея задрожала какъ осинный листъ. Мысли мелькали въ ея умѣ во всѣхъ направленіяхъ, противорѣча одна другой и опровергая себя взаимно. Не сказала ли Нэнси что-нибудь недоброе о ней? Нѣтъ, какъ можно это думать? неужели лучшая ея пріятельница поступитъ такъ предательски? Или не сказала ли она, можетъ-быть, что Винсентъ любитъ ее, и что она надѣется, что она выйдетъ за него? Вздоръ; она не стала бы говорить этого Эдмунду, человѣку совершенно чужому? Что же это могло быть? А нѣтъ сомнѣнія, было сказано что-то такое, что его разстроило. Вотъ онъ выпилъ стаканъ вина, и лицо его опять зарумянилось! какъ горять его щеки! И съ какимъ одушевленіемъ говоритъ Нэнси! не даетъ бѣдной Люси никакой возможности вставить словечко, чтобы также свести знакомство. Что за безконечную исторію рассказываетъ она ему? И отъ чего же Люси, которая обыкновенно такъ степенна, кажется теперь такою вертлявою, говоритъ съ сестрою черезъ Эдмунда и непремѣнно хотѣтъ ему что-то рассказать? дѣлая при этомъ такіе ангельскіе глаза, и изкоса поглядывая на нее самое. — Но вотъ Вальтеръ узналъ все, что хотѣлъ, на-счетъ пирамидъ, и прежде чѣмъ успѣлъ, какъ намѣревался, перейти отъ нихъ къ Святой-Землѣ, Винсентъ обращается къ Маргаритѣ, и спрашиваетъ въполголоса:

— Скоро ли должна пріѣхать ваша сестра?

Это былъ такой занимательный предметъ, что въ одно мгновение мысли ея были отвлечены отъ предъидущихъ гаданій.

— Наверное не известно, отвѣчала она. Батюшка говорилъ въ понедѣльникъ, что она должна пріѣхать въ концѣ недѣли; стало-быть ее можно ждать каждый день.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! такъ скоро? И мистръ и мистрисъ Варренъ также пріѣдутъ съ нею въ Грантли?

— Кто такіе эти мистръ и мистрисъ Варренъ? я никогда не слыхала о нихъ.

— Полноте! вѣдь ваша сестра путешествуетъ съ ними.

— Миѣ никогда не говорили о ней ни слова, кромѣ того, что она существуетъ, и должна скоро пріѣхать сюда. Поэтому перестаньте такъ дивиться, Фредерикъ, а лучше расскажите миѣ все, что вы знаете объ этомъ.

— *Объ этомъ?* Развѣ о ней, я могу, пожалуй, что-нибудь сказать. Мы ничего не видали, кромѣ нея, въ Генуѣ.

— Вы видѣли Джиневру! вскричала Маргарита, раскрасившись отъ волненія, и смотря въ лицо своему собесѣднику съ невыразимымъ восторгомъ. Въ это мгновение съ другой стороны стола устремился на нее другой острый, жгучій взглядъ, и сердце испуло ей, что Эдмундъ ревнуетъ. Движеніе радости, сопровождавшее этотъ тайный голоеъ, придавъ такой блескъ ея глазамъ, и разливъ такой румянецъ по ея щекамъ, что Винсентъ смотрѣлъ на нее въ нѣмомъ удивленіи, забывъ отвѣчать на вопросъ, пока не-терпѣливое: — Что же? — не напомнило ему о томъ.

— Что же? она отчасти похожа на васъ; но въ цѣломъ она не похожа ни на кого, изъ тѣхъ, которыхъ я до-сихъ-поръ видѣлъ.

— Но хороша она? пріятна?

— Да, хороша, и пріятна; по-крайней-мѣрѣ я такъ полагаю. Я всегда чувствовалъ себя передъ нею какъ-то неловко. Спросите лучше о ней Нэнси и Люси. Я увѣренъ, что онѣ будутъ очень несогласны въ своихъ сужденіяхъ, какъ за ними водится во всемъ; и вы изъ словъ ихъ составите себѣ свое собственное понятіе о ней, которое нисколько не будетъ похоже на дѣйствительность. Вообще описывать людей самая бесполезная вещь; никакое описаніе никогда не даетъ другимъ точнаго понятія объ описываемомъ человѣкѣ.

— Отъ васъ сегодня ничего не добьетесь; скажите, по-крайней-мѣрѣ, гдѣ и какъ вы познакомились съ нею?

— Это было когда мы осматривали однажды Геную. Мы хо-

шли по покоямъ палатцо Россо и встрѣтили мистра и мистрисъ Варренъ, съ которыми мы были нѣсколько знакомы. Они родственники тому мистру Невиллю, что прїѣхалъ сегодня съ вами.

— О, такъ это тѣ же, у которыхъ жила нѣсколько лѣтъ моя гувернантка.

— Тѣ самыя. Не помните ли, какое я навлекъ себѣ отъ нея гоненіе въ послѣдній разъ какъ я былъ въ Грантлен-мэноръ, тѣмъ, что осмѣлился назвать мистрисъ Варренъ несомною бабю?

— Помню, помню; припоминаю также, она говорила, что два года уже была за границею, и что цѣлый вѣкъ не получала отъ нихъ извѣстій.... но, продолжайте.

— Они въ то время смотрѣли прекрасную картину Вандейка, изображающую перваго герцога Бриньолевскаго, верхомъ; подлѣ нихъ была дѣвушка, съ особеннымъ вниманіемъ вперившая глаза въ картину; она тотчасъ поразила меня, потому что я отроду не видалъ такихъ странныхъ глазъ и такого страшнаго наряда.

— Какъ же она была одѣта?

— На ней было очень простенькое, совершенно гладкое сѣрое платье: ни шляпы, ни платка, а что въ Италіи называется *мечцаро*; это — родъ воала, который прикрываетъ голову и испускаетъ какъ шарфъ.

— А лицо ея? скажите мнѣ что-нибудь о ея лицѣ?

— Я вамъ говорилъ уже, что не умѣю его описать. Оно поражаетъ своимъ спокойствіемъ и блѣдностью; оно такъ блѣдно и такъ неподвижно, что иной разъ она гажется не живымъ существомъ, а мраморною статуею. Глаза у нея такого блѣднаго голубаго цвѣту, что иногда кажутся почти совсѣмъ безцвѣтными. Волосы ея также изъ самыхъ блѣдыхъ. Одно, что въ лицѣ ея темно, это — рѣсницы: онѣ точно черныя занавѣсы, и бросаютъ такую густую тѣнь подъ ея необыкновенно свѣтлыми глазами, что это производитъ самый странный эффектъ, — эффектъ, о которомъ нельзя себя составить никакого понятія.

— Такъ вы находите, что въ лицѣ ея нѣтъ выраженія?

— Нѣтъ выраженія? напротивъ, это самое выразительное лицо, какое я только видывалъ. Несмотря на невозмутимое спокойствіе очертаній, она изумительнымъ образомъ передаетъ всѣ свои мысли «изіономіею. Почти никогда ни одинъ мускулъ не движется на ея лицѣ; но на щекѣ ея зарождается румяное пятнышко, становится шире и шире, гуще и гуще, а глаза ея свѣтлѣютъ и, наконецъ, почти сіяютъ. Но они никогда не блестятъ и не

сверкають какъ ваши глаза, или какъ глаза Нэнси. Люси говоритъ, что вы ей напоминаете ясное лѣтнее утро, а сестра наша — лунную ночь. Не знаю, какъ вы сами будете судить ее! Я видала ее очень часто, но никогда не могъ ее разгадать. Люси, кажется, очень любила ее.

Мargarита задумалась; послѣ минутнаго молчанія, Фредерикъ продолжалъ:

— Какъ мы удивились, когда мистрисъ Варренъ, поздоровавшись съ нами, сказала: «Позвольте представить вамъ мисъ Лесли». Мнѣ тотчасъ вспало на мысль, кто она должна быть такая.

— Не знаете ли, какими-образомъ случилось, что она путешествовала съ мистрисъ Варренъ?

— Я слышалъ, что, когда умеръ ея дядя, у котораго она всегда жила, отецъ вашъ писалъ англійскому консулу, въ Генуѣ, и просилъ его освѣдомиться, не случится ли тамъ почтеннаго англійскаго семейства, съ которымъ ей можно бы вѣхать въ Англию. Консулъ случайно показалъ письмо мистру Варрену, который, будучи нѣсколько знакомъ съ полковникомъ Лесли, вызвалъ ее съ женою взять вашу сестру подъ свое покровительство. Вотъ какъ все было, сколько мнѣ извѣстно.

— Но Джиневра, кажется, жила не въ Генуѣ?

— Нѣтъ; если не ошибаюсь, она пріѣхала къ намъ изъ Вероны..... Но не странно ли, что вы обо всемъ этомъ ничего не знаете!

Разговоръ былъ въ это мгновеніе прерванъ шарканьемъ ступль въ выходомъ дамъ изъ за стола, что спасло Margarиту отъ неприятной необходимости отвѣчать на это замѣчаніе. Черезъ нѣсколько минутъ она уже была въ небольшомъ будоарѣ, составлявшемъ проходъ между гостиною и буфетомъ. Люси Вивеситъ сидѣла подлѣ нея на софѣ, а Нэнси напротивъ ихъ, на низкомъ табуретѣ, оперши локти на колѣни и голову на руки. Черные, сверкающіе глаза ея напомнили Margaritѣ вѣсную сцену, возбуждавшую ея вниманіе за обѣдомъ, и она сидѣла въ безмолвномъ раздумьи до тѣхъ-поръ, пока слуги не убрались съ кофеемъ, и Нэнси начала:

— Тебѣ, я думаю, до смерти хочется услышать что-нибудь о сестрѣ?

Margarita кивнула только утвердительно головою и молчала.

— Фредерикъ вѣрно говорилъ съ тобою о ней? продолжала Нэнси.

— Говорилъ; онъ говорилъ мнѣ, что ты очень любишь ее, сказала Маргарита, обращаясь къ Люси.

Люси покраснѣла и отвѣчала:

— Да, она такъ мила, такъ привлекательна!

Нэнси принялась грызть перчатку; какая-то странная улыбка мелькнула на лицѣ ея.

— Стало-быть, Фредерикъ полагаетъ, что я не люблю ея?

— Этого онъ не говорилъ; онъ говорилъ только, что самъ онъ никогда не могъ ея разгадать.

— Въ самомъ дѣлѣ? о! я, кажется, разгадала ее; но ты лучше суди сама. Мистръ Невиль говоритъ, что ее ждутъ много для черезъ два! Что говорить твоя бабушка на извѣстie о ея вѣздѣ?

Маргарита улыбнулась и покачала головою.

— Ты изъясняешься сегодня одними знаками, сказала Нэнси: общай, что, если я черезъ три недѣли спрошу тебя, какъ полюбила сестра, и тебѣ неприятно будетъ отвѣчать мнѣ прямо, ты дашь мнѣ такой нѣмой отвѣтъ?

— Если она мнѣ не полюбится! отвѣчала Маргарита съ необыкновенною для нея торжественностью: это будетъ для меня слишкомъ прискорбнымъ предметомъ мысли, чтобы я могла имъ такъ шутить!

— О! ты полюбишь ее, полюбишь непременно! сказала Люси почти шепотомъ.

— Ну, право, Люси, подхватила Нэнси нетерпѣливо, я не понимаю тебя. Ты самое сумасбродное существо въ мiрѣ; и если станешь продолжать такимъ образомъ, то я говорю тебѣ напередъ, что принуждена буду говорить откровенно. Я не постигаю этой сантиментальной глупости, и не люблю держать глаза людей закрытыми, когда открыть имъ глаза, значитъ — оказать имъ величайшую услугу.

Люси прикусила губы, и послѣдовала минута общаго смущенія и молчанія. Маргарита была огорчена и разстроена. Бѣдняжка! Едва прошло нѣсколько недѣль, какъ она узнала, что такое быть въ неловкомъ положеніи, и не выучилась еще скрывать свое заиѣшательство. Жизнь начинала оплетать ее тою тонкою паутиною заботъ, которая слишкомъ спутана, чтобы самому сбросить ее, и слишкомъ тонка, чтобы посторонніе обратили на нее вниманіе. Нэнси наконецъ первая прервала молчаніе замѣчаніемъ, не

столь горестнымъ и загадочнымъ какъ первое, по которое всетаки не могло облегчить ея стѣсненнаго сердца.

— Знаешь, Маргарита, сказала она, что хотя мы недавно еще прѣѣхали, и немного намъ было времени болтать и собирать новости, однако же мы уже успѣли наслышаться молвы о тебѣ и о мистрѣ Невиллѣ.

Маргарита покрасѣла по-уши; кромѣ одного разговора съ Вальтеромъ, она никогда не дѣлала и не слыхала ни одного намеку на этотъ предметъ; и хотя въ мысли, что и другіе замѣтили вниманіе къ ней Эдмунда, и что сосѣди съ полнымъ убѣжденіемъ ожидали результата, о которомъ она гадала только втайнѣ и съ трепетомъ, — не было ничего непріятнаго, однако же руки ея похолодѣли, щеки разгорѣлись при этомъ прямомъ и нескромномъ выраженіи того, что до тѣхъ-поръ было закрыто въ самыхъ глубокіихъ тайникахъ ея сердца. Она отрубчала прерывающимся голосомъ, что до нея не доходила такая молва.

— Однако же ты признаешь, возразила Нэнси смѣясь, что она, можетъ быть, не совсѣмъ безосновательна?

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не признаю! Право, я съ нимъ все не помолвлена....

— Вѣрю, но, можетъ-быть, скоро будешь помолвлена? возразила Нэнси настойчиво, и потомъ продолжала уже не шутя: я была бы этому очень рада, Маргарита; мистръ Невиллъ чрезвычайно богатъ, или по-крайней-мѣрѣ онъ сынъ чрезвычайно богатаго человѣка, и эти Варрены, съ которыми мы познакомились въ Италіи, говорятъ, что помѣстье его отца въ Ирландіи самое великолѣпное, какое имъ случилось видѣть.

— Къ тому же, говорятъ, онъ очень любезенъ, замѣтила Люси.

Невольно мелькнула въ умѣ Маргариты мысль, что выраженіе «любезенъ» не то, которое употребила бы она для описанія Эдмунда. Она могла находить его очаровательнымъ, обворожительнымъ, или чѣмъ угодно, только не любезнымъ. Нѣтъ, въ самой любви его, — если онъ точно любилъ ее, — была какая-то суровость, принужденность, отсутствіе уваженія къ ней, въ то самое время когда онъ за нею ухаживалъ, которыхъ никакъ нельзя было назвать любезными. Но она была влюблена! да, бѣдная Маргарита была рѣшительно влюблена! потому что ей казалось, что будь онъ любезнѣе, будь онъ не такъ самовластенъ, не такъ высокомеренъ, не такъ нерѣшителенъ, она не дорожила бы такъ каж-

дымъ взглядомъ его черныхъ глазъ, не сторожила бы съ такимъ трепетомъ каждое его слово, каждое его дѣйствіе, въ которомъ она могла найти признакъ его любви. Любовь не всегда ослѣпляетъ людей. Она часто дѣлаетъ насъ зоркими, даетъ намъ какое-то болѣзненное чутье къ самымъ ничтожнымъ несовершенствамъ любимаго предмета; но слабости и недостатки, открываемые съ помощью этой изощренной чувствительности, не кажутся намъ ненавистными какъ въ другихъ людяхъ, а составляютъ необходимую часть того, что мы любимъ; и въ слабости своей мы не поспѣли бы пожелать уничтожить хотя бы одну черту замѣчательнаго въ сердцахъ нашихъ образа.

Голосъ отца пробудилъ Маргариту изъ этого раздумья. Онъ стоялъ въ дверяхъ столовой, и сдѣлалъ ей знакъ, чтобы она приблизилась къ нему; когда она подошла, онъ положилъ руку на ее плечо и сказалъ едва слышнымъ голосомъ:

— Я приказалъ подавать карету. Сестра твоя пріѣхала.

Маргарита быстро взглянула ему въ лицо. Глаза его были полны слезъ. Они были одни въ комнатѣ; она бросилась къ нему на шею; онъ прижалъ ее къ сердцу, и она почувствовала горячую слезу, канувшую ей на лобъ. Они не произнесли ни слова; но сколько поняли оба въ эту минуту и въ этомъ объятіи.

Когда Маргарита прощалась съ леди Довингтонъ и ее дочерями, на лицѣ ея видны были слѣды сильнаго волненія. Когда она сошла съ лѣстницы къ каретѣ, Вальтеръ и Эдмундъ поспѣшили посадить ее, но она взяла руку Вальтера. Въ жизни ея начинался новый періодъ; и только передъ тѣмъ, который любящимъ, неусыпнымъ взоромъ слѣдилъ за каждымъ ея шагомъ со дня ея рожденія, не боялась она показать слезы, которыя струились по щекамъ, или волненіе ея души, высказывавшееся въ лихорадочномъ сжатіи руки. Она сѣла въ карету; за нею вошли отецъ и Вальтеръ, и дверца затворилась.

— А Эдмундъ съ нами не ѣдетъ? вскричала она съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ полковникъ Лесли; онъ сейчасъ сказалъ мнѣ, что поѣдетъ ночевать въ Эрльдонъ-паркъ, къ мистру Варрену, и просилъ прислать ему завтра туда его челоуѣка.

— Такъ онъ и завтра не пріѣдетъ? спросилъ Вальтеръ. Какъ благодарна была ему за этотъ вопросъ Маргарита!

— Не знаю, отвѣчалъ полковникъ; онъ мнѣ ничего не говорилъ.

Сердце Маргариты сжалось, и она принялась горько сожалѣть

о внезапномъ, и безотчетномъ движеніи, побудившимъ ее отвернуться отъ него и взять руку Вальтера. Эдмундъ, казалось ей, очень желалъ поговорить съ нею. Онъ вѣроятно сказалъ бы ей, когда думаетъ возвратиться въ Грантли, и она знала бы по крайней мѣрѣ положительно, чего ей ждать. Съ досады она почти оторвала палецъ своей бѣлой перчатки; готова была сердиться на Вальтера, за то, что онъ ей подаль руку, когда она садилась въ карету. — Какая неделикатность — такъ соваться всегда впередъ! — О неблагодарная, несправедливая мысль! за то она и была подавлена при самомъ рожденіи, и Вальтеръ не мало удивился, когда почувствовалъ, что Маргарита схватила его руку и крѣпко сжала ее съ волненіемъ, которое онъ могъ только приписать мысли ея о предстоящемъ свиданіи съ сестрою. Полковникъ Лесли объяснилъ въ нѣсколькихъ словахъ, что письмо, писанное къ нему мистромъ Варреномъ изъ Дуара, и извѣщавшее о скоромъ его прибытіи, заишло въ дорогѣ; что сами путешественники ѣхали скорѣе чѣмъ предполагали, и такимъ образомъ прибыли въ Грантли черезъ часъ по выѣздѣ хозяевъ. Мистръ Варренъ съ женою отправился далѣе въ Эрльдовъ-паркъ, оставивъ Джиневру на попеченіе мистрисъ Дальтонъ, которая немедленно послала челоуѣка къ полковнику Лесли съ извѣстіемъ о прибытіи его дочери. Послѣ этого объясненія, молчаніе уже не прерывалось въ каретѣ до самаго пріѣзда въ Грантли. Для Маргариты эти два часа были безконечностью, и ей казалось, что никогда еще старикъ кучеръ не ѣздилъ такъ тихо. Когда они проѣхали паркъ, на большихъ дворовыхъ часахъ было одиннадцать, и никогда еще знакомый лай собакъ и скрипъ отворяющихся воротъ не звучали такъ пріятно, такъ сладко въ ушахъ Маргариты. Едва швейцаръ успѣлъ снять съ нея шубу, она хотѣла обернуться къ отцу; но онъ уже ушелъ въ свой кабинетъ, и затворилъ за собою дверь. Она пошла прямо къ библиотекѣ; но тамъ было темно; тутъ только она вспомнила, что не знала какая комната назначалась ей сестрѣ. Она позвала челоуѣка, который на вопросъ ея отвѣчалъ, что мистрисъ Дальтонъ не взяла на себя рѣшить это въ отсутствіе полковника, но что, кажется, вещи пріѣзжей барышни были внесены въ китайскую спальню. Маргарита поспѣшно взбѣжала по дубовой лѣстницѣ, и встрѣтила у выхода ея свою гувернантку съ широкимъ подвѣчникомъ въ рукѣ.

— Гдѣ же она? вскричала Маргарита, запыхавшись.

— Въ комнатѣ вашего батюшки, внизу. Она сейчасъ была здѣсь со мною; но услышавъ голосъ полковника, звавшій ее, она бросилась какъ стрѣла изъ лука. Онъ былъ внизу у задней лѣстницы, и она побѣжала прямо туда, будто угадывая дорогу по инстинкту. И потомъ оба ушли въ кабинетъ, и дверь затворилась за ними, прежде чѣмъ успѣлъ бы кто оглянуться.

— Я думаю, мнѣ слѣдовало бы идти внизъ.... чтобы батюшкѣ позвать меня.... Ну скажите мнѣ поскорѣе, милая мистрисъ Дальтоу, какъ она вамъ нравится?

— Она кажется очень доброю и милою барышнею; но Боже мой, какая большая! гораздо больше васъ! кто бы это подумалъ?

— Пойду, сказала Маргарита, и сошла по лѣстницѣ, ведшей въ кабинетъ полковника. Она надѣялась, что ее сейчасъ позвуютъ, что дверь сейчасъ отворится.... она слышала, какъ отецъ ее говорилъ съ дочерью.... но ей не хватало духу отворить дверь. Она ждала, ждала — никто не трогался.... только невнятный говоръ долеталъ по временамъ до ея слуху. Сердце ея начало сжиматься, какая-то тоска и досада томили его; слезы хлынули на глаза, но она ихъ удержала. Ночь была холодная; бѣдняжка стояла на каменномъ полу корридора, и морозъ, принимавшій ея тѣло, соответствовалъ, казалось, холоду, который постепенно обнималъ ея сердце.—Долѣе не выдержу! вскричала она, и повернула къ лѣстницѣ, чтобы запереться въ своей комнатѣ, и дать волю чувствамъ, тѣспившимъ ея душу; но едва она ступила на ступень, ей впало на мысль, что можетъ быть она сама была виновата, что можетъ-быть отецъ ждалъ, что, зная гдѣ се стра, она сама войдетъ, не дожидаясь приглашенія. Она возвратилась къ двери, постучалась, и не получая отвѣта, тихонько отворила ее: въ комнатѣ никсго не было; но по полосѣ свѣту, ставшейся на коврѣ, она догадалась, что тѣ, кого она искала, во второй комнатѣ, куда былъ ходъ только изъ кабинета. Съ сильныиъ біеніемъ сердца подошла она къ двери,—но тутъ остановилась; на нее вдругъ нашла непреодолимая робость. Отецъ, — холодный, суровый отецъ ея, — стоялъ передъ картиною, которая висѣла тутъ съ его пріѣзда и была всегда завѣшена. Теперь занавѣсъ былъ отдернутъ. Въ объятіяхъ его, прижавъ головою на его плечо, была дочь той, которую онъ такъ страстно любилъ, и которой изображеніе висѣло передъ нимъ. Долго подавленные чувства вырвались наконецъ на волю. Въ эту минуту непреодолимаго волненія, сливались прошедшее и настоящее. Воспомина-

нiя, сладкiя и горестныя, толпою ринулись въ его память. На языкѣ своей блаженной молодости, в который столько лѣтъ уже былъ изгнанъ съ его устъ, на чудномъ языкѣ Италiи, который былъ для него столько времени музыкою упительнаго сна, изливалъ онъ дрожащимъ голосомъ воспоминавiя прошедшаго горд, и радостныя ощущенiя вастоящаго мгновенiя.

— Мое сокровище! лучшiй даръ неба! восклицалъ онъ, прижимая дочь къ груди: Джиневра, моя Джиневра! И такъ, я дожилъ до блаженной минуты, когда могу снова произносить вслухъ имя, которое столько лѣтъ не сходило съ устъ моихъ иначе, какъ стеномъ скорби и тоски. Джиневра, дочь моя! назови меня отцомъ.... или скажи одинъ разъ.... одинъ только разъ—мой Генри!.... Нѣтъ, не говори; это было послѣднее слово, и никто, даже ты, мой ангелъ, не должна произносить его при мнѣ.

И ему отвѣчалъ тихiй, вѣжливый голосъ; дочь, которую онъ держалъ въ своихъ объятiяхъ, стала подлѣ него на колѣни; губы ея шевелились, взоръ ея обращался съ нѣмага полотна сначала на небо, потомъ на взволнованное лицо отца. Румянецъ, озарявшiй ея щеки, исчезъ; она склонила голову и горячiя слезы оросили руку, на который покоился ея лобъ.

Что чувствовала между-тѣмъ Маргарита? Она стояла въ нѣсколькихъ шагахъ отъ отца, отъ сестры,—и никто ея не видѣлъ, никто ея не замѣчалъ, никто о ней не думалъ. Въ ухахъ ея звучалъ чужеземный языкъ, и эти движенiя, эти излиянiя пламеннаго чувства и страсти, были для нея также новы, какъ языкъ, на которомъ они выражались. Съ невыразимомъ горечью чувствовала она, что ей нѣтъ доли въ этихъ чувствахъ, что она ни въ прошедшемъ, ни въ настоящемъ не имѣла мѣста въ сердцѣ отца. Сестра казалась ей какимъ-то существомъ, сошедшимъ изъ чуждаго мира, чтобы присвоить себѣ любовь, которая несправедливо похищена у нея самой. Развѣ у нея самой не было также матери? Развѣ и она, въ своей одинокой комнатѣ, не проливала въ безмолвiи горячихъ слезъ, глядя на кроткiя черты матери? и не было при ней отца, который утѣшалъ бы ее своею любовью. Эти мысли очерствили ея сердце. Она бросилась вонъ изъ кабинета, въ свою комнату, затворила дверь и предалась своему безутѣшному горю. Она рѣшилась мысленно закрыть свое сердце отъ тѣхъ, которые были такъ равнодушны къ ней; не навязываться имъ съ докучливою вѣжливостью. А можетъ-быть, думала она, скоро придется ей оставить родительскiй домъ, ко-

горькій уже не могъ быть ей тѣмъ отраднымъ пріютомъ, что былъ прежде. Скоро выйдетъ она вѣроятно за Эдмунда Невилла, вступитъ въ новую семью, увидитъ новыя мѣста, новыхъ друзей. Но Вальтеръ долженъ часто навѣщать ее; никогда не перенесетъ она долгой разлуки съ Вальтеромъ; что жъ до Грантли-мэнора, что ей въ немъ? Грантли-мэноръ утратилъ для нея всю свою прелесть.

Она отдернула занавѣсъ, отворила ставню, и взоры ея приковались къ прекрасной картинѣ зимней ночи. Луна величаво вышлыла на небесную синеву; мѣтель улеглась; но бѣлые хлопья еще усѣвали все пространство между домомъ и рѣкою, которая, закованная въ свою ледяную броню, отражала лучи тысячъ звѣздъ, мерцавшихъ на ясной, морозной лазури неба. На листьяхъ лавровыхъ деревьевъ и на отдаленныхъ березахъ лежалъ снѣгъ въ причудливыхъ, красивыхъ формахъ, и пеленою ослѣпительной бѣлизны стлался на окончицѣ готическаго окна, передъ которымъ она стояла.

— Моя родная милая Англія! вскричала она вслухъ: какое нибѣло до тебя,—къ, принуждающимъ меня желать покинуть тебя?... Впрочемъ — тутъ духъ зла стерегъ благопріятное мгновеніе, чтобы внушить ей преступную мысль, которая легко могла привиться на приготовленной досадою и раздраженіемъ почвы,—впрочемъ, не вижу зачѣмъ бы мнѣ желать покинуть тебя? зачѣмъ мнѣ принимать такъ къ сердцу равнодушіе отца? Я старшая сестра. Бабушка не разъ твердила мнѣ, что я наследница Грантли-мэнора, и всѣхъ окрестныхъ земель. Джиневра здѣсь чужая, и если я только захочу сдѣлать ей Грантли нестерпимымъ, мнѣ это гораздо легче чѣмъ ей досаждать мнѣ!

Въ это мгновеніе, раздался легкій стукъ за дверь; Маргарита вздрогнула, и сказала дрожащимъ голосомъ:

— Войдите.

Она столько перечувствовала въ этотъ вечеръ, что силы ея были почти истощены отъ волненія. Какой-то тайный голосъ говорилъ ей, что это сестра пришла увидѣться съ нею: послѣднія силы оставили ее, и когда встала, чтобы идти на встрѣчу къ Джиневрѣ, она едва не упала. Но Джиневра въ одно мгновеніе подхватила ее, бережно положила на постель, обвила руки вокругъ ея шеи, и прижала ея горячую голову къ груди. И между-тѣмъ какъ старшая сестра рыдала, какъ-будто сердце ея готово было разорваться на части, меньшая успокоивала ее,

нашептывала ей слова вѣжной любви, будто убаюкивала плачущаго младенца.

Маргаритѣ показалось, что съ нею говорила мать; какое-то непонятное спокойствіе обняло ея сердце, и слезы ея легче и свободнѣе полились изъ глазъ, когда она почувствовала вѣжную руку на лбу и полный любви поцѣлуй на своей горячей щекѣ. Духъ искуситель исчезъ; ледяная цѣпь, сковавшая ея сердце, порвалась; она подняла голову, улыбнулась сквозь слезы, взглянула на лицо, сіявшее ангельскою красотою, снова скрыла лицо на груди этого ангела, говоря едва слышнымъ голосомъ:

— Сестра, сестра! наконецъ ты со мною! не та, которой я ждала послѣднія недѣли, а та, что снилась мнѣ много лѣтъ назадъ!

Опять вѣжный поцѣлуй напечатлѣлся на ея щекѣ, и Джиневра сказала:

— Не говори теперь, сестра; руки твои холодны, а щеки горятъ.... голова твоя вся въ огнѣ.... Я знаю, что ты страдаешь; тебѣ надо лечь и успокоиться.

Дѣйствительно, Маргарита чувствовала себя не совсѣмъ здоровою; но она чувствовала какую-то невыразимую отраду, прижимаясь къ сестрѣ и повинаясь ея волѣ. Она позволила ей раздѣть себя, и потомъ, положивъ голову на подушку, съ восторгомъ смотрѣла ей въ лицо, пока Джиневра обливала ей водою горячіе виски. Она была въ недоумѣніи отъ этого быстрого переворота своихъ чувствъ, отъ странности своего положенія. Неужели это была та самая сестра, о которой за нѣсколько минутъ она помышляла съ такою горечью, съ такою злобою?... Нѣтъ, все это долженъ быть сонъ; а если это дѣйствительно Джиневра, и она только-что пріѣхала изъ далекаго пути, не Маргаритѣ ли слѣдовало ухаживать за нею, успокаивать ее?

— Сестра! вскричала она вдругъ опомнившись: ты только-что пріѣхала изъ долгаго путешествія; ты, вѣрно, устала. Чтò жъ ты здѣсь дѣлаешь?

— Отдыхаю, моя милая, отдыхаю подлѣ тебя. Я желала бы просидѣть здѣсь всю ночь, смотрѣть за тобою, пока ты будешь спать.

— Нѣтъ, нѣтъ! вскричала Маргарита, ты не должна оставаться здѣсь. Ступай, сестра, ступай; но приходи ко мнѣ какъ-скоро я проснусь, я хочу видѣть тебя; иначе мнѣ покажется, что я

видѣла тебя только во снѣ. Какъ странно; мнѣ все кажется, будто я видѣла уже твое лицо. Поцѣлуй меня еще разъ и иди.

Джиневра наклонилась надъ сестрою, поцѣловала и перекрестила ее; потомъ ставъ на колѣни подлѣ постели, сказала тихимъ голосомъ:

— Сестра, не поволимся ли мы вмѣстѣ?

Мargarита обвила руку вокругъ ея шеи, и притянувъ ее къ себѣ, шепнула ей на ухо:

— Есть ли молитва, которую мы могли бы читать вмѣстѣ?

— Молитва, которую завѣщалъ намъ самъ Богъ, отвѣчала Джиневра.

И тихій голосъ ея прочелъ молитву Господню; и когда Margarита произнесла:—Аминь!—сладкій сонъ смежилъ ея глаза.

Джиневра еще нѣсколько времени молилась у постели сестры; молилась мысленно, и отъ времени до времени усердно прижимала къ устамъ руку, которая безсознательно держала ея руку. Легкій стукъ за дверью пробудилъ ее изъ этого состоянія. Она осторожно высвободила руку, и не охотно уступила мѣсто свое мистрисъ Дальтонъ. Когда она, послѣ того, вошла въ свою комнату, то еще часъ два просидѣла закрывъ лицо руками, и погруженная въ размышленіе.

IV.

Во время прѣбытія ея въ Англію, младшей дочери полковника Лесли было около семнадцати лѣтъ; но она была больше ростомъ и казалась отарше сестры. У обѣихъ былъ небольшой орлиный носъ, высокій лобъ, значительно округленный на вискахъ, темныя и хорошо обозначенныя брови и густыя длинныя рѣсницы; но глаза у Margarиты были цвѣту фіалки и гіацинта, а у Джиневры цвѣту незабудки, или скорѣе того голубаго цвѣту, который мы видимъ на небесахъ между багровыми облаками и краснымъ золотомъ заката: цвѣту, передъ которымъ исчезаетъ лазурь всего остального свода. Волоса ея были блонкуры, щеки блѣдны; одинъ ротъ былъ у нея, безспорно, лучше чѣмъ у Margarиты, по своему удивительно кроткому и вѣжному выраженію. Лицо ея порашало своимъ сноиствомъ, но это было сноиствомъ тихаго моря... свокойнаго, но не безжизненнаго, безмилост-

но, но выразительно. Когда она явилась къ завтраку, на первое утро по прїѣздѣ, всѣ взоры обратились съ безпокойнымъ любопытствомъ на дѣвушку, считавшуюся доселѣ чужеземкою въ отчемъ домѣ, и прїѣхавшую занять мѣсто дочери. Ея робкая поступь, сходство съ Маргаритою, выраженіе ея глазъ, въ одно мгновеніе разсѣла непрїязнь, которую издавна питали къ ней предубѣжденные родственники; и когда она, поздоровавшись съ отцомъ, обратилась къ мистру Торнтону, онъ протанулъ къ ней объятія, поцѣловалъ ее въ лобъ и сказалъ нѣжнымъ, прївѣтливымъ голосомъ, въ которомъ, однако же, замѣтно было нѣкоторое усиліе: «Благослови тебя Богъ, милая внучка». Затѣмъ и мистрисъ Торнтонъ обняла ее въ свою очередь и, наконецъ, Вальтеръ пожалъ ей руку съ такою искренною прївѣтливостью, которой онъ никакъ не думалъ къ ней чувствовать, а тѣмъ менѣе оказать. Взоры полковника Лесли въ это утро часто украдкою блуждали съ газеты на окружающихъ; онъ мало говорилъ съ Джинневрою, но съ чрезвычайнымъ вниманіемъ вслушивался въ каждое ея слово. Смотря на обѣихъ дочерей своихъ, сидящихъ рядомъ на низкой софѣ въ гостиной передъ столомъ, заваленнымъ книгами, рукодѣльями и цвѣтами, на эти милыя головки, прижавшіяся другъ къ другу, между-тѣмъ какъ рука Джинневы обвивала станъ Маргариты, а щека Маргариты принадлежала къ плечу Джинневы, и взоры ихъ съ нѣжностью покоились другъ на другѣ; руки встрѣчались на одной работѣ, и молодые голоса ихъ сливались, прерываясь отъ времени до времени, звонкимъ веселымъ смѣхомъ Маргариты, — онъ вздохнулъ отрадно, какъ будто тяжелая гора свалилась съ души его.

Этотъ день и два слѣдующіе прошли для обѣихъ сестеръ въ наслажденіи своимъ новымъ счастьемъ, новымъ для обѣихъ, и которому обѣ были, очевидно, равно рады. Въ судьбѣ обѣихъ было странное сходство: ни та ни другая не знала ни матери, ни брата, ни сестры, и, при совершенномъ различіи характеровъ, воспитанія и знакомства, обѣ пламенно желали тѣхъ кровныхъ связей, которыхъ не можетъ замѣнить никакая другая привязанность. Утѣшительно было видѣть Маргариту, когда она окутывала свою блѣдную сестру въ шубу и усаживала въ кабриолетъ, запряженный двумя малорослыми лошадами, или въ сани, и садилась подлѣ нея какъ дамасская роза подлѣ лиліи; или Джинневу, сплетающею вѣнокъ изъ тепличныхъ цвѣтовъ, изъ легкихъ «уксій» и разноцвѣтныхъ маргаритокъ, который она

вотомъ надвѣвала на прелестную головку сестры. Отрадно было видѣть ихъ обѣихъ, когда онѣ читали вмѣстѣ: то по-итальянски, то по-англійски, уча другъ друга своему языку, поправляла съ дѣтскою радостью ошибки другъ друга, и шутовско выговаривая другъ другу; или когда, въ сумерки, при отворенныхъ еще ставняхъ, сидѣли онѣ передъ пылающимъ каминномъ въ старинной библиотекѣ, и Джиневра пѣла пѣсни своей родной Италіи, а Маргарита, у ногъ ея, прислушивалась къ мелодіи этихъ сладостныхъ напѣвовъ, и прибирала къ ней второй голосъ.

— Сестра, говаривала старшая, когда онѣ сидѣли вмѣстѣ, позднимъ вечеромъ, въ комнатѣ Джиневры, — сестра, мы должны быстро пройти всю свою прежнюю жизнь, чтобы чрезъ нѣсколько дней быть какъ старыя сестры, никогда не разлучившіяся другъ съ другомъ.

И затѣмъ она принималась рассказывать Джиневрѣ, какъ счастливо протекло ея дѣтство, какъ всѣ ее любили, какъ любилъ ее всегда Вальтеръ Сидней, и какъ онъ старался замѣнить ей мать, брата, и — даже сестру, — прибавляла она, смѣясь противоположности его съ настоящею сестрою, которую послало ей небо.

— Такъ ты была очень счастлива, милая Маргарита? саранивала Джиневра.

— Очень счастлива; самымъ счастливымъ ребенкомъ въ мірѣ; но, я думаю, дѣтское счастье не можетъ быть продолжительно.

— Ты этого однако же не испытала донынѣ, сестра?

— Нѣтъ; но угадываю, отвѣчала Маргарита, наклоня головку надъ вѣнкомъ, который она только что сплела. — А ты, Джиневра, счастливо провела ты свою жизнь?

— Иногда бывала счастлива, отвѣчала Джиневра, и поспѣшно прибавляла: — но говори мнѣ о себѣ, о себѣ одной, моя возлюбленная Маргарита. И она съ любовью смотрѣла въ лицо сестрѣ, вынытывая изъ нея всю повѣсть ея прошедшихъ лѣтъ, ея чувства, ея образъ мыслей. Она слушала ее съ неутомимымъ вниманіемъ, отвѣчая ей съ тонкимъ, нѣжнымъ участіемъ, и разливала на эти бесѣды и на ежедневныя ихъ сношенія какое-то обаяніе, уничтожавшее всякое принужденіе, всякую застѣчивость. Сердце Маргариты было обворожено, покорено волшебнымъ вліяніемъ этого спокойнаго, разсудительнаго сочувствія; но, въ то же время ее оскорбляло то, что всѣ успія ея внушить Джиневрѣ такое же неограниченное довѣріе, какое она сама имѣла къ ней, оставались безуспѣшными; по простествіи нѣсколькихъ дней,

она остановилась на той мысли, что никогда еще не встрѣчала никого, кто бы такъ хорошо понималъ ее, какъ ея младшая сестра, и кого бы она сама понимала меньше. Джиневра была такъ непохожа на всѣхъ, кого она видала, и всѣ окружающіе чувствовали это, повидному; сама даже мистрисъ Торнтонъ, обыкновенно ничему не удивлявшаяся, на этотъ разъ принуждена была удивляться тому, что она никакъ не могла не любить Джиневры. Она заговаривала ей было, что между ними нѣтъ ничего общаго,—не опредѣляя, разумѣли она комнату, въ которой нѣтъ придется сидѣть, или предметы ихъ разговоровъ,—но искреннее участіе, которое Джиневра принимала въ ея вначатахъ, въ ея людяхъ, въ ея цвѣтахъ, привудило ее сознаться въ противномъ. Другой разъ говорила она, что Англичане могутъ уважать иностранцевъ, пожалуй даже любить ихъ; но никогда не могутъ слиться съ ними. Джиневра не чувствовала никакого влеченія слиться съ мистрисъ Торнтонъ, какимъ бы то образомъ ни было, но отвѣчала съ кротою улыбкою, что она никогда не будетъ требовать отъ мистрисъ Торнтонъ больше, какъ ея любви, но что она не можетъ довольствоваться меньшимъ. За что бы она ни взялась, за трудное дѣло или за вздорное, за важное или пустое, все она дѣлала какъ-то особенно хорошо, замѣчала мистрисъ Дальтонъ. И Маргарита терпѣливо слушала все это; и даже терпѣливо выслушала однажды отвѣтъ сестры, на вопросъ ея, не чувствуетъ ли она нѣкотораго принужденія при отцѣ.

— Нисколько, отвѣчала Джиневра; когда я бываю съ нимъ, я часто вспоминаю прекрасныя слова Священнаго Писанія: «Совершенная любовь исключаетъ страхъ!» И мнѣ кажется, такъ и должно быть съ этимъ чистѣйшимъ и священнѣйшимъ изъ человѣческихъ чувствъ.

— И ты въ-самомъ-дѣлѣ любишь его такъ? вскричала Маргарита; о, въ такомъ случаѣ, неудивительно, что у него не остается больше любви на мою долю!

Слезы брызнули изъ глазъ ея; но, боясь, чтобы слова ея не были поняты превратно, она поспѣшила прибавить:

— Не суди обо мнѣ несправедливо, Джиневра. Было время, когда я думала, что буду тебя завидовать; но это чувство разсѣялось при первомъ звукѣ твоего голоса, при первомъ твоёмъ поцѣлуѣ, и никогда — продолжала она съ одушевленіемъ, между тѣмъ какъ Джиневра смотрѣла ей въ лицо со страхомъ и любовью, — никогда не буду я сътовать на то, что не я его лю-

блещица, если только ты будешь любить меня, такъ, какъ, я знаю, она любитъ тебя.

Дни проходили за днями, и Маргарита уже дивилась, какъ могла она жить столько времени безъ Джиневры; такъ стала Джиневра необходима для ея счастья! Однако же, она не была совершенно увѣрена въ томъ, что разгадала ее, какъ сказалъ бы Фредерикъ Винсентъ. Джиневра очевидно старалась избѣгать разговоровъ о такихъ предметахъ, которые касались ея лично; и это не разъ изумляло и даже чуть не бѣсило Маргариту.

— Подумали ли бы вы, говорила она однажды Вальтеру, — что Джиневрѣ только семнадцать лѣтъ?

— Отчего же вѣтъ? она, кажется, очень холода на лицо.

— Это такъ; но она такъ разсудительна, такъ неостыжливое разсудительна, что я почти сомнѣваюсь въ дѣйствительности ея разума. Она точно щипкомъ взята изъ книги; а между тѣмъ, и сворѣ свою борзую стану подозрѣвать въ притворствѣ и женственности, чѣмъ сестру. Когда она бесѣдуетъ со мною, Вальтеръ, въ головѣ моей вертятся такія странныя мысли! Иной разъ я вспоминаю о словахъ Священнаго Писанія объ ангелахъ, которые въ человеческомъ образѣ сходять на землю; другой разъ она напоминаетъ мнѣ дивный станъ Коальриджа:

....Стоитъ, смиренно руки
На персяхъ трепетныхъ скрестивши;
Лицо на радость и страданье
Покорною готовностью сіяетъ,
Въ своей, какъ мраморъ блѣдной красотѣ.
Глаза, какъ небо голубые,
Какъ небо ясные, и въ каждомъ
Блещитъ прозрачная слеза.
Казалась существомъ небеснымъ
Всѣмъ Джеральдина....

— Чтò за странная поэма этотъ Кристабель, сказала Маргарита, прочитавъ вслухъ эти строки, и опуская книгу. — Точно зловѣщій сонъ.

Головка ея опустилась на руку, и почти, въ тоже мгновеніе, съ быстротою мысли заговорили въ умъ ея таинственные намеки и совѣты Нанси Винсентъ. — Что разумѣла она подъ словами: открыть мнѣ глаза? и отчего Люси казалась такъ недовольна этими словами? Люси гораздо добрее своей сестры, хотя да-

деко не такъ умна; но за то Нанси привязывается гораздо сильнѣе, по-крайней-мѣрѣ меня она гораздо больше любитъ. Помню, она всегда желала, чтобы я вышла за-мужъ за ея брата; почему знать, можетъ Люси хочется сосватать его на Джиневрѣ, и вотъ что имѣла Нанси въ виду въ своихъ загадочныхъ рѣчахъ.

Тутъ, слѣдующимъ звѣномъ въ ея мысляхъ было удивленію— не въ первый уже разъ, — тому, что вотъ прошло уже нѣсколь-ко дней, а Эдмундъ Невилъ не являлся, и даже, сколько ей было извѣстно, не писалъ о своемъ возвращеніи. Она очень любопытствовала узнать что-нибудь о его родственникахъ Варренахъ; но ни ея вопросы, ни ухищренія мистрисъ Дальтовъ не могли ничего добиться отъ Джиневры, кромѣ увѣренія, что они были къ ней очень добры; на разспросы о томъ, любила ли она ихъ и желала ли ихъ видѣть, что это были за люди и прочая, она давала одни уклончивые, неудовлетворительные отвѣты. Удовольствіе видѣть сестру и бесѣдовать съ нею, развлекали нѣкоторое время безпокойство Маргариты на счетъ продолжительнаго отсутствія, и еще болѣе непонятнаго молчанія Эдмундова; но къ концу недѣли она стала живо ощущать его, и съ такимъ лихорадочнымъ волненіемъ ожидать прѣбытія почты, и прислушиваться къ каждому звону колокольчика на подѣздѣ, къ стуку колесъ или конскому топоту по аллеѣ, что не только Вальтеръ, но и всѣ прочіе жители Грантън-Мэвора стали замѣчать ея тревожное состояніе.

Однажды утромъ, выходя изъ своей комнаты, она увидѣла въ концѣ галлерей сестру, которая стояла у окна, опершись колѣномъ о стулъ, и внимательно читала письмо. Она казалась погруженною въ свое чтеніе, и на блѣдныхъ щекахъ ея яркими пятнами горѣлъ румянецъ. Маргарита тихоюшко подошла къ ней и положила руку ей на плечо. Джиневра сильно вздрогнула, и поблѣднѣла; потомъ, когда сестра сказала ей: — Я, кажется, очень испугала тебя!—она опять вспыхнула и задрожала всѣмъ тѣломъ.

— Надѣюсь, что ты не получила никакихъ дурныхъ извѣстій изъ Италіи? сказала Маргарита, между-тѣмъ какъ Джиневра поспѣшно складывала письмо, и прятала его въ складки своего платья.

— Нѣтъ, отвѣчала Джиневра печально, мнѣ не отъ кого получать извѣстія изъ Италіи; единственные оставшіеся у меня друзья, уже нѣсколько мѣсяцевъ какъ выѣхали изъ Вероны, а съ-тѣхъ-поръ какъ умеръ дядя мой Леонардо, а отецъ Франческо отпра-

иля въ Америку, всё узы, привязывавшія меня къ родной землѣ, разрушились одиѣ за другими. Теперь Италия для меня не болѣе какъ досказанная повѣсть, видѣнный сонъ, введеніе къ начинающейся теперь жизни.

— Жизни полной счастья, надѣюсь, подхватила Маргарита.

— Благодарю тебя, сестра, благодарю, отвѣчала Джиневра; такъ ить голосомъ, что Маргарита, безъ всякой видимой причины, была тронута имъ; слова эти были произнесены отрывисто, но съ такою искреннею вѣжностью и благодарностью! и сказавъ ихъ, Джиневра поспѣшно удалилась.

За завтракомъ полковникъ Лесли объявилъ дочерямъ, что онъ писалъ къ министру Варрену, приглашая его съ женою провести нѣсколько дней въ Грантли-Мэнорѣ, и только что получилъ отвѣтъ, извѣщавшій о пріѣздѣ ихъ на слѣдующій день. Джиневра выслушала эту вѣсть безъ всякаго признака радости или неудовольствія; Маргарита же устремила вопрошающій взоръ на отца, въ ожиданіи, что за этимъ послѣдуетъ какое-нибудь извѣстіе объ Эдмундѣ. И она не обманулась въ своемъ ожиданіи.—Невилъ, сказавъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія, также пишетъ мнѣ, что онъ будетъ завтра. Разныя дѣла удерживали его со дня на день въ Эрльсдонѣ.

При этихъ словахъ Вальтеръ поднялъ глаза съ своей газетъ, и увидѣлъ, какъ лучъ радости мгновенно и ярко блеснулъ въ глазахъ Маргариты, заигралъ на ея щекахъ, и быстро пробѣжалъ по всему ея тѣлу.

Вальтеръ много перестрадалъ съ самаго дѣтства, среди своей повидному столь спокойной и счастливой жизни. Съ стремленіями и склонностями, которыя обѣщали ему неисчерпаемый источникъ блаженства, онъ рѣдко встрѣчалъ сочувствіе въ другихъ, и въ душѣ его кипѣлъ потокъ пламенныхъ желаній и страстныхъ чувствъ, который никогда не имѣлъ возможности вполнѣ излиться наружу. Рано послала ему судьба горькій опытъ, который или смягчаетъ или закаляетъ сердце человѣка; рано научила она его, что въ самыхъ пламенныхъ своихъ ощущеніяхъ не должно ему ждать взаимности, что вся жизнь его должна быть однимъ непрерывнымъ рядомъ самопожертвованій, и что блаженство для него должно заключаться въ счастіи другихъ; рано узналъ онъ эту истину, и глубоко вкоренилась она въ его сердце; вся жизнь его была постояннымъ приложеніемъ ея къ дѣйствительности. Охранять Маргариту Лесли отъ малѣйшаго прикосновенія зла, да—

же отъ горя, если возможно; блюсти, чтобы дуровеніе судьбы не слишкомъ сурово играло на ея щекахъ, и чтобы на пути ея не встрѣчалось ни одного камня, который можно устранить; — вотъ что было цѣлю и отрадою его жизни. Нерѣдко принуждалъ онъ себя спокойнымъ, холоднымъ разсудкомъ пытаться собственныя свои чувства, вопрошать прошедшее и гадать о будущемъ. Онъ помышлялъ о ея супружествѣ, представлялъ ее себѣ мысленно въ наслажденіи семейнымъ счастьемъ, въ исполненіи семейныхъ обязанностей; — и онъ могъ возсылать пламенную молитву, чтобы небо даровало ему видѣть ее среди этого счастья и испослать ему силу никогда не желать быть для нея чѣмъ либо богѣе, какъ другомъ; кромѣ развѣ когда, по прошествіи многихъ лѣтъ, любовь ея будетъ обманута, сердце ея остынетъ, и душа будетъ удручена страданіемъ. Тогда, думалъ онъ, тогда наступитъ его очередь; его дѣломъ будетъ исцѣлять эти раны, продитъ на вѣкъ едей неизмѣнной любви, согрѣть снова то, что было остужено холоднымъ дыханіемъ свѣта, согрѣть безсмертнымъ пламенемъ, возникшимъ въ безмолвіи и разившимся въ самопожертвованіи. И онъ боялся онъ, чтобы пять, десять, даже двадцать лѣтъ могли отускдить свѣтъ этого пламени или затушить его шылъ. Одинъ вопросъ всего чаще представлялся Вальтеру въ этихъ строгихъ самоиспытаніяхъ: отчего, если онъ дѣйствительно не цыталъ никакой надежды для самаго себя, и ничего не желалъ кромѣ ея счастья, отчего же, когда она сидѣла подлѣ Невилля и смотрѣла ему въ лицо, какъ бы въ глазахъ его былъ написанъ приговоръ ея жизни, и она могла жить только въ его присутствіи, — отчего ему, столь покорному и безкорыстному, такъ хотѣлось бы выхватить ее отъ него, оттолкнуть его, и прижать ее къ своему собственному сердцу, какъ птичку, выруженную изъ сѣтей додца? Вальтеръ старался пересилить это чувство, боролся съ нимъ въ тайнѣ, силлся даже класть мысленно руку ея въ руку Невилля, думать о ней какъ о жещѣ Невилля. Но невольный, внутренній голосъ убѣждалъ его не допускать, даже мысленно, этого союза. Словомъ, въ душѣ старика Вальтера происходила борьба, какой и во сѣ не видали тѣ, что воображали его занятымъ исключительно архитектурными чертежами, благотворительными планами илкъ, какъ въ ту минуту, о которой идетъ рѣчь, политическою статьею газеты.

Во весь этотъ день и въ слѣдующій, Маргарита была очевидно въ сильномъ волненіи. До этого дня она никогда не говорила

сестрѣ объ Эдмундѣ Невиллѣ: тутъ же она не только упомянула о немъ, при распоряженіяхъ о приготовленіи комнатъ для ожидаемыхъ гостей, но даже нѣсколько разъ возвращалась къ нему, и Джиневра все слушала съ терпѣливымъ участіемъ. Однажды Маргарита просила ее отвезти связанный ими вѣстѣ букетъ цвѣтовъ въ комнату мистрисъ Варренъ; нѣсколько минутъ спустя она сама последовала за нею вверхъ, и не найдя ее въ назначенной комнатѣ, отворила дверь въ соседнюю комнату, ту самую, которую занималъ Эдмундъ во все время пребыванія своего въ Грантли-Мэнорѣ. Джиневра стояла у письменнаго стола и рассматривала писанную тетрадку. Она перелистывала ее съ необыкновеннымъ любопытствомъ, и перевернувъ ее вверхъ ногами, подошла къ свѣту, стараясь, повидимому, разобрать едва приметные слѣды письма. Это обстоятельство произвело на Маргариту непріятное впечатлѣніе, въ которомъ она не могла дать себѣ никакого отчета. По чувству скромности и деликатности, частью развитому воспитаніемъ, какъ ни желала бы она посѣтить эту комнату по отъѣздѣ Эдмунда, и какъ ни пріятно было бы ей отыскать въ ней слѣды его пребыванія, она ни разу не осмѣливалась переступить черезъ порогъ ея, и ей даже не приходила въ голову возможность удовлетворить это желаніе. Джиневра положила тетрадку, отошла къ камину, и стояла нѣсколько мгновений передъ огнемъ; потомъ пошла назадъ, и встрѣтивъ Маргариту, вздрогнула и покраснѣла, когда та замѣтила ей, что она не туда поставила цвѣты, куда слѣдовало. Джиневра молча вернулась къ камину, взяла цвѣты и последовала за Маргаритой въ комнату, назначенную для мистрисъ Варренъ.

Обратившись къ сестрѣ, чтобы заговорить съ нею, Маргарита была поражена необыкновеннымъ выраженіемъ ея лица. Оно было неподвижно и холодно по обыкновенію; но въ то же время на немъ было написано какое то болѣзненное безпокойство; когда же руки ихъ столкнулись, желая поднять выпавшій изъ букета цвѣтокъ, Маргарита почти вздрогнула отъ холоднаго, влажнаго, лихорадочнаго прикосновенія сестриной руки. Она хотѣла спросить Джиневру, не нездорова ли она; но съ Джиневрою трудно было говорить о ней самой. Охотно и даже съ живымъ участіемъ слушала она обыкновенно помыслы и заботы другихъ; но какъ-скоро кто-нибудь касался ея здоровья или ея мыслей, она укрывалась съ кроткою раздражительностью мимозы.

Когда Маргарита вошла въ гостиную передъ обѣдомъ, бабуш-

жа ея уже сидѣла въ своихъ большихъ креслахъ; вконецъ сошли и мистръ и мистрисъ Варренъ, прѣхавшіе въ-время, чтобы одѣваться къ обѣду. Мистрисъ Варренъ была съ виду простая, не далекаго ума женщина, съ мягкимъ голосомъ и очень простоватыми манерами; долгое пребываніе за границею внушило и ей и мужу ея презрѣніе и нелюбовь къ отечеству, но привязавъ ихъ ни къ какой другой странѣ. Мистръ Варренъ былъ собственно человекъ добрый и кроткій; но одержимый ложнымъ понятіемъ, что все безъ разбору осуждать значитъ быть человекомъ съ тонкимъ вкусомъ и съ отличнымъ воспитаніемъ, и что неучтивость есть признакъ хорошаго тона. Онъ растянулся въ креслахъ, холодно поклонился мистру Торнтону и Вальтеру, когда полковникъ Лесли представилъ ихъ, и долго размышлялъ повидимому, долженъ ли онъ обращаться съ Маргаритою съ надменнымъ равнодушіемъ или съ милостивою фамильярностью. Красота ея вѣроятно рѣшила его сомнѣніе; и ведя ее къ столу, онъ сказалъ ей, какъ-будто уже много лѣтъ былъ знакомъ съ нею:

— Я увѣренъ, что вы уже безъ ума отъ своей сестры?

Потомъ, не дожидаясь отвѣта, сталъ разговаривать по-итальянски съ Джиннврою, черезъ столъ.

Подлѣ Маргариты было порожнее мѣсто; нѣсколько минутъ послѣ того, какъ всѣ сѣли за столъ, Эдмундъ Невиль тихонько пробрался въ столовую и занялъ его. Ей казалось, что она уже цѣлый вѣкъ не видала его, и не мало труда стоило ей скрыть радостное волненіе, которое произвелъ въ ней приходъ его. Онъ также казался въ счастливомъ расположеніи духа, и приваясь разговаривать и смѣяться съ большимъ одушевленіемъ, чѣмъ когда либо. Онъ просилъ мистрисъ Варренъ подробно разказать мистрисъ Торнтонъ о леченіи холодною водою, въ радостномъ убѣжденіи, какъ онъ шепнулъ Маргаритѣ, что бабушка ея скоро закутаетъ всѣ окрестныя деревни въ мокрыя простыни. Затѣмъ онъ совѣтовалъ мистру Торнтону убѣдить мистра Варрена принять участіе въ пристройкѣ новой отрасли къ желѣзной дорогѣ. Пустивъ въ ходъ всѣ эти толки и дожидаясь, чтобы одушевляющійся гдворъ голосовъ позволилъ ему говорить такъ, чтобы никто не слышалъ его, онъ шепнулъ Маргаритѣ:

— Спросите о чемъ-нибудь сестру; мнѣ хочется, чтобы она посмотрѣла въ эту сторону.

— Пустякъ! она разговариваетъ съ Вальтеромъ и я не хочу

вѣшать наъ. Мнѣ хочется, чтобы они познакомились и подружались.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! и вы думаете, они сойдутся?

— Конечно; я въ этомъ не сомнѣваюсь; но онъ такъ застѣнчивъ, а она такъ скрытна, что они еще не успѣли познакомиться.

— Она скрытна?

— Да, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ. Отъ нея не добьешься ни слова о ней самой.

— Это недостатокъ, который не многимъ дается, сказала Эднуа, съ лукавою улыбкою.

— Не правда ли, мистръ Невиль, она удивительно хороша?

— Какъ же я буду отвѣчать вамъ, когда вы не хотите заставить ее обернуться въ нашу сторону?

— Потерпите только до послѣ-обѣда; я представлю васъ ей.

— О, вѣтъ, благодарю васъ, я терпѣть не могу фамильныхъ представленій. Вы увидите, что я и самъ найду средство представиться ей безъ посторонняго посредничества. Какъ приняли ее дѣдушка и бабушка?

— Съ-такимъ радушіемъ, что лучшаго желать нельзя было, въ-особенности дѣдушка. Однако же ему это было не легко; онъ ни за что въ-свѣтъ не хотѣлъ, чтобы батюшка женился на иностранкѣ и иностранкѣ.

— Правда, съ предразсудками трудно совладѣть, возразилъ Эднуадъ: но любовь еще сильнѣе и упорнѣе, и когда сойдется съ ними, они рано или поздно разлетятся въ дребезги. Какъ ладитъ Вальтеръ съ своимъ?

— О, его предразсудки совсѣмъ не то, что дѣдушкины; впрочемъ онъ, кажется, думалъ, что никогда не будетъ въ-состояніи полюбить Дживевру, а теперь...

— А теперь, кажется, и очень полюбилъ; не такъ ли? Посмотрите, съ какимъ одушевленіемъ они разговариваютъ. Не можете ли разслушать, о чемъ они толкуютъ?

— Кажется, о готическихъ соборахъ. Скажите, какъ поврались вамъ намедни Винсенты?

— Которая?

— Нэнси.

— Столько же, я полагаю, какъ вамъ нравится ея-братъ.

— Онъ мнѣ очень нравится.

— Именно, я такъ и думалъ; ну, и она мнѣ очень нравится.

Она изъ тѣхъ людей, которыя непременно добьются своей цѣли, но что бы то ни стало; которыя не будутъ знать покою до тѣхъ поръ, пока не достигнутъ ея. Я очень уважаю такихъ людей.

— По моему, это должно завѣсть оттого, къ какой цѣли они стремятся.

— Не совсѣмъ. Въ постоянномъ стремленіи къ цѣли, въ желѣзной волѣ и неутомимомъ упорствѣ есть уже нѣчто великое, хотя бы въ цѣли этого стремленія и не было ничего ни похвального, ни великаго.

— Такая сила воли сдѣлаетъ человѣка скорѣе преступникомъ, чѣмъ великимъ человѣкомъ, отвѣчала Маргарита съ нѣкоторымъ одушевленіемъ. Я не нахожу ничего достойнаго уваженія въ одной силѣ и въ упорствѣ воли, когда они протекаютъ изъ гордости и служатъ орудіемъ неправыхъ дѣлъ.

— Нравственная сила можетъ имѣть своимъ источникомъ гордость, но не можетъ вести къ преступленію; по-крайней-мѣрѣ не къ преступленію низкому, подлому.

— О, мистръ Невиль, вскричала Маргарита: развѣ каждое неправое дѣло не низко, болѣе или менѣе? развѣ всякое неправое дѣло не есть признакъ эгоизма? а эгоизмъ всегда презрителенъ.

— Я не назову презрительнымъ того эгоизма, который ведетъ человѣка къ названію себя собственной цѣли жизни, и побуждаетъ его быть вѣрнымъ этой цѣли и себѣ самому, хотя бы для достиженія этой цѣли приходилось жертвовать ближнимъ. Въ непреклонной рѣшимости побѣдить всѣ препятствія и уничтожить все, что преграждаетъ намъ путь къ избранной цѣли,— есть нѣчто такое, что можетъ принадлежать только характеру необыкновенной закалки. Повѣрьте, миссъ Лесли, щепетильная совѣстливость никогда не соединяется съ истиннымъ величіемъ; человѣкъ, взвѣшивающій каждое слово, прежде чѣмъ произнесетъ его, никогда не будетъ краснорѣчивымъ витіемъ, а тому, кто разбираетъ по ниточкѣ каждое дѣйствіе, прежде чѣмъ совершить его, не быть великимъ человѣкомъ. Есть въ человѣкѣ нравственный истинникъ, который руководитъ его въ жизни гораздо лучше того, что называется обыкновенно правилами.

— Какъ не согласенъ вашъ образъ мыслей съ Вальтеровымъ. Онъ также преклоняется передъ силою воли и непреклонностью стремленія; но онъ говоритъ, что воля въ человѣкѣ есть страшная сила, способная равно на добро и на зло, и которая, если

не будет дано ей хорошее направление, можетъ разить въ сторону, какъ сломанный лукъ, и погубить его самого и другихъ.

При имени Вальтера, Эдмундъ быстро взглянулъ въ ту сторону, гдѣ онъ сидѣлъ; и прошло нѣсколько мгновеній прежде, чѣмъ Маргарита могла снова привлечь его вниманіе и продолжать разговоръ.

— Полагаете ли вы, спросилъ Невилль, послѣ нѣкотораго молчанія, что одинъ человѣкъ можетъ долго прогнѣваться волѣ другаго, когда въ одномъ изъ соотвѣствующихъ есть эта сила и непреклонность стремленія, о которой мы сейчасъ говорили? Не должно ли полагать, что сильная, стремительная воля, хотя бы она избрала неправые пути къ своей цѣли, должна рано или поздно восторжествовать надъ страдательнымъ сопротивленіемъ?

— Я васъ не понимаю.

— Положимъ, напримѣръ, что счастье всей моей жизни зависитъ отъ покоренія себѣ воли тѣхъ, съ которыми свела меня судьба; отъ принужденія ихъ дѣйствовать сообразно моимъ, а не ихъ собственнымъ понатіямъ; не должна ли тутъ моя непреклонная воля, допустивъ притомъ съ обѣихъ сторонъ равныя умственные силы, рано или поздно восторжествовать?

— Вальтеръ сказалъ бы, что это зависитъ отъ правоты нашего дѣла, а если не отъ нея, то отъ свойствъ встрѣчаемаго нами сопротивленія.

Мрачная туча прошла по лицу Невилля, и онъ сказалъ отрывисто:

— Ради Бога, говорите мнѣ, чтѣ вы сами думаете, а не чтѣ сказалъ бы Вальтеръ.

— Я думаю, какъ онъ думаетъ; но я далеко не такъ праведно дѣйствую какъ онъ, и вотъ почему я привожу его слова. Я терпѣть не могу говорить о себѣ такъ, какъ-будто я лучше, чѣмъ я на-самомъ-дѣлѣ; это очень похоже на лицемѣріе, хотя оно и не есть собственно лицемѣріе. Живя съ человѣкомъ возвышенныхъ правилъ и рѣдкаго самоотверженія, мы невольно дѣлаемся добры въ теоріи; воображаемъ, что мы совершенно добры имъ, до-тѣхъ-поръ пока что-нибудь не докажетъ намъ, что мы не болѣе какъ гальвано-пластическіе слѣпки, сказала Маргарита, показывая съ улыбкою на стоявшую передъ ними гальвано-пластическую посуду.

— Вы правы, отвѣчалъ Невилль; и послѣдовало новое молчаніе. — Миссъ Лесли, если бы человѣкъ, которымъ вы бы очень

дорожили, котораго вы любили бы отъ всего сердца, обманулъ васъ въ томъ, что всего ближе вашему сердцу, взмѣнились ли бы отъ того ваши чувства?

Дрожащимъ голосомъ отвѣчала она: — Еслибы я любила кого отъ всего сердца, я не могла бы дорожить ничѣмъ другимъ.

Обычный свѣтлый взоръ ея глазъ обратился во взглядъ, полный робкаго и недоувѣрчиваго безпокойства, когда она взглянула на задумчивое лицо Эдмунда. Онъ казался гораздо болѣе погруженъ въ предметъ своего размышленія, чѣмъ занять ею, и продолжалъ:

— Слѣдовательно преданность ваша любимому человѣку была бы такъ велика, что могла бы восторжествовать надъ всѣми пренятствіями?

— Предполагая, что отъ меня не требовалось бы ничего неправого.

— Это разумѣется само собою, перебилъ Эдмундъ съ терпѣніемъ. Положимъ это разъ навсегда, чтобы не перебивать рѣчи увертливыми условіями.

— Никто еще не обвинялъ меня въ увертливости, отвѣчала Маргарита полушутливымъ, полулюбимымъ голосомъ. Она, бывшая доселѣ самымъ безбоязненнымъ существомъ въ мірѣ, до такой степени даже, что могла бы показаться слишкомъ свѣлою, еслибы всѣ мысли и движенія ея не были такъ полны жевской мягкости, начинала ощущать тираническую власть сильной страсти, сознавать ея существованіе и сомнѣваться во взаимности. Веселый или недовольный взглядъ Невилевыхъ сверкающихъ глазъ, движеніе его выразительныхъ губъ, бросали ее въ радость или въ унывіе, заводили румянецъ или блѣдность на ея щеки, заставляли быстрѣе или медленнѣе биться ея сердце. Последнія слова ея очевидно не поправились ему, и онъ хранилъ угрюмое молчаніе до самого того времени, когда дамы вышли изъ столовой.

— Что скажете вы о моемъ племянникѣ? сказала мистрисъ Варрепъ Джиневрѣ, когда онѣ стояли всѣ передъ каминомъ въ библіотекѣ. — Я никакъ не ожидала встрѣтиться съ нимъ у вашего отца.

— Вы думали, что онъ въ Ирландіи, отвѣчала Джиневра, внимательно разсматривая группу изъ саксонскаго фарфора.

— Мы всѣ очень любимъ его, подхватила мистрисъ Торнтонъ; онъ у насъ точно ручной котенокъ, и *enfant de la*

нашен, какъ говорятъ иностранцы. Извините, моя милая, что я въ вашемъ присутствіи говорю объ иностранцахъ....

— Это значить, надѣюсь, что вы смотрите на меня не особенно какъ на иностранку, отвѣчала Джиневра шуточно.

Мистрисъ Варренъ засмѣялась, и сказала:

— Однако же, если вы хотите, чтобы васъ принимали за Англичанку, вы должны вначо одѣваться.

Она говорила правду. Джиневра была одѣта такъ просто, какъ не одѣнется ни одна Англичанка, привыкшая хотя бы къ самой скромной домашней жизни. Она была въ траурѣ; и ея черное платье съ длиною тальею, и живописно вышитыми разнѣвыми рукавами, гладкая бархатная лента на шеѣ, и волосы, зашпестенные въ безчисленное множество косъ; но безъ всякаго украшенія, дѣлали ее похожею на старинную картину, но нѣсколько не на англійскую семнадцатилѣтнюю барышню.

— Маргарита научить меня, сказала она, слегка зарумянившись.

— Нѣтъ; полковникъ Лесли такъ восхищался вашимъ нарядомъ за столомъ, что скорѣе развѣ убѣдитъ оупъ миссъ Лесли подражать вамъ.

— Какая нужда Маргаритѣ подражать другимъ? подхватила мистрисъ Торнтонъ такимъ голосомъ, который навелъ страхъ на Маргариту, которая ничего такъ не боялась и не ненавидѣла, какъ быть предметомъ разсужденій своей бабушки. Она искусно свела разговоръ на другой предметъ, представивъ на общее восхищеніе старый блондовый шарфъ, бывшій на мистрисъ Варренъ.

Когда дверь столовой отворилась, обѣ сестры спдѣли на низкой софѣ, и мотали шерсти. Альій мотокъ обвинялъ протянутыя руки Маргариты, а Джиневра держала растущій альій клубокъ. Въ это мгновеніе клубокъ нечаянно выпалъ изъ ея рукъ, и покотился по комнатѣ къ самымъ ногамъ входящаго Невилля. Оупъ поднялъ его и подалъ Маргаритѣ.

— Отдайте Джиневрѣ, сказала она, улыбаясь.

Невилль обернулся къ Джиневрѣ, и стоялъ передъ нею съ едва приметною улыбкою. Она покраснѣла, и протянула руку къ клубку; Невилль удержалъ его до-тѣхъ-поръ, пока она не подняла на него глазъ; тогда оупъ улыбнулся, отпустилъ клубокъ съ вѣжливымъ поклономъ, и потомъ, садясь съ другой стороны подлѣ Маргариты, шепнулъ ей:

— Вотъ, я полагаю, представленіе мое кончено.

Онъ, казалось, совершенно оправился отъ своей мгновенной досады за обидомъ, и былъ весь вечеръ веселѣе и любезнѣе чѣмъ когда-либо. Это былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ вечеровъ, какіе помнила Маргарита; Эдмундъ былъ такъ любезенъ, такъ внимателенъ къ ней; онъ казался такъ счастливъ чѣмъ, что былъ опять въ Грантли-Мэноръ; въ обращеніи его была какъ-то мягкость, какая-то вѣжливость, которыхъ она еще никогда не замѣчала въ немъ. Однажды, когда говорила о томъ, какъ она счастлива, что нашла сестру, — и еще какую сестру! — и въ порывѣ восторга вскричала: — Не правда-ли, она точно существо не нашего міра? — онъ схватилъ ее руку, какъ въ тотъ памятный вечеръ, и сказалъ вполголоса: — Вы ангелъ доброты и вѣжливости. — Радость волною хлынула при этихъ словахъ къ ее сердцу, и оно забилося бурнымъ волненіемъ.

Ничего не желала она болѣе, какъ чтобы Невиль представился въ выгодномъ свѣтѣ передъ Джиневрою. Она уже начинала цѣнить къ сестрѣ какое-то тайное почтеніе, будто убѣжденная въ несравненномъ ей умственномъ превосходствѣ надъ нею, и потому ей очень хотѣлось, чтобы и она цѣнила его и восхищалась имъ. Ей было весьма досадно, что она въ этотъ вечеръ почти не принимала участія въ разговорѣ; разъ или два только Джиневра мгновенно одушевлялась; во все же остальное время была задумчива и разсѣянна.

Когда мистръ и мистрисъ Варренъ и Вальтеръ присоединились къ нимъ, разговоръ сталъ общимъ.

— Какъ нравится вамъ наше любезное отечество? спросилъ мистръ Варренъ Джиневру.

— Оно мнѣ очень нравится, отвѣчала она; только меня пугаетъ его движеніе, его видъ дѣятельности и заботы. Куда дѣваются въ Англіи лѣнливые? или у васъ ихъ бьютъ, какъ трупной въ ульѣ?

— Въ Англіи, сказалъ Вальтеръ, лѣность считается преступленіемъ въ бѣдныхъ, и подвергается наказанію законовъ. Что жъ до богатыхъ, законъ не заботится о ихъ трудолюбіи или лѣности.

— Но она часто влечетъ за собою собственное свое наказаніе, подхватила Маргарита. Праздность богатыхъ порождаетъ въ нихъ хандру, которая часто замучиваетъ ихъ до смерти, и доводитъ до того, что всѣ смотрятъ на нихъ какъ на неспособную

хандру и на язву. Полдня настоящей праздности и хандры истекаетъ гораздо больше цѣлаго дня труда; а считаться хандрою и букою гораздо хуже, чѣмъ считаться злымъ человѣкомъ....

Вальтеръ нахмурилъ брови, она продолжала, не обращая на него вниманія:

— Ты знаешь, что когда человѣка считаютъ злымъ, онъ отъ этого ничуть не дѣлается злѣе; между-тѣмъ какъ считаться букою и хандрою, значитъ, быть дѣйствительно букою и хандрою; следовательно первое ровно ничего не значитъ, а второе значитъ очень много.

Мистръ Варренъ и Эдмундъ засидѣлись, а Джиневра покачала головою.

— Не тоскуете ли вы по итальянскомъ солнцѣ? спросила мистрисъ Варренъ страдальческимъ голосомъ.

— Несколько, отвѣчала Джиневра, но крайней-мѣрѣ не теперь и не здѣсь. У насъ дома свое солнце, прибавила она, взглянувъ съ нѣжностью на Маргариту, — при которомъ самое пасмурное небо становится свѣтло, — и самому удрученному сердцу становится легче. — Послѣднія слова были произнесены такъ тихо, что никто не слышалъ ни этихъ словъ ни сопровождавшаго ихъ вздоху.

— Боюсь я, signora mia, что ваше солнце будетъ что-то сладковатый сахаръ, замѣтилъ мистръ Варренъ, не понявъ намека, — которымъ довольствуются только тѣ, которые не знаютъ настоящаго. Что до меня, я желаю бы никогда не бывать въ Италіи; это портитъ человѣка на всю жизнь.

— Такъ, по вашему мнѣнію, Италія испортила васъ самихъ или вашу жизнь? спросилъ Эдмундъ.

— О первомъ пусть судятъ мои пріятели; второму я самъ судья. О, чего бы не далъ я за одинъ день итальянскаго тепла и итальянской веселости! вскричалъ мистръ Варренъ съ выраженьемъ восторга и потрясеніемъ всѣхъ членовъ. — Вы, Эдмундъ, никогда не бывали за Альпами, вы только шагали между этими скверными швейцарскими хижинами и ледниками; поэтому вы не можете понимать того чувства, которое влечетъ меня на югъ, въ страну тепла и солнца.

— Итальянское солнце порождаетъ ли еще по прежнему импровизаторовъ? спросилъ Эдмундъ: встрѣчается ли еще этотъ духъ вдохновенія между Итальянцами?

— A qui le demandez vous? вскричала мистрисъ Варренъ;

сама снѣора Джиневра импровизатриса перваго разряду; когда находить на нее поэтическое вдохновеніе, она изливаетъ его въ такихъ стихахъ, которые выдержать самую строгую критику.

— Возможно ли? вскричала Маргарита. Милая Джиневра, дай намъ послушать свои импровизаціи, сегодня же; это доставить намъ такое удовольствіе!

Джиневра съ кротостью отвѣчала; Эдмундъ шепнулъ Маргаритѣ: попросите отца, чтобы онъ убѣдилъ ее.

Маргарита съ живостью обратилась къ полковнику Лесли, который посмотрѣлъ на меньшую дочь, и сказалъ громко: — Я уренъ, что она это сдѣлаетъ, если можетъ.

Джиневра тотчасъ встала и подошла къ фортепіано; взяла нѣсколько торопливыхъ аккордовъ, и устремила свои свѣтлые взоры на отца; одну руку она приложила ко лбу, а другая между-тѣмъ продолжала тихую модуляцію. Всѣ взоры обратились на нее.

— Вы должны дать ей тему, сказалъ мистръ Варренъ.

Послѣдовало общее молчаніе. Наконецъ Вальтеръ сказалъ:

— Я предложу тему: надежда или страхъ.

— Надежда и страхъ, перебила Маргарита.

Въ одно мгновеніе густой румянецъ разлился по щекамъ Джиневры, и глаза ея засіяли ослѣпительнымъ свѣтомъ. Наступила часъ вдохновенія. Взоръ ея перешелъ съ отца и остановился на Невиллѣ, который смотрѣлъ на нее въ безпокойномъ ожиданіи. Она не сказала ни слова, румянецъ исчезъ съ ея лица, и рука, приложенная ко лбу, медленно опустилась на клавиши. Еще мгновеніе, и она заиграла; и тихіе, неопредѣленные, торопливые звуки, которые она извлекала изъ фортепіано, казалось, выражали безотчетное, вистивктивное предчувствіе страху. Мелодія перешла въ дикіе, порывистые аккорды, которые томили душу какъ обаяніе возрастающаго ужасу; съ таинственной силою передавали они вопль страдающей души. Потомъ, какъ дождь, дробящійся объ иссохшую землю, какъ облачко на небѣ надъ голодающею отъ засухи странною, послышалось нѣсколько слабыхъ нотъ, говоръ возвращающейся въ душу надежды; онѣ попеременно возвышались и упадали, то разширялись какъ вѣтеръ на морѣ, то замирали какъ утихающій гулъ отдаленной грозы; пока не разразились наконецъ радостнымъ, восторженнымъ гимномъ, который потокомъ хлынулъ въ слухъ слушателей, и отозвался во всѣхъ сердцахъ. И снова загрѣбла пѣснь побѣды, съ такою обуревающею, восторженною силою, что Вальтеръ, закрывъ лицо руками, ногъ

высказать свое волненіе только въ тѣхъ словахъ, что выражаютъ послѣднее, самое высокое торжество надежды надъ страхомъ: — Смерть, гдѣ твое жало? могла, гдѣ твоя мольба?

Послѣдніе аккорды дивнаго гимна давно уже замерли: но слушателямъ казалось, что они парятъ еще въ безмолвномъ воздушіи; и никто не смѣлъ заговорить, или даже помешелиться, пока сама Джиневра не встала и не отошла отъ фортепіано; такъ сильно было произведенное ею впечатлѣніе. Маргарита молча обвила сестру; мистрисъ Варренъ принялась дивиться ея таланту, называя ее своею святою Цециліею; а мистрисъ Торнтонъ принялась рассказывать мистрисъ Варренъ, какой у Маргариты необыкновенный талантъ къ музыкѣ; но прибавила, что она никогда не желала, чтобы изъ ея внучки вышла какая-нибудь муза или импровизатриса или святая Цецилія, или что-либо въ этомъ родѣ.

— Зачѣмъ вы не импровизировали стиховъ, а одну только музыку? спросила мистрисъ Варренъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Я сдѣлала, что могла, отвѣчала Джиневра, взглянувъ на отца.

Эдмундъ Невиль, во все продолженіе импровизаціи, сидѣлъ неподвижно противъ фортепіано. Когда музыка умолкла, онъ быстро прошелъ черезъ всю комнату, и сѣлъ подлѣ Джиневры. Нѣсколько минутъ разговаривали они вполголоса. Маргарита думала, что онъ поздравлялъ ее съ талантомъ, и невольно жалѣла, что не могла играть какъ сестра, и не умѣла хвалить какъ онъ: потому что въ это мгновеніе во взорахъ его было такое выраженіе, какого она никогда еще не видала, и которое она приписывала волшебной силѣ гевія. И удивительно ли, что онъ поддавался его вліянію, когда она сама чувствовала, что въ ней не было ни одной жилки, которая не билась бы отъ восхищенія и восторгу подлѣ неотразимымъ обаяніемъ этой волшебной гармоніи? и удивительно ли, что сестра ея съ такимъ волненіемъ, съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слушала краснорѣчивыя слова, которыхъ силу и увлекательность она сама слишкомъ хорошо знала? Это не удивляло ее, но можетъ-быть паводило на нее вѣчто въ родѣ страху. Можетъ быть, безотчетная боязнь заговорила въ это мгновеніе въ ея душѣ, тихо и неслышно, какъ первая нота въ импровизаціи Джиневры. Но все это скоро разсѣялось, когда Эдмундъ подошелъ къ ней, и сказалъ, что онъ рѣшился устроить вновь Даррель-кортское помѣстье, старинное по-

иѣсть въ селѣхъ Гранли-Мэнора, издавна принадлежавшее его предкамъ, и отданное ему отцомъ; и что онъ намѣренъ тутъ поселиться. Опъ обѣщалъ въ первый хорошій день ѣхать осмѣтрѣть помѣстье; совѣтовался съ нею о разныхъ вещахъ по этому предмету, хвалилъ ея вкусъ, рисовалъ съ нею чертежи, описывалъ свои планы, и развѣялъ съ ея сердца и лица облако, мгновенно помрачившее блескъ этого счастливаго вечера,— какъ восходящее солнце разгоняетъ легкій туманъ, подернувшій ясно небо.

=

ВАНДЕРЪ.

=

РАЗСКАЗЪ СТРЕБЕНА.

=

I.

Въ одинъ лѣтній вечеръ, у подъѣзда гостиницы Ангела, въ маленькомъ городкѣ Эйзенахѣ, остановилась почтовая карета, изъ которой вышелъ человекъ почтенной наружности. Содержатель гостиницы, Вольфъ, бросивъ на него бѣглый, но смысленный взглядъ, приказалъ отвести ему, несмотря на скудость его чемодана, лучший номеръ своего отеля. Путешественнику можно было дать лѣтъ сорокъ; физиономія его, открытая и веселая, была исполнена благородства; онъ былъ одѣтъ очень просто, и въ петлицѣ скромнаго сюртука его видѣлась желтая ленточка. Черезъ четверть часа послѣ пріѣзда, онъ вышелъ изъ своей комнаты въ голубомъ кафтанѣ, жилетѣ съ золотыми пуговицами, бакковыхъ панталонахъ и въ сапогахъ со шпорами. Онъ записался въ журналѣ пріѣзжающихъ подъ именемъ Дальмана; потомъ, увидѣвъ Вольфа, который, сидя на каменной скамейкѣ, спокойно курилъ трубку, подошелъ къ нему.

— Уже давно, сказалъ онъ, садясь воалѣ него, какъ меня разбирала охота посѣтить эту прелестную страну Германіи; старый и важный Вартбургъ, возвышающійся передъ нами, Турингскія горы, и свѣжія долины, которыя ихъ пересекаютъ, такъ мнѣ

Т. XVI. — Стл. II.

правятся, что я чувствую большое расположеніе остаться здѣсь нѣсколько недѣль, чтобъ насладиться всѣми этими чудными видами. Но я желалъ бы знать, могу ли удовлетворить здѣсь одной страсти, которая съ самого дѣтства сильно во мнѣ развивалась: страсти къ музыкѣ. Я не музыкантъ по искусству, и едва умѣю владѣть смычкомъ; если жъ иногда вздумаю спѣть какую-нибудь пѣсню, то непременно изъ четырехъ нотъ три возьму фальшиво; но я люблю музыку до безумія, и готовъ идти на край свѣта, чтобъ услышать симфонію Бетгоvena, пѣсню Шуберта или хорошій хоръ цыганъ.

— So, so, сказалъ содержатель гостиницы, съ выраженіемъ, которое Нѣмцы обыкновенно придаютъ этому слову, такъ часто употребляемому въ ихъ разговорахъ; если вы, сударь, любите музыку, то можете здѣсь очень пріятно проводить время. У насъ въ Эйсенахѣ, есть филармоническое общество, которое всякую недѣлю даетъ концерты; объ этихъ концертахъ много писалъ въ Веймарской газетѣ; кромѣ того, на дняхъ пріѣхала къ намъ изъ Дрездена цѣлая труппа пѣвцовъ, какъ говорятъ чудесныхъ, которые завтра дебютируютъ въ ратушѣ.

— Bravo, сказалъ Дальманъ, потирая руки съ восторгомъ диллетанта; но это наслажденія роскошныя; давайте мнѣ что-нибудь попроще на каждый день. Я слышалъ отъ одного аматера, который ѣхалъ со мной, что здѣсь недавно поселился молодой человекъ, который прекрасно играетъ на охотничьемъ рожкѣ. Онъ даетъ уроки музыки и его фамилія Вин... Ван... никакъ не могу вспомнить!

— Вандеръ, можетъ-быть?

— Вандеръ, Вандеръ, именно.

— Прекрасный молодой человекъ; онъ иногда приходитъ обѣдать въ мою гостиницу. Уже съ полгода, я думаю, какъ онъ пріѣхалъ сюда; откуда? и зачѣмъ? никто не знаетъ. Онъ говорить по нѣмецки, но выговоръ его иностранный, какой-то... но позвольте, мнѣ кажется, что его выговоръ похожъ на вашъ. Не слыхате, чтобъ у него были гдѣ-нибудь родственники или друзья, и съ тѣхъ поръ, какъ онъ сюда пріѣхалъ, ему не приносили съ почты ни одного письма. Сосѣдъ мой также это замѣтилъ, но что намъ до того: если птица хороша, не зачѣмъ справляться о ея гнѣздѣ, а господинъ Вандеръ, какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, прекрасный молодой человекъ, умный, порядочный и аккуратный въ платежѣ. Онъ въ большомъ уваженіи у господина бургомистра и даетъ у него въ домѣ уроки музыки. Жаль, что

отъ немного грустенъ и дикъ.... вѣроятно, какая-нибудь романтическая исторія молодости, — но это не мое дѣло.

— То, что я слышалъ о Вандерѣ отъ моего сосѣда, въ почтовой каретѣ, совершенно согласуется съ вашими словами. Мнѣ бы очень хотѣлось его видѣть.

— Вы можете теперь же удовлетворить вашему желанію; посмотрите, вотъ онъ идетъ по дорожкѣ, къ Вартбургу. Онъ каждый вечеръ дѣлаетъ эти уединенныя прогулки.

— Хорошо, воскликнулъ съ живостью иностранецъ, вставая со скамейки, я не буду мѣшать его размышленіямъ, но пойду также къ Вартбургу; вечеръ прекрасенъ и я не чувствую никакой усталости.

Сказавъ это, Дальманъ пошелъ вслѣдъ за Вандеромъ къ древней и величественной крѣпости, возвышающейся надъ живописными холмами и темными, еловыми лѣсами Турнигін.

Два часа спустя, иностранецъ, возвратясь въ свою комнату, началъ писать слѣдующее письмо:

«Успокойся, любезный братъ, и успокой нашу безцѣнную Цецилію: описаніе, которое вы мнѣ сдѣлали о нашемъ бѣглецѣ Блобергѣ, совершенно согласуется съ лицомъ и положеніемъ здѣшняго музыканта Вандера.

«Онъ очень хорошъ собой, постоянно грустенъ и задумчивъ, и такъ любимъ высшимъ обществомъ и вообще всѣми въ Эйсенахѣ, что его имя произносится съ уваженіемъ, даже въ болтовнѣ трактирщиковъ. Я началъ его преслѣдовать, лишь только успѣлъ приѣхать. Уже два раза встрѣтилъ я его въ извилястыхъ аллеяхъ Вартбурга и на поклонъ мой, онъ отвѣчалъ учтиво, но съ видомъ челоуѣка, который желаетъ, чтобъ его оставили въ покоѣ. Лицо его мнѣ нравится, хотя я вовсе не люблю сумрачныхъ лбовъ и меланхолическихъ взглядовъ, похожихъ на плаксивую элегію.

«Я увѣренъ, что добрый стаканъ пуншу, или одно ласковое слово нашей хорошенькой Цециліи, разогнали бы всѣ эти облака грусти, навѣянные на его прекрасное лицо, какими-нибудь глупыми, поэтическими мечтами. Я самъ удивляюсь, какъ я, старый солдатъ Густава Третьяго, бросилъ нашу добрую Швецію, чтобъ отъискивать въ маленькомъ городкѣ Германіи нашего бѣглога дикаря. Что бы сказали, мои храбрые смаландскіе драгуны, если бъ увидѣли, какъ ихъ почтенный полковникъ бѣгаетъ за влюбленнымъ мальчикомъ, точно отчаянный романистъ за развязкой романа? Но дѣло идетъ о спокойствіи и счастіи Цециліи, а ты знаешь, добрый братъ мой, что эта маленькая волшебница дѣлаетъ изъ меня

все, что ей угодно. Она сдѣлалась моимъ командиромъ, съ того самого дня, какъ я ее крестилъ. Едва начала она говорить и ходить на помочахъ, какъ я уже могъ, кажется, смотря на ея хорошенькіе голубые глазки забыть пароль на-кануиѣ сраженія и часть королевскаго смотра. И потому, лишь только я замѣтилъ, какъ она, всегда веселая и живая, сдѣлалась вдругъ грустна и задумчива, когда я узналъ что для возвращенія ей улыбки счастья, нужно было отыскать счастливаго молодого человѣка, вздумавшаго, Богъ знаетъ для чего, бѣжать ея любви, и скрываясь за триста верстъ подъ чужимъ именемъ, выдавать себя за умершаго, — я не колебался ни минуты, отправился въ погоню, и вотъ, въ эйзенахскомъ трактирѣ, придумываю планъ, ставлю сѣти, копаю мины, чтобъ взять приступомъ этого бѣднаго блондина, какъ храбро защищаемую крѣпость. Кажется, онъ вовсе не расположенъ сдаться, но ему нужно много хитрости, чтобъ провести такую старую, казарменную лисицу, какъ я. Къ счастью, у меня безсрочный отпускъ, деньги, рекомендательныя письма и всѣмъ этимъ, при нуждѣ, можно будетъ воспользоваться. Я извѣстенъ здѣсь подъ скромнымъ именемъ Дальмана, но объявлю, если повядабится, что я полковникъ Гіарта, уважаемый Густавомъ Третьимъ, награжденный импозествомъ орденовъ, и рекомендованный съ лестной стороны нашимъ милостивымъ государемъ его высочеству герцогу веймарскому.

Эйзенахъ мнѣ довольно нравится, и если бъ при немъ было озеро, рѣка или уголокъ моря, я вообразилъ бы себя въ шведскомъ городѣ, такъ онъ милъ и граціозенъ. Надъ узкою долиной, въ которой онъ выстроенъ, возвышается, какъ тебѣ ученому географу конечно извѣстно, древняя вартбургская крѣпость. Я читалъ, не знаю гдѣ-то, много чудесъ объ этой крѣпости. Много было въ ней знаменитыхъ поэтовъ, и увѣряютъ, что какой-то магикъ перенесъ въ нее по воздуху, изъ глубины Венгріи, чудоваго пѣвца съ арфой, сладкія пѣсни котораго восхищали одну прекрасную принцессу. Святая королева, извѣстная своимъ милосердіемъ, жила также въ этой крѣпости. Въ ней же скрывался Лютеръ отъ преслѣдованія своихъ яростныхъ противниковъ, и переводилъ Библію. Преслѣдуя моего влюбленнаго, я заходилъ въ эту крѣпость; ея веткія стѣны, пользующіяся уваженіемъ нѣмецкихъ трубадуровъ и всѣхъ ученыхъ, пали бы, при одномъ пушечномъ выстрѣлѣ. Я видѣлъ двѣ залы; одна изъ нихъ посвящена памяти святой Елисаветы и украшена двумя картинами, представляющими чудеса ея вѣры и милосердія, въ другой же Лютеръ, въ одво изъ своихъ видѣній,

бросилъ чернилицу въ голову дьявала, какъ-будто бы дьяволъ и безъ того былъ не довольно черепъ. Миѣ показывали также большую кавалерственную залу, въ которой нѣкогда давались роскошные пиры турингскихъ князей.

- Но во всемъ этомъ множествѣ заустѣлыхъ дворовъ и слабыхъ укрѣпленій, миѣ болѣе всего понравилась четырехъ-угольная башенка, изъ которой видно огромное пространство лѣсовъ, пересѣкаемыхъ свѣжими долинами. Когда передъ моиими глазами развернулась эта роскошная картина лѣсовъ, холмиковъ, зеленыхъ луговъ, — я вообразилъ, что я въ нашей твоей, смаландской провинціи, и признаюсь, немного развѣжился. Увидѣвъ у входа въ крѣпость маленькую харчевню, я поторопился войти въ нее подкрѣпить свои силы. Хорошенькая дѣвушка подала миѣ кружку чудеснаго пива.

- Я сѣлъ у окошка, въ половищу закрытаго плющемъ, и закурилъ трубку, которую ты подарилъ миѣ въ мои прошедшія днины, смотрѣлъ съ невыразимымъ наслажденіемъ на долину, освѣщенную послѣдними лучами заходящаго солнца и на милую дѣвушку, которая, взявъ работу, сѣла возлѣ меня, и въ этомъ тихомъ уединеніи, передъ этими двумя прекрасными картинами... Но, Господи! что со мной дѣлается? кажется, и я, старый сумазбродъ, принялся за меланхолическую поэзію! Это сосѣдство Вандера меня портитъ. Онъ миѣ за это заплатитъ; съ завтрашняго же дня, не теряю его изъ виду и, живаго или мертваго, привезу къ вамъ. Прощай, поцѣлуй за меня, покрѣче, мою милую племянницу, которая заставляетъ меня дѣлать столько глупостей; лишь только еще что-нибудь узнаю о ея невѣрномъ, немедленно напишу тебѣ.

Твой *Карлъ Гиарта*.

II.

Одно слово вызываетъ много воспоминаній. Нѣсколько недѣль прошло въ неудачныхъ попыткахъ полковника познакомиться съ Вандеромъ. Гиарта понималъ, что въ подобныхъ случаяхъ не годилось обращаться слишкомъ по-военному. Боясь излишней торопливостью испортить все дѣло, онъ старался по немногу выиграть довѣренность Вандера и найти дорогу къ его сердцу. Полковникъ слѣдовалъ за нимъ издали во время его прогулокъ, и выбравъ особую тропинку, приходилъ, какъ бы случайно, ему на

встрѣчу. Съ начала, онъ ему только кланялся, потомъ, попробовавъ заговорить о погодѣ, о прекрасномъ лѣсѣ, потомъ завелъ разговоръ немного позначительнѣе, и такимъ образомъ, присвоилъ себѣ право бесѣдовать съ нимъ всякій день. Познакомившись съ бургомистромъ, у котораго Вандеръ давалъ уроки, онъ нѣтъ случай чаще съ нимъ видѣться и говорить. Одинъ разъ, онъ нѣтъ невыразимое счастье сидѣть возлѣ молодаго музыканта, и филармоническомъ концертѣ, усердно аплодировалъ всему, что восхищало его сосѣда, и бранилъ все, что ему не нравилось.

Но не смотря на всю благородную тактику и всѣ угожденія бѣдный Гіарта не могъ побѣдить равнодушія Вандера, который хотя и останавливался, когда полковникъ съ нимъ заговаривалъ но слушалъ его съ совершеннымъ равнодушіемъ и поспѣшно уходилъ, когда тотъ заводилъ разговоръ по-серьезнѣе. Въ домахъ гдѣ благодаря своему таланту и интересной фizioноміи, Вандеръ былъ радушно пріять, сохранялъ онъ то же безчувствіе ко всему, что его окружало. Одна музыка оживляла иногда его задумчивый взоръ, но искра эта скоро потухала, и онъ снова садился куда-нибудь въ уголокъ, какъ чловѣкъ вовсе непричастный за нятіямъ обыкновенной жизни. Много прекрасныхъ дамъ Эйзена ла, много хорошенькихъ дѣвушекъ съ голубыми глазками, поразившія этой странной безчувственностью, старались угожденіями и невиннымъ кокетствомъ развеселить лицо прекраснаго мечтателя; но если и удавалось имъ вызвать на уста его улыбку улыбка эта была такъ грустна, что сжимала сердце тѣхъ, которые за нимъ наблюдали. Иногда, Вандеръ самъ старался разсѣяться имѣшиваясь въ забавы веселой молодежи, но онъ не могъ скрыть всей тяжести этого принужденія. Какая-то мысль могущественная, непобѣдимая, поглощала его, и эта мысль такъ глубоко была скрыта въ его сердцѣ, что для всѣхъ оставалась тайной.

Послѣ всѣхъ неудачныхъ попытокъ, полковникъ, возвратясь въ свою комнату, писалъ брату письма, наполненныя досадою и участіемъ.

«Къ чорту, писалъ онъ, въ одномъ изъ нихъ, твой грустный бѣглець со всѣми его туманными исторіями любви. Въ мое время не видало было такихъ глупостей; если любили, то и признавались въ своей любви. Когда призваніе было милостиво пріято, сзывали всѣхъ друзей на свадьбу, уставляли столъ пуншемъ и добрыми кружками пива; въ противномъ же случаѣ, отправлялись въ полкъ, и въ шумномъ обществѣ товарищей, забывали жестокость любимой женщины. Теперь же мечтаютъ, бѣгутъ и

триста верстъ гулять по горамъ, плакать въ лѣсахъ, и жаловаться на непреклонность рока въ то самое время, какъ оклеветанный рокъ сыплетъ имъ щедрою рукой, всевозможныя радости. Много видалъ я такихъ сумасбродныхъ молодыхъ людей, но этотъ превосшелъ всѣхъ. Цѣлые часы проводитъ онъ, сидя подь деревомъ, и вздыхая, какъ иѣхъ. Бываютъ минуты, когда мнѣ очень хочется бросить нашего глупаго влюбленнаго, съ его блѣднымъ лицомъ и мрачными взглядами, и возвратиться въ Вексію, искать для нашей Цициліи мужа поблагоразумнѣе, но мысль о твоёмъ безпокойствѣ и о страданіяхъ милой племянницы, удерживаетъ меня здѣсь. Надо также, къ стыду моему, признаться, что этотъ молодой человекъ, несмотря на всѣ свои глупости, немножко меня интересуетъ. Мнѣ нравится его фзіономія, манеры, разговоръ, и вообрази, что даже его упорное сопротивленіе меня прельщаетъ. Мнѣ кажется, что тутъ задѣта моя честь, и всѣ неудачи и затрудненія еще болѣе разжигаютъ мою старую храбрость. Я бы, право, лучше рѣшился преслѣдовать цѣлый полкъ марадеровъ въ лѣсахъ Смаландіи, чѣмъ ловить каждое утро на тропякахъ Вартбурга или у эйзенахскаго бургомистра, это неуловимое существо. Но, что дѣлать, стану до-нельзя продолжать мой новый стратегическій планъ, и если онъ мнѣ удастся, то, конечно, моя хорошенькая племянница наградитъ меня за всѣ внищественные труды, крѣпкимъ поцѣлуемъ. Жаль, что нельзя внести въ мой послужный списокъ эти храбрые подвиги въ дѣлѣ любви.

Нѣсколько дней спустя, храброму полковнику показалось, что онъ уже близокъ къ цѣли. Безпрестанными встрѣчами съ молодымъ музыкантомъ, угожденіями, а еще болѣе взглядами, выразившими непритворное участіе, онъ такъ пріучилъ къ себѣ Вандера, что осмѣлился предложить ему ужинъ.

Приведа музыканта въ свою маленькую комнату, полковникъ, довольнымъ тономъ побѣдителя, потребовалъ лучшаго вина и лучшей дичи.

Теперь онъ въ моихъ рукахъ, думалъ Гіарта, и когда выпьетъ со мной бутылочку чистаго *ai*, и этого добраго іоганнисбергскаго, то, конечно, разговорится, или Бахусъ не болѣе, какъ старый лжець.

Вслѣдъ за тѣмъ, началъ онъ, для большей храбрости, наливать себѣ стаканъ за стаканомъ; потомъ, какъ бы случайно, завелъ разговоръ о холостой жизни, о любви, которая, иногда, сначала

ла поверганъ въ отчаяніе, дарить потѣмъ неожиданнымъ блаженствомъ.

Вандеръ, сидя съ поникшей головой и мрачнымъ взглядомъ, молча слушалъ его, и едва дотрогивался до кушаній, которыми радушный хозяинъ усердно угощалъ его. Полковникъ пилъ одинъ, и чѣмъ болѣе глоталъ вина, тѣмъ становился смѣлѣе; разсказавъ одинъ анекдотъ, порядочно вольный, торопился начать другоу.

— Одинъ разъ, вечеромъ, сказалъ онъ: я пріѣхалъ въ маленькій городокъ сѣверной Швеціи....

При этихъ словахъ Вандеръ вздрогнулъ, какъ-будто почувствовалъ электрической ударъ.

— Вы бывали въ Швеціи? вамъ знакома Швеція? воскликнулъ онъ сурово и отрывисто.

— Den koenpger jag, отвѣчалъ Гіарта, съ выговоромъ, по которому легко было угадать его скандинавское происхожденіе.

— Извините, сказалъ Вандеръ, съ выраженіемъ глубокой грусти: я чувствую сильную головную боль, и какъ нашъ ужикъ уже конченъ, то, надѣюсь, что вы позволите мнѣ съ вами проститься.

Сказавъ это, онъ взялъ шляпу и вышелъ, поклонившись молча полковнику, неподвижному отъ удивленія.

— Да поберутъ тебя всѣ лавандскіе чародѣи и всѣ сѣверныя колдуньи, закричалъ полковникъ, съ гнѣвомъ ударяя по столу. Да засадятъ они тебя въ свои страшныя логовища, невыносимый сумазбродъ!.... Ты скучишь погребальнаго шествія и мертвые финляндскаго гранита! Предавайся, сколько хочешь, своимъ заоблачнымъ видѣніямъ, я не хочу болѣе видѣть твоего поблеклаго лица, слышать твоего плаксиваго голоса. Завтра же ѣду въ Вексію, пускай племянница дѣлаетъ, что ей угодно, мнѣ уже надоѣла вся эта глупая комедія.

Сказавъ это, онъ опорожнилъ бутылку іоганнисбергскаго, и замѣтивъ, что стаканъ Вандера былъ почти полонъ, снова закричалъ съ негодованіемъ:

— Несчастные! благосклонная судьба посылаетъ имъ хорошенькихъ дѣвушекъ, и вино чистое, какъ жемчужина, а они все это бросаютъ, чтобъ предаваться какой-то безумной горести! Если я еще посмотрю на такое сумазбродство, то пожалуй и самъ потеряю разумъ; завтра же, непременно, прочь отсюда!

III.

На другое утро, Гіарта, освѣженный крѣпкимъ сномъ, почувствовалъ, что его намѣреніе колеблется. Онъ все еще обвинялъ Вандера въ странности, но и себя не оправдывалъ за свою опрометчивость.

— Какъ могъ я, думалъ онъ, говорить ему о Швеціи? я долженъ бы былъ знать, что еще не время поймать этого сокола. Чтобы приучить его къ довѣренности, надо шадить его грустными воспоминавіями, и вмѣсто того, чтобы дѣйствовать, какъ прилично сѣдой головѣ, я съ безразсудствомъ мальчика поражаю его какъ бомбой, словомъ «Швеція». Проклятое іоганнисбергское вино поирачило мой разсудокъ; ужъ не въ первый разъ оно меня губить, и глушь я былъ, что ему вѣрился. Но я съумѣю наказать себя: чтобы загладить мой проступокъ, останусь здѣсь еще одинъ, два дня, а тамъ, что Богъ дастъ.

Говоря это, полковникъ взялъ трость и шляпу, и пошелъ машинально по дорожкѣ къ Вартбургу, гдѣ онъ всякій день встрѣчалъ Вандера. Но, на этотъ разъ, ожиданіе полковника было тщетно: напрасно бродилъ онъ, по одной и другой дорожкѣ, Вандеръ не приходилъ; напрасно искалъ его также по всемъ улицамъ города, и тамъ его не было. Измученный усталостью и безпокойствомъ, Гіарта вернулся въ трактиръ, усѣлся въ кресла, но не имѣя силъ вынести свое волненіе, рѣшился идти въ квартиру Вандера. Однако жъ для бѣднаго полковника это былъ день неудачъ: Вандеръ ушелъ въ своей квартирѣ на разсвѣтъ, и еще не возвращался.

На слѣдующій день, неутомимый Гіарта снова началъ свои преслѣдованія. Перескакивая рвы и путаясь въ тростникахъ, онъ обошелъ все кругомъ, какъ охотникъ, преслѣдующій дичь, смотрѣлъ во все глаза, прислушивался къ каждому шелесту въ лѣсу, но не нашелъ своей улетѣвшей птички. Къ вечеру, ослабѣвшій отъ напрасныхъ поисковъ, преслѣдуемый самыми мрачными мыслями, собрался онъ къ бургомистру, чтобы просить его начать новые поиски, какъ вдругъ дверь отворилась, и вошелъ Вандеръ, но съ такимъ страдальческимъ взглядомъ и блѣднымъ лицомъ, что пораженный полковникъ остался, какъ окаменѣлый на своемъ стулѣ.

— Полковникъ, сказалъ Вандеръ, подходя къ нему, вѣроятно, послѣ моего посѣщеннаго ухodu, вы не ожидали сегодня моего

визита. Но я много страдалъ эти два дня, составляя планы, одинъ другаго сумазброднѣе и отчаяннѣе, и не имѣя силъ выносить долѣе это лихорадочное состояніе, пришелъ, чтобъ избавиться отъ него, повѣрить вамъ всѣ мои мученія. Вы Шведъ, и одного этого было бы довольно, чтобъ привлечь меня къ себѣ; но кромѣ того еще, сердце мое преисполнено къ вамъ глубочайшей благодарностью, за участіе, которое вы мнѣ оказывали съ самаго вашего пріѣзда, и которое не охладѣло, не смотря на мою скрытность и всегдашнюю суровость. Теперь же, полковникъ, прихожу открыть передъ вами всю мою душу, всѣ тяжелыя воспоминанія, хотя напередъ знаю, что ни вы и никто въ мірѣ не можете избавиться меня отъ моего страннаго несчастія; но не знаю, отъ чего-то мнѣ кажется, что рассказавъ вамъ все, я буду покойнѣе. Угодно ли вамъ меня выслушать?

— Это мое главнѣйшее желаніе, отвѣчалъ полковникъ, съ поспѣшностью, которая выказывала всю его радость при этой неожиданной откровенности.

Вандеръ сѣлъ, и съ мноту, какъ бы не рѣшаясь начать свой рассказъ, хранилъ молчаніе; потомъ, провелъ рукой по лбу, началъ слѣдующее:

— Я Шведъ; какъ вы, полковникъ, родился въ сканійской провинціи. Родители мои были бѣдные дворяне, и оставшись спротою еще ребенкомъ, я былъ воспитанъ дядей, который съ истинно-отеческой заботливостью пожертвовалъ послѣдними своими средствами, чтобъ дать мнѣ образованіе. Онъ умеръ въ то время, какъ я выходилъ изъ университета, какъ будто, исполнивъ свои благородныя обязанности ко мнѣ, ему ничего не оставалось здѣсь дѣлать. Оставшись двадцати лѣтъ, одинъ въ мірѣ, безъ родныхъ и состояній, я вступилъ въ службу, которая, не обѣщая блестящей будущности, обезпечивала мое существованіе и давала мнѣ мѣсто между уважаемыми членами общества. Во время послѣдней, несчастной войны нашей противъ Россіи, я былъ посланъ съ моимъ полкомъ въ Финляндію, гдѣ имѣлъ счастье отличиться въ одномъ сраженіи, за которое получилъ чинъ капитана. По возвращеніи въ Стокгольмъ послѣ трактата 1808 года, я былъ разъ вечеромъ у нашего майора; въ его домѣ встрѣтилъ молодую дѣвушку такой чистой и совершенной красоты, что при первомъ взглядѣ на нее, мое сердце отдалось ей безвозвратно. Каждое движеніе ея дышало прелестью, каждое слово очаровывало меня. Она также меня замѣтила. Я видѣлъ, какъ по временамъ ея хо- рошенькіе глазки обращались на меня и потомъ съ прелестною

стыдливостью закрывались длинными рѣсницами. На другой день мы увидѣлись снова; свиданія эти повторялись часто; мы полюбили другъ друга, и наконецъ обитѣялись признаніями. Любовь разцвѣтала въ нашихъ сердцахъ, какъ цвѣтокъ, пригрѣваемый солнцемъ молодости. Мнѣ было все равно, кто была Марія, дочь ли графа или мужика, бѣдна или богата, никакое сокровище въ мірѣ не стоило для меня одного ея волоска; никакой титулъ одного звука ея голоса. И лишь тогда, какъ ея взгляды и ангельская улыбка высказали ея любовь ко мнѣ, узналъ я съ горестью, что она богата и имѣетъ большія помѣстья въ Далекарліи; она была сирота, какъ и я, и жила у маіора, который былъ ея опекуномъ. Я боялся, чтобъ не подумали, что меня прельщаетъ ея богатство; но, благодаря Бога, никто не оскорбилъ меня этимъ подозрѣніемъ, когда я сдѣлалъ ей предложеніе; некрепость любви моей была ясна для всѣхъ.

Маіоръ меня любилъ и съ радостью согласился благословить нашъ союзъ. Немедленно послѣ свадьбы мы удалились скрывать наше счастье въ тихомъ уединеніи Далекарліи. Гдѣ найти слова, чтобъ описать эту жизнь? Два года безоблачной радости, любви безконечной, которая, казалось намъ, возрастала съ каждымъ днемъ. Лишенные оба съ малыхъ лѣтъ семейныхъ привязанностей, мы сосредоточили другъ на другѣ все богатство нашей вѣжности; казалось, Богъ соединилъ насъ, чтобъ полнотою настоящаго счастья выкупить всѣ лишенія прошедшихъ лѣтъ. Иногда говорилъ я съ Маріей тономъ вѣжнаго отца, и она слушала меня съ покорностью ребенка; иногда, чтобъ дать новый характеръ нашему счастью, мы смѣясь, называли другъ друга братомъ и сестрой, спокойно разговаривали, сидя рука въ руку, но вскорѣ взгляды наши оживлялись, слова становились вѣжнѣе, хорошенькая головка ея тихонько опускалась на мою грудь и небо улыбалось блаженному и глубокому соединенію нашихъ душъ.

Мы жили въ простомъ и хорошенькомъ домикѣ близъ селенія Мора, столь знаменитаго въ шведской исторіи. У ногъ нашихъ разстилалось прозрачное озеро, а за нимъ пространный лугъ, окаймленный величественными елями, прельщалъ взоръ роскошной зеленью. Съ одной стороны виднѣлась верхушка колокольни Моры, съ другой закоптѣлая крыша завода, изъ котораго по временамъ вылетали искры, и подымаясь къ небу, странно освѣщали близлежащіе предметы; тамъ церковь, прославленная героическими подвигами перваго Вазы, здѣсь суета, движеніе торговли, напо-

мнѣли намъ о практической жизни, пока наша идеальная жизнь текла чистая, какъ кристаллъ, тихая какъ весеннее утро.

Лѣтомъ мы дѣлали большія прогулки по озеру и въ лѣсахъ, лазали по самымъ крутымъ горамъ и, взойдя на высоту, восторженно любовались великолѣпными и свѣжими картинами, которыя разстилались передъ нами. Вы знаете, какъ хороша ваша Далекарлія, и мы наслаждались всѣми ея красотами съ упоительной простотой сердца. Ахъ! есколько разъ, при закатѣ солнца, когда послѣдніе лучи его отвѣчивались въ озерѣ и бросали яркій отблескъ въ мракъ лѣса, когда все было торжественно тихо и слышался лишь шопотъ листьевъ или замправшіе вдалекѣ звуки пѣсни дарлекарлійскаго мужика, сколько разъ бѣдная Марія бросалась въ мои объятія и съ сердцемъ, переполненнымъ священнымъ волненіемъ, съ слезами на глазахъ, восклицала: «Боже мой! Боже мой! какъ Ты милосердъ! Что намъ дѣлать, чтобъ возблагодарить Тебя за столько благодѣяній?» Ахъ! конечно, эта короткая молитва была одной изъ чистѣйшихъ, которыя когда-нибудь возносились къ Престолу Всевышняго.

Зимой мы вмѣстѣ читали и учились. Я раскрывала передъ Маріей богатство англійской и французской литературы; когда же мы читали шведскихъ поэтовъ, то Марія въ свою очередь становилась моимъ учителемъ и показывала въ новомъ свѣтѣ грацію Францена, картины Тегнера, религіозныя размышленія Валлива и меланхолическія мечты Стагнеліуса. Мы любили перечитывать страницы, въ которыхъ было много вѣжности, и часто повторяли эти прелестные стихи Акселя: «Любовь, чудо неба и земли». Мы перечитывали также нѣсколько разъ драму Стагнеліуса: «Любовь послѣ смерти». — «Такъ и я буду ждать тебя, говорила мнѣ Марія, если умру прежде тебя; но ты не осквернишь своей души, ты не будешь осужденъ, и я буду ждать тебя, чтобъ безмятежно наслаждаться небеснымъ блаженствомъ».

Другія занятія также развлекали ее въ это суровое время года. Вы знаете, какъ бѣдны ваши Далекарлійцы; многіе изъ нихъ должны каждый годъ покидать родину и идти въ Стокгольмъ искать работы для пропитанія. Часто видѣли мы изъ нашихъ оковъ толпы этихъ несчастныхъ; мужчины несли на плечахъ остатки хлѣба изъ муки, смѣшанной съ березовой корой, а женщины вели за руку блѣдныхъ и взнеможенныхъ дѣтей, обреченныхъ при рожденіи на трудную и исполненную лишений жизнь. Марія обыкновенно, лишь-только ихъ увидитъ, зывала къ намъ отдохнуть и отогрѣться. Она съ заботливостью сажала ихъ

къ камину, приносила имъ кушанья, снабжала деньгами и платьемъ. Самыя нѣжныя заботы посвящала она старикамъ и дѣтямъ, и съ трогательнымъ участіемъ, распрашивая о ихъ нуждахъ и страданіяхъ, раздавала имъ щедрою рукой все, что могло сколько-нибудь облегчить ихъ участь. Несчастные смотрѣли на нее какъ на ангела хранителя, и, собиравсь въ дорогу, призывали на насъ благословенія небесъ. Марія благодарила Бога за радость, которую она чувствовала, облегчая столько невинныхъ страданій.

Разъ одинъ старикъ, оставшійся отдыхать у насъ, почувствовалъ такую слабость, что не могъ продолжать дорогу; семейство его рѣшилось идти, поручивъ его намъ. Марія, велѣла приготовить ему постель въ самой покойной комнатѣ изъ всего дому, и принялась за нимъ ухаживать съ любовью дочери. Она садилась у его кровати, сама подавала кушанья и лекарства, и когда замѣчала, что онъ грустенъ, утѣшала надеждою скораго свиданія съ дѣтьми. Но старикъ слабѣлъ все болѣе и болѣе, и уже чувствовалъ приближеніе своей кончины. Разъ, вечеромъ, онъ попросилъ Марію принести ему дорожную его суму и, вынувъ изъ нея Распятіе, вырѣзанное съ удивительнымъ искусствомъ изъ дерева, посредствомъ простаго ножа: «Возьмите, сказалъ онъ ей, это Распятіе, которое мнѣ стоило много бессонныхъ ночей; я его несъ въ Стокгольмъ, какъ послѣднее средство пропитанія. Теперь мнѣ осталось жить только нѣсколько минутъ и уже ничего болѣе не нужно: примите послѣднее благословеніе и послѣдній даръ бѣднаго Далекарліяца, и да принесетъ оно вамъ счастье!» Страдалецъ умеръ на другой день, и Марія, провожая его на деревенское кладбище, плакала о немъ какъ о близкомъ родственникѣ.

Посреди этой уединенной жизни, преисполненной блаженства любви и добрыхъ дѣлъ, мрачныя мысли налегали порой на мою душу: Марія была слаба здоровьемъ. При мнѣ она старалась казаться крѣпкою и здоровою; но я замѣчалъ нѣсколько разъ, какъ она отходила всторону, чтобъ скрыть внезапную блѣдность и стѣсненіе въ груди. Эти страшные признаки нарушали мое спокойствіе; я совѣтовался съ докторами и, по словамъ ихъ, видѣлъ, что мои опасенія не напрасны.

Я не могъ оставаться также равнодушнымъ ко всѣмъ происшествіямъ, волновавшимъ мое отечество. На мѣсто Густава Четвертаго избранъ былъ молодой принцъ, благородный характеръ котораго обѣщалъ намъ мудрое и счастливое царствованіе. Но вся Европа была въ волненіи и война всюду бросала свой

пламенный факелъ. Швеція нуждалась въ мирѣ, но мы были окружены непріятелями и могли ли не взяться за оружіе? Этотъ важный вопросъ интересовалъ меня какъ гражданина и солдата.

Мы часто разсуждали объ этомъ съ Маріей, и хотя ее твердая и прекрасная душа трепетала при мысли о разлукѣ, но она была готова лучше потерять меня навсегда, чѣмъ видѣть меня не исполнившимъ своего долга.

Скоро ужасная вѣсть нарушила совершенно наше тихое счастье: принцъ, избранный на знаменитый престолъ Вазы, внезапно умеръ, дѣлая смотръ полкамъ. Вся Швеція опять въ волненіи, надежды на миръ исчезли, опять надо избирать на престолъ государя.

Фалунскій губернаторъ, желая въ это время посовѣтоваться съ главнѣйшими владѣтелями въ провинціяхъ, призвалъ меня къ себѣ. Поѣздка эта была причиной всѣхъ моихъ несчастій. Сколько историческихъ событій, которыя породили несчастія, незамѣтны въ великихъ переворотахъ міра, какъ незамѣтны капли ручейка въ глубокихъ волнахъ океана! Историкъ пишетъ одну страницу, рассказываетъ одинъ фактъ, и никто не знаетъ сколько, вслѣдствіе этого факта, скрытыхъ страданій, разбитыхъ радостей, отравленныхъ существованій!

Я бы хотѣлъ здѣсь остановиться, но началъ мой мрачный разсказъ съ намѣреніемъ ничего не пропустить, и доскажу его до конца.

— Продолжайте, продолжайте, другъ мой! сказалъ полковникъ, пожимая его руку: я васъ слушаю съ глубочайшимъ участіемъ.

— И такъ, полковникъ, сказалъ Вандеръ со вздохомъ, я уѣхалъ въ Фалунъ, обѣщая возвратиться на другой день вечеромъ. Мнѣ надо было сдѣлать только нѣсколько миль, и я почти могъ назначить минуту, въ которую приѣду домой. Жена моя пошла провожать меня до конца парка; мы разставались въ первый разъ на такое долгое время, и она плакала какъ-будто я уѣзжалъ навсегда. Нѣсколько разъ я былъ готовъ отказаться отъ моего путешествія и, предоставивъ губернатору разсуждать съ другими о государственныхъ дѣлахъ, вернуться съ Маріей въ нашъ покойный домикъ. Сердце мое было полно мрачныхъ предчувствій, но дѣло шло объ исполненіи моей обязанности и Марія сама уговаривала меня ѣхать. Я сѣлъ въ карету, лошади тронулись, и долго еще видѣлъ я какъ она, прислонясь къ дереву, махала платкомъ и посылала мнѣ глухимъ голосомъ прощанія, которыя долетали до меня какъ неясный вопль.

На другой день все шло прекрасно, и совѣщаніе наше было рано кончено. Въ двѣнадцать часовъ, мы сѣли за столъ у губернатора, и я собравшись въ дорогу, тотчасъ послѣ обѣда, могъ прѣхать домой ранѣе, чѣмъ общалъ. Я поѣхалъ съ радостью въ сердцѣ, и забывая разстояніе, воображалъ себя уже возлѣ моей вѣрной Маріи, какъ вдругъ, на поворотѣ дороги, далеко отъ всякаго жилища, одна изъ постромокъ лопнула, и я съ своимъ кучеромъ долженъ былъ употребить цѣлые полчаса, чтобъ ее поправить. Но неудачи мои только начались: не успѣли мы сдѣлать нѣсколькихъ саженой, какъ сломалась ось. Опять остановка; все это вывело меня изъ терпѣнія и я хотѣлъ, бросивъ экипажъ, идти пѣшкомъ, но кучеръ такъ энергически увѣрялъ меня, что я очень долго пройду, что я наконецъ послушался его и рѣшился покориться судьбѣ. Наконецъ мы двинулись; хотя я и не надѣялся прѣхать домой въ общанный часъ, однако чтобъ сколько нибудь вознаградить потерянное время, гналъ лошадей и велѣлъ скакать во весь духъ.

Къ-несчастью, моя торопливость смутила моего кучера и безъ того растерявшагося отъ всѣхъ нашихъ приключеній, и онъ сбился съ дороги. Я это замѣтилъ, лишь тогда, какъ мы сдѣлали нѣкую милу въ фальшивомъ направленіи. Мы были въ густомъ лѣсу, который отъ наступавшей ночи становился еще темнѣе; надо было вернуться назадъ и искать въ темнотѣ, настоящую дорогу; волненіе мое было ужасно. Наконецъ, въ два часа ночи измученные усталостью, вѣхали мы въ аллею, которая вела въ мой домъ. При блѣдномъ мерцаніи луны, полузакрытой облакомъ я увидѣлъ у дерева неподвижную фигуру съ воалемъ. Это была Марія! я бросился въ ея объятія, и лицо мое было омочено ея слезами; она дрожала, какъ листъ и была холодна какъ мраморъ. Съ двѣнадцати часовъ, сидѣла она на сырой дерновой скамейкѣ; напрасно горничная уговаривала ее возвратиться въ комнаты и отдохнуть, она ничего не слушала, и блѣдная и дрожащая, прислушиваясь къ каждому звуку, безпрестанно вскакивала смотрѣть, не видна ли моя карета.

Едва успѣли мы уложить ее въ постель, какъ съ ней сдѣлалась лихорадка. Докторъ объявилъ, что у ней воспаленіе въ груди, тѣмъ болѣе опасное, что Марія была слабаго сложенія. Съ этой минуты, прости счастье, надежда, прости все, чѣмъ дорога была мнѣ жизнь! все что въ моемъ легковѣрїи считалъ я вѣчнымъ, все исчезло въ одну минуту. Дни и ночи проводя у изголовья этого обожаемаго существа, я наблюдалъ за выраженіемъ

каждаго ея взгляда, прислушивался къ каждому звуку ея голоса. Иногда, казалось мнѣ, что она была покойнѣе, что голосъ ея былъ свободнѣе, и надежда опять овладѣвала мной; я поднималъ въ восторгѣ руки къ небесамъ, благодарилъ Бога за Его милосердіе, потомъ минуто спустя, види мою ошибку, впадалъ снова въ отчаяніе. Если иногда ночью, взмученный усталостью, я невольно предавался сну, громкій крикъ будилъ меня: она произносила мое имя какъ въ счастливые дни нашей любви, и я въ восторгѣ бросался къ ней, но увы! находилъ ее въ бреду! Нѣтъ, тотъ не страдалъ, кто не видалъ, какъ изнемогаетъ и угасаетъ существо самое дорогое для него въ мірѣ, тотъ не пойметъ всей боли сердца, ея мучительныхъ порывовъ надежды и отчаянія, при видѣ послѣдней борьбы жизни и смерти, этомъ медленномъ разставаніи души съ тѣломъ! Какъ изнываетъ сердце при этомъ изступленномъ безпамятствѣ и глухомъ хрипѣніи, послѣднихъ предшественниковъ смерти!

Три мѣсяца разыгрывалась передо мной эта ужасная драма, и не понимаю, какъ могъ я вынести ее. Я молился, плакалъ, прибѣгалъ ко всевозможнымъ средствамъ, но ни опытная ученость докторовъ, ни самые нѣжные заботы, ни любовь моя, ни что не спасло ту, за которую я готовъ былъ отдать жизнь. Но вообразите, полковникъ, что не смотря на видимое усиліе богъни, на мрачныя лица докторовъ и рыданія моихъ людей, я все еще надѣялся. Однажды, вечеромъ, Марія, которая въ продолженіе нѣсколькихъ дней была спокойнѣе, подозвала меня къ своей кровати. «Уже давно, сказала она, какъ я не молилась; дай мнѣ Распятіе». Когда я ей подалъ его, она приложила его къ губамъ, подняла потухающіе взоры къ небу, и взявъ меня за руку, сказала слабымъ голосомъ и съ усиліемъ: Карлъ, я была съ тобой очень счастлива... благодарю тебя. Да благословитъ тебя Богъ!» Голова ея упала на подушку, глаза закрылись; выраженіе лица ея было кротко и спокойно, какъ у спящаго младенца. Эти слова любви были ея послѣдними словами, послѣднимъ вздохомъ: ея не стало.

Сказавъ это, Вандеръ закрылъ лицо руками и тяжкій стонъ вырвался изъ его груди.

— Ободрайтесь, другъ мой, сказалъ полковникъ, подходя къ нему и обнявъ его; не предавайтесь тяжелымъ воспоминаніямъ. Судьба, пославъ вамъ такое тяжкое испытаніе, пошлетъ кончело и утѣшеніе.

— Теперь я не въ силахъ говорить, сказалъ Вандеръ. По-

позвольте мнѣ удалиться, и если завтра я буду тверже, то приду, и вы узнаете, зачѣмъ я въ Эйзенахъ.

— Добрый, славный молодой человекъ! сказалъ полковникъ, проводивъ Вандера, и закуривая трубку. Если онъ еще можетъ любить Цецлію, то конечно составитъ ей счастье; надѣюсь, что тогда онъ не будетъ жаловаться на свою судьбу.

Добрый полковникъ услужъ съ этой мыслью, и всю ночь вглядывалъ во снѣ Вандера и Цецлію, которые звали его милымъ лядушкой, маленькихъ внучекъ, игравшихъ съ бахромой его эпoletъ и внучковъ, которые, надѣвъ его огромные сапоги и саблю, весело скакали по комнатамъ въ Вексіо.

IV.

На другой день утромъ, благородный Гіарта, выпивъ чашку кофе, отправился къ Вандеру и нашелъ его гораздо покойнѣе вчерашняго. Онъ сидѣлъ за столомъ и разбиралъ бумаги.

— Простите, сказалъ Вандеръ, подходя къ Гіартѣ, и протягивая ему руку, простите, что я такъ долго занялъ васъ моимъ рассказомъ. Человекъ преисполненъ тщеславія: если онъ не можетъ гордиться счастьемъ, онъ гордится страданіемъ; если не можетъ хвалиться радостью, хвалится слезами и превозносится печалью. Да, много гордости въ этихъ жалобахъ, вопіющихъ къ Богу и къ людямъ, какъ-будто Богъ долженъ удовлетворить имъ, а люди—заниматься ими одинъ; мы всегда думаемъ, если были обмануты въ надеждѣ, разочарованы въ любви, что никто не испыталъ того, что испытали мы. Мы раскрываемъ передъ всѣми раны нашего сердца, и сквозь эти кровавыя раны, видно, какъ сквозь дырявый плащъ Діогена, пламя самолюбія. Пока мы требуемъ, какъ должной дани, сожалѣнія и участія, мы забываемъ, что вокругъ насъ есть много страданій скрытыхъ, никѣмъ неразгаданныхъ и которыя не легче нашихъ. Человекъ бѣдный и необразованный, не меньше насъ чувствителенъ къ потери отца, матери, любимой женщины, и кто изъ людей, доживъ до извѣстныхъ лѣтъ, не перенесъ одного изъ этихъ бѣдствій нашей жизни?

— Другъ мой, отвѣчалъ полковникъ, позвольте вамъ замѣтить, что ваше горячее воображеніе заставляетъ васъ дѣлать себѣ упреки, которыхъ вы не заслуживаете. Рассказывая свои несчастія,

вы возбуждали во мнѣ живѣйшее участіе, и я не захожу никакой гордости въ вашемъ желаніи, повѣрить мнѣ ваше горе. Притомъ участіе, которое вы сегодня во мнѣ ищите, другой, можетъ-быть, завтра будетъ искать въ васъ; страдать за другихъ, и заставлять другихъ страдать за насъ: это одинъ изъ законовъ нашей природы. Въ первомъ случаѣ, мы поддаемся чувству, которое было бы обязанностью, еслибы не было движеніемъ врожденной снпатіи; во второмъ, выполняемъ одно изъ условій нашего бѣднаго существованія.

Впрочемъ, несчастье также непостоянно, какъ и счастье, и потому тотъ, кто страдаетъ, не долженъ терять надежды на лучшую участь. Продолжайте свой рассказъ, и когда вы его кончите, я откровенно скажу вамъ свое мнѣніе.

То, что мнѣ осталось вамъ досказать, не дѣлаетъ мнѣ чести, присовокупилъ Вандеръ. Несчастье для меня сдѣлало то, что для другихъ дѣлаетъ счастье: не имѣя силъ переносить страданіе, я хотѣлъ бѣжать его, и впадалъ изъ заблужденія въ заблужденіе, изъ которыхъ самое непростительное привело меня сюда.

Разказавъ вамъ первую половинну моей исторіи, я долженъ разказать и другую.

Полковникъ сѣлъ и Вандеръ началъ разказъ слѣдующими словами:

«Послѣ смерти Маріи, я бѣжалъ мѣсть, вѣкогда столь для меня прекрасныхъ, теперь же покрытыхъ мрачнымъ покрываломъ смерти. Я возвратился въ Стокгольмъ и попалъ въ кругъ моихъ старыхъ товарищей, которые, чтобы разсѣять мою грусть, повлекли меня въ свои шумныя собранія. Непостижима странность человѣческой природы! Я, столь грустный, истомленный, сдѣлался вскорѣ самымъ веселымъ, самымъ нестовымъ въ этихъ сумасбродныхъ собраніяхъ. Утро проводилъ я за веселымъ завтракомъ, потомъ скакалъ верхомъ или въ каретѣ по всѣмъ улицамъ города; вечеромъ садясь за столъ, аплодировалъ безразсуднымъ остротамъ пылкой молодежи, а ночь проводилъ за картами. Я выигрывалъ и проигрывалъ не считая. Волненіе и лихорадка, происходившія отъ перебрасыванія картъ и костей, крики торжества или гнѣва игроковъ, шумъ этого общества, въ которомъ выигрышъ или проигрышъ и самолюбіе зажигаютъ самыя пылкія страсти: вотъ все, чего я искалъ въ игрѣ. Когда послѣ этихъ долгихъ часовъ волненія, я возвращался домой, сознаніе моего несчастья опять возвращалось. Я видѣлъ передъ собою кроткій и чистый образъ Маріи, и обвивалъ себя въ сму-

длиннѣи въ небеснаго своенравія, дожить надеванъ, которое она видѣла съ высоты небесъ и, широтило, осуждала. На другой день вставала блѣдный, съ тусклымъ взглядомъ и бѣжалъ, опять мнѣ этого лихорадочнаго волненія, спасающаго меня отъ самаго себя.

•Тѣ, которые меня видѣли въ этихъ шумныхъ обществахъ, такъ скоро послѣ моей потери, должны были считать меня за вѣтренника, совершенно утѣшеннаго. Увы! они не знали, какъ я страдалъ во время самыхъ безумныхъ порывовъ ихъ радости; они не знали, что я надѣвалъ маску, а подъ этой маской скрывалъ рану, отравленную непобѣдимымъ воспоминаемъ, смертельною горестью.

•Однако, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, эта однообразная жизнь стала мнѣ невыносима. Изъ безумнаго волненія я впалъ въ меланхолю и уныніе. Мои веселые товарищи, попробовавъ нѣсколько разъ возвратитъ меня въ свое общество, наконецъ меня покинули. Одинъ только изъ нихъ понималъ лучше мое положеніе и предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ въ его деревню, которую онъ имѣлъ въ Смаландѣ. Я согласился и поѣхалъ съ нимъ. Среди тишины лѣсовъ, гдѣ былъ выстроены его домики, на берегу озера, напоминавшаго мнѣ мое прекрасное озеро въ Далекарліи, я почувствовалъ благодѣтельное вліяніе природы и вшелъ давно утраченное спокойствіе. Я уходилъ подъ густые своды лѣсовъ, на берега журчавшей воды, и мнѣ казалось, что моя прекрасная Марія шла возлѣ меня и развивала благородныя мысли, которыя уединеніе рождаетъ во мнѣ.

•Однажды, во время этого благодатнаго построительства моей души, пріятель мой пригласилъ меня съѣздить съ нимъ въ Вексію. Мнѣ вовсе не хотѣлось разстаться съ моимъ уединеніемъ, но онъ неотступно просилъ: надо было согласиться. Пріѣхавъ въ главный городъ смаландской провинціи, онъ отправился дѣлать визиты, а я пошелъ бродить по хорошенькому Вексію. Черезъ нѣсколько часовъ, онъ возвратился въ нашъ *gastig waregard* объявивъ, что далъ слово за себя и за меня обѣдать у помѣщика Гарты, стараго друга его отца. Опять сопротивленіе съ моей стороны и просьбы съ его, и какъ я имѣю слабость ни къ чему не отказывать моимъ друзьямъ, то наконецъ принялъ приглашеніе, которое должно было имѣть такое сильное вліяніе на всю мою жизнь. Ровно въ полдень, вошли мы въ простой, скромный домикъ, разслаившій мгновенно робость, которую я чувствую,

входи въ незнакомое общество. Фортезиано съ тетрадики нотъ, заставъски неукоризанной бѣлизны, нѣсколько картинокъ на стѣнахъ и вѣтокъ ели, разсѣпанныхъ и, по обычаю нашихъ добрыхъ предковъ, разбросанныхъ на полу, вотъ что съ перваго взгляда очаровало меня и расположило къ хозяевамъ. На порогѣ комнаты встрѣтилъ насъ почтенный старикъ, котораго благородное и мужественное лицо обрамлялось длинными бѣлыми волосами: онъ протянулъ намъ руку и благодарилъ насъ, что мы согласились раздѣлить съ нимъ его скромный обѣдъ. «Я не богатъ, говорилъ онъ, и не могу угостить васъ роскошно, но предлагаю вамъ съ радостью, по выраженію Нѣмцевъ, кушанье мое и сердце». Возлѣ него стояла жена съ лицомъ оживленнымъ радущіемъ и пріятельностью. Никогда не видалъ я людей столь почтенныхъ и пріятельныхъ. Я смотрѣлъ на нихъ съ участіемъ, и мнѣ казалось, что передо мной оживаетъ картина древнихъ лицъ и нравовъ Швеціи. Пока мой пріятель, не раздѣлявшій моего удивленія, отвѣчалъ на ласки хозяйна, въ дверяхъ показалась стройная дѣвушка съ живымъ и чистымъ взглядомъ; явленіе ея дополняло эту поэтическую картину. Дѣвущку можно было принять за одну изъ прекрасныхъ и твердыхъ валькирій скандинавской мифологіи, покинувшей жилища Одина, чтобъ очаровывать смертныхъ. Взглядъ мой, вѣроятно, остановился на ней слишкомъ смѣло, потому что она въ ту же минуту покраснѣла, и пурпуровыи цвѣтъ щекъ ея, похожъ былъ на лучи солнца, падающіе на утренній свѣгъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы сѣли за столъ. Мнѣ пришлось сѣсть возлѣ молодой дѣвущки; она угощала меня съ наивной заботливостью, вставляла нѣсколько разъ и была полна вниманія ко всѣмъ. Мнѣ хотѣлось благодарить ее за ея услуги, но слова замирали на моемъ языкѣ. Я чувствовалъ себя невыразимо глупымъ, и чѣмъ болѣе старался преодолѣть странное смущеніе, тѣмъ болѣе чувствовалъ себя сконфуженнымъ и неловкимъ.

Во время десерта, увидѣвъ ее съ огромной корзиной грушъ, я вскочилъ, чтобъ отнять у ней пошу, но взялся за это такъ неловко, что корзина съ фруктами упала на полъ. Она засмѣялась и съ веселымъ видомъ побиравъ груши, сказала мнѣ:—«Въ наказаніе, вы должны раздѣлить одну грушу со мной». Это маленькое приключеніе, которое должно бы было еще болѣе меня сконфузить, возвратило все присутствіе духа. Я началъ также смѣяться, шутить. Добрыи Гѣрта повторилъ нѣсколько разъ, что я очень милъ, а молодая дѣвушка, которая до-тѣхъ-поръ обходилась

се мной, мать съ болѣзненнымъ школьникомъ, стала гораздо серьезнѣе, что доказывало перемѣну мѣтнія.

«Послѣ кофѣ, мать попросила ее что-нибудь спѣть; она открыла фортепiano и начала чистымъ и звучнымъ голосомъ, проникавшимъ въ сердце, одну изъ старинныхъ мелодій, столь простыхъ и прекрасныхъ, что можно повѣрить простому народу, и принять ихъ за фантазіи сверхъестественныхъ гениевъ озеръ и рѣкъ. Молодую дѣвушку звали Цециліей. Слушая ее, я вспоминалъ чудную легенду о пѣвицѣ святой Цециліи. Въ серединахъ одной изъ этихъ пѣсень, которыя Цецилія исполняла съ удивительнымъ вкусомъ, она вдругъ остановилась, забывъ продолженіе. Это былъ прелестный романсъ: «Киристинка», который знаетъ вся Швеція и мнѣ знакомъ съ самаго дѣтства. Я подошелъ къ хорошенькой музыкантшѣ, началъ пѣть стихъ, ею забытый, и предавшись воспоминаніямъ, возбужденнымъ во мнѣ этимъ наивнымъ романсомъ, допѣлъ его до конца. Кажется, что самъ того не подозревая, я надѣлалъ чудеса. Отецъ аплодировалъ, мать аплодировала, а Цецилія смотрѣла на меня съ восторженнымъ изумленіемъ.

«Нѣ-хотя простились мы съ этимъ милымъ семействомъ, я черезъ два дня, ужъ не меня уговаривали идти туда, но я самъ уговаривалъ моего пріятеля воспользоваться приглашеніемъ Гарты. Я бывалъ въ этомъ семействѣ всякій день; со старикомъ разсуждалъ о политикѣ и администраціи; со старушкой о богоугодныхъ заведеніяхъ, а съ дочерью о поэзіи и музыкѣ. Вскорѣ я замѣтилъ, что нравлюсь этому почтенному семейству, и что граціозное личико Цециліи всегда оживлялось радостью при моемъ явленіи. Иногда старики, видя, какъ пріятно было намъ говорить или пѣть вмѣстѣ, оставляли насъ однихъ, вѣря съ благородной довѣрчивостью жителей сѣвера, что между молодымъ человекомъ и молодой дѣвушкой, не могло быть близкихъ сношеній безъ сердечной привязанности и мысли о вѣчномъ селеніи. Отецъ занимался своими дѣлами, мать садомъ, и случалось, что когда мы безотчетно прерывали пѣніе и разговоръ, я бралъ маленькую ручку Цециліи, сжималъ ее въ своихъ рукахъ и мы молча сидѣли, пренеполненные сладкимъ волненіемъ. Однажды, когда мы были погружены въ забвеніе болѣе обыкновеннаго пѣніемъ, когда голова молодой дѣвушки лежала на моемъ плечѣ и длинные локоны ея касались моей щеки, мать и отецъ вошли въ комнату. «Они любятъ другъ друга, воскликнула мать, я бы-

да въ этомъ утѣрена»; потомъ обращалась къ мужу: «Благослови ихъ, сказала она, и да будутъ они счастливы!»

«Прежде, чѣмъ я успѣлъ сказать слово, старикъ подошелъ къ вамъ, взялъ руку своей дочери, и положивъ ее въ мою, сказалъ торжественнымъ голосомъ: «Дѣти мои, да благословитъ васъ Богъ!» Цецилія въ слезахъ кинулась въ мои объятія, потомъ поцѣловала отца и мать, которые въ свою очередь обняли меня.

«Я вышелъ изъ этого дома въ невыразимомъ волненіи.

«По священнымъ обычаямъ сѣвера, я былъ обрученъ.... обрученъ, не имѣя и мысли, чтобы это могло когда-нибудь случиться.

«Возвратившись къ моему пріятелю, и не желая съ нимъ встрѣтиться, я побѣжалъ запереться въ своей комнатѣ, и предался самымъ тягостнымъ мыслямъ. «Женясь, восклицалъ я, повья связи любви, новое супружество! а моя нѣжная и великодушная Марія, а клятвы и обѣщанія, которыя я давалъ ей, что никогда, и никто не замѣнитъ ея образа въ моей душѣ, и что никогда я не буду имѣть обручальнаго кольца, кромѣ того, которое она дала мнѣ! О Боже мой, Боже мой! какое безумное увлеченіе! какое несчастіе!

«Н я обвинялъ себя, проклиналъ роковое обольщеніе, и въ гнѣвѣ оскорблялъ даже невзлюбленную Цецилію и ея родныхъ. «Можетъ-быть, говорилъ я самъ себѣ, что по моей слѣпой довѣрчивости я сдѣлался жертвой хитраго заговора: эти люди бѣдные, и чтобы выѣтъ богатаго зятя, завлекли меня въ свой домъ, свели съ дочерью, и какъ знать? можетъ-быть, велѣли и ей играть роль въ этой гнусной комедіи.» Я составлялъ множество рѣшительныхъ плановъ, сдѣлавшихся безпрестанно одинъ другимъ: то хотѣлъ идти къ старику, и рассказавъ ему всѣ мои мученія и незабвенную утрату, вымолить прощеніе моему минутному увлеченію; то хотѣлъ бѣжать, чтобы сохранить неприкосновеннымъ образъ Маріи. Потомъ граціозное личико Цециліи, ея взглядъ, чистый и гордый, представлялся моему воображенію, увеличивая мое мученіе; — я говорилъ себѣ, что съ такой открытой фнзіономіей, такимъ кроткимъ голосомъ, невозможно обманывать, и что если она считаетъ себя любимую, то жестоко разочаровывать ее. Я уснулъ въ этомъ волненіи, и проснулся съ тѣми же мыслями, и въ томъ же недоумѣніи. Я только что одѣлся, какъ принесла письмо отъ старика Гарты, въ которомъ онъ приглашалъ меня въ тотъ же день къ обѣду.

«Онъ писалъ также къ моему пріятелю, который вбѣжалъ въ

ною комнату съ громкими поздравленіями. Я хотѣлъ разсказать ему, какъ все было, и объяснить мое странное положеніе, но онъ не далъ мнѣ кончить.

— Хорошо, хорошо, произнесъ онъ, я это уже давно угадывалъ; ты однако отъ меня секретничалъ; но видя, что ты всякій день отправляешься въ Вексію, мнѣ не трудно было угадать, что тебя туда привлекало. Теперь, все прекрасно устроилось. Ты бросаешь свою печальную жизнь для жизни новой, и признаешься заливной. У тебя будетъ молодая и хорошенькая жена, солидно воспитанная, чудесные родственники, не богатые конечно, но честные, съ такими нравственными достоинствами, что ими можно бы обратить на путь истинны пѣлый лондонскій кварталъ. Вотъ, какъ ты ведешь себя, мой другъ, — а молодые люди въ Вексію, которые такъ восхищались красотой Цециліи! сынъ ректора, сынъ Симансона, самаго богатаго купца въ провинціи, и даже сынъ губернатора, — какъ они будутъ изумлены, поражены!

— Да слушай же, говорилъ я ему, я долженъ сказать тебѣ....

— Нѣтъ, нѣтъ, я ничего не хочу слушать; пойду велю вычистить полушки въ моей коляскѣ и лакировать збрую лошадей; въ настоящемъ положеніи надо явиться привлично; ты, конечно, не захотѣлъ бы, чтобъ другъ твой повезъ тебя къ будущей женѣ твоей въ дрянномъ кабриолетѣ.

«Съ этими словами онъ исчезъ. Я остался одинъ съ моими мыслями; душа моя колебалась между ужасомъ, который возбуждала во мнѣ мысль о бракѣ, симпатіей къ роднымъ Цециліи, и нѣжнымъ участіемъ къ ней самой.

«Черезъ часъ, пріятель мой пришелъ за мной, и я машпально поѣхалъ. Лошади были убраны лентами, у кучера на полѣ красовался огромный букетъ, а на лакеѣ была нарядная ливрея, на дѣлавшаяся только въ торжественные дни. Я прислонился задумчиво къ спинкѣ экипажа, а пріятель мой продолжалъ шутить и смѣяться. Кто бы посмотрѣлъ на насъ, конечно принялъ бы его за счастливаго жениха, а меня за студента, не выдержавшаго экзамена, или негоціанта послѣ неудачной спекуліаціи. По приказанію моего неумолимаго друга, мы сдѣлали большой кругъ, чтобъ проѣхать по самой большой улицѣ Вексію. Всѣ подбѣгали къ окошкамъ, чтобъ посмотрѣть на нашъ странный экипажъ, и я читалъ на всѣхъ лицахъ приговоръ моей свадьбы.

«Наконецъ мнѣ еще оставался призракъ свободы, но войдя въ докъ Гіарты, я почувствовалъ, что, неразрывно связанъ.

«Зала была полна родныхъ и друзей; каждый изъ нихъ под-

ходилъ ко мнѣ съ поздравленіемъ, которое я принималъ съ глубокимъ замѣшательствомъ; потомъ отецъ и мать поцѣловали меня какъ сына, а Цецилія съ веселой миной подставила мнѣ лобъ, чтобъ я поцѣловалъ его. Я былъ окончательно и публично признавъ женихомъ. Мои страданія и замѣшательство слишкомъ были видны, чтобъ ускользнуть отъ чьего-нибудь вниманія, но ихъ приписывали воспоминанію о моей первой женитьбѣ, которое эта сцена должна была возбудить во мнѣ, и никто не отгадалъ моей ужасной борьбы. Цецилія же, меньше другихъ могла угадать причину моей грусти: откровенная и наивная она была счастлива своей любовью и совершенно вѣрила мнѣ; она останавливала на мнѣ вѣжные взгляды, выражавшіе совершенную доверчивость и протягивала свою хорошею ручку, которую я, увы, пожималъ безотчетно. Въ концѣ обѣда, одинъ изъ гостей, профессоръ элоквенціи, опорожнивъ стоявшій передъ нимъ стаканъ портвейна, ударилъ три раза по столу, испрашивая вниманіе и началъ длинную рѣчь, полную избитыхъ риторическихъ выраженій о вѣжныхъ волненіяхъ любви, свадебныхъ розахъ, медовыхъ дняхъ супружества и другихъ приторностяхъ, такъ часто повторяемыхъ поэтами. Едва кончилась эта рѣчь, при громкомъ рукоплесканіи всего общества, одинъ изъ сосѣдей оратора всталъ и началъ миеологическій дионрамбъ на ту же тему, сравнивая невѣсту съ богиней Фреей, а меня съ благороднымъ и мужественнымъ Однимъ. Потомъ пришла очередь отца, дяди, двоюроднаго брата, которые вытаскивали изъ кармановъ свои импровизированныя рѣчи. Пріятель мой, сидѣвшій возлѣ меня, шепнулъ мнѣ, что я долженъ отвѣчать на всѣ эти дружественныя привѣтствія. Я придумывалъ, что бы мнѣ сказать, и не находилъ ни одной мысли, ни одного слова; уже воцарилось совершенное молчаніе и всѣ взгляды были устремлены на меня. Цецилія, какъ будто ей было стыдно за мой недостатокъ краснорѣчія, покраснѣла и потупила глаза.

— Говори же, шепнулъ мнѣ мой пріятель, толкая меня ногой, ты огорчаешь этихъ добряковъ.

«Я всталъ, и чувствуя, что не въ силахъ говорить, поклонился всему обществу, и взявъ руку Цециліи, поднесъ ее къ своимъ губамъ. Всѣ единодушно воскликнули, что я произнесъ самую прекрасную и трогательную рѣчь.

По окончаніи обѣда, мнѣ хотѣлось отправиться домой, но гости одинъ за другимъ, подходили ко мнѣ, кто съ возобновленіемъ поздравленій, кто съ похвалами моей невѣстѣ или вопро-

сами, въ которой изъ шведскихъ провинцій намѣренъ я поселиться. Потомъ прѣехали еще гости, и я былъ принужденъ помогать Цециліи и ея роднымъ занимать ихъ. Прѣхавшіе, раскладываясь со всѣми, садилсь и разсматривая меня, передавали другъ другу свои замѣчанія. И какія замѣчанія! я слышалъ только одно, а по немъ могъ угадать и остальные.

— Какъ! говорила своей сосѣдкѣ старая и худая дѣва, сидѣвшая на диванѣ, опъ такъ недавно потерялъ жену, которую, какъ утверждалъ, страстно любилъ, и уже женится на другой!

«Вообразите мое страданіе, когда я услышалъ эти слова. Только что я могъ уйти, не нарушая приличій, я взялъ шляпу, и простился съ Цециліей, которая умоляла меня остаться.

— Вы знаете, сказали мнѣ старики, что мы ждемъ васъ завтра, и всѣ слѣдующіе дни. Отсюда до деревни вашего пріятеля не болѣе трехъ миль, и вы успѣете, пообедавъ у насъ, вернуться вечеромъ домой, а потомъ, прибавилъ старикъ съ веселымъ тономъ, не вужно будетъ и увѣзть отсюда.

•Я сокращаю мой рассказъ, полковникъ, боюсь утомить васъ подробностями моего положенія, и всѣхъ чувствъ надежды и страха, смѣнявшихся во мнѣ безпрестанно.

•Я исполнилъ просьбу отца, и бывалъ у нихъ всякій день. Смотря на идеальную грацію Цециліи, на ея прекрасныя глаза и очаровательную улыбку, слушая ея нивныя мечты о счастливой будущности, я забывалъ Марію. Я говорилъ тогда самъ себѣ, что могу наслаждаться всѣми этими мечтами и счастіемъ, которое моя бѣдная Марія дала мнѣ на такое короткое время. Но когда я оставался одинъ, когда звонкій и сладкій голосъ Цециліи замиралъ въ отдаленіи, и не горѣлъ передо мной ея живой взоръ, воспоминаніе прошедшаго овладѣвало мной, и я обвинялъ себя за увлеченіе, и клялся не нарушать новымъ союзомъ, клятвенной вѣрности, данныхъ Маріи.

•Однако, уже собирались назначить день свадьбы; мать хлопотала о приданомъ, а отецъ, желая поселиться съ нами въ Далеккарліи, устривалъ свои дѣла. Всѣ эти планы и приготовленія, невыразимо мучили меня.

•Наконецъ, я рѣшился уѣхать на время, чтобы вдали отъ Цециліи, которая наводила на меня какое-то обаяніе, узнать мои настоящіе чувства къ ней. Я могъ найти достаточную причину моему отъѣзду: всякій могъ понять, что не выдавъ, болѣе года,

мое нѣвнѣ, я долженъ былъ сдѣлать въ немъ нѣкоторыя распоряженія до женитьбы. Я увѣхалъ, обѣщая возвратиться скоро, но какой-то голосъ шепталъ мнѣ, что я увѣжаю навсегда.

«Прѣхавъ въ Далекарлію, и не входя даже въ мой запустѣлый домъ, я пошелъ прямо на кладбище, къ могилѣ Маріи. Утро было мрачное, осеннее; увядшая трава хрустѣла подъ ногами, и въ вѣтви высокихъ елей, качался и шума, упрекали меня, казалось, въ долгомъ отсутствіи. Съ трепетомъ приближался я къ могилѣ, въ которой похоронилъ столько счастья и надеждъ. На могилѣ, стояли на колѣняхъ женщина и ребенокъ. Въ женщинѣ я узналъ крестьянку изъ Моры, которой Марія помогала, и сына которой отдала въ школу. Несчастный! воскликнулъ я, эти бѣдняки, облагодѣтельствованныя Маріей, не забыли ея, а я, которому она отдала всю свою любовь, посвятила всѣ движенія своей святой души, я покинулъ ее здѣсь въ холодной землѣ, и предался новой любви! Боже милосердый! Марія, прости меня. Наконецъ, я какъ преступникъ рѣшился пройти мимо этихъ бѣдняковъ, и подошелъ къ могилѣ. Женщина, замѣтивъ меня, встала, обративъ ко мнѣ лицо, омоченное слезами; мальчикъ, поклонившись, старался приподнять вѣтку «іалки, посаженную, вѣроятно, имъ самимъ, на этой благословенной землѣ, но вѣтеръ и морозъ оледенѣли и сломали цѣпты, и отъ трогательнаго приношенія оставались одни завялые листья. Я бросился на колѣни и облилъ слезами холодную могилу. Когда я всталъ, душа моя уже не колебалась: рѣшеніе было произнесено.

«Чтобъ исполнить мой долгъ въ отношеніи къ Маріи и Цецліи, я выбралъ странное и даже жестокое средство, но другое не было; я рѣшился выдать себя за умершаго, и оставивъ Швецію, поселиться въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ подъ чужимъ именемъ. Съ этой мыслью я вошелъ подъ мою удивленную ирволу, и началъ придумывать, какъ исполнить мой планъ. Девятыи оставалось у меня около двадцати тысячъ; съ трудомъ экономіей, этого было достаточно, чтобъ обезпечить мою участь. Я написалъ духовную, какъ человѣкъ, которому осталось жить только нѣсколько минутъ. Я дѣлалъ Цецлію моею наследницею, съ условіемъ, чтобы половина имѣнія была употреблена на благоудное заведеніе въ память Маріи. Адресовавъ завѣщаніе на имя моего друга, я написалъ ему, что будучи не въ силахъ переносить горести, которую надѣлся разсѣять женитьбой, я рѣшаюсь прервать мою тяжелую жизнь.

«Потомъ, собравъ бѣдныхъ всего прихода, роздалъ имъ, во имя

бѣдой моей жены, всѣ платья и запасы, какіе нашлись въ домѣ. Еще разъ наклонился я съ любовью надъ этимъ порогомъ, который я переступилъ въ первый разъ съ сердцемъ, столь полнымъ радостью, и черезъ который, такъ скоро потомъ переступила смерть. Я уѣхалъ со спокойствіемъ, какого давно неощущалъ. Письмо мое и завѣщаніе, думалъ я, легко убѣдятъ въ моей смерти; быть-можетъ, меня пощутъ, и не найдя, подумаютъ, что я бросился въ какое-нибудь озеро, а я, между тѣмъ, буду далеко отсюда, свободный и гордый своею вѣрностью. Все это, можетъ-быть, вамъ, полковникъ, какъ человѣку разсудительному, покажется безуміемъ, но повѣрьте, что бывають въ душѣ человѣка тайные отбѣски, ускользающіе отъ холоднаго взгляда разума.

• Швецію проѣхалъ я по проселочнымъ дорогамъ, подъ именемъ Вандера. Въ Цештадтѣ сѣлъ на купеческое судно, отправлявшееся въ Любекъ, а оттуда я уже спокойно продолжалъ путешествіе, и поѣхавъ по Пруссіи и Баваріи, поселился въ этомъ городкѣ, живописное мѣстоположеніе котораго мнѣ нравится, и удовлетворяетъ потребность къ уединенію. Я живу здѣсь тихо, даю уроки музыки, которые увеличиваютъ мой скромный доходъ, и доставляютъ мнѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ въ теченіе дня. Всѣ сношенія мои со Швеціей прерваны, и вѣроятно, всѣ знавшіе меня тамъ, считаютъ умершимъ, и даже не знаю, дѣлали ли какіе-нибудь розыски, для удостовѣренія, въ самомъ ли дѣлѣ я уже не существую.

• Впрочемъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ то время, какъ я стоялъ въ дверяхъ одной гостиницы, къ крыльцу подѣлалъ длинкансъ, изъ окна котораго пристально посмотрѣлъ на меня ошцдеръ, и мнѣ даже послышалось, что онъ произнесъ мое имя, но я, боясь быть узнааннымъ, поспѣшилъ уйти.

• Но, признаться ли вамъ, полковникъ? я не нашелъ спокойствія, котораго искалъ въ этомъ уединеніи: воспоминаніе о Швеціи, противъ моей воли, преслѣдуетъ меня безпрестанно. Я съ жаждою хватаюсь за всѣ журналы и ищу въ нихъ имя Швеціи; во время новыхъ уединенныхъ прогулокъ, въ часы мечтаній я часто думаю о Цециліи, часто представляется она мнѣ со всею своею граціей и красотой, и не страшась уже ея вліянія, я позволяю себѣ думать о ней, и мнѣ бы очень хотѣлось узнать что-нибудь объ этомъ ангелѣ.

— Я могу исполнить ваше желаніе, сказалъ полковникъ, слушавшій съ жаднымъ вниманіемъ молодого человѣка.

— Вы, полковникъ! да развѣ вы ее знаете?

— Я ее дядя.

— Какъ! неужели вы тотъ самый полковникъ Гіарта, о которомъ она такъ часто говорила съ любовью, вы, тотъ полковникъ смаландскихъ драгуновъ, который въ бытность мою въ Вексіо находился въ Упсалѣ!

— Тотъ самый.

— И вы сюда пріѣхали....

— Чтобъ васъ видѣть и увезти къ Цециліи, если только вы еще можете съ ней соединиться, и во всякомъ случаѣ, привезти на родину, изъ которой вы не можете изгнать себя навсегда.

— Какой странный случай! сказалъ Вандеръ вставая, и съ волненіемъ хода по комнатѣ. Но, какимъ образомъ....

— Какимъ образомъ открылъ я ваше удивленіе? я вамъ это скажу. Ваше завѣщаніе и письмо произвели ожидаемое дѣйствіе: васъ сочли умершимъ, плакали, горевали о вашей несчастной участи. Я не стану описывать вамъ горести Цециліи: она васъ истинно любитъ и мое присутствіе здѣсь служить тому доказательствомъ. Ваше ищбіе, по предъявленіи духовной, было передано ей законнымъ порядкомъ; но она объявила, что не беретъ себѣ ничего и предоставляетъ его исполнѣ на учрежденіе богоугоднаго заведенія, которое вы поручали ей устроить. Родители ее одобрили это рѣшеніе, и теперь, все ваше ищбіе — достояніе вдовныхъ и вашъ далекарлійскій домикъ передѣляется для больницы, которая будетъ носить имя Маріи Блобергъ. Вскорѣ, послѣ извѣстія о вашей смерти, братъ мой и я, получили наслѣдство послѣ умершаго нашего двоюроднаго брата, который разными торговыми оборотами приобрѣлъ болѣе милліона. Цецилія сдѣлалась одной изъ богатѣйшихъ наслѣдницъ въ Швеціи и у ней не было недостатка въ женихахъ, но она не могла забыть васъ и упорно всѣмъ отказывала. Пронеслись слухи, что вы еще живы: одинъ почтмейстеръ увѣрялъ, что видѣлъ васъ на дорогѣ къ Иштадту, а одинъ изъ вашихъ сосѣдей встрѣтилъ васъ въ Любекѣ, и какъ не оказалось явныхъ слѣдовъ вашего самоубійства, то и повѣрили столь пріятнымъ слухамъ. Цецилія, хотя и не смѣла предаваться мечтѣ видѣть васъ, но съ трепетной надеждой многихъ о васъ спрашивала. Во время всѣхъ этихъ недоумѣній, пріѣхалъ тотъ офицеръ, о которомъ вы говорили. Онъ увѣрялъ, что узналъ васъ, и хотя, спросивъ о васъ у содержателя гостиницы, услышалъ незнакомую фамилію Вандера, но нисколько не поколебался въ своей увѣренности. Цецилія захо-

тѣла его видѣть; она спрашивала его о малѣйшихъ подробностяхъ его минутной встрѣчи съ вами, и когда онъ сталъ описывать ей вашу физіономію, походку и замѣшательство при встрѣчѣ, тогда она воскликнула: «Это онъ, это онъ. Бѣдный Карлъ, еслибъ онъ хотя зналъ, что я все еще люблю его, безпрестанно о немъ думаю, и что я была бы счастлива его любовью!» Обожая Цецилію, я всегда предупреждалъ ея малѣйшія желанія, а потому въ этомъ случаѣ и болѣе чѣмъ когда нибудь, считалъ себя обязаннымъ попробовать возвратить ей утраченное счастье. Отозвавъ Цецилію въ сторону, я спросилъ ее: не желаетъ ли она, чтобъ я поѣхалъ въ Германію разунать о вашемъ существованіи и также о вашихъ чувствахъ къ ней. Выслушавъ меня, она смутилась и сказала съ волненіемъ, что не смѣетъ принять отъ меня такой трудовой, и можетъ-быть напрасной услуги, но ея волненіе и вѣрительность ясно высказавъ все пламенное желаніе ея, поддержалъ меня въ моемъ намѣреніи, я уѣхалъ, и благодаря Бога, прибывъ сюда благополучно, наконецъ поймалъ васъ, и послѣ долгихъ трудовъ и усилій, заставилъ васъ говорить. Но скажете, что намѣрены вы теперь дѣлать?

-- Благодарю васъ, полковникъ! воскликнулъ Блобергъ, благодарю васъ, за вашъ благородный поступокъ; прошу васъ простить мнѣ всѣ хлопоты и заботы, которыя я вамъ доставилъ. Все то, что я отъ васъ слышалъ, глубоко меня тронуло и я чувствую живую признательность и удивленіе къ Цециліи за благородное употребленіе залога, ей вѣреннаго; но мнѣ нужно еще вѣскольکو времени, чтобъ сдѣлать выборъ между нѣжнымъ влеченіемъ сердца и воспоминаніемъ любви, которая имѣетъ большую власть надо мной. Прошу васъ, уѣзжайте въ Швецію, къ вашей милой племянницѣ, и расскажите ей мою мучительную борьбу и страданіе. Ея душа довольно возвышенна и нѣжна, чтобъ понять мое положеніе, и я слишкомъ высоко цѣню Цецилію, чтобъ предложить ей сердце не совѣмъ свободное. Я не могу, я не долженъ принять отъ нея счастье, если оно будетъ омрачено призракомъ другаго, невозвратнаго счастья. Я остаюсь здѣсь, и черезъ вѣскольکو недѣль, вы или увидите меня счастливымъ женихомъ Цециліи, или мы уже не увидимся на этомъ свѣтѣ.

Молодой человекъ произнесъ эти слова такъ твердо, что полковникъ не рѣшился сдѣлать ему возраженіе. Онъ покорился непреклонному рѣшенію, и на другой день, нѣжно обнявъ Вандера, сѣлъ въ почтовую карету, отправлявшуюся въ Пруссію.

Недѣли, мѣсяцы проходили, и въ безпокойномъ домикѣ Вексію не было никакаго слуха о Вандерѣ.

Политическія происшествія принудили вскорѣ полковника покинуть дорогое ему семейство, въ которомъ онъ надѣялся спокойно окончить жизнь; европейская война противъ Наполеона возгорѣлась съ страшной силой.

Полковникъ отправился со шведскимъ принцемъ въ Германію. Утромъ, въ знаменитую битву при Гросберенѣ, явился въ лагерь молодой человекъ, въ простомъ кафтанѣ, верхомъ на бѣшеной лошади. Онъ подѣхалъ къ генералу, командовавшему лѣвыми крыломъ, и сказавъ ему нѣсколько словъ, которыя никто не могъ слышать, остался возлѣ него. Армія начала свои дѣйствія противъ французскихъ отрядовъ. При первой атакѣ, незнакомецъ, бросившись къ передовому ряду эскадрона, упалъ, пробитый пулей. Одно слово успѣло вырваться изъ устъ его, и это слово было имя женщины. Въ ту самую минуту подѣхалъ полковникъ Гіарта со своими драгунами, и наклонясь надъ молодымъ человекомъ, распростертымъ на землѣ, узналъ въ немъ Вандера.

Три года спустя, Цецилія вышла за мужъ за офицера, отличившагося въ германской арміи. Она еще жива; отецъ и мать ея и благородный дядя живутъ съ ней, и всѣ бѣдныя благословляютъ ее; но она потеряла свою дѣвическую веселость, и никогда не хотѣла посѣтить прекрасную Далекарлію; говорятъ, что всякій разъ, какъ начнутъ при ней говорить о гросберенской битвѣ, она отворачиваетъ голову, или уходитъ въ сторону скрыть свои слезы.

III.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

=

ОЧЕРКИ ВЕНГРИИ.

=

I.

Кто у насъ не знаетъ, что есть на свѣтѣ какіе-то Венгерцы, большіе шеголи, облитые въ золото, обѣшенные шпурками, кистами, вѣчто въ родѣ нашихъ старинныхъ гусаровъ; съ тою же удалью, отвагой.... Побѣжайте въ глушь, не то, чтобы въ Саратовъ, а хоть за Колу, и тамъ знаютъ Венгерцевъ, даже, можетъ быть, знаютъ ихъ столько же, сколько и въ порядочномъ великороссійскомъ городѣ, то есть, ни болѣе, ни менѣе, какъ по венгеркамъ, и по удали. Знали у насъ Венгрію еще и по вину; но то знали дѣды наши, охотники до наслажденій солидныхъ: мы, слабые потомки ихъ, промѣняли венгерское на шампанское.... и съ тѣхъ поръ еще одной пружинной менѣе для знакомства съ Венгріей. Были и другія причины, кромѣ венгерокъ и вина, для изученія почти сосѣдней намъ страны; но по русской пословицѣ «пока громъ не грянетъ, мужикъ не перекрестится», никому и въ голову не приходило обратить вниманіе на эти причины, пока наконецъ о Венгрію лѣтъ за десять передъ этимъ не заговорила Европа, и пока Венгрія не сдѣлалась землею интересной, пожалуй модной. Теперь конца вѣтъ толкамъ и пересудамъ о Венгріи.... а знаютъ ли ее тѣ, которые говорятъ о ней? Едва ли. Откуда знать? По-русски о Венгерцахъ почти ничего не писано. Орывочныя о нихъ свѣдѣнія нашихъ путешественниковъ

или устарѣли, или неполны. Любопытнѣе другихъ рассказы о Венгріи Бровневскаго, автора «Записокъ и писемъ морскаго офицера»; но нашъ ученый морякъ былъ въ Венгріи еще въ 1810 году, а послѣ того много утекло воды и въ политической, и въ гражданской жизни народовъ. Въ послѣдніе десять лѣтъ нѣсколько русскихъ путешественниковъ посѣтили Венгрію, изъѣздили ее вдоль и поперекъ, изучая страну и жителей, ихъ нравы и обычаи, языкъ и литературу, могли передать много любопытнаго, поваго, и передавали, но только каждый въ своемъ кружкѣ знакомыхъ, пзуствными разсказами, а печатно, для всей любознательной публики нашей, не передалъ никто изъ нихъ ничего. По волю, кто хотѣлъ познакомиться съ Венгріей ближе, долженъ былъ обращаться къ иностраннѣмъ извѣстіямъ. За границей писали о Венгріи очень много, и ученые изслѣдователи, этнографы, географы, историки, и беззаботные туристы, и сочинители брошюркъ; но въ этомъ многомъ хорошаго очень мало. Лучше многоаго другаго: Чапловича, «Gemälde von Ungarn» (1829); профессора Магды, «Neueste Beschreibung des Königreichs Ungarn, Croaticen», и прочее (нѣсколько изданій съ 1834 года); Зана, «Описание Венгріи въ чешскомъ исправленномъ переводѣ географа Балъби: «Zemepis vbohu zemského» (1841—1845), Муссъ Пардае, Венгріа (1841) и прочее. Изъ ландкартъ болѣе другихъ замѣчательна Липскаго и Фольтопа. Большая часть этихъ описаній Венгріи, такъ не замѣчательны, и написаны съ такимъ пристрастіемъ, что русскому человеку, особенно провинціалу, трудно изъ нихъ составить вѣрное понятіе о Венгріи, ея чудной, разнообразно-роскошной природѣ, ея мозаическомъ народонаселеніи, нравахъ, обычаяхъ, законахъ и дѣятельности страны и отношеній ея жизни къ предметамъ, которыми она окружена и съ которыми находится въ связи.

Независимо отъ современныхъ интересовъ знакомство съ Венгріей можетъ доставить образованному человеку много удовольствія. Географическое и топографическое положеніе этой страны сдѣлали ее чрезвычайно занимательной и въ историческомъ и въ статистическомъ отношеніяхъ. За долго до нашего времени, Венгріа, лежащая на срединѣ главнаго пути переселенія народовъ, была полемъ столкновенія Востока съ Западомъ, полемъ битвъ на жизнь и смерть.... Отъ этого здѣсь, особенно въ горахъ, убѣжищъ побѣжденныхъ, сохранились чрезвычайно любопытные остатки столкновеній. Позднѣе, на венгерскихъ равнинахъ опять были кровавые народныя боръбы, то съ Монголами, то съ Турка-

ии. Во время этихъ бореній, и послѣ, продолжалась постоянная борьба повятій европейскихъ съ азіатскими; борьба, которая длится еще и доселѣ. Венгрія исконно была населена народомъ палео-европейскаго корня, особенно Славянами; съ приходомъ Гунновъ, а потомъ еще болѣе Венгровъ или Мадьяръ, явился элементъ чисто азіатскій, степной, буйный, дикообразный; по стеченію обстоятельствъ, онъ сдѣлался въ политическомъ отношеніи главнымъ, господствующимъ, но не будучи въ состояніи самъ сродниться съ элементомъ западнымъ, не могъ его и покорить себѣ, и борьба затянулась, какъ гордіевъ узелъ, и Богъ знаетъ, когда явится Александръ разрубить этотъ узелъ.

Въ Венгрію, куда не повернитесь, вездѣ богатое поле для изслѣдованій... Не знаешь, на чемъ долѣе остановитъ вниманіе, на климатѣ ли, на земной ли поверхности, на естественныхъ ли произведеніяхъ, или, наконецъ на людяхъ, ихъ характерѣ и дѣятельности. Не одному Чапловичу представлялась Венгрія цѣлою Европой въ маломъ видѣ. Въ ней на пространствѣ 5,650 квадратныхъ миль (включая Трансильванію, Военную границу, Славонію, Краоцію и Морской берегъ), природа собрала, какъ-будто на выставку, почти всѣ видоизмѣненія своей производительности, разбросавшия по разнымъ европейскимъ землямъ. Даже особенности, рѣдкости, такъ сказать, феномены, диковинки европейской природы нерѣдко въ дубликатахъ повторяются въ Венгрію.

Климатическое разнообразіе чрезвычайно! Въ Карпатахъ, гдѣ люди, по замѣчанію какого-то путешественника, питаются большею частью легкія и поры нежели черезъ желудокъ, тамъ едва созрѣваютъ овесъ и малочисленные грубые овощи, а въ то же время въ Баватѣ растутъ рпезъ и хлопчатая бумага, производится цѣлыми центнерами шолкъ, и даже сдѣланы удачныя попытки усвоенія тамошнему климату шелковичныхъ червей.

Въ горахъ непріхотливые обитатели, питаются картофельной кашей (по тамошнему швабкой), и овсянымъ хлѣбомъ, знаютъ виноградъ и виноплоды лишь по естественной исторіи, а въ плодородныхъ долинахъ даже самый простой, бѣдный житель не знаетъ другаго хлѣба, кромѣ пшепчаго, пьетъ дорогое искрометное вино и заѣдаетъ свой вкусный обѣдъ сахарными дынями и арбузами, растущими какъ тыквы, въ открытомъ полѣ, безъ особеннаго ухода; собирая каштаны въ лѣсу, долинный житель не гнѣшитъ не хотеть, что сосѣдъ его весь вѣкъ свой сидитъ на овсянкѣ и швабкѣ; слушая рассказы объ этомъ, онъ сострадательно морщится и сомнительно покачиваетъ головою. Самыя суро-

вья зимы гостятъ въ низовьяхъ много-много по два мѣсяца, а бывають годы, когда снѣгъ выпадаетъ едва на нѣсколько недѣль. Въ горахъ, напротивъ, желье топятъ съ сентября до мая, слѣдовательно двѣ трети года. Сани тамъ избиваются въ годъ, тогда какъ на низовьяхъ они передаются отъ отцовъ дѣтямъ по завѣщаніямъ.

Далеко ли кажется Австрія отъ Венгріи? рядомъ, а различіе климатовъ поразительно. Возьмите австрійское вино: кислое, безъ крѣпости, безъ сладости; между-тѣмъ въ верстѣ, или двухъ, подалѣе, въ Венгріи, подъ тѣмъ же градусомъ, выдѣлываются дорогие вина: рустерское, эдебургское, юрьевское, и другія. Мало того, въ Австріи, даже у самой границы, не растутъ ни дыни, ни арбузы; а въ Пресбургѣ ихъ цѣлыя горы валяются по рынкамъ.

Причина такого чрезвычайнаго климатическаго разнообразія заключается не въ географическомъ, а въ топографическомъ положеніи страны.

Венгрія какъ теплица, какъ оранжерея прислонена къ высочайшимъ вершинамъ Карпатовъ, защищающимъ ее отъ сѣверныхъ вѣтровъ и лежитъ ниже Австріи; послѣднее можно замѣтить и по направленію рѣкъ, изъ которыхъ нѣсколько текутъ изъ Австріи въ Венгрію, и ни одна на оборотъ.

Путешественникъ, въѣзжающій въ Венгрію съ сѣвера, черезъ Карпаты, простымъ глазомъ замѣтитъ, что дорога его значительно поката къ сторонѣ Венгріи.

Разнообразіе мѣстностей не менѣе климатическаго разнообразія. Карпаты, вышедъ изъ колыбели въ вептранскомъ комитатѣ (Бѣлыя горы), вскорѣ, какъ испанскія Пиренеи, возносятся до небесъ и составляютъ, въ видѣ полушарія, границу Венгріи на пространствѣ слишкомъ полутора ста миль. Чего нѣтъ на этомъ пространствѣ! Въ свитскомъ (Zipser) комитатѣ у Венгерца есть своя родная Швейцарія. Ломницкая вершина — его Монбланъ; Штурецъ и Чортова Свадьба (Sturecz, Csertowa Swadba), гдѣ есть и лавины, составляютъ въ двойномъ экземплярѣ венгерскій Сенъ Бернардъ; отсюда, небольшимъ перѣздомъ, вы достигаете счастливыхъ равнинъ венгерской Италіи — въ Банатѣ. Мѣстами венгерская природа является и мачихой. Тамъ, при встрѣчѣ съ злой, задорливой собакой, наклонитесь только... собака въ испугѣ бросится отъ васъ всторону... она знаетъ, по горькому опыту, что въ тѣхъ краяхъ вамъ нечего поднять съ земли, кромя камня. Зато есть необозримыя пространства, гдѣ, по словамъ

просто народья, камня не добудешь и за деньги, на лекарство отъ зубоу. Знаменитая люнебургская степь повторяется въ венгерской Кечкеметской степи, съ тою только разницею, что послѣдняя плодородна. Баконскій лѣсъ — соперникъ тюрингскаго и саксартскаго. Нуксбахскія горы въ спешскомъ комитатѣ видоу и произведеніями очень похожи на тиволийскія, близъ Рима.

Венгерское *средиземное море*, это — *Блато*, или, какъ выговариваютъ Мадьяры, *Балатонъ* — озеро, прекрасное и богатое рыбою, занимающее слишкомъ двадцать квадратныхъ миль пространства. На немъ, изъ острова *Тиханъ*, преобразованнаго человѣческими руками въ полуостровъ, мать природа хотѣла создать венгерскую *Мальту*.

У Венгрии нѣтъ недостатка и въ средствахъ для обмѣна произведеній страны. Рѣки Дунай и Попраль связываютъ ее на югѣ и на сѣверѣ съ тѣми же частями всемірнаго Океана, которыми ограничена Европа. Адриатическое Море непосредственно омываетъ венгерскіе берега у гаваней *Фиуме*, *Спли* (по-вѣнецки *Zeng*, по-итальянски *Segna*), *Буккари*, *Порто-Ре*. Бачскій каналъ по своей длинѣ мало уступаетъ *Манчестерскому* въ Англіи.

Циркницкое озеро повторяется живыми водонетными источниками въ бигарскомъ комитатѣ, у селенія Калугера (*Kalugyer*). Известно, что рѣка *Алфей* въ Греціи, и Рона во Франціи, исчезающая съ поверхности, продолжаютъ теченіе подъ землю и опять выходить наружу. Это рѣдкое явленіе повторяется и въ Венгрии. Именно такъ текутъ рѣки *Сала*, въ саладскомъ комитатѣ, *Тайовка* (*Tajovka*), въ сольскомъ (*Sohler*); *Синьва* (*Szinyva*), въ боршадскомъ; *Добра* и *Мрежница*, въ огулшскомъ пограничномъ полку. Желѣзный проволочный мостъ, прочной постройки, есть и въ Венгрии. Неаполитанская *собачья пещера* повторяется у Венгерцевъ въ Мертвящемъ Источникѣ, близъ Рыбаря, въ сольскомъ комитатѣ, и въ Ядовитомъ Ключѣ, близъ Святаго Нвапа, въ липтовскомъ комитатѣ.

Хотите въ Венгрии припомнить Англію — побѣжайте на острова *Чаллокъзъ* (*Szallóköz*) и *Чепель* (*Szerel*). Венецію и идете въ мѣстечкѣ *Сольтъ*. Пограничный *Ясеновацъ* точь-въ-точь Амстердамъ на сваяхъ. Венгерскій Гибралтаръ — *Петервардинъ*; венгерскій Лондонъ — *Пестъ*; семи холмный Римъ въ Венгрии — *Шемницъ*. Заброшенный теперь Эчедскій Замокъ (*Ecsed*) былъ вѣкогда венгерскимъ Кадиксомъ.

Минеральныя воды, холодныя, теплыя, горячія, — какія угодно есть въ Венгрии, — почти всё тѣ же, что и въ другихъ странахъ Европы.

Холодные стёрные ключи найдёте близъ *Бальфы*, въ эденбургскомъ комитатѣ, близъ *Собранца* (Szobrance) въ унгарскомъ, близъ *Лейбница*, въ силшскомъ, близъ *Драгомирфальвы* въ мармарошскомъ комитатахъ. *Теплые стёрные ключи* существуютъ близъ *Пёштени* (Pöstény), *Баймоца* (Bajmosz), въ витрскомъ комитатѣ; близъ *Стубни* (Stubna), въ турчанскомъ комитатѣ; въ *Вилни* (Wilny) и *Скляномъ* (Szkleppo) въ баршскомъ комитатѣ; близъ *Гросвардина* и *С. Мартона* (Sz. Marton) въ бигарскомъ комитатѣ; *Мехадія* на *Гранцѣ*, и ключи, выходящіе изъ Средиземныхъ горъ, близъ *Алмаша* (Almás), *Грана*, *Офена* и *Кестеля* (Keszteley). *Кислыхъ ключей* также множество, что они до сихъ-поръ даже не всё исчислены. *Известковыхъ ключей* также множество, напримѣръ близъ *Лучекъ* (Lucski), въ липтовскомъ комитатѣ, гдѣ вода ручья никрустрируетъ раковъ; близъ *Гемера* (Gömör), *Русбахъ* (Russbach); *Гунддорфъ* (Hunsdorf), *Тапольца-фё* (Tapolcza fö), гдѣ въ ручьѣ *Тапольцѣ* течетъ вода, осаждающая на мельничныхъ колесахъ толстую кору, отъ тяжести которой задерживается подвижность колесъ. *Соляные*, именно солено-кислые ключи, изходятся близъ *Шовара* (Sóvár) *Нелипины*, *Сланкаменя* (Slankamen) и множество въ мармарошскомъ комитатѣ. Въ арвскомъ комитатѣ ручей *Сланица* вытекаетъ изъ соляныхъ ключей; въ липтовскомъ комитатѣ, близъ *Гибы*, такая же вода; въ саладскомъ также есть соляной источникъ, и такъ далѣе. *Щелочныхъ ключей* больше всего: вся нижняя равнина отъ лѣваго берега Дуная до горъ покрыта болотами, содержащими соду. Нѣкоторые изъ нихъ содержатъ глауберову соль. *Селитро-кислыя воды* довольно многочисленны въ ключахъ по всей большой равнинѣ; офенскія воды содержатъ также селитро-кислый поташъ. *Горькія воды* есть въ *Гранѣ*, близъ *Офена*, *Будаёрша* (Budaörs). Воды, содержащія квасцы, паходятся близъ *Парада* (Párad), близъ *Эрдёбени* (Erdőbénye), близъ *Шаришана* (Sárisáp). *Купоросныя воды* встрѣчаются преимущественно въ рудникахъ. Сюда въ-особенности принадлежатъ такъ-называемыя цементныя воды въ *Хмельницѣ*, *Герренгрундѣ*, *Боростянкѣ* (Borostyánkő), *Надь-Банѣ* (Nady-Bánya), *Иллобѣ* (Illoba), *Саскѣ* (Szaszka), и прочія.

Что касается до наиболѣе посѣщаемыхъ цѣлительныхъ источниковъ и водъ, то офенскія съ своими заведеніями для прѣзжающихъ ничѣмъ не хуже карлсбадскихъ; *Бартфельдъ* — венгерское Спа; *Пёштень* (Pöstyeny) и *Тренчинъ* — венгерскіе Аахенъ и Баденъ; *Фюредъ* — Пирмонтъ; *Салатня* (Szalatnya) — Биллизъ, и прочія. Превосходная цѣлительная вода, рыбацкая, лучше вся-

кой иностранной. (Профессоръ Цинзеръ въ своемъ *Badogast zu Sajacs 1827*, говоритъ, что она похожа на каштетскую воду въ Виртембергѣ). Но избытокъ домашняго богатства и излишнее уваженіе къ заграничному доселѣ препятствовали сдѣлать надлежащую оцѣнку всѣмъ отечественнымъ цѣлительнымъ водамъ.

Въ недрахъ венгерской земли таятся всѣ европейскіе благородные металлы и полуметаллы, кромѣ олова. Венгрія для Австрійской имперіи не только отъявленная *жизнища*, но и тоже самое, что Мехика и Перу были для Испаніи. По исчисленію Бёдина (*Voyage minéralogique etc. en Hongrie, 1822*), Венгрія ежегодно доставляетъ половину количества золота, добываемого въ цѣлой Европѣ; а серебра вѣсколько болѣе трети. Старинная поговорка говоритъ довольно справедливо, что Банская Быстрица (*Шейзолъ*) окружена мѣдными, *Штленица* (*Шемницъ*) серебряными, а *Кремнища* золотыми стѣнами. Самые богатые рудники благородныхъ металловъ находятся въ окрестностяхъ этихъ городовъ. *Теллуриій и благородный опалъ* находятся исключительно въ Венгріи: императоръ австрійскій, какъ король Венгрии, можетъ по справедливости назваться *царемъ опаловъ*. За настоящей вунцоланской землею изъ Венгрии не надо посылать въ Италію; она есть въ Банатѣ. *Мраморъ*, открытый тамъ же, въ красноватомъ комитатѣ близъ *Догначки* (*Dognacska*) мадьярскимъ ваятелемъ *Ференци* (*Ferenczy*) совершенно замѣняетъ каррарскій. Стрый мраморъ съ красивыми жилками добывается близъ Тисовца въ гёмёрскомъ комитатѣ, красный близъ *Алмаша* въ копорскомъ комитатѣ. По богатству *каменной соли* въ мармарошскомъ комитатѣ, гдѣ разработку ея—просимъ замѣтить—сама природа осалила газомъ, и по изобилію выварочной соли въ зальцбургскомъ комитатѣ (*Шоварѣ, Sóvár*), Венгрія въ состояніи про довольствовать солью, кромѣ самой себя, всю Европу. Соду во множествѣ выпускаетъ изъ себя сама почва въ комитатахъ бангарскомъ и визельбургскомъ, точно также какъ въ Испаніи.

Столь же расточительно щедра венгерская природа и по дарствамъ *растительному и животному*. Ичислять урожай здѣсь не мѣсто. Замѣтимъ, однакоже, что, напримѣръ *венгерская слива*, родится до того роскошно, что 6 или 8 штукъ такихъ сливъ вѣсятъ около фунта. *Валаскій* увѣряетъ, что видалъ въ гёмёрскомъ комитатѣ *вишни*, которыхъ *семнадцать* штукъ также вѣсили фунтъ. Въ берегскомъ комитатѣ родятся яблоки въ $\frac{3}{4}$ фунта вѣсомъ; пресбургскія груши вѣсятъ по 42 лота. Въ Берегскомъ комитатѣ есть ели по *тридцати шести* сажень вышины,

и по $6\frac{1}{2}$ футовъ въ поперечникѣ. Дубы, прямые какъ свѣчи бываютъ по *девятнадцати* и болѣе сажень вышиною и по 6 футовъ толщиною; осины по 18 сажень вышины, 2 — 3 футовъ толщины; яворы по 14 сажень вышины, по 34 фута въ объемѣ. Въ эйзенбургскомъ комитатѣ, близъ селенія *Велема*, растетъ каштанное дерево 7 сажень въ объемѣ, $5\frac{1}{2}$ футовъ толщины.

О рѣкѣ *Тисъ* пословица говоритъ, что въ ней *больше рыбы, чѣмъ воды*. Пословица чуть-чуть не справедлива: дѣйствительно въ Тисѣ чрезвычайно много рыбы. Въ озерѣ Блатенскомъ водится, между прочимъ, чрезвычайно рѣдкая рыба *фогашъ* (*Fesca luciopegea*), попадающаяся кромѣ того только въ Нилѣ, да въ Сибири. Щедрая природа, осыпавъ Венгрію своими благами, не хотѣла обидѣть ее даже и противъ приморскихъ странъ. Въ глубинѣ долинъ и горъ, далекихъ отъ моря, она надѣлила Венгрію настоящими морскими рыбами. Изъ Чернаго моря по Дунаю до Коморна, а по Тисѣ до *Луца* (*Lucz*) въ земплинскомъ комитатѣ заходятъ бѣлуги, вѣсящія по нѣскольку пудовъ. Изъ Балтійскаго моря по рѣкѣ Попряди до Спшскаго комитата заходятъ самыя вкусныя *лососи*. (*Шопрадъ* и *Дунасцъ* единственныя рѣчки, текущія изъ Венгріи на сѣверъ.)

А кто не знаетъ вина венгерскаго! какой знатокъ не удивлялся безконечному разнообразію тамошняго винограднаго соку. Въ Венгрію только въ шести комитатахъ нѣтъ винограду: въ эрскомъ, турчанскомъ, литповскомъ, спшскомъ, шаринскомъ и мармарошскомъ. У насъ на Руси венгерское было въ большомъ ходу во все XVIII столѣтіе. И теперь еще старики наши молодѣютъ, одушевляются, когда заговоришь съ ними, наприимѣръ, хоть о токайскомъ.... Это царь пивъ, говорятъ они; это текучее золото, золото солнечныхъ лучей, застывшее въ гроздѣ, царствъ всѣхъ лозъ, это патріархъ виноградный... да и что удивляться восторгамъ дѣдовъ, когда даже одинъ изъ папъ сказалъ о токайскомъ: *Summi pontifices talysia * vina decent*. Не можешь при этомъ случаѣ не вспомнить гимна, процѣтаго токайскому однимъ изъ нашихъ гастрономическихкихъ поэтовъ.

Вотъ, вотъ какъ масло, вѣковая,
И старецъ пивъ, и пивъ краса,
Фалерна влага изъ Токая,
Поздѣлѣвшая, густая,

* Это не опечатка. Токайское вино родятся также въ Тальѣ (Tall:а) въ окрестностяхъ.

Струей лънивой, какъ роса,
 По капля въ рюмку удаесть.
 Вотъ льется жизнь въ ея струй,
 Вотъ умъ горитъ, вотъ кровь пылаесть!
 О влага! смертныхъ бытіе
 Твоей покорно чудной силѣ!
 Ты, нисходящему къ ногамъ
 Способна чувство пробудить,
 И озарить лучемъ надежды
 Уже поникнувшія вѣжды.»

Г. Чапловичъ, знатокъ всего венгерскаго, назадъ тому лѣтъ 25, тоже увлекаясь похвалами токайскому, въ «Пестскомъ журналѣ» 1825 года, обвародовалъ его цѣлый придворный штатъ. Въ супружьи царю всѣхъ винъ онъ выбралъ юную розовую виноградную слезу *менешскую* (Ménés), ея подругой назначилъ прелестьную влагу карловицкую; ихъ приближенными избралъ вина: рутеское, юрьевское, эденбургское, берегсазское. Первымъ извѣрьемъ было вино *карловицкое*; его товарищами эрлауское и швилонское; ихъ помощниками вина діосегское, чатарское, селкелхидское (Szekelyhid), середнейское (Szereednye), ихъ стражами вина *офенское*, *эрлауское*, *вилланьское*, *зексарское*, с. *андреевское*, *вишонтское*; ихъ слугами вина *шомлейское* (Somlyi), *несмельское* (Neszmely), *речьское*, (Récs) *гюнское*, *оканьское*, *беккойское* (Beczko) и *карпфенское*,—все кислыя вина,—профосами и гайдуками крѣпкія кроатскія и славонскія вина, и проч. Эта статистическая шутка г. Чапловича хорошо характеризуетъ качества венгерскихъ винъ.

Старое *менешское* вино вполне замѣняетъ *малагу*; *офенскія* вина равняются бордосскимъ; а вина, растущія близъ *Виллани* (Villany) и въ окрестностяхъ *Вагъ-уйгеля* (Vagh-Ujhely) не уступаютъ бурговскимъ. Знаменитое шампанское имѣетъ удивительныхъ соперниковъ въ винахъ ширакскомъ (Sirak) гонтскаго комитата, важедьскомъ (Vashegy) эйзенбургскаго комитата, середнейскомъ (Szereednye) угварскаго комитата, мадьяратскомъ (Magyarat) и менешскомъ (Menes) арадскаго комитата. Кому захочется кислыхъ австрійскихъ винъ, тотъ найдетъ ихъ въ числѣ слугъ царя всѣхъ винъ.

Такое чрезвычайное изобиліе винъ достойно татайскаго (Tata) и тернавскаго бочекъ. Первая вмѣщаетъ 1,500 ведеръ, вторая *два* тысячи *сто десять съ четвертью* ведеръ. Знаменитая гейдельбергская бочка въ сравненіи съ послѣдней просто наперстокъ

потому что вмѣщаетъ только 708 ведеръ. Первую каменную бочку велѣлъ сдѣлать изъ краснаго мрамора офенскій дворянинъ Карлъ Майерсъ (Majersky) въ 1825 году. Она вмѣщаетъ 500 ведеръ, вмѣстѣ фигуру полукружія, безъ обручей, скрѣплена однимъ только цементомъ.

Въ довершеніе разнообразія и полноты картины недостаетъ развѣ пары огнедышащихъ горъ; но въ Венгріи и безъ нихъ много взрывовъ и потрясеній. Въ замѣнъ вулкановъ для удовольствія любопытства естествоиспытателей въ Венгріи есть нѣсколько сопокъ и бывають иногда бѣдственные землетрясенія. Въ этомъ отношеніи *Моръ* и *Коморнъ*, не разъ страдавшіе отъ землетрясеній, замѣняются для Венгріи *Лиссабонъ*.

Не правда ли, разнообразіе венгерской природы чрезвычайно? Не правда ли, что изученіе такой природы, или по крайней мѣрѣ знакомство съ нею, любопытно въ высшей степени?

Не менѣе разнообразно и народонаселеніе Венгріи. Какой народъ не живетъ тамъ? Въ ней есть почти всѣ европейскія племена, языки, религіи, промыслы и степени образованія, почти всѣ роды быта, правовъ и обычаевъ.

Здѣсь есть Мадыары разныхъ сортовъ: Дунайскіе, Тессіе, Половцы, Секлеры, Славяне тоже разныхъ сортовъ: Чехи, Словаки, Шотакы, Румпы, Поляки, Словенцы, Хорваты, Сербы, Булгары; Нѣмцы разныхъ нарѣчій, Валахи, (дако-Влахи), Ново-Греки (Македонцы), Македо-Влахи (Цивцары), Армяне, Клементинцы, Евреи простые, Евреи португальскіе, Испанскіе, Французы, Итальянцы, Турки. Есть мѣстности, гдѣ вся эта смѣсь племенъ, одежда, нарѣчій, поколѣній, мѣстится на пространствѣ одного какого-нибудь комитата; таковъ, напримѣръ, берегскій комитатъ.

И вся эта разнородная, мозаическая масса населенія ни мало не слита въ одно цѣлое, — и грубо выступаетъ передъ глазами путешественника, своими разнообразными частями, изъ которыхъ каждая считаетъ себя за особенную единицу. О всемъ этомъ мы поговоримъ въ послѣдствіи подробно, а теперь повторимъ наше замѣчаніе, что Венгрія и по населенію — Европа въ маломъ видѣ.

Вообще въ Венгріи почти *двадцать* разныхъ народовъ и языковъ, и каждый со своими особенными понятіями, обычаями, склонностями, съ особыми чертами образованности и нравственности.

Словаки, Русины, Нѣмцы, Валахи, Словенцы-Хорутане и части *Хорваты*, судя по разселенію, охотники до худыхъ, холодныхъ, гористыхъ мѣстъ. Впрочемъ они, какъ *Иудо-Европейцы*,

хорошо уживаются и въ самыхъ плодородныхъ и теплыхъ странахъ. Только Мадьяръ, по видимому, часто *экваторіальный уроженецъ*: онъ любитъ одиѣ равнины, теплый климатъ, плодосную почву.

Большая часть городовъ населены *Словаками, Сербами и Нѣмцами*. За то *Мадьяры* занимаютъ много очень обширныхъ и людныхъ мѣстечекъ и селеній, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ болѣе 30,000 жителей, и которыя ни мало не уступятъ королевскимъ городамъ. Таковы: Эрлау, Мѣшкольцъ, Розенау и другія. Словаки также имѣютъ большія селенія, особенно въ бекешскомъ и саболецкомъ комптатахъ; напримѣръ *Чабу* и прочее. Русины, Валахи, Словяцы предпочитаютъ уединенныя и разсѣянныя жилища, мѣстныя селенія.

Такимъ образомъ *Словаковъ* и *Нѣмцевъ* надо искать въ городахъ, *Мадьяровъ* въ мѣстечкахъ, *Словаковъ* въ большихъ селахъ, *Валаховъ, Русиновъ, Раацевъ, Сербовъ* православныхъ въ мелкихъ разбросанныхъ селеніяхъ.

Большая часть колоній — новопостроенныя мѣстечки — основаны Словаками и Нѣмцами. Словацкія колоніи находятся преимущественно въ комптатахъ *бекешскомъ, саболецкомъ, пестскомъ, бацскомъ*; швабскія колоніи въ *толнайскомъ, пестскомъ, сатмарскомъ, бацскомъ* и въ банатскихъ комптатахъ.

Таково разнообразіе и природы и населенія Венгрии. Скажите послѣ этого, не правы ли мы, назвавъ ее Европой въ маломъ видѣ?

На сѣверѣ Венгрии средняя Европа, — славянскій элементъ, кое гдѣ вѣстятъ съ нѣмецкимъ; въ среднѣхъ — Азія, колонизованная Нѣмцами, на югъ — южная Европа, — тамъ Италиявцы, Французы, португальскіе и испанскіе Евреи... Въ этомъ порядкѣ и будемъ мы говорить о Венгрии. Сперва полюбуемся природой Карпатовъ, заглянемъ въ ихъ ущелья и долины, гдѣ живутъ наши соплеменники и колонисты Нѣмцы; потомъ сойдемъ въ дунайскую равнину, которою завладѣли соплеменники нашихъ Финновъ — Мадьяры; наконецъ, приблизившись къ Савѣ и отрогамъ тѣхъ горъ, которыхъ хребетъ тянется отъ Пиринеевъ и Альповъ къ Балканамъ, азглянемъ на южные края венгерскіе, гдѣ опять Славяне, но уже другіе, и гдѣ вѣстятъ съ ними Валахи, Италиявцы, Турки, какъ на сѣверѣ Нѣмцы.

II.

Но прежде надо обозрѣть общее содержаніе Венгрии въ географическомъ отношеніи.

Подъ общимъ названіемъ венгерскихъ земель разумеютъ собственно Венгерское Королевство и присоединенныя къ нему съ нимъ къ австрійскому престолу королевства Славонію и Кроацію, Военную границу и великое княжество Седмиградское или Трансильванское (Siebenbürgen)*. Въ тѣснѣйшемъ смыслѣ Венгерское королевство заключаетъ въ себѣ собственную Венгрію, простирающуюся съ сѣвера къ Галиціи, съ востока къ Трансильваніи и Валахіи, съ юга къ Военной границѣ, Славоніи и Кроаціи, съ запада къ Штиріи и Австріи. Части этого государства до того разнообразны, до того мало слиты, что ихъ гораздо приличнѣе разсматривать каждую порознь, нежели вмѣстѣ. Даже на собственной Венгріи нельзя смотрѣть какъ на что нибудь цѣлое: въ ней рѣзко отдѣляются Карпаты, населенныя преимущественно Славянами, и равнины, со своей разнородностью, въ которой преобладаютъ Мадыяры. Цельъ нашей статьи познакомить читателей съ собственной Венгріей.

Венгрія заключаетъ въ себѣ слишкомъ одинадцать миллионовъ жителей на пространствѣ 3,670 квадратныхъ миль, въ 49 городахъ 611 мѣстечкахъ и 9,168 селеніяхъ. Она раздѣляется на двѣ главныя части: на Нижнюю (западную) и Верхнюю (восточную), изъ которыхъ въ каждой по два округа, въ нижней — округа переддунайскій и задунайскій, въ верхней — передтисскій и тисскій.

Каждый округъ подраздѣляется на комитаты или герцогства по венгерски *Ungmedue*, по немецки *Gespannschaft*, по-славянски *столицы*. Во всемъ королевствѣ Венгерскомъ 46 комитатовъ и кромѣ того 4 особые округа. Комитаты, по пространству, чрезвычайно не равномѣрны; такъ напримѣръ Торнскій комитатъ въ двадцать разъ меньше Битарьскаго. Болѣе половины комитатовъ (26) вовсе не имѣютъ городовъ, которые, впрочемъ замѣчаются многочисленными и прекрасными мѣстечками, (Мишкольць, Эрлау, Веспремъ) влчѣтъ не уступающими городамъ.

Комитаты слѣдующіе:

I. По сю сторону Дуная.

4. *Прессбургскій*, заключаетъ въ себѣ 5 королевскихъ городовъ

* Рекомендуемъ недавно изданную господиномъ Вознесенскимъ карту Венгрии и прилежащихъ къ ней земель, со статистическими таблицами, съ алфавитнымъ указателемъ всѣхъ мѣстъ, означенныхъ на картѣ и наконецъ, съ означеніемъ, между прочимъ, народностей, чего досихъ-поръ не дѣлаютъ ни на одной изъ географическихъ картъ.

из которых болѣе другихъ замѣчательнѣе *Пресбургъ* и *Тернава*, 23 мѣстечка, 292 селенія. *Мадыры* живутъ въ 164, *Словаки* въ 147, *Нѣмцы* въ 19 мѣстахъ. Жителей до 400,000 душъ. Населеніе королевскихъ городовъ смѣшанное, по большой части изъ *Словаковъ* и *Нѣмцовъ*; только въ *Пресбургѣ* въ лютеранскихъ общинахъ говорятся проповѣди и на венгерскомъ языкѣ. *Евреевъ*, живущихъ въ 8 мѣстахъ до 15,000 душъ.

2. *Нитранскій*. Два города: *Скалица* и *Нитра*, 38 мѣстечекъ, 415 селеній. Жителей до 500,000 душъ. *Мадыры* живутъ въ 47, *Словаки* въ 412, *Нѣмцы* въ 10 мѣстахъ; въ *Соботинствѣ* (*Szobotist*) живутъ такъ называемые *Габаны*, потомки анабаптистовъ. *Евреевъ* болѣе нежели въ какомъ-либо другомъ комитатѣ, болѣе 15,000 душъ.

3. *Тренчинскій*. Королевскій городъ *Тренчинъ*, 19 мѣстечекъ, 387 селеній. Жителей 370,000 человекъ. Всѣ они чистые *Словаки*, кромѣ 8,000 *Евреевъ*.

4. *Арскій* или *Оравскій*. Городовъ здѣсь нѣтъ, селеній 96, мѣстечекъ 5, жителей до 130,000. Также всѣ чистые *Словаки* съ 1,500 *Евреями*. Это самый неплодородный комитатъ.

5. *Липтовскій*, съ 10 мѣстечками, 123 селеніями и до 100,000 жителей, все *Словаковъ*. *Евреевъ* въ немъ до 1,000 человекъ.

6. *Сольскій* или *Зволенскій*, съ 5 городами (въ томъ числѣ 2 горныхъ города), 8 мѣстечками, 148 селеніями. Изъ городовъ замѣчательнѣе *Нейсоль* (*Neusoll*) или *Банская Быстрица*. Жителей до 120,000 душъ, чисто *словацкаго* племени. *Евреевъ* нѣтъ.

7. *Туроцкій* или *Турчанскій*, расположенъ въ одной долинѣ, окруженной высокими горами; имѣетъ 6 мѣстечекъ, 98 селеній, въ томъ числѣ 5 съ нѣмецкимъ населеніемъ, перемишаннымъ однако жъ со *Словаками*. Жители остальныхъ—все *Словаки*. *Евреевъ* до 500 душъ. Всѣхъ жителей около 65,000 человекъ.

8. *Барискій* или *Тьковскій*. 2 королевскихъ города (горныхъ), въ томъ числѣ извѣстный своими червонцами *Кремницъ*, 11 мѣстечекъ, 206 селеній. *Мадыры* занимаютъ 50, *Словаки* 167, *Нѣмцы* 10 мѣстѣ. Жителей до 180,000 человекъ. Жительства такъ называемыхъ *Крикесайцовъ* (*Нѣмцовъ*) состоятъ въ связи съ ихъ соплеменниками въ *Турчанскомъ* и *Нитрскомъ* комитатахъ. Они любятъ дурные края. *Евреевъ* здѣсь нѣтъ.

9. *Гонтскій*, съ 3 королевскими горными городами (въ томъ числѣ *Шемницъ* или *Штляница*), 9 мѣстечками, 176 селеніями. *Мадыры* живутъ въ 72, *Словаки* въ 118 мѣстахъ. *Нѣмцы* есть

только въ *Шемницъ* и въ *Берзени*. Евреевъ нѣтъ. Всѣхъ жителей болѣе 210,000 человекъ.

10. *Неоградскій*, мѣстечекъ 10, селеній 251. Мадыры живутъ въ 148, Словаки въ 113, Нѣмцы въ 7 мѣстахъ. Евреевъ до 3,500 душъ. Всѣхъ жителей около 250,000 человекъ.

11. *Гракскій* или *Остригомскій*, королевскій городъ *Гранъ*, 5 мѣстечекъ, 45 селеній, около 75,000 жителей. Мадыры живутъ въ 34, Словаки въ 10, Нѣмцы въ 6 мѣстахъ. Евреевъ болѣе 1,000 душъ.

12. *Пештскій*. Въ немъ 2 королевскихъ города, *Пешть* и *Обенъ*, 22 мѣстечка, 165 селеній, около 530,000 жителей. Мадыры живутъ въ 109, Словаки въ 38, Нѣмцы въ 34, Сербы и Греки въ 9 мѣстахъ. Евреевъ около 15,000 душъ.

13. *Бачскій*, имѣетъ 3 королевскихъ города, между ними главный *Новый Садъ*, по-нѣмецки *Нейзацъ*, по-мадырски *Уйвидекъ*, 9 мѣстечекъ, 98 селеній, до 370,000 жителей. Мадыры живутъ въ 29, Словаки въ 9, Сербы въ 38, Нѣмцы въ 41, Шокцы въ 12, Русины въ 2 мѣстахъ, Армяне разсѣяны въ *Новомъ Садѣ* и въ другихъ мѣстахъ. Евреевъ болѣе 5,000 душъ.

II. По ту сторону Дуная.

14. *Эденбургскій комитатъ*. Имѣетъ 3 королевскихъ города, 38 мѣстечекъ, 200 селеній, болѣе 270,000 жителей. Мадыры живутъ въ 120, Нѣмцы въ 90, Хорваты въ 30 мѣстахъ. Евреевъ болѣе 5,000 душъ.

15. *Мошонскій* или *Визельбургскій*, городовъ не имѣетъ, 12 мѣстечекъ, 33 селенія, около 90,000 жителей. Мадыры занимаютъ 10, Нѣмцы 38, Хорваты 11 мѣстъ. Евреевъ около 2,000 душъ.

16. *Рабскій*, имѣетъ королевскій городъ *Рабъ*, по-мадырски *Дьеръ*, 2 мѣстечка, 82 селенія, около 130,000 жителей. Мадыры занимаютъ 77, Хорваты 1, Нѣмцы 5 мѣстъ. Евреевъ до 3,000 человекъ.

17. *Коморнскій*, королевскій городъ *Коморнъ*, 5 мѣстечекъ, 85 селеній, до 180,000 жителей. Мадыры живутъ въ 52, Словаки въ 16, Нѣмцы въ 12 мѣстахъ. Евреевъ около 2,500 душъ.

18. *Баранскій*, королевскій городъ (*Почъ* или *Фюнфирхенъ*), 10 мѣстечекъ, 328 селеній, около 310,000 жителей. Мадыры живутъ въ 218, Нѣмцы въ 131, Сербы въ 25, Хорваты въ 49 мѣстахъ. Евреевъ до 3,500 душъ.

19. *Тольнскій*. Въ немъ городовъ нѣтъ, 17 мѣстечекъ, 88 селеній, болѣе 225,000 жителей. Мадыры занимаютъ 56, Словаки 3,

Нѣмцы 50 мѣстъ. Въ нѣкоторыхъ есть и Сербы. Евреевъ до 5,000 душъ.

20. *Шамодьскій* (по нѣмецки *Simeger K.*), городовъ не имѣеть, 33 мѣстечка, 292 селенія. Жителей болѣе 275,000 человекъ. Ма­дьяры занимаютъ 268, Нѣмцы 35, Хорваты 33, Словаки 18, Сло­венцы 7, Сербы 1 мѣсто. Евреевъ болѣе 5,000 душъ.

21. *Саладскій*. Въ немъ вѣтъ городовъ, 22 мѣстечка, 599 се­леній. Жителей около 380,000 человекъ. Ма­дьяры занимаютъ 424, Нѣмцы 27 мѣстъ. Въ сѣверозападной части живутъ Словенцы, числомъ болѣе 25,000. Въ Муракѣзѣ (*Muraköz*) есть Хорваты. Евреевъ болѣе 5,000.

22. *Эйзенбургскій* или *Вашварскій*, имѣеть королевскій городъ (*Кисекъ Гюнсъ*), 41 мѣстечко, 610 селеній, до 400,000 жителей. Ма­дьяры живутъ въ 314, Нѣмцы въ 163 мѣстахъ, въ томъ чи­слѣ такъ пазываемые *Генцы*. Словенцевъ до 50,000 человекъ. Хорваты занимаютъ 64 мѣста. Евреевъ болѣе 5,000 душъ.

23. *Веспримскій*. Въ немъ городовъ нѣтъ, 9 мѣстечекъ, 172 се­ленія, болѣе 240,000 жителей. Ма­дьяры занимаютъ 136, Словаки 7, Нѣмцы 31 мѣсто. Евреевъ около 5,000 душъ.

24. *Штульвейсенбургскій* или *Бьлеградскій*, имѣеть королев­скій городъ (*Alba regalis*, *Бьлеградъ*, по ма­дьярски *Секешъ-Фер­варъ*, по-нѣмецки *Штульвейсенбургъ*), 12 мѣстечекъ, 65 селеній, до 100,000 жителей. Ма­дьяры занимаютъ 54, Словаки 8, Нѣмцы 16 мѣстъ. Евреевъ болѣе 4,000.

III. По сю сторону Тиссы.

25. *Спишскій* (по-нѣмецки *Zipser*) комитатъ, имѣеть 2 коро­левскихъ города, 16 такъ пазываемыхъ спишскихъ городовъ, 20 мѣстечекъ и 178 селеній. Жителей до 260,000 человекъ. Словаки занимаютъ 186, Нѣмцы 28, Поляки 2 мѣста. Евреевъ до 3,000 душъ.

26. *Гемѣрскій* не имѣеть городовъ, 13 мѣстечекъ, 260 селеній, жителей болѣе 195,000 человекъ. Ма­дьяры занимаютъ 146, Сло­венцы 151, Нѣмцы 1 мѣсто. Цыганъ въ этомъ комитатѣ больше не было. въ какомъ-либо другомъ, свыше 2,500 душъ. Евреевъ нѣтъ.

27. *Гевешскій*. Мѣстечекъ въ немъ 16, селеній 131, жителей совсѣмъ 300,000 душъ. Всѣ они Ма­дьяры, только въ 5 мѣстахъ есть Швабы и въ 6 Словаки. Евреевъ до 3,000.

28. *Боршодскій*, не имѣеть городовъ, 12 мѣстечекъ, 167 селе­ній, около 230,000 жителей. Ма­дьяры преобладающее народонасе-

леніе. Словаки занимають 4, Нѣмцы 5 мѣстъ. Грековъ и Сербовъ болѣе 1,500. Евреевъ болѣе 6,000 душъ.

29. *Торнскій*, самый маленькій изъ комитатовъ. Онъ имѣетъ мѣстечко, 41 селеніе, не болѣе 26,000 жителей. Словаки занимають 4, Нѣмцы 1, Русины 6 мѣстъ; всѣ прочія мѣста мадьярскіе. Евреевъ около 1,400 душъ.

30. *Абауйварскій*, имѣетъ королевскій городъ (*Кашау*, Сл. вац. *Кошицы*), 10 мѣстечекъ, 227 селеній, около 215,000 жителей. Мадьяры живутъ въ 157, Словаки въ 260, Нѣмцы въ 3 мѣстахъ. Евреевъ до 8,500 душъ.

31. *Шаршисскій*, съ 3 королевскими городами (въ числѣ которыхъ *Эперіесъ* или *Пръшовъ*, и *Бартфельдъ* или *Бардъгъ*), 4 мѣстечками, 376 селеніями. Жителей болѣе 245,000. Словаки занимають 235, Русины 155 мѣстъ. Нѣмцы живутъ смѣшанно только въ *Шоварь*. Евреевъ до 7,500 душъ.

32. *Земплинскій*. Въ немъ городовъ нѣтъ, 24 мѣстечка, 42 селеній, около 360,000 жителей. Мадьяры занимають 124, Словаки 186, Шотакі (особенные Словаки) 74, Русины 74, Нѣмцы 1 мѣстъ. Евреевъ до 23,000 человекъ.

33. *Унгварскій*, не имѣетъ городовъ, 5 мѣстечекъ, 203 селенія, около 100,000 жителей. Мадьяры занимають 53, Словаки 66, Русины 89 селеній. Евреевъ около 8,000 душъ.

34. *Берегскій*, съ 7 мѣстечками, изъ которыхъ болѣе другихъ замѣчательно *Мункачь*, 261 селеніемъ. Жителей болѣе 115,000 душъ. Мадьяры занимають 69, Русины 163, Словаки 7, Нѣмцы 10 мѣстъ. Армяне живутъ въ *Берегсасъ* (*Bereghszász*). Евреевъ болѣе 7,000 душъ.

IV. По ту сторону Тиссы.

35. *Мармарошскій комитатъ*, имѣетъ 5 мѣстечекъ, 157 селеній, около 180,000 жителей. Мадьяры живутъ въ 5 мѣстахъ, Валахи занимають 51, Русины 88, Нѣмцы 9 мѣстъ. Армяне живутъ разсѣянно. Евреевъ болѣе 8,000.

36. *Угочскій*. Въ немъ 3 мѣстечка, 63 селенія, болѣе 55,000 жителей. Мадьяры занимають 33, Русины 41, Валахи 7, Швабы 2, Армяне 1 мѣсто. Евреевъ около 2,500 душъ.

37. *Сатмарскій*, 2 королевскихъ (въ томъ числѣ горный городъ *Надь-Банъ* (*Nagy-Bánya*), 10 мѣстечекъ, 245 селеній, болѣе 270,000 жителей. Мадьяры занимають 141, Швабы 19, Валахи 124, Русины 19, Словаки 3, Чехи 1, Армяне 1 мѣсто. Евреевъ до 7,000 душъ.

38. *Саболцскій*, имѣетъ 14 мѣстечекъ, 132 селенія, болѣе 180,000 жителей. Мадыяры живутъ въ 135, Словаки въ 15, Валахи въ 5, Швабы въ 6, Русины въ 9 мѣстахъ. Евреевъ болѣе 7,000 душъ.

39. *Бигарскій*, имѣетъ 2 города, въ томъ числѣ *Дебрецинъ* и *Варадинъ* (по-нѣмецки Gross Waradin), 19 мѣстечекъ, 464 селенія, около 600,000 жителей. Мадыяры занимаютъ 134, Валахи 237, Русины 2 мѣста. Евреевъ около 5,000 человекъ.

40. *Бекешскій*, имѣетъ 4 мѣстечка, 16 селеній, до 120,000 жителей. Мадыяры занимаютъ 15, Словаки 5, по самымъ большихъ мѣстъ; Нѣмцы 2, Валахи 3 мѣста. Есть и Сербь. Евреевъ до 500 душъ.

41. *Чонградскій*, имѣетъ королевскій городъ *Сегединъ*, 2 мѣстечка, 6 селеній, около 100,000 жителей. Это чисто мадыярскій комитатъ; въ одномъ только мѣстѣ живутъ смѣшанно Словаки и въ трехъ Сербь. Евреевъ болѣе 500 душъ.

42. *Чанадскій*, имѣетъ 2 мѣстечка и 9 селеній. Жителей до 55,000. Мадыяры живутъ въ 6, Валахи въ 4, Словаки въ 1 мѣстѣ. Евреевъ болѣе 800 душъ.

43. *Арадскій*, съ королевскимъ городомъ старымъ *Арадомъ*, 17 мѣстечками, 174 селеніями. Жителей болѣе 270,000 человекъ. Мадыяры живутъ въ 11, Валахи въ 169, Словаки въ нѣсколькихъ, Нѣмцы въ 8, Сербь въ 1 мѣстѣ. Евреевъ до 1,500 человекъ.

44. *Крашовскій*. Въ немъ 8 мѣстечекъ, 222 селенія, и до 325,000 жителей. Все населеніе Валахи; но въ 17 мѣстахъ есть также Нѣмцы и Сербь. Евреевъ болѣе 500 человекъ.

45. *Темешскій* или *Темешварскій*, имѣетъ королевскій вольный городъ *Темешваръ*, 2 другихъ города, 3 мѣстечка, 180 селеній; до 400,000 жителей, которые всѣ Валахи, но есть и Мадыяры въ 2, Нѣмцы въ 18, Сербь въ нѣсколькихъ, Булгары въ 1 мѣстѣ. Евреевъ болѣе 2,000 душъ.

46. *Торонтальскій комитатъ*. Въ немъ 7 мѣстечекъ, 115 селеній, около 250,000 жителей, преимущественно Валаховъ и Сербовъ. Мадыяры живутъ разсѣянно, занимаясь разведеніемъ табаку; Словаки занимаютъ 9, Булгары 2, Французы 7, Швабы 8 мѣстъ. Евреевъ до 2,000 душъ.

ОСОВЫЕ ОКРУГИ.

47. Округъ *Язиговъ* имѣетъ 3 мѣстечка и 8 селеній. Жителей до 60,000 человекъ. Всѣ они Мадыяры. Евреевъ около 150 человекъ.

48 и 49. *Большая и Малая Куманія*. 4 мѣстечка, 10 селеній. Жителей Мадьяръ до 110,000.

50. *Гайдуцкіе города*, 6 мѣстечекъ, чисто мадьярскихъ. Жителей болѣе 50,000 человекъ. Евреевъ до 200 душъ.

Для полноты обзорѣнія прибавляемъ еще комитаты соединенныхъ королевствъ Славонія и Кроаціи, въ которыхъ на прострaнствѣ 330 квадратныхъ миль обитаетъ болѣе 1,300,000 жителей, почти исключительно славянской крови, въ 9 городахъ, 34 мѣстечкахъ и 2,563 селеніяхъ, раздѣленныхъ на 6 комитатовъ и 1 округъ; первые три принадлежатъ Славоніи, остальные Кроаціи.

1. *Верецкій* комитатъ; въ немъ королевскій городъ *Эсекъ* или *Оспкъ*, главный городъ Славоніи, 8 мѣстечекъ, 237 селеній, и до 225,000 жителей. Мадьяры живутъ въ 4, Нѣмцы въ 3 мѣстахъ и смѣшанно въ Эсекѣ. Главную же часть народонаселенія составляютъ Сербы. Евреевъ около 500 душъ.

2. *Сирмійскій* или *Српмскій*, съ 7 мѣстечками, 80 селеніями около 150,000 жителей. Кромѣ Сербовъ, составляющихъ главную часть народонаселенія, есть и Нѣмцы въ 3, Мадьяры въ 2, Словаки въ 1, и Русины въ 1 мѣстѣ. Евреевъ около 100 душъ. Здѣсь ихъ менѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ Венгріи.

3. *Пожегскій*, имѣетъ королевскій городъ *Пожегу*, 6 мѣстечекъ, 254 селенія, около 115,000 жителей. Всѣ жители Сербы кромѣ 2 швабскихъ колоній. Евреевъ до 300 душъ.

4. *Аграмскій* или *Загребскій* комитатъ, имѣетъ королевскій городъ *Аграмъ* или *Загребъ*, 6 мѣстечекъ и 1,238 селеній. Жителей около 470,000. Всѣ они Хорваты, отчасти Сербы съ примѣсью Нѣмцовъ. Евреевъ человекъ до 500.

5. *Варашдинскій*, имѣетъ королевскій городъ *Варашдинъ*, мѣстечекъ, 524 селенія и около 170,000 жителей.

6. *Крейцкій* или *Крижскій*, имѣетъ 2 королевскихъ города, мѣстечка, 194 селенія, до 125,000 жителей. Народонаселеніе въ Сербия и Хорваты. Евреевъ до 200 душъ.

7. *Приморскій округъ* (Littorale), съ 2 городами, 36 селеніями. Жители — Хорваты, въ гаваняхъ есть также Итальянцы. Числа ихъ около 50,000 человекъ, не считая дворянъ.

III.

Венгрія съ трехъ сторонъ окружена Карпатами и восточными отрогами Альповъ, только съ юга примыкая къ низменнымъ бассейнамъ Дравы и Дуная. Пытались выразить форму ея по верхности сравненіемъ, но попытки неудались.

И тѣ ошибались, которые представляли эту страну въ видѣ монтетра, гдѣ горы служатъ скамьями; и тѣ, которые уподобляли карпатскія Альпы звѣздѣ, распускающей вокругъ себя лучи. Горы скопляются преимущественно въ сѣверной части королевства и на полосѣ, идущей оттуда къ востоку; нныя горы какъ будто вдвинуты съ востока изъ Седмиградскаго княжества и Валахія; нныя вырастаютъ съ запада изъ Штирин и Австріи; нныя наконецъ въ большомъ отъ нихъ разстояніи стоятъ разсыпаны внутри королевства. Такимъ-образомъ эти различныя горы составляютъ по разнымъ мѣстамъ такіа различныя кучи и группы, что нѣтъ возможности подвести ихъ подъ общее понятіе. Но ровная часть Венгрии, далеко превосходящая объемомъ гористую, простирается отъ сѣверныхъ горныхъ группъ на востокъ, югъ и западъ, такимъ образомъ, что не только во многихъ мѣстахъ касается границъ, но переходитъ и за нихъ въ Австрію провинціи. Отрасли Альпійскихъ горъ достигаютъ Венгрии уже послѣдними откатами, утрачивая совершенно свой альпійскій характеръ. Здѣсь онѣ становятся, какъ нѣмецкія горы, весьма лѣсватыми и отлогими.

Главнѣйшія изъ Альпійскихъ отраслей отдѣляются отъ горы Северингъ. Таковы Лейтенскія Горы, проходящія между рѣкою Лейтою и озеромъ Нейзидлерскимъ или Мошонскимъ по направлению къ Пресбургу; таковы Фишбахскія Альпы, обходящія восточникъ Рааба и оставляя ихъ влѣво, входящія въ Венгрію Дугою, гдѣ отрасли ихъ обхватываютъ Блатенское Озеро. Одна изъ этихъ отраслей значительнѣйшая, подъ названіемъ Баконскаго лѣса, достигаетъ Дуная немного выше Буды, другая незначительными высотами доходитъ до Батты, также на Дунаѣ. За Дунаемъ нѣтъ уже Альповъ, тамъ Карпаты.

Этотъ величественный хребетъ (Carpatus, Tatra, Tatri) въ ряду европейскихъ горъ занимаетъ мѣсто непосредственно послѣ швейцарскихъ и тирольскихъ альповъ; его справедливо называютъ венгерскими альпами. Карпаты начинаются легкими возвышеніями уже въ пресбургскомъ комитатѣ, — даже пресбургскій замокъ стоитъ на первомъ горномъ возвышеніи, — и проходятъ по сѣверной границѣ Венгрии, полумѣсяцемъ, до Трансильваніи. Отсюда главный хребетъ, огибая Трансильванію, выходитъ изъ собственной Венгрии, но такъ какъ отрасли его съ востока вдаются и въ Венгрію, то для ясности необходимо сначала сдѣлать общій очеркъ направленія и развѣтвленія Карпатовъ по венгерскимъ и сосѣднимъ землямъ, а потомъ уже перейти къ описанію

наиболѣе замѣчательныхъ и любопытныхъ горныхъ пространствъ собственной Венгріи.

Карпатскій хребеть, какъ мы уже замѣтилъ, начинается близъ Пресбурга, отъ берега Дуная, противъ послѣднихъ откатовъ Лентенскихъ горъ и подт названіемъ малыхъ Карпатовъ, Бѣлыхъ Яворницкихъ горъ, которыя всѣ можно означить именемъ Морво Венгерскихъ, проходить въ сѣверо-восточномъ направленіи между долинами Вага и Моравы, къ источникамъ Вислы. Отъ Дуная до источниковъ рѣки Бечвы горы не много чѣмъ выше 2,000 футовъ, не слишкомъ лѣсисты, но пересѣчены и крутыя особенности близъ Пресбурга и къ устью Моравы. Сообщенія чрезъ эти горы затруднительны. Главнѣйшія изъ нихъ проходятъ 1) по шоссе изъ Пресбурга; 2) по дорогѣ черезъ Бѣлую Горъ изъ Тернавы въ Гѣдингъ, 3) два сообщенія между Бѣлой Горой и Яворницкими, 4) чрезъ Яворницкія горы подт названіемъ Шкановъ, 5) Пиршинскій проходъ близъ Хрозникова, 6) вдоль рѣки Влдоръ въ Брумовъ и 7) изъ Личи къ ключамъ рѣки Бечвы. Между источниками Бечвы и Вислы горы принимаютъ названіе Яблунскихъ горъ, и отличаются отъ прочихъ болшею высотой. Въ этихъ горахъ замѣчательнъ укрѣпленнъ, но оставленнъ проходъ яблунскій, изъ Яблунки въ Чачу и два шоссе, вновь проведенныя изъ Галиціи въ Чачу и Уйгель.

Отъ источниковъ Вислы, или отъ тройной границы Моравы, Галиціи и Венгріи до рѣки Попради хребеть Карпатовъ называется Оравскимъ или Арвскимъ, а далѣе на востокъ, отъ Попради къ дорогѣ изъ Дуклы въ долину Ондавы и еще далѣе Бескидами.

Хребеть Арвскій, отдѣлявшисъ отъ Яблунскихъ горъ при источникахъ Вислы, раздѣляетъ притоки этой рѣки, Солу, Скаву, Рабу и Дунаецъ отъ притоковъ Дуная: Кимуцы, Оравы, Вага служитъ границею Галиціи и Венгріи до источниковъ Бѣлаго Дунайца; отъ этихъ мѣстъ, обратясь прямо на югъ въ Венгрію, проходитъ между Вагомъ и Попрадью, и потомъ по правую сторону этой рѣки до Мушина. Хребеть Бескидовъ или Бескидаи составляетъ границу Венгріи; служа постоянно чертою раздѣленія водъ Вислы и Дуная, изъ которыхъ въ первую текутъ рѣки Попрадь, Бала, Роба, Вислока, а въ послѣднюю Хервала, Тарча, Топла, Ондава. Высота этой части карпатскаго хребта чрезвычайно различна. Въ некоторыхъ мѣстахъ хребеть вовсе исчезаетъ; около верховьевъ рѣки Содоы, гдѣ два шоссе проходятъ въ долину Кидуцы, горы незначительны; далѣе къ востoku

и ставятся выше и закупеческой дорогой, проходящей вдоль
 тки Пашаравы * въ долину Оравы, гора Бабья имѣетъ до
 600 футовъ высоты. Въ пространствѣ между шоссе, проходя-
 щимъ въ долины Сявы чрезъ Юрдановъ въ долину Оравы,
 рѣка имѣетъ нѣсколько дорогъ изъ долины Раба и подножья
 и Татръ, то есть между долинами Дунайца и Оравы лежатъ
 плотные лѣса, чрезъ которые пролегаетъ нѣсколько хорошихъ
 юбелей. Между источниками Чернаго и Блага Дунайцевъ,
 горы, составляющія замѣчательнѣйшее звѣно цѣпи Карпатскихъ
 горъ, поднимаются лѣдами, увѣчанными скалами до чрезвычай-
 ной высоты (Большой Крацакъ или Ломицкая вершина 8,316
 футовъ, Криванъ 8,000 ф.). Черезъ эти горы не всегда проходимы
 даже тропики для охотниковъ; подножя же ихъ, простирающія-
 къ западу до слиянiя рѣкъ Оравы и Вага и къ востоку до
 слиянiя рѣкъ Пошради и Дунайца, всего на 120 верстѣ, населены,
 обработаны, пересѣчены дорогами во всѣхъ направленiяхъ и со-
 врѣменно проходимы. Отъ источниковъ Пошради до дороги, про-
 дящей изъ Дуклы въ долину Ондавы, горы также не высоки,
 совершенно проходимы и дорогъ здѣсь очень много. Бескиды
 дѣлятся въ Галицію короткiя вѣтви; въ Венгрии же являются
 значительными и пространными вѣтвями, называемыми по изо-
 шлю въ рудокопныхъ, венгерскими рудными горами, дости-
 гаютъ Дуная и Тиссы, и дѣлаютъ всю сѣверную Венгriu стра-
 нью очень гористою. Черта раздѣленiя водъ Дуная и Тиссы, от-
 дѣляясь отъ Татровъ, проходитъ хребтомъ горъ между источни-
 ками рѣкъ съ одной стороны Благо и Чернаго Вага, Грана,
 Япела, впадающихъ въ Дунай, съ другой стороны, рѣкъ Пошра-
 ди, Хервады, Шаю, Ршмы, Торны и Загивы, впадающихъ въ
 Тиссу. Между двумя послѣдними, горы вдругъ оканчиваются
 поперечнымъ хребтомъ горъ Матраи, отдѣливъ выше источни-
 комъ Загивы вѣтвь, подъ названiемъ Черадскихъ горъ, упираю-
 щихся въ Дунай близъ сѣвернаго большаго поворота этой рѣки.
 Южнѣ Черадскихъ горъ и Матри лежитъ между Тиссой и Ду-
 наемъ, Кечкеметская степь, простирающаяся до Славонiи и
 составляющая вмѣстѣ съ Дебречинскою степью обширную рав-
 нину, въ 400 верстѣ длины и болѣе 200 верстѣ ширины, мѣста-

* Этотъ проходъ труденъ въ особенности со стороны Венгрии: крутъ и
 высокъ; однакожъ, какъ на большомъ разстоянiи нѣтъ другаго, то
 жители и купцы пользуются этимъ ближайшимъ трактомъ, ведущимъ
 чрезъ Пашто, Хрестинъ и Арсканъ заокнѣ.

ни болотистую и песчаную, обитаемую почти одними пастухами и ихъ стадами.

Отъ означеннаго хребта, раздѣляющаго долины Тисы и Дунай, отдѣляются къ западу двѣ значительныя вѣтви; одна проходитъ между рѣками Вагомъ и Граномъ, образуетъ хребтъ Фатру, имѣющій направленіе отъ устья Оравы къ Шемнику; потомъ далѣе простирается по обѣимъ сторонамъ рѣки Нитры; другая вѣтвь проходитъ между рѣками Эпелемъ и Граномъ; чрезъ первую изъ этихъ вѣтвей замѣчательныя проходы Чертова Сылба и Оваръ.

Къ востоку отдѣляющіяся вѣтви, простираются между вышепоименованными рѣками, составляя глубокія долины: одна изъ нихъ проходитъ между Топлою и Тарчею и оканчивается извѣстными виноградниками близъ Токая. За Дуклой черта раздѣленія европейскихъ водъ не обозначается Карпатскимъ хребтомъ, но протекаетъ волнистою мѣстностью, называющеюся Недоборжемъ, чрезъ Львовъ и Броды; восточнѣе источниковъ рѣки Савы, Карпаты не имѣютъ болѣе общаго имени, а называются по вѣкоторымъ главнѣйшимъ горамъ: такъ на примѣръ по горѣ Магурѣ, Магурами, по горѣ Червой, съ которой текутъ Прутъ и Черная Тиса, Черногора, наконецъ до самой Оршовой Карпаты, вѣкоторыми нѣмецкими писателями, называются Керзеръ-Гербирге.

Безчады и Магуры очень невысоки, болшую часть хорошо обработаны и до источниковъ рѣки Свицы почти вездѣ удобны для проѣзда повозокъ и тяжестей; далѣе же до Буковины горы становятся высокими (гора Піатра близъ соединенія трехъ границъ Буковины, Венгріи и Трансильваніи имѣетъ уже 6,000 футовъ высоты), покрыты густыми лѣсами, весьма мало населены и пролегающія дороги способны только для верховыхъ и пѣшихъ.

Всѣ дороги, какъ малыя такъ и большія, проходящія чрезъ Карпаты, весьма хороши въ Галиціи; но напротивъ въ Венгріи и дороги и мосты въ чрезвычайно дурномъ положеніи, и особенно затрудняютъ путешественника въ дождливое время.

Часть Карпатскаго хребта, облегающая Трансильванію со стороны Молдавіи и Валахіи и упирающаяся въ Дунай отъ Оршовой до Уй Палавки состоитъ изъ огромныхъ горъ, равняющихся высотою почти съ Татрами (горы Піатра близъ источника Златой Быстрицы 6,000 футовъ; Шуруль на лѣвомъ берегу Алуты 7,000 футовъ; Ретшатъ близъ источника Шила 7,590 футовъ). Карпаты

обращают крутые свои скаты къ Молдавіи и Валахіи, въ Трансильванію же отдѣляютъ значительныя вѣтви, которыя, простираясь сквозь все княжество, дѣлаютъ его страну совершенно гористою. Многія изъ этихъ вѣтвей, какъ мы уже замѣтили, входятъ западными своими откатами и въ Венгрію.

Главѣйшія изъ нихъ: 1) отъ горы Піастры, съ которой ниспадаютъ рѣки Златая Быстрица, Большая Шамошь и Визо, отдѣляется вѣтвь горъ, направляющаяся вдоль правыхъ береговъ рѣкъ Визо и Тиссы до Хушта и образующая, съ сѣверной стороны, пограничный валъ Трансильваніи; отъ этой вѣтви распространяются отрасли между рѣками Лапошь и большою Шамошью.

2) Близъ соединенія границъ Буковины, Молдавіи и Трансильваніи отдѣляется отъ Быстрыгоры вѣтвь горъ, раздѣляющая долины Большой Шамоши и Мароши. Эта вѣтвь, поднявшись во внутренности Трансильваніи, соединяется на западной границѣ этого княжества, между источниками рѣкъ Араніоши и Холодной Шамоши съ горою Галлуной (9,591 футовъ), составляющею высочайшее звено поперечнаго хребта горъ, который закрывая Трансильванію со стороны запада, вѣется большими изворотами около границы отъ Шамоши близъ Надъ-Банія до Мароши. Съ огромныхъ высотъ этого хребта ниспадаютъ рѣки, къ западу: Бѣлая, Черная и Быстрая Кероши; къ востоку: Араніошь, холодная и теплая Шамоши; долины всѣхъ этихъ рѣкъ раздѣляются между собой отраслями этого же хребта.

3) Между источниками рѣкъ Мароши и Алуты проникаетъ во внутренность Трансильваніи вѣтвь горъ, которая при самомъ началѣ образовавъ поперечный хребетъ, простирающійся вдоль западныхъ сторонъ верховьевъ упомянутыхъ рѣкъ, въ направленіи отъ Быстрыгоры къ Кронштату и отдѣляющей своими отраслями долины рѣкъ Мароши, малой и большой Купели, обходитъ около Германштата и составляетъ, на границѣ Валахіи, продолженіе главнаго хребта Карпатовъ, прервавшагося въ двухъ мѣстахъ рѣками Алутю и Шиломъ.

4) Близъ источниковъ рѣки Шиль отдѣляется вѣтвь Банатскихъ горъ, которая, простираясь между Марошью и Темешью до Темешвара, закрываетъ Трансильванію со стороны Баната и вмѣщаетъ въ себя высочайшую гору Карпатскаго хребта—Полна Руска (9,911 футовъ).

5) Близъ источниковъ Темешни отдѣляются Верницкія горы,

простирающихся къ Уй-Палавкѣ и по лѣвую сторону Темешки Темешвару и составляющихъ границу между Венгеріею и баватскимъ генералатомъ.

Черезъ Карпаты выѣются изъ Буковины, Молдавіи, и Валахіи въ Трансильванію десять извѣстныхъ укрѣпленныхъ (кромя одного) проходовъ: 1) Радненскій и 2) Боргоскій,—оба по названію трансильванскихъ деревень Радно и Борго, проходятъ въ Буковину въ долину Златой Быстрицы; окрестности послѣдній проходитъ почтовая дорога шоссе изъ Гросвардейна чрезъ Клаузенбургъ, Деешъ и Быстрицъ; 3) Пиричъ кивскій при Сентъ Миклошъ, 4) Гымешскій; 5) Ойтоскій свободнѣйшій изъ всѣхъ ведущихъ въ Молдавію, 6) Бозскій, при источникахъ рѣки Бозы, впадающей въ Сереть, 7) Темешскій къ югу отъ Кренштата, 8) Тюрцбургскій, 9) Ротетурмъ Пансъ (Красной башни) дефиле въ пять миль; дорога просѣчена во многихъ мѣстахъ сквозь утесы по правому берегу Алуты; этотъ проходъ защищенъ со стороны Валахіи укрѣпленіемъ Стразбургъ, а со стороны Трансильваніи красною башнею; 10) чрезъ гору Вулканъ, одинъ изъ всѣхъ неукрѣпленный. Кромѣ этихъ проходовъ замѣчательны еще проходы, ведущіе въ Трансильванію изъ Баната и Венгеріи: 1) Железные врата (по венгерски Вашкапу, по-турецки Демиръ-капу), укрѣпленъ; 2) Тереговскіе и Шлатинскіе ключи, дефиле вдоль источниковъ Темеша, сквозь которыя проходитъ весьма посѣщаемая почтовая дорога изъ Оршовы чрезъ Карап-Себешъ въ Темешваръ, 3) Чуча, дефиле вдоль большой почтовой дороги и рѣки Себешъ Кероши, то есть быстрой Кероши.

=

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Не далѣе какъ пять лѣтъ тому назадъ, явилось въ Москвѣ первое, подробное и истинно ученое сочиненіе о жизни и твореніяхъ Моцарта. Германія, которая столько гордится его гениемъ, которая написала тысячи томовъ о Гете и Фаустѣ, и донынѣ не произвела о своемъ великомъ музыкальномъ писателѣ книги, достойной его имени. Московское сочиненіе явилось на французскомъ языкѣ. Авторомъ его былъ русскій дворянинъ, который по-русски не пишетъ, но музыку знаетъ превосходно и судить объ ней тонко, умно, со вкусомъ, съ энтузіазмомъ, не чуждымъ, съ одной стороны, остроумія, — что отнюдь не мѣшаетъ дѣлу, съ другой, нѣсколько посягательства на живость и вычурность слога въ языкѣ, чужестранномъ для него и его идей, — что совсѣмъ наврасно, потому что такимъ образомъ слогъ его грѣшенъ и передъ французскимъ языкомъ и перлъ предметомъ книги. Читатели угадываютъ несомнѣнно, что рѣчь идетъ о твореніи господина Александра Улыбышева *Nouvelle biographie de Mozart, suivie d'une analyse de ses principales oeuvres*, Moscou, 1843, 3 vol. Въ свое время было здѣсь много говорено объ этомъ примѣчательномъ произведеніи. Но въ остальной Европѣ, для которой было издано преимущественно, несмотря на французскій языкъ свой, оно оставалось до нынѣшняго года почти неизвѣстнымъ. Только прошедшею зимою, всѣ вдругъ, Нѣмцы, Французы, Англичане заговорили объ немъ съ великой похвалою и длинными выпсками. Книга господина Улыбышева вошла въ моду и чуть чуть не рѣшились мы перевести ее на этихъ страницахъ для читателей, которые болѣе всѣхъ читателей имѣли право знать ее и восхищаться ею. Но статья восхощеній встрѣчала препятствія въ нѣкоторыхъ уваженіяхъ.

Всѣмъ извѣстно, что вдова Моцарта, умершая въ 1842, вышла

въ 1809 за статскаго совѣтника въ Давинъ Георга Николая Ниссена. Послѣ смерти своего втораго мужа, скончавшагося въ 1826, она издала въ 1828 толстый томъ о жизни и твореніяхъ великаго артиста, котораго была подругою. Эта книга, содержащая всю семейную переписку Моцарта, журнальныя статьи, портреты, музыкальныя пьесы и прочая, есть собраніе подлинныхъ документовъ безпорядочно собранныхъ покойнымъ Ниссеномъ безъ критики и не безъ подобострастія. Господинъ Улыбышевъ отличный любитель и знатокъ музыки, который нѣкогда писалъ очень изящныя фельетоны для *Journal de St.-Pétersbourg*, посвятилъ десять лѣтъ на приведеніе въ порядокъ компиляціи Ниссена, откуда составилъ свою книгу. Сочиненіе Улыбышева содержитъ интересныя факты и превосходныя замѣчанія, свидѣтельствующія объ основательныхъ и обширныхъ познаніяхъ автора въ музыкѣ, но оно слишкомъ растянуто и не чуждо недостатковъ компиляціи Ниссена. Оно читается трудно и скоро утомляетъ. Между-тѣмъ вышла въ Лондонѣ въ 1845 году другая біографія Моцарта подъ заглавіемъ: *The life of Mozart, including his correspondence, by Edward Holmes, 1 vol.*, сочиненіе исполненное жизни, интереса, сжатое, обильное занимательными подробностями, перѣдко такими, которыя не были извѣстны русско-французскому писателю. Въ то же время Америка доставила намъ новые документы, книгу еще болѣе любопытную, которой почти никто не зналъ въ Европѣ: *Memorie di Lorenzo da Ponte, scritte da esso, Nuova Jorca, 3 vol.* «Записки Лоренца да-Понте», писанныя имъ самимъ и издачныя въ Нью-Йоркѣ, гдѣ этотъ изящный итальянскій поэтъ, другъ Моцарта и авторъ либретто двухъ знаменитѣйшихъ оперъ его «Донъ-Жуанъ» и «Свадьбы Фигаро», умеръ въ 1838 году въ крайней бѣдности. Записки эти содержатъ въ себѣ о бурной жизни венеціанскаго поэта и о Моцартѣ множество прентересныхъ анекдотовъ.

Изъ трехъ сочиненій господина Улыбышева, Гольмза и да Понте, господинъ Скудо составилъ въ послѣднее время искусный и живой очеркъ исторіи Моцарта и его оперы, «*Don Giovanni*», одного изъ чудеснѣйшихъ произведеній ума человѣческаго, и единственнаго музыкальнаго творенія, гдѣ вѣрное чувство истиннаго генія нашло нормальную пропорцію двухъ составныхъ началъ новѣйшей музыки, мелодія и гармонія. Этотъ-то очеркъ, показывающій глубокіе источники, изъ которыхъ вышло чудо, *даемъ* мы здѣсь вмѣсто сочиненія нашего соотечественника, которому впрочемъ нельзя не отдать той справедливости, что оно заста-

внѣсть живо чувствовать превосходства Моцартова генія, красоты его созданій и вѣжности его слога.

I.

Йоганъ - Волчходъ - Амадей Моцартъ * родился въ Страсбургѣ двадцать седьмого января 1756. За шесть лѣтъ, двадцать-осьмого августа 1749, при ударѣ полдня (какъ выражается Гёте въ своихъ запискахъ) въ Франкфуртѣ на Майнѣ родился другой Волчходъ, который также оставитъ неизгладимый слѣдъ въ исторіи ума человѣческаго. Не безъ намѣренія сближаемъ мы здѣсь Волчхода Гёте съ Волчходомъ Моцартомъ: авторъ «Фауста» имѣетъ много соотношенія съ творцомъ «Донъ-Жуана».

Отецъ Моцарта былъ родомъ изъ Аугсбурга, гдѣ въ родѣ его велось ремесло переплетчика. Находившись нѣкоторое время у графа Туна въ качествѣ слуги-музыканта, что показываетъ въ какомъ положеніи находились тогда артисты въ Германіи, Леопольдъ Моцартъ поселился въ Зальцбургѣ, гдѣ получивъ мѣсто перваго скрипача въ капеллѣ епископа, женился на Аннѣ Бергливѣ, благочестивой и прелестной женщинѣ. Позже его возвысили до степени втораго капельмейстера. Леопольдъ Моцартъ былъ человѣкъ ученый и превосходный музыкантъ; написалъ много музыки церковной, нѣсколько интермедій и кучу очень разнообразныхъ пьесъ. Будучи искуснымъ скрипачомъ онъ написалъ дидактическое сочиненіе для этого инструмента, которое долго считалось знаменитымъ въ Германіи; но славу Леопольда Моцарта составило то, что онъ далъ жизнь автору «Донъ-Жуана», повялъ и направилъ его геній. Онъ рано угадалъ предназначеніе сына. Его глубокому благочестію показалось, что на челѣ сына блистать лучъ божественной благодати, и съ-тѣхъ-поръ вся жизнь его была посвящена воспитанію этого ребенка, котораго онъ считалъ существомъ высшимъ, ввѣреннымъ Провидѣніемъ его попеченіямъ. Интересный характеръ Леопольда Моцарта, гдѣ отеческая вѣжность смѣшивается съ благочестіемъ христіанина и энтузіазмомъ артиста, превосходно понятъ господиномъ Улыбышевымъ, который выказалъ его различные оттѣнки.

Изъ шестерыхъ дѣтей Леопольда Моцарта, остался только по-

* Многимъ изъ русскихъ переводчиковъ съ иностраннаго археологія можетъ-быть и не сказала, что странное вѣмецкое имя Wolfgang было такъ же обыкновенно между Славянами какъ и между Германцами. Въ такомъ случаѣ да будетъ же имя вѣдѣтно, что Wolfgang говорится по нашему по-славянски, не Волъфгангъ, а Волчходъ, Wilczchod.

слѣдній и дочь Марія-Анна, которая родилась въ 1751 за четыре года прежде брата. Эта единственная сестра Моцарта; которую дружески называли Naspiegel (уменьшительное Анны) выказала также большія способности къ музыкѣ. Во всей Европѣ удивлялись прѣждевременному и очень замѣчательному таланту ея на фортепиано; но ее скоро затмила слава брата. Она вышла за барона Зонненбурга и умерла въ Страсбургѣ въ 1830 осьмидесяти лѣтъ. Согбенная подъ тяжестью возраста, слѣпая, едва бывъ въ состояніи пошевелиться, баронесса Зонненбургъ сохранила глубокое, восторженное удивленіе къ тому, кто былъ ея братомъ *по плоти*; говорила она съ уваженіемъ доходившимъ до благоговѣнія.

Теперь извѣстно семейство, въ пѣдрахъ котораго жилъ Моцартъ, семейство благочестивое, совершенно вѣмецкое и истинно христіанское, гдѣ царствовали порядокъ, цѣломудріе, вкусъ къ прекрасному, достойная колыбель музыканта идеальной любви. Едва въ Моцартѣ открылся его чудный инстинкъ къ музыкѣ, онъ сталъ исключительнымъ предметомъ вниманія отца и участія всѣхъ. Ему было едва три года, какъ онъ уже клалъ ручки на клавиатуру и пытался играть терціями единственныи интервалъ, который могли захватить его коротенькіе полненькіе пальчики. Если ему встрѣчалось новое сочетаніе звуковъ, глаза его блистали отъ радости. Въ четыре года онъ зналъ наизусть самыя лучшіе пассажи изъ концертовъ, выполняемыхъ сестрой, и отецъ сочинялъ для него небольшія пьесы, сохранившіяся до сихъ поръ. Такимъ образомъ Моцартъ научился музыкѣ шутя или скорѣе музыка пробуждалась въ его душѣ вмѣстѣ съ чувствомъ жизни. Не отличительная ли черта, характеризующая существа высшаго разряда, эта легкость, съ какой они усваиваютъ себѣ матеріальныя начала языка? Въ такое время какъ наше нельзя уже говорить, что истинные поэты, живописцы, музыканты, всѣ тѣ кому предназначено пролить на землю нѣ сколько лучей красоты вѣчной, не куются въ мастерскихъ чело-вѣческихъ познаній. Въ школахъ не научишься языку любви. Слушая совѣты учителя, который первый раскрываетъ его уста, гениальный ребенокъ какъ будто воспоминаетъ языкъ забытый, которымъ онъ когда-то говорилъ въ мірѣ лучшемъ. Онъ поетъ, какъ птица при восхожденіи зори и потомъ улетаетъ въ ясныя области, унося съ собою тайну своихъ божественныхъ концертовъ. Гомеръ заставляетъ говорить пѣвца Фемія, умоляющаго о состраданіи Улисса: «Не убивай меня! ты будешь расказываться, что убилъ чело-вѣка, который воспѣваетъ боговъ и лю-

дей. У меня не было учителя.... Боги сами вложили мнѣ въ душу мои различныя пѣсни *.

Характеръ молодого Моцарта представлялъ самыя рѣзкія противорѣчія. Онъ былъ то ягривъ и шуменъ, то спокоенъ и трудолюбивъ. Одаренный чрезвычайной чувствительностью, онъ домогался привязанности всякаго, кто посѣщалъ домъ отца его и часто спрашивалъ съ прелестнымъ простодушіемъ: «Вы меня очень любите?» а если ему отвѣчали не тотчасъ такъ какъ ему хотѣлось, глаза его наполнялись слезами. Къ этой тонкой чувствительности, вылизовавшейся черезъ край при малѣйшемъ прикосновеніи, онъ присоединялъ силу размышленія, которую выказалъ также очень рано сильной склонностью къ математическимъ наукамъ. Онъ былъ до-того задатъ ими нѣсколько времени, что пренебрегалъ даже музыкой, покрывалъ столы, стулья, стѣны цифрами и геометрическими фигурами. Получивъ въ подарокъ скрипку, соразмѣрную съ его ростомъ, онъ учился на ней одинъ, а однако жъ, когда къ отцу его пришелъ искусный скрипачъ Венгль, чтобы попробовать нѣсколько новыхъ тріо своего сочиненія, молодой Моцартъ тотчасъ просилъ позволенія играть вмѣстѣ.

Нѣтъ, сказалъ отецъ, ты съ нами не съиграешься, потому что не учился по правиламъ игръ на скрипкѣ.

Ребенокъ принялся плакать, говоря, что не нужно быть очень искуснымъ, чтобы играть вторую скрипку.

— Если такъ, возразилъ отецъ, играй же съ господиномъ Шахт-веромъ, да только потихоньку, а то если услышатъ, я тебя вышлю.

Каково же было удивленіе Леопольда Моцарта и присутствующихъ, когда они слышали, что ребенокъ съ точностью выполнилъ не только партію второй скрипки, но еще и партію первой, несравненно труднѣйшую! Съ такою же легкостью Моцартъ научился играть на другихъ инструментахъ и угадалъ почти всѣ тайнства гармоніи. Ему едва было шесть лѣтъ, когда побуждаемый инстинктивной силой, онъ принялся сочинять концертъ.

— Что ты тутъ дѣлаешь? спросилъ отецъ, войдя къ нему съ однимъ пріятелемъ въ то время, какъ Моцартъ преусердно писалъ что-то на нотной бумажкѣ.

— Я сочиняю концертъ: первая часть скоро будетъ готова.

* Одиссея, пѣснь XXII, стихъ 33 и слѣдующіе. Платонъ говоритъ точно тоже въ другихъ выраженіяхъ: «Кто стучится въ дверь къ музыкѣ, воображая посредствомъ искусства сдѣлаться поэтомъ, тотъ останется на-всегда дилетантъ отъ той ильи, куда стремится».

— Покажи же намъ это чудесное произведеніе! сказалъ отецъ.

— Нѣтъ, оно еще не кончено.

Леопольдъ вырвалъ у него бумагу, и пробѣжалъ разсѣянно это ребяческое маранье. Вдругъ взоръ его сдѣлался неподвиженъ, оживился и наполнился слезами; потомъ, передавая бумагу пріятелю, онъ сказалъ ему съ улыбкою счастья:

— Посмотрите, какъ это хорошо и согласно съ правилами!

Точно также отецъ Паскаля, заставъ сына, запятаго высочайшими вопросами геометріи, которыхъ изученіе онъ строго запретилъ ему, побѣжалъ разсказать пріятелю, со слезами радости, о такомъ удивительномъ чудѣ.

Въ 1762 Леопольдъ Моцартъ, въ сопровожденіи обоихъ дѣтей, началъ свои продолжительныя артистическія странствованія по Европѣ. Эти семейныя путешествія музыкантовъ, отправляющихся искать счастья въ отдаленныхъ странахъ и тогда и теперь свойственны простымъ правамъ Нѣмцевъ. Таская по міру дѣтей, Леопольдъ Моцартъ имѣлъ цѣлью не только улучшить свое скромное положеніе, но въ-особенности усовершенствовать воспитаніе своего любезнаго Волчихода, сведя его съ великими маэстро искусства. Моцарту было едва шесть лѣтъ. Исполненіе его на фортепіано было уже изумительно; преждевременный гений блисталъ отовсюду и какъ-будто ждалъ съ пѣтерпѣніемъ, чтобы природа позволила ему овладѣть обширнымъ царствомъ музыкальнаго искусства. Всегда одержимый потребностью дать волю своей фантазіи, онъ трудился съ такимъ жаромъ, что часто были принуждены запрещать ему заниматься. Леопольдъ Моцартъ съ дѣтьми сначала поѣхали въ Мюнхенъ, въ январѣ 1762. Въ Зальцбургъ воротились они въ радости, восхищая продолженіемъ трехъ недѣль дворъ баварскаго курфирста, одинъ изъ самыхъ блистательныхъ и музыкальныхъ въ Европѣ. Осенью, того же года, они поѣхали въ Вѣну. Это путешествіе было истиннымъ торжествомъ для молодого Моцарта. Надо было остановиться на четыре дня у епископа лянцкаго, который не могъ разстаться съ такимъ необыкновеннымъ ребенкомъ. Въ монастырѣ францисканцевъ молодой Моцартъ игралъ на органѣ и возбуждалъ энтузіазмъ, а у воротъ Вѣны укротилъ строгость таможенныхъ, сыгравъ имъ минуэтъ на скрипкѣ. Едва пріѣхали они въ столицу Австріи, какъ всѣ захотѣли слышать шестилѣтняго виртуоза; приглашенія явились со всѣхъ сторонъ, красивые экипажи смѣнялись у воротъ бѣдныхъ путешественниковъ; благородныя дамы, князья и вельможи оспаривали честь имѣть у себя за столомъ дѣтей Леопольда

Моцарта, который, среди всѣхъ этихъ успѣховъ, сохранилъ и здравый смыслъ свой и глубокое благочестіе. Всѣ трое были приглашены ко двору; императоръ Францъ-Первый встрѣтилъ ихъ въ передней и милостиво ввелъ во внутренніе покои, гдѣ находилась Марія Терезія, окруженная своимъ прелестнымъ и многочисленнымъ семействомъ. Юный Моцартъ, котораго ни что не приводило въ робость, усѣлся съ граціею *bambino santo* на колыбели императрицы, любовавшейя миловидностью его манеръ столько же, какъ и необыкновеннымъ талантомъ. Онъ упалъ на скользкомъ паркетѣ дворцовыхъ покоевъ и эрцъ-герцогиня Марія-Антоанета поспѣшила къ нему на помощь.

— Вы очень добры, сказала ей юный Моцартъ: я зато жеюсь на васъ!

Принцесса пересказала это матери и Марія Тереза спросила ребенка, откуда пришло ему желаніе жениться на ея дочери?

— Изъ признательности, отвѣчалъ онъ. Она была такъ добра ко мнѣ, между-тѣмъ какъ сестры ея смотрѣли и не пошевелились.

Подѣлуй съ очаровательной улыбкой былъ отвѣтомъ юной и прелестной принцессы на комплиментъ Моцарта. Кто знаетъ, можетъ-быть этотъ подѣлуй, напечатлѣнный обожаемыми устами злуполучной Маріи-Антоанеты на чело Моцарта, положилъ туда зародышъ чуднаго характера донны Анны! Дѣвственная душа гениальнаго ребенка — глубокой источникъ, питающейя всѣми первыми впечатлѣніями и откуда рождаются эти мнлыя созданія, которыя заселяютъ міръ фантазій. Данте рассказываетъ въ *Vita nuova*, какъ *разсвѣло* въ его сердцѣ, когда, осьми лѣтъ отъ роду, онъ увидѣлъ въ первый разъ Беатричу Портинари, которая была мечтою и славою его жизни. Гёте также сохранилъ намъ имя неизвѣстной дѣвушки, сдѣлавшейся позже подъ рукою поэта Маргаритой «Фауста.»

Послѣ непродолжительной болѣзни молодаго Моцарта, на котораго напала оспа, семейство оставило Вѣну почти въ такомъ же бѣдномъ положеніи какъ и вѣхало туда, но увѣчанное лаврами. Талантъ юнаго Моцарта усовершенствовался и приобрѣлъ болѣе зрѣлости. Путешественники воротились въ Зальцбургъ въ первыхъ числахъ января 1763. Отдыхая въ своемъ мирномъ убѣжищѣ, они вспоминали о приключеніяхъ странствованія. Критиковали или хвалили артистовъ, которыхъ слышали; разбирали и учили любимыя тогда сочиненія; потомъ отправлялись въ дорогу въ новыя страны. Девятаго іюня 1763 Леопольдъ Моцартъ, же-

на его и дѣти предпріяли путешествіе во Францію, проѣхали всю Германію, посѣтили Мюнхенъ, Аугсбургъ, Штутгартъ, Мангеймъ и при всѣхъ этихъ блестящихъ дворахъ, обладавшихъ итальянскими пѣвцами, знаменитыми композиторами, оркестрами, богатыми, отличными инструментистами, молодой Моцартъ возбуждалъ всеобщее удивленіе разнообразіемъ талантовъ, плодовитостью воображенія, импровизируя попеременно и съ равной легкостью на фортепіано, на скрипкѣ и на органѣ, котораго ведами научилъ его управлять отецъ. Они пріѣхали въ Парижъ 18 ноября 1763. Гримъ, которому они были адресованы, привалъ Моцартовъ подъ свое покровительство, поддерживалъ своимъ вліяніемъ и умомъ у философовъ осьмнадцатаго столѣтія, представилъ мадамъ д'Эпине, Голбаху, во всѣ гостиныя этого вѣстѣ и серьезнаго и вѣтрянаго и много общества. Гримъ угадалъ гевій Моцарта, и тогдашнее сужденіе его объ немъ дѣлаетъ большую честь и его вкусу и его музыкальнымъ познаніямъ. Принятое при версальскомъ дворѣ семейство артистовъ было допущено къ чести присутствовать при обѣдѣ короля, гдѣ юный Моцартъ, сидя возлѣ королевы Авы (Лещинской), которая разговаривала съ нимъ по-нѣмецки, безпрестанно цѣловала ей руки съ прелестной сантиментальностью. Моцартъ былъ также представленъ мадамъ де-Помпадуръ, и эта горделивая султанша съ жеманствомъ оттолкнула мнѣдыя ласки, которыя Моцартъ любилъ расточать.

— Зачѣмъ, вскричалъ гевіальный ребенокъ, котораго гордость равнялась нѣжности: зачѣмъ не хочетъ она поцѣловать меня? Вѣдь императрица Марія-Терезія цѣловала же!

Одиннадцатаго апрѣля 1764 семейство Моцарта уѣхало въ Англию. Гендель умеръ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Гендель, котораго грандіозный и библейскій гевій былъ не безъ вліянія на воспитаніе автора «Донъ Жуана». Но творенія Генделя еще жили въ памяти цѣлаго народа. Моцартъ былъ принятъ въ Лондонѣ какъ вездѣ. Онъ далъ множество публичныхъ концертовъ, былъ представленъ ко двору, гдѣ съ перваго разу выполнялъ чрезвычайно трудныя пьесы Генделя, Баха и Парадизи. Когда король предложилъ ему импровизировать пѣніемъ по данному басу, онъ потнасъ нашелъ прелестную мелодію, которую спѣлъ мастерски, аккомпанируя самъ себя. При этомъ явномъ доказательствѣ могущества творческой силы и благости Божіей, Леопольдъ Моцартъ восклицаетъ въ письмѣ: «Что зналъ Волчходъ, утѣшая въ Зальцбургѣ? только тѣнь того, что онъ знаетъ нынче! То, что онъ дѣлаетъ теперь, превосходитъ воображеніе!» Пробывъ въ Лон-

двѣ годъ и три мѣсяца, Леопольдъ Моцартъ съ семействомъ уѣхалъ оттуда, сопровождаемые великой славой, о которой свидѣтельство сохранили намъ тогдашніе журналы. Они высадились въ Кале въ концѣ іюля 1765. Проездомъ черезъ сѣверную Францію и Бельгію они отправились въ Гагу, гдѣ оба ребенка довольно опасно занемогли. Ничто не можетъ быть трогательнѣе глубокаго благочестія, съ которымъ Леопольдъ Моцартъ просилъ одного пріятеля заказать обѣдни почти всѣмъ святымъ, чтобы Всевышній возвратилъ здоровье милымъ дѣтямъ его. Желаніе его было исполнено. Послѣ кратковременнаго пребыванія въ Амстердамѣ, Моцарты отправились въ Германію черезъ Парижъ, Лионъ, Страсбургъ и Швейцарію. Въ Зальцбургъ прибыли они въ 1766, послѣ трехлѣтняго отсутствія. Это продолжительное путешествіе по самой цвѣтущей части Европы имѣло больше вліяніе на умственное развитіе Моцарта. Его нетерпѣливое воображеніе, подстрекаемое рукоплесканіями толпы, ласками высокихъ особъ и особенно одобреніемъ истинныхъ знатоковъ, вдругъ перескочило огромный промежутокъ, отдѣляющій виртуоза отъ творца въ искусствѣ. Волчиходъ напечаталъ въ Парижѣ двѣ пьесы для фортепiano, съ аккомпаниментомъ скрипки, составляющіе первое званіе его огромнаго творенія. Въ Лондонѣ онъ сочинилъ симфонію для полнаго оркестра, и три другія пьесы для фортепiano; въ Гагѣ шесть новыхъ сонатъ, которыя посвятилъ принцессѣ на-сау-вейльбургской. Возвратясь въ Зальцбургъ, куда предшествовалъ ему шумъ его успѣховъ, онъ провелъ почти весь 1765 годъ въ удивленіи, изучая старательно учителей всѣхъ школъ: Эммануила Баха, Генделя, Газа, Эберлейна, также какъ Скарлатта, Лео, Дуранта, Порпору, приготовляясь такимъ образомъ сдѣлаться верховнымъ пріимирителемъ между мрачнымъ геніемъ сѣверныхъ народовъ и пылкой страстью южныхъ; между глубокой и многосложной гармоніей Германцевъ и широкой и свѣтлой мелодіей Итальянцевъ. «Донъ-Жуанъ» будетъ безсмертнымъ залогомъ этого союза.

Въ сентябрѣ 1767 Леопольдъ Моцартъ воротился съ дѣтьми въ Вѣну. Второе путешествіе въ столицу Австріи, которая была тогда цѣнтримъ музыкальнаго движенія, гдѣ нѣмецкая и итальянская школы оснаривали владычество надъ ушами, было не такъ счастливо для Моцарта какъ первое. Его уже европейская репутация и необыкновенное развитіе таланта возбудили зависть соперниковъ, которые окружили его множествомъ тайныхъ козней. Онъ игралъ на фортепiano передъ императоромъ Іосифомъ-Вторымъ, возбудилъ восторгъ его, а между-тѣмъ не могъ добиться,

чтобъ представили небольшую оперу «*Fida zemplice*», назначенную по просьбѣ этого государя и заслужившую одобреніе Глаза и Метастазія. Избавившись отъ новой и тяжелой болѣзни, которая лишила его зрѣнія на девять дней, Моцартъ послѣ небольшой поѣздки въ Ольмюцъ, долженъ былъ оставить Вѣну съ единственнымъ утѣшеніемъ, что вынулъ страхъ многочисленными врагамъ своимъ и съ дружбою знаменитаго Месмера, для котораго сочинилъ небольшую комическую оперу на вѣнецкомъ языкѣ «*Bastiana e Bastiana*», представленную въ собственномъ домѣ чудодѣя. Возвратясь въ Зальдбургъ въ послѣднихъ числахъ 1768, Моцартъ провелъ тамъ слѣдующій годъ, основываясь съ итальянскимъ языкомъ, а въ декабрѣ 1769, въ сопровожденіи отца, спустился въ свѣтлыя долины Италіи, куда привлекалъ его мелодическій инстинктъ его гевія и неисповѣдимые пути Провидѣнія. Нѣсколько лѣтъ позже, авторъ «*Фауста*» долженъ былъ также посѣтить эту страну, любимицу солда, и подчерпнулъ тамъ впечатлѣнія о счастливой землѣ, которыми отецъ наполнилъ сердце Мишьоны.

Едва Моцартъ пріѣхалъ въ Миланъ, какъ восторженный народъ пріялъ его съ восхищеніемъ, принималъ его титломъ *giovinetto ammirabile*. Онъ объѣхалъ полуостровъ, давши академикомъ и старыхъ париковъ познаніемъ и исполненіемъ. Въ Болоньи онъ импровизировалъ «угу черель радие Мартини и Фаринелли; въ Римѣ запомнилъ наизусть «*Miserere*» Адмгри, нѣсоу сложную, которую написалъ и издалъ въ свѣтъ въ первый разъ. Въ Неаполѣ, играя сонату въ консерваторіи della Pieta, передъ Домелли и безчисленной толпой, онъ былъ принужденъ снять перстень съ правой руки, чтобы успокоить народъ, который думалъ, что такое чудное исполненіе было дѣйствіемъ колдовства. Уже по возвращеніи изъ Неаполя, Моцартъ представилъ въ Миланѣ, въ декабрѣ 1770, свою первую оперу, «*Mitridate re di Ponte*», которая имѣла восторженный успѣхъ. Автару Само тогда четырнадцать лѣтъ. Послѣ этого торжества вѣнцеславящіе артисты отправились на родину. Въ Италію онъ воротился на слѣдующій годъ, гдѣ Моцартъ представилъ, вѣс въ Миланѣ, нѣчто въ родѣ большой драматической сцены, «*Assasio in Albe*», успѣхъ которой вырвалъ у стараго композитора Глаза эти пророческія слова: *Questo ребенокъ затмитъ собою насъ*. Отправившись въ Зальдбургъ, чтобы сочинить драматическую оперетту «*il Sogno di Scipione*», по случаю коронаціи новаго архіепископа, Моцартъ возвратился въ Миланъ въ октябрѣ 1772, гдѣ

представилъ опера *seria* «*Lucia Mihi*», которая была принята съ такою же благосклонностію, какъ и предыдущія. Оставивъ въ послѣдній разъ Италію, Леопольдъ Моцартъ съ сыномъ провель-варизвалъ 1773 въ Венеціи, гдѣ ихъ приняли и угощали самые знатные вельможи. Въ этомъ городѣ безумствъ и очарованій находилъ тогда молодой человѣкъ, двадцати-двухъ-лѣтъ, красивый, остроумный, неустрашимый любимецъ самыхъ *garbale gentildonne* и самыхъ живыхъ *cittadine*. Этотъ молодой человѣкъ, который можетъ быть столкнулся съ Моцартомъ на площади Святаго Марка или ужиналъ съ нимъ въ какомъ-нибудь вышномъ *casino*, былъ Лоренцо да Понте, литературный другъ Карла Гоцци, будущаго автора либретто «Донъ Жуана».

Воротившись въ Германію, Моцартъ сдѣлалъ еще небольшую поѣздку въ Мюнхенъ, гдѣ сочинилъ опера *buffa* «*la Finta ciar-dimiera*», которая была представлена съ блистательнымъ успѣхомъ въ январѣ 1775. Онъ воротился въ Зальцбургъ весною того же года, съ репутаціей, разившейся уже славѣ лучшихъ композиторовъ. Онъ провель три слѣдующіе года въ Зальцбургѣ, занимаясь только укрѣпленіемъ своего генія глубокими и разнообразными изученіями и скопленіемъ въ своемъ сердцѣ мелодическихъ и прелестныхъ мелодій, волновавшихъ его. Мы проходимъ въ молчаніи, тысячу несприятностей; которыми онъ подвергался со стороны новаго зальцбургскаго архіепископа, человѣка грубаго, скупаго, который не довольствуясь тѣмъ, что не отдавалъ должной справедливости чуждому артисту, но еще находилъ удовольствіе унижать его, помѣщеніемъ его въ ряды своей челяди; въ Моцартѣ чувство собственнаго достоинства всегда было неварушимо; онъ не нуждался въ посвященіи славою, чтобы заставить себя уважать на свѣтѣ, и отказался отъ низкой должности, занимаемой имъ въ капеллѣ архіепископа. Онъ утѣшался въ жизненныхъ неудачахъ, посылывая себя во всякъ родѣхъ, сочиняя обвднн, симфоніи, сонаты, кантаты, между которыми мы упомянемъ только о «*Il Re pastore*», гдѣ можно уже распознать всю грацію его очаровательнаго стиля. Послѣ трехъ лѣтъ глубокихъ занятій, Моцартъ, достигнувъ до двадцати одного году, въ цвѣтѣ юности и въ полнѣтѣ надеждъ, предпринялъ второе, большое путешествіе во Францію. Сопровождаемый на этотъ разъ только матерью, онъ оставилъ Зальцбургъ двадцать третьяго сентября 1777, прѣѣхалъ Мюнхенъ и остановился на вѣсольско-врсени въ Мангеймѣ, въ прелестномъ и музыкальномъ городѣ,

гдѣ его сердце получило первыя припадки чувства, составнаго силу его генія и прѣѣхалъ въ Парижъ въ мартѣ 1778.

Война между глюкистами и пиччинистами была тогда въ самомъ разгарѣ, поддерживаемая писателями, которые не понимали ея важности. Дѣло шло о томъ, чтобы дознаться, будетъ инструментальная музыка или нѣтъ главнымъ предметомъ лирической драмы. Легко понять, что у народа болѣе разсуждающаго чѣмъ чувствующаго, болѣе способнаго къ преніямъ чѣмъ къ энтузіазму, вопросъ этотъ могъ произвестъ разногласіе. Исключая Гримма и Женглѣ, всѣ дрались, какъ Аяксъ, въ потьмахъ. Какъ удивились бы в Глюкъ и Пиччини, если бы имъ сказали тогда, что въ Парижъ прѣѣхалъ молодой человекъ двадцати-одного году, который когда-то разрубитъ гордіевъ узелъ и примиритъ два исключительныя начала въ нетлѣнномъ твореніи. Къ счастью для будущности музыкальнаго искусства, Моцартъ встрѣтилъ въ Парижѣ эти неприятели и препятствія, которые Французы всегда противопоставляютъ новой славѣ. Чтѣ бы случилось съ тонкимъ воображеніемъ этого высокаго музыканта, еслибы онъ поселился во Франціи, какъ намѣревался сначала и какъ чуть-было не сдѣлалъ тоже пѣвецъ Маргариты? Шумная и шаловливая веселость Французовъ, исключительный вкусъ къ драматическимъ эффектамъ и къ изображенію страсти, ограниченной кругомъ дѣйствительности, встревожили бы глубокую чувствительность, религиозную душу, нѣжную меланхолію и геній, въ высшей степени лирической, автора «Донъ Жуана». Народъ, который такъ хорошо понималъ патетическую декламацию Глюка, не имѣлъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы поощреть развитіе идеальнаго музыканта.

Приведенный въ увннне встрѣчаемыми вездѣ препятствіями, съ сердцемъ раздраемымъ потерей матери, которая умерла на его рукахъ въ Парижѣ 3 іюля 1778, Моцартъ рѣшился воротиться въ Германію, куда призывало его не столько желаніе найти театръ, достойный своего таланта, сколько притягательная сила къ ничому предмету. Онъ оставилъ Парижъ двадцать шестаго сентября 1778, отказавшись отъ мѣста органиста въ версальской капеллѣ, съ убѣжденіемъ, что Французы не способны ни чувствовать ни понимать музыки. Руссо и Берлиозъ говорили то же. Во время этого путешествія, переписка между отцомъ и сыномъ была очень дѣятельна. Изъ глуши своего уединенія, Леопольдъ Моцартъ слѣдовалъ глазами сердца за возлюбленнымъ сыномъ, предостерегая его мудрыми совѣтами про-

тивъ людскихъ козней. Въ письмахъ сына, всегда исполненныхъ уваженія и вѣжности, вырывается нѣсколько чертъ, показывающихъ благородную гордость характера и сознаніе своего гонія. Ахъ, говоритъ онъ, въ письмѣ изъ Парижя, *еслибы здѣсь были люди съ ушами, чтобы слушать, и съ сердцемъ, чтобы чувствовать, это усладило бы мнѣ душу во всѣхъ моихъ горестяхъ.* Въ другомъ письмѣ, адресованномъ изъ Мангейма отцу, онъ пишетъ: *Я композиторъ и сынъ капельмейстера и никогда не соглашусь утопить въ преподаваніи уроковъ талантъ композиціи, которымъ Богъ такъ щедро надѣлилъ меня.*

Пріѣхавъ въ Мюнхенъ въ концѣ декабря 1779, Моцартъ прежде всего посвѣщилъ представиться той, чей образъ увезъ онъ въ сердцѣ. Алоиза Веберъ была молоденькая и хорошепьякая пѣвица съ большимъ дарованіемъ, которую Моцартъ имѣлъ случай видѣть и слышать, пробѣздомъ въ Мангеймъ. Послѣдовавъ за дворомъ Карла Теодора, вступившаго на престолъ баварскій, Алоиза Веберъ поселилась въ Мюнхенъ со всѣмъ семействомъ. Кажется, что Моцартъ, очарованный прелестями и талантомъ рѣзвой Алоизы, сдѣлалъ въ Мангеймѣ предложеніе, которое было принято и Алоизой и ея семействомъ. За подтвержденіемъ-то этого согласія и пріѣхалъ Моцартъ, но когда кокетливая и осыпаемая лестью богачей, артистка увидѣла послѣ годовой разлуки *молодаго чело-вѣка, худого, съ длиннымъ носомъ, съ огромными глазами, съ крошечной головной, въ красномъ кафтанѣ съ черными пуговицами, съ знакъ траура по матери,* она осмотрѣла его съ головы до ногъ такъ холодно и жестоко, что Моцартъ не дождался этого въ другой разъ. Онъ пританлъ въ сердцѣ пламя, мучившее его цѣлый годъ, и не перенесъ свою привязанность на Констанцію Веберъ, самую меньшую изъ сестеръ Алоизы.

Моцартъ воротился въ Зальцбургъ въ объятія отца, въ концѣ 1779. Репутація его, сдѣлавшись европейскою, нѣсколько смягчила князя архіепископа, отъ котораго завистѣла участь его семейства. Прелатъ не сталъ лучше обращаться съ высокимъ артистомъ, котораго достоинства не понималъ, но согласился пзъ тщеславія предложить ему мѣсто органиста въ капеллѣ съ пятьюстами гульденами жалованья, то есть, не много меньше того, что въ наше время получаетъ послѣдній учитель пѣвца, но у Моцарта было честолюбіе другаго рода, онъ хотѣлъ производить славныя сочиненія, а не получать славное жалованіе, принялъ предложенное ему мѣсто, и выполнялъ ревностно свою скромную обязанность, когда получилъ отъ баварскаго курфюрста предложе-

не нависать «о ега сегіа» для итальянскаго придворнаго театра въ Мюнхенѣ. Въ жизни Моцарта случай представляетъ важное драматическое твореніе въ большомъ германскомъ городѣ, составляя уже эпоху. До тѣхъ-поръ гений его, жаждущій славы, раздавалъ свои силы на множество сюжетовъ: на концерты, сонаты, симфоніи, обѣды, кантаты, оперы, испытывалъ себя во всѣхъ стиляхъ, усовершенствовалъ все отрасли искусства, прежде чѣмъ заговорилъ языкомъ своего сердца. Наступила минута откровеніи толикомъ мастера, опеку вариконскихъ правилъ, Моцартъ это понималъ очень хорошо. Онъ уѣхалъ въ Мюнхенъ въ первыхъ числахъ декабря, 1780. Условившись съ своимъ преемникомъ аббатомъ Вареко, и познакомившись съ своимъ будущимъ патронимъ, онъ принялся за работу, и 29-го января 1781, «Idomeneo, re di Creta», опера серія въ трехъ актахъ, была представлена съ огромнымъ успѣхомъ. Съ этой прелестной партитуры начинался настоящее проявленіе Моцарта. Все было ново отъ увертюры до финала; все показывало гения-побѣдителя, разблещеннаго изъ стихій разнородныхъ и перемѣшанныхъ, которыми онъ до того питался. Автору «Идомею» было тогда двадцать-четыре года, счастливая минута, когда сокъ бродитъ и обращается свободно, гдѣ все улыбается очарованному взору юности, которая видитъ будущность сквозь золотыя облака фантазіи; его сердце, взволнованное новизной и таинственнымъ чувствомъ, разлило въ этомъ твореніи, всегда оставшемся для него драгоценнымъ, эту провѣщающую томность и эту ясную меланхоличію, которую можно найти только у Виргилія, Рафаэля и Моцарта. И потому, когда слушаешь музыку «Idomeneo», кажется, будто слышишь одну изъ тѣхъ баснословныхъ сказокъ, что Платонъ такъ любитъ иногда вставлять въ свои разговоры, очаровательные рассказы, которые убаюкиваютъ воображеніе, наполняютъ его блаженствомъ и переносятъ въ одинъ изъ чудныхъ острововъ, созданныхъ фантазіей Греціи, счастливые обитатели любви и вѣчной весны. Напримѣръ этотъ хоръ:

Placido è il mar andiamo...

Но правда ли, что это гимнъ юности, при началѣ жизни, ищущейся по морямъ искать идеала, заключеннаго у нея въ груди? Идея формы аккомпанимента и гармоническія сочетанія, которыми удивляются въ «Донъ-Жуанъ», уже высказаны въ оперѣ «Idomeneo».

Вообразите теперь старика, болѣе чѣмъ шестидесяти-лѣтняго, который въ глубинѣ темной души плачетъ горько, слу-

шею музыку «Доменго», и восторги энтузиазма, возбуждаемые ею во всей массе зрѣющихъ стариковъ — Алоизиусъ Моцартъ, вероятно прѣбывавшій въ Зальцбургѣ, чтобы присутствовать при первомъ представленіи перваго драматическаго образцоваго произведенія своего возлюбленнаго сына, своего ученика, этого высшаго существа, которое Богъ ему вѣрилъ и котораго торжество онъ видѣлъ наконецъ. Огромный успѣхъ автора «Доменго» польстилъ тщеславію зальцбургскаго архіепископа, который во время путешествія своего въ Вѣну, въ мартѣ 1781, хотѣлъ увезти съ собою юнаго композитора, о которомъ толковала часть Германіи. Поселившись въ столицѣ Австріи, Моцартъ сначала переносилъ терпѣливо прѣтѣсенія прелата. Онъ боялся, что жалуеть громко, повредитъ отцу и лишитъ его мѣста въ зальцбургской капеллѣ; но въ тотъ день, какъ архіепископъ хотѣлъ принудить Моцарта обѣдать въ людской съ низшей прислугой, великій артистъ оставилъ навсегда службу прелата.

Наконецъ свободный въ свонкѣ дѣйствіяхъ, завися только отъ таланта и совѣсти, Моцартъ вошелъ въ бурный и плодовитый періодъ, обширную и грустную карьеру, гдѣ нищета, трудъ, зависть многочисленныхъ соперниковъ, томленія творчества и любви, возвысили его гений до высоты недосягаемой. По просьбѣ императора Юсифа-Второго онъ сочинилъ «Похищеніе въ сералѣ», прелестное произведеніе, которое можно считать первой оперой на вѣнецкомъ языкѣ, заслуживающее быть упомянутымъ въ исторіи. Представленное 12-го іюля 1782, «Похищеніе изъ сералы» имѣло народный успѣхъ, распространившись по всей Германіи, и доставившій Моцарту драгоценныя похвалы Глюка. Императоръ Юсифъ, которому очень нравились и талантъ и особа Моцарта, сказалъ ему однажды по случаю этой оперы, которую въ зависть критиковали итальянскіе композиторы, находившіеся при его дворѣ: *Очень хорошо, любезный Моцартъ, но слишкомъ много нотъ. — Именно сколько нужно, государь, отвѣчалъ гордо артистъ.*

Черезъ мѣсяцъ послѣ этого новаго торжества, 4-го августа 1782, Моцартъ женился на Констанціи Веберъ, сестрѣ той Алоизы Веберъ, къ которой сердце его почувствовало первыя волненія любви. Онъ былъ принужденъ увезти невесту изъ родительскаго дому и жениться на ней тайно въ домѣ баронессы Вальштетенъ. Авторъ «Донъ-Жуана» могъ ли жениться иначе? Въ концѣ іюля 1783 Моцартъ повезъ жену въ Зальцбургъ. Въ ту минуту, какъ онъ садился въ карету, его остановилъ занюда

вѣкъ, повелительно требовавшій 30 гульденовъ долгу. Вернулся въ Вѣну, послѣ нѣсколькихъ недѣль отсутствія, но потерянный для музыкальнаго искусства, потому что онъ написалъ «Davidе penitente», ораторію, заключающую красоты первоклассныя. Моцартъ былъ принужденъ, чтобы жить и жить бѣдно, тратить огромную дѣятельность, пожиравшую его, на то, чтобы давать концерты, сочинять музыку разныхъ родовъ, даже контрдансы и вальсы для публичныхъ баловъ. Въ эти то три года онъ написалъ самыя чудныя свои произведенія для инструментальной музыки, между прочимъ шесть квартетовъ, посвященныхъ Іосифу Гайдну съ посланіемъ, исполненнымъ удивленія и сыновняго уваженія къ отцу симфоніи. Въ 1786 Моцартъ снова воротился къ театру съ итальянской оперой «le Nozze di Figaro», которая сдѣлала эпоху и въ его жизни и въ исторіи драматической музыки. Въ самомъ дѣлѣ, ничто изъ того, что существовало тогда, не могло сравниться съ этой колоссальной партитурой, по величію и развитію цѣлаго, по прелести и новизнѣ мелодій, по богатству и разнообразію аккомпаниментовъ. Не смотря на ужаснѣйшія козни итальянскихъ композиторовъ и виртуозовъ, которыхъ сопротивленіе надо было одолѣть нарочнымъ повелѣніемъ императора, «le Nozze di Figaro» была представлена на итальянскомъ придворномъ театрѣ въ маѣ 1786, съ огромнымъ успѣхомъ. Заставили повторить шесть мѣстъ, а прелестный дуэтъ «Sull'aria» три раза. Съ тѣхъ-поръ дѣятельность и плодовитость Моцарта увеличились съ истинно-невѣроятной силой; словно таинственный демонъ волновалъ его, и побуждалъ громоздить образцовыя произведенія, крича: впередъ, впередъ, твой часъ приближается! Въ 1787 онъ написалъ «Донъ-Жуана» для Праги. Послѣ поѣздки въ Берлинъ въ 1789, гдѣ король прусскій тщетно старался удержать его при своемъ дворѣ, онъ возвратился въ Вѣну, гдѣ и написалъ «Cossi fan tutte» въ 1790. Въ слѣдующемъ году, онъ сочинилъ одно за другимъ «Zauber Flöte», «Clemenza di Tito», «Реквиемъ», и потомъ скончался ночью 5-го декабря 1791, тридцати-пяти лѣтъ и нѣсколькихъ мѣсяцевъ отъ роду, взумивъ и очаровавъ свѣтъ величіемъ и плодовитостью несравненнаго гевія. Чтобы загладить такую потерю, черезъ полгода послѣ смерти Моцарта, 29-го февраля 1792, Богъ даровалъ жизнь, автору «Севильскаго Цирюльника», «Отелло» и «Вильгельма Теля», истинному наследнику творца «Донъ-Жуана».

ЕСТЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ СЕЛЬДЕЙ,

ИЗДАННАЯ ГОСПОДИНОМЪ ВАЛАУСИЕННОМЪ.

=

Нужно только хорошо узнать сельдь, чтобы исполниться удивленія къ ней, къ ея правамъ, ея мудрости, ея великому предназначенію въ природѣ. А никто, кажется, не въ состояніи познакомить насъ короче и лучше съ этою интересною рыбкою, какъ господинъ Valausicennes, членъ парижской академіи наукъ, который предпринималъ дальнія и опасныя путешествія въ отечество сельдей, чтобы понять ихъ, чтобы изучить ихъ на мѣстѣ, чтобы прояснить важные вопросы объ нихъ, донынѣ оставшіеся темными или спорными, и который издалъ недавно «Histoire naturelle du hareng».

Прочитайте, читатели, эту назидательную исторію дѣяній и добродѣтелей сельды: вы будете кушать ее гораздо съ большимъ интересомъ.

Древніе, которые все знали, не знали настоящей сельди; имъ известны были только въкоторыя породы огромнаго рыбьяго семейства, къ которому вмѣстѣ съ сельдемъ принадлежать, между прочимъ, сардины, анчоусы и желѣзница или бѣшеная рыба. Семейство это состоитъ нынче изъ четырнадцати породъ и ста тридцати видовъ, которые большею частью впервые опредѣлены и описаны въ занимательной книгѣ господина Валаусіенна. Оно получило въ наукѣ названіе clupeoidae, *сельдевидныхъ*.

Древніе знали, солили и любили сардины. Объ нихъ и о желѣзницѣ Аристотель, Плавій, Аэпий и Страбонъ оставилъ намъ много подробностей.

Со всѣмъ тѣмъ здравыя понятія этой эпохи часто смѣшивались съ нелѣпыми заблужденіями. Калвсоевъ, напримѣръ, говоря о желѣзницѣ, подъ именемъ «clupea», рассказываетъ, будто въ головѣ ея находятъ камень, похожій на кусочекъ соли, который наѣрное вылечиваетъ трехъ-дневную лихорадку, будучи положенъ, при ущербѣ луны, на лѣвую половину тѣла. Онъ же увѣряетъ будто clupea бываетъ бѣлаго цвѣта при полнолуніи, и

становится черною при ущербѣ иѣсца, и будто достигнуть полнаго своего развитія, эта рыба сама себя уничтожаетъ, разрывая свое тѣло своими же костями. Последняя сказка очень легко объясняется: желѣзница входитъ въ рѣки метать икру; отъ постоянного развитія ялицъ тѣло ея съ каждымъ днемъ становится толще; но послѣ метанія икры, она впадаетъ въ такое разслабленіе, что уносится теченіемъ внизъ, лежащею на боку, какъ мертвая. Рыбаки, ловящіе ее въ этомъ состояніи худощавости и слабости, видятъ безчисленныя косточки, которыя наполнены все мясомъ этой рыбы. Отсюда — заблужденіе, о которомъ мы упоминали, и которое, подобно многимъ другимъ баснямъ древности, — не что иное какъ неправильное изображеніе дурно наблюденнаго факта.

Полезность — одна изъ главнѣйшихъ характеристическихъ качествъ этого семейства рыбъ. Мясо «ядовитой сардинны», обитающей въ индѣйскихъ моряхъ, должно сказать, — опасный ядъ: у съѣвшихъ его дѣлается сильная рвота, иногда оканчивающаяся смертью; за исключеніемъ этого вида всѣ прочія малорослыя сельди, доставляютъ человѣку здоровую, питательную, вкусную пищу.

«Желѣзница» *alaua vulgaris* — очень красивая рыба, достигаетъ иногда трехъ футовъ длины, и вѣситъ болѣе четырехъ фунтовъ. Живя постоянно въ морской водѣ, она однакожъ мечетъ икру въ прѣсныхъ водахъ, подобно лососю. Она распространялась во всѣмъ морямъ, и весною появляется въ устьяхъ рѣкъ, впадающихъ въ Средиземное море, и Океанъ; она идетъ вверхъ по Волгѣ, Нилу, Тибру, Гароннѣ, Лоарѣ и Рейну. Рыба эта, въ настоящее время являющаяся на отличнѣйшихъ столахъ гастрономической Европы, прежде не считалась вкуснымъ кушаньемъ. Въ первые вѣка нашей эры она составляла блюдо послѣднихъ классовъ общества. Даже теперь, наши русскіе рыбаки итѣютъ этотъ предрасудокъ и считаютъ мясо желѣзницы ядовитымъ. Арабы, напротивъ, высоко цѣнятъ эту рыбу; они сушатъ ее и ѣдятъ съ фингами. Слухъ у желѣзницъ очень тонокъ; онѣ боятся грома, и, какъ увѣряютъ, очень любятъ музыку. Рондле, замѣчательный натуралистъ шестнадцатаго столѣтія, увѣряетъ, будто видѣлъ самъ, что желѣзницы приплывали толпами слушать звуки лютовъ: рыбаки Средиземнаго моря, отправляясь на ловлю этой рыбы, берутъ съ собою музыкантовъ. Всего вѣроятнѣе, что это средство, вмѣсто того чтобъ привлекать желѣзницъ, удаляетъ ихъ отъ сѣтей.

Въ природѣ значительность роли всегда выходитъ въ обрат-

конъ отношенія съ величиною существъ, которыя ее истребятъ. Въ исторіи сельдей мы находимъ подтвержденіе этого общаго правила. Желѣзница, не смотря на свой большой ростъ, далеко не приноситъ человѣку такой пользы, какъ одного съ нею сѣмьдесятъ маленькая рыбка «сардина» *salsus pilchardus*. Эта небольшая рыбка, подъ различными наименованіями, приобрѣла заслуженную извѣстность. Распространенная въ Средиземномъ морѣ и Океанѣ, до береговъ Шотландіи, она въ началѣ осени оставляетъ глубины, въ которыхъ постоянно обитаетъ, и приближается къ берегамъ Франціи метать икру. Густыя стаи ее представляютъ дребезжнныя рыбачки въѣрную и легкую добычу. Даже обитатели прибрежныхъ деревень оставляютъ на время свои полевныя работы и отправляются въ море собирать эту ежегодную мяну. Въ числѣ шести или осьми человекъ въ лодкѣ, управляемой двумя опытными моракми, они плывутъ за двѣ или за три миль въ море бросать свои сѣти, и возвращаются три раза на берегъ выгружать свою добычу.

Средиземное море — настоящее отечество «анчоуса», *engraulis vulgaris*. Бесчисленные стаи этой рыбы являются у береговъ во время года, въ которое она мечетъ икру. Анчоусъ рѣже посылается въ Океанѣ, однакоже были примѣры, что ихъ ловили въ Балтійскомъ морѣ. Для жителей Средиземнаго моря анчоусъ всегда составлялъ тоже, что сардина для обитателей береговъ Океана. Провансисіе анчоусы высоко цѣнятся гастрономами. Огромныя количества этой рыбы очищенной и приготовленной, ежегодно доставляются на бокерскую ярмарку и оттуда развозятся по всему свѣту.

Родъ сельдей, собственно (*clupea*), заключаетъ въ себѣ нѣсколько породъ чрезвычайно полезныхъ. Сельдь Чернаго моря (*clupea pontica*) котораго мнѣриады вѣтры выбрасываютъ иногда на берега Крыма, ошлждаетъ только усовершенствованія въ способѣ приготовленія, чтобъ занять важное значеніе въ нашей торговлѣ. Сельдь Палласова, *clupea Pallasii*, для Камчатдала — нестерпаемый зимній запасъ пищи. Нью Йоркская сельдка, *clupea elongata*, и нѣкоторыя другія породы, свойственныя сѣверной Америкѣ, составляютъ для народовъ этого края тоже, что для насъ наша сельдка (*clupea harengus*), съ которою впрочемъ въ отношеніи полезности не можетъ сравниться никакая изъ прочихъ рыбъ этого рода. Цѣдыя народонаселенія поднимаются каждый годъ для преслѣдованія этого скромнаго обитателя нашихъ морей. Начиная отъ самыхъ отдаленныхъ фюрдокъ Норвегіи до самой ничтож-

вой бухточки въ Нормандіи, отсюда вышываютъ нечисленные флотилии легкихъ судовъ, управляемыхъ норвежскими, шведскими, русскими, французскими, датскими, нѣмецкими, голландскими, шотландскими, англійскими, ирландскими рыбаками, стремящимися принять участіе въ вѣрной добычѣ, между-тѣмъ, какъ цѣлые флоты съ тою же цѣлью отправляются даже до Шотландскихъ острововъ и до береговъ Исландіи.

Суда по чрезвычайной важности селедки въ торговомъ отношеніи, должно бы думать, что рыба эта давно уже совершенно извѣстна, однакожь это не совсѣмъ такъ. Селедку весьма долго смѣшивали съ однородными съ ней обитателями морей. Ея анатомія едва только набросана. Господинъ Валенсіевъ, обладающій запасомъ наблюденій, собранныхъ имъ въ различныхъ музеяхъ Европы, на судахъ, занимающихся ловлею сельдей и матеріалами, собранными Ламоривьеромъ, написалъ полную исторію этой знаменитой рыбы, и помѣстилъ въ ней множество чрезвычайно любопытныхъ замѣчаній о состояніи рыболовства у различныхъ европейскихъ народовъ до конца послѣдняго столѣтія.

Сельдь, которую, вѣроятно, очень не многіе изъ нашихъ читателей видѣли живую — рыба очень красиваго желтовато-зеленаго цвѣта съ серебристымъ отливомъ на спинѣ, великолѣннаго серебристаго бѣлаго — на бокахъ и на брюхѣ. Головка у ней маленькая, глаза большіе, ротъ довольно широкій, жаберная покрывка гладкая, спинна широкая и округленная, брюхо, какъ-будто зубчатое. Эти признаки постоянны у всѣхъ видоизмѣненій, но длина тѣла ея различна. Сельди южныхъ морей никогда не бываютъ длиннѣе шести вершковъ, между-тѣмъ какъ въ сѣверныхъ моряхъ попадаются сельди до девяти съ половиною вершковъ длины. Пропорціональныя отношенія между отдѣльными костями тѣла также измѣняются, хотя въ предѣлахъ довольно ограниченныхъ и, что всего примѣчательнѣе, всѣ эти разности въ длинѣ тѣла и въ величинѣ его частей замѣчаются постоянно у сельдей извѣстнаго мѣста. Это заставило рыбаковъ и нѣкоторыхъ натуралистовъ полагать, будто въ океанѣ водятся два рода сельдей. Между-тѣмъ нѣблизко это неосновательно. Внимательное наблюденіе доказываетъ, что эти два рода не что иное, какъ простыя видоизмѣненія, обстоятельство, имѣющее важное значеніе въ глазахъ зоолога философа. Долго думалъ, будто только между домашними животными возможно создавать отличныя породы; на всѣхъ прочихъ дикихъ представителяхъ однихъ и тѣхже породъ смотрѣли какъ на существъ образовавшихся почти по одной и

той же «оритъ». Это нѣтъ ничего паче передъ признаннымъ могуществомъ вліянія мѣстностей и стихій. При различіи условій существованія первоначальный типъ необходимо долженъ измѣняться до нѣкоторой степени, и обнаружиться болѣе или менѣе измѣненнымъ. Факты доказываютъ это совершенно: теперь нельзя уже отрицать, чтобы не существовали *естественныя отличія*, то-есть, постоянныя видовыизмѣненія, которыя передаютъ изъ рода въ родъ свои характеристическія особенности, отличающія ихъ отъ первоначальнаго типа, и въ этомъ должно было соединить подъ однимъ специфическимъ названіемъ различныя виды, доселѣ считавшіеся рѣзко отдѣленными другъ отъ друга.

Обыкновенная сельдь принадлежитъ исключительно сѣверному Океану. Она рѣдко ловится на югѣ Англіи. Въ Средиземномъ морѣ нѣтъ ни одной рыбы, которую бы можно было отнести къ этому виду. Она имѣетъ всѣ привычки морской рыбы, и рѣдко входитъ въ воды большихъ рѣкъ. Въ 1695 году, однакожь, стаи сельдей вошли въ Темзу и увлеченная, можетъ-быть, приливомъ дошла до Лондона, въ такомъ огромномъ числѣ, что тысячи ея были пойманы просто ведрами. Но это исключеніе, и тѣ, которые полагали будто сельдь можетъ быть приучена къ прѣсной водѣ, были обмануты отдаленнымъ сходствомъ съ селедкой, какой-нибудь другой рыбы, или ошибочнымъ названіемъ. Сельдь прѣсныхъ водъ Шотландцевъ «fresh water herring» — не что иное, какъ лосось изъ породы *coregonus*, сигъ, обитающій въ Лохъ-Ломонокскомъ озерѣ. По этому попытка развести сельдей въ прѣсныхъ водахъ европейскихъ рыбъ — вещь не исполнимая.

Самая уже важность этой рыбы объясняетъ намъ, почему возмущеніе естествоиспытателей и рыбаковъ такъ часто разыгрывалось на ея счетъ, и къ истиннымъ фактамъ примѣшалось столько сказокъ и заблужденій. Увѣряли, будто сельдь умираетъ тотчасъ внѣ воды, что вынутая изъ сѣти и тотчасъ же брошенная обратно въ воду, она не возвращается къ жизни. As dead as a herring, мертвъ какъ селедка, говорятъ Англичане; и эта пословица повидимому утверждена наукою съ-тѣхъ-поръ какъ умы стали отыскивать причину этой быстрой смерти въ величій жаберныхъ отверстій сельди. Все это чрезвычайно преувеличено. Внѣ воды селедка умираетъ не скорѣе другихъ рыбъ; и если рыбаки замѣчали это явленіе, то вѣроятно потому, что рыба была удушена петлями сѣти, и уже полумертвая, когда ее вытаскивали изъ воды. Нейкраиць Сагаръ, господинъ Валаціоншъ и всѣ, которые наблюдали эту рыбу въ натурѣ, видѣли, что сель-

ды, вытященные и испорченные изъ родной ихъ стѣнъ, впродолженіи нѣсколькихъ часовъ прыгали на двѣ лодки или верзины. Сельдь даже живуче железницы.

Другое заблужденіе существующее между рыбаками и раздѣлаемое нѣкоторыми естествоиспытателями, это мнѣніе, будто бы сельди питаются чистою водою, или особеннаго рода сѣрою, жидкою слизью, находящую у нихъ въ кишкахъ. Чрезвычайная быстрота, съ которою совершается пищевареніе у рыбъ вообще, объясняетъ намъ причину ошибки, въ которую впали невѣжественные или поверхностные наблюдатели, не умѣвшіе различить измѣненной пищи отъ чистой воды. Разсматривая внимательно вещество, находящія въ кишкахъ сельдки, можно отличить въ каменнообразномъ веществѣ, выполняющемъ эти органы, яички другихъ рыбъ и даже икру самой сельди, кусочки тѣлъ маленькихъ рыбокъ, и скорлупки разнообразныхъ животныхъ. Одинъ видъ послѣднихъ былъ даже описанъ знаменитымъ датскимъ натуралистомъ Фабриціеомъ, подъ именемъ сельдянаго рака; этотъ чрезвычайно мелкій ракъ, водится въ датскихъ моряхъ въ такомъ ограниченномъ числѣ, что почерпнувъ воду на нѣкоторой глубинѣ, можно быть увѣрену, что вытащишь нѣсколько тысячъ этихъ животныхъ. Штрёмъ увѣряетъ, что эти раки составляютъ любимую пищу сельдей, которые слѣдятъ за ними всюду, куда улетаютъ ихъ вѣтры или приливы. Эта пища, какъ кажется, имѣетъ вредное вліяніе на рыбъ, которыя исключительно ими кормятся. Увѣряютъ, будто сельди, словенные въ это время года, портятся чрезвычайно скоро, и будто ихъ мясо, приобретающее вредныя качества, порождаетъ многія болѣзни.

Случается иногда, что сельди, появившіяся постоянно стеченіемъ нѣсколькихъ лѣтъ у береговъ, вдругъ исчезаютъ, и своимъ отсутствіемъ ввергаютъ въ нищету народонаселенія, которыя прежде составляли богатство. Суевѣріе, находящее во всемъ средство для терзанія самаго себя, и въ этомъ явленіи нашло для себя пищу. Шотландскіе горцы думаютъ, будто для немедленнаго удаленія сельдей достаточно чтобы, скакшая женщина перешла черезъ воду на островъ. У историковъ шестнадцатаго столѣтія сохранилось сказаніе о необыкновенной сельди, которой появленіе было принято за знакъ гнѣва Божія, и сталою причиною исчезновенія сельдей у береговъ Швеціи. 21 ноября 1587 въ Норвегіи были пойманы двѣ сельдки, изъ тѣхъ которыхъ были вырѣзаны готическія буквы. Эти рыбы были привезены въ Копенгагенъ и представлены Фридриху Второму

черезъ сама дией послѣ попки. Устрашенный этимъ чудомъ, монархъ возмалъ ученыхъ о всей столицѣ, которые перевели мнѣшу надписи слѣдующимъ образомъ: «Вы не будете сподѣ ловить сельдей, какъ и другіе народы». Король не удоволь ствовался такимъ объясненіемъ и обратился къ другимъ ученымъ людямъ Германіи. Одинъ французскій математикъ, жившій въ это время въ Копенгагенѣ, издалъ толстую книгу въ доказа тельство, что литеры, начерченные на страшныхъ селедкахъ — начальные буквы мнимыхъ словъ. Другой ученый открылъ въ этой надписи предсказаніе о разрушеніи порядка во всей Европѣ. Такия бредни повторились и въ семнадцатомъ столѣтіи. Въ 1622 Эгльи, профессоръ Богословія въ Цюрихѣ, издалъ объясненіе на Авокамписетъ, основанное на чтеніи мнимыхъ буквъ, начертанныхъ на тѣлѣ селедки, пойманной 21 мая 1596 года близъ береговъ Помераніи и походившей на селедокъ копенгагенскихъ. Стоитъ ли говорить, что эти мнимыя литеры были не что иное какъ черты образованныя пересѣченіемъ подложныхъ проволочныхъ трубочекъ, или случайное послѣдовательное расположеніе обращенныхъ точекъ.

Ученые люди настоящаго времени, набѣгнувшіе грубымъ заблуденій своимъ предшественниковъ, не совѣсть однако жъ горюли правду. Самъ Ньютъ рассказываетъ о чудесныхъ путешествіяхъ, совершаемыхъ этими рыбами. Если вѣрить его рассказамъ, основаннымъ на увѣреніяхъ рыбаковъ, сельди—уроженцы ледовитыхъ странъ, являются въ нашихъ моряхъ только зимою. Каждый годъ, недостатокъ въ нищѣ и необходимость метать вѣру въ водахъ, болѣе согрѣваемыхъ солнцемъ, — заставляетъ ихъ покидать родныя воды. Несчастными стаи этихъ животныкъ, поклевувъ покрытыя льдами воды Ледовитаго Моря раздѣляются вкорѣ на двѣ могущественныя арміи. Одна изъ нихъ устремляется на западъ и въ короткое время поселяетъ воды, омывающія берега Сѣверной Америки; другая направляетъ свое шествіе къ югу, и обогащаетъ своими остатками Европу. Периодическая посылается у Исландіи около осенняго равноденствія. Здѣсь отъ нея отдѣляются многочисленныя отряды къ Гренландіи, между-тѣмъ какъ главная масса проходитъ Исландію и посылается у береговъ Шотландскихъ острововъ, гдѣ раздѣляется на три большія крылья. Лѣвое крыло распределяется около береговъ Норвегіи, вѣтвясь отъ сѣвернаго мыса, исполняетъ свои отряды Балтійское Море, моря Германіи, доходящими до Денмарка. Правое крыло направляется къ Гебридскимъ островамъ

и къ сѣверу Ирландіи. Центръ, состоящій изъ многочисленныхъ баталіоновъ, посылаетъ сильный отрядъ въ Оркадскіи острова и Шотландіи, а главный корпусъ проходитъ близъ береговъ британскихъ и наполняетъ Ламанскій проливъ.

Естествоиспытатели, вѣровавшіе въ переходы сельдей, описывали эти путешествія съ чрезвычайною подробностью; въ ихъ сочиненіяхъ представлены карты, на которыхъ означены движенія малѣйшихъ отрядовъ огромныхъ сельдяныхъ армій. Они старались вывести любопытную аналогію между правами этихъ путешествующихъ рыбъ съ извѣстными перелетами нѣкоторыхъ птицъ. Къ несчастію тутъ нѣтъ нисколько правды. Уже Блокъ возставалъ противъ сказаній о переходахъ сельдей, и противопоставилъ своимъ противникамъ важныя возраженія. И въ самой дѣлѣ, можно ли думать, чтобы голодъ выгонялъ сельдей изъ ихъ родныхъ водъ, именно въ то время года, когда арктическія моря начинаютъ населяться мириадами микроскопическихъ существъ—годовыхъ имъ въ пищу? Можно ли допустить, чтобы убѣгая отъ преслѣдованій китовъ, сельди непременно удалялись за сотни миль отъ мѣстъ, обитаемыхъ ихъ врагомъ? Почему страхъ и голодъ имѣютъ влияние только на взрослыхъ сельдей, и почему въ неизчислимыхъ ихъ стаяхъ не встрѣчается дѣтенышей? Вотъ самыя простыя, логическія возраженія. Но что всего важнѣе, теперь несомнѣнно доказано, что американская сельдь, совершенно отдѣльная порода, и вовсе не простое видоизмѣненіе европейской селедки. Сельди двухъ материковъ не берутъ своего начала отъ одного корня. Далѣе, появленіе въ водахъ каждаго европейскаго моря, постоянно, особеннаго вида сельди, не объясняется гипотезою переходовъ: можно ли допустить, чтобы между этими рыбами ежегодно проиходило такое правильное дѣленіе. Наконецъ наблюденіе надъ ловлею показываетъ, что сельди часто появляются въ южныхъ моряхъ, прежде нежели въ сѣверныхъ. Одно это обстоятельство уже не согласимо съ идеею о переходѣ.

Напомнимъ объ одномъ чрезвычайно примѣчательномъ фактѣ въ природѣ, котораго родъ человѣческій, занятый собою вообще и не подозрѣваетъ. У животныхъ не только есть породы и виды, какъ у насъ порода бѣлая, или такъ называемая, кавказская, порода монгольская, порода малайская — черная — красная, готтотская и прочая: у нихъ есть также и народы, какъ у насъ— есть свои нѣмцы, шведы, италянцы, турки, различные обычаи, нравы, любимыя кушаньями, общими забавами — различ-

дые преданіями и церѣдко языками, при всей одинаковости породы; у нихъ есть отечества и государства, какъ въ человѣчествѣ. Съ перваго взгляду это кажется страннымъ, но дѣло не подлежитъ сомнѣнію. Животныя народы раздѣляютъ между собою поверхность земли и пучины водъ, какъ люди, и придерживаются твердо своихъ участковъ, не оставляютъ и дорожатъ ими какъ родиною. У нихъ есть патриотизмъ, хотя нѣтъ ни положительныхъ границъ, ни таможенъ, ни пограничныхъ стражей. Въ каждомъ отдѣльномъ отечествѣ, одинаковость климата, пищи и мѣстныхъ средствъ создаетъ особенныя привычки, особенный характеръ, особенный темпераментъ, которые отражаются въ движеніяхъ животнаго, въ его походкѣ, осанкѣ, нравѣ, архитектурѣ, смысленности, промышленности и даже въ голосѣ. Воробей московскій, перенесенный на берега Невы или южнаго Двѣпра или западной Двины, тотчасъ бываетъ узнавъ тамошними доробьями какъ *чужостранецъ* и нѣмецъ, возбуждаетъ въ нихъ любопытство, насмѣшку, и даже вражду. Въ классѣ пѣвчихъ птицъ это еще примѣтнѣе. Соловьи, напримѣръ, въ каждой сторонѣ имѣютъ свой языкъ, свои напѣвы, свои особенныя мелодіи въ однихъ мѣстахъ они достигаютъ до удивительнаго искусства въ пѣніи и образуютъ крылатыхъ италянцевъ, какъ напримѣръ, соловьи тульскіе, самаркандскіе, хузистанскіе; въ другихъ поютъ какъ калмыки: напримѣръ въ Египтѣ, въ Китаѣ и такъ далѣе. Между тѣмъ порода одна и таже, но народъ другой, отечество другое, нравы, преданія, воспитаніе — другіе. У рыбъ тоже самое. У нихъ положительно есть отечество и привязанность къ родному краю, хотя, казалось бы, ни что не мѣшаетъ имъ переплывать въ морѣ изъ одного мѣста въ другое. И сельди подчиняются этому закону природы. Онѣ поступаютъ подобно перелетнымъ птицамъ, которыя, не покидая своего отечества, поднимаются лѣтомъ на горы, покрытыя лѣсами, а на зиму спускаются въ равнины, защищенныя отъ суровыхъ вѣтровъ. Въ морѣ есть свои глубокія равнины, которыхъ спокойствіе не можетъ быть нарушено никакими бурями. Въ эти то недоступныя убежища удаляется въ извѣстное время большая часть рыбъ и въ числѣ ихъ сельди. Отсюда выходятъ они, когда истинникъ воспроизведенія заставляетъ ихъ искать водъ менѣе глубокихъ — следовательно, болѣе освѣжаемыхъ воздухомъ, болѣе согрѣваемыхъ лучами солнца. Всѣ взрослые сельди, данной мѣстности поставлены въ одинаковое положеніе, ощущаютъ одну потребность, допущаются одинаковому побужденію. Истинникъ подра

жанія, котораго существованіе у рыбъ доказывается несомнѣнными фактами, увлекаетъ лѣнвыхъ, и сельди, подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ, покидаютъ огромными массами свои убежища и появляются въ густыхъ толпахъ на ближайшихъ отиляхъ. Это объясненіе внезапнаго появленія сельдей въ огромныхъ количествахъ тамъ, гдѣ ихъ не было ни одной еще наканунѣ, — просто и согласно съ фактами. Ошибаются тѣ, которые думаютъ будто сельди совершенно покидаютъ европейскія моря. Въ Голландіи, въ Бельгіи, въ Нормандіи ихъ ловятъ въ продолженіи всего года по одиночкѣ вмѣстѣ съ другими рыбами, обстоятельство необъяснимое — если допустить гипотезу переходовъ. Старые рыбаки увѣряли господина Валансиенна, что еслибъ сѣти ихъ могли быть брошены довольно глубоко, то они во всякое время ловили бы сельдей, въ такомъ же количествѣ, какъ въ самое лучшее время. Нѣкоторые рыбаки думаютъ даже, будто въ глубинѣ моря ихъ такъ много, и они такъ стѣснены, что сѣти скользятъ по нимъ какъ по гладкому мѣсту.

Какъ ни преувеличена, кажется, послѣдняя мысль, однако жъ она не далеко отклоняется отъ истины. Даже въ то время когда сельди поднимаются на поверхность моря, тѣло ихъ бываетъ такъ громадно, они соединены въ такія густыя колонны, что факты, доказанные наилучшимъ образомъ, кажутся иногда баснею. Въ Исландскихъ сагахъ сохранились воспоминанія о необыкновенныхъ ловляхъ. Олай-Великій рассказываетъ, какъ очевидецъ, что толпы сельдей, появившихся у берега, были такъ густы, что конь, воткнутое въ стаю, стояло прямо. Въ 1781 сельди появились близъ Бюско на готенбургскомъ берегу въ такомъ огромномъ числѣ, что ихъ брали руками. Въ 1784, въ одномъ Лохъ-Урѣ, въ продолженіе пятидесяти дней наловлено было сельдей на сумму 56,000 фунтовъ стерлинговъ, то есть, 3,500,000 рублей серебромъ. Въ 1773 году Лохъ-Торриденъ былъ до того наполненъ этими рыбами, что сто-пятьдесятъ рыбацкихъ лодокъ, вѣстимостью каждая отъ двѣнадцати до двадцати бочекъ, нагруженны сельдями втеченіи одной ночи. Въ 1774 фэйскіе рыбаки ловили по пятидесяти тысячъ сельдей въ одинъ неводъ. Въ Дюнкеркѣ, въ Кале, Діепшѣ, Булони, рыбаки въ одну ночь лавировали по двѣсти осмидесяти тысячъ штукъ сельдей. Были случаи, что большія рыболовныя суда едва не погибали, будучи увлекаемы въ бездну тяжестью попавшихся въ сѣти рыбъ; для спасенія судна необходимо было рубить канаты и пожертвовать частью сѣтей. Одинъ сказочскій рыболовъ, находившійся въ

подобномъ затруднительномъ положеніи, былъ вынужденъ оставить въ морѣ три четверти своей сѣти: въ остальной четверти онъ вытащилъ двѣсти тысячъ селедокъ; слѣдовательно около осьми сотъ тысячъ рыбъ попало въ сѣть въ одно мгновеніе. Заливъ, въ который заходитъ одна изъ такихъ стай, наполняется совершенно; первые ряды, толкаемые слѣдующими, выбрасываются ими изъ воды и покрываютъ собою берега вмѣстѣ съ другими рыбами, увлеченными толпою сельдей.

Тысячи прожорливыхъ рыбъ, огромные скаты, гигантскіе киты слѣдуютъ за стаями сельдей, пожирая несмѣтное ихъ количество. Съ давнихъ временъ къ числу этихъ страшныхъ природныхъ непріятелей сельди, присоединился и человекъ, со своею всеразрушительною промышленностью, а между тѣмъ количество этихъ рыбъ не уменьшается. Ежегодно легионы ихъ поднимаются изъ глубины океана, столь же многочисленныя какъ и прежде. Для этого сельди должны быть одарены въ высшей степени силою воспроизведенія. Самка сельди заключаетъ въ себѣ среднимъ числомъ отъ двадцати девяти до тридцати тысячъ яицъ. Большія сѣверныя селедки бросаютъ даже до шестидесяти осьми тысячъ яицъ. Кромѣ того, число самокъ превышаетъ болѣе нежели вдвое число самцовъ, и благодаря общественнымъ правамъ этихъ рыбъ, такая неравномѣрность несколько не мѣшаетъ ихъ размноженію. Побуждаемые одинаковымъ инстинктомъ, они цѣлымъ обществомъ отправляются на благопріятное мѣсто, и лишь только выметутъ свою икру, ближайшій самецъ выпускаетъ свою живительную влагу, которая даетъ лицамъ жизнь.

Во время своей стоянки въ Петропавловскомъ портѣ, коммодоръ Биллингсъ замѣтилъ слѣдующее явленіе: многіе изъ этихъ рыбъ плавая, описывали кругъ около сажени въ діаметрѣ; въ срединѣ такого круга стояла неподвижно одна сельдь; трава, окружавшая кругъ, вкорѣ приняла яркій желтый цвѣтъ. Когда насталъ отливъ, весь берегъ, трава, камни и песокъ оказались покрытыми на полдюйма икру, которую собаки, чайки и вороны оспаривали другъ у друга. Подобныя разрушительныя привычки всюду ожидаютъ икру сельдей. Избѣгнувшія габели яички, превращаются въ маленькихъ рыбокъ бѣлаго цвѣта, которыя первую молодость свою проводятъ въ водахъ своего мѣсторожденія; потомъ спускаются въ глубину морей, гдѣ остаются до тѣхъ поръ, пока ихъ не выгонитъ оттуда инстинкъ размноженія.

Общее мнѣніе приписываетъ Голландцу Вильгельму Букеллигу чашъ-Биролату изобрѣтеніе способа солить сельдей; но это за-

блужденію. Даже въ Голландіи, уже въ 1344 году, графами этой провинціи были учреждены привилегированныя рынки для сельдей; обстоятельство, заставлявшее предполагать, что искусство сохранять эту рыбу, было извѣстно. Въ Англіи, въ хартіяхъ одиннадцатаго и двѣнадцатаго вѣковъ, упоминается о соленыхъ сельдяхъ и о количествѣ ихъ, долженствующемъ находиться въ боченкѣ и въ бочкѣ. Съ тринадцатаго вѣка Датчане вели столь обширный торгъ сельдями, что Гельмольдъ, одинъ изъ продолжателей славянской лѣтописи, описываетъ этихъ рыболововъ, одѣтыми въ дорогія ткани, которыми они украшали себя, покупая ихъ на золото, вымѣняваемое у иностранцевъ на сельдей. Около этого же времени ганзейскіе города Любекъ и Гамбургъ обязаны были своимъ благосостояніемъ этой же промышленности, и имѣли конторы на берегахъ Норвегіи. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ предполагать, что средства сохраненія сельдей были въ тѣ времена очень хорошо извѣстны. Букелингу, по нашему мнѣнію, принадлежитъ только честь усовершенствованія соленія.

Во Франціи о ловлѣ сельдей упоминается уже въ 1030 году въ одной монастырской грамотѣ; въ слѣдующемъ вѣкѣ эта промышленность принимаетъ уже замѣчательный характеръ; въ 1141 году въ Парижѣ учреждается настоящая компанія, подъ названіемъ «*Confrérie des marchands de Peau*». Эта компанія, составившаяся изъ богатыхъ купцовъ, купила Гревскую площадь, и устроивъ на ней складочное мѣсто, предприняла торговлю по всему теченію рѣки и получила отъ правительства обширныя привилегіи. Между прочими податями, вложенными этою компаніею, видно, что она брала по сту сельдей съ каждаго судна, нагруженнаго соленою рыбою. Доказательствомъ тому, какую важную роль играла торговля сельдями въ эту эпоху, можетъ служить то, что она для нѣкоторыхъ монастырей сдѣлалась предметомъ пожалованія и привилегій, за которыя они твердо держались.

Хотя нынче доказано, что не Голландцы изобрѣли искусство солить сельдей, однако жъ должно согласиться въ томъ, что ни одинъ народъ не умѣлъ довести этой отрасли промышленности и торговли до такого совершенства, какъ они. Впрочемъ начало, какъ и всегда, было для нихъ трудно. Втеченіи четырехъ столѣтій, Голландія, несмотря на всѣ поощренія, которыя были оказываемы сельдянымъ промышленникамъ, посылала въ море только небольшія суда, бросавшія свои сѣти неподалеку отъ береговъ, и то очень небольшого размѣру. Въ концѣ пятнадцатаго

столѣтія скандинавскіе государи, желая ограничить постоянно усиливавшееся развитіе ганзеатическихъ городовъ, нашли самымъ лучшимъ средствомъ — пригласить голландскихъ рыболововъ на свои берега, и позволить имъ учредить рыболовныя становища на берегахъ Сканин. Императоръ Гамбурга и Любека былъ заманчивъ. Голландцы начали строить большіе корабли, называемые «бюйзами», и придумали огромнаго размѣра неводы, употребляемые донынѣ. Въ это же самое время, въ 1416 году, Букелингъ, изобрѣтеніемъ особеннаго способа укладки, произвелъ совершенный переворотъ въ искусствѣ сохраненія сельдей въ прокъ. Неоспоримое превосходство сельдей, приготовленныхъ по способу Букелинга, уронило сельдяную промышленность всѣхъ прочихъ странъ, и упрочило за Голландцами этого рода монополию, которой важность они вскорѣ замѣтили. Послѣ смерти Букелинга, благодарное отечество воздвигнуло ему памятникъ, на который каждый добрый Голландецъ смотритъ съ уваженіемъ и на которомъ Карлъ Пятый и сестра его, королева венгерская, скушали по полу-сеledкѣ и выпили вина въ честь простаго рыбака.

Въ этихъ знакахъ уваженія нѣтъ ничего преувеличеннаго. Изобрѣтеніе Букелинга изъ незначительнаго народа сдѣлало вскорѣ сильную націю. Поощряемые успѣхомъ, голландскіе рыболовы умножили число своихъ становищъ въ Сканин, а суда ихъ простирали свое плаваніе даже до береговъ Британскихъ острововъ, и въ особенности до береговъ Ярмута, гдѣ и теперь производится одна изъ значительнѣйшихъ ловлей сельдей. Сначала они были обезпечиваемы Англичанами; но вскорѣ, въ 1494 году, заключили съ ними договоръ, извѣстный подъ названіемъ *intercursus*, на основаніи котораго *рыболовы обѣихъ націй* получили право *свободно заниматься рыбною ловлею всюду*. Съ этой минуты предпріятіе быстро развилось у Голландцевъ. Въ концѣ пятнадцатаго столѣтія отъ шести до семисотъ бюйзовъ стали ежегодно совершать около трехъ поѣздокъ и привозить богатые грузы, которыхъ цѣнность простиралась до 1,470,000 золотыхъ флориновъ. Расширивъ предѣлы своей торговли, Голландцы увидѣли необходимость покровительствовать ей. Въ 1547 году одинъ городъ Энкгейсенъ, гдѣ имѣли мѣстопробываніе искусные солишки сельдей, построилъ семь кораблей для защиты своихъ рыболовныхъ судовъ. Спустя шесть лѣтъ, этотъ городъ имѣлъ уже двадцать военныхъ кораблей, расходы на построеніе и содержаніе которыхъ были взимаемы съ рыболовной добычи. Эти корабли назначены были, въ случаѣ нужды, оказывать защиту ста-

сорока судамъ, отправленнымъ за сельдями. Въ 1603 году было вывезено сельдей на 11,000,000 рублей серебромъ; въ 1606 одинъ вывозъ въ сѣверныя государства простирался уже до 8,500,000 рублей серебромъ. Въ 1616 году изъ голландскихъ портовъ на ловлю сельдей вышло двѣ тысячи буюзовъ съ тридцатью семью тысячами рыболововъ. Спустя три года число такихъ судовъ, назначенныхъ исключительно для ловли сельдей, простиралось уже до трехъ тысячъ, съ пятидесятью тысячами моряковъ, между-тѣмъ какъ девять тысячъ другихъ судовъ всякаго рода, съ 150,000 человекъ экипажа, занимались защитою и надзоромъ за ловлею, перевозкою и сбытомъ наловленной рыбы. Въ это время Голландія снабжала солеными сельдями четыре части свѣта. Она посылала ихъ во всё государства Европы, отправляла цѣлые грузы въ Смирну, Константинополь, порты Греціи и Востока, откуда эта рыба развозилась въ сосѣднія страны. Голландскія сельди переплыли наконецъ Атлантическій Океанъ и появились даже на рынкахъ Бразиліи.

Въ это время голландское рыболовство достигло своего апогея. Съ этой минуты начинается его упадокъ. Въ Англіи образовались компаніи, и Карлъ-Первый оказывалъ имъ все свое покровительство. Уже Іаковъ-Первый искалъ предлога нарушить договоръ 1494 года. Онъ не позволялъ Голландцамъ ловить сельдей близъ англійскихъ береговъ иначе, какъ съ платою извѣстной пошлины. Карлъ возобновилъ эти законы, и между-тѣмъ, какъ Сильдевъ и Гроціусъ спорили о правахъ, господствовавшихъ на морѣ, Карлъ въ 1636 году вооружилъ сильный флотъ, на которомъ вѣрилъ начальство графу Нортумберленду. Онъ напалъ врасплохъ на голландскіе корабли, потопилъ нѣсколько ихъ, а остальные привудилъ войти въ великобританскія гавани, и подписать договоръ, по которому Голландцы обязались за право ловли сельдей платить соединенному королевству ежегодно по 30,000 флориновъ.

Благодаря навыку, прибрѣтенному втеченіи долгаго времени, признанному всѣмъ превосходству ихъ способа соленья, Голландцы легко могли бы соперничать съ Англичанами, они очень скоро поправили бы свои дѣла, особенно въ это время гражданскихъ смуть въ Англіи, повлекшихъ за собою смерть Карла-Перваго; но они имѣли неблагоразуміе раздражить Кромвеля оскорбленіемъ армоусскихъ рыболововъ и неаккуратностью во взносѣ пошлины. Двадцать-четвертаго іюля 1652 года Блекъ напалъ на голландскія суда, шедшія къ своимъ становищамъ, подъ защи-

тому двѣнадцать военныхъ кораблей. Англійскій адмиралъ захватилъ всѣ конвойные корабли и около двухъ сотъ буйзовъ. Напрасно знаменитый Тромпъ, предводитель эскадры, старался отмстить за своихъ соотечественниковъ. Сильная буря раздѣлила враждебные флоты, горѣвшіе желаніемъ вступить въ бой. Во время войнъ своихъ съ Людовикомъ Четырнадцатымъ, Голландцы испытали еще большее несчастіе: ихъ рыболовная флотилія была совершенно истреблена французскою эскадрою въ 1703 году. Иностранное соперничество, возрастающее съ каждымъ днемъ, не позволяло голландскому рыболовству войти въ прежнюю силу, а развитіе шведскихъ рыбныхъ ловлей, въ срединѣ осьмнадцатаго столѣтія, убило его окончательно. Съ этого времени, до начала нынѣшняго столѣтія, ловля сельдей падала съ каждымъ днемъ въ Голландіи, могущество которой она приготовила и поддерживала. Соединеніе Голландіи, страны существенно торговой, съ Бельгіею, — государствомъ чисто промышленнымъ, — еще болѣе ускорило паденіе сельдянаго рыболовства. Важною ролью, которую Голландія играла въ исторіи пятнадцатаго столѣтія, она обязана селедкѣ, и одной только ей. Ей она обязана своими колоніями, которыя и теперь еще составляютъ ея богатство. Она не имѣла бы средствъ на первые расходы по учрежденію поселенія на Мысѣ Доброй Надежды, если бъ сельдяные ея промыслы не доставляли ей средствъ для учрежденія, покровительства и развитія возникавшихъ конторъ. Море лучше земли вознаграждаетъ труды человѣка. Тому, кто обращается къ морю за богатствомъ, вѣтъ нужды имѣть деньги на покупку почвы, на ея разработку, содержаніе, посѣвъ и прочая; всѣ его расходы ограничиваются покупкою рыболовныхъ снарядовъ, то есть, *расходами на жатву*.

Хотя прибрежныя воды сѣверной Европы изобилуютъ превосходнаго качества сельдями, однако жъ рыбные промыслы скандинавскихъ народовъ иногда не достигали до такого развитія, какъ у Голландцевъ. Со всѣмъ тѣмъ, кровавыя распри, которыхъ ловля сельдей была причиною, доказываютъ, что самыя цвѣтущія государства высоко цѣнили важность этого промысла. Сначала тринадцатаго вѣка почти всѣ города Нижней Германіи имѣли въ Скагін или въ Норвегіи земли, уступленныя имъ датскими и шведскими королями для учрежденія рыболовныхъ становищъ. Въ 1242 году Эрикъ-Шестой, завистливо смотрѣвшій на усилившаеся могущество ганзейскихъ городовъ, сталъ нападать на любскихъ рыболововъ. Союзъ тотчасъ взялся за ору-

же, осадилъ Копенгагенъ, взявъ его приступомъ, разграбилъ и снесъ крѣпость. Въ 1368 году Вольдемаръ-Четвертый хотѣлъ было тоже обложить податью промышленниковъ ганзеатическаго союза, но города рѣшили продолжать ловлю сельдей на берегахъ Сканин, несмотря на датскаго короля. Ганзеатическія города эти не ограничились. Они заключили съ сосѣдними государями, и между прочимъ съ королемъ шведскимъ союзъ, которымъ обязывались напасть на Давію и раздѣлить ее между союзными государями. Ганза предоставляла себѣ право свободы отъ податей, и нѣкоторыя привилегіи въ портахъ обоихъ королевствъ, право ловли сельдей въ Сканин, съ платою полуторы копѣйки серебромъ съ ласта, и право провоза этой рыбы черезъ Зундъ, съ платою рубля серебромъ съ пуда. Военныя дѣйствія вскорѣ начались; въ 1369 году союзники овладѣли Копенгагеномъ и многими другими городами. Миръ былъ заключенъ въ слѣдующемъ году, и для рыболовства ганзеатическихъ городовъ были сдѣланы Датчанами всѣ уступки, подтвержденныя впоследствии наследниками Вольдемара. Съ этого времени датское рыболовство постоянно продолжалось съ дѣятельностью, поддержавшеюся до нашего времени. Въ 1830 году одна альтонская компанія высылала за сельдями тридцать кораблей. Въ 1836 году изъ одного Аалсборга было вывезено 60,500 боченковъ сельдей.

Почти до половины пятнадцатаго вѣка, берега Сканин были главнымъ центромъ скандинавскихъ рыболовныхъ промысловъ, но въ это время, сельди по чему-то удалились отъ датскихъ береговъ, и появились близъ береговъ Швеціи и Норвегіи. Рыболовы послѣдовали за ними, и обширныя заведенія устроились въ городѣ Бохусѣ, который вскорѣ сдѣлался сборнымъ мѣстомъ многочисленныхъ купеческихъ судовъ, германскихъ, фризскихъ, голландскихъ, англійскихъ, шотландскихъ, приходившихъ покушать рыбу, наловленную и посоленную Шведами. Такое благодѣяніе продолжалось до 1588 года. Съ этого времени количество сельдей съ каждымъ годомъ стало уменьшаться, и въ первыя годы семнадцатаго столѣтія едва были замѣтны слѣды прежняго богатства этого города. Не взирая на постоянныя усилія Густава Адольфа, Христины и Карла-Одиннадцатаго, сельдяныя промыслы тихо шли до половины осемнадцатаго вѣка. Въ 1746 году въ заливахъ Богусланда появились вновь безчелюсныя стаи сельдей, и дѣятельность жителей оживилась. Мѣры правительства умѣнчались долрымъ успѣхомъ. Въ 1759 году въ этихъ мѣстахъ добыто было сельдей до двухъ-сотъ-тысячи тоннъ. Въ

1763, Шведы усвоили голландскій способъ укладки, и вскорѣ шведскія сельди начали соперничать на всѣхъ рынкахъ съ голландскими. Готенбургъ сдѣлался центромъ этой торговли. Грузинъ его кораблей была завалена вся Германія. Его суда проинкли въ Средиземное море, и появлялись даже на Мадерѣ, Антильскихъ островахъ. Въ 1775 году, изъ Готенбурга было вывезено 94,594 боченка сельдей. Въ 1781 году вывозъ сельдей протвирался до 136,649 боченковъ (въ боченкѣ заключается 1,200 сеledокъ). Это время было самою блестящею эпохою шведскаго сельдянаго промысла. Въ послѣднихъ годахъ осемнадцатаго вѣка станъ сельдей съ каждымъ годомъ стали дѣлаться менѣе многочисленны, появляться поздно и не въ обыкновенномъ порядкѣ. Въ 1799 г. паловенныхъ сельдей едва достало на мѣстное потребление; вывозъ ихъ былъ запрещенъ. Въ 1800 г. въ Норвегію, которая снабжала сельдями всю Европу и даже Америку, сельдей начали привозить изъ Шотландіи. Въ такомъ печальномъ положеніи находятся сельдяные промыслы въ Норвегіи до-нынѣ.

Великобританія представляетъ намъ несомнѣнные документы о сельдяныхъ промыслахъ. Объ нихъ упоминается въ законахъ о доходахъ и расходахъ монастырей, уже въ 709 году. Море, омывающее берега Британскихъ острововъ — самое богатое сельдями; въ самыя отдаленныя времена на берегахъ Англии и Шотландіи ловля сельдей производилась съ замѣчательною дѣятельностью, но съ 1429 года она немного приутихла. Король Іаковъ запретилъ продавать сельдей иностранцамъ, которые, особенно Голландцы, покупали богатые грузы прямо въ морѣ. Это приказаніе, уничтоживъ значительный сбытъ для шотландскихъ рыболововъ, и подстрекнувъ торговую дѣятельность Голландцевъ, нанесло такой ударъ шотландской сельдяной промышленности, отъ котораго они уже никогда не могли поправиться. Въ половинѣ шестнадцатаго столѣтія сельдяной промыселъ былъ совершенно въ рукахъ Голландцевъ и Испанцевъ.

Великобританскіе короли втеченіе долгаго времени напрасно старались измѣнить это положеніе вещей: до половины осемнадцатаго вѣка они постоянно поощряли образованіе сильныхъ компаній, даруя имъ привилегіи, долженствовавшія по ихъ расчетамъ обезпечить имъ успѣхъ. Принцы королевскаго дома вступали въ акціонеры этихъ компаній, которыми управляли члены палаты лордовъ. Этихъ компаніймъ были оказываемы всѣ возмозныя поощренія, но не смотря на то онѣ разорились и падали одна за другою. Такая неудача не охлаждала однакожъ пред-
Т. ХСѢІ. — Отд. III.

принимчивости Англичанъ: въ 1749 году образовалось общество британскаго рыболовства, съ капиталомъ 500,000 фунтовъ стерлинговъ; принцъ Валлійскій принялъ званіе президента, государство назначило значительныя преміи за вывозъ, и благодаря этимъ соединеннымъ усиліямъ, общество въ 1753 году было въ состояніи выслать въ море тысячу рыболовныхъ судовъ (flibots): со всѣмъ тѣмъ такое искусственное возбужденіе дѣятельности не принесло вещественныхъ выгодъ. Необыкновенныя привилегіи, данныя компаніи убивъ частную промышленность, особенно въ Шотландіи, а расходы на первоначальное заведеніе и ремонтъ рыболовныхъ снарядовъ поглощали всѣ доходы компаніи. Въ 1766 году общество совершенно упало, а война, возникшая между Англіею и Франціею, только ускорила разореніе акціонеровъ.

Изъ журналовъ этого времени видно, что нелѣпость этихъ дорого обходящихся опытовъ начала быть понимаема народомъ, и что система привилегированныхъ компаній нашла въ немъ строгаго судью. Когда въ началѣ выпѣшняго столѣтія англійское правительство нашло нужнымъ возбудить нѣсколько сельдяную промышленность, то не позволило себѣ впасть въ прежнюю ошибку. Поощренія и преміи сдѣлались доступны всякому, и успѣхъ не замедлилъ увѣичать эти мѣры. Искусство соленія было усовершенствовано до такой степени, что въ 1826 году шотландскія сельди, въ Гамбургѣ были предпочтены голландскимъ. Съ 1809 года число рыболововъ постоянно увеличивалось, такъ что въ 1826 году число рыболовныхъ судовъ простиралось до 10,363, съ 44,598 рыболовами, а число солищниковъ простиралось до 76,041 человекъ. Вывозъ сельдей увеличивался тоже съ крайнею быстротою; въ 1835 году одни шотландскіе сельдяные промыслы доставили 402,000 боченковъ сельдей. Если въ слѣдующемъ году добыча сельдей уменьшилась вполнну, то это должно приписать неожиданному изчезновенію рыбы, явленіе, о которомъ мы уже не разъ говорили выше. Какъ бы то ни было, сельдяные промыслы съ каждымъ годомъ приносятъ Великобританіи все болѣе и болѣе выгодъ, и безъ сомнѣнія еще болѣе разовьются вслѣдствіе договора, заключеннаго въ 1839 Англіею и Франціею.

Во Франціи сельдяной промыселъ никогда не имѣлъ большаго значенія, что безъ сомнѣнія должно приписать недостатку въ склонности Французовъ къ морю. Ихъ сельдяныя ловли, уничтожившіяся во время войнъ республики и имперіи, мало-по-малу возстановились. Въ 1821 году, она употребила 295 рыболов-

ныхъ судовъ въ 8,055 тоннъ съ 4,256 рыболововъ. Въ 1831 число судовъ, назначенныхъ для ловли сельдей простиралось до 633, въ 13,745 тоннъ, съ 7,106 рыболовами. Добыча съ 1843 до 1847 года колебалась между 13,772,780 и 23,339,180 килограммами, цѣвною въ 1,500,000 рублей серебромъ въ годъ.

Говоря о сельдахъ не забудемъ упомянуть объ одномъ чрезвычайно важномъ предметѣ, объ сельдяномъ жирѣ. Это масло хотя уступаетъ въ достоинствѣ китовому жиру, можетъ однакожь замѣнять его во многихъ отношеніяхъ.

Изъ всѣхъ государствъ Европы, въ Швеціи промышленность эта достигла наибольшаго развитія. Въ 1750 году нѣкто Бауеръ, первый приготовилъ для своего домашняго употребленія сельдяной жиръ. Баронъ Чагмавъ, понявшій всѣ выгоды, которыя можно было извлечь изъ этой фабрикаціи, не пожалѣлъ ни денегъ ни трудовъ, чтобъ обогатить ею свое отечество. Сначала для приготовленія этого жиру шли только жабры и внутренности; но какъ жиръ нашель для себя хорошій сбытъ, и какъ въ это время сельди посѣщали берега Швеціи въ громадномъ числѣ, въ 1776 году Шведы начали вытапливать жиръ изъ цѣлыхъ рыбъ. Значительные барыши, полученные этимъ способомъ, породили соревнованіе. Въ 1783 году въ Швеціи считалось уже двѣсти сельдяныхъ салотопень, построенныхъ на скалахъ окаймляющихъ берега, отъ Готенбурга до Истрамштадта. Расположеніе салотопень въ этихъ мѣстахъ, представлявшее возможность доставлять свѣжую рыбу прямо на заводы, и сбывать туда же остатки отъ соленья, сначала очень много способствовало благосостоянію этихъ заведеній, но въ то же время сдѣлалось причиною ихъ упадка въ послѣдствіи. Когда ловъ сельдей, какъ сказано выше, уменьшился, причину исчезновенія рыбы приписали тому, что огромныя массы «Трангрума» или рыбной мякоти, изъ которой уже вынотрошенъ жиръ, были бросаемы въ море. Хотя предположеніе это ни на чемъ не было основано, однакожь правительство, уступая общему мнѣнію, предписало перевозить эту мякоть внутрь страны и зарывать ее въ землю, что обходилось дорого. Салотопы принуждены были покинуть берега. Кромѣ того разныя другія привязки сдѣлались причиною, если не совершеннаго уничтоженія этихъ заведеній, то значительно уменьшили ихъ дѣятельность.

Добываніе жиру изъ сельдей очень просто. Рыбу варятъ въ огромныхъ мѣдныхъ котлахъ часовъ пять или шесть, помѣшавъ ее до тѣхъ поръ, пока она превратится въ кашницу; огонь

заливаютъ, прибавляютъ въ котель холодной воды и оставляютъ смѣсь въ покоѣ часа на два или на три. Потомъ снимаютъ всплывшій на поверхность жиръ и сливаютъ его въ бочки, оставляютъ въ покоѣ еще нѣсколько времени, и наконецъ процеживаютъ. Если варка продолжалась слишкомъ долго, масло приобретаетъ нѣсколько темноватый цвѣтъ; — хорошо приготовленное — чисто, прозрачно и застываетъ, какъ оливковое, отъ холоду. Въ этомъ видѣ оно очень уважается Камчадалами, которые употребляютъ его въ пищу.

Трангрумъ считается въ Швеціи самымъ лучшимъ удобрениемъ. Если салотопы были вынуждены зарывать его въ землю даромъ, это потому что государство не было въ состояніи потребовать огромныхъ массъ его, ежегодно выходявшихъ изъ салотопныхъ котловъ. Трангрумъ по крайнѣйшій мѣрѣ ровняется съ знаменитымъ гуано, за которымъ на берега Америки отправляются изъ Европы цѣлые флоты, и котораго слон, накопившійся въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ, истощаются теперь очень быстро. Состоящій почти изъ однихъ азотистыхъ веществъ, и фосфора въ различныхъ видахъ, трангрумъ заключаетъ въ себѣ всѣ начала, необходимыя для питанія растений, и въ особенности зерновыхъ хлѣбовъ. Но для распространенія употребленія его въ земледѣліи, трангрумъ нужно перевозить, а тутъ и представляется затрудненіе: не обработанный, онъ очень скоро начинаетъ гнить. Для предотвращенія гніенія лучшее средство по нашему мнѣнію, сушка. Для этого нужно подвергнуть трангрумъ дѣйствию пресса, высушить сдѣланные изъ него кирпичи въ сушильной печи, нагреваемой тѣмъ же самымъ огнемъ, которымъ приводится въ кипѣніе вода въ котлахъ. Высушенный трангрумъ можно складывать въ бочки. При этой системѣ можно будетъ устранивать салотопни на берегу моря; суда, которыя займутся перевозкою высушеннаго трангрума, не будутъ уже находиться въ опасности прійти къ мѣсту назначенія безъ груза, потому что они могутъ нагружаться на половину масломъ и трангрумомъ.

Прибавьте ко всему сказанному о важности сельскаго промысла то, что онъ составляетъ превосходную школу для молодыхъ моряковъ, и вы увидите, что съ этою промышленностью соединены важные, многочисленные интересы, и что сельскаго достойна уваженія и любви всякаго благонамѣреннаго читателя.

ГЕОЛОГИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ДОРОГИ

КЪ ВОДОПАДУ ИМАТРЫ.

=

Многіе изъ жителей Петербурга были, какъ говорится, для развлеченія въ Финляндіи; многіе смотрѣли на дикія красы ея природы, но очень немногіе замѣтили ихъ; большая часть даже воротилась недовольными въ страну и такъ-называемою неподдажностью и сварливостью Финновъ. Причина равнодушія къ странѣ очень проста; мы восхищаемся только тѣмъ, что понимаемъ, для чего приготовленъ нашъ глазъ, кчему развитъ нашъ умъ. Подобно знать природу, чтобъ понимать ее и восхищаться ей; точно также необходимо изучать въ человѣка, чтобъ открыть ея хорошія стороны и полюбить его; изученіе природы и человѣка одно и то же. При этомъ никакъ не должно еще выпускать изъ виду одинъ неизмѣнный законъ, то есть, что и въ природѣ и въ людяхъ все относительно; ни природа ни человѣкъ не представляютъ ничего абсолютно превосходнаго или дурнаго; все въ мірѣ можетъ быть только относительно и въ своемъ родѣ хорошо. Природа Финляндіи представляетъ очаровательныя красоты, но красоты иного рода чѣмъ въ Италіи, Швейцаріи, или на берегахъ Рейна. Въ Финляндіи вы не найдете ни живости, ни привѣтливости Француза; но вы непременно станете его ува-

жать, когда узнаете, что онъ, какъ и всѣ горные жители, безгранично любитъ свою родину, и что въ его спокойной натурѣ глубоко вкоренено чувство правоты. Финляндецъ, при малѣйшей несправедливости къ нему, становится тигромъ и никому не позволяетъ обидѣть себя, и это-то высокое достоинство челоука многие называютъ сварливостью и строптивостью. Надобно сожалѣть польскаго Жнда, который, изъ корысти, съ улыбкою сноситъ насмѣшки и даже позволяетъ, въ шутку, побить себя; но Финляндецъ, который за каждую недоданную копѣйку требуетъ васъ къ суду, стѣбитъ всякаго уваженія.

Желая познакомить путешественниковъ съ природою замѣтнѣйшихъ мѣстъ Финляндіи, возьмемъ, на первый разъ, водопадъ Иматру и весь путь къ нему отъ Петербурга чрезъ пограничную финляндскую станцію Раа-Юки и Выборгъ. Все это пространство представляетъ двѣ существенно различныя части: *наоскую*, отъ Петербурга до деревни Кемере, верстахъ въ трехъ предъ послѣднею до Выборга станціею Лильперо, и *гранитную*, которая тянется до Выборга и Иматры включительно. Чтобы обрисовать ихъ яснѣе и точнѣе, я долженъ начать нѣсколько съдалека, съ общихъ геологическихъ фактовъ. Всѣ наблюденія наши показываютъ, что на огромной глубинѣ, подъ поверхностью земли, безпрестанно дѣйствуетъ огонь, который въ отдаленныя, такъ-называемыя геологическія времена, свѣрщивалъ съ необыкновенною силою, блуждая подъ корою земли въ различныхъ направленіяхъ. Находившіеся въ его соприкосновеніи матеріалы земли расплавились имъ, принимали большій прежняго объема, и приподнимали надъ собою верхніе пласты земли, иногда до того, что если это случалось подъ моремъ, то дно его становилось сушею, и сбывшая вода пожимала сосѣдную часть материка. Такую участь испытывала вся наша земля нѣсколько разъ; море вело постоянно кочевую жизнь, и очертаніе и положеніе суши безпрестанно измѣнялось. Обыкновеннымъ явленіемъ, при этихъ подъемахъ, было и то, что приподнятыя и въ видѣ огромныхъ куполовъ взогнутые пласты разламывались сверху до низу, а расплавленные подъ ними массы вливались въ эти трещины до самаго верху и, охладившись, образовали какъ бы стержень горъ, состоящій изъ гранитовъ, гнейсовъ, діоритовъ, порфировъ и изъ иныхъ *огненныхъ или плутоническихъ породъ*, характерныхъ своимъ кристаллическимъ сложеніемъ.

Такимъ образомъ и наша Финляндія была нѣкогда двонъ но-

ря; въ эту эпоху, конечно, очень далекую, но для геолога до того ясную, что ему кажется, будто бы все это происходило вчера въ мерель его глазами, въ эту эпоху дно моря, соответствующее средней полосѣ Финляндіи, было вдругъ сильно приподнято и переключено, и склоны преломы его выдвинулись огромныя расплавленные массы, которыя, не выставляясь надъ уровнемъ моря, медленно текли еще нѣсколько и образовали удлиненыя подводныя горы: гранитныя, гнейсовыя и изъ слюдястаго сланца.

За этимъ переворотомъ слѣдовала эпоха спокойствія; море обывало подводныя горы свои, обрывало ихъ гребни и зубцы, и мало-по-малу давало имъ видъ длинныхъ, сверху округленныхъ, исполвинскихъ каменныхъ громадъ. Оторванные куски мѣлшей величины теченіемъ воды и волнами увлекались все далѣе и далѣе, и вмельчались даже въ песокъ разнообразнѣшаго зерна; такъ, что всѣ долины подводныхъ горъ наконецъ завалены были этимъ пескомъ и кусками гранита, гнейса, и такъ далѣе.

Послѣ этого наступила снова эпоха усиленнаго дѣйствія подземнаго огня; все дно моря, со всѣми своими неровностями, было приподнято выше уровня воды и явилось тѣмъ, что мы теперь называемъ Финляндією. Направленіе этого подъема было съ сѣверо-запада на юго-востокъ, то есть, сначала явилась сѣверная часть суши, и потомъ, хотя быстро, но все же постепенно и болѣе южныя части; поэтому и море быстро отхлынуло также съ сѣверо-запада на юго-востокъ и уносило въ своемъ теченіи все, чѣмъ завалены были долины между горами средней полосы. Песокъ, при самомъ выходѣ своемъ, улегся огромными накатами и холмами, которые извѣстны многимъ изъ жителей Петербурга, по живописнымъ видамъ Токсова и Нарголова. Далѣе, къ югу, песокъ свесенъ былъ тише, и ровнѣе, отчего и образовались обширныя высокія пакаты, какова напримѣръ та высокая и сухая песчаная площадь, на которой стоятъ Лѣсной Институтъ съ своими садами и дачами, Спасская Мыза или Куселевка и далѣе Гражданка, Ручьи и Мурьино. Въѣздъ на эту песчаную пакать образуетъ, по Выборгской сторонѣ, сперва уступъ у дачи Рейнга, а потомъ *Поклонную гору*.

Вмѣстѣ съ пескомъ несены были и гранитныя обломки малой и средней величины, утѣляшіе собою все пространство подъема, а извѣстныя у геологовъ подъ названіемъ *валезники*, *валуновъ* или *заносныхъ камней* (*blois erratiques*). Эти заносныя камни бываюгъ весьма различной величины: отъ *малой*, которая упо-

проблается въ нашей стояницѣ на местопути, до средней, которую можно обхватить обѣими руками, и даже до *смагитской*, сажени до трехъ по азимуту направленіямъ. Если сообразить, что финляндскія горы не выше трехъ-сотъ футовъ, и что поэтому надое обыкновеннаго моря было незначительно; если присоединить къ этому наблюденія надъ силою и быстротою теперешнихъ водъ, то мы убѣдимся, что описанный выше потокъ моря могъ унести съ сѣверо запада на юго-востокъ, только-что валуны малой или средней величины; что же касается до исполинскихъ занесенныхъ камней, то они были занесены отъ мѣста ихъ происхожденія вѣями, весьма простыми, еще и теперь повторяющимися ородами: всякому, кто жилъ при большихъ озерахъ или рѣкахъ, извѣстно, что зимою ледъ при берегахъ замерзаетъ до самаго дна и въ него вмерзаютъ валуны, часто огромной величины; водою прибываетъ вода, и приподнимаетъ весь ледъ и съ ним вмерзшіе камни, которые на своихъ льдинахъ, какъ порабъ и камеляхъ, какъ тяжелая поклажа на плотахъ, уносятся далеко отъ того мѣста, гдѣ прежде лежали. Какъ въ первую эпоху, такъ и при началѣ второй, Финляндія была моремъ, которое было въ связи съ теперешнимъ Ледовитымъ, а потому не было недостатка въ огромныхъ льдахъ для перенесенія исполинскихъ камней на далекія разстоянія.

Такимъ образомъ понятно, почему вся полоса отъ Петербурга до деревни Кемере названа *намосною*. Вся ея почва состоитъ изъ толщъ рыскаго песку, представляющихъ иногда плоскія, высокія равнины, иногда же довольно живописные холмы, рытвины и овраги, съ озерами и ручьями. Вершины холмовъ покрыты самою простою сѣвѣрною растительностію, единообразными и нечлѣвными сосновыми лѣсами, вѣрными указателями сухой и тощей песчаной почвы. Пресачивающаяся сквозь холмы вода, приноситъ съ собою на глубины долинъ, и овраговъ, глина и известь, отчего почва этихъ мѣстностей богаче и растительность разнообразнѣе, представляя лѣса березы, ольхи, осины, орѣшнику и явы.

Вторую полосу дороги къ Иматрѣ, мы назвали *гранитною*; въ которой избы деревни на лѣво отъ дороги, поставлены уже на голыхъ, едва изъ песчаныхъ наносовъ выступающихъ *лѣсахъ* гранитныхъ купъ, которыя, чѣмъ ближе къ Выборгу и къ Иматрѣ, тѣмъ становятся многочисленнѣе, и тѣмъ болѣе выносятся надъ уровнемъ песку и гранитныхъ валуновъ. Вы-

сота этихъ горъ, впрочемъ, такъ незначительна, что ихъ скорѣе должно назвать холмами; общій удлиненный и округленный видъ ихъ, объясненъ уже выше способомъ ихъ происхожденія; вершины ихъ и крутые скаты, по большей части, обнажены совершенно, и намъ остается только объяснить три весьма замѣчательныхъ факта, которые путешественникъ встрѣчаетъ здѣсь почти на каждомъ шагу, а именно *разрушеніе* гранитныхъ горъ, *полюсованныя* ихъ *поверхности* и *каменные поясы*.

Здѣшній гранитъ составленъ изъ кристаллическихъ кусковъ, преимущественно трехъ минераловъ, *полеваго шпата*, *кварца* и *слюда*; первый изъ нихъ, по большому количеству своему, самая существенная составная часть, представляетъ тѣльнаго цвѣта кристаллы, сваружи неполицъ развитые, а потому всегда болѣе или менѣе округленные, величиною съ каленый и даже большой грецкій орѣхъ; кварцъ вкрапленъ неправильными, мелкими зернами, сѣраго или пепельнаго цвѣту, и плотнаго, слитнаго сложенія; слюда бываетъ чернаго или пепельнаго цвѣту и состоитъ изъ тонкихъ пластинокъ, которыя легко можно отдѣлять концомъ перочиннаго ножика, и даже ногтемъ. Наконецъ, къ этимъ тремъ главнымъ составнымъ частямъ, присоединяется, въ маломъ количествѣ, минералъ, зеленовато-сѣраго, иногда почти пепельнаго цвѣта, называемый *сподуменомъ*. Онъ облегаетъ сваружи кристаллы полеваго шпата тонкими слоями, и весьма легко разрушается отъ дѣйствія свѣжаго воздуха и воды и постоянно выпадаетъ; отъ этого на обнаженныхъ поверхностяхъ здѣшнихъ гранитовъ, около каждаго кристалла полеваго шпата, происходитъ сначала едва замѣтный, потомъ болѣе и болѣе глубокий и широкій кругъ, какъ-бы нарочно выгравированный рѣзцомъ. Это разрушеніе идетъ быстро внутри, и вы часто видите передъ собою огромный гранитъ, который отъ одного удара молотка рассыпается въ дресву, а эта, отъ дальнѣйшаго дѣйствія воды, мало-по-малу превращается въ крупный и наконецъ въ мелкій песокъ. Вотъ почему этотъ гранитъ, извѣстенъ у Финновъ подъ именемъ *рала-ниви*, то есть гнилаго камня. По дорогѣ отъ Выборга къ Имятрѣ, вы часто видите совершенно голую гранитную скалу, украшенную на округленной вершинѣ одностороннею рослою сосною, и вамъ стоитъ взобраться на этотъ гранитъ, чтобъ убѣдиться, что вся его поверхность, и даже далеко внутрь, совершенно выветрѣлась. Финляндскія почтовые дороги знамениты своею исправностью; онѣ такъ гладки и ровны, какъ пѣшеходныя дорож-

ки въ хорошо содержимомъ саду, такъ что бѣднѣйшій мужикъ ѣздитъ по нимъ такъ же удобно въ своей таратайкѣ, какъ богатый дамы на лежачихъ рессорахъ. Мы, Русскіе, объясняемъ себѣ это рѣдкое для насъ явленіе тѣмъ, что дороги въ Финляндіи идутъ по гравиту и по нимъ мало ѣзды, но это объясненіе рѣшительно ложно; по голому гравиту ѣздить никакъ нельзя, а потому для дорогъ выбираютъ песчаный накатъ, который такъ толстъ, что залегающій подъ нимъ гранитъ вовсе непричастенъ хорошему состоянію дорогъ. Вся сила въ порядкѣ и строгомъ исполненіи обязанностей; дороги раздѣлены между хозяевами, владѣльцами земли, и каждый изъ нихъ заботится о своемъ небольшомъ участкѣ; чуть замѣтитъ на ней колею или вымощу отъ дождя, тотчасъ засыпаетъ ее дровою, или за неимѣніемъ ея въ близки, крупнымъ пескомъ. По обѣимъ сторонамъ дороги, вы часто видите огромные гранитные валуны, рапа киви, которые мужики разрушаютъ лопатами; полюбопытствуйте, сойдите съ вашего экипажа поближе, и вы замѣтите любопытный фактъ, какъ гранитъ постепенно разрушается въ дрову и песокъ; вы убѣдитесь собственнымъ, прямымъ наблюденіемъ, въ изложенномъ выше способѣ происхожденія песковъ, изъ которыхъ нагромождены извѣстные вамъ холмы Токсова и Парголова, того самаго песку, которымъ въ Петербургѣ посыпаютъ садовыя дорожки и тротуары, и который примѣшиваютъ въ известь для цемента при постройкахъ кирпичныхъ зданій нашихъ.

Не правда ли, что теперь этотъ простой песокъ, подъ вашими лакированными сапогами, не будетъ, какъ говорится, выпочемъ; вы явкогда взглянете на него съ участіемъ, и онъ поведетъ ваше воображеніе къ финляндскимъ рапа-киви, даже къ временамъ геологическимъ, и къ тому морю, которое, вамъ кажется, начинаетъ сильно волноваться, потому что на двѣ его выходятъ изъ пѣдръ земли гребни гранитныхъ горъ. Ваше воображеніе еще тутъ не останавливается; оно рисуетъ вамъ картину, какъ волны срывають эти гребни, какъ куски гранита катятся въ долины и дробятся въ дрову и песокъ. Наконецъ вы съ изумленіемъ присутствуете при великомъ зрѣлищѣ: море приподымается, течетъ быстро съ сѣверо-запада на юго-востокъ, и изъ него выставляется юная страна, съ своими гранитными горами, песками и заносными камнями; вы видите, какъ громоздятся изъ песку парголовскія горы; ни растеній, ни человѣка еще нигдѣ не видно; все-еще достоиніе Божье. Не правда ли, что если владѣете карандашомъ

и кистью, то вы непременно примитесь рисовать сцены изъ этихъ очей, очень далѣкихъ временъ. Не правда ли, какъ великъ умъ человека, и какъ онъ самъ великъ, только умомъ своимъ!

Кстати! Когда вы мыслью перенесетесь къ сильному теченію первобытнаго моря, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, то взгляните пристальнѣе въ выныряющія уже гранитныя горы, и вы замѣтите, что несущіеся съ потокомъ песокъ, дрова, камешки и валуны, съ шумомъ и трескомъ трутся о бока и округленныя вершины гранитовъ. Какая мощная *полировка* должна тутъ происходить, подумаете вы про себя, и въ-самомъ-дѣлѣ, осмотрите бока и площади гранитныхъ горъ теперешней Финляндіи, и вы очень ясно увидите слѣды этой полировки, отъ которой лучи солнца отражаются гораздо ярче, чѣмъ отъ прочихъ частей той же горы, и такъ какъ эта политура производилась матеріаломъ не на выборъ, а подчасъ очень грубымъ, то вы и увидите *царапины* различной глубины и ширины, которыя идутъ прямо какъ по шкуру; вы вынимаете свой компасъ и видите, что царапины идутъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ. Такія полированные поверхности и царапины, вы найдете почти на всякой любой скалѣ, причемъ однакожъ, я долженъ упомянуть объ одномъ, практическомъ замѣчаніи: обнаженныя поверхности гранитовъ, какъ уже сказано выше, легко вывѣтриваются и разрушаются, отчего политура и царапины на нихъ рѣдко сохраняются; по этому для отысканія ихъ, надобно осматривать нижнюю часть скалы, у берега озера или моря, тамъ, гдѣ она постоянно омывается волнами; или, за недостаткомъ такихъ мѣстностей, надобно отыскать пологій скатъ гранита, и остановившись на томъ мѣстѣ, гдѣ земля, вмѣстѣ съ зеленымъ дерновымъ ковромъ, какъ бы тянется вверхъ по скату; въ этомъ мѣстѣ стѣитъ только палкою и руками приподнять тонкій дервъ, и политура съ царапинами являе для явятся предъ вами.

Приѣхавши въ Выборгъ, побывайте непременно въ саду барона Николая. Онъ расположенъ на берегу одного небольшого залива моря, на площади обильной гранитными горами, и до того громаднейшей заносными гранитными камнями разнообразной величины, что взглянувши на нее съ высокой горы, вы вообразите себя среди какого-то ужаснаго первобытнаго хаоса. Посмотрите по-ближе на скалу, на которой стѣитъ колоссальная статуя финскаго бога пѣснопѣвца, *Вайна-мойненъ*; на ней почти каждый кристаллъ полеваго штата, обведенъ углубленнымъ кольцомъ,

перейти придианомъ качивающагося разрушенія грантов. Пелтуру съ параличами найдете на многихъ прибрежныхъ скалахъ, на горяхъ, слегка прикрытыхъ дерномъ, а когда глаза ваши выкинетъ къ югу, то съ нѣкоторымъ вниманіемъ, отироте ихъ и на обнаженныхъ скалахъ. Далекихъ и обширныхъ видовъ, и саду собственно нѣтъ; но стоитъ только войти на скалы, или въ серединѣ сада, и передъ вами отиротея панорама на всю горадь и на Финскій заливъ, до отдаленнаго горизонта.

Удобства увеличиваютъ удовольствіи всякаго путешественника, даже и геогнеста, привыкшаго ко всему; по этому а заботу, то какъ въ жизни вообще надобно знакомиться только съ лучшими людьми, такъ и въ путешествіи слѣдуетъ останавливаться въ лучшихъ гостиницахъ; вамъ обойдется очень немногимъ дорожтѣмъ въ плохихъ, но зато вы не встрѣтите никакихъ невѣроятностей, а одно удобство, чистоту, покой и учтивый пріемъ и обращение. Въ Выборгѣ слѣдуетъ остановиться въ гостиницѣ Эренбурга, при городскомъ клубѣ.

Каменными полсами, оградами или моренами, называютъ горы округленныхъ гранитныхъ валуновъ, малой и средней величины, которыя, какъ-будто бы нарочно сложеными заборами или оградами, опоясываютъ многія изъ финляндскихъ горъ, часто на различныхъ высотахъ, раздѣляя всю скаль горы на нѣсколько этажей. Происхожденіе этого явленія слѣдующее:

Мы уже сказали, что Финляндія, со всеми своими гранитными горами, была нѣкогда выдвинута изъ дна моря, быстрымъ и сильнымъ подземнымъ подъемомъ. Между несмѣтнымъ множествомъ горъ, въ глубинахъ долинъ, осталась морская вода, образовавшая множество, въ полномъ смыслѣ, несмѣтное, неправильной формы озеръ, переплетенныхъ между собою проливами. Въ это же время, къ югу отъ Финляндіи, образовалась очена длинная *сѣдловина* или впадина, вмѣщающая теперь озеро Ладожское, ложбину Невы и воды Финскаго залива. Въ эту сѣдловину начала стекать морская вода всѣхъ соединенныхъ озеръ, и постепенно заиблилась атмосферною вѣсною, отъ дождей и снѣговъ, которыми такъ обильны сѣверныя страны. Взгляните на карту Финляндіи, и вы убѣдитесь, что нѣтъ другой страны на нирѣ, которая бы на такомъ пространствѣ, вмѣщала столько озеръ, рѣшительно неопредѣленной чудовищной формы.

Сказавъ, что Финляндія выдвинута была изъ моря, мы не разумѣли этотъ фактъ такъ, какъ-будто бы эта страна получила

тогда лигъ тѣмъ-въ-тѣмъ тенерешнѣй свой видъ; напротивъ того, всѣ наблюденія показываютъ, что послѣ этого сильнаго подъема, подвезенный огонь не переставалъ подъ нею дѣйствовать, хотя гораздо слабѣе и медленнѣе. При случаѣ, когда мы будемъ говорить о прочихъ замѣчательныхъ мѣстностяхъ Финляндіи, мы увидимъ, что она постепенно подымается и теперь еще. И такъ, послѣ упомянутаго сильнаго подъема, горы Финляндіи были гораздо ниже тенерешнихъ, и между ними стояли озера несравненно обширнѣйшія. Эти озера, частью волнами своими, частью на льдинахъ, плавывали къ берегамъ своимъ, то есть къ скатамъ погруженныхъ въ нихъ горъ, груды гранитныхъ валуновъ. Поставляющими, медленными подъемами, дно озеръ подымалось, вода изъ нихъ постепенно стекала, она медленнѣе, и гряды ихъ береговыхъ камней очутились на сушѣ, въ видѣ поясовъ, охватывающихъ покатости горъ. Такъ какъ подыманіе почвы совершалось безъостановочно до нашихъ временъ, то и естественно, что на скатахъ горъ могли образоваться нѣсколько рядовъ такихъ каменныхъ поясовъ или оградъ, которыхъ число зависѣло, кромѣ общаго закона поднятія, также и отъ частныхъ, мѣстныхъ причинъ.

Описанія здѣсь геогностическія замѣчательности такъ обыкновенны на всемъ пути, что вслѣдствіи, составивъ себѣ объ нихъ ясное понятіе, и поглядывая съ нѣкоторымъ вниманіемъ на окрестности, непремѣнно замѣтитъ многія изъ нихъ, даже изъ экипажа, но, само собою разумѣется, что изъ открытаго экипажа.

Перейдемъ теперь къ самой цѣли нашего путешествія, къ водопаду Иматры. Возьмите карту Финляндіи * чтобы убѣдиться, что самая широкая часть ея, отъ Ботническаго залива до Ладожскаго озера, какъ уже упомянуто выше, наполнена несметнымъ множествомъ озеръ, переливающихся одно въ другое, болѣе или менѣе узкими проливами. Одно изъ этихъ озеръ, Сайма, вытекаетъ посредствомъ узкаго и длиннаго пролива, въ длинную цѣвь другихъ озеръ, которыя, переливаясь въ свою очередь одну въ другое, наконецъ отдають всѣ свои воды у городка Кекс-

* Новѣйшая карта всей Финляндіи Эклунда, 1840 года, удобнаго формата, очень точна и подробна, но чрезвычайно пестра и мелкой печати. — Для нашего пути отлична карта Кюрринга, при его сочиненіи «*Gamla Finland*» 1832 года, то есть Старая Финляндія.

гольма, бурливому Ладожскому озеру. Этотъ узкій проливъ и слѣдующая за нимъ система озеръ, носятъ названіе рѣки Воксы (Vuoksen). Я видѣлъ ее у самаго истока, въ нѣсколькихъ мѣстахъ на срединѣ пути, и наконецъ ея широкое, подводными камнями и цѣлыми гравитными горами замороженное устье, и долго не могъ повѣять, почему эти воды названы рѣкою. Плыя на нашихъ рѣкахъ, мы можемъ прослѣдить ихъ глазами сверху до низу, говоря себѣ утвердительно, вотъ это правый берегъ, а это лѣвый, вотъ здѣсь впадетъ другая рѣка или ручей; съ Воксою нельзя этого слѣдить и на картѣ, не говоря уже о самой природѣ. Нѣсколько разъ я уже готовъ былъ сказать, что названіе рѣки здѣсь вовсе не у мѣста, но вспомнилъ, что такъ величается Воксу цѣлая финская нація, а названія народныя всегда необыкновенно точны и мѣткі, слѣдовательно, тутъ вѣроятно одно незнаніе мое. Эта мысль безпрестанно тревожила меня, пока не объяснилось, при удобномъ случаѣ, такъ сказать, сама собою, по закону сравненія сродныхъ предметовъ. Разсмотрѣвъ скалы окрестностей Кексгольма, прислушиваясь къ шуму безопечныхъ переборовъ Воксы, и окинувъ нѣсколько разъ взоромъ всю картину, я почувствовалъ въ душѣ своей какое то непонятное дотола чувство спокойствія, похожее на уныніе, на то состояніе, въ которомъ находимся мы, стараюсь выкинуть въ что-то непонятное для насъ. Чудная эта страна Финляндія! Такихъ чувствъ я еще никогда не испытывалъ, какія она во мнѣ пробудила! — Я видѣлъ граниты Швейцаріи и Италіи, но здѣшнія горы на нихъ нѣсколько не похожи. Я видѣлъ источникъ Рейна, и проплылъ теченіе его отъ Базеля до Бонна, но онъ никакъ не можетъ напомнить собою здѣшней чудовищной массы воды, называемой рѣкою Воксою. Это отъ того, что здѣсь съверъ, а тамъ югъ. На югѣ вся природа отдѣлана, обработана до малѣйшихъ своихъ частей и подробностей; здѣсь же на съверѣ, все выложено только въ общихъ чертахъ, только очерками, эскизами. Съ береговъ Невшательскаго озера, вы видите ясно вдругъ всю цѣль Бернскихъ Альповъ, а здѣсь какой то хаосъ гранитныхъ громадъ. Тамъ на югѣ, видѣвъ и высокія ставъ горы, и ея гребень съ зубцами; вы тотчасъ укажете и опишете вашему слушнику, и статую, гибкую *Юнгфрау* (*Jungfrau*) и угрюмаго соседа ея *Мөнхъ* (*Mönch*); здѣсь же въ Финляндіи, передъ вами всегда необъятная гранитная масса, съ широкимъ основаніемъ неопредѣленной формы, вовсе безъ стана, сверху и со сторонъ

грубо округленная, разорванная трещинами на огромныя ромбическія отдѣльности. Точно такъ и Вокса; при истокѣ она похожа на рѣку, но при Кексгольмѣ, особенно же выше, растягивается во все стороны, въ видѣ озеръ. Неужели это рѣка, по нашему понятію? — Нѣтъ, это рѣка въ общемъ смыслѣ, это вообще текущая вода, мѣстами съ шумомъ пробирающаяся между подводными камнями, и потому только рѣка. Природа не трудилась здѣсь, ни надъ отдѣлкою горъ, ни надъ формою рѣкъ и озеръ; она не дала имъ никакого индивидуальнаго образа; она сгнѣшила на югъ, согрѣвающій сердце. Звукими также бѣдна Финляндія; на поляхъ не слышно раскату сельскихъ пѣсень. Все тѣ безчисленные звуки, которые на югѣ передаютъ сердцу каждый малѣйшій отгѣвочекъ чувства, непонятнаго ни глазу ни уму, невыразимаго словами; все эти звуки стихаютъ здѣсь на сѣверѣ, остаются одни общіе звуки природы: вой вѣтра, неопредѣленнымъ шумъ волнъ, и монотонный шумъ переборовъ безобразной Воксы.

Прошу читателя простить мнѣ это отступление, и перенестись слова къ источнику Воксы изъ озера Сайма. При началѣ своемъ она значительной ширины, и перехватывается здѣсь множествомъ подводныхъ камней, образующихъ шумные переборы, но... около на шестой верстѣ пониже, Вокса вступаетъ въ глубокую разсѣлину гранита, ширною не болѣе девяти сажени, извивающуюся на пространствѣ полуверсты, безъ всякихъ видимыхъ подводныхъ камней. Оба берега этой тѣснины состоятъ изъ залегающаго на мѣстѣ, или какъ говорится чисто по-русски, матерата гранита тѣльнаго пѣта, котораго верхнія или паружныя толщи, дотога бѣдны слюдою и кварцемъ, что ихъ скорѣе можно назвать полевымъ шпатомъ; поэтому то эти массы, по закону кристаллическаго сложения полеваго шпата, представляютъ два ясныхъ мѣстопрохожденія, одно большое, дающее обширныя совершенно прямыя площади, склоняющіяся по горизонту до 38°, отъ NNW на SSO, и простирающіяся (тянушіяся) отъ WSW на ONO. По этому мѣстопрохожденію, массы эти разщеплены на гигантскіе пласты до четверти аршина толщиною. Другое мѣстопрохожденіе, противоположное первому, даетъ площади гораздо меньшія, склоняющіяся къ горизонту подъ 20°, съ SSO на NNW, гораздо рѣже развитыя, почти вовсе не участвующія въ видимой, ясной слоеватости этого гранита. Все это отлично можно видѣть на правомъ берегу, нѣсколько шаговъ ниже столовой за-

лы гостиницы. Для большей ясности этого устройства, я попрошу читателя перенестись въ Петербургъ, на Неву, гдѣ ведется набережная отъ новаго моста; пусть онъ представитъ себѣ, что отсесаны изъ гранита очень длинныя и широкія табллицы, не болѣе четверти аршина толщиною, и что эти табллицы спускаются съ берега въ рѣку, не вертикально, какъ обыкновенно, но очень поскосно, отклоняя ихъ верхніе края къ землѣ, такъ что обширныя ихъ площади образуютъ скатъ въ рѣку. Когда берегъ будетъ околѣнень такимъ образомъ, то пусть на него накладываютъ еще одинъ слой точно такихъ же табллицъ, потомъ еще одинъ, и такъ далѣе, какъ бы для большей прочности, и вы получите точь-въ-точь натуральную гранитную набережную, праваго берега тѣнины Воксы.

Поверхностныя части лѣваго или восточнаго берега, устроены точно также, съ тою только разностью, что гранитныя, слоистыя отдѣльности его нависли надъ Воксою, которая, въ простѣ своей, по временамъ вскакиваетъ на пологіе гранитныя пласты праваго берега, открывая въ то же время нижнія, глубже залегающія части лѣваго. Стоя на правомъ берегу, и внимательно наблюдая лѣвый въ моменты, когда отъ него отхлынываетъ вода, легко замѣтить, что глубокія, нижнія части его состоятъ изъ гранита очень богатаго слюдою, и оттого чернозато-страго, тонко-слоистаго, котораго слои волнообразно волгнуты. Нѣскольکو шаговъ отъ самаго обрыва, внутрь этого лѣваго берега, этотъ нижній гранитъ, чрезвычайно похотій на гнейсъ, богатый кристаллами граната в зеленозато-желтыхъ цѣрконовахъ, выступаетъ на самую поверхность небольшими партіями. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ гранитъ, еще глубже, переходитъ въ настоящій гнейсъ *.

На лѣвомъ берегу, почти у самаго бельведера, путешественникъ не долженъ пропустить безъ вниманія одну важную геологическую замѣчательность: это такъ-называемыя колодцы, котлы или горшки исполнновъ (Riesen-Brunnen, Riesen-Kessel, Riesen-Töpfe, у Нѣмцевъ), также чашины, печи, маленькыя норы у Русскихъ, и Rock-Bassins у Англичанъ. Въ этомъ мѣстѣ, въ узкомъ и едва слегка приподнимающемся гранитномъ хребтѣ, видно два

* Гнейсъ, какъ и гранитъ, состоитъ изъ полеваго шпата, кварца и слюды; но шпатъ въ немъ встрѣчается мелкими частицами, а слюды тѣхъ много, что камень оттого становится слоистымъ.

глубокии двугранныи, вертикально въ камень вдушии углубленіи или впадины, которыя, при входѣ и внутри отдалены на очную, какъ бы шарочно выточенны на токарномъ станкѣ, и если прослѣдить внутренніи стѣнки ихъ глазомъ и рукою, то точно скажутъ, что они выточенъ точъ-въ-точъ какъ шурупъ или шпильки внутреннею шипа или гайки. Тутъ же, въ одномъ огромномъ гранитномъ валунѣ, есть такой же, но еще болѣе глубокий котелъ, оббитый у самого дна, такъ что можно хорошо видѣть, осмотрѣвъ внутренность его. Минюходомъ снизу, что эти котлы, просто горшки, предъ тѣмъ, которые я видѣлъ въ горахъ на западномъ берегу Ладожскаго озера, гдѣ въ такой котелъ слышится чловѣкъ стон; но объ нихъ въ другое время.

Способъ, какъ произошли эти котлы, слѣдующій: мы уже нѣсколько разъ говорили, что почва Финляндіи постепенно подымается, оттого воды ея постепенно стекаютъ и мелятъ, или, какъ мы обыкновенно говоримъ, горизонтъ воды опускается. Если вы едете взоромъ оба берега тѣсныи Воксы, особенно же лѣвой, то увидите на нихъ несметное множество разнообразной величины гранитныхъ валуновъ, въ-разсыпную и рядами расположенныхъ, въ некоторомъ отдаленіи увидите гранитныи камни, вышиною до 250 футовъ, надъ равниною, которыхъ нѣкоторые также указаны валунами. Вы убѣдитесь, что нѣкогда вся эта равнина, вплоть до холмовъ, стояла ниже, и по всей ея ширинѣ текла Вокса, окрививши на глубинѣ свой теперешній водопадъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь котлы, были три водопада, въ воронки которыхъ уваливалось небольшіе камешки, которые постояннымъ и долговременнымъ треніемъ на одинъ и тотъ же камень, пробурвали опесчаные котлы. Я посоветывалъ бы путешественнику сойти по лѣвому берегу внизъ, до того мѣста, гдѣ оканчивается тѣшина Воксы, и рѣка вступаетъ въ болѣе широкую ложбину; здѣсь, между береговыми камнями, у самой воды, вы найдете бы такіе, которые теперь еще бурятся водопадами. Я нашелъ даже такой миниатюрный котелъ, какъ большіе старинныи карманныи часы, и могъ унести съ собою весь камень. Впрочемъ, путь туда ведетъ чрезъ частый лѣсъ, по впадинѣ и грудамъ валуновъ, и не совсѣмъ удобенъ даже и для натуралиста.

Участъ Иматры, на счетъ того, водопадъ ли она, точно такая же какъ и всей Воксы, относительно названія рѣки; стоитъ сойтись двумъ, видѣвшимъ ее, то одинъ непременно будетъ утвер-

ждать, что это вовсе не водопадъ, и непронижимо убѣдить въ томъ своего противника, хотя и не разъяснить, что жъ это именно. Всякая картина, какъ и всякая идея, могутъ быть объяснены не иначе, какъ приличною обстановкою сродныхъ предметовъ; для этого возьмемъ для сравненія два столько же знаменитые водопада, нарвскій и рейнскій, при Шафгаузень. Рѣка Нарова течетъ здѣсь въ весьма широкой ложбинѣ, по слою плитняка, принадлежащаго къ весьма древней геологической эпохѣ, известной подъ названіемъ *силлурійской* *, того самаго плитняка, который образуетъ высокіе прибрежные обрывы у Гансала, Ревеля, по всему морскому берегу Эстляндіи, на которомъ стоятъ Царское Село, и который у насъ въ Петербургѣ въ большомъ употребленіи на тротоары, фундаменты и въ бутъ. Нарова, всю ширину свою, спокойно падаетъ съ уступа такихъ плитъ, котораго высота не болѣе полуторы сажени. Этотъ водопадъ приводитъ въ изумленіе единственно протяженіемъ своимъ въ длину, и шумъ его паденія до того единообразенъ, что самое внимательное ухо не въ состояніи различить въ немъ какихъ либо перерывовъ или особенностей.—Рейвъ, нѣсколько ниже Шафгаузена, сильно суживается на весьма незначительномъ пространствѣ, и съ яростью падаетъ съ уступа, вышиною сажени въ пять, дробясь объ острые гребни и объ подводные камни на скатъ его. Вода перебрасывается съ такою непонятною быстротою, и съ хлопотаньемъ, шипѣньемъ, и свистами, столь разнообразными и безконечными, что наблюдатель не знаетъ, на что обратить вниманіе, и эта картина тѣмъ болѣе поразительна, что съ берега кантона Цюриха, можно подойти такъ, что стоишь вверху водопада и, такъ сказать, на волосъ отъ падающихъ воллъ его.

Вокса стѣняется на значительномъ пространствѣ, почти на полуверстѣ, и здѣсь нѣтъ ни одного высокаго уступа, но весь узкій каналъ постепенно спускается, надъ мелкими изгибами, и нитя на дѣтъ значительные выступы и впадины. Ужасная масса водъ, съ которою никакъ не можетъ сравниться ни Рейвъ у Шафгаузена, ни Нарова, стѣненная высокими гранитными берегами на девять сажень, спѣшитъ по этому каналу съ немовѣр-

* Въ Англіи эти плиты лежатъ въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ въ древности жилъ народъ *Силлуръ*, въ честь которыхъ извѣстный геологъ *Мурчисонъ* и назвалъ всю эту формацию.

ною быстротою, разбиваясь то объ неровности дна, то объ изгибы стѣнъ, то силясь вскочить на граниты праваго берега, съ яростью отхлынувъ отъ лѣваго, и снова наполняя его до верху. На каждомъ шагѣ вы видите иное зрѣлище; тутъ по серединѣ образуется жерло, тамъ горою подымается пѣнистая волна, а тамъ одна волна тщетно силится догнать переднюю, и объдробится объ вѣковой гранитъ. Въ какихъ разнообразныхъ направленіяхъ перекрещиваются здѣсь волны, можно судить изъ того, что брошенная мною большая жердь, нѣсколько разъ, то исчезала, то снова выныривала совершенно стоймя. Особенно прелестенъ видъ съ нижняго бельведера, на правомъ берегу; здѣсь вы однимъ взоромъ окладываете всю бурную массу воды до самаго верха, и глазъ вашъ увѣряется, что все паденіе равняется по крайней мѣрѣ саженьямъ четыремъ. Стоитъ также дойти внизъ до того мѣста, гдѣ Вокса вдругъ расширяется; здѣсь она похожа на лютаго звѣря, которому, въ самомъ пылу ярости и рева, вдругъ распахнули двери тѣсной клѣтки; онъ сначала неопредѣленно и быстро мчится во все стороны, но все бѣжитъ впередъ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ мѣтѣе озираясь назадъ.

Спустясь еще ниже, по тому же правому берегу, гдѣ въ него течетъ едва замѣтный болотный ручей, и расхаживая по грудамъ наваленныхъ рѣкою камней, я совсѣмъ неожиданно застлгнулъ былъ сильною прибылью воды, которая съ такою быстротою бросилась на берегъ, что ничтожный ручей надулся и потекъ вверхъ. За этимъ притокъ по немногу утихъ и Вокса взошла въ свои границы. Взявъ въ руки часы, я замѣтилъ, что черезъ каждыя полминуты повторялся тотъ же натискъ воды, и ревъ водопада становился сильнѣе. На слѣдующій день, то же самое явленіе; отъ чего могло бѣ оно зависть?—Отъ періодической ли прибыли воды по всей Иматрѣ, или отъ правильныхъ порывовъ вѣтра?

Наконецъ, вы насмотрѣлись на Иматру, наслушались ея реву и стучку, и собираетесь въ обратный путь. Къ вамъ входятъ хозяинъ гостиницы, не большой, но самъ въ себѣ и не тошій Шведъ, большой охотникъ поговорить и поразспросить о вашемъ чинѣ и достоинствахъ; онъ съ улыбкою подноситъ вамъ нѣсколько *фигурчатыхъ камешковъ* изъ Иматры, и проситъ взять ихъ съ собою на память, между тѣмъ, какъ жена его стоитъ за дверью, и сквозь щелку зорко слѣдитъ за каждою монетою, которую вы даете ему за это безкорыстное приношеніе.

Если хотите знать, какъ и гдѣ дѣлаются эти камни, то я попрошу отложить вашъ отъѣздъ часовъ на пять, и поведу васъ туда, гдѣ вы можете набрать этихъ рѣдкостей цѣлый мѣшокъ, и притомъ набрать своими собственными руками, изъ вѣнстошняго магазина величайшей богачки въ мѣрѣ — природы.

Разсмотримъ сначала форму и строеніе фигурчатыхъ иматовскихъ камней, какими ихъ вамъ далъ хозяинъ гостиницы. Какъ ни разнообразенъ кажется съ перваго раза ихъ наружный видъ, но при внимательномъ разсматриваніи, вы замѣтите, что все есть не что иное, какъ измѣненіе и повтореніе одной и той же формы, чрезвычайно похожей на кондитерскіе бисквиты для шоколаду, длинные, и на каждомъ концѣ нѣсколько расширенныя, въ видѣ приплюснутаго шара или толстаго кружка. Прибавьте къ этому еще, что бисквиты эти сдѣланы изъ множества пластинокъ слоенаго тѣста. Еще яснѣе будетъ строеніе этихъ камней, если мы вообразимъ его себѣ слѣдующимъ образомъ: вырѣжьте изъ бумаги подобіе такого бисквита, или что все равно, фигуру, похожую на цифру 8; нарежьте такихъ фигурокъ, все постепенно меньшихъ и меньшихъ, какъ можно болѣе, и накладывайте ихъ на первую, самую большую, такъ, что сначала сверху одну поменьше, потомъ снизу также поменьше, и всегда такъ, чтобы центры конечныхъ круговъ никогда не совпадали другъ съ другомъ, повторяя это до-тѣхъ-поръ, пока не получите довольно толстый, на обоихъ концахъ почти въ шаръ надутый бисквитъ; это будетъ самая образцовая и полная форма и внутреннее сложеніе фигурчатыхъ иматовскихъ камней, но она не есть въ то же время обыкновенная, напротивъ того, чаще всего встрѣчаются разрозненные и обточенные круглые концы бисквитовъ, а къ самымъ рѣдчайшимъ принадлежатъ такіе, которые представляютъ соединеніе нѣсколькихъ полныхъ бисквитовъ, наложенныхъ одинъ на другой, или всею длиною, или одинъ по-крайней-мѣрѣ одинъ надутымъ концомъ на другой, между-тѣмъ какъ оба остаются болѣе или менѣе другъ другу противоположны, или даже такъ, что оба бисквита, соединенные двумя головками, образуютъ двуплою свою углы.

Эти камни всегда сѣнево-сѣраго или пепельнаго цвѣта, и состоятъ преимущественно изъ углекислой извести, съ примѣсью жезу и глины. Капля азотной кислоты, пущенная на этотъ камень, производитъ чрезвычайно сильное вскипаніе, съ большими

вузырjami и шипѣніемъ, что составляетъ вѣрный признакъ большаго содержанія въ нихъ углекислой извести.

За всѣмъ что сказано, способъ происхожденія этихъ фигурчатыхъ камней, объясняется весьма легко. Это не что иное, какъ куски шифера или сланца углекислой извести, оторванные водами отъ своихъ горъ, потомъ увлеченные въ Иматру, и долговременнымъ вращеніемъ въ ея безконечныхъ водоворотахъ, болѣе и болѣе обточившіеся. А почему они обточились именно въ тѣ формы, о которыхъ мы говорили выше, то вотъ тому причины:

Шиферныя, или сланцеватыя горы, доставившія матеріалъ для этихъ камней, пролежали такъ: на днѣ моря осаждались, не въ растворѣ морской воды, углекислая известь, глина и песокъ, и мало-по-малу образовывали, сначала одинъ тоненькій пластичекъ, потомъ надъ нимъ другой, третій, и такъ далѣе, до огромныхъ толщъ, которыми впоследствии были выдвинуты изъ глубины моря. Горизонтальныя пластинки этихъ массъ постепенно высыхали сверху, слѣдуя при этомъ тому общему закону, что при медленномъ высыхиваніи, частицы каждой пластинки стягивались плотнѣе къ множеству такихъ же частицъ, но служившихъ имъ какъ бы центромъ силы сдѣлшенія, которая тѣмъ слабѣе становилась, тѣмъ далѣе отъ центра. Такимъ-образомъ, въ каждой пластинкѣ такого шифера есть множество центровъ взаимнаго притяженія или множество самыхъ рѣзкихъ мѣстъ, отъ которыхъ по радиусамъ, частички все слабѣе и слабѣе соединены. Центры притяженія двухъ пластинокъ никакъ не могутъ совпадать, потому что пластинки отлагались и плотнѣли въ разные, послѣдовательныя времена. И такъ, каждый небольшой обломокъ шифера будетъ состоятъ изъ множества пластинокъ, а въ каждой изъ этихъ пластинокъ будетъ, по-крайней-мѣрѣ, два плотнѣйшихъ центра, около которыхъ водоворотъ обрывалъ и смывалъ слабѣйшія частицы. У меня есть фигурчатые камни съ тремя центрами взаимнаго притяженія; они гораздо рѣже, потому что больше, и слѣдовательно, легко разбиваются въ водоворотахъ.

Теперь затѣнемъ въ мастерскую самой природы; перекинемъ черезъ плечо мѣшокъ съ молоткомъ, долотомъ и ручною лопаточкой, и отправимся, внизъ по рѣкѣ, по дорогѣ ведущей отъ гостиницы къ деревнѣ *Мельдолы* (*Meldola*). Здѣсь беремъ лодку съ трѣбцомъ и между подводными камнями и островками плывемъ поперекъ Воксы, которая здѣсь широка, но еще не совсѣмъ успокоилась и съ досадою колышетъ нашъ челнокъ, хотя неопасными,

но по крайней мѣрѣ пугающими пріемами. Противоположный, лѣвый берегъ близокъ, вода до того становится мелкою, что вы съ лодки видите дно, усѣянное множествомъ фигурчатыхъ камней; собирайте ихъ сами, сколько душѣ угодно, или пошлите въ воду вашего перевозчика, который будетъ ихъ ощупывать босыми ногами и доставать руками. Когда лодка причалитъ, и вы выйдете на берегъ, то увидите, что онъ круто подымается, надъ уровнемъ воды саженей на пять, и весь состоитъ изъ тонкихъ слоевъ глины, горизонтально одна на другой настиленныхъ, перерѣзанныхъ сверху до низу рывинами отъ дождевыхъ потоковъ. Взойдя на верхъ обрыва, вы видите, что площадь его лежитъ въ уровнѣ той равнины, которую иѣкогда покрывала Вокса, изъ чего вы и заключаете, что глинистые пласты отложились въ ту эпоху изъ водъ Воксы, на тогдашнемъ днѣ ея: берите вашу ручную лопаточку * и поройтесь въ глинистыхъ пластахъ обрыва; все, что вы тутъ найдете, неслось иѣкогда волнами старинной Воксы; вы узнаете ея домостроительство точно также, какъ археологъ, роющійся въ Помпѣѣ, изучаетъ домашній бытъ древнихъ жителей погибшаго города. — Къ вашему удивленію, тотчасъ выкопаете здѣсь вдоволь такіе же фигурчатые камни, какіе вы нашли въ теперешней водѣ Иматры, съ тою только разностью, что они съ шероховатою поверхностью, и гораздо грубѣе обдѣланы. Въ иѣсколько минутъ вы можете подобрать изъ нихъ цѣлый рядъ кусковъ, представляющихъ разнообразнѣйшіе переходы отъ экземпляровъ почти совершенно обточенныхъ, до грубыхъ кусковъ шифера, слегка обтертыхъ и обмытыхъ водою, в между пластинками ихъ найдете даже обыкновеннаго спутника известняковъ, именно, известковый шпатъ, полу-прозрачный, зеленовато-желтаго цвѣта.

И такъ, общій выводъ нашихъ изслѣдованій объ иматовскихъ фигурчатыхъ камняхъ будетъ слѣдующій: къ сѣверу, къ сѣверо-западу и иѣсколько къ юго-западу отъ источника Воксы изъ озера Саймы залегаютъ толщи известковаго сланца; отъ нихъ оторваны были, въ геологическія времена, куски различной величины и увлечены въ Воксу, которая, обмывая и округливъ ихъ въ своихъ водоворотахъ, отложила ихъ наконецъ на днѣ своего широкаго русла вмѣстѣ съ глинною, мутившею ея воду. Впоследствии, по общей участи всей Финляндіи, и дно Воксы было приподнято; лишняя вода сбыва, а что осталось, потекло по самой глубокой,

* Та самая лопаточка, которою каменьщики берутъ цементъ.

по теперешней бороздѣ. Крутые глинистые берега, теперь маганъ, доставляющій работу волнамъ Иматы; дождевыя и снѣжныя воды, разшивая эти берега, увлекаютъ съ собою въ Воксу подготовленные уже камни, а волны и водовороты Воксы облачиваютъ ихъ на обдѣлку.

«Видѣніе лучше слуха», сказалъ одинъ изъ просвѣтителей Россіи, святой Владиміръ. Кажется недурно, что вы не удовольствовались тѣми камнями, которыми надѣлялъ васъ хозяинъ гостиницы, а пошли на мѣсто ихъ обдѣлки. Прежде вы, вѣроятно, не взяли бы ихъ, а если бъ и взяли, то выбросили бъ при первомъ случаѣ какъ лишнюю тягость и хламъ; теперь же такой камень заставитъ васъ думать о многомъ случившемся въ мірѣ и гадать далеко въ будущее. Какъ все происходитъ просто въ природѣ, и какъ она велика въ своей простотѣ! Какъ великъ человѣкъ, котораго умъ развертываетъ самыя запутанныя складки ея творевій! Человѣкъ не долженъ зарывать таланта, даннаго ему Богомъ; величайшимъ преступленіемъ было бы противъ его вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, если бъ человѣкъ не старался развивать и возвышать умъ свой!

Движеніе финляндскихъ наносовъ на европейскую Россію. — Выше видѣли мы, что южная полоса Финляндіи, состоитъ изъ наносовъ, то есть, изъ песковъ различной степени измельченія, изъ глинъ и гранитныхъ валуновъ, или заносныхъ камней; мы показали способъ происхожденія этихъ массъ и ихъ движеніе отъ мѣста происхожденія на югъ, и удовольствовались тѣмъ, что проводили эти наносы до южныхъ границъ Финляндіи и до ближайшихъ окрестностей Петербурга. Тутъ у читателя самъ собою родится вопросъ: что жъ сталося далѣе съ наносами, остановились ли они тутъ, или пошли далѣе? — Геологъ отвѣчаетъ на это, что они постепенно двигаемы были далѣе и далѣе на югъ, и покрыли пескомъ и гранитными валунами все пространство европейской Россіи, съ самаго сѣвера до харьковской и екатеринославской губерніи на югъ, такъ, что по всему этому пространству можно встрѣтить финляндскихъ уроженцевъ — гранитные и гнейсовые валуны. Въ этомъ увѣряетъ насъ прямое наблюденіе; на вопросъ же, что заставляло двигаться эти массы, отвѣчаютъ двѣ теоріи.

Одна предполагаетъ, что въ то время, когда выдвинуты и приподняты были горы скандинавскія и финляндскія, озера прѣсной воды, находившіяся между ихъ гребнями, вылились и увле-

кли, въ стремленіи своемъ на югъ, обломки гранитныхъ породъ, песокъ и глину, и покрыли ими сѣверную и среднюю полосы Россіи. Принявъ, однако жъ, въ расчетъ незначительную поверхность, занимаемую скандинавскими и финляндскими горами, въ-равненіи съ величною европейскою Россіею, легко убѣдимся, что потоку, ихъ водъ, недоставало ни массы, ни силы, чтобъ разлиться въ одинъ пріемъ, по всему этому пространству.

По другой теоріи, профессора Агаси, земля наша прожила уже нѣсколько эпохъ, изъ которыхъ каждая заключалась всеобщимъ оцѣпенѣніемъ и такимъ холодомъ, что поверхность земли покрывалась однимъ всеобщимъ ледникомъ. Каждая новая эпоха существованія начиналась постепеннымъ возвышеніемъ температуры земли и мѣстными поднятіями ея поверхности въ горы; ледники таяли, и скатывалась по наклонности горныхъ краевъ, улекая песокъ и камни и полировала поверхности тѣхъ пластовъ, по которымъ скользили. Къ мѣстности, которая насъ теперь занимаетъ, теорія Агаси вовсе не можетъ быть приложена; возвышенности Финляндіи ничтожны сами по себѣ, а скандинавскія исчезаютъ предъ неизмѣримымъ протяженіемъ съ сѣвера на югъ европейской Россіи; такъ что, если бъ тутъ и были нѣкогда всемірные ледники, то для нихъ не было бъ возможности также отважно кататься по площади Россіи, какъ, по понятію Агаси, они катились съ высотъ Альповъ, на невшательскую Юру.

Для объясненія этого явленія, вовсе нѣтъ надобности прибѣгать, ни къ сильному напору огромной массы прѣсной воды, ни къ движенію всемірныхъ ледниковъ, ни къ иной какой-либо насильственной причинѣ. Всѣ явленія нашихъ обширныхъ наносовъ объясняются очень просто, изъ извѣстныхъ уже геологическихъ данныхъ, не подлежащихъ никакому сомнѣнію, основанныхъ на прямомъ наблюденіи.

Для лучшаго уразумѣнія этихъ частныхъ данныхъ, мы должны прежде рассмотретьъ относящіяся къ этому предмету общія геологическія данныя. Море, какъ мы уже сказали при случаѣ, переходило съ одного мѣста на другое, и изъ раствора и механической смѣси ихъ, отлагались на днѣ его пласты известковые, глинистые, песчаные и такъ далѣе, и въ эти пласты заключались раковины, кости рыбъ и вообще твердые остатки различныхъ животныхъ, тогда въ этомъ морѣ жившихъ. Прибавьте къ этому еще одинъ великій фактъ: всѣ формы въ мірѣ про-

ходящи, все должно умереть, не только индивидуальное животное, но всѣ недѣлимые, составляющіе видъ (*species*), даже всѣ виды одного рода; наконецъ, всѣ роды цѣлыхъ семействъ. Исторія чело­вѣка представляетъ намъ много тому приближенье; но еще слишкомъ малы, даже мелочны, въ сравненіи съ тѣми, которые дала намъ въ руки исторія земли — зоологія. Представьте себѣ, что въ каждую эпоху, начиная съ того времени какъ появились на землѣ животныя, до нашихъ временъ, существовали формы ей свойственныя, которыя, приближаясь къ слѣдующей, новѣйшей эпохѣ, постепенно уничтожались, и вмѣсто нихъ являлись новыя, отличныя отъ первыхъ формы, и такъ далѣе, на землѣ. И такъ, пласты, образовавшіеся на днѣ моря въ известную какую либо эпоху, будутъ заключать въ себѣ остатки животныя ей свойственныя, которыя, для узаванія относительной древности пластовъ, будутъ то же, что монеты для исторіи государствъ. Море оставалось на одномъ мѣстѣ различное время, иногда продолженіи одной эпохи, двухъ, трехъ эпохъ и такъ далѣе; поэтому на днѣ его успѣвали отлагаться пласты одной эпохи, или какъ говорится, *одна древнѣйшая формація*, или двѣ послѣдовательныя формаціи, одна надъ другою; или три формаціи, и такъ далѣе. Посему формація, представляющая обнаженія, то есть, верхняя, точно указываетъ намъ время, когда морская вода, вслѣдствіе подземнаго подъема, была далѣе, осушивъ послѣднюю формацію. За сѣмъ, можемъ смѣло присту­пить къ нашей европейской Россіи.

Взглянувъ на геогностическую карту ея, мы тотчасъ убѣждаемся, что всѣ осадочныя морскія формаціи ея располагаются или являются обнаженными на ея поверхности, по старшинству своего происхожденія, съ сѣвера на югъ; то есть, такъ что сѣверныя части занимаютъ самыя древнѣйшія, силурійская и девонская; къ серединѣ залегаютъ каменно-угольная и Юра; далѣе къ югу, мѣловатая почва, а, наконецъ, самая южная полоса почти исключительно занята третичными пластами, изъ которыхъ самыя новыя образуютъ тотъ степной известнякъ, который, въ послѣднее геологическое время, былъ дномъ того огромнаго Средиземнаго моря, отъ котораго теперь остались моря Аральское, Каспійское и Черное. И такъ, очень ясно, что материкъ европейской Россіи приподнимался, изъ глубины огромнаго моря, чрезвычайно медленно и безъ всякихъ сильныхъ потрясеній, постепенно съ сѣвера на югъ: это море сбывало далѣе и далѣе на

югъ, и гидрографія въ такой же постепенности увеличивавша-
ся материка измѣнилась, приводилась мало по-малу къ тепереш-
нему порядку ея, также съ сѣвера на югъ. Наконецъ, очень
естественно, что этимъ отъ времени до времени прерывавшимся
движеніемъ морскихъ и частью прѣсныхъ водъ, гранитные на-
ли финляндскіе, съ пескомъ, глинною и такъ далѣе, передавались
постепенно съ сѣвера на югъ, постепенно оскудѣвая, и, на-
конецъ, вовсе исчезая, и именно такъ, что мелкія части перево-
щались прямо водою, а огромные гранитные валуны, при содѣ-
ствіи льдинъ.

С. КУТОРГА.

=

ЕЛИСАВЕТА КУЛЬМАНЪ

И ЕЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

=

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Теперь приступимъ къ послѣдному труду Елисаветы Кульманъ; что же касается до ея переводовъ на нѣмецкій и италіанскій языки, то она дѣлала ихъ обыкновенно въ то время, когда писала по-русски, такъ что они всегда бывали окончены у нея или въ то же время какъ русскія сочиненія, или много что нѣсколькими днями позже. Мы уже сказали, что всѣ сочиненія ея, явившіяся одни подъ заглавіемъ «Заморскихъ», а другіе подъ заглавіемъ «Русскихъ Сказокъ», были уже окончены, когда она начала «Памятникъ Береникъ». «Волшебную Лампаду», эту единственную *восточную* сказку, которую мы отъ нея примемъ, Кульманъ начала еще до совершеннаго окончанія третьей части своихъ «Піитическихъ Опытовъ».

Чтобы вполне оцѣнить достоинство этой послѣдней ея сказки, должно прежде всего провести точную границу между тѣмъ, что взято ею изъ арабскихъ Сказокъ «Тысячи и одной ночи», и тѣмъ, что прибавила она сама отъ себя.

Какой-то чародѣй приходитъ, Богъ вѣсть откуда, въ одинъ китайскій городъ, потому что читалъ въ волшебныхъ книгахъ, что близъ этого города, лежитъ зарыта въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ лампада, которая можетъ сдѣлать его богатѣйшимъ и счаст-

живѣйшимъ изъ смертныхъ, если онъ ее найдетъ; но какъ эту кладъ могла открыть только невинное дитя, то чародѣй, увидѣвъ на улицѣ въ толпѣ играющихъ дѣтей осьмишлѣняго мальчика, Аладда, сына одной бѣдной вдовы, портишки, вкрасилъ къ этой женщинѣ въ довѣренность, сдѣлавъ ей нѣсколько подарковъ. Когда онъ успѣлъ въ этомъ и мать позволила сыну сопровождать мезначкомца за городъ, волшебникъ приходитъ съ ребенкомъ въ пустынное мѣсто, разводитъ огонь и говоритъ какія-то таинственныя слова; пламя раздвигается и потонъ погасаетъ; на невеличкѣ явился большой камень съ кольцомъ, но его могла отвалить только рука невинности. Какъ скоро это совершилось, показалось углубленіе съ лѣстницею, ведущею въ темный ходъ, а оттуда въ богатую залу, смежную съ садомъ, въ одномъ углу котораго, въ нишѣ, находится мерцающая волшебная лампада. Но ходъ, зала и садъ доступны только стонамъ невинности, и только невинная рука можетъ овладѣть лампадою. Разными обещаніями волшебникъ уговорилъ мальчика отважиться на это предпріятіе. Неся за пазухою лампаду, а вмѣстѣ съ нею и множество прекрасныхъ стеклянныхъ плодовъ, которые нарвалъ въ подземномъ саду, мальчикъ возвращается къ тому мѣсту, гдѣ ожидалъ его волшебникъ. Дай мнѣ напередъ лампаду, скажешь волшебникъ. Мальчикъ противился этому, боясь разбить свои плоды, доставая лампаду. Волшебникъ наставляетъ, мальчикъ упрямится. Наконецъ волшебникъ, видя себя отъ гнѣва, произноситъ другія таинственныя слова, отъ которыхъ камень опять заваливается и такииъ образомъ погребаетъ мальчика за-живо. По счастью, мальчикъ получилъ прежде отъ злодѣя волшебное кольцо, которое охраняло его отъ всѣхъ опасностей, лишь только онъ прикасался къ нему другою рукою. Мальчикъ во-время всомнилъ объ этомъ свойствѣ кольца, опонулся его, и тотчасъ очутился на поверхности земли; но тамъ не было уже ни духу, ни слуху ни о какомъ волшебникѣ. Возвратясь домой, мальчикъ, въ присутствіи матери, вынимаетъ изъ за пазухи всѣ свои прекрасные стеклянные плоды, и наконецъ лампаду, съ виду не весьма красивую. Они положили продать лампаду; но, для большей прибыли, мать рѣшилась, почистить ее медкимъ нескотомъ. Только что она начала тереть ее, вдругъ явился передъ нею великанъ, и оглушительно громкимъ голосомъ говоритъ ей: «Я вѣрный слуга лампы и того, кто владѣетъ ею; что прикажешь?» — Мать потерялась, но мальчикъ, привыкнувъ уже къ волшебству, по прежнимъ приключеніямъ, чистосердечно объявилъ великану, что она бѣдна, и чтобы онъ принесъ имъ поѣсть. Великанъ исчезъ, но вскорѣ опять явился и поставилъ на столъ большой подносъ съ кушаньями на нѣсколькихъ тарелочкахъ, съ хлѣбомъ и разными напитками, и снова исчезъ. Когда мать пришла въ себя, мальчикъ сталъ ее уговаривать, чтобы она поѣла; все было превосходно, и такъ много, что еще осталось на нѣсколько дней. Но на что имъ оловянные тарелки, думали они (тарелки

были изъ чистаго серебра). Я стану носить ихъ по одиночкѣ на рынокъ, сказалъ мальчикъ; аюсь что-нибудь дадутъ за нихъ. На дорогѣ встрѣчается ему знакомый Еврей, который, узнавъ отъ мальчика, куда и за чѣмъ онъ идетъ, покупаетъ у него тарелку за безцѣнокъ и уговариваетъ его придти къ нему всякій разъ, когда ему понадобится продать что-либо подобное. Такъ мать и сынъ прожили десять лѣтъ сряду, прибѣгая только въ самой крайней надобности къ лампадѣ, которую мальчикъ не хотѣлъ уже отдавать ни за какую цѣну.

На семнадцатомъ году отъ рожденія, Аладинъ видитъ царевну Вадрубудуръ и влюбляется въ нее. Онъ неотступно проситъ мать, чтобы она пошла къ султану и спросила у него согласіе на бракъ его дочери съ сыномъ ея. Она рѣшается идти, но неохотно, и приноситъ въ даръ султану нѣсколько мелкихъ стеклянныхъ шариковъ, при видѣ которыхъ султанъ виѣ себя отъ радости и удивленія. Но въ слѣдствіе вышательства визири, свадьба отложена на три мѣсяца. Еще не протекли эти три мѣсяца, какъ въ городѣ разнесся слухъ, что царевна вступаетъ въ бракъ съ старшимъ сыномъ визири. Аладинъ, не теряя присутствія духа, прибѣгаетъ къ лампадѣ. Является услужливый великанъ, и Аладинъ велитъ ему унести жениха и держать его на воздухѣ не только въ первую ночь послѣ брака, когда молодая чета удаляется въ свою спальню, но и повторять это дѣйствіе каждую ночь. Молодой женихъ такъ утомился этой невзгодой, что самъ потребовалъ развода съ царевною. Наконецъ, по прошествіи трехмѣсячнаго срока, который султанъ назначилъ матери Аладина, она является къ нему вторично и напоминаетъ объ обещаніи. Султанъ, связанный даннымъ словомъ, но не желая также отдать царевну невзвѣстному человѣку, вздумалъ отдѣлаться отъ него, потребовавъ подарокъ, который былъ бы еще богаче полученныхъ имъ драгоценныхъ камней. Но, спустя нѣсколько часовъ, Аладинъ посылаетъ ему все, что тотъ желалъ. Султанъ, обильный блескомъ подарковъ, даетъ свое согласіе, велитъ Аладину явиться лично, очарованъ его наружностью и умственными качествами, и бракъ совершонъ. Нѣсколько лѣтъ сряду Аладинъ былъ счастливѣйшій человѣкъ на землѣ. Вотъ однажды волшебникъ роется въ своихъ книгахъ, и находитъ, что Аладинъ совсемъ не погибъ въ подземной пещерѣ, а напротивъ достигъ высшаго человѣческаго блаженства, живетъ въ великолѣпномъ дворцѣ, благодаря унесенной имъ лампадѣ. Виѣ себя отъ зависти, волшебникъ отправляется опять въ китайскій городъ, и видитъ Аладинъ дворецъ, который имѣетъ всѣ признаки волшебнаго происхожденія. Онъ узнаетъ, что Аладинъ въ отсутствіи, и начинаетъ придумывать средства, какъ завладѣть волшебною лампадою. Онъ заказываетъ дюжину красивыхъ лампадъ, укладываетъ ихъ въ корзину и, пройдя весь городъ, приходитъ въ ту улицу, гдѣ жилъ Аладинъ. — «Кому угодно промѣнять старыя лампы

на новья?» кричить онъ. Уличные мальчики считаютъ его помѣшаннымъ и поднимаютъ вокругъ него оглушительный смѣхъ. Царевна Бадрулбудуръ слышитъ шумъ изъ своего покоя; любопытствуя знать, что за причина шума, она посылаетъ невольника осведомиться, и узнаетъ, что какой-то разнощикъ мѣняетъ старыя лампы на новыя. Въ эту самую минуту она увидѣла волшебную лампаду, стоящую въ одномъ углу покоя; ничего не зная про ея свойства, она посылаетъ невольника посмотреть, правда-ли то, что говорятъ. Какъ только волшебникъ увидѣлъ старую лампаду, взявъ ее и спрятавъ за пазуху, предоставивъ невольнику выбрать себѣ любую изъ новыхъ лампадъ. Невольникъ возвратился и подаль царевнѣ новую лампаду. Наступила полночь; волшебникъ, уже въ качествѣ владѣльца лампы, повелѣваетъ великану перенести дворецъ, со всемъ, что въ немъ находится, на мѣсто его родины, что тотъ и исполняетъ въ точности. На другое утро султанъ не находитъ дворца Аладина; призываетъ визиря и тотъ говоритъ: «Я давно уже примѣтилъ, что счастье Аладина не что иное, какъ чародѣйство». Разгнѣванный султанъ велитъ воротить Аладина, который, между-тѣмъ, находился на охотѣ, и, когда онъ будетъ пойманъ, наложить на него цѣпи. Народъ, любившій Аладина болѣе самого султана, приходитъ въ смятеніе, требуетъ освобожденія своего любимца и грозитъ напасть на султановъ дворецъ; тутъ визирь вопреки своей ненависти къ Аладину, совѣтуетъ султану, произнесшему уже смертный приговоръ надъ своимъ зятемъ, уступить волѣ народа. Аладина вызываютъ, въ теченіе сорока дней, отыскать царевну и возвратитъ ее султану. Въ-самомъ дѣлѣ, счастье ему благопріятствуетъ и приводятъ его въ жилище волшебника. Съ помощью царевны ему удается убить волшебника, снова овладѣть волшебною лампадою, и, благодаря услужливому великану, воротиться съ дворцемъ и царевною въ столицу султана.

Тутъ кончается сказка въ «Тысячѣ и одной ночи». Мы съ намѣреніемъ рассказали ее въ подробности, чтобы читатель могъ вполне представить себѣ, что Елисавета Кульманъ къ ней прибавила, и что измѣнила.

Какъ эта сказка ни забавляла насъ въ дѣтствѣ, когда намъ рассказывали ее наши матери, или няньки, однако должно признаться, что это въ полномъ смыслѣ слова сказка, и къ тому же не изъ самыхъ замысловатыхъ. Взглянемъ теперь на твореніе юной писательницы. Она сдѣлала изъ нея эпопею, изображаетъ намъ характеръ своего героя, Аладина, какъ только можно подробнѣе, а всѣ прочіе характеры соотвѣтственно отношенію ихъ къ цѣлому, иные рѣзче, другіе слабѣе. Она такъ приготовляетъ своего героя къ тому великому жребію, который ему суждено, что совсѣмъ не удивляешься, когда шахъ и дворъ его приходятъ въ восхищеніе отъ нравственныхъ свойствъ Аладина. Въ сочиненіи ея находятся вещественнѣйшія условія всякой эпической поэмы:

смерта счастье, потомъ злополучіе и наконецъ возвращеніе счастья. Елисавета ушла изъ своего вымысла высокое правоученіе. Аладинъ, впадъ въ несчастіе, обвиняетъ самого себя; горько укоряетъ себя въ дурномъ поступкѣ съ женой царевича, который былъ назначенъ ей въ супруги не по милости, а по великимъ услугамъ, оказаннымъ имъ государству на полѣ брани. Раскаленіе Аладина доходитъ до того, что онъ, желая самъ наказать себя за свое преступленіе, бросается въ волны Зендрута. Но изъ этого приключенія съ Аладиномъ юная писательница извлекаетъ неисчислимыя выгоды для своего сочиненія:

Для поясненія нашихъ словъ скажемъ, что Кульмагъ въ произведеніи своемъ перевосела мѣсто дѣйствія изъ Китая, государства, до ея мнѣнію, бѣднаго, въ сравненіи съ Персією, великими воспоминаніями, въ Испагань, гдѣ всюду окружали ее великіе и блестящіе памятники великихъ поэтовъ и великихъ героевъ. И такъ, вмѣсто того, чтобы погибнуть въ волнахъ Зендрута, протекающаго въ Испагань, Аладинъ вдругъ очутился въ хрустальной залѣ, на одномъ концѣ которой онъ примѣтилъ золотую лѣстницу, а на ступеняхъ этой лѣстницы генія, указующаго правою рукою на черную доску, на которой серебряными буквами начертаны слѣдующія слова: «Когда ты придешь къ гробу пророка и тамъ чистосердечно раскаешься въ своей винѣ; когда ты потомъ будешь продолжать свое трудное странствіе вдоль Нила вверхъ до источниковъ рѣки, тогда будешь еще счастливѣе прежняго». Читатели видятъ, безъ нашего указанія, что такимъ-образомъ авторъ имѣетъ случай описать намъ не только красоты Персіи и Персидскаго залива, но еще и всю Аравію съ достопримѣчательностями Медины, города пророка, а потомъ весь Египетъ съ различными его памятниками. Но недовольная всѣмъ этимъ богатствомъ, она создаетъ еще на скалистой границѣ Египта крылатого коня, который, вышлывъ изъ Нила, ночью несетъ героя по звѣздному поднебесью черезъ Нубію въ Эіопію и къ ключамъ Нила, гдѣ обитаетъ похититель его супруги. По возвращеніи же въ Испагань, предсказаніе генія сбывается: шахъ, въ вознагражденіе за учиненную Аладину жестокость, отказывается отъ правленія и назначаетъ его своимъ наслѣдникомъ и повелителемъ Персіи.

Главныя же красоты этого сочиненія заключаются преимущественно въ большомъ числѣ описаній, о которыхъ нѣтъ ни слова въ арабскихъ сказкахъ; таковы: памятники Гафиза и Саади, развалины Персеполя, Пальмира, дворецъ и сады Аладина, собраніе винограда въ окрестностяхъ Шираза, разныя явленія природы днемъ и ночью, во время перѣзда Аладиномъ черезъ море въ Аравію; странствіе его по Аравіи, соединенное со всѣми ужасами, какіе только встрѣчаются въ степи; гробница Магомета; паденіе водъ Нила и выплывающія развалины Геліополя; пирамиды, Тентира, Фивы, великій водопадъ, многія созвѣздія южнаго полуша-

рія, ключи Нила. Словомъ, въ этомъ трудѣ Елисаветы на каждомъ шагу ожидаетъ читателя истинно восточное изобиліе картинъ.

Бросивъ общій взглядъ на всѣ поэтическія произведенія Елисаветы Кульманъ, можно, кажется, раздѣлить ихъ на пять эпохъ. Прежде всего она начала описывать природу. Въ этой сферѣ она неподражаемо оригинальна, богата и разнообразна. Здѣсь она вовсе ничѣмъ не была обязана искусству, и, судя по ея способности и характеру, которые мы узнали посредствомъ безпрерывнаго наблюденія, увѣрены, что она безъ всякой помощи и безъ всякаго посторонняго содѣйствія не могла бы въ этомъ родѣ поэзіи. Истинно говорить о достоинствахъ этого рода произведеній, когда это сдѣлано уже Гёте и Жанъ-Полемъ Рихтеромъ, которыми, впрочемъ, были известны только весьма немногіе ея стихотворенія.

Вторая ея поэтическая эпоха начинается съ того времени, когда она познакомилась съ Анакреономъ, Гомеромъ и прочими представителями греческой литературы. Царю греческихъ поэтовъ суждено было совлечь этотъ развивавшійся геній съ пути, избраннаго имъ по инстинкту, на путь искусства. И подлинно, первыя стихотворенія Елисаветы до того отличны отъ появившихся тогда произведеній искусства, что можно съ перваго взгляда подумать, что они проникли изъ двухъ различныхъ источниковъ. Въ первыхъ видахъ видимъ рѣдкое изобиліе, даже излишество мыслей и рѣчей; въ другихъ же, греческихъ ея произведеніяхъ, строжайшій выборъ мыслей и словъ; часто видимъ болѣе мыслей, нежели словъ; всегда нѣкоторую бережливость въ употребленіи такъ называемыхъ прикрасъ искусства, но бережливость, которая указываетъ, что она слѣдствіе не бѣдности, а напротивъ, образованнаго вкуса. Подобно Гомеру, она всегда изображаетъ свои предметы, не умножая картинъ, а выбирая самыя удачныя и самыя рѣзкія черты, запечатлѣвая такимъ образомъ въ душѣ читателя неизгладимыя картины. И тутъ мы не имѣемъ надобности произносить свое сужденіе, такъ какъ уже высказалъ свое мнѣніе объ этомъ Фоссъ, которому наставникъ Елисаветы послалъ списокъ съ ея «Стихотвореній Коринны», тотчасъ по окончаніи ихъ. Вотъ, что говоритъ этотъ опытный судья: «Эти стихотворенія можно почесть мастерскимъ переводомъ твореній какого-нибудь поэта блистательныхъ временъ греческой литературы, о которомъ мы до сихъ поръ не знали, до такой степени писательница умѣла выкинуть въ свой предметъ. Нѣтъ слова, которое могло бы насъ разубѣдить, что мы читаемъ твореніе древности. Трудно понять, чтобы столь молодая дѣвушка могла уже приобрести такіа глубокія и обширныя познанія въ искусствѣ и древности».

Елисавета Кульманъ умѣла выкинуть въ духъ и формы не одной греческой поэзіи, и дѣйствовать и творить въ нихъ непринужденно; но и въ германскія, русскія и восточныя формы умѣла она облекать свои идеи и освоиться съ ихъ духомъ, и написала сказ-

ки, которыя имѣютъ свою особенную фizioномію и совершенно отличныи характеръ.

Третью эпоху мы назовемъ германскою, потому что большая часть относящихся сюда сказокъ — германскаго происхожденія; сама же она назвала эти сказки «заморскими». Нѣкоторыя изъ нихъ, кратчайшія, собственной ея выдумки, какъ-то: «Звѣздочки», «Родительская любовь» и другія. Самыя же длинныя, а по содержанию и исполненію прекраснѣйшія, какъ то: «Ясминъ и Пчела» и «Близнецы» достаточно свидѣлствуютъ, какъ ловко она принимала чужіе образы, и какъ вѣрно изображала нравы и обычаи чужеземныхъ народовъ.

Что же касается до ея «Русскихъ сказокъ», а именно двухъ послѣднихъ и длиннѣйшихъ: «Василій Богуславичъ» и «Добрыня Никитичъ», то мы довольствуемся мнѣніемъ мужа, котораго память никогда не изгладится въ сердцахъ Русскихъ, и который въ сказкѣ всегда останется неподражаемымъ. Случилось, что бывшій наставникъ Елисаветы въ то самое лѣто, которое предшествовало годичнѣмъ елисаветинѣмъ ранней кончинѣ безсмертнаго поэта, жилъ въ сосѣдствѣ съ нимъ на островахъ, внутри большаго и открытаго для публики сада*, и, чрезъ милыхъ дѣтей его, познакомился съ нимъ самимъ. Этотъ привѣтливый и, не смотря на громкое свое имя, снисходительный человѣкъ, помнилъ, что слыжалъ имя наставника Елисаветы отъ другихъ, еще прежде, нежели отъ него самою. И такъ естественно, что наставникъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы показать ему три послѣднія сказки Елисаветы («Богуславича», «Добрыню» и «Волшебную лампаду»), и спросить его мнѣніе. При этомъ иностранецъ въ шутку сказалъ величайшему поэту въ Россіи: «Моя покойная ученица, при всемъ неограниченномъ почтеніи къ вашему гению, находила въ васъ одинъ недостатокъ», — «Какой?» спросилъ онъ съ любопытствомъ, улыбаясь. — «Тотъ, что вы написали одну только сказку, вмѣсто того, чтобы прійти всю череду русскихъ сказокъ». — «На это не стало бы человѣческой жизни.» — «Но я сказалъ вамъ только половину упрека», продолжалъ наставникъ. — «Что же еще?» — «Что послѣ васъ никто не пойдетъ съ успѣхомъ этимъ путемъ». — Онъ отвѣчалъ добродушною улыбкою. — Спустя два дня, онъ возвратилъ наставнику рукопись, сказавъ: — «Я тоже нахожу только одинъ недостатокъ въ этихъ сказкахъ, и то не я, а ваша публика: что онѣ писаны не въ римахъ. Мы живемъ въ такое время, когда рима кажется еще необходимою въ повѣствовательной поэзіи».

«Русскія сказки» Елисаветы составляютъ четвертую, а «Волшебная лампада», единственная восточная сказка, которую мы отъ нея имѣемъ, пятую эпоху ея поэтическихъ произведеній. Такъ какъ мы прежде, при разборѣ этого послѣдняго труда, вошли въ

* Подъ названіемъ Мюллеровой дачи, на Черной Рѣчкѣ, насупротивъ сада графини Строгоновой.

подробности, то для полного обзорѣнія всѣхъ вообще трудовъ Кульманъ, присовокупимъ еще нѣсколько словъ о ея переводахъ.

Елисавета Кульманъ смотрѣла на все, что она назначала къ переводу, съ такой точки зрѣнія, которая, по видимому, ей одной была свойственна. «Если бы меня спросили, зачѣмъ я въ переводахъ соблюдаю такую добросовѣстную вѣрность, то я отвѣчала бы слѣдующее: Я смотрю на всякое сочиненіе, которое хочу перевести, какъ на свое собственное, которое покажется находится у меня только въ воображеніи, и для котораго я должна прискаты надлежащія выраженія, чтобы передать его читателю въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ оно мнѣ представляется. Я никогда не помышляю о большомъ различіи между тѣмъ языкомъ, съ котораго я перевожу, и тѣмъ, на который перевожу: я представляю себѣ мысли писателя не въ воплощенномъ ихъ видѣ, то есть не въ словахъ, а въ безплотномъ, если смѣю употребить это слово. Изъ этого выходятъ, что я, почти не трудясь, всегда, для каждаго понятія, то есть для каждаго слова автора, нахожу соответствующее ему слово на языкѣ, на который перевожу, и отъ того мои переводы обыкновенно имѣютъ двойную выгоду, первую, что они буквальны, и вторую, что они, ни мало не оскорбляютъ слуха читателя.» Послѣдній ея опытъ въ этомъ родѣ — переводъ двадцати новогреческихъ народныхъ пѣсень, которому одна газета отдала большее предпочтеніе, въ отношеніи языка и стихосложенія, передъ другимъ разхваленнымъ переводомъ, тѣхъ же самыхъ пѣсень, одного извѣстнаго элленста.

Не смотря на то, что тѣлесныя страданія Елисаветы Кульманъ часто по цѣлымъ днямъ заставляли ее противъ воли покидать свои занятія, она не прерывала своихъ трудовъ; но когда чувствовала себя уже довольно твердою въ трехъ послѣднихъ выученныхъ ею языкахъ, то неуспынный и неутомимый духъ ея стремился изучить еще восточные языки, то есть арабскій и персидскій. «Но какъ быть, сказалъ наставникъ, который охотно дѣлалъ ей въ угожденіе все, что только отъ него зависѣло; я самъ не знаю этихъ языковъ». Прошло нѣсколько дней, когда онъ, пришедши къ своей ученицѣ, сказалъ: «Я думалъ, думалъ, и наконецъ придумалъ, какъ исполнить ваше желаніе. У меня есть одинъ пріятель, человекъ довольно значущій, котораго я попрошу развѣдать у одного весьма свѣдущаго ориенталиста, можно ли мнѣ будетъ посѣщать его публичныя лекціи этихъ двухъ языковъ. Тогда я сдѣлаюсь студентомъ, и съ портфелемъ подъ мышкой, стану ходить въ назначенные дни въ университетъ, а вы выучитесь этимъ языкамъ съ помощью моихъ тетрадей и изустной передачи того, что останется у меня въ памяти послѣ каждой лекціи. Вотъ одно средство».

Ориентальность далъ свое согласіе, но состояніе здоровья Елисаветы, становясь съ каждымъ днемъ хуже, сдѣлало невозмож-

нынѣ исполненіе этого плана; такимъ-образомъ желаніе ея осталось однимъ желаніемъ.

Достигнувъ конца литературнаго ея поприща, исчислимъ всѣ ея произведенія по-порядку.

1) Собраніе картинъ въ сорока шести залахъ. Оно содержитъ въ себѣ труды всѣхъ эпохъ поэтическаго ея существованія. Елисавета сравнивала себя въ шутку съ Тениеромъ, который, въ продолженіе своей бѣдности, почти всякій день писалъ по одной, а часто и по нѣскольку картинъ, и продавалъ ихъ потомъ за весьма дешевую цѣну, для поддержанія своего холостаго хозяйства. «Но я имѣю преимущество передъ Тениеромъ въ двухъ вещахъ: во первыхъ я ничего не требую за свои картинки, которые, сказавъ вамъ на ухо, конечно не стоятъ его картинъ; а во вторыхъ я и тогда пишу свои картины по нѣскольку сряду, когда у меня и безъ того довольно работы за мои большіе маслянные картины». Тениеръ-же, женившись на богатой, совсѣмъ бросилъ свои забавныя картины». Всѣ эти произведенія писаны на нѣмецкомъ языкѣ.

2) Переводъ «Апакреона» сначала на пяти, а потомъ и на осьми языкахъ. Она особенно любила эти переводы, что впрочемъ очень понятно: они-то заслужили ей то Монаршее отличіе, которое произошло всѣ ея ожиданія; за то они и сдѣлались нѣкоторымъ образомъ побудительною причиною ея позднѣйшихъ и еще болѣе большихъ предпріятій. Она впрочемъ ничего въ нихъ не измѣняла, и, надобно сознаться, что въ нихъ подлинно печего исправлять. Мы знаемъ не одинъ переводъ Апакреона, и еще такихъ переводчиковъ, съ которыми мѣряться своими силами дерзко было бы тринадцатилѣтней дѣвочки, но не менѣе того, она во многихъ мѣстахъ далеко превзошла ихъ.

3) Переводъ трагедій Озерова. Литераторъ, знающій нѣмецкій языкъ также хорошо, какъ русскій, сказалъ: «Подлинникъ и переводъ близнецы, которые во всемъ удивительно походятъ другъ на друга, но только одинъ говоритъ по-русски, а другой по-нѣмецки».

4) Переводъ двухъ трагедій Альфиери на нѣмецкій, и его же «Саулъ» на русскій языкъ, мастерски обработанный.

5) «Піитическіе опыты», на русскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ.

6) Переводы: съ испанскаго «Басень Ириарта», нѣсколькихъ отрывковъ изъ «Лузіады» Камозвса и «Тридцати одъ» Манозля; отрывковъ изъ «Утраченнаго» и «Возвращеннаго Рая» Мильтона, и многихъ стихотвореній Метастазіо, все на нѣмецкомъ языкѣ.

7) «Сказки заморскія», русскія и одна восточная, всѣ на русскомъ языкѣ. «Добрыня» и «Волшебная лампада», также и на нѣмецкомъ.

8) Переводъ новогреческихъ народныхъ пѣсень тоже на нѣмецкомъ языкѣ. Елисавета Кульманъ занималась имъ за нѣсколько дней до своей кончины, въ безсонныя ночи.

Какъ она успѣвала сочинять и переводить? невольно спроситъ каждый. Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, надобно разсказать подробно домашнюю жизнь Елисаветы.

Елисавета Кульманъ, начиная съ одиннадцатилѣтняго возраста, никогда не спала болѣе шести часовъ. Первымъ ея помышленіемъ, по пробужденіи отъ сна, была молитва, которую она совершала со всѣми знаками искренней набожности. Она успѣвала одѣться въ четверть часа, и, не смотря на то, всегда ходила очень опрятно, даже мило, вопреки бѣдности. Завтракала она очень скоро. «Иногда, говаривала она, у меня и это короткое время не пропадаетъ, потому что, когда пѣть чаю, я беру кусокъ хлѣба въ лѣвую руку, а перо въ правую, и работаю». Съ волюнны седьмого до часу она сидѣла за своимъ письменнымъ столомъ какъ прикованная, не развлекалась ни чѣмъ, что около нея происходило, и всею душою предавалась тѣмъ изъ своихъ занятій, которыя требовали наибольшаго старанія и напряженія. Надобно было самому быть свидѣтелемъ этого, чтобы повѣрить, сколько иногда она успѣвала сдѣлать втеченіе этихъ шести съ волюнною часовъ. Въ послѣдствіи времени часто случалось, что сочиненіе, заключающее иногда отъ пяти до шести сотъ стиховъ, бывало готово въ одно утро. Глядя на нее пишущую, можно было подумать, что ей подсказываетъ какой то таинственный голосъ, такъ быстро шла у нея работа. Окончивъ же ее, она вставала съ своего мѣста, веселая и довольная, прохаживалась по комнатѣ скорыми шагами, и сама завязывала разговоръ, когда знала, что никого этимъ не обезпоятъ. Такъ проходило полчаса; въ половинѣ втораго обѣдали. Обѣдъ рѣдко продолжался болѣе получаса, состоя всего-на-все изъ двухъ блюдъ; если бывало три, то это принадлежало къ исключеніямъ. Всякая зелень, мучное и молочное были любимымъ кушаньемъ Елисаветы: ни она, ни мать ея не любили мяснаго. Пили же онѣ одну воду, или квасъ. Послѣ обѣда, около получаса проходило въ планахъ для вечера и для слѣдующаго дня. Въ половинѣ третьяго Елисавета опять принималась за работу. Но она бралась уже за книги, а перо отдыхало; изрѣдка только дѣйствовалъ карандашъ. Это послѣобѣденное занятіе производилось болѣею частью ходя или стоя. Но Елисавета углублялась въ свои книги такъ же усердно, какъ въ свои утреннія занятія. Какъ скоро она бралась за карандашъ, чтобы записать на бумагѣ нѣсколько словъ, она исправляла уже два дѣла. То, что записывала, бывало обыкновенно началомъ какого-нибудь новаго произведенія. Можно было тогда навѣрное сказать, что ей пришла мысль къ новому стихотворенію, или что она придумала одно мѣсто для начатаго уже стихотворенія. Несмотря на то, она не переставала читать, а напротивъ, съ той минуты начинала послѣдовательное сравненіе между тѣмъ, что читала, и тѣмъ что вновь придумала, съ цѣлью извлечь изъ перваго пользу для послѣдняго. Это занятіе, которое могло быть подъ силу только такой головѣ,

какъ ея, продолжалось безостановочно до семи часовъ вечера, если тому не мѣшали постороннія обстоятельства. Когда подавали чай, она клала на мѣсто такъ называемыя ученые книги, однако продолжала въ головкѣ своей обрабатывать и оканчивать вновь завернувшіяся ей мысли, покуда не бывало у нея готово въ умѣ то, что на другой день утромъ слѣдовало изложить на бумагѣ. Но эта мысленная работа не мѣшала ей принимать участіе въ разговорѣ, если въ это время около нея говорили. Послѣ чаю приходила очередь пластическимъ искусствамъ, какъ она ихъ называла, то есть рисованью, вышиванью и нѣрѣдко шитью. Тогда мать ея, трудившись весь день, часто брала книгу и читала дочери вслухъ. Но эти чтенія бывали часто прерываемы, потому что все замѣчательное, прекрасное, новое, подавало имъ поводъ къ разговору; иныя ихъ замѣчанія сдѣлали бы честь любому ученому. Такъ проходило время до девяти часовъ, послѣ чего, обыкновенно три раза въ недѣлю, мать и дочь уходили провести остальное время у господина Медера. Пришедши сюда, Елисавета, не ниѣя у себя дома фортепіано, упражнялась здѣсь въ музыкѣ около часу, благодаря услужливости ея подругъ, которыя никогда не беспокоили ее во время игры. Потомъ, если господинъ Медеръ бывалъ дома и ничѣмъ не занятъ, онъ съ своими двумя дочерьми и Елисаветою садился за столъ и начиналъ съ ними бесѣду, о предметахъ, касающихся географіи, исторіи и физики, нѣрѣдко восходя съ своими юными слушательницами на высоты астрономіи, или углублялся въ таинства геологіи. Между тѣмъ, эти академическія засѣданія, какъ называли ихъ дамы, составлявшія общество бабушки (господинъ Медеръ былъ вдовъ), не всегда бывали серьезныя, но по временамъ оживлялись разговоромъ какого-нибудь забавнаго приключенія съ путешественникомъ. Потомъ слѣдовалъ небольшой и недолгій ужинъ, послѣ чего пожелавъ другъ другу доброй ночи, всѣ расходились, и Елисавета возвращалась съ матерью домой, гдѣ, помолвшись Богу, тотчасъ ложилась спать.

При такой жизни и при ежедневно возрастающей легкости, съ какою Елисавета Кульманъ исполняла все, что предпринимала, читатели нѣкоторымъ-образомъ поймутъ, какъ она могла совершить труды, которые сдѣлали бы честь людямъ вдвое старѣе ея. Но эту изумительную творческую силу еще лучше объясняютъ собственные слова Елисаветы, сказанныя ею наставнику однажды вечеромъ, когда онъ участвовалъ въ одномъ изъ помянутыхъ академическихъ засѣданій.

Въ тотъ вечеръ господинъ Медеръ бесѣдовалъ о минералогіи, одной изъ любимыхъ наукъ его и Елисаветы. По обыкновенію своему, она не спускала глазъ съ господина Медера. Наставникъ же стоялъ за стуломъ младшей ея подруги, такъ, что онъ могъ видѣть Елисавету въ лицо, но она, будучи чрезвычайно внимательна, поглядывала на него только въ минуты отдыха. Засѣданіе кончилось; наставникъ, прохаживаясь съ Елисаветою одинъ по

заль, сказала ей: «хотя вы не спускали глазъ съ господина Медера, однако я примѣтила, что вы были разбѣяны». — «Угодно, чтобы я повторила вамъ всю лекцію отъ слова до слова?» — «Очень хорошо». — Наставникъ около десяти минутъ ставляя ее повторять слышанное со всюю ея неподражаемою скороговоркою, покуда она не удостоверился, что ошибся. — «Но я ни мало не отпираться, что я почти во все время бесѣды думала о множествѣ другихъ предметовъ. Отъ одного слова, которое вырочилъ Петръ Ивановичъ, говоря о кристаллизацин, мнѣ пришла въ голову счастливая мысль, которую я потомъ стала распространять. Очень можетъ быть, что это занятіе выразилося у меня на лицѣ. Вообще, сказала она, помолчавъ не много, у меня двѣ жизни, моя внутренняя, совершенно независимая, вполне и непрерывно поэтическая, — я моя вѣшняя, зависящая отъ обстоятельствъ. Въ моемъ внутреннемъ мірѣ солнце паходится всегда надъ горизонтомъ, и уступаетъ только когда я захочу, не мѣше пріятнымъ сумеркамъ, тогда какъ во вѣшнемъ мірѣ иногда по цѣлымъ днямъ не видать солнца, а ночью пѣтъ ни луны, ни звѣздъ.

Но мы еще не сказали, какія были тайныя пружины, побуждавшія необыкновенную дѣвушку къ непрерывной дѣятельности и которыя сохраняли ее всегда въ веселомъ духѣ.

Можетъ-быть, никогда любознательность, дѣятельность и память не бывала соединены въ одномъ существѣ въ столь высокой степени, какъ въ Елисаветѣ Кульманъ. Эти три качества уже въ дѣтствѣ ея были необыкновенно велики, но съ лѣтами они увеличались; память ея граничила съ чудеснымъ. Къ этимъ рѣдкимъ благамъ присоединилась еще желѣзная воля. Еще будучи небольшою дѣвочкою, она постигла магическое слово «слава»!... Но какъ достигаютъ славы? — Конечно не бездѣйствіемъ. — Хорошо! За трудами у меня дѣло не станетъ, думала Елисавета... Сколько путей къ славѣ? — Два: неустрашимость и искусство. — Но я, какъ женщина, имѣю одинъ только путь: искусство.... Какое искусство ведетъ къ самой прочной славѣ? — Театральные артисты иногда переживаютъ свою славу; много, если ихъ слава умираетъ вмѣстѣ съ ними; во всякомъ случаѣ они не оставляютъ послѣ себя слѣдовъ своего искусства.... Виртуозы, — когда они и композиторы, — имѣютъ то преимущество передъ первыми, что остаются доказательства ихъ искусства; живописецъ, имѣя то же преимущество, еще счастливиѣе тѣмъ, что обращаетъ на себя взоры всѣхъ, и знатоковъ и толпы. Но краски лишаютъ время разрушаетъ его произведенія... Иное дѣло поэтъ. Чтò въ твореніяхъ Гомера разрушено временемъ? — Ничего! Они до сихъ поръ такъ же прекрасны, такъ же новы, такъ же привлекательны, какъ были во времена Пизистрата. — Благо тебѣ, Елисавета! Небо надѣлило тебя лучшимъ жребіемъ!... Чтò мнѣ нужно, чтобы быть поэтомъ? Тѣмъ познаніемъ, изобрѣтательностью, неутомимостью въ исполненіи, словомъ, твердая воля: быть художни-

цю. Поэту нужно еще меньше, нежели живописцу, для упражненія въ своемъ искусствѣ; ему достаточно имѣть бумагу, перо и чернила.... Хочу быть поэтомъ; хочу и буду».

Никто не можетъ приписать эти доводы намъ: мы слышали ихъ изъ устъ Елисаветы и находимъ ихъ въ стихахъ ея:

Листъ проживаешь вѣкъ,
А мраморъ вверженъ въ прахъ.

Такъ говоритъ она въ небольшомъ стихотвореніи къ Бельцони. Съ тѣхъ поръ она смотрѣла равнодушно на богатства, почести, удобства жизни, словомъ на все то, по чемъ люди такъ вадываютъ, но отчего они не дѣлаются счастливыми, когда достигли этихъ благъ. — «Имя бѣдной дѣвушки будутъ произносить спустя столѣтія вѣсть съ величайшими гевіями ея отечества! Чего же болѣе хотѣть? Эта награда не стѣдитъ развѣ борьбѣ со всѣми житейскими бѣдствіями?» — Вотъ что говорить у нея «Счастье»:

Твою судьбу устроить
Зависитъ отъ меня!
Царямъ сдѣлать нищихъ
Могу въ теченье дня.

Такъ выбирай, что хочешь:
Вотъ злато предъ тобой.
Вотъ княжество, вотъ также
И слава съ нищетой.

«Довольно, я избрала;
Другимъ дай всю тщету:
Короны, злато..., мнѣ же
Со славой нищету!»

Этотъ образъ мыслей она сохранила до гроба. Ослабѣвъ до того, что сама уже убѣждена была въ невозможности своего исцѣленія, она говорить:

Корабль мой, вижу, тонетъ,
Воспользуюсь же я
Немногими часами
До близкаго конца.

Напрасно хожу тѣло,
Срокъ наступаетъ мой,
За то, какъ Тромпъ, * я мыслю
О славѣ лишь одной.

* Известный голландскій адмиралъ.

Нѣтъ сомнѣній, что честолюбіе, или лучше сказать славолюбіе было у нея врожденно, а съ лѣтами стало въ ней благородною страстью. Но мы оставили бы читателей въ грубомъ заблужденіи, если бы не разувѣрили ихъ, что у нея страсть эта не основывалась на тщеславіи, какъ у другихъ честолюбцевъ. Нѣтъ, ея честолюбіе, ея славолюбіе опирались на религію. Она искренно вѣрила, что каждый человѣкъ имѣетъ въ даръ отъ Провидѣнія одинъ или нѣскольکو талантовъ, которые онъ обязанъ образовать въ возможно высокой для него степени. Она не менѣе вѣрила и тому, что если небо даровало ей способность къ языкамъ и къ поэзіи, то она обязана была стараться, чтобы и въ томъ и въ другомъ быть примѣромъ для другихъ, и не уверять себя потому въ зарытіи своего таланта. Она смотрѣла также на свою бѣдность, какъ на мудрую мѣру Божию, чтобы она восте держалаея пути обязанностей, тогда какъ богатство обыкновенно служитъ къ тому, чтобы избаловать насъ и удалить отъ нашего назначенія. За то мы у нея часто находимъ хвалу бѣдности.

Признательность священна!

Такъ, бѣдность, я тебѣ
Всегда скажу спасибо,
Хоть часто жутко мнѣ.

Богачъ, при всемъ избыткѣ,
Въ кичливости вопить
О невозможномъ даже,
И только духъ мутить.

А я, во всемъ пужаясь,
Когда я погляжу,
Что хлѣбецъ есть, да платье,
О большемъ не тужу.

Вообще набожность была отличительною чертою ея характера. Всѣ ея начинанія исходили отъ Бога, и возвращались къ Нему же. Во всѣхъ случаяхъ своей жизни она видѣла перстъ Божій. За то она проходила жизнь свою смѣло и безболзненно. Особенно не постигала она страха людей. Она рано привыкла почитать себя и другихъ существами хилыми и безсильными, безъ Божьей защиты. Прекрасно поетъ она въ этихъ стихахъ:

Бояться? Мнѣ бояться?
Днемъ не хожу-ль подъ небомъ
Лазурнымъ—окомъ Божьимъ,
Чей взоръ лучистый — солнце
Слѣдить за мною всюду?
Не отдыхаю-ль ночью
Подъ темносинимъ небомъ —
Неусыпнымъ окомъ

Того, кто взоромъ кроткимъ —
 Луной блюдетъ за мною?
 «Да, нить твой каждый волосъ
 На головѣ сосчитанъ,
 И, безъ Его велѣнья,
 Не упадетъ единый». —
 Такъ Богочеловѣкомъ
 Назъчено. Чего же
 Боятся нѣ? Людей ли,
 Которые сегодня
 Такъ гордо выступаютъ,
 А завтра переходятъ
 Въ прахъ, вѣтромъ уносимыи?

Не мудрено, что она страстно любила Шиллерову «Орлеанскую Дѣву». «Если бы мое отечество, говорила она, когда-нибудь имѣло надобность въ дѣвушкѣ, для ношенія знамени, или иконы передъ войскомъ, то я не сомнѣваюсь, что у меня достало бы мужества послѣдовать примѣру Жанны д'Аркъ. При самомъ нашемъ рожденіи намъ давъ ангелъ-хранитель, который сопутствуетъ намъ во всю жизнь. Въ опасностяхъ, онъ насъ обороняетъ своимъ непроницаемымъ щитомъ; а когда наше назначеніе совершилось, тогда мы унадаемъ, какъ Жанна д'Аркъ, и переходимъ къ другому назначенію».

При такомъ образѣ мыслей, не удивительно, если она и наружно и внутренно была расположена болѣе къ серіозному. Это расположеніе господствовало у нея, не исключая, впрочемъ, въ ней участія въ свѣтскихъ удовольствіяхъ:

«Дай тоже отдыхъ луку,
 И тетива окрѣпнетъ»,

говорила она, и съ веселымъ сердцемъ предавалась невиннымъ забавамъ. Она брала участіе во всемъ: въ музыкѣ, въ пѣніи, въ танцахъ, безъ хвастовства, однако и не безъ видимаго таланта во всѣхъ трехъ искусствахъ. Не менѣе любила она дружескіе разговоры въ тѣсномъ кругу знакомыхъ, особенно если между себя сѣдниками бывалъ какой-нибудь челоѣкъ, замѣчательный или по своимъ страствіямъ, или по роду своихъ занятій, потому что тогда это имѣло двойную выгоду, служа развлеченіемъ и поученіемъ. Съ своими подругами она была чрезвычайно весела; но умилительно бывало смотрѣть на нее, когда дѣти садились около нея въ кружокъ, и, разинувъ ротикъ и не спуская съ нея глазъ, слушали сказки, которыя она имъ говорила совершенно понятнымъ для нихъ языкомъ. Зато упрашивающимъ не бывало конца, когда этотъ маленький народъ могъ овладѣть Елисаветою. Но она и подругъ своихъ забавляла иногда сказками, изъ которыхъ каждая была придумана такъ, чтобы приходилась по праву каждой изъ подругъ. Те были и некоторымъ образомъ импровизаціи, которыя

нерѣдко подслушивали въ отдаленіи и тихонько даже взрослые особы, и которыми нельзя было не удивляться,—такъ эти сказки были богаты и живописны, по содержанію и изложенію.

Если Елисавета бывала одна въ часы отдыха, то она предпочтительно любила заниматься рисованьемъ мѣломъ, или красками: послѣднее она любила больше всего. Рисуя, она имѣла привычку пѣть, и пѣла пѣсни на всѣхъ знакомыхъ ей языкахъ, придумывая собственныя свои напѣвы, когда не знала настоящихъ; и по различнымъ степенямъ живости пѣнія можно было судить о большихъ или меньшихъ успѣхахъ кисти.

Но, несмотря на всѣ преимущества ума и на умѣнье обращаться въ свѣтѣ, она въ обществѣ была такъ тиха, что кто не зналъ ея, почиталъ ее застѣнчивою. Это было слѣдствіе чрезвычайной ея скромности. Совсе не честолюбивая, она ждала покуда къ ней не обратятся; когда-же съ нею заговаривали, надобно было удивляться, съ какою легкостью она продолжала начатый разговоръ, умѣя и прервать его, коль скоро ей казалось, что она отвлекаетъ этимъ слушателя отъ его другихъ стѣтскихъ обязанностей. Если же она, что не рѣдко случалось, такъ была вовлечена въ разговоръ, что наконецъ говорила одна, то о чемъ-бы рѣчь ни шла, о томъ ли, чтобы рассказать случившееся, или рѣшить спорное дѣло, она дѣлала это съ такимъ краснорѣчіемъ, такимъ умѣньемъ, часто съ такою особенною смѣсью важности и шутки, что никто не могъ надвинуться этой многосторонней образованности ума ея. Трудно бывало имѣть съ ней споръ. Если ей попадался противникъ, который почиталъ себя большимъ умникомъ, то она употребляла всѣ хитрости и уловки реторики и діалектики, чтобы прижать его; прижавъ же его такъ, что онъ былъ готовъ или замолчать, или сказать глупость, она тотчасъ уступала своему врожденному чувству вѣжливости, и сама помогала своему противнику вывернуться, чтобы избавить его отъ стыда *de passer sous les fourches caudiennes*, какъ она выражалась. Если-же противникъ бывалъ точно ученый человекъ, она всѣ возраженія свои дѣлала въ видѣ вопросовъ, на которые желала имѣть подробный и точный отвѣтъ. Обыкновенно противника первый отдавалъ полную справедливость ея познаніямъ, объясняя присутствующимъ, что всѣ ея вопросы не что иное, какъ учтивости, хотя въ самомъ дѣлѣ они содержатъ въ себя подлинныя, основательныя возраженія. Но она не терпѣла, чтобы кого-либо оскорбляли въ подобныхъ спорахъ. Она тотчасъ заступалась за обиженнаго и дѣлалась его поборницею, пособляя ему найти столько возраженій противъ безпощаднаго спорщика, что тотъ, волею или неволею, долженъ былъ удержаться отъ оскорбительныхъ выходокъ, а иногда и уступить. Если кого-нибудь безвинно осмѣяли, то она, защищая обиженнаго, иногда даже колко отвѣчала обидчику. Морской офицеръ, человекъ съ заслугами, совершившій путешествіе вокругъ свѣта, вздумалъ подтрунить надъ одною изъ ея подругъ,

очень застѣвчивою дѣвушкою, и, вѣроятно, по наущенію другихъ дѣвицъ. Елисавета, услышавъ это издали, подошла къ своей подругѣ, взяла ее за руку и вывела изъ круга, въ которомъ она находилась, сказавъ такъ громко, чтобы все могли слышать: «Не сиорю, что путешествіе приноситъ большую пользу, только не слѣдовало бы предаваться ему до такой степени, чтобы оставаться у дикихъ народовъ по нѣскольку лѣтъ сряду, потому что самый хорошій человекъ можетъ перенять у нихъ привычку къ жестокости отъ ежедневнаго съ ними обращенія». Въ гостиной раздался нѣскольکو браво; офицеръ смутился, но потомъ подошелъ къ Елисаветѣ и извинялся тѣмъ, что онъ только пошутилъ. Она возразила: «Свѣтъ иногда дозволяетъ женщинамъ не щадить мужчинъ, но мужчина никогда не долженъ забывать, что природа назначила его быть защитникомъ нѣжнаго пола». — «Ваша правда, но позабудьте и простите мою неучтивость!» — «Охотно! только дайте намъ ваше честное слово, что вы отнынѣ будете тѣмъ, къ чему васъ назначила природа». Однако и послѣ это невозможно было сердиться на нее. Этотъ самый морской офицеръ впослѣдствіи не пропускалъ ни одного случая, чтобы доказать Елисаветѣ, сколько онъ уважалъ ее, и когда узналъ, что она охотница до описаній путешествій, сталъ снабжать ее изъ своей библиотеки всеми книгами, которыя могли доставить ей удовольствіе.

Такова была Елисавета въ свѣтскомъ кругу. Къ нѣкоторымъ же лицамъ привязанность ея не имѣла границъ. Въ ея благодарномъ сердцѣ первое мѣсто занимали учителя ея. Она сдѣлала большіе успѣхи въ рисованіи фигуръ, но все знали, что еще болѣе любила ландшафты. Рисовальный ея учитель былъ мастеръ рисовать фигуры, но не такъ силенъ въ ландшафтной живописи. По этому ей предлагали другаго учителя, члена академіи художествъ. «Нѣтъ, сказала Елисавета, я не стану брать у него уроки. Положимъ, что мои успѣхи въ ландшафтной живописи будутъ медленнѣе подъ руководствомъ моего теперешняго учителя, но за то я докажу ему тѣмъ мою благодарность за труды, которые онъ понесъ, чтобы выучить меня первоначальнымъ правиламъ рисованія». — Это было въ то время, когда весь Петербургъ ѣздилъ слушать оперу: «Волшебный Стрѣлокъ». Читатели и безъ насъ угадываютъ, что случай посѣтить театръ бывалъ для Елисаветы Кульманъ событіемъ важнымъ, весьма рѣдкимъ и безцѣннымъ. Вотъ, въ одинъ день, ей предстояло счастье увидѣть эту столь превозносимую пьесу, въ обществѣ семейства господина Медера. Все было слажено, и въ шесть часовъ хотѣли ѣхать въ театръ. Вдругъ въ пять часовъ приходитъ наставникъ Елисаветы, не знавшій обо всемъ этомъ, и объявляетъ, что, будучи весь вечеръ свободенъ, онъ намѣренъ провести его съ нею. Елисавета обрадовалась этому такъ непринужденно, что самый зоркій глазъ не примѣтилъ бы въ лицѣ ея ни малѣйшей переменны. Около шести часовъ Ели-

саветѣ принесли записочку, на которую она, испросивъ позволеніе, и отвѣчала. Спустя десять минутъ, приносятъ другую записку, и на эту она отвѣтила письменно и поспѣвши. Наконецъ приходитъ слуга и проситъ вызвать Елисавету. Она вышла, но немедленно воротилась, съ примѣтнымъ на лицѣ неудовольствіемъ, которое однако тотчасъ исчезло. Впродолженіе всего вечера она была такъ весела, такъ говорлива, такъ внимательна къ общему разговору, что наставникъ не могъ потомъ надвинуться ей, узнавъ спустя вѣсколько дней обо всемъ. «Если бы даже я была увѣрена, что во всю жизнь не увижу этой оперы, и тогда я не тронулась бы съ мѣста». — Можно себя представить, какъ были ей преданы всѣ ея учителя, когда видѣли отъ своей ученицы столько признательности.

Въ домѣ, гдѣ въ то время находился наставникъ, дѣвицы, бывшія также его ученицами, всякую недѣлю разыгрывали у себя небольшую лотерею, которой выигрыши состояли изъ разныхъ туалетныхъ припасовъ. Наставникъ съ своимъ воспитанникомъ были обязаны брать круглый годъ по одному билету. То было прекрасное время для Елисаветы. Такъ какъ въ этой лотерей всѣ билеты были выигрышные, то наставникъ приносилъ ей каждое воскресенье какую-нибудь вещьцу, а иногда и два выигрыша, когда воспитанникъ отдавалъ ему еще и свой. Такимъ-то путемъ входили въ комодецъ Елисаветы, отличавшейся примѣрнымъ порядкомъ, варшавскія перчатки, ленты, бусы, шелковыя башмаки и шейныя платочки. Съ этимъ запасомъ, какъ часто случалось Елисаветѣ одолжать своихъ богатыхъ подругъ, то тѣмъ, то другимъ уборомъ, то платочкомъ, то красивою лентой, если онѣ были званы куда-нибудь нечаянно. Не рѣдко ссужала она вещами, которыхъ и сама еще не надѣвала; а если бывало ей и попортивать вещь, то въ такомъ случаѣ никто не бывалъ снисходительнѣе ея.

Кто-то изъ ея знакомыхъ, желая подарить ей немного парижскихъ денегъ, условился съ нею отдавать ей всѣ серебряныя платочки, которые онъ получитъ сдачи при покупкахъ, или инымъ образомъ; а съ нея взялъ слово, чтобы она продекламировала ему извѣстное число стиховъ. У Елисаветы было деревянное ящико, въ которомъ вѣкогда хранилась проволочная змѣйка. Въ этомъ-то ящикѣ копила она всѣ пятачки, которые ей доставались. А что она дѣлала съ этими деньгами? Первое, она всегда была готовый къ услугамъ банкиръ своей матери, когда шкатулка послѣдней опорожнялась. Потомъ, къ нимъ приходили каждую недѣлю пожилая женщина и хромою няввалдъ, и получали отъ ея матери остатки съѣстнаго, и по вѣскольку копѣекъ, когда была возможность. Елисавета устроила такъ, что всегда она подавала этимъ бѣднымъ людямъ то, что назначала имъ мать. Но этотъ земной ангелъ думалъ, что должно буквально и въ строгомъ смыслѣ исполнять слова Евангелія: «Да не вѣдаетъ твоя дѣвая рука,

что твердить права!»! и для того даже отъ матери скрывала добро, которое дѣлала. Всякій разъ у нея бывали въ готовности завернутыя въ бумажкѣ, когда по одному, а когда и по два цѣтачка, на каждомъ, которые она тихонько всовывала имъ въ руку вмѣстѣ съ подаваемъ матери. Эту черту мать и знакомые узнали только послѣ ея смерти отъ самихъ бѣдныхъ.

Елисавета одѣвалась опрятно и просто. Платья ея не были новы, но всегда въ исправности. Когда онѣ становились узки, она прятала ихъ и, какъ говорила, «берегла еще для болѣе бѣдныхъ». Она сама шила себѣ платья, а мать ей помогала; иногда онѣ умѣли изъ стараго сдѣлать нѣчто новое. На это мать и дочь были большія искусницы. Однажды, на какомъ-то праздникѣ, мы видѣли на Елисаветѣ платье, которое издали казалось новымъ и очень наряднымъ. Что-жъ это было? Бѣлая дымка съ мушками на розовомъ каленкорѣ. Еще помнимъ, какую великую истину сказала намъ Елисавета при этомъ случаѣ, когда мы похвалили ея нарядъ. «Надобно, отвѣчала она, смотрѣть на него издали, какъ это и подинно расчитано, такъ точно, какъ на нынѣ смѣлыя картины и выраженія поэтовъ. Если не подходить къ нимъ очень близко, то есть не разглядывать, изъ чего состоятъ, то они дѣлаютъ на насъ большое впечатлѣнiе; примѣръ тому видимъ въ Мильтоновомъ «Видимомъ мракѣ», картина, которая издали приводитъ въ изумленiе самое смѣлое воображенiе; но подойдемъ ближе и станемъ разбирать ее, тогда (о! любезный Мильтонъ! извини, если я, не смотря на мое уваженiе къ тебѣ, скажу правду) выходитъ вздоръ. Такъ и мой нарядъ: издали онъ поражаетъ, но посмотрите вблизи и вы скажете, что я здѣсь какъ вездѣ, гдѣ-бы я ни была, одѣта бѣднѣ всѣхъ».

Тайна ея мнѣшаго избытка заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ ея порядкѣ. Она хранила у себя по нѣскольку лѣтъ бездѣлушки, которыя ей подарили, и къ тому же въ совершенной цѣлости. Особенно наставнику часто случалось, увидѣвъ у нея какую нибудь вещь, любоваться ею и спрашивать у Елисаветы: «Откуда у васъ это? Милая, веселая улыбка была отвѣтомъ. Онъ самъ подарилъ ей эту вещь, и успѣлъ уже позабыть о томъ. При одномъ подобномъ случаѣ у нея вырвалось то невинное хвастовство, которое однако такъ ей приличствовало. — «Въ одномъ я такъ превосхожу знаменитаго Франклина». — «Въ чемъ?» — «Въ порядкѣ, въ которомъ находится у меня все мое имущество». Въ самомъ дѣлѣ, Франклинъ сознается, въ одномъ своемъ сочиненiи, что ему трудно было завести въ своихъ вещахъ, особенно въ бумагахъ, надлежащiй порядокъ; недостатокъ, причинявшiй ему много досады. Если ее всякій охотно одолажалъ книгами, то она была этимъ обязана своей любви къ порядку и опрятности. Наставникъ выпросилъ у своего воспитанника описанiе путешествiй съ картинками, сказавъ ему напередъ, что онъ на нѣсколько дней дастъ эту книгу для прочтенiя своей ученицѣ. За два дня до

срока, наставникъ возвратилъ ему книгу. «Что-жь, она не читала книги?» сказалъ воспитанникъ, просмотрѣвъ каждую часть. «Какъ такъ?» — «Посмотрите сами, во всей книгѣ нѣтъ ни одного загнутаго листочка, и ни одного пятнышка». — «Да этого никогда и не будетъ, какую-бы вы ей ни дали книгу.» — «А если это такъ, то вся моя библіотека, всѣ мои атласы и картинки къ ея услугамъ!»

Она любила всѣ женскія рукодѣля, кромѣ вязанья. Мы еще помнимъ, какъ въ домашнемъ совѣтѣ обсуждали этотъ предметъ, къ которому она имѣла видное отвращеніе, мать, ратный товарищъ отца ея, Суворовъ, и наставникъ. Послѣдній полагалъ, что видя явное ея отвращеніе къ вязанью, можно ее уволить отъ него. Но мать и воинъ были противнаго мнѣнія, послѣдній взялся даже уговорить ее къ вязанью, и ему удалось это. Ему удалось еще болѣе: Елисавета высказала свою рѣшимость даже въ одномъ изъ своихъ миниатюрныхъ стихотвореній. Сообщимъ его читателямъ для разнообразія:

Я не люблю вязанья,
А все-жь Суворовъ правъ:
«Вязаньемъ, да почвикою,
Хоть цѣлымъ домою правъ».
Послушаюсь совѣта,
Который мнѣ даютъ.
«Чѣмъ, говорятъ, тяжеле,
Тѣмъ и похвальнѣй трудъ».

Между-тѣмъ, она не только занималась нелюбимымъ ею вязаньемъ, но исправляла также другія домашнія работы, когда требовали того обстоятельства. Сколько разъ мы заставляли ее у плиты, стряпавшею свой скудный обѣдъ. Однажды, когда мы, сожалѣли, что она принуждена исправлять работы, которыя такъ не сообразны съ ея призваніемъ, она отвѣчала намъ: «О, не думайте, чтобы я отягощалась, или же гнушалась этими работами. Я помню въ Гомеровыхъ поэмахъ не одиѣ имена героевъ, но и другія, которыя вовсе не принадлежать къ этому разряду. Такъ я помню одну царскую дочь, которая вѣрно не только умѣла сварить хорошій супъ, но еще съ подругами своими, безъ сомнѣнія, то же княжескими дочерьми того народа, ѣздила на рѣку стирать черное бѣлье, которое везли за нею на возу, запряженномъ двумя мулами. Тутъ она съ важностью, достойною описанія, взяла въ одну руку перо, а въ другую кухонную ложку, и съ улыбкою и театральною высокопарностью, сказала: «Вотъ знаменія моего двойнаго владычества: это, показывая на ложку, жезлъ, которымъ властвую въ хозяйствѣ, а это показывая на перо, жезлъ моей власти въ области разума». Нѣжными своими руками она носила даже дрова изъ сарая въ комнату, чтобы затопить печь. Эта носка не отягощала-бы ее, лишь бы всегда было что носить; но часто не

было дровъ, и многіе ея стихи писаны цосняѣвшими отъ стужи пальцами.

Но все это ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что дѣлала Елисавета Кульманъ, когда мать ея была нездорова и она за нею ухаживала. Глядя на нее въ это время, надобно было проливать слезы умиленія, если бы не удерживало слезъ другое, высшее чувство, благоговѣніе къ такому мягкосердому существу, которое съ тавимъ самоотверженіемъ предается своему долгу. Надобно было слышать, какъ дочь утѣшала свою страждущую мать, и какъ большая благодарила ее за всѣ попеченія, чтобы имѣть точное понятіе о добродѣтеляхъ этой дѣвушки. Какія мучительныя ощущенія раздирали иногда ея душу въ этомъ положеніи, она одна одинохонька сидѣла при матери, лежавшей часто при смерти, это доказываетъ одно мѣсто въ ея слѣдующихъ стихахъ :

О Боже мой! оставь мнѣ,
 Бѣдняжкѣ, мать родную!
 Не отъ того, чтобъ вѣры,
 Въ твою я не имѣла
 Родительскую благость,
 Что такъ къ тебѣ взываю
 Изъ глубины сердечной.
 И безъ нея, о Боже!
 Я знаю, не попустишь
 Ты Всеблагій, чтобъ смертью
 Голодной я погибла.
 Но ужасъ наполняетъ
 Меня при мысли только,
 Здѣсь на землѣ остаться,
 Безъ матери сироткой!
 О Боже! въ чьей десницѣ
 Жизнь всѣхъ существъ хранится,
 Прости, что я съ болзнью
 Тебя такъ умоляю:
 Оставь мнѣ мать, нль сжалась
 Надъ нею и надъ мною,
 Возьми въ одно ужъ время
 Обѣихъ насъ отсюда!
 Не можемъ другъ безъ друга
 Мы жить, ни я безъ вѣжной
 Родительницы, ниже
 Она безъ дочки, ею
 Такъ горячо любимою.

Сколько она заботилась и тревожилась при видѣ чужихъ страданій, столько была спокойна и тверда въ своихъ собственныхъ. Послѣ бѣдственнаго наводненія, которое столькимъ нанесло смерть, и приготовило ея кончину, она въ продолженіе полугода постоянно была больна, хоть и не лежала въ постели; наконецъ совѣтъ врачей рѣшилъ, что нѣтъ надежды на ея спасеніе, но что можно

продлить ея жизнь еще нѣсколькими мѣсяцами. Это рѣшеніе, по самую смерть ея, оставалось тайною для ея родственницъ и друзей. Такая мѣра тѣмъ была хороша, что никто изъ окружающихъ Елисавету не упалъ духомъ и всё предавался надеждѣ, что она мало-по-малу выздоровѣетъ. Но она сама какъ будто предчувствовала, что жизнь ея приходитъ къ концу. Отсюда начинается наше удивленіе къ силѣ ея духа. Внутренно убѣжденная въ близкой своей кончинѣ, она не переставала утѣшать огорченную мать надеждою скорого выздоровленія; зная неограниченную любовь матери, она страшилась, что мать не въ состояніи будетъ вынести извѣстіе о дѣйствительномъ ея положеніи. «Съ вами, сказала она однажды наставнику, я могу говорить откровеннѣе; я чувствую близкій конецъ. Всѣ мои сны возвѣщаютъ мнѣ его, какъ будто это долгъ ихъ приготовить меня къ нему. Естественно, что я желала-бы прожить подольше, такъ какъ мои умственные силы съ каждымъ днемъ болѣе развиваются; и если бы Богъ далъ мнѣ долгую жизнь, то я увѣрена, что достигла бы всѣхъ моихъ высокихъ цѣлей. Но этому не бывать. Другіе воспоятъ дѣянія Владиміра, Іоанна и Петра-Великаго; смѣлой дѣвушкѣ въ этомъ желаніи отказано. Еще не пройдетъ пятьдесятъ лѣтъ, и забудутъ имя дѣвушки, которая чувствовала въ себѣ столько силы, чтобы подобно ея отцу, Гомеру, жить въ памяти своихъ согражданъ цѣлые вѣка. Такова общая участь бѣдныхъ Кульмановъ. Вы, Павелъ, Александръ, Дормедонтъ и Николай, пали въ челѣ вашихъ небольшихъ отрядовъ и живете еще въ памяти только немногихъ оставшихся въ живыхъ воиновъ, потому что вы обходились съ ними кротко. Павши, вы не испустили ни жалобы ни вздоха; ваша сестра не уступитъ вамъ въ твердости; все-таки вы пали на полѣ битвы, а она умираетъ въ кругу своихъ родныхъ и друзей». Наставникъ, котораго первоначально извѣстіе объ опасномъ ея положеніи поразило и испугало, съ-тѣхъ-поръ давно уже опомнился отъ своего страха, и по самую смерть ея былъ несомнѣнно увѣренъ, что она не умретъ. «Зачѣмъ бы небо соединило въ ней столько изумительныхъ качествъ? Оно избрало ее образцемъ для ея вѣка и для отчества; оно защититъ свое созданіе и продлитъ его жизнь». Вотъ слова, которыя онъ повторялъ самому себѣ сто разъ. Если же Елисавета Кульманъ не могла безъ грусти видѣть приближеніе своей кончины, то это въ природѣ человѣческой, и нельзя иначе какъ съ искреннимъ умилениемъ читать тѣ небольшія стихотворенія, найденныя послѣ ея смерти въ потаенномъ ящичкѣ ея письменнаго стола, которыя она, вѣроятно, назначала къ прочтенію только послѣ ея кончины, чтобы они сколько нибудь утѣшили мать ея. Читатель же поблагодаритъ насъ за сообщеніе нѣкоторыхъ изъ нихъ.

О! если-бъ были крылья,
Порхнула-бъ я на югъ,

Не видѣла-бъ, какъ таетъ
Жизнь юная средь мукъ.

На теплою югъ, въ Ниццѣ,
Въ семь райскомъ уголкѣ,
Тамъ я нашла бъ спасенье,
Туда бъ хотѣлось мнѣ.

На Сѣверѣ же холодною,
Меня здѣсь гибель ждетъ;
Я вижу, скорымъ шагомъ
Смерть страшная идетъ.

Вы, ласточки, спѣшите,
Счастливицы на югъ!
Застанете тамъ лѣто
И всѣ отрады вдругъ.

Отъ дальнихъ страданий если бъ
Кто захворалъ изъ васъ,
Тамъ воздухъ благодатный
Недугъ уймешь тотчасъ.

Я полетѣла бъ съ вами
Въ бальзамный воздухъ тотъ,
Смѣсь солнечнаго свѣта
И запаха цвѣтовъ!

Навѣрно бъ испѣлась
Я, по врача словамъ,
Пробывъ двѣ трети года
На теплою югъ тамъ.

Здѣсь умереть мнѣ должно:
Какъ тяжка мысль сія!
Да, ласточки, весною,
Не забудь ужъ меня!

Два дни, что я, цвѣточки,
Не выходила къ вамъ,
А, между-тѣмъ, ужъ многины
И слѣда нѣтъ цвѣтанъ!

Съ ребячества я страстно
Любила васъ, цвѣты,
И не цѣню каменьевъ
Драгихъ такъ лѣноты.

Вы платите любовью
 Мнѣ за мою любовь,
 И рады мнѣ душою,
 Какъ вижу то изъ словъ.

Настанетъ и, быть-можетъ,
 Тотъ день ужъ не далекъ,
 Что я прощусь со свѣтомъ,
 Сожму глаза на вѣкъ!

«Что, скажете вы, нашей
 Подруги не видать?....
 Увы! А я ужъ буду
 Въ сырой землѣ лежать!

ПРОЩАНІЕ ЦВѢТОВЪ.

Прощай, дѣвица, въ царство
 Плутона мы идемъ,
 И вмѣстѣ Прозерпинѣ
 Поклонъ отъ насъ снесемъ.

Какъ съ дочерью Церера
 Жила въ чужой странѣ,
 Такъ вы, насъ только видя,
 Живите здѣсь однѣ.

Пройдетъ зима, мы снова
 Придемъ къ тебѣ гостить,
 И ты опять, дѣвица,
 Придешь насъ навѣстить.

Нѣтъ, милые цвѣточки,
 Простимся навсегда;
 Когда вы къ намъ вернетесь,
 Ужъ нѣтъ меня тогда!

Лице земли старѣетъ,
 Увяли всѣ цвѣты,
 Послѣдніе погибли
 Въ холодной сей ночи!

Таковъ конецъ печальный
 Всему на сей землѣ:

Могуществу, величью,
Богатству, красотѣ!

Смерть вѣчно не смыкаетъ
Зіяющую пасть,
Межъ тѣнъ, пріятель время
Радъ все туда укласть.

Мнѣ очередь приходитъ!
Изъ материнхъ утробъ
Мнѣ должно, общій жребій!
Такъ молодо лечь въ гробъ!...

Последнихъ украшеній
Лишились дерева,
Все остовы нагѣ,
Природа какъ мертва.

При видѣ семъ, кто скажетъ,
Что то пріятный лѣсъ,
Гдѣ птичкамъ мы внимали,
Давно-ль? въ тѣни древесъ!

При видѣ семъ, неволью
Отъ страха тр-пещу,
Въ отверзтую могилу
Какъ-будто я гляжу!...

Да, Лиза, вскорѣ будетъ
Тожъ самое съ тобой,
Ты не услышишь вскорѣ
Словъ матери родной.

Также естественна была ея печаль при мысли, что іавъ ея усилія, всѣ ея произведенія сдѣлаются добычею забвенія. И эти чувства она излила въ небольшихъ стихотвореніяхъ, изъ которыхъ приведемъ здѣсь два слѣдующія:

Какъ славы въ настоящій
Великій вѣкъ достигъ?
И вскорѣ смерть младую
Должна меня постичь!

Какъ часто въ пѣснопѣвьяхъ
Провозглашала я
Забытыя давнишнихъ
Постовъ имена.

Сама же я, коль скоро
Съ лица земли сойду,
Безвѣстная навѣки
Въ могилѣ пропаду!

Мысль эта точно камень
Легла на сердце мнѣ,
И горестъ умножаетъ
О близкомъ ужъ концѣ.

Одна надежда свѣтитъ
Сквозь прахъ печальный сей,
И не дастъ въ увывье
Впадать душѣ моей.

Случалось, находилъ-же
Кладъ земледѣльца плуга,
Давно зарытый предкомъ
Его отъ хищныхъ рукъ?

Такъ, послѣ долгого тѣнень
Костей моихъ въ землѣ,
Быть-можетъ, вѣкій книжникъ
Вдругъ вспомнитъ обо мнѣ!

Дѣвическія пѣсни
Захочетъ онъ прочесть;
Отыщеть ихъ, и скажетъ
Что толкъ и смыслъ въ нихъ есть!

Потомству справедливость
Мы въ этомъ воздадимъ:
Талантъ при жизни презрѣвъ,
За гробомъ онъ хвалить.

КЪ СМЕРТИ.

Ужель тебѣ пріятно
Пугать еще меня,
Когда одной ногою
Стою въ могилѣ я?

Духовныя отрады
Изъ ряда исключи,
Чего такого въ жизни
Вкусила я, скажи?

Родитель мой и братья
Давно сняты вѣчнымъ сномъ,
Какъ-будто на чужбинѣ,
Живу въ краю родномъ!

Не шучилась-ли мыслью,
 Что вскорѣ я умру?
 Не больше-ль я страдала
 За мать, за мать мою?

Такъ дай-же мнѣ спокойно
 Путь жизни совершить!
 Чтобъ я кому вредила,
 Нельзя меня винять.

Не думала на жизни
 Зарѣ я отвѣсти,
 Съ тѣнъ, чтобъ съ собой въ могилу
 И нилъ унести!

Другіе стихи въ этомъ родѣ дышать совершенною покорностью къ волѣ Божіей.

Надъ снѣгъ тройнымъ туманомъ,
 Я знаю, солнце тамъ,
 И льетъ потоки свѣта
 Кругомъ по небесамъ.

Я знаю, что превыше
 Небесь Создатель мой,
 Съ престола въ царство духовъ
 Свѣтъ изливаетъ свой.

Да, вскорѣ я сквозь мрачный
 Туманный слой пробьюсь,
 И наконецъ свободно
 Въ свѣтъ вѣчный вознесусь.

Выишемъ нѣсколько строфъ, исполненныхъ рѣдкой величественности, изъ двухъ можетъ-быть прекраснѣйшихъ стихотвореній, какія она въ жизнь свою написала, а именно: «Прощаніе съ жизнью» и «Къ веснѣ».

Не страшить меня, могилъ,
 Мрачный звѣзъ твой! Мнѣ подастъ
 Сильную свою десницу
 Богъ, и въ свѣтъ свой поведетъ.

И сопутствовать мнѣ будутъ
 Ангела любезныхъ два,

Чередуясь, или вѣстѣ,
Чтобъ уравнивать мнѣ путь.

Я скорбѣла ихъ лишь скорбью,
Если не могли они,
Иногда спасти отъ горя
Ихъ любимицу, меня.

О, когда-бы можно было
Неразлучно намъ втроемъ
Перейти границу жизни!
Ибо даже и въ раю

Тосковать по васъ я буду! —
Такъ одно : ужъ мнѣ нтъ
Черезъ долъ ужасной смерти?
Сердце, сердце, не робѣй!

Всгдъ пойдуть они до входа
Дола страшнаго за мной,
Но и тамъ вдали услышу
Ихъ рыданія и плачь.

На другомъ концѣ-же дола
Господа услышу гласъ:
«Се, спасеши ты вѣрой,
Здѣсь ужъ расставанья пѣть!»

Съ этими и подобными ощущеніями и со всеми страданіями, сопровождающими постепенно угасающую жизнь, Елизавета встрѣтила 19 ноября 1825 года. Послѣ обѣда навѣстили ее знакомые. Она разговаривала съ ними, хотя слабымъ голосомъ, и часто была прерываема судорогами въ груди и погахъ; но въ пять часовъ она ослабла болѣе обыкновеннаго. Она попросила мать выйти съ гостями въ другую комнату и тотчасъ позвать священника. Черезъ полчаса желаніе ея было исполнено. Она попросила читать отходную, чувствуя уже свою смерть. Съ обращенными къ Небу взорами и съ святою покорностью, она тихо повторяла за священникомъ слова молитвы, покуда была въ сплахъ; потомъ два раза тяжело вздохнула, и скончалась во время молитвы священника и звона къ вечернѣ, въ шесть часовъ.

На Смоленскомъ кладбищѣ, не подалеку отъ малой церкви, въ томъ мѣстѣ, гдѣ похороненъ прахъ Елизаветы, возвышается памятникъ изъ карарскаго мрамора, воздвигнутый щедротами Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны и Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княгини Елены Павловны. Прибывшій не задолго передъ тѣмъ въ Санктпетербургъ молодой и даровитый итальянскій ваятель, Александръ Трескорня, изобразилъ ее лежащую въ открытомъ гробѣ, въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ она умерла: склонивъ голову на лѣ-

ую руку. Весь гробъ покрытъ акаеовыми листьями, посреди которыхъ падаетъ на землю пышная роза, оторванная отъ стебля. На пьедесталѣ, въ головахъ, видна скромная надпись по-русски: *Елисавета Кульманъ род. 1808 года 5 июля, сконч. 1825 года 19 ноября*; въ ногахъ латинская надпись: «*Prima Russicarum operata dedit idiomati graeco, undecim novit linguas, loquebatur octo, quamquam puella poetria eminens*»; на передней сторонѣ по-славянски:

Господи! въ тя уповая,
Почію здѣ до дне воскресенія.

А внизу по-древнегречески:

Μνήμη σοῦ ἡ μνήμη! Γαίην ἔχουσ ἑλευθερία 2.

Напомнить, на противоположной сторонѣ, надпись на семи двостороннихъ языкахъ, на которыхъ она говорила:

Stuh' Dir, sanfte, kunstbegabte Seele!
Und dem Liebe sei die Erde leicht! 3

Rose, elle vécut ce que vivent les roses,
L'espace d'un matin. 4

She from her early days prepared herself for heavén. 5

Un atto di morir lieto e vivace
Dir pareo: sapre il cielo io vado in pace. 6

Diónesia Dies, no porque la diese,
Mas para mostrar en tierra su obra. 7

Formoso o rosto mais que os mais formosos,
Todo prendas o espirito. 8

διὸνῆσι Διῆσ, ἀρχὰ κομῆσαι. 9

1 Первая Русская, учившаяся по-гречески, знавшая одиннадцать языковъ, говорившая на осьми, и, не смотря на юныя лѣта свои, была отличною писательницею.

2 Вѣчна память о тебѣ! Не тяготи тебя земля!

3 Покойся, кроткая, творческая душа! Земля да не тяготитъ твоего праха!

4 Роза, она жила, сколько цвѣтутъ розы — вѣчное утро.

5 Съ юныхъ дней своихъ она готовила себя къ Небу.

6 Умирая спокойною и весело, она, казалось, говорила: отверзаются Небеса, я иду съ миромъ.

7 Богъ далъ намъ ее не для того, чтобы оставить ее здѣсь, но чтобы показать на землѣ свое твореніе.

8 По образу прекраснѣйшая изъ прекраснѣйшихъ, по уму вѣсталище всѣхъ талантовъ.

9 Она не умерла, она почиваетъ.

Читателямъ уже извѣстны сужденія Гёте, Жанъ Поля Рихтера и Фосса о стихотвореніяхъ Елисаветы Кульманъ. Считаемо долгомъ сообщить имъ также извѣстныя намъ сужденія литераторовъ, ея соотечественниковъ.

Императорская Россійская Академія, которой мы обязаны издаваемъ въ свѣтъ твореній Елисаветы Кульманъ, въ 1832 году избрала изъ среды своей трехъ членовъ и поручила имъ, рассмотреть эти сочиненія, дать свое мнѣніе о достоинствѣ ихъ. Вотъ это мнѣніе:

«Господа члены, разсматривавшіе сія стихотворенія, единогласно отзываются объ оныхъ съ отличною похвалою, и, замѣтивъ въ нихъ отиѣнное искусство изобрѣтенія, плодovitость воображенія, замѣчательность разсказа, плавность слога, искусное и вѣрное подражаніе древнимъ греческимъ стихотворцамъ, и благородство чувствъ, изъявляютъ желаніе, чтобы стихотворенія сія, могущія послужить не малымъ украшеніемъ Россійской словесности, изда ны были въ свѣтъ, дабы не оставались онѣ въ совершенномъ забвеніи».

Къ этому рѣшенію президентъ академіи, адмиралъ Шияшковъ, присовокупилъ еще отъ себя слѣдующее:

«Прочитавъ нѣскольکو статей изъ сихъ стихотвореній, я и съ своей стороны совершенно согласенъ съ мнѣніемъ господъ членовъ, отдавая полную справедливость отличному стихотворческому дару сочинительницы».

Приведемъ одно только мѣсто изъ превосходнаго жизнеописанія Елисаветы Кульманъ, написаннаго А. В. Никитенкомъ:

«Стихотворенія ея не суть лирическіе отрывки, гдѣ, по минутному воодушевленію, выражается какое-нибудь чувствованіе въ нѣсколькихъ на удачу брошенныхъ картинахъ. Нѣтъ! Каждая піеса ея есть небольшая поэма, стройное, органическое созданіе. Вы нигдѣ почти не встрѣтите идеи, которая бы развивалась не въ живыхъ образахъ. При этомъ вѣсь изумить удивительная полнота изображеній, отчетливость и ясность въ каждой чертѣ живописи. Вотъ напримѣръ какъ она живописуетъ характеръ Пандара:

Изъ всѣхъ пѣвцовъ пернатыхъ
Лишь соловей не знаетъ
Другому подражанья;
Онъ самъ собой доволенъ,
Въ себѣ одномъ находитъ
Разнообразны тоны
Для тихой, грубой, вѣжливой,
Веселой, мрачной пѣсни.

Такъ Пандаръ не шибетъ
Ни съ кѣмъ въ напѣвѣ сходства.
Подобенъ онъ Аяпу,

Царю Беотскихъ токовъ:
 На скалъ Кисерона
 Между трѣхъ дубами
 Сей бьетъ изъ камня съ гевонъ
 Столпомъ алмазнымъ высаясь;

И, радужной росюю
 На землю опускаясь,
 Въ ручей соединенный,
 Съ далеко слышнымъ шумомъ
 Съ утесовъ на утесы
 Въ доль падаетъ, гдѣ, свѣжвы
 Потоки собирая,
 Становится рѣкою.

Въ теченьи быстромъ скоро
 Встрѣчается съ Эреей *,
 Харитъ приютомъ милымъ;
 Онъ бы хотѣлъ съ подругой,
 Отъ славы отрекаясь,
 Здѣсь навсегда остаться;
 Но строгій взоръ Юоны **
 Мечты любви рушитъ.

И тихимъ токомъ льется,
 Чтобъ не прервать сонъ первый
 Героевъ опочившихъ,
 Своей и Персовъ кровью
 Платею напоившихъ,
 Платею, въ коей скоро
 Поднялся дубъ свободы,
 Всю Гелу осыняя.

Ужъ ждуть его гласистый
 Исконъ, *** любимый Фебомъ.
 И Фермодонъ, **** бѣнущій
 Ключемъ у ногъ Зевасы,
 И пышнымъ виноградомъ
 Увѣнчанный Скамандеръ,
 Чтобъ провожать владыку
 Въ пути его къ Еврипу.

Огромными волнами
 О берегъ ударяя,
 Спѣшить онъ къ водянистымъ
 Холмамъ Амфіарая.

* Название острова.

** Храмъ Юоны былъ близъ Платен.

*** Рѣка, при которой находился храмъ Аполлона.

**** Рѣка, вытекающая изъ подошвы горы Гипата; гдѣ находился храмъ Зевса.

Ужь не рѣкъ подобенъ.
А озею текущу.
Не данникъ онъ къ Еврипу,
Но царь къ царю приходитъ.

Такъ ты пѣвецъ славный,
И миль в гордѣ, и пынешъ,
И величавъ и дивенъ,
Къ твоей стремишься пѣли;
Земное исполни кой
Къ себѣ вздымал дланью,
Не ослѣпленъ Олимпа
Тебѣ знакомымъ блескомъ.

Сколько картинъ! Какъ ясно, разительно умѣла отгѣнить она каждое положеніе Азопъ, не теряя изъ виду сближеніе его съ Пиддаромъ! Какъ хорошо воспользовалась ея мѣстностями, чтобы дать разнообразіе своимъ картинкамъ, и съ какою непринужденностью и легкостью умѣла оживить эти мѣстности, вдохнуть въ нихъ движеніе, душу, поэзію! Какая точность въ каждой чертѣ всѣхъ этихъ плѣнительныхъ изображеній! Здѣсь не видно ничего брошеннаго на удачу; все поставлено на своемъ мѣстѣ, все нужно для полноты и жизни цѣлаго. Какая прекрасная мысль — представить Азопъ при самомъ источникѣ своемъ, шумнымъ, кипучимъ: это его юность! И здѣсь встрѣчается онъ съ Эреей: это его любовь! Но онъ смиряется, утихаетъ, какъ скоро достигнулъ святаго поля, гдѣ искуплена свобода Грековъ. Наконецъ, сопровождаемый покорными ему рѣками, онъ взростъ на пути своемъ, возмужалъ; онъ купилъ свою славу пожертвованіемъ любви и постоянствомъ своихъ стремленій; онъ приходитъ уже къ Еврипу не какъ данникъ, но какъ царь къ царю. Прочитавъ все это, скажете: это точно изображеніе геція, это Пиддаръ! Последніе стихи рѣшительно удостоверяютъ васъ въ этомъ.

Земное исполни кой
Къ себѣ вздымал дланью,
Не ослѣпленъ Олимпа
Тебѣ знакомымъ блескомъ.

Во время появленія въ свѣтъ, на русскомъ языкѣ «Поэтическихъ опытовъ» Елисаветы Кульманъ, вотъ что было сказано въ «Северной пчелѣ» (1833 года № 239): «Прочтите любое стихотвореніе Елисаветы Кульманъ. Съ какою свободою, съ какою легкостью и вмѣстѣ вѣжностью умѣетъ она отгѣнять каждый переливъ своихъ глубокихъ чувствованій! Какое разнообразіе картинъ, полныхъ жизни и истины! Едва явилась поэтическая идея, къ думѣ ея, какъ уже она опытно вылетѣтъ въ действительный міръ въ полномъ убранствѣ чистой красоты, гдѣ все просто, гдѣ все»

такъ сказать, къ лицу ей, все прилично и непринужденно, какъ будто самыя цвѣты для своего украшенія она принесла съ собою, а не получила ихъ извинѣ отъ посторонней руки. Вездѣ видна отчетливая, художническая отдѣлка образовъ, что было бы удивительно въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ поэзія привыкла закутываться въ дивную туманную одежду отвлеченностей, если бы мы не знали, что наша юная стихотворица образовалась въ духѣ Древнихъ.

О появившихся въ свѣтъ нѣмекскихъ стихотвореніяхъ Елисаветы Кульманъ «Сѣверная Пчела» (1835 года, № 215) такъ отзывалась: «Въ издавшихся четырехъ томахъ собраны мелкія стихотворенія, писанныя Елисаветою Кульманъ, съ двѣнадцатилѣтняго ея возраста. Здѣсь отразилась вся ея младенческая душа съ первоначальными своими движеніями, вся исторія поэтической ея жизни, которой не суждено было раскрыться во всемъ совершенномъ величій и блескѣ. Стихотворенія эти были писаны въ то время, когда она не была еще знакома ни съ Виргиліемъ, ни съ Гомеромъ; въ нихъ заключается ея собственный міръ — міръ изумительный по богатству жизненныхъ стихій, по начаткамъ или очеркамъ образовъ, какіе должны были въ послѣдствіи возникнуть подъ ея перомъ. Читая эти стихотворенія, нельзя сомнѣваться въ поэтическомъ призваніи дѣвицы Кульманъ. Она ничего не знала, кромѣ окружающей ее природы — природы не слишкомъ способной очаровать сердце и возбудить поэтическія движенія: полуразвѣдлившаяся хижина, бѣдный пріютъ ея младенчества, садъ въ нѣсколько сажень, съ любимымъ ея тополемъ и жасминовымъ деревцомъ, облака, гонимыя вѣтромъ, пространство небесъ, озаренное блескомъ солнца, или тихимъ мерцаніемъ луны и звездъ — вотъ все, изъ чего она должна была извлекать жизнь и поэзію. Если хотите изучить талантъ въ первоначальныхъ его творческихъ начаткахъ, если хотите исполниться умиленія, прислушиваясь къ голосу самой природы, предвозвѣщающему будущность генія, то читайте эти стихотворенія, достойныя чтенія не по одному воспоминанію о возрастѣ сочинительницы: ихъ однимъ довольнобыло было, чтобы составить литературную славу. Не даромъ одинъ изъ первостепенныхъ литераторовъ Германіи, прочитавъ нѣкоторые изъ нихъ, назвалъ ихъ сочинительницу соперницею Гебеля, и предвѣщалъ ей почетное мѣсто въ литературномъ мірѣ, на какомъ бы языкѣ она ни писала».

Въ «Санктпетербургскихъ вѣдомостяхъ» (1841, № 119) изложено слѣдующее мнѣніе: «Сколь многіе изъ насъ, тщеславно не признавая собственнаго своего безсилія, литературныя свои неудачи приписываютъ бѣдамъ и препятствіямъ, устроенымъ судьбою и обстоятельствами. Будто цвѣтокъ распускается, будто плодъ созреваетъ, не борясь съ холодомъ и палящимъ зноемъ? Надменныя не многими вдохновеніями юности, мы, при первой борьбѣ

съ рокомъ, начинаемъ привыкать къ мысли, что наступила пора исключительно заботиться о мелкихъ, прозаическихъ потребностяхъ жизни, а между тѣмъ не перестаемъ оболящать себя мечтою, что могли-бы многое совершить въ области искусствъ, если бы намъ не помѣшали судьба и люди. И вотъ какъбы для разрушенія этой успокоительной философіи, въ укоръ нашей уступчивой совѣсти является дѣвушка со всею слабостью своего пола и юнаго возраста, рожденная въ нищетѣ, кажется, для того только, чтобы знать одиѣ скорби жизни, едва раздѣвшая и уже вносящая въ груди отраву разрушительнаго недуга. Кругомъ ея одиѣ картины убожества и лишений, но что ей до этого: тѣло ея страдаетъ и воеетъ въ бѣдной хижинѣ, у нетопленнаго очага, близъ ложа больной матери, а душа ея, торжественно и побѣдно ликуя, носится въ вѣчно-цвѣтущихъ долинахъ и благоуханныхъ храмахъ древней Эллады, въ волшебныхъ дворцахъ Аладина, на ратныхъ игрищахъ старинныхъ русскихъ витязей. Эта дѣвушка прекрасна, но свѣтъ не имѣетъ для нея ничего привлекательнаго. Тщетное оболеженіе! Любимцы души ея не здѣсь. Это Омръ вдохновенный, увѣнчанный миртами пѣвецъ тивскій, это веселые Гафизъ и Саади: имъ посвятила она первый вздохъ своего прекраснаго сердца, имъ посвятила она и предсмертную лебединую пѣснь свою.... И охолодѣвшая рука Елисаветы Кульманъ замерла на струнахъ лиры, какъ длань воина на рукоятки меча.

«Что можетъ сказать критика объ этомъ талантѣ, еще не развившемся, объ этомъ цвѣткѣ, который, не развернувшись, увялъ, застигнутый холодомъ смерти, объ этомъ алмазѣ въ корѣ, потерянномъ прежде, нежели успѣли огранить его? Перечитывая «Опыты» дѣвицы Кульманъ, мы находимъ въ ней всѣ элементы, которые составляютъ истиннаго поэта и которымъ не доставало только времени, чтобы въ доконченномъ развитіи явиться свѣту съ полнымъ блескомъ. Мы видимъ въ ней воображеніе живое, роскошное и перемчивое, сердце, вѣчно пламенѣвшее чувствомъ изящнаго, знаменующую настоящаго художника способности всѣ отвлеченныя идеи представлять въ живыхъ образахъ. Не изумить ли насъ также дивная плодотворность ея неутомимой фантазіи: передъ вами огромная книга, содержащая въ себѣ около ста тысячъ стиховъ русскихъ, нѣмецкихъ, италіанскихъ, а между тѣмъ тутъ не помѣшены еще четыре трагедіи Озерова, переведенныя дѣвицею Кульманъ на нѣмецкій языкъ, тутъ нѣтъ переводовъ изъ Ломоносова и Державина, изъ Альфіери и Мильтона, и многаго другаго».

«Русскій Вѣстникъ» (1841 года № 8.) содержитъ въ себѣ слѣдующее: «Кто не слыхалъ объ Елисаветѣ Кульманъ? Кто не задумывался надъ великолѣпною гробницею, которую воздвигнулъ ей послѣ смерти на Смоленскомъ кладбищѣ? Не многіе при жизни зна-

ли ее, прекрасное Божіе созданіе, изнывшее въ бѣдности и душевныхъ страданіяхъ...

«Если хотите только изумиться, то вспомните, что безъ всякихъ пособій, въ угнетающей бѣдности, Елисавета, примѣръ дѣтской любви, чистоты нравовъ и христіанскаго смиренія, приобрѣла почти самоучкою, обширныя свѣдѣнія, знала совершенно русскій, нѣмецкій, французскій, италіанскій, англійскій, новогреческій и древнегреческій, весьма хорошо латинскій, церковно-славянскій, португальскій и испанскій языки. Но прочитайте собраніе стихотвореній Елисаветы, выникните въ богатую сокровищницу души ея: вы будете не изумлены, но растроганы до глубины сердца».

И французскіе журналы отзываются съ необыкновенною и весьма лестною похвалою о поэтическомъ дарованіи Елисаветы Кульманъ; о господствующемъ въ стихахъ ея богатствѣ мыслей, объ отличномъ ея вкусѣ и знаніи дѣла. Парижскій «Журналъ для молодыхъ дѣвицъ» (томъ 4, 1836 года) говоритъ: «Въ Россіи считается большое число писательницъ; одна изъ нихъ, къ несчастію, умершая слишкомъ рано для славы искусства и своего отечества, оставила стихи отличнаго іоническаго размѣра, которые были бы достойны наилучшихъ временъ Греціи».

Въ эту самую минуту, когда мы заключаемъ этотъ рассказъ, узнаемъ сужденіе, которое произнесъ отличный переводчикъ Байрона и величайшій импровизаторъ Италіи, *Джустиніани*, объ италіанскихъ твореніяхъ дѣвицы Кульманъ.

«Елисаветъ Кульманъ».

«Нѣжный, съ небесъ сошедшій соловей развернулъ крылья и полетѣлъ опять къ звѣздамъ; цвѣтокъ, столь сладостно благоухавшій на своемъ стройномъ стебелькѣ, улетѣлъ отъ земли и отъ громныхъ ея непогодъ; здѣсь остался лира, облеченная въ дѣвическое покрывало, и тысяча плѣнительныхъ картинъ. Душа же, по краткомъ пребываніи, воспаряла въ вѣдро вѣчнаго блаженства».

«Ея трогательную пѣснь, составленную изъ розъ и вѣшнихъ ароматовъ, повторяютъ цѣломудренныя жены, и она звучитъ на алыхъ устахъ дѣвы. Геній далъ ей столько же изчѣпчивыхъ красокъ, сколько у нея было разнообразныхъ предметовъ, и ключъ этотъ лясный, свѣтлый, текъ быстрою, невзякаемою струею, вопреки враждебствовавшему монополію».

«Я не видалъ ея, очаровательной, подобно баснословнымъ сиренамъ, приковылавшей къ себѣ все ее окружавшее; но я вижу, что вѣнецъ лавровый осѣняетъ юное чело той, которая съ колыбели вѣчно боролась съ судьбою; я читаю имя ея, начертанное на бронзовыхъ скрижаляхъ славы, для которыхъ отверзаются врата вѣчности, и дивная пѣснь ея раздается въ глубинѣ моей души, подобно свондѣнію златыхъ и счастливыхъ дней».

«Какъ геній сладкой зрѣи, звучащей въ тишинѣ вѣчной; какъ удивительныи, свѣтлыи ключи, оживляющій каждое стѣи в поточное зноемъ поле, такъ ея поэтическій источникъ, сливаясь съ дельфійскимъ вдохновеніемъ, вливаетъ въ душу успокоительный бальзамъ, когда мы съ восторгомъ внимаемъ ея плавному нѣвию».

Вотъ всѣ извѣстныя намъ сужденія о русскиихъ, нѣмецкиихъ и италіянскиихъ стихотвореніяхъ Елисаветы Кульманъ.

И такъ, возлюбленная тѣиъ, на гробѣ которой не безъ слезъ совершена эту тризну, и такъ, можетъ быть, сбудется въ общирнѣйшемъ смыслѣ предсказаніе Гёте: «Что ты займешь почетное мѣсто въ литературѣ, на какомъ бы изъ извѣстныхъ тебѣ языковъ ты ни писала», и ты нѣкогда, — согласно съ собственнымъ твоимъ желаніемъ и предчувствіемъ твоего руководителя, — займешь въ одно время мѣсто въ *трехъ* литературахъ. Германія, которая приняла въ число своихъ поэтовъ Датчанина Эленшлегера, дастъ и русской Кульманъ, которая все-таки нѣмецкаго происхожденія, и въ этому соотечественница Гебеля, съ которыми сравнивалъ ее Гёте, — мѣсто въ своихъ писательницъ, и позволить твоимъ любимицамъ — *Каризъ* и *Софи Маро* ** поставить между ними вѣнзюку и выказать ея скромныя заслуги.

Предсказаніе Гёте сбылось. Мы видѣли, какъ Германія, съ своею обычною непристрастною справедливостію, даже къ нѣземному таланту, въ 1846 году приняла Елисавету Кульманъ въ

* Нѣсколько позже появилось слѣдующее сужденіе Д. Андреа дель Перо. «Съ испрительными удивленіемъ прочелъ я эти сочиненія, труды необычайныя. Судя по юному возрасту писательницы. Это удивленіе увеличивается, когда вспомнишь, что она иностранка и ни сколько не италіянскаго происхожденія. Я прочелъ этотъ пространный трудъ съ большимъ вниманіемъ, и не нашелъ въ немъ рѣчи, слова, которое не было-бы чистое, избранное, поэтическое. И несмотря на то, нигдѣ нѣтъ слѣда подражанія, или какой-либо заимствованія у кого-либо изъ нашихъ поэтовъ. Вопреки своей молодости, Кульманъ всюду сама творить и мысль и выраженіе.

Но что въ высшей степени возбуждаетъ удивленіе въ этомъ трудѣ, это разнообразіе и богатство поэтическаго колорита. Это такое изобиліе поэзіи, что, кто не читалъ ея, не можетъ составить себѣ о ней такое приблизительное понятіе. Невозможно приискать образцовъ болѣе живыхъ, ни вымысловъ болѣе прелестныхъ. Она, можно сказать, похищаетъ у небесныхъ свѣтилъ ихъ лучи и у цвѣтвъ въ нихъ самыя нѣжныя благоуханія, или, говоря языкомъ, соответственнымъ ея роду писанья, она напоминаетъ намъ тѣхъ героинь восточныхъ сказокъ, у которыхъ, всякій разъ, что они заговорятъ, слышатся изъ устъ алмазы и яхонты.

Нѣтъ сомнѣнія, что наша Италія, всегда готовая воздавать справедливость всякаго рода дарованіямъ, дастъ почетное мѣсто среди лучшихъ своихъ женщинъ-поэтовъ очивительницъ этихъ стихотвореній, исполненныхъ благородства, и то величественныхъ, то обворожительныхъ, то трогательныхъ до глубины сердца».

** Баварскіяи нѣмецкія писательницы, съ твореніями которыхъ Баварскаго Кульманъ была отчасти знакома.

число своихъ классиковъ, * не дождавшись еще полнаго изданія ея стихотвореній. Потомъ, въ довершенье нашего удовольствія, три нѣсна до напечатанія нашего дополненія къ жизнеописанію Елисаветы Кульманъ и собранія ея сочиненій, мы получили прекраснѣйшее изданіе италіянскихъ ея стихотвореній, которыя вышли въ Миланѣ въ 1847 году уже третьимъ изданіемъ **.

* Familienbibliothek der Deutschen Klassiker. Vierzehnter Supplementband: Anthologie aus den Gedichten von Elisabeth Kulmann und Ludwig Uhland. Hildesburghausen und Amsterdam, 1846.

** Saggi Poetici di Elisabetta Kulmann con la vita, il Ritratto ed il Monumento dell' autrice. Terza Edizione. Milano, 1847.

=

ОЧЕРКИ ВЕНГРИИ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Изъ сдѣланнаго нами общаго обзора главнаго хребта Карпатскихъ горъ видно, что онъ, огибая Венгрію полумѣсяцемъ и наполняя своими отраслями всю сѣверную и сѣверо-восточную ея часть, достигаетъ уже значительной высоты въ литовскомъ комитатѣ, а въ спшскомъ разрастается въ исполнскія горы, приводящія въ изумленіе своею громадностью и величавостью. — Здѣсь, какъ мы уже говорили, лежатъ такъ-называемыя *Татры*. Это представители величественнаго карпатскаго хребта; здѣсь образчики карпатской природы, сюда наиболѣе сѣзжаются путешественники, туристы и специалисты.... Въ Татрахъ самыя высокія вершины собственно венгерскихъ Карпатовъ и самыя любопытныя горныя особенности. И мы остановимся на Татрахъ, чтобы съ нихъ осмотрѣть карпатскую природу.

Всѣхъ татрскихъ вершинъ съ особыми названіями считается до тридцати; но онѣ соединены какъ бы общою цѣпью, простирающеюся миль на осемь. Главнѣйшія изъ вершинъ, значительно выдающіяся надъ прочими: Ломвицкая, Королевца (Кёвигоназе), Герльдорфская, Басти, Большой Криванъ, Селско, Шла-

герцдорфская и Голица. Ломницкая гора, самая крутая и самая высокая, состоитъ изъ нѣсколькихъ неприступныхъ утесовъ, среди которыхъ царствуетъ вѣчная зима, и которые обитаемы только сернами и каменными баранами.

Прежде рѣдко и немногіе путешественники ѣздили осматривать Карпаты; теперь, наоборотъ, онѣ сдѣлались предметомъ и любопытства и изслѣдованій. Изъ позднѣйшихъ путешественниковъ особенно замѣчательны: эрцгерцогъ-палатникъ Юсепъ, король саксонскій Іоаннъ, графы Вальдштейнъ, Эстергази, Батьяни (Bathányi), Эрдьен (Erdödy), Фештетичъ (Festetics), Алмашъ (Almásy), Майлатъ (Majláth), и другіе.

Въ старину ходили баснословные рассказы о Карпатахъ; нынче нѣтъ этихъ суевѣрій, и если Карпаты еще не столько изслѣдованы, какъ швейцарскія Альпы, все-таки мы знаемъ ихъ гораздо лучше, нежели наши отцы; мы уже не вѣримъ въ карпатскихъ драконовъ и въ морскія глазины и не утѣшаемся ребяческой надеждою найти тамъ карбункулы, алмазные глѣзда и золотыя райскія яблоки.

Наиболѣе возвышенная гранитная масса Карпатовъ, находящаяся въ спитскомъ комитатѣ, стоитъ колоссально, обращая къ югу выпуклую, а къ сѣверу вогнутую сторону. Ея низшія известняковыя и песчанниковыя отрасли идутъ во все стороны. Эта часть Карпатовъ пустыня и обнажена, сѣда отъ древности, — это многотысячелѣтній памятникъ переворотовъ природы. Послѣдній переворотъ нашей планеты выдвинулъ Татры съ двухъ противоположныхъ сторонъ, востока и запада: это замѣтно по ихъ вершинамъ, которыя съ востока наклоняются къ западу, а съ запада къ востоку. Всего яснѣе это видно съ Королевской горы (Königsberg, Králova Hora), откуда видна вся гранитная горная цѣпь съ южной ея стороны.

Горная Татрская цѣпь не лежитъ въ прямой линіи, а отрывчато, въ самыхъ странныхъ, самыхъ прихотливыхъ и поразительныхъ сочетаніяхъ гранитныхъ массъ, съ долинами. Если бы можно было подняться надъ нею въ воздушномъ шарѣ и сверху взглянуть на цѣлое: вѣроятно, представилось бы прелюбопытное зрѣлище. Впрочемъ, Татры прекрасны и не съ воздушнаго шара. Ихъ видъ равно поразителенъ, великолѣпенъ, и на утренней зарѣ, и при лунномъ сіяніи, когда заходящее солнце силуэтируетъ очертанія, и днемъ, когда, опоясанныя облаками, или мглами, какъ тамъ называютъ мѣстные жители, Словаки; онѣ выставляютъ изъ нихъ свои вершины.

Эти громадные гранитныя вершины были некогда гораздо выше. Онѣ выветриваются, разлагаются, разрушаются; дождь и вѣтеръ гложутъ ихъ за одно со временемъ; часто большія гранитныя массы обваливаются съ вершинъ въ долины, такъ что нѣкоторыя изъ нихъ уже глубоко завалены обломками утесовъ; подъ щебнемъ заваловъ слышенъ шумъ воды, показывающейся на полицъ долины горными ручьями. Такимъ образомъ вершины все болѣе и болѣе округляются. При выветриваніи гранита кварцъ переживаетъ слюду и шпатъ.

Растительность, въ Татрахъ восходитъ до двухъ-третьей ея высоты; предѣлами ея служатъ: *pinus scabirga*, рябина, *pinus resinosa*, кривая сосна, *lichen islandicum*, лѣточница; далѣе слѣдуютъ хвойныя породы, а еще выше голыя скалы, съ вѣчными снѣгами и льдами. Ледники есть и въ долинахъ, лежащихъ на сѣверномъ скатѣ горъ. Въ выси снѣгъ идетъ во великую пору лѣта. Перемена температуры быстра и чрезвычайна. Поднявшись на горы и наслаждаясь тамъ прекрасной, ясной погодой, вдругъ видишь какъ внизу, подъ ногами, льется дождь, бумшуютъ грозы и молнии. Видъ сверху обширный и чудесный. Взойдите на Ломанцу или лучше на Криванъ, и вы увидите подъ собою огромное пространство съ одной стороны Венгріи, съ другой Галиціи, на югъ къ Тисѣ, на сѣверъ до Вислы. Нѣкоторыя горныя вершины неприступны: даже дикія козы не могутъ взбираться на нихъ.

Дикія козы, сурки, каменные орлы, фореки въ озеркахъ—единственныя живыя твари на выслахъ горъ. Въ старину здѣсь водились также каменные козлы; но эта порода истреблена отъ безпорочной охоты; то же будетъ и съ дикими козани, потому-что отравлять ихъ легче всего ягнятыхъ, отчего, мало-по-малу, перелодится цѣлая порода. Иногда въ долинахъ случается убивать медвѣдей.

Карпатскія долины живописны не менѣе горъ; извиваясь между ними и пересѣкаясь озерами и каскадами, онѣ красятъ и оживляютъ горную природу.

Нѣкоторыя изъ долинъ въ особенности любопытны; таковы—Мидлорудная долина, Кольбхская, Фелькерская, Монгедорская, Криванская, Яворнская и другія.

Мидлорудная долина (Коппершахтская) лежитъ за Ломницкой вершиной, направляясь отъ нея къ сѣверу; изъ этой долины вытекаетъ Бѣлый ручей, составляющій границу между гранитными и известняковыми горами (на востокъ).—Этотъ ручей важенъ для минералоговъ, содержа произведенія и гранитной и извест-

пещерной формации. Долина съ одной стороны (за Ломницкой вершиной) называется уступами и заключаетъ нѣсколько озеръ, (Бѣлое, Зелёное, Красное, Чёрное и Плокъ); съ другой стороны представляетъ тропу, для перехода горной цѣпи на ея сѣверную сторону. Эта тропа важна и въ военномъ отношеніи, потому что по ней можетъ пройти пѣхота, даже пожалуй кавалерія, и такимъ-образомъ выиграть переходъ въ нѣсколько миль. Озера Мѣднорудной долины лежатъ на разныхъ высотахъ.

Бѣлое озеро находится въ Бѣдайской области. Изъ горъ, окружающихъ его, гора *Дурльсбергъ* принадлежитъ къ высочайшимъ. Съ нея открывается прекрасный видъ въ сопредѣльную Галицію. Въ зрительную трубу можно ясно разглядѣть городъ Краковъ, отстоящій отъ Кежмарка на пятнадцать миль. Здѣсь примѣтны слѣды многихъ старинныхъ рудняковъ. Рыбы, особенно форель, водящаяся въ озерѣ, очень тощи и безвкусны.

Зелёное озеро или *Морской глазъ* находится на семь часовъ пути отъ Кежмарка, въ прекрасной, чрезвычайно романтической странѣ. Съ одной стороны озеро обнесено, въ видѣ полукруга, громадными скалами. Сажень четыреста надъ озеромъ находится такъ-называемая мѣдная скамья, представляющая мѣдную жилу въ гранитѣ, около сажени ширины. Эта жила очень важна для тѣхъ, кто ищетъ въ Карпатахъ золота и другихъ благородныхъ металловъ. Здѣсь они обыкновенно испытываютъ счастье въ отысканіи сокровищъ.

Въ 1662 году этотъ, такъ-называемый *Морской глазъ*, сильно разливался, такъ-что наводненіе отъ его разлитія причинило ужасныя опустошенія въ подкарпатскихъ странахъ, особенно въ окрестностяхъ Кежмарка.

Красное озеро находится къ сѣверу надъ Зеленымъ. Съ него прекрасный видъ на Зелёное озеро.

Чёрное озеро, также надъ Зеленымъ, почти на одинаковой съ нимъ высотѣ, лежитъ параллельно Красному. Форма его продолговатая; кругомъ озера стоятъ громадныя скалы. Солнечные лучи мало или вовсе не освѣщаютъ озера, что увеличиваетъ черноту его и густой мракъ, господствующій въ его пропасть. Съ одной стороны озеро ограничено горою, называемой *Карбукуливой башней*. Это названіе она получила отъ стариннаго народнаго сказанія, будто нѣкогда на той сторонѣ ея вершины, которая обращена къ Зеленому озеру, находился большой карбукуль, освѣщавшій своимъ блескомъ всю окрестность соседственнаго *Морскаго глаза*. Говорятъ, что карбукуль долго былъ собствен-

ностью графской фамилии Другетъ де Гомона (Drugeth de Homona), а по престѣченіи этого рода поступилъ въ Вѣну, въ королевскую казну.

Озеро Плока на югѣ, въ значительномъ углубленіи. Оно окружено огромными скалами, по большей части сѣроватаго мрамора.

Въ Мѣднорудной долинѣ есть мѣднорудныя жилы, отчего, вѣроятно, она и получила свое названіе. Случалось, люди соблазлялись искать здѣсь богатствъ; нѣкоторые потеряли на такихъ поискахъ состояніе, а иные даже и жизнь. На высотѣ, гдѣ десять мѣсяцовъ въ году стоятъ морозы и не таетъ снѣгъ, не можетъ быть рудника, развѣ только съ чистымъ золотомъ и серебромъ.

Кольбахская долина раздѣляется на большую и малую. Малая лежитъ близъ Ломницкой вершины и вовсе не мала; въ ней много прекрасныхъ водопадовъ, по полудни, при солнечномъ сіяніи, играющихъ радугой, и много озеръ, которыхъ вода, падая съ высокихъ уступовъ, совершенно исчезаетъ, и уже внизу, вдругъ является стремительнымъ горнымъ потокомъ. Въ большой Кольбахской долинѣ еще больше озеръ: она тянется на сѣверъ къ Ледяной долинѣ, лежащей на сѣверномъ склонѣ Карпатъ, и оттого имѣющей ледники. Вѣнецъ горныхъ вершинъ, окружающихъ Ледяную долину кажется столь же высокъ, какъ Ломницкая вершина; но это только кажется, — на дѣлѣ не то.

Говоря о *горныхъ вершинахъ*, слѣдуетъ замѣтить, что хотя всѣ вершины снизу кажутся острыми, но въ сущности такихъ не много; большую часть ихъ тысячелѣтія округлили, вывѣтрили, обломали. *Ломницкая* вершина имѣетъ продолговатую фигуру, около осьми сажень длины и трехъ ширины, и покрыта щебнемъ вывѣтрившагося гранита. Гранитныя глыбы, почти отвѣсно возвышающіяся на вершинахъ, стоятъ громадными башнями. Нѣкоторые путешественники ставятъ тамъ на память бутылки съ закупоренными въ нихъ записками, или пишутъ на камняхъ. Но здѣшнія порывистые вѣтры сносятъ все долой. Даже отважные козьи охотники не пускаются ни на одну изъ татрскихъ вершинъ, если погода хотя сколько нибудь неблагоприятна. Дождь, снѣгъ, облака, туманы и вѣтры тамъ очень опасны; самый привычный и цѣпкій ходокъ можетъ оступиться и упасть въ бездну, куда нельзя и взглянуть безъ содроганія и головокруженія.

Есть повѣрье, будто въ одной изъ ледяныхъ долинъ, именно въ ледникѣ *Кротовое озеро*, много золота и драгоценныхъ камней. Это сказка, порожденная страстью къ чудесному, питаемая желаніемъ скоро обогатиться, усиливаемая предположъ, что туда

нельзя добраться за снѣгомъ и льдами, и что единственная тропинка туда разрушена бурей. Самая скала, которая ограничиваетъ озеро съ восточной стороны и за свою фигуру прозвана *Монахомъ*, кидаетъ на окрестность озера тѣнь чудеснаго. Подъ этой именно скалою таятся будто бы огромныя сокровища, которыя стережетъ хранительный геній Монаха. Озеро получило названіе отъ множества водящихся здѣсь кротовъ, о которыхъ есть повѣрье, будто они носятъ съ собою золотыя зерна. Рассказываютъ также про находящуюся тамъ кладовую, про насѣдку, которая сидитъ въ золотомъ пескѣ на золотыхъ яйцахъ; про волшебниковъ, скитающихся здѣсь и выданныхъ пастухами въ оврагахъ скалъ, и прочее. — Во всѣхъ этихъ чудесныхъ разсказахъ есть доля правды, потому что всегда бывали люди, искусные металлурги, которые умѣли пользоваться сокровищами горъ Татры, вовсе не состоя въ союзѣ съ злыми земными и огненными духами. Такъ, напримѣръ, не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ половинѣ прошедшаго вѣка былъ въ Кежмаркѣ мѣщанинъ, ежегодно два раза ѣздившій въ Татры и возвращавшійся оттуда съ цѣлыми кусками золотой руды, которую онъ потомъ продавалъ съ большой выгодой краковскимъ Жидамъ. Всѣ въ Кежмаркѣ знали о золотомъ промыслѣ этого мѣщанина; но никто не былъ участникомъ его тайны и никто не могъ дознаться, гдѣ именно въ Татрскихъ горахъ онъ находилъ золото, помощью котораго жилъ очень достаточно, не занимаясь никакимъ другимъ ремесломъ. И до сихъ поръ никто не знаетъ этого золотоснаго рудника. Говорятъ, правда, что мѣщанинъ, на смертномъ одрѣ, открылъ мѣсто золотоснаго пріиска своему духовнику, протестантскому пастору Гельверу; но или пасторъ счелъ призваніе его за грезу кладоконателя, или смерть, которая вскорѣ постигла самого пастора, лишила его возможности обнаружить тайну. — Точно такимъ же образомъ, говорятъ, лѣтъ за пятьдесятъ или шестьдесятъ до насъ, крестьянинъ изъ Гросъ-Шлагендорфъ, во имени Іокекъ, обогатился въ Татрскихъ горахъ у длиннаго озера верхней Фелькерской долины. Онъ досталъ изъ горной рывины, названной поэтомъ Іокекельвымъ оврагомъ, кусокъ богатой золотой руды, величиною съ водяной мбачъ, и отложки отъ нея продавалъ яглавскому золотыхъ дѣлъ мастеру по три гульдена за фунтъ. Вѣроятно, это былъ золотой самородокъ въ кварцѣ. Крестьянинъ, желая обогатиться одинъ, открылъ мѣсто, гдѣ нашелъ золото; на слѣдующій годъ онъ пришелъ къ нему за кладомъ, но увидѣлъ, что золотосная виадина

засыпана снѣгомъ; на третій годъ намель ее заваленную щебнемъ и камнями, которыхъ одинъ не могъ уже расчистить. После этого онъ цѣлыя пятнадцать лѣтъ, трудился надъ расчисткой и все напрасно. Наконецъ онъ вынужденъ былъ указать мѣсто пріиска другимъ крестьянамъ; привалился общими силами за рытье, но не могли расчистить щебня то за снѣгомъ, то за суровой погодой. Такимъ образомъ мѣсто пріиска до сихъ-поръ остается безъ употребленія. Въ 1797 году Іекелевская котловина была наполнена на нѣсколько сажень въ вышину льдомъ и снѣгомъ.

Еще король Матвѣй Корвинъ, а въ наше время яглавскіе промышленники искали золота въ Липтовскомъ Криванѣ на страшной высотѣ. Поиски не оставались безуспѣшны, но частные промышленники не могли съ выгодною продолжать ихъ по причинѣ высоты снѣговъ и по недостатку дровъ и воды. До-сихъ-поръ, въ полугорѣ, въ двухъ часахъ ходьбы отъ вершины, есть очень примѣтные слѣды раскоповъ и шахтъ.

Фелькерская долина тиха и особенно богата любопытными альпійскими растеніями и травами, которыя здѣсь тщательно собираются и продаются въ аптеки. Кромѣ того здѣсь часто попадаются гранаты, сидяшіе въ гранитѣ; онѣ блѣднѣе цвѣтомъ богемскихъ и видомъ ближе подходятъ къ рубинамъ.

Менгесдорфская долина въ своихъ многочисленныхъ развѣтвленіяхъ и уступахъ, заключаетъ много озеръ, водонадоевъ и очаровательныхъ видовъ. Изъ этой долины выходитъ рѣка, *Попрада*, единственная текущая съ южной стороны Карпатъ на сѣверъ, и черезъ Дунаецъ и Вислу изливающаяся въ Балтійское море; съ Дунаайцемъ Попрада соединяется при Сандецѣ.

Ближайшая за тѣмъ долина, *Важецкая* (*Wązsecz*), находится въ липтовскомъ комитатѣ. Изъ нея, уже въ противоположномъ направленіи, течетъ рѣка *Вагъ* въ Дунай и въ Черное море. Изъ этой возвышенности текутъ рѣки по всѣмъ направленіямъ и во всѣ стороны, и небольшой холмъ здѣсь рѣшается, должна ли вытекающая вода излиться въ Балтійское или въ Черное море.

Въ *Криванской долины* есть золото и антимоній. И то и другое, какъ мы сказали, пытались разработывать, но въ здѣшней суровой, холодной, высокой сторонѣ рудокопство не можетъ окупиться. Кривавская вершина занимаетъ второе мѣсто послѣ Ломницкой; она нѣсколько погнута съ востока на западъ, имѣетъ около одиннадцати сажень длины и четырехъ вышинъ. Съ юж-

ной стороны она удобовосходима; съ сѣверной отвѣсной, и взглянуть съ нея внизъ страшно. На вершинѣ Кривана возвышается теперь памятникъ, изъ чугуна съ позолотой, поставленный королемъ саксонскимъ въ память его посѣщенія вершины.

Черезъ *Прибылинскую* долину проходитъ тропа на сѣверную сторону Карпатозъ. Здѣсь также попадаетъ множество гранатовъ. Характеръ склоновъ карпатскаго края неодинаковъ. На выпуклой южной сторонѣ его много альпійскихъ долинъ; на вогнутой южной, долины—меньше, суровѣе климатомъ, часто покрыты снѣгомъ, льдомъ и ледниками. На сѣверной сторонѣ края, у его подошвы, вѣтъ широкихъ долинъ, а на-мѣсто ихъ лежатъ среднія горы, до самого Дунайца (на границѣ Галиціи). Отъ этого видъ Карпатозъ съ юга и сѣвера имѣетъ мало общаго. Съ венгерской южной стороны Татры кидаются въ глаза и стоятъ величавыми колоссами; съ галиційской сѣверной стороны ихъ закрываютъ среднія горы, изъ за которыхъ едва виднѣются торчащія вершины, точно отдаленныя облака. Впрочемъ и съ сѣвера они поразительны даже съ дороги изъ Ярославля въ Краковъ: вечеромъ послѣ захожденія солнца онѣ обливаются золотымъ пурпуромъ и точно пылаютъ, когда глядишь на нихъ въ чистую погоду, и когда они не заволочены *мегами*.

На сѣверной сторонѣ самая большая долина *Яворинская*; она, между прочимъ, замѣчательна по мѣсту, до такой степени усиливающему эхо, что отголосокъ походить на раскатъ грома.

Первобытныя горы нигдѣ не стоятъ одиноко; Карпатскія гранитныя горы также развѣтвляются различнымъ образомъ на другія известняковыя, металлическія, шиферныя и глиняныя горы.

На сѣверо-западной сторонѣ возвышается *Бабагура* (Babagura) и горная цѣпь на томъ берегу Дунайца; на восточной сторонѣ *Игла* (Ibla) и *Кралёва Гола*. На той и на другой, на самомъ теменн, есть обильные водяные источники, которыхъ вода въ состояніи вертѣтъ мельничное колесо. Круглая шапка *Кралёвой Гола* состоитъ изъ шифернаго флеса, лежащаго на гранитѣ, и поросла крупнымъ исландскимъ мохомъ, по пось человѣку.

Въ Карпатахъ есть еще чрезвычайно любопытная долина, *Сюльо* (Szülyó), въ тренчвинскомъ комитатѣ, которую прекрасно описалъ баронъ Меднявскій (Mednyánszky) въ своемъ «Живописномъ путешествіи по Вагу» (Malerische Reise auf dem Waagflusse, 1826). «Эта долина, говоритъ онъ, одна изъ любопытѣйшихъ частей Венгрии. Ее не пропустить безъ вниманія ни

одинъ человѣкъ, умѣющій созерцать Божьи чудеса въ Его прекрасномъ созданіи. Громадныя массы, возносящіяся до небесъ, могучіе колоссы видны повсюду, гдѣ соединяется нѣсколько горъ. Но такихъ чудесныхъ фигуръ, такихъ башенъ, обелисковъ, изображеній животныхъ и человѣческихъ, словно изваянныхъ рукой художника, съ мельчайшими очертаніями, не найти нигдѣ въ другихъ мѣстахъ; они превосходятъ всякое представленіе самаго смѣлаго воображенія. Здѣсь какъ будто окаменѣлъ какой-нибудь допотопный городъ съ его храмами, дворцами, памятниками и жителями, въ ожиданіи звука послѣдней трубы. Эти торчащія колонны, сажени въ четыре вышины и нѣсколько футовъ въ поперечникѣ, вѣрно украшали тотъ шортикъ, передъ которымъ стоитъ бюстъ полководца въ шлемѣ. Эти трехгранные конусы, стоящіе на ровномъ лугѣ, поодаль отъ развалинъ города, покрываютъ царственныя гробницы угасшаго поколѣвія. Изъ оковъ замка, возвышающагося надъ великими зданіями, быть-можетъ нѣкогда прекрасныя очи, кроткія и лазурныя какъ небо, глядавшее теперь изъ нихъ, смотрѣли на зубчатые стѣны того замка, гдѣ жили ихъ возлюбленные. Головъ проповѣдника съ ваянной каедры вотще звучитъ трезъ игрокамъ, которые, сидя неподалеку за круглымъ столомъ, никакъ не могутъ отказаться отъ своей пагубной страсти. Чтобы не видѣть скверны, монахъ насупротивъ отвернулся отъ грѣшниковъ и, простершись предъ узкимъ алтаремъ, молитъ Всемогущаго удержать его карающій судъ. Изъ уплывшей половины амфитеатра (другую половину его поглотила земля), вырвались вѣроятно этотъ левъ и этотъ волкъ и лающая собака, за которыми кинулся человѣкъ съ приподнятою палицею. — Но кто изочтетъ всѣ фигуры, неисчислимыя и переменчивыя, которыя вѣчно создаются вновь и опять разрушаются, подобно сынамъ и дѣламъ человѣческимъ? Не обвиняйте меня въ фантастическомъ преувеличеніи; — ступайте сами и посмотрите!

Мѣстечко *Сентъ Иванъ* (Szent-Ivány), въ липовскомъ комитатѣ, также примѣчательно въ многихъ отношеніяхъ. Въ немъ такое собраніе естественныхъ рѣдкостей, какому быть-можетъ, нѣтъ подобнаго на свѣтѣ. Во-первыхъ, въ склепѣ тамошней ветхой церкви не тлѣютъ трупы, погребенныя тамъ уже три столѣтія. Даже одежда на нихъ только поблекла, а не истлѣла, и у высохшихъ лицъ мумій можно распознать главныя черты. То же явленіе замѣчается у труповъ, погребенныхъ внутри перловныхъ стѣнъ. Далѣе, тутъ есть *лдовитый ключъ*, подлѣ сѣной

внутренней стѣны кладбища, едва въ десяти шагахъ отъ церковной наружной стѣны, гдѣ сквозъ скалу шумно и порывисто пробивается ручей въ руку толщину, который распространяетъ сѣрно-асфальтовый запахъ и одурманиваетъ птичекъ, когда онѣ перелетаютъ черезъ него предъ восхожденіемъ солнца. — Посреди долины торчатъ изъ земли футовъ въ пять или шесть вышиною продолговатая каменная глыба, которая изъ скважинъ мѣстахъ въ двадцати стремительно мечетъ воду, частью холодную, частью теплую. Тамъ же есть кислый источникъ. Наконецъ есть эхо, которое очень внятно передаетъ цѣлые осемь слоговъ *.

Почти въ каждой карпатской долинѣ, какъ мы уже и говорили, есть одно или нѣсколько озеръ; изъ нихъ горные ручьи, многочисленными каскадами, сбѣгутъ въ низъ по долинамъ. Нѣкоторые изъ этихъ каскадовъ обширны, высоки, величавы; ихъ воды, падая разсыпаются водяною пылью, блестящей, при солнечномъ сіяніи, радужными цвѣтами; чудныя красоты окрестностей увеличиваютъ прелесть и великолѣпіе каскадовъ. Вода въ озерахъ прекрасная: чистая, прозрачная, твердая на вкусъ. Она даже въ самое знойное лѣто не перестаетъ струиться съ высшихъ вершинъ, ея журчанье усиливаетъ торжественное чувство, возбуждаемое въ человѣкѣ сѣрыми громадными памятниками первобытнаго міра, стоящими въ своемъ тысячелѣтнемъ величіи.

Было повѣрье, будто карпатскія озера суть такъ называемыя *морскія глаза*, что они подземно соединены съ океаномъ; будто онѣ волнуются, когда на океанѣ буря; будто на нихъ выдали даже корабельные обломки;—это басни. Никакія волосныя трубки не въ состояніи прозвести это подземное соединеніе, и провести такъ далеко и такъ высоко воду океана. Волненіе озеръ имѣетъ свои собственныя, удобообъяснимыя причины, и притомъ оно никогда не бываетъ такъ сильно, чтобъ его считать за что-то необыкновенное, почти сверхъестественное. Про корабельные обломки нечего и говорить. Нѣкоторыя изъ озеръ дѣйствительно велики и глубоки; но онѣ всегда пропорціональны съ количествомъ воды, даже въ самую сухую погоду, струящейся съ огромныхъ скалъ въ отъ дождей и снѣговъ, наполняющей гранитныя бассейны до

* Даже болѣе: одинъ русскій путешественникъ самъ испыталъ, какъ это эхо звучно, внятно повторило *четыринадцать слоговъ*.... Замѣчательно, что слышать эхо можно только съ нѣкоторыхъ мѣстъ поля близъ лѣсна, хотя оно и совершенно ровное, и что нѣтъ горы, отъ которой бы голосъ могъ отбиваться. Поле между лѣскомъ и мѣстечкомъ: эхо слышно изъ мѣстечка.

высоты стоковъ въ долины. Озера можно считать вѣчными колодцами для орошенія странъ, лежащихъ у подошвы горъ.

Кромѣ тѣхъ озеръ, о которыхъ мы говорили при описаніи долинъ, замѣчательны: Прибыльское, Попперское или Рыбье, Фелькайское и другія.

1) *Прибыльское озеро*, находящееся въ липтовскомъ комитатѣ, получило свое названіе отъ селенія Прибыльни, лежащаго у подошвы тѣхъ скалъ, между которыми находится озеро. Доступъ къ этому озеру очень затруднителенъ: чтобы подойти къ нему, нужно переправиться черезъ огромный водопадъ. Кругомъ стоятъ громадныя скалы, образующія долину, гдѣ находится озеро, называющія Тованова и Глина. Черезъ огромное ущелье этихъ скалъ идетъ дорога въ Галицію.

2) *Зеленое озеро* находится подъ горами Остроемъ и малымъ Криванемъ. Оно больше всего замѣчательно тѣмъ, что изъ него течетъ рѣка Вагъ, впадающая у Коморна въ Дунай. Все пространство озера не болѣе двухъ сотъ сажень.

3) *Попперское или Рыбье озеро*, называемое жителями липтовскаго комитата Рыбьимъ Плесомъ, находится на западной сторонѣ хребта, на высокой горѣ Высокъ. Оно получило свое названіе отъ чрезвычайнаго изобилія рыбы. Это озеро необыкновенно глубоко, быть-можетъ самое глубокое изъ всѣхъ карпатскихъ озеръ; но пространство его не болѣе четырехъ сотъ шаговъ. Изъ озера течетъ рѣка Попперъ.

4) *Фелькайское озеро* находится на альпахъ спешкаго комитата. Оно лежитъ очень высоко между вершинами горъ Ботсдорфа и Герльсдорфа. Не вдалекѣ отъ озера есть большой водопадъ, надъ которымъ находятся еще два небольшихъ озера между горами Костинской и Герлахской. Мѣстность, гдѣ лежатъ эти озера, чрезвычайно дика и сурова, можетъ-быть самая суровая во всѣхъ Карпатахъ. Вокругъ одного изъ этихъ озеръ идетъ киноварная жила, содержащая въ себѣ золото. По описанію минералогта Валеріуса, въ ней должно заключаться промывное золото (*aurum solutum*). Изъ обояхъ этихъ озеръ и изъ Фелькайскаго озера выходитъ рѣка, подъ названіемъ Фельквассера, впадающая въ Попперъ выше Георгенберга. У озера стоитъ отвѣсная скала, наполненная гранатами, которые однако не принимаютъ полировки, по причинѣ мягкости.

5) *Большое польское озеро*, также на польской сторонѣ хребта, въ сѣверо-западномъ положеніи, напротивъ Краснаго озера.

Это самое большое изъ всѣхъ карпатскихъ озеръ, потому-что бойкій пѣшеходъ едва можетъ обойти его кругомъ въ шесть часовъ.

6) *Большое Черное озеро*, также на польской сторонѣ хребта, лежитъ въ низкой долинѣ. Левый берегъ его ограниченъ скалою *Монахонъ*, о которой мы уже говорили. Здѣсь примѣтны слѣды серебряной жилы съ свинцовымъ блескомъ.

Кромѣ того на карпатскомъ хребтѣ есть много другихъ меньшихъ озеръ. Таковы: *Мералое озеро*, близъ *Герльсдорфской* горы; *Новое озеро* надъ *Бѣлымъ* и *Зеленымъ* озерами; *Ворончатое озеро* непосредственно подъ *Штейнбахскимъ*, *Истское озеро* подъ *Плокскимъ* озерами, и такъ далѣе. Недалеко отъ польскаго большаго *Рыбьего озера* находится семь меньшихъ озеръ, изъ которыхъ составляются двѣ рѣки, *Черный* и *Бѣлый*: *Дунаецъ*, сливающаяся въ одну подъ *Неймаркомъ*, въ *Галиціи*.

Изъ карпатскихъ рѣкъ въ особенности примѣчательны *Дунаецъ* и *Попрадъ*: это единственные рѣки, текущія изъ Венгріи на сѣверъ въ *Балтійское море*.—*Попрадъ*, сбѣгая съ южной стороны *Карпатовъ*, течетъ у ихъ подошвы по прекрасной долинѣ, сначала на востокъ, потомъ на сѣверъ и при *Люботвиѣ* (*Lubotice*) представляетъ всѣ удобства для соединенія *Чернаго моря* съ *Балтійскимъ*, посредствомъ *Торисы*, *Гернада* и *Тисы*.

Такое же соединеніе можно произвести со стороны *Дуная*, если *Попрадъ* соединить съ *Вагомъ*, проходящимъ не далеко отъ него, при *Гохвальдѣ*. *Дунаецъ* течетъ на сѣверной сторонѣ *Карпатовъ*; подъ *Краснымъ монастыремъ*, онъ, внезапно и странно суживаясь, изгибается между тѣсными оврагами и отвѣсными утесами, потомъ соединяется съ *Попради* при *Сандецѣ*, въ *Галиціи*, и съ *Вислою* при *Опатовѣ* (*Opatow*), и у *Давцига* изливается въ *Балтійское море*. Это старинный, первый путь сообщенія между южной и сѣверной Европою для мѣны товаровъ, черезъ Венгрію.

Кромѣ рѣкъ *Попради* и *Дунайца*, вполнѣ принадлежащихъ горамъ, есть еще нѣсколько замѣчательныхъ, даже важныхъ горныхъ рѣкъ, орошающихъ и долины Венгріи. Таковы *Тиса*, важнѣйшая рѣка послѣ *Дуная*, начинающаяся въ *мармарошскомъ комитатѣ*, на высокомъ хребтѣ *Кралева Гола*; — *Гранъ*, *Герпачъ*, текущія съ той же горы, но только съ части ея, принадлежащей *гемерскому комитату*. — *Зальва*, *Виссо*, *Талаборъ* и другія. — Всѣ эти рѣки или непосредственно, или посредствомъ *Тиссы*, соединяются съ *Дунаемъ*.

Къ числу любопытныхъ горныхъ предметовъ карпатскаго хреб-

та должно отнести и пещеры. Онѣ есть и въ отрасляхъ Альпійскихъ горъ, проходящихъ по Венгріи, въ Карпатахъ ихъ безчисленное множество. Нѣкоторыя изъ пещеръ открыты и очень разнообразны по фигурѣ и объему. Многія доселѣ таятся въ скалахъ, какъ можно съ большою вѣроятностью заключать, судя по многочисленнымъ противоположнымъ коническимъ впадинамъ на горахъ. Рудокопы уже не разъ находили пещеры подъ такими впадинами. Замѣчательно, что впадины и открытыя пещеры встрѣчаются только въ известняковыхъ горахъ.

Больше всего пещеръ въ сѣверной группѣ горъ (Berg-Aggtelek). Вотъ важнѣйшія изъ нихъ :

Пещера при Агтелекѣ (Aggtelek), называемая Барадлю (Báradla), въ гемерскомъ комитатѣ, самая важная, самая значительная и наиболѣе посѣщаемая. Близъ селенія Агтелека, стоящаго на границѣ гемерскаго комитата съ торнайскимъ, не вдалекѣ отъ дороги изъ Офена въ Кашову, у подошвы горы, получающей, кажется, и названіе отъ этой пещеры, есть открытый входъ въ пещеру, которой рѣдкости недавно привлекали во внутренность горы, какъ туземныхъ такъ и иностранцевъ, любопытныхъ. Первое отчетливое описаніе пещеры составилъ нижеверъ гемерскаго комитата, Христіанъ Райсъ, въ изданіи Бредецкаго (Bredetzky), «*Beiträge zur Topographie von Ungarn*», 1807. Отрывочныя, бѣглыя извѣстія о ней встрѣчались и прежде въ разныхъ книгахъ и брошюрахъ. Окрестности пещеры—совершенно горная страна, которую можно причислить къ среднимъ горамъ. Обыкновенный известнякъ и нѣсколько мраморныхъ породъ, господствующій камень этой страны. Камень этотъ частью сквозь открытыя щели, частью сквозь вѣтстыя поры пропускаетъ черезъ себя всю наружную воду, пока она достигнетъ глинистаго землянаго или каменнаго слоя. Потому во всей странѣ, гдѣ только идетъ известнякъ, до самой подошвы холмовъ, нельзя найти ни одного родника. Даже немногіе колодцы, выкопанные на значительной глубинѣ, иссыхаютъ во время продолжительной сухой погоды. Отверстіе пещеры находится на западѣ, въ разсѣвѣ обнаженной скалы, стоящей почти отвѣсно. Оно имѣетъ окодо трехъ съ половиною футовъ высоты и пять ширины; но очень вѣроятно, что встарину было гораздо обширнѣе. Нынче въ него надо входить согорбившись и подогнувъ колѣна. Во время суроваго холода изъ внутренности пещеры выходятъ испаренія сквозь навислые обломки скалы, совершенно завѣвшія. Кажется, отъ этихъ какъ-будто выдыхаемыхъ испареній пещера

и прозвана *Барадлаю*. По словацки подобныя испаренія называются *парою* (para). Венгры занявъ у Словаковъ это слово, сдѣлали изъ него другое: (paraхло), и назвали имъ яму, изъ которой выходитъ *пара*, то есть, испаряющееся мѣсто. Впослѣдствіи въ произношеніи измѣнили буквы, и изъ слова *парахло* вышло *барадла*.

Какъ скоро минуешь отверстіе, пещера тотчасъ становится просторнѣе: сводъ ея возвышается, и полъ образуетъ сильную покатость, составляя съ горизонтомъ уголъ въ двадцать-два градуса. На разстояніи шестнадцати сажень отъ отверстія, лѣво, видна глубокая расщелина въ скалѣ, куда однако трудно войти. Въ нее течетъ сквозь небольшое отверстіе на боку въ горѣ, *Кичъ-Барадла*. Вода хороша на вкусъ.

Держась правой руки, проходишь въ обширную залу, гдѣ видется первая *подземная рѣка*. Она течетъ въ пещеру сквозь открытую расщелину скалы передъ самымъ отверстіемъ пещеры, но только во время продолжительныхъ дождей и таянія снѣговъ. Здѣсь попадаетея множество истлѣвшихъ человѣческихъ остововъ, болѣею частью закрытыхъ пломъ и землею. Когда вскопать землю или когда рѣка смоетъ ее, оказываются цѣлые слои остововъ, которые неизвѣстно откуда взяли здѣсь. Быть-можетъ, это посмертныя останки несчастныхъ, которые искали здѣсь убѣжища во времена татарскихъ нашествій, и погибли голодною смертію, когда варвары, не могли взять ихъ, заклади отверстія пещеры. Или, можетъ-быть, шайка разбойниковъ сваливала сюда несчастныя жертвы своего свирѣпства. Рѣшеніе вопроса ограничивается только догадками.

По ту сторону рѣки стоитъ въ покатомъ положеніи большая, черная, гладкая каменная плита, исписанная немецкими лѣтъ, посѣщавшихъ пещеру.

Далѣе, у лѣвой прямой стѣны, находимъ различныя украшенія изъ горнаго хрустала, почти въ правильномъ готическомъ вкусѣ. Ихъ обыкновенно называютъ *Моисеевымъ алтаремъ*.

Потомъ вдругъ входишь въ очень широкую и высокую залу, гдѣ множество кусковъ скалы, въ видѣ обелисковъ, воздымаются постепенно, составляя прекрасное зрѣлище. На полдень стоитъ группа симметрически расположенныхъ горныхъ хрусталей, которые изъ-дали кажутся *церковнымъ алтаремъ*. Тутъ нижеверъ Райсъ нашелъ полный скелетъ лисицы. Вѣроятно она зашла сюда пить, но испуганная шумомъ подходившихъ людей, кинулась далѣе въ пещеру, заблудилась и не нашла выхода да-

задъ. Есть примѣры, что оставленные здѣсь ищейныя собаки также не могутъ выбраться вонъ, пока люди не выведутъ ихъ.

Другая зала, еще выше и обширнѣе, называется *большой церковью*. Здѣсь рѣка совершенно исчезаетъ, изливаясь во внутренность горы черезъ открытыя неприступныя отверстія. На-глаго входъ въ особую боковую залу, называемую *нетопырной пещерою*. Еще лѣтъ шестьдесятъ назадъ, она была закладена камнями. Изъ любопытства отвалили камни и нашли нѣсколько сундуковъ, нѣкогда наложенныхъ платьемъ, но уже совершенно истлѣвшихъ; нашли также очагъ съ валавшимися вокругъ костями животныхъ и нѣсколько черепковъ глиняной посуды. Теперь здѣсь нѣтъ ничего, кромѣ безчисленнаго множества звиущихъ летучихъ мышей, которыя въ залѣ ожидаютъ весны, вися большими тучами, иногда въ сажень толщиной. Пометомъ ихъ завалена вся зала до такой степени, что имъ можно нагрузить нѣсколько телегъ. Съ наступленіемъ весны мыши вылетаютъ въ отверстіе пещеры какъ густой рой пчелъ. Если возвратитесь отсюда въ главную пещеру, васъ пріятно поразятъ предметы, которые предстанутъ вамъ среди этой ужасной пустоты. По срединѣ стоитъ огромный хрусталь, который жители прозвали *большимъ алтаремъ*. По обѣ стороны узкіе ходы съ маленькими порталами. Вокругъ алтаря стоятъ мелкіе столбы горнаго хрустала, какъ-будто нарочно изваянные въ разныхъ фигурахъ. Между прочимъ одинъ такъ похожъ на статую Богоматери, что при небольшомъ усиліи воображенія, рѣшительно считаешь его работою ваятеля.

Оставивъ эту пещеру и спустясь съ землянаго холма, приходишь ко *второму подземному ручью*.

Далѣе, сквозь отверстіе, до такой степени узкое и высокое, что по немъ надо ползти на брюхѣ, проникаешь въ обширную залу, уставленную колоннами горнаго хрустала.

Если опять возвратимся въ главную пещеру, то увидимъ большую залу, въ шестнадцать сажень вышины. Во время продолжительныхъ лѣтнихъ жаровъ въ эту пещеру часто собираются со-сѣдніе молодые люди и, при свѣтѣ сухихъ лучинъ, занимаются танцами и музыкою. Отголосокъ въ пещерѣ такъ силенъ, что игра нѣсколькихъ скрипокъ, въ нѣкоторомъ разстояніи, кажется цѣлымъ хоромъ музыкантовъ. Шпоры и подковы сапоговъ на этомъ полу также звенятъ гораздо громче, нежели гдѣ-нибудь. Гулъ пистолетнаго выстрѣла въ небольшомъ разстояніи кажется громомъ. Судя по многочисленнымъ опытамъ, отъ гула не отрываются со свода ни

горные хрустали, и другія каменные массы. Отвердѣлая каменная масса, прозрачнаго горнаго хрустала, заштукатурила промежутки и скрѣпила другъ съ другомъ. Полъ во многихъ мѣстахъ окаймленъ нѣжными горными хрусталами, завитыми въ колонны. Они похожи на миниатюрныя садовыя украшенія, и оттого народъ называетъ это мѣсто *цвѣточнымъ садомъ*. Здѣсь также, какъ и въ другихъ залахъ, видны ясныя слѣды телѣжныхъ колеи, которыя имѣютъ одинакую мѣру и идутъ совершенно ровно. Онѣ нѣсколько уже вынѣшнихъ колесныхъ колеи, именно отдалены одна отъ другой только на три фута, между-тѣмъ какъ разстояніе между вынѣшними колесами—три фута семь съ половиною дюймовъ. Пещера представляетъ собою изумительное зрѣлище. Она идетъ почти прямо на полтораста саженъ, имѣетъ шестнадцать саженъ вышины, пятнадцать и болѣе ширины; полъ въ ней почти совершенно ровный и выстланъ мягкой глиною; на-право вѣется ручей и служитъ вожатаемъ; на-лѣво тамъ и сямъ торчатъ изъ стѣны наросты скалы. Сводъ устья горными хрусталами; потолокъ такъ высокъ, что даже, поднявъ факелы, едва можно разглядѣть его.

По теченію ручья, черезъ который надо нѣсколько разъ переправляться по причинѣ его извилинъ, выходяшь изъ пещеры къ крутой горѣ. На правой покатоности горы есть узкая тропинка, по которой однако надо идти осторожно, потому что по правую руку ея находится ужасная бездна. По лѣвую руку, напротивъ, торчатъ обломанные наросты скалы, вдоль всей тропы, пока схова сойдешь къ ручью и на-лѣво увидишь входъ въ боковую залу.

Для опознанія служить здѣсь колодезь съ каменной оправою, заключающей очень чистую воду. Если пойти отъ колодца на-лѣво, то черезъ развалины горнаго хрустала придешь къ очень vizкой ямѣ, которой покатыи полъ выложенъ какъ зеркало каплющей водою и оканчивается перпендикулярнымъ отверстіемъ, похожимъ на трубу. Тутъ, чтобы вскарабкаться къ верху, должно упираться локтями и колѣнами, и такимъ-образомъ подняться въ пещеру, какъ бы въ верхній этажъ. Пещера до такой степени уставлена горными хрусталами, что въ нее входишь какъ въ лѣсъ, черезъ который надо пробираться съ трудомъ, чтобы выйти на вершину горы. Нѣсколько лѣтъ назадъ, здѣсь нашли цѣлый человѣческій остовъ, вѣроятно кости какого-нибудь неосторожнаго, который пустился въ пещеру безъ проводника и

потерялъ выходъ. Спустившись съ горы, съ трудомъ, и съ опасностью поскользнуться, приходишь опять къ подошвѣ горы.

Возвратився къ тому колодцу, откуда направо по небольшой покатости приходишь въ одну изъ прекраснѣйшихъ боковыхъ ямъ, которая прозвана *Восковой пещерою*, отъ желтаго горнаго хрустала, покрывающаго полъ. Здѣсь находится прекрасныя клады горнаго хрустала, которыя, если бы вынести ихъ безъ поврежденія, могли бы красоваться въ любомъ саду обвалскаго. Цвѣтъ ихъ бѣлоснѣжный; издали при свѣтѣ онъ блистаетъ. Нѣкоторыя моделированы по очень хорошимъ пропорціямъ. Между прочимъ, есть одна колонна толщиною въ руку, достигающая съ пола до потолка, по которой, если ударить молоткомъ или камнемъ, она звенитъ какъ колоколъ.

Тѣмъ же путемъ, какимъ пришли, надо возвратиться къ колодцу, а оттуда въ главную пещеру; потомъ идти отъ ручья прямо на востокъ. Но этотъ походъ возможенъ только во время продолжительной сухой погоды, потому что пещера здѣсь такъ узка, что иногда ручей занимаетъ все ея пространство. Приходите къ большой скалѣ горнаго хрустала, за которую далѣе идти не осмѣливался никто до инженера Райса. Онъ проникъ гораздо далѣе: проползъ еще нѣсколько пещеръ, поднялся на нѣсколько горъ, и, наконецъ, пришелъ къ безднамъ и обвалившимся ямамъ, въ которыя изливается ручей, и которыя преграждаютъ человѣку всякій дальнѣйшій путь.

Животныхъ въ пещерѣ не водится никакихъ, кромѣ летучихъ мышей, которыя тамъ зимуютъ. Царужная вода заноситъ сюда съ собою лягушекъ, но по бѣдному цвѣту и худобѣ ихъ ясно видно, что здѣсь для нихъ не привольное житье.

Воздухъ во всей пещерѣ очень чистъ и значительно облегчаетъ дыханіе. Особенно въ лѣтній день, если пробыть нѣсколько времени въ пещерѣ и выйти опять наружу, то чувствуешь, что внѣшнимъ воздухомъ дышать гораздо тяжелѣе. Ртуть въ термометрѣ упала въ пещерѣ до девяти градусовъ, между-тѣмъ какъ наружѣ стояла на двадцати-пяти градусахъ.

Въ селеніи есть нѣсколько человѣкъ, которые обыкновенно водятъ путешественниковъ по этому подземному лабиринту. Они всегда держатъ у себя порядочной запасъ сухой лучины для свѣловъ.

Мы распространились объ этой любопытной пещерѣ, потому что она того заслуживаетъ. Въ цѣлой Западной Европѣ не мно-

го такихъ занимательныхъ мѣстностей для путешественниковъ, любящихъ наслаждаться подземной природой.

Льдяная пещера при Силиць (Szilicze), въ торнскомъ комитатѣ примѣчательна не столько своей величиною, сколько тѣмъ, что въ продолженіи всего лѣта заключаетъ ледъ, который образуется въ ней весною и таетъ зимою (объ этомъ писалъ также Кэптъ, въ своей «Физической географіи», со словъ географіи Виндиша). Отверстіе пещеры обращено къ югу, и имѣетъ около осемнадцати саженъ вышины и осми ширины. Подземные корридоры ея состоятъ совершенно изъ камня и простираются на югъ гораздо дальше, нежели сколько доселѣ осмотрѣны. Всего удивительнѣе то, что воздухъ въ нихъ въ самое суровое время года бываетъ совершенно тепелъ, а въ самый палашій лѣтній зной чрезвычайно холоденъ, такъ что пещера только лѣтомъ наполнена льдомъ, который обыкновенно тѣмъ толще и тверже, чѣмъ сильнѣе солнечный жаръ. Тогда каплющая вода замерзаетъ такъ быстро, что, гдѣ сегодня висятъ слабыя сосульки, тамъ завтра являются уже глыбы въ скалу величиною. Когда снаружн таетъ снѣгъ, съ самаго внутренняго свода пещеры каплетъ отиѣнно чистая вода. Отъ внутренней стужи она почти мгновенно замерзаетъ большими толстыми сосульками, которыя развѣтвляются различнымъ образомъ и составляютъ странныя фигуры. Не только сводъ но и полъ покрытъ толстымъ блестящимъ льдомъ и представляетъ зрѣлище тѣмъ поразительнѣе, чѣмъ шире раздвигается и чѣмъ глубже понижается пещера. Пространство, которое доселѣ успѣли осмотрѣть въ ней, не болѣе пятидесяти саженъ въ глубину и почти вдвое менѣе въ ширину. Потолки также не одинаковой высоты, по причинѣ неровныхъ сводовъ скалъ. Далѣе еще никто не отваживался проникать, за глубокими ямами и сильнымъ льдомъ. Даже по мѣстамъ, уже осмотрѣннымъ, надо ползти съ большимъ трудомъ, по высѣченымъ ступенямъ. Внутренность пещеры пробовали измѣрять лотомъ, но ничего не могли сдѣлать, по причинѣ множества изгибовъ. Если выстрѣлить въ пещерѣ изъ огнестрѣльнаго оружія, то гулъ производитъ ужасные отголоски то тамъ, то здѣсь, въ продолженіе многихъ минутъ. Изъ этого можно заключить, что пещера далеко простирается въ глубину и имѣетъ во всѣ стороны длинныя корридоры. Лду въ ней бываетъ неизмѣримое количество: нѣсколько тысячъ возовъ можно накласть льдомъ. Во время полевыхъ работъ окрестные жители достаютъ изъ пещеры ледъ и прохлаждаютъ имъ нагрѣвшуюся колодезную воду, или растапливаютъ его на солнцѣ,

и добытую такимъ-образомъ воду считаютъ очень здоровою, по причинѣ ея мочегоннаго и потогоннаго свойства. Вода, каплющая по бокамъ пещеры, производитъ самыя странныя фигуры, покрывая стѣны льдяной корою въ видѣ искусственныхъ обоевъ. Когда наружный зной убываетъ, то вода замерзаетъ здѣсь гораздо слабѣе, и ледъ расплывается въ ручейки, которые снова замерзаютъ при новой теплой погодѣ.

Съ наступленіемъ зимы, разныя животныя и гады, которые не могутъ переносить стужи, ищутъ пристанища въ пещерѣ, гдѣ тогда бываетъ совершенно тепло. Въ то время въ ней накопляются цѣлые рои комаровъ и мухъ, стаи нетопырей и совъ, множество лисицъ и зайцевъ. Весною эти гости снова покидаютъ пещеру.

Въ Венгріи есть еще нѣсколько такихъ же льдяныхъ пещеръ, какъ напримѣръ, Демановская, въ Герренгрундѣ.

Горнохрустальная пещера въ Детрекѣ (Detrekö), въ пресбургскомъ комитатѣ, имѣетъ, говорятъ, до шестидесяти сажень глубины. Миниатюрный образъ вѣчно творящей и вѣчно разрушающей природы! Безпрестанно происходитъ новое, рушится старое, и развалины стараго образуютъ новыя созданія. На каждой висящей съ потолка пирамидѣ полупрозрачнаго, сѣробѣлаго известняка странной формы, виситъ еще подвижная капля. Она или засыхаетъ и испареніе ея что-нибудь прибавляетъ къ величинѣ пирамиды (сталактита), или падаетъ и производитъ сталактитъ, который, образуясь изъ безчисленныхъ упавшихъ или засохшихъ капель, возвышается чудесной фигурою, чтобы соединиться съ сталактитомъ и составить колонну, либо торчать на землѣ какъ игла ледника. Наконецъ верхняя пирамида слишкомъ огрузла, падаетъ и расширяетъ пирамиду, растущую подъ нею; на всѣ эти обломки вѣчно каплютъ новыя жидкости, и возникаетъ новый порядокъ вещей. Такъ продолжается до безконечности.

Тоже самое бываетъ въ пещерахъ при Демановѣ (Demaňova), въ липтовскомъ комитатѣ. Знаменитѣйшая изъ этихъ пещеръ ближе всѣхъ къ мѣстечку Деманову и называется *Черною*. Она имѣетъ два входа, не далеко одинъ отъ другаго. Ближайшій входъ узокъ и очень низокъ, другой высокъ и довольно просторенъ.

Въ получасѣ разстоянія отъ этой пещеры находится другая, называемая *Бениковою* (Benikowa), которая далеко не такъ длинна, но гораздо шире. Горный хрусталь здѣсь нечистаго цвѣта,

какъ мыло; висить съ потолка большими сосульми и образуетъ на полу прелестныя архитектурныя группы колоннъ, пирамидъ, раковинъ, каскадовъ и тому подобное. Между прочимъ, природа надѣлала здѣсь изъ горнаго хрустала водоемовъ, наполненныхъ самой чистою водою. Такихъ водоемовъ три, уступами одинъ надъ другимъ. Далѣе нельзя проникнуть, потому что довольно глубокая вода занимаетъ всю ширину пещеры.

Мы заговорились о предметахъ любопытства, увлеклись красотами природы, и до-сихъ-поръ, почти мимоходомъ, слегка, говорили о естественныхъ богатствахъ края, богатствахъ мало изслѣдованныхъ и еще менѣе примѣненныхъ къ выгодамъ жизни обитателей.

Естественныя произведенія Карпатовъ, особенно по царству ископаемому, чрезвычайно разнообразны. Здѣшніе лѣса хотя и вырублены, но все еще огромны. Лѣса чрезвычайно важны для горъ и искорененіе ихъ большая потеря для страны, гдѣ если не девять, то осемь мѣсяцевъ въ году надо топить печи. У подошвы Карпатовъ много торфа. Правда, онъ не лучшаго сорта, потому что смѣшанъ съ пескомъ и камнемъ; однако же годенъ для употребленія.

Соль родятся въ Венгрии преимущественно слѣдующія: поваренная соль, натуральная сода, натуральная Глауберова соль и натуральная селитра.

Поваренная соль (каменная соль, натуральная солекислая сода), находится громадными массами подъ землею въ двухъ мѣстахъ, въ *шаршскомъ* и *мармарошскомъ* комитатахъ.

Въ шарошскомъ комитатѣ съ 1575 по 1750 годъ ломали ее въ видѣ каменной соли, но въ 1750 году нахлынула вода, затопила копи, и поваренная соль нынче вываривается въ *Шоварь* (*Sóvár*) или *Зальцбургѣ*. Леопольдовская копь, высланная сплошь дубовымъ тесомъ, имѣетъ порожняго пространства тридцать пять сажень, водянаго столба сорокъ-шесть сажень, слѣдовательно вообще осемдесятъ одна сажень глубины, и раздѣляется на рабочій и проѣзжій штось. Стоячій вѣротъ движется четырьмя лошадьми, смѣняющимися черезъ каждые четыре часа. Онѣ всякія пять минутъ вытаскиваютъ пятivedерный ушатъ, заключающій около семи центнеровъ разсола. Два такихъ ушата изъ воловьей кожи, сшитой мѣшкомъ, ходятъ попеременно.

Разсола выжимается двадцать-осемь частей на центнеръ; въ томъ числѣ двадцать-пять частей чистая поваренная соль, а остальное постороннія составныя части. По химическому разложенію,

въ разсолѣ, кромѣ поваренной соли и воды, оказались еще известковая земля, солекислый горькоземъ, строкислая известь, углекислая желѣзная окись, и углекислая известь, вмѣстѣ съ довольно значительнымъ количествомъ кремнезема. Послѣдній составляетъ довольно любопытное явленіе.

Разсолъ, вынимаемый изъ копн, наполняетъ въ сорокъ-осемь часовъ водоемъ или соляницу въ три тысячи ведръ содержанія. Такихъ водоемовъ шесть, изъ которыхъ четыре снабжаютъ большую, а два малую варницу посредствомъ трубъ.

Копь эта имѣетъ двѣ важныя выгоды. Во-первыхъ, она даетъ много разсола; во вторыхъ находится очень близко отъ солонварни, не болѣе ста сажень. Первая выгода дѣлаетъ ненужными среднія постепенныя заведенія, поглощающія множество времени и денегъ, и сопряженные съ тысячами затрудненій. Вторая выгода избавляетъ отъ дорогихъ длинныхъ трубъ для провода разсола.

Солонваренный процессъ въ краткихъ чертахъ слѣдующій. Разводится, смотря по надобности, болѣе или менѣе продолжительный сухой огонь, не только на варномъ очагѣ, но и на полу соляницы. Это дѣлается единственно для того, чтобы новыя внутреннія части варницы осушить постепенно, ввести дымъ и тепло, и мало-по-малу приготовить варницу къ имѣющему вскорѣ послѣдовать варильному огню. Когда варница достаточно нагрѣта, то часовъ за двѣнадцать до начала варки разсолъ, посредствомъ трубъ, по немногу напускается въ нагрѣвательныя сковороды, гдѣ онъ разогрѣвается надлежащимъ образомъ. Между-тѣмъ скважины варильной сковороды и всѣ прочія части варницы еще разъ тщательно осматриваются, сковорода обмывается теплымъ разсолонъ, всѣ орудія располагаются такъ, чтобы находились подъ рукою; наконецъ разводится варильный огонь на рѣшеткѣ. Съ полчаса еще этимъ огнемъ раскаляютъ порожнюю сковороду, и потомъ уже потихоньку напускаютъ на нее разсолъ посредствомъ жолобовъ, приставленныхъ къ трубамъ, пока затечетъ его на дюймъ толщины. За тѣмъ всѣ четыре трубы совершенно открываются и напускаютъ на сковороду слой разсола въ осемь дюймовъ толщиною. Впродолженіе втораго часа процесса сковорода наполняется до опредѣленной высоты, а въ пятый часъ въ первый разъ вынимается соль. Этотъ приемъ повторяется потомъ регулярно черезъ каждые три часа, и продолжается день и ночь, втеченіе четырнадцати дней, работниками, смѣняющимися черезъ полсутки.

Вынутіе или выгребаніе соли производится осьмерыми рабочими. Двое, каждый съ крюкомъ въ пять или шесть сажень длины, тащатъ соль съ задняго края сковороды почти на средину ея; двое другихъ, съ крюками нѣсколько покороче, тащатъ соль оттуда къ переднему краю сковороды; а четверо — на выгрузное мѣсто. Здѣсь она лежитъ два съ половиною часа, впродолженіе которыхъ большая часть добываемаго въ тоже время разсола опять натекаетъ на сковороду сквозь вырѣзки въ окраинахъ. Затѣмъ соль въ деревянныхъ корытахъ переносится съ выгрузнаго мѣста въ канельни, чтобы очистить мѣсто непосредственно выгребаемой за нею соли.

Послѣ этихъ приѣмовъ сквозь четыре трубы опять напускается на сковороду столько насоснаго и теплаго разсола, сколько окажется потребно, согласно принятому систематическому наполненію сковороды на семь дюймовъ.

Сушеніе соли начинается по складкѣ ея въ канельни. Это исполняютъ варные мастера, между-тѣмъ какъ сушильщики раскладываютъ соль на сушильныхъ противняхъ слоями указанной толщины.

Послѣ двѣнадцати или четырнадцати-дневнаго непрерывнаго варенія производятъ такъ называемую отдѣлку, а послѣ четырехъ или пяти-мѣсячнаго приготовленія, продолжаемаго только пятничасовой отдѣлкою, наstartъ холодный слой. Оба существенно равны, а различаются только большей или меньшей продолжительностью.

При отдѣлкѣ, въ опредѣленный для того день, рано поутру гасится варильный огонь, разсолъ по выгрузкѣ соли спускается черезъ кахель (отверстіе на передней нѣсколько крутой части сковороды, затыкаемое во время варки) въ баню, сковорода очищается, неровности ея углаживаются, скважины опять затыкаются для удержанія разсола, и черезъ пять часовъ снова разводится огонь для варки.

При холодномъ слой дѣлается тоже самое; только горячія сковороды еще опоражниваются, вычищаются; открываемые потомъ токи тщательно чистятся, вмѣсто поврежденныхъ плитъ сковороды и сушильныхъ каменныхъ плитъ вставляются новыя; деревянная и каменная работа во всѣхъ частяхъ варницы приводится въ исправное состояніе, и наконецъ снова начинается варка. Оттого холодный слой обыкновенно продолжается отъ

двухъ до четырехъ недѣль, между тѣмъ какъ отдѣлка постоянно оканчивается въ пять часовъ.

Большія варильныя сковороды состояются изъ желѣзныхъ плитъ по двадцати по три дюйма въ квадратъ и по одной четверти дюйма толщины. Сковорода въ большой варницѣ составляетъ параллелограммъ въ пятьдесятъ семь футовъ и четыре дюйма длины, двадцать-девять футовъ три дюйма ширины, и двадцать-одинъ дюймъ глубины. Въ малой варницѣ сковорода въ пять саженъ длины, пять саженъ ширины и осьмнадцать дюймовъ глубины.

Выгрузное мѣсто родъ передней, большая, высокая и чистая комната, устланная досками наискось отъ сковороды, для удобнѣшаго спуска соли.

Капельни рядъ деревянныхъ покоевъ, похожихъ на лежи, съ двойнымъ тесовымъ поломъ, покатымъ и съ оканнами. Ихъ на каждой сторонѣ варницы семь, и пять изъ нихъ прямо надъ котельнею.

Сушильни бываютъ двухъ родовъ: однѣ нагрѣваются жаромъ, другія дымомъ. И тѣ и другія имѣютъ закрытые каналы или отдушники, и покато на нихъ лежащія каменные сушильни плиты, на которыя раскладывается соль, по пропорціи ихъ теплоты, на полтора и три дюйма толщины. Степень теплоты различна: въ пламенныхъ сушильняхъ шестьдесятъ-три градуса, въ дымовыхъ сушильняхъ съ двадцати-двухъ до двадцати-шести градусовъ по Реомюрову термометру.

Одно изъ преимуществъ Шоварскихъ варницъ надъ верхне-австрійскими и штирійскими состоитъ въ томъ, что сушильни противни выложены каменными плитами, а не желѣзными листами, какъ дѣлается въ смазанныхъ провинціяхъ. Кто знаетъ, какъ дороги желѣзные листы и какъ быстро они сѣдуются солью, тотъ легко убѣдится въ этомъ; а кто еще неопытенъ, какъ сильно принимаетъ насыщаемая сюда въ зерцеломъ состояніи соль нечистоту ржавчины и запахъ маслянаго лака, употребимаго для лучшаго сохраненія желѣзныхъ листовъ, тотъ безъ труда убѣдится въ обратности, сѣдовѣтельно и въ лучшемъ достоинствѣ Садарскихъ соляныхъ сушиленъ.

Среднимъ числомъ, по десятилѣтнему расчету, здѣсь ежегодно готовится 120,000 центнеровъ поваренной соли.

Въ *Мармарошонскихъ* соляныхъ кояхъ соль добывается въ натуральномъ ея каменномъ состояніи. Есть разные способы выпечки соли. Во-первыхъ, посредствомъ горнаго бурава, который со-

стоитъ изъ двухконечнаго желѣзнаго цилиндра и, можетъ быть выдвигать на вѣселою сажень. Изъ постепенна сверлятъ землю и, углубляются скважины, земляные слои до-тѣхъ-поръ, пока открываютъ вѣрные слѣды приближающейся соли, или попадутъ на самый солиный рудникъ.

Во-вторыхъ, посредствомъ углубленія пробной, конц (шахты), которая выстилается деревомъ, къ видѣ колоды до-тѣхъ-поръ, пока продвигается, правая земля.

Въ-третьихъ, посредствомъ устройтва наслѣдной штольни.

Первый способъ, употребляется, только въ такомъ случаѣ, когда добыта соль на достовѣрна. Два послѣдніе способа предлагаются, уже дѣствительность, соляной добычи, на которую и безъ того увеличивается богатый соляной рудникъ. Несомнѣннымъ признакомъ близости солянаго слоя бываетъ въ коняхъ поднимающагося извѣстнаго параллельнаго земли, по-отрадно съ назвѣтнымъ солянымъ тѣломъ.

Старинныя соляныя копи, устроены колоколообразно. Въ нихъ дѣлаютъ шахты, рабочая шахта, откуда достается соль, и проходная шахта.

Первая гораздо просторнѣе второй въ обдѣлкѣ и въ видѣ. Вторая тѣсно и, карата и назначается для проходания, то есть спускающагося и поднимающагося рудокопца. Въ этой шахтѣ устроены проходы, состоящіе изъ вѣсоловниковъ, связанныхъ веревками лѣстницами, и достигающіе въ отѣловомъ направленіи до для соляной паллеры. Рудокопъ спускается или поднимается по этимъ лѣстницамъ задомъ, и, встрѣчаясь съ товарищемъ, отворачивается, отступая на боковыя ступеньки, надвигая въ близкомъ разстояніи, и держась за лѣстницу.

Новыя соляныя копи имѣютъ фигуру параллелограмма. Обѣ шахты въ нихъ далеко отстоятъ отъ одного угла до другаго, и между прочимъ имѣютъ ту выгоду, что въ нихъ не пропадаетъ быть пользы та: соляная масса, которая въ старинныхъ копахъ составляетъ такъ называемое соляное небо и остается безъ употребленія. Въста проходы, въ новыхъ рудникахъ, для удобства и безопасности рудокоповъ, устроены лѣстницы съ уступами для отмыка. Существенная улучшеніе!

Каждая соляная копа, когда войти въ нее, имѣетъ видъ обширной галлерей, огромной залы. Все кругомъ, съ верха до низу, прозрачное соляное тѣло. Когда вдушіи достигаетъ конца шахты и, вылетаетъ въ глубину, падѣ какъ звѣзды мелькаютъ свѣчи рудника, ему кажется, будто онъ видитъ подземное небо, и онъ

долженъ изумиться чудесно-великому зрѣлищу, какое нѣтъ при-рода представляетъ ему въ своей утробѣ. Когда знатные туземцы спускаются въ копи, вся соляная галлерей обыкновенно иллюминуется. Видъ бываетъ величественный.

Ломка соли очень проста, но тягостна для ломающихъ. Особенно затруднительна она у стѣнъ. Рудокопъ подбиваетъ каждую соляную глыбу своимъ острымъ и закаленнымъ ломомъ, чтобы отдѣлать ее отъ нижней, обозначенной желани; потомъ зоветъ ближайшихъ рабочихъ, которые обязаны подойти и помочь товарищу. Помощь заключается въ томъ, что рабочіе выворачиваютъ отдѣленную глыбу рычагами, обыкновенно дубовыми, но иногда и желѣзными. Когда она выворочена, то рудокопъ долженъ надѣлать камней, только такъ, чтобы каждый камень вѣсилъ не меньше 50 фунтовъ и не больше одного центнера; въ противномъ случаѣ камень считается испорченнымъ и кидается, съ вычетомъ, разумѣется, за него изъ жалованья рудокopa. Навыкъ рудокopовъ обезпечиваетъ ихъ отъ такого убытка, и камни очень рѣдко портятся. Одинъ ударъ заостреннымъ ломомъ выдѣлываетъ камень, который отдѣляется отъ массы соляной глыбы.

Гораздо труднѣе подбивать глыбы въ стѣнахъ. Часто лопъ притупляется, и его должно снова заострять и закалывать. Оттого рудокopъ беретъ про запасъ съ собою нѣсколько ломовъ, чтобы работа у него не останавливалась.

Каждый рудокopъ на каждомъ камнѣ зарубаетъ свою мѣрку, чтобы получить жалованье по расчету сдѣланной работы и доставленныхъ камней. Надо удивляться, какъ смотритель замѣчаетъ и твердо знаетъ всѣ различныя гіероглифы многочисленныхъ рудокopовъ, кто какой доставилъ камень.

Когда глыба выворочена и соляные камни надѣланы, рудокopъ долженъ тщательно заровнять ломомъ мѣсто, гдѣ лежала глыба, потому что иначе копъ получитъ кривое направленіе. За упущеніе этой мѣры положено наказаніе.

Вниманіе соляныхъ камней происходитъ слѣдующимъ образомъ. Выдѣланные камни кладутся въ буйволовыя кожи или въ веревочныя сѣтки и вытягиваются изъ рабочей шахты канатомъ, обвитымъ вокругъ рабочей корзины и приврѣпленнымъ къ (перекладнѣ). Машина состоитъ изъ дубоваго стержня, пнѣющаго сверху и снизу желѣзные вертлюги въ видѣ сковородокъ; около стержня прикрѣплены толстые пороги въ видѣ плавковъ и составляютъ рабочую корзину, вокругъ которой обвить толстый канатъ,

несколько похожий на корабельный канатъ; по мѣрѣ глубины кони, онъ бываетъ и длиннѣе ста сажень, и обвить колесомъ. Этотъ канатъ привязанъ къ перекладнѣ такъ, что не можетъ сорваться. Къ перекладнѣ прицѣпляютъ крючьями приготовленную буйволую кожу, и медленно спускаютъ ее въ соляную копъ, помощью двухъ лошадей, припряженныхъ къ рабочей корзинѣ и погоняемыхъ особеннымъ рабочимъ, сидящимъ на боковой ступенькѣ. Въ кони нагружаютъ соляные камни и кожа вытаскивается вверхъ. Есть также веревочныя сѣтки, для нагрузки соли, приготовляемыя изъ поддержаныхъ канатовъ.

Чиновники ходятъ въ рудники черезъ рабочую шахту, чтобы миновать проходы. Рудокопамъ слабого здоровья также дозволяется входить и выходить черезъ рабочую шахту.

=

МОЦАРТОВЪ ДОНЪ-ЖУАНЪ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ И ПОСЛѢДНЯЯ.

=

Извѣстно, что въ февралѣ 1787 Моцартъ сдѣлалъ путешествіе въ Прагу. Его вызвалъ туда любитель музыки, старый пріятель отца, графъ Тунъ, уговорившій великаго композитора лично насладиться огромнымъ успѣхомъ въ этомъ городѣ его послѣдней оперы «*le Nozze di Figaro*». Моцартъ поспѣшилъ явиться на приглашеніе графа, который принялъ его въ собственномъ домѣ. Въ самый день пріѣзда въ Прагу, Моцартъ пошелъ въ театръ, гдѣ труппа итальянскихъ актеровъ, директируемая Бондини, пѣла очень согласно эту чудную партитуру. Когда послѣ увертюры въ залѣ распространился слухъ, что самъ Моцартъ присутствуетъ при представленіи своего образцоваго произведенія, публика осыпала его громкими восклицаніями и почти каждое мѣсто въ оперѣ заставляла съ восторгомъ повтѣрять. Въ улицахъ, въ трактирахъ, на прогулкахъ, вездѣ напѣвали мотивы «Свадьбы Фигаро». Знаменитая арія *Non piu andrai* пѣлась всѣми городскими *kellerine* и горе тому странствующему музыканту, который не сумѣлъ бы сыграть на арфѣ или на скрипкѣ эту могучую мелодію, обошедшую кругомъ свѣта. Въ отвѣтъ на благосклонный пріемъ, Моцартъ далъ концертъ въ залѣ театра, гдѣ талантъ его какъ виртуоза столько же изумилъ, какъ и геній. Когда,

въ юнкѣ вечерѣ, попросили его импровизировать на любимую тему *Non più andrai*, Моцартъ сѣлъ за фортепiano и импродолженіе нѣсколькихъ часовъ общество не переводило духу подъ его вдохновеніемъ. Моцартъ до-того былъ счастливъ тѣмъ, что его талантъ хорошо понималъ, что въ знакъ признательности своей къ жителямъ Праги, хотѣлъ сочинить оперу нарочно для нихъ, и общалъ Бовани будущей зимой написать партитуру для труппы, которую тотъ дирижировалъ, но не назначалъ заранѣе сюжета либретто, по утвержденію многихъ бюргеровъ.

По возвращеніи въ Вѣну, Моцартъ, озабоченный заключеннымъ обязательствомъ и желая выполнить условія капитальнымъ твореніемъ, которое было бы блистательнымъ свидѣтельствомъ его признательности къ жителямъ Праги, пошелъ къ сотруднику, написавшему либретто «Свадьбы Фигаро». Лоренцо да-Повте, занимававшій ннѣ это отъ епископа, своего благодѣтеля, родился въ Ченедо, городкѣ Венеціанскихъ штатовъ, десятаго марта 1749. Происходя отъ очень бѣднаго семейства, онъ былъ оставленъ безъ всякаго образованія до четырнадцати лѣтъ, потомъ его взяли изъ милости въ семинарію роднаго города, откуда онъ вышелъ черезъ пять лѣтъ, довольно хорошо кончивъ науки и побѣжалъ въ Венецію искать счастья перомъ.

Картина венеціанскаго общества во второй половинѣ осемнадцатаго столѣтія была самая любопытная, какую только представляетъ исторія. Аристократія сблизилась съ народомъ самымъ кроткимъ, самымъ общежительнымъ на землѣ. Здѣсь смѣшались надъ прошедшимъ, надъ будущимъ, наслаждались настоящимъ, отличнымъ столомъ, игрой, хорошенекими женщинами и музыкой въ прелестныя ночи на лагунахъ. Прочь заботы и угрызения! Это была толкотня виквизиторовъ, полишинелей, чичисбеевъ, которые ѣли, пили, смѣшались, танцевали, едва переводя духъ. Это былъ шумъ оглушительный, веселый маскарадъ жизни, одна изъ тѣхъ огромныхъ анархій, которыя предзнаменуютъ конецъ народовъ. Венеція была городомъ спектаклей, игръ, любви, женщины были и граціозны, вельможи богаты, образованы, остроумны, народъ веселъ и добръ. Сбѣгались со всѣхъ сторонъ свѣта ушваться въномъ, расточать золото и терять рассудокъ на этомъ очаровательномъ островѣ. Во время карнавала весь городъ переряжался и безумно предавался удовольствію. Народъ толпился на лагунахъ, на площади Святаго Марка; въ казино, изящныхъ обитальцахъ сладострастія. Сколько веселости, сколько упоенія, сколь-

ко долгихъ поцѣлуевъ, данныхъ и вкушасныхъ въ тѣни! «О Венеція! о славная царица Адриатики! воскликаетъ одинъ поэтъ, ты — улыбка міра! (tu sei il sorriso del mondo)»! Подобно пераблю, готовому опрокинуться въ мрачную ночь, Венеція убила корну свою цѣтани и алюминировала все, даже верхнюю часть, прежде чѣмъ исчезла навсегда въ лучшия моря.

Пріѣхавъ въ этотъ несравненный городъ, среди вихрю безумствъ и очарованій, Лоренцо да Понте тотчасъ влюбился въ хорошенькую Венеціанку, которая внушила ему пренныя сны. Черезъ нѣсколько времени послѣ этого приключенія, одна прелестная иностранка овладѣла его сердцемъ, но онъ не рѣшился на разрывъ съ первымъ предметомъ своей привязанности. И вотъ онъ весело поживаетъ между двумя женщинами, стараясь заслужить нѣжное благоволеніе обѣихъ, и обѣихъ обмануть. А между-тѣмъ, разгуливая съ своей фантазіей изъ казино въ казино, изъ театра въ театръ, чтобы вести ѣдкіе литературные споры, съ аббатомъ Кіарп, смѣются надъ вѣкомъ и пересмѣивать съ другомъ своимъ Карломъ Гоцци комедіи Гольдони, *imprastate*, говорилъ онъ, холодной и плачевной моралью. Погруженный въ любовныя и литературныя интриги, играя въ большую игру, сражаясь на дуэли, ссорясь то за женщину, то за эниграмму, онъ пускалъ душу свою и молодость летать по волѣ самыхъ противныхъ вѣтровъ, но вдругъ любовныя грезы его возмутились. Инквизиторъ похитилъ у него прелестную иностранку и принудилъ поспѣшно оставить Венецію. Онъ бѣжалъ въ Тревизо, и тамошній епископъ назначилъ его преподавателемъ реторику въ городской гимназіи. Новыя сердечныя тревоги и нѣсколько дерзкихъ словъ принудили его бѣжать изъ Венеціанскихъ штатовъ. Онъ отправился въ Гёрцъ, и едва остановился въ лучшей городской гостинницѣ, какъ тотчасъ влюбился въ хозяйку, которая не могла устоять противъ обольщеній его ума, противъ юности, исполненной изящества. Онъ провелъ въ этомъ маленькомъ уголкѣ земли нѣсколько дней скромнаго наслажденія, которыя считалъ прекраснѣйшими въ своей жизни; но скоро принужденъ былъ еще разъ прервать этотъ новый эпизодъ чувства, вѣчнаго въ своемъ источникѣ, и бѣжать отъ враговъ, привлеченныхъ зрѣлищемъ его счастья и извительностью ума. Лоренцо да Понте отправился прямо въ Дрезденъ, прелестный городъ, заключавшій въ климатѣ умѣренномъ все обольщенія и все благоуханіе южныхъ странъ. Онъ тотчасъ предался тамъ пылу своихъ желаній, велечасъ за брюнетками и за блондинками, за Итальянками и за Нѣм-

дѣла, за клягннями и за prime-donne, которымъ прежде всего предпочиталъ giovin principiante, какъ послѣ признался устами Лесорелло. Онъ сталъ наперсникомъ двухъ сестеръ, которыя попеременно принимали его въ одномъ и томъ же тайникѣ, и которыхъ простодушіе обманывалъ онъ нѣсколько времени; но въ одинъ прекрасный день онъ напустился на него какъ дона Анна и дона Эльвира, и проклятія ихъ, вмѣстѣ и яростныя и вѣжныя, принудили его укрыться въ Вѣну, съ едипственнымъ достоинствомъ — рекомендательнымъ письмомъ поэта Катарино Маццола къ композитору Сарти. Тотъ представилъ да-Понте императору Юзефу-Второму, который особенно любилъ итальянскую музыку и поэзію и взялъ его какъ своего лавровѣчаннаго поэта на мѣсто Метастазія, только что умершаго. Вотъ онъ любимый поэтъ могущественнаго государя, въ городѣ, который былъ тогда центромъ большаго музыкальнаго движенія новѣйшихъ временъ. Можно было подумать, что самая бурная часть судьбы этого страннаго человѣка уже совершилась, но тому, кто набросалъ первыя черты характера дона-Жуана, было предназначено влечь свою безнокойную душу по всѣмъ берегамъ и спуститься до самой крайней ступени длинной лѣстницы жизненныхъ бѣдствій.

Послѣ смерти императора Юзефа-Второго, котораго благосклонность постоянно его поддерживала, новая интрига съ знатной дмою и ожесточенная непріязнь поэта Касты, автора «Говорящихъ Животныхъ», очень любимаго Юзефомъ Вторымъ, принудили да-Понте оставить Вѣну и Германію. Проѣздомъ чрезъ Триестъ онъ увезъ прелестную молодую Англичанку, una bella inglesina, говоритъ онъ, съ которой пріѣхалъ въ Парижъ въ августъ 1792. Онъ недолго оставался въ этомъ опустошенномъ городѣ, гдѣ вмѣсто изящныхъ удовольствій, за которыми пріѣхалъ, нашелъ отвратительное зрѣлище разъяренной демагогіи. Поскорѣй убрался онъ въ Лондонъ, гдѣ жилъ десять лѣтъ, преподавая съ успѣхомъ итальянскій языкъ. Неизвѣстно, какое еще происшествіе могло опять возмутить участь этого страннаго человѣка, котораго судьба какъ будто осудила на вѣчное движеніе; но онъ вдругъ оставилъ Лондонъ и отправился въ Соединенные Штаты, пятаго марта 1803. Въ Нью-Йоркѣ поселился онъ какъ профессоръ итальянской литературы, сдѣлался любимцемъ этихъ бѣлыхъ и холодныхъ жевщницъ, которыхъ пуританскую душу разгорячилъ лучемъ поэзіи и любви. Да-Понте начиналъ мучительно чувствовать тяжесть возраста и неблаговоленіе, навлеченное на него непостоянствомъ привязанностей, среди скучнаго и суро-

заго народа, когда по неожиданному участию онъ узналъ, что Гарсія, единственный великій артистъ въ Европѣ, который умѣлъ понять и передать характеръ донъ-Жуана, прѣхалъ къ семействомъ въ Нью-Йоркъ. Съ сердцемъ, возмозванннмъ какъ въ двадцать лѣтъ, онъ побѣжалъ къ артисту, котораго никогда не видалъ и отрекомендовался слѣдующимъ образомъ:

— Я Лоренцо да-Понте, авторъ либретто «Донъ-Жуана», другъ Моцарта.

Гарсія вспрыгнулъ отъ радости, бросился на шею къ понту и началъ пѣть полнымъ голосомъ:

Fin ch' han dal vino
Calda la testa,
Una gran festa
Fa preparar.

Они тотчасъ условились поставить на нью-йоркскій театр образцовое произведеніе Моцарта; но доставало тенора для роли донъ-Оттавіо; какъ быть? Да-Понте посредствомъ стараний и просьбъ — нашелъ любителя музыки, согласившагося уничтожить препятствіе. Такимъ-образомъ въ Нью-Йоркъ было представлено въ первый разъ это колоссальное твореніе. Гарсія игралъ роль донъ-Жуана, а знаменитая дочь его, которая не была еще Малибранъ, роль Церлины. Это былъ послѣдній прекрасный день въ жизни Лоренцо да-Понте. Прежде чѣмъ одиноко онъ умеръ на этой холодной и негостепривимой землѣ, вдали отъ своей милой Венеціи, отъ блаженнаго неба, подъ которымъ родился, онъ могъ еще разъ увидѣть восхитительныя грезы, очаровывавшія его молодость. Онъ умеръ въ Нью-Йоркъ семнадцатаго августа 1838, девяноста лѣтъ отъ роду, въ глубокой бѣдности.

Возвратившись изъ Праги въ Вѣну въ итерпѣтнн найти либретриста, Моцартъ не могъ въ къ кому лучше обратиться, какъ къ да-Понте. Они уже видѣлись въ первый разъ въ 1785, въ домѣ барона Вецлара. Эти два человека, столь различные по характеру, по воспитанію, по превратностямъ своей судьбы, по отечеству, какъ-будто сблизились волей высшею, чтобы создать образцовое твореніе, гдѣ отражается геній двухъ народовъ, смущеніе и томность издыхающаго образованія. Лоренцо да-Понте показывалъ себя въ большомъ восторгѣ отъ Моцарта. Въ частыхъ сообщеніяхъ, въ дружескихъ изліяніяхъ, которыя необходимо размножаются между сотрудниками, итальянскій поэтъ на-

шесть тысячъ служебъ извѣдать живую и глубокую душу композитора; ему извѣстны были ея тайства, онъ зналъ, какими волшебными словами можно извлечь изъ нея самыя высокія аккорды. Умъ Моцарта, довольно образованный — онъ говорил по-французски и по-итальянски такъ же легко, какъ и на родномъ языкѣ — знаніе поэта, тактъ, провинциальности, съ какою онъ схватывалъ отѣны характеровъ и истинныя условія лирической драмы, также живо поразили да-Понте. Моцартъ принялъ большое участіе въ общемъ распредѣленіи либретто «Nozze di Figaro» и перенеска съ одною содержитъ объ этомъ предметѣ множество тонкихъ размышленій, изъ которыхъ можно бы составить цѣлую эстетику музыкальнаго искусства. Вотъ одно разсужденіе, въ которомъ содержится теорія Моцарта о лирической драмѣ: «Сильныя страсти, говоритъ онъ, никогда... не должны быть выражены до того, чтобы возбудить отвращеніе. Даже въ положеніяхъ ужасныхъ, музыка никогда не должна уязвлять ухо и перестать быть музыкой.» Платонъ не сказалъ бы лучше. Этому ученію древности объ изящныхъ искусствахъ слѣдовали Вергилій и Раблль; оно различно отъ правилъ Глюка, который, напротивъ хотѣлъ, чтобы музыка буквально передавала слова. Правило Глюка и французской школы доказываетъ, что поселись Моцартъ въ Парижѣ, онъ не создалъ бы «Донъ-Жуана».

Когда Моцартъ увѣдомилъ Лоренцо да-Понте о заключенномъ обязательствѣ въ Прагѣ съ директоромъ Бондини, итальянскій поэтъ уже набросалъ на бумагу планъ либретто, котораго сюжетъ давно оставилъ его вниманіе и которое онъ тайнѣ назначалъ своему любимому музыканту, автору «Nozze di Figaro». Конечно не станутъ удивляться, что Лоренцо да-Понте, котораго жизнь, полную смѣлыхъ приключеній, причудъ и прелестныхъ разгуловъ мы рассказали, что этотъ неустрашимый забияка, всегда рыскавшій по вѣтру съ зыгграммой на губахъ, что этотъ неукротимый гуляка, подобно своему соотечественнику и современнику Казановѣ, носившій вездѣ съ собою безпокойство ума и безпорядокъ чувствъ, былъ рано привлеченъ къ характеру донъ-Жуана. Это было собственное его изображеніе, воплощеніе поэзіи и нравовъ Венеціи, гдѣ онъ провелъ лучшіе годы молодости. Назначая Моцарта къ драмѣ, гдѣ, естественно, должны были отразиться грезы его жизни и вдохновенія вѣка, да-Понте далъ доказательство удивительной провинциальности. Онъ угадалъ, что этотъ меланхолическій гений, вмѣстѣ и благочестивый

и вѣжливый, котораго добросердечная веселость облепила все жала саркастическаго ума Бомарше и преобразовала политическую комедію въ идиллію, полную изящества и чувства, еще не нашель драматической рамки, приличествующей истинному направлению его сущности и богатству воображенія. И потому поэтъ и музыкантъ скоро согласились въ сюжетѣ либретто. Да-Понте тотчасъ принялся за работу, трудясь въ особенной ночи, при блѣдномъ свѣтѣ трепетной свѣчки, бросающей въ его комнату таинственную тѣнь, и съ этой поэтической лихорадкой, съ которой обдѣлывается любимый сюжетъ. На столѣ у него лежалъ «Адъ» Данта, стояла бутылка токайскаго, а сзади сидѣла шестнадцатилѣтняя дѣвушка, служившая ему съ преданностью и любовью. По-мѣрѣ того какъ онъ оканчивалъ сцену, сообщалъ ее композитору, отъ котораго получалъ совѣты съ величайшей уступчивостью.

Лоренцо да-Понте взялъ основаніе своего либретто изъ «Тирсо» Молины и изъ образцоваго произведенія Мольера. Онъ хотѣлъ совокупить и растопить въ гармоническомъ цѣломъ религіозный оттѣнокъ испанскаго автора и глубину французскаго поэта. Это значило хорошо понять гений Моцарта. За сюжетъ «Донъ-Жуана» принимались Риггини изъ Боловн, Чмароза, Тритта, Венеціанецъ Гаццанига и испытывали свои силы на этой плодотворной темѣ, которая съ давняго времени принадлежала къ репертуару итальянской комедіи. Гольдонн написалъ комедію, представленную въ Венеціи осенью 1786. «Донъ Жуанъ» Гаццаниги, очень извѣстный въ Италіи, былъ данъ въ Парижѣ въ 1791. Керубини, бывшій тогда пианистомъ Итальянскаго Театра, привнесъ къ этой оперѣ превосходный квартетъ, котораго рукопись находится теперѣ въ рукахъ Циммермана.

Характеръ донъ-Жуана былъ предметомъ многочисленныхъ толковъ. Критика часто разсматривала вопросъ, былъ ли Молина настоящимъ творцомъ этого типа матажной страсти и что могъ замѣствовать у испанскаго писателя авторъ «Мизантропа». Для насъ не можетъ быть никакого сомнѣнія о происхожденіи этого страннаго характера; онъ вышелъ живьемъ изъ легенды среднихъ вѣковъ, оплодотворенной испанскимъ воображеніемъ и народной фантазіей. Оттуда-то и почерпалъ его исторію первый и неизвѣстный испанскій летописецъ, занимавшійся этимъ героическимъ лицомъ. Тоже въ этой легендѣ, извѣстной воображеніемъ германскаго народа, нашель Гёте метафизическій характеръ донъ-

тора Фауста. Три условія дѣйствительно необходимы, чтобы характеръ донъ-Жуана могъ существовать и явиться на сценѣ. 1) Вѣра, отвергающая плотъ и чувственные излишества, 2) уваженіе къ сунругѣ, предписываемое законами и вошедшее въ нравы народныя, и 3) необузданность страсти къ непозволительнымъ наслажденіямъ, подстрекаемой самымъ запрещеніемъ. Въ Греціи, при язычествѣ, когда чувственность одобрялась религіей, донъ-Жуанъ былъ невозможенъ на сценѣ. Преступленія этого повѣйшаго сибарита почитались бы у древнихъ судей, много, много, шалостями классическаго молодца.

Извѣстно, что многобожіе было не что иное, какъ обоготвореніе силъ, дѣйствующихъ въ природѣ. Конечно появлялись секты, предписывавшія или уважавшіяся умѣренность и чистоту нравовъ, но это было только умозрѣніе философовъ, одичавшихъ въ удивленіи и безъ вліянія на общество. Христіанская религія первая обузда плотъ и возвела чистоту чувства въ санъ добродѣтели. Угрожаемая желанія разгораются часто еще болѣе отъ запрета и принужденія, и становятся страшною двигательной силой для души, помраченной гордостью, любовь — дочь воздержности; отказы цѣломудрія поддерживаютъ ея пламя, но она умираетъ въ незатрудненныхъ наслажденіяхъ. Какъ счастье, любовь бѣжитъ крайностей, расцвѣтаетъ во всей своей граціи только среди воздержанія, и гдѣ нѣтъ нравственнаго обузданія, нѣтъ и истинной любви. Вотъ почему именно въ Испаніи, въ странѣ жгучихъ страстей, гдѣ католицизмъ развилъ всю строгость своего ученія, вотъ почему среди этого религіознаго и рыцарскаго народа, для котораго женщина была предметомъ вмѣстѣ и желаній и ревниваго обожанія, вотъ почему среди нравовъ, которые произвели вѣжную поэзію «Romancego» и инквизицію, гдѣ идеалъ любви былъ любовью въ бракъ, долженъ былъ родиться донъ Жуанъ. Переведа испанскій типъ на французскую сцену, Мольеръ измѣнилъ его первоначальный характеръ, лишилъ очарованія католической поэзіи. Мольеровъ Донъ-Жуанъ уже не тотъ молодой человѣкъ, который, увлекаясь пыломъ страстей къ пренебреженію нравственныхъ законовъ, сознаетъ, что настанетъ день, когда ему придется отдать отчетъ въ своей жизни Судіѣ высшему, но кутить очертя голову и закрываетъ глаза, говоря: Время еще не ушло. Мольеровъ Донъ-Жуанъ, напротивъ — холодный софистъ, который разсуждаетъ и разсчитываетъ свои поступки, глубокій лицемеръ, который закутывается плащомъ страсти и добродѣтели, чтобы лучше обмануть свои жертвы, наконецъ, атеистъ,

который гнрить только силѣ. Слово ученикъ Энниуса и Га-
сеода, укрѣпленный чтеніемъ Экобара.

Не таковъ герой Моцарта: молодой, красивый, богатый, не-
устрашимый, съ сердцемъ, наполненнымъ безконечными, желаніи-
ми, съ челою отягченнымъ бурями, онъ ходитъ свободно в са-
шлагой къ рукѣ, опрокидываетъ преграды, которыя противят-
ся исполненію его предриатій. Чего онъ хочетъ? Куда идетъ?
Родившись въ концѣ дерзкаго вѣка, который на все задаетъ во-
просъ, предъшаясь новымъ ученіемъ, которое воссламляетъ мо-
гущество челоѣческаго ума, научая, что ощущеніе есть един-
ственный источникъ знанія, съ сердцемъ, напыщеннымъ горды-
стью, съ воображеніемъ, пораженнымъ отдаленнымъ блескомъ,
рождающагося идеала, онъ покидаетъ семейство, общество, и со-
щкой, еще влажной отъ пощья матеря, бросается въ захра-
нидизьнаго будущаго. Довѣрая своей силѣ, довѣрая мнѣнію,
прославляющимъ все страсти, онъ идетъ впередъ съ блистающимъ
воромъ, при звукѣ веселыхъ трубъ и литавръ, поетъ, свѣтосла-
дуетъ волю всѣмъ своимъ побужденіямъ, гонится за удоволь-
ствіемъ безъ стыда, безъ угрызенія. Увлекаемый восторгомъ юве-
сти и стремленіемъ героическаго покаянія, онъ ищетъ высшаго сча-
стія, унижается у горькихъ источниковъ матеріальными слад-
оствіемъ к безграничной свободой. Но при каждомъ востор-
жнн, совершенномъ на дорогѣ, земля дрожитъ подъ его ногоулами,
блужданн, слышатся злобщій шумъ, совѣсть его смущается, зло-
бное отвращеніе овладѣваетъ сердцемъ, смѣхъ замираетъ, не-
жестивыхъ губахъ и невидимыя силы нравственнаго міра кри-
чатъ ему со всѣхъ сторонъ: «Донъ-Жуанъ, донъ-Жуанъ, часть
твоя настала, *scelerato*!» — Да, часть твоя настала, потому что
ты пошелъ по дорогѣ къ смерти. Ты поднялъ слишкомъ высоко,
что пощья, вырванный у обольщенной женщины, вмѣсто того
чтобы утолить пожирающую тебя жажду, есть ядъ, кото-
рый жжетъ и сушитъ все жизненные источники. Любовь, вѣтъ без-
вѣрности сердца. Счастіе, которое ты отыскивалъ въ безгранич-
номъ сладострастіи, находится, напротивъ, въ поддержаннхъ
желаній, а безконечность, ускользающая у насъ изъ рукъ, можетъ
удавать только чистая совѣсть, которой божественныя надежды
вдвчатъ, она.

«Фаустъ» и «Донъ-Жуанъ» типы, двухъ крайнихъ честолюбій,
двое выраженіе, двухъ заблужденій челоѣческой природы. Пер-
вый ищетъ счастья въ развитіи однихъ способностей ума, въ от-
шельничествѣ чистаго разума, гдѣ кружится голова его. Онъ на-

ходить успокоеніе пожирающей его лихорадки только на простое сердечной груди бѣдной Маргариты. Другой, напротивъ весь погружается въ вещественность, воображая, что выйдетъ оттуда какъ Ахиллъ, закаленный и блистающій безсмертною юностью, но умираетъ отъ пресыщенія и угрызений. Рѣзкія олицетворенія бурной эпохи, Фаустъ и Донъ-Жуанъ бросаются въ одинъ день изъ вѣды осемнадцатаго столѣтія, и исполненные его смѣлымъ духомъ, его безсмертными надеждами, стараются захватить безконечное, одинъ въ тысячѣ феноменахъ вещественности, другой въ отвлеченіяхъ мысли. Оба гибнутъ; счастье, за которыми они гонятся, ускользаетъ, потому что они возмутили порядокъ дѣлъ Божіихъ, потому что разорвали единство жизни и забыли, что человѣкъ прежде всего есть разумъ, оплодотворенный чувствомъ.

Въ ту эпоху, когда Моцартъ располагался писать музыку «Донъ-Жуана», ему былъ тридцать-одинъ годъ. Онъ достигъ того высшаго часу въ жизни великаго артиста, когда рука, говорилъ онъ, можетъ бѣгло писать подъ диктовку сердца и осуществлять мечты гения. Его глубоко религіозный умъ, часто сердечное благочестіе, на ослабленные даже юными безпорядками, къ которымъ онъ впалъ съ отчаяніемъ въ послѣдніе дни своей жизни, какъ-будто смутно предчувствовали приближеніе бурнаго времени, которое разрушить все, что онъ обожалъ. Частныя неудовольствія еще увеличили его природную грусть. Моцартъ лишился отца, который умеръ въ Зальцбургѣ, 28 мая 1787 года, семидесяти лѣтъ, въ состояніи, близкомъ къ бѣдности, но считая себя счастливымъ передъ Богомъ и передъ людьми, что исполнилъ свое назначеніе, и далъ міру самаго великаго композитора. Леопольдъ Моцартъ послѣдилъ сына въ Вѣну, въ концѣ 1785 года. Тогда онъ видѣлся въ послѣдній разъ. По смерти обожаемаго отца, Моцартъ написалъ къ сестрѣ трогательное письмо, гдѣ мы замѣтимъ слѣдующее мѣсто: «Какъ смерть, если размыслишь, кажется настоящей цѣлью жизни!... Я такъ сраженъ съ этой идеей, что никогда не дожусь, не подумаю, что можетъ-быть уже не увижу сладостнаго дневнаго свѣту!»... Черезъ нѣсколько времени послѣ этого происшествія, Моцартъ охваченъ недугомъ, и едва успѣлъ выздоровѣть, какъ новая горестъ постигла его — смерть лучшаго друга, доктора Сигмунда Барзани, перваго врача въ вѣнскомъ госпиталѣ, котораго проевѣщныя и дружескія пошеченія много способствовали къ подкрѣпленію его слабаго здоровья. Эта новая потеря произвела на Мо-

парта глубокое впечатлѣніе. Вотъ что писалъ онъ объ этомъ въ своемъ альбомѣ: «Сегодня, 2 сентября, 1787 года, я имѣлъ несчастье лишиться, въ слѣдствіе скоропостижной смерти, благороднаго человѣка, лучшаго и самого драгоценнаго изъ друзей, спасителя моей жизни. Онъ счастливъ, а я и всѣ тѣ, которые его знали, мы не можемъ быть счастливы до-тѣхъ-поръ, какъ встретимся съ нимъ въ мірѣ лучшемъ, чтобы уже никогда не разлучаться».

Пораженный вдругъ во всемъ, что у него было драгоценнѣйшаго на свѣтѣ, Моцартъ ощутилъ въ себѣ упадокъ духа. Предчувствіе близкаго конца мало-по-малу овладѣло его душою. Тайный голосъ какъ будто говорилъ ему, что надо торопиться довершить свой подвигъ. Кроткая грусть омрачала взоръ его, обыкновенно омоченный слезами, гдѣ можно было прочесть сожалѣніе о жизни, ускользавшей отъ него въ цвѣтѣ лѣтъ и въ зрѣлости таланта. Въ такомъ то расположеніи уѣхалъ онъ въ Прагу съ либретто «Don Giovanni», котораго начерталъ главные идеи уже, и нѣсколько мѣстъ даже окончилъ. Съ женою и сотрудникомъ Лоренцо да-Понте, онъ сначала остановился въ гостиницѣ Трехъ-Львовъ на Шарбонской площади, а черезъ нѣсколько дней перешелъ въ домъ друга своего Дуссека, на конецъ живописнаго предмѣстья, господствовавшаго надъ городомъ. Тамъ-то, въ хорошо освѣщенной комнатѣ, съ веселымъ видомъ изъ оконъ, на красные виноградники съ плодами, благоуханіемъ и желтѣющими листьями, гдѣ умирала меланхолическіе лучи осенняго солнца, тамъ-то Моцартъ окончилъ поэму, въ которой еще стоитъ его безсмертная душа. Моцартъ, какъ Бетговенъ, любилъ работать и находилъ самыя счастливыя свои вдохновенія, въ спокойныя часы ночи. Отдѣляясь отъ вѣшняго міра, сбросивъ пошлыя житейскія заботы, блуждая взволнованнымъ взоромъ по безграничности небесъ, въ вѣду своихъ фортепіанъ и своего идеала, онъ предавался вдохновенію чувства, уносящаго его на божественныхъ крылахъ своихъ.

Составъ труппы Бондини, для которой Моцартъ написалъ свое образцовое произведеніе, былъ самый удовлетворительный. Вотъ какъ розданы были роли: Донъ-Жуанъ — синьоръ Басси, двадцати двухъ лѣтъ, прекрасный баритонъ, превосходный пѣвецъ и комикъ; дона Анна — синьора Тереза Сапорити, великолѣпный soprano-sfogato; дона Эльвира — синьора Катарина Мичелли, талантъ, исполненный экспрессія; Церлипа — синьора Тереза Бондини, жена директора; донь Оттавіо — синьоръ Антоніо Баліо-

ни, пріятный и гибкій теноръ; Лепорелло — сивьоръ Феличе Понциани, превосходный basso comico; донъ-Педро и Мазетто — сивьоръ Джузеппе Росси. Моцартъ дирижировалъ всѣми репетиціями, призывалъ къ себѣ пѣвцовъ, давалъ совѣты, какъ выполнить то или другое мѣсто, объяснялъ характеръ представляемаго ими лица, былъ очень взыскателевъ на счетъ отдѣлки подробностей и точности цѣлаго, и часто упрекалъ виртуозовъ въ излишнемъ ускореніи движеній, и въ томъ, что они своей итальянской пылкостью вредятъ граціи его мелодій. На первой общей репетиціи, будучи недоволенъ, какъ сивьора Бондини выразила ужасъ Церрини въ финалѣ перваго акта, когда, увлекаемая донъ-Жуаномъ, она испускаетъ высокій вопль отчаяннаго цѣломудрія, Моцартъ вдругъ оставилъ оркестръ и вошелъ на сцену. Приказавъ начать финалъ съ *ritueto* въ три четверти, онъ спрятался за кулисы и дождался того мѣста въ пьесѣ, о которомъ мы говоримъ, и вдругъ кинулся на Бондини, которая чрезвычайно испугавшись, пронзительно закричала: «Вотъ такъ хорошо, сказалъ онъ, именно такъ надо кричать». Когда дошли до сцены втораго акта, гдѣ донъ-Жуанъ обращается къ статуѣ командора, которая отвѣчаетъ ему: *Di rider spigai...* этому речитативу, съ такимъ чудеснымъ и характеристическимъ размѣромъ, сначала аккомпанировали только три тромбона. Какъ одинъ изъ тромбонистовъ бралъ всегда фальшиво, Моцартъ подошелъ къ его пюпитру, чтобы объяснить, какъ надо играть. Музыкантъ, оскорбленный въ своемъ самолюбіи, отвѣчалъ ему колко: «Такъ на тромбонѣ не играютъ, и не отъ васъ научусь я, какъ играть». — «Вы правы, отвѣчалъ смѣясь Моцартъ: сохрани Богъ, чтобы я хотѣлъ васъ учить тому, чтѣ вы знаете лучше моего! но потрудитесь дать мнѣ на минуту вашу партиту, я это аранжирую по-удобнѣ».... И однимъ взмахомъ пера прибавилъ къ первоначальному аккомпаньменту три гобоя, три кларнета и три фагота.

Извѣстно какъ написана увертюра «Донъ-Жуана». Наканувъ перваго представленія Моцартъ весело провелъ вечеръ съ друзьями. Одинъ изъ нихъ сказалъ ему: «Вѣдь завтра назначено представленіе «Донъ Жуана», а ты еще не кончилъ увертюру!» Моцартъ притворился безпокойнымъ, ушелъ въ свою комнату, гдѣ были припасены нотная бумага, перья и чернила, и принялся сочинять около полуночи. Жена его, сидѣвшая возлѣ, приготовила ему стаканъ пуншу, котораго дѣйствіе, вмѣстѣ съ чрезвычайнымъ утомленіемъ, часто усыпляло бѣднаго Моцарта. Чтобы онъ

не заснулъ, жена начала мочить изморъ, и черезъ три часа онъ обонялъ эту чудную симфонію. Однако, какъ ризень справедливо замѣчаетъ господинъ Улыбышевъ, это чудо можетъ быть только велико, какъ думаютъ. Моцартъ, такъ какъ Россдди, имѣя при вычку сочинять въ умѣ большія пьесы, долго сохранялъ ихъ въ памяти, и когда начиналъ писать, онъ только копировалъ. Вѣроятно, это такими образомъ сочинена увертюра «Донъ Жуана». На другой день, въ семь часовъ вечера, незадолго до полдня заданъса, переписчики еще не кончили переписывать партіи оркестра. Едва принесли они еще влажные листки, Моцартъ пошелъ въ оркестръ и сѣлъ за фортеціано при многочисленнымъ рукопещкавшимъ. Хотя музыканты не дѣли еще времени утвердить увертюру, они выполняли ее съ перваго взгляду подъ руководствомъ искуснаго капельмейстера Штробаха, съ такою точностью, что раздались врывы энтузіазма въ публикѣ. Показавъ Лепорелло пѣль интродукцію, Моцартъ сказалъ сосѣдямъ: «Нѣсколько нотъ свалилось подъ пюпитры, однако увертюра хорошо сошла».

Успѣхъ «Донъ Жуана» былъ неможірный: каждое мѣсто заставляли повторить, и Прага явилась достойною образцоваго произведенія, которымъ подарилъ ее великій человекъ. Оперу «Донъ Жуанъ» представляла постоянно впродолженіе пятнадцати лѣтъ труппа итальянскихъ пѣвцовъ, въ Лейпцигѣ и Прагѣ; потомъ она переведена на чешскій языкъ и сдѣлалась понятною народу, оцѣнившему ее также хорошо, какъ и высшіе классы, для которыхъ она была сочинена.

«Донъ Жуана» представили въ Вѣнѣ, въ 1788 году. Моцартъ прибавилъ къ первоначальной партитурѣ четыре новыя мѣста: первое, арію Лепорелло во второмъ актѣ: «Ah! pietà signori miei!» второе, дуэтъ между Лепорелло и Церлиной: «Per queste tue manine»; третье, арію донны Эльвиры: «Mi tradi quell' alma ingrata»; четвертое, арію донна-Оттавіо: «Della sua pace». Эта партитура не имѣла въ Вѣнѣ такого громкаго успѣха, какъ въ столицѣ Богеміи. Ее поняли только умы избранные, знатоки искусства; публика осталась почти равнодушною передъ такимъ великимъ чудомъ. Она бѣгала толпами аплодировать «Тагаге» Саліери, котораго даже имя забыто, и оставала донну Анну заливать свою горестъ въ пустой залѣ. Моцартъ, который всегда сознавалъ свой гевій и зналъ, что «Донъ Жуанъ» былъ совершеннымъ его выраженіемъ, говорилъ, чтобы утѣшиться въ равнодушіи вѣнской публики: — «Донъ Жуанъ» сочиненъ для жителей Праги, для

нѣкоторыхъ друзей моихъ и, въ особенности, для меня». — Однажды, когда оперу «Донъ-Жуанъ» критиковали съ горечью передъ Гайдномъ, тотъ отвѣчалъ съ скромностью мастера своего дѣла: «Трудно рѣшить, кто взя вась правъ, господа; я могу только сказать, что Моцартъ самый великій изъ существующихъ композиторовъ».

«Донъ-Жуанъ» былъ представленъ въ Берлинѣ 12 октября 1791 года. Исключая двухъ знаменитыхъ критиковъ, Рейхарда и Рундмана, которые достойно оцѣнили образцовое произведеніе Моцарта, это великолѣпное твореніе прошло незамѣченнымъ обыкновенной публикой. Моцартъ не могъ насладиться невыразимымъ счастьемъ — слышать, что понимаютъ какъ самъ онъ постигала драму своего сердца. Это почти всегда случается съ великими зарожденіями человеческого ума, которые опережаютъ время и предназначаются образовать вкусъ потомства. Только послѣ смерти великаго композитора, начиная съ первыхъ годовъ этого столѣтія, соотечественники Моцарта начали понимать музыку «Донъ-Жуана», которая съ-тѣхъ-поръ распространилась во всей сѣверной Европѣ. Въ Петербургѣ, Москвѣ и въ Лондонѣ «Донъ-Жуанъ» сдѣлался любимой оперой той части высшаго класса общества, которая занимается изящными искусствами. Въ Италию онъ проникнулъ только въ 1814 году. Нужно было употребить цѣлые мѣсяцы труднаго изученія, прежде чѣмъ общество избранныхъ любителей успѣло сносно разобрать его; но никогда ни итальянскій, ни другіе южные народы не могли свыкнуться съ этой музыкой, такъ высоко умственной. Итальянскіе виртуозы, кромѣ рѣдкихъ исключеній, всегда были непріязненны къ гению Моцарта; недавно еще одна знаменитая пѣвица сказала на репетиціи «Донъ-Жуана»: — «Non capisco niente a questa maledetta musica!» — Слава Моцарта распространилась во Франціи очень рано. Опера «Свадьба Фигаро» была переведена и представлена среди бурь 1793. Нѣсколько лѣтъ позже одинъ arrangeur недостойнымъ образомъ исковеркалъ партитуру «Il Flauto magico», которую также давали въ Большой Оперѣ, подъ заглавіемъ: «Mystères d'Isis». Въ 1810 году пріѣхала въ Парижъ труппа нѣмецкихъ пѣвцовъ; между ними находилась госпожа Ланге, которая была не кто другая, какъ Алоиза Веберъ, предметъ первой любви Моцарта. Эта труппа давала представленія на театрѣ Старого Города, принявшаго названіе Théâtre-Mozart, нѣкоторыхъ изъ оперъ великаго композитора на нѣмецкомъ языкѣ; но только въ 1811 году «Донъ-Жуанъ» явился на Итальянскомъ Театрѣ въ

Парижѣ. Съ-тѣхъ-поръ за него принимаются время отъ времени, хотя слишкомъ рѣдко для небольшого числа посвященныхъ, умѣющихъ оцѣнить его таинственные красоты.

Безъ-сомнѣнія вы не забыли, что Моцартъ сочинилъ увертюру «Донъ-Жуана» въ ночь, передъ первымъ представленіемъ. Ему достаточно было нѣсколькихъ часовъ, чтобы сосредоточить въ предисловіи, исполненномъ величія, общее выраженіе созданной имъ драмы. «Если, какъ очень хорошо сказалъ Руссѣ, хорошо обдуманная увертюра должна приготовить сердца зрителей къ тому, чтобы они безъ усилія открылись къ предначертанному интересу, то увертюра «Донъ-Жуана» самая совершенная изъ всѣхъ существующихъ увертюръ. Съ первыхъ аккордовъ, глухо отрыванныхъ всѣмъ оркестромъ, въ тонѣ *ré-mineur*, душа предугадывается, что будетъ присутствовать при горестномъ зрѣніи. Скрипки скоро отдѣляются отъ инструментальной массы, чтобы произвестъ арпеджіями и отрывистыми фигурами легкой шумъ, таинственно-сладостный мелодическій вздохъ, который Моцартъ очень любитъ, потому что онъ часто встрѣчается въ его твореніяхъ какъ основная нота его любящаго и огорченнаго сердца. Оркестръ опять начинаетъ и нѣсколькими взмахами мощной кисти оканчиваетъ интродукцію, запечатлѣнную такимъ чуднымъ характеромъ и поражающей душу неопредѣленной боязнью. Тамъ замѣтно множество другихъ мѣстъ, обычныхъ у Моцарта, который, чтобы яснѣе указать глубокое единство картины, повторяетъ буквально эту первую страницу увертюры, въ финалѣ втораго акта, въ то мгновеніе, когда статуя командора прерываетъ жизнь донъ-Жуана. Это повтореніе — черта гевіяльная!

Тема въ *ré-mineur*, не имѣя ничего оригинальнаго, драгоценна по способу изложенія. Послеъ многихъ модуляцій, фугатъ в переходу черезъ разные инструменты, она растетъ и развивается подъ рукою могучаго артиста, который вращаетъ ея по произволу и вдругъ останавливаетъ заключеніе ея совершеннымъ аккордомъ доминанты тону *fa mineur*, чтобы тотчасъ связать ее съ первыми тактами интродукціи, которую поетъ Лепорелло. Глюкъ уже два раза употреблялъ эту систему въ увертюрахъ своихъ оперъ, «Альцеста» и «Ифигенія», а Моцартъ воспроизвелъ ее въ разибрахъ болѣе грандіозныхъ. Когда слышишь какъ скрипки, повторяемыя фаготами, медленно издаютъ послѣднія жалобныя ноты этой увертюры, чувствуешь, что сердце сжимается словно при входѣ въ обиталище вѣчной горести, гдѣ Данте прочелъ эту достопамятную надпись :

„Per me si va nella citta dolente,
Per me si va nell' eterno dolore“.

Интродукція, непосредственно соединяющаяся съ послѣднимъ аккордомъ увертюры, представляетъ всѣ достоинства хорошаго изложенія. Четыре главные лица являются постепенно подъ самыми рѣзкими чертами своего характера и изъ сближающаго ихъ столкновенія, которое завязываетъ дѣйствіе, брызжутъ иррациональные предчувствія. Эта интродукція раздѣляется на четыре эпизода. Завернувшись въ плащъ и сѣдя передъ дверью испанскаго дома, куда донъ-Жуанъ проникъ ночью, украдкой, Лепорелло горюетъ, что судьба осудила его служить. Онъ поетъ родъ речитатива съ рѣзкими и развязными ритмомъ. Вводная фраза, которой Лепорелло выражаетъ намѣреніе оставить свое ремесло и опредѣлится въ барны,

„Voglio far il gentiluomo
E non voglio piu servir“,

отличается и изяществомъ мелодіи и игривостью аккомпаньемента. Геній Моцарта умѣетъ всѣмъ воспользоваться!

Быстрая нисходящая гамма, діатонически пробѣгаемая первыми скрипками, возвѣщаетъ второй эпизодъ и приходъ донъ-Жуана, преслѣдуемаго донной-Анной, которая цѣпляется за его руку. Изъ этого слѣдуетъ тріо, гдѣ отчаяніе оскорбленной женщины, смущеніе оболъстателя и трусость Лепорелло выражены вдругъ и пошеремѣнно чуднымъ образомъ. «Я не отстану отъ тебя какъ отчаянная «урія» (come furia disperata) восклицаетъ донна Анна, непуская геронической вопль, продолжающійся отъ средняго *sól bémol* до верхняго *la-bémol*, и эта одинакая фраза, очень сильная, приводитъ обратно трепещущаго Лепорелло въ гармоническую сферу. Тріо оканчивается полнымъ комплектомъ голосовъ, отлично согласующимся съ свободными движеніями партій и съ разнообразіемъ характеровъ. Вдругъ является командоръ съ шагкою въ трепещущей рукѣ. Онъ вызываетъ Донъ-Жуана, который отвѣчаетъ съ презрѣніемъ молодости. — «Ты не избѣгнешь моего мщенія!» кричитъ старикъ. — «*Misero!*» возражаетъ Донъ Жуанъ съ смѣсью гордости и состраданія, «подойди же, если хочешь умереть!» Эти слова мѣртваго речитатива, красоты неподрожжаемой. Невозможно выразить съ болѣею глубиной и съ меньшимъ количествомъ нотъ, упоеніе, невостовство страсти,

шегодущей на препятствія, которыя противопоставляют се увлеченіямъ. Начинается дуэль. Оркестръ означаетъ удары шпагъ рядомъ гаммъ, мѣняемыхъ скрипками и фоготами, пробѣгающими передъ ухомъ какъ молвіа, предвѣстница грозы. Остановка на заунывномъ аккордѣ уменьшенной септими, показываетъ конецъ борьбы. Слѣдующее тріо, между донъ-Жуаномъ, умирающимъ командоромъ и Лепорелло — вѣсто единственное въ исторіи музыкальнаго искусства. Нѣжный, глубокий, патетическій, религиозный геній Моцарта видѣтъ тутъ весь. Написанное въ торжественномъ ритмѣ въ тонѣ fa mineur, такъ способномъ расположить душу къ сладостной грусти, это тріо, продолжающееся только восемнадцать тактовъ, заключаетъ въ тѣсной рамкѣ и какъ бы въ верховномъ аккордѣ основную идею этой таинственной драмы. Между-тѣмъ какъ командоръ испускаетъ послѣдній вздохъ, издавая нѣсколько нотъ, пересѣкаемыхъ продолжительными безмолвіями, Лепорелло acompaгнруетъ ему тихимъ ужасомъ, вырваннымъ у него новымъ преступленіемъ, котораго онъ былъ свидѣтелемъ. Простодушнѣй, напѣтанный правилами, почерпнутыми въ семействѣ и въ религіи отцовъ, онъ негодуетъ дрожа на безбожнаго господина, который не уважаетъ ничего изъ того, что уважаютъ люди. Несмотря на замѣшательство, въ которое приводитъ его знатность барина и права барской спѣсн. душа его возмущается противъ такого злодѣянія и вопль его совѣсти — вопль всеобщей нравственности.

Что до донъ-Жуана, то онъ паритъ надъ этими жизненными феноменами съ отважностью, истинно героической. Не только безъ всякаго смущенія видитъ кончину старика, котораго убилъ, обезчестивъ дочь, но еще оскорбляетъ свою жертву какъ человѣка, убѣжденный, что сопротивляться своимъ страстямъ значить сопротивляться успѣхамъ человѣческаго ума.

Ah, già cade il sciagurato... ..

говорить онъ тяжелыми и дрожащими нотами, и вдругъ начинается верхнимъ mi — bemol, образующимъ крайнюю ноту аккорда доминанты, съ малой септимою, эту невѣроятно гордую фразу:

Gia dal seno palpitante
Veggio l'anima partir.

Можно сказать, что это геній бурь, пренебрегающій при концѣ разрушеннаго имъ міра. Послушайте на концѣ этого тріо, какъ

гобой спускается плачевно отрывкомъ хроматической гаммы, который тотчасъ повторяютъ альты, флейты и фаготы! Это духовный вздохъ, вырывающійся изъ стѣсненнаго сердца, чтобы увѣдомить насъ, что цѣль этой драмы высшаго разряда. Кто не видѣлъ этого въ «Донъ-Жуанъ», тотъ не повилъ Моцарта.

Только съ тремя басами, безпрестанно сталкивающимися въ тѣсныхъ предѣлахъ полуторы октавы, только съ самымъ простымъ акомпанементомъ и съ большимъ расчетомъ средствъ, маэстро произвелъ такіе могучіе эффекты. Отрывокъ хроматической гаммы, выдыхаемой гобоями, котораго каждая нота падаетъ изъ его жалобнаго голоса, какъ слеза изъ растроганнаго глаза—мелодическая черта, часто являющаяся въ стилѣ автора «Донъ Жуана»; послѣ посмотрите съ какою осторожностью оканчивается онъ это мѣсто простымъ аккордомъ сексты! Онъ не прибавилъ ничего къ тому, что необходимо для выраженія чувства, словно боялся развлечь горестъ пышностью языка.

Донна Анна, которая во время дуэли пошла искать помощи, возвратилась послѣ трио, въ сопровожденіи слугъ и донна Оттавіо. Она вскрикиваетъ отъ ужаса при видѣ безжизненнаго тѣла отца. Речитативъ, выражающій ея отчаяніе, чрезвычайно хорошъ. Дуэтъ, который она потомъ поетъ съ женихомъ — того энергическаго и вѣрнаго стиля, которому удивляются во всѣхъ сценахъ этой чудной партитурѣ. Партія донна Оттавіо запечатлена деликатностью чувствъ, почтительной осторожностью молодого человѣка хорошей фамиліи, утѣшающаго женщину, обѣщающу ю любви его. Что можетъ, на примѣръ, быть изящнѣе слѣдующаго мѣста:

Lascia, o cara,

La timembrancha amara!

По уходѣ донны Анны и донна Оттавіо, пріѣтъ живой и дробный, возвѣщаетъ о прібытіи донны Эльвиры. Арія, которую поетъ она, очень замѣчательна. Она выражаетъ чрезвычайно сложный оттѣнокъ страсти. Въ самомъ дѣлѣ, донна Эльвира законная жена Донъ-Жуана. Онъ могъ оболъстить ее только тронувъ ея сердце, только связавъ ея судьбу съ своею торжественнымъ союзомъ. Въ воплахъ и слезахъ этой женщины заключается не только горестъ умоляющей любовницы, но также и негодованіе супруги, требующей обѣщанной вѣрности, своего непризнаннаго права, когда она восклицаетъ въ изступленіи:

Ah! chi mi dice mai

Quel barbaro dov'è

чувствуешь, что не смотря на взрывы гнѣва, она совершенно готова простить, если улыбка сожалѣнія напомнить ей въ невѣрномъ супругѣ человека, умѣвшаго очаровать ее. Проклятiя донны Анны увѣдомляютъ насъ, что она была жертвой хитрости и силы, между-тѣмъ какъ слезы донны Эльвиры свидѣтельству- ютъ, что она жертва любви. Фраза, составляющая заключенiе этой прекрасной арии, написанная отрывистыми нотами, которыя, преслѣдуя одна другую, загораются отъ столкновениа — вспышка сердца, гдѣ ярость сибѣшивается съ нѣжностью. Донъ-Жуанъ слышитъ вдали голосъ плачущей женщины и подходит го- воря:

Cerchiam di consolare

Il suo tormento.

Ахъ! да, шепчетъ тихо Лепорелло:

Così ne consolò'

Mille e otto cento.

Эти послѣднiя слова готовятъ насъ очень хорошо къ слѣ- дующей сценѣ. Лепорелло поручено убѣгающимъ донъ-Жуаномъ, изъяснить доннѣ Эльвирѣ причины, заставивши его скрыться изъ супружескаго дома. Онъ выполняетъ порученiе какъ угодливый слуга, который издѣвается надъ горестью и легковѣриемъ этой бѣдной женщины. Тогда-то онъ поетъ знаменитую арию «Mada- mīna», гдѣ исчисляеть съ напыщенностью и коварствомъ исто- риографа многочисленныя побѣды своего господина въ различ- ныхъ частяхъ свѣта. Это фанфаронство Жоконда въ устахъ слуги, который какъ будто самъ тщеславится, рассказывая лю- бовные подвиги знатнаго барина, которому имѣеть честь прина- длежать. Эта ария представляетъ чудное разрѣшенiе проблемы искусства, образецъ процесса, слишкомъ употребляемаго во зло въ наше время, и который Моцартъ заимствовалъ у ита- лiанской школы, усовершенствовавъ его. Этотъ процессъ со- стоитъ въ мгновенномъ переиженiи музыкальнаго интереса, ввѣренiемъ человѣческому голосу только простой мелодии, родъ курсивнаго и покладнаго речтатива, способнаго брыз- нуть комической искрой, чисто изложить умственные взгля- ды, между-тѣмъ какъ оркестръ довершаетъ картину бо-

латствомъ изображеній, разнообразіемъ и изяществомъ аккомпаньементовъ. Уже въ «*la Serva padrona*» Перголеза, въ «*la Buona Figliuola*» Паччини, и особенно въ оперѣ-буффѣ Венеціанца Галуцци, высказывается зародышъ этой замысловатой системы, гдѣ драматическая истинна можетъ окружить себя всею пышностью искусства и гдѣ иѣжность мелодіи, мечты чувства счастливо соединяются съ удовольствіями разума. Съ первыхъ тактовъ чувствуешь, какъ комическій жаръ кипитъ въ аккомпаньементѣ и готовится слушателя къ напыщенно пролическому разсказу Лепорелло. Между-тѣмъ какъ виолончели и скрипки пробѣгаютъ дрожащимъ образомъ ноты, принадлежащія къ составу аккорда на *ré majeur*, а вторыя скрипки и альты, между-тѣмъ наполняютъ пустоту, отрѣзывая цѣликомъ полный аккордъ въ томъ же тонѣ. Случится ли граціозная картина, искра чувства, возвышающая разсказъ до степени болѣе лирической, тотчасъ мелодія развивается, оркестръ расцвѣчивается и наполняется прелестной и таинственной гармоніей. На семнадцатомъ тактѣ первой партіи, когда Лепорелло исчисляетъ число жертвъ донъ-Жуана въ каждой странѣ, гобой и волторны издають веселые звуки терціями, что услаждаетъ ухо, какъ букетъ весеннихъ цвѣтовъ очаровываетъ взоръ. Между-тѣмъ скрипки и виолончели перекликаются діатоническими гаммами, гдѣ первая нисходятъ, а вторыя восходятъ съ искрометной быстротою. Эта послѣдняя черта аккомпаньемента находится также въ *aria Non più andrai* «Свадьбы Фигаро». Вдругъ движеніе: тонъ и тактъ измѣняются. Лепорелло, желая описать физическія и нравственныя качества, привлекающія его господина къ каждой женщинѣ, начинаетъ пѣть *capitabile* въ три темпа, гдѣ блестятъ эта тонкость, умѣренная граціей, которая составляетъ одно изъ глубочайшихъ качествъ Моцартова гения. Ничто не противно, говоритъ Лепорелло, обширной алчности донъ-Жуана, моего господина. Все занимаетъ и плѣняетъ его смѣлую пылкость, прелести блондинки, постоянство брюнетки. Будь она маркиза, камеристка, низка, высока, толста, худа, ему все равно, только бы принадлежала къ обожаемому имъ полу, и чтобы онъ могъ вписать ее въ листъ своихъ побѣдъ. Но его тонкій и вѣжливый вкусъ, плодъ опытности и продолжительныхъ путешествій, находятъ особенное счастье во владѣніи юнымъ сердцемъ, открывающимся въ первый разъ пламенной любви. — Здѣсь оркестръ испускаетъ цѣломудренный и горестный вздохъ, словно выражающій сожалѣніе о погибшей невинности и жужжаніе фаготовъ, отдѣляющихся минутой суеты

отъ всего оркестра, показывается, что все кончено и что драма принесена въ жертву жизненной дѣятельности.

Ариа Madamina — мѣсто совершенное въ своемъ родѣ. Это изящная смѣсь граціи и утонченности, прови и чувства, комической декламации и мелодіи, все вмѣстѣ возвышенное поэзіей и знаніемъ аккомпанементовъ. Ничего излишняго, ничего чрезмѣрнаго, все наклоненія содѣйствуютъ гармоніи цѣлаго: каждое слово освѣщено воображеніемъ композитора, но свѣтъ подробностей не вредитъ общему эффекту. Веселость Моцарта — веселость добросердечная, нападающая на пороки и смѣшныя стороны безъ порицанія, насмѣхающаяся надъ результатами, не проникая до началъ; веселость ясная, которая иногда растрогивается, но въ которой вовсе нѣтъ ѣдкости современной веселости.

Лепорелло и донъ Жуанъ оставили сцену; приходитъ группа веселыхъ крестьянъ. Это сельская свадьба, молодецкая и хорошецкая Церлина съ женихомъ своимъ Мазетто и съ друзьями поютъ и танцуютъ въ честь приближающагося брака. Мелодія хора и небольшого дуэта, отдѣляющагося отъ него, жива и граціозна: это прелестная идиллія, дышащая свѣжестью весны и сладостными мечтами жизни. Донъ Жуанъ и исполнитель его удовольствій являются среди этой шаловливой и простосердечной молодежи. Бросивъ алчный взглядъ на Церлину, возбуждивъ ея кокетство любовными словечками, донъ Жуанъ приказалъ Лепорелло избавить его отъ ревности Мазетто, пригласивъ всѣхъ въ его замокъ. Лепорелло исполняетъ съ ропотомъ вѣроломныя приказанія господина и донъ Жуанъ, оставшись одинъ съ Церлиной, поетъ съ ней дуэтъ, который можетъ быть названъ самой восхитительной драгоценностью, какую рука Моцарта сработала.

Пусть представятъ себѣ въ прекрасный весенній день свѣжую и тѣнистую аллею, куда просачивается, сквозь густыя листья, проблескъ свѣту. На концѣ этой аллеи видѣется великолѣпный замокъ въ стилѣ возрожденія. Влажность воздуха, отдаленное журчаніе водомѣтовъ, безмолвіе природы, таинственность, все въ этомъ прелестномъ пейзажѣ располагаетъ къ сладострастію. Тамъ-то донъ Жуанъ, красивый, молодой, окруженный очарованіемъ знатности, блескомъ изящныхъ манеръ и языка, старается обольстить сердце простодушной дѣвушки. Пойдетъ, говоритъ онъ, (здѣсь мы не столько переводимъ буквальный смыслъ словъ да-Понте, сколько волюбіи, производимое поэзіей Моцарта), пойдемъ въ этотъ замокъ, я составлю тамъ твоё счастье.

La'ci d'arem la mano

La mi dirai di si.

Ты станешь подругою моей жизни, я окружу тебя всѣмъ блескомъ богатства, тебѣ будутъ завидовать всѣ женщины. Эти слова, которыя онъ вливаетъ въ внимательное ухо дѣвушки, проникаютъ, уповаютъ ее какъ таинственный токъ. Никогда искуситель, вооруженный адскою хитростью, не обвинялъ свою жертву бодѣ опаснымъ обольщеніемъ. И потому бѣдная Церлина, взволнованная, очарованная невѣдомымъ могуществомъ этого сладостнаго языка, чувствуетъ себя потрясенною до глубины сердца. Она отвѣчаетъ, запинаясь, съ полузакрытыми глазами, словно для того, чтобъ избѣгнуть слишкомъ сильнаго свѣта счастья, которое ей сулятъ:

Vorrei, e non vorrei

Mitrema un poco il cor.

— Пойдемъ, пойдемъ, слѣдуй за мною, возлюбленная, возражаетъ домъ-Жуанъ. — Но что будетъ съ бѣднымъ Мазетто? — Брось угрызения пошлаго состраданія, пойдемъ вдали отъ толпы наслаждаться блаженствомъ вѣчной любви. Внезапно упоенная лучомъ безумной надежды, Церлина вскрикиваетъ съ восторгомъ: *Andiam!* и они убѣгаютъ и теряются въ свѣтлой дали, усыпая пространство веселыми звуками:

Quali colombe dal desio chiamate.

Иногда стотъ дуэтъ не производитъ въ театрѣ желаннаго дѣйствія. Эти короткія и вѣжныя фразы, заморающія съ такимъ сладострастіемъ и заставляющія подразумѣвать еще болѣе чѣмъ онѣ выражаютъ, это цѣломудріе въ языкѣ страсти, скромный расчетъ въ аккомпаньементахъ, доканчивающихъ картину, требуютъ уменья, тонкаго, глубокаго стила, котораго тайна потерява нынѣшними виртуозами.

Мы бѣгло пройдемъ арію «*Ah! fuggi il traditor*», донны Эльвиры послѣ дуэта домъ-Жуана съ Церлиной, чтобы дойти до слѣдующаго квартета. Домъ-Жуанъ, преслѣдуемый криками донны Эльвиры, отталкивается съ донной Анной и съ дономъ Оттавіемъ. Положеніе его какъ нельзя болѣе затруднительно между плачущей женщиной, которая осыпаетъ его упреками и двумя лицами, которые вовсе не подозреваютъ, что онъ убійца командора. Не знаешь чему болѣе удивляться въ этомъ квартетѣ, изъясеству

идей, гибкости драматическаго генія, который умѣлъ соединить въ очень сжатой гармонической рамкѣ, четыре главные лица, сохранивъ каждому главное выраженіе его характера, или простотѣ средствъ, которыми маэстро произвелъ такіе разнообразныя и чудныя эффекты. Квартетъ написанъ въ тонѣ si bémol въ четыре темпа, медленнымъ ритмомъ, но довольно гибкимъ, чтобы слѣдовать за движеніями страсти. Донна Эльвира, обращаясь къ доннѣ Аннѣ, говоритъ ей голосомъ, увлажненнымъ слезами: Не вѣрь этому лукавцу, бѣдняжка! онъ обманулъ меня и тебя также хочеть обмануть.

Non ti fidar, o misera,
Di quel ribardo cor!
Me già tradi quel barbaro,
Te vuol tradir ancor.

Эта маленькая фраза въ восемь тактовъ, раздѣлена въ серединѣ цезурой на полукаденцію и одна изъ самыхъ сладостныхъ, какія только можетъ избрать сердце благородной женщины. Это, повторяемъ, не жалоба раздраженной супруги, но жалоба любовницы, которая потеряла единственное счастье въ жизни и вызываетъ состраданіе проходящихъ, рассказывая о своей горести. Донна Анна и донъ Оттавіо взволнованы и поражены кроткимъ величіемъ ея голоса и манеръ:

Cieli! che aspetto nobile!
Che docle maestà!

Напрасно Донъ-Жуанъ, желая удалить подозрѣніе, старается выдать ее за сумасшедшую,

La povera ragazza
E pazza amici miei:

крики и рыданія, вырывааемые у донны Эльвиры новой ложью обольстителя, наконецъ бросаютъ смятеніе въ душу донны Анны и донна Оттавіо. Донъ-Жуанъ, желая выйти изъ этого затруднительнаго положенія, подходитъ къ доннѣ Эльвирѣ и говоритъ ей на ухо: — Молчите же, ваши безтолковыя жалобы будутъ всеми подмѣчены; будьте осторожиѣе. — Я потеряла всякую осторожность, отвѣчаетъ она съ негодованіемъ; я хочу, чтобы всѣ знали твои преступленія и мое несчастіе, — и квартетъ оканчивается чудно, выставляя виѣсть отчаяніе донны Анны, и донна Оттавіо и лукавство донъ-Жуана. Когда разсматриваешь ближе этотъ

квартетъ, не знаешь, чему болѣе удивляться: глубокому ли искусству музыканта или высокому вдохновенію поэта. Надо замѣтить, что партія донны-Эльвиры и Донъ-Жуана, которые находятся на первомъ планѣ, движутся, взаимно преслѣдуются и бесѣдуютъ непрерывно, между-тѣмъ какъ партіи донны Анны и донна-Оттавію, лицъ второстепенныхъ, страдательныхъ, идутъ почти всегда вмѣстѣ, на разстояніи терпін другъ отъ друга. Каждый оттѣнокъ характера и страсти выставленъ съ стараніемъ и съ удачей немовѣрными! И потому, когда донна Анна и донъ Оттавію, тронутые горестью донны-Эльвиры, выражаютъ странное волненіе, которое они испытываютъ,

Certo moto d'ignoto tormento,

ритмъ вдругъ перерывается рядомъ тріолей, возбуждающихъ любопытство уха. Проникло ли сомнѣніе въ умъ ихъ, они выражаютъ волнующую ихъ неизвѣстность, проходя сверху внизъ отрывокъ хроматической гаммы,—мелодическая молнія, сквозь которую пролетаетъ минорное наклоненіе, какъ горькая мысль сквозь свѣтлую душу. Этотъ процессъ обыченъ у Моцарта; онъ воспроизводитъ его еще подъ этими словами, которыя поютъ обрученныя:

*Che mi dice
Per quella infelice,*

между-тѣмъ какъ донна Эльвира яростно вспыхиваетъ, рядомъ нотъ арпеджіо, приводящихъ къ модуляціи на *sol-mineur*. А Донъ-Жуанъ, послѣ нѣсколькихъ тактовъ чего-то въ родѣ разсказа, который попеременно повторяетъ каждое изъ четырехъ лицъ, входитъ въ главную роль и приготовляетъ вступленіе скороговоркою, измѣняющей его безпокойству. Онъ продолжаетъ своекорыстныя увѣщанія, прозвоня шопотомъ нѣсколько звуковъ, возвращающихся безпрестанно къ постоянному и коренному ритму. Какіе оттѣнки, какая истина, какое глубокое искусство управлять голосами! Ничего лишняго; всѣ партіи дѣйствуютъ, всѣ ноты попадаютъ въ цѣль еще горячими теплотою души, какъ говоритъ одинъ поэтъ; самая простая гармонія, вездѣ свѣтъ в жизни, вездѣ знаніе языка воспѣваетъ на помощь волненію сердца! Аккомпанементъ такъ же изященъ какъ мысль. Каждое окончаніе важной фразы повторяется оркестромъ, котораго повторенія кажутся эхомъ горести, и сцена оканчивается безъ всякой пустопорожней формальности простымъ аккордомъ доминанты съ септимой, который

должна естественнѣе на аншордѣ тонкимъ, независимомъ подобно рыбку.

Дефектъ этого квартета удивителенъ, когда онъ выполняется виртуозами, понимашшими его смыслъ и умѣющими отдѣлять отъ нѣтъ середины этихъ короткихъ и нѣжныхъ фразъ, это сладостная естественная меланхолия, которая восходитъ отъ души и расширяется словно легкое облако. Если бы надо было передать на полотне мысль Моцарта и дополнить ее пейзажемъ, мы бы помѣтили эту сцену на закатѣ прекраснаго осенняго дня, подъ виноградными лозами съ золотистыми гроздями, а вдали свѣтлую долину, безконечный горизонтъ, увѣнчанный послѣдними лучами щедрого солнца. Тамъ-то донна Эльвира, въ бѣломъ платьѣ, съ распущенными волосами, и почти обвитая вечернею тѣнью, изливала бы изъ стѣснаго сердца послѣднее дуновение идеала.

..... At illa

Flet noctem, ramoque sedens miserabile carmen

Integrat, et moestis late loca fletibus impet.

Пораженной голосомъ и осанкой донъ-Жуана, донья Анна показала, что она видитъ въ немъ убійцу отца. Она не выпускаетъ крикъ ужаса по уходѣ оболстителя, и рассказываетъ тогда дону Оттавіо всѣ обстоятельства роковой ночи, когда къ ней явился въ комнату незнакомецъ. Этотъ речитативъ съ полнымъ оркестромъ неподвиженъ движенія и страсти, и мы предпочитаемъ его слѣдующей ариі, «Ora i che l'omora», въ которой донна Анна заставляетъ своего любовника обѣщать ей отомстить за нее.

Но вотъ опять является донъ-Жуанъ, котораго шутливость и буйная веселость чудно противорѣчатъ ярости донны Анны, оставившей сцену. Онъ приказываетъ повѣренному своему Лепорелло приготовить праздникъ и пригласитъ всѣхъ тамошнихъ жителей. Безъ различій, безъ несправедливаго предпочтенія, говоритъ онъ, пусть каждый участвуетъ въ дарахъ моей щедрости, и если встрѣтите молоденькую дѣвушку съ живыми глазками, приведите ее съ собой, пусть она раздѣлитъ и увеличитъ общую радость. Напой однихъ, заставь плясать другихъ, займи всѣхъ, а я между тѣмъ воспользуюсь общей суматохой и стану перелетать отъ красавицы къ красавицѣ, давая каждой знаки моей любви. Какой жаръ! какая развязность! какая жажда удовольствій! какой энтузіазмъ!

Надо было послушать, какъ Гарсія вѣлъ эту арію.

Fin. ch' han dal mio

Calda da testa,

которой аккомпаньментъ бродить и шипить и лопается какъ шампанское. Гарсія ударялъ сильнымъ триллеромъ на словѣ *Bal-lag*, оканчивающимъ вводную фразу и бросилъ его на воздухъ какъ пробку, уступающую усилю дурно сжатого газа. Никто не скажетъ, что эту музыку написалъ Нѣмецъ, но правда, что этотъ Нѣмецъ — Моцартъ.

Этотъ взрывъ безумной радости, блистающей какъ букетъ фейерверка, смѣняется аріей совершенно противоположнаго роду и совершенства, еще болѣе рѣдкаго, аріей, которую поетъ Церлина, чтобы смягчить гнѣвъ жениха своего Мазетто. Она подходитъ къ нему смиренно, опустивъ глаза, краснѣя отъ стыда, что слишкомъ снисходительно слушала обольстительныя рассказы Донъ-Жуана. «Прибей твою бѣдную Церлину, говоритъ она, вырви волосы, глаза, я все перенесу покорно и расплывлю обожаемыя руки, которыя удостоютъ меня наказанія. Но, я вижу, сердце твое смягчается.... Дай мнѣ руку, о возлюбленный! и станемъ проводить вмѣстѣ счастливые дни. Арія, *Batti, batti, o bel Masetto!*» составлена изъ двухъ частей, выражающихъ два отбѣдка чувства, занимающаго дѣвушку. Въ первой, написанной въ два темпа, ритмомъ исполненнымъ томности, она закликаетъ любовника простить ей минуту слабости, а во-второй съ живымъ и глубокимъ движеніемъ предается радости примиренія, обѣщая жениху счастливую будущность. Моцартъ вложилъ въ эту чудную арію всю нѣжность своей души, всю сладость гениа, все изящество неподражаемаго стиля. Каждый тактъ какъ-будто отражаетъ тайный оттенокъ сердца. Посмотрите, какой простодушной граціей дышетъ это мѣсто въ первой части:

E le care tue manine

Lieta poi sopra bacciar!

Можно ли умолять раздраженнаго любовника о прощаніи съ болѣе покорной нѣжностью, съ болѣе цѣломудреннымъ кокетствомъ, какъ дѣлаетъ это Церлина въ слѣдующей фразѣ втораго движенія?

Pace, pace, o vita mia!..

Рѣзба! чеканъ! нѣжное ваяніе дорогой вещицы, отдѣланной рукою самаго Бенвенуто-Челлини! Аккомпаньментъ просто — кру-

жева плететь! Никогда не выражали съ бѣльшей тонкостью ты-случу невинныхъ женскихъ обольщеній, этихъ ребяческихъ жекъ, противъ которыхъ любовникъ не умѣеть устоять, и аккомпанементъ виолончели, слѣдующій за мелодіей какъ тѣнь, отъ перваго такта до послѣдняго, не похожъ ли на ропотъ совѣсти, смѣдѣтельствующій въ искренности раскаянія дѣвушки? Какая грубна и прелесть! * Послѣ этой аріи, выражающей укрощеніе смутнаго желанія независимости, возвращеніе къ порядку заблудшей и смятой грозой души, можно вскричать съ Лэоптономъ:

Amans, heureux amans, voulez vous voyager?
Que ce soit aux rives prochaines.

Вотъ мы дошли до финала перваго акта, важной страницы, составляющей эпоху въ исторіи драматической музыки. Когда явился «Донъ-Жуанъ» не было ничего подобнаго по многосложности партій, по движенію, модуляціямъ и мелодическимъ изломамъ, развѣ первый финалъ «Свадьбы Фигаро» но въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ вещахъ, Моцартъ имѣлъ образцомъ самаго себя.

Около 1750, одинъ неаполитанскій композиторъ, Николай Лорешино, пытался первый оканчивать первые акты комическихъ оперъ выходами общаго пѣнія съ быстрымъ движеніемъ, развивая рядъ различныхъ чувствъ на одной и той же темѣ. Его скоро превзошелъ въ этихъ финалі, какъ во всемъ остальномъ, Николай Пиччини, котораго опера-буффа «*la Cechina ossia la buona figliuola*», сочиненная въ Римѣ въ 1760, заслужила восторженный успѣхъ и обошла кругомъ свѣта. Два финалі «*la Cechina*», почитаемые современниками великимъ музыкальнымъ нововведеніемъ, довольно однако просты. Анфосси, неблагодарный и завистливый ученикъ Пиччини, отъ котораго заимствовалъ идеи, умѣлъ увеличить планъ и форму финала въ оперѣ «*Incognita; erseguitata*», сочиненную въ Неаполѣ въ 1773, и имѣвшую равноиѣрно очень большой успѣхъ; потомъ явились Чимароза и особенно Пазиселло, который въ квинтетѣ «*la Cuffiara*», въ финалѣ «*Idolo Cinese*» и еще болѣе въ восхитительномъ септетѣ «*Короля Теодора*», написаннаго въ Вѣнѣ въ 1784, превзошелъ все, что до него слѣдвало въ этомъ родѣ. Однако если Италіянцы создали опера-буффа и ос-

* Въ квинтетѣ Бетговена для фортепіано, гобоя, валторны и фагота, встрѣчается эта восхитительная тема.

такихъ учителями въ искусствѣ выразить музыкой увлеченіе, веселость, разнообразіе комическихъ характеровъ выходами общаго пѣнія съ красивымъ и многосложнымъ рисункомъ, то Глюку первому принадлежитъ слава передавать вокальными и инструментальными массама, патетическій крикъ страсти. Конечно Марчелло, въ нѣкоторыхъ изъ своихъ удивительныхъ псалмовъ, Гендель въ своихъ бессмертныхъ ораторіяхъ, успѣли уже изобразить эффектами ритма и звучности, лирическую восторженность души; но хоръ въ «Ариадѣ» *Poursuivons jusqu'au trépas* и хоръ во второмъ актѣ «Орфея», два единственные выхода общаго пѣнія, истинно драматичные, о которыхъ можно упомянуть прежде чудныхъ хоровъ Моцарта въ партитурѣ «Idomeneo» и особенно въ финалѣ «Донъ-Жуана».

Чтобы разнообразить свои удовольствія, чтобы утомить пожирающій его жаръ, который безпрестанно толкаетъ его къ нечеловѣчествамъ, донъ Жуанъ даетъ праздникъ для всѣхъ жителей страны, безъ различія. Въ замокъ, окруженный великолѣпнымъ паркомъ, гдѣ повсюду блещетъ пышность знатнаго барина, приходятъ попеременно Церлина, Мазетто, дона Эльввра, дона Анна, донъ Оттавіо и толпа крестьянъ и гражданъ. Таковъ сюжетъ этой большой сцены, подраздѣленной на девять эпизодовъ, приведенныхъ и связанныхъ между-собою глубокой логикой характеровъ и положеній. Каждый изъ этихъ эпизодовъ означенъ то переменною такта, то измѣненіемъ тона, то новой темой.

Финалъ начинается домашней ссорой въ большой аллеѣ парка, между Церлиной и Мазетто, котораго ревность встревожена болѣе чѣмъ когда-нибудь. Послѣ этого дуэта съ живымъ разговоромъ слышенъ громкій голосъ Донъ-Жуана, который идетъ впереди гостей, уговаривая ихъ предаться удовольствію.

Sul corraaggio o buona gente!

говорить онъ; пейте, танцуйте, забавляйтесь! Пусть отличный столъ и веселость заставятъ васъ забыть на минуту заботы жизни. — Гости подхватываютъ хоромъ слова и музыкальную фразу алантриона, потомъ удаляются съ пѣніемъ. Эта короткая и блестящая интродукція въ тонѣ *ut majeur*, которой послѣдніе такты угасаютъ и испаряются въ меланхолическихъ аккордахъ, разрѣшается продолженіемъ простой ноты, удерживаемой вторыми скрипками въ натуральномъ тонѣ *fa majeur*.

Тогда донъ-Жуанъ, замѣтивъ Церлину, старающуюся скрыться

за букетомъ деревьевъ, таинственно подходить къ ней и уличиваетъ ее принадлежать ея къ сосѣдній кіоскъ. Молодецкая *compadina* защищается съ прелестной граціей и отыдличностью, и небольшою дугою въ три четвертя, рождающійся изъ ихъ спора, свѣжитъ, какъ роса. Что можетъ быть издѣлье и увлекательнѣе слѣдующей сцены въ партіи «Донъ-Жуана»:

Vieni in poco,
In questa loca
Fortunata
Io ti ne far...

Внезапно прерванный появленіемъ Мазетто, подстерегаемаго поведеніемъ невесты, донъ-Жуанъ встрѣтилъ его сначала съ удивленіемъ; потомъ одумавшись, сказалъ ему дружескимъ тономъ: «Прелестная Церлина очень несчастна безъ тебя!—А! вѣрю вамъ ваша свѣтлость, возражаетъ Мазетто съ лукавымъ видомъ. Это отиѣшено сперва ниволетной модуляціей въ тонъ *re-mineur*, которое возвыщаетъ неблаговременный приходъ реванивца, а потомъ припрыгивающей игрою первыхъ скрипокъ съ эффектомъ совершенно задорнымъ. Чтобы разомъ прекратить этотъ затруднительный разговоръ, донъ-Жуанъ подаетъ рукою знакъ грюхнѣ замаскированныхъ музыкантовъ, видѣющихся въ глубинѣ театра, начать праздникъ. Тотчасъ небольшой оркестръ начинаетъ отдѣльно королевскую сельскую арію новымъ ритмомъ въ двѣ четвертя и оба оркестра, соединенныя часлѣмъ колосами Церлины, Мазетто и донъ-Жуана, заканчиваютъ сильнымъ и полнымъ *crescendo* третій эпизодъ этого чуднаго финала.

Когда удалились гости и музыканты, нѣсколько нотъ оркестра, модулирующаго въ тонъ сродный тону *re-mineur*, означаютъ появленіе донны Эльвиры, донны Анны и донна Оттавіо. Они приходятъ всѣ трое переодѣтые, болзливо шагая въ потьмахъ. Они не обманываютъ себя на счетъ опасности предаріатія. Общія слухи и мрачныя предчувствія обвиняютъ донъ-Жуана въ убійствѣ командора, и они рѣшились подсмотреть за его поведеніемъ среди неизбежной суматохи праздника, и какъ они знаютъ, что можно ожидать отъ такого свѣлаго характера, то и стараются ободрить другъ друга противъ общей угрожающей опасности. Каждое изъ этихъ трехъ лицъ влагаетъ особенный отбѣнокъ въ выраженіе озабочивающаго его чувства. Въ словахъ донны Эльвиры слышится ярость, въ ободреніяхъ донна Оттавіо—

Франціа, между тѣмъ какъ донна Анна безпокоитъ прежде всего близость, которой можетъ подвергнуться ея супругъ.

Temo pel caro sposo,

произноситъ она отрывкомъ мнорной мелопен тоу соі, исполненной грустнаго выраженія. И этотъ разсказъ также какъ и разсказы донна Оттавіо и донны Эльвиры сопровождается постояннымъ дрожаніемъ первыхъ и вторыхъ скрипокъ, перебиваемыхъ мрачными аккордами. Этотъ неразрывный рисунокъ повторяется непркосновенно въ финалѣ втораго акта, именно въ ту минуту, какъ статуя командора стучится въ дверь донъ-Жуана. Какое единство и какая глубина!

Когда Лепорелло открылъ окно, чтобы пропустить въ залу пиршества вечернюю свѣжесть, слышно какъ скрипки маленькаго оркестра за кулисами отдѣляютъ первые аккорды восхитительнаго менуэта. — Извольте, ваша свѣтлость, посмотрѣть на эти неподобныя маски, кричатъ Лепорелло. — Ну такъ впусти ихъ, отвѣчаетъ Донъ-Жуанъ съ развязнымъ и вѣжливымъ видомъ. — Пожалуйте, *signore mascherate*, говоритъ дворецкій; господинъ мой будетъ очень радъ если вы удостоите принять участіе въ его праздникѣ. Послѣ минутной перѣшпмости, посѣщавшихся, и удержавъ трепеть ужасу при видѣ роковаго челоуѣка, тяготеющаго надъ ихъ судьбою, донна Эльвира, донна Анна и донъ Оттавіо рѣшаются довести до конца свое опасное предаріятіе; но не входя еще въ замокъ, скрывающій столько мрачныхъ тайнъ, они останавливаются на порогѣ и обращаютъ къ небу одну изъ самыхъ трогательныхъ молитвъ, какія когда-либо были написаны рукою челоуѣка. Гимнъ, который они поютъ, — знаменатый терпетъ маскъ; одно изъ тѣхъ рѣдкихъ мѣстъ, что по свѣтлости формъ, по изяществу и глубинѣ идей, трогаютъ толпу и восхищаютъ ученыхъ. Удовольствоваться въ одно и тоже время разумъ сильныхъ и сердце всѣхъ, по выстали ли это цѣль искусства?

Перемѣна декораціи вводитъ насъ въ залу пиршества, великолѣпно освѣщеную. Съ обѣихъ сторонъ сцены видно два оркестра, ожидающіе только приказанія хозяина, чтобы подать сигналъ праздника. Донъ-Жуанъ живой, веселый, расхаживаетъ среди многочисленныхъ гостей своихъ, возбуждая ихъ радость. Тема въ шесть осмыхъ въ *mi bemol*, по которой донъ-Жуанъ расписываетъ свои любовныя рѣчи, полна вольности и изящества. Огвѣты Церлины, разговоръ Лепорелло съ Мазетто,

постоянно мучимымъ ревностью, шумъ толпы, все это составляетъ чудное цѣлое, по которому гармонически рисуются *arabesque* различныхъ лицъ. Этотъ блестящій разговоръ прерывается приходомъ трехъ масокъ, оставленныхъ нами у дверей замка, которыхъ прасутствіе возбуждаетъ новая черемъна такту и тону. Лепорелло, потомъ Донъ Жуанъ вѣжливо ядутъ къ нимъ на встречу и просятъ принять участіе въ общемъ удовольствіи. «Домъ мой открытъ для всѣхъ, прибавляетъ хозяинъ съ чванливымъ знатнаго барина и все здѣсь приглашаетъ къ свободѣ». По приказанію Донъ-Жуана, балъ начинается восхитительнымъ мезуртомъ, котораго волнистый ритмъ въ три осьмыя, исполняемый большимъ оркестромъ, продолжается неопредѣленно какъ ослепляющая мысль. Мало-по-малу и постепенно, два маленькіе оркестра на театрѣ начинаютъ, одинъ контрдансъ, другой вальсъ, которыхъ разные ритмы, ложась поверхъ первоначальнаго мезуртаго ритма, шекочутъ ухо и подстрекають вниманіе. Показѣтъ довь-Жуавъ танцуетъ съ Церлиной, говоря ей тысячу любезностей, а Лепорелло старается развлечь Мазетто, три маски подсматриваютъ изъ-за угла за поведеніемъ Донъ-Жуана, вырывающаго у нихъ время отъ времени вздохъ горести и восклицанія ужаса.

Вдругъ пронзительный крикъ слышится среди упоенной толпы. «Gente aiuto! aiuto!» кричитъ въ крайности Церлина, которую Донъ-Жуанъ увлекъ въ сосѣднюю комнату. Музыканты убѣгаютъ въ испугѣ, раздраженные гости выбиваютъ дверь, откуда раздаются крики жертвы. Донъ-Жуанъ выскакиваетъ оттуда, съ шагагой въ рукѣ, держа за волосы Лепорелло и дѣлая видъ, будто хочетъ заколотъ его, чтобы отвлечь на него подозрѣніе присутствующихъ; но его адская хитрость не обманываетъ никого. Довна Анна, довна Эльвпра и довь Оттавіо сбрасываютъ маски и страшнымъ голосомъ говорятъ Донъ-Жуаву: «Tutto gio si sa», все извѣстно, васъ всѣ знаютъ. Сначала удивленный, потомъ смущенный Донъ-Жуанъ скоро успокаивается и вдругъ обернувшись какъ левъ, преслѣдуемый до послѣдняго убѣжища, смѣло наступаетъ на бушующую толпу. Буря гремитъ въ оркестрѣ, усиливающимъ игру снизу вверхъ посредствомъ страшнаго *crescendo* и униссона, безконечною спиралью, которая исчерчиваетъ пространство и какъ *buffera infernal* мететь небеса и гаситъ свѣтила. Громъ гремитъ въ басахъ, молнія бьетъ со всѣхъ сторонъ, а довь-Жуанъ, неустрашимо, *impravidus*, среди волненія стихій и гнѣву людей, почерная въ идеалѣ освѣ-

щающемъ его, героическую силу, пробивается сквозь трепещущую толпу, которую обременяетъ презрѣніемъ.

Таково это невѣроятное мѣсто, съ которымъ, по многочисленности эпизодовъ, разнообразію характеровъ, безконечной мѣжности подробностей, величинѣ плана и могуществу эффектовъ можетъ сравниться только «Страшный Судъ» Микель-Анджело. Это цѣлая драма, гдѣ страсть смѣшивается съ улыбкой и грустью, задуманная и выполненная гениемъ, соединившимъ грацію Рафаэля, меланхолію Виргілія, съ мрачною силою Данте и Шекспира. Все, что сдѣлано послѣ, не стоитъ этого несравненнаго финала, въ которомъ лучшіе композиторы хватали красоты пригоршнями, и Россіини болѣе всѣхъ. *Stretta*, оканчивающая финалъ «Севильскаго Цирюльника» очевидно родилась отъ *stretta* перваго финала «Донъ-Жуана», гдѣ Моцартъ сосредоточилъ всѣ отдѣльныя красоты своего творенія.

Второй актъ начинается небольшимъ дуэтомъ: «*Eh! via buffone*», между донъ-Жуаномъ и Лепорелло, домашнею ссорой, развязно отдѣланной и кончившейся безъ дурныхъ послѣдствій. Слѣдующее тріо, «*Ah! taci ingiusto core*», пропѣтое донной Эльвирой, Лепорелло и донъ-Жуаномъ—мѣсто изящное по подробностямъ искусства и глубинѣ чувства. Донна Эльвира, грустно облокотясь на балконъ, блуждаетъ меланхолическимъ взоромъ по блѣдному сіянію луны, обвиняющему ея гибкій станъ прозрачною тѣнью. Несмотря на страшную сцену, на которой она присутствовала, несмотря на вѣны донъ-Жуана, она еще не можетъ его ненавидѣть, не можетъ взглянуть образъ его изъ своего сердца. Напрасно старается она удержать вздохъ, вырывающіеся изъ груди и свидѣтельствующіе о продолжительности и вѣловкости ея любви. Донъ-Жуанъ узналъ донну Эльвиру, и такъ какъ ему нечего дѣлать пока, то онъ и забавляется обращаясь къ ней съ новыми увѣреніями въ вѣрности и съ такимъ преувеличеніемъ живаго чувства, что Лепорелло съ трудомъ удерживается отъ смѣху. При звукахъ любимаго голоса, вызывающаго самыя сладостныя воспоминанія ея жизни, бѣдная донна Эльвира открываетъ душу надеждѣ и прощаетъ вѣроломнаго, заставившаго ее столько страдать. Слушая это восхитительное тріо, составленное изъ короткихъ фразъ, начертанныхъ такою искусною рукою, исполненное модуляцій, убѣгающихъ какъ отблески бѣлаго платья въ лѣтнюю ночь, кажется, будто слышавшій концертъ отдаленныхъ голосовъ, которыхъ невыразимую гармонію доносятъ до насъ благоуханный вѣтерокъ.

Серенада «Deh! vieni alla finestra», которую Донъ Жуанъ, въ восторгъ Лепорелло, поетъ подъ балкономъ донны Эльвиры, чтобы еще лучше обаянуть ее, мелодія прелестная, съ отливомъ совершенно южнымъ и чисто испанскимъ. Аккомпанементъ мандолины, который струнные инструменты поддерживаютъ отрѣзанными аккордами, доканчиваетъ картину и дополняетъ очарованіе. Пропускаемъ арію Донъ Жуана «Metà d'roi» и переходимъ до аріи Церлины: «Vedrai sagino», образца граціи. Характеръ Церлины самое счастливое созданіе Лоренца да-Понте, соединившаго на этой маленькой villa nella, всю тонкость, глубину, ребяческое кокетство дочерей лагуны, называемыхъ народными поэтами *bionda, tenera e grassa*. Моцартъ върао хотѣлъ сдѣлать удовольствіе другу своему да-Понте, вложивъ въ уста его много Церлины самымъ сладостнымъ, самымъ упоительнымъ ноты своего гения. Очень понятно, что Мазетто не могъ устоять противъ этого божественнаго пѣнія; и послѣдствіе его растаяли бы. Послѣ аріи Церлины слѣдуетъ знаменитый секстетъ, признанный за одно изъ чудесъ искусства. Лепорелло, въ одеждѣ господина, вышелъ въ домъ донны Эльвиры, воображающей, что принимаетъ въ объятія раскаявшагося супруга. Покаместъ Лепорелло ищетъ въ темнотѣ—двери, откуда могъ бы убѣжать отъ угрожающей ему опасности, приходятъ поспешно донна Эльвира, донна Анна, донъ Оттавіо, Церлина и Мазетто. Всѣ справедливо раздраженные противъ донъ Жуана и еще подъ впечатлѣніемъ бальной сцены, намѣрены расквитаться съ виновнымъ, какъ вдругъ Лепорелло открывается и проситъ прощенія. Крикъ всеобщаго удивленія, переданный чудесной модуляціей, скопляеть отдельные голоса, сжимаютъ гармонию и подаютъ сигналъ къ продолжительному и ученому вступленію этого прекраснаго вѣста. Ни одинъ музыкантъ не умѣлъ, какъ Моцартъ, выражать отбѣнки характеровъ, и противоположность страстей въ обширной картинѣ, такъ, чтобы отчаянное совершенство подробностей выгдѣ не вредило величавому эффекту цѣлаго. Пѣжность донны Эльвиры, глубокая горестъ донны Анны, элегическая грація донна Оттавіо и Церлины, бѣшенство Мазетто, трусость Лепорелло, выставлены въ этомъ чудномъ номерѣ съ такой ловкостью, какъ будто каждое лицо поетъ отдельно. Это оттого, что умѣнье Моцарта — умѣнье великихъ поэтовъ: оно скрывается подъ управляющимъ его вдохновеніемъ и какъ жаръ, обнаруживается только своимъ благотѣльнымъ вліяніемъ. Пусть прочтутъ какую нибудь партитуру Берубини и увидятъ разницу между огромно ученымъ музыкантомъ, холодно обдумывающимъ

эффекты и высокими композиторомъ, какъ авторъ «Донъ Жуанъ» или «Вильгельма-Теля», котораго рука бѣжитъ быстро подъ неподдающимся вліаніемъ трагическаго демона. Надо однако сказать, что въ этомъ секстетѣ гармонія иногда слишкомъ извѣсна, слишкомъ выработана и что покады, вырывающіеся у сердитой дѣвы Анны, обнаруживаютъ со стороны Модартова вкуса нѣкоторую разсѣянность.

Въ этой драмѣ, гдѣ выражены все чувства человеческого сердца, вниманіе постоянно возбуждено безпрерывными разнообразными, смѣняющимъ веселымъ изображеніемъ самую мрачную картину. Такъ напримѣръ, послѣ аріи Лепорелло: «Ah! pietà, sù, pògitièi», начинается арія донъ Оттавіо: «Il mio tesoro intanto», которая была бы самой лучшей теноровой аріей въ свѣтѣ если бы не «Pria che sponi» въ «Тайномъ Брактѣ» Чимарозы. Надо было послушать, какъ Рубини разсѣивалъ въ этомъ извѣстномъ мѣстѣ всю вѣжливость своего стиля и все великолѣпіе своей вокализациі.

Мы приближаемся къ катастрофѣ. Донъ-Жуанъ, возвращаясь на закатѣ солнца съ своихъ кочующихъ походовъ, проходитъ съ Лепорелло по кладбищу, гдѣ видитъ статую командора, котораго память оскорбляетъ ругательствами съ громкимъ смѣхомъ. Di veder finirai pria dell'aurora; — «на разсвѣтѣ ты перестанешь смѣяться», отвѣчаетъ погребальнымъ голосомъ умершая душа командора. Модартъ нашелъ здѣсь средство воздать честь генію Глюка, заимствовавъ у одного мѣста его оперы «Алцесто», почти буквально гармонію, аккомпанирующую эту мелодію, столь глубоко религіознаго характера. — Скажи этому старому болвану, что я приглашаю его ужинать со мной, выражается донъ-Жуанъ съ насмѣшкой. Дуэтъ O statua gentilissima передаетъ чуднымъ образомъ ужасъ Лепорелло и удивленіе, смѣшанное съ безпокойствомъ донъ-Жуана, которое Мольеръ выразилъ этими значительными словами: «Уйдемъ отсюда!»

Послѣ аріи донны Анны: «Non mi dir», наподлинной приторными вокалами, доказывающими, что самые высокіе геніи принуждены впасть даже принудомъ дурнаго вкуса, начинается финаль, представляющій перетень и заключеніе втораго акта этой divina comedia. Онъ раздѣляется на пять эпизодовъ, подраздѣленныхъ на столько отѣткочекъ, движеній, и разныхъ тоновъ, сколько происходятъ разныхъ ощущеній въ душѣ дѣйствующихъ лицъ. Всегда вѣрные логикѣ, лица развертываютъ, въ моментъ конечной борь-

бы, послѣдствія характера, обнаруженнаго каждымъ изъ нихъ при началѣ.

Въ прекрасной залѣ доузъ-Жуанова дворца, освѣщенной а гюгно, видѣтъ столъ, великолѣпно накрытый и музыканты, готовые увеселять своими концертами ужина господина. Онъ садится, распѣвая развязно, что этотъ миръ не долженъ быть юдолью слезъ; и что богатые люди должны веселиться. Музыканты маленькаго оркестра начинаютъ тогда небольшую изящную арію, которой ритмъ въ три осьмушки шипитъ какъ благотворныя вина, безпрестанно подливаемаыя Лепорелло въ алчный бокалъ доузъ-Жуана, блистающаго на этомъ пиршествѣ жизни, гдѣ онъ былъ всегда желаннымъ гостемъ. Среди свѣжихъ дузовеній гармоніи и веселыхъ рѣчей за столомъ, которыми онъ общивается съ Лепорелло, подшучивая надъ его обжорливостью, является плачущая донна Эльвира. Болѣе любовница, чѣмъ супруга, не переставая беспокоиться объ участи того, кто возмутилъ ея сердце и судьбу, она приходитъ употребить послѣднее усиліе, чтобы возвратитъ его къ лучшимъ чувствамъ и отвратить угрожающій ему ударъ. Ея просьбы, слезы, проклятія, трогашія Лепорелло, вырываютъ у Доузъ-Жуана только насмѣшливую улыбку и великолѣпную похвалу вѣку и женщинамъ, славіи и утѣшенію челоуѣчества. Все это составляетъ тріо, полное жару, противоположностей и страсти.

Удаляясь въ отчаяніи, донна Эльвира, испускаетъ за кулисами кривкѣ ужасу, который расходится по оркестру, и волнуется всю его глубину. «Посмотри, что тамъ такое», говоритъ доузъ-Жуанъ, а больше о томъ не думаетъ. Лепорелло, возвращаясь въ испугѣ, рассказываетъ, что онъ видѣлъ командора, и подражаетъ его мѣрной и тяжелой походкѣ. Невозможно изъяснить словами лихорадочное волненіе, господствующее въ оркестрѣ во время этого разговору. Желая увѣряться въ причинѣ этого ужасу, доузъ-Жуанъ беретъ свѣчку, и идетъ самъ на встрѣчу гостю, который стучится въ дверь все сильнѣе и сильнѣе. Входя статуи возвѣщается рядомъ продолжительныхъ и тяжелыхъ аккордовъ въ тоузъ гё-шпесуг, слышанныхъ уже нами въ началѣ увертюры; они потрясаютъ землю своими страшными вибраціями. «Ты пригласилъ меня ужинать, я пришелъ», говоритъ командоръ. И когда доузъ-Жуанъ приказываетъ Лепорелло приготовить новый ужинъ, духъ смерти кричитъ: «Остановись! Я пришелъ сюда за другимъ дѣломъ. Приглашаю также тебя раздѣлить хлѣбъ, которыми я питаюсь; придешь ли?»—«Прийду!» отвѣчаетъ доузъ-Жу-

артъ съ снѣдостью, которую ничто не останавливаетъ. И во время этого чуднаго разговора, аккомпаньменты воспроизводятъ хроматическія прогрессіи, терпкіе и страшные диссонансы, слышанные въ первомъ актѣ во время дуэли. «Дай твою руку», говоритъ командоръ. И вдругъ смертный холодъ проникаетъ въ сердце донъ-Жуана, не поколебля его мужества. «Кайся». — Нѣтъ. «Кайся, говорю я тебѣ, asselegato!» — Нѣтъ, нѣтъ, никогда! возражаетъ донъ-Жуанъ, который даже среди сверхъчеловѣческихъ страданій, и уже преданный адскимъ духамъ, сохраняетъ въру довоображеннаго, улыбающагося при разсвѣтѣ новой жизни. И онъ исчезаетъ подъ землю, разверзающуюся, чтобы поглотить его.

Теперь можно понять, что гений Моцарта соединяетъ дарованія самыя рѣдкія, и это то соединеніе такихъ разнородныхъ, качествъ чудно приготовило автора «Донъ-Жуана» произвести богатое и благотворное соглашеніе между всѣми частями искусства. Ребенкомъ, Моцартъ изумлялъ музыкальный міръ чудесами своего исполнительнаго таланта; въ зрѣломъ возрастѣ сдержалъ и превзошелъ все, что обѣщала его юность. Онъ превосходитъ во всѣхъ родахъ, и распространялъ владычество свое надъ всѣмъ обширнымъ царствомъ искусства, отъ сапозетта до драматической поэмы, отъ сонаты до симфоніи. Воображеніе его, разнообразное, глубокое, высокое и вѣжное, выражаетъ всѣ чувства человѣческой натуры; отъ полуулыбки граціи и восторговъ любви до мрачнаго ужаса религіозной души: не надо забывать, что одно и то же перо написалъ «Свадьбу Фигаро» и «Реквиемъ». Явивъ всѣ роды и переговоры, на всѣхъ языкахъ въ своихъ различныхъ произведеніяхъ, Моцартъ даетъ перечень самаго себя въ конечномъ подвигѣ, и самое полное выраженіе гениа своего въ «Донъ-Жуанѣ».

Титъ «Донъ-Жуанъ», созданный христіанскою легендою и фантазіей испанскаго народа, былъ въ первый разъ измѣненъ Мольеромъ, который сдѣлалъ изъ Севильскаго развратника шегола джентльера, при дворѣ Людовика-Четырнадцатаго. Этотъ типъ, различно переданный Мольеромъ и Мольной, облекся въ рукахъ Моцарта въ новую физиономію. Случай, исподвѣруща иногда виды Провидѣнія, далъ въ сотрудника нѣмецкому музыканту чело-вѣка, котораго живой и плодотворный умъ, веселое воображеніе, бурная жизнь и ненасытная чувственность чудно помогли его гению въ этомъ капитальномъ твореніи. Лоренцо да-Понте угадалъ религіозную и меланхолическую душу Моцарта; вдохновился и

стремленіямъ безсмертнаго артиста и происшествіями своей жизни, и начерталъ чудную канву, куда ввелъ, какъ въ щитъ Ахилла, тысячу прелестныхъ воспоминаній своей молодости, шаловливую поэзію и легкія наслажденія своей отчизны, прекрасной Венеціи, и въ этой-то рамкѣ, приготовленной сыномъ лагуль и другомъ юмориста Карла Гоцци, изливъ Моцартъ грусть свою и развилъ великолѣпіе своего гевія. Сначала онъ сообщилъ своему герою горячку идеала, овладѣвшую имъ самимъ съ самого вѣчнаго дѣтства, потомъ пропикъ его этой наглостью, которая производитъ перевороты, этимъ опьяненіемъ жизни, этой вѣрой въ всемогущество человѣческаго ума, которыя отличаютъ вторую половину осемнадцатаго столѣтія. Возмѣ этого героя-титана, разрушающаго все, что противится его предназначенію, Моцартъ помѣстилъ трехъ восхитительныхъ женщинъ, выражающихъ три различныя отбѣнка чувства: донна Анна представляетъ падшее величіе, благородную гордость знатной дамы, вѣчную горестъ оскорбленной добродѣтели; донна Эльвира, восторженность, продолжительность и неизяснимую грусть презрѣнной любви, третья Церлина, деревенщина, приведенная въ рѣзвость и мечтающая о высшихъ наслажденіяхъ барской жизни. Возмѣ этихъ трехъ прелестныхъ цвѣтковъ находятся шеголеватый донъ Оттавіо, шутъ Лепорелло, крестьянинъ Мазетто и командоръ, глава стариннаго барскаго дому.

Личная и душевная часть Моцарта въ этой страшной драмѣ, это — вѣжность его сердца, которую малѣйшее горькое слово проливаетъ черезъ край; это божественная меланхолія его души, которая, бывъ поражена въ самыхъ драгоцѣнныхъ своихъ привязанностяхъ, почувствовала въ себѣ упадокъ духа въ цвѣтѣ лѣтъ; это наконецъ вѣжное и глубокое благочестіе, въ которомъ воспитали его родители, представлявшіе образецъ христіанскаго семейства, чистосердечная вѣра въ символы католицизма, которыхъ мрачная поэзія заставляла его рыдать на смертной постелѣ, когда онъ трепещущей рукою писалъ гимнъ другой жизни — «Реквиемъ». «Ахъ, говорилъ онъ однажды пріятелю своему протестанту, у насъ религія въ головѣ, а у насъ въ сердцѣ; вы не чувствуете, какъ мы, что значать эти слова: «*Agnus Dei qui tollis peccata mundi, dona nobis pacem*»; но когда кто былъ, какъ я, введенъ съ самого вѣчнаго дѣтства въ святилище католической религіи, когда кто присутствовалъ съ душой взволнованной, неопредѣленными желаніями, при божественной службѣ, гдѣ музыка передавала эти святые слова: «*Benedictus*

qui venit in nomine Domini!»! О! тогда другое дѣло. Послѣ, когда волнуешься въ пустотѣ пошлой жизни, эти первыя впечатлѣнія, оставшіяся неизгладимыми въ глубинѣ сердца, оживляются и восходятъ въ умъ, какъ вздохъ постепенно расширяющійся. Видно, что Моцартъ владѣлъ тайной своего гевія, нѣжностью и таинственной глубиной религіозной души.

«Фаустъ» и «Донъ-Жуанъ» олицетворяютъ, повторяемъ, два крайнія стремленія нашей сущности, и представляютъ намъ двойное выраженіе вѣка, обоготворившаго всемогущество человѣческихъ страстей. Одинъ хочетъ овладѣть безконечностью и высшимъ счастьемъ, заключившись въ мракъ чистой умственности, другой, погружаясь въ феномены чувствительности, гдѣ надѣется найти вѣчную юность. Драма Гёте, поэма Моцарта были задуманы среди этой большой, и философической, и литературной суматохи, волновавшей Германію въ концѣ осемнадцатаго столѣтія. Национальность двухъ художниковъ — не единственная точка сходства между ними. Родившись въ промежуткѣ нѣсколькихъ лѣтъ одинъ отъ другаго, Гёте и Моцартъ никогда не знали другъ друга, и были оба одарены великолѣпнымъ и яснымъ воображеніемъ. Верховные мастера своего дѣла, гораздо на всѣ языки и на всѣ слогы, они соединили съ нѣмецкой мечтательностью, тонкостью, изяществомъ, и оконченностью поэтовъ и музыкантовъ латинской породы. Оба любилъ Италію, обонхъ призвало туда тайное влеченіе, и оба оставили ее съ сердцемъ, полнымъ сожалѣнія, съ воображеніемъ, исполненнымъ свѣту и благоуханій, которыми обогатили языкъ своего отечества. Муза ихъ, какъ изгнанная душа, непрерывно обращаетъ взоръ къ этой блаженной странѣ и востъ съ Мицовой: «Знаешь ли ты землю, гдѣ цвѣтутъ лимоны?» Наконецъ, Гёте и Моцартъ оба сосредоточили безпокойства, стремленія своего вѣка, въ высокой драмѣ, гдѣ чудеса христіанской легенды соединяются съ философическимъ духомъ новыхъ временъ.

Всеобщій гевій Моцарта освоился со всѣми школами, не имѣя исключительнаго предпочтенія ни къ одной. Съ одинаковой горячностью изучалъ онъ сѣверныхъ и южныхъ композиторовъ; умѣлъ оплодотворить гармоническую ученость школы Баха итальянской мелодіей. «Нѣтъ ни одного знатнаго композитора, котораго бы я не перечитывалъ по нѣскольку разъ», признавался онъ, и на его столѣ видѣлись творенія Себастіана Баха возлѣ сочиненій Дуранте и Лео. Онъ питалъ глубокой восторгъ къ Генделю, который, говорилъ онъ часто, чертовски знаетъ эффекты:

когда захочет, поражаетъ какъ драмъ; отецъ цѣлудъ Джонардъ, любилъ легкій талантъ Виченцо Мартини, но мало уважалъ Газа и Грауна. Моцартъ — истинный творецъ вѣнецкой оперы. До него въ этомъ родѣ можно только упомянуть о попыткахъ гениальнаго человека, Василія Кейзера, и о мелодрамахъ Георгія Бенды, любимыхъ Моцартомъ. Авторъ «Донъ Жуана» увеличилъ и преобразовалъ рамку итальянской оперы, распространилъ область общихъ выходовъ пѣнія и музыки, и звезда туда оркестръ Гайдна, котораго колоритъ оживилъ болѣе искуснымъ применениемъ духовыхъ инструментовъ, употребляемыхъ съ особеннымъ вниманіемъ. Глюкъ тоже имѣлъ много вліянія на Моцарта, научилъ его возвышенному языку страстей, придалъ вкусъ къ большимъ перипетіямъ, выражаемымъ массами хоромъ; но авторъ «Идоменео» и «Донъ Жуана» выше пѣвца «Орфея», «Дидесты» и «Армиды», по разнообразію идей, гибкости стила, многообразности удареній, многосложности и распространенію общихъ голосовыхъ выходовъ и умѣнью аккомпанировать. Моцартъ почти единственный вѣнецкій композиторъ, который умѣлъ писать для человѣческаго голоса. Его мелодія, хотя вѣскодько короткія, всегда вѣряются легкимъ струнамъ гора, исключая особенныхъ случаевъ, когда вкусъ композитора долженъ быть подвергнутъся тиранин виртуоза. Его аккомпанементы такіе завязчивые, такъ исполненные искръ, отблесковъ и различныхъ движеній, составляющихъ наслажденіе знатоковъ, всегда подчинены вокальной мелодіи, за извѣнными которой они слѣдуютъ, не выходя изъ предѣловъ голосу, и не помрачая его звонкости. Это потому, что Моцартъ умѣетъ помѣстать каждую вещь на своемъ мѣстѣ. Гармоническій гений, полу-вѣнецкій, полу-итальянецкій, онъ не смѣшиваетъ симфонію и ея безпредѣльную область, съ мелодіей вокальной, выраженіемъ чувствъ личныахъ и опредѣленныхъ. Онъ умѣетъ силу граціей, лирические порывы воображенія, изліяніями души, и, какъ Виргилій, Рафаэль, и древнее искусство смягчаетъ жестокость страсти и преобразуетъ действительность. Въ его стилѣ есть сладость Перголеза и сила Глюка. Моцартъ — вѣнецъ идеальной любви, Платонъ музыкантовъ.

Послѣ смерти этого великаго композитора, музыкальное искусство, обнятое имъ во всѣхъ частяхъ, раздѣлилось на два потока. Веберъ и Бетговетъ на вѣнецкой сторонѣ, развиваютъ это чудное равновѣсіе двухъ составныхъ стѣхій, оперы, учрежденное Моцартомъ въ «Донъ Жуанѣ». Гениі самородныя, доидрженныя выбрызнувшіе прямо изъ германской почвы, въ которой обра-

исполненъ, какъ: отъчаянныя рыдания и необыкновенныя мольбы, онъ даже символически въ лирическую драму Царь-Коловратъ — и въ мажоръ: страсть! Въ пять минутъ инструментальной, камернаго характера, подготавливаетъ музыку. Божію, голосомъ пѣнія, музыкальнымъ жемчужнымъ ладомъ, переводъ талантовъ, пѣмой, музыка приростъ, ожидаетъ. мѣстами, заодно принадлежащими выражениямъ, голосомъ движимый. душа и страстной сердца; короткая сказка, востановившаяся помогаетъ и умалчиваетъ личность человека, которой Моцартъ музыкантъ во взросломъ. Бетховень хотѣлъ окончить, следъ карьеру, положивъ на музыку «Фауста» Гёте. Ждалъ, что великій человекъ не осуществитъ свое намѣреніе; мажоръ владѣли на томъ же языкѣ драмой: мысль, которую не могъ бы сравнить съ драмой чувства — «Донъ Жуаномъ».

Россия, съ своей стороны, осталась вѣрнѣе преданіямъ Моцартовымъ и мелодическому гению своей отчизны. Въ ея чудныхъ разнообразныхъ твореніяхъ, гласъ человеческій сохраняется, переживъ, который всегда долженъ быть на лирической сценѣ. Оркестръ оживляетъ, дополняетъ, оживляетъ изображение характеровъ и положеній. Человекъ своего времени и своей страны, торжась жить и надеждающа уснѣдами, Россия льстить, толпѣ, слышитъ пѣмцуую инструментовку съ итальянской мелодіей, расширяя размѣры и укрѣпляя могущество ея. Онъ особенно превосходить въ живописаніи сталкивающихся страстей, врывовъ любви, лучезарной веселости и юности, безконечныхъ волненій житейскихъ, волненій настоящихъ, не отлагающихся до завтра. Семь пятницъ на одной недѣлѣ не вѣтъ онъ въ музыкѣ, и лучи незримой темноты не падаютъ никогда на это полнокровное и свѣтлое пѣсновѣніе, въ которомъ дышатъ страсть и вѣга. Царство России на землѣ, между-тѣмъ какъ Моцартъ мистъ любви, которой, за недостаткомъ земли, будетъ наградою небо.

Глюкъ, Моцартъ и Россия представляютъ три различныя эпохи въ исторіи драматической музыки и человеческого ума. Первый выразилъ въ своихъ трагедіяхъ пагубу страсти, сильныя и серьезныя ощущенія сердца, торжественныя взрывы, беспорядки ненависти и любви, родительскую пѣжность и царское достоинство. Его стиль напряженный и возвышенный и его творенія съ отливомъ болѣе античнымъ чѣмъ новременнымъ, показываютъ первое пробужденіе настоящей лирической драмы. Моцартъ, явившійся послѣ, такой же великій музыкантъ, какъ высокій поэтъ.

Онъ воссѣваетъ грацію и чувства высшихъ натуръ, таинственныя горести души, видящей безконечные горизонты, грусть и сладострастіе возмужавшей образованности. Онъ владѣетъ изощренностью, глубиною и личностью натривцевъ. Геній его презираетъ грубыя желанія толпы; никогда не употребляетъ онъ пошлыхъ формулъ изъ подобострастія толпѣ, говорить, что хочетъ сказать, не заботясь о слушающей его публикѣ, и его каденціи останавливаются тамъ, гдѣ мысль. Онъ музыкаетъ оттѣнковъ, но оттѣнковъ, отражающихъ пѣжность души, а не утонченности ума. У него благочестіе ребенка, пѣжность и стыдливость женщины, и его страстный, но цѣломудренный и религіозный языкъ говорить только существамъ избраннымъ, которыхъ не много на землѣ. Россіини, напротивъ, шумно вырывается изъ очарованнаго міра, ломаетъ ворота духовнаго града, влагаетъ въ свои творенія бурный пылъ безумной веселости поколѣнія, овладѣвающаго жизнью съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ. Моцартъ занимаетъ мѣсто единственное въ исторіи искуства и человѣческаго ума. Онъ явился въ благопріятную минуту, въ исходѣ прежней образованности, чтобы собрать въ одно все свои чудеса и оставить будущей его пріемницѣ вѣчное и ни съ чѣмъ несравненное наследіе.

IV.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

=

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЕЛИКОРОССИЙСКИХ ГУБЕРНІЙ.

=

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

=

Мануфактурная дѣятельность тверской губерніи, въ особенности развилась въ послѣднее десятилѣтіе. Здѣсь въ 1808 году была только 31 фабрика, въ 1832 уже 72; а теперь, если считать всѣ кожевенные, крупяные, винокуренные и тому подобные заводы) всѣхъ фабрикъ и заводовъ 402 дѣйствующихъ съ 4,838 рабочихъ, 18 не дѣйствующихъ и 5 не въ полномъ ходу. — Не смотря на такое развитіе фабричной и заводской дѣятельности, она еще далеко не соответствуетъ тѣмъ выгодамъ, которыя представляетъ географическое положеніе края для доставки матеріаловъ на фабрики и сбыта ихъ произведеній. Главная причина не полного развитія здѣшнихъ мануфактуръ заключается, какъ мы уже замѣтили, въ сосредоточеніи капиталовъ въ рукахъ купечества, которому выгоднѣе обращать ихъ на торговлю хлѣбомъ и пенькою, нежели на фабрикаціи. Кромѣ того, устройство и содержаніе въ порядкѣ фабрикъ и заводовъ, требуетъ, сверхъ

капиталовъ, особыхъ предварительныхъ свѣдѣній, специальныхъ техническихъ знаній, чуждыхъ для большей части нашего купечества. Не владѣя этими знаніями, капиталисты, весьма основательно, боятся заводскихъ аферъ, даже и выгодныхъ; боятся вѣрять свое достояніе въ руки наемныхъ, выписныхъ мастеровъ, которыхъ ни направить, ни повѣрить сами не въ состояніи. Отъ этого выписка отличныхъ мастеровъ за дорогую цѣну многими почитается безразсудною тратою денегъ съ сомнительнымъ вознагражденіемъ. Наконецъ, къ числу причинъ, замедляющихъ развитіе мануфактуръ, можно отнести и сравнительную дороговизну хлѣба, отчего здѣсь наемъ рабочихъ обходится дороже, нежели въ смежныхъ губерніяхъ. Не смотря на то, что купечество сильно занято торговлею хлѣбомъ и пенькою, оно же главный дѣятель и по мануфактурной промышленности. Помѣщики не имѣютъ капиталовъ, и потому не могутъ заводить фабрикъ въ большомъ размѣрѣ. Большая часть фабрикъ и заводовъ устроены въ городахъ, купцами, занимающими въ рабочіе преимущественно мѣщанъ; меньшая часть мануфактурныхъ заведеній, въ деревняхъ, принадлежитъ помѣщикамъ, употребляющимъ для работъ своихъ крѣпостныхъ людей. Иностранныхъ мастеровъ на заводахъ въ цѣлой губерніи только 31 человекъ, въ томъ числѣ на стеклянныхъ 21, на сыроварняхъ 7, на бумагопрядильной фабрикѣ купца Савина 1, на полотняной князя Куракина 1, и на химической господина Ремера 1.

Разсмотримъ сначала въ какой мѣрѣ развились въ тверской губерніи разные роды мануфактурной и заводской дѣятельности, а потомъ изчислимъ фабрики и заводы по уѣздамъ.

Въ тверской губерніи до 35 различныхъ фабрикъ и заводовъ. Самые важные въ губерніи *кожевенные заводы*; ихъ 75, съ 486 рабочихъ; на нихъ выдѣлывается въ годъ до 200,000 разнаго рода кожъ, на сумму около 405,000 руб. сер. Изъ этихъ заводовъ 40 въ Осташковѣ выработываютъ до 113,000 кожъ, на сумму до 240,000 руб. сер.; они принадлежатъ купцамъ и мѣщанамъ; рабочихъ до 345 чел. Важнѣйшій изъ осташковскихъ заводовъ — братьевъ Савиныхъ, выдѣлывающій до 50,000 кожъ, красной и палевой юфти; на заводѣ почетной гражданки Мосагиной выдѣлываются (14,500 кожъ) красная юфть, вырестки, опойки и конскія кожи; на заводѣ купца Королькова — черная и бѣлая юфть и конскія кожи; на заводѣ купца Размыелова — подшвенныя и конскія кожи, также черная и бѣлая юфть; на заводѣ мѣщанина Щетянина — козловыя кожи; на прочіяхъ же за-

водахъ исключительно конскія кожи, изъ которыхъ тамъ шьютъ рукавицы и крестьянскіе сапоги, въ особенности послѣдніе (до 125,000 паръ). Количество выдѣлываемыхъ кожъ превращается въ эти издѣлія, которыя развозятся въ разныя губерніи: нынѣ же запросъ ихъ на желѣзную дорогу чрезвычайно увеличился. Юфть, выдѣлываемая на заводѣ Савина и Мосягиной отправляется чрезъ Петербургъ, за границу. Бычачья и коровья кожи, выдѣлываемыя на заводахъ Королькова и Размыслова, идутъ большею частью въ Петербургъ; козловыя же съ завода Щетинина, сбываются, частью въ Москвѣ, частью въ городахъ тверской губерніи.

Въ Торжкѣ 12 кожевенныхъ заводовъ, съ 50-ю рабочихъ, выработывающихъ до 20,650 кожъ. Изъ этихъ заводовъ 4 принадлежатъ мѣщанамъ, остальные купцамъ. Кожевенные заводы въ Торжкѣ, исключая заводовъ купцовъ: Климушина, Морозова и Головина, выдѣлываютъ также конскія кожи, изъ которыхъ тамъ шьютъ большею частью рукавицы; на заводахъ же Климушина и Морозова выдѣлываются подошвенныя кожи, бѣлая и черная юфть и конскія кожи; а на заводѣ Головина — черная и бѣлая юфть. Главный сбытъ кожъ, выдѣлываемыхъ на первыхъ двухъ заводахъ производится въ Петербургъ, съ послѣдняго же на мѣстѣ. Кроме шитья рукавицъ, въ Торжкѣ, какъ мы уже говорили, занимаются вышиваніемъ золотомъ, серебромъ и шелками сафьяна, изъ котораго выдѣлываютъ тамъ же въ значительномъ количествѣ башмаки, сапоги и другія вещи, также приготавливаютъ много позумента и бахрамы.

Въ ржевскомъ уездѣ выдѣлывается до 19,000 кожъ: мостовья, черной и бѣлой юфти, выростковъ, опойка и конскихъ. Сбытъ ихъ производится большею частью въ С.-Петербургѣ.

Въ Твери 3 завода, на которыхъ выдѣлывается 12,000 кожъ: подошвенной, черной и бѣлой юфти, выростковъ, опойковъ и конскихъ кожъ. Главный сбытъ ихъ производится на мѣстѣ.

Въ Старицѣ 4 кожевенныхъ завода, выдѣлывающихъ до 18,000 кожъ разныхъ родовъ. Сбытъ издѣлій производится на ярмаркахъ тверской губерніи.

Въ Вышнемъ-Волочкѣ 2 завода, выдѣлывающихъ до 4,000 разныхъ кожъ. Въ Бѣжецкѣ выдѣлываютъ до 2,500 кожъ, сбываемыхъ на мѣстѣ. Въ Кашиинскомъ уездѣ до 1,000 подошвенныхъ кожъ, сбываемыхъ въ селѣ Кимрѣ, корчевскаго уѣзда.

Въ Колязинѣ 4 завода, производяшіе до 3,200 кожъ подошвенныхъ, черной и бѣлой юфти и опойка, сбываемыхъ въ селѣ Кимрѣ.

Въ корчевскомъ уѣздѣ 7 заводовъ съ 26 рабочими, на которыхъ выдѣлывается до 9,600 кожъ. На заводѣ крестьянина Мошкина выдѣлывается бѣлая и черная юфть в разныхъ цвѣтовъ лайка; на прочихъ заводахъ — только юфть; сбытъ ихъ въ Кириѣ, откуда она расходится по корчевскому и колязинскому уѣздамъ. Матеріалы потребныя для заводовъ приобрѣтаются: сырыя кожи конскія въ значительномъ количествѣ изъ московской губерніи, въ особенности изъ села Пышкова; бычачьи и коровьи — частью отъ пригоннаго скота, а частью привозятся изъ Москвы и другихъ мѣстъ.

Послѣ кожевенныхъ заводовъ наибольшее значеніе имѣютъ для губерніи пенькопрядильни; ихъ 47. По числу работающихъ рукъ, пенькопрядильни могутъ быть поставлены даже выше кожевенныхъ заводовъ; на первыхъ 957 рабочихъ, а на послѣднихъ только 486. Пенькопрядильни производятъ на сумму до 616,000 руб. сер. На нихъ готовится канатная пряжа, или такъ называемая каболка и разной толщины веревки. Все это идетъ преимущественно въ Петербургъ, а частью по городамъ губерніи для оснастки барокъ. Почти вся пенькопрядильная промышленность сосредоточена въ городѣ Ржевѣ, и составляетъ главное занятіе тамошнихъ мѣщанъ и ямщиковъ. Зимой большая часть городскихъ улицъ обращается въ прядильни. Изъ числа 40 прядильенъ, находящихся въ Ржевѣ, 28 принадлежатъ купцамъ, 10 мѣщанамъ и 2 ямщикамъ. На 11 пенькопрядильныхъ вырабатывается до 131,500 пуд. пеньковой пряжи; рабочихъ на этихъ фабрикахъ 705 человекъ. На остальныхъ фабрикахъ вырабатываются веревки до 46,600 пуд.; на нихъ рабочихъ 213 человекъ. Вережки на всѣхъ ржевскихъ пенькопрядильныхъ заведеніяхъ, приготавливаются большею частью изъ пеньки тамошнихъ купцовъ по ихъ заказу; за выработку платится около 20 коп. сер. съ пуда. Пенька же, употребляемая какъ на приготовленіе веревокъ, такъ и канатной пряжи, приобрѣтается въ курской, орловской, смоленской и другихъ губерніяхъ; ея ввозится въ Ржевъ до 1,000,000 пудъ, но изъ этого количества не болѣе $\frac{1}{6}$ превращается въ помянутыя издѣлія, остальное же идетъ въ С.-Петербургъ. Кромѣ ржевскихъ пенькопрядильенъ есть еще въ Твери 7, изъ которыхъ 4 принадлежатъ купцамъ, а 3 мѣщанамъ. На всѣхъ ихъ рабочихъ 38 человекъ, вырабатывающихъ въ годъ до 7,150 пудъ. На купеческихъ заведеніяхъ, кромѣ веревокъ, приготавливаются иногда и канаты. Пенька, употребляемая на приготовленіе

веревокъ, приобрѣтается на мѣстѣ. Сбытъ веревокъ производится также на мѣстѣ.

Всѣ вообще цѣнкооцрадительны находятся въ хорошемъ состояннѣ.

Бумагопрядильная фабрика, въ губерніи только одна, въ Осташковѣ; принадлежитъ осташковскому купцу Ивану Савину съ братьями; приготовляетъ пряжу отъ 28 до 40 №. На ней выработывается въ годъ около 15,000 пудъ пряжи, цѣною на сумму до 200,000 руб. сер.; рабочихъ на фабрикѣ до 800 человекъ. Бумажная хлопка на выдѣлку пряжи привозится на собственныхъ корабляхъ Савина изъ Остидіи, Египта и Америки. Сбытъ издѣлій производится преимущественно въ Москву. Всѣхъ машинъ на фабрикѣ 98; онѣ приводятся въ движеніе двумя паровыми машинами обыкновеннаго давленія, силою, одна въ 12, а другая въ 20 лошадей. Для разматыванія пряжи на фабрикѣ 80 мотовилъ; ходомъ работъ управляетъ мастеръ, выписанный изъ Англіи, равно и большая часть машинъ, находящихся на фабрикѣ, выписаны оттуда же.

Фабрикъ бумажныхъ издѣлій въ губерніи 13; на нихъ рабочихъ 447 человекъ, выдѣлывающихъ издѣлій на сумму до 10,000 р. с. Всѣ фабрики бумажныхъ издѣлій, за исключеніемъ фабрики князя Куракина, приготовляютъ или миткаль, или холстинку изъ пряжи московскихъ, а частью и ярославскихъ купцовъ, по ихъ заказамъ, получая за выработку этихъ издѣлій отъ 2 до 3 коп. сер. съ аршина. Самая большая изъ фабрикъ бумажныхъ издѣлій принадлежитъ генералъ-майору Жеребцову, находится въ осташковскомъ уѣздѣ и имѣетъ 115 человекъ рабочихъ и 100 станковъ; на пей выработывается въ годъ до 140,000 арш. Въ колязинскомъ уѣздѣ, изъ 11 фабрикъ бумажныхъ издѣлій, 2 принадлежатъ казеннымъ крестьянамъ; на нихъ 34 человекъ рабочихъ, 28 станковъ и выработывается въ годъ до 52,000 аршинъ миткалю. Другія 9 фабрикъ, помѣщичьихъ крестьянъ, выработываютъ ежегодно миткалю 90,000 арш., холстинки 232,000 арш.; на калязинскихъ фабрикахъ рабочихъ 302 человекъ, станковъ 252.

На фабрикѣ князя Куракина, въ зубцовскомъ уѣздѣ приготовляются разнаго рода кисей, перкаль, кисейные и перкальные платки, ежегодно, на сумму до 3,000 руб. сер. На фабрикѣ 21 станъ, 30 человекъ рабочихъ, изъ крестьянъ, и 1 мастеръ, итальянецъ. Для приготовленія издѣлій употребляется англійская пряжа, получаемая изъ Москвы. Сбытъ издѣлій производится въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Киевѣ и Орлѣ.

На всѣхъ фабрикахъ бумажныхъ издѣлій употребляются обыкновенные станки.

Химическая бѣльня Ремера, въ зубцовскомъ уѣздѣ, занимается бѣленіемъ, и аппретурою бумажнаго товара московскихъ купцовъ и фабрику князя Куракина. На бѣльнѣ Ремера при мастерѣ иностранцѣ мастеровыхъ и чернорабочихъ изъ вольнонаемныхъ 16 человекъ. Всего выдѣливается на ней въ годъ 30,000 кусковъ: миткаль бѣлится отъ 30 до 65 копѣекъ серебромъ, а кисей отъ 30 до 33 копѣекъ серебромъ съ куска (въ кускѣ 11 аршинъ).

Полотняныхъ фабрикъ въ губерніи 3; онѣ, по причинѣ затруднительнаго сбыта издѣлій, постепенно годъ отъ году упадаютъ. Только одна изъ полотняныхъ фабрикъ, въ Калязинѣ, принадлежащая наследникамъ купца Верещагина, еще поддерживаетъ болѣе или менѣе свое производство. На этой фабрикѣ готовится равендуку и фламскаго полотна до 600 кусковъ въ годъ (по 50 аршинъ въ кускѣ). Станковъ на ней 20, рабочихъ изъ вольнонаемныхъ 25; льняная пряжа, для приготовления издѣлій, приобрѣтается въ Ярославлѣ, Кашинѣ и Калязинѣ, а сбытъ ихъ производится большею частью въ С. Петербургѣ. Двѣ другія фабрики, одна баронессы Корфъ въ корчевскомъ уѣздѣ, другая помѣщика Толстаго, въ оставковскомъ уѣздѣ, работаютъ: первая каламенку, полотеницы и салфетки, вторая равендуку. На фабрикѣ баронессы Корфъ 5 простыхъ и 4 жакардовыхъ станка, которые употребляются для приготовления полотеницъ и салфетокъ; рабочихъ 14 человекъ; выработывается на сумму не болѣе 1,200 рублей серебромъ въ годъ. Сбытъ издѣлій производится частью въ С. Петербургѣ, частью въ городахъ тверской губерніи. Льняная пряжа, употребляемая на выдѣлку издѣлій, приобрѣтается въ Ржевѣ, Калязинѣ и Кашинѣ. На фабрикѣ Толстаго всего пять станковъ и 6 человекъ рабочихъ, изъ его крестьянъ; на ней выдѣливается равендуку не болѣе 125 кусковъ въ годъ, сбываемаго въ С. Петербургѣ. Пряжа на выдѣлку равендука готовится его же крестьянами изъ льна, приобрѣтаемаго въ Смоленской и псковской губерніяхъ. Двѣ послѣднія фабрики были некогда значительны, такъ что каждая изъ нихъ имѣла болѣе 25-ти станковъ.

О холщевыхъ промыслахъ мы говорили уже при описаніи сельского хозяйства губерніи.

Суконная фабрика въ тверской губерніи одна, въ зубцовскомъ уѣздѣ; принадлежитъ г. Головину; выдѣливаетъ сѣрыя солдатскія сукна

изъ шерсти московскаго купца, по его заказу. Трепальные машины, а также и кардные приводятся въ движение коннымъ приводомъ, мюля руками. Тканіе сукна на этой фабрикѣ производится на обыкновенныхъ станкахъ, которыхъ въ дѣйствіи до 70; мастеровыхъ и чернорабочихъ изъ своихъ крестьянъ около 100 человекъ. За выработку сукна получается по $17\frac{1}{4}$ коп. сер. съ аршина. Всего вырабатывается здѣсь до 2,000 кусковъ въ годъ, на сумму до 15,000 рублей серебромъ.

Ковровая фабрика тоже одна, въ кашинскомъ уѣздѣ, въ имѣніи помѣщика Лихачева; на ней ткуются ковры на манеръ гобеленовыхъ. Работа ихъ доведена до такого совершенства, что глазъ съ трудомъ можетъ различить ткань отъ живописи. Шерсть и рисунки выписываются изъ Парижа.

Писчебумажныхъ фабрикъ 4; онѣ готовятъ оберточную, сахарную, стоповую пудовую и простую пудовую бумагу. Рабочихъ 175 человекъ, выдѣлывается на сумму до 15,000 рублей серебромъ.

На фабрикѣ генеральши Дубельтъ, въ новоторжскомъ уѣздѣ находится 9 ролей, изъ которыхъ три приводятся въ движение паровою машиною обыкновеннаго давленія — силою въ 12 лошадей, а 6—водою. Рабочихъ изъ своихъ крестьянъ до 70 человекъ. На этой фабрикѣ готовится большею частью оберточная, сахарная синяя и бѣлая бумага. Матеріалы, нужные для приготовления, пріобрѣтаются: тряпье, рогожи и охлопья въ Старицѣ и Торжкѣ, квасцы, сандалъ и купоросъ въ С. Петербургѣ. Всего вырабатывается на ней въ годъ до 6,000 пудъ бумаги, сбытъ которой преимущественно производится въ С. Петербургѣ. Въ томъ же уѣздѣ, есть еще 2 фабрики Беклемишова и Бакунина. Первая изъ нихъ готовится оберточную бумагу простую и стоповую пудовую, сахарную бѣлую, и не въ большомъ количествѣ писчую бѣлую; на ней рабочихъ, изъ своихъ крестьянъ, 40 человекъ; вырабатывается въ годъ около 6,000 пудъ бумаги, сбытъ которой производится въ Торжкѣ и С. Петербургѣ. Матеріалы для приготовления ея пріобрѣтаются: тряпье на мѣстѣ, охлопья въ Старицѣ. Вторая (Бакунина) готовится оберточную стоповую пудовую бумагу изъ матеріала новоторжскаго купца, по его заказу, до 1,500 пудъ въ годъ; плата за выработку ея отъ 60 до 65 копѣекъ серебромъ съ пуда. На фабрикѣ мастеровыхъ, изъ своихъ крестьянъ, 30 человекъ. — Четвертая бумажная фабрика, въ кашинскомъ уѣздѣ, принадлежитъ купцу Кулкину, готовится большею частью оберточную простую

пудовую бумагу; на ней рабочихъ, изъ вольноземныхъ, 35 человекъ. Она вырабатываетъ въ годъ до 6,500 пудъ бумаги, сбытъ которой производится въ Камни въ С. Петербургѣ. Молота и роли на трехъ послѣднихъ фабрикахъ приводятся въ движеніе водою.

Сигарная фабрика, недавно открытая въ Твери тамошними купцами Капустиными, приготовляетъ разные сорта сигаръ, цѣною отъ 72-хъ копѣекъ серебромъ до 7 рублей серебромъ за сотню. Табакъ на выдѣлку ихъ пріобрѣтается въ С. Петербургѣ и Москвѣ, а сбытъ сигаръ производится на мѣстѣ.

Крупяныхъ заведеній, приготовляющихъ овсяную, а частью и ячневую крупу, въ губерніи 36, но 10 изъ нихъ не дѣйствуютъ; изъ числа заведеній 25 принадлежатъ купцамъ, остальные мѣщанамъ. На всѣхъ ихъ готовится 6,550 четвертей крупъ, для чего употребляется до 90 человекъ рабочихъ. Изъ числа крупяныхъ заведеній въ Твери 18, въ Зубцовѣ 1, въ Ржевѣ 3, въ Волочкѣ 1, въ Торжкѣ 3. Кромѣ того недѣйствующихъ 8 въ Твери и 2 въ Бѣжецкѣ. Овесъ и ячмень на приготовленіе крупъ пріобрѣтаются на мѣстѣ. Сбытъ крупъ производится большею частью на мѣстѣ, частью въ С. Петербургѣ.

Крахмальныхъ заводовъ въ губерніи 16; всѣ они въ Калезинѣ (10) и его уѣздѣ (6); на нихъ готовится до 68,200 пудъ пшеничнаго крахмалу; рабочихъ 138 человекъ. Изъ числа заводовъ 4 принадлежатъ казеннымъ крестьянамъ, остальные купцамъ; за выработку берется около 20 копѣекъ серебромъ съ пуда. Пшеница, на приготовленіе крахмала, пріобрѣтается въ Рыбинскѣ. Сбытъ же его производится въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Тулѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. На заводѣ помѣщицы Вельяминовой-Зерновой, кромѣ пшеничнаго крахмала, приготовляютъ картофельный. Картофель, употребляемый на выработку, выращивается при заводѣ, а крахмаль частью идетъ въ продажу, частью превращается на этомъ же заводѣ въ патоку.

Солодовень 33; онѣ приготовляютъ до 33,560 пудъ ржаного и ячневаго солода, на сумму до 131,000 рублей серебромъ, рабочихъ на солодовняхъ до 110 человекъ. Самыя обширныя изъ солодовень находятся въ Торжкѣ, гдѣ въ особенности много готовятъ ячневаго солоду. Всѣхъ солодовень въ Торжкѣ 18, въ Осташковѣ 3, въ Ржевѣ 2, въ Зубцовѣ 1, въ Старицѣ 2, въ Твери 6, въ Корчевѣ 1. Изъ числа солодовень 5 принадлежатъ мѣщанамъ, остальные купцамъ. Сбытъ солода производится съ

торжковскихъ солодовень и съ солодовни зубцовакаго купца Некрасова въ С. Петербургѣ, а со всѣхъ другихъ на мѣстѣ.

Паточныхъ заводовъ 3, въ Калязинѣ, Ржевѣ и Торжкѣ; на нихъ приготавливаютъ десять человекъ рабочихъ картофельной пачки до 11,000 пудъ, на сумму до 16,250 рублей серебромъ.

Свекловично-сахарный заводъ въ губерніи одинъ, въ старичкомъ уѣздѣ; принадлежитъ князю Мещерскому; на немъ мастеровыхъ и чернорабочихъ, изъ своихъ крестьянъ, бываетъ во время дѣйствія завода до 50 человекъ; выработывается сахарнаго песку изъ собственной свекловицы около 400 пудъ, сбытъ котораго, тысячи на 3 рублей серебромъ, производится въ Москвѣ.

Пряничныхъ заведеній 20; изъ нихъ 8 принадлежатъ купцамъ и 3 крестьянамъ, — остальные мѣщанамъ. Наибольшее число пряничныхъ заведеній въ Твери и Торжкѣ по 7; потомъ въ Кашинѣ 3, во Ржевѣ 2, въ Красномъ-Холму 1. На всѣхъ 20 заведеніяхъ приготавливается сахарныхъ пряниковъ до 2,200 пудъ; паточныхъ и медовыхъ до 10,400 пудъ; рабочихъ въ заведеніяхъ до 45 человекъ.

Сбытъ пряниковъ, на сумму до 30,600 рублей серебромъ, производится, большею частью, на ярмаркахъ губерніи. Кромѣ пряниковъ, во Ржевѣ приготавливаютъ еще яблочную постилу, которая славится въ Россіи; на 5 небольшихъ заведеніяхъ, ея приготавливается тамъ до 180 пудъ. Приготовление постилы производится самими хозяевами заведеній.

Пивоварныхъ заводовъ 15. На нихъ приготавливается пива до 43,500 ведеръ, на сумму до 44,000 рублей серебромъ; рабочихъ на заводахъ до 60 человекъ. Изъ числа заводовъ въ Твери 3, въ Бѣжецкѣ 1, въ Весьегонскѣ 1, въ Кашинѣ 1, въ Калязинѣ 2, въ Корчевѣ, 1, въ Старичѣ 1, въ Зубцовѣ 1, въ Осташковѣ 2, въ Вышнемъ Волочкѣ 1, въ Торжкѣ 1. Всѣ заводы принадлежатъ питейному откупу.

Винокуренныхъ заводовъ 10; изъ всѣхъ только одинъ барона Бухгольца, приготавливаетъ вино изъ картофеля (до 20,000 ведеръ); всѣ же прочіе курятъ его изъ ржаной муки. Принимая въ расчетъ нормальную силу заводовъ, на нихъ можетъ изготовляться до 724,000 ведеръ; дѣйствительно же изготовляется, смотря по потребности вина для откупщиковъ; работниковъ на заводахъ 370 человекъ. Всѣ заводы принадлежатъ помѣщикамъ; самый большой изъ нихъ князи Мещерскаго, можетъ выкуривать до 197,000 ведеръ. Изъ числа заводовъ 2 въ старичкомъ уѣздѣ, 2 въ зуб-

повсюду, 1 въ ссташковскомъ, 2 въ новоторжскомъ и 4 въ тверскомъ.

Уксусныхъ заводовъ 2; они приготовляютъ до 6,000 ведеръ краснаго уксусу изъ ржаваго солода вмѣстѣ съ ячневымъ. Сбытъ уксусу тысячникъ 2 рублей серебромъ производится частью въ Торжкѣ, частью въ С. Петербургѣ. Кроме того въ тверскомъ уездѣ, въ имѣніи барона Бухгольца, устроены вновь уксусный заводъ въ большомъ размахѣ.

Дехтярныхъ заводовъ 6. О производствѣ дегтя, смолы и скипидара, какъ на заводахъ, такъ подеревнямъ, мы и подробно говорили при описаніи лѣсныхъ промысловъ губерніи.

Сыроваренъ 16; всѣ онѣ принадлежатъ помѣщикамъ и находятся въ ихъ имѣніяхъ; на сыроварняхъ князя Мещерскаго, князя Куракина и г-на Неплюева занимаются приготовленіемъ сыра Швейцарцы; на прочихъ же крѣпостные люди владѣльцевъ заведеній. На всѣхъ сыроварняхъ готовится сыру до 6,150 пудъ, на сумму до 50,000 рублей серебромъ; на нихъ рабочихъ до 35 человекъ. Изъ числа сыроваренъ: въ старицкомъ уездѣ 3, въ зубцовскомъ 1, въ тверскомъ 2, въ новоторжскомъ 2, въ бѣжецкомъ 3, въ весьеговскомъ 1, въ кашинскомъ 2, въ калининскомъ 1, въ корчевскомъ 1. Лучшій сыръ выдѣлывается на сыроварняхъ князя Мещерскаго, князя Куракина, Загряжскаго, Полторацкаго, Кисловскаго и Бухгольца; первый изъ нихъ добротой почти ничѣмъ неуступаетъ швейцарскому и считается лучшимъ сыромъ изъ приготовляемыхъ въ Россіи. Сбытъ сыра производится въ Москвѣ и С. Петербургѣ.

Маслобойныхъ заводовъ въ губерніи 3; два въ Бѣжецкѣ и 1 въ Твери; на нихъ приготовляютъ масла большею частью изъ льнянаго сѣмяни до 1,700 пудъ, на сумму до 4,500 рублей серебромъ.

Клееварныхъ заводовъ тоже 3; они всѣ въ Красномъ-Холму и приготовляютъ всего до 1,800 пудъ, на сумму до 7,000 рублей серебромъ; рабочихъ 13 человекъ. Кожевенныя обрѣзки, употребляемые для приготовленія клею на этихъ заводахъ приобрѣтаются на ярмаркахъ тверской и ярославской губерній; тамъ же производится и сбытъ его. Кроме упомянутыхъ заводовъ, почти всѣ кожевенныя заводы, находящіеся въ Осташковѣ, приготовляютъ клей, котораго вываривается тамъ изъ мездры кожъ, накоплавшейся при выдѣлкѣ ихъ, ежегодно до 2,500 пудъ.

Салотопныхъ заводовъ 4; всѣ они незначительны. Сала вытѣпливается до 4,000 пудъ, на сумму до 12,000 рублей серебромъ;

рабочихъ 11 человекъ; заводы находятся въ Твери, Бѣжецкѣ, и 2 въ Красномъ-Холму. Половина изъ показаннаго количества сала вытѣпливается на заводахъ Бушмарина и Сапожникова и передѣлывается въ свѣчи; другая же половина, также и вытѣпливаемое на прочихъ заводахъ, идетъ прямо въ продажу. Сбытъ сала производится на мѣстѣ.

Свѣчныхъ заводовъ 25; на нихъ работаетъ до 60 человекъ, выдѣлывается до 17,000 пудовъ свѣчь. Изъ числа заводовъ въ Твери 4, въ Старицѣ 2, въ Ржевѣ 3, въ Торжкѣ 4, въ Бѣжецкѣ 3, въ Красномъ-Холму 3, въ Весьеговскѣ 1, въ Кашинѣ 2, въ Калезинѣ 2, въ Корчевѣ 1. Сало на приготовленіе свѣчь приобрѣтается на мѣстѣ; сбытъ ихъ, на сумму до 56,000 рублей серебромъ, производится также на мѣстѣ. Большая часть заводовъ принадлежитъ купцамъ и только три изъ нихъ мѣщанамъ.

Воскобоянь въ губерніи 6, въ Старицѣ, въ Кашинѣ, въ Торжкѣ, въ Бѣжецкѣ, и 2 въ Калезинѣ; на нихъ очищается воску до 450 пудъ, на сумму до 5,800 рублей серебромъ. Сушка, для пробивки изъ нея воску, скупается у крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ Тверской губерніи. Сбытъ же воску производится большею частью, въ Москвѣ. Кромѣ того на заведеніи купца И. Капустина, въ Твери, выдѣлываютъ ежегодно изъ очищеннаго воска, приобрѣтаемаго большею частью въ Москвѣ, до 500 пудъ *церковныхъ свѣчь*. Сбытъ свѣчь на сумму до 8,500 рублей серебромъ, производится на мѣстѣ.

Колбасныхъ заводовъ 4; 2 въ Кашинѣ, и 2 въ Красномъ-Холму; на нихъ готовится ежегодно до 3,400 пудъ разнаго сорта колбасъ, на сумму до 9,000 рублей серебромъ; на заводахъ рабочихъ до 50 человекъ. Сбытъ же издѣлія производится большею частью въ С. Петербургѣ.

Химическихъ заводовъ 7; всѣ они, за исключеніемъ заводовъ Нечаева и Волосковыхъ, находятся въ корчевскомъ уѣздѣ; производятъ ежегодно на 78,000 рублей серебромъ. На заводѣ калининскаго купца Чекрыжева готовится ежегодно синянаго кали и берлявской лазури на сумму до 15,000 рублей серебромъ. Рабочихъ на немъ 16 человекъ. Издѣлія сбываются на нижегородской и ростовской ярмаркахъ. Матеріалы приобрѣтаются: поташъ и желѣзный купоросъ въ Ржевѣ, сушеная кровь въ Москвѣ, а прочіе въ разныхъ мѣстахъ тверской губерніи. На заводѣ иностранца Брыценгаузена готовится ежегодно древесной кислоты и раствора желѣза и мѣди около 3,000 пудъ, сбытъ которыхъ производится въ Петербургѣ и Москвѣ. Рабо-

чихъ 5 человекъ. Обрѣзки желѣза и мѣди приобрѣтаются на мѣстѣ. На заводѣ В. Кабешкина готовится сѣрая кислота (купоросное масло) и желѣзный купоросъ. На заводѣ дитровскаго мѣщанина Жеребина мѣдный купоросъ, главный сбытъ котораго до 1,500 пудъ производится въ Москвѣ; мѣдь и сѣра, для приготовления купороса, приобрѣтаются также въ Москвѣ. На заводѣ московскаго купца Гладина готовится древесная, сѣрая, селитряная и соляная кислоты, желѣзный и мѣдный купоросъ, квасцы, сурикъ, ярь венеціанская и мѣдика; кромѣ того, на немъ еще литруется селитра и другія вещества. Мастеровыхъ и чернорабочихъ на этомъ заводѣ 53 человекъ. Матеріалы нужны для него приобрѣтаются большею частью въ Москвѣ; сбытъ издѣлій, на сумму до 60,000 рублей серебромъ, производится тамъ же. На заводѣ тверскаго купца Нечаева въ Твери, готовились прежде синильное кали и берлинская лазурь; теперь же онъ находится въ бездѣйствіи. На двухъ заводахъ купца и мѣщанина Волосковыхъ, въ Ржевѣ, готовится изъ кошенили карминъ и разныхъ сортовъ бакавъ. Способъ приготовления ихъ — тайна владѣльцевъ, отчего и работа производится ими самими. На первомъ изъ заводовъ готовится карминъ и разныхъ сортовъ бакаву на сумму около 6,000 рублей серебромъ, на второмъ не болѣе какъ на 2,000 рублей серебромъ. Кошениль приобрѣтается въ С. Петербургѣ; сбытъ издѣлій производится большею частью въ обѣихъ столицахъ. Карминъ заводовъ Волосковыхъ очень уважается въ торговлѣ и принадлежитъ къ лучшимъ изъ приготовляемыхъ въ Россіи.

Хрустальный заводъ въ губерніи только одинъ, Полторацкихъ, въ повоторжскомъ уѣздѣ. На немъ готовится ежегодно разныхъ хрустальныхъ вещей, цвѣтныхъ и бѣлыхъ, на сумму до 20,000 рублей серебромъ. Мастеровыхъ и чернорабочихъ на заводѣ, изъ своихъ крестьянъ, 100 человекъ. Бѣлый песокъ для завода приобрѣтается въ Москвѣ и зубцовскомъ уѣздѣ; поташъ и селитра въ Москвѣ и на нижегородской ярмаркѣ; сурикъ, марганецъ, мышьякъ, смальта и другіе матеріалы въ С. Петербургѣ; глина для печей въ Москвѣ и ржевскомъ уѣздѣ; — для дойницъ въ демьянскомъ уѣздѣ, новгородской губерніи. Главный сбытъ издѣлій производится въ Москвѣ, на нижегородской ярмаркѣ и въ Твери. Заводъ Полторацкихъ довольно хорошо устроенъ, въ особенности шлифовня; произведенія его почти ни въ чемъ не уступаютъ произведеніямъ лучшихъ въ Россіи заводовъ Мальцовыхъ, Бахметева и Орлова.

Стекланныхъ заводовъ въ губерніи 7; на 3-хъ изъ нихъ приготавливается аптекарская посуда, а на 4-хъ оконническое листовое стекло; цѣнность производства всѣхъ этихъ заводахъ простирается до 133,000 рублей серебромъ; рабочихъ на нихъ до 180 человекъ.

На заводѣ Ладыженскаго, въ корчевскомъ уѣздѣ, вырабатывается ежегодно разной аптекарской посуды, бѣлаго и зеленого стекла, на сумму до 95,000 рублей серебромъ; рабочихъ 27 человекъ. На заводѣ иностранца Ланко, въ томъ же уѣздѣ, вырабатывается посуды, бѣлой и зеленой, на сумму до 7,000 рублей серебромъ; мастеровыхъ и чернорабочихъ 16 человекъ; въ томъ числѣ иностранцевъ 6. Заводъ г-жи Тяжеловой, въ калужскомъ уѣздѣ, вырабатываетъ посуды въ годъ на сумму до 15,000 рублей серебромъ; на немъ мастеровъ и чернорабочихъ изъ вольнонаемныхъ 29 человекъ, въ томъ числѣ 6 иностранцевъ.

Сбытъ издѣлій съ этихъ 3-хъ заводовъ производится преимущественно въ Москвѣ. Главные матеріалы для выдѣлки ихъ приобрѣтаются также въ Москвѣ.

Изъ 4-хъ заводовъ для выдѣлки оконническаго стекла, три выдѣлываютъ бѣское, а 1 зеленое. На заводѣ г-на Львова въ вышневолоцкомъ уѣздѣ вырабатывается ежегодно стекла до 800 полулящиковъ. Мастеровыхъ и чернорабочихъ, изъ своихъ крестьянъ, 26 человекъ, въ томъ числѣ 5 иностранцевъ. Кромѣ бѣскаго стекла этотъ заводъ назадъ тому года три, выдѣлывалъ зеркала, но теперь, по небольшой выгодѣ отъ этого производства, выдѣлка ихъ оставлена. Матеріалы для выдѣлки стеколъ приобрѣтаются: поташъ въ Москвѣ, соль въ Вышнемъ-Волочкѣ, песокъ въ новоторжскомъ уѣздѣ, известь на мѣстѣ, глина въ Петербургѣ и новгородской губерніи, въ демьянскомъ уѣздѣ. Сбытъ издѣлій производится въ Москвѣ. На заводѣ г. Генике, въ корчевскомъ уѣздѣ, вырабатываютъ стекла около 1,000 полулящиковъ въ годъ; мастеровъ иностранцевъ 5, мастеровыхъ и чернорабочихъ изъ своихъ крестьянъ 25 человекъ. Главный сбытъ стекла въ Москвѣ. Матеріалы для выдѣлки стекла приобрѣтаются: поташъ на нижегородской ярмаркѣ, бѣлый песокъ въ Дмитровѣ, московской губерніи, известь въ Москвѣ, соль въ Корчевѣ, глина въ демьянскомъ уѣздѣ, новгородской губерніи, и въ Москвѣ.

Издѣлія Львова и Генике принадлежать къ лучшимъ въ Россіи.

На заводѣ Жеребцовой, въ оставковскомъ уѣздѣ, выдѣлывается зеленое оконническое стекло. Чернорабочихъ и мастеровыхъ,

изъ своихъ крестьянъ, до 20 человекъ. Этотъ заводъ въ совершенномъ упадкѣ, такъ что выработываетъ менѣе 100 полушниковъ въ годъ. Сбытъ его издѣлій производится частью въ Осташковѣ, частью на мѣстѣ.

Фаянсовыхъ заводовъ 2; они готовятъ различныя издѣлія изъ бѣлой и желтой глины, на сумму до 4,700 рублей серебромъ; рабочихъ на заводахъ до 220 человекъ. Лучшій изъ фаянсовыхъ заводовъ, заводъ Ауербаховъ въ корчевскомъ уездѣ; на немъ выработывается въ годъ на сумму до 40,000 рублей серебромъ; рабочихъ, изъ своихъ крестьянъ, около 175 человекъ.

На заводѣ Ширококова, въ вышневолоцкомъ уездѣ, мастеровыхъ и чернорабочихъ до 47 человекъ.

Главный сбытъ издѣлій этихъ двухъ заводовъ производится въ С. Петербургѣ и Москвѣ. Матеріалы же для выдѣлки ихъ приобрѣтаются: бѣлая глина въ Глуховѣ, черниговской губерніи, желтая для перваго завода въ осташковскомъ, для втораго въ вышневолоцкомъ уездѣ; поташъ и бѣлый песокъ въ Москвѣ, полевой шпатель, сурникъ, кварцъ и другія вещества въ С. Петербургѣ.

Гг. Ауербахъ имѣютъ привилегію на свои издѣлія; изъ издѣлій, приготовляемыхъ на заводахъ г-на Ширококова, хороши только выдѣливаемые изъ желтой глины (бланжевыя).

Гончарныхъ заводовъ въ губерніи 10; они занимаются исключительно приготовленіемъ кафель (изразцовъ) и выдѣливаютъ ихъ до 83,500 штукъ, на сумму до 5,000 рублей серебромъ, рабочихъ до 30 человекъ. Изъ числа заводовъ: въ Твери 3, въ Ржевѣ 3, въ Торжкѣ 1, въ Калазинѣ 3. Глина и песокъ употребляемые на выдѣлку кафель приобрѣтаются на мѣстѣ; прочіе же матеріалы, служащіе для глазури, — большею частью въ Москвѣ. Сбытъ кафель производится на мѣстѣ. О выдѣлкѣ горшковъ и глиняной посуды мы говорили уже въ статьѣ о промыслахъ губерніи.

Кирпичныхъ заводовъ въ губерніи 23; они готовятъ, такъ называемаго, подпятаго кирпича до 2,750,000 штукъ, на сумму до 15,000 рублей серебромъ, рабочихъ до 160 человекъ. На большей части кирпичныхъ заводовъ, какъ мы уже замѣтили и прежде, работаютъ женщины новоторжскаго уезда, весьма искусны въ этомъ дѣлѣ. Изъ числа заводовъ въ Старицѣ 2, въ Ржевѣ 2, въ Вышнемъ Волочкѣ 2, въ Торжкѣ 2, въ Твери 5, въ Бѣжецкѣ 5, въ Кашинѣ 4, въ Корчевѣ 1. Изъ нихъ только 4 принадлежатъ

мѣщанамъ, всѣ другіе купцамъ. Сбытъ кирпича производится на мѣстѣ.

Кромѣ изчисленныхъ заводовъ много кирпичу готовится на небольшихъ заведеніяхъ и крестьянами, особенно въ калезинскомъ и оstashковской уѣздахъ. Сбытъ кирпича производится частью въ городахъ тѣхъ уѣздовъ, въ которыхъ онъ выдѣлывается, частью на мѣстѣ.

Колокольный заводъ въ губерніи одинъ, въ Твери, принадлежитъ купцамъ братьямъ Капустинымъ; отливаютъ разной величины колокола отъ 10 фунтовъ до 1,000 пудъ. Мастеровыхъ и чернорабочихъ при заводѣ 5 человекъ. Колоколовъ отливается ежегодно по заказу около 1,000 пудовъ, на сумму до 12,000 рублей серебромъ. Матеріалы, нужные для отливки, приобрѣтаются большею частью въ Москвѣ.

Чугунолитейный заводъ, также одинъ въ губерніи, въ Старицкомъ уездѣ, принадлежитъ помѣщику Шелихову. На немъ отливаются разные вещи изъ стараго чугуна, какъ-то: кухонныя плиты, зубчатая колеса, колеса для тачекъ и оси для колесъ. Для растапливанія чугуна находится на немъ 1 вагранка съ двумя кузнечными мѣхами, приводимыми въ движеніе коннымъ приводомъ; самая же отливка вещей производится въ сыромъ пескѣ. На этомъ заводѣ отливаются вещи большею частью по заказу, до 2,500 пудъ въ годъ, на сумму около 3,000 рублей серебромъ. Мастеровыхъ на заводѣ 8 человекъ. Старый чугунъ приобрѣтается въ разныхъ мѣстахъ тверской губерніи.

Жельзорьзальный заводъ, вновь устроенный въ Твери купцомъ Назаровымъ, разрѣзываетъ частью шинное, частью полосовое желѣзо, которое употребляется послѣ на выдѣлку гвоздей.

О развитіи различныхъ промысловъ металлическихъ издѣлій, наприкладъ выдѣлкѣ гвоздей, топоровъ, косъ, серповъ, возницъ и тому подобнаго, мы говорили уже при описаніи промысловъ тверской губерніи.

Изъ описанныхъ мануфактурныхъ заведеній, находится:

въ бездѣльствѣ:

Крупяныхъ	10.
Химическій	1.
Кожевенный	1.
Свѣчной	1.
Кирпичный	2.
Винокурный	1.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Писчебумажная	4.
Паточный	4.
<hr/>	
Итого	18.

Не въ полномъ дѣйствіи:

Химическій	4	4.
Стекланный		4.
Крахмальный		1.
Сигарная фабрика		1.
Желѣзоръ альный		1.
<hr/>		
Итого		5.

Изъ всего сказаннаго видно, что мануфактурной дѣятельностью занято наибольшее число рукъ въ губерніи на пенькопрядильныхъ и бумагопрядильныхъ заведеніяхъ; потомъ на кожевенныхъ заводахъ, на фабрикахъ бумажныхъ издѣлій, на винокуренныхъ и саласовыхъ заводахъ. — По цѣнности производства на первомъ мѣстѣ стоятъ винокуренные заводы, потомъ кожевенные, пенькопрядильные и бумагопрядильные. — Всѣхъ дѣйствующихъ фабрикъ и заводовъ въ губерніи 402, на нихъ рабочихъ въ 1845 году было 4,838 человекъ, цѣнность производства фабрикъ и заводовъ простирается до 2,248,000 рублей серебромъ.

Если прибавимъ къ этой суммѣ еще сумму, на которую выдѣляется гвоздей, топоровъ и другихъ желѣзныхъ издѣлій	700,000 р. с.
Сапоговъ, башмаковъ и другой обуви	350,000 р. с.
Холщевыхъ мѣшковъ	20,000 р. с.
Горшковъ и другихъ глиняныхъ издѣлій	16,000 р. с.
Вываривается клею на кожевенныхъ заводахъ	10,000 р. с.
То получимъ весь оборотный капиталъ ремесленной и мануфактурной промышленности губерніи почти на	3,345,000 р. с.

Сдѣланное нами описаніе фабрикъ и заводовъ даетъ понятіе о развитіи мануфактурной дѣятельности вообще въ губерніи, показываетъ какія отрасли промышленности идутъ впереди другихъ, и объясняетъ какая дѣятельность находится въ наибольшемъ развитіи. Для уясненія послѣдняго мы представимъ перечень въ какихъ уѣздахъ какія именно фабрики и заводы находятся въ большемъ развитіи. Въ *Твери* всѣхъ фабрикъ и заводовъ 62; производить на 161,340 рублей серебромъ. Изъ числа ихъ первое мѣсто, по количеству производства, занимаютъ кожевенные (3) заводы, производящіе на 28,000 рублей серебромъ,

потомъ пенькопрядильные (7) и крупяные (18) выработывающіе на сумму до 23,000 рублей серебромъ. Въ *тверскомъ уездѣ* есть сыроварни и винный заводъ, производящіе на 15,000 рублей серебромъ. Въ *Торжскѣ* всѣхъ мануфактурныхъ заведеній 52, которые производятъ на сумму до 226,860 рублей серебромъ; изъ нихъ на первомъ планѣ по производству—тоже кожевенные (12) и солодовенные заводы (18); на первыхъ производится на сумму до 77,150 рублей серебромъ, на вторыхъ— до 110,500 рублей серебромъ. Въ *новоторжскомъ уездѣ* 9 фабрикъ и заводовъ, производящихъ на 150,000 рублей серебромъ. Самый большой заводъ въ уездѣ винокуренный, производящій на 100,000 рублей серебромъ, а послѣ него замѣчательнѣе хрустальный въ с. Озерецкомъ, выработывающій на сумму до 20,000 рублей серебромъ. Въ *Корчевѣ* всего 4 небольшихъ завода, выработывающихъ на 5,800 рублей серебромъ. Въ *корчевскомъ уездѣ* 16 фабрикъ и заводовъ, производящихъ на 213,850 рублей серебромъ: основаніемъ здѣшнихъ заводовъ служитъ богатство топлива; изъ числа ихъ главнѣйшіе химическіе заводы при с. Старинькомъ, производящіе на 60,000 рублей серебромъ, и стеклянные заводы при с.с. Елисаветинѣ и Харитоновѣ, производящіе на сумму до 66,000 рублей серебромъ. Въ *Кашинѣ* 19 заводовъ, производящихъ не болѣе какъ на 15,650 рублей серебромъ; въ *кашинскомъ уездѣ* 4 фабрики и завода, выработывающіе на сумму до 15,600 рублей серебромъ. Замѣчательныхъ заводовъ пять. Въ *Калезинѣ* 39 фабрикъ и заводовъ, производящихъ на сумму до 118,380 рублей серебромъ. Важны крахмальные заводы (10), выработывающіе на сумму до 84,000 рублей серебромъ. Въ *калезинскомъ уездѣ* 19 фабрикъ и заводовъ (на 42,500 рублей серебромъ). Большая часть заводовъ (11) крахмальныхъ. Въ *Бѣжецкѣ* 17 фабрикъ и заводовъ (на 19,600 рублей серебромъ). Въ *Бѣжецкомъ уездѣ* есть только сыроварни (3). Въ *Весъегонскѣ* только 2 небольшие завода (на 4,255 рублей серебромъ), а въ его уездѣ есть сыроварни. Въ *Красномъ Холму* 10 небольшихъ заводовъ (на 26,740 рублей серебромъ). Въ *Вышнемъ Волоцкѣ* 6 заводовъ (на 73,500 рублей серебромъ), изъ числа которыхъ важна только мукомольная мельница, производящая на 65,000 рублей серебромъ. Въ *вышневолоцкомъ уездѣ* 4 завода, изъ числа которыхъ стеклянный и фаянсовый производятъ на 35,000 рублей серебромъ. Въ *Осташковѣ* въ особенности развито кожевенное производство; изъ числа 46 фабрикъ и заводовъ, производящихъ на

448,400 рублей серебромъ, кожевенныхъ 40, вырабатывающихъ на 240,000 рублей серебромъ, потомъ замѣчательна бумагопрядильня, производящая на сумму 200,000 рублей серебромъ. Въ *остафковскомъ* уѣздѣ 5 фабрикъ и заводовъ (на 25,840 рублей серебромъ), изъ числа которыхъ самый большой винокуренный заводъ (20,790). Въ *Ржевѣ* 71 фабрика и заводъ, производящіе на 110,215 рублей серебромъ; въ этомъ числѣ 40 небольшихъ пенькопрядильнь, вырабатывающихъ на сумму до 44,400 рублей серебромъ. Въ *ржевскомъ* уѣздѣ замѣчательнъ кожевенный заводъ въ с. *Смыковѣ* (на 40,000 рублей серебромъ.). Въ *Зубцовѣ* 6 фабричныхъ заведеній (на 11,100 рублей серебромъ), изъ которыхъ важнѣе другихъ солодовня (на 8,000 рублей серебромъ). Въ *зубцовскомъ* уѣздѣ 4 фабрики и завода, производящіе на 99,000 рублей серебромъ. Важнѣе другихъ винокуренный заводъ въ с. *Вахновѣ* (53,550 рублей серебромъ), а послѣ него суконная фабрика въ с. *Ашурковѣ* и химическая бѣлильня въ с. *Городищѣ*. Въ *Старицѣ* главныя заводы кожевенные; всѣхъ заводовъ 22, которые производятъ на 29,750 рублей серебромъ, а кожевенныхъ 4, производятъ на 18,500 рублей серебромъ. Въ *старицкомъ* уѣздѣ фабрикъ и заводовъ 14 (на 22,900); изъ числа ихъ винокуренные заводы (на 207,200 рублей серебромъ) и сыроварни (на 14,300 рублей серебромъ) стоятъ на первомъ планѣ.

Такова фабричная заводская дѣятельность тверской губерніи. Къ этому надобно еще прибавить до 611 водяныхъ мельницъ и до 1,312 вѣтряныхъ мельницъ въ тверской губерніи, и водяныхъ и вѣтряныхъ, не только совершенно достаточно для снабженія жителей мукою, но на многихъ изъ нихъ, находящихся вблизи судоходнаго пути, перемалывается значительное количество ржи и пшеницы, закупаемыхъ въ низовыхъ губерніяхъ, и провозимыхъ чрезъ тверскую губернію въ Петербургъ.

Замѣчательнѣйшія мельницы находятся въ Вышнемъ-Волочкѣ, на рѣкѣ Цпѣ; тамъ есть крупчатка, перемалывающая въ годъ тысячъ до 15 четвертей пшеницы, въ томъ же уѣздѣ замѣчательна мельница на озерѣ Имоложи. Кромѣ того замѣчательны мельницы: въ *весьеговскомъ* уѣздѣ на рѣкѣ Кесымѣ, при деревняхъ *Крешневѣ* и *Барановѣ*; на рѣкѣ Ревѣ, верстахъ въ 5 выше *Бодачева*; въ *новоторжскомъ*: на рѣкѣ *Осугѣ*; въ *тверскомъ*: на рѣкахъ *Тымѣ*, *Кавѣ* и *Оршѣ*; въ *калязинскомъ*: на рѣкѣ *Нерли* одна о 10 поставахъ, другая о 12 и на рѣкѣ *Дубенкѣ* о 10 поставахъ; въ *кашнинскомъ*: на рѣкѣ *Медвѣдицѣ*: три мельницы, изъ которыхъ на каждой оборотъ отъ 7½ до 10 и 15,000 ру

Блей серебромъ; въ ржевскомъ: на рѣкѣ Молодомъ Тудѣ, близъ деревни Шпалевой.

Все сказанное о промышленности тверской губерніи, о ея произведеніяхъ и наконецъ о выгодахъ ея положенія между двумя столицами, достаточно объясняетъ какого рода торговля можетъ процвѣтать въ ней, и какъ велико ея вліяніе на благосостояніе жителей. Торговля естественными произведеніями не можетъ быть значительна, потому что они по бѣдности почвы и по неблагоприятному вліянію климата, далеко недостаточны даже для потребленія самихъ туземцевъ; только лѣсъ и известковый камень сбываются ежегодно на значительную сумму въ другія губерніи. Гораздо важнѣе можетъ быть торговля привозными товарами. Число и цѣнность ихъ весьма значительны, потому что въ тверской губерніи, кромѣ собственныхъ постоянныхъ потребителей, всегда бываетъ большое стеченіе пришельцевъ съ разныхъ концовъ Россіи, а произведенія природы и промышленности края далеко не удовлетворяютъ ихъ потребностямъ. Кромѣ того развитію внутренней торговли въ губерніи много способствуетъ развитіе сельскихъ промысловъ, занимающихъ большое число рукъ; издѣлія этихъ промысловъ находятъ для себя обильный сбытъ на многочисленныхъ ярмаркахъ въ городахъ и большихъ селеніяхъ. Но самый многоцѣнный и обширный оборотъ въ тверской губерніи имѣетъ транзитная торговля, заключающаяся въ томъ, что купцы, преимущественно Кашинскіе и Ржевскіе, закупаютъ сырые матеріалы, особенно хлѣбъ и пеньку, въ низовыхъ и замосковныхъ губерніяхъ, и потомъ отправляютъ ихъ въ Петербургъ. Транзитная торговля имѣетъ весьма важное вліяніе на благосостояніе жителей, требуя множество судорбочихъ и подводъ, но естественно способствуетъ развитію и мануфактурной промышленности. Многіе изъ получаемыхъ сырыхъ матеріаловъ обрабатываются въ тверской губерніи, и потомъ уже отправляются въ Петербургъ. Ржевскія пенькопрядильни, оставшковскіе кожевенные и тверскіе желѣзные заводы значительно увеличиваютъ массу богатства губерніи.

Такъ какъ тверская губернія не отдѣлена отъ сопредѣльныхъ къ ней, какими-нибудь торговыми чертами, таможенными, заставными домами и тому подобнымъ, — то ея нельзя разсматривать отдѣльно въ этомъ отношеніи; слѣдовательно, обыкновенное раздѣленіе торговли на внутреннюю, внѣшнюю и транзитную, опредѣленіе баланса и прочее, не могутъ быть представлены во всей ясности и съ должною отчетливостью. Одни и тѣже предметы

тѣмъ же самыми потребителями покупаются и продаются подобно выгодамъ, представляемымъ измѣненіями цѣнъ. Такъ напримѣръ, тверская губернія постоянно закупаетъ для себя большое количество хлѣба; но жители почти всегда продаютъ хлѣбъ, собираемый съ собственныхъ полей, покупаютъ привозный, чтобъ извлечь выгоды изъ повышенія и пониженія цѣнъ. Уловить всѣ эти видоизмѣненія торговли совершенно невозможно, и должно ограничиться точностью только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ она доступна, какъ напримѣръ при описаніи транзитной торговли на вышеволоцкомъ судоходномъ пути.

Тверская губернія не имѣетъ одного какого-нибудь мѣста, которое могло бы назваться главнѣйшимъ въ торговомъ отношеніи. Каждый городъ служитъ центральнымъ пунктомъ для торговли своего уѣзда, распространяя болѣе или менѣе свое вліяніе и на сопредѣльныя къ нему части сосѣднихъ уѣздовъ. Кромя Твери, большое торговое значеніе по своимъ ярмаркамъ имѣютъ города: Весьегодскъ, Вышній-Волочокъ, Торжокъ и Ржевъ.

О КОЛОНИАЛЬНОМЪ И СВЕКЛОВИЧНОМЪ САХАРЪ.

==
СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.
==

Этотъ продуктъ, съ всеобщимъ распространениемъ его употребленія, сдѣлался однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ торговли во всѣхъ европейскихъ государствахъ и для многихъ изъ нихъ приобрѣлъ особенную важность въ отношеніи къ ихъ политикѣ, финансамъ и разнороднымъ интересамъ торговой, земледѣльческой и мануфактурной промышленности.

Сахаръ принадлежитъ къ числу тѣхъ потребностей, которыя рождаются и возрастаютъ у всѣхъ народовъ съ улучшеніемъ ихъ хозяйственнаго быта, съ успѣхами ихъ благосостоянія; но почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ, естественное развитіе потребленія этого продукта болѣе или менѣе стѣснено ихъ колониальною системою, охранительными тарифами и таможенными пошлинами. Въ новѣйшее время, подъ покровительствомъ высокихъ пошлинъ съ тростниковаго сахара усилилось, въ нѣкоторыхъ странахъ, соперничество съ нимъ свеклосахарнаго производства, развитіе котораго породило новые интересы и усугубило много-

сложность вопроса о сахарѣ въ промышленномъ, финансовомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Колоніальная система европейскихъ государствъ предоставляла колоніямъ воздѣлываніе сахарнаго тростника съ тѣмъ, чтобы сахаръ сырецъ былъ вывозимъ оттуда не иначе, какъ въ метрополию, и для охраненія выгодъ колоніальныхъ плантаторовъ, обложила высокими пошлинами, либо вовсе запретила къ привозу сахаръ иностраннаго происхожденія. Плантаторы, пользуясь исключительнымъ правомъ на сбытъ своихъ продуктовъ въ метрополию, заставили тамошнихъ потребителей платить дорого за колоніальный сахаръ, а метрополию, предоставивъ себѣ снабженіе колоній всѣми потребными имъ товарами, въ свою очередь, должна была стараться сбывать ихъ по самымъ выгоднымъ цѣнамъ. Къ перевозкѣ товаровъ между метрополиею и колоніями допущены только національные купеческіе корабли, и оттого возвышается въ ихъ пользу плата за фрахтъ. Кромѣ этой монополіи, умноженію транспортныхъ издержекъ на сахаръ въ особенности способствуетъ то, что колонія должны отправлять его въ неочищенномъ видѣ, и слѣдовательно приходится платить излишній фрахтъ за доставку сахара сырца въ метрополию, для переработки его на тамошнихъ заводахъ. Ко всѣмъ этимъ ограниченіямъ, возвышающимъ стоимость товара, присоединяется, наконецъ, монополія рафинированныхъ заводчиковъ, которые, не будучи стѣсняемы иностраннымъ совѣстничествомъ на внутреннихъ рынкахъ, заставляютъ потребителей платить за сахаръ произвольныя цѣны.

Основанная на такихъ началахъ колоніальная система господствуетъ до сихъ поръ во всѣхъ европейскихъ государствахъ, владѣющихъ колоніями; одна только Англія допустила, и то въ недавнемъ времени, нѣкоторыя изыятія и облегченія въ своихъ тарифныхъ постановленіяхъ относительно колоній и привоза сахара изъ другихъ странъ.

Во тѣхъ государствахъ, которыя не имѣютъ собственныхъ колоній, охранительныя тарифы ввели монополію рафинированныхъ заводовъ; покровительствуя развитію мануфактурной промышленности вообще, эта тарифная система поощрила учрежденіе заводовъ для рафинированія сахара и увеличила дороговизну его для потребителей, обложивъ рафинированный сахаръ высокою пошлиною, либо вовсе запретивъ его къ привозу.

Независимо отъ монополій, установленныхъ въ пользу владѣльцевъ сахарныхъ плантацій, кораблехозяевъ и рафинированныхъ заводчиковъ, стоимость колоніальнаго сахара увеличивается еще отъ

помощных пошлинъ, которыми онъ обложенъ почти повсе-
местно, въ финансовыхъ видахъ.

Подъ вліяніемъ этой искусственной дороговизны колоніальнаго сахара, воздвигло и распространилось въ Европѣ свеклосахарное производство. Пользуясь болѣе или менѣе высокою премією отъ правительства, платимаго колоніальнымъ продуктомъ, свекловичный сахаръ вступилъ съ нимъ въ соперничество на внутреннихъ рынкахъ. Отъ развитія свеклосахарной промышленности, значительно распространилось потребление сахара въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ портовъ, и ближайшихъ къ тѣмъ, гдѣ водворилось добываніе его изъ свекловицы. Обязанное своимъ существованіемъ колоніальной политикѣ и тарифамъ, свеклосахарное производство послушно въ облегченію ихъ бремени для потребителей, доставляя возможность приобретать сахаръ дешевле тамъ, гдѣ сбытъ этого продукта стѣсняется его дороговизною. Соперничество свекловичнаго сахару съ тростниковымъ не выходитъ, однако, за предѣлы тѣхъ странъ, въ которыхъ развилась свеклосахарная фабрикація и только тамъ ея успѣхи ограничиваютъ расходъ колоніальнаго сахара; за то въ другихъ странахъ потребление его возрастаетъ, при внутреннихъ пошлинахъ, которыми онъ обложенъ. Такимъ образомъ, развитіе свеклосахарнаго производства въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы до-сихъ-поръ нисколько не препятствовало распространенію додѣлыванія сахарнаго тростника въ тропическихъ земляхъ.

По новѣйшимъ свѣдѣніямъ съ 1844 до 1848 года производство тростниковаго сахару составляло среднимъ числомъ въ годъ около 52,000,000 пудовъ и распределялось слѣдующимъ образомъ:

Въ Англійской Вестъ-Индіи	8,640,000	пудовъ.
На островѣ Маврыкія	2,670,000	—
Въ Остѣ-Индіи	4,130,000	—
— Сіамъ, Маниль и Китаѣ	1,320,000	—
— Явъ	4,970,000	—
— Куба и Порторико	13,860,000	—
— Бразилія	5,800,000	—
— Луизианъ	4,500,000	—
— Датской и Голландской Вестъ-Индіи	1,465,000	—
— Французскихъ колоніяхъ	5,480,000	—

Итого 52,835,000 пудовъ.

Успѣхи потребленія сахару въ Европѣ благоприятствовали бы-

строуму размноженію сахарныхъ плантацій: въ двадцатыхъ годахъ вывѣшняго столѣтія, вывозъ сахара изъ тропическихъ странъ простирался до 20,000,000 пудовъ, въ тридцатыхъ годахъ до 35,000,000, а въ сороковыхъ годахъ уже вывозилось не менѣе 45,000,000 пудовъ. Въ новѣйшее время, значительно усилившейся привозъ сахару изъ Остъ Индіи, Явы и Бразиліи, вознаградила за уменьшеніе его вывоза изъ англійскихъ и французскихъ вѣствъ-индскихъ колоній, которые, впрочемъ, снабжаютъ сахаромъ только свои метрополіи.

Слѣдующая таблица показываетъ, въ какой пропорціи распределяется потребленіе сахару въ главнѣйшихъ странахъ.

	Расходъ сахару.	На каждыя жителя.
Въ Великобританіи и Ирландіи	15,000,000 пуд.	21 фунт.
— Соединенныхъ Штатахъ.	9,450,000	— 20 —
— Бельгіи: колоніальнаго 875,000 свекловичнаго 350,000 }	1,225,000	— 14 —
— Въ Голландіи.	1,200,000	— 13 —
— Франціи: колоніальнаго 6,000,000 свекловичнаго 2,000,000 }	8,000,000	— 9 —
— Нѣмецкихъ земляхъ, внѣ таможеннаго союза.	600,000	— 8 —
— Германскомъ таможенномъ союзѣ: колоніальнаго 4,400,000 свекловичнаго 600,000 }	5,000,000	— 7 —
— Португаліи.	630,000	— 7 —
— Испаніи.	2,000,000	— 6 —
— Швеціи, Норвегіи и Даніи.	760,000	— 4½ —
— Австрійской имперіи: колоніальнаго 2,000,000 свекловичнаго 450,000 }	2,450,000	— 2½ —
— Италіи.	1,000,000	— 2 —
— Россіи: колоніальнаго 2,000,000 свекловичнаго 600,000 }	2,600,000	— 1½ —
— Турціи и Греціи	250,000	— 0,9 —
Всего.		50,165,000 пудовъ.

Изъ этой таблицы оказывается, что въ потребленіи сахару Россія занимаетъ почти послѣднее мѣсто по пропорціи его на каждого жителя. Въ Великобританіи и Соединенныхъ Штатахъ эта пропорція въ двадцать разъ болѣе, въ Голландіи и Бельгіи — въ осемь, во Франціи — въ семь разъ, въ германскомъ таможен-

вою союзъ, Испаніи и Португалліи — въ-четверо, въ Швеціи, Норвегіи и Даниі — почти въ-трое, въ Австрійской имперіи — въ-двое болѣе, нежели въ Россіи.

Съ развитіемъ потребления сахару тѣсно связаны интересы государственной казны, которой онъ доставляетъ вѣрный и значительный доходъ, платя болѣе или менѣе высокую пошлину. Поэтому, въ финансовомъ отношеніи, вопросъ о пошлинѣ на сахаръ всегда и вездѣ имѣетъ и будетъ имѣть особенную важность. Размѣръ этого налога сопряженъ въ нѣкоторыхъ странахъ съ колониальною системою, въ другихъ — съ охранительнымъ тарифомъ и акцизомъ на свекловичный сахаръ.

Въ настоящее время *сахаръ сырецъ* обложенъ слѣдующими привозными пошлинами:

Колониальный

Иностранный

с ъ п у д ѣ .

а) Въ государствахъ, владѣющихъ колоніями:

Въ Великобританіи:

1 сорта 1 рубль 50 коп.	2 рубля 11 коп. серебромъ.
2 — } 1 — 30 —	1 — 97 — —
3 — }	1 — 81 — —

— Франціи: *

1 сорта. 2 р. 50 к. и 2 р. 77 к. } 3 р. 33 к., 3 р. 54 к. и 3 р. 83 к
2 — 1 — 92 — 2 — 49 — }
3 — 1 — 60 — 1 — 87 — 2 — 50 — 2 — 71 — и 3 — 42 —

Въ Голландіи: безъ пошлинъ. 1 — 17 —

— Въ Даниі:

1 сор. } 40 ков.	54 коп.
2 — }	73 —

— Португаліи:

1 сор. } безъ пошлинъ.	1 р. 27 коп.
2 — }	1 — 10 —

— Испаніи 50 коп. 1 р. 5 к. и 1 р. 70 к. **

* Сахаръ собственныхъ колоній обложенъ во Франціи двоякою пошлиною: высшая возникаетъ съ бурбонскаго, а низшая съ мартиникскаго и гваделупскаго; иностранный также платитъ различную пошлину; низшая возникаетъ съ остъ-индскаго, средняя — съ привозимаго изъ другихъ частей вѣсть Европы, а высшею обложенъ сахаръ, привозимый изъ европейскихъ портовъ.

** Въ Испаніи возникаетъ низшая пошлина съ сахара, привозимаго прямо изъ Америки.

Въ прочихъ государствахъ:

Въ Россіи	5 р. 80 коп.	
— Австрійской имперіи:		
для заводовъ	1 — 45 —	
на потребленіе	2 — 99 —	
— Германскомъ Таможенномъ союзѣ:		
для заводовъ	1 — 50 —	
на потребленіе	2 — 40 —	
— Швеція . . 1 сорта		96 1/2
2 сорта	1 — 93 —	
— Бельгія *		1 — 87 1/2, 1 р. 95 к. и 2 руб.
— Сардинскомъ королевствѣ		1 — 12 —
— Неаполитанскомъ королевствѣ		2 — 88 —
— Северо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ		1 сорта 2 р. —
	2 — 1 — 25 коп.	

Примѣчаніе. Пошлины, означенныя въ этой таблицѣ, взимаются при ввозѣ сахара подъ національнымъ флагомъ, а привозимый на иностранныхъ, непривилегированныхъ корабляхъ, вездѣ платитъ вадбавочный сборъ.

Рафинированный сахаръ запрещенъ къ привозу въ Россію, Францію и Данію. Въ Швеціи, запрещеніе отменено только съ 1849 года и установлена пошлина около двухъ рублей серебромъ съ пуда. Въ Великобританіи существовала запретительная пошлина до іюля 1848 года, а нынѣ рафинированный сахаръ платитъ: колоніальный 1 рубль 70 копѣекъ, иностранный 2 рубля 65 копѣйки серебромъ съ пуда; эти пошлины положено сбавлять ежегодно въ опредѣленномъ размѣрѣ, до іюля 1851 года, а потомъ ввозъ рафинированнаго сахара будетъ дозволенъ, безъ различія происхожденія, съ пошлиною въ 1 рубль 42 копѣйки серебромъ съ пуда.

Въ другихъ европейскихъ государствахъ, рафинированный сахаръ обложенъ слѣдующими таможенными пошлинами:

* Въ Бельгіи низшею пошлиною обложенъ сахаръ, доставленный прямо изъ мѣстъ его происхожденія, средняя взимается съ привозимыхъ за-атлантическихъ странъ, а высшую платитъ сахаръ, привозимый изъ европейскихъ портовъ.

Въ Голландіи	3	руб. 24	коп. сер.	съ пуда.
— Бельгіи	3	— 88	—	—
— Германскою таможенною союзъ	3	—	—	—
— Австрійской Имперіи	3	— 42	—	—
— Неаполитанскою королевствѣ	4	— 52	—	—
— Сардинскою королевствѣ	1	— 87½	—	—
— Испаніи	3	— 50	—	—
— Португаліи	2	— 83	—	—
— Северо-Американскихъ Соединенныхъ штатахъ	3	—	—	—

Если сравнить таможенные пошлины, существующія въ разныхъ странахъ, съ пропорціею расхода сахара на каждого жителя, то, съ перваго взгляда, можно сдѣлать одно общее, самое естественное заключеніе: потребленіе сахара слабѣе тамъ, гдѣ онъ платитъ высшую пошлину. Этотъ выводъ нельзя, однако, признать за безусловное правило. Успѣхи потребленія сахара, какъ и другихъ подобныхъ продуктовъ, зависятъ не только отъ размѣра платимой имъ пошлины, но и отъ степени развитія нуждъ, возрастающихъ съ улучшеніемъ народнаго быта, съ распространеніемъ въ немъ довольства и благосостоянія. Если бы, напримеръ, въ Россіи, гдѣ колоніальный сахаръ платитъ самую высокую пошлину, допустить сбавку ея до размѣра низшей пошлины, взимаемой въ иностраннхъ земляхъ, то по одному только уменьшенію этого налога еще нельзя было бы ожидать, что расходъ сахара увеличится вскорѣ до пропорціи вышшняго его сбыта въ Великобританіи, Германскомъ таможенномъ союзѣ и другихъ странахъ, далеко опередившихъ Россію въ потребленіи этого продукта. Онъ все еще обходился бы у насъ слишкомъ дорого для многочислѣннѣйшей массы потребителей, и оставался бы для нихъ предметомъ недосыгаемой роскоши, при ограниченнхъ нуждахъ ихъ существованія и естественнхъ средствахъ къ удовлетворенію необходимѣйшихъ потребностей. Чѣмъ болѣе распространено довольство, содѣйствующее улучшенію народнаго быта, тѣмъ скорѣе развиваются нужды, которыя прежде были ему недоступны: этимъ объясняется значительное приращеніе расхода сахара въ тѣхъ странахъ, гдѣ уже достаточно распространены и умножились способы къ удовлетворенію этой потребности. Въ Великобританіи, пошлина съ колоніальнаго сахара рѣшится взимаемой въ Германскомъ таможенномъ союзѣ, а расходъ сахара на каждого жителя втрое болѣе. Въ Германскомъ

таможенномъ союзѣ, каждымъ жителемъ потребляется колоніальнаго сахара въ трое болѣе, чѣмъ въ Австрійской имперіи, хотя пошлина по тарифамъ австрійскому и таможеннаго союза почти одинакова. Въ Россіи колоніальный сахаръ платитъ таможенной пошлины на 160 процентовъ болѣе, нежели въ Австрійской имперіи; но въ послѣдней, на каждого жителя приходится сахару только 38 процентовъ болѣе. По этому можно заключить, что расходъ его въ Россіи могъ бы увеличиться до пропорціи, потребляемой въ Австрійской имперіи, хотя бы пошлина и не была уменьшена у насъ до одинаковаго размѣра съ тою, какая нынѣ взимается въ этомъ государствѣ. Потребленіе сахару въ Россіи, несмотря на его дороговизну, значительно распространилось отъ того, что оно возрастало вмѣстѣ съ успѣхами довольства и образованности въ томъ классѣ, который составляетъ защитѣннѣйшую часть народонаселенія. Если допустить, что даже при самой низкой пошлинѣ сахаръ еще не могъ бы войти у насъ въ общее употребленіе, въ такой же пропорціи, въ какой распространился его сбытъ въ другихъ государствахъ, то умѣренная пошлина могла бы по крайней мѣрѣ удешевить этотъ продуктъ для тѣхъ потребителей, которымъ онъ, по своей нынѣшней стоимости, мало доступенъ, или которые, по своимъ вуждамъ и средствамъ, могутъ при сходящійшихъ цѣнахъ увеличить его расходъ. Нынѣ, на каждого жителя въ Россіи приходится $1\frac{1}{2}$ фунта колоніальнаго сахара, и съ этого количества платится таможенной пошлины 13 копѣекъ серебромъ.

Тарифныя постановленія главныхъ европейскихъ государствъ представляютъ, какъ въ финансовомъ, такъ и въ коммерческомъ, отношеніи, поучительные результаты, изъ которыхъ обнаруживается вліяніе различныхъ пошлинъ на привозъ и потребленіе сахару. Не входя здѣсь въ подробное изслѣдованіе переменъ, послѣдовавшихъ въ этихъ тарифахъ, ограничимся краткимъ обзоромъ важнѣйшихъ результатовъ, которыми сопровождалась различныя системы пошлинъ съ этого продукта.

Великобританія всегда благопріятствовала привозу сахару изъ своихъ востъ-индскихъ колоній и до новѣйшаго времени стѣсняла ввозъ его не только изъ иностранныхъ земель, но даже изъ собственныхъ остъ-индскихъ владѣній. Съ исхода прошлаго столѣтія до послѣдней реформы англійскаго тарифа, годичный привозъ сахару, на внутреннее потребленіе, составлялъ слѣдующія количества:

Съ 1793	—	1800	годъ	2,016,659	центнеровъ.
— 1801	—	1809	—	2,886,304	—
— 1815	—	1819	—	2,854,377	—
— 1820	—	1824	—	3,385,690	—
— 1825	—	1829	—	3,657,739	—
— 1830	—	1834	—	3,941,649	—
— 1835	—	1839	—	5,903,254	—
— 1840	—	1844	—	3,955,694	—

Въ первый періодъ, пошлина на вестъ-индскій сахаръ была возвышена отъ 15 до 20 шиллинговъ, а во второй отъ 10 до 27 шиллинговъ съ центнера, и несмотря на то, привозъ увеличился на 37 процентовъ, но въ третій періодъ, когда пошлина доходила уже до 30 шиллинговъ, потребление нѣсколько уменьшилось. Съ возстановленіемъ прежней пошлины (27 шиллинговъ), привозъ увеличился въ четвертый періодъ на 18 процентовъ; въ пятый періодъ, по случаю уравниванія маврицкаго сахара съ вестъ-индскимъ въ платежѣ таможенной пошлины, привозъ первого нѣсколько увеличился. Въ 1830 году пошлина на вестъ индскій и маврицкій сахаръ убавлена до 24 шиллинговъ, а на остъ-индскій, съ котораго всегда взималось 10 шиллинговъ болѣе, пошлина уменьшена до 32 шиллинговъ съ центнера. Однако эта сбавка была такъ незначительна, что привозъ увеличился въ слѣдующій періодъ (1830—834 годъ) только на 7 процентовъ, а въ послѣдніе два періода оставался почти въ одинаковой пропорціи, даже съ нѣкоторымъ уменьшеніемъ противъ привоза 1830—834 года. Такимъ образомъ въ теченіе пятнадцати лѣтъ, пока взималось 2 р. 56 к. и 3 р. 40 к. съ пуда съ колоніальнаго и остъ-индскаго сахара, привозъ его почти нисколько не увеличился. Послѣ перемѣнъ, введенныхъ въ тарифъ съ 1845 года, потребление сахару значительно умножилось, какъ видно изъ слѣдующей таблицы:

Сахара оплачено пошлиною:

	Колоніальнаго	Иностраннаго.	Всего.
Въ 1844 году	4,129,345	98	4,129,443 центнера.
— 1845 —	4,779,317	77,307	4,856,624 —
— 1846 —	4,617,509	602,739	5,220,248 —
— 1847 —	4,800,489	974,019	5,779,568 —

И такъ, въ этотъ кратковременный періодъ, потребление сахара возрасло почти на 40 процентовъ.

Важѣйшія перемѣны въ пошлинѣ на сахаръ послѣдовали на основаніи парламентскихъ актовъ отъ 14 марта 1845 и 18 августа 1846 года. До того времени, сахаръ былъ обложенъ пошлиною, безъ различія сортовъ, колоніальный по 24 шиллинга (около 2 р. 56 к. сер. съ пуда), а иностранный 63 шиллинга съ центнера (около 6 р. 72 к. сер. съ пуда). Такая высокая пошлина съ иностраннаго сахару равнялась запрещенію его ввоза, и оттого, до 1845 года, на внутреннее потребленіе Великобританіи поступалъ только колоніальный сахаръ, расходъ котораго, какъ выше замѣчено, уже не представлялъ никакого приращенія. Парламентскимъ актомъ отъ 14 марта 1845 года уменьшена пошлина съ колоніальнаго сахару, съ раздѣленіемъ его на два разряда: высшею пошлиною въ 16 шиллинговъ 4 пенса обложенъ бѣлый, а низшая въ 14 шиллинговъ опредѣлена для прочихъ сортовъ сахара сырца. Несмотря на такую значительную сбавку, потребленіе сахару увеличилось только на 15 процентовъ оттого, что колоніальный продуктъ все еще пользовался монополією на внутреннихъ рынкахъ. Послѣдовавшая въ 1846 году сбавка пошлины на сахаръ тѣхъ иностранныхъ колоній, съ которыхъ онъ производится вольною работою, относилась только къ Явѣ и Манильѣ, а потому и не могла имѣть существеннаго вліянія на умноженіе ввоза иностраннаго сахару. Наконецъ, парламентскимъ актомъ отъ 18 августа 1846 года разрѣшено ввозъ сахару всѣхъ иностранныхъ колоній, безъ различія, съ пошлиною: на бѣлый по 24 шиллинга 6 пенсовъ, а на прочій по 21 шиллингу; съ іюня 1847 года пошлина уменьшена: съ бѣлаго до 23 шиллинговъ 4 пенса (около 2 р. 48 к. сер.), а съ прочихъ сортовъ до 20 шиллинговъ (около 2 р. 13 к. сер. съ пуда). Уменьшеніе пошлины съ иностраннаго сахару отъ 63 до 20 шиллинговъ, значительно умножило его сбытъ, хотя продуктъ собственныхъ колоній все еще пользовался покровительствомъ тарифа. Въ первый годъ послѣ сбавки пошлины съ иностраннаго сахару, то есть съ августа 1846 по августъ 1847 года, выпущено его на внутреннее потребленіе 1,313,429 центнеровъ, а въ предъидущемъ году только 57,836 центнеровъ. Количество колоніальнаго сахара, оплаченнаго пошлиною въ оба эти періода, было почти одинаково: оно составляло съ августа 1845 года по августъ 1846 годъ 4,665,638 центнеровъ; а втеченіе того же времени, 1846—1847 года 4,665,255 центнеровъ. Такимъ образомъ, послѣ сбавки пошлины на продуктъ иностранныхъ колоній, внутренній расходъ сахару увеличился отъ 4,723,473 до 5,980,684 цент-

версия на 20 процентов. Пропорція иностраннаго сахара во внутреннемъ потребленіи возрасла въ одинъ годъ отъ $1\frac{1}{4}$ до 22 процентовъ.

Послѣдствіемъ этой реформы англійскаго тарифа было значительное иращеніе таможеннаго дохода. Въ 1843 году, при пошлинѣ съ колоніальнаго сахару въ 24 шиллинга, а съ иностраннаго въ 63 шиллинга, доходъ съ этой статьи тарифа составилъ 5,087,830 фунтовъ стерлинговъ; послѣ сбавки пошлины съ колоніальнаго сахару до 14 шиллинговъ, сумма пошлиннаго сбора въ августу 1846 года значительно уменьшилась: втеченіе года (считая съ августа 1845) собрано пошлинъ только 3,333,414 фунтовъ стерлинговъ, но въ слѣдующемъ году, съ августа 1846 года, по разрѣшеніи привоза иностраннаго сахару съ пошлиною въ 21 шиллингъ, таможенный доходъ возвысился до 4,707,770 фунтовъ стерлинговъ. Усилившееся потребленіе вознаградило ущербъ казны такъ, что въ этомъ году сумма поступившихъ за сахаръ уменьшенныхъ пошлинъ была только на 380,000 фунтовъ стерлинговъ менѣе, чѣмъ въ 1843 году, хотя пошлина съ колоніальнаго сахару убавлена на 40 процентовъ, а съ иностраннаго около 70 процентовъ. Такой результатъ заставляетъ предполагать, что дальнѣйшая сбавка этого налога, благопріятствуя развитію внутренняго потребленія, не только вскорѣ пополнитъ незначительный дефицитъ въ пошлинномъ сборѣ за сахаръ, но будетъ и впредь содѣйствовать умноженію таможеннаго дохода съ этого продукта.

По росписи таможенныхъ пошлинъ на сахаръ, вступившихъ въ силу съ іюля 1848 года, опредѣлена постепенная сбавка ихъ на колоніальный сахаръ до іюля 1851 года, а на иностранный до іюля 1854 года, такъ что съ истеченіемъ послѣдняго срока, иностранный сахаръ будетъ платить пошлину наравнѣ съ колоніальнымъ въ слѣдующемъ уменьшенномъ размѣрѣ:

Сахарный песокъ :	Съ центнера.	Съ пуда.
Лучшій бѣлый	11 шил. 8 пен. или 1 р. 24 к. сер.	
красный, желтый и бѣлый	10 — — — — 1 — 6 — —	
Сахаръ рафинадъ и леденецъ	13 — 4 — — 1 — 48 — —	

Измѣненіе тарифной системы относительно сахару, увѣчавшееся, въ короткое время, такимъ благопріятнымъ результатомъ

въ финансовомъ отношеніи, имѣло не менѣе важныя и выгодныя послѣдствія для коммерческихъ интересовъ государства. Потребленіе сахара, при прежнемъ тарифѣ, доходило въ 1843 году до 200,000 тоннъ (12,600,000 пудовъ), а въ первый годъ, по введеніи новыхъ пошлинъ возрасло уже до 300,000 тоннъ (18,900,000 пудовъ) или на 50 процентовъ. Если положить среднюю цѣну на сахаръ въ 3 р. сер. за пудъ, то послѣдовавшее, отъ этой перемѣны въ тарифѣ, приращеніе коммерческихъ оборотовъ по разнымъ отраслямъ торговли, простиралось уже около 20,000,000 р. сер. въ годъ; отъ облегченія привоза сахару, купеческое судоходство приобрѣло фрахта на 100,000 тоннъ; съ умноженіемъ подвозовъ понизились цѣны на сахаръ въ пользу потребителей, и мануфактурная промышленность выиграла отъ усилившагося сбыта ея товаровъ въ тѣхъ странахъ, которыя стали доставлять сахаръ въ большемъ количествѣ.

Кромѣ всѣхъ этихъ выгодъ, происшедшихъ отъ умножившагося потребленія сахару, весьма важная въ коммерческомъ отношеніи выгода состоитъ въ томъ, что Англія сдѣлалась общимъ складочнымъ мѣстомъ для сахарной торговли. По отмѣненіи высокихъ пошлинъ, устранявшихъ сахаръ тѣхъ странъ, которыя производятъ его въ значительнѣйшемъ количествѣ, увеличился привозъ этого продукта не только для внутренняго потребленія, но и для заграничнаго отпуска. До новѣйшихъ перемѣнъ въ тарифѣ, весь привозъ сахару составлялъ въ 1844 году 4,880,075 центнеровъ; а въ 1847 году привезено 8,209,527 центнеровъ или почти на 70 процентовъ болѣе. Англія, какъ важнѣйшій въ этой торговлѣ рынокъ, стала привлекать къ себѣ подвозы сахару изъ тѣхъ тропическихъ странъ, которыя прежде отправляли его болѣею частью въ другіе европейскіе порты. Сахаръ, доставленный нынѣ изъ Кубы, Бразиліи и другихъ мѣстъ въ Англію на складку, сбывается, смотря по обстоятельствамъ, на внутреннее потребленіе, либо въ другія страны Европы. Такимъ образомъ, англійская торговля этимъ продуктомъ приобрѣла, отъ реформы тарифа, обширнѣйшее развитіе, и коммерческимъ ея интересамъ открылись новые источники выгодъ.

Во Франціи, тарифный вопросъ о сахарѣ находится въ совершенно другомъ положеніи: интересы морской торговли, колоній и финансовъ пришли здѣсь въ столкновеніе съ интересами свекло-сахарнаго производства. Развитію этой фабрикаціи, при постепенномъ улучшеніи техническихъ ея способовъ, благоприятство-

вала привозная пошлина съ колониальнаго сахару. До тридцатых годовъ, пока свеклосахарное производство во Франціи было незначительно, возраставшее въ ней потребление сахару содѣйствовало размноженію сахарныхъ плантацій въ ея колоніяхъ; въ 1814 году добывалось тамъ не свыше 20,000,000 килограммовъ сахару сырца, въ 1820 году вдвое, а въ 1828 вчетверо болѣе. Въ десятилѣтіе, съ 1817 по 1826 годъ, средній привозъ колониальнаго сахара простирался до 45,000,000, а съ 1827 по 1836 годъ 70,000,000 килограммовъ; въ этотъ періодъ привозъ былъ уже на 55 процентовъ болѣе, но въ слѣдующее десятилѣтіе (1836—1846 годъ) увеличился только на 7,000,000 или на 10 процентовъ. Между-тѣмъ какъ развитіе сахарнаго производства въ колоніяхъ остановилось отъ недостатка свободныхъ земель и прекращенія торга Неграми, выдѣлка свекловичнаго сахара во Франціи не переставала возрастать: въ 1833—1834 годъ выдѣлано до 7,300,000 килограммовъ, въ 1834—1835 годъ 13,230,000, въ 1835—1836 годъ около 33,000,000, въ 1836—1837 годъ 45,000,000, а въ 1837—1838 годъ 49,000,000 килограммовъ. Столь значительному приращенію этой фабрикаціи, подъ покровительствомъ тарифа, много способствовало усилившееся потребление сахару во Франціи и усовершенствованіе способовъ свеклосахарнаго производства. Возвышеніе привозной пошлины съ колониальнаго сахару въ 1818 году, а еще болѣе введеніе въ 1822 году запретительной пошлины на иностранный сахаръ, обратились въ пользу свеклосахарной промышленности. Изданное въ 1826 году положеніе объ отпускныхъ преміяхъ съ рафинада, обезпечивъ колониальному сахару значительный и выгоднѣйшій истокъ на иностранныхъ рынкахъ, содѣйствовало также распространенію сбыта свекловичнаго сахару внутри Франціи.

Правительство, имѣя въ виду съ одной стороны ущербъ казны отъ беспошлинной продажи свекловичнаго сахару, который болѣе и болѣе вытѣснялъ изъ внутренняго употребленія колониальный сахаръ, платившій высокую таможенную пошлину, а съ другой, признавая необходимымъ поддержать выгоды колоній и портовыхъ городовъ, терпѣвшихъ въ этой неравной борьбѣ тростниковаго сахару съ свекловичнымъ, установило въ 1838 году акцизъ на сахаръ внутренняго произведенія. По введеніи этого налога и послѣ сбавки пошлины съ колониальнаго сахару въ 1839 году, многіе свеклосахарные заводы прекратили свое производство (изъ 600 осталось только 450) и число ихъ уменьшилось еще болѣе въ 1840 году, по возвышеніи акциза. Однако

потому эта фабрикація опять стала возрастать: въ 1843 — 1844 году добыто свекловичнаго сахару 25,000,000 килограммовъ, въ 1844—1845 году до 36,500,000, въ 1845—1846 году 40,000,000 въ 1846—1847 около 53,500,000 килограммовъ. После постепеннаго повышепія акциза на свекловичный сахаръ, съ августа 1844 года, этотъ акцизъ равняется пошлинѣ, платимой сахаромъ американскихъ колоній, по 55 фравковъ за 100 килограммовъ (около 4 р. 87 к. серебромъ съ пуда), между-тѣмъ какъ пошлина съ иностраннаго сахару, смотря по его происхожденію, составляетъ отъ 2 р. 50 к. до 3 р. 12 к. серебромъ съ пуда.

Въ Германскомъ таможенномъ союзѣ, пошлина съ колониальнаго сахару, установленная въ финансовыхъ видахъ, поощрила развитіе свеклосахарнаго производства, которое не встрѣтило здѣсь враждебныхъ интересовъ морской торговли и колоній. Быстрое распространеніе этой промышленности, возбуждая однако, опасенія на счетъ ущерба въ таможенномъ доходѣ, заставило наконецъ, ввести акцизъ на свекловичный сахаръ. Этотъ налогъ, установленный съ 1 сентября 1841 года постепенно возвышенъ отъ одной трети до одного талера, а съ сентября 1848 года до двухъ талеровъ съ центнера (около 60 к. серебромъ съ пуда). При умѣренной пошлинѣ на колониальный сахаръ, по 1 р. 50 к. серебромъ съ пуда, этотъ незначительный, впрочемъ, акцизъ оставилъ быстрые успѣхи свеклосахарнаго производства: съ 1837—1842 годъ включительно, выдѣлка свекловичнаго сахара возрасла отъ 25,346 до 256,043 центнера, но съ 1843 по 1845 годъ составляла, среднимъ числомъ, въ годъ только 178,563 центнера. Въ два пятилѣтніе періода, съ 1838 по 1842 и съ 1843 по 1847 годъ, средній привозъ колониальнаго сахару увеличился отъ 1,089,364 до 1,352,767 центнеровъ или на 24 процента, тогда какъ выдѣлка свекловичнаго сахару усилилась въ то же время, только отъ 199,247 до 208,027 центнеровъ или на 4 процента. Въ послѣднее пятилѣтіе, эта фабрикація стала опять возрастать только съ 1846 года: свекловичнаго сахару выдѣлано тогда 222,755 центнеровъ, а въ 1847 году 281,692 центнера. Такіе успѣхи ся были поводомъ къ возвышенію акциза на сахаръ внутренней выдѣлки до двухъ талеровъ съ центнера, между-тѣмъ, какъ пошлина съ колониальнаго сахару оставлена въ прежнемъ размѣрѣ.

Въ Австрійской имперіи, при умѣренной пошлинѣ съ колониальнаго сахару, средній привозъ его съ 1831 по 1840 годъ со-

ставили 408,407 центнеровъ, съ 1841 по 1843 годъ 489,585, а съ 1844 по 1846 годъ 561,161 центнеръ; слѣдовательно потребление возрасло на 37 процентовъ; въ то же время распространилось свеклосахарное производство, преимущественно въ тѣхъ областяхъ имперіи, гдѣ этотъ продуктъ обходится дорого, по отдаленности доставки его изъ портовыхъ городовъ: въ 1845 году считалось во всей имперіи около 100 свеклосахарныхъ заводовъ, въ томъ числѣ 36 въ Венгріи, 25 въ Богеміи, 15 въ Моравіи и 12 въ Галиціи. Все количество свекловичнаго сахара, добытаго въ 1845 году, простиралось до 150,000 центнеровъ. Удѣренная пошлина, платимая колоніальнымъ сахаромъ, обезпечиваетъ свеклосахарному производству достаточную премію, въ тѣхъ краяхъ имперіи, гдѣ мѣстные обстоятельства благоприятствуютъ успѣхамъ этой фабрикаціи. Однако ея развитіе нисколько не препятствовало умноженію привоза колоніальнаго сахара. Такимъ образомъ австрійскій тарифъ достигаетъ финансовый цѣль, способствуетъ успѣхамъ потребления этого продукта при соизвѣстествѣ съ нимъ свекловичнаго сахара, и хотя оно пріимчиво усилилось въ повѣйшее время, однако австрійское правительство еще не признало необходимымъ установить акцизъ на эту отрасль внутренней промышленности.

Въ Россіи, подобно какъ въ Австрійской имперіи и Германскому таможенному союзу, тарифъ не связанъ съ колоніальною системою, для поддержанія которой установлены въ Англіи и во Франціи различныя пошлины на сахаръ. Въ этихъ двухъ государствахъ, тарифный вопросъ о сахарѣ имѣетъ особенную важность не только въ финансовыхъ видахъ, но и въ отношеніи къ интересамъ колоній, морской торговли и купеческаго судоходства, а во Франціи еще касается при томъ интересовъ свеклосахарной фабрикаціи. Напротивъ того, въ Австрійской имперіи и въ Германскомъ таможенномъ союзѣ, колоніальный сахаръ обложивъ производное пошлиною только для таможеннаго дохода; а какъ эта пошлина обратилась и тамъ въ поощреніе свеклосахарному производству, то финансовый вопросъ о сахарѣ коснулся также интересовъ внутренней промышленности. Въ подобныхъ обстоятельствахъ выдвигается этотъ вопросъ и въ Россіи: имѣетъ ли тарифъ относительно сахару имѣть такую же цѣль, какъ тарифъ австрійскій и Германскаго таможеннаго союза, и потому любопытно сравнить результаты этихъ трехъ различныхъ тарифовъ въ отношеніи къ потребленію колоніальнаго сахара.

	Среднее количество, оплаченное пошлиною.		
	Пошлина съ пуда.	Съ 1844 по 1848 г.	Съ 1844 по 1846 г.
Въ Австрійской имперіи 1 р. 44 к.		1,713,547 пуд.	1,964,063 пуд.
— Германскомъ таможен- номъ союзѣ. 1 — 50 —		3,433,866 —	4,110,313 —
— Россіи. 3 — 80 —		1,805,616 —	1,841,106 —

Въ этотъ кратковременный періодъ, потребление колоніальнаго сахара, при умѣренной пошлинѣ, возрасло въ Германскомъ таможенномъ союзѣ на 19 процентовъ, а въ Австрійской имперіи на 14 процентовъ, не смотря на развитіе тамъ свеклосахарнаго производства; напротивъ того, въ Россіи, при высокой пошлинѣ, ввозъ колоніальнаго сахару увеличился въ это время только на 2 процента, что надлежитъ приписать съ одной стороны дороговизнѣ этого продукта, стѣсняющей его потребленіе, а съ другой—значительному приращенію свеклосахарной фабрикаціи, польъ покровительствомъ высокой пошлины, платимой у насъ колоніальнымъ сахаромъ.

Россія, не имѣя владѣній въ тропическихъ странахъ и не будучи связана колоніальною системою, никогда не стѣсняла привозъ сахара особыми тарифными мѣрами, какія введены въ европейскихъ государствахъ, основавшихъ колоніи въ другихъ частяхъ свѣта. Сахаръ всегда допускался въ Россіи къ привозу изъ всѣхъ странъ, безъ различія его произхожденія. Съ начала нынѣшняго столѣтія до 1822 года онъ былъ обложенъ умѣренною пошлиною, а именно: до 1811 года по 1 р. съ 1811 до 1816 года около 1 р. 80 к. (7 р. ассигн.) съ 1816 до 1820 годъ по 1 р. 50 к. съ 1820 до 1821 года по 75 к. въ портовыхъ и 60 к. въ сухопутныхъ таможенныхъ, въ 1821 году пошлина возвышена на 25 к. съ пуда, а тарифомъ 1822 года разрѣшенъ привозъ, только къ портовымъ таможеннымъ, съ пошлиною въ 2 р. 50 к. серебромъ съ пуда. До изданія этого тарифа, привозъ рафинированнаго сахара былъ дозволенъ, за исключеніемъ пятилѣтняго періода съ 1811 по 1816 годъ; пошлина по тарифу 1797 года, существовавшая до 1811 года, составляла съ рафинада 2 р. 40 к., съ мелса 2 р., съ лумпа 1 р. 60 к. серебромъ. Средній привозъ, рафинированнаго сахара съ 1800 до 1811 года простирался до 172,760 пудовъ въ годъ. Сахарнаго песку съ 1800 до 1806 года привозилось, среднимъ числомъ, ежегодно по 50,000 пудовъ, а съ умноженіемъ рафинированныхъ заводовъ во время континентал-

ной системы, средний привозъ въ 1806—1810 году включительно возвышался до 175,000 пудовъ. По запрещеніи привоза рафинированнаго сахару, съ 1811 до 1816 года количество сахарнаго песку, потребнаго для рафинадныхъ заводовъ, составляло, среднимъ числомъ, около 650,000 пудовъ. Тарифомъ 1816 года рафинированный сахаръ былъ вновь разрѣшенъ къ привозу, съ пошлиною по 3 р. 75 к. съ пуда, которая и по тарифу 1819 года оставалась въ силѣ для портовыхъ таможенъ, но въ сухопутныхъ уменьшена до 3 р. 35 к. съ пуда. Въ то же время, пошлина на сахарный песокъ сбавлена отъ 1 р. 50 к. до 75 к. с серебромъ для портовыхъ и до 60 к. съ пуда для сухопутныхъ таможенъ.

Въ теченіе шести лѣтъ (1816—1821 годъ) производство нашихъ рафинадныхъ заводовъ значительно усилилось: по трехлѣтней сложности, привозъ сахару сырца съ 1816 по 1819 годъ составлялъ 580,924 пуда, а съ 1819 до 1822 года 1,030,057 пудовъ въ годъ, то есть на 77 процентовъ болѣе. Напротивъ того, ввозъ рафинированнаго сахару уменьшился тогда отъ 215,514 до 171,005 пудовъ или на 20 процентовъ. Слѣдовательно, пошлина въ 3 рубля 75 копѣекъ съ пуда уже достаточно охраняла выгоды рафинадныхъ заводовъ. По возвышеніи пошлины на сахарный песокъ въ 1821 году, 25 копѣйками на пудъ, прибавлено, въ то же время, 75 копѣекъ къ пошлинѣ съ рафинированнаго сахару и, наконецъ, привозъ его вовсе запрещенъ тарифомъ 1822 года. Съ тѣхъ поръ привозъ сахару сырца по европейской торговлѣ Россіи составлялъ слѣдующія количества:

Въ 1822 году 1,086,526 пудовъ.	Въ 1832 году 1,357,723 пуда.
— 1823 — 878,422 —	— 1833 — 1,537,673 —
— 1824 — 816,963 —	— 1834 — 1,573,674 —
— 1825 — 1,113,303 —	— 1835 — 1,374,696 —
— 1826 — 1,067,387 —	— 1836 — 1,367,440 —
<hr/> Средняя сума 982,520 —	<hr/> Средняя сума 1,442,267 —
Въ 1827 году 1,000,161 —	Въ 1837 году 1,797,449 —
— 1828 — 1,195,919 —	— 1838 — 1,634,718 —
— 1829 — 1,443,897 —	— 1839 — 1,568,343 —
— 1830 — 1,347,400 —	— 1840 — 1,799,712 —
— 1831 — 1,453,639 —	— 1841 — 1,705,299 —
<hr/> Средняя сума 1,288,203 пуда.	<hr/> Средняя сума 1,701,104 пуда.

	Сахару сырца.	Лунна *.	
Въ 1842 году	1,922,562		пудовъ.
— 1843 —	1,782,987		—
— 1844 —	2,133,584		—
— 1845 —	1,315,868	358,807	—
— 1846 —	935,111	779,947	—
— 1847 —	807,272	677,874	—

Средняя сума. . . 1,785,668 пудовъ.

Постоянное умноженіе привоза сахару поддерживалось до 1842 года; въ оба послѣдніе періода, средній привозъ былъ почти одинаковъ, превышая отъ 70 до 80 процентовъ количество средняго привоза въ первое пятилѣтіе.

Разсмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ возрастало потребленіе колоніальнаго сахару, при различныхъ пошлинахъ, втеченіе этихъ двадцати-шести лѣтъ.

По тарифу 1822 года сахаръ сырецъ былъ обложенъ 2 рублями 50 копѣйками серебромъ съ пуда и эта пошлина взималась до 1832 года. По пятилѣтней сложности отъ 1822 — 1826 годъ до 1827 — 1831 года, средній ввозъ сахару увеличился около 30 процентовъ. Росписью отъ 11 ноября 1831 года пошлина возвышена до 3 рублей 15 копѣекъ серебромъ и съ-тѣхъ-поръ привозъ уже не возрасталъ болѣе въ прежней пропорціи: въ 1832 — 1836 годъ, въ сравненіи съ предъидущимъ пятилѣтіемъ, онъ увеличился только около 12 процентовъ, а въ 1837—1841 годъ около 18 процентовъ; съ 1842 года, послѣ возвышенія пошлины (тарифомъ 28 ноября 1841 года) до 3 рублей 80 копѣекъ съ пуда, средній привозъ сахару въ 1842—1847 годъ увеличился противъ предъидущаго пятилѣтія только на 5 процентовъ.

И такъ возвышеніе пошлины хотя не уменьшило ввоза, однако ослабило пропорцію его приращенія, тѣмъ-болѣе, что подъ вліяніемъ высокой пошлины на колоніальный сахаръ, въ новѣйшее время, значительно распространилось свеклосахарное производство во внутреннихъ губерніяхъ.

Привозъ сахару сырца со времени изданія тарифа 1822 года дозволенный только къ портовымъ таможеннымъ, распределялся по портамъ на слѣдующія среднія количества, по пятилѣтней сложности:

* Привозъ лунна былъ дозволенъ только въ 1845—1847 году.

	Въ С. Петер- бургѣ.	Въ Ригу.	Въ Архан- гельскѣ.	Въ прочія мѣста
Въ 1827 — 1831 годѣ	1,004,523	221,669	52,037	9,974 пуд.
— 1832 — 1836 —	1,226,915	171,098	31,617	12,657 —
— 1837 — 1841 —	1,515,413	146,311	26,016	13,364 —
— 1842 — 1847 —	1,583,666	140,751	37,019	24,432 —

Примѣчанія. 1) Привозъ сахару въ Санктпетербургъ увеличился во второй періодъ на 20 процентовъ, въ третій на 23 процента, а въ четвертый только на 9 процентовъ. Въ отношеніи къ количеству всего привоза, пропорція сахару, привезеннаго къ этому порту, составляла въ первый періодъ около 78 процентовъ, во второй 85 процентовъ, а въ оба послѣдніе періода почти 90 процентовъ. Рафинадные заводы, существующіе въ Санктпетербургѣ, снабжаютъ сахаромъ большую часть Россіи и только въ новѣйшее время сбытъ его въ малороссійскихъ и сосѣдственныхъ губерніяхъ сталъ уменьшаться, отъ распространенія тамъ свеклосахарныхъ заводовъ.

2) Пропорція сахару, привозимаго къ рижскому порту, упала въ каждое пятилѣтіе: привозъ въ послѣдній періодъ былъ на 36 процентовъ менше нежели въ первый. Съ рижскихъ заводовъ сахаръ сбывается въ остзейскихъ и западныхъ губерніяхъ; но въ послѣднихъ онъ уже встрѣчаетъ совмѣстничество свекловичнаго сахара, и вѣроятно оттого уменьшилось рафинированіе на рижскихъ заводахъ.

3) Въ Архангельскѣ, сахаръ, привозимый для тамошнихъ заводовъ, пользуется уступкою въ пошлинѣ на 50 копѣекъ серебромъ съ пуда. Несмотря на то, привозъ къ этому порту весьма незначителенъ и не представляетъ приращенія; въ послѣдній періодъ привезено туда на 40 процентовъ менше нежели въ первый. Архангельскіе заводы сбываютъ свой сахаръ въ губерніяхъ вологодской, вятской и пермской, также на нижегородской и ирбитской ярмаркахъ; но встрѣчаютъ тамъ совмѣстничество сахара, доставляемаго въ большомъ количествѣ изъ Санктпетербурга.

4) Привозъ къ другимъ портамъ,—изъ которыхъ въ ревельскомъ взимается уменьшенная пошлина какъ въ Архангельскѣ, до сихъ поръ остается весьма маловажнымъ,—и въ послѣдній періодъ составлялъ только $1\frac{1}{2}$ процентовъ всего привоза.

Высокая пошлина, которою сахарный песокъ обложенъ въ Россіи, заставляетъ выписывать изъ за-границы преимущественно-

но бѣлый сахаръ, который, по своей высшей добротѣ въ сравненіи съ желтымъ и красвымъ, можетъ выносить эту пошлину, слишкомъ тягостную для низшихъ сортовъ. До сихъ поръ, выдѣлка бѣлаго сахара производится въ значительнѣйшемъ количествѣ только на островѣ Кубѣ, съ котораго получается извѣстный въ торговлѣ гавапскій сахаръ. Бразилія доставляетъ небольшую пропорцію сахара этого сорта, который, впрочемъ, добротою ниже гавапскаго. Такимъ образомъ наши рафинадные заводы, ограничиваясь исключительнымъ употребленіемъ бѣлаго сахару сырца, подвергнувшись въ отношеніи къ его привозу зависимости отъ острова Кубы, тогда какъ во всѣхъ другихъ странахъ Европы, снабжаемыхъ колоніальнымъ сахаромъ, рафинадные заводы употребляютъ преимущественно желтые и красные сахарные пески, которые привозятся изъ разныхъ Антильскихъ острововъ, Бразиліи, Явы, Остъ-Индіи и другихъ мѣстъ. Выгодный и вѣрный сбытъ бѣлаго сахару въ Россіи поощрилъ кубскихъ плантаторовъ къ умноженію выдѣлки пробѣленныхъ песковъ, и доставилъ возможность поддерживать высокія цѣны на этотъ сортъ, тѣмъ болѣе, что островъ Куба служитъ единственнымъ источникомъ, изъ котораго Россія можетъ получать потребную ей пропорцію сахару этого сорта.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВЕЛИКОРОССИЙСКИХ ГУБЕРНИЙ.

=

СТАТЬЯ ТРЕТЬЯ.

=

По раздробленности своей торговли тверская губернія не можетъ быть разсматриваема иначе, какъ въ каждомъ уездѣ отдѣльно:

1) *Осташковскій уездъ*. На 1846 годъ въ городѣ Осташковѣ объявлено купеческихъ капиталовъ: первой гильдіи 1, второй—2, третьей—185. Ярмарокъ въ городѣ назначено три: крещенская 6 января, ниловская 26 мая и преображенская 6 августа; но съѣзда на нихъ никогда никакого не бываетъ. Базаровъ въ году 156. На нихъ денежный оборотъ простирается до 16,000 рублей серебромъ. Продаются разнаго рода жизненные припасы и лыка, сдираемая съ березоваго дерева, по простонародному названію *ракига*, употребляемая для выдѣлки кожъ и юфты. Для продажи городскимъ и уезднымъ жителямъ, по мѣстнымъ свѣдѣніямъ, осташковскимъ купечествомъ закупается ежегодно: краснаго товара на 4,400 рублей, чаю, сахару, табаку листоваго и курительнаго, мыла, меду, патоки картофельной на 62,000 рублей серебромъ, желѣза на 18,000, масла постнаго и деревяннаго на 19,000, муки ржаной на 97,000, ржи на 50,000, крупъ грѣчевыхъ на 6,500, ячменя на 5,200, овса на 10,800 рублей, соли на 11,250, муки пшеничной на

120,000 рублей серебромъ. Хлѣбный товаръ и соль ббльшую частью покупаются въ городѣ Рыбинскѣ, и доставляются въ Осташковъ на судахъ по Волгѣ. За провозъ съ пуда платится 16 копѣекъ серебромъ. Зимую же хлѣбъ покупается въ Калугѣ, и сухопутная доставка обходится съ пуда 30 копѣекъ серебромъ.

Часть этого хлѣба отправляется Селигеромъ въ валдайскій уѣздъ, въ село Полново; за провозъ отъ Осташкова до Полнова платится съ пуда по $2\frac{1}{2}$ коп. сер. Прочіе товары привозятся ббльшую частью изъ Москвы, откуда сухопутная доставка обходится съ пуда по 40 копѣекъ серебромъ. Отпускаются изъ Осташкова произведенія тамошней бумагопрядильной фабрики и заводовъ кожевенныхъ и желѣзныхъ, о чемъ было говорено выше.

Ярмарки въ осташковскомъ уѣздѣ бывають только въ Селяжаровской слободѣ, ихъ три: троицкая, петровская и сергіевская осенняя. Привозъ на нихъ незначительный; главные предметы продажи составляютъ хлѣбъ и скоть, покупаемый у окрестныхъ жителей новоторжскими купцами.

2) *Ржевскій уѣздъ.* На 1846 годъ въ городѣ Ржевѣ объявлено купеческихъ капиталовъ 221; изъ числа ихъ: первой гильдіи 4, второй 14 и третьей 203. Ярмарокъ въ Ржевѣ 2, сборная, бывающая втеченіе первой и второй недѣль Великаго поста, и петровская, 26 іюня, продолжающаяся 7 дней. На объ привозится товаровъ на сумму до 90,000 рублей серебромъ. Важнѣйшая изъ ярмарокъ сборная; на нее товары привозятся преимущественно изъ губерній московской, тверской, смоленской и изъ города Рыбинска. Главнѣйшія статьи привоза: бумажныя издѣлія, на сумму 12,200 рублей серебромъ, желѣзо и желѣзныя издѣлія на 6,530 рублей. Сверхъ того, для города и уѣзда ржевскимъ купечествомъ закупаются товары въ Москвѣ: краснаго товара на 100,000 рублей; краски, чаю, табуку курпительнаго, разныхъ съѣстныхъ припасовъ, хрусталу, стекла, зеркалъ, фаянсу, мѣховъ, хмѣлю на 120,000 рублей; доставка съ пуда отъ 15 до 30 копѣекъ. Изъ Санктпетербурга идутъ сюда сахаръ, кофе и виноградины вина на 152,000 рублей; доставка отъ 50 до 70 копѣекъ. Изъ Твери получается чулковъ шерстяныхъ на сумму до 2,000 рублей. Изъ Торжка привозится рукавицъ, кожаныхъ на сумму до 5,000 рублей; доставка отъ 10 до 25 копѣекъ. Изъ нижегородской губерніи привозится соли, желѣза, мыла на 155,000; доставка отъ 15 до 25 копѣекъ. Изъ губерній смоленской, орловской, калужской, курской, харьковской и ярославской табуку листоваго, масла коноплянаго, меду, разныхъ крупъ, гороху, патоки картофельной на 222,000; достав-

на отъ 7 до 40 копѣекъ серебромъ. Торговля виѣшняя ржевскихъ купцовъ весьма значительна; она простирается на сумму до 4,000,000 рублей серебромъ; преимущественно торгуютъ пенькою, саломъ, канатною пряжею, коноплянымъ масломъ, хлѣбомъ, льнянымъ семенемъ; все это отправляется къ санктпетербургскому и рижскому портамъ; провозная цѣна водою въ Санктпетербургъ 15 копѣекъ съ пуда; всѣ эти товары закупаются въ губерніяхъ орловской, курской, калужской и смоленской; доставка въ Ржевъ сухимъ путемъ обходится около 20 копѣекъ съ пуда.

Въ ржевскомъ уѣздѣ бываетъ 3 ярмарки.

	На какую сумму привозится.	На какую сумму продается.
1. Крещенская. Въ селѣ Молодомъ Туду	3,285 руб. сер.	2,684 руб. сер.
2. Никольская. — — Молодомъ Туду, 6 декабр.	3,684 руб. сер.	3,438 руб. сер.
3. Тихвинская, въ Тихвинскомъ погостѣ 26 іюня.	1,139 руб. сер.	924 руб. сер.

Общій оборотъ на ярмаркахъ ржевскаго уѣзда простирается по привозу на сумму 8,118 рублей серебромъ, по продажѣ 7,026 рублей серебромъ. Главными предметами торговли на этихъ ярмаркахъ бываютъ товары русскаго домашняго произведенія, каковы напримѣръ сукна низкаго сорту, бумажныя и шерстяныя издѣлія, а также хлѣбъ привозимый изъ другихъ уѣздовъ.

3) *Зубцовскій уѣздъ.* На 1846 годъ въ городѣ Зубцовѣ объявлено капиталовъ: 1-й гильдіи 1, 3-й — 28. Въ городѣ базаровъ и торговъ 52, ярмарокъ пять: сырная въ среду сырной недѣли, никольская 9 мая, успѣнская 15 августа, ивановская 12 ноября и никольская 6 декабря; всѣ эти ярмарки продолжаютъ по двю и по два. На нихъ привозятся русскіе товары, какъ-то напка, свецъ, коленкоръ, выбойки (до 400 кусковъ), платки бумажныя (до 700), пеньки до 5,00 пудовъ, льпу до 150 пудовъ, кожъ и желѣзныхъ издѣлій на 700 рублей серебромъ; хлѣбъ разнаго рода, мука ржаная, овесъ, льняное семя, рыба разнаго сорту, свѣжая и соленая, изъ смежныхъ городовъ, а хлѣбъ крестьянами зубцовскаго и сосѣдственныхъ уѣздовъ. Всего на тѣ ярмарки втеченіе года привозится товаровъ на сумму до 10,080 рублей серебромъ, а продается на 8,275 рублей. Весь денежный оборотъ на ярмаркахъ и базарахъ простирается до 70,000 рублей серебромъ. Сверхъ того, зубцовскимъ купечествомъ для города ежегодно закупается въ Москвѣ: красный товаръ, чай, табакъ листовою, мыло, медъ, масло постное, курительный табакъ, разные съѣстные

припасы, черныи товаръ, хрусталь, стекло, зеркала, фаянсъ и мѣха на 40,300 рублей серебромъ; доставка обходится отъ 20 до 40 копѣекъ серебромъ съ пуда; въ Тверж: помяныя румяницы, шерстяныя чулки, поярковыя шляпы и желѣзный товаръ на 2,000 рублей серебромъ; доставка отъ 15 до 28 копѣекъ; въ Санктпетербургѣ: сахаръ, виноградныя вина и кофе на 7,000 рублей; доставка отъ 25 до 40 копѣекъ серебромъ. Въ Рыбнискѣ: соли на 7,700 рублей; доставка отъ 6 до 12 копѣекъ серебромъ. Вѣдѣнная торговля зубцовскихъ кушцовъ простирается на сумму до 100,000 рублей серебромъ въ годъ. Главнѣйшія статьи этой торговли: пенька, сало, масло и пшеничная мука, закупаемая въ орловской, курской, кадужской и смоленской губерніяхъ. Провозная цѣна въ Зубцовъ сухимъ путемъ обходится до 20 копѣекъ серебромъ съ пуда. Въ Санктпетербургъ отправляются на баркахъ, съ платою по 15 копѣекъ серебромъ съ пуда.

Ярмарки въ зубцовскомъ уѣздѣ находятся въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Названіе ярмарокъ.	Гдѣ и когда бывають ярмарки.	На какую На ка- сумму было ную сум- въ 1846 году му тогда привезено же про- товаровъ. дано.	
		Рубль	серебромъ.
1. Хлѣпенская. ...	Въ с. Хлѣпнѣ 6 августа и 1 октября.	428	200
2. Колединская...	— — Колединѣ 6 января и 25 декабря.	285	171
3. Погорѣльская.	— — Погорѣломъ городищѣ въ 10 пятницу и 1 октября. .	3,721	2,507
4. Ульяновская...	— — Ульяновскомъ 15 августа и недѣльная.	857	828
5. Романовская....	— — Романовѣ 9 мая и 6 декабря.	428	260
6. Степуринская.	— — Степуринѣ 18 августа. . .	400	228
7. Первитинская.	— — Первитинѣ 8 июля.	628	514
8. Терешковская.	— — Терешковѣ 29 мая.	57	28
9. Городищенская.	— — Городищѣ въ Рождество Христово.	485	114
10. Ивановская. . .	— — Ивановскомъ 24 июня. . . .	142	100
11. Стальпинская.	— — Стальпинѣ 26 июня.	142	85
12. Никифоровская.	— — Никифоровскомъ 6 января..	571	371
Итого...		8,144	5,406

Главный предмет торговли на ярмарках заключается въ продажѣ крестьянскаго краснаго товара и домашнихъ крестьянскихъ произведеній, привозимыхъ изъ московской губерніи.

4) *Старицкій уѣздъ*. На 1846 годъ въ городѣ Старицѣ объявлено капиталовъ третьей гильдіи 60. Въ Старицѣ бываетъ только одна ярмарка на девятой недѣлѣ послѣ Святой, называется *девятою лядвицею*, и продолжается три дня. Главный предметъ привоза составляютъ косы, привозимыя изъ города Рыльска курской губерніи, бумажныя издѣлія изъ окрестныхъ городовъ и лошади. Базаровъ 51; на нихъ, вмѣстѣ съ ярмаркою, продается не болѣе какъ на 15 рублей серебромъ. Для потребленія городскихъ и уѣздныхъ жителей старицкіе купцы закупаютъ въ Москвѣ: краснаго товару на 11,000 руб. сереб., чаю, табаку листоваго и курительнаго, мыла, меду, масла постнаго, съѣстныхъ припасовъ и чернаго товару на 30,000; желѣзнаго товару, хрусталу, стеклу, зеркаль, едкія и шѣтокъ на 7,800 руб. сереб.; доставка отъ 15 до 20 копѣекъ съ пуда; въ Петербургѣ: сахаръ, виноградныя лиза и шоко на 23,500; доставка отъ 20 до 60 коп. сереб.; въ Торжкѣ и въ Твери: рукавицы кожаныя, чулки шерстяные, шапки полярковыя на 1,900 руб.; доставка отъ 15 до 20 коп. серебромъ. Въ Рыбинскѣ: соль на 13,500; доставка отъ 5 до 8 коп. серебромъ. Торговля вишнямя старицкихъ купцовъ простирается на сумму до 185,000 руб. серебромъ. Главныя статьи торговли суть: пенька, сало, масло, мука ржаная, хлѣбъ разнаго рода и сырыя кожи. Все это покупается частью у окрестныхъ жителей, частью же въ губерніяхъ смоленской, тверской и ярославской, и доставка въ Старицу обходится: изъ смоленской губерніи сухопутно отъ 20 до 30 коп. сереб., изъ тверской отъ 4 до 10, изъ ярославской водою отъ 5 до 8 копѣекъ серебромъ съ пуда.

Ярмарки въ старицкомъ уѣздѣ бываютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Названіе ярмарокъ.	Гдѣ и когда бывають ярмарки.	На какую	На ка-
		сумму было купосук- привезено то- варовъ	котогда женре-
		въ 1846 году.	дане.
		Рубля серебромъ.	
Мичьковская. . . .	Въ с. Мичьковѣ 2 мая.	4,000	2,300
— —	— десятую пятницу по Пасхѣ. .	2,000	1,000
Емельяновская. . .	— с. Емельяновѣ 9 мая.	3,000	2,000
Нестеровская. . . .	— — Нестеровѣ въ праздникъ Троицы	5,000	3,000
— —	25 сентября въ праздникъ Сергія.	2,000	1,000
— —	и на пятой недѣлѣ Великаго поста въ субботу.	1,500	800
Кушаловская. . . .	— — Кушаловѣ въ праздникъ Троицы	2,500	1,500
Денежновская. . . .	— — Денежномъ въ праздникъ Вознесенія Господня. . . .	2,000	800
Луковниковская. . .	— — Луковниковѣ въ праздникъ Троицы	3,000	1,500
Станишинская. . . .	— — Станишѣ 20 июля въ празд- никъ Пророка Іліи.	1,000	500
Лотышинская. . . .	— — Лотышинѣ въ праздникъ Преображенія 6 августа. . .	10,000	6,000
Мологинская. . . .	— — Мологинѣвъ праздникъ Пре- ображенія	1,500	1,000
— —	и въ праздникъ Мученицы Парасковіи.	600	300
Иванишская.	— — Иванишѣвъ праздникъ Успѣ- нія Богородицы 15 августа. .	2,500	1,000
Берновская.	— — Берновѣ въ праздникъ Успѣ- нія Богородицы 15 августа. .	7,000	3,000
Зиновьевская. . . .	— — Зиновьевѣ въ праздникъ Рождества Богородицы 8 сентября.	3,000	1,500
Калицынская. . . .	— — Калицынѣ 15 сентября. . .	3,500	2,000
Гурьевская.	— — Гурьевѣ 13 сентября. . . .	1,000	700
Старшевичьская. . .	— — Старшевичахъ въ празд- никъ Рождества Богородицы 8 сентября.	500	300
Воеводинская. . . .	— — Воеводинѣ 23 сентября. . .	1,000	600
Никулинская. . . .	— — Никулинѣ городищѣ 8 но- ября.	8,000	4,500

Итого. 58,300 35,500

Главный предмет торговли на ярмарках составляют разные потребности крестьянского быта и домашняго издѣлія.

5) *Тверской уездъ*. На 1846 годъ въ городѣ Твери объявлено купеческихъ капиталовъ: первой гильдіи 1, второй — 19 и третьей — 155, иногородныхъ 4, и иностранныхъ 3. Ярмарокъ въ Твери не бываетъ; базаровъ 156, на которыхъ производится оборотъ на сумму до 55,000 р. с. въ годъ. Для распродажи городскимъ и уѣзднымъ жителямъ тверскимъ купечествомъ ежегодно закупается въ Москвѣ, Санктпетербургѣ и на нижегородской ярмаркѣ: сахару 315,000; чаю, кофе, виноградныхъ винъ, табуку курительнаго и листоваго, меду и разныхъ съѣстныхъ припасовъ на 100,000 р. с.; желѣзнаго товару на 170,000, мыла на 30,000, краснаго товару 36,250, масла коноплянаго на 15,000, зеркалъ и стекла на 3,150. Доставка съ пуда обходится: изъ Петербурга отъ 25 до 40 к. с., изъ Москвы отъ 10 до 20 к. с., съ нижегородской ярмарки водою отъ 10 до 15 к. с. Изъ Рыбавска соли на 21,000 р.; доставка водою отъ 3 до 6½ к. Изъ разныхъ уѣздовъ тверской губерніи полотна на 60,000 р. с. Торговля вѣшняя тверскихъ купцовъ простирается ежегодно на сумму до 1,675,300 руб. сер. Главнѣйшіе предметы вѣшной торговли суть: гвозди, овесъ, желѣзо разныхъ наименованій, мука ржаная, пенька, крупа, сѣмя льняное, рожь, соль, снасти, сырыя кожи, мыло, пшеничная мука и сало. Пенька покупается частью въ смоленской и калужской губерніяхъ, откуда сухопутная доставка до города Твери обходится съ пуда до 20 к. с.; сало и сырыя кожи привозятся изъ тамой губерніи, снасти и значительная часть гвоздей выдѣлываются самими городскими обывателями; соль, желѣзо и часть хлѣба покупаются на пизовыхъ пристаняхъ. Отправленіе товаровъ изъ города Твери на судахъ въ Санктпетербургъ, обходится съ пуда до 10 к. с., сухимъ путемъ до Москвы отъ 6 до 12 к. с.

6) *Корчевской уездъ*. На 1846 годъ въ городѣ Корчевѣ объявлено капиталовъ: первой гильдіи 1, второй — 3, третьей — 28. Ярмарокъ въ городѣ бываетъ три: первая въ родительскую субботу, передъ сырною ведѣлю; вторая 25 марта, въ день Благовѣщенія, третья 14 сентября, въ Воздвиженевъ день. Главный предметъ торговли на этихъ ярмаркахъ — красные и кожевешные товары, и частью сукна; оборотъ на нихъ простирается не болѣе какъ на 3,000 р. с. Кромѣ того въ воскресные дни бываютъ базары, на которыхъ преимущественно продаются съѣстные припасы. Весь оборотъ на ярмаркахъ и базарахъ въ Корчевѣ простирается на 7,252 р. с. Кромѣ того, тамошнимъ купе-

чествомъ ежегодно закупается: въ Москвѣ краснаго товара на 1,100 р. с.; чаю, сахару, кофе, виноградныхъ винъ, табаку курительнаго и листоваго на 4,700 р. с.; краски, мыла, масла постога, мѣховъ на 1,550 р. с.; разныхъ съѣстныхъ припасовъ на 3,600 р. с.; желѣзнаго товара на 300 р. с.; хрусталу, зеркаль и стекла на 175 р. Доставка съ пуда обходится отъ 10 до 15 к. с. Изъ Рыбинска соли на 3,200 р., доставка съ пуда водою отъ 5 до 6 к. Высшая торговля корчевскихъ купцовъ простирается окло 17,000 р. с. Главные предметы торговли: пенька, сало, постное масло, овесъ, мука ржаная, соль, сырыя кожи, желѣзо и шпичная мука.

Ярмарки въ корчевскомъ уѣздѣ бывають въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Название ярмарки.	Гдѣ и когда бивають ярмарки.	На какую	На какую
		сумму бы ло привезе но те вару.	сумму бы ли привезе но те вару.
		Рубля серебрян.	Коп.
1. Горницкая	Въ помѣщ. с. Горницахъ 6 января.	1,212	364
2. Быковская	— казен. с. Быковъ 2 февраля . .	1,852	321
3. Горницкая	— помѣщ. с. Горницахъ на сырной недѣлѣ во вторникъ	1,420	299
4. — —	— Вербное воскресенье	1,292	131
5. Негодяевская	— казен. с. Негодяевъ въ Троиц- цынъ день	617	295
6. Горницкая	— помѣщ. с. Горницахъ въ Трои- цынъ день	1,250	530
7. Петровская	Графини Самойловой въ с. Кширѣ 29 юня	15,824	3,200
8. Ильинская	Въ каз. с. Ильинскомъ 20 юля . .	1,120	501
9. — —	— каз. с. Быковъ 20 юля	1,322	599
10. — —	— каз. с. Селиховъ 20 юля	1,401	358
11. Усичевская	— пом. с. Горницахъ 15 августа .	782	350
12. — —	— пом. с. Федоровскомъ 15 авг.	492	92
13. Сергѣевская	— каз. с. Негодяевъ 25 сентября.	694	420
14. Покровская	— с. Кширѣ гр. Самойловой 1 окт.	17,000	6,283
15. Временная	— пом. с. Горницахъ 27 октября.	1,321	382
16. Михайловская	— каз. с. Ильинскомъ 8 ноября.	820	308
17. Екатерининская	— каз. с. Быковъ 24 ноября . . .	1,420	302
18. Рождественская	— пом. с. Горницахъ 25 декабря.	1,795	720

Итого 51,634 15,352

Примѣчаніе. Главнѣйшіе предметы торговли на ярмаркахъ бываютъ: разныя крестьянскія издѣлія, домашнія произведенія, простая шерсть, кожевенный товаръ и сапоги; эти товары отпускаются изъ Корчевы въ сосѣдственные города: Тверь, Клинъ, Дмитровъ, Калязинъ, Кашинъ и Бѣжецкъ, и на оборотъ получаютъ для употребленія жителей разныя кожевенные товары.

7) *Кашинскій уѣздъ.* На 1846 годъ въ городѣ Кашинѣ объявлено капиталовъ: первой гильдіи 6, второй гильдіи 7 и третьей 99. Ярмарокъ въ городѣ ежегодно бываетъ двѣ: *сборная* на второй недѣлѣ Великаго поста, продолжающаяся три дня, и *девятая* на девятой недѣлѣ послѣ Пасхи, продолжающаяся два дня. Главнѣйшій предметъ торговли на первой изъ этихъ ярмарокъ заключается въ льняной пряжѣ, холстѣ, и кромѣ того, въ фарфоровой и фаянсовой посудѣ, желѣзныхъ издѣліяхъ, колесахъ и лошадяхъ. На *девятую* ярмарку, кромѣ вышеозначенныхъ предметовъ, привозятъ овечью шерсть. Всего на первую ярмарку привозится на сумму до 8,200 р. с., а на вторую около 3,200 р. с. Базары бываютъ два раза въ недѣлю; на нихъ втеченіи года продается жизненныхъ припасовъ и разныхъ мелочныхъ товаровъ на сумму до 3,700 р. с. Для мелочной распродажи въ городѣ и уѣздѣ кашинскимъ купечествомъ закупается ежегодно—въ Москвѣ: разнаго краснаго товару и мѣховъ на 17,000 р. с.; краски, чаю, табакъ лѣстового и курительнаго, мыла, меду, масла постнаго, разныхъ съѣстныхъ припасовъ, чернаго товару и зеркалъ на 43,000 р. с.; доставка съ пуда обходится отъ 12 до 30 к. с.; въ Санктпетербургѣ: сахару, кофе, табакъ курительнаго и виноградныхъ винъ, на 24,000 р. с.; доставка съ пуда отъ 40 до 70 к. с.; въ Рыбинскѣ: соли на 10,000 р. с.; доставка отъ 6 до 10 к. с.; въ Ярославлѣ: товара желѣзнаго на 6,000 р. с.; доставка отъ 13 до 22 к. с. за пудъ; на нижегородской ярмаркѣ: рукавицы кожаныхъ на 1,200 р. с.; доставка отъ 35 до 45 к. с. съ пуда; въ Ростовѣ: шляпъ полярковыхъ на 2,100 р. с.; за доставку отъ 15 до 20 к. с.; съ заводовъ тверской губерніи: хрусталу, стекла, посуды фаянсовой и глиняной на 700 р. с.; доставка отъ 10 до 15 к. с. Сверхъ того, для мѣстныхъ и окрестныхъ жителей кашинскимъ купечествомъ закупается въ Рыбинскѣ муки ржаной и пшеничной, овса, крупъ разныхъ сортовъ и гороха на сумму до 120,000 р. с. Трактирная торговля хлѣбомъ производитъ кашинскимъ купечествомъ въ огромномъ размѣрѣ, и доходитъ на сумму до 10,000 р. с. Сверхъ того, замѣчательна фабрикація виноградныхъ винъ купца Терликова, которыми снабжаетъ отъ

преимущественно низовья губерніи. Торговля эта простирается на сумму до 2,000,000 р. с.

Ярмарки въ кашинскомъ уѣздѣ бываютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Название ярмарокъ и прилежащихъ селеній.	Время ярмарокъ.	На какую сумму правоземно было торгъ.	
		Рублей	серебрянъ.
Благовѣщенская въ селѣ Кой.	25 марта, одинъ день.	30,010	15,225
Троицкая тамъ же.	Въ Троицынъ день, одинъ день	29,795	16,535
Ивановская въ селѣ Кесовой-Горѣ.	24 іюня, одинъ день.	4,224	2,034
Спасская въ селѣ Кой.	1 августа — —	13,930	8,456
Воздвиженская въ селѣ Поводневѣ	14 сентября — —	26,030	4,930
Касьянская въ селѣ Касьянскомъ.	10 октября — —	14,123	7,221
Лавровская въ селѣ Лавровѣ.	22 октября — —	"	"
Итого. . .		118,114	44,401

Примѣчаніе. Въ селѣ Кой, Кесовой горѣ, Лавровѣ, Васьянскомъ и Савцынѣ производится еженедѣльные базары. Главный предметъ торговли на ярмаркахъ составляютъ сукна рускія, разный красивый товаръ, хлѣбъ, частью черепаховыя и роговыя гребенки, телѣги, кожи, сапоги; все это привозится какъ изъ города Кашина съ его уѣздомъ, такъ и изъ содѣственныхъ городовъ: Бѣжецка, Краснаго Холма, Углича и Калязина.

8) *Калязинскій уѣздъ.* На 1846 годъ въ городѣ Калязинѣ объявлено купечествомъ капиталовъ: первой гильдіи одинъ, второй гильдіи 3, третьей гильдіи 63, всего 67 капиталовъ. Ярмарокъ въ городѣ ежегодно бываетъ три: 1) алексѣевская 17 марта, привозится товаровъ на 15,386 р. с., продается на 2,952; 2) николевская 9 мая, привозится на 20,923 р. с., продается на 4,402; 3) въ десятую по пасхѣ пятницу, привозится на 15,307 р. с., продается на 2,623. Главный предметъ торговли на этихъ ярмаркахъ красивые товары и разныя издѣлія для крестьянскаго быта, провозимые изъ ближайшихъ къ Калязину городовъ: Кашина и Углича. Для мелочной распродажи въ городѣ и уѣздѣ калязинскимъ купечествомъ ежегодно закупается: въ Москвѣ разныхъ красивыхъ товаровъ и мѣховъ на 7,500 р. сер.; краски, чаю, табуку листового и курительнаго, мыла, меду, масла постнаго, раз-

ныхъ съѣстныхъ припасовъ и чернаго товару на 25,500 р. сер.; хрустало, стека и зеркаль на 400 р. сер.; сахару и кофе на 14,000 р. сер.; за провозъ съ пуда отъ 20 до 30 к. сер.; въ Ярославль: желѣзнаго товару на 5,500 р. сер.; доставка отъ 15 до 25 к. сер.; въ Кашинѣ: чулки шерстяные и вялоградная вина на 17,600 р. сер., доставка отъ 5 до 7 к. сер.; въ Рыбинскѣ: соли на 4,900 р. сер.; за перевозъ отъ 4 до 5 к. сер.; на Нижегородской ярмаркѣ: рукавицъ кожаныхъ на 400 р. сер., доставка отъ 35 до 40 к. сер. Вишняя торговля калязинскихъ купцовъ простирается на сумму до 210,000 р. сер. Главнѣйшія статьи торговли: разнаго рода хлѣбъ и льняное сѣмя, которые закупаются большею частью въ низовыхъ губерніяхъ, и отправляются водою въ Петербургъ; отправка съ пуда обходится 15¼ к. сер.

Ярмарки въ калязинскомъ уѣздѣ бываютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Названіе ярмарокъ	Гдѣ и когда бываютъ.	На какую сум- му было привезе- но товару.	На какую сум- му было продано.
		Рублей серебромъ.	
Перваго стана.	Въ каз. селахъ: Троицѣ Нерли по понедѣльникамъ еженедѣльные базары, а въ Семендеевѣ по пятницамъ . .	Въ с. Семендеевѣ на 21,305	15,000
		Въ с. Троицы Нерли на 32,373	18,300
<i>Годовыя:</i>			
Троицкая	Въ с. Троицѣ Нерли въ праздникъ Сош. Св. Духа . . .	21,026	10,315
Семендеевская	Въ с. Семендеевѣ въ недѣлю всѣхъ Святыхъ	19,216	8,390
Портъчская	Въ с. Портъчѣ въ праздникъ Рождества Богородицы. . .	13,520	6,685
Второго стана.			
Еженедѣльные базары	Въ казен. селѣ Толдаиѣ въ воскресные дни.	189,500	86,485
<i>Годовыя:</i>			
Ильинская	Въ каз. селѣ Толдаиѣ 20 іюля	1,000	500
Семеновская	Въ селѣ Семеновскомъ, кн. Воронцова, 1 сентября . .	2,250	1,000
Михайловская	Въ каз. селѣ Толдаиѣ 8 ноября.	1,200	600
Рождественская.	Въ пом. селѣ Рождествѣ Вьюлкахъ 25 декабря	1,800	900
Итого		303,190	148,175

Примѣчаніе. На этихъ ярмаркахъ главный предметъ торговли ситцы, платая бумажные для крестьянскаго быту, прѣяный товаръ, жиданнные припасы и разныя крестьянскія надѣлія.

Общее замѣчаніе о судоходной торговлѣ по Волгѣ въ тверской губерніи.

Въ 1845 году, по всему теченію Волги, начиная отъ верхово-волоцкаго бейшлота до границы ярославской губерніи, выѣстъ съ низовомъ рѣки Тверцы, было нагружено товаровъ на сумму 11,575,448 р. сер., выгружено на 5,398,178, что дѣлаетъ разницу между отпускомъ и привозомъ въ 6,177,270 р. сер. Но эти цифры не выражаютъ баланса между продаваемымъ губерніею и покупаемымъ ею, потому что во-первыхъ, многія суда грузились и потомъ разгружались въ предѣлахъ самой губерніи, слѣдовательно движеніе ихъ должно быть отнесено къ внутренней торговлѣ; во-вторыхъ, самое большое число нагруженныхъ товаровъ закуплено тверскимъ купечествомъ въ смежныхъ губерніяхъ, и такимъ-образомъ не состояло изъ мѣстныхъ произведеній. Большая часть *нагруженныхъ* товаровъ заключала разнаго рода хлѣбъ, муку, солодъ, крупу, пеньку, сало и стекло, а *разгруженными* — хлѣбъ (особенно пшевицу), соль, желѣзо, разныя краски, металлы и минеральныя вещества, бумагу хлопчатую и масло деревянное.

9) *Новоторжскій уездъ.* На 1846 годъ въ городѣ Торжкѣ объявлено купеческихъ капиталовъ: первой гильдіи 1, второй 7 и третьей 233. Въ городѣ бывають двѣ ярмарки; на каждой изъ нихъ денежный оборотъ простирается до 20,000 р. сер. Главныя предметы торговли: хлѣбъ, лошади, товары коженныя, краски, желѣзные, фруктовые и деревянная посуда. Сверхъ того бываетъ въ году 5 торговъ, въ первые 4 воскресные дни Великаго поста и 1 октября, и 95 базаровъ. Денежный оборотъ на торгахъ и базарахъ вообще простирается до 40,000 р. с. Ежегодно новоторжскимъ купечествомъ приблизительно закупается: въ Москвѣ краснаго товару на 15,000 р. с.; краски, чаю, табаку листоватаго и курительнаго, мыла и меду, масла постнаго и разныхъ съѣстныхъ припасовъ на 36,000 р. с.; чулковъ шерстяныхъ, шляпъ пѣрловыхъ, желѣза, хрусталу, зеркалъ и посуды на 7,000 р. с.; доставка обходится отъ 15 до 20 к. с. съ пуда; въ Петербургѣ: сахару, табаку курительнаго, виноградныхъ винъ и кося на 33,000 р.; доставка по 38 и 35 к. за пудъ; въ Рыбинскѣ:

соли на 21,000 р.; доставка водою, отъ 7 до 8 в. Сверхъ-того, для продажи на мѣстѣ и частью для отправки водою въ Петербургъ, новоторжскими купцами закупается въ годъ разнаго рода хлѣба, особенно овса, крупъ, гороху, солоду ячнаго и ржаного, на сумму до 486,700 р.; доставка водою отъ Торжка въ Петербургъ обходится съ пуда по 10 к., а сухимъ путемъ отъ 25 до 30 к. Въ 1845 г. на новоторжской пристани грузилось товаровъ на сумму 528,785 р., разгрузилось на 435,965 р. Самое большое количество грузившихся товаровъ состояло изъ овса, ячнаго солоду, муки ржаной, солоду ржаного мелкаго и пшеничной муки, а разгрузившихся изъ пшеницы, муки ржаной, соли, ржи и крупъ гречневыхъ.

Ярмарки въ новоторжскомъ уѣздѣ бываютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Названіе ярмарокъ.	Гдѣ и когда бываютъ ярмарки.	На какую	На какую
		сумму привезено товаровъ.	сумму продано.
		рубли	серебромъ.
1. Ивановская ярмарка	Въ пог. Пречистой Камен- кѣ 24 іюня	2,531	1,815
2. Троицкая.	Въ пог. Бараней-Горѣ въ празд. Сошеств. Св. Духа.	1,983	1,599
3. Ивановская.	Въ с. Выдропускѣ 24 іюня.	886	457
4. Никольская.	Въ селѣ Мѣдномъ 9 мая .	871	450
5. Девятой пятницы .	Въ с. Загорѣ въ девятую пятницу послѣ Св. недѣли.	600	249
Итого . . .		6,871	4,570

Главный предметъ торговли на ярмаркахъ: ситцы, нанки, платки шелковые, бумажные и шерстяные, замки, топоры, косы, желѣзо и бакальный товаръ, изюмъ, черносливъ и прочее; торгуютъ этими товарами мѣщане города Торжка, въ замѣнъ чего покупаютъ у крестьянъ холстъ, сырыя кожи и прочее.

10) *Вышневолоцкій уѣздъ.* На 1846 годъ объявлено въ городѣ Вышнемъ-Волоцкѣ капиталовъ: первой гильдіи 4, второй — 1, третьей — 127. Ярмарка въ году одна, казанская, начинается 8 и продолжается до 20 іюля. Главнѣйшія статьи привозимыхъ изъ разныхъ мѣстъ товаровъ были въ 1844 году шерстяныя матеріи на 46,720 р., шелковыя издѣлія на 95,942, бу-

машины на 61,975; фарфоровая, фаянсовая и хрустальная посуда на 4,643 р. Всего привезено было товаров на 208,923 р., продано на 70,297; торговых базаровъ въ году 104; на нихъ продается разныхъ жизненныхъ припасовъ и крестьянскихъ надѣлъ на сумму около 12,000 р. Вышневолоцкимъ купечествомъ ежегодно закупается для города и уѣзда: въ Москвѣ: разнаго краснаго товару на 10,800 р.; краски, чаю, меду, разныхъ съѣстныхъ припасовъ, масла маковаго на 32,000 р.; мыла, рыбы коренной, икры, шорнаго товару, бумаги писчей, сургучу, иѣховъ зачатыхъ на 14,200 р.; хрусталу, стекла, фарфору, фаянсу, итрусекъ, серебряныхъ и золотыхъ издѣлій, драгоценныхъ камней, военныхъ вещей на 1,750 р.; провозъ всего этого обходится отъ 20 до 40 и 50 к. съ пуда; въ С. Петербургѣ: сахару, разныхъ съѣстныхъ припасовъ, масла деревяннаго, табаку курительнаго, сигаръ, кофе и виноградныхъ винъ на 38,750 р., провозъ обходится отъ 30 до 50 к. съ пуда; въ Малороссіи: табаку листовнаго на 600 р., доставка отъ 40 до 65 к.; въ Сухиничѣ: масла цвѣтнаго на 60,000 р., доставка 40 к. съ пуда; въ Рыбинскѣ: соли на 32,000 р., разнаго рода хлѣба и крупъ на 200,000, доставка водою съ пуда 8 к.; въ Торжкѣ: рукавицъ кожаныхъ на 4,000 р., доставка около 10 к. съ пуда; въ Осташковѣ: сапоговъ на 5,000 р., доставка около 10 к. съ пуда; въ Твери: чулокъ шерстяныхъ, варижскъ, перчатокъ шерстяныхъ, желѣза на 16,300 р., доставка отъ 10 до 20 к. съ пуда; въ Ярославль и Нижнеи-Новгородѣ: валенокъ и шляпъ помрковыхъ на 2,000 р., доставка сухимъ путемъ около 80 к., а водою около 25 к. Въ 1845 году вышневолоцкимъ купечествомъ отправлено въ Петербургъ разнаго рода хлѣба, крупы и солода на 151,045 р. Грузилось въ этомъ году при вышневолоцкой пристани товаровъ на сумму 468,080 р., разгрузилось на 949,328. Самое большое количество разгруженныхъ товаровъ состояло изъ пшеницы и муки ржаной. Сверхъ того, въ вышневолоцкомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Мствѣ у солоненской пристани, нагружилось товаровъ на 445,573, большею частью предметами, оставшимися отъ зазимовавшихъ судовъ прошлаго года, и отчасти хлѣбомъ, закупленнымъ въ вышневолоцкомъ и смежныхъ съ нимъ уѣздахъ; разгрузилось при солоненской пристани на сумму 14,175 р.

Ярмарки въ вышневолоцкомъ уѣздѣ бываютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Название ярмарки.	Где и когда бывают ярмарки.	Въ какую	Въ какую
		сумму при- везеного вару.	сумму продажи.
1. Никольская . . .	Въ Николо-Теребенской слобо- дѣ 25 марта и 9 мая	10,000	4,500
2. Троицкая	Въ селѣ Спасъ Есиповичахъ въ день Святой Троицы	3,000	1,200
3. Мидарская	Въ селѣ Млевѣ 15 августа и 25 ноября	7,000	3,000
4. Удомельская . . .	Примотость Троице-Удомель- ская	2,000	1,000
Итого		22,000	9,000

На этихъ ярмаркахъ почти исключительно торгуютъ земледѣльческими орудіями, перепродаются въ небольшомъ количествѣ лошади, и привозятся простыя мануфактурныя произведенія.

11. *Бѣжецкій уѣздъ*. На 1846 годъ объявлено въ городѣ Бѣжецкѣ купеческихъ капиталовъ: второй гильдіи 2, третьей—57. Въ Бѣжецкѣ бываетъ одна ярмарка петровская, 29 іюня и 92 базара. На нѣтъ годовой оборотъ производителя на сумму около 11,650 рублей. Предметомъ торговли служатъ преимущественно красный товаръ и равныя потребности сельскаго быта. Для распродажи въ городѣ и уѣздѣ бѣжецкимъ купечествомъ ежегодно закупается — въ Москвѣ: краснаго товару на 7,950 руб.; краски, чаю, табуку листоваго и курительнаго, мыла, меду, масла постнаго и разныхъ съѣстныхъ припасовъ на 22,000 руб.; хрусталу, стекла и зеркалъ на 300 руб., доставка обходится отъ 20 до 40 коп. съ пуда; въ Петербургѣ: сахару, табуку курительнаго, виноградныхъ винъ, кофе и посуды фаянсовой и глиняной на 15,000 руб., доставка отъ 25 до 50 коп.; въ Рыбинскѣ: соли на 4,000 руб., провозъ отъ 6 до 12 коп.; въ Ярославлѣ: шорнаго и желѣзнаго товару на 3,500 руб., доставка отъ 15 до 25 коп.; въ Ростовѣ: шляпъ полярныхъ на 50 руб., доставка отъ 20 до 30 коп.; въ Твери и Кашинѣ чулокъ шерстяныхъ на 150 руб., доставка отъ 10 до 15 коп.; на нижегородской ярмаркѣ: рукавицъ кожаныхъ на 900 руб., доставка отъ 40 до 50 коп. Сверхъ-того, для распродажи въ разныхъ мѣстахъ, городомъ закупается примѣрно на 100,000 руб. разнаго рода хлѣбъ, сало, мыло, сѣмя льняное и сырыя кожи. Отправляется изъ Бѣжецка порожнихъ холщевыхъ и шмако-

до 500,000 штукъ въ городъ Рыбинскъ, и до 200,000 въ Москву, всего цѣною на сумму 84,000 руб. серебромъ. Бѣжецкіе купцы торгуютъ сверхъ-того битою дворовою птицею, яйцами, соляною и прочее; но на какую сумму, даже приблизительно опредѣлить невозможно.

Ярмарки въ бѣжецкомъ уѣздѣ бываютъ въ слѣдующихъ мѣстахъ:

Названіе ярмарокъ.	Гдѣ и когда бываютъ ярмарки.	На закупъ	На закупъ
		сумму привозно товару.	сумму продано.
1. Молоковская . . .	Въ с. Молоковѣ въ среду четвертой недѣли Великаго поста .	Рубль 3,050	серебра, 1,850
2. Порѣцкая	Въ с. Порѣчь въ Троицынъ день	260	1,200
Итого		5,650	3,050

Вновь утверждена ярмарка въ селѣ Еськи съ 20 ноября по 1 декабря и каждонедѣльный базаръ по субботамъ.

Главный предметъ торговли на ярмаркахъ: домашнія издѣлія и хлѣбъ, а также привозится изъ Бѣжецка красный товаръ.

12) *Весьегонскій уездъ*. На 1846' годъ въ Весьегонскѣ объявлено купеческихъ капиталовъ 18, изъ нихъ одинъ второй, а прочіе 17 — третьей гильдіи. Ярмарокъ въ году четыре: крещенская 10 дней; два сборныхъ воскресенья въ первое и второе воскресенье Великаго поста, и 29 іюня въ день Святыхъ Апостоловъ Петра и Павла, по одному дню; базаровъ 52. Денежный оборотъ на ярмаркахъ и базарахъ 381,415 руб. серебромъ. Самая значительная ярмарка крещенская, на которой обыкновенно городскіе и уѣздные жители дѣлаютъ свои годовыя закупки, такъ что въ остальное время внутренняя торговля въ городѣ совершенно ничтожна. Главныя статьи привоза на ярмарку: мука кручатка (по 6 руб. сереб. за мѣшокъ) изъ Рыбинска; гвозди (2 руб. сереб. за пудъ) изъ череповскаго уѣзда; масло постное (около 2 руб. 15 коп. за пудъ) изъ Арзамаса; медъ (отъ 4 до 5 руб. сереб. за пудъ) изъ Серпухова, Тулы, Рыльска; семга (отъ 5 руб. до 6 руб. сереб. за пудъ) изъ архангельской губерніи. Кромѣ ярмарки, весьегонскимъ купечествомъ для города и уѣзда закупается втеченіе года — изъ Москвы: красного товару на 650 руб.; кра-

ски, чаю, табаку листового и курительного, мыла, меду, масла постного на 2,100 руб.; разныхъ съѣстныхъ припасовъ на 2,000 руб.; хрусталоу, стекла и зеркалъ на 60 руб., доставка обходится отъ 40 до 50 коп. съ пуда; изъ Петербуга: сахаръ, виноградныя вина и кофе на 1,600 руб., доставка съ пуда отъ 35 до 60 коп.; изъ Ярославля: шорный и желѣзный товаръ на 400 руб., доставка отъ 25 до 35 коп.; изъ Ростова: шляпы полярковыя на 60 руб., доставка отъ 20 до 30 коп.; изъ Рыбинска: соли на 600 руб., доставка отъ 12 до 24 коп.; изъ Твери и Кашина: чулокъ шерстяныхъ на 120 руб., доставка отъ 20 до 25 коп.; съ нижегородской ярмарки: рукавиць кожаныхъ на 125 руб., доставка отъ 50 до 60 копѣекъ.

Собственно въ городѣ Весьегонскѣ грузилось въ 1845 году 177 судовъ, товаромъ, состоявшимъ частью изъ произведеній весьегонскаго и смежныхъ уѣздовъ, частью же закупаемымъ въ Петербургъ, и отправляемымъ по Мологѣ и Волгѣ въ низовыя губерніи. Вверхъ по Мологѣ къ Петербургу отправлено товаровъ на 192,820 рублей. Грузъ преимущественно состоялъ изъ муки крупчатой, муки ржаной, овса, ялицъ, масла коровьяго, холста, клею, кожи, сыру, колбасъ, волоса конскаго, свѣчь сальныхъ и гвоздей желѣзныхъ. Внизъ по Мологѣ отправлено товаровъ на 162,926 рублей; наиболѣе сахару, бумаги, масла деревяннаго, гвоздей желѣзныхъ, мѣшковъ порожнихъ, тряпья, коры, ивовога дегтю и дровъ березовыхъ. Разгрузилось въ Весьегонскѣ прибывшаго съ нижней части Волги товара на 212,037, преимущественно пшеницы, муки ржаной, соли, солоду, гороху, желѣза, крупъ пшеничныхъ и гречневыхъ, овса, ячменя, ржи и рыбы.

Въ городѣ Красномъ Холму купеческихъ капиталовъ объявлено 20, всѣ они третьей гильдіи. Торгъ производится преимущественно разными предметами потребности сельскихъ жителей; въ замѣнъ чего городъ получаетъ полотно, яйца, пряжу, битую птицу (преимущественно гусей), сырыя кожи, сало, масло. Все это развозится на сосѣднія ярмарки или продается на мѣстѣ иногороднымъ закупщикамъ. Базарные дни по вторникамъ; ярмарка никольская съ 1 по 12 декабря; привозятся на нее товаровъ на 3,500 рублей, а продается на 3,200. Весь ежегодный торговый оборотъ Краснаго Холма простирается до 50,000 рублей серебромъ.

Слѣдующая таблица показываетъ обороты на ярмаркахъ и базарахъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ весьегонскаго уѣзда.

Название артели.	Где и когда была открыта артель.	Въ закуп-	Не закуп-
		судну при- мерно-то- артели.	судну продук-
		Рубль серебромъ.	
Вреденская	Въ с. Суковъ 21 ноября	600	480
Исаковская и Казан- ская	— — Часеровъ 8 мая и 22 октября.	3,000	800
Ильинская и Пре- ображенская	— — Николъ Высокъ 8 мая и 6 ав- густа. Сверхъ-того, торгуютъ передъ наслярницей по двѣ пят- ницы	5,200	1,175
Ильинская	— — Чернецковъ 1 июля и 1 но- ября	1,500	480
Снаская	— — Кесьянъ 1 августа	400	250
Кириловская	— — Ламской Пустыни 9 июня	6,230	3,500
Водяниженская	при с. Телятинъ 14 сентября	1,200	650
Остолоповская	Въ с. Остолоповъ 6 и 18 декабря. Сверхъ-того, торгуютъ еже- недѣльно по поведальникамъ, начиная съ сентября до рабо- чего времени	3,250	1,300
Болодинская	— — Болодинъ 20 июня и 1 октября.	1,100	550
Мартыновская	— — Мартыновъ 28 октября	300	170
Антоновская	— — Антоновской 9 мая	200	50
Полянская	— — Полянкахъ 9 мая, 15 августа, 21 сентября и 6 декабря	400	60
Михайловская	— — Пятницъ Ельницахъ 8 ноября.	240	115
Волховицкая	— — Волховицахъ 24 июля	1,700	1,100
Ефимьевская и Зна- менская	— — Смердыняхъ 16 сентября и 27 ноября	3,000	1,450
Сандовская	— — Сандовъ 28 октября	2,350	1,035
Михалевская	при д. Михалевъ 15 июля	400	270
Преображенская	въ с. Спасо-Ренской пустыни 6 авг.	415	230
Любегошская	— — Любегошъ 25 марта, 28 апрѣ- ля, 8 июня, 1 августа, 22 ок- тября, 26 ноября и въ Трои- цинъ день	1,500	435

Итого 32,985 19,745

Прилѣчаніе. Въ вельегономскомъ уѣздѣ на многочисленныхъ ярмаркахъ болѣе производятъ торговлю товарами: шелковыми, бумажными выбойками, разными ситцами, нанкою, коленикоронъ, носовыми, кожаными рукавицами, кушаками, поясами, перчатками замшевыми, сапогами и валенками, шерстяными, а также мукою и лошадьми.

Транзитная торговля въ тверской губерніи производится посредствомъ судоходства, и только небольшая (сравнительно) ея часть сухимъ путемъ. Почти вся она направляется къ Петербургу, куда выписывается несравненно большее количество товаровъ, чѣмъ доставляется оттуда. Вообще можно сказать, что чрезъ тверскую губернію провозятся въ Петербургъ: а) произведенія губерній смоленской, калужской, орловской, черниговской и частью Украинны; б) московской и губерній, къ ней прилежащихъ, и с) низовыхъ и сибирскихъ губерній.

а) Произведенія губерній, включенныхъ въ первый разрядъ привозятся въ города Ржевъ, Зубцовъ и Старицу сухимъ путемъ въ зимнее время, и также на судахъ рѣками Гжатью и Вазузою. Большая часть этихъ произведеній отправляются потомъ внизъ по Волгѣ до Твери, и оттуда препровождаются вышневолоцкимъ судоходнымъ путемъ въ Петербургъ. Гужемъ возятся товары изъ Ржева въ Осташковъ, и оттуда по старорусскому тракту въ Петербургъ, также изъ Ржева въ Торжокъ, и далѣе по московскому шоссе. Изъ Зубцова товары провозятся обыкновенно въ Ржевъ или Старицу, наконецъ изъ Старицы въ Торжокъ на московское шоссе. Небольшое число поднимается на судахъ вверхъ по Волгѣ и Селжаровкѣ къ Осташкову, откуда переплавляется чрезъ Селигеръ, и выгружается въ деревнѣ Подгоръ или селѣ Полновѣ (валдайскаго уѣзда).

б) Изъ Москвы и вокругъ лежащихъ городовъ товары возятся въ Петербургъ частью водянымъ путемъ, а именно: нагружаются на рогачевской пристани, находящейся московской губерніи въ клыковомъ уѣздѣ, оттуда спускаются по рѣкамъ Сестрѣ и Дубнѣ до Волги, а потомъ Волгою и вышневолоцкимъ судоходнымъ путемъ слѣдуютъ въ Петербургъ. Гужемъ возятся товары наиболѣе по московскому шоссе, которое составляетъ важнѣйшій торговый путь въ цѣлой Россіи. Для избежанія же дорогихъ цѣнъ за кормы на шоссе и платежа шоссейныхъ денегъ, небольшая часть обозовъ изъ Москвы слѣдуютъ чрезъ Волоколамскъ, Старицу и Осташковъ на старорусскій трактъ, также на Дмитровъ, Кашино, Красный Холмъ (прямо

или через Бѣжецкѣ, смотря по состоянію дороги), село Кесьму, Устюжну и Тихвинъ въ Петербургъ.

е) Произведенія низовыхъ и сибирскихъ губерній, составляющія самую значительную и многочисленную массу предметовъ внутренней торговли государства, провозятся чрезъ тверскую губернію Волгою вверхъ до Твери, и оттуда вышневолоцкимъ судоходнымъ путемъ въ Петербургъ. Меньшее количество товаровъ приходитъ также по тихвинской судоходной системѣ, которая соприкасается тверской губерніи частью рѣки Мологи, составляющей границу между весьегонскимъ и череповскимъ (новгородской губерніи) и въ небольшомъ количествѣ съ нижегородской ярмарки. Обозы съ этими товарами слѣдуютъ частью изъ Углича на Бѣжецкѣ и на Вышній-Волочекѣ, гдѣ выѣзжаютъ на московское шоссе, частью же поворачиваютъ передъ Бѣжецкомъ на Красный Холмъ, и потомъ чрезъ село Кесьму идутъ на Устюжну и Тихвинъ въ Петербургъ.

Число обозныхъ лошадей, проходящихъ чрезъ тверскую губернію, по всемъ нечисленнымъ дорогамъ, кромѣ шоссе, опредѣлить нѣтъ никакой возможности, даже приблизительно. Выгоды, получаемыя сельскими жителями губерніи отъ этой гужевой транзитной торговли, заключаются въ устройствѣ по дорогамъ множества постоялыхъ дворовъ, гдѣ сбывается извозчикамъ большое количество овса, сѣна и разныхъ съѣстныхъ припасовъ. Чрезмѣрное увеличеніе числа постоялыхъ дворовъ на нѣкоторыхъ торговыхъ путяхъ, какъ напримѣръ на бѣжецко-вышневолоцкой дорогѣ, повредило ихъ хозяевамъ, между которыми многіе черезъ совѣстничество дошли до того, что не получаютъ никакихъ выгодъ отъ своихъ заведеній.

Движеніе судоходства по тверской губерніи, имѣетъ обширное вліяніе на увеличеніе благосостоянія ея жителей, оставляя ежегодно въ предѣлахъ губерніи весьма значительныя суммы. Исчислять, что стоитъ тяга судовъ вверхъ по Волгѣ отъ Рыбинска до Твери, нѣтъ надобности, потому что коноводы занимаются болѣею частью въ ярославской губерніи. Изъ Твери до Ржева и въ мѣста между Ржевомъ и Тверью ежегодно тянется вверхъ по Волгѣ около 250 судовъ; на каждое изъ нихъ можно положить среднимъ числомъ три пары лошадей: каждая пара нанимается по 10 руб. серебромъ, вмѣстѣ съ лоцманомъ и коноводомъ, изъ сего слѣдуетъ что жители получаютъ съ барки примѣрно 30 рублей, а съ 250 барокъ около 7,500 р. серебромъ.

Полагая среднимъ числомъ, что изъ Твери по вышневолоцкому судоходному пути отправляется ежегодно до 4,000 судовъ, можемъ сдѣлать слѣдующій расчетъ: каждая барка тянется пятью парами лошадей; наемъ одной пары отъ Твери до Волочка обходится около 18 рублей, что даетъ 90 рублей на барку, и 360,000 рублей на 4,000 барокъ. На каждую изъ нихъ полагается 5 человекъ (1 лоцманъ и 4 коновода), что даетъ число людей 20,000, а лошадей 40,000.

При сплавию судоходствѣ по Мстѣ на каждую барку нанимается 13 человекъ (лоцманъ, два концовые и 10 человекъ сходочныхъ). Полагая среднимъ числомъ по 8 рублей на человека, выходитъ, что на каждое судно наемъ людей до Петербурга обходится 104 рубля, а на всѣ 4,000 судна до 416,000 рублей серебромъ. Число людей, нанимаемыхъ въ тверской губернии, превосходитъ такимъ образомъ 50,000 человекъ. Сюда не включаются еще тѣ люди, которые берутся для провода барокъ чрезъ боровницкіе пороги.

Хотя всѣ эти расчеты сдѣланы приблизительно; но нельзя сомнѣваться, что дѣйствительныя числа скорѣе *больше*, чѣмъ *меньше* выведенныхъ.

О судоходствѣ по вышневолоцкой системѣ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь, для полноты обзора транзитной чрезъ губернію торговли, повѣримъ общіе ея результаты. Въ 1845 году цѣнность товаровъ солпенскаго каравана простиралась до 418,306 рублей серебромъ: весенняго до 11,889,032 рублей серебромъ, лѣтняго до 5,545,528 рублей, осенняго до 4,773,361 рублей серебромъ; какое отношеніе этихъ цифръ на губернію мы видѣли выше.

Въ заключеніе статьи о торговлѣ тверской губерніи, означимъ сравнительную торговую важность ея городовъ.

Изъ всего вышесказаннаго оказывается, что самыя большіе капиталы сосредоточены въ рукахъ кашинскихъ купцовъ, которые посредствомъ ихъ производятъ огромные обороты торговли хлѣбомъ. Это обстоятельство есть чисто случайное и не зависящее отъ мѣстнаго положенія города, который, можно сказать, остается совершенно чуждымъ этой торговлѣ. По положенію своему, Ржевъ можетъ почитаться важнѣйшимъ торговымъ пунктомъ въ губерніи, составляя складочное мѣсто для произведеній западной и юго-западной Россіи, отправляемыхъ въ Петербургъ, особенно же для торговли пенькою, которой большая часть идетъ за-границу. Казалось бы, Зубцовъ долженъ пред-

ставяль болѣе удобствъ тѣмъ Ржевъ, находясь при впаденіи судоходной рѣки Вазузы въ Волгу; но торговые обороты этого города весьма незначительны, равно какъ и города Старицы. Второе мѣсто послѣ Ржева занимаетъ Тверь, имѣющая весьма выгодное положеніе для торговли, составляя центральный пунктъ всѣхъ судоходныхъ линій въ губерніи, и притомъ, по многочисленности своего народонаселенія, заключаая въ себѣ самое большое число потребителей. Корчева и Калязинъ, хотя находятся на самой Волгѣ, но производятъ незначительные обороты; особенно же первый изъ этихъ городовъ, который, въ этомъ отношеніи занимаетъ послѣднее мѣсто въ тверской губерніи. Причина заключается въ томъ, что капиталы, какъ уже выше сказано, сосредоточены въ рукахъ кашинскихъ купцовъ. Вышній-Волочокъ, находясь на верховьѣ сплава судоходства къ Петербургу, имѣетъ большую торговую важность, которая увеличивается особенно тѣмъ, что по раннему вскрытію рѣки Мсты, суда съ солпенской пристани, находящейся въ вышневолоцкомъ уѣздѣ, могутъ первые поспѣвать въ Петербургъ. Торжокъ, не имѣя этой выгоды, уступаетъ по торговой важности Волочку. Весьегонскъ, по положенію своему на части рѣки Мологи, входящей въ составъ тихвинской судоходной системы, составляетъ главный торговый пунктъ всего сѣверо-восточнаго края тверской губерніи. Весьегонская крещенская ярмарка, вмѣстѣ съ вышневолоцкою казанскою — важнѣйшія въ цѣлой губерніи. За тѣмъ остаются еще два города, расположенные на двухъ противоположныхъ концахъ, и оба лишенные выгодъ судоходнаго сообщенія съ Петербургомъ: Осташковъ и Бѣжецкъ. Первый изъ нихъ довольно важенъ своими заводскими издѣліями, которыхъ много отпускается за границу. Торговля втораго производится болѣею частью гужемъ до самаго Петербурга, и преимущественно разными произведеніями сельскаго быта.

V. КРИТИКА.

=

**НАСТАВЛЕНИЕ КЪ УПОТРЕБЛЕНІЮ МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ
ВООБЩЕ, и Сльднія о Заведеніи Минеральныхъ Водъ въ Санкт-
петербургѣ, съ указаніемъ химическаго анализа славнѣйшихъ
цѣлебныхъ источниковъ. Доктора Шульца, врача при Заведеніи
Минеральныхъ Водъ. Санктпетербургъ.**

=

Никто болѣе меня не имѣетъ права говорить о минераль-
ныхъ водахъ: я вѣчно болѣнъ, и вѣчно разъѣжаю по во-
дамъ. Гдѣ я не былъ за водами? какихъ не посѣщала купаленъ?
какихъ чудесныхъ дѣйствій не испытывалъ на себѣ отъ
этихъ цѣлебныхъ влагъ? Въ одномъ только Гангесѣ не при-
велось мнѣ погружаться, несмотря на славу несмѣтныхъ
чудесъ, которыя творитъ Брама на пользу вѣрующихъ Ин-
дусовъ, утопающихъ тысячами въ спасительныхъ стру-
яхъ посвященной ему рѣки; а то я имѣлъ полный случай пе-
репить всѣ знаменитыя воды — исключая одной Воды Юно-
сти — и докторъ чуль не вымочилъ меня до-бѣла во всѣхъ воз-
можныхъ купальняхъ, во всѣхъ кипучихъ источникахъ, во
всѣхъ прославленныхъ грязяхъ, во всѣхъ цѣлебныхъ боло-
тахъ, не считая морей Чернаго, Бѣлаго, Краснаго, Желтаго,

Нѣмецкаго, Балтійскаго, Каспійскаго, Средиземнаго, и четырехъ океановъ. То есть, собственно сказать, доселѣ я не бралъ въ ротъ ни какихъ минеральныхъ водъ, и даже палца моего не обмакнулъ въ этихъ таинственныхъ жидкостяхъ: я прѣвзжалъ на воды или въ купальни, по точному наставленію врачей, платилъ за положенное число стакановъ, ваннъ и купаній, прилежно смотрѣлъ какъ другіе пьютъ и купаются, и получалъ точно такое же облегченіе, какъ и они. Дѣйствіе бывало всегда совершенно то же: я даже, обыкновенно, уѣзжалъ съ водъ и изъ морскихъ купаленъ гораздо здоровѣе тѣхъ, которые пили и купались. Въ нынѣшнемъ году — если бы Нѣмцы, Французы, Италіянцы, были въ своемъ умѣ — я опять уѣхалъ бы куда-нибудь на воды: врачи совѣтуютъ!.... Но дѣлать нечего: путешествовать за границу нѣтъ возможности. Больные должны сидѣть дома.

Вотъ почему книжка ученаго локтора Шульца, «Наставленіе къ употребленію минеральныхъ водъ», удивительно меня прельщаетъ: она какъ-будто нарочно для меня написана. Все что въ ней сказано о неизлѣсныхъ свойствахъ леченій минеральными водами, я видѣлъ лично, и испыталъ на себѣ, глядя только на разные методы этихъ леченій. Въ нынѣшнемъ году, какъ нѣтъ средства лечиться по глазомѣру, мнѣ пришло въ голову, что можетъ-статься точно также я вылечусь, просто, читая хорошее наставленіе къ употребленію минеральныхъ водъ; и, въ самомъ дѣлѣ, прочитавъ цѣлительное сочиненіе доктора Шульца, мнѣ уже стало легче. Если я успѣю выучить эту книжку наизусть, на пять лѣтъ я буду совершенно здоровъ.

Первое условіе при леченіи минеральными водами — больные должны быть очень веселы, въ прекрасномъ расположеніи духа. Сочиненіе доктора Шульца способствуетъ превосходно къ этой цѣли: оно разсѣваетъ всѣ грустные мысли и вселяетъ въ васъ примѣчательную веселость. Какъ, напримѣръ, отъ-души не смѣяться, когда докторъ Шульцъ доказываетъ вамъ, что искусственныя минеральныя воды, которыя, по его словамъ, совершенно то же, что и естественныя, выдуманы противъ врачей, а не для больныхъ, и что это —

главная польза отъ нихъ; что, поэтому, онѣ даже лучше, дѣйствительнѣе, цѣлебнѣе естественныхъ? Я не шучу — да и докторъ Шульцъ не шутить: съ перваго взгляду оно — смѣшно, но, если объяснить дѣло обстоятельно, каждый согласится, что авторъ правъ. Вотъ какъ докторъ Шульцъ объясняетъ превосходную мысль свою.

Доктора иногда ошибаются: это почти доказано. Они совѣтуютъ вамъ ѣхать за границу и пить тамъ воду такого-то знаменитаго источника, между-тѣмъ какъ вода эта пойдетъ къ вашей болѣзни или, лучше сказать, къ вашему здоровью, которое она въ состояніи разстроить вконецъ. Вы ѣдете — приѣзжаете — пьете. Мѣстные водяные врачи, изъ усердія къ своимъ водамъ, желали бы, чтобъ весь свѣтъ пилъ непременно эти воды, чтобы онѣ были набиты пациентами, чтобы слава ихъ гремѣла во всѣхъ концахъ вселенной. Врачи рады вашему приѣзду, рассказываютъ и общаютъ вамъ чудеса, поятъ васъ методически отвратительной влагой изъ своихъ источниковъ. Вода ихъ явственно вредна вамъ — вы опились ею — уже почти готовы дохнуть — но мѣстные врачи говорятъ: ничего!.... пейте еще!.... надо умножить число стакановъ!.... Имъ жаль выпустить васъ изъ рукъ; вы хороший пациентъ; вы приѣхали изъ Россіи — слѣдственно, вы богаты: извольте продолжать пить! Наконецъ, здоровье рѣшительно не позволяетъ вамъ лечиться этою водою. Надо ѣхать къ другой, по-чудеснѣе, или по-сходнѣе съ силами. Но время уже прошло; а часто вы и пропили всѣ деньги свои на эту минеральную гадость и путешествовать къ другой — не въ состояніи. То ли дѣло, когда минеральныя воды стряпаются въ кухнѣ, искусственно, по правиламъ химіи, когда всѣ роды водъ собраны въ одно мѣсто, когда въ томъ же заведеніи, гдѣ поддѣлываютъ Карльсбадъ и Баденъ-Баденъ, рядомъ съ Пирмонтомъ вы находите Лукку, рядомъ съ Пиренеями Кавказъ и Везувій! Не пойдетъ къ вамъ эта вода — вы отъ нея больны еще хуже: извольте перейти къ слѣдующему крану и отвѣдать другой; а тамъ къ третьему, къ четвертому, къ пятому, пока не попадете на самый приличный для васъ и самый дѣйствительный. Вы можете втеченіе одного лѣта пере-

пробовать всё краны, перелечиться всеми водами мира, не выходя из одной залы. Для врача, управляющего заведением и вашим водопоемъ, нѣтъ ни пользы ни предлога удерживать васъ непременно при такомъ-то кранѣ: аббониментъ одинъ и тотъ же для всехъ водъ, все краны равны и какъ-скоро одна вода вамъ не по силамъ, самая заботливость о цѣлебной чести заведения составляетъ мѣстнаго доктора присовѣтовать вамъ употребленіе другой воды и пустить во чрево ваше струю изъ слѣдующаго крана. Поэтому, и очень справедливо, докторъ Шульцъ, большой поклонникъ генія Струве — Струве первому пришла въ Богеміи, нѣтъ двадцать тому, благая мысль поддѣлывать химическимъ искусствомъ минеральныя воды — называетъ эту мысль великимъ открытіемъ.

Вы видите какъ это весело! Цѣль искусственныхъ минеральныхъ водъ, слѣдовательно — оградить человечество поддѣлкою, призракомъ, тѣмъ разныхъ цѣлебныхъ водъ отъ того, чтобы цѣлебныя воды, натуральныя, не разоряли здоровья больныхъ, обреченныхъ пользованію ими. Стало-быть, я премудро дѣлалъ, что, раздѣлая по знаменитѣйшимъ минеральнымъ водамъ, глядѣлъ только какъ другіе пьютъ ихъ, а самъ не употреблялъ? Счастливо же вернулся отъ водяныхъ врачей!... по какому-то сверхъестественному инстинкту... потому что книжки доктора Шульца вовсе не зналъ донынѣ.

Въ хорошо написанномъ сочиненіи всё положенія, всё мысли тѣсно связываются между собою, и поэтому слѣдующее, второе, еще болѣе неоспоримое *доказательство* преимущества искусственныхъ водъ передъ натуральными состоитъ, по моему разумѣнію, въ неразрывномъ сѣщеніи веселости съ предъидущимъ. Въ *нашемъ* (санктпетербургскомъ) заведеніи, говоритъ авторъ, бываютъ даже люди совершенно здоровые, у которыхъ нѣтъ и не было *никакой болѣзни* и пьютъ разныя искусственныя цѣлебныя минеральныя воды изъ предосторожности — для того, чтобы, чего доброго, не заболѣть — и что же? — всё по-прежнему здоро-

вы, ни одинъ не заболѣлъ, словно ни какихъ цѣлебныхъ водъ не пили — или пили, на здоровье, чистую невскую воду!...

Послѣ этого, я удивляюсь, какъ весь Петербургъ не прибѣгаетъ наливаться съ утра до вечера искусственными минеральными водами въ *нашемъ* заведеніи! Петербургъ не умѣетъ цѣнить *великаго открытія* Струве. Петербургъ не благодаренъ — не заболѣваетъ въ достаточномъ числѣ — не лечится довольно усердно, и ему грозитъ, что, по истеченіи срока условію съ владѣльцемъ мѣста, онъ закроетъ одно изъ заведеній — и пусть Петербургъ, вмѣсто искусственныхъ горькихъ водъ Струве, пьетъ изъ тѣхъ же крановъ естественныя сладкія водки Излера! Увидимъ, будетъ ли ему веселѣе отъ нихъ! Угроза страшна; наказаніе будетъ жестоко: но Петербургъ заслужилъ его, прибѣгая въ Заведеніе съ большею поспѣшностью по афишкамъ кандитера Излера, чѣмъ по преисъ-курангу водамъ, отлично изготовленнымъ по методѣ Струве. Но меня по-крайней-мѣрѣ авторъ не обвинить въ неуваженіи къ гению этого великаго человека, потому что, по сосѣдству съ однимъ изъ *нашихъ* заведеній, я каждое утро прихожу поклониться ему; и почти тѣло шагаю отъ семи до десяти часовъ по этимъ непонятнымъ поламъ, подъ этими неузнанными потолками, гдѣ большею частью, одинъ одишеченекъ: то расхаживаю по огромной залѣ, передъ многочисленными кранами съ русскими и нѣмецкими надписями, которыя регулярно читаю съ любопытствомъ и почтеніемъ; то умильно передъ этою огромною батареей всѣхъ возможныхъ искусственно-чудесныхъ водъ, готовую вдругъ брызнуть сотнею могучихъ струй и истребить всѣ возможныя болѣзни—если бы только онѣ сюда явились. Да болѣзни-то не являются! Изъ всѣхъ больныхъ и здоровыхъ, въ-самомъ-дѣлѣ, нерѣдко я одинъ стою передъ этимъ текущимъ арсеналомъ, удивляясь великому открытію Струве и небрежности петербургскихъ злоровяковъ о своемъ здоровьѣ; непредусмотрительные! они и не подумаютъ пить здѣсь воды до болѣзни, чтобы никогда не быть больными!...

Изъ благоговѣнія поредъ *великимъ открытіемъ* я дѣлаю еще болѣе: по *воскресеніямъ* и *середамъ*, нервы во мнѣ лопа-

ются, уши трещать, кожа вся морщится, а я все-таки слушаю музыку, предназначенную вселять веселость въ пациентовъ, которымъ на этотъ конецъ девять или десять разнокалиберныхъ чадъ Аполлона усердно стараются представить образчикъ китайской гармоніи среди цѣлебной пустыни. Въ книжкѣ доктора Шульца я нахожу запрещеніе курить сигары и ѣсть супъ съ петрушкой во время пользованія искусственными водами, потому что эти вещества разстраиваютъ нервы: почему же книжка, которая столько хлопочетъ о нервахъ пациентовъ, не запретить этой невѣроятной музыкѣ играть на своихъ искусственныхъ водахъ?... или не велитъ нанять хорошій оркестръ?... Въ Москвѣ, гдѣ я тоже ходилъ однажды два мѣсяца сряду смотрѣть, какъ пьютъ воды, и получилъ удивительное облегченіе — рѣшительно то же самое дѣйствіе какъ и тѣ, которые пили — *ежедневно* съ шести до десяти часовъ утра — играетъ отличный оркестръ, одинъ изъ лучшихъ во всемъ городѣ, и на тамошнихъ Водахъ посѣтителей и водопійцевъ — всегда множество. Я готовъ думать, что многія болѣзни, которыя кое-какъ перенесли бы минеральныя воды, не *переносятъ* этой музыки и оттого ихъ здѣсь такъ мало.

Мало того, что минеральныя воды—такое цѣлебное средство, которое, прежде всего надо быть въ силахъ *переносить* при употребленіи такого превосходнаго средства — и докторъ Шульцъ особенно настаиваетъ на это — главное, надо выкинуть себѣ изъ головы, что это воды и что вы ими вылечитесь — надо ихъ забыть — отнюдь *не думать*, что вы ихъ пьете и для чего пьете; а вспомнилъ вы на-бѣду однажды, такъ и все дѣйствіе пропало — чары исчезли — чудо не состоится, даромъ что вы выдули осемь стакановъ горько-соленой шипучей жидкости въ одно утро. Но покорнѣйше прошу забыть воды, не вспоминать, гдѣ вы и зачѣмъ вы тутъ, когда вы принуждены слушать такіа водолечебныя симфоніи!

Я посылаю это на видъ книжкѣ доктора Шульца изъ усердія къ пользѣ отъ минеральныхъ водъ и къ чести великаго открытія. Личностей у меня съ минеральными водами

минеральных вѣтъ: я никогда не былъ долженъ переносить ихъ; не поднося къ губамъ ни одного стакана цѣлебной воды и всегда оставался невредимъ — я донынѣ чистъ отъ всякой минеральной воды и могу говорить объ этомъ предметѣ совершенно безпристрастно. Какъ вы видите, главная ученая мысль сочиненія доктора Шульца состоитъ въ убѣжденіи благосклоннаго читателя, что искусственныя минеральныя воды ничуть не хуже естественныхъ водъ, и даже еще лучше, вѣрнѣе, безопаснѣе. Кто же въ этомъ сомнѣвается, послѣ двухъ такихъ глубокихъ аргументовъ, каковы тѣ, которые мы сейчасъ видѣли! И, вооружась ими авторъ, въ *Письмѣ врача къ больному*, съ презрѣніемъ, и однимъ почеркомъ пера, уничтожаетъ тѣхъ врачей и не-врачей, которые смѣютъ иронически улыбаться о лечебномъ совершенствѣ искусственныхъ водъ и о возможности существенной разницы между ними и естественными водами.

Для основательнаго сужденія объ этихъ вопросахъ надо, говоритъ онъ, знать *нынѣшнее состояніе* химіи: а зная его, никто *нынче не въ правѣ утверждать, будто природа, приготавливая минеральныя воды, не слѣдуетъ тому же пути, который употребляютъ современные химики*, составляя искусственныя воды у себя на очагѣ. Разумѣется, что ученый докторъ говоритъ это только съ благонамѣренною цѣлью поддержать веселое расположеніе духа въ своихъ больныхъ, потому что, если говорить серьезно, такъ надо, собственно, вовсе не знать нынѣшняго состоянія химіи, чтобы *пути природы и пути химическаго искусства* принимать за вѣчто совершенно тождественное. Только тѣ читатели, которые очень, очень больны, могутъ повѣрить этому.

Но если кто, знающій химію и судящій объ ея *путяхъ* безъ восторженности, которая всегда означаетъ односторонность, одну изъ опаснѣйшихъ болѣзней воображенія, станетъ не соглашаться съ мнѣніемъ ученаго автора, то у него есть другой бичъ на мятежнаго скептика. Черезъ нѣсколько строкъ, онъ прибавляетъ: «Да чтобы судить *правильно* о возможности приготовленія минеральныхъ водъ искусственно, не довольно *однихъ химическихъ познаній*;

«для этого нужно еще иметь понятіе о геогнозѣ, по-крайней-мѣрѣ о той части этой науки, въ которой объясняется способъ происхожденія минеральныхъ источниковъ». Веселье этого, конечно, нельзя ничего сказать въ медицинскомъ письмѣ, которое, передъ болыными читателемъ, пускается въ философію естественныхъ наукъ. Геогнозія, призываемая авторомъ здѣсь на помощь, очевидно принимается имъ за одно и то же съ геологіей: потому что, собственно, дѣло или притязаніе геолога, а не геогнозіи, землесловія, а не землезнанія—объяснять способъ происхожденія минеральныхъ источниковъ. Но геологія, сколько извѣстно всѣмъ здоровымъ, есть только собраніе принятыхъ въ данную эпоху ипотезъ, которыми землесловящее остроуміе старается согласить и связать между собою факты или явленія, замѣченные и донынѣ собранные геогнозіей, землезнаніемъ, и объяснить ими порядокъ землетворенія, геогенія. Такъ что жъ изъ этого, когда мы съ докторомъ Шульцемъ будемъ имѣть понятіе, даже совершенно равное, объ этихъ ипотезахъ? Предположенія не станутъ черезъ это фактами, очевидно-стями, несомнѣнными истинами. Допускаемыя геологическими умозрѣніями ипотезы о способѣ образованія минеральныхъ источниковъ въ земной корѣ, несмотря на полное наше единомысліе, останутся таки по-прежнему ипотезами, болѣе или менѣе замысловатыми вѣроятностями, за непогрѣшимость которыхъ ни одно здоровое воображеніе не посмѣетъ ручаться. Спрашиваю ночтеннаго доктора Шульца, можно ли сварить какую-нибудь воду изъ ипотезъ? Не значить ли это, другими словами, что искусственная минеральная вода не что иное какъ химико-геологическая ипотеза?.... Я, съ моей стороны, извиняю врачей и не-врачей, которые, даже послѣ книжки и доводовъ доктора Шульца, позволяютъ себѣ иронически улыбаться. На ихъ мѣстѣ, я—не отвѣчаю за себя — я, можетъ-статься, хохоталъ бы отъ всего сердца.

Между-тѣмъ докторъ Шульцъ только выражается не довольно ясно, онъ — не мастеръ водословить — онъ слишкомъ довѣрчиво повторяетъ заносчивыя притязанія самолю-

бывшей человеческой науки, которой кажется, будто она уже поровнилась в мудрости и искусствѣ съ природой; и если такія наивности, такія преувеличенія, встрѣтятъ иронію просвѣщенныхъ врачей и не-врачей и повредятъ болѣе чѣмъ пособятъ славу искусственныхъ минеральныхъ водъ, тутъ не будетъ ничего противоестественнаго: но на-дѣлѣ онъ правъ. Искусственная минеральная вода дѣйствительно и положительно — учепая гипотеза, и въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что гипотезою этою можно лечить разныя болѣзни. Да и почему жь не лечить? Всякое лекарство — гипотеза. А какъ часто помогаютъ лекарства! Опытномъ доказано, что искусственныя минеральныя воды иногда производятъ спасительное дѣйствіе, такъ же какъ и естественныя, такъ же какъ и всякое другое вещество, принятое внутрь въ добрый часъ. Но именно ли такое дѣйствіе производятъ онѣ, вотъ этого ужъ не слѣдовало доктору Шульцу утверждать слишкомъ смѣло въ виду ироніи просвѣщенныхъ врачей и не-врачей. Съ философіей химіи и съ философіей геологій ему простиительно, для успокоенія своего пациента, позволить себѣ нѣкоторыя вольности; но съ философіей врачебной науки, врачу, нападающему на врачей, надлежало быть осмотрительнѣе. Какъ нѣтъ, въ природѣ, двухъ листковъ на деревьяхъ одной породы совершенно одинаковыхъ, такъ нѣтъ въ человѣчествѣ ни двухъ совершенно одинаковыхъ организмовъ, ни двухъ строго тождественныхъ растройствамъ организма или болѣзней, ни двухъ такихъ же лекарственныхъ дѣйствій. При всемъ кажущемся сходствѣ осязательнаго характера или наружной формы, которая систематикамъ позволяетъ классифицировать наши растройства, по здоровой философіи врачебнаго искусства всякой болѣзненный случай — такое же индивидуальное событіе, какъ всякій человѣкъ — индивидуальное существо и сравненія между растройствами одинаковой наружной формы столько же условны, приблизительны, предположительны, какъ и между лицами одного племени или одного народа. Одна и та же кажущаяся форма болѣзни въ тысячу лицъ излечивается тысячу различныхъ средствъ и тѣ же самыя сред-

ства въ тысячѣ подобныхъ случаевъ не оказываютъ ожидаемаго дѣйствія или оказываютъ совершенно неожиданное. Следовательно, математической одинаковости сходствъ тутъ быть не можетъ: да еслибъ она случайно и предстала, то для удостовѣренія въ ней нужно было предположить другую невозможность: математическую одинаковость въ средствахъ къ наблюденію и повѣркѣ, въ умственныхъ и ученыхъ способностяхъ наблюдателей. Наглядная аналогія служить намъ единственнымъ основаніемъ выводовъ и руководствомъ къ дѣйствию: а аналогія — не фактъ, не истина, не доказательство, не такое ружье, которымъ можно наповаль застрѣлить иронию и взорвать на воздухъ своихъ противниковъ по образу мыслей. Аналогія — гипотеза. Болѣзнь, опредѣляемая врачомъ — гипотеза. Она излечивается третьей гипотезой, лекарствомъ, которымъ можетъ быть, съ одинаковымъ для здоровья результатомъ, рюмка вина, стаканъ квасу, полъ-унции аптекарскаго спадобья, кувшинъ какой-нибудь естественной минеральной воды или бутылка минеральной воды искусственной, но совершенно другой. Чѣмъ и какъ собственно мы излечили, это одному Богу извѣстно. Повѣрки сдѣлать нельзя: для этого нужно было бы имѣть тотчасъ же и на томъ же лицѣ точное повтореніе только-что исчезнувшей болѣзни.

Естественныя минеральныя воды, въ лекарственномъ отношеніи, такая же гипотеза какъ и искусственныя — и одна изъ самыхъ древнихъ гипотезъ — изъ самыхъ знаменитыхъ — потому что кромѣ кажущихся счастливыхъ примѣровъ излеченія она еще подкрѣплялась всегда суевѣріемъ человечества и шарлатанствомъ тѣхъ, кому было пріятно или выгодно пользоваться врожденною склонностью людей къ сверхъестественному и таинственному. Горькими и солеными ключами этими нѣкогда распоряжались жрецы; надъ ключами были построены храмы, самое небо руководствовало здѣсь курсомъ леченія, окружаемымъ чудесами, и народъ въ углекисломъ газѣ этихъ шипучихъ влагъ, брызжущихъ изъ груди Матери-Земли, видѣлъ несомнѣнно *духа*, *theon*, истеченіе какого-нибудь бога. Съ тѣхъ еще темныхъ

и восторженных вѣковъ ведутся на землѣ слава минеральныхъ ключей и народное къ нимъ довѣріе. Но истинная врачевная философія не можетъ почитать ихъ ни за что иное, какъ за лекарства предположительныя. Вѣрно онѣ помогаютъ *иногда*, ежели человѣчество вѣрить ихъ пользу такъ давно. Простая ключевая вода, холодная или въ видѣ кипятку, при движеніи и діетѣ оказывала же въ тысячу случаевъ неоспоримую пользу. Почему жъ бы эти воды лишены были такого же преимущества? Искусственныя минеральныя воды, отнюдь не будучи *одно и то же* съ ними, имѣютъ такое же предположительное право на лекарственную пользу какъ и воды колодцевъ, прѣсныхъ ключей и также минеральныхъ источниковъ, потому что все это—та же вода, только съ различными пропорціями растворенныхъ въ ней земель и солей, а опредѣленіе случая, въ которомъ известная пропорція ихъ можетъ дѣйствовать спасительно — такое же предположеніе какъ самое дѣйствіе воды.

Если цѣлебность естественной минеральной воды — гипотеза, во всѣхъ отношеніяхъ; если цѣлебность искусственной воды—тоже гипотеза, какъ же разсудительная врачевная философія можетъ серьезно, и притомъ еще сердито, спорить о тождественности дѣйствія двухъ гипотезъ въ разныхъ и независимыхъ случаяхъ, между которыми настоящее ученое сравненіе физически невозможно? Не ясно ли, что та и другая воды — два самобытныя лекарственныя средства, дѣйствующія безъ связи и соотношенія между собою и только въ рѣдкихъ примѣрахъ, въ неважныхъ явленіяхъ, способныя представить намъ грубыя аналогіи, которыя всегда могутъ еще быть оспариваемы? Въ тѣхъ и другихъ водахъ заключаются обыкновенно болѣе значительныя, чѣмъ въ простой водѣ, ключевой, рѣчной и колодцевой, пропорціи сѣрнокислой и углекислой магнезійи и соды, а иногда углекислой извести и хлористой соды, съ признаками желѣза: такъ только дѣйствія этихъ разводящихъ и возбуждающихъ веществъ и могутъ подлежать нѣкоторому наглядному разбору или сравненію, но онѣ не имѣютъ ни малѣйшей связи съ *водами*, какъ произведеніемъ природы или искусства, и конечно были бы

тѣ же самыя, если бы принять вещества эти въ сухомъ видѣ прямо изъ аптеки: по-крайней-мѣрѣ. противнаго доказать невозможно и спорить объ этомъ такъ неумѣстно, что провія имѣла бы полное право принять на этотъ случай суровое лицо критики.

Вмѣсто этихъ нападокъ на врачей и не врачей, которые не имѣютъ счастья раздѣлять энтузіазма автора къ минеральнымъ водамъ вообще и къ искусственнымъ въ особенности, причинѣ было бы растолковать публикѣ въ «Письмѣ врача къ больному», что дѣйствіе всѣхъ минеральныхъ водъ безъ изъятія донынѣ состоитъ подѣ сомнѣніемъ у многихъ весьма разсудительныхъ медиковъ, что онѣ обыкновенно считаются тяжелыми для организма, какъ это доказывается самими уже предосторожностями, соблюдаемыми при ихъ употребленіи, и что весьма трудно рѣшить, кому собственно принадлежитъ здѣсь настоящій лечебный успѣхъ, минеральной ли водѣ или обстоятельствамъ, сопровождающимъ поѣздки на воды. Почти всѣ страданія, противъ которыхъ предписываютъ путешествія къ минеральнымъ водамъ, относятся къ хроническимъ расстройствамъ нервной системы и къ ихъ прямымъ послѣдствіямъ. Извѣстно, какъ нервная система своенравна въ своихъ явленіяхъ, какъ часто изъ болѣзненнаго состоянія она вдругъ безъ всякой видимой причины переходитъ къ нормальному дѣйствию: одна шутка, одна потѣха, одно развлеченіе или удовольствіе, какое-нибудь сильное душевное сотрясеніе, а иногда и простое усиліе воли, могутъ призвать обратно здоровье, которое долго васъ бѣгало. Вы разстроены нервами, вы хандрите, воображеніе работаетъ въ васъ болѣзненно и усиливаетъ ваши страданія; дѣятельность желудочныхъ приборовъ ослабѣваетъ; аппетитъ и сонъ пропадаетъ, образуются застои, завалы, рѣзи, колотья, ломоты; вы вѣчно въ дурномъ расположеніи духа, всѣмъ недовольны, желчь неправильно въ васъ отдѣляется, селезенка болитъ, первный узелъ, извѣстный подѣ названіемъ солнечнаго сплетенія, разбухаетъ, и вы видите страшныя сны, сердитесь, деретесь съ друзьями во снѣ, бранитесь на яву со слугами. Вы несчастнѣйшее

существо въ мірѣ. Вы смертельно больны. Для васъ пѣтъ другаго спасенія какъ отравиться въ дальнее путешествіе, на воды. Вы уѣзжаете. Вамъ уже стало легче. Другія мѣста, другіе предметы, другой воздухъ, другая пища, другіе люди — особенно другіе люди — новость, разнообразіе, любопытство, все это занимаетъ и развлекаетъ ваше воображеніе; все измѣнилось вокругъ васъ, въ вашемъ образѣ жизни, въ вашемъ существованіи, и слѣдовательно начинаетъ измѣняться въ васъ самихъ. Мысль выдѣлывается иначе. Кровь течетъ другимъ образомъ. Переменная слѣдуетъ за переменною, вамъ нѣкогда и думать о своей болѣзни; она не сказывается; вы чувствуете ее тогда только, когда васъ огорчатъ или, когда вамъ случайно стало скучно, когда вы въ уединеніи вспомнили, зачѣмъ оставили домъ, семейство, друзей, удобства жизни и обычный кругъ занятій. Докторъ Шульцъ строжайше запрещаетъ вамъ вспоминать объ этомъ при употребленіи водъ: онѣ не действительны при мысли о болѣзни, при отсутствіи веселости. Значитъ, самъ же онъ отнимаетъ у нихъ всю цѣлительную силу! Да если я, среди развлеченій и веселостей, успѣю совсѣмъ забыть болѣзнь и не стану болѣе примѣчать ея, такъ вѣдь я однимъ этимъ уже исцѣлѣнъ!... Миліоны такихъ примѣровъ мы видимъ ежедневно вокругъ себя. Природа сама довершаетъ тутъ остальное. Къ чему же воды? Какая отъ нихъ польза?... чтобы только напоминать ежедневно о недугѣ и раздражать нервы? Стоитъ ли изъ-за этого пытаться переносить такое лекарство?

Доселѣ вы жили ночью, а спали днемъ, принимали пищу немедленно послѣ того какъ проснулись, дѣлали мало движенія, выходили на воздухъ только около полудня, или и вовсе не выходили, ѣли и пили безъ всякаго соображенія. Нынче вы, за границею, на водахъ, всгаете въ пять часовъ утра и на-тощакъ—не забудьте, голодные еще съ вчерашняго числа, потому что вы на строгой діетѣ—обѣдите вы въ заведеніе пить прописанную вамъ воду, подвергаясь дѣйствию свѣжаго утренняго воздуха. Здѣсь, среди лицъ всѣхъ народовъ, среди новыхъ людей, новыхъ знакомствъ, стран-

ныхъ характеровъ, любопытныхъ фигуръ, интересныхъ путешественницъ, необыкновенныхъ разговоровъ, выпиваете вы пять шесть стакановъ минеральной воды, ходите по четверти часа послѣ каждого стакана, потомъ еще гуляете, подъ открытымъ небомъ, часа полтора или два, и тогда уже, около десяти часовъ, позволяется вамъ позавтракать. Тогда-то, говоритъ авторъ, тогда-то—чудное дѣйствіе минеральныхъ водъ! — «появляется у больного сильный аппетитъ». Разумѣется, что аппетитъ будетъ ужасный, послѣ такой ходьбы, такой болтовни, такого усиленнаго дыханія острымъ прохладнымъ воздухомъ и спустя часовъ пять послѣ сна! Онъ будетъ и безъ питья водъ — еще вѣрнѣе. Я, только глядя на водахъ, какъ другіе пьютъ ихъ и забавляясь этимъ—оно очень весело, увѣряю васъ! — обыкновенно составлялъ собою бичъ всѣхъ tables d'hôte, отчаяніе всѣхъ водошійцъ: я истреблялъ до-чиста всякое блюдо, которое мимо меня проходило, и, послѣ шести недѣль такого курса, увѣждалъ толще всѣхъ больныхъ, пріѣхавъ всѣхъ худѣе.

Послѣ обѣда—поѣздки въ окрестности въ веселой компаніи больныхъ всѣхъ странъ, всѣхъ націй и всѣхъ половъ. Вечеромъ прогулки и продолжительныя бесѣды. Какъ тутъ не быть аппетиту! Какъ не разрѣшиться застоямъ!

Прибавьте, что вамъ еще—вамъ, а не мнѣ—растираютъ и протыкоютъ желудокъ, велятъ брать ванны, поятъ васъ разными чудесными лекарствами. Да однимъ этимъ можно уже порядочно вылечиться! И я не вижу, что собственно остается здѣсь на долю дѣйствія минеральной воды?... Я даже готовъ думать, что эти воды, которыми водяные врачи немилосердно васъ наливаютъ, только останавливаютъ аппетитъ и ходъ выздоровленія, которое, безъ нихъ совершилось бы, скорѣе и легче.

Что касается до меня, то я всегда слѣдовалъ сухой методѣ водолеченія, и донынѣ не имѣю причины раскаиваться, что, бывая на водахъ по приказанію врачей, я не отвѣдывалъ ни какой воды.

А ѣздить на воды, надо непременно, чтобъ измѣнить кореннымъ образомъ весь порядокъ той жизни, которая стала

Уже для васъ болѣзнью, хотя еще и не доказано, да и никогда доказано не будетъ, что, на водахъ, нужно непременно пить воды. Полезно также вѣрить въ воды какъ въ чудное и несомнѣнное лекарство: потому что одна уже увѣренность такого роду въ состояніи излечить не одного изъ больныхъ. Я, къ сожалѣнію, не вѣрю, вмѣстѣ со многими очень разсудительными и знающими врачами. Очень жаль! Но я вѣрю въ другое, тоже весьма спасительное для разстроенныхъ нервовъ. Я вѣрю въ лазуревый воздухъ, въ ясное и теплое солнце, въ южное небо, въ чары желѣзныхъ дорогъ, съ роскошными креслами и мягкими подушками, въ силу всемірнаго движенія, въ невольную діету трактирныхъ обѣдовъ, въ новостъ и разнообразіе зрѣлищъ дѣлъ человѣка и природы, въ занимательныя встрѣчи, въ завлекательные случаи, въ сладкіе и звонкіе голоса, вѣрю въ прелестныя приключенія въ дилижансахъ и вагонахъ, вѣрю въ восторгъ души передъ чудесами искусства, вѣрю въ цѣлительное вліяніе геніальныхъ произведеній—даже вѣрю—иногда—но очень рѣдко—тому, что говорятъ больныя путешественницы. Нынче вѣрить на водахъ болѣе не во что для своего здоровья!.. Но то ли дѣло, бывало, въ древности, когда больной человѣкъ вѣрилъ въ Юпитера-Исцѣлителя, котораго храмъ стоялъ на самомъ минеральномъ источникѣ, или, по-крайней-мѣрѣ, въ Эскулапа, бога знавшаго медицину не по-нашему? Жрецы, въ священныя одѣянія, вводили васъ въ храмъ, въ таинственномъ мракѣ котораго, между безчисленныхъ колоннъ и дивныхъ статуй, смотрѣвшихъ на васъ покровительственно со всѣхъ сторонъ, разливался по мраморному полу прудъ цѣлительной влаги. Вы должны были шагать по каменнымъ столбикамъ, торчащимъ изъ воды. Первозжрецъ, у главнаго жертвенника, передъ величественнымъ идоломъ отца боговъ и людей, ожидалъ васъ съ молитвой и благословеніемъ, бралъ изъ рукъ статуи золотую чашу, всегда наполненную минеральной водой, и вы выпивали ее съ коленопреклоненіемъ, набожно, благоговѣнно, при умилительныхъ звукахъ пѣснопѣній. Тутъ начались разныя храмовыя чудеса, въ которыхъ языческіе жрецы были

очень искусны и которыхъ химія, производящая искусственныя имперальныя воды, произвествъ не въ состоянїи: во она можетъ вообразить то дѣйствіе, какое теплая вѣтра, при этомъ зрѣлищѣ, при этихъ обрядахъ, производила на больного. Потомъ васъ раздѣвали, и вы должны были выкупаться среди храма, при глазахъ Юпитера Исцѣлителя. въ благословенной имъ водѣ, откуда безпрестанно являлись прелестныя пшмы, одѣтыя въ темный воздухъ и перевитыя радугами, которыя солнечные лучи, проведенныя сквозь потолки, образовали на поверхности пруда. Онѣ прыгали вокругъ васъ, брызгали на васъ цѣлительною жидкостью, осыпали пахучими цвѣтами, горячими взглядами, сладостными улыбками, показывая смертнымъ глазамъ нашия образчикъ потѣхъ, блаженствъ и здоровья Олимпа. Изъ этой купели вы уже выходили исцѣленнымъ радикально.

Таковъ былъ отлично обдуманнѣйшій курсъ древняго водолеченія, отъ котораго и донынѣ ведется въ чело-вѣческомъ суевѣрїи громкая слава цѣлебныхъ источниковъ. И курсъ этотъ въ тысячу разъ раціональнѣе того, который водяные врачи учредили и поддерживаютъ со всѣмъ упрямствомъ педантства въ Карльсбадѣ, Кисвингенѣ, Крейзнахѣ или Баденъ-Баденѣ. Однажды, гуляя по очаровательному берегу Баййскаго Залива, около развалинъ одного изъ такихъ храмовъ, гдѣ еще по древнему полу волнуетъ вода цѣлебнаго ключа, лишившагося своей славы и всѣмъ забытаго, и живо представилъ себѣ то блестящее время, когда этотъ берегъ былъ покрытъ великолѣпными виллами римскихъ патрициевъ, волшебными садами, хрустальными фонтанами, когда всѣ удивленія древняго искусства, продаваныя за безцѣнокъ Аѳинянами вмѣстѣ съ своею наукою и своею славой, красовались здѣсь на этихъ невѣроятныхъ царкетахъ, сотканыхъ изъ жиль благороднѣйшихъ мраморовъ и устланныхъ каменными картинами, нетлѣнными снимками созданій гевія великихъ учителей прекраснаго, когда съ одной стороны Бѣны, съ другой ПUTEОЛИ, разливали по всему этому пространству, устланному цвѣтами и тѣнью, роскошь, красоту, нѣгу, шумъ веселія и благоуханіе южной любви, насыщенный сами зо-

потомъ, собраннымъ со всего извѣстнаго міра, когда этотъ храмъ, въ зеркальное пареенопское утро, звучалъ таинственными мелодіями, которыми послѣ чаши цѣлебной воды, сами боги и богини лелѣли разстроенные нервы классическихъ обжоръ и честолюбцевъ, спѣшившихъ къ чудесному источнику, — одною мыслью объ этомъ несравненномъ водолеченіи я излечился отъ премерзкаго и смертельнаго недуга, противъ котораго тринадцать знаменитѣйшими водо-врачами назначено мнѣ было тринадцать различныхъ минеральныхъ водъ, не считая магнезіальной и сельтерской, какъ *вспомогательныхъ*.

Не такъ хорошо, не такъ роскошно, но такъ же коротко и успѣшно лечатся минеральными водами и донынѣ Азіатцы, прямые наследники древней опытной мудрости. Турецкій ага или курдскій бей, нажившій хандры среди своихъ подчиненныхъ, женъ и невольницъ, страдаетъ ея послѣдствіями, худѣетъ, потѣетъ, ослабѣваетъ, не ѣстъ, не спитъ, даже курить не можетъ. Въ одинъ прекрасный весенній вечеръ, погладивъ себя бороду, поправивъ усы, и воскликнувъ: *Аллахъ великъ!* онъ садится на лошадь и отправляется съ поѣздомъ трубочистовъ, кофейщиковъ и туфленосцевъ, къ дальнему ключу минеральной воды, о которомъ идетъ молва во всемъ околоткѣ, что великій — де пророкъ Сулейманъ — да будетъ съ нимъ миръ! — былъ приведенъ къ нему ангеломъ Джебранломъ и великій царь Александръ-Римскій пилъ изъ него по совѣту верховнаго визиря своего Аристотеля и славнаго врача Ипукрата. Проѣхавъ нѣсколько агачей, утомившись и выспавшись славно на голомъ камнѣ подъ открытымъ небомъ, въ прохладномъ воздухѣ, ага видитъ, что великій Аллахъ сотворилъ съ нимъ чудо: хочется трубки и кофе!... Ага курить и ѣдетъ далѣе, восхищаясь всякимъ живописнымъ ущелиемъ, любуясь душевно на каждую зажиточную деревню, которую, если бы позволяло здоровье, такъ отрадно было бы ограбить при столь удобномъ случаѣ, и всякій разъ восклицая: *великъ Аллахъ!* Наконецъ онъ пріѣ-

халъ на седьмой день ночью къ цѣлебному ключу. Раню утромъ онъ приказалъ разостлать коверъ возлѣ источника, помолился, выпилъ ковшъ минеральной воды и легъ спать. Проснувшись, онъ выкупался въ водоемѣ источника, объѣдавъ, выкурилъ трубку, покушалъ кофе, запилъ все это ковшомъ цѣлительной влаги и приказалъ сѣдлатъ лошадей. О закатѣ солнца онъ уже на возвратномъ пути къ своей родннѣ. Курсъ конченъ. Ага еще громче прежняго утверждаетъ, что Аллахъ великъ.

« И что же вы думаете? говорилъ мнѣ въ Малой Азии « одинъ европейскій врачъ, весьма образованный и долго « жившій въ той сторонѣ: эти люди обыкновенно возвра- « щаются домой свѣжими, розовыми и здоровыми!... Они « всегда такъ лечатся: одинъ и тотъ же источникъ служить « имъ для всѣхъ болѣзней, и страна гремитъ разсказами о « чудесныхъ излеченіяхъ. »

Но съ ближайшими къ источнику жителями онъ не производитъ такихъ чудесъ. Пужно разстояніе! Пужно путешествіе! Надо на нѣкоторое время переимѣнить все — воздухъ, мѣсто, людей, привычки, занятія.

Если что-нибудь, по части водъ, можетъ и должно страпшиться *ироніи просвъщенныхъ врачей и не-врачей*, такъ это общепринятая въ минерально-врачующемъ мнрѣ водолечительная метода или, такъ называемые, курсы, какъ-будто рассчитанные нарочно съ тѣмъ умысломъ, чтобы накатать въ пациента какъ-можно болѣе горько-соленой воды и взять съ него какъ-можно болѣе денегъ. Его наливаютъ водою шесть, осемь и десять недѣль сряду. Человѣческая натура, вообще, не переноситъ минеральныхъ водъ — хорошо лекарство! — надо сперва приучать ее постепенно *переносить цѣлебную влагу*, говорятъ водоврачи и это называютъ «приготовленіемъ». Потомъ, когда желудокъ и весь организмъ свыкнется съ этими гадостями, начинается *отчаянный водопой*, доходящій иногда до невѣроятныхъ количествъ —

въ одно утро до осьми и десяти стакановъ воды, заключающей въ фунтѣ своего вѣсу перѣдко до полтораста и болѣе гранъ щелочей, земель, острыхъ солей и ѣдкихъ металловъ, при сорока или пятидесяти градусахъ температуры. Разумѣется, что при всей приобрѣтенной привычкѣ ни какая органическая внутренность не въ состояніи *перенести* такого лекарственнаго потопа, и спасается только усиленнымъ движеніемъ и непрерывною испариною, которая впрочемъ необходимы даже и при самыхъ умѣренныхъ приемахъ: иначе цѣлительная вода зацѣлитъ васъ вконцѣ. Славное лекарство, нечего сказать. Наконецъ начинается отвыканіе отъ воды: и тутъ еще перѣдко нужны особенныхъ лекарства, чтобы уничтожить слѣды водолеченія. А между-тѣмъ во все это время должны вы смѣяться, веселиться, ходить, ѣздить, прыгать, жить на воздухѣ, ложится спать во время, вставать рано, кушать умѣренно и самыя здоровыя яствы, занимать воображеніе свое пріятными картиннами, а душу сладкими впечатлѣніями—не сердиться—не огорчаться—и не думать о болѣзни; а не соблюли вы хоть одного изъ этихъ условій, такъ говорятъ вамъ: виноваты вы, а не воды; *вады* — чудное средство для того, кто строго исполняетъ *всѣ эти врачебныя предписанія*. Да я опять не вижу, что тутъ, если, есть возвратъ къ здоровью, слѣдала вода и на свою цѣлительную долю? Все это исполнял я только для того, чтобы быть въ состояніи *переносить* ее, а между-тѣмъ этого уже было очень достаточно, чтобы прогнать болѣзнь, даже упрямую, но изъ роду тѣхъ болѣзней, которыя отправляютъ къ водамъ. Между-тѣмъ весь успѣхъ приписываютъ водамъ!... одиѣмъ водамъ!...

Но — суетѣрія всторону — вотъ одно изъ самыхъ *осязательныхъ* и самыхъ ежедневныхъ доказательствъ, что успѣхъ принадлежалъ здѣсь не водамъ, а *перемѣнѣ мѣста, людей, предметовъ, мыслей, образа жизни, и тѣмъ упражненіямъ, которыя должно было дѣлать постоянно* для того, чтобы только *перенести* воды, чтобы спастись.

отъ вреднаго ихъ дѣйствіа. Послѣ курса, вы возвращаетесь на родину: вы опять въ своемъ домѣ: и въ своемъ кругу; тѣ же стѣны, та же мебель, тѣ же лица, тѣ же голоса что прежде, и они по-прежнему дѣйствуютъ неприятно на ваши нервы; тѣ же воздухъ, пища, занятія, разговоры, безпокойства, досады, отъ которыхъ вы до путешествія ежедневно умирали; словомъ все — то же вокругъ васъ и, вскорѣ, отъ этихъ впечатлѣній, возстанавливается внутри и то же самое расстройство. Вы опять больны какъ были! — « Вы мало пили минеральной воды, говоритъ ученый докторъ Шульцъ: поѣзжайте опять, пейте еще... надо пить два три сезона.» — Нѣтъ, не минеральную воду пилъ я мало, а мало еще отвыкъ отъ прежняго образа жизни, отъ прежнихъ людей, отъ прежнихъ занятій — надо ѣхать — но не для того, чтобы пить воды, а чтобы лучше отвыкнуть отъ всего этого — дотога отвыкнуть, чтобы потомъ оно было для меня новостью. Если бы кратковременнымъ исцѣленіемъ моимъ былъ я обязанъ и матеріальному дѣйствию воды, я не заблѣлъ бы снова такъ скоро. Это ясно!

Авторъ « Наставленія къ употребленію минеральныхъ водъ », расточая похвалы искусственнымъ водамъ, въ пылу сраженія съ защитниками естественныхъ совершенно, и вѣрно не безъ намѣренія, выпускаетъ изъ виду то важное обстоятельство, что, если великое открытіе Струве обезпечиваетъ пациентовъ отъ пристрастія водяныхъ врачей, зато заведенія искусственныхъ водъ, учреждаемыя въ большихъ столицахъ, лишаютъ мѣстныхъ больныхъ всѣхъ цѣлбвыхъ преимуществъ путешествія, новости и разнообразія земель, предметовъ, людей и мыслей, перемѣны воздуху и пища, и кореннаго обновленія образа жизни, словомъ всѣхъ врачебныхъ благъ, произтекающихъ изъ поѣздокъ къ естественнымъ водамъ или, еще лучше, мимо водъ. Блага эти очевидны, испытаны и несомнительны, тогда какъ польза самихъ водъ, какъ водъ, будь они произведены природою или искусствомъ, далеко недоказана и очень неясна, исключая быть-можетъ

немногихъ, весьма ограниченныхъ, случаевъ, въ которыхъ по увѣренію водо-энтузіастовъ, извѣстныя воды *дѣйствуютъ специфически*. Вся положительно хорошая сторона минеральныхъ источниковъ уничтожена *ееликимъ открытіемъ*, въ искусственныхъ водахъ: а сохранена только одна сторона спорная, неопредѣлительная, неудобно-переносимая и, слѣдственно, опасная для организма. До двухъ или трехъ *полужидкихъ* феноменовъ въ сутки, о которыхъ говорить ученый докторъ Шульцъ, можно очень удобно и безъ «великаго открытія» достигнуть ежедневными приемами очень легкихъ растворовъ простой англійской соли и углекислой магнези, при требуемомъ *усиленномъ движеніи и строгой діетѣ*, если бы въ этихъ славныхъ феноменахъ заключалось все чудо минеральнаго водолеченія, и не видно, къ чему собственно здѣсь необходимо *великое открытіе*. Они получаютъ точно также при методическомъ леченіи холодно ю невскою водою, земляникою, клубникаю, смородиною, сывороткою—даже русскимъ квасомъ. Есть тысячи средствъ достигнуть во всей точности этого благаго результата, единственнаго несомнѣннаго дѣйствія минеральныхъ водъ. Если только въ этомъ дѣло, такъ вовсе не стѣдуетъ труда поддѣлываться болѣе или менѣе удачно *химическимъ путемъ* подъ натуральныя воды, прозванныя цѣлительными. Если нужна сѣра, желѣзо, углекислота, такъ и это можетъ быть принято больнымъ въ другой формѣ, безъ искусственной минеральной воды. Вооружась тайнственностью, авторъ можетъ-быть сошлетъ на присутствіе въ минеральныхъ водахъ совершенно гомеопатическихъ количествъ іоду, бромю, мышьяку, кремнезему, олова и такъ далѣе и на содѣйствіе ихъ къ общему результату леченія. Но ссылка эта не будетъ серіозною, тѣмъ болѣе, что авторъ требуетъ отъ противниковъ своихъ *основательнаго знанія химіи*. Тайнственностями отдѣлываться было бы весьма не кстаги, превративъ минеральныя воды въ чисто химическое дѣло и трактуя съ желудкомъ посредствомъ реторты.

Вотъ коренная, настоящая точка зрѣнія при совет-

двомъ и истинно-философическомъ разсужденіи о сравнительныхъ выгодахъ употребленія водъ у натуральныхъ источниковъ и возлѣ химической лабораторіи. Прежде всего надо было доказать, что воды — чудное и неоспоримое лекарство сами по себѣ, какъ воды. Авторъ, въ «Письмѣ къ больному», очень ловко уклонился отъ этого скользкаго вопроса за невозможностью привести его къ формантъ достойной истины. И какъ поставить ему въ вину, что онъ не сталъ доказывать, чего доказать нельзя и что поддерживается только народнымъ повѣріемъ и учеными гипотезами? Но въ такомъ случаѣ слѣдовало бы отзываться менѣе надменно о своихъ собратахъ и противникахъ, слѣдующихъ противному мнѣнію или необъясненныхъ доселѣ брошюрами *нашего* заведенія. Я не говорю, чтобы для провинціального больного пріѣхавшаго изъ глуши въ рай, изъ степи въ столицу, лечиться искусственными минеральными водами, воды эти не были такъ же хороши какъ и воды самыхъ знаменитыхъ источниковъ: путешествіе, Петербургъ, его блескъ, его гармоническій воздухъ, его благовонная теплота, его безчисленные солнца, звѣзды, красоты, очарованія и разсѣянности, совершаютъ чудо, котораго слава останется, разумѣется, за водами и ихъ заведеніемъ, особенно, если курсъ совпадетъ съ масляницею. Но ежели петербургскіе больные донынѣ остаются равнодушными къ *великому открытію* и его двумъ здѣшнимъ храмамъ, они дѣлаютъ премудро: имъ надо ѣхать — ѣхать — ѣхать — куда глаза глядятъ — гдѣ брызжутъ ключи — гдѣ лимоны цвѣтутъ — гдѣ лица сіяютъ беззаботностью — вотъ на примѣръ хоть въ Москву — въ московское заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ, безцѣнныхъ уже гдѣ, что они не услышатъ тамъ здѣшней искусственной музыки. Москвичи, которые страдаете нервами, пріѣзжайте наоборотъ въ *наше* заведеніе: Петербургъ разорить, и исцѣлить васъ!

Боже мой! чѣмъ люди не лечили людей? чего не выдавали за испытанныя, вѣрные и, даже, всеобщія лекарства? чему

не вѣрили въ медицину какъ факту и несомнѣнному наблюденію? Яйцо крокодила—глазь ехидны—мозгъ соловья—сердце ибиса—кровь дракона—присницизмъ—месмеризмъ—магнетизмъ—водо-минерализмъ.... Вотъ, передо мной, книжечка, имѣвшая много изданій во всѣхъ странахъ, и гдѣ удостовѣряютъ *опытами*, доказываютъ *фактами*, что коньякъ и соль — лучшее и вѣрнѣйшее лекарство противъ тѣхъ самыхъ болѣзней, которыя обыкновенно посылаютъ къ водамъ.

Я не хочу выставлять на видъ слишкомъ рѣзко того, что минеральныя воды — лекарство роскоши и посвященное почти исключительно недугамъ богатства. Передъ лицомъ строгой философіи науки это слѣлалось бы еще подозрительнѣе.

Въ безпредѣльномъ усердіи своемъ къ минеральнымъ водамъ, докторъ Шульцъ благоволилъ оставлять еще подъ сомнѣніемъ присутствіе мышьяку во многихъ цѣлебныхъ источникахъ. Я не думаю приписывать большой важности этому бесполезному полу-отрицанію: въ то время, когда писано «Письмо къ больному», фактъ могъ еще быть подернутъ сомнѣніемъ для тѣхъ, кому онъ былъ непріятенъ; но нынче, какъ авторъ конечно слѣдуетъ со вниманіемъ за трудами химиковъ разныхъ народовъ, сомнѣнія его, вѣроятно, совсѣмъ разсѣялись. Въ желѣзистыхъ ключахъ, особенно при-рейнской страны, положительно есть мышьякъ.

Всѣхъ азартныхъ сужденій этого «Письма» разбирать нѣтъ возможности, и предпріятіе было бы даже неумѣстно, послѣ того какъ мы видѣли, что самое основаніе вопроса о минеральныхъ водахъ, какъ лекарствѣ, обойдено и оставлено въ блаженномъ мракѣ. Но авторъ утверждаетъ иногда вещи изумительныя. Русскимъ больнымъ ученый докторъ снисходительно разрѣшаетъ чай при употребленіи водъ, хотя германскіе врачи обыкновенно запрещаютъ этотъ напитокъ, по мнѣнію ихъ, раздражающій нервы.

Всѣ читатели «Письма» будутъ очень довольны разрѣшеніемъ: но не всѣ — причиною, на которой разрѣшеніе это основано. Снятіе запрещенія состоялось по тому уваженію, что въ Германіи обыкновенно употребляютъ зеленые чаи, а въ Россіи черные: а это — большая разница!... *Шикъ извѣстно*, прибавляетъ авторъ, что эти два рода чаевъ собираются съ *двухъ различныхъ видовъ* чайнаго дерева. А между-тѣмъ нынче-то извѣстно совсѣмъ другое!... Послѣ *якинского трактата*, англійская коммерція отправляла ботаниковъ и агентовъ въ чайныя сады для изслѣдованія всѣхъ обстоятельствъ чайной фабрикаціи, и эти путешественники удостовѣряютъ одногласно, что хотя, въ самомъ дѣлѣ, ботанически есть, два вида чайнаго дерева, но оба вида одинаково даютъ всѣ три рода извѣстныхъ въ торговлѣ чаевъ. Всѣ три сорта чаевъ, желтый, черный и зеленый, приготавливаются изъ листьевъ одного и того же дерева, какого ботаническаго виду оно бы ни было. Разницу составляютъ, во-первыхъ, возрастъ листьевъ, которые тщательно сортируются, во-вторыхъ, приготовленіе ихъ, или фабрикація. Зеленый чай и черный чай оба — крапешные чаи, въ чемъ можно удостовѣриться, наливъ кипятку на тотъ или другой: листья мгновенно пускаютъ краску, вода немедленно становится темною, чего не бываетъ въ такъ-называемыхъ *желтыхъ* или натуральныхъ чаяхъ. И въ красильные составы этого производства входятъ, между прочимъ, желѣзо для черныхъ чаевъ и лянсиновъ, мѣдь и берлинская лазурь для зеленыхъ. Китайцы, которые обыкновенно употребляютъ желтый чай, не крапешный, не довольствуются фабричною сортировкой листьевъ: каждый порядочный сынъ Поднебесья, знаящій десять тысячъ церемоній и кушающій *ча-п-суй* съ толкомъ и со вкусомъ, изъ купленнаго въ лавкѣ чаю выбираетъ самъ лучшій по возрасту и цвѣту листочки, съ гастрономическимъ глубокомысліемъ, бросаетъ ихъ въ маленькую чашку, наливаетъ кипяткомъ, накрываетъ и настаиваетъ: настой этотъ вообще чрезвычайно легокъ, въ немъ едва успѣваетъ раство-

ритель почти одно только чайное улетучивающееся масло, которое придает особенный аромат чаю и сильно дѣйствует на *нѣкоторыя* нервы. То же самое происходитъ и съ кофе: испаряющееся кофейное масло, образующее его запахъ, есть настоящая и единственная причина волненія, производимаго идиосинкратически въ нервномъ приборѣ *нѣкоторыхъ* лицъ. Разрѣшать или запрещать чай или кофе систематически — дѣло такое же не философское, какъ и систематически лечить минеральными водами, учреждая общія правила на основаніи немногихъ примѣровъ, болѣе или менѣе хорошо понятыхъ, недоступныхъ ни какой повѣркѣ и всегда получаемыхъ изъ поверхностнаго, односторонняго или пристрастнаго наблюденія. Точно такъ же какъ *нѣкоторые* не могутъ спать послѣ чашки кофе или чаю, другіе не засыпаютъ послѣ мяты или настою померанцевыхъ цвѣтовъ, или когда въ спальнѣ цвѣтетъ роза, яминъ, геліотропъ, макъ, или даже когда въ смежной, кругомъ запертой комнатѣ, спитъ кошка, которой запахъ, для большей части людей нечувствительный, производитъ въ иныхъ темпераментахъ страшное нервное волненіе, биеніе сердца и тошноту. Между-тѣмъ многіе никогда не спятъ отраднѣе какъ при тѣхъ же цвѣтахъ и запахахъ, отъ которыхъ у другихъ разболѣвается голова, кровь сильно бросается въ сердце и желудочные нервы приходятъ въ замѣшательство. Я, когда не могу уснуть, выпиваю чашку кофе или чаю, и засыпаю немедленно богатырскимъ сномъ. Автору, вѣроятно, извѣстно, что въ *нѣкоторыхъ* натурахъ глотокъ холоднаго чаю, на которомъ чайное масло застыло едва примѣтнымъ слоемъ, мгновенно производитъ головокруженіе и рвоту: онѣ *переносятъ* это масло только въ кипяткѣ, въ испаряющемся видѣ. Другія природы, напротивъ, пьютъ холодный чай, не только безвредно, но еще съ удовольствіемъ. Не разрѣшая и не запрещая всѣмъ ни чаю, ни кофе — потому что въ наше время передъ лицомъ нынѣшней физиологіи и нынѣшней химіи, это не глубокомысленно — слѣдовало предоставить натурѣ каждаго употребленіе этихъ веществъ, какъ и другихъ аро-

матныхъ, *по ея дичному* качеству, по ея идиосинкразіи, а скорѣе обратить вниманіе больныхъ на страдную невоздержность европейскихъ племенъ, которая приводитъ въ ужасъ и Турцію, гдѣ кофе родится, и Китай, гдѣ растетъ чай. Восточные люди пьютъ и чай и кофе наперстками—въ самыхъ легкихъ настояхъ — кофе едва вскипятившій — чай чуть-чуть окрасившій воду — пьютъ часто, это правда, но всегда очень малыми количествами. А у насъ — кипятятъ чай на самоварныхъ трубахъ, и кофе на огнѣ, по цѣлымъ часамъ—дѣлаютъ настоя черниче чернилъ—и глотаютъ ихъ стаканами или, въ самыхъ уже добродѣтельныхъ семействахъ, чашками, въ которыхъ вмѣщается *только* четверть фунта кипятку. И удивляются, послѣ того, что чай горячитъ ихъ, что голова болитъ, сердце бьется, кровь волнуется, нервы страждутъ. Да до этого состоянія можно довести себя и не разоряясь на чай, а просто выпивая каждый день периодически по фунту чистаго кипятку или горячаго углекислаго лимонаду, который у доктора Шульца называется *прохлаждающимъ напиткомъ*.

То же самое должно сказать и о куреніи табаку. Запрещать его такъ же смѣшно, какъ и разрѣшать. Дѣйствіе табаку принадлежитъ къ категоріи дѣйствія ароматовъ. Табачное дѣло—чисто идиосинкратическое: однимъ табакъ въ высшей степени благопріятенъ и полезенъ, другимъ болѣе или менѣе вреденъ, для третьихъ лишенъ всякаго дѣйствія. Горячій дымъ, огонь, разгорячаетъ *нѣкоторыхъ*, какъ въ чаѣ и кофе кипяткомъ, но большею частью это происходитъ оттого, что *нѣкоторые* и весьма многіе не умѣютъ курить. Въ сто пустыхъ диссертацийъ о составныхъ частяхъ табаку, гораздо полезнѣе было бы со стороны врачей обращать вниманіе на то, какъ пациентъ куритъ: можетъ-быть онъ куритъ *слишкомъ скоро!*

Возблагодаривъ ученаго доктора Шульца за сохраненіе національности Русскимъ въ ихъ болѣзняхъ безвозбраннымъ покушваніемъ чайку, мы въ правѣ взять нѣкоторое удѣ-

вложенію, съ какой стати, въ духѣ чисто германской водоле-
чительной мудрости предписываетъ онъ русскимъ больнымъ
желудкамъ съ извѣстными водами уготреблять непременно
нѣмецкій квасъ—мерзѣйшій изъ укусовъ—родъ швабскаго
кумысу, состоящій изъ огромнаго количества *stomachis tartari*
и нѣсколькихъ капель алкоголя, приготовляемый изъ зелена-
го, незрѣлаго винограда и называемый *mozellewein*? Нѣмцы,
изъ патріотизма, могутъ называть эту кислоту виномъ и пе-
реносить его изъ экономіи, но благородный желудокъ, ро-
дившійся и воспитанный въ другихъ деньгахъ и высшихъ
понятіяхъ о винѣ, не обязанъ жертвовать собою вкусу гер-
манскаго университетскаго міра. Не знаю даже, въ какой
степени рациональная терапевтика можетъ одобрить введе-
ніе въ разслабленный пищеварительный приборъ продукта
никогда не созрѣвающихъ ягодъ: мнѣ кажется, что, по ча-
сти винъ, во внутренность нашу могутъ правильно быть до-
пускаемы только вина благородныя, совершенныя, выжа-
тыя изъ плодовъ, совершившихъ полный кругъ своей жизни
подъ лучами всегда яснаго и жаркаго неба и очистившіяся
временемъ въ бутылкѣ вина южныя и старыя—единственныя,
которыя не только безвредны, но даже явственно полезны для
пищеваренія, при умѣренномъ и своевременномъ употребле-
ніи. Скорѣе запретите всякое вино больному, тѣмъ дозво-
ляйте ему вина несовершенныя, неполныя, невыстоявшія-
ся въ ягодахъ и, слѣдственно, никогда не выстаивающіяся
въ сосудѣ, кислыя и острыя вина, каковы, прежде всего,
германскія, а потомъ французскія, исключая нѣсколькихъ
ронскихъ и то, самыхъ южныхъ. Вина, достойныя этого
имени производягъ только Испанія, Португалія, Италия и
Греція. Въ прочихъ европейскихъ земляхъ родятся только
квасы.

Нельзя, однако жъ, оставить книжки ученаго доктора, не
упомянувъ о томъ, какъ онъ выстрѣлилъ въ непріятелей *кар-
тофельмъ* (стр. 36), о томъ славномъ аргументѣ, которымъ онъ
хотѣлъ запугать противниковъ искусственныхъ минеральныхъ

водъ, *врачей и не-врачей*, находящихъ удовольствіе отзываться объ нихъ съ прониціею и *всѣ* разсужденія *обращать въ шутку*. Я знаю, въ кого мѣтитъ ученый докторъ этимъ смертельнымъ сарказмомъ, но не скажу. Онъ опѣнитъ мою скромность. Я не хочу ссорить никого. Этотъ журналъ давным-давно не въ ладахъ съ искусственными минеральными водами, которыя выдаютъ себя за нѣчто рѣшительно *то же самое и еще лучше естественныхъ*: и подлежащая статья написана нарочно для примиренія. Вотъ аргументъ.

Какъ вы смѣете, насмѣшники, полагать, будто нельзя сдѣлать въ кухнѣ точно такой же минеральной воды, какую дѣлаетъ природа гдѣ-то въ нѣдрахъ земли. Огонь тотъ же. Вещества тѣ же. *Пути химіи и природы тѣ же*. Всѣ неорганическіе составы химикъ изготавляетъ такъ же хорошо, какъ и тотъ, кто изобрѣлъ ихъ. Органическія — дѣло другое: *картофеля* на примѣръ, нельзя сочинить. Но минеральную воду!.. какая тутъ мудрость?.. Да вы видно не знаете, или забыли, что *минеральныя воды не имѣютъ ни какой связи съ органической химіей!*...

Аргументъ въ самомъ дѣлѣ — убійственный; и студентъ, который видитъ въ своемъ «руководствѣ» химію разрубленною на-чисто по-поламъ категорическими словами *неорганическая* и *органическая*, не зналъ бы чтò и отвѣчать на это. Но ученый авторъ, кажется забылъ, съ своей стороны, что не всѣ готовые все обращать въ шутку — студенты и рассыплются въ прахъ отъ удара школьнымъ дѣленіемъ науки. Съ ними надо говорить такъ, какъ-будто они понимали дѣло философически: лучшее средство доказать, что вы сами понимаете его съ этой стороны. А философія науки не можетъ допустить въ химіи такихъ категорій. Она знаетъ, что въ природѣ двумъ химіямъ быть нельзя. Если въ природѣ есть строгое единство, а безъ такого единства природа не простояла бы и трехъ сутокъ, то всякое тѣлотвореніе, отъ водорода до бѣлковины и отъ металла до мозгова-

го вещества, должно происходить по одному, чрезвычайно простому, закону, однимъ и тѣмъ же процессомъ. *Fiat mundus et mundus factus est.* Наука, отвергающая эту великую идею, эту святую истину, была бы сумасбродствомъ, а не наукою; а при осуществленіи этой истины двѣ различныя химіи работать не могли. Химія одна. Гдѣ начало организма или по-просту жизни? гдѣ предѣлъ неорганическаго состоянія, или безжизненности?—этого никто не скажетъ. Органическое и неорганическое — пустыя слова. Все въ природѣ движется, потому что все тяжело. Философія науки принуждена нынче сознаться, что ни какой атомъ вещества не можетъ ни на одинъ моментъ прибывать въ покоѣ: онъ долженъ вѣчно двигаться и даже обладать многими движеніями вдругъ, изъ которыхъ первое и основное есть вѣроятно вибраціонное движеніе самихъ атомовъ: иначе не возможно было бы понять ни тяжести, ни свѣту, ни теплоты, ни электрическихъ, магнитическихъ явленій, ни даже сцѣпленія атомовъ въ формы различныхъ тѣлъ. Атомы между собою, какъ и небесныя тѣла между собой, связываются, держатся вмѣстѣ и образуютъ тѣла и міръ гармоніей присвоенныхъ имъ движеній. Существованіе есть движеніе, это сказано гениально. Что не движется, то вещественно не существуетъ, потому что не имѣетъ вѣсу или тяжести, которая—первый результатъ движенія или многихъ сложныхъ движеній. И въ кристаллѣ и въ *картофель* атомы, слѣдовательно, движутся постоянно, безпрерывно и, притомъ, отъ прикосновенія или вліянія постороннихъ *движеній*, каковы свѣтъ, теплота, треніе, перемѣщеніе и такъ далѣе; и въ томъ и въ другомъ они одинаково способны измѣнять гармонію своихъ внутреннихъ колебаній и круженій, переходить въ другія гармоническія сочетанія движеній и являть изъ себя новыя формы сцѣпленія, другіе виды вещества, другіе *химическіе составы* или *химическія простыя тѣла*. Гдѣ же тутъ положить рубежъ для неорганическаго бытія? *Составъ — простое тѣло* — Боже мой! да вѣдь это все такіе же условныя и относительныя термины, какъ и *органическая* и *неорга-*

мическая химія!... Простымъ тѣломъ называемъ мы то, что не поддается извѣстнымъ намъ реактивамъ, а составомъ— только результатъ дѣйствія этихъ реактивовъ. Это не сущности, а только формы, которыя мы сами придаемъ атомическимъ движеніямъ дѣйствіемъ на нихъ постороннихъ атомическихъ движеній. Какія собственно формы образуютъ атомическія движенія въ органическомъ или неорганическомъ составѣ, пока мы его не растворимъ дѣйствіемъ постороннихъ движущихся атомовъ и неразрушимъ, это—тайна природы, навсегда для насъ закрытая. Такъ-называемыя изомерическія вещества или равномерные составы, не служатъ ли явнымъ доказательствомъ той истины, что такъ-называемыя *составныя вещества* какого-нибудь тѣла, которыя мы будто-бы открываемъ химическими производствами, суть собственно только извѣстное число формъ, принимаемыхъ атомами этого тѣла по вынужденію употребленныхъ въ производствѣ дѣйствителей? Слишкомъ грубое понятіе о тѣлотореніи сочинилъ бы себѣ тотъ, кто бы вообразилъ или повѣрилъ, будто вода составлена дѣйствительно изъ водорода и кислорода, а масло изъ водорода, кислорода и углероду: здравое понятіе о матеріи позволяетъ намъ утверждать только то, что посредствомъ извѣстныхъ дѣйствителей и производствъ мы можемъ принудить атомы воды и масла раствориться двѣ эти формы гармоническихъ движеній, сдѣляющихъ ихъ въ образы воды и масла, и заставить принять формы этихъ трехъ газовъ. Но если сущность дѣла такова, то какое же право имѣемъ мы утверждать, что, сложивъ вмѣстѣ извѣстное число извѣстныхъ намъ формъ атомической матеріи, это будетъ—настоящая сельтерская вода, потому что настоящую воду принудили мы реактивами распредѣлиться въ нашихъ сосудахъ на эти формы, между-тѣмъ какъ обстоятельства образованія и существованія двухъ жидкостей совершенно различны, и мы вовсе не знаемъ ни реактивовъ ни производствъ, употребляемыхъ природою? ∴ Но правда—я и забылъ, что докторъ «Письма врача къ больному» знаетъ это превосходно

изъ геологическихъ гипотезъ, которыя называютъ онъ *geobiosis*!

Одно изъ двухъ: или всѣ составныя вещества, составныя части, минеральной воды, какъ бы неуловимо мелки ни были ихъ количества, образуютъ въ ней однородное цѣлое, которое всемъ объемомъ своей сущности дѣйствуетъ на организмъ больного, или эти составныя части сохраняютъ въ ней каждая свою форму, присутствуя тутъ въ образѣ простой смѣси веществъ, а изъ нихъ дѣйствуютъ на организмъ только тѣ составныя части или формы, которыхъ количество довольно значительно для произведенія перемѣтъ и замѣшательствъ въ организмѣ, между-тѣмъ какъ прочія формы, по своей малоколичественности, уничтожаются его дѣятельностью. Первое нравится мистическимъ теоріямъ врачеванія, но здѣсь надо по-необходимости допустить второе, потому что на этой-то гипотезѣ простаго смѣшенія составныхъ частей съ сохраненіемъ ихъ формъ основана поддѣлка минеральныхъ водъ подъ натуру. Дѣйствуетъ же, при такомъ смѣшеніи, не совокупность всѣхъ составныхъ частей, а только формы, самыя обильныя по своимъ количествамъ: потому что если бы каждое гомеопатически мелкое вещество имѣло силу преодолевать внутреннюю силу организма и измѣнять ходъ его отправленій, животное здоровье на три часа сряду было бы невозможностью. Но въ такомъ случаѣ, я скажу опять: к чему искусственная минеральная вода? какая польза отъ хлопотъ контрафакціи, когда эти истинно дѣйствующія составныя части можно прямо прописать изъ аптеки?

«Великое открытіе Струве» должно, и пора уже, поставить на ряду съ великимъ открытіемъ Дагерра и великимъ открытіемъ Рюб и Элькинтона. Искусственныя минеральныя воды, свѣтопись, гальваническое золоченіе, электрическое освѣщеніе, все это «великія открытія» одного и того же десятка. Воображенія, ослѣпленныя теоріей или безотчетнымъ энтузіазмомъ, ожидаютъ и общаются отъ cadaго изъ нихъ

цѣлое море благъ для человѣчества, а практическая польза, въ сущности, получаетъ.... почти ничего; да и то что удастся получить, по заключеніи всѣхъ счетовъ, обходится такъ дорого, что *игра не стоитъ свѣчь*.

Докторъ философіи **КАРЛЪ ФОНЪ-ВИТТЕРВАССЕРЪ**.

=

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ РУССКИХЪ АВТОРОВЪ. Сочиненія Измайлова. Изданіе Александра Смирдина. Санктпетербургъ, 1849 года, два тома.

Не ожидали русскіе читатели встрѣтить Измайлова въ лику *русскихъ авторовъ*, которымъ честный Смирдинъ такъ усердно воздвигаетъ пантеонъ, или пандемоніонъ, храмъ, куда, видно, суждено попасть всѣмъ пишущимъ и писавшимъ, на томъ же неумолимомъ основаніи. Удаляющееся съ умственного поприща поколѣніе забыло этого *русскаго автора*; новое и вовсе объ немъ не слыхивало. А между-тѣмъ Смирдинъ поступилъ по законамъ справедливости, давъ ему мѣсто въ своемъ «*Полномъ собраніи*» русскихъ литературныхъ талантовъ. Было время — и еще очень недавно — когда Измайловъ считался талантомъ. Литераторы пожаловали ему дипломъ на это званіе за его добродушіе, за его забавныя странности, за его безпечный и обязательный характеръ. Онъ былъ имъ добрый товарищъ, часто услужливый другъ — во всякомъ случаѣ, отличный слушатель ихъ произведеній, готовый восхищаться всѣмъ, что они ему ни прочитаютъ, и расхваливать творенія ихъ передъ другими — даже и въ своемъ журналѣ — несмотря на коренную лѣнь къ перу. Журнала его, правда, никто не читалъ: но все же пріятно быть по-

Т. ХСѢІ. — Отд. V.

хваленнымъ въ печати: и всѣ они его любили—главное за то, что онъ былъ писатель безъ читателей и никому изъ пишущихъ друзей своихъ не могъ вредить въ случаѣ ссоры или неудовольствія. Въ литературныхъ собраніяхъ, онъ считался необходимымъ, и занималъ почетное мѣсто между Крыловыми, Пушкиными, Жуковскими и всемъ, что тогда сіяло на полѣ умственной славы. Камратство угодливо называло его *баснописцемъ*, даже въ присутствіи Крылова; и Крыловъ, съ привѣтливой улыбкой, протягивалъ руку своему нареченному собрату по баснѣ—Крыловъ изящный дикому Крылову—великій художникъ простому плотнику, тесавшему тонкій Эзоповъ лѣсъ тяжелымъ вятскимъ топоромъ—но въ полной мѣрѣ честному писакѣ, доброй душѣ по-превосходству, веселому и радушному собесѣднику, а также и литератору, во всякомъ случаѣ достойному уваженія за благія намѣренія, за усердіе къ русскому просвѣщенію, за откровенное и прямое сердце, за бѣдность, не покрываемую даже усиленнымъ трудомъ, за великодушное безкорыстіе среди бѣдности. На той блестящей эпохѣ русскаго ума, въ которую жилъ Измайловъ, тѣнь его, для помнящихъ эту дюжусь, распашную фигуру, отражается теперь страннымъ гротескомъ, который, между-тѣмъ, не безъ достоинства — даже, не безъ прелести. Измайловъ еще представлялъ собою, вмѣстѣ съ другими и при помощи ихъ, свѣтлую эпоху надеждъ, возбужденныхъ прекрасными явленіями, эпоху слишкомъ скоро минувшую и, можетъ-быть, невознаградимую будущимъ. О! какъ хотѣлось бы нынче воротить тѣ счастливыя для словесности времена, и вмѣстѣ съ ними Измайлова!... Жаль и той литературы, теперь, когда литературы не стало.

Измайловъ принадлежалъ еще къ той породѣ литераторовъ, которая нынче исчезла—какъ исчезли неаполитанскіе ладзарони—венецкія прелестницы—французскіе аббаты—англійскіе путешествующіе лорды, и другіе типы блаженной старины. Этотъ человекъ былъ ходячая литература—словесность на двухъ ногахъ и безъ перьевъ—гениальность за урядъ, въ вытертомъ и засаленномъ халатѣ. *Геній по ремеслу*, въ томъ смыслѣ что тогда называли «геніемъ», *сочинитель по*

званію, когда это званіе возбуждало еще удивленіе, *журналистъ* по чину, когда это еще было чиномъ въ литературѣ, и чиномъ уважаемымъ, неуроненнымъ, не загрязненнымъ пошлыми страстями и недостойными расчетами, Измайловъ вездѣ и всюду являлся въ этомъ тройственномъ качествѣ: карманы его всегда были набиты собственными стихами, для чтенія знакомымъ и пріятелямъ, съ которыми онъ первый добродушно торжествовалъ по случаю своего остроумія, и чужими или «даровыми» статьями — тогда еще водились даровыя статьи — добытыми для его журнала, и котерыя онъ заранѣе расхваливалъ передъ всѣми — иногда довольно странно—радуясь, напримѣръ, отъ чистаго сердца, что *отъ добраго челоуька получилъ для своего «Современника» преглупую статейку—ну! такую глупую, что изъ рукъ вонь!—то-то будутъ смѣяться читатели!....* Блаженное время! Счастливыи правъ!...

Однако, и между-тѣмъ, Измайловъ, сущій поэтъ, безпечный, кроткій, *предобрый*, Измайловъ бывалъ *презлой* порою, когда онъ почиталъ самолюбіе свое или свое достоинство затронутымъ. Гнѣвъ придавалъ ему тогда даже остроумія. Онъ пріосанивался со всемъ величіемъ негодующаго генія—сердился больно—грозилъ торжественно—и изображалъ себя слономъ среди мелкой сволочи завистливыхъ животныхъ, которую можетъ онъ раздавить всю одной ногою. Въ эти рѣдкія минуты онъ бывалъ неподражаемъ, въ своей баснописной грязи; и едва-ли не лучшая изъ басенъ его — та, которую написалъ онъ на своихъ пріятелей, расхваливавшихъ его при всякомъ случаѣ и вдругъ, по случаю какого-то личнаго неудовольствія, обидѣвшихъ его, какъ увѣряютъ, «неумышленно», посредствомъ своей журнальной критики. Мы говоримъ—*на товарищей и пріятелей*, по точнымъ словамъ тѣхъ, которые недавно объявили всенародно права свои на несказанно дружескія колкости этого аполога: а впрочемъ, настоящій смыслъ его намъ неизвѣстенъ. За древностью времени намеки стали непонятны, и намъ теперь видна одна только литературная сторона басни, являющейся въ свѣтъ впервые въ этомъ «*Полномъ собраніи*».

Слонъ и Собаки.

«Брыланъ зазорный пестъ,
 Съ большой Свиньей схватился,
 Возился съ ней въ грязи, возился,
 Свинною кровью обагрился,
 Всю Свинью искусалъ, прогналъ и.... поднялъ носъ.
 «Знай, наши каковы кусаки!

«Сказалъ онъ ей: и вѣкъ Брылана поминай».

«Возрадовались всѣ его друзья собаки.

— Ай! ай!

«Визжить, вертя хвостомъ, Брехъ пудель сухошавой:

«Покрылъ себя, Брыланъ, ты славой!

Ай, ученикъ! Ай, другъ!

«Прославилъ ты нашъ кругъ! —

— Ай! ай! Брыланъ! ай! ай! — визжать тутъ и щенята:

«Хвала, свинной герой! — «Послушайте, ребята»!

«Брыланъ преважно возгласилъ:

«Чуть, чуть я у Свиньи хвоста не откусилъ.

«Когда же сладилъ со Свиньей,

«Примусь и за Слова: ну что? въ родню хоть толстъ,

«Да не въ родню, быть-можетъ, простъ.

«Друзья! за мной!

«Я знаю, Слоны идутъ теперь на водопой;

«Маршъ на Волинскій Дворъ!» — За нимъ всѣ побѣжали...

«Увидѣли Слона.... смѣшались, задрожали,

«Попятились. — «Стой, толстый, стой»!

«Кричитъ Брыланъ: «какъ смѣлъ обидѣть ты дворняшку?»

— Какую? — «Завирашку.

«Проси прощенія; не то, братъ, на дуэль!

«Заставлю пролежать въ сараѣ шесть недѣль».

— Да отвяжись! Чего ты хочешь?

«Не прыгай высоко, вѣдь на клыки вскочишь. —

«Что предъ дворняшкою ты виноватъ, скажи

«И всю правдою въ неправдахъ намъ служи;

«Велимъ ли проучить кого, такъ размножи;

«Лизать — лжи».

— Лизать? — Вотъ Слоны тутъ осердился,

«Брылана хоботомъ схватилъ,

«Черезъ рѣшетку вынулъ его въ каналъ спустилъ;

И гдѣ же? Въ полынѣ, каналья, очутился;
 А Пудель?... на языкъ хотя онъ и остеръ,
 Но Нѣмецъ, такъ хитеръ
 И совѣстивѣй притомъ: вѣтъ, онъ не горячился
 И впереди щевячь бѣжать назадъ пустился.

Хоть какъ собака ни сильна,
 Но гдѣ ей одолѣть Слона!
 Бѣда, когда дойдетъ до драки.
 Не трогайте жъ Слоновъ, Собаки-!

Послѣ чего Слоны и Собаки поцѣловались и были опять дружны между собою. Маленькое критическое объясненіе!... Дружба не нарушается такими бездѣлицами между людьми, которые взаимно себя уважаютъ. Признаніе, о которомъ мы сейчасъ упоминали, утверждаетъ, будто Измайловъ самъ добродушно читалъ въ какомъ-то публичномъ мѣстѣ этотъ чисто-плотный апологъ тѣмъ, на кого онъ позволялъ себѣ дружески сочинить его, и еще жалуется, что въ изданіи Смирдина многія выраженія драгоцѣнной басни смягчены произвольно и по-напрасну. Изъ чего должно заключить, басня была первоначально еще учтивѣе и изящнѣе.

Остроуміе Измайлова, главнѣйше, вертѣлось на словахъ *собака, свинья, ромъ, аракъ, пушищъ, наливки*: на эти темы онъ сочинялъ басни, сказки, эпиграммы, пѣсни, оды, повѣсти, рассказы, анекдоты; онъ ворочалъ ихъ во всѣ стороны, въ изображалъ въ различныхъ видахъ, къ великому удовольствію современныхъ балагуровъ. Этотъ родъ остроумія, высоко цѣнимый особеннымъ классомъ остряковъ, обыкновенно принадлежитъ своему времени только и, спустя немногочлѣтъ, становится непопулярнымъ, замѣнясь другимъ подобнымъ. Мы видѣли недавно на Руси одного извѣстнаго писателя, котораго главное остроуміе вертѣлось на *носу*: безъ *носа* онъ, великій человѣкъ, не могъ сказать ничего забавнаго, но лишь-только попадалъ на какой-нибудь носъ, всѣ обожатели его ума смѣялись заранѣе неподражаемой остротѣ, которая должна была тутъ явиться. Не знаю, въ славу ли этотъ *носъ* донынѣ между ними: но нѣтъ сомнѣнія, что остроуміе и иза-

щество Измайлова и этого славнаго писателя принадлежать къ одной и той же категоріи, и тотъ, кто торжественно провозгласилъ себя на Руси первымъ *genіемъ пошлости* — едва ли не похититель чужаго вѣнца. Измайловъ до него былъ уже отличный *genій пошлости* и носилъ этотъ вѣнецъ совершенно съ удовлетворительною славою. Нужно привести еще одну его басню на ту же тѣму, Собаки, но уже направленную, какъ кажется, на другой разрядъ *товарищей и пріятелей* поэта:

СОБАЧЬЯ ЗАВИСТЬ.

«Барбоска у крыльца избы людской лежалъ.
 Къ нему безъ памяти вдругъ Жучко прибѣжалъ
 И говорить: «Барбоска!
 Вѣдь господа
 Приѣхали изъ Питера сюда,
 А съ ними моська,
 Хрипунья старая, Полканъ....»
 Щемчишка? — «Погляди какой сталъ великанъ!
 Да какъ присталъ къ нему ошейникъ....»
 — Ошейникъ? Ахъ, мошенникъ!
 Давно ли я таскалъ за шиворотъ его?
 Намъ, старикамъ, такъ ничего?
 Ну, право, господа не знаютъ,
 За что такъ награждаютъ!
 Да попадись онъ мнѣ, то я ужъ прочу:
 Какъ за уши схвачу
 И тряску
 Такую дамъ.... —
 «А вотъ онъ самъ;
 Ну, дай-ка, братъ, ему острастку».
 Взглянулъ Барбосъ —
 По жиламъ пробѣжалъ морозъ:
 Собаку страшную онъ видитъ предъ собою;
 Полканка былъ не то, что за годъ передъ симъ,
 Нѣтъ, не Барбоскѣ лапты съ нимъ.
 Ретироваться онъ хотѣлъ бы прежде бою.
 Вскочилъ подлецъ. Не знаетъ чтѣ сказать,
 Хвостомъ вертитъ — и ну щенка лизать.

Вотъ такъ-то Гуръ Пашутычъ разсердился
 На Разумова, что тотъ орденъ получилъ. —
 «Да какъ онъ къ намъ опредѣлился,
 Я ужъ тогда.... въ архивѣ былъ
 Помощникомъ! А онъ былъ что? — мальчишка,
 Такъ, школьникъ, писаршика!
 Теперь ассессоръ, кавалеръ!
 А я ужъ тридцать лѣтъ, какъ оберъ-офицеръ,
 Но вѣту у меня и бронзовой медали;
 Писцу же такъ крестъ дали!»
 — Послушай, Гуръ: былъ Разумовъ писцомъ,
 И мы съ тобой писцами были;
 Онъ послѣ сдѣлался дѣльцомъ,
 Служилъ съ отличіемъ; за то и наградили.
 Что сдѣлаешь онъ въ день,
 Того, хоть пять очковъ надѣнь,
 Не сдѣлаешь и въ годъ, какъ ты ни хоробрися.
 Молчать, архивна крыса!»

Изыячно-выразительные эпитеты *каналья*, *подлецъ*, какъ оказывается, красовались въ русской словесности уже до извѣстнаго гения — писателя, который изобрѣлъ *носъ* и которому любители энергическаго слогу и неподдѣльной натуры приписываютъ славу введенія этихъ счастливыхъ смѣлостей въ новѣйшія «поэмы». Живописное животное, играющее въ его эпическомъ остроуміи играетъ почти такую же блестящую роль какъ и самый носъ, тоже — не новость на поприщѣ нашего искусства: доказательство слѣдующая страница Измайлова —

«Скотянину одинъ знакомый говорилъ,
 Что онъ напрасно
 Такъ страстно
 Свиной любилъ;
 Что даже и опасно
 Бываетъ отъ свиной.
 «Ну такъ, вѣдь ты, братъ, всѣхъ умнѣй!
 Чего Свиной имѣ опасаться?
 Онъ меня и любятъ и боятся.
 А безъ Свиной, ей-ей, тебѣ не лгу

И жить я не могу:
 Я выросъ со Свиньями,
 Какъ ты межъ умными людьми,
 И знаю, сказано тебѣ будь не во гнѣвъ,
 Получше, нежели вы всѣ, свинной мой хлѣвъ.
 Не думай, чтобъ меня хавронья укусила:
 Велико слово, говорю,
 Расчетверю, распятерю,
 Повѣшу на чердакъ окорока безъ рыла.
 Безграмотный Тарасъ,
 Вѣрь, право, не глупѣй всѣхъ грамотѣевъ васъ.
 Въ тезоименитство свое, иль именны
 Скотининъ вздумалъ сдѣлать пиръ,
 Сказать такъ, на весь миръ.
 Сосѣдей пригласилъ, родныхъ всѣхъ Простаковыхъ,
 Надѣлъ съ голубчикомъ капральскій свой мундиръ,
 И вотъ въ сапожкахъ новыхъ
 Идетъ онъ съ важностью на задній скотный дворъ,
 Свиней, Свиней въ грязи его тамъ щетъ взоръ.
 «Аксютки! Гдѣ вы? На смотръ передо мною!»
 И вотъ одна бѣжитъ къ нему *Свинья свиньею*,
 Обрадовалась такъ, что мигомъ сшибла съ ногъ;
 Скотининъ, хоть капраль, но устоять не могъ:
 Въ обновкѣ поскользнулся
 И замертво упалъ, — кой-какъ чрезъ часъ очнулся,
 И видитъ, что мундиръ, который такъ берегъ,
 Испачканъ, взорванъ! — и дядя Митрофана
 Остался безъ кафтана,
 Да, съ мѣсяцъ охая, на лавкѣ пролежалъ,
 Другой потомъ хромалъ. —
 И все Аксютку проклиналъ.

Чѣмъ при свиньяхъ всегда остерегаться,
 Не лучше ли отъ нихъ, коль можно, удалиться?

Повѣсти въ *гениально-пошломъ* родѣ началъ писать также
 Измайловъ: въ нихъ нѣтъ ни плана, ни рисунка, какъ и въ
 тѣхъ повѣстяхъ, которыя впоследствии прославились подъ
 другимъ болѣе знаменитымъ именемъ; но пошлости, нечисто-
 ты, грязной энергій; ровно столько же тутъ какъ и

тамъ,—если такія вещи подлежатъ измѣренію. Повѣйшее усовершенствованіе состоитъ только въ томъ, что нынче такія творенія называются «поэмами». Небольшая выписка изъ *россійской повѣсти Бѣдная Маша* удостовѣритъ всякаго, что Измайловъ былъ-таки «Гомеръ» съ дарованіемъ. У господъ Простаковыхъ, людей *посредственнаго ума и посредственнаго состоянія* и почтеннѣйшихъ жителей одного уѣзднаго города, гдѣ *главнѣйшее упражненіе ихъ состояло во снѣ и въ употребленіи домашнихъ наливокъ съ сосѣдями и пріятелями*, жила прекрасная племянница Маша, ихъ будущая наследница. Нѣкоторый молодой человекъ, Миловъ, пріѣхавшій въ тотъ городъ по своимъ дѣламъ, увидалъ ее, влюбился, и запыхалъ страстью обладанія. Онъ обращается къ свахѣ. «Проворная сваха пошла прямо отъ Милова къ Простакову. Входитъ въ комнату и, помолвившись, кланяется низехонько хозяину и хозяйкѣ. — Миѣ есть до вашей милости ну- жда, говоритъ она имъ.—Какая, голубушка, какая? спрашиваетъ ее Простаковъ.—У васъ есть товаръ, а у меня ку- пецъ. — Садись-ко, садись.... дай-ко, жена, намъ наливочки. — Сватается, батюшка, за вашу племянницу молодецъ смиренный, постоянный и, какъ красная дѣвушка, хмѣльного въ ротъ не беретъ. — Хорошо, старушка, хорошо; да таковъ ли онъ полно? сказала Простакова свахѣ, поднося ей рюмку крѣпкой наливки. — Чтобы миѣ, старой вѣдьмѣ, сейчасъ захлебнуться, коли я вамъ лгу.... Сами изволите увидѣть, коли прикажете ему къ себѣ по- бывать. — Пусть пожалуетъ, пусть пожалуетъ: мы ради дорогому гостю». Дѣло рѣшилось коротко и быстро. Маша вышла за Милова, который черезъ нѣсколько недѣль послѣ свадьбы, взявъ деньги и драгоцѣнности своей супруги, уѣхалъ къ себѣ на родину, въ городъ Н***, съ условіемъ скоро воротиться, а между-тѣмъ писать какъ можно чаще. Но съ той минуты Миловъ пропалъ безъ вѣсти. «Простаковъ писалъ къ своимъ знакомцамъ, живущимъ въ Н***, прося ихъ увѣдомить себя пріѣхалъ ли туда его зять и зловъ ли? но получилъ отъ нихъ въ отвѣтъ, что онъ не пріѣзжалъ въ сей городъ и никогда не живалъ въ немъ. По

« своему ли благоразумію, или по совѣту жены своей, поло-
 « жилъ онъ не сказывать о сѣмъ Машѣ до нѣкотораго вре-
 « мени. Въ одинъ день, какъ онъ не зналъ, что думать долж-
 « но объ Миловѣ, получаетъ письмо отъ своего знакома,
 « который пировалъ на свадьбѣ его племянницы и который
 « поѣхалъ недавно въ одинъ городъ за своею нуждою. Гра-
 « мотка сія была слѣдующаго содержания:

« *Государь мой Пантелеймонъ Трифоновичъ обще съ Государы-
 « нею Саламандою Тарасьевною желаю вамъ на многія лета
 « здравствовать.*

« Усердно поздравляю васъ съ наступившею Святой Четыре-
 « десятницею, желаю вамъ душевспасительно оную провести;
 « уведомляю притомъ, во первыхъ, что я пріѣхалъ сюда живъ и
 « здоровъ, а во вторыхъ, что нашелъ здѣсь вашего зятя, свать
 « мужа вашей племянницы, господина Милова. Да будетъ вамъ,
 « государю моему, вѣдомо, что онъ находится не у дѣль, а же-
 « нать уже года три на другой женѣ, не на русской, а на Нѣ-
 « кѣ, живетъ здѣсь съ нею и ѣсть по постамъ скоромное. Совѣ-
 « тую вамъ, яко старинный другъ, приказать вашей племянницѣ,
 « чтобы она о сѣмъ не печалывалась, а подала бы лучше на него
 « просьбу куда подобаетъ. За сямъ остаюсь вашъ вѣрный слуга
 « *Филимонъ Фатюевъ.*»

« П. П. Здѣсь варять изрядное-таки пиво, но только, по глу-
 « пому обыкновенію, кладутъ въ него мало хмѣлю, вина же
 « дѣльнаго и хорошей водки не скоро найдешь.»

« Прочитавши сіе письмо и проклиная безсовѣстнаго сво-
 « его зятя, Простаковъ рѣшился послѣдовать совѣту умнаго
 « своего пріятеля: позвалъ Машу, вынулъ пагубное письмо
 « изъ кармана, надѣлъ очки и прочелъ оное передъ нею вслухъ
 « съ возможною декламаціею». Остальное неинтересно: по
 « тогдашнему повѣстному уставу всѣ дѣйствующія лица уми-
 « раютъ или убиваютъ себя въ концѣ исторіи. Но эти выписки
 « удовлетворительно доказываютъ, что отъ Измайлова до по-
 « слѣдняго Гомера одинъ только шагъ — наступательный —
 « или попятный? — это рѣшатъ знатоки и цѣнители геніаль-
 « ныхъ пошлостей, или пошлыхъ геніальностей.

Самую занимательную часть твореній Измайлова соста-
 « вляютъ, по нашему слабому вкусу, его письма. Въ нихъ по-

крайней-мѣрѣ отражается тотъ древній вѣкъ, тѣ древніе люди и событія, тѣ допотопные нравы, взгляды и понятія, которые господствовали въ литературѣ и обществѣ лѣтъ тридцать или тридцать-пять тому назадъ. Одно изъ любопытѣйшихъ писемъ посвящено описанію литературно-музыкальнаго вечера, даннаго основателемъ «Сына Отечества» по случаю истеченія перваго десятилѣтія этого журнала. *Сочинителей* уже было тогда много въ Петербургѣ, и они, по девяти классическимъ родамъ словесности, правильно раздѣлялись на девять разрядовъ, кромѣ главнаго раздѣленія на двѣ общія фаланги, стихотворцевъ и прозаиковъ. Странно, и невѣроятно: они нерѣдко всѣ сходились вмѣстѣ, и имъ бывало весело!... Они составляли какъ-бы отдѣльное сословіе, которое ссорилось тихо между собою, но держалось вмѣстѣ передъ свѣтомъ и съ нимъ не смѣшивалось. Отсюда, вѣроятно, происходило въ публикѣ понятіе, что свѣтскій человекъ не можетъ быть писателемъ. Еще недавно, почтенной бабушкѣ Лермонтова говорилъ одинъ извѣстный въ тогдашнемъ обществѣ господинъ: «Какъ это можно, « чтобы вашъ внукъ сочинялъ стихи!... *На то есть особенный классъ людей.* Запретите ему, пожалуйста». Когда въ 1812 году, начинался «Сынъ Отечества», никто не зналъ, и даже самые смѣтливые въ расчетахъ люди, не подозревали, что на Руси есть читатели. Первое тисненіе «Сына Отечества» ограничивалось *шестьюстами* экземплярами!... Болѣе этого способныхъ къ чтенію людей въ Россіи не предполагалось. Расчетъ былъ даже смѣлый: прежніе русскіе журналы съ трудомъ достигали числа четырехъ сотъ подписчиковъ. Но эти шесть сотъ экземпляровъ были мгновенно расхвачаны. Напечатали еще шесть сотъ. И этихъ не достало. Словомъ, къ великому изумленію основателя перваго порядочнаго журнала въ Петербургѣ, въ первый же годъ оказалось, что на обширной поверхности русскаго царства можно считать до двухъ тысячъ умныхъ и понятливыхъ любителей отечественнаго чтенія. Тридцать лѣтъ спустя «Библіотека для Чтенія» рассчитывала только на существованіе трехъ тысячъ образованныхъ читателей и

также не безъ удивленія увидѣда, что ихъ нашлось слишкомъ пять тысячъ. Эти различныя числа могутъ служить довольно вѣрнымъ мѣриломъ успѣховъ отечественной образованности въ разные эпохи.

Но письма о Самоѣдахъ, писанныя къ сыну въ 1828 году, еще любопытнѣе писемъ о сочинителяхъ. Если сказать правду, то одна только эта часть твореній Измайлова и можетъ вынести чтеніе въ настоящее время. Жаль, что она такъ ограничена. Чтобы, въ заключеніе, помянуть покойнаго *баснописца* добромъ, прочитаемъ всѣ вмѣстѣ одно изъ этихъ писемъ.

«Мы прѣехали сюда въ четыре часа въ сумерки. На другой же день увидѣли оленей и Самоѣдъ, и давно уже приглядѣлись къ тѣмъ и другимъ. Последніе почти ежедневно бывають у нашей доброй хозяйки.

«Третьяго дня, на свободѣ отъ занятій по рекрутскому присутствію, — на которыя въ продолженіе цѣлаго мѣсяца едва ли употребится двѣнадцать часовъ, потому что рекруты поступаютъ натурую очень мало, а большая ихъ часть вносить за себя деньгами, — собрались мы довольно большою компаніею въ Семжу, или Устьсемежское Усолъе, верстъ за сорокъ отъ Мезени, куда ожидали нѣсколько самоѣдскихъ чумовъ*. Впереди насъ поѣхали: жена здѣшняго маіора внутренней стражи съ двумя дочерьми уѣзднаго лекаря; я сидѣлъ въ другой повозкѣ съ маіоромъ; въ третьей исправникъ съ Павлинкою и Шестаковымъ; въ четвертой лекарь и почтовый экспедиторъ. Выѣхали мы въ часъ по полудни. *Вдаль, идемъ, путь далека!* Вдругъ перебѣжалъ черезъ дорогу заяцъ. Передъ несчастіемъ! И точно! Ну какъ не вѣрить примѣтамъ? Не прошло десяти минутъ, какъ кибитка наша опрокинулась. Маіоръ навизъ, я на маіора. Вытащили его одного изъ подъ меня, и слава Богу, живаго. Встали, встряхнулись, посмѣялись и полетѣли далѣе. Проѣхавъ болѣе двадцати верстъ, остановились у рѣчки Пын, въ черной избѣ Анкудина. Этотъ знаменитый Анкудинъ пастырь, звѣроловъ и рыболовъ. Хижина его построена на паскотинѣ, то есть на пастбищѣ, которое ежедневно орошается выступающею во время прилива изъ рѣчки Пын морскою во-

* Чумомъ называется какъ шатеръ изъ оленьихъ кожъ, такъ и все къ нему принадлежащее, то есть олени и самые люди.

дою, отъ чего трава получаетъ особенный вкусъ и утучняетъ пасущихся на ней *porozovъ* (быковъ). Лѣтомъ пасеть онъ скотъ и ловить рыбу; зимою стрѣляетъ птицъ и волковъ. Вошедши въ мирное его жилище, украшенное ружьями и волчьими кожами, по примѣру незабвенныхъ путешественниковъ *Пошехонцевъ*, сосчитали мы себя. Поѣхало насъ всѣхъ десять человекъ, а по самому вѣрному счету оказалось только девять. Пропалъ твой братъ Павлуша. — «Гдѣ же онъ?» спрашиваю исправника. — Его переманилъ отъ меня *monsieur Henri* (Андрей.....). — «О, *monsieur Henri!* *monsieur Henri!* Онъ прекрасно танцуетъ, но плохо пишетъ и разсуждаетъ». — Ну, какъ они запоздають и не успѣють пріѣхать сюда до прилива! — «А скоро будетъ приливъ?» — Да по-крайней мѣрѣ черезъ часъ. —

«Прошелъ часъ, стало смеркаться. Нѣтъ *monsieur Henri*, нѣтъ Павленьки! Оставили людей на случай помощи имъ въ переправѣ, во время прилива черезъ рѣку, переправили свои экипажи, перешли благополучно черезъ опасную и крутобереговую Пыю, съѣли и поѣхали.

«Не доѣзжая версты три до Семжи, встрѣтили самоѣдскіе чумы; едва можно было разглядѣть въ темнотѣ оленей и Самоѣдъ.

«Вотъ и Семжа! Гостепріимный хозяинъ и его доброе семейство встрѣтили насъ съ огнемъ. Входимъ въ комнаты, очень чистыя и хорошо прибранныя. Въ главной комнатѣ, залѣ, или гостиной, по всѣмъ четыремъ угламъ * накрытаго бѣлою скатертью стола, стояли горящіе свѣчи, а посреди баранки, крендельки, бѣлые тверскіе пряники, вязомъ, чернославъ, брусничная постила, огромные грецкіе орѣхи, каменные русскіе орѣхи, крошечные кедровые орѣхи.

«Но ни орѣхи, ни баранки, ни пряники, ни даже вкусная брусничная постила не шли мнѣ въ душу, потому что я думалъ все про Павлушу. Не утонулъ ли онъ въ Пыѣ? Не съѣли ли его волки? Спутнику его хорошо: легокъ, убѣжить, никакой волкъ его не догонитъ. А Павлуша, Павлуша! Для волковъ ли выкормилъ я его архангельскими шенежками, холмогорскими тетерками, кеврольской говядиною, кольскою трескою, двинскою семгою, печорскими чирами, пелегами, и прочая **.

* На десертномъ столѣ у мезенскихъ поселанъ свѣчи ставятся не иначе, какъ по всѣмъ четыремъ концамъ, или угламъ стола.

** *Шенежки* — родъ лепешекъ, *тетерки* — тоже родъ хлѣбнаго, похожаго на кашинскія *бестычки*. Лучшею говядиною считается привоз-

«Вдругъ растворяется дверь, входятъ съ потупленными глазами Павелъ и шопиенг Непгѣ. Отлегло на сердцахъ. Первому сдѣлать строжайшій выговоръ; послѣдняго всё пожурили за то, что соблазнилъ неопытнаго молодого человѣка; а я рѣшился ему отстегать, всю ночь думалъ объ этомъ и отстегалъ на другой день, какъ послѣ увидишь. Грѣхъ, великій грѣхъ соблазнять молодыхъ людей. — Давайте теперь орѣховъ!

«На другой день, въ воскресенье на разсвѣтѣ (а здѣсь разсвѣтаетъ часовъ въ десять утра; лѣтомъ же, какъ въ Колѣ, совсѣтъ не заходитъ солнце), прѣехали за вами олени. Какъ добрые христіане пошли мы напередъ въ часовню, въ томъ числѣ и я, несмотря на мучительную одышку, которою страдалъ въ то время. Часовня древняя, деревянная, украшена большими серебряными, вызолоченными образами. Вообще въ архангельской губерніи народъ усерденъ къ святымъ иконамъ. Въ частныхъ домахъ, не только у купцовъ и мѣщанъ, но и у крестьянъ, даже не весьма богатыхъ, найдете въ переднемъ углу и въ простѣвникахъ образа въ хорошихъ серебряныхъ окладахъ.

«Помолвившись въ часовнѣ Богу, отправились всё къ чумамъ на оленяхъ. Для меня только хвораго одного запрягли въ обшиви лошадку. Хотя она и не такъ прытко бѣжала, но зато покойнѣе было ѣхать по тундрѣ, устѣянной кочками. Прѣехавъ версты двѣ, увидѣлъ я въ чистомъ полѣ четыре чума, или шатра изъ оленьихъ кожъ. Бѣлые олени разсыпаны были по необозримому бѣлому пространству, и передней ножкой разгребали мягкой снѣгъ, чтобы достать себѣ бѣлаго моху, составляющаго здѣсь единственную ихъ пищу.

«Подѣхали къ одному чуму, подвяли полу, вошли. Посреди чума, устланнаго внутри оленьими кожами, пылалъ свѣтлый огонькъ, а надъ огонькомъ висѣлъ котликъ, по сторонамъ лежало *смоле* (расчепанныя дрова, подгниеты). Расположились вокругъ огонька, на оленьихъ кожахъ. Многие прѣехали сюда послѣ насъ изъ Мезени и изъ ближнихъ селеній. Въ углу нашего чума увидѣли мы маленькую запачканную Самоѣдку, лѣтъ двухъ или трехъ. «Какъ жаль, что не взяли мы съ собою гостинца!», сказала добрая маіорша. У меня случилась въ карманѣ орѣхи, которые я отдалъ я ей. Она разгрызла ихъ и попотчивала малютку.

«По предложенію моему, стали играть въ фанты, чего, вѣро-

ная изъ Кеврольской волости пинежскаго уѣзда. *Чуръ и пеленъ* — пресъкусная рыба, даже мороженая.

ятно, ни до вась, ни послѣ вась не было ни въ одномъ самоѣдѣ: ездятъ чужу. *Охъ болитъ!* — *Что болитъ?* Шерче (такъ прозвали слѣдъ сердце въкоторыя мезенскія дѣвнцы). По номъ? — *По рад:ашкѣ, по палыни, по черт:ополохъ.* Я, какъ стихотворецъ, принялъ на себя названіе *подсолнечника*. И по мнѣ болѣли дѣвчьи и дамскія сердца, только не долге, не опасно, да и напрасно.

«Не угодне ли посмотрѣть теперь оленей?» — Очень радъ. — Вышли изъ чума. Самоѣды пробормотали что-то своимъ собакамъ, и вотъ тѣ съ лаемъ разсыпались по полю, и въ минуту, а много въ двѣ, или три, согнали въ одно мѣсто оленей, которые построились въ густую колонну. Одинъ Самоѣдъ обвязалъ ихъ вокругъ веревочною. Что за олени! Не такіе уже, какихъ видалъ я въ Пинегѣ. Рослые, бодрые, красивые, одинъ другаго лучше. Полюбовавшись ими, попросилъ я распустить ихъ. — «Позвольте, сказали мнѣ: надобно прежде поймать одного изъ првоужденныхъ къ смертной казни.» — Вотъ бросилъ тоненькую веревочку — другую, и зацѣпилъ за шею одного несчастнаго, худаго и комолаго оленя. — Между-тѣмъ, какъ тащили его, я съ нѣмъ-то заговорился. — «Что же? говорятъ мнѣ: за вами стало дѣло. Я оглянулся: передо мною стоитъ ужасный Самоѣдъ со взмахнутою надъ преклоненнымъ передъ нимъ оленемъ сѣкирою, или, попросту сказать, топоромъ, и смотритъ почтительно и пристально мнѣ въ глаза. Я подалъ знакъ! — Хлопъ обухомъ по лбу — и несчастная жертва упала бездыханна. Самоѣдъ-палачъ началъ рѣзать убитаго оленя горло — и въ ту же минуту бросилось на него около дюжины Самоѣдокъ съ короткими ножами, и стали сдирать кожу и разрѣзывать ноги. Въ мгновеніе ока раздвоили туловище оленя: въ одной половинѣ, какъ бы въ сосудѣ, стояла теплая кровь; нарядныя Самоѣдки обмакали въ нее куски сыраго мяса и пожирали съ жадностью. Въ самое это время потчивали ихъ виномъ. Не знаю, есть ли что въ природѣ отвратительнѣе пьяной и выпачканной въ крови Самоѣдки. Я не могъ долго смотрѣть на это зрѣлище, отворотился и сталъ разговаривать съ веселымъ *monsieur Henri*.

«Вотъ изъ разношерстной толпы, окружавшей кровавые останки несчастной жертвы, приближается къ *monsieur Henri* молодая полупьяная Самоѣдка, съ грасами, съ пляскою; онъ самъ, увидя ее, съ улыбкою начинаетъ дѣлать разные па на сцѣгу. Уже не болѣе трехъ шаговъ оставалось межъ ними разстояніе.... какъ молнія бросается она къ нему, заключаетъ въ свои объятія, цѣ-

луетъ и невольно обагрѣетъ нѣжное лицо его оленью кровью, которою сама была вымарана. Всѣ засмѣялись — monsieur Henri заплакалъ и обтерся епѣгомъ.

«Послѣдствія сего поцѣлуа были, какъ узнаешь послѣ, весьма важны для monsieur Henri. Вотъ какимъ образомъ, съ помощію нѣкоторыхъ дамъ, научившихъ Самоѣдку, отмстилъ я ему за причиненное мнѣ вчера безпокойство.

«По уничтоженіи оленя, начались, подъ открытымъ небомъ, на сѣнгу пляски и пѣвіе. «Что пѣли Самоѣдки?» спросилъ я одного толмача изъ нашихъ русскихъ крестьянъ. — Да что, сударь? Мы напились и намъ весело, очень весело! вотъ и все тутъ.

«Не утерпѣвъ, рѣшился прокатиться еще разъ на оленяхъ. Для меня запрягли самыхъ лучшихъ. Мингомъ пролетѣли двѣ версты.

«Въ этотъ день дѣлали для насъ, въ Семжѣ, вечернику. Бывало, на прежнихъ всегда открывалъ балъ первый мезенскій танцоръ monsieur Henri, подъ вокальную музыку: кричи: *гуси, домой! кричи, лебеди, домой!* Танцы давно уже начались, а monsieur Henri нѣтъ, какъ нѣтъ. — «Гдѣ же онъ?» спрашиваю я. — Въ сѣняхъ плачетъ. — «Отъ чего?» — Да отъ того, что ни одна дѣвица не хочетъ съ нимъ танцевать. — «Почему?» — Да потому, что *нечистая* * Самоѣдка его поцѣловала. — Жаль мнѣ стало бѣднаго monsieur Henri, вышелъ я къ нему въ сѣни, привелъ въ залу собранія, упросилъ дѣвицъ, чтобы танцовали съ нимъ. Просьбу мою уважили: одна дѣвица подала ему руку и онъ запорхалъ какъ Зефиръ, запрыгалъ какъ выжикъ при согласномъ пѣніи: *и я улкой шла, переулкомъ шла, клубокъ нитокъ нашла.*

«И къ намъ возвратилось

«Веселье опять

«И игры и сѣтхи

«Опять начались».

* И самые Самоѣды признають подругъ своихъ и дочерей *нечистыми*.

VI.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

=

ИЮНЬ, 1849.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И .

1. ВЕНЕЦІЯНСКІЙ ПИРАТЬ. *Трагедія въ пяти дѣйствіяхъ.* В. С. Таирова (СП.-бургъ, 1848).

2. ЧЕРНАЯ НЕМОЧЬ. *Русская драма былина въ трехъ суткахъ.* Сочиненіе А. П. Славина (СП.-бургъ, 1849).

Однѣй великій философъ увѣрялъ меня, что мы, Русскіе, въ литературѣ, все прекрасно начинаемъ, во ничего не кончимъ прекрасно — что намъ слѣдовало бы всегда начинать — наше дѣло начальное — писать бы намъ только однѣ первыя половины книгъ, половины романовъ, половины повѣстей, трагедій, комедій, драмъ, даже водевилей: тогда бы литература наша прославилась на весь міръ своей затѣйливостью, блескомъ своихъ идей, изобрѣтеніемъ, гениальностью. Мы не издерживаемъ мыслей нашихъ съ правильною и разсчитанною экономіей, говорилъ онъ, а мотаемъ ихъ и концовъ никогда сводить не умѣемъ: въ первой половинѣ творенія мы уже разорились впухъ; во второй уже намъ нечѣмъ жить — мы въ нищетѣ — изворачиваемся какъ можемъ, и долговъ, сдѣланныхъ вначалѣ, никогда не платимъ, обязанности, принятыхъ логикою въ первой части сочиненія, не

выполняемъ — попадемъ подъ судъ — намъ умъ берутъ въ опеку или налагаютъ на него запрещеніе — а мы кричимъ: судьи у насъ пристрастны!... да у насъ нѣтъ справедливости!... посмотрите, какъ мы богатырски начали!... Въ доказательство основательности своего мнѣнія этотъ философъ разбираетъ передо мною извѣстѣйшіе наши плоды воображенія и писательскаго искусства, и показывалъ, что повсюду конецъ вредитъ началу, что почти нигдѣ нѣтъ правльнаго, изящно и сильно соображеннаго цѣлаго, что генія у насъ хватаетъ всегда только на половину затѣи: начало — удивительное, а конецъ — какъ Богъ далъ!... слабо! вяло! скучно! беспорядочно!... Мы слишкомъ горячимся: тотъ, кто бы выучилъ насъ тише ѣхать, былъ бы для насъ полезѣйшимъ учителемъ. Одна изъ умѣйшихъ главъ, какую написалъ Монтанъ въ своей цинической философіи, относится къ тому, какъ вредно горячиться вначалѣ: всѣ неудачи наши въ дѣлахъ, предпріятіяхъ, надеждахъ, въ любви, и даже въ супружествѣ, приписываетъ онъ этой неукротимости права, неспособнаго владѣть собою и дѣйствовать хладнокровно для большого жару. Геній — терпѣніе. Искусство — хладнокровіе. Сила — спокойствіе. Огонь и блескъ — произведенія темнаго и ледовитаго расчета. Восторгъ нигде негодится для того, кто долженъ въ другихъ возбуждать его. Однажды, въ «Лучив», Рубини, добывъ изъ глубины души, изъ пылающихъ пропастей сердца, одну изъ тѣхъ свѣтлыхъ, огненныхъ, электрическихъ нотъ, которыя своимъ пафосомъ потрясаютъ всѣхъ зрителей, обернулся вдругъ къ кулисамъ. «Слава, Рубини! чудо!... какой огонь!... какое несравненное чувство!... сказала вполголоса свѣтлора Г***: ты великъ!... я вся горю!» — «Нѣтъ, не хорошо! отвѣчалъ онъ съ досадой: я съѣлъ только три сырыя яйца; скажите моему человѣку, чтобы поскорѣ явился сюда еще два, а завтра, не забудьте, мы будемъ вѣстѣ кушать устрицы.» И, едва успѣвъ выговорить это, онъ продолжалъ вѣнчаніе съ тѣмъ же патетическимъ увлеченіемъ, съ тѣмъ же кажушимся жаромъ. Вотъ настоящій художникъ! Возьмите въ образецъ его, когда сочиняете.

Въ литературныхъ неудачахъ нашихъ философъ мой обвиняетъ отчасти нашихъ судей искусства — нашу критику — которая, по его словамъ ни хвалить ни бранить не умѣетъ, хоть и пошеромѣнно то превозноситъ на повалъ, то бранится до-небесъ. *Прямизна души вылилось — истинное чувство — неподдѣльная веселость* — вотъ ея любимыя выраженія, всегдашнія формы похвалы, и опытные сочинители вѣрятъ этому: они выдвигаютъ вамъ прямо

изъ души всякія безсмыслицы, хотѣть сами чувствовать, когда должны обдумывать средства какъ бы возбудить чувство въ другихъ, и садятся забавлять васъ, когда имъ самимъ весело: удивительно ли, что они надѣются вамъ только своей рѣвностью и производить въ васъ скуку тѣмъ, что принимаютъ за *неподдѣльную веселость*. Неподдѣльное въ литературѣ, въ искусствѣ — только то, что превосходно поддѣлано. «Что вы такъ скучны?» спрашивалъ кто-то одного великаго комика. «Думаю о томъ, какъ быть очень веселымъ сегодня вечеромъ на сценѣ; не могу попасть на настоящую натуральность.» Нигдѣ не нужно столько разчету какъ въ писанномъ чувствѣ. На то искусство! Риторъ, который хотѣлъ учить ораторовъ и сочинилъ знаменитое правило: *хочешь ли, чтобы я плакалъ?... плачь самъ прежде!* — выразился неточно. Слѣдовало сказать: *притворись мастерски, будто самъ плачешь*. Если бы ораторъ вправду расплакался, слушатели его навѣрное бы расхохотались.

Твореніе господина Тамрова, «Венеціанскій пиратъ», вполне оправдываетъ строгія сужденія моего великаго философа. Я душевно сожалѣю объ этомъ: потому что до половины книги тутъ есть большой драматическій талантъ — неопытный — неловкій — безъ слогу — безъ отдѣлки въ подробностяхъ — но тѣмъ не мѣнѣе отличный талантъ. Въ первомъ актѣ уже есть идея, полная на будущее время превосходными положеніями и сильными эффектами. Я вспомнилъ моего философа и подумалъ: ну, конецъ дѣлу! начало прекрасно; во второмъ актѣ все это будетъ перепорчено; сочинитель ничѣмъ не воспользуется и всѣ эти драматическія богатства промотаетъ попустыкамъ. Къ удивленію моему, второй актъ оказался еще лучше перваго: авторъ съ примѣчательнымъ истинитомъ сцены, воспользовался всѣмъ, что только могло послужить къ возбужденію глубокаго интересу и къ образованію сильной, плотно запутанной завязки. Читаю третій актъ — и глазамъ своимъ не вѣрю: всѣ эффекты, къ которымъ былъ способенъ сюжетъ, извлечены изъ него натурально, живо, смѣло, даже въ излишество, всѣ характеры возведены на высокую степень драматической живописности — дѣло капить — дѣйствіе разгорячается — ужасъ, состраданіе, любопытство, изумленіе, всѣ элементы драмы подняты на ноги и глядятъ вамъ въ глаза наслаждавшимся волненіемъ. Пропалъ мой великій философъ! думаю я про себя: еще одинъ такой актъ, и вся его система долой; еще пять, шесть ловкихъ сценъ, также естественно протекających изъ предъидущихъ событій, и вся эта великолѣпная завязка развѣ-

жется быстро, ясно, правдоподобно, и мы будем жить первую русскую драму, которую можно выслушать до конца съ поразительнымъ и возрастающимъ интересомъ.

Смѣло, и съ надеждою на господина Тапрова, читаю четвертый актъ.... О! боги!...

Читаю пятый. Книга — изъ рукъ вонъ! Что это такое? Куда дѣвались талантъ, сила, быстрота, движеніе первыхъ трехъ актовъ? Всѣ характеры уничтожены. Всѣ сильно драматическія событія превращены въ шпюности. Всѣ трогательныя черты выданы на жертву несообразностямъ, лишеннымъ даже преимущества новости. Убитые оживаютъ — да еще какъ убитые!... на сценѣ, при глазахъ всѣхъ зрителей. Провалившіеся сквозь землю въ олимпъ концы свѣта выходятъ въ другомъ. Ложные слухи — промахи въ книжалахъ — ошибки въ лицахъ — несчитая грамматическихкихъ ошибокъ, которыми усѣяны всѣ пять актовъ, и о которыхъ не стоило бы труда упоминать, если бы драма была ведена съ искусствомъ и выдержана до конца. Османъ, который сжегъ Александрійскую Библіотеку, не востребилъ бы огнемъ этихъ трехъ первыхъ актовъ съ большею жестокостью, чѣмъ господинъ Тапровъ двумя послѣдними.

Какъ вы думаете, что дѣлаютъ въ этой второй половинѣ драмы, которой первая состоитъ изъ живою и эффектною картиною преступленій правителя одного изъ венеціанскихъ острововъ, занимающагося изъ-подъ-тишка, вмѣсто преслѣдованія пиратовъ, морскимъ разбоемъ въ Адриатическомъ Морѣ?... Сцена превращается въ канцелярію, гдѣ — дѣлаютъ свѣдѣніе — собираютъ справки — чинятъ допросы — оличаютъ документы — пишутъ докладъ — приводятъ къ рукоприкладству — слушаютъ дѣло въ полномъ собраніи совѣта — подаютъ голоса — судятъ — и судить не умѣютъ!... судятъ вопреки всѣмъ законамъ — не венеціанскимъ, это бы еще не бѣда, а логическимъ, что очень досадно. Прекрасное занятіе для драмы! Вмѣсто игры страстей — безпрестрастїе! Вмѣсто дѣйствія — застѣланіе! Уже лучше бы стѣла играть въ вистъ-преферансъ: можетъ-статья проосерились бы Страсти разыгрались бы по-крайней мѣрѣ!

Конечно, я говорилъ объ этой драмѣ болѣе нежели какъ она заслуживаетъ. Глядя на нее какъ на драматическое произведеніе, она едва стоила упоминанія по заглавію — для отчета — но если взять дѣло съ той стороны, съ которой беретъ сказанный великій философъ, такъ она — очень печальное литературное явленіе

ніе. Значить, мы рѣшительно можемъ сочинить только половину книги?...

Другая драма, которой выставлено здѣсь заглавіе — драма sui generis; такихъ драмъ никогда еще не бывало, это драма *былина*. Видно, этотъ родъ драмъ намѣренъ изображать все такъ, какъ оно было, подобно газетамъ, и со временемъ замѣнить собою Вѣдомости. Она составлена изъ заслуженной повѣсти или *былины* господина профессора Погодина, напечатанной еще въ 1829 году въ «Московскомъ Вѣстникѣ», журналѣ нынѣ совершенно неизвѣстномъ и, кажется, угасшемъ.

Не всѣ, вѣроятно, имѣютъ ясное понятіе о сущности драмы-былины, которая представляеть все, какъ что *было*. Поэтому, необходимо видѣть образчикъ того, какъ это *было* и какъ оно *есть* въ драмѣ. Вотъ какъ было и есть:

«Григорій Ивановичъ.»

«Ну, да... выпьемъ *еще* по чарочкѣ, да пойдемъ-ка закусимъ чѣмъ Богъ послалъ (*Напиваетъ*).

«Чижикъ, чижикъ, гдѣ ты былъ?

«У бурмистра водку пилъ...»

Сваха.

«Благодарствуйте, благодѣтели мои: я и то уже подгуляла.....»
«(*чокается съ Григоріемъ Ивановичемъ, выпиваетъ рюмку, опрокидываетъ ее на голову и, приплясывая, напиваетъ*):

«Чарочки по столыкамъ похаживаютъ,

«Молодець съ молодкою погуливаютъ...»

Все это происходитъ въ драмѣ-былинѣ и нельзя не засвидѣтельствовать, что господинъ Славинъ умѣлъ очень искусно поддѣлаться подъ гевій и тонъ твореній господина Погодина, который прежде всего—историкъ, любить, чтобы все было какъ было, и горой становеть за факты.

Всякій, кто только читалъ это ни съ чѣмъ несравнимое «Путешествіе», согласится, что для драмы-былины оно представляеть гораздо болѣе интересныхъ положеній, чѣмъ эта заслуженная повѣсть, «Черная немочь», принадлежащая къ первымъ опытамъ господина Погодина въ высокомъ и прекрасномъ. Куда какъ онъ сталъ выше и прекраснѣе съ 1829 года!

Но оставимъ *драматичность* — съ позволенія сказать. Вотъ нѣсколько книгъ, примѣчательныхъ въ различныхъ отношеніяхъ, и которыя тожевременнымъ появленіемъ своимъ въ четырехъ концахъ Россіи показываютъ особенное прилежаніе, съ какими

нынче изучаются у насъ предметы законовѣдѣнія и государственнаго хозяйства, основаніе всякаго прочваго успѣху народовъ въ образованности и просвѣщенномъ чувствѣ общаго блага.

1. ИПОТЕКАРНЫЯ СИСТЕМЫ И ВЛІЯВІЕ ИХЪ НА ФИНАНСЫ и вообще на государственное благосостояніе. Сочиненіе П. Дегаля. (СПбургъ. 1849.)

2. ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РАЗЪИСКАНІЙ О СЛѢДСТВЕННОМЪ И УГОЛОВНОМЪ ПРАВѢ ВЪ РОССІИ. Сочиненіе профессора Ришельевского Лицея, Владиміра Линовскаго (Одесса, 1849.).

3. ОПЫТЪ НАЧЕРТАВІЯ ГРАЖДАНСКАГО СУДОПРОИЗВОДСТВА ПО РОССІЙСКИМЪ ЗАКОНАМЪ. Сочиненіе Логина Камбека, адъюнкта-профессора римскаго права при Императорскомъ казанскомъ университетѣ, переведенное съ нѣмецкаго и дополненное замѣчаніемъ Льва Камбека (Казань, 1848.).

4. КРИТИКО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАВІЕ ОБЪ ИТАЛІЙСКОЙ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ до начала девятнадцатаго вѣка (Москва, 1849.).

Каждое новое сочиненіе П. И. Дегаля имѣетъ преимущество обратить народное вниманіе на который нибудь изъ самыхъ важныхъ вопросовъ законодательства, на одинъ изъ тѣхъ предметовъ, которые состоятъ въ ближайшей связи съ государственнымъ благоденствіемъ. Этотъ послѣдній трудъ основательно ученаго и трудолюбиваго пера его сближаетъ насъ съ существовавшюю статью гражданскаго благоустройства, угловымъ камнемъ всего порядку въ промышленности и торговлѣ, всего ихъ процвѣтанія. Задача о лучшемъ устройствѣ частнаго долговаго кредита занимаетъ давно многіе превосходные умы въ Европѣ и достойна всей ихъ проникательности: дѣло идетъ о безопасности займодавцевъ и обузданіи страсти къ дѣланію невыплатныхъ долговъ, составляющей опаснѣйшій изъ развратовъ при нынѣшнемъ рѣшительномъ направленіи обществъ къ умноженію вещественнаго благосостоянія посредствомъ предпріятій и улучшеній всякаго рода. Система обезпеченій, или ипотека, умно и безпристрастно соображенная, должна служить всему этому опорой и оградой. Мудрости человѣческой не дано быть совершенной, и донынѣ всѣ европейскія ипотекарныя системы далеко неудовлетворяютъ своей великой цѣли. Первая изъ всѣхъ, или болѣе всѣхъ прокричанная, именно, французская система, быть можетъ—самая недостаточная; во всякомъ случаѣ—самая несправедливая.

Знаменитый русский законовѣдѣцъ проходитъ всѣ извѣстныя порядки ппотекарной части, по существу своему чрезвычайно сложной и сопряженной съ множествомъ разнородныхъ уваженій, съ тѣмъ превосходнымъ взглядомъ философа и опытнаго знатока, съ той сильною и чистой логикою, которымъ отличаются всѣ его сочиненія.

Слѣдственное уголовное производство въ его историческомъ отношеніи — также предметъ необыкновенно любопытный, особенно въ нашемъ образующемся законодательствѣ, которое въ послѣднее время сдѣлало такіе исполнискіе шаги на пути усовершенствованій и непрерывно подвигается впередъ введеніемъ новыхъ, прекрасныхъ, человѣколюбивыхъ положеній. Господинъ профессоръ Ливовскій съ твердымъ теоретическимъ изученіемъ умѣлъ соединить въ своемъ «Опытѣ» превосходный практическій взглядъ, безъ котораго историческія изслѣдованія законодательныхъ отдѣловъ производятъ одну только сухую и бесплодную эрудицію. Образованному гражданину нельзя не стараться пріобрѣсть вѣрное понятіе о части, которой обезпечены безопасность его лица и его чести передъ лицомъ юстиціи. Книга господина Ливовскаго въ состояніи просвѣтить вполне на этотъ счетъ.

«Опытъ начертанія гражданского судопроизводства» по нашимъ законамъ, вышедшій въ Казани, былъ по-видимому первоначально написанъ и изданъ господиномъ профессоромъ *Логиномъ Камбекомъ* на нѣмецкомъ языкѣ. Эту книгу, которой цѣль мы сейчасъ увидимъ, господинъ *Левъ Камбекъ* издалъ нынче по-русски съ примѣчаніями. Господинъ *Логинъ Камбекъ*, изучая русское гражданское право въ чисто ученое, философско-юридическомъ отношеніи, былъ пораженъ превосходствами нашего судопроизводства и желалъ показать иностраннымъ юристамъ теоретическую красоту началъ, на которыхъ оно основано. Удивительное дѣло: предки наши, люди прямые, но неученые, угадали чистыя отвлеченныя начала гражданского судопроизводства лучше всякихъ юридическихъ философвъ и геллертеровъ! Ученое обработываніе предмета одно доказало господину Камбеку, что недостатки, въ которыхъ уврекаютъ наше судопроизводство, происходятъ, *не отъ началъ законодательства*, въ сущности прекрасныхъ и достойныхъ всякаго одобренія со стороны науки, но *отъ неученаго примѣненія законовъ въ практикѣ*. Надо быть *ученымъ правовѣдцемъ*, чтобы приводить хорошо въ исполненіе законы, писанные неучеными, но умными людьми. Противъ этого, нигде, конечно,

не станетъ спорить: просвѣщенное и образованное юридическое сословіе — вѣрнѣйшее совершенство всякаго судопроизводства. Это — скобель и долото, которымъ нужно только уметь владѣть: знающая и искусная рука можетъ помощью ихъ сдѣлать самую удивительную утварь изъ того же куска доски, который въ грубой, и невѣжественной лапѣ превратится весь въ стружки и щопки. Я боюсь, что господинъ Камбекъ *ученою обработкою предмета* не доказалъ ничего болѣе. Тѣмъ не менѣе книга его очень учена, любопытна и благонамѣренна.

Политическая экономія родилась въ Италіи — тамъ, гдѣ она донынѣ почти неизвѣстна — гдѣ даже была запрещена еще недавно. «Критико-историческое изслѣдованіе» старой италіанской литературы въ политико-экономическомъ отношеніи, р. зрѣтіе этихъ первыхъ семянъ науки, нынѣ богато разросшейся на европейской почвѣ, хотя еще и несозрѣвшей, разборъ этихъ первыхъ мечтаній о народномъ богатствѣ, иногда удачныхъ, но болѣею частью грубыхъ и странныхъ, не чужды занимательности. Видъ различныхъ преобразеній всякой философической мысли всегда поучителенъ. Наука, ищущая ее предметомъ, въ каждую эпоху, отдѣльно взятую, есть только послѣднее преобразеніе этой мысли. Если бъ языкъ и слогъ сочиненія соответствовалъ занимательности сюжета, книга могла бы интересовать очень многихъ образованныхъ читателей. Но это — одинъ изъ тѣхъ темныхъ научныхъ діалектовъ, въ которыхъ уши извѣстной школы находятъ особенную гармонію, и выразительность, непостижимую внѣ ея круга.

«Изслѣдованіе» написано съ чисто-академической цѣлью, собственно для полученія докторской степени. По одному уже этому оно не касается до литературной критики. Но можно привести чтѣ-нибудь изъ него: выписка покажетъ и преимущества и недостатки изложенія.

Авторъ говоритъ о политико-экономическихъ понятіяхъ древнихъ великихъ мыслителей, Ксенофонта, Платона, Аристотеля, Цицерона, и изъ ихъ мнѣній выводитъ слѣдующія положенія, которыя вся классическая старина приняла за основныя истины:

• 1) Ремесла составляютъ занятіе, недостойное гражданина, потому что они безобразятъ тѣло и отнимаютъ свободное время; следовательно гражданинъ дѣлается неспособнымъ къ войнѣ и бесполезнымъ для государства.

• 2) Земледѣліе, напротивъ, укрѣпляетъ тѣло и не безобразитъ его, есть занятіе почтешное.

• 3) Военное искусство, доставляя возможность победы надъ врагами государства, должно составлять существенный предметъ, воспитанія (на чемъ особенно настаиваетъ Платонъ), и необходимое условие образованія каждого гражданина.

• 4) Торговля, разъединяя интересы частныхъ лицъ съ интересами государства, и творя для нихъ другую цѣль, кромѣ цѣли послѣдняго, была презираема и гонима ими. Противъ нея вооружается и Платонъ, и Аристотель, который признаетъ ея настоящую форму неестественнымъ способомъ мѣны.

• 5) Но, клеймя такимъ позоромъ два источника народнаго богатства, нужно было замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь для того чтобы существовать по человѣчески: стремленіе къ высшему развитію было сильнѣе предрасудковъ, а потребности, порожденныя имъ, настоятельно требовали себѣ удовлетворенія. Замѣну эту представляло рабство, признаваемое Аристотелемъ не только естественнымъ, но и сообразнымъ съ истинною справедливостію, потому что у рабовъ — другая натура, рабская.

• 6) Древніе также были далеки и отъ правильнаго пониманія основнаго начала общества: они придавали слишкомъ много значенія произволу человѣка. Такъ — они отрицали безусловную цѣнность денегъ и признавали зависимость ихъ отъ воли человѣка, который, по ихъ мнѣнію, даетъ имъ значеніе только тѣмъ, что соглашается принимать ихъ известнымъ образомъ. Это соглашеніе проявляется въ государственныхъ опредѣленіяхъ и постановленіяхъ, во власти которыхъ и находится цѣнность денегъ, и право опредѣлять ихъ цѣну.

• Вся эта система мнѣній греческихъ писателей, цѣлкомъ перешедшая потомъ въ убѣжденіе Римлянъ, свидѣтельствуетъ о поверхности ихъ взгляда на экономическія явленія: они не умѣли въ нихъ отличить дѣйствительнаго отъ необходимаго, и современное имъ принимали за рациональное. Основавшись такимъ образомъ на ложныхъ началахъ, они были послѣдовательны въ ихъ развитіи и примѣненіи. Не будучи глубоки, они были логичны.

• Италіянскіе писатели, пользовавшіеся ими, усвоивали себѣ главные положенія ихъ ученія и въ самомъ меркантилизмѣ можно замѣтить ихъ вліяніе. Большая часть мнѣній его составляетъ только отраженіе, нѣсколько извращенное тѣхъ же идей, которыя господствовали въ древности. Измѣненіе произошло само собою въ слѣдствіе иныхъ требованій времени, но основа осталась та же: такъ презрѣніе къ ремесламъ принимаетъ форму цеховыхъ

• стѣсненій вмѣсто прежнихъ отношеній рабскихъ; земледѣліе, воен-
 • ное искусство, деньги занимали тоже мѣсто въ общественномъ
 • мнѣніи, и одно только различіе въ системѣ экономическаго воз-
 • зрѣнія этихъ двухъ эпохъ — представляетъ намъ — торговля.
 • Презираемая и почти гонимая въ древности, — въ новомъ мі-
 • рѣ она принимаетъ на себя роль повелительницы судебъ на-
 • родныхъ, указываетъ путь государственной политикѣ, рѣшаетъ
 • судьбу частныхъ учрежденій и обуславливаетъ собою коллек-
 • тивную дѣятельность страны; но замѣтимъ, что самое это раз-
 • личіе не такъ безусловно, какъ представляется съ перваго ра-
 • за. Такимъ почетомъ пользовалась только торговля внѣшняя, оп-
 • товая, только ея вліяніе было признано и уважаемо: мелкіе торгов-
 • цы не пользовались ни тѣмъ, ни другимъ; они подвергались все-
 • му презрѣнію, всѣмъ непріятностямъ, которыми невѣжество
 • всегда считаетъ вправѣ обременять этотъ классъ производител-
 • лей; и въ древности было тоже самое касательно послѣднихъ: оп-
 • товая торговля и тамъ не считалась занятіемъ слишкомъ достой-
 • нымъ презрѣнія, напротивъ за нею признавалась кое какія за-
 • слуги. Но самое разительное сходство экономическаго воззрѣнія
 • обѣихъ этихъ эпохъ, по крайней мѣрѣ, какъ оно проявляется
 • въ литературѣ той и другой, это—духъ государственнаго ути-
 • литаризма. Въ первыхъ экономическихъ сочиненіяхъ новаго
 • времени, какъ у Италіанцевъ такъ и у Англичанъ и у Фран-
 • цузовъ, мы встрѣчаемъ постоянно ту мысль, что человѣкъ су-
 • ществуемъ для государства, что всѣ мѣры послѣдняго должны
 • быть предписываемы общею пользою, общею выгодой, опре-
 • дѣляемою извѣстною государственною цѣлью и сознаниемъ ея
 • въ умѣ общественной власти: частный интересъ, выгода отдѣль-
 • ныхъ лицъ не могла быть принимаема во вниманіе; гражда-
 • нинъ существуетъ вполнѣ для своего отечества, передъ кото-
 • рымъ онъ бозпомощенъ и безотѣтенъ. Здѣсь патриархальный
 • способъ воззрѣнія перепесенъ изъ сферы семейства въ сферу го-
 • сударственно общественныхъ отношеній, имѣющихъ въ сущно-
 • сти свои особые законы и развивающихся по другимъ нача-
 • ламъ нежели начала семейныя.»

Если бъ я имѣлъ удовольствіе присутствовать при публичномъ
 защищеніи авторомъ всѣхъ этихъ тезисовъ, я позволилъ бы себѣ
 сдѣлать на нихъ разныя возраженія. Особенно, не знаю, чѣмъ
 опровергъ бы онъ многіе юридическіе и каменописные памятни-
 ки, доказывающіе существованіе въ римскихъ владѣніяхъ, много-
 численныхъ, важныхъ и богатыхъ цеховъ, весьма похожихъ на

англійскія conjugations, и которыхъ начало относить онъ произвольно къ новѣйшимъ италіянскимъ государствамъ?... Но я забываю, что политическая экономія — собственно отрасль поэзій. Это — поэзія капитала. Строгая ученая точность въ ней излишня.

Но—Богъ съ вами. Отвернемся отъ чужихъ вздоровъ, которые, къ счастью, до насъ не касаются. Вотъ книга, по заглавію незначительная, для вигородскихъ не представляющая никакого особеннаго значенія:

АНГЛІЙСКІЕ УРОКИ И. Гасфельда. *English Lessons* by John Hasfeld (СПбурзь, 1849.).

Но петербургскіе жители знаютъ, что это значить. Надъ всѣмъ пространствомъ этой огромной столицы, отъ Выборгской до Екатерингофской Заставы, и отъ Галерной Гавани до Александровскихъ Мануфактуръ, паритъ слава господина Гасфельда, какъ одно изъ искуснѣйшихъ и дѣлательнѣйшихъ пасаждателей англійскаго языка, и вѣчно гремитъ она, уже десять или пятнадцать лѣтъ, въ безчисленныя бумажныя трубы изъ свернутыхъ афишекъ, объявленій и прибавленій. И никто не оспариваетъ торжества его, развѣ одинъ господинъ Турнерелли, который тоже, какъ гласитъ крылатая молва, дѣлаетъ чудеса съ англійскимъ языкомъ. Господа Гасфельдъ и Турнерелли въ состояніи въ три, четыре урока, выучить стулъ объясняться на англійскомъ языкѣ не хуже Шекспира. Вы навѣрное слышали объ этихъ волшебныхъ методахъ скоропостижнаго обученія языкамъ и наукамъ, изобрѣтенныхъ остроумными людьми въ новѣйшее время — объ этихъ чародѣйскихъ способахъ наводнять свѣтъ всякою мудростью, гдѣ наставникъ становится передъ вами — произносятъ какія-то непонятныя рѣчи — чертятъ на доскѣ какія-то подозрительныя фигуры, и — разъ! два! три! — вы вдругъ говорите по англійски — разъ! два! три! — вашъ англійскій языкъ превращается въ географию — разъ! два! три! — вмѣсто географіи вы понимаете Адъ, Чистилище и Рай Данте, читаете по-италіянски, пишете, и притомъ еще каллиграфически, сонеты достойные Петрарки, умѣвъ дотога чертить кое-какъ однѣ только каракули — разъ! два! три! — италіянскій языкъ въ вашемъ рту становится китайскимъ или шведскимъ — разъ! два! три! — вы изучили все, что только дано знать человѣку — разъ! два! три! — и вы ничего не знаете: остались въ дуракахъ, изъ которыхъ недавно воспарили, казалось, такъ высоко и такъ благополучно. Это не шутка. Многие собствен-

ными глазами видѣли, да самъ я видѣлъ, непостижимыя явленія въ этомъ родѣ: до того, что однажды пришло мнѣ въ голову выучиться въ три урока вавилонскому діалекту, на которомъ говорили при закладкѣ Столпотворенія. И въ-самомъ-дѣлѣ, одинъ изъ счастливыхъ обладателей самой волшебной и самой прославленной изъ такихъ методъ совершилъ это чудо. Для перваго урока онъ задалъ мнѣ всю грамматику: вы представить себѣ не можете такихъ запутанныхъ и ужасныхъ вавилоновъ, какъ явилъ, учившія этихъ людей ясно говорить и правильно писать! Собственно, это была халдейская грамматика: полагается, въ Вавилонѣ языкъ этотъ былъ господствующимъ. На второй урокъ онъ назначилъ мнѣ выучить наизусть весь халдейскій словарь, въ трехъ томахъ in-folio. На третій, перевести всю Библию съ халдейскаго на вѣмецкій. Я бился — бился — и не успѣлъ: памяти не хватало!... Учитель не виноватъ: онъ выучилъ; да я не выучился, за недостаткомъ способности къ языкамъ.

Метода господина Гасфельда, пользуется здѣсь знаменитостью, почти равною знаменитости этой прославленной методы, но только она не такъ быстра. Господинъ Гасфельдъ тѣше ѣдетъ—двадцать сутокъ, или уроковъ, не менѣе: зато куда какъ далеко онъ забѣгаетъ! и до какой прочности результатовъ доходитъ! Въ первомъ урокѣ, начинаете вы со складовъ — съ англійскаго произношенія буквъ — въ двадцатомъ вы уже бѣгло судите на англійскомъ языкѣ о ростбифѣ — пьете портвейнъ стаканами — чокаетесь — и разсуждаете объ истинныхъ началахъ пломпудинга, genuine principles, съ основательностью достойною члена верхняго парламента.

==

НОВЫЯ ВРОШЮРЫ.

Дачники, или какъ должно жить на дачѣ. Разсказъ въ видѣ наставленія или наставленіе въ видѣ разсказа, необходимое для всѣхъ жителей и посѣтителей дачъ (СПбурзь, 1849). — Два листа макулатурной бумаги, сложенные въ тридцать-вторую долю и оклеенные свѣтло зеленой оберткой. Сочиненіе — не то чтобъ медицинское — да и не агрономическое — во всякомъ случаѣ не литературное, не смотря на увѣреніе обертки, что будто это разсказъ. Послѣ нѣсколькихъ капель горькаго остроумія, развѣдѣннаго въ приторномъ слогѣ и общихъ мѣстахъ, авторъ выно-

дѣтъ изъ своего *разказа* три великіе афоризма, а именно, что на дачѣ надо ѣсть только три раза въ сутки; въ каждый разъ — только три блюда; и одѣваться по-теплѣе. Заключение: «Позвольте, Леонидъ Николаевичъ, поблагодарить васъ отъ всего сердца за ваше полезное наставленіе». Въ слѣдствіе чего, господинъ Поляковъ, издатель *полезнаго наставленія*, овладѣваетъ заднею страницею зеленой обертки и рекомендуетъ всѣмъ и каждому своей книжный магазинъ.

СРЕДСТВО ЛЕЧИТЬ БОЛѢЗНИ СМѢСЬЮ *французской водки съ солью*. Переводъ съ нѣмецкаго четвертаго изданія В. Зейберлига (СП.бургъ 1849). — Великій Виліямъ Лей, или Виліямъ Ли (Lee) англійскій врачъ, открылъ первый лечебную силу коньяку. Долго и съ постояннымъ успѣхомъ лечилъ онъ разныя наружныя болѣзни смѣсью этой водки съ солью. Потомъ пришла ему въ голову счастливая мысль: если принять коньякъ внутренно, то есть, налить въ рюмку и выпить залпомъ, а солью посыпать хлѣбъ и закусить этимъ, составнымъ тѣломъ, не подѣйствуетъ ли это благотѣльно на внутреннія болѣзни?... Опытъ, успѣхомъ своимъ, превзошелъ всѣ ожиданія. Отъ этого простаго и въ высшей степени естественнаго лекарства въ короткое время исчезло множество внутреннихъ болѣзней, сопротивлявшихся дотогѣ всѣмъ методамъ врачеванія, самымъ сильнымъ и самымъ испытаннымъ лечебнымъ средствамъ, даже искусственнымъ минеральнымъ водамъ. Минеральныя воды, и естественныя и искусственныя, отнынѣ впредь стали не нужны. Оказалось, что можно, съ отличнымъ результатомъ, производить курсъ леченія коньякомъ и солью, подобный курсамъ минеральныхъ водъ: каждое утро выпивать, сначала по рюмкѣ этой превосходной водки, потомъ по двѣ, по три, и такъ далѣе, до осьми и девяти. Совсѣмъ другая жизнь рождается въ человѣкѣ! Здоровье цвѣтеть накомъ. Самыя удивительныя идеи роятся въ головѣ, наполненной дивнымъ «оберверкомъ» некрystalаго обѣту. Коньякъ имѣетъ то важное преимущество передъ всѣми водами, даже и передъ искусственными, что воды, для дѣйствія своего, требуютъ непременно отъ пациента безпрѣдѣльной веселости, наводя на него скуку своей монотоніей и своей музыкой, и забвенія болѣзни, поминутно напоминая ему объ ней своимъ отвратительнымъ вкусомъ, тогда какъ тутъ и веселость и полное забвеніе болѣзни заключены въ самомъ лекарствѣ, не имѣющемъ даже и виду лекарства.

Описаніе этихъ чудесъ имѣло уже четыре изданія въ Германіи.

ТОЧНѢЙШЕЕ ОПИСАНІЕ ПРИЗНАКОВЪ БѢШЕНСТВА СОБАКЪ и другихъ домашнихъ животныхъ, составилъ О. С. Пашкевичъ, *Придворный ветеринарный врачъ*, и прочая (СПб., 1849). — Авторъ, въ этомъ маленькомъ сочиненіи, представляетъ сводъ разныхъ наблюденій, замѣчаній и статей о бѣшенствѣ, разбросанныхъ въ журналахъ и потеряннымъ для домохозяевъ, которымъ такъ нуженъ этотъ родъ свѣдѣній. Любители собакъ должны прежде всѣхъ познакомиться съ благонамѣреннымъ трудомъ господина Пашкевича для безопасности и своей и своихъ знакомцевъ.

ЖИЗНЬ И ЗАБЛУЖДЕНІЯ ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ, объясненные въ моральному и религиозному отношеніяхъ. *Совѣты чадолюбиваго отца юношеству мужескаго пола.* Съ нѣмецкаго Г. Б. (СПб., 1849). — Нравоученія эти, прекрасныя, преблагодѣтельныя, которыхъ неисчислимая полезность можетъ сравниться только съ ихъ несказанною скукою, имѣютъ форму писемъ отца къ сыну. Рукописныхъ, собственноручныхъ, подлинныхъ писемъ такого содержанія отъ батюшекъ сыновья обыкновенно не читаютъ, хотя въ концѣ такихъ посланій чадолюбивые отцы имѣютъ нескони похвальную предосторожность прилагать десятка два сърыхъ государственныхъ кредитныхъ билетовъ. Не вѣроуатно, чтобы письма чадолюбиваго отца юношества мужескаго пола, печатныя и, притомъ, переводныя съ нѣмецкаго, безъ всякихъ приложений, удостоились отъ нихъ нѣжнѣйшаго вниманія. *Юношество мужескаго пола* ничего не читаетъ нынче, изъ важной печати, кромѣ романовъ, а изъ поучительныхъ рукописей, кромѣ любовныхъ записокъ.

==

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Смирдинъ, продолжая свое «*Полное собраніе русскихъ авторовъ*», издалъ недавно два тома «*Сочиненій Измайлова*» — страннаго «автора» — добраго человѣка — забавнаго журналиста, котораго память сохранилась болѣе въ воспоминаніяхъ друзей чѣмъ въ литературѣ, хотя онъ и оставилъ ее еще такъ недавно. О содержаніи этихъ двухъ томовъ вѣ объ Измайловѣ мы поговоримъ вскорѣ.

— «*Славянская хрестоматія*» господина Пеннсакаго вышла пятимъ изданіемъ.

==

ИЮЛЬ, 1849.

=

Н О В Ы Я К Н И Г И .

=

КОМЕДИЯ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. Н. Кроля (С.-Петербургъ, 1849, въ 8., стр. 124).

Сушая комедія! «Горе отъ ума» въ русскомъ переводѣ — безъ правописанія — безъ грамматики. И какой еще языкъ! Ужасно — я ошибаюсь: ужасно подумать!.... такъ именно выражается переводчикъ на своемъ нарѣчій. Любуюсь на своего героя, который — съ позволенія грамматики сказать — не знаетъ своего, самъ онъ въ удивленіи и спрашиваетъ себя:

«Иль послѣ Чацкого у насъ чрезъ двадцать лѣтъ
Явилось подражанье?»

Какъ, подражаніе?... Не подражаніе, а копія — снѣжокъ — сколокъ — золотой чеканъ Грибоѣдова въ оттискѣ на горшечной глинѣ — горемычная пародія его остроумія, его приемовъ, его походки, его созданія — наляпавшая на его изящную работу, слѣпка риди, куча вязкаго, сальнаго спуска, на которомъ, при неблизкомъ зрителѣ, остались частицы золота и жемчугу, живьемъ оторванныя отъ подлинника.

Т. ХСѢІ. — Отд. VI.

«Все жъ интересно оны!»..

Нисколько, увѣряю васъ! Напротивъ, скученъ какъ подражаніе—по самой меньшей мѣрѣ; но этого слишкомъ мало: несносенъ, нестерпимъ, надобѣдливъ, какъ неумѣстное повтореніе старой шутки — и притомъ неловкое, неопытное повтореніе. Надо же быть одареннымъ такою удивительною изобрѣтательностью! Взять весь планъ для своей комедіи изъ своенравной драматической выходки Грибоѣдова, въ которой нѣтъ ни плана ни комедіи. Для созданія характеровъ обобрать его дѣйствующія лица, между тѣмъ какъ у него характеры не развиты, не пущены въ ходъ, не употреблены въ дѣло по требованіямъ предмета и правиламъ искусства. Образцомъ занимательности и комическаго дѣйствія принять твореніе, гдѣ болтаютъ прелестно, но дѣйствуютъ въ разбродъ и ровно ничего не дѣлаютъ для возбужденія интереса. Всѣ недостатки сочиненія Грибоѣдова подхвачены и сохранены съ рабскимъ подобострастіемъ. Всѣ его сцены скопированы, и даже расположены въ томъ же порядкѣ. Всѣ его лица—тутъ на лицо; воспроизведены по точному списку, и только переряжены. Фамусовъ, этотъ рѣзкій, неподражаемый тивъ, является въ безобразномъ образѣ князя Вронскаго, который, передразнивая во всемъ своего идеала, не забылъ даже и памятной книжки Фамусова. Ренетилловъ, это—Хмуровъ, съ особеннымъ прибавленіемъ въ несчастномъ образѣ Игрескаго. Молчаливъ, это—докторъ Райскій, домашній другъ Вронскихъ. Софія перемѣщена въ княгиню Вронскую, и, изъ квашни воображенія господина Кроля, вышла недопеченною Целеменной. Чацкій перестряпанъ въ Изерскаго, который, какъ я уже имѣлъ честь вамъ докладывать, *не знаетъ свѣтъ*, а между тѣмъ пишегъ повѣсти, да критикуетъ городское общество мыслями героя «Горя отъ ума», и почти его словами—бѣдвое и блѣдное созданье, пришедшее на свѣтъ, безъ нужды, на философическихъ ходуляхъ Чацкаго, в удаляющееся со сцены, безъ спросу, неудавшимся Альцестомъ. Не забыты даже, ни Хлестова, въ лицахъ Хлыстовой и Хлыстиной, ни горничная Софія, ни балъ «Горя отъ ума», превратившійся въ литературно-танцевальный вечеръ графини Польской, ни княгиня Тугоухова, ни прочіе гости того же «Горя отъ ума». Словомъ, сколокъ вѣренъ до ужаснѣйшей точности—все изобрѣтеніе образа изобрѣтено извова подражателемъ — весь разиѣръ и покрой, всѣ комическія замашки, всѣ лучшія остроты и удачнѣйшія шут-

ки подлинника повторены буквально въ переводѣ—весь умъ Грибоѣдова, все грибоѣдовское искусство, все твореніе Грибоѣдова, коротко сказать, весь Грибоѣдовъ — тутъ на-лицо... кромѣ самого Грибоѣдова; кромѣ его смѣлой и свободной оригинальности; кромѣ его смертельнаго сарказма, его гениальной хандры, его лучезарной вспышки, его жалающей и растрavляющей ѣдкости; кромѣ его удивительнаго дару наблюденія, его умѣнья живописать съ натуры, его ловкости выражать многое въ немногихъ словахъ; кромѣ его пылкаго, рѣзкаго, могучаго слова, его чудесной русской рѣчи, его прелестнаго стиха, его всегда нечаяннаго обороту въ мысли и выраженіи; кромѣ той силы неожиданнаго и вѣрнаго удара, которая долбитъ гранитъ и остается на вѣки неизгладимымъ клеймомъ времени; наконецъ, и главное, кромѣ огромнаго нравственнаго значенія всей его несравненной выходки противъ тогдашняго общества, гдѣ среди гнѣву, досады, капризнаго негодованія, забыты и попрапы въ тысячѣ высреннихъ ошибокъ, и блестящихъ промаховъ все правила искусства, все условія сценическаго интересу; словомъ, кромѣ всего, что составляетъ Грибоѣдова и дѣлаетъ его неподражаемымъ въ отечественной литературѣ, незабвеннымъ на Руси, безсмертнымъ въ языкѣ. Въ числѣ прелестей творенія Грибоѣдова одна изъ самыхъ очаровательныхъ состоитъ въ томъ, что поэтъ не знаетъ самъ, чего онъ хочетъ, въ кого мѣтить и что намѣренъ опрокинуть; и читатель поэтому остается въ сомнѣніи, насмѣхается ли авторъ надъ своимъ героемъ, Чацкимъ, или считаетъ этого остроумнаго чудака образцомъ общественной мудрости. У господина Кроля нѣтъ и того искусственнаго интересу неясности цѣли: каждый видитъ, куда онъ стремится и чего ему хочется: ему хочется только подражать Грибоѣдову! Плохое средство занимательности. Хотите ли видѣть, какъ онъ подражаетъ? Явленіе первое.

князь вронскій.

Такъ такъ-то, сударь мой; святая старина!

райскій.

Не въ шутку сердитесь на наши времена;
Но худо и добро шла объ руку изстари.

вронскій.

Нѣтъ, мелочь въ старину не мѣтила бить въ баре.
Былъ истинно златой, не позлащенный вѣкъ!

Съ педальной роскошью бывади не знакомъ,
 За вѣстными не гнался незнатный человекъ;
 Богатствомъ, щедростью, вельможъ блистади домы,
 Другъ средній былъ не то; скромненько, сударь жидъ.
 И мотовствомъ дивить не думалъ свѣта нищидъ
 Въ то время выскочка кого бъ не разсмѣшилъ.
 Умы проворливѣй и нравы были чише!
 А иначе? иначе, а? взгляните-ка кругомъ,
 Что видишь ежедневно!

Блаженной памяти, передъ своимъ концомъ
 Покойница жена, Гдикеря Александра,
 Сказала правду мнѣ: ой, князь, остерегись,
 И если на вѣку дастъ Богъ еще жениться,
 Въ столицахъ не женись —
 Тебѣ въ нихъ не ужиться.
 Миръ праху твоему! въ послѣдній видно часъ
 Судьбу мою твое провѣдало сердечко.
 Вглянула, обняла меня въ послѣдній разъ,
 И съ тѣмъ покойница угаснула какъ свѣчка.

(Оттираетъ слезу)

А я-то, я глупецъ, поди, поди старость лѣтъ
 Задумалъ волочиться;
 Ударился во все, пустился рыскать въ свѣтъ:
 Вотъ стараго бобра и поимала лѣвица.

РАЙСКІЙ.

Въ клягивѣ вы нашли достойный образецъ
 Ума и красоты и чувствъ и воспитанья.

ВРОНСКІЙ.

Все такъ, да въ свѣтъ-то, что шагъ, то сорванецъ.
 А женщина, она вѣдь слабое созданье.
 Гдѣ дунулъ вѣтерокъ, туда и улетитъ!
 Чи это ль принимать должны за просвѣщенье?..
 Въ манерахъ и въ рѣчахъ повсюду развращенье.
 Посмотришь, право стыдъ
 Съ мужчинами ввелось какое обращенье!
 Теперь,—любой изъ дамъ,—при васъ и при другомъ,
 При сотомъ, при десятомъ,—
 Не значить ничего, случись при колѣстѣхъ,
 Случись при женатомъ,
 Скуровку раскустить, когда съ талью джеть,
 Или въ гулянь гдѣ, когда опрость народъ—

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕГЕНДА.

И дань вѣсть себя должно чинъ боя строго;
Съ мужиной вольности не позволять никакъ.
Любая, не стыдась, подставить этакъ ногу,

(вытлевается само)

И скажетъ вамъ, смѣясь, «поправьте мнѣ башмакъ».

Ну долготъ до бѣды! Свѣтъ знаю я немощко.

Вѣдъ молодъ самъ бывалъ! —

Случилъ уютнай да пухленькая юбка,

Неволью бы похалъ!

И жмутъ, бударъ, и жмутъ! — А разговоръ въ гостиницѣ!

Послушайте о чѣмъ тамъ судить модный кругъ!

А книги, книги-то! — развратъ умовъ, сердець,

Издадя новыхъ школъ, — романы да романсы.

А пласки модныя! Какія, мой Творецъ

Изобрѣли прыжки и всякія кадансы!

Когда-бъ ни этотъ мнръ, хотя однинъ глазкомъ,

Взглянула ты моя Гликерья Алексѣвна;

Ужъ погрозилабъ мнѣ, — да цѣлымъ кулакомъ! —

Покойница подъ часъ, куды бывала гѣвна!

РАЙСКІЙ.

За что же это, князь?.. Вѣдъ поводу вамъ нѣтъ

Княгиню обвинять и на нее сердиться.

ВРОНСКІЙ.

За то, сударь, за то, что не бросаю свѣтъ;

Не їду изъ столицы;

Балую женщину, а самъ я въ дуракахъ:

Ке мнѣ вѣрными нѣтъ, ко мнѣ неуваженья!

Подите, чай теперь, ужъ есть тамъ вертопрахъ,

Издаде этого пустого покоянья.

РАЙСКІЙ.

Едва ль не хуже, князь, стѣснятъ полеть души,

Заставитъ женщину вѣкъ скукою томиться?

ВРОНСКІЙ.

Да развѣ не живутъ и счастливо въ тиши?

Ужели только свѣтъ что здѣсь, у васъ, въ столицѣ.

Живутъ, и какъ живутъ, — смотрите-ка?... Къ тому жѣ

Деревня у меня обширное угоды.

Я, сударь, здѣсь вдовецъ; я, сударь, здѣсь не мужъ.

А танъ-то у меня природа, плодородье...

Вотъ дѣти бѣ — ну, дѣтими и могъ бы привязать —
Дѣтей-то гдѣ ихъ взять?

.....
О Господи, услышь! продли и возвеличь
Нашъ родъ, старинный родъ, съ лица земнаго стертый
Безплодіемъ monkъ двухъ тетушекъ дѣвицъ!
Нашъ славный предокъ былъ одно изъ первыхъ лицъ.
Любилъ и жаловалъ его Иванъ Четвертый!
Три вѣка сплошь потому блистаетъ Бронскихъ родъ;
Рядъ стольниковъ, бояръ и храбрыхъ воеводъ!
Но вотъ послѣдними на древѣ родословья
Двѣ тетушки стоятъ, Макрина и Прасковья
И межъ нихъ батюшка означенъ самъ-большой!
Онъ у Потемкина въ чести былъ; да какой!
Свѣтлѣйшій-то вѣдъ князь вельможа былъ прямой!
Фу, что за пышный вѣкъ! какія этакъ лица
Живали на Руси! что за вельможи! да!

.....
И чрезъ свѣтлѣйшаго жъ тогда
Онъ удостоенъ былъ похвалъ Императрицы.
А тетушки мои, въ цвѣтущей ихъ порѣ
Внимание всѣхъ влекли, сказать не безъ причины;
Умѣли показать себя, — да при дворѣ —
Второй Екатерины!

.....
князь вронскій, *одинъ, звонитъ, стодитъ камердинера.*
Возьми листокъ и запиши-ка.

(Диктуетъ, — камердинеръ пишетъ).

«На Невскомѣ, номеръ семь. Забхать въ магазинъ.
Два съ четвертью рубля. Взять баночку мастики,
Для впадинъ и морщинъ».
А у меня, чтобъ чортъ ихъ взял! Смотри-ка!
(Дѣлаетъ передъ зеркаломъ гримасы, старался расправить носу).
Готово? продолжай. «На лѣво по Морской.
Домъ, номеръ триста два. Эмиль Каро, портной.
Онъ мастеръ платьемъ скрыть всѣ въ тѣлѣ недостатки:
Пружинки разные, подушечки, подкладки.
Ужо напомнишь мнѣ. Le bon et vieu sujet!
Всѣ тайны онъ мой привыкъ краинить въ секретъ,

Женѣ, — мужъ молодой, хорошъ и въ неглиже;
 А намъ, при женщинахъ, быть лучше въ туалетѣ.
 - Не помню гдѣ-то мнѣ случилось читать,
 Природы странные законы:
 Что виды вѣшніе на дѣтяхъ отражать
 Способны, будто бы, беременныя жоны.
 Затѣмъ-то вотъ и я.... Прости Господь отца,
 Что въ сынѣ увидать хотѣлъ бы молодца!
 (Слушь) Ну хорошо, или!

(*Камердинеръ уходитъ иди*).

Постой. Пошли въ аптеку —
 Лекарство пусть возьмутъ; да прачкѣ приказать,
 Чтобъ болѣе воды готовила, — всю рѣку.
 Его сіятельство, молъ, будутъ обливать.
 А повару скажи, — да не забудь, смотри же!
 Да чтобъ и помнилъ онъ;
 Чтобъ масла меньше клалъ въ жаркое, и пожиже
 Сготовилъ мнѣ бульонъ.
 А людямъ подтвердить, — да у меня чтобъ слушать;
 Да чтобы не забыть!
 Ея сіятельство, когда захочетъ кушать,
 Подальше отъ меня къ ней кушанье носить,
 Наружнымъ корридоромъ.
 Чтобъ обонянье мнѣ свое не соблазнить
 И не было бъ соблазна взорамъ.

(*Въ дверяхъ показывается Хмуровъ, Реме-
 ловъ въ новомъ переводѣ*).

Я думаю, никто не любопытель углубляться далѣе въ подражательныя красоты творенія господина Кроля. Не возможно болѣе и явнѣе узнать «Горя отъ ума», какъ примѣнивъ тонъ, рисунокъ, средства, лица и слова этой великолѣпной драматической сатиры къ такимъ мелочнымъ, пошлымъ, пустымъ цѣлямъ. Старый Фамусовъ жевать на молодой львицѣ, которая кокетничаетъ въ Петербургѣ, ищетъ себѣ утѣшителя, избираетъ сердцемъ Чацкаго, испытываетъ вдругъ и непонятно за чтò его презрѣніе, и утѣжаетъ съ горя въ деревню — *съ глушь*, — *съ Калугу!* — *съ Крымъ!* — съ мужемъ и съ Молчаливымъ, тѣмъ же докторомъ Райскимъ, котораго вы видѣли въ первомъ явленіи!...

А эта львица — львица только по каталогу; львица безъ когтей и безъ гордости; походка у ней смирна — сердце наполнено водо-

хамп—умъ сотканъ изъ тудевыхъ мечтъ—въ сущности, это большая насморкомъ кошка, которая ласкается ко всѣмъ, не прыгаетъ ни на кого, и по-временамъ мурлыкаетъ въ угодку о счастьи души, о хвѣн, и о поэзїи. Въ этомъ наборѣ неестественныхъ и скучныхъ лицъ, тѣмъ болѣе неестественныхъ, что они не взяты изъ общества, а передѣланы изъ лицъ грибоѣдовскихъ, есть однако жъ одно лицо изобрѣтенїя самого господина Кроля: это—графиня Нольская, писательница повѣстей à la George Sand, и соперница княгини Вронской по части кокетства — безобразная карриатура какой-то невозможной женщины, дѣйствующая, какъ и всѣ лица этой мнимой комедїи, безъ связи, безъ толку, безъ послѣдствїй. *Дѣйствующая* — неправильное слово: тутъ никто не дѣйствуетъ, а всѣ только болтаютъ до упаду, до обмороку, силясь сказать что-нибудь остроумное въ грибоѣдовскомъ родѣ, и, сказавъ кое-что, пропадають безъ вѣсти. О томъ, чтобы каждое сказанное слово было началомъ или слѣдствїемъ комическаго происшествїя, сирѣчь яло завязку, усиливало интересъ и вело къ новому забавному положенїю или развязывало его смѣшнымъ образомъ, комедїя эта, по примѣру прочихъ нашихъ комедїй, и понятїя не имѣетъ. Когда же мы наконецъ найдемъ первыя начала драматическаго искусства?... первыя условїя сценической зашпигательности? А при стихотворномъ дарованїи господина Кроля, познанїе этихъ началъ и условїй — съ прибавкою кое-какой изобрѣтательности и немножко русской грамматики—могло бы, право, повести къ счастливымъ для театра результатамъ. Стихъ его, какъ вы изволили видѣть, легокъ, плавецъ, развязенъ: этимъ стихомъ можно писать очень порядочныя комедїи — постигнувъ, въ чемъ собственно комедїя состоитъ на свѣтѣ. Возьмемъ, для примѣру, начало втораго акта, гдѣ, какимъ-то чудомъ, авторъ не нашелъ въ «Горѣ отъ ума» ничего такого, чему бы въ этотъ разъ подражать. На сценѣ сидитъ его сентиментальная *львица*, одна.

КНЯГИНЯ ВРОНСКАЯ, *закрывая книгу.*

Тоска! Ни въ чешь отрады нѣтъ!...
 Душа въ бездѣйствїи скучаетъ;
 День ото дня холодный свѣтъ
 Все больше мнѣ надоѣдаетъ.
 Балы наскучили, — гдѣ современный вѣкъ,
 И вѣчно суетный бездѣльемъ челоуѣкъ,

Танъ отравился въ модной пляскѣ.

Жизнь въ свѣтѣ холодна; какъ ранніе цвѣты
Безлюдно влудуть въ немъ заветныя мечты;
Смѣшны становятся сочувствія и ласки,
Какъ дѣтскія, давно прочитанныя сказки.

Пауза.

И это ль жизнь? ужель весь этотъ шумъ,
Вся эта суета тщеславья, эгонизма,
Заботъ, надеждъ, пустыхъ незрѣлыхъ думъ,
Зовется счастьемъ? Все, все, во что нашъ умъ
Въ началѣ жадно вѣрять? лживо жизни призна
Намъ въ дѣтствѣ кажетъ даль грядущихъ дней;
Но призраки влудуть, все ближе, все яснѣе;
На встрѣчу опытъ лѣтъ! жизнь каждый часъ грустивъ
Очарованіе слабѣй и все слабѣй;
На сердцѣ отъ надеждъ разбитыхъ тяжелѣе.

Молганіе.

И вотъ, межъ тѣмъ, пока вокругъ шумъ и суета,
И будто важнымъ чѣмъ тревожится міръ цѣлый;
Гдѣ тотъ достойнѣйшій, на комъ могла бъ мечта
Остановиться нигъ? — гдѣ онъ оспротѣлый,
Въ пустынѣ чувствъ, среди воднуемыхъ людей!....
Едвадь онъ есть.... (*пауза*).
Хоть Райскій бы пришелъ, съ нимъ какъ-то меньше скуки.
Въ немъ ни любезности, ни лоска свѣта нѣтъ;
Согласна я; — но мнѣ несносенъ свѣтъ.
Нѣтъ, съ жаромъ говорить онъ любить о наукѣ,
Искусствахъ; доказать чей взглядъ на жизнь вѣрнѣй,
Чѣмъ онъ пламенъ, чѣмъ онъ озлобленъ въ немъ;
То вдругъ съ ироніей, то съ шуткой добродушной.
И мнѣ сталъ нравиться нашъ полудѣльный споръ;
Онъ хоть на нигъ и мысль и взоръ,
Отводитъ отъ толпы, — то злой, то равнодушной,
Всегда пустой.

ВРОНСКАЯ И ДАША подаютъ кланяться фран-
цузскій журналъ, афишку
и листокъ газеты.

ВРОНСКАЯ разольшило вѣро-мещаетъ нѣ-
сколько страницъ журнала, —

*е, да възвѣдывается въ вѣнцу
и, въ намѣреніи положить въ
сложил газету, металликю есте-
наслѣдуетъ взоръ на именован
пріѣзжавшихъ въ столицу.*

Игреткій? какъ? и онъ

Вернулся къ намъ изъ-за границы?
И для чего? чтобъ старый сонъ
Напомнить. Чтобы тѣ забытыя страницы
Бывалой повѣсти прочесть,
Въ которыхъ думаетъ пятнать чужую честь.
Но ошибаетесь. Я женщина и гордо
Слушью посмотрѣть сама въ лицо молвы.
Я выдержу себя, — мучительно, но твердо.
Ни злоязычный свѣтъ, ни вы,
Бывалый идеалъ, теперь полузабытый,
Смущенья моего въ минуты нашихъ встрѣчъ
Вновь не замѣтите. И раны ядовитой
Наружный слѣдъ, наукой свѣта скрытый,
Вамъ будетъ трудно подстеречь.
Въ глазахъ моихъ прочесть, въ груди моей подслушать.
(*Даша*). А что князь Петръ Ильичъ?

ДАША.

Онъ-съ теперь вдвоёмъ

Тамъ съ Никаноромъ Фомичомъ,
Сударыня, звать кучать.

ВРОНСКАЯ.

Дай Богъ имъ аппетитъ.

Ну, Даша, — тотъ блондинъ

Что нравился тебѣ такъ много прошлымъ лѣтомъ,
Онъ здѣсь....

•

ДАША.

Игреткій?... ну ужъ, — господинъ —
Обианщикъ. Подарить сумелся туалетомъ,
Работы, говорилъ, фигурной, дорогой,
И лички внутри и зеркальцо съ рѣзбой;
И есть для бильяду кашетка подъ секретомъ.

Хвастунъ!

ВРОНСКАЯ.

Ахъ, Даша....

ДАША.

Вотъ

Мнѣ было изъ ума; теперь о немъ и кстати.
 На Нольской женится. Мы слышали отъ Кати.
 Любимой-съ дѣвушки графини.

ВРОНСКАЯ, *удмеленная, остерону.*

Этотъ родъ

Повѣренныхъ служанокъ,
 Про довѣрителей господъ

Плодится разглашать всѣ вздоры съ позаранокъ.

ДАША, *собирал со стола гаймыи
 серебряный серезъ.*

Самой, сударыня, ей видѣть довелось,
 Амуры, этакъ все, влюбленъ онъ, вишь, не прокомъ.
 Вотъ такъ и таетъ вотъ; — а что не скажетъ — въ носъ.
 Плезыры разные и подступаетъ бокомъ.
 Все по-французскому; — да тѣ ли, говорить,
 Еще онъ ловкости умѣетъ и пріятства:
 Въ глазу лорнетъ, въ лицѣ вальжный видъ,
 И всякія такія деликатства.

*Уходитъ.*ВРОНСКАЯ, *одна.*

Графиня Нольская! желаю счастья вамъ.
 Сыскать находку въ мужѣ.

(Послѣ минутнаго молчанія).

А впрочемъ что жъ, — у нашихъ дамъ,
 Случается и хуже.

И быта нашего привитаго романъ
 Не диво если полнъ героевъ-обезьянъ.
 Бывало метръ-д'отель иль камердинеръ лорда
 Про добрую страну услышетъ иль прочтетъ.
 Сберется въ дальній путь и ужъ увѣренъ твердо
 Въ успѣхѣ напередъ.
 На Сѣверъ сытый нашъ, бѣглець голодный юга,
 Бульварный фатъ, здѣсь членъ порядочнаго круга,
 Прійдетъ, насъ бранить, свой хвалить добрый край,
 Зоветь туда, лишь самъ намѣренъ здѣсь остаться,

И счастливый судьбой, отъ ласкъ онъ черезъ край,
 Не знаетъ наконецъ куда ему дѣваться.
 Вездѣ ему приѣмъ, — и всюду входъ открытъ.
 Въ гостинныхъ идеалъ, объявляя за туриста.
 А полкъ столичныхъ дамъ восторженно кричить:

«Явился Монте-Кристо!»

Вотъ, думаетъ, страна! одно его дивить:
 Да гдѣ же русскій быть?
 Что даже говорить, — не всё, по-русски чисто....

Разумѣется, что всего этого не нужно — лишняя болтовня, какъ и вся подлежащая комедія — но, при небольшомъ искусствѣ, при маленькомъ уразумѣнн комическаго дѣла, интереса и дѣйствія, какихъ прекрасныхъ вещей нельзя написать этимъ стихомъ для театра! Недостатокъ въ этомъ уразумѣнн тѣмъ болѣе неизвинителенъ господину Кролю, что самъ же онъ — неутомимый критикъ своимъ собратьямъ и судить о русской комедіи и русской драмѣ такъ рѣзко, какъ-будто уже написалъ образцовое драматическое сочиненіе:

..... Порой, *разсѣять грузъ* невзгоды,
 Заѣдешь ли въ театръ — плохіе переводы!
 Когда жъ свое — такъ сущій вздоръ,
 И тѣмъ мысли нѣтъ, остротъ избитыхъ сборъ!

А между-тѣмъ, подъ этотъ страшный приговоръ подходитъ собственная его комедія!... Мысли, тутъ, ужъ навѣрное и тѣмъ нѣтъ. Каждой остротѣ его можно указать печатный источникъ. Да еще вопросъ: извинительнѣ ли плохой переводъ въ прозѣ, наскоро сдѣланный по требованію театра или актера, или плохое подражаніе знаменитому отечественному творенію, произведенное стихотворно, обдуманно, мучительно, сцена въ сцену, почти стихъ въ стихъ, безъ малѣйшаго слѣда изобрѣтательности?...

ПРЕТЪ. Сказаніе изъ временъ Марка-Аврелія. Рачца (Москва, 1849, въ 8., стр. 530, въ двухъ частяхъ).

Десять тысячъ стиховъ!... Поэма достойная всякаго уваженія, и по объему, и по содержанію. Предметъ — въ высшей степени поэтической: бытъ, страданія и добродѣтели первыхъ христіанъ, въ Александріи, въ Египтѣ, во время богословской войны между зы-

часиниъ Мюзеевъ и христіанониниъ Дидаскаліониниъ, въ якому гошійиъ противъ послѣдователей вѣры Христовой, великихъ учителей Церкви, великихъ мучениковъ, великихъ чудесъ. Религіозные предметы, по нашему убѣжденію, имѣють всегда первое право на языкъ поэзіи, языкъ дѣлъ небесныхъ и божественныхъ. Бдѣ имѣть вѣры, таинственныхъ восторговъ, и энтузіазма, которые она внушаетъ, тамъ, при всемъ блескѣ красокъ, при всей игрѣ воображенія, имѣть и быть не можетъ настоящей поэзіи, и звуки ея — только же пустоты въ нѣмомъ и холодномъ пространствіи.

Авторъ «Ареты» ждалъ употребить въ стикхоэорное дѣло *декады*. И прекрасно!

Легенда, воякая, уже сама по себѣ — поэзія. Это — природный поэтический матеріалъ. Къ несчастію, и авторъ «Ареты» *подрозаетъ*!... Онъ желалъ подарить намъ нѣчто въ родѣ «Эпипурейца» Томаса Мура. Какая нудиза!... Зачѣмъ наукъ, только что начинающимъ учиться, такіе ученые предметы! Вѣдь для чего нужна, кромѣ поэтического дару, огромная классическая эрудиція!... Зачѣмъ ужъ лучше не взять нашихъ отечественныхъ легендъ изъ временъ распространенія Христіанства на Сѣверіи? Развѣ для честинобія благонамѣренной музы господина Рачча не довольно было нашихъ кіевскихъ преданій, нашихъ пещерокихъ духовныхъ подвиговъ, нашихъ собственныхъ мучениковъ, преслѣдованныхъ и растерзанныхъ надмывающимъ игогобожіемъ?... Тутъ по крайней мѣрѣ русскій поэтъ знаетъ все что нужно, безъ дальнейшей усталости. Муровъ «Эпипурейцъ», несмотря на отсутствіе поэтического жару въ авторѣ, читается съ большимъ наслажденіемъ: почему?... да потому, что кромѣ звучнаго, гладкаго, прелестьнаго разсказа, въ англійскомъ поэтѣ встрѣчаешь собесѣдника классическаго ученнаго, писателя отлично знакомаго съ греко-римскою древностію, съ ея предметами и дѣлами, съ ея бытомъ, обычаями, мнѣніями и предразсудками; человѣка, который знаетъ, что говорить и что хочетъ представить. О русскомъ поэтѣ — не знаю — можно ли сказать то же самое, несмотря на все желанье сказать какъ-можно болѣе хорошаго, изъ уваженія къ предмету огромной ея поэмы. Ужъ и это большая заслуга — великое доказательство прямого ума и поэтического чувства — что онъ, пылаясь подражать по-вашему, по-русскому, не написалъ *романа въ стихахъ*, не выкинулъ намъ подражательнаго «Эпипурейца», который и самъ былъ уже подражателемъ. Какъ не поклониться естественному шабору, вспомянутому объ итнннво поэтическомъ кладѣ, о легче-

дахъ!... Этому мы поклоняемся, невзирая на подражаніе. Но классическая древность!... Классическая древность, наставница наша въ поэзіи и мудрости, имѣетъ тоже права свои; права, неподверженныя вольностямъ свободно кочующаго вдохновенія; права, уважаемыя всею новѣйшею образованностью съ почтеніемъ дочери къ усопшей матери. Тутъ, прежде чѣмъ вдохновеннымъ, надо быть ученымъ — надо многое знать — многое изучить — а иное даже и видѣть. Глядя на классическую древность съ Марасейки, она, правда, можетъ казаться немудренѣе Сокольниковскаго Лѣсу — обширная и темная масса, и только — веразглядное пространство, по которому воображеніе привольно блуждаетъ, и которое оно, многоходомъ, населяетъ своими фантазіями. Но, подойдя къ этой древности поближе, познакомившись съ ней по-короче, умъ столбѣнѣетъ и душа приходитъ въ восторгъ: это — море чудесъ, безконечно разнообразныхъ и несказанно любопытныхъ, которыя тѣмъ приличнѣе знать поэту, что многіе изъ читателей знаютъ ихъ — или, по-крайней-мѣрѣ хорошо объ нихъ слышаны. Правда, что московскій поэтъ принялъ на такой случай очень благоразумную мѣру осторожности: онъ написалъ поэму свою *для немногихъ*... Ну, а какъ между немногихъ — не доведи, Господи — попадутся такіе, которымъ будетъ извѣстно то, что нынче уже извѣстно всякому?... Какъ имъ, досконально вѣдая изъ первой книги объ Египтѣ, что ни къ сѣверу отъ Мемфиса, ни по близости его, нѣтъ никакого *озера* — что мемфисскія пирамиды стоятъ не *на озерѣ*, а на вершинѣ Ливійскихъ Горъ — что ихъ не *рядъ*, а всего на все три, и расположены онѣ неправильнымъ треугольникомъ — что пирамиды были царскими гробницами, а въ чужія гробницы, особенно царскія, и особенно въ Египтѣ, не позволялось хаживать на прогулки, потому что это было страшное святотатство — что входы въ пирамиды всегда задѣланы на-глухо камнями исполнскихъ размѣровъ, которыхъ сотни рукъ не могли бы сдвинуть съ мѣста — что проходы въ пирамидахъ, то круто покатые, то перпендикулярныя, въ видѣ колодезь, то восходящія узкою ворою, имѣютъ большею частью фута три въ квадратъ, гдѣ гулять, и притомъ еще ночью, безъ фонаря, крайне неудобно, потому что по нимъ надо, не ходить, а лазить, свернувшись въ три погібели, упираясь въ четыре стѣны руками и ногами и утопая въ поту отъ нестерпимой духоты, или спускаться на веревкахъ какъ въ бездны, съ опасеніемъ сломать себѣ шею: такъ-то древніе старались сдѣлать гробы свои недоступными для любителей

сентиментальных прогулок! — какъ имъ, спрашиваю, повѣрять поэту въ прочихъ обстоятельствахъ разсказа, когда они прочитають напришѣръ, слѣдующее мѣсто, одно изъ тысячи подобныхъ:

«Ужъ поздно; свѣтъ огней потухъ;
 Всѣ торопились въ путь обратный;
 Не торопился я одинъ.
 Вдыхая воздухъ ароматный
 Среди цвѣтущихъ луговинъ,
 Бродилъ я тихими шагами.
 Мечты снѣнялися мечтами;
 И день уже былъ не далекъ.
 Опомнясь, я сажусь въ челнокъ;
 Плыву. На сѣверъ отъ Мемфиса
 Есть озеро; на немъ стоитъ
 Рядъ пирамидъ; онъ сторожитъ
 Покой жильцевъ Некрополиса;
 Туда чрезъ зыби сонныхъ волнъ
 Направилъ я свой легкій чолнъ.»

Въ часы унынія кладбище, —
 Последнее людей жилище, —
 Наводитъ много сладкихъ думъ.
 Плыву, задумавшись глубоко;
 И берегъ былъ ужъ недалеко.
 Вдругъ плескъ волны и веселъ шумъ;
 Гляжу, — двѣ женщины, двѣ тѣни,
 Плывуть, скользя по зыби волнъ,
 Въ приютъ отжившихъ поколѣній.
 Вотъ къ берегу присталъ ихъ чолнъ.
 Я тихомолкомъ вслѣдъ за ними;
 Они все далѣ, все впередъ
 Изъ перехода въ переходъ
 Между платанами густыми;
 Вдругъ у одной изъ пирамидъ
 Онѣ исчезли какъ видѣнье;
 Кругомъ все спомъ могильными спитъ;
 Ищу ихъ, напрягаю зрѣнье,
 Бросаюся туда, сюда, —

Нигде ни легкого слѣда.
 Я обхожу всю пирамиду,
 Рисуюсь, шупаю, — и вижу
 Отверстія для входа вѣтъ;
 Но наконецъ попалъ на слѣдъ.
 Въ бесплодныхъ поискахъ случайно
 Населюся я кружины (!!) тинной,
 И, скрививъ, дверь сволзилуи къ боку.
 Вотъ двѣ ступени предъ явлю;
 Чуть освѣщенные луною; —
 Другія края густой облесть.
 Иду по темнымъ переходамъ,
 И слышу, — шумъ какъ въ шабашъ
 То переликнется по сводамъ;
 То свивнется, то проснетъ вношъ.
 Я вздрогнулъ, но опять свѣдѣ
 Иду, — и заперъ эта гудъ.
 Глажу, — дрожащій свѣтъ мелькнулъ
 И наконецъ я въ галереѣ.

Нѣтъ! никогда и въ самомъ свѣ
 Не улыбалось счастье мнѣ
 И ласковѣй и благосклоннѣй!
 Невидимый, склонясь къ колоннѣ,
 Я взоры обвожу кругомъ,
 Осматриваю *подземелье* (?),
 И вижу келью; въ этой кельѣ
 Гранитный жертвенникъ; на немъ,
 Въ гробу *изъ чистаго кристалла* (?)
 Давно почившая лежала.
 Она была такъ хороша,
 Такъ мало тѣнья потеряла,
 Какъ-будто только-что душа
 У ней отъ тѣла отлетѣла
 Я былъ отъ удивленья итъ.....

У изголовья передъ нею
 Въ числѣ безсмертія эмблемъ
 Я видѣлъ нильскую лилею,
 Надломленную пополамъ;
 На ней изображенъ птица,

Готовой изъ земной теницы
 Вспорхнуть къ надзвѣзднымъ небесамъ.
 Но что мнѣ смертности символы, —
 Холодной мудрости глаголы, —
 Когда живое существо, —
 Живаго сердца божество, —
 Очаровательную Зою
 Увидѣлъ я передъ собою?
 Она, надъ гробомъ наклонясь,
 Душой съ почившею слмлась;
 И вотъ простерши къ ней объятье,
 Сняла съ груди ея распятые
 И, приложя его къ устамъ,
 Приникла взоромъ къ небесамъ
 Съ такою вѣрой, что, казалось,
 Ея земное не касалось.
 И я, Эпикуреецъ, я,
 Въ разсвѣтъ полногъ бытія,
 Я, проповѣдникъ наслажденья,
 Исполнился благоговѣнья.
 Я съ нею былъ наединѣ,
 Въ глубокой тишинѣ полночной;
 Но мысли, но мечты порочной
 Не зародилось во мнѣ.
 Кругомъ меня все было свято;
 И, умиленіемъ объятай,
 Уже не покушался я
 Смутить покой души ея,
 Ея бесѣду съ небесами;
 И — тихими назадъ шагами.
 Свѣтало; дневные лучи
 Некрополисъ озолотили
 И, жизни полные, будили
 Почившихъ въ немъ; но, какъ въ ночи,
 Они непробудимо спали....
 И счастливы — имъ нѣтъ печали
 Имъ чужды суеты земли, —
 Они въ могилу ихъ снесли.
 Задумчивый, давъ грусти пищу,
 Я долго, долго по кладбищу
 Блуждалъ и, какъ гробовъ жвальцы, —

Некроподиса мертвецы, —
 Не восхищался я денницей;
 Душа моя была полна
 Изиды молодом жрицей;
 Мечты, какъ за волной волна,
 Переливались, несляя
 Все къ ней, все къ жрицѣ молодой,
 И всѣ на ней одной слилися
 И въ образъ отделился живой.

«Усталый, я вздремнулъ нежного
 Съ неуспиренною тревогой.
 И въ часъ дремоты все она,
 Одна она, въ видѣньяхъ сна
 Вилась, носилась надо мною
 Въ лазоревой дали небесъ
 Съ своей чарующей красою.
 Я счастливъ былъ....»

Это — Египетъ московской фабрики. Все въ этой древности поддѣльно, отъ мѣстностей, до чувствъ и нравовъ. Прибавьте къ тому, что пирамиды лежатъ отъ Мемфиса прямо къ западу, а не къ сѣверу; что эти *подземелья* находятся футахъ въ шестидесяти и болѣе надъ вершинами горъ; что гроба въ нихъ, разъ тысячу описанные и всѣмъ хорошо извѣстные, сдѣланы изъ грубаго камня, а не изъ *чистаго кристалла*; что эгиптяне, по званію своему, были люди вовсе не сентиментальные; и цѣлые десятки другихъ подобныхъ изобрѣтеній господина Ранча. Если *поэзія* должна быть какъ *живопись*, то нельзя же ей совсѣмъ презрѣть вѣрностью колорита съ красками природы и представлять дерево малиновымъ, когда оно — зеленое.

Стихъ господина Ранча таковъ, какъ вы видите, и не требуетъ особеннаго похвальнаго слова.

Что касается до поэтической повѣсти, то вотъ ея содержаніе. Язычникъ Арета принимаетъ въ Римѣ христіанскую вѣру, и вслѣдъ затѣмъ подвергается разнымъ несчастіямъ: онъ разорился, обидѣнъ, на пути въ Александрію разлученъ пиратами съ женою и дѣтьми, и выброшенъ на пустынный берегъ. Онъ въ отчаяніи, и сомнѣвается въ Провидѣніи; но видитъ чудесный сонъ, кричится въ вѣрѣ, и идетъ отыскивать свое семейство. Послѣ многихъ страданій и многихъ подвиговъ великодушія, когда въ Але-

Александрійскіи жреци и ученые подняли новое гоненіе на христіанъ, онъ удаляется въ горы Верхняго Египта, гдѣ знакомится съ Аполлодоромъ, бывшимъ эпикурейцемъ, а нынѣ благочестивымъ отшельникомъ въ пещерахъ Фиванды. Здѣсь Аполлодоръ рассказываетъ ему исторію своей жизни въ Афинахъ и Александріи, и обращенія своего въ христіанство: часть этого повѣствованія мы сейчасъ читали. Еще будучи язычникомъ и отчаяннымъ эпикурейцемъ, онъ нашелъ въ Зоѣ идеалъ всего прекраснаго, какъ-будто принадлежалъ къ сектѣ платониковъ или стихотворцевъ пушкинской школы. Они приняли вѣру Христову вмѣстѣ, и усовершенствовались въ духовной жизни подъ руководствомъ отшельника Мелетія, но египетскій жрецъ Оркъ — странное названіе для жреца! — возбудивъ гоненіе, разлучилъ его съ супругой, которая и погибла въ темницѣ, и Аполлодоръ отправился въ Афины, раздалъ тамъ имѣніе свое бѣднымъ христіанамъ и воротился самъ въ Верхній Египетъ.

Въ отвѣтъ на этотъ рассказъ, Арета сообщаетъ ему подробную повѣсть о своемъ собственномъ обращеніи, и о приключеніяхъ своихъ и своего семейства во время гоненія, послѣ котораго удался онъ въ Фиванду.

Десять тысячъ стиховъ проходятъ въ этихъ безконечныхъ беседахъ двухъ пустынниковъ, гдѣ много прекрасныхъ чувствъ, много благочестивыхъ и спасительныхъ мыслей, но движенія, дѣйствія, созданія — ни слѣда, а древности и легенды — нѣтъ. О! не такъ изъясняется легенда, пылкая дочь восторженнаго вѣроу воображенія! Она творитъ, она приводитъ все въ дѣйствіе, она все согрѣваетъ своимъ огнемъ, всему придаетъ жизнь и дѣйствіе, все превращаетъ въ чудеса. Мы говоримъ это не въ укоръ поэмѣ господина Рандча, которой прекрасныя намѣренія заслуживаютъ самаго полнаго почтенія, а въ предостереженіе другимъ, желающимъ стихотворствовать въ легендарномъ родѣ. Не такъ, опять, говорятъ и чувствуетъ древность.... Но за эту статью можно, но-настоящему, и не взыскивать съ русскаго поэта. Какая нужда ему, при описаніи древности, знать классическую древность ученымъ образомъ, когда вотъ ученая книга —

ИСТОРИЯ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. Сочиненіе Зеленецкаго. (Одесса, 1849, съ-8., стр. 236.)

Книга, которая хочетъ всѣхъ насъ учить — которая раздѣлена на параграфы — которая судитъ и радитъ о дѣлахъ литературныхъ, — и

которая, между-тѣмъ, не знаетъ значенія техническихъ терминовъ своей науки!... Она увѣряетъ насъ, будто *подъ филологіей разумѣютъ обыкновенно, въ тѣсномъ смыслѣ, совокупное изученіе языковъ, литературъ и древностей* (! еще древностей!) *классическаго, греко-римскаго міра*. Гдѣ же это, въ какой безлюдной степи, за какимъ темнымъ и широкимъ моремъ, въ какомъ безграмотномъ вѣкѣ, такъ разумѣютъ *филологію*, въ *тѣсномъ* или *просторномъ* смыслѣ, *обыкновенно* или *необыкновенно*?... Славные будемъ мы savans, когда господинъ Зеленецкій выучитъ насъ *всѣхъ* своей литературно-исторической мудрости: то-то станемъ удивлять ученую Европу! Нужно только, чтобы она сперва забыла, что *philosophia* искони значила и значить у ней *любомудріе* и предметъ ея — *principia et causae rerum, начала и причины явленій*, а *philologia* также искони значила и значить *любословіе* и предметъ ея — *principia et causae verborum, начала и причины словъ и реченій* какого-нибудь отдѣльнаго языка, *въ тѣсномъ смыслѣ*, или многихъ языковъ, въ обширномъ значеніи. Рациональное уразумѣніе естественнаго образованія словъ и ихъ формъ, ихъ различныя значенія, сравнительное достоинство и историческія походы этихъ значеній, способы употребленія ихъ между собою, вотъ — *филологія!* Любословіе, филологія, это — грамматика и лексикографія въ обширномъ смыслѣ, и терминъ этотъ нигдѣ и никогда не принимался донынѣ въ другомъ значеніи между учеными. Изученіе же языковъ и литературъ греко-римскаго міра, изученіе совокупное, основательное, любословное, филологическое, называется у нихъ обыкновенно, съ позволенія одесскаго судьи литературныхъ дѣлъ, *классическою критикою*, иногда *классическою филологіей*, а не *филологіей* просто и въ какомъ-то тѣсномъ смыслѣ.

Та же велемудрая «Исторія русской литературы» увѣряетъ, будто *Словесностію* (sic), то есть, Словесностью, называется *совокупное и притомъ систематическое изложеніе теоріи языка и исторіи литературы* (!?!) *какого-либо народа*. У дѣтей, учащихъ въ какой-нибудь школѣ, между школьниками и ихъ учителемъ, оно можетъ быть такъ и называется, домашнимъ образомъ, по въ свѣтѣ, въ наукѣ, въ литературѣ, гдѣ знаютъ, что *словесить* значило *умѣть дѣйствовать словесами и производить красное слово*, Словесностью называется, просто, часть литературы, посвященная обработкѣ Изящнаго или Прекраснаго по правиламъ искусства. Это не что иное, и ничего болѣе, какъ *belles-lettres, humanitates* прежнихъ школъ. Словесность составляютъ стихотворе-

ніа, романи, повісті, рѣчи, драми различныхъ родовъ, и сюда же принадлежала історія, пока історія была риторическою сказкою и не стала изслѣдовательною наукою, стремящеюся къ точности.

Та же «Історія русской литературы» гласитъ, что у насъ есть слово *письменность*, которое «можетъ означать *распространеніе грамотности въ народъ, первую степень литературы*», тогда какъ *письменность* есть просто и чисто русскій переводъ греко-русскаго слова *грамотность*. Gramma — *письмо*, grammatiké — *грамотность, письменность*, умѣніе изображать слова буквенными знаками; и все тутъ.

Та же «Історія русской литературы» поучаетъ насъ, что *начало славянскому языку положено переводомъ книгъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ!?!...*

Въ той же «Історіи русской литературы» удостовѣряють, будто *нынѣшніе ученые мнѣнія соединились согласно въ томъ, что книги Священнаго Писанія переведены архіепископомъ моравскимъ и паннонскимъ для его паствы, состоявшей изъ Моравовъ, Словаковъ, Хорватовъ и Сербиновъ, которые все вмѣстѣ называютъ Србамъ и нарѣчія свои србскими, на... болгарскій языкъ!!!...*

Всѣхъ мудростей сказанной «Історіи русской литературы» не перечестъ въ скромной лѣтописи. Она однако жъ не такъ плоха, какъ иному можетъ показаться изъ приведенныхъ доказательствъ глубочайшихъ филологическихъ познаній автора и его умѣнія, въ «Історіи литературы», выразаться литературно. Великое и рѣдкое достоинство ученаго творенія господина Зеленецкаго — достоинство, на которое самъ онъ заботливо указываетъ — состоитъ главнѣйшее въ томъ, что незабвенное твореніе это *раздѣлено на параграфы*. Какое удивительное удобство! Не нравится ли вамъ какой параграфъ? — можете и не обращать на него вниманія; а нравится? — такъ вы вмѣсте случай *распространить его сами*, прибавить къ нему что угодно, сдѣлать его не только толковымъ, но даже и интереснымъ.

КАРТА ВЕНГРІИ, ГАЛІЦІИ И ПРИЛЕЖАЩИХЪ КЪ НИМЪ ЗЕМЕЛЬ: Славоніи и Кроаціи, Трансильваніи и Военной границы, съ обозначеніемъ—сплошными особенными красками—земель, занятыхъ главными племенами народонаселенія. При картѣ приложены: десять статистико-этнографическихъ таблицъ и алфавитный указатель всѣхъ мѣстъ, съ означеніемъ областныхъ названій и числа жителей въ городахъ, мѣстечкахъ и деревняхъ, гдѣ болѣе пяти тысячъ душъ. Изданіе П. Вознесенскаго.

Чудные люди наши издатели! Стоить одному затѣять какое-нибудь литературное предпріятіе — откуда ни возьмется десятки подражателей. Спекуляторы, какъ вброны на добычу, влетятъ на счастливую идею, какъ голодные волки бросятся терзать ее, растаскивать по своимъ берлогамъ, и въ торопяхъ, держа свою жертву въ судорожныхъ объятіяхъ, кромсать ее каждый по-своему.... Тутъ некогда заботиться о развитіи счастливой идеи, о достойномъ ея осуществленіи. Скорѣе къ дѣлу! Лишь бы не опередилъ другой.... Какъ-будто поле для литературной предпринимчивости сошло угломъ; какъ будто нельзя на немъ дѣйствовать, не мѣшая другому. Потребность чтенія въ массѣ у насъ еще не такъ сильна, чтобы могла поддерживать множество однородныхъ предпріятій.... А между тѣмъ отъ спекуляцій на чужія идеи страдаютъ и публика и дѣльные труды. Опасно вѣзаться за какое-нибудь общепользное литературное дѣло — того и гляди испортятъ его.... Отъ этого въ большей части нашихъ изданій замѣтна торопливость; видно, что и издатель, и сочинитель думаютъ только о томъ, какъ-бы не опоздать. Легко себѣ представить какъ приятно, при такомъ положеніи литературной дѣятельности, встрѣтить произведеніе, исполнѣ обдуманное, отчетливое. Мало того — произведеніе, подвигающее науку впередъ. Это чувство удовольствія мы испытали при разсматриваемой нами картѣ Венгріи. Съ перваго взгляда, призваться, намъ было досадно, что карта вышла не много поздно, но, сообразивъ, что она отъ этого выиграла въ достоинствахъ, охотно прощаемъ издателю замедленіе въ выпускѣ. Притомъ изданіе карты Венгріи никогда не поздно, — здѣсь, кромѣ современныхъ интересовъ, много и постоянныхъ. Въ послѣднее время вышло нѣсколько картъ Венгріи, и судя по объявленіямъ, всѣ онѣ прекрасны.

Воображаемъ положеніе благосклоннаго читателя, наслаждающагося этими объявленіями. Съ одной стороны говорятъ ему: вотъ вамъ карта, на которой есть моря, рѣки, дороги, города, мѣстечки, крѣпости, границы государствъ, областей; съ другой предлагаютъ карту и книгу, съ разрѣшеніемъ вопроса отчего забеленилась Венгрія. Тамъ объявляютъ о картѣ, отпечатанной лѣтъ тридцать назадъ.... Еще карта Венгріи полковника Мѣдинова.... А сколько иностранныхъ картъ....

Большая часть выходящихъ нынче картъ Венгріи издаются преимущественно для читателей газетъ и журналовъ, какъ сред-

ство слѣдить по нимъ за ходомъ военныхъ дѣйствій. Стало-быть и составленіе этихъ картъ должно быть соображено съ главной цѣлью ихъ изданія. Между прочимъ нужно, чтобы на нихъ были помѣщены всѣ пункты, важные въ политическомъ и военномъ отношеніяхъ, чтобы, хотя условными знаками, была выражена мѣстность, — чтобы нанесены были не только главные, но и второстепенныя сообщенія. Опущеніе одного изъ этихъ условій будетъ важнымъ недостаткомъ. Надобно еще, чтобы карта не была дорога. Скажемъ правду, что всѣмъ этимъ условіямъ вполне удовлетворяетъ карта Венгріи и Галиціи, изданная господиномъ Вознесенскимъ. Въ Венгріи многія мѣстности носятъ по два, по три, иногда по четыре названія. Если бъ всѣ эти названія означить на картѣ, было бы пестро, потерялась бы ясность — одно изъ главнѣйшихъ условій хорошей карты.... а пропустить ихъ, карта будетъ не полна.... Вы ищете Болградъ, Фейерваръ, Вейсенбургъ.... гдѣ они? Посмотрите въ алфавитъ, приложенный къ картѣ.... тамъ найдете, что всѣ эти названія принадлежатъ одному и тому же мѣсту, извѣстному большей части публики, подъ именемъ Карлсбурга. Говорятъ вамъ, что было дѣло подъ *Гуттой*.... гдѣ эта Гута? Никакой словарь, никакая географія не скажутъ вамъ этого.... а найти пунктъ на картѣ, не зная приблизительно его мѣстоположенія, трудно. Въ алфавитѣ, при каждомъ названіи, есть двѣ магическія буквы, напримѣръ, при словѣ *Гута*, *Дг*. Эти буквы означаютъ тотъ небольшой квадратъ карты, въ которомъ надобно искать *Гуту*. На картѣ каждый квадратъ между линіями градусовъ долготы и широты означенъ особыми буквами. Въ алфавитѣ же означено число жителей всѣхъ мѣстъ, гдѣ болѣе пяти тысячъ душъ. Чтобы можно было вполне пользоваться картою при чтеніи газетъ, необходимо, чтобы карта была и этнографическая.... Такъ и сдѣлалъ господинъ Вознесенскій. Смотря на его карту Венгріи, вы видите гдѣ живетъ какой народъ: гдѣ Славяне, гдѣ Нѣмцы, гдѣ Мадыяры, и такъ далѣе. Каждое изъ главныхъ племенъ населенія отмѣчено особымъ цвѣтомъ. Этнографическая часть карты въ особенности выигрываетъ въ нашихъ глазахъ еще и потому, что матеріалы для нея отчасти взяты изъ сочиненій знаменитаго богемскаго слависта, профессора Шафарика, отчасти сообщены извѣстнымъ нашимъ славистомъ И. И. Срезневскимъ.... Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, господинъ Срезневскій путешествовалъ по Венгріи и другимъ славянскимъ землямъ для изученія жизни и языка славянскихъ народовъ. Во время этого путешествія онъ имѣлъ случай составить

на мѣстѣ «Этнографическія карты Славянъ и ихъ сосѣдей». Этими-то картами и воспользовался господинъ Вознесенскій.

Приложенія къ картѣ Венгріи и прочее важны не менѣе самой карты, сколько по разнообразію фактовъ въ нихъ заключающихся, столько и по достоинству ихъ. Статистико-этнографическія таблицы состоятъ изъ пяти общихъ таблицъ и пяти частныхъ. Матеріалы для статистико-этнографическихъ таблицъ взяты отчасти изъ извѣстій, обнародованныхъ австрійскимъ правительствомъ, отчасти изъ приблизительныхъ расчетовъ ученыхъ путешественниковъ. Факты этнографическіе заимствованы для таблицъ, такъ же какъ и для карты, изъ матеріаловъ «Этнографической карты Славянъ и ихъ сосѣдей», профессора Срезневскаго, и изъ «Славянскаго народонаселенія», профессора Шафарика. Приняты были въ расчетъ и недавно обнародованныя офиціальныя извѣстія о народахъ Австрійской имперіи, впрочемъ, только тамъ, гдѣ онѣ не очень отличались отъ другихъ достойныхъ вѣроятія извѣстій и исчисленій. Статистико-этнографическія таблицы — полная, отчетливо созданная картина земель, помѣщенныхъ на картѣ. Намъ особенно понравилась ясность при выраженіи преобладающаго племени населенія комитатовъ.

Вообще во всемъ изданіи господина Вознесенскаго видно умѣе и добросовѣстность. Мы слышали, что карта Венгріи есть только начало цѣлаго ряда этнографическихъ картъ, что вслѣдъ за ней будутъ изданы карты: Италіи, Пруссіи, Средней Германіи, Турціи. Желательно, чтобы слухи эти сбылись.

Но чтобъ не остаться въ долгу передъ тѣми нашими читателями, которые еще не видѣютъ карты господина Вознесенскаго, сдѣлаемъ изъ нея извлеченіе о размѣщеніи народовъ. Просимъ ихъ взять любую карту Австрійской имперіи и прослѣдить ее по даннымъ, которыя мы извлекаемъ изъ карты Вознесенскаго.

Почти вся сѣверная половина восточныхъ областей Австрійской имперіи покрыта на этой картѣ зеленымъ цвѣтомъ: это Славяне. Она простирается до 48 градусовъ широты, а кое-гдѣ и далѣе на югъ. Изъ этого исключаются только сѣверная, отчасти южная части Богеміи—Морава, эрцгерцогства и кусокъ земель между Гатрою (Розновой) и Кашавой, гдѣ живутъ Нѣмцы. По чертѣ отъ Будвени и Брюка на сѣверъ—Славяне. По линіи желѣзной дороги отъ Брюка въ Пресбургъ на востокъ—Славяне. Пресбургъ, Коморъ, Рознова, Кашау, Унгваръ, Мункачъ, Сигеть, истоки Тисы и Серета, Черновциъ—вотъ до какихъ мѣстъ доходятъ колоніи Славянъ. На югъ австрійскихъ владѣній до 46 градусовъ ши-

роты, а мѣстами и до 47, и до 40 градусо́въ долготы — опять зеленый́ цвѣтъ, опять Славяно. Линія, отдѣляющая ихъ сначала отъ Нѣмцевъ, а потомъ отъ Мадыровъ, идетъ отъ Клагенфурта на Марбургъ, выдается мысомъ къ Бернштейну, направляется на Ленду, Большую Канншу, пересѣкаетъ Дунай у острова Могача, охватываетъ съ востока до Бан, и черезъ Тьѣнгѣшъ, Кишъ-Канншу, Н. Св. Миклошъ, Надъ-Бечкерекъ, подходитъ опять къ Дунаю у Новой Молдавы, на востокъ примыкають къ Славянамъ Валахи.—Гдѣ же эти Мадыры? спросите вы: гдѣ этотъ господствующій народъ королевства Венгрія?—А вотъ онъ, между Нѣмцами, Славянами и Валахами, въ степяхъ и болотахъ, между 48 градусо́въ и 46 широты и между 34 и 39 (мѣстами до 40 градусо́въ) долготы,—покрытъ синимъ цвѣтомъ. Кромѣ того въ Трансильваніи между Валахами, на желтомъ полѣ. Вы также замѣтите снѣгіе узоры,—это тоже Мадыры.—На западѣ линія мадырскаго населенія идетъ отъ Бернштейна къ Нейндельскому озеру в Пресбургу; на востокъ—отъ Мукача на Гроссъ-Вардейнъ, Старый и Новый Арадъ и Темешваръ. Въ Трансильваніи линія мадырскаго населенія такъ извилиста, что опредѣлить ее пунктами невозможно,—нужно видѣть карту. Скажемъ только, что Мадыры живутъ, начиная съ сѣверовостока отъ Плонды и Надъ-Эгрета, черезъ Марошваргелъ, Удваргелъ до Ильезальвы. Кругомъ ихъ — Валахи, занимающіе всю Трансильванію и далѣе за границей княжества ровную полосу земли почти на градусъ широты. Все пространство, занятое Валахами покрыто желтымъ цвѣтомъ.

На западной части карты видны два красенскіе кусочка, не очень маленькіе, но и не большіе,—это Нѣмцы; сѣверный кусочекъ окруженъ зеленымъ цвѣтомъ—Славянами; а южный на сѣверѣ и югѣ примыкаетъ къ Славянамъ, а на востокъ къ Мадырамъ.—Вотъ четыре главные отдѣла венгерскаго населенія, ярко отдѣленные одинъ отъ другаго на картѣ господина Вознесенскаго. Безъ всякаго сомнѣнія, линіи этихъ отдѣловъ мы могли назвать только приблизительно; на картѣ граница племенъ вѣтса извилиста, — и выразить словами эти извилины, не сдѣлавъ грубѣйшей ошибки, невозможно. Кромѣ того посмотрите — вся карта въ синихъ, зеленыхъ и красныхъ пятнахъ: — это колоніи Славянъ и Нѣмцевъ въ земляхъ мадырскихъ, валахскихъ и рѣдко на оборотъ.... Вотъ объ этихъ-то пятнахъ трудно сказать что-нибудь, даже и приблизительно. Да и зачѣмъ? — Карта господина Вознесенскаго такъ дешева и такъ хороша!

РАЖНЫИ НІВІСТІИ.

— Въ Москвѣ издавъ, безъ имени автора, карманный, уютный и, даже, весьма порядочный «*Ручной латинско-русскій словарь, составленный по лексикону Кронеберга и другимъ нѣмецко-латинскимъ словарямъ*». Недостатокъ въ этого роду учебномъ пособіи былъ такъ ощутителенъ при домашнемъ воспитаніи дѣтей, и даже въ училищахъ, что нельзя не поблагодарить того, кому далась счастливая мысль употребить такъ полезно и такъ кстати свое трудолюбіе. Желаетъ его книгъ — не успѣха!... успѣхъ вѣренъ — но черныхъ чернилъ, хоть-бы нѣсколько почеркѣе.

=

VII.

С М Ъ С Ь.

ПУСТЫНЯ. Изъ воспоминаній Якова Араго. Нѣсколько заблудившихся птицъ носились на другой день надъ караваномъ, нѣкоторыя даже упали въ наши ряды: утомленные крылья не могли донести ихъ до отдаленнаго убѣжища, онѣ предпочли лучше предаться намъ, чѣмъ тщетно бороться съ разстояніемъ пугавшимъ ихъ, и зноимъ дубивавшимъ ихъ энергію.

Ощипанный ибисъ, ласточка и коршунъ попались въ наши руки; ихъ поспѣшили докончить однимъ ударомъ ножа: всякая доблѣтность имѣетъ право на уваженіе.

По расчету одного опытнаго начальника, мы черезъ день должны были достигнуть границы подвижнаго песку и перейти въ каменистый поясъ, почти совершенно окружающій Сахарскую пустыню; но рука Всемогущаго одна управляетъ происшествіями и радость челоуѣка превращается въ отчаяніе, когда прогремѣтъ слово Вседержителя.

Арабъ ошибся; начальникъ, его соперники, осудили бѣдняка продолжать дорогу пѣшкомъ съ завязанными глазами. Другой Арабъ, дерзкій въ рѣчахъ, пошелъ впереди каравана и желая энергическимъ образомъ опровергнуть знаніе перваго, командовалъ поворотъ, которому верблюды напрасно противились.... Черезъ семь часовъ онъ подвергся участи товарища и оба рука объ руку были принуждены вполголоса признаться въ своемъ невѣжествѣ.

Ночь была бурная, небо сумрачно, молнія быстрая, водяные и песочные вихри пронзительны. Арабы, Негры, верблюды, лошади не знали куда дѣваться, чтобы устоять противъ бурн, обхватившей насъ со всѣхъ сторонъ. Самые опытные совѣтовали идти по направленію грозы, запретили раскидывать палатки; ихъ послушались, и вотъ мы безъ цѣли, безъ всякаго порядку, безъ компаса, безъ звѣздъ, блуждаемъ въ пространствѣ, напрасно отыскивая подпору на мокрой почвѣ, гдѣ взяли по колѣна.

Мы шли такимъ образомъ пока позволяли силы, но на разсвѣтѣ раставулись на песокъ и не старались уже противиться причудливымъ шкваламъ.

О чудо! недалеко отъ насъ, въ поляхъ пощаженномъ грозой, роковое туловище представило нашимъ взорамъ.... молитва проклятаго не была услышана Превѣчнымъ и ни одна капля воды не освѣжила его голову, ни одна благодѣтельная росинка не упала на пылающія уста его!

Я тихо пробовалъ просить одного изъ самыхъ могущественныхъ начальниковъ, возлѣ котораго находился, но испуганный моею смѣлостью, и опасаясь для насъ обонхъ подобной участи, онъ закрылъ мнѣ ротъ рукою и приказалъ молчать, увѣрившись непытующимъ взоромъ, что никто не услышалъ словъ моихъ.

Исчезли облака, молнія, вѣтеръ. Солнце указало намъ дорогу и сначала мы шли довольно скоро.... Передовые верблюды остановились, мы ихъ тотчасъ догнали: это былъ станъ, гдѣ смерть разгуливала самовластно.

Человѣческія и верблюжьи кости валялись тамъ и сямъ. Кто пожралъ ихъ, самунъ, тигръ, или левъ?... Вѣрно жажда, и я невольно обернулся посмотреть не видно ли еще тамъ бѣднаго Араба, осужденнаго на самую страшную смерть.

Ничего! ничего!... Я прислушался.... никакой шумъ не достигъ до меня и мнѣ стало тяжело.... Въ тысячу разъ легче бы мнѣ было слышать рычаніе лютыхъ звѣрей или свистъ удава.... отчаяніе было бы не такъ жгучо, предсмертное томленіе не такъ медленно.

Есть очень несчастные люди на свѣтѣ, тѣ которые не испытали никакого несчастія. Эти, такъ грустно привилегированныя существа заслуживаютъ состраданія, для нихъ все безцвѣтно, однообразно. Навѣрно они находятъ воду не свѣтлой, цвѣты безъ запаха, горизонтъ не великолѣпнымъ, бурю не величественной, материнскую нѣжность не очаровательной. Чтѣ удовольствіе для тѣхъ, кто не страдалъ? чтѣ счастье для тѣхъ, кто не дрогивал

слѣзъ? Покой безъ сна, пощлудъ безъ сладости, зима безъ вѣною.

Что до меня, мнѣ на этотъ счётъ не въ чемъ упрекать судьбу, въ жизни моей я испыталъ все, что должно было сдѣлать ее бурной, взволнованной, тяжелой, мрачной.... Когда подумаю откуда я отправился и какой достигъ цѣли, заключаю, что въ вѣчныхъ опредѣленіяхъ судьбы все устроено премудро, и что ложь не трудно бы доказать мнѣ, если бы одинъ день, только одинъ день протекъ для меня безъ тучъ на небѣ, безъ раны въ сердцѣ, если бы кораблекрушенія не увѣчали мои отдаленныя странствованія; если бы ураганы пощадилъ меня въ переѣздахъ изъ одной страны въ другую; если бы голодъ, жажда, смерть не сопровождали непрерывно пилигрима, который умѣлъ бороться безъ жалобъ и не родитъ теперь на Провидѣніе ни за густое покрывало, которымъ омрачены глаза его, ни за увѣренность, что горизонтъ никогда не будетъ возвращенъ ему. Повсюду распря, пылкая борьба съ людьми и со стихіями; этого много, слишкомъ много, для того, у кого только двѣ руки, одна грудь и одно сердце.

Вотъ пустыня съ ея бѣдствіями; вы видѣли какъ за мной гнались или бросились мнѣ на встрѣчу лютые звѣри, лавины, жгучіе лучи отвѣснаго солнца; будемъ надѣяться, что миражъ и самунъ не помѣшаютъ мнѣ благополучно добраться до пристани.

Мы идемъ по океану песковъ. Ни одного крика въ пространствѣ, ни одного облака на горизонтѣ, ни одного ибиса или коршуна въ воздухѣ; караванъ тянется грустно и безмолвно. Здѣсь крикъ стихій или лютыхъ звѣрей всегда служитъ предвѣстіемъ какой-нибудь катастрофы, и потому каждый глядитъ впередъ, назадъ, во всѣ стороны, чтобы видѣть откуда льется опасность....

Спускалась ночь, и послѣдніе лучи огненнаго солнца мало-помалу исчезали въ густыхъ слояхъ отяжелѣвшей атмосферы....

Мы шли къ сѣверу, приготовлялись къ ужину, когда пронзительный свистъ, подобный выдоханію исполинскаго мѣха, привлекъ наше вниманіе. Всѣ взоры съ безпокойствомъ направились къ востоку, откуда послышался признакъ воздушнаго феномена.... еще ничего.... мы бы сочли это за нападеніе чудовищнаго удава, если бы пресмыкающіяся могли жить въ этихъ пескахъ безъ воды, базъ наскѣкомыхъ, безъ болотъ, безъ лѣсовъ.

Что же это?

Далеко, очень далеко отъ насъ образовался столбъ. Подножіе его на землѣ, вершина въ небесахъ.

Столбъ приближается, расширяется, вертится, растягивается

надувается, сгибается и становится волнистой лентой послѣ правильной желѣзной трубки.

И все подвигается.

Теперь это колоссальная масса, у которой вдругъ дѣляются сестры, увеличивающіяся по мѣрѣ приближенія.

Намъ невозможно отъ нихъ уклониться, до того быстро ихъ стремленіе. Мы должны ожидать ихъ и приготовиться къ толчку. Страшное зрѣлище развѣивается передъ нашими глазами. Десять, двадцать, тридцать, сто столбовъ, образуютъ галлерей, глубоких, широких, узкихъ пещеры, перерѣзываемыя другими отдаленными столбами, которые бѣгутъ за первыми, словно за тѣмъ, чтобы пожрать ихъ.

— Это братъ самуна, сказалъ мнѣ Арабъ, стоявшій возлѣ меня на колѣнахъ.

— Ты это уже видѣлъ? спросилъ я нетвердымъ голосомъ.

— Никогда.

— Какъ же ты знаешь, что смерчи и самуны одной породы?

— Оба умерщвляютъ и поглощаютъ.

— Такъ это нашъ послѣдній часъ?

— Я такъ думаю.

— Отчего ты это думаешь?

— Отецъ мнѣ рассказывалъ.

— Отецъ твой видѣлъ такихъ смерчей.

— Три раза.

— Однако съ нимъ ничего не сдѣлалось. Станемъ надѣяться, что и мы будемъ такъ же счастливы, какъ онъ.

Между тѣмъ воздушная лавина была передъ нами; отъ подножія ея звучалъ и прыгалъ песокъ; а внутри этихъ пузырьистыхъ, прозрачныхъ какъ газъ массъ, мы видѣли какъ поднимались и терались въ высокнхъ областьяхъ атмосферы, потоки песку, между которымиъ взывались прямо и лежа животныя, наземныя, рыбы, пресмыкающіеся или четвероногіе, которыхъ мы видѣли въ очень краткихъ промежуткахъ.

Это нападеніе разъяренныхъ враговъ на неподвижныхъ противниковъ представляло великолѣпную картину, которой очарованіе никогда не передастъ кисть, потому что тамъ не будетъ движенія, суеты, борьбы то сталкивающихся, то разстающихся, встречающихся и убѣгающихъ столбовъ, одного стремящагося разорвать другой, того готового погибнуть и вдругъ дѣлающагося побѣдителемъ.

Мартея, живописецъ пространства, отбросилъ бы далеко отъ себя палитру, кисть и краски.

Я собралъ эти мысли, когда феноменъ прекратился. Въ ожиданіи набѣга я, какъ и весь караванъ, старался избѣжать прикосновенія этихъ страшныхъ и страшныхъ бомбъ, такъ же убійственныхныхъ какъ лавины, которыя стремясь съ хребта горъ, уносить съ собою лѣса и деревушки съ жителями.

Однако никто изъ насъ не былъ затронутъ. Столбы такъ были близки одинъ къ другому, что мы бы могли дотронуться до нихъ рукою въ два прыжка.

Едва опасность миновалась, мы вскочили и съ счастіемъ, съ гордостью слѣдовали глазами за смерчами, смѣялись ихъ угрозамъ и я еще вижу возлѣ себя испуганнаго Араба, тихо читающаго стихъ изъ корана, которому, вѣроятно, онъ приписывалъ свое чудесное спасеніе.

Однако феноменъ тутъ не кончился. Онъ остановился, побѣжденный противнымъ вѣтромъ, заворчалъ, раздражился отъ сопротивленія, припаялъ предлагаемую борьбу, сжалъ свои ряды, почерпалъ въ изрытой почвѣ новыя силы; но изнемогши подъ тяжестью своихъ снарядовъ, осѣлъ и навлекъ страшный беспорядокъ на всю массу. О! тогда пустился въ дѣло голоса тысячи Батарей, непрерывная пальба; небо падаетъ на землю съ ужаснымъ трескомъ, пил скорѣе поднятый песокъ, возвращается въ свои владѣнія, поднимаясь волнистыми горами по дорогѣ, уже пройденной смерчами. Все изрѣзано, опрокинуто; если бы могильщики вздумали погребсти окаменѣлый городъ, имъ бы не нужно было трудиться. Тамъ, гдѣ низвергся метеоръ, явились странные, причудливые холмы, остроколючные какъ шпиги, округленные какъ куполы, разтянутые какъ площадки, разбѣгающіеся по всемъ направленіямъ, крѣпкіе, стоячіе до тѣхъ поръ, какъ самунъ, который не любитъ ровностей, опрокинетъ и уравниетъ ихъ.

Когда настанетъ этотъ роковой день, мы, надѣюсь, будемъ далеко, и уже перескажемъ друзьямъ посѣщеніе земныхъ феноменовъ, которые средняя Африка бросаетъ передъ ногами неблагодарныхъ изслѣдователей.

Я воспользовался спокойствіемъ и оцѣпенѣніемъ каравана и пошелъ осмотрѣть слѣдствія опустошенія. Арабъ послѣдовалъ за мною, и какъ опасность уже миновалась, трусъ болталъ съ неутомимой говорливостью. Я заставилъ его молчать, ничего ему не отвѣчалъ, и мы дошли до подошвы новыхъ холмовъ. О! чудное зрѣлище!

почва волнуется, песокъ вздымается, опускается неровнымъ потрясеніемъ. Я изучаю феноменъ, дотрогиваюсь дуломъ пистолета до одного бугра, мнѣ сильно сопротивляются, я преодолеваю препятствіе.... Это страшная, чудовищная жаба. Нѣтъ никакого сомнѣнія, много другихъ животныхъ зарыто въ вихрь, захватившемъ ихъ среди жилища, и въ самомъ-дѣлѣ тутъ, тамъ, вездѣ трупы и растерзанные летучія мыши, ящерицы, крысы, ужи, ехидны, ибисы, кроты, обвитые однимъ саваномъ, соединенные одной катастрофой.

Откуда явились голодные смерчи? откуда они взяли эту живую пищу? Какое невѣроятное сочетаніе! И какъ пресмыкающіеся и четвероногіе должны были удивляться, встрѣтись въ различныхъ стихіяхъ и температурѣ и въ полясахъ, столь разнообразныхъ!

Я было хотѣлъ соединить въ одномъ сосудѣ этихъ животныхъ и насѣкомыхъ, но сигналъ къ отъѣзду отозвалъ моего товарища и я присоединился къ каравану, наполнивъ фуражку нѣсколькими пригоршнями песку, въ которомъ, къ крайней досадѣ, я нашелъ только остатки паука и три перышка ибиса.

Не знаю, что опредѣлило мнѣ небо въ отдаленномъ или близкомъ будущемъ, мнѣ извѣстно только то, что оно не отказываетъ мнѣ ни въ сладостныхъ, ни въ сплсныхъ, ни въ спокойныхъ, ни въ лихорадочныхъ волненіяхъ, наполняющихъ жизнь, и я благословляю его за то, что оно почти никогда не оставляетъ меня одного.

Счастіе, не раздѣленное, не можетъ назваться счастіемъ. Не холодный ли эгонизмъ заставитъ сказать человека: «Я одинъ видѣлъ эти великія вещи, одинъ былъ свидѣтелемъ этихъ великолѣпныхъ феноменовъ, одинъ ступалъ по этой неровной или ухапной почвѣ.»

Увы! появивъ какъ грусть вдвоемъ предпочтительна одинокой радости, я часто восклицалъ въ присутствіи атмосферическаго гвѣва или улыбки: зачѣмъ я одинъ передъ такимъ величіемъ!

Зачѣмъ нѣтъ другаго возлѣ меня, чтобы взять отъ меня часть моего восторгу и отдать мнѣ половину своего?

Напримѣръ нынче утромъ.... а! нынче утромъ каравашъ мой не останется празденъ, я долженъ постараться передать высокое, великолѣпное зрѣлище, разрывающееся передъ мопми глазами. Весь караванъ, Арабы, Мавры заспули вмѣстѣ съ верблюдами при блескѣ феномена.

А у меня недостаетъ чувствъ, чтобы вдоволь насладиться; гла-

за мои, уши упоены поэзіей, освѣженные пальцы протягиваются чтобы схватить вѣтерокъ, разгуливающий со вздохомъ отъ песку до самыхъ высокихъ областей атмосферы; вы думаете, что видите его причудливаго, своенравнаго, бѣгущаго по цвѣтамъ или волосамъ высокихъ растений, которыми земля украшается съ гордостью. Вы чувствуете какъ жизнь бѣжитъ по вашимъ жиламъ, будущаго не будетъ, прошедшаго никогда не было, все настоящее въ томъ пространствѣ, которое отдѣляетъ два бѣнія вашего сердца, и это такъ сладко, такъ полно, такъ совершенно, что вы не останавливаетесь на мысли, что оно кончится когда-нибудь. Вы ни сильны, ни слабы, вы не принадлежите себѣ, вы становитесь невольникомъ, и это невольничество такъ повелительно, что вы не промѣняете его на самую широкую свободу, ту, которая даетъ вамъ въ обладаніе воздухъ, землю, воды.

И у окружающихъ меня дикарей нѣтъ ни одной посторонней мысли, они тутъ возлѣ меня, между-тѣмъ, какъ будто ихъ нѣтъ.

— Чтò ты дѣлалъ тамъ, Тжи, за мною?

— То же чтò ты: люблюсь.

— Чѣмъ?

— Пустыней.

— А больше ни чѣмъ?

— Отдохновеніемъ Господа.

— Такъ это величіе, это безмолвіе — отдохновеніе Господа?

— Видишь ли, христіанинъ: бросая міры въ пространство, Аллахъ хотѣлъ, чтобы въ нашемъ была пустыня, и чтобы въ этой пустынѣ пилигримъ могъ разъ въ годъ, одинъ только разъ, поблагодарить Его за милосердіе. Ну, будемъ же благодарить Его нынче, потому что завтра....

— Чтò будетъ завтра?

— Не знаю чтò, пророкъ ничего не произнесъ, но завтра....

Не будемъ заглядывать въ тайны Господа.

Арабъ разрушилъ очарованіе; я просилъ его оставить меня своимъ внутреннимъ размышленіямъ и попробовалъ сохранять на бумагѣ нѣкоторыя изъ тѣхъ глубокихъ впечатлѣній, съ которыми скоро долженъ былъ проститься.

Солице восходитъ и взоръ не уязвленъ, вы можете слѣдовать за нимъ шагъ за шагомъ въ его исполнскомъ бѣгѣ, и вы спрашиваете не измѣнило ли вѣчное свѣтило свою сущность, не отрелось ли отъ своего сіяющаго и возстановительнаго могущества.

Оно все восходитъ, всходитъ.

Форма его та же, кругъ тотъ же, ни лучей ни жару у него нѣтъ; это огненный, красивый и тусклый кругъ.

Кто лишалъ его этой пламенной атмосферы, которой мы обладаемъ лѣтними временами года и постоянной свѣтлой ночью и днём?

Посмотрите еще.

Канацъ затмеваетъ въ половину; звѣзды средней степени сохраняютъ свой отливъ; блестящіе метеоры извиваются по пространству; вы слѣдите за ихъ причудливымъ бѣгомъ и, когда они гаснутъ въ воздухѣ или на землѣ, о которую съ шумомъ ударяются, непрозрачность не измѣняется, это все сумерки, но долгіе и густые какъ въ полярныхъ странахъ.

Я былъ въ восторгѣ и ждалъ катастрофы отъ этого зѣрнаго феномена, хотя сонъ каравана долженъ былъ меня успокоить.

Но зачѣмъ этотъ сомнительный свѣтъ? Къ чему эти прозрачныя сумерки? Ни облаковъ ни тумана; грудь свободна, дыханіе легко, въ воздухѣ ни малѣйшаго электричества.... *Господь отдыхаетъ*, сказалъ мнѣ Арабъ Тжи, зачѣмъ же опасаться Его гнѣва? Поднимите глаза, старайтесь передать форму, цвѣтъ того, что мы называемъ небомъ. Оттѣнки его такъ однообразны, что самый искусный живописецъ придетъ въ отчаяніе. Это ни тускло, ни сомнительно, и однако невозможно опредѣлить точный оттѣнокъ.... Косвенно ли, вертикально ли паритъ солнце надъ нами, ничто не измѣняется ни вдали ни вблизи его движущейся массы. Оно одно блеститъ безъ блеску.

Клаппертонъ уже видѣлъ этотъ феноменъ; Бугенъ и Бельзони напрасно ждали его; одинъ Тжи передалъ его словами: *Господь отдыхаетъ*.

Тжи всталъ и съелъ возлѣ меня.

— Что будетъ завтра? спросилъ я.

— Завтра солнце будетъ солнцемъ, отвѣчалъ онъ, завтра пустыня станетъ пустыней, завтра Сахаръ сдѣлается страной, проклятой пророкомъ.

— Ты, мнѣ кажется, печаленъ, Тжи?

— Это потому, что я приготовляюсь убить человѣка, а Аллахъ запрещаетъ убійство.

— Что тебѣ сдѣлалъ этотъ человѣкъ?

— Мнѣ ничего; но онъ нравится той, которую я люблю, и отъ этого глаза мои наливаются кровью.

— Однако ты не можешь его умертвить.

— Нѣтъ; но его ятаганъ, такъ же острый какъ мой, не вооружаетъ такой же сильной руки, и если пророкъ сдѣлалъ меня

Такимъ, я долженъ воспользоваться этимъ преимуществомъ. Я предложилъ поединокъ Такъяру, онъ не отказался; Калида не будетъ принадлежать ему, или я умру.

— А когда будетъ этотъ поединокъ?

— На рассвѣтъ.

— Братъя позволяютъ?

— Братъя любятъ меня, знаютъ, что я страдаю, и желаютъ, чтобы я побѣдилъ.

— Если Амахъ дастъ тебѣ побѣду, Калида будетъ ли твоею?

— Не думаю. Калида любить... но пустыня велика, отсюда до Марока далеко, а у тигровъ не всегда такая овѣшная кожа какъ у Калиды.

— Такъ ты ее не любишь?

— Ты видишь, что если я ее убиваю, если отдаю на съѣденіе лютымъ звѣрямъ, стало быть я отъ нея безъ ума.

— Развѣ пророкъ не наказываетъ убійць?

— Нѣкоторыхъ; но если рука его должна тяготѣть на тѣхъ, у которыхъ есть сердце, зачѣмъ даетъ онъ намъ страсти, эти жизненные ураганы? Къ тому же, христіанинъ, я вѣрю пророку только въ счастіи; когда горе поражаетъ меня, я богохульствую.

— Ты думаешь, что твои друзья Арабы позволяютъ тебѣ сражаться?

— Они знаютъ, позволяютъ и теперь молятся за меня.

Несчастный Тжи опять меня оставилъ, а я пошелъ въ соседнюю палатку посмотрѣть на предметъ такой глубокой любви.

Ударивъ три раза въ ладоши я вошелъ.... Калида сидѣла на верблюжьей кожѣ и пила спиртуозное питье, присланное ей Такъяромъ въ прекрасно изваянномъ кокосѣ.

Съ перваго взгляду мнѣ показалось, что арабская дѣвушка оправдываетъ страсть соперниковъ, и я понялъ ихъ пламенную ревность.

Низенькаго росту, грязная, уже пожилая, она почти не имѣла лба. Ноги ея представляли иперболпческую поверхность, и вы не можете себѣ представить сухопарость икръ и угловатость рукъ, украшенныхъ бѣловатыми пятнами, нескромными обвинителями природной проказы, уничтоженной когда-то раскаленнымъ желѣзомъ.

Никогда болѣе свѣтлый и пріятный взоръ не падалъ изъ болѣе чернаго и бархатистаго зрачка; онъ былъ кротокъ какъ частыя

матери, какъ улыбка друга, былъ вѣстѣ и сладострастенъ и щѣломудренъ, давалъ жизнь и счастье.

Часъ поединка наступилъ. Его возвѣстили звукомъ трубы и при этомъ страшномъ сигналѣ Калида нисколько не тронулась.

Тжи и Такъяръ оба пошли на избранное мѣсто: весь караванъ составилъ кругъ, а Калида сѣла на львиную кожу, которая была ей предложена счастливымъ побѣдителемъ царя зѣрей.

Два бойца три раза повернулись на пяткахъ, сдѣлали воззваніе къ Магомету и бросившись на колѣна ожидали повелѣнія начальника.... Повелѣніе было дано.

Сражающіеся не кололись, а рѣзались. Тжи, бросился съ атаганомъ на Такъяра..... Тотъ предвидѣлъ ударъ, легъ на землю почти ничкомъ и его загнутае оружіе глубоко вошло въ животъ Тжи.

Вырыли двѣ могилы и зарыли туда обѣ жертвы, голову противъ головы; а на другой день, когда я хотѣлъ утѣшить Такъяра, мнѣ сказали, что онъ исчезъ.

Сколько страшныхъ тайнъ въ Сахарской пустынѣ!

ОХОТА НА ВЕРЕГУ АРКАНСАСА. — Тамъ стрѣляютъ, закричалъ я моему спутнику Канадцу.

Онъ сталъ прислушиваться.

— Что это? вскричалъ онъ вдругъ съ радостью, это они, *by God!*

— Путешественники? вскричалъ романистъ (другой мой спутникъ).

— Э! пѣть! Медвѣдь и буйволъ, за которыми я слѣдилъ, не говоря вамъ. Если я не ошпаюсь, у васъ передъ глазами будетъ зрѣлище, за которое богачъ дорого бы далъ. Глядите во все глаза, слушайте обоими ушами, и въ особенности не мѣшайте мнѣ.

Охотникъ успѣшилъ слѣзть на землю, съ карабиномъ въ рукѣ. Предчувствуя какое зрѣлище онъ общалъ намъ, мы ждали его съ трепещущимъ сердцемъ, устремивъ глаза впередъ. Бугоръ скрывалъ отъ насъ излучины Аркансаса. Мы вскорѣ услышали глухой гулъ, становившійся все яснѣе, не замедлившій смѣниться шумомъ камешковъ, падавшихъ съ берега въ рѣку. Въ ту же минуту двѣ огромныя, черныя массы авались на вершинѣ бугра на полъ-выстрѣла отъ того мѣста,

гдѣ мы находились. Это были медвѣдь и буйволъ, о которыхъ говорилъ Канадецъ. Какъ будто бы при видѣ насъ буйволъ понялъ, что стыдно бѣжать далѣе, вдругъ обернулся къ неприятелю, и опустивъ голову, сметая землю густой гривой, ждалъ съ мычаніемъ вызова. Медвѣдь также остановился съ страшнымъ ворчаніемъ, потомъ протянулъ на рога своей жертвы могущественныя лапы; мы видѣли какъ бѣдный буйволъ постепенно сгибалъ колѣна и тяжело опустился; печальное рычаніе означало его поражение, когда охотникъ съ крикомъ бросился къ нему и выстрѣлилъ въ обоихъ. Равеный медвѣдь выпустилъ добычу и буйволъ, воспользовавшись этой краткой отсрочкой, бросился къ рѣкѣ и исчезъ на берегу нашихъ глазъ.

— А! вскричалъ охотникъ, этотъ бѣдный медвѣдь испыталъ на себѣ самомъ, что отъ лапъ до зубовъ еще далеко; впрочемъ онъ не будетъ ниѣтъ времени воспользоваться этимъ опытомъ. Теперь ваша очередь покайтсть я заряжаю ружье; но не стрѣляйте, — стыдно нападать тронимъ на одного.

Я также сошелъ на землю, бросивъ поводья лошадей нашему товарищу, потомъ, проклявша неумѣстную пылкость охотника, старался сохранять спокойный видъ. При видѣ трехъ неприятелей, звѣрь какъ будто колебался, но глухое скрежетаніе его длинныхъ, бѣлыхъ зубовъ, было ужасно, и романить съ трудомъ сдерживалъ свою и нашихъ лошадей. Не подаваясь впередъ, медвѣдь однако не отступалъ; онъ какъ будто вдыхалъ отдаленный запахъ и качаніе головы показывало его нерѣшительность. Вдругъ онъ какъ будто рѣшился отступить и мы видѣли какъ онъ исчезъ въ томъ же направленіи какъ буйволъ. Охотникъ все еще заряжалъ ружье. Побѣгъ этотъ противорѣчилъ его намѣреніямъ и онъ бросился преслѣдовать медвѣдя, приглашая меня слѣдовать за нимъ; но достигнувъ вершины бугра, только что оставленнаго звѣремъ, мы не могли его примѣтить нигдѣ. Только уже черезъ нѣсколько времени охотникъ снова увидалъ его. Онъ обошелъ бугоръ, и скорымъ шагомъ шелъ по песчаному берегу рѣки вдоль по теченію. Онъ, казалось, догонялъ кого то, и не бѣжалъ.

— Миѣ однако нужна медвѣжья шкура, сказалъ охотникъ, а это чудо какъ миѣ нравится. Но въ дѣйствіяхъ этого медвѣдя есть чтѣ то, чего я не понимаю.

— Напрасно говорилъ я, что мы потеряемъ драгоценное время; охотникъ увлекаемый горячностью, не хотѣлъ ничего слу-

и мы бросились по его слѣдамъ. Водная скатерть Аркансаса блистала какъ серебро и, слѣдуя глазами за медвѣдемъ, мы видѣли, какъ онъ остановился передъ древеснымъ стволомъ, уносимымъ теченіемъ, потомъ воротился назадъ, все слѣдуя за деревомъ, увлекаемымъ рѣкою. Вытягиваясь какъ можно болѣе надъ водою, которой какъ будто боялся, онъ протягивалъ лапу, чтобы схватить вѣтвь, оставшуюся у ствола, то начиналъ бѣжать параллельно съ деревомъ и словно наблюдалъ за его плаваніемъ съ самой нѣжной заботливостію. Тутъ была неизъяснимая охотничья тайна. Охотникъ вдругъ схватилъ меня за руку.

— На деревѣ человѣкъ! вскричалъ онъ; но чортъ меня поберетъ, если я знаю, что это значить!

Точно я увидѣлъ явственно человѣка, приваженного къ стволу, плавающему и качаемому быстрыми водами Аркансаса, которыми каждую минуту готовились поглотить эту легонькую добычу въ своихъ безчисленныхъ водоворотахъ. Я думалъ, что шведу это во снѣ и спрашивалъ себя, какая неумолимая неважность могла избрѣсть такое ужасное подражаніе казни Мазеши. Радостный вой медвѣда скоро возвратилъ мнѣ чувство дѣйствительности. Чудовищное животное успѣло схватить лапами одну изъ вѣтвей дерева и силалось притащить къ берегу этотъ странный паромъ. Колебаться было непозволительно, и въ ту самую минуту, когда дерево, уступая силѣ еще могущественнѣйшей силы потока, опрокинулось на берегъ, мы выстрѣлили въ медвѣда, который пронзенный нашими пулями, покотился въ рѣку и исчезъ среди пѣнистыхъ волнъ. Намъ оставалось только посѣтить на помощь несчастному, котораго словно Провидѣніе послало намъ на встрѣчу для того, чтобы раскроить страшныя намѣренія. Къ несчастію старанія наши были бесполезны; мы могли разорвать узы, связывавшія тѣло утопленнаго, но не могли возвратять ему улетѣвшей жизни.

КНЯЗЬ МЕТТЕРНИХЪ. Тридцатилѣтняя война покрывшая Германію кровью и развалинами, была пагубна многимъ благороднымъ фамиліямъ: одиѣ даже вовсе исчезли и только генеалогія сохранила о нихъ воспоминаніе въ своихъ архивахъ, съ которыми справляются теперь одни антикваріи; у другихъ срыли замки и едва нѣсколько обломковъ указываютъ ихъ прежнее мѣсто. Но самымъ страннымъ слѣдствіемъ этой продолжительной войны были притязанія цѣлой толпы дворянъ на княжеское происхожденіе.

Въ родѣ Меттерниховъ, есть также своя легенда, по которой этотъ родъ былъ владѣтельнымъ въ четырнадцатомъ столѣтїи и шелъ паравѣ съ Нассауами, Сальмами, Голштинцами и другими высшими родами. Что касается до зѣмля, то мѣсто его показываютъ очень вѣроятно и утверждаютъ, будто онъ былъ скрытъ послѣ продолжительной осады Шведовъ, подѣ предводителемъ герцога Веймарскаго, одного изъ самыхъ искусныхъ полководцевъ великаго Густава,

Вѣрно только то, что въ началѣ осемнадцатаго столѣтїа Меттернихъ-Винбургъ были бѣдными дворянами въ Юлиерсѣ. Нѣкоторые члены этой фамилии пошли некакъ очастїа въ войскахъ германскихъ государей; это были настоящїе головы дружинъ и одинъ изъ нихъ дѣлъ министра австрїйскаго, былъ майоромъ въ австрїйскихъ драгунахъ; онъ служилъ, говорятъ, съ отличїемъ во многихъ войнахъ, которыми австрїйскїй домъ поддерживалъ въ сраженїахъ послѣдняго столѣтїа.

Графъ Георгїй Меттернихъ-Винбургъ долженъ былъ также быть военнымъ; отецъ хотѣлъ, чтобы онъ вступилъ въ австрїйскую службу и прочилъ ему мѣсто въ своемъ полку, но графъ предпочелъ военной службѣ такую карьеру, гдѣ онъ видѣлъ болѣе удачи къ быстрому возвышенїю. Онъ воспротивился волѣ отца, и это сопротивленїе чуть было не стало ему пагубно. Старый майоръ не понималъ, какъ вѣнецкїй дворянинъ, потомокъ знатной фамилии, словомъ *Меттернихъ*, могъ предпочитать перо шпагѣ. Графъ Георгїй превосходно кончилъ курсъ наукъ въ гейдельбергскомъ университетѣ и говорилъ, что есть средство дѣйствительнѣе военнаго званїа, чтобы возвысить фамилию Меттернихъ-Винбургъ и возвратить ей прежнїй блескъ: онъ хотѣлъ быть дипломатомъ и увѣрялъ отца, что можетъ со временемъ сдѣлаться первымъ министромъ германскаго императора. Но въ глазахъ майора дипломатъ, министръ, будь онъ самъ Рицшиѣ, былъ только *бумажная строка*, и этотъ титулъ то заставлялъ дрожать отъ ужаса, то краснѣть отъ стыда главу фамилии Меттернихъ, которой ни одинъ членъ до-тѣхъ-поръ не унижалъ своего званїа.

Какъ молодой графъ упорствовалъ въ своемъ намѣренїи, майоръ вздумалъ употребить доводительныя средства и грозить сыну лишенїемъ наследства. Эта угроза могла только произвести посредственное дѣйствїе, Георгїй зналъ, что отецъ былъ бѣденъ. Онъ возобновилъ настоянїа и просьбы, но все было бесполезно.

Эта странная борьба кончилась посредничествомъ одного августѣйшаго лица.

Передъ императрицей Маріей-Терезіей явился однажды старый кавалерійскій оециеръ, просившій у ней аудіенціи; человѣкъ этотъ напрасно старался побѣдить замѣтное волненіе. Императрица, которая была по природѣ добра и всегда расположена къ снисхожденію, спросила, чего онъ хочетъ.

— Правосудіа! ваше величество, правосудіа! отвѣчалъ оециеръ. Этотъ оециеръ былъ маіоръ Меттернихъ.

Императрицу удивилъ этотъ отвѣтъ, особенно выраженіе, съ какимъ былъ произнесенъ.

— Успокойтесь, маіоръ, успокойтесь: если ваше требованіе справедливо, какъ я полагаю....

— О! ваше величество! вы видите передъ собою несчастнѣйшаго изъ вашихъ подданныхъ.... самаго жалкаго отца.

Императрица поблѣднѣла и облокотилась на руку камергера.

— Маіоръ, изъяснитесь.... который-нибудь изъ дѣтей вашихъ нанесъ вамъ обиду?

— Да, ваше величество, поведеніе сына моего ужасно....

— Развѣ нѣтъ судилищъ въ Вѣнѣ?

— О! судилища не удовлетворятъ меня.

— Какъ! о чемъ же идетъ рѣчь?

— Ваше величество, у меня есть сынъ.... очень ученый, котораго я воспиталъ для службы вашего величества, а онъ не повинуется, отказывается вступитъ на поприще предковъ, не хочетъ быть военнымъ.

— И въ этомъ все его преступленіе!

— Точно такъ, ваше величество.

Марія-Терезія захохотала, что смутило маіора, потомъ сказала съ важностью:

— Конечно, неповиновеніе сына отцу большой проступокъ! Изслѣдовали ли вы наклонности сына? Нѣтъ ли у него расположенія къ другому званію?

— Онъ ничѣмъ не хочетъ заниматься.

— Какъ! онъ отказывается выбрать какую-нибудь почетную должность, потому что вѣдь есть же должности столь же достойныя уваженія какъ та, которую вы ему назначили....

— Ваше величество, онъ ничѣмъ не хочетъ заниматься, и доказательство то, что онъ желаетъ быть дипломатомъ.

— Дипломатомъ! а! онъ хочетъ быть дипломатомъ; увѣрены ли вы въ томъ, маіоръ?

Императрица сопровождала эти слова улыбкой, которую Меттернихъ не полагалъ.

— А! вашъ сынъ хочетъ быть дипломатомъ.... противъ вашей воли и это только одно, въ чемъ вы можете упрекнуть молодого человѣка?

— Да, ваше величество, кажется этого довольно, чтобы оправдать мой гнѣвъ. Но какъ судиллица пожалуй не удовлетворять меня, я умоляю, ваше величество, въ уваженіе моихъ заслугъ, моего имени, приказать заключить моего сына въ надежное мѣсто, чтобы онъ могъ на свободѣ размыслить о сыновней обязанности и рѣшился повиноваться мнѣ, то есть, вступить въ мой полкъ.

— Будьте спокойны, маіоръ. Я беру на себя наказаніе вашего сына, какъ онъ этого заслуживаетъ. Вы полагаетесь на меня?

— Ахъ, ваше величество, можете ли сомнѣваться?

Императрица сдѣлала маіору знакъ, онъ поклонился и вышелъ изъ дворца съ убѣжденіемъ, что сына запрутъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ крѣпость.

Черезъ два дня послѣ аудіенціи, онъ получилъ отъ перваго министра письмо въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Ея королевское и императорское величество поручила мнѣ извѣстить васъ, что она помѣстила вашего сына Георгія въ такое мѣсто, гдѣ онъ останется до-тѣхъ-поръ, пока вы сочтете нужнымъ вызвать его оттуда. Всеплотивѣйшая государыня назначила его секретаремъ посольства у его высочества курфюрста саксонскаго. Ея императорскому и королевскому величеству благоугодно полагать, что вы будете довольны ея правосудіемъ».

Маіоръ покорился безропотно правосудію Маріи-Терезіи и когда сынъ его быстро возвышался на дипломатическомъ поприщѣ, онъ остерегался воспользоваться правомъ, которое ему было дано. Сожалѣлъ-то онъ все-таки, что не видитъ его во главѣ драгунскаго эскадрона, послѣ того какъ мечталъ для него о званіи фельдмаршала, но наконецъ рѣшился покориться необходимости и, казалось, искренно примирился съ Георгіемъ.

— Вотъ какимъ образомъ Меттернихъ вступилъ на дипломатическое поприще и князь Клементій Венцеславъ Меттернихъ, внукъ драгунскаго маіора, часто рассказывалъ этотъ анекдотъ, который до-

снхъ-поръ былъ забытъ въ различныхъ біографіяхъ Маріа-Терезіа.

Графъ Георгій могъ бы и безъ наказанія Маріа Терезіа проложить себѣ дорогу въ карьерѣ, отъ которой отецъ хотѣлъ его удалить; это былъ человекъ умный, соединявшій съ разнообразными свѣдѣніями тѣ качества, изъ которыхъ часто одно замѣняетъ всѣ другія въ дипломатіи: онъ былъ красивъ собою, съ изящными манерами и нисколько не походилъ на тѣхъ германскихъ дворянъ, у которыхъ вѣжливость всегда такъ не ловка и надменная, что нисколько не располагаетъ въ ихъ пользу. Графъ Георгій правился всадъ, потому что былъ любезенъ и своими успѣхами былъ одолженъ болѣе характеру чѣмъ талантамъ.

Но секретарь посольства былъ не богатъ: жалованье не доставало для потребностей положенія, гдѣ наружная пышность — условіе успѣха.

Маріа-Терезіа наблюдала сама за непокорнымъ сыномъ, сдѣлавшимся дипломатомъ противъ воли отца. Первый министръ представилъ къ подписи государыни назначеніе графа Георгія Меттерниха посланникомъ въ Вестфалію, постъ почетный, но не прибыльный. Когда онъ явился во дворецъ поблагодарить государыню и получить инструкцію, Маріа-Терезіа предупредила благодарность его этими словами:

— А! непокорный сынъ, очень рада васъ видѣть. Я назначила васъ посланникомъ въ Вестфалію, потому что считаю васъ достойнымъ занять этотъ постъ. Но, можетъ-быть, вашъ отецъ потребуетъ вашей отставки. Припомните съ какими условіями вступили вы на дипломатическое поприще?

— Отецъ мой, ваше величество, сознался наконецъ, что я былъ бы предурнымъ ояперомъ.

— Онъ, можетъ-быть, ошибся.

Говоря эти слова императрица смотрѣла съ улыбкой на юнаго министра.

— Какъ знать, не были бы вы Евгеніемъ или Монтекукули? Но если отецъ вашъ покорился моему рѣшенію, вы должны послѣдовать его примѣру; оставайтесь дипломатомъ и надѣюсь, что и на этомъ поприщѣ вы будете служить мнѣ такъ же хорошо какъ и со шпагой въ рукѣ.

Георгій бросился къ ногамъ государыни и хотѣлъ изъявить ей признательность за милости, которыми она его осыпала, но слова

зампрати на губахъ: императрица сжалась надъ его замѣстельствомъ и сдѣлала ему знакъ встать.

— Молодой человекъ, сказала императрица, вы можете надѣяться на мою благосклонность: скажите отъ меня отцу, что я постараюсь, чтобъ онъ не раскаялся, зачѣмъ не воспользовался дарованнымъ ему правомъ и позволилъ вамъ вступить на поприще, которое ввѣшало ему такъ мало довѣрія къ вашей будущности.

Императрица дала Георгію поцѣловать свою руку, онъ покрылъ ее слезами.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этой аудіенціи, въ ту минуту, какъ онъ готовился отправиться къ своему дипломатическому посту, пришелъ къ нему отецъ, котораго онъ посвѣшилъ извѣстать о благосклонности императрицы. Какъ удивился Георгій увидя, что лицо отца, запечатлѣнное мрачной грустью, какъ будто показывало глубокую горечь!

Георгій ожидалъ поздравленій и думалъ, что отецъ раздѣляетъ его радость.

— Ну что, батюшка, вскричалъ онъ бросившись обнимать его, развѣ я дурно сдѣлалъ, что хотѣлъ быть дипломатомъ?

— Разумѣется!

— Какъ! Когда я въ двадцать два года занимаю постъ, который обыкновенно бываетъ наградою продолжительныхъ заслугъ....

— Именно поэтому-то и есть....

Дипломатъ остолбенѣлъ, маіоръ продолжалъ:

— Да, именно по этому! какъ ты хочешь, чтобы я былъ доверенъ дѣломъ, которое противно всѣмъ правиламъ правосудія? Въ военномъ званіи, добываютъ себѣ чины саблею; мнѣ надо было, по крайней мѣрѣ, пятнадцать или двадцать кампаній, чтобы сдѣлаться командиромъ полка и то мое полковничье производство еще не подписано! а ты, любезный сыночекъ, только полгода какъ вступилъ въ дипломатію и ужъ министръ и почти посланникъ! На что это похоже! Лучше бы послушаться меня, чѣмъ сдѣлаться бумажной строкой, дипломатомъ.... Меттернихъ дипломатъ!!!

Маіоръ вдругъ остановился, ему надо было отдохнуть послѣ такой жестокой филиппики.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ безмолвія, Георгій сказалъ:

— Клянусь честью, батюшка, я ничего не просилъ у императрицы.... впрочемъ, скажите только слово и я отказываюсь отъ дипломатической карьеры.... подаю въ отставку.

Это предложеніе сдѣлало на маіора живое впечатлѣніе.

— Нѣтъ, сказалъ онъ, теперь поздно. Оставайся дипломатомъ, сдѣлайся посланникомъ, если можешь, это до меня не касается. Это дѣло императрицы, а не мое. Мы вѣрноподданные нашей государыни и нашъ долгъ повиноваться ей.

Благосклонность Маріи Терезин къ сыну распространилась и на отца; наканунѣ отъѣзда Георгія, маіоръ получилъ полковничій патентъ. Меньше чѣмъ черезъ два года онъ былъ произведенъ въ генералъ-маіоры, и умеръ шестидесяти лѣтъ отъ-роду, не подозревая, что своимъ возвышеніемъ обязанъ сыну.

Министръ Марин-Терезин въ Вестфалии былъ не богатъ; отецъ умирая оставилъ ему только свое благословеніе, и потому графъ Георгій Меттернихъ старался жевитьбой вознаграждать эти невыгоды: ему нужна была не только жена, но и приданое, которое позволило бы почетно поддерживать свое званіе.

Нѣсколько политическихъ и дипломатическихъ дѣлъ призвали графа Георгія въ Триръ. Курфирстъ былъ любезенъ, онъ привезъ изъ Версаля, гдѣ находился нѣсколько времени, манеры и тонъ, противорѣчившіе германской спѣси, при дворѣ его.

Графъ Георгій Меттернихъ понравился ему съ перваго разу, потому что министръ австрійскій былъ человекъ умный, что прежде встрѣчалось довольно рѣдко и при малыхъ и при большихъ германскихъ дворахъ; курфирстъ хотѣлъ перевести въ свою службу юнаго дипломата и не нашелъ лучшаго средства, какъ женить его.

При трирскомъ дворѣ находилась молоденькая и хорошенькая сирота, надъ которой опека была ввѣрена одному изъ первыхъ сановниковъ курфиршества. Многіе добивались сердца и приданнаго графини Беатрики фонъ-Кагенекъ, обладавшей большимъ состояніемъ. Курфирсту не трудно было увѣрить графиню, что всѣхъ достойнѣе руки ея былъ молодой австрійскій министръ, любимецъ императрицы Марин-Терезин, дипломатъ, который могъ скоро сдѣлаться главой вѣнскаго кабинета.

У графа были только физическія и нравственныя достоинства, молодость и будущность. Конечно это много, но что же это значило въ сравненіи со сто пятидесятью тысячами гульденами годоваго дохода графини Беатрики, которая, сверхъ того, была еще самой хорошенькой женщиной во всей Германіи? Говоря съ легкостью на многихъ европейскихъ языкахъ, въ особенности по-французски, она рисовала и гравировала съ талантомъ, достаточнымъ составить репутацію артиста.

Бракъ былъ заключенъ 19-го января 1771, съ необычайной торжественностью. Явились даже поэты со стихами на этотъ случай. Одинъ изъ кобленцскихъ профессоровъ, бывший товарищъ Георгія Меттерниха по гейдельбергскому университету, съелъ долгомъ призвать классическихъ музъ къ прославленію брака, бросавшаго такой блескъ на университетъ, въ которомъ учился знаменитый молодой; сочинилъ оду латинскую и оду греческую, и имѣлъ честь читать ихъ передъ курфюрстомъ, а тотъ велѣлъ напечатать на своемъ изданіи, въ знакъ дружеской привязанности, къ счастливой четѣ, обвѣчавшейся подъ его покровительствомъ.

Но въ Вѣнѣ собиралась буря, угрожавшая будущности графа Георгія; счастье его навлекло на него завистниковъ. Ему прощали благосклонность Маріи Терезіи, хотя нѣсколько роптали противъ назначенія его министромъ, но женитьба графа и сто пятьдесятъ тысячъ гульденовъ приданого раздражили зависть, которая почти всегда превращается въ ненависть. Она нашла средство оклеветать сношенія австрійскаго министра съ Вестфаліей и съ трирскимъ курфюрстомъ; выдумала, будто графъ готовъ измѣнить интересамъ вѣнскаго кабинета, если уже не продастъ ихъ за приданое графини Беатрики фонъ-Кагенекъ; нѣкоторые злоязычники заходили еще далѣе.

Женщины съ своей стороны не пощадяли новобрачную толками и предположеніями. Такъ какъ знали, что трирскій курфюрстъ жилъ нѣсколько времени при дворѣ Людовика-Пятнадцатаго, изъ этого обстоятельства вывели неблагоприятныя заключенія для молодой графини.

Графъ презиралъ эти толки; онъ весь предался счастью; удовольствія медоваго мѣсяца возмущились явнымъ негодованіемъ, явнымъ гнѣвомъ, поопасяше всѣхъ прочихъ для графа.

Императрица Марія-Терезія не хотѣла, чтобы государственные сановники женились безъ ея позволенія.

Она не любила неровныхъ браковъ, и не допускала браковъ на лѣвую руку; двери дворца ея никогда не открывались для людей, которые пожертвовали для любви своимъ высокимъ редомъ.

Но здѣсь казусъ былъ еще важнѣйшій. Графъ Меттернихъ, состоящій въ ея службѣ и ею покровительствуемый; юный дипломатъ, котораго быстрое возвышеніе возбудило громкіе крики, за былъ испросить соизволенія государыни на бракъ свой.

Въ этомъ было и забвеніе приличій и неблагодарность и мно-

жество другихъ вишь, которыя завистливая злоба постаралась преувеличить.

Счастливая чета находилась тогда въ замкѣ Шуборплюсть, расположенномъ въ окрестностяхъ Кобленца, и принадлежавшемъ трирскому курфюрсту, который отдалъ его въ распоряженіе по-обратныхъ.

Это тотъ самый замокъ, который черезъ двадцать лѣтъ сдѣлался такъ знаменитымъ, преобразовавшись въ главную квартиру французской эмиграціи.

Ля. Эта простенькая исторійка, исполненная граціи, чувства и свѣжести, принадлежитъ перу госпожи Деложъ. Она такъ мило рассказана, что мы сообщаемъ ее цѣликомъ безъ всякихъ сокращеній.

Десять лѣтъ тому назадъ графъ де-Меранжъ былъ самымъ моднымъ львомъ гостиныхъ. Богатый, щедрый, прекрасной натурности, остроумный, онъ былъ принятъ вездѣ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Одни только мужья боялись его присутствія и множество случаевъ доказали, что они были правы. Графъ подлинный благородства и деликатности во всемъ, только не съ женщинами, походилъ на модныхъ молодыхъ людей. Это не потому, чтобы онъ составилъ себѣ систему оболъщенія, и приготовлялъ побѣды кладнокровно, какъ рассказываютъ о некоторыхъ людяхъ, знаменитыхъ въ лѣтописяхъ волокитства; нѣтъ, никакой расчетъ не примѣшивался къ стараніямъ его нравиться. Эти старанія были выраженіемъ истиннаго чувства; графъ хотѣлъ быть любимымъ, потому что самъ любилъ и могъ бы сказать съ блистательнымъ поэтомъ Франка и Роллы: «Я никогда безъ любви не преклонялъ колѣна.» Но чистосердечіе привязанностей не упрочивало ихъ продолжительности, и черезъ это для предметовъ его любви часъ разставанья становился несравненно тяжелѣе.

Въ промежутокъ пылкихъ, но эфемерныхъ привязанностей, графу пришла фантазія опять взглянуть на Венецію, которой лазурны и голубое небо такъ ему нравились. Въ первыхъ числахъ мая 1834 онъ пустился въ дорогу, вознамѣрившись пѣшкомъ пройти Швейцарію и Тироль, не удостоивъ даже воспоминаніемъ, сожалѣвшихъ о немъ красавицъ, потому что, когда угасало пожирившее его пламя, въ душѣ его не оставалось ни одной искорки подъ пепломъ.

Онъ долженъ былъ отправиться въ путь съ лионскимъ докторомъ Дювалемъ, который составилъ себѣ въ молодости гер-

барій изъ всѣхъ швейцарскихъ растений, былъ знакомъ со-
всѣми мѣстами этого преледнаго уголка земли, вмѣстѣ и у-
жаснаго и пріятельскаго. Къ несчастію эпидемическая лихо-
родка свирѣпствовала въ кварталѣ бѣдныхъ, и какъ храбрый
солдатъ, не оставляющій поста своего передъ непріателемъ, мо-
лодой докторъ не хотѣлъ оставить своихъ больныхъ. Онъ напи-
салъ графу де-Меранжу, чтобы тотъ не ждалъ его на границѣ, какъ
они условились и прислалъ къ нему въ тоже время рекоменда-
тельное письмо, къ своему швейцарскому пріятелю, Росвальду,
котораго особа, семейство и жилище, равно интересно было у-
знать, говорилъ онъ.

На послѣдней стаяціи при выѣздѣ изъ Франціи, де Меранжъ
освѣдомился о долиинѣ Н..., въ которой жилъ Росвальдъ; ему от-
вѣчали, что она находится за горами, окружающими дорогу по-
чти отвѣсно, и прибавили, что ѣхать туда въ экипажѣ, падо-
по-крайней-мѣрѣ полъ дня, по причинѣ излучистой дороги, между
тѣмъ какъ черезъ тропинку, выточенную въ скалѣ, туда легко
было дойти пѣшкомъ менѣе чѣмъ въ часъ. Графъ тотчасъ взялъ
проводника, которому отдалъ свою небольшую поклажу, и твердо
пошелъ по крутой тропинкѣ, гдѣ, казалось, могутъ безопасно хо-
дить только козы и серны. Октавій де-Меранжъ хотя проворный
и гибкій въ своихъ движеніяхъ, долженъ былъ однако прибѣ-
гать нѣсколько разъ къ стѣнницѣ и къ бадаву, которые росли
кое-гдѣ въ разсѣлинахъ скалы, чтобы вдругъ не скатиться на-
задъ съ мѣста, на которое влѣзалъ съ мучительнымъ усиліемъ. До-
стигнувъ до платформы на верху тропинки, онъ прислонился за-
пыхавшись къ одной изъ многочисленныхъ и неполнскихъ слей,
возвышавшихся надъ нею, и глаза его закрылись отъ мучитель-
наго головокруженія при видѣ той возвышенности, до которой
онъ достигъ. Но скоро живительный воздухъ разсѣялъ это голо-
вокруженіе и взоръ графа съ восторгомъ уже устремился на очаро-
вательный ландшафтъ, развѣвавшійся передъ нимъ.

Задняя сторона горы — до вершины, которой графъ достигъ
по восхожденію почти вертикальному — представляла отлогіи
спускъ, позволявшій однимъ взглядомъ обхватить все прелеств
ей и все богатства. Спускъ этотъ, покрытый до середины та-
кой тонкой, мягкой и душистой травой, что владѣльцы искусствен-
ныхъ луговъ и подстриженнаго дерева, стоящихъ большихъ из-
держекъ, пришли бы въ отчаяніе, — былъ усыянъ букетами дубовъ
и букетъ, которыхъ тѣнь разстлалась надъ стадами въ тотъ
часъ какъ деревенскія дѣвушки приходили наполнять молокомъ

свои сосуды изъ блестящаго металлу. Грушиа хижинъ на берегу ручья, показывала предѣлъ пастбищъ. За этими хижинами видѣлись виноградники, потомъ поля съ золотистыми колосьями; наконецъ на краю безконечнаго ската, прелестное озеро отсвѣчивало облакъ, блуждавшія по небу и неподвижный снѣгъ горы, наклонявшейся къ водѣ, словно затѣмъ, чтобы любоваться своею бѣлизною.

Графъ де-Меранжъ успѣлъ сохранить въ вихрѣ свѣта любовь къ природѣ, но онъ скорѣе любилъ ея поэтическую сторону нежели понималъ нравственное ея вліяніе: и потому онъ не думалъ, что жители долины Н... должны быть добры и счастливы, а просто только сожалѣлъ, что эта долина не служила образцемъ Пуссеу въ pendant къ *Аркадіи*.

Молодой паренъ, провожавшій графа, вывелъ его изъ поэтической задумчивости, показавъ вдали домъ Росвальда, который можно было узнать по множеству цвѣтовъ, окружавшихъ его. Октавій любитель этого садоваго украшенія, еще охотнѣе пошелъ по волнистому коврау, который велъ къ деревнѣ. Подходя къ цѣли своей ходьбы, онъ остановился, чтобы подышать воздухомъ, упитаннымъ благоуханіемъ жасминовъ, каприфолій и розъ. Проводникъ сказалъ ему:

— Вы очень обрадуете слѣпаго, если скажете, что запахъ его цвѣточковъ доходитъ до-сихъ мѣстъ.

— О какомъ слѣпомъ говоришь ты? спросилъ графъ.

— Да о старикѣ-то Росвальдѣ. Онъ потерялъ зрѣніе десять лѣтъ тому назадъ, бросившись въ горѣвшую комнату, чтобы спасти дочь сестры, бѣдную сиротку, принятую имъ въ свой домъ.

Видя, что Октавій слушаетъ съ участіемъ, горецъ продолжалъ:

— Это несчастіе не случилось бы, если бы сынъ Росвальда былъ здѣсь. Но отецъ послалъ его тогда въ Ліонъ за станками для фабрики шелковыхъ матерій, которую онъ устроивалъ въ то время. Это та самая фабрика, въ которой каждый работникъ, кромѣ жалованья, имѣетъ еще часть въ барышахъ.

Графъ жалѣлъ, что ранѣе не распросилъ проводника о томъ семействѣ, куда шелъ; онъ подходилъ тогда къ цвѣтушему забору, служившему вмѣсто стѣны саду Росвальда, и присутствіе садовника, смотрѣвшаго на него черезъ кусты бѣлаго боярышника, показало ему, что поздно удовлетворить любопытство. Притомъ же черезъ нѣсколько шаговъ онъ долженъ былъ все увидѣть самъ.

Графа ждали въ домѣ Н***; письмо лонскаго доктора возвѣстило объ его приѣздѣ и благосклонный приемъ показалъ ему какъ цѣлилась рекомендація его пріятеля.

Комната, въ которую ввели его, освѣщенная двумя окнами, закрытыми батистовыми сторонами, была облита такимъ чистымъ свѣтомъ, такимъ свѣжимъ воздухомъ, такимъ нѣжнымъ благоуханіемъ, что она — какъ искусно подобранный грунтъ картины — проливала новое очарованіе на находившихся въ ней особы. Эти особы были старикъ и молоденькая дѣвушка, сидѣвшая у ногъ его. Она плела, одинъ медленно, другая проворно, длинныя соломенки, изъ которыхъ дѣлаются шляпы. Въ ясной важности старика, въ веселой непорочности дѣвочки, было двойное откровеніе добродѣтели и невинности, возбуждающее вмѣстѣ и восторгъ и уваженіе.

Послѣ дружелюбныхъ увѣреній въ удовольствіи принимать его у себя, Росвальдъ сказалъ графу:

— Надѣюсь, что вы останетесь у насъ до-тѣхъ-поръ пока сынъ мой, который на охотѣ въ вѣсколькихъ миляхъ отсюда, не покажетъ вамъ великолѣпныя виды нашихъ окрестностей. А что касается до интереснаго въ нашей долиноѣ, то и моя племянница Лія можетъ вамъ это показать.

Говоря такимъ образомъ, старикъ положилъ руку на бѣлокурые волосы дѣвочки, которая граціозно поклонилась въ отвѣтъ.

Графъ де-Меранжъ былъ такъ чувствителенъ къ красотѣ, что не могъ не замѣтить красоту Ліи, и чрезвычайно обрадовался при мысли, что будетъ проводить время одинъ съ этой прелестной дѣвочкой, которую по живости своихъ впечатлѣній считалъ уже привлекательнѣе всѣхъ привлекательныхъ женщинъ, какихъ случалось ему встрѣчать.

Лія не было еще шестнадцати лѣтъ. Она блистала этимъ нѣжнымъ блескомъ, который похожъ на первые лучи утренней зари, когда они общають спокойный и ясный день. Овальное личико было оживлено нѣжнымъ румянцемъ, прекрасныя голубыя глаза, маленькій, пуговчатый ротикъ, ставъ тонкій какъ у осы, во въ особенности поражало въ этой дѣвочкѣ скромное, простодушное, довѣрчивое выраженіе лица.

Такое выраженіе было для изящества формъ, для тонкости чертъ лица, то же, что благоуханіе лиліи для гибкаго стебля, для бѣлой чашечки: самое достойное дополненіе.

Покажѣтъ графъ, отвѣчая на распросы Росвальда о Франціи, любовался Ліей, она слушала и смотрѣла на него съ спокойной

вѣжливостію, которая его удивляла. Не таинствѣ образомъ обыкновенно глаза женщины отвѣчали пылкости черныхъ зрачковъ Октавія и воспоминаніе о замѣшательствахъ дѣйствительномъ или притворномъ, которое онъ возбуждалъ такъ часто, придавало спокойному вниманію, встрѣченному имъ подлѣ длинными рѣсницами дѣвушки, цѣнность странной, плѣнительной новости. Лія оказывала графу де-Меранжу это вниманіе, не подозревая, чтобы оно могло его удивлять. Быть съ гостемъ ея дяди, каковы бы ни были его возрастъ, званіе, наружность, предупредительной, спокойной, учтивой было такъ же ей свойственно какъ ожидать отъ этого гостя вѣжливости и услужливости, и потому когда черезъ нѣсколько времени, Лія вышла, чтобы похлопотать по хозяйству, она положила передъ графомъ не думая вовсе о странности поступка, небольшой запасъ соломы, показавъ ему своими хорошенькими пальчиками какія соломинки долженъ онъ выбрать вмѣсто ея, для слѣпнаго старичка.

На слѣдующее утро послѣ завтраку, Росвальдъ поторопнѣлъ Лію прогуляться съ гостемъ до наступленія зноя. Лія тотчасъ надѣла широкую сельскую шляпку, подлѣ которой ея юное и свѣжее личико казалось еще моложе и свѣжѣе; потомъ вѣжно и благоговѣнно поцѣловавъ вѣки дяди, навсегда закрытыя огнемъ, который поглотилъ бы ее въ колыбели, она оборотилась къ Октавію и сказала ему ласково:

— Угодно вамъ идти со мною? я готова.

Графъ де-Меранжъ не отказался бы отъ такого приглашенія за всѣ сокровища на свѣтѣ, и хотя видѣлъ ясно, что поступокъ Ліи былъ только слѣдствіемъ гостепримства, не согласовавшимся съ обычаями его отечества, однако уходя, онъ пожалъ Росвальду руку съ жаромъ челоуѣка, которому оказалъ большую милость.

Подлѣ впечатлѣніемъ очень помятаго желанія и французскаго общежитія, графъ предложилъ Ліѣ руку, точно такъ же какъ бы подаль ея любезной Парижанкѣ въ Тюльрійскомъ саду; но дитя горь отказалась, сказавъ ему съ улыбкой:

— Благодарю, я еще не въ такихъ лѣтахъ, чтобы искать себѣ опоры, къ тому же мы пойдемъ по такой дорогѣ, гдѣ нельзя идти вдвоемъ. Посмотрите вотъ здѣсь напрямѣръ, намъ бы надо было разстаться.

И она показала ему на тропинку въ виноградникахъ, такую узкую, что потребно было много ловкости, чтобы не зацѣпять за тычпки по краямъ. Лія пошла впередъ твердыми и легкими ша-

гами, по этому елеяющемуся ущелью, а графъ слѣдуя за нею видѣлъ какъ точно мало нуждалась она въ помощи.

Ему казалось, что онъ никогда не дѣлалъ такой пріятной прогулки и непріятности погоды, не разнообразію видовъ, ни прощающему благовоенію виноградниковъ одолженъ онъ былъ этой мечтой. Одна Лія занимала его, и если рамка, въ которой являлся ему этотъ граціозный образъ увеличивала очарованіе, Октавій не зналъ этого, потому что ни мысли его ни глаза не отдѣлились отъ прелестнаго созданія, увлекавшаго его за собою, какъ звѣзда на горизонтѣ увлекаетъ своего спутника.

Звѣзда де-Меранжа иногда останавливалась и оборачиваясь къ своей подчлениной планетѣ, показывала какой нибудь новый видъ, вдругъ выказывавшійся на поворотѣ дорожки. Тогда Октавій и Лія разбѣшивались нѣсколькими словами, потомъ продолжали идти, молодая дѣвушка, наѣвая въ полголоса простую и мелодическую пѣсню, графъ съ восторгомъ обнимая взоромъ самую гибкую и стройную талію, которую складки женскаго платья когда либо обвиняли. Лія, проводя жизнь въ уединенной долинѣ, не знала измѣненій моды, одѣвалась со вкусомъ, но одежда ея по походила на городскіе туалеты: въ ней преобладала прихотливая фантазія съ воспоминаніемъ о древнемъ швейцарскомъ костюмѣ.

Въ то утро платье ея было изъ тонкой шерстяной матеріи ярко пурпуроваго цвѣту, съ чернымъ бархатнымъ корсетомъ, съ кисейными рукавами и воротничкомъ; платье это позволяло видѣть крошечныя ожки въ полусапожкахъ, зашнурованныхъ на крѣпъ: двѣ длиныя, бѣлокурыя, какъ самый превосходный фландрскій ленъ, косы, падали до рубца юбки. Выходя прогуливаться, Лія распускала косы, оттого что волосы ея были такъ густы, что не умѣщались подъ шляпкой; но возвратясь домой она зашпилила ихъ на головѣ золотыми булавами.

Можетъ-быть въ полусвѣтѣ гостиницы, возлѣ жепщицъ, одѣтыхъ по модѣ, молодая Швейцарочка показалась бы странною, но яркіе цвѣта и живописная одежда, употребляемые ею, такъ чудно согласовались съ блестящимъ свѣтомъ, съ восхитительнымъ мѣстоположеніемъ, среди которыхъ жила она, что нельзя было не любоваться ея нарядомъ, какъ любуешься веѣмъ, чтѣ составляетъ часть гармоническаго цѣлаго.

Въ эту первую прогулку Лія не только провела Октавія по виноградникамъ и показала богатство пригорковъ, свѣжесть луговъ, возвышенность свѣжыхъ горъ, но еще водила его по многимъ фабрикамъ, устрояемымъ ея дядей, которыя, разливая довальство

въ долниѣ, дѣлала драгоцѣннымъ всѣмъ жителямъ нѣя основателя. Это нѣя сама Лія произносила съ особеннымъ трогательнымъ и почтительнымъ выраженіемъ, которое очень трогало де-Меранжа; но когда отвѣчая фабричнымъ работникамъ, она присоединила къ имени дяди нѣя Максима, ея обыкновенно вѣжливый голосъ дѣлался такъ замѣчательно милъ, что графъ вдругъ почувствовалъ себя недовольнымъ, даже ревнивымъ.

Октавій де-Меранжъ былъ не такой человекъ, чтобы долго оставаться въ недоумѣніи на-счетъ вѣжливыхъ чувствъ.

Его намѣреніе завоевать сердце молодой дѣвушки, слишкомъ было ему пріятно, чтобы онъ рѣшился отказаться отъ него въ какихъ бы то ни было обстоятельствахъ; но какъ искусный тактикъ, онъ зналъ какъ полезно разузнать мѣстность, прежде чѣмъ начать атаку, и потому въ тотъ же самый день, началъ наблюдать за мѣстомъ, которое желанія его побуждали завоевать.

Возвратившись вечеромъ изъ цвѣтника, гдѣ онъ оставилъ Росвальда въ созерцаніи такъ сказать чрезъ обоняніе, своихъ садовыхъ сокровищъ, Октавій нашелъ Лію одну за письменнымъ столомъ. Она переписывала въ изящно-переплетенную книгу, стихи Шиллера.

— Какъ вы не боитесь утомить ваши прекрасные глаза, занимаясь такъ поздно? спросилъ онъ тономъ участія, скрывавшаго желаніе отвлечь ее отъ постороннихъ занятій.

— Я никогда не утомляюсь, отвѣчала Лія, не оставляя работы, если тружусь для Максима.

Отвѣтъ не слишкомъ понравился графу; онъ однако воспользовался имъ изъ любопытства.

— Какъ счастливъ вашъ двоюродный братъ, что ивушаетъ такую преданность, сказалъ онъ, садясь у стола, чтобы хорошо видѣть личико дѣвушки.

— Для моего дорогаго Максима я бы желала сдѣлать что-нибудь болѣе перешиски стиховъ его любимаго поэта.

— Такъ это дѣло признательности?...

Лія оставила перо и сложила свои бѣленькія ручки.

— Признательности, вѣжливости! вскричала она.... Развѣ мосье Дюваль не рассказывалъ вамъ, какъ благородно поступилъ Максимъ со мной.

— Нѣтъ. Дюваль долженъ былъ пріѣхать со мной сюда, и конечно, дорогаго, онъ рассказалъ бы мнѣ все. Въ письмѣ своемъ, написанномъ на-скоро, онъ говоритъ только, что я буду очень

счастливъ здѣсь.... со всѣми вами. Расскажите же мнѣ сами то, что я не могъ узнать отъ него.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ; такъ пріятно говорить о полученныхъ благодѣяніяхъ. По смерти моихъ родителей, я осталась пятилѣтней сиротою, безъ всякаго состоянія. Дядюшка, который былъ уже тогда вдовъ и не богатъ, много трудился, и Максимъ не смотря на свою молодость помогалъ ему всѣми силами. По добротѣ сердца они взяли меня къ себѣ. Я была у нихъ около году, какъ вдругъ пожаръ отъ молніи истребилъ и поля и дома. Боже мой! Это бы еще ничего, но желая вытащить меня изъ пылавшей комнаты, гдѣ я спала спокойно, дядюшка обжегъ себѣ глаза и ослѣпъ.

Лія остановилась на минуту, чтобы подавить волненіе.

— Однако дядюшка, продолжала она, по удивительной добротѣ, которая такъ хорошо выражается на лицѣ его, ни на одну секунду не почувствовалъ ко мнѣ неудовольствія. Напротивъ старался утѣшить мое отчаяніе, говоря какъ полезна можетъ быть слѣпому старику дѣвочка моихъ лѣтъ, и въ каждой изъ требуемыхъ отъ меня услугъ, находилъ для меня предметъ утѣшенія. Впродолженіи первыхъ трехъ дней я оставляла его руку для того лишь, чтобы бѣжать, куда онъ посылалъ меня. Едва только были исполнены его приказанія, я садилась у ногъ его, смотрѣла на него безпрестанно, подстерегала его желанія, и плакала украдкой. Въ эти три дня у меня не было ни одной посторонней мысли, какъ только о немъ; вдругъ пришли сказать, что Максимъ возвратился изъ Ліона, куда писали къ нему о печальной новости. Бѣдный Максимъ! Въ первый разъ меня испугало его приближеніе. Я знала, что онъ обожалъ отца, и не сомнѣвалась, что ему будетъ ужасно увидѣть меня. Въ испугѣ отъ предстоящаго мнѣ пріему, я рѣшилась убѣжать такъ далеко, чтобы никогда не могли меня отыскать. Нѣсколько разъ поцѣловавъ руку дядюшки, я тихоюшко вышла и побѣжала прямо, сама не зная куда.... чтобы не встрѣтиться съ Максимомъ; у меня не было другой мысли, но ея было достаточно, чтобы придать себѣ крылья. Черезъ четверть часа моего глупаго бѣгу, я вдругъ встрѣтилась съ Максимомъ! Я бѣжала по той дорогѣ, откуда онъ возвращался. Увидѣвъ его, я упала на колѣни, и закричала ему рыдая: — Простите, простите! не возненавидьте меня! Максимъ былъ блѣденъ какъ смерть, онъ поднялъ меня съ земли, поцѣловалъ съ грустью и сказалъ:

— Тебя возненавидѣть, бѣдная малютка, за что? Ты не виновата.

Онъ продолжалъ путь, взявъ меня на руки, какъ онъ дѣлалъ это прежде, когда я уставала, а я удивлялась ему еще болѣе чѣмъ дядюшкѣ, потому что сердце говорило мнѣ, что страданія любимыхъ намъ особъ, трогаютъ насъ гораздо болѣе нашихъ собственныхъ страданій.

Графа тронулъ этотъ простой рассказъ; но беспокойство, внушаемое ему Максимомъ, не допустило отдать ему справедливости.

— Сердиться на васъ за это несчастіе было бы нелѣпо, сказалъ онъ, и если съ тѣхъ-поръ онъ не сдѣлалъ ничего болѣе, чтобы заслужить вашу признательность....

Лія съ живостью прервала его.

— Онъ сдѣлалъ, отвѣчала она, чего много родители не дѣлаютъ для дѣтей, чего ни одинъ братъ не дѣлаетъ для сестры, онъ взялъ на себя мое образованіе. Посреди трудовъ, которыхъ распоряжителемъ сдѣлала его немощь отца, и которые небо къ счастью благословило, онъ не пропускалъ ни одного дня, чтобы не дать мнѣ ни урока ни совѣта. Я обязана ему всѣмъ, что знаю; никогда не бранилъ онъ меня; чтобы заставить трудиться, онъ показывалъ мнѣ пользу и пріятность труда.

— Но онъ долженъ быть очень счастливъ занимаясь вами, возразилъ де-Меранжъ.

— Максимъ всегда счастливъ, когда исполняетъ то, что называетъ обязанностью.

— Я вижу, что вы его очень любите.

— О! конечно люблю, и уважаю.

Послѣднее слово понравилось графу: обыкновенно оно не употребляется въ любовномъ словарѣ. Къ тому же чистосердечіе, показываемое Ліей въ своемъ восторгѣ къ Максиму, казалось де-Меранжу достаточнымъ поводомъ, чтобы не беспокоиться.

Душа дѣвушки, думалъ онъ, не открываетъ глазамъ посторонняго свои сокровѣннѣйшія тайны. Братецъ долженъ быть взятыхъ добрыхъ, честныхъ, ученыхъ мальчѣ, которыхъ женщины только уважаютъ.

Октавій увѣрилъ себя также, что Максимъ не отличался благовидной наружностью, потому что Лія ничего не сказала объ его лицѣ, а самая благоразумная женщина не охотно оставитъ въ сторонѣ портретъ друга, когда можетъ найти въ немъ какой-нибудь поводъ къ похваламъ.

Успокоившись, или по-крайней мѣрѣ воображая, что имѣеть на это право, графъ воспользовался прогулками слѣдующихъ дней, чтобы расположить въ свою пользу сердце Ліи. Нѣсколько небольшихъ приключеній, всегда встрѣчающихся въ сельскихъ прогулкахъ, быстро увеличили страсть его.

Разъ утромъ, когда они проходили по пастбищамъ, въ то время какъ проворные пальцы брали со стада дань молока, одна крестьянка подошла къ Ліи съ просьбой оказать ей предпочтеніе если она хочетъ папиться. Ліа выпила половину предложеннаго ей стакана, а графъ опорожнилъ остатокъ съ такимъ упоевіемъ, котораго никогда не находилъ въ самомъ отборномъ винѣ.

Въ другой разъ возлѣ источника, который пзвивался около горныхъ избушекъ, двигалъ колеса машинъ, придавалъ муравѣ свѣжестъ, случилось, что доска, служившая вмѣсто мосту, увесена была приливомъ воды: Ліа, легкая какъ ласточка, перепрыгнула потокъ и съ другаго берегу протянула Октавію руку. Въ быстромъ движеніи дѣвушка было столько граціи, что графъ вмѣсто того, чтобъ слѣдовать за Ліей, неподвижно любовался ею, прошептавъ изъ Вильгельма Теля:

«Ты, за которой птица не поспѣеть».

находя, что этотъ стихъ также идетъ къ его вожатой, какъ и къ Тальони, цѣломудренной, воздушной тапцовщицѣ. Видя Лію, наклонившуюся надъ водою, чтобы помочь ему, онъ думалъ не объ одной только прелести формъ, и изшествѣ ея движеній, но простодушное ободреніе, безыскусственная предупредительность, безъ кокетственной или пасмѣшливой мысли, которыя онъ читалъ въ ея прекрасныхъ голубыхъ глазахъ, обаяли его неодолимымъ очарованіемъ.

Думая, что графъ колеблется изъ опасенія, Ліа сказала, наклонившись еще болѣе:

— Ну попробуйте же; съ моею помощью это будетъ не трудно.

Октавіа заставило улыбнуться это заблужденіе; онъ воспользовался имъ, чтобы схватить руку, протянутую къ нему такъ обязательно, которую однако не посмѣлъ онъ удержать, когда перепрыгнулъ ручей: спокойствіе Ліи говорило ему, что часъ сладкихъ преимуществъ еще не пробилъ для него.

Однако это спокойствіе, полное невпихости, должно было возмутиться отъ прикосновенія къ жгучей страсти, какъ возмущаетъ

ся тѣнива воды отъ дуновенія бурнаго неба. Не понимая еще всего, что выражалъ пылкій взоръ Октавіа, Ліа наконецъ стала слушаться, и въ первый разъ въ жизни, лобъ ея покрылся краской, которая проявляется у скромной дѣвушки отъ внушаемаго ею восторга. До тѣхъ поръ никто не говорилъ Ліѣ, что она хороша, особенно никто не показывалъ ей какую силу имѣеть ужо ея красота.

Окружающіе слишкомъ благоговѣнно любили ее, чтобы до того возрасту, когда разсудокъ можетъ взять перевѣсъ надъ дѣйствіемъ трогających нѣжностей, возбудить ихъ въ ея сердцѣ. Де-Меранжъ, смотря на нее съ восторгомъ, сначала изумилъ, потомъ смутилъ ее, а когда онъ присоединилъ къ этому безмолвному обожанію призваніе въ любви, онъ привелъ ее въ безпокойство. Откуда происходило это безпокойство? Она не знала и сожалѣла зачѣмъ тутъ нѣтъ Максима, чтобы онъ объяснилъ это ей. Послѣ разговора, въ которомъ Октавіѣ настоятельно принуждалъ ее отвѣчать на его объясненіе, молодая дѣвушка написала къ двоюродному брату слѣдующее письмо:

«Если вы не слишкомъ дорожите желаніемъ увеличить ваши охотничьи трофеи, любезный Максимъ, возвратитесь прежде дня, назначеннаго вашими друзьями для окончанія охоты; пожалуйста воротитесь, я имѣю большую нужду въ совѣтахъ вашей дружбы. Графъ Октавіѣ де-Меранжъ, другъ Дювала, здѣсь уже съ недѣлю и онъ-то заставляетъ меня такъ нетерпѣливо ожидать вашего возвращенія. Вообразите, Максимъ, что этотъ молодой, красивый, щеголеватый, любезный, образованный иностранецъ, влюбленъ въ меня, и проситъ моего сердца въ замѣнъ своего. Быть обожаемой любовью, то есть, самой живѣйшей нѣжностью, даже сильнѣе вашей дружбы, это должно бы заполнить мою душу, столь жаждущую привязанностей, и чистой радостью и спокойнымъ, глубокимъ счастіемъ, это должно бы сдѣлать меня довольною и собою и другими, а между тѣмъ я чувствую совсѣмъ противоположное. Зачѣмъ не предупредили вы меня, вы такъ опытные во всемъ, такъ внимательные руководить меня, что я могу возбудить чувства совершенно новыя! Я бы не такъ изумилась, не такъ смущалась отъ обращенія де-Меранжа, котораго пылкость иногда приводитъ меня въ стыдъ: я не казалась бы ему неблагодарною, и особенно не обвиняла бы васъ, котораго должна благословлять!

«Графъ ждетъ моего отвѣту, любезный Максимъ, вы научите

«меня, что сказать ему, когда уста мои скажутъ вамъ то, что «перо не смѣетъ написать.»

Отправивъ это письмо Максиму, Лія сдѣлалась спокойнѣе. Увѣренная, что братъ поспѣшитъ пріѣхать, когда она зоветъ его, она выбрала для прогулки съ Октавіемъ ту сторону горы, по которой Максимъ долженъ былъ возвратиться. Эта сторона была именно та, гдѣ шелъ графъ къ Росвальду; онъ увидѣлъ ее съ новымъ удовольствіемъ въ обществѣ молодой дѣвушки, въ которую влюбился все болѣе и болѣе. Дойдя до платформы, возвышающейся надъ всей окрестностью, графъ сѣлъ возлѣ Ліи, обѣщавши не оставлять этого чуднаго уединенія, безъ воспоминанія о признаніи....

Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, онъ указалъ на тропинку, на которую когда-то вошелъ не безъ утомленія и сказалъ:

— Вѣрите ли вы, Лія, что есть въ жизни часы, когда мы обладаемъ даромъ прорицанія? Когда я шелъ къ незнакомымъ людямъ по этой опасной дорогѣ, меня влекло предчувствіе предстоящаго мнѣ очарованія....

— Эта дорога не опасна, сказала Лія, стараясь отвлечь разговоръ.

— Зачѣмъ, возразилъ графъ тономъ нѣжнаго упрека, хотите вы лишитъ меня слабой заслуги подвергнуться кой какими опасностямъ въ поспѣшности моей скорѣ васъ увидѣть?

Она улыбнулась и сказала:

— Если вы непременно хотите, чтобы то были опасности.

— Я хочу только одного, возразилъ Октавій — нравиться вамъ.... И придвинувшись къ ней, онъ облокотился на спинку сельской скамейки, на которой сидѣли они оба.

— Да, Лія, нравиться вамъ мое единственное желаніе, моя единственная мысль, и я жду, чтобы радоваться или жаловаться на судьбу мою, чтобы вы прочли въ моемъ сердцѣ и рассказали мнѣ все что происходитъ тамъ.

— Я просила у васъ дать мнѣ время, сказала Лія.

— Прошли уже цѣлые сутки.

— Я не могу еще ничего сказать.

— Какъ, вы не можете еще знать, любите или ненавидите меня?

— Между этими двумя крайностями есть много оттѣнковъ.

— И также равнодушіе.... я ужасно боюсь, что вы приготовите мнѣ эту долю.

Дѣвушка ничего не отвѣчала.

— Но жестокое дитя, вскричалъ де Мераишъ, стараясь взять крошечную ручку, которую ему не дали, развѣ вы не видите, на какое мученіе осуждаетъ меня ваше молчаніе.

Въ голосѣ графа, слышалась грусть, Ліа тронулась и сказала ему:

— Мнѣ очень жаль, если я васъ огорчаю.

— Если точно моя печаль васъ огорчаетъ, зачѣмъ вы не хотите прекратить ее?

— Не знаю, прошептала она.

— О! милая, дорогая Ліа, эти слова внушаютъ мнѣ надежду!

Рука его соскользнула до стана дѣвочки, но этотъ ставъ, гибкій какъ тростникъ, уклонился отъ объятій Октавія, который настаивалъ, сказавъ съ пылкостью:

— Умоляю, не старайтесь убѣгать отъ меня. Сопротивленіе часто опаснѣе довѣрчивости.

Ліа задрожала, и чувство стыда, о которомъ она говорила въ письмѣ своемъ къ Максиму, овладѣло ею такъ сильно, что ей показалось будто она чувствуетъ къ графу болѣе отвращенія чѣмъ привязанности. Тревога стыдливости настаиваетъ юныя души и руководитъ ихъ лучше свѣтильника разсудка.

Въ эту минуту, красная черная, борзая собака, съ бѣлыми лапами, подбѣжала къ Ліѣ и потащила ее за платье.

— Эоль, сюда! вскричала она радостно, показывая на колѣна, на которыя собака положила свою острую морду съ ласковыми глазами. Сюда къ Ліѣ, она тебя поминаетъ, да, да, Максимъ возвращается, я это вижу въ твоихъ глазахъ.

И она водила по черной шерсти Эола своей алебастровой рукой.

— Чего хочетъ эта собака? сказалъ Октавій съ досадой любовника, прервавшего въ благоприятную для любви минуту.

— Она хочетъ, чтобы я шла на встрѣчу ея господству, отвѣчала Ліа.

Оттолкнувъ графа, старающагося удержать ее, она бросилась къ тропинкѣ, когда тамъ показался молодой человѣкъ.

— Благодарю, Максимъ, сказала Ліа, бросившись къ нему на шею.

Онъ поцѣловалъ ее въ лобъ какъ нѣжно-любимую сестру и пошелъ на встрѣчу графу, вѣжливо снявъ зеленую суковатую шапочку, которая покрывала его волосы, такіе же блондурые и красивые какъ у Ліа.

Еслибъ де-Мераишъ еще подозрѣвалъ въ Максими сестричку,

его коварно испугалъ бы видъ красиваго молодаго человѣка, высокаго, стройнаго, съ правильнымъ, кроткимъ, важнымъ, умнымъ лицомъ. Но успокоенный смущеніемъ Лін, Октавіи только проклиналъ внутренно присутствіе посторонняго и пугался прогулокъ по скаламъ, потокамъ, ледникамъ, которыхъ муку молодой Росвальдъ, въ качествѣ добраго Швейцарца, вѣроятно не замедлитъ доставить ему.

Онъ ошибался. Максимъ на другой день пріѣзду просто предложилъ графу прокатать его съ Ліей въ лодкѣ по озеру.

Время было спокойно, немного сумрачно, какъ это необходимо для прогулокъ на водѣ, чтобы она соединяла всѣ необходимыя условія спокойствія въ наслажденіи, дѣлающемъ ихъ столь привлекательными. Лодка, управляемая двумя веслами, до которыхъ Максимъ едва дотрогивался, скользила безъ шума: то вдоль береговъ озера, упитанныхъ дикимъ благоуханіемъ, отѣненныхъ густыми лѣсками; то среди свѣтлой скатерти, которой поверхность она перерѣзывала, не помрачая ея, какъ голубое крыло зимородка. Эта красивая и легкая лодочка показывая своими извѣстными движеніями, тѣмъ, которые сидѣли въ ней, перемѣнчивые горизонты, покрытые то блестящимъ свѣгомъ, то темной зеленью, бальзамическими цвѣтами, должна бы приводить ихъ въ восхищеніе; а вмѣсто того она не могла даже ихъ разсѣять, такъ мало магическія картины трогаютъ умъ, когда душа озабочена!

Максимъ посадилъ графа возлѣ Лін, а самъ сѣлъ противъ нихъ въ нѣкоторомъ разстояніи, чтобы наблюдать за ними, не подавая къ тому виду. Такимъ-образомъ онъ могъ замѣтить въ Октавіи восторженное обожаніе къ Ліи, а въ Ліи что-то задумчивое и безпокойное, проявившееся въ томности манеръ. Самъ онъ былъ серьезенъ какъ судья, который собирается съ мыслями въ рѣшаемомъ имъ дѣлѣ, и ничто въ немъ не показывало того, что происходило въ сердцѣ. Онъ сказалъ Ліи, что будетъ говорить съ ней на другой день: ему хотѣлось прежде чѣмъ дать совѣтъ этой невинной душѣ, оцѣнить человѣка, возмутившаго ее. Онъ хотѣлъ также убѣдиться въ необходимости, жестокой для отца его — себя онъ забывалъ по-обыкновенію — возвратитъ спокойствіе Ліи цѣною разлуки, которую опасенія старика никогда не предвидѣли. Слѣдствіемъ его замѣчаній было то, что любовь графа была истинна и вознаграждалась взаимностью.

Возвратившись съ озера, они окружили слѣнца, котораго снежной вѣдъ мучилъ сына. Поддерживая довольно долго разговоръ съ графомъ, Росвальдъ сталъ спрашивать Максима о приключеніяхъ послѣдней охоты.

— Ты еще не рассказалъ намъ свои подвиги, сказалъ онъ.

— Изъ было немного, отвѣчалъ молодой человѣкъ, измѣнившимся голосомъ, увидѣвъ, что де-Меранжъ таинственно поцѣловалъ одну изъ длинныхъ, висячихъ косъ Ліи.

Росвальдъ, улыбаясь, возразилъ въ ту сторону, гдѣ онъ зналъ, что находится его племянница:

— Ліа, тебѣ надо хорошенько побранить брата, зачѣмъ онъ такимъ плачевнымъ голосомъ объявляетъ намъ о своей неудачѣ.

Молодая дѣвушка подняла глаза на Максима и тотчасъ же подбѣжала къ нему.

— Вы нездоровы, Максимъ? спросила она самымъ дружескимъ тономъ. Вы такъ блѣдны какъ въ тотъ день, когда я думала, что вы возненавидите меня.

— Теперь вы знаете, что этотъ день никогда не наступалъ, сказалъ Максимъ, кротко сжавъ руки сестры.

— Но пугайтесь моей блѣдности, милая Ліа, это слѣдствіе усталости.

— Вамъ бы надо было лечь, замѣтилъ де-Меранжъ, которому хотѣлось спроводить Максима.

— Лечь! повторила Ліа, о! нѣтъ, намъ будетъ казаться, что онъ боленъ.

Максимъ сталъ счастливъ отъ этихъ словъ; онъ показывалъ, что у Ліи новыя чувства не уничтожили старыхъ. Черезъ нѣсколько времени графъ вышелъ изъ комнаты, а когда онъ возвратился, Максимъ увидѣлъ въ зеркало, что онъ сунулъ записку подъ вѣтокъ Ліи. Съ увѣренностью, что дѣйствуетъ въ пользу своей юной родственницы, молодой Росвальдъ взялъ записку прежде чѣмъ Ліа замѣтила ее, такимъ образомъ, что „де-Меранжъ“ не догадался о похищеніи.

Графъ писалъ Ліѣ:

« Если я не обманываюсь на счетъ прелестьнаго замѣшательства, которое вчера вы показали мнѣ, удостойте прийти въ сумерки въ большую липовую аллею. Я буду тамъ, Ліа, съ сердцемъ полнымъ надежды, потера которой увлечетъ за собою всѣ радости моей жизни.»

По случайности очень обыкновенной, красота неба пригласила къ прогулкѣ; Ліа сошла въ садъ, почти въ тѣнь, назначенный

для свиданія, и сѣла въ лютовенную бесѣдку. Грустно мечтала тамъ о множествѣ вещей, загадочныхъ для ея юнаго сердечка, она вдругъ услышала хорошо знакомую походку Максима и тотчасъ раздвинула вѣтви каприфолін; но въ ту минуту, какъ она хотѣла произнести имя брата, голосъ замеръ у ней на губахъ. Максимъ прислонился къ стволу липы, свирстивъ руки на груди и шоднявъ глаза къ небу, и изъ этихъ глазъ, блестящихъ, темныхъ какъ чудные сапфиры, текли медленно одна по одной слезы, которыя также какъ капли крови показываютъ глубокую и жестокую рану. Лія думала, что она видитъ это во снѣ и сжала руками лобъ, чтобы прогнать это мучительное видѣніе. Максимъ, тѣснѣйшій горемъ, которое вырвало у него слезы! Максимъ, ослабѣвшій какъ женщина, подъ гнетомъ скрытной муки; онъ, котораго твердость не измѣнялась никогда въ самыхъ грустныхъ обстоятельствахъ! Велико должно быть страданіе, уничтожившее энергію Максима! Не кто могъ, кто смѣлъ быть такъ жестокимъ, чтобы узавнть столь благородное сердце?...

Между тѣмъ, какъ Лія оставалась погруженною въ взузломіе, послышался голосъ графа.

— Лія! говорилъ де-Меранжъ, зовя ее съ осторожностью.

— Той, коге вы ищите, здѣсь вѣтъ, ваше сіятельство, отвѣчалъ Максимъ тономъ, который усиливался сдѣлать спокойнымъ. Не я прошу васъ вмѣсто ея удостойте поговорить со мною нѣсколько минутъ....

Хотя очень раздосадованный, графъ однако вѣжливо поклонился и оба сѣли на каменную скамейку, около того мѣста, откуда Лія не имѣла силъ уйти.

Послѣ довольно долгаго молчанія, Максимъ наконецъ сказалъ:

— Вы любите Лію, графъ?

Остатій, удивленный вопросомъ, отвѣчалъ съ нѣкоторымъ высокомеріемъ:

— Я не имѣю привычки вѣрять мои задушевныя чувства постороннему.

— Это похвальная скромность; но если Лія говорила мнѣ о вашей любви и своемъ собственномъ расположеніи...

— Сказала ли она вамъ, что она имѣетъ благопріятіе? спросилъ графъ съ надменнымъ любовнытствомъ.

— Лія до-сихъ-поръ была такъ чужда страсти, что она могла нужнымъ пособітоваться со мною, прежде чѣмъ рѣшилась вамъ отвѣчать.

— А вы сказали ей, что она ошибается; если думать, что любить меня?

— Я ничего не хотѣлъ сказать ей прежде объясненія съ вами.

— Не мои, а ея чувства надо вамъ узнать.

— Я не сомнѣваюсь ни въ тѣхъ, ни въ другихъ.

— Ну, стало быть, тогда....

— Выслушайте меня, графъ. Я вѣрю вашему благородству, потому что вы другъ Дювалю, вѣрю вашей любви къ Ліѣ, потому что вы ей открылись; но прежде чѣмъ я рѣшусь поднять покрывало, скрывающее отъ глазъ такой молодой дѣвушки состояніе ея сердца, я самъ хочу васъ разспросить.

— Я сказалъ Ліѣ, что обожаю ее, и могу только вамъ это повторять.

— Вы обожаете ее, перебить Максимъ тономъ неизяснимой грусти: я это понимаю.... но вы также должны понять въ свою очередь, что отецъ мой и я требуемъ большаго для дочери, усыновленной нами въ глазахъ Бога, дочери, которая впродолженіи десяти лѣтъ составляетъ все наше утѣшеніе.

Де-Меранжъ былъ истинно влюбленъ въ Лію и потому возразилъ не колеблясь, что никакое пожертвованіе не удержитъ его, чтобъ получить Лію.

— То, черезъ что можно получить Лію, не должно называться пожертвованіемъ, возразилъ Максимъ.

— Но о чемъ же идетъ дѣло? спросилъ графъ, котораго безпокойлъ серьезный видъ молодаго Росвальда.

— Дѣло идетъ о томъ, чтобы узнать, хорошо ли вы взвѣсили какую обязанность принимаетъ на себя мужчина когда женится? убѣдились ли вы въ важности принимаемой на себя обязанности, ниѣтъ ли жена, по вашему мнѣнію право на уваженіе, вѣжностъ и постоянство мужа, не только тогда какъ она молода и хороша, но также и тогда, какъ время и дѣти отнимутъ у ней прелести?

Октавій отвѣчалъ съ жаромъ и искренностью, что онъ употребитъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать Лію счастливою.

— Вы не знаете, продолжалъ Максимъ, увлекаемый волненіемъ, котораго не могъ преодолѣть: какъ ваша исключительная привязанность къ этому ребенку развила въ ней необходимость быть любимой; душа ея похожа на лютню, которая весело звучитъ только подъ дружеской рукою, и лопается въ небреженіи.

— Да сохранить меня Богъ разрушитъ самое прелестное изъ Его созданий! вскричалъ графъ.

— Самое милое, самое непорочное! прибавилъ Максимъ.

— Я поговорю завтра съ вашимъ отцомъ, сказалъ Октавій.

— Бѣдный батюшка, какъ жестока будетъ для него разлука съ Ліей!

— И вѣрно вамъ также?

— Я... постараюсь умереть послѣдній!

И молодой Швейцарецъ закрылъ лицо дрожащими руками.

— Максимъ, сказалъ де-Меранжъ, вы любите Лію болѣе чѣмъ сестру?

— Зачѣмъ скрывать теперь, когда все уже рѣшено! вскричалъ Максимъ, поднявъ голову, отягченную горемъ.

Оба обернулись: имъ послышался шумъ; это Лія упала на колѣна, но они не могли ее видѣть.

— Лія ничего не знаетъ о вашей любви? спросилъ графъ.

— Нѣтъ, ея молодость и спротивство заставляли меня молчать; я ждалъ пока она достигнетъ того возраста, когда сердце женщины можетъ само рѣшить что ему угодно.

Октавій былъ тронутъ чувствами Максима, и смотря на этого молодаго человѣка, котораго красота, вмѣстѣ и нѣжная и мужественная, скрывала такую преданную, такую горячую душу, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать ему:

— Можетъ быть вашей осторожной скромности я обязанъ тѣмъ, что вышлѣ сердце Ліи еще холоднымъ.

Максимъ глубоко вздохнулъ.

— Не заставляйте меня жалѣть о моемъ мужествѣ, прошепталъ онъ: пусть только Лія будетъ съ вами счастлива; я постараюсь не ревновать вашему счастью.

Онъ тотчасъ всталъ и сказалъ:

— Воротясь домой, мнѣ надо предупредить батюшку, прежде чѣмъ вы будете говорить съ нимъ.

— Не надо предупреждать его, Максимъ, сказала Лія, вдругъ вставъ передъ молодыми людьми.

— Отчего? спросили они оба.

— Потому что я никогда не хочу съ нимъ разставаться.

— Что значать эти слова? вскричалъ графъ.

— Это значить, что прикованная здѣсь за этой зеленью, удивленіемъ, которое причинили мнѣ слезы Максима, я открыла двѣ тайны.

— Лія, сказала молодой Росвальдъ, не обращайтесь никакого вниманія, умоляю васъ, на то что вы слышали!

— Какъ, Максимъ, вы хотите, чтобы я не воспользовалась тѣмъ, что прочла въ вашемъ сердцѣ и моемъ?

— А что вы прочли въ вашемъ, говорите Лія? сказала Октавій.

Дѣвушка отвѣчала съ кротостью, но безъ малѣйшей робости:

— Я прочла тамъ, графъ, много признательности къ вамъ и много любви къ Максиму.

— Это невозможно, Лія! вскричалъ Максимъ. Волнованіе, смущеніе, которое вы испытывали отъ взоровъ де-Меранжа, говорятъ въ его пользу.

Лія взяла руку Максима и положила ее къ себѣ на сердце.

— Я чувствую тутъ, сказала она, что если глаза посторонняго смущали меня такимъ образомъ, это потому, что они выражали чувство, которое я, къ огорченію моему, никогда не видала въ вашихъ.

— Милая Лія, неужели?

И Максимъ съ живостью привлекъ къ себѣ дѣвушку, но тотчасъ отдалилъ ее.

— Извините! сказалъ онъ, оборотясь къ Октавію: мнѣ бы не должно выказывать своего счастья при васъ.

Графъ отвѣчалъ съ грустью, смѣшанною съ горечью:

— Вы заслуживаете это счастье; но я не чувствую въ себѣ силъ быть ему свидѣтелемъ.

На другой день, на разсвѣтѣ, де-Меранжъ оставилъ долгу Н***.

Послѣ его отъѣзда Максимъ и Лія стали на колѣна передъ слѣпцомъ, испросивъ у него позволенія соединиться брачными узами и, подъ счастливыми руками, благословлявшими ихъ, Лія получила отъ Максима первый не братскій поцѣлуй.

торгъ женщинами. Въ цѣломъ мірѣ нѣтъ парода болѣе одерживаго гениемъ спекуляцій какъ Американцы. Они продаютъ все, что можно продать и отдаютъ на прокатъ все, что можно отдать на прокатъ.

У нихъ талантъ, идея, даже добродѣтель — предметы, которые также легко промѣнять на доллары какъ мѣрку рису или кипу хлопчатой бумаги.

Одну изъ такихъ плодотворныхъ идей, мистрисъ Ферриссъ приводитъ теперь въ исполненіе въ Нью Йоркѣ.

Поразительная одиночествомъ, въ которомъ находятся золотоискатели калифорнскіе — настоящіе Римляне безъ Сабинянокъ, — осужденные жить въ обществѣ двкарокъ, она предприняла торговлю женщинами, которыя могли бы утѣшить одинокія сердца, вздыхающія на берегахъ Сакраменто!

Сформированная ею компанія быстро набирается, и красивый корабль *Ангелика*, гдѣ все принесено въ жертву изяществу и комфорту, увесетъ въ новый Эльдorado рой сентиментальныхъ эмигрантокъ.

Здѣсь мы беремъ на себя роль переводчика.

«Занятія этихъ дамъ, говоритъ одна изъ американскій журналовъ, будутъ также разнообразны какъ и нужды пародоваселенія, но нѣтъ вознагражденія, котораго бы они не имѣли права требовать.

«Только мистрисъ Ферригемъ беретъ отборный грузъ: кромѣ личныхъ пріятностей, воспитанія, характера и способностей, она требуетъ еще, чтобы добродѣтель пассажирокъ была утверждена свидѣтельствомъ судьи или пастора. Такимъ образомъ будутъ мѣнять сокровище на сокровища!»

Другой журналъ, безъ сомнѣнія для того, чтобы помочь предпріятію, напечаталъ съ своей стороны слѣдующія:

ЗОЛОТАЯ НОВОСТЬ ДЛЯ НЕВѢСТЪ.

Одна дама пишетъ изъ Санъ-Франциско къ пріятельницѣ въ Массачусетъ.

«Невѣсты здѣсь такой товаръ, который славно расходуется: это единственная въ мірѣ страна, гдѣ ихъ цѣнятъ какъ должно.

«Мужчины здѣсь въ-пятеро больше чѣмъ женщины; однако послѣднія здѣсь также нужны, чтобы готовить кушанье, какъ первые искать золото. Въ послѣдніе мѣсяцы мы видѣли здѣсь болѣе сунружествъ чѣмъ въ десять лѣтъ.

Сквавы прежде чѣмъ отправляются въ область золота употребляютъ все на свѣтъ, чтобы подцѣпить мужа бѣлой породы и въ настоящемъ положеніи вещей имъ это не трудно.

«Отецъ Малакъ, католическій священникъ, увѣрялъ меня, что въ прошедшемъ мѣсяцѣ онъ обвѣчалъ больше ста десяти бѣлыхъ въ Сквавахъ!»

«Слѣдствіемъ этого будетъ, что бѣдные Индѣйцы скоро останутся безъ женъ, потому что ни одна бѣлая женщина, изъ какого бы то званія ни было, не согласится выйти за дикаря, когда она можетъ такъ легко найти лучшаго мужа.

«Самыя безобразныя, самыя уродливыя выходятъ за торговцевъ, которые составили себѣ состояніе въ одну недѣлю....»

ЕВРЕЙ. Еврей есть душа торговой промышленности Царства Польскаго, Галиціи и западныхъ губерній. Стоитъ только переѣхать изъ Велико-Россіи черезъ Двѣпръ в Двину, и на каждомъ шагу встрѣтится вамъ Еврей, какъ главный двигатель всей, крупной и мелкой торговли. Онъ купецъ, онъ подрядчикъ, онъ оптовой и мелочной торговецъ, онъ магазинщикъ, онъ шинкаръ, онъ содержатель почтъ, онъ дамскій и мужской портной, онъ мѣняла; словомъ онъ — все. И чѣмъ ближе къ границѣ Польша, тѣмъ ярче характеризуется еврейское племя. Какая-то неуспѣчивость рисуется на этихъ выразительныхъ, восточныхъ фюзіономіяхъ; какой-то непонятный духъ хлопотливости заставляетъ жидковъ летать и швырять во все стороны, то пѣшкомъ, то верхомъ, то въ одноколкахъ; часто встрѣчаются цѣлыя повозки набитыя биткомъ задумчивыми жидками промышленниками, а ближайшіе къ границѣ города и мѣстечки кишатъ этимъ племенемъ какъ муравейники: — куда ни сглянешься, вездѣ увидишь сына Израилева.

Польша съ давнихъ поръ жалуется на Евреевъ; но еслибы пришлось ей вдругъ избавиться отъ нихъ, она, по всемъ вѣроятіямъ, нашла бы въ положеніи челоуѣка, одержимаго хрищескою болѣзнию, который такъ привыкъ къ своему недугу, что получивъ изцѣленіе, чувствуетъ себя какъ-то неловко, какъ будто ему недостаетъ чего-то необходимаго. Правда, Еврей, занимаясь торговлею, пользуются всеми ея выгодами; но чтожъ мѣшаетъ туземцамъ соперничать съ ними, хотѣ напримѣръ въ огромной хлѣбной торговлѣ? Будь они предприимчивѣе, трудолюбивѣе и, въ особенности, устойчивѣе, они, владѣя значительными капиталами, и соединивъ ихъ, по примѣру Евреевъ, могли бы совершенно уничтожить всякое соперничество; но къ сожалѣнію должно сознаться, что туземные торговцы къ этому рѣшительно неспособны; при первой попыткѣ они становятся хуже Евреевъ; и тратя бездну денегъ на собственныя поѣздки, на повѣренныя и на различныя затѣи, принуждены продавать все иссравненно дороже. Замѣтимъ къ тому же, что съ Евреемъ каждый обходится безъ всякой церемоніи, и думаетъ только о своихъ выгодахъ; между тѣмъ какъ съ своимъ единоплеменникомъ нужно всегда вѣрить на слово, а потомъ пожалуй каяться въ своей довѣрчивости. Польскіе торговцы по большей части теряютъ все черезъ повѣренныя и приказчиковъ, а Еврей употребляютъ для этого свою

убогую братію, которая рѣдко обманываетъ благодѣтелей; сверхъ того взаимное соперничество вредитъ столько же этой торговлѣ, какъ и недостатокъ добросовѣстности второстепенныхъ исполнителей: торговцы-соперники, послѣ двухъ, трехъ лѣтъ, видятъ, что всѣ усилія подорвать другъ друга, повелѣли лишь къ взаимному разоренію; и еще нужно считать за Божью милость, если вашъ повѣренный, продавши въ Данцигѣ, либо Кенигсбергѣ пшеницу, пеньку, льняное сѣмя, вернется къ вамъ по-добру по здорову, а не останется съ денежками за границею, посылая свой низкій поклонъ и благодарность довѣрителю, и совѣтуя ему не ждать его по-напрасну!...

Совсѣмъ иначе ведутъ дѣла свои Евреи; большая часть ихъ торгуетъ на самые ничтожные капиталы, точно такъ же какъ банкиры на биржѣ à la hausse, à la baisse. Факторъ *, имѣющій не болѣе ста рублей серебромъ, покупаетъ около тысячу корцевъ ** пшеницы, и, взявъ на свою долю отступнаго по пяти копѣекъ серебромъ за корецъ, отдаетъ ихъ другому, который въ свою очередь приглашаетъ товарищей и, съ помощью ихъ, выплачиваетъ настоящему продавцу по условію. Другой разъ бѣдный Еврей покупаетъ товаровъ на вѣскольکو тысячъ золотыхъ ***, отдаетъ весь свой наличный капиталъ въ видѣ задатка, и везетъ покупку въ городъ къ капиталисту, который платитъ за него хозяину и товаръ беретъ въ видѣ зклада въ свои магазины; между тѣмъ изворотливый жидокъ отъискиваетъ выгоднаго покупателя, перепродаетъ ему свой товаръ, выплачиваетъ занятый капиталъ съ процентами, и обѣ стороны остаются въ барышахъ. Еврей не гонится за большимъ барышемъ; онъ хлопочетъ только о томъ, чтобы деньги его были постоянно въ оборотѣ; и эти-то грошевые, но частые барыши оканчиваются тысячами. Жидовскіе проценты вошли въ пословицу; но это вѣскольکو не устрашаетъ Евреевъ; взаимный кредитъ ихъ такъ великъ, что Еврей, имѣющій собственнаго капитала не болѣе ста рублей серебромъ, торгуетъ на тысячи. Изъ всего этого видно, что вся сущность еврейской торговли заключается во взаимной довѣренности и духѣ товарищества.

Все сказанное доселѣ относится только къ торговлѣ нашихъ Евреевъ, къ торговлѣ дозволенной законами; но торговая оборот-

* Такъ называются бѣдые Евреи, употребляемые на посылки и для разныхъ порученій.

** Корецъ, то же что шфель, 2½ четверика.

*** Злотый 15 копѣекъ серебромъ.

дливость Евреевъ иностранныхъ этимъ не ограничивается. Австрийскій пограничный Еврей первое лицо, въ мѣлкой, повидному, но въ сложности огромной торговлѣ контрабандою, которая, несмотря на бдительность многочисленной таможенной стражи, и неподкупную строгость таможенныхъ чиновниковъ, завинаетъ множество рукъ. Провозъ контрабанды производится постоянно, особеннымъ, довольно хитро придуманнымъ способомъ; а выгоды торговли запрещенными товарами такъ велики, что не смотря на поимку части транспорта, потеря эта вознаграждается съ лихвою тѣмъ, что удается провезти. Контрабандою занимаются Евреи преимущественно привычные къ этому дѣлу; они ѣдутъ за товарами въ то или другое пограничное мѣсто, и заключаютъ тамъ условіе съ контрабандистомъ, которому платятъ пятьдесятъ процентовъ, а иногда и болѣе со всей стоимости товара, потомъ покупатель даетъ продавцу задатокъ, и беретъ свой товаръ, а контрабандистъ обязывается провезти его черезъ границу и доставить въ условленное мѣсто, гдѣ получаетъ остальные деньги за товаръ и договоренную плату за провозъ. При этомъ случаѣ контрабандистъ рискуетъ за деньги всею на свѣтѣ, даже жизнью. Темныя ночи съ проливнымъ дождемъ, страшныя буря—вотъ самое удобное для него время, тѣмъ болѣе, что наша сухопутная граница съ Австріею, идетъ мѣстами черезъ дремучіе лѣса. Но сколько же долженъ претерпѣть онъ страха и опасностей, не только при переходѣ черезъ таможенную линію, но даже и пробравшись за нее! Ежеминутно могутъ открыть его, и тогда ему остается бросить лошадей и повозку и товаръ, и считать себя счастливымъ, если самому удастся спастись.

Проѣзжая пзъ Лемберга въ Краковъ въ 182... году, я долженъ былъ остановиться въ какой-то пограничной корчмѣ, которая была биткомъ набита проѣзжими. У печки сидѣла толпа мужиковъ, курившихъ трубки и попивавшихъ водку, которою угощала ихъ Еврей арендаторъ, уговаривая ихъ отсыпать ему невозможное количество пшеницы пзъ барскихъ мѣшковъ. Онъ клалъ талмудомъ, что это будетъ вовсе незамѣтно; мужички слушали змѣя-пескуителя, перешептывались между собою и тянули водку, чтобы прудать себѣ отваги и храбрости; а посланный для присмотра при транспортѣ писарь пилъ висневку и былъ погруженъ въ созерцаніе своего носа. Подальше, нѣсколько русскихъ извозчиковъ шумѣли и кричали, торгуясь съ хозяиномъ за овесъ и сѣно; Еврей въ мохнатой шапкѣ ходилъ по избѣ и молился, а въ углу за сто-

ломъ сидѣли въ шапкахъ бородастые его товарищи и молча макали кусочки хлѣба въ черепокъ разбитой миски, содержавшій жидецкую яичницу, и потомъ съѣдали его потихоньку и съ разстановкою, смакуя каждую крошку. Эта скромная трапеза должна была, вѣроятно, служить имъ и обѣдомъ и ужиномъ.

Еврей довольствуется на завтракъ кускомъ хлѣба съ солью и лукомъ, и только въ шабашный день ѣсть больше обыкновеннаго и рѣшается купить кусокъ мяса, или вареной рыбы; въ остальные дни воздержанность и бережливость его просто непонятны. Этимъ однимъ можно объяснить себѣ почему Еврей довольствуется самыми ничтожными барышами; кому такъ мало нужно на удовлетвореніе своихъ потребностей, для того самый ничтожный избытокъ есть уже достаточное вознагражденіе за трудъ, и даетъ возможность отложить что нибудь на будущее время; между-тѣмъ кто привыкъ тратить много на себя, тотъ по необходимости долженъ стараться приобрести гораздо больше. Еврею, при равныхъ съ другими торговцамъ барышахъ, всегда предстовать возможность сберечь больше; потому что жизнь ему почти ничего не стоитъ; но еслибы онъ захотѣлъ ѣсть каждый день хорошій обѣдъ, то это обошлось бы ему гораздо дороже, чѣмъ христіанину; потому что заготовленіе каширнаго мяса и другихъ каширныхъ припасовъ производится съ большою разборчивостью, и сопровождается такимъ множествомъ обрядовъ, что необходимо должно стоить гораздо дороже обыкновенныхъ съѣстныхъ припасовъ.

Случайно подойдя къ столу, я увидѣлъ знакомаго Еврея и поздоровался съ нимъ; но онъ едва кивнулъ головою и продолжалъ ѣсть. Надобно сказать, что за столомъ Еврей никогда не улыбается и не задумывается; онъ знаетъ, что неполняетъ великое дѣло; онъ поощаетъ, что ѣсть себя самого, то есть свои мнѣя денежки, и занять единственно этимъ *самодѣльниемъ*, и чѣмъ дороже кушанье, тѣмъ больше помрачается и морщится лобъ его. И точно, есть о чемъ задуматься!... Поѣвши, всѣ Жиды утерли бороды, собрали тарелки и салфетку, помѣнялись и встали. Тогда только мой знакомецъ подошелъ ко мнѣ — это былъ старшій Еврей съ длинной сѣдой бородою; подойдя онъ остановился передо мною и заткнувши большіе пальцы за поясъ, осведомился о моемъ здоровьи и спросилъ куда я ѣду? Удовлетворивъ его любопытство, я пригласилъ его за перегородку, въ небольшой, но довольно чистый уголокъ, и просилъ рассказать мнѣ что-нибудь, чтобы сократить скуку длиннаго и дождливаго вечера,—

тогда шелъ дождь и на дворѣ было темно, хоть глазъ выколи. Овъ мнѣ давно какъ-то обѣщаль разсказать свою собственную исторію, и я былъ очень радъ случаю напомнить ему обѣщаніе. Еврей долго ломался и чесалъ затылокъ; однакоже стаканъ крѣпкого пуншу, — за который ему надлежало, по закону, три раза стать на колѣна и сотворить двѣсти поклоновъ, — былъ убѣдительно въсѣхъ просьбъ, и овъ, завкаясь въ началѣ на каждомъ словѣ, и озираясь безпокойно вокругъ, началъ такимъ образомъ.

— Что же мнѣ такое разсказать вамъ, сударь? съ чего начну свою исторію? съ того, развѣ, какъ я родился? — Ну родился я, какъ родится вся наша братья Жиды; родился такъ себѣ, нечаянно, самъ незная зачѣмъ. Отецъ мой былъ арендаторомъ у богатаго графа; корчма перешла къ нему отъ дѣдушки; она была въ нашемъ родѣ чуть не двѣсти лѣтъ.

Мать моя, паве, была не простая жидовка.... куда!... Это была умница, такая умница, что и сказать нельзя! Бывало кто съ ней ни заговоритъ, не можетъ отстать, и послѣ долго трясеть бородой и приговариваетъ: ай вей!... И подлинно, чего она не знала? Она знала всѣхъ, и всѣ ее уважали.... Да что! иногда случалось ей заѣзжать къ панамъ за товаромъ; такъ сами павы не знали какъ принять, гдѣ посадить ее.... да, да, будь я шельма, только и говорятъ: — Пави Лейбова, пави Лейбова, что скажете пави Лейбова? И всегда бывало, угощаютъ ее чаемъ.

Отецъ мой, я вамъ скажу, былъ тоже не простой человекъ; овъ былъ такой ученый, что бывало сами раббинны качали шапкамп, да трясли бородамп; за то овъ, отъ этой учепости, съ позволенія вашего, такъ оглупѣлъ, что не умѣлъ утереть себѣ носу, и позабылъ вовсе говорить; а все только сидѣлъ, да читалъ Гамура и Мпшну *, и кивалъ головою. Ълъ овъ небольшое груднаго ребенка. И чтожъ вы думаете?— злые духи провюхали про его учепость, и не давали ему покою; разъ даже затащили его подъ мельничную плотину и овъ увязъ по самый носъ въ тинѣ.... Боже, продолжалъ жидъ воодушевляясь, какой это былъ разумный и ученый Еврей!... Разъ старшій раббинъ изъ Бреста пріѣхалъ въ нашу деревню, пришелъ къ отцу, да какъ заперлся ови съ своими кивжкамп, такъ, вѣрите ли?—просидѣли двое сутокъ, ни чего не ѣвши и не пивши; на третій мы потихоньку отворили двери.... что же? Отецъ и раббинъ спали, уткнувъ носы въ кивжки!...

* Названія еврейскихъ книгъ.

Вотъ отъ того-то, что отецъ мой былъ такой мудрый, онъ ничего не дѣлалъ, а только сидѣлъ за столомъ, читалъ книги и качалъ головой; всѣмъ же должна была заниматься мать моя. Она брала аренду, вела торгъ, нанимала для насъ учителей; и все одна, пока не подросъ старшій братъ мой, Давыдъ. Насъ, по милости Божіей, было немало: пятеро братьевъ, да три сестры; сестры вышли всѣ замужъ, и за всѣми мать дала богатое, очень богатое приданое: — по триста цѣлковыхъ за каждую!

Когда я началъ ходить, учитель братьевъ началъ заниматься и со мною. Нечего сказать, славно училъ; только больно же и колотилъ по головѣ. Надобно было узнать всю нашу службу, учить все на память; сначала заучивать слова, а потомъ буквы.... мудрый, ужасно мудрый былъ учитель!... Помню: сидимъ мы бывало, мои два брата и я, за столомъ въ чуланѣ: одинъ на сундучкѣ, другой на скамейкѣ, третій на опрокинутой кадкѣ; сидимъ и чуть не дремлемъ, а сами кричимъ такъ, что въ ушахъ трещить: учитель свое, а мы свое, одинъ другаго громче: чужой человекъ могъ бы подумать, что у насъ либо пожаръ, либо драка.... Великое дѣло наука!...

Пока я учился, мнѣ не давали никакой работы; развѣ прикажутъ слазить на сѣновалъ за сѣномъ, либо отпустить овса конямъ проѣзжихъ; подчасъ доставался мнѣ не одинъ подзатыльникъ отъ матери, или пинокъ отъ извозчиковъ; ну, да это такъ, ничего, пустяки!... Когда же узналъ я всю службу, и могъ зажмури глаза пробарабанить всѣ молитвы—учитель сказалъ, что я теперь настоящій Еврей; а мать на радости дала мнѣ десять цѣлковыхъ на разживу.

При этихъ словахъ, Жидъ зажмурилъ глаза и покачалъ головой, какъ-бы отвѣчая на свои задушевныя мысли.

— Да, сударь, продолжалъ онъ, мать моя была умная женщина, она дѣлала все не просто; отдастъ она мнѣ деньги, да и говоритъ: «Ну, Гершко, пора бы тебѣ пожалуй и жениться, да лучше подожди; время подождетъ; пусть себѣ женятся дураки, а ты торгуй; я же высмотрю тебѣ богатую невѣсту». Вотъ и принялся я торговать. Только прежде, какъ получилъ я свои десять цѣлковыхъ, задумалъ я что мнѣ съ ними дѣлать, и то, думаю, затѣять, и другое, — а самому страшно, ухъ какъ страшно! «Дай, думаю, куплю ржи. Ну, а какъ спадетъ цѣна на хлѣбъ?.. Или, пожалуй, отчего бы не купить коровы? а если корова-то издохнетъ? Отдать ихъ развѣ на проценты?... а что будетъ коли пропадетъ и капиталъ и проценты?.... Ай вей, что дѣлать

что дѣлать?....» И въ такихъ мысляхъ сидѣлъ я на порогѣ корчмы. Вышла мать, стала подлѣ меня, посмотрѣла на сына, и спросила:

— О чемъ задумался, Гершъ.

Я рассказалъ, она засмѣялась, — мудрая, мудрая была она женщина! засмѣялась и сказала:

— Вижу, что изъ тебя выйдетъ большой торговецъ, Гершъ; но пока будешь только сидѣть, да трусить, ничего не сдѣлаешь. Отецъ рассказывалъ мнѣ, что нашъ дѣдушка нажилъ деньги, торгуя шкурками; начини и ты со шкурокъ.

— Торговать шкурками! подумалъ я, отчего жъ я не шкурками? шкура не издохнетъ, кому же не бѣтъ, не нѣтъ, да и дешево стоятъ; такъ и быть; буду торговать шкурками....

Мать дала мнѣ старую клячу; я запрягъ ее въ бречку, хлопнулъ бичемъ и поѣхалъ по Божью свѣту искать счастья и шкуру.

По сосѣдству было у васъ село Григорово. Тамъ день и ночь шла гулянка: баринъ и эконома пѣли и писали, а хозяйство плелось нога за ногу, несмотря на то, что избы перазнажились, мужички перепились, овцы и скоть перепали. Я въѣхалъ въ село и остановился у корчмы; бросилъ съва клячу и пошелъ въ избу. Хозяинъ — нашъ же братъ, честный Еврей, славно обдѣлываетъ свои дѣлишки. Онъ ставилъ на господскій дворъ все припасы, и стакнувшись съ прислугою, обдиравъ пана какъ липку. Въ два года онъ разбогатѣлъ на удивленіе, завелъ множество скота, телятъ и порадочную винокурню. Въ то время, какъ я входилъ подъ ворота корчмы, арендаторъ сидѣлъ на порогѣ избы и обсасывалъ рыбью косточку. Мы поздоровались, а я, какъ-будто невзначай, и спросилъ: — Нѣтъ ли чего у васъ на продажу?

Онъ поморщился, потому что самъ скупалъ все въ деревнѣ за полцѣны, и спросилъ:

— Ну, а чего бы тебѣ нужно?

— Ой, ой, подумалъ я: хитрый, хитрый человекъ этотъ Еврей, да вѣдь и мнѣ мать сказала, что я не глупъ....

Помолчавъ я опять спросилъ:

— Нѣтъ ли у васъ ржи, водки, либо....

— Либо чего?

— Да такъ, мало ли что тамъ найдется.

— Ступай во дворъ.... холодно отиѣчалъ онъ.

— Вижу я, что этакъ его не возьмешь, вотъ и началъ потя-

хошку:—Что вамъ долго толковать! я вѣдь небольшой купецъ, а дрянъ.... такъ вотъ просто дрянъ,—при этомъ я вилонуль и сдѣлалъ кислую рожу,—куда мнѣ съ вами тягаться? я хочу только купить шкурку.... Куда дѣлась суровость моего жидка? онъ не торговалъ шкурками, и со смѣхомъ перебилъ:—Такъ вотъ что! ну, шкурки-то есть, поѣдемъ вмѣстѣ и поговоримъ дорогой....

Напрасно умолялъ я его не беспокоиться изъ за такой дрянъ; онъ не хотѣлъ ничего слышать, а мнѣ больно не хотѣлось взять его съ собою; потому что у насъ, Евреевъ, заведенъ такой обычай, что коли кто поможетъ другому въ куплѣ, либо продажѣ, такъ непременно возьметъ и себѣ за труды, хоть бы то былъ самъ первый банкиръ изъ Бердичева. Но какъ я его ни просилъ, онъ все толковалъ свое: «Пойдемъ, да пойдёмъ!» вотъ мы и пошли во дворъ. Сначала сунулись-было къ барину.... куда?... У барина гости, говорятъ, идите къ эконому. Мы къ эконому, а тотъ плянъ такъ, что и лыка не вяжетъ:—Идите говорить, къ гуменному. Нечего сказать, славный мужикъ былъ этотъ гуменный, взялъ съ меня цѣлковый, отдалъ все за волцѣвы, а самъ пошелъ къ барину доложить, что шкуры, мѣлъ, погнили, и просто ничего не стоятъ. Навалилъ я цѣлый возъ шкуръ, далъ за труды арендатору, оставилъ десять цѣлковыхъ задатку и приказалъ, чтобы все везли въ мѣстечко, гдѣ получаютъ остальные деньги. Покуда впрягали воловъ въ телегу, да тащили возъ, я ударилъ по моей клятвѣ, прискакавъ въ мѣстечко, отыскалъ покупщиковъ и досталъ больше чѣмъ рубль на рубль. Тѣмъ я былъ счастливъ, сударь! такъ что и сказать не умѣю. Коли въ торговлѣ удастся первое дѣло, такъ ужъ значить повезеть; смѣлѣе какъ то идешь на второе. Поѣхалъ я къ матери.

— Ну, что Гершъ? спросила мать.

Вѣдь хоть и мудрая была женщина мать моя, а не угадала, такъ ровно ничего не угадала.... Я нарочно сдѣлалъ печальную рожу и отвѣчалъ:

— Попробовалъ счастья по вашему совѣту, матушка....

— Ну, и потерялъ? спросила она, глядя мнѣ въ глаза.

— Не то.... тутъ я вздохнулъ и покачалъ головой.

— А что же?... много ли заработалъ, а? пять процентовъ?...

Я опять вздохнулъ, матушка все смотрѣла на меня и дивилась.

— Да ну же, говори, много ли заработалъ?

— Рубль на рубль....

— Ахъ!... и мать схватила меня обвини руками, крѣпко, крѣп-

ко пришла къ сердцу, и поцѣловала такъ, какъ никогда прежде не цѣловала. Потомъ повела меня къ отцу и братьямъ. Тутъ я долженъ былъ снова пересказать все по порядку и мы вдоволь поохотились надъ голами *. За тѣмъ мать говоритъ мнѣ: «Вижу, Гершъ, что пора тебѣ жениться; я тебѣ и невѣсту приискала;— дочь арендатора изъ Велпхова; дадутъ за нею 300 цѣлковыхъ; начнешь ты большую торговлю, и пожалуй станешь большимъ паномъ.»—Матушка при этомъ лукаво засмѣялась!... Ой, ой, какая это была мудрая женщнна!...

Я польстился на приданое и женился очертя голову. Жена моя, съ позволенія сказать, была не то чтобы стара, не то чтобы молода; а такъ: — желта какъ глина, и худа какъ палка; но вѣдь у насъ женятся затѣмъ только, чтобы быть женатымъ.... Ну такъ я и женился. Цѣлый годъ жилъ я въ домѣ у тестя, а потомъ началъ жить своимъ домомъ, и взялъ аренду въ Ясномъ-Ставѣ.

Съ того времени повелъ я дѣла свои иначе. Я покупалъ по нѣскольку тысячь корцевъ ржи, пшеницы, овса, ячменю, и по полуторы тысячи ведеръ воды. А можетъ-быть вы спросите — какъ же покупалъ я ихъ безъ денегъ? Пожалуй я вамъ расскажу, какъ это у насъ дѣлается. Положимъ, у меня сто цѣлковыхъ; вотъ я покупаю товару цѣлковыхъ на пятьсотъ или на осемьсотъ; даю задатокъ, заключаю контрактъ, и уступаю все другому, заработавъ немножко и для себя.... Дадутъ мнѣ по три, по пяти грошей отъ корца — съ меня и довольно; я опять ѣду въ другое мѣсто, снова покупаю и снова перепродаю. Нашъ братъ Еврей за большимъ барышемъ не гонится; ему только бы братъ барышъ почаше. Первое время я вовсе не жилъ дома, а скитался отъ одного пана къ другому. Коли хлѣбъ въ цѣнѣ, мы покупали хлѣбъ; знали, кто изъ господъ нуждается въ деньгахъ и ѣхали къ нему; вертели у него подъ носомъ червонцы, и покупали товаръ за безцѣнокъ. Да и аренда моя шла не то, чтобы худо; — она окупилась въ первые три мѣсяца. Кромѣ того, я поставлялъ господамъ мясо, сало и разные продукты, причемъ разумеется не забывалъ и себя. Вы, сударь, думаете, что жидъ, молъ, глупъ; пусть себѣ и глупъ, а знаетъ онъ какъ зашибить копѣйку. Положимъ даже, и потерпѣлъ онъ убытокъ; такъ ужъ не дастъ никому покою — выпачетъ, выключитъ свое, — а коли не дадутъ—возьметъ съ бою; съѣстъ пожалуй и тычка, или что другое не хо-

* Гой, или, которыми Евреи называютъ христіанъ.

рошее, а все на своемъ поставить — и что-нибудь непременно заработаетъ. Онъ ужъ на томъ стоять. Это я говорю про дѣла съ господами; въ деревнѣ съ мужичками опять своя снаровка. Ай вей, что это за доброе созданіе — мужичекъ! Выпить на грѣшъ въ долгъ, а отдаетъ на полтину; тащить тебѣ и куръ, и айца, и холстъ, и шкурки; подъ часъ готовъ пропить и шапку; да еще вмѣсто процента работаетъ на твоёмъ полѣ или въ огородѣ, косить сѣно, ѣздить за дровами въ лѣсъ, или катаетъ бочки на погребѣ. Когда у меня родился первый сынъ, я уже скопилъ до тысячи рублей серебромъ, да столько же было въ долгахъ; аренда за корчму была уплачена за полгода впередъ; завелъ я кое-какой скоть и лошадокъ, купилъ порядочные жемчуги для жены, да кстатѣ выторговалъ у промотавшагося мѣдника два котла съ крышками.

Въ это время случилось со мною страшное несчастье, — такое несчастье, что я цѣлый мѣсяцъ теребилъ себя за бороду (правда небольно), и кричалъ: ай, вей! Видно, матушка слишкомъ поторопилась назвать меня мудрымъ!... Разнеслись у насъ слухи, что водка непременно вздорожаетъ; я и задумался: куплю, думаю, водки!... Запрегъ лошадку и поѣхалъ за двадцать верстъ, къ богатому пану, у котораго, рассказывали, была на продажу водка. Какъ водится между жидами, пріѣхалъ я въ корчму къ арендатору, и давай его разспрашивать.

— А что, говорю, продаетъ баринъ водку?

— Отъ чего и не продать.... отвѣчалъ арендаторъ.

— А хороша у васъ водка?

— За чѣмъ ей быть не хорошей....

— А каковъ вашъ баринъ?

— Ну баринъ-то такой, какъ всѣ паны; — давай Богъ побольше такихъ пановъ!

Поѣхалъ я на господскій дворъ. Пріѣхалъ, и вдругъ мнѣ, Богъ вѣсть отъ чего, сдѣлалось какъ-будто неловко: господскій домъ былъ высокій и желтый какъ наша школа; кругомъ лежали на боку амбары, саран, конюшни, мѣстами подоткнутые подпорками. Покуда допустили меня передъ свѣтлыя барскія очи, успѣлъ я вдоволь наговориться и наслушаться. Въ сѣняхъ стояла цѣлая куча панскихъ кредиторовъ; всѣ они говорили про него такъ же хорошо, что и нашему брату жиду стало бы стыдно; — а я стою себѣ въ уголку, да киваю головою. Хорошо, думаю, хорошо; ему нужны деньги; — дешево же достанется мнѣ водка!...

Наконецъ меня позвали къ пану; я вошелъ, низко поклонился и сталъ у дверей. Панъ курилъ трубку и, подперши руки въ бока, ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Что тебѣ нужно? — спросилъ овъ.

— Я согнулса въ три дуга и отвѣчалъ самымъ сладкимъ голосомъ:

— Можетъ быть, асный панъ продасть водку?

— А деньги есть?

— Кто жъ покупаетъ безъ денегъ?

— А сколько хочешь?

— Да хоть бы тысячу ведеръ.

— А цѣна.

— А панъ что хочеть?

— Я не люблю толковать; даешь по полтиннику за ведро?

— Что вы, сударь, гдѣ виданы такіа цѣны? Скажите востоящую, и я долго не задумаюсь.

— Пожалуй отдамъ по 25 копѣекъ серебромъ; бари коли хочешь, и убирайся къ чорту; — только денежки всѣ сполна на столъ.

Меня какъ-то бѣсъ и подтолкну сказать: — Всѣ не могу, а половину пожалуй...

— Ну, пусть будетъ по твоему; такъ по 25 копѣекъ ведро.

— По двадцати, пане, перебилъ я, кто дастъ больше двадцати? И началъ клясться. Мы долго спорили; наконецъ порѣшили на 22 копѣйкахъ; а цѣна на ведро была по 40 копѣекъ.

Позвали какого-то писарнишку писать контрактъ, тотъ началъ шептаться съ бариномъ, но баринъ перебилъ его, сказавъ вслухъ.

— Что тутъ толковать? садись, да пиши.

Писарнишка сѣлъ и зацарапалъ по бумагѣ, а самъ все ухмыляется, да покачиваетъ головою; и я дурень, стою у стола, да считаю деньги. Между тѣмъ контрактъ былъ написанъ, я взялъ на пробу водки, захватилъ контрактъ и пошелъ домой, радуясь, что де сдѣлалъ выгодную покунку. Только вышла же она изъ меня сокомъ! Вотъ, сижу я себѣ спокойно дома, да поджидаю водочки; приходитъ срокъ, а ее дѣтъ какъ нѣтъ. Я испугался, поскакалъ въ деревню; но барина не было дома, а приказчикъ встрѣтилъ меня съ громкимъ хохотомъ, и сказалъ на отръвъ, что водки дѣтъ!...

— А деньги мои? завопилъ я.

— И денегъ дѣтъ!...

— Какъ! ни водки, ни денегъ?...

— Да, ни водки, ни денегъ, отвѣчалъ онъ съ дурацкииъ смѣхомъ.

Я началъ кричать; меня вытолкали въ зашеи, а приказчикъ примолвилъ:

— Убирайся пока цѣль, нето худо тебѣ будетъ....

— Миѣ худо? миѣ, Гершу.... за мои же собственные деньги? ай вей! закричалъ я, и прямо изъ сельца поскакалъ въ городъ. Не на радость я туда пріѣхалъ. Миѣ растолковали, что дѣло мое выданаго айца не сгодить; что контрактъ не засвидѣтельствоваиъ, что онъ просто пустяки, а не контрактъ; панъ давнымъ-давно продалъ свою водку другому.— «Подожди, говорятъ миѣ, хотдо будущаго года; можетъ у него и проснется совѣсть; можетъ и отдасть — хотъ не все, да отдасть.»

— Эти, сударь, утѣшенія меня просто докнаали: великое дѣло барская совѣсть, коли она не спитъ; но коли заснула, такъ ужъ ни чѣмъ не добудисься!...

Я съ горя захворалъ, и лежалъ двѣ недѣли безъ намати; жутка ли потерять столько денегъ!... Кое-какъ стаициса я съ постели и велѣлъ вести себя прямо къ пану; да что? я кричалъ, плакалъ, грозилъ — ни что не помогло. Наконецъ приказчикъ говорить миѣ:

— Подио тебѣ орать: насъ, братъ, этимъ не настращаешь! уступи, коли хочешь, и деньги будутъ твои.

— Всѣ?... спросилъ я, а самъ такъ и затрясся отъ радости.

— Вишь съ чѣмъ подѣхалъ! Уступи, говорятъ, нето убирайся вонъ!...

Нечего дѣлать! я началъ торговаться и получилъ свои деньги, потерявши на честномъ барниѣ больше пятидесяти цѣлковыхъ.

— Вы вожалуй, сударь, подумаете, что они такъ и продали?

Нѣтъ же, я подстерегъ моего должника во время свадьбы и дотѣхъ-поръ валялся въ ногахъ невѣсты, плакалъ, ревѣлъ и рвалъ пейсы и бороду, пока онъ не сжалился и не приказалъ отдать миѣ за все товаромъ. Это было для меня славнымъ урокомъ; съ-тѣхъ поръ сталъ я по-осторожиѣе и, не спросася у людей, не совала въ дѣла съ господами.

Не желая утомлять читателя многословнымъ рассказомъ стараго Еврея, тѣмъ болѣе, что рассказъ этотъ терлетъ подъ перомъ большую часть прелести, которую имѣлъ на еврейскихъ устахъ Гершики, я перескажу вкратцѣ дальнѣйшія его приключенія. Отецъ его умеръ, а мать, за старостью, передала ему всѣ дѣла; скоро Гершико разбогатѣлъ, взялъ новую аренду и, овдовѣвъ, женился

на молоденькой Жидовкѣ-красавицѣ. Дѣла его шли какъ нельзя лучше; теряя въ бездѣлкахъ, онъ выигрывалъ въ значительныхъ предпріятіяхъ, и богатство его возрастало со дня на день. Но эти-то сдѣлки и предпріятія были причиною посѣтвшаго его горя, принуждая его къ частымъ отлучкамъ изъ дому, гдѣ хозяйничала тогда его молоденькая и пригожая женоушка. Гершъ вѣрилъ ей добродѣтели, да какъ и не вѣрить? у Евреевъ супружеская невѣрность случается такъ рѣдко и подвергаетъ виновныхъ такимъ страшнымъ наказаніямъ! Однако же на Волыни общая порча средняго класса коснулась и Евреевъ; она проскользнула между нихъ какъ змѣя, несмотря на самыя строгія предписанія закона, и не одна жидовская ермолка приподнималась на невычюмъ ей головномъ уборѣ. Между тѣмъ какъ Гершъ хлопоталъ о барышахъ, жена его вертѣлась передъ зеркаломъ, и не одинъ разъ имѣла случай убѣдиться, что люди не даромъ называли ее хорошенькою. И точно, она была красавица, одѣвалась какъ могла лучше, и всегда къ лицу: носила на головѣ жемчужную повязку, умѣла выказывать свою маленькую ножку, обутую въ бѣлый чулочекъ и красивый сафьянный башмачекъ; и со всѣмъ этимъ она такъ умильно шурила свои черневыя глаза, и, залажа руки въ карманы фартуха, такъ весело выбѣгала на крыльцо при стукѣ подъѣзжающаго экипажа; что часто проѣзжіи самъ не зная какъ оставался ночевать въ корчмѣ; то ему казалось, что ночь темна; то казалось, что начинается накрапывать дождикъ, и какъ онъ передъ тѣмъ ни спѣшилъ, а тутъ вдругъ рѣшалъ, что лучше бы, не пускаясь въ дальнюю дорогу, остановиться здѣсь отдохнуть. Пани Гершова, какъ звали ее проѣзжіе, была всегда весела, вертлява, умѣла занимать гостей; знала чѣмъ имъ угодить, и что жъ мудренаго, что у ней было множество обожателей, которые никогда не миновали ея гостеприимной корчмы.

Между ними особенно постояннымъ и пламеннымъ ея поклонникомъ былъ панъ Янъ Хвалевскій, молодой статный мужчина, огромнаго роста, круглолицый, черноглазый и съ маленькою лысиною. Онъ имѣлъ по сосѣдству небольшое имѣніе, и былъ по уши въ долгахъ. Панъ Хвалевскій слылъ болтуномъ, острякомъ, — правда, довольно жалкимъ, — любилъ разгульное товарищество, гдѣ стыдъ и приличіе сбрасывается вмѣстѣ съ сортуками; по цѣлымъ днямъ занимался объѣздкою лошадей, или тѣшилъ своею дворовою музыкою, составленною изъ незатѣливой дворни, которая гудѣла ему Богъ знаетъ что. Иногда, когда

панъ бывалъ въ особенно веселомъ духѣ, онъ и самъ вторилъ своимъ музыкантамъ и затягивалъ одну изъ не слишкомъ пристойныхъ пѣсенокъ, которыхъ зналъ безъ счету; или же, собравъ такихъ же гулянь товарищей какъ самъ, пилъ, кутилъ и потомъ, подуляяный, гонялся съ ними въ запуски на сухопарыхъ клячахъ. Несмотря на разстроенное состояніе и долги, Хвалевскій былъ всегда веселъ; сосѣди смѣялись надъ нимъ и предсказывали ему нищенскую суму; а онъ смѣялся надъ сосѣдами и продолжалъ пить, гулять и кутить.

Случайно познакомился онъ съ женою Герша; прелесть хорошенькой Жидовочки, ея черныя глазки и милая улыбка произвели на него сильное впечатлѣніе, и съ тѣхъ-поръ не проходило дня, чтобы онъ не заѣзжалъ, подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ, въ корчму. Гершъ не только не сердился за эти частыя посѣщенія, но еще радовался случаю драть съ любезнаго гостя въ три-дорога за овецъ и сѣно. И хозяйка не осталась равнодушною къ его вниманію; но Хвалевскій былъ самъ не промахъ и въ присутствіи мужа, велъ себя какъ красная дѣвушка. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Разъ какъ-то Гершу случилось уѣхать изъ дому на довольно долгое время. Едва онъ изъ воротъ, и панъ Хвалевскій въ ворота, объявивъ, что у него сломалась бричка, и что онъ принужденъ перепочевать въ корчмѣ. Дѣйствительно, онъ пробылъ въ корчмѣ цѣлые сутки, а на слѣдующее утро отправился домой въ необыкновенно веселомъ расположеніи духа. Съ тѣхъ-поръ онъ ѣздилъ къ Жидовкѣ каждый день. Хорошенькая хозяйка вдругъ переѣвилась, стала задумываться, поблѣдѣла, похудѣла и часто съ тревожнымъ ожиданіемъ выбѣгала за ворота, печально смотрѣла на дорогу и еще печальнѣе возвращалась домой. Только и улыбалась она по прежнему, когда пріѣзжалъ ея любезный панъ Инъ; и это утѣшеніе было не на долго: сначала панъ Инъ ѣздилъ каждый день, потомъ черезъ день, а потомъ все рѣже и рѣже. Между тѣмъ Гершъ возвращался домой съ самыми пріятными думами: ему удалось покончить съ барышемъ какое то дѣльцо, и взять необыкновенно выгодную поставку. Пріѣхавъ домой, онъ пригласилъ къ себѣ брата, арендовавшаго ближнюю корчму; братья заперлись въ особой комнатѣ и, послѣ двухъ часовъ шумнаго разговора, Гершъ вышелъ, широко раздувая ноздри, съ разгорѣвшимся лицомъ и помутившимися глазами. Не отвѣчая на вопросы жены, онъ, приказавъ запретъ лошадей, тотчасъ же ускакалъ, не сказавъ куда. Бѣдная жена угадала все: она повала, что мужъ, въ-

родило, знаетъ объ ея проступкѣ; наблюдать и задрожать, узнала она на сканью; но едва Гершъ успѣлъ выѣхать за ворота, она вскочила, наняла перваго попавшагося ей проѣзжаго крестьянина и приказала везти себя къ пану Хвалевскому.

Хвалевскій въ это время пировалъ, по обычаю, съ пріятельми, при низгѣ и гамѣ своей деревенской музыки; онъ ревѣлъ басомъ какую-то мазовецкую мѣссыку, когда наша бѣгланка, задыхаясь отъ страха, вбѣжала на барскій дворъ. Хозяинъ узналъ ее и, выскочивъ на крыльцо, раскрылъ уже ротъ, чтобы отпустить какую-то глупую шутку; но бѣдная женщина схватила его за платье и закричала отчаяннымъ голосомъ :

— Бѣда мнѣ, страшная бѣда!...

— Ну, рассказывай, коли хочешь....

— Нельзя при людяхъ....

Хвалевскій отвелъ ее въ людскую и остался съ нею наединѣ въ особой комнатѣ.

— Ну, говори же, что за бѣда такая? закричалъ онъ съ досадою.

— Мой мужъ все знаетъ.... онъ убьетъ меня!...

— Ха, ха, ха! залпелъ Хвалевскій: смотрите какая трусиха. Ну, что жъ? онъ, чай, поколотилъ тебя?

— Нѣтъ еще; но онъ все знаетъ и носкакалъ въ городъ за помощникомъ раввина: спасите, спасите!...

— Ну, а я-то что тутъ сдѣлаю? спросилъ холодно помѣщикъ, стараясь скрыть, подъ видомъ шутки, свое невольное смущеніе.

— Я пережѣию вѣру, только спрячьте меня! сказала Еврейка и, послушавши шелестъ, вскрикнула и бросилась въ глубину комнаты.

Хвалевскій былъ въ большомъ затрудненіи, и отъ души посылая къ чорту свою глупую любовашку; онъ вахмурилъ брови, наморщилъ лобъ, надулъ губы и началъ говорить съ разстановкою :

— Что ты въ самомъ дѣлѣ такъ раскричалась, моя красавица? проваливай по добру по здорову. Я ничего тутъ не знаю, да и знать не хочу. Выйдутъ еще хлопоты, а я до нихъ вовсе не охотникъ.

Еврейка остомбенѣла отъ изумленія и негодованія, и только перерывающимся голосомъ шептала :

— Что? что?...

— Ну, да, разумѣется.... Что же ты въ самомъ дѣлѣ стоишь

вынуть глаза? продолжалъ Хвалевскій: ступай какъ пришла, мнѣ тебя не нужно!...

Жидовка ведрогнула какъ пораженная змѣя.

— Такъ ты гонишь меня вонъ? закричала она нѣступленнымъ голосомъ: ты, ты, губитель мой, ты говоришь мнѣ подобныя слова! Знай же, что ты мерзавецъ!

— Я мерзавецъ? закричалъ Хвалевскій.

— Да, да, мерзавецъ! Ты не хотѣлъ меня принять добромъ, такъ возьмишь по неволѣ! Ты еще не знаешь, что я могу сдѣлать... и что сдѣлаю непременно!...

Хвалевскій, какъ всѣ удалцы подобнаго покроя, былъ блудливъ какъ кошка, а трусливъ какъ заяцъ. Дерзкія слова любовницы сбили его съ толку: онъ поблѣдѣлъ какъ полотно.

— Ну, ну, экая же ты приткая! сказалъ онъ болѣе ласковымъ голосомъ. Полю, дурочка, я пошутилъ, а ты тотчасъ и браниться! Говори, что же мнѣ съ тобою дѣлать, моя голубушка?

Эта внезапная переменъ не менѣе удивила Жидовку, чѣмъ оскорбительная холодность, которою она была встрѣчена.

— Что? сказала она: дай мнѣ другое платье, я окрещусь и буду твоя.

Хвалевскій опять расхохотался и спросилъ:

— Какъ же это?

— Да развѣ ты не увѣрялъ, что любишь меня? развѣ не клялся мнѣ въ томъ всѣмъ, что для тебя свято? развѣ не подбивалъ меня забыть мужа? Ну, вотъ теперь я твоя; сдержи же свое панское слово....

И съ этими словами она сбросила свою повязку, платокъ и спросила другаго платья. Хвалевскій ослупѣлъ и не зналъ что дѣлать и что отвѣчать. Какъ ни стыдно ему было открыться разгульнымъ товарищамъ въ затрудненіи, въ которое поставили его собственныя его проказы, однако же жалость и даже любовь къ Жидовкѣ, все бросившей для него, побѣдили; онъ пошелъ просить совѣта и помощи у своихъ собутыльниковъ. Еврейка захлопнула двери и заперлась въ комнатѣ.

Что же дѣлалъ между-тѣмъ Гершъ? куда онъ уѣхалъ такъ поспѣшно и зачѣмъ? Онъ дѣйствительно узналъ о своемъ стыдѣ и горѣ, и, не имѣя дѣтей, рѣшился бросить невѣрную жену; съ этою-то цѣлью поѣхалъ онъ посоветоваться съ раввиномъ и, возвратясь отъ него, узналъ, что птичка уже упорхнула изъ гнѣзда. Всѣ усилія его отъяснить ее были напрасны; наконецъ бѣдный мужъ начиналъ думать, что жена его, чувствуя свой просту-

покъ, сама уѣхала къ родителямъ; только вечеромъ заѣхалъ къ нему пьяный мужикъ, и рассказалъ какъ съезъ ее къ Хвалевскому. Гершъ рвалъ нейсы съ отчаянія.... мало того, что жена опозорила его голову.... нѣтъ, она еще бѣжала къ любовнику и вздумала сдѣлаться католичкою! Какъ съумасшедшій поскакала; несчастный къ похитителю; но Хвалевскій клялся всѣмъ, что если Гершовой нѣтъ у него въ домѣ, что она взяла только лошадей и поѣхала куда-то дальше. Гершъ поѣхалъ на развѣдываніе, разослалъ во всѣ стороны слугъ; но жены нѣтъ нигдѣ — будто въ воду канула. Тогда онъ рѣшился караулить домъ Хвалевскаго; подружился съ его дворнею, подпоилъ ее и узналъ, что у барина точно спрятана въ особой комнатѣ, около людской, какая-то женщина; что онъ никого къ ней не пускаетъ, и даже самъ носитъ ей кушанье. Ему этого только и было нужно; Жидки собрались на совѣтъ и рѣшили не дать ей окреститься, а похитить ее и увести куда-нибудь подальше.

Въ это время съ паномъ Хвалевскимъ совершилось чудо. Богъ знаетъ, какъ это случилось, но не смотря на весь прежній его развратъ, онъ поваялъ свои обязанности относительно несчастной, опозоренной имъ Еврейки; а черные ея глазки и румяное личико дали прихоти силу чувства. Съ каждымъ днемъ привязывался онъ къ ней больше и больше, и скрѣплялъ безразсудную связь, боясь думать, чѣмъ все это должно было кончиться. А между-тѣмъ патеръ тайкомъ приходилъ къ узницѣ и приготовлялъ ее къ перемѣнѣ вѣры; Еврейка такъ же спѣшила перемѣнить религію, потому что съ этимъ кончались ея прежнія супружескія обязанности. Хвалевскій ходилъ въ задумчивости, повѣся голову, и даже, повѣрите ли? даже вздыхалъ; онъ стыдился самого себя, проклиналъ свое ослѣпленіе, боялся за будущее, а между-тѣмъ, не имѣлъ силы побѣдить страсть. Упорство Жидовки, холодность, съ которою она отвергала все его ласки, еще болѣе раздражали страстный пылъ его. Напрасно просилъ, умолялъ онъ ее самыми вѣжными словами; она напоминала ему о совѣсти, о долгѣ и, укрываясь за ксендза, свела рѣшительно съ толку своего любовника. Кончилось тѣмъ, что панъ Янъ рѣшился жениться на Жидовкѣ, чтобы владѣть ею, во что бы то ни стало.

Покуда разыгрывалась эта полусмѣшная, полупечальная драма, Жидки съ своей стороны не зѣвали. Провѣдавъ, что панъ Хвалевскій отлучился въ ближнее мѣстечко, но скоро возвратится домой, они рѣшились въ ту же ночь похитить бѣглицу. Самъ

Гершъ съ двумя братьями и нѣсколькими родственниками собрались въ корчмѣ, и ждали сумерекъ. Все было устроено съ вѣстимо-жидовскою предусмотрительностью: три брички должны были подъѣхать въ одно время къ селцу, и потомъ скакать въ разные стороны; въ каждой было по Еврейкѣ, которая для вида должна была бороться съ похитителями; жену же Герша предполагали запрятать въ огромную фуру, нагруженную тюками, которая, по выѣздѣ на большую дорогу, должна была идти шагомъ.

Наступила ночь; Жида потихоньку подкралась къ людской избѣ, и окруживъ ее со всѣхъ сторонъ, стали ждать пока погаснутъ огни. Около полуночи изъ людской избы вышелъ старый кзендзь; дверь заперлась и свѣчка въ комнатѣ погасла. Тогда Жида потихоньку подпилили запоръ и петли у ставни, вышибли раму и, бросившись на спящую бѣглянку, связали ее по рукамъ и по ногамъ, заткнувъ ротъ платкомъ и бросили несчастную въ бричку; всѣ три брички поскакали въ одно время въ три разные стороны, и исчезли въ темнотѣ ночи.

Непредвидѣнное обстоятельство обмануло расчеты похитителей. Павъ Хвалевскій, неизвѣстно почему, не остался ночевать въ мѣстечкѣ. Онъ несся домой на своихъ бѣшеныхъ лошадяхъ, звѣня и гремя бубенчиками и колокольчиками. Подскакавъ къ людской избѣ, онъ постучался, все тихо; зашелъ въ садъ, съ тѣмъ, чтобы заглянуть въ комнату сквозь вырѣзъ въ ставнѣ; каково же было его удивленіе и ужасъ, когда онъ увидѣлъ, что ставень оторванъ, рама вышиблена, а его милой и слѣдъ простылъ. Хвалевскій закричалъ, и когда на крикъ его сбѣжалась дворня, онъ изъ распросовъ узналъ, что не такъ давно видѣли, какъ два Еврея везли какую-то женщину. Не думая долго, Хвалевскій схватилъ саблю и пистолеты, приказалъ запретъ другую четверку, и поскакалъ сломя голову въ поговю. По какому-то странному случаю ему удалось напасть на настоящій слѣдъ, и къ разсвѣту нагналъ опять жидовскую бричку, которая медленно тащилась по песку. Хвалевскій и люди его окружили бричку со всѣхъ сторонъ; фурманъ и двое его товарищей бѣжали, оставивъ Хвалевскому свою фуру съ товарами; по пану Яну было не до товаровъ; объискавъ бричку и не найдя въ ней Жидовки, онъ бросилъ фуру, и поскакалъ дальше.

Такъ прошелъ цѣлый день; наступила ночь; Хвалевскій бросилъ своихъ измученныхъ лошадей, и пока запрягали свѣжую четверку, узналъ на почтовой станціи, что его милую Гершову точно везутъ по этой дорогѣ.... Чуть не на крыльяхъ понесся

онъ дальше. Стенѣло; подвѣлся сырой, холодный, пронзительный вѣтеръ; но ни что не могло охладить пылу нашего героя, онъ скакалъ все шибче и шибче. Вдругъ около полуночи послышалось знакомое «вуй, вуй!» (ну, ну!), и на песчаной дорогѣ забѣлѣлась жидовская бричка, которая сначала плелась потихоньку; но услышавъ погоню, Жидъ тоже приударилъ лошадохъ и вотъ повесились обѣ повозки, взметая облако пыли. Хвалевскій бѣсился, кричалъ: «Стой!» грозился застрѣлить «фурмана. Впрочемъ жидовскія тощія лошади и безъ того не выдержали продолжительной скачки по песчаной дорогѣ; Хвалевскому удалось нагнать бричку. Поровнявшись съ нею, онъ выстрѣлилъ изъ пистолета, бричка остановилась; баринъ схватилъ лошадей подъ уздцы, а лавой бросился на «фурмана. Въ эту минуту изъ брички выскочили два Жида, изъ которыхъ одинъ тащилъ на рукахъ что-то бѣлое. Ихъ увидѣли, окружили; Жидъ, споткнувшись, бросилъ свою пошу, а самъ убѣжалъ въ лѣсъ. Не смотря на темноту, панъ Хвалевскій тотчасъ узналъ свою милую Жидовку, развязалъ ей ротъ и руки, привелъ ее въ чувство, положилъ въ свою бричку, и носкакалъ домой.

Гершу удалось убѣжать въ лѣсъ, а спустя день, онъ преспокойно сидѣлъ за привалкомъ своей корчмы и качался со стороны на сторону надъ талмудомъ, какъ-будто ни въ чемъ не бывалъ. Жена же его окрестилась, сдѣлалась супругою вельможнаго пана Хвалевскаго, и стала очень милою дамочкою, какъ говорили сосѣди. Жаль только, что новый мужъ ея, постоянно сидя дома, не могъ свести полноты своего супружескаго счастья; онъ принялся пить запоемъ, и пилъ до тѣхъ поръ, пока не умеръ отъ пьянства.

Казалось бы, что испытанная неудача должна бы охладить Гершу къ женядбѣ. Но какъ поступить противъ закона? Гершъ помоталъ головою, и все-таки выбралъ Жидовочку, не особенно красивую, но и не совсѣмъ дурную, а такъ себѣ, простенькую, спокойную, безответную, и женился въ третій разъ.

И что же? Въмѣсто прежнихъ непрерывныхъ удачъ въ торговлѣ, теперь слѣдовала потеря за потерю. Купилъ онъ, напримеръ, ржи, в довольно дорого; вдругъ рожъ упала въ цѣнѣ; онъ поспѣшилъ поскорѣе продать ее съ убыткомъ; анъ, не прошло недѣли, и цѣна на рожъ снова подвѣлась. Гершъ катался по землѣ съ досады. Къ довершенію его печали, винокурня его вовсе не шла, воловина купленнаго скота пала отъ эпидеміи, а другую онъ отдалъ почти даромъ. Всѣ эти удары быстро слѣдовали одинъ

за другинь. Гершъ узналъ духомъ, и ходилъ въ какомъ-то полупомѣшательствѣ.

Всѣмъ на его мѣстѣ провалъ бы безвозвратно, но не такова жидовская натура! Жидъ, находящійся въ подобномъ положеніи, или черезъ мѣсяць одѣвается богачемъ, или поидеть съ сумою по міру; необходимость даетъ ему отвагу, и онъ очертя голову, бросается въ каную-нибудь отчаянную, но выгодную спекуляцію. Тамъ сдѣлалъ и Гершъ; деньги у него водились, и онъ охотно согласился на предложеніе какого то смѣтливаго товарища, закупить въ Радзивиловъ русскихъ товаровъ на большую сумму, потихоньку провезти ихъ черезъ границу, и распродать по городамъ Галиціи. Согласившись между собою, товарищи внесли въ общую кассу каждый свою долю, и взявъ паспорта на вѣздуку во внутренніе округи Галиціи, сами, на однокошной подводѣ, пустились къ границѣ.

Волянь, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отдѣляется отъ Галиціи одною только просѣкою, проложенною сквозь довольно густые лѣса; нѣтъ ни рѣчки, ни болота, которыя затрудняли бы переходъ черезъ границу; и не смотря на то, что густая цѣпь объѣздишниковъ и пѣхотныхъ солдатъ охраняютъ эти мѣста, однако же они успѣли случайно, при помощи темной ночи и знающихъ людей, перейти пограничную черту. Нѣсколько шаговъ, и они уже переступили границу, и поговя прекращается. Жидки наши пріѣхали на ночлегъ въ ближайшую пограничную деревеньку, и не останавливаясь въ корчмѣ, пробрались потихоньку въ хату мужичка.

Яковъ, такъ звали мужичка, сидѣлъ въ то время передъ печкою и курилъ трубку. Изба его, на первый взглядъ, не представляла ничего особеннаго; но присмотрѣвшись, можно было замѣтить признаки скрываемаго достатка. Разставленная тамъ и сямъ мѣдная посуда, довольно хорошіе кораллы съ вызолоченымъ бронзовымъ крестомъ на шеѣ жены; трубка, изъ которой курилъ самъ хозяинъ, сдѣланная довольно искусно; рубашка изъ тонкаго холста, хорошіе сапоги и кушакъ заграничной работы; все это доказывало зажиточность и знакомство съ контрабандою.

При входѣ незваныхъ гостей, Яковъ нѣхотя обернулъ голову и промолвилъ: Вотъ ужъ опять несетъ чортъ Жидовъ; не дадутъ уснуть спокойно!....

Жидки кланялись ему, шума своими замасловыми шинелями; потомъ товарищъ Герша сказалъ ему что-то шепотомъ.

— Хорошо, хорошо, перебилъ поселеникъ, не впервые; авось устроишь и теперь; а что же дадите?....

Жидки переглянулись, почесали подъ ермолками, и робко спросили: А что хочешь?

— Вѣдь у васъ чай денегъ-то много? отвѣчалъ Яковъ.

— У васъ, какія у васъ деньги? возможное ли то дѣло, чтобы у васъ были деньги? Ай вей!.... закричали оба Еврея, побѣднѣвъ какъ тряпица; развѣ мы дураки, имѣть при себѣ деньги? У васъ только и есть, чтобы дать тебѣ!..

— Толкуйте другому, а не мнѣ, перебилъ хозяинъ, раскуривая трубку; первое дѣло, что васъ двое, а второе, что у тебя, сказалъ онъ, показавши на Герша, больно широкъ поясъ, а у тебя, примолвилъ онъ, обращаясь къ другому, что-то толстенки подвязки.

Жиды дрожали какъ въ лихорадикѣ.

— Чего вы бонтесь? сказалъ опять Яковъ, меня люди такъ знаютъ; я никого не обижу, а люблю все на чистоту. Ну ка, что же дадите?...

Жиды, пошептались между собою, сказали оба разомъ и скороговоркою: — Дадимъ два червонца: больше никто не дастъ!...

— Дайте четыре....

— Четыре? ай вей! развѣ можетъ-быть у кого такъ много денегъ?—дадимъ пожалуй три, я обѣщалъ моей Хаймѣ, — примолвилъ Гершъ, — бронзовыя серги; пусть себѣ ходитъ безъ серегъ, лишь бы продать доброму человѣку!... Дадимъ три....

Яковъ замолчалъ, снова закурилъ трубку, и, неповорачивая головы, сказалъ съ разстановкою:

— Сказалъ четыре, и дадите четыре, а то я и пальцемъ не пошевелищу.

— Ну такъ мы пойдемъ лучше домой, отвѣчалъ Гершъ;— неправда ли, панъ Рахимъ, мы пойдемъ лучше домой....

— Идите себѣ съ Богомъ, я не мѣшайте намъ спать!...

Еврей принялись снова шептаться, а Яковъ мурлыча подъ носъ какую-то пѣсню, курилъ, не обращая на нихъ вниманія, и отъ времени до времени поправлялъ огонь на очагѣ.

— Ну, нечего дѣлать, сказалъ Гершъ; мы тебя очень полюбили и готовы исполнить твою просьбу; дадимъ тебѣ четыре, только ведн.

— Нѣтъ, прежде денежки на столъ.

— Дадимъ послѣ.

— Вотъ нашли дурака. Давайте ка деньги, а то послѣ, ищивася!

Послѣ долгаго совѣщанія въ полголоса, размахивая руками и чесаясь подъ ермолками, Жиды вынули четыре обрѣзанные червонца и положили ихъ на столъ. Мужикъ взглянулъ и отвернулся.

— Ну, что жъ не берешь? а? спросилъ Гершъ.

— Подавитесь ими, негодные!... отвѣчалъ крестьянинъ.

— Ай вой!... закричали Евреи, смотрите... самые лучшіе червонцы, самые новые червонцы онъ называетъ негодными! — гдѣ же взять намъ лучшихъ?... Негодные!...

Но всѣ эти выкрикиванья и ужимки были напрасны; Жиды съ глубокими вздохами, вытащили по парѣ новыхъ червонцевъ и тогда только Яковъ умиловился.

— Ну теперь, веди же насъ; ночь темна, никто не увидитъ!... вскричали Жиды.

— Много вы знаете! сказалъ смѣючись Яковъ; на зарѣ-то хоть и посвѣтлѣе, да зато и спится покрѣпче; тогда всѣ храпятъ какъ убитые. Ложитесь-ко покуда.

Гости, не смотря на всю неохоту и тоскливые взгляды, бросаемые по сторонамъ, принуждены были согласиться. Хозяинъ угостилъ ихъ водкой для приданія храбрости, поставилъ передъ ними миску личницы, а самъ взялъ шапку и вышелъ изъ хаты; Евреи же, поѣвъ личницы, сняли бережно свои замазанные шлаты, и положивъ ихъ подъ головы, растянулись на полу.

Вдругъ скрипнула дверь; Жиды раскрыли глаза и опять зажмурились отъ страху, потомъ подняли гвалтъ и вскочили на ноги: — передъ ними, носъ къ носу, стоялъ Яковъ съ какимъ-то человѣкомъ.

— Это что ли твои Жиды? спросилъ незнакомый у крестьянина. Жиды дрожали какъ основной листъ и стучали зубами.

— Пора идти; ну за мною... продолжалъ гость.

Гершъ и Рохимъ не трогались съ мѣста, но выпуча глаза продолжали щелкать зубами.

— Да ну же, полно! сказалъ съ громкимъ хохотомъ крестьянинъ. Экъ ихъ пришибло! Пойдете-ко съ нимъ, онъ лихо проведетъ и не возьметъ дорого.

На разсвѣтъ Жидки были въ Радзивиловъ; но это была самая немудреная часть ихъ предпріятія; не штука пройти съ паспортомъ въ Россію, а какво оттуда вернуться съ контрабандою? Но Жидкамъ нашимъ захотѣлось быть мудрѣйшими изъ мудрыхъ; они удержали при себѣ Якова, хорошо заплатили проводнику, уговорились

съ нимъ на обратный путь, обѣщая еще больше, и начали дѣлать свои покупки.

Въ Радзивиловѣ по выговору, по одеждѣ и по деньгамъ, скоро угадали, что это за гуси, и за тѣмъ они прѣбжали. Многіе предлагали имъ свои услуги; но Жиды отвѣчали, что въ Галицію ѣхать не думаютъ, контрабанды не закупаютъ и не нуждаются ни въ чьихъ услугахъ, а между-тѣмъ не теряли времени: бѣжали по лавкамъ и очень дешево дѣлали всѣ свои покупки. Наконецъ, когда все было готово, они загрузили бричку, и выѣхали въ совершенно противоположную сторону; потомъ, не останавливаясь ни у одной корчмы, не промолвя ни съ кѣмъ слова, свернули съ дороги, и хорошо знакомыми Якову проселками возвратились назадъ къ границѣ, прямо къ тому мѣсту, гдѣ прежде прокрались. — Мужикъ пошелъ впередъ; ночь была темна, хоть глазъ выколи; Жиды свѣдѣли на фурѣ и ни живы ни мертвы отъ страху. Прошелъ добрый часъ, прежде тѣмъ вернулся запыхавшійся Яковъ; онъ принесъ недобрыя вѣсти — знакомый провожалъ контрабандистовъ до тѣхъ поръ, пока не попалъ, за свою услужливость, подъ арестъ. Яковъ съѣлъ на облучекъ и стегнулъ по лошадямъ, примолвивъ: — Эка невидаль! проведу и самъ!...

Жиды едва не умерли со страху; однако же, какъ думать тутъ было некогда, рѣшились во всемъ вѣрнѣе Якову. Тихо подѣхали они къ пограничной верстѣ, дождь лилъ какъ изъ ведра, часовые вѣрно спали гдѣ-нибудь подъ кустами; герои наши перѣхали черту, миновали лѣсокъ; наконецъ выѣхавъ на дорогу, они ударили по лошадямъ и поскакали.

Въ эту минуту что-то блеснуло; раздался выстрѣлъ, подвиглась тревога и послышался топотъ конной стражи. — Жиды пали ничкомъ на самое дно повозки и лежатъ тамъ ни живы ни мертвы, а Яковъ, рассчитывая на темноту и удачу, ударилъ еще разъ по лошадямъ; онѣ помчались; за ними слышится топотъ погони, раздаются крики, выстрѣлы. Яковъ хлещетъ по лошадямъ и скачетъ черезъ рвы и ямы. Такъ прошелъ часъ, топотъ погони началъ утихать; жиды рѣшились поднять носы; — кругомъ мгла, лошади летятъ будто на крыльяхъ. — Вотъ прискакали въ какое-то село, крестьянинъ завернулъ бричку на первой показавшейся дворъ и выѣхалъ въ сарай.

— Куда ты, куда ты? закричали Жиды.

— Тихе, нечистое племя, оказалъ Яковъ, слезая съ брички, сбрасывайте поскорѣе товары — и ни слова!...

Принимать еще какой-то поселанинъ; началось совѣщаніе; и мѣжду тѣмъ товары были спрятаны въ солому.

— А бричка, и лошади? спросилъ съ безпокойствомъ Гершъ.

— Коли хотите быть цѣлы, такъ слушайте: мы нахлещемъ порядкомъ лошадей, и пусть себѣ скачутъ съ пустою бричкою къ границѣ; авось намъ удастся отвести погоню, не то мы пропали!...

Жиды послушались: Яковъ сѣлъ въ пустую бричку и поехалъ. Долго ждали они его; около полудня притащился онъ пѣшкомъ, усталый и измученный, отирая потъ съ лица.

— А гдѣ жъ бричка и лошади? закричали Жиды.

— Въ таможи; благодаря Бога, схватили таки ихъ таможенныя.

— Слышишь Рохимъ, онъ еще говорить слава Богу? Мои лошади, мои чудесныя лошади!

— Лучше потерять лошадей и бричку, тѣмъ попасться въ тюрьму; теперь нанимайте подводы и проваливайте, а намъ съ кумомъ заплатите.

— Еще заплатить? какъ можно еще платить? а лошади, а бричка?

— Да развѣ я ихъ сѣлъ?

— А кто знаетъ? можетъ, ты ихъ и продалъ....?а?... вѣдь навѣрно продалъ?...

— Такъ вотъ вы какъ? сказалъ вахмурясь Яковъ; слушайте же толкомъ: либо платите, либо....

— Ну а чтò?... ну а чтò? перервали Жиды.

— Ничего.... въ корчмѣ сидятъ еще два стражника; такъ я скажу, чтобы они не уѣзжали....

Жиды струсли, начали торговаться и кое-какъ покончили; потомъ они наняли знакомыхъ Якову извозчиковъ и раннимъ утромъ поѣхали въ Ржешевъ. Стояло только добраться до ближайшаго села, и тогда все было кончено; но ужъ разсвѣло; вхвать днемъ было опасно, и поселане совѣтовали укрыться до ночи въ лѣсу. Жиды послушались.

Измученные безпокойствомъ и усталостью, они бросились на землю и задремали, а поселане стреножили лошадей, усталия вокругъ огня и принялись готовить обѣдъ. Въ это время крупный дождикъ зашумѣлъ по листьямъ, и только изрѣдка долетали до нихъ далекіе крики или звонъ бубенчиковъ съ большой дороги. Пообѣдавъ, извозчики такъ же залегли спать,

накрывшись армяками. Вдругъ раздался громкій смѣхъ и въ слѣдъ за тѣмъ крикъ: — Эй, вставай!

Всѣ вскочили въ испугѣ.

Какой-то баринъ, въ бѣлой шивели съ синимъ воротникомъ стоялъ подлѣ воевъ, держа въ одной рукѣ коротенькій чубукъ, а въ другой саблю; баринъ этотъ поглядывалъ на воевъ съ видомъ рѣшительнаго знатока. Это былъ стражникъ, который, выслѣдивши Жидовъ, погнался за ними въ чашу лѣса.

Услышавъ грозный его голосъ, Евреи хотѣли бросить все и бѣжать; но замѣтивъ, что стражникъ одинъ, они сдѣлали знакъ поселянамъ, и тѣ бросились къ лошадямъ.

— Вишь какіе гуси! вскричалъ веселый баринъ; вздумали удрать!... Нѣтъ, мои соколики; я старый воробей, моя команда стоитъ неподалеку и ждетъ только знака, чтобы живьемъ схватить и васъ и контрабанду. Часа черезъ два вы будете сидѣть на казенной квартирѣ, подъ надежнымъ замкомъ.

— Контрабанда! помилуй Боже! это очень не хорошее дѣло, пане, возить контрабанду, вскричалъ храбрый товарищъ Герша. Честный Жидъ никогда не повезетъ контрабанды, не правда ли, Гершъ? вѣдь нивкакъ не повезетъ?... А мы честные Жидки, ѣдимъ себѣ съ товаромъ по помѣщикамъ....

— Да, да, примолвилъ Гершъ, мотая головою и разводя пальцами.

— Контрабанда!... продолжалъ Рахимъ, разгорячаясь все больше и больше; что бы сказала моя жена Рахиль и мои дѣти Шмуль, Мошка и Сура, когда бъ слышали только это слово! Нѣтъ, ясный пане, такой ясный панъ, что другаго нѣтъ яснѣе, мы хоть васъ и не знаемъ, а просимъ оставить насъ въ покои и неговорить о контрабандѣ.

— Эй ребята, запрягай лошадей! закричалъ Гершъ.

Веселый баринъ еще болѣе разохотался: — Полно шутить! вѣдь вы знаете, очень хорошо знаете кто я, мои любезные Жидочки; да и я васъ знаю. Вы везете контрабанду изъ Радзивилова; вчера прокрался вы черезъ границу; бричку вашу схватили таможенные, почевали вы въ сараѣ у крестьянина не далеко отъ Б*** и теперь пробираетесь въ Л** — видите ли, что я все знаю?

Сказавъ это, стражникъ отвернулся, показывая, будто хочетъ идти. Гершъ и Рахимъ сдѣли ермолки и подобострастно забѣжали впередъ.

— Какой панъ, вѣдь это настоящій панъ! началъ Рахимъ, мы честные Евреи, мы уважаемъ ясныхъ пановъ!...

Послѣ долгихъ переговоровъ, Евреи заплатили пятьдесятъ талеровъ и, сверхъ того, должны были подарить веселому пану новенькій русскій бобровый воротникъ къ шинелю, да сукна на покрышку. Получивъ свою добычу, веселый баринъ сгинулъ въ чашѣ, а жидки остались на мѣстѣ, опустивъ носы и почесывая въ головахъ.... Но ждать было нечего; извозчики запрягли лошадей и тронулись. Ночью транспортъ мновалъ нѣсколко городковъ и остановился у Козлиной корчмы, покормить лошадей. Ржешевъ былъ близко; Жиды вздохнули свободнѣе, выпили по рюмкѣ водки и даже до того разшедрились, что поподчивали извозчиковъ. Дождь не переставалъ, стало смеркаться.

По грязной и скользкой дорогѣ пустились снова наши знакомцы, мимо З... гдѣ опять принуждены были кормить измученныхъ лошадей. Ржешевъ былъ подъ бокомъ, оставалось не болѣе пяти верстѣ. Жиды, не смотря на повесенные издержки и потери, рассчитывали на большіе барыши и съ безпокойствомъ торопились въ городъ.

Уже совершенно стемнѣло, когда они потащились далѣе съ горы на гору; лошади едва передвигали ноги; повозки вязли въ глубокихъ колеяхъ, наполненныхъ водою. Впрочемъ все шло, хотя тихо, однакожъ хорошо; только на косогорѣ, весьма справедливо называемомъ «чортомъ», вѣроятно потому, что самъ чортъ устроилъ его для страданія проѣзжихъ, лошадки, увязая въ глубокой грязи, начали приостанавливаться; а сзади, какъ на зло, послышался въ то же время звукъ бубенчиковъ и крикъ почтара. Жиды вскочили на ноги и выхвативъ у мужиковъ палки принялись нещадно колотить лошадей; наконецъ кое-какъ удалось имъ выбраться изъ грязи и лошадки побѣжали. Ржешевъ былъ близко, передъ ними блистала его рѣчка, а вдали бѣлѣлись стѣны католическихъ костеловъ.

— А ну, а ну, кричали Жидки. Лошади скакали, что было духу, и бубенчики звучали все ближе и ближе.... Морозъ принималъ путниковъ до костей.

— Паве Рахиме, говорилъ уныло Гершъ, можетъ-быть это стражникъ.

— Можетъ-быть стражникъ! отвѣчалъ Рахимъ еще унылѣе.

Въ такихъ приятныхъ догадкахъ спускались они съ горы, выбираясь съ трудомъ изъ топкой грязи. Они были уже у Крушин-

скаго мосту *, а за ними все громче и ближе заливались буабенчики. У заставы, передъ мостомъ, подошелъ сторожъ винаго откупу осматривать не везутъ ли они водки. Догадливый Гершъ суавуль ему что то въ руку и они побѣжали; но едва успѣли миновать полмоста, какъ сзади раздалось: — Лови, лови, держи!...

Любопытно было взглянуть въ это время на нашихъ знаменцевъ: выпуча глаза, вытянувъ свои длинные шеи, голосомъ и пальцами ободряли они измученныхъ лошадей; помы вхъ шинелей вѣвали по воздуху, обнажая тонкія, журавливыя ноги.... за ними по мосту гремяла повозка веселаго стражника.

Еще минута, и она въ городѣ.... еще минута и все будетъ спасено!

Къ счастью нашихъ героевъ, на Крушинскомъ мосту за приключеніями дѣло не станеть. Шибко скакалъ стражникъ, но вотъ провалилась доска, а съ нею и лошадь.... а въ эту минуту Жиды пропали.

Съ мосту поскакали они по выломанной деревянной мостовой стараго города, миновали рынокъ и прямо бросились на дворъ какого-то жидовскаго домишка. Толпа Жидовъ тотчасъ же окружила повозки, въ одно мгновеніе расхватали товары и нагроутила телеги хлѣбными мѣшками случившимися подъ рукою; и затѣмъ Гершъ съ товарищемъ сѣли въ повозки и торжественно выѣхали на рынокъ, гдѣ прямо наткнулись на стражника.

— Стой, стой, вотъ она! закричалъ онъ; команда окружила повозки, бросилась къ мѣшкамъ, и нашли въ нихъ одну пшеницу.

Вотъ какимъ-образомъ ввезъ Гершъ контрабанду, думая заработать рубль на рубль барыша. Однако жъ начальству стражника отырылъ продѣлки Жидовъ, за что они повесели достопамятное наказаніе, сопряженное съ большими потерями; Гершъ занялся провозить контрабанду, и бросивъ въ сторону сильныя ощущенія, предпочелъ брать барыши безъ малѣйшаго безпокойства.

Много и долго еще рассказывалъ Гершъ, и всѣ его рассказы свивались въ одно слово деньги, деньги и деньги. Около этого могущественнаго свѣтила вращаются всѣ помыслы Еврея. Еврей, подъ словомъ несчастіе, понимаетъ безденежье, и набитый кошелекъ ставитъ выше всѣхъ возможныхъ совершенствъ и доблестей. Между-тѣмъ я задремалъ, и когда проснулся, Жиды уже уѣхали.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильныя Записки Шатобриана. Часть седьмая.* Въ то самое время какъ я сокращалъ, увеличивалъ, измѣнялъ листки «Духа Христіанства», необходимость принуждала меня заниматься другими работами. Де-Фонтанъ издавалъ тогда «Mercure de France» и предложилъ мнѣ писать въ этомъ журналѣ. Борьба была не совсѣмъ безопасна. До полвѣка можно было достигнуть только литературнымъ путемъ, а Бонапарте этого не жаловалъ. Одно странное обстоятельство, мѣшая мнѣ спать, увеличило свободные часы мои и дало больше времени. Я купилъ двухъ горлицъ; онѣ безпрестанно ворковали: напрасно запералъ я ихъ ночью въ маленькій свой чемоданъ, онѣ тамъ принимались ворковать еще пуще. Въ минуту безсонницы, я вздумалъ написать для *Меркурія* письмо къ мадамъ де-Сталь. Эта выходка вдругъ вывела меня изъ мрака; чего не могли сдѣлать два толстые мои тома о «Révolutions», то сдѣлали нѣсколько журнальных страницъ. Голова моя высунулась немножко изъ неизвѣстности.

Первый успѣхъ мой какъ-будто возвѣстилъ о слѣдующемъ. Я занимался чтеніемъ корректуры *Аталы*, — эпизода, заключающагося вмѣстѣ съ Ренеомъ въ *Духъ Христіанства*), — какъ вдругъ замѣтилъ, что недостаетъ нѣсколькихъ листочковъ. Я испугался, думая, что у меня романъ украли, что было пустымъ опасеніемъ, потому что никто не думалъ, что меня стоитъ обокрасть. Какъ бы то ни было, я рѣшился издать особо «*Аталу*» и изъявилъ мое намѣреніе въ письмѣ къ «Journal des Débats» и къ «Publiciste».

Прежде чѣмъ отважился выпустить трудъ мой въ свѣтъ, я показалъ его де-Фонтану: онъ уже читалъ въ Лондонѣ нѣкоторые отрывки въ рукописи. Когда дошелъ до рѣчи отца Обри у смертной постели Аталы, онъ вдругъ сказалъ мнѣ грубымъ голосомъ: «Нѣтъ, не такъ! не хорошо; передѣлайте это!» Я ушелъ въ отчаяніи, потому что не чувствовалъ себя способнымъ лучше написать и хотѣлъ все бросить въ огонь. Отъ осьми до одиннадцати часовъ вечера просидѣлъ я въ антресоли за столомъ, упершись лбомъ на руки, разложенныя на бумагѣ. Я досадовалъ на Фонтана, досадовалъ на самого себя и не принимался даже писать, до того отчаявался въ себѣ. Къ полночи долетѣлъ до меня голосъ горлицъ, смягченный отдаленностью и сдѣлавшійся еще жалобнѣе отъ тюрьмы, въ которую я заключилъ ихъ; вдохновеніе возвратилось и я тотчасъ написалъ рѣчь миссіонера, безъ малѣйшихъ поправокъ, не вычеркнувъ одно-и

го слова, такъ какъ она осталась и существуетъ теперь. Съ трепещущимъ сердцемъ отвесъ я ее къ Фонтану, который вскричалъ «Вотъ такъ! вотъ такъ! Я сказалъ, что вы напишете лучше!»

Отъ изданія «Аталы» начался шумъ, надѣланный мною въ свѣтъ; я пересталъ жить въ себѣ самомъ и публичная карьера моя началась. Послѣ столькихъ военныхъ успѣховъ, литературные казались чудомъ; ихъ жаждали. Странность творенія увеличивала удивленіе толпы. *Атала*, вдругъ упавшая среди имперской литературы, этой классической школы, помолодѣвшей старухи, которой одинъ видъ внушалъ скуку, была произведеніемъ въ неизвѣстномъ родѣ. Не знали куда ее причислить, къ *уродливостямъ* или къ *красотамъ*; была ли она Горгона или Венера? Академики пречучено разсуждали объ ея полѣ и сущности, точно также какъ писали реляціи о «*Духъ Христіанства*». Старый вѣкъ оттолкнулъ ее, новый привялъ.

Атала сдѣлалась знаменитой. Харчевни были украшены красными, зелеными и голубыми картинками, представляющими Шактаса, отца Обри и дочь Симагана. Въ деревянныхъ ящикахъ, на набережныхъ мнѣ показывали ихъ въ восковыхъ фигурахъ. На бульварномъ театрѣ я видѣлъ свою дикарку въ цѣтущихъ перьяхъ, она говорила о *душѣ уединеніи* дикарю въ такомъ же родѣ какъ она и такимъ образомъ, что меня бросало въ потъ отъ стыда. Въ *Variétés* представляли пьесу, гдѣ молоденькая дѣвушка и мальчикъ, выйдя изъ пенсіона, навѣвъ фурмава, ѣхали жениться въ свой городокъ; по пріѣздѣ они болтали только какъ помѣшанные, о крокодилахъ, циконахъ и лѣсахъ; родные ихъ подумали, что они сошли съ ума. Пародіи, каррикатуры, насмѣшки сыпались на меня. Аббатъ Морле, желая пристыдить меня, посадилъ къ себѣ на колѣна служанку и не могъ сдержать въ рукахъ ногу дѣвушки, какъ Шактасъ держалъ ноги Аталы во время грозы; если бы Шактасъ Анжуйской улицы велѣлъ себя такъ списать, я бы простилъ ему насмѣшку.

Всѣ эти хлопоты увеличили шумъ моего появленія. Я вошелъ въ моду. Голова у меня закружилась: я не зналъ наслажденія самолюбія и пришелъ въ упоеніе. Я любилъ славу какъ женщину, какъ первую любовь. Между тѣмъ вотъ какой трусъ былъ я, что страхъ равнялся моей страсти: какъ рекрутъ я боялся пороку. Природная дикость, всегдашнее сомнѣніе въ своемъ дарованіи, дѣлали меня смиреннымъ среди торжества. Я прятался отъ блеску, гулялъ въ сторонѣ, стараясь погасить лучезарный

вѣнецъ, вѣчавшій мою голову. Вечеромъ, нагнувъ шляпу на глаза, изъ опасенія, чтобы не узнали великаго человѣка, я шелъ въ сѣстное заведеніе читать украдкой похвалу себѣ въ какомъ-нибудь неизвѣстномъ журнальчикѣ. Наединѣ съ своей славой, я простиралъ прогулку до пожарныхъ трубъ въ Шальдъ, по той самой дорогѣ, гдѣ столько страдалъ, отправляясь ко двору; мнѣ также было неловко съ мнѣ новыми почестями. Когда моя *геніальность* обѣдала за два двугривенныхъ въ Латинскомъ кварталѣ, она давилась кусками, въ замѣшательствѣ отъ изгладовъ, которыхъ съ тала себя предметомъ. Я смотрѣлъ на себя, говорилъ себѣ: «Однако ты, дивное созданіе, ѣшь какъ и другіе люди!» Въ Елисейскихъ Поляхъ была кофейня, которую я любилъ за соловьевъ, развѣшенныхъ въ клеткахъ кругомъ залы; мадамъ Руссо содержательница знала меня съ виду, не зная кто я таковъ. Въ десять часовъ вечера приносили мнѣ чашку кофе и я искалъ *Аталу* въ «Petites Affiches» при голосахъ моихъ шести филонелей. Увы! вскорѣ мадамъ Руссо умерла, наше соловьиное общество и Индіянка, пѣвшая «Douce habitude d'aimer, si nécessaire à la vie» продолжались одно мгновеніе.

Если успѣхъ не могъ продлить во мнѣ это глупое чванство, ни совратить съ пути мой разсудокъ, у него были опасности другаго рода; эти опасности увеличились при появленіи *Духа Христіанства* и при отставкѣ моей послѣ смерти герцога Эгиптскаго. Тогда столпились около меня, съ молодыми женщинами плачущими отъ романовъ, толпа богомолковъ и другихъ благородныхъ энтузіастовъ, у которыхъ при подвигѣ чести трещеть грудь. Тринадцати или четырнадцатилѣтнія обожательницы всего опаснѣе, потому что сами не зная чего хотятъ, ни чего отъ васъ хотятъ, онѣ оболъстательно смѣшиваютъ вашъ образъ съ міромъ басенъ, лентъ и цвѣтовъ. Жанъ-Жакъ Руссо говоритъ объ объясненіяхъ, которыя онъ получалъ послѣ изданія «*Новой Элоизы*» и о предложенныхъ ему побѣдахъ: не знаю большой ли былъ бы я султанъ, но только мнѣ извѣстно то, что я былъ заваленъ грудой раздушенныхъ записочекъ; если бы эти записки не были писаны теперешними бабушками, мнѣ бы стыдно было разсказать съ приличной скромностью, какъ оспаривали онѣ каждое слово, писанное моею рукою, какъ поднимали конвертъ, надписанный мною, и какъ краснѣя прятали его, опустивъ голову подъ воалью, падающею съ длинныхъ волосъ. Если я не испортился, вѣрно существованіе мое было хороша.

По истинной ли вѣжливости или по любопытной слабости я

доходилъ иногда до того, что считалъ себя обязаннымъ благодарить неизвѣстныхъ дамъ, присылавшихъ ко мнѣ свои фанлины съ лестью: однажды въ четвертомъ этажѣ я нашелъ восхитительное созданіе подъ крылышкомъ матери, къ которому я однако не возвратился. Одна Польша ждала меня въ шелковой гостиной; смѣсь одалыки и Валькирии, она походила на свѣжиянку съ бѣлыми цвѣтами или на одну изъ тѣхъ щеголеватыхъ вѣтокъ вереску, что замѣняютъ другихъ дочерей флоры, когда время ея еще не пришло или уже прошло: этотъ женскій хоръ, разнообразный по лѣтамъ или по красотѣ, былъ моей прежней осуществленной сльдфидой. Двойное дѣйствіе тщеславія и чувствъ было тѣмъ опаснѣе, что до-тѣхъ-поръ, исключая серьезной привязанности я не былъ ни замѣченъ ни отличенъ толпой. Однако я долженъ сказать: если бы даже мнѣ легко было воспользоваться малолѣтнимъ обманомъ воображенія, мысль о сладострастіи, доставшемся путемъ цѣломудрія, возмущала мое чистосердечіе: быть любимымъ чрезъ Génie du Christianisme, чрезъ l'Extrême Onction, чрезъ la Fête des Morts! Я бы никогда не былъ этимъ ностальгическимъ Тартюфомъ.

Я зналъ одного провансальскаго врача, доктора Вигару; достигнувъ до того возраста, когда каждое удовольствіе отнимаетъ день, онъ не сожалѣлъ, говорилъ онъ, о времени потерянномъ такимъ образомъ; не заботясь даетъ ли получаемое счастье, онъ шелъ къ смерти, изъ которой надѣялся сдѣлать свое послѣднее наслажденіе. Я былъ однако свидѣтелемъ его горькихъ слезъ при кончинѣ; онъ не могъ скрыть отъ меня своего огорченія, было уже слишкомъ поздно: бѣлые волосы не были довольно длинны, чтобы скрыть и отереть его слезы. Только невѣрующій истинно несчастенъ, когда оставляетъ землю: для человека безъ вѣры бытіе ужасно тѣмъ, что заставляетъ предполагать уничтоженіе; если бы мы не родились, то не чувствовали бы ужаса прекращенія существованія: жизнь атеиста — страшная молнія, которая служитъ только къ открытію бездны.

Боже великій и милосердый! Ты послалъ насъ на землю не для недостойныхъ горестей, не для презрѣннаго счастья! Незбѣжное разочарованіе увѣдомляетъ насъ, что назначеніе наше несравненно выше. Каковы бы ни были заблужденія, если мы сохранили душу прямую и думали о Тебѣ среди нашихъ слабостей, мы перенесемъ, когда благодать твоя освободитъ насъ, въ тую ясную страну, гдѣ привязанность вѣчна!

Я не замедлилъ получить наказаніе за свое авторское тщесла-

віе, самое вестерпимое если не самое глупое изъ всѣхъ: я думалъ, что могу in petto вкушать удовольствіе быть великимъ гениемъ, не нося, какъ теперь, необыкновенной бороды и одежды, но оставаясь одѣтъ такъ же какъ и всѣ добрые люди, отличаюсь только своимъ превосходствомъ: тщетная надежда! Моя гордость была наказана и наказаніе явилось отъ особъ политическихъ, съ которыми я принужденъ былъ познакомиться: знаменитость тяжелый барышъ для душъ.

Де-Фонтанъ былъ друженъ съ мадамъ Бачіоки и представилъ меня сестрѣ Бонапарта, а вскорѣ, и брату перваго консула Лусіену. У этого была дача возлѣ Санли (Плесси), куда я былъ принужденъ ѣздить обѣдать; замокъ принадлежалъ кардиналу де-Берри. У Лусіена была въ саду гробница его первой жены, полупольки полунспанки, и какой-то памятникъ въ честь поэту-кардиналу. Нимфою-водородицей ручейка, прорытаго лопатой, была ослица накатывавшая воду изъ колодца: это могло служить изображеніемъ начала всѣхъ рѣкъ, которыя Бонапарте предполагалъ провести по своему государству. Хлопотали объ исключеніи меня изъ эмигрантскаго списка, меня уже называли и я самъ называлъ себя громко *Шатобрианомъ*, забывая, что я долженъ называться *Лассанъ*. Наѣхали эмигранты, между прочимъ де-Бональдъ, Шендолё; Хрстіанъ де-Ламоаньовъ, товарищъ мой по изгнанію въ Лондонѣ, представилъ меня мадамъ Рекамьё: занавѣсъ вдругъ упалъ между ею и мною.

Особа, болѣе всего занимающая мѣсто въ моей жизни, по возвращеніи изъ эмиграціи, была графиня де-Бомонъ. Она проводила часть года въ замкѣ де-Пасси, гдѣ Жуберъ жилъ лѣтомъ. Возвратясь въ Парижъ, графиня де-Бомонъ желала со мной познакомиться.

Желая сблать изъ моей жизни длинную цѣпь сожалѣній, Провидѣвію угодно было, чтобы первая особа, принявшая меня благосклонно въ началѣ моей публичной карьеры, также первая и исчезла. Графиня де-Бомонъ открываетъ погребальную процессію женщинъ, прошедшихъ передо мною. Самыя отдаленныя мои воспоминанія отдыхаютъ на пеплѣ и продолжали падать съ гроба на гробъ; какъ индѣйскій Пандита, я читаю молитвы по умершимъ до тѣхъ-поръ какъ цвѣтки моихъ четокъ завянутъ.

Графиня де-Бомонъ была дочерью Армана Мѣрка де-Сенъ-Герема, графа де-Монморена, французскаго посла въ Мадридѣ, комеданта въ Бретани, члена собранія именитыхъ въ 1787 году, министра иностранныхъ дѣлъ при Людовикѣ-Шестнадцатомъ, ко-

торый его очень любилъ: онъ погибъ на эшафотѣ, куда за нимъ послѣдовала часть его семейства.

Графиня де-Бомонъ, скорѣе дурная чѣмъ красивая лицомъ, очень похожа на портретъ, писанномъ мадамъ Лебренъ. Лице ея худо и блѣдно; глаза продолговатые бросали бы можетъ-быть слишкомъ большой блескъ, если бы необыкновенная пріятность не смягчала ея взглядовъ, заставляя ихъ блистать съ какой-то нѣгой, какъ лучъ свѣта смягчается, проходя чрезъ воду. Характеръ ея былъ нѣсколько крутъ и нетерпѣливъ, что происходило отъ силы чувствъ и отъ внутренняго страданія. Съ душой возвышенной, съ мужествомъ великимъ, она родилась для свѣта; откуда умъ ея удалился по доброй волѣ и вслѣдствіе несчастій, но когда голосъ друга вызывалъ этотъ отшельническій разумъ, онъ являлся и произносилъ вамъ нѣсколько небесныхъ словъ. Вслѣдствіе чрезвычайной слабости, графиня де-Бомонъ выражалась медленно, и медленность эта трогала; я узналъ эту огорченную женщину въ минуту ея удаленія; она уже была поражена смертью и я посвятилъ себя облегчить ея страданія. Я нанялъ квартиру въ улицѣ Saint Honoré, Hotel d'Etampes, возлѣ улицы Neuve du Luxembourg. Графиня де-Бомонъ занимала въ этой послѣдней улицѣ квартиру, выдававшуюся въ садъ министерства юстиціи. Я каждый вечеръ бывалъ у нея съ ея и моими друзьями, Жуберомъ, де-Фонтаномъ, де-Бональдомъ, Молé, Пакіé, Шендолé, людьми занимавшими мѣсто въ литературѣ и въ дѣлахъ.

Жуберъ былъ исполненъ причудъ и оригинальности, и о немъ будутъ вѣчно сожалѣть тѣ, которые его знали. Онъ чрезвычайно умѣлъ овладѣвать умомъ и сердцемъ, и если образъ его однажды захватилъ васъ, то онъ оставался тутъ какъ фактъ, какъ пунктъ, какъ наводненіе, котораго нельзя было отогнать. Главное притязаніе у него было на спокойствіе, а никто болѣе его не метался. Онъ наблюдалъ за собою, чтобы остановить душевныя волненія, которыя считалъ вредными для здоровья и всегда друзья разстроивали его предосторожности, потому что онъ не могъ не трогаться ихъ грустью или радостью: эгоистъ, занимавшійся только другими. Чтобы возвратитъ силы, онъ часто считалъ себя принужденнымъ закрыть глаза и не говорить по цѣлымъ часамъ. Богъ знаетъ какой шумъ и какое движеніе происходили у него внутри въ продолженіи этого безмолвія и спокойствія, которыя онъ предписывалъ себѣ. Жуберъ каждую минуту перемѣнялъ діету, сегодня питался молокомъ, завтра рубленой говядиной, то трясся по самой неровной дорогѣ, то тащился ша-

гомъ по самымъ гладкимъ аллеямъ. Читая, онъ вырывалъ изъ книгъ листки, которые ему не нравились и такимъ-образомъ у него была своя библиотека, составленная изъ книгъ изученныхъ, съ переплетами слишкомъ широкими для содержанія.

Философія этого глубокаго метафизика становилась, посредствомъ свойственной одному ему переработки, живописью или поэзіей; онъ былъ Платонъ съ сердцемъ Лафонтена и составилъ себѣ идею о совершенствѣ, которая мѣшала ему оканчивать свои произведенія. Въ рукописяхъ, найденныхъ послѣ его смерти, онъ говоритъ: «Я похожъ на Золотую арфу, которая издаетъ нѣсколько прекрасныхъ звуковъ и не выполняетъ ни одной аріи.» Викторина де Шастенѣ говорила, что «онъ былъ похожъ на душу, которая случайно попала въ тѣло и управлялась съ нимъ какъ мгла.» Прелестное и справедливое опредѣленіе!

Мы смѣялись надъ врагами де-Фонтана, хотѣвшими выдать его за глубокаго и скрытнаго политика, а онъ просто былъ раздражительнымъ поэтомъ, чистосердечнымъ до гнѣва, котораго противорѣчіе дотого выводило его изъ себя, что онъ не могъ ни скрыть своего мнѣнія, ни овладѣть мнѣніемъ другаго. Литературныя правила друга моего Жубера не походили на де-Фонтановы: Жуберъ находилъ хорошее вездѣ, во всякомъ писателѣ; де-Фонтанъ, напротивъ, ненавидѣлъ разныя ученія и не могъ слышать имени нѣкоторыхъ авторовъ. Онъ былъ заклятымъ врагомъ началъ новѣйшаго образа сочиненія; переносить передъ глаза читателя матеріальное дѣйствіе, преступниковъ, висѣльницъ съ веревкой, казалось ему ужасомъ; онъ увѣрялъ, что предметъ долженъ видѣться въ поэтической средѣ какъ въ хрустальномъ сосудѣ. Горесть, машинально встощающаяся глазами, казалась ему ощущеніемъ, достойнымъ цирка или кошаго рынка; онъ понималъ трагическое чувство, только облагороженное восторгомъ и измѣненное посредствомъ искусства въ очаровательное состраданіе. Я привелъ ему въ примѣръ греческія вазы: въ арабескахъ этихъ вазъ видно тѣло Гектора, влекомое за колесницей Ахилла, между тѣмъ какъ крошечная фигурка, летающая по воздуху, представляетъ тѣнь Патрокла, утѣшенную ищеніемъ сына Фетиды. «Ну, Жуберъ, вскричалъ де Фонтанъ: что вы скажете объ этомъ превращеніи музы? Какъ эти Греки уважали душу!» Жуберъ принялъ это въ обиду, и поставилъ де Фонтана въ противорѣчіе съ самимъ собою, упрямымъ въ свисхожденіи его ко мнѣ.

Эти споры, часто очень смѣшныя, были нескончаемы: однажды въ двѣнадцатомъ часу вечера, когда я жиялъ на Площади Лю-

довика-Пятнадцатаго, въ верхнемъ этажѣ дома мадамъ де-Коалентъ, де-Фонтанъ воротился на осемьдесятъ-четыре ступени моеѣ лѣстницы, чтобы, въ бѣшенствѣ стуча палкой, окончить прерванный аргументъ: дѣло шло о Пикарѣ, котораго онъ тогда ставилъ гораздо выше Мольера; но онъ ни за что въ свѣтѣ не написалъ бы того, что говорилъ: Фонтанъ въ разговорѣ, Фонтанъ съ перомъ въ рукѣ — были два разные человѣка.

Мнѣ пріятно повторить, что де-Фонтанъ ободрилъ мои назначенія; онъ первый расписалъ о «Духѣ Христіанства»; его муза, исполненная изумительной преданности, направляла мою по новому пути, куда она бросилась; онъ научилъ меня скрывать безобразіе предметовъ, освѣщая ихъ, влагать, сколько я могъ, классическій языкъ въ уста моихъ романтическихъ героевъ. Прежде были люди, хранители вкуса, какъ драконы, стерегущіе золотыя яблоки въ саду Гесперидъ; они впускали молодежь только тогда, когда она могла дотронуться до плода, не испортивъ его.

Сочиненія моего друга увлекаютъ васъ счастливымъ теченіемъ; умъ испытываетъ наслажденіе, находится въ гармоническомъ положеніи, гдѣ все очаровываетъ и ничто не удивляетъ. Де-Фонтанъ безпрестанно пересматривалъ свои сочиненія, какъ учитель стараго времени; онъ былъ убѣжденъ въ превосходствѣ правила: «Торопись потише.» Что бы онъ сказалъ теперь, когда и нравственно и физически стараются сократить дорогу и думаютъ, что не могутъ довольно скоро дойти. Де-Фонтанъ предпочиталъ путешествовать отраднo умѣреннымъ шагомъ. Вы видѣли, что я сказалъ о немъ, когда встрѣтился съ нимъ въ Лондонѣ; мнѣ должно повторить здѣсь выраженные мною сожалѣнія: жизнь принуждаетъ насъ безпрестанно оплакивать или предварительно или по воспоминавію.

У де-Бовальда былъ чрезвычайно тонкій умъ; его хитросплетенія принимали за гениальность; онъ выдумалъ свою метафизическую политику въ арміи Кондѣ, въ Вадемскомъ Чернолѣсѣ. Ставъ нововодителемъ, даромъ что былъ мушкетеромъ при Людовикѣ-Шестнадцатомъ, онъ смотрѣлъ на древнихъ какъ на дѣтей и въ литературѣ, и первый, употребляя напыщенность высшаго языка, говорилъ, что умѣйшіе университетскія головы еще не довольно выросли, чтобы понимать это.

Шендоле съ знаніемъ и съ дарованіемъ, — не природнымъ, но приобретеннымъ, — былъ такъ грустенъ, что называлъ себя вѣрвоймъ: онъ грабилъ мои сочиненія. Мы сдѣлали договоръ; я прѣ-

доставилъ ему моръ небеса, туманы, облака, а онъ оставилъ мнѣ вѣяніе вѣтерка, волны и лѣса.

Я говорю только о моряхъ литературныхъ друзьяхъ, а о политическихъ, не знаю, буду ли упоминать; правила и рѣчи вырыли между нами бездну!

Мадамъ Гокаръ и мадамъ де-Вентимиль пріѣзжали въ собраніе въ улицѣ *Neuve du Luxembourg*. Мадамъ де-Вентимиль, женщина прежняго времени, какихъ немного осталось, бывала въ свѣтъ и передавала намъ, что тамъ происходило. Мадамъ де-Вентимиль была воспитана съ сестрой своей Лагарномъ.

Мадамъ Гокаръ очень любилъ брать графини де-Бомонъ, который занимался дамой своей даже на эшафотѣ, какъ Обiakъ шелъ на висѣлицу, цѣлуя синюю бархатную муфту, оставшуюся ему отъ благодарившей Маргариты Валезской: нигдѣ теперь не будутъ собраны подъ одной кровлей столько замѣчательныхъ особъ, различнаго званія и различнаго предназначенія, разговаривающихъ о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, какъ о самыхъ возвышенныхъ предметахъ: простота рѣчи, провѣходила не отъ скудости, а отъ выбора. Можетъ-быть, это было послѣднее общество, гдѣ являлся французскій умъ прежняго времени. У новыхъ Французовъ не найдешь уже этой вѣжливости, плода воспитанія, преобразованнаго долгимъ употребленіемъ въ черту характера. Что случилось съ этимъ обществомъ? Дѣляйте планы, собирайте друзей, чтобы приготовить себѣ вѣчный трауръ! Графини де-Бомонъ уже нѣтъ, и Жубера и Шевдолѣ и мадамъ де-Вентимиль. Когда-то, во время собранія винограда, я посѣщалъ Жубера въ *Ville Neuve*, гулялъ съ нимъ по іонскимъ пригоркамъ: онъ собиралъ масляники въ рошѣ, а я желтые цвѣтки на лугахъ. Мы говорили обо всемъ, особенно о другѣ нашемъ графинѣ де-Бомонъ, отсутствующей навсегда: вызывали воспоминаніе прежнихъ нашихъ надеждъ. Вечеромъ возвращались въ Вильнёвъ, городъ, окруженный дряхлыми стѣнами, временъ Филиппа-Августа, и полуразрушенными башнями, надъ которыми вился дымъ очага собирателей винограда. Жуберъ показывалъ мнѣ издали, на холмѣ, песчаную тропинку среди лѣсу, по которой онъ ходилъ къ своей сосѣдкѣ, скрывшейся въ замкѣ де-Пасен во время терроризма.

Послѣ смерти моего шлага хозяина, я четыре или пять разъ былъ въ Сенонвѣ, видѣлъ большую дорогу на пригоркахъ; Жуберъ уже не гулялъ тамъ; я узнавалъ деревья, поля, виноградники, небольшие груды камней, гдѣ мы привыкли отдыхать. Про-

ѣжая Вильнёвъ, я бросалъ взглядъ на пустынную улицу, на запертый домъ моего друга. Въ послѣдній разъ это было, когда я ѣхалъ посланникомъ въ Римъ: ахъ! если бы онъ былъ дома, я увезъ бы его на могилу графини де-Бомонъ! Богу угодно было открыть Жуберу Римъ неземной, лучше приспособленный къ его платонической душѣ! Я уже не встрѣчусь съ нимъ здѣсь!

Успѣхъ «Аталы» заставилъ меня снова приняться за «Духъ Христіанства», котораго уже было напечатано два тома. Графиня де-Бомонъ предложила мнѣ комнату въ деревнѣ, въ домикѣ, нанятомъ ею въ Савиньѣ. Я провелъ шесть мѣсяцевъ въ ея убѣжищѣ съ Жуберомъ и другими нашими друзьями.

Домъ былъ расположенъ при входѣ въ деревню со стороны Парижа, возлѣ старой большой дороги, которую тамъ называли «дорогой Гевриха-Четвертаго». Возлѣ домика были виноградники, а напротивъ Савиньскій паркъ, оканчивающійся заповѣсью лѣса, съ маленькой рѣкой Оржъ, посрединѣ. Налѣво простиралась долина Вирн до ювизійскихъ источниковъ. Весь этотъ край окруженъ долинами, куда мы вечеромъ ходили отъискивать новыя прогулки.

Утромъ мы вѣстѣ завтракали; потомъ я шелъ работать; графиня де-Бомонъ была такъ добра, что списывала указанные мною мѣста. Эта благородная женщина предложила мнѣ убѣжище, когда его у меня не было: безъ спокойствія, доставленнаго мнѣ ею, я бы, можетъ-быть, никогда не окончилъ труда, котораго не могъ привести къ концу во время моихъ несчастій.

Вѣчно буду помнить вечера, проведенные въ этомъ дружескомъ убѣжищѣ: возвратясь съ прогулки, мы собирались возлѣ бассейна текучей воды, находившагося среди дерну въ огородѣ: мадамъ Жуберъ, графиня де-Бомонъ и я сажались на скамейкѣ; сынъ мадамъ Жуберъ валялся у ногъ нашихъ на муравъ: этого ребенка уже нѣтъ. Жуберъ прохаживался всторонѣ по песочной аллеѣ; двѣ собаки и кошка играли около насъ, между-тѣмъ какъ голуби ворковали на крышѣ. Какое счастье для человѣка только что возвратившагося изъ изгнанія, послѣ осемнадцатилѣтняго глубокаго одиночества, исключая нѣсколькихъ быстро протекшихъ дней! Въ эти то вечера обыкновенно друзья заставляли меня рассказывать путешествія. Никогда я не описывалъ такъ хорошо, какъ въ то время, пустыни Новаго Свѣта. Ночью, когда окна нашей сельской гостиницы были отворены, графиня де-Бомонъ замѣчала различныя созвѣздія, говоря, что когда-нибудь я вспомню, что она научила меня распознавать ихъ; съ-тѣхъ-поръ, какъ я потерялъ

ее, не далеко отъ ея могилы въ Римѣ, я нѣсколько разъ въ ноги
 искалъ на небесной тверди звѣзды, которыя она назвала мнѣ;
 видѣлъ какъ онѣ блещутъ надъ Сабинскими Горами; длинный
 лучъ этихъ свѣтилъ ударялъ на поверхность Тибра. Мѣсто, гдѣ
 я видѣлъ ихъ въ савинскихъ лѣсахъ и это мѣсто, откуда
 опять смотрѣлъ на нихъ, непостоянство моей судьбы, знакъ,
 оставленный женщиной мнѣ на небѣ въ воспоминаніе объ ней,
 все раздирало мнѣ сердце. По какому чуду человѣкъ рѣшает-
 ся дѣлать то, что дѣлаетъ онъ на землѣ, когда долженъ уме-
 реть?

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВЪ АНГЛІИ И ВЪ АМЕРИКѢ. *Дѣйстви-
 тельныя и фантастическія путешествія Германа Мельвила.* («Тапи-
 ли».— «Ому».— «Вторникъ». («Турее».— «Отоо».— «Tuesday».).
 Первая двѣ изъ этихъ книгъ изданы въ Бостонѣ, третья появи-
 лась недавно въ Лондонѣ. Это новость, любопытная, удивительное
 твореніе, достойное Раблѣ безъ веселости, Сервантеса безъ граціи,
 Вольтера безъ вкуса. *Вторникъ или путешествіе туда* — самая
 странная книга, которая когда-либо появлялась на земномъ шарѣ.
 При этомъ случаѣ можно бы собрать всѣ любимыя эпитеты
 мадамъ де-Севинье: книга необыкновенная и пошлая, оригиналь-
 ная и нескладная, умная и сумасбродная, написанная душно съ
 примѣсю страницъ блестящихъ, наполненная интересными проис-
 шествіями и пустословіемъ, глубокими наставленіями и посред-
 ственными эпиграммами. Словно грезы юнги, душно учившагося,
 который наѣлся хашишу и качается вѣтромъ на вершинѣ мачты
 въ жаркую тропическую ночь.

Это странное твореніе начинается какъ сказка, переходитъ къ
 волшебству, вдается въ аллегорію, достигаетъ сатиры, чрезъ
 элегію, драму и шуточный романъ. Чтобы лучше понять это не-
 понятное твореніе, надо обратиться къ двумъ прежнимъ сочине-
 ніямъ того же автора — романамъ-путешествіямъ *Тапили* и *Ому*,
 которые показываютъ, могучее воображеніе и большую смѣлость
 ко жи.

Въ романахъ идетъ рѣчь о тысячѣ чудныхъ приключеній, объ
 эротическихъ и дикихъ нимфахъ, объ идиллическихъ и философ-
 скихъ людоедахъ, о храмахъ въ лѣсахъ и на скалахъ вука-
 гивскихъ, о красивыхъ моряхъ въ долинахъ, о невинныхъ
 людоедныхъ сценахъ съ сентиментальными танцами, но на всемъ
 этомъ лежитъ печать истины, прелесть неизвѣстной, первобыт-
 ной природы, живости впечатлѣній, поражающихъ читателя. От-

тѣмъ кажутся дѣйствительными, хотя черезчуръ сильными и эффектными; романческія приключенія автора развиваются съ достаточнымъ правдоподобіемъ. Полинезіискіе хозяева, осыпая его ласками, чуть-было не съѣли его съ тѣломъ и съ костями; его осыпали сладостями этого гастрономическаго и вѣроломнаго гостепріимства, котораго предметомъ обитатели нашего скотнаго двора. Отнормленный, забавляемый на общественный счетъ, онъ имѣлъ къ услугамъ своимъ оперу, туземную поэзію, балъ и разговоръ самыхъ знаменитыхъ баядерокъ. Его жизнь, удовольствіе, хорошее расположеніе духа, физическое и нравственное здоровье окружали попеченіями съ любовью и заботливостью, отъ которыхъ морозъ подираетъ по кожѣ. Онъ успѣшнѣе убѣжать отъ такихъ попечительныхъ хозяевъ. Продолжительное странствованіе, полное страшныхъ приключеній, вырвало его съ пирру варваровъ.

Только онъ оставилъ на пути лакея, родъ Санхо-Пансы, матроса Товія, пресмѣшную фигуру. Господишь, не сомнѣвавшійся, что Тапи не изжарили Товія на вертелѣ или на пальмовыхъ листьяхъ, пролилъ о немъ нѣсколько слезъ и возвратился въ Бостонъ, гдѣ издалъ эту исторію.

Ее приняли за hoax самого лучшаго калибра; слогъ не будучи чистымъ и изящнымъ, живъ и увлекателенъ; удивлялись, что Американецъ такъ гасконски замысловатъ, но читали его съ удовольствіемъ. Американцы понимаютъ шутку, если она не касается національной чести, любятъ ее даже, когда она высказана со вкусомъ, и Германа Мельвиля приняли за очень забавнаго и оригинальнаго враля.

Но одивъ строгій ньюіоркскій журналъ выказалъ романческія выдумки Мельвиля и упрекнулъ его въ клеветѣ на тантскихъ и маркизскихъ миссіонеровъ. Разсказчикъ не отвѣчалъ ничего; но вдругъ въ январѣ 1846 въ журналѣ одной отдаленной провинціи явилось письмо матроса Товія, съ примѣчаніемъ издателя, который, какъ говорилъ онъ, видѣлъ Товія лично.

«Отецъ его (слова издателя) былъ мызникомъ въ городѣ Даріенъ, въ Генезейскомъ графствѣ. Товій живетъ въ нашемъ городѣ и исправляетъ ремесло красильщика судовъ; онъ увѣряетъ, что приключенія, разсказанныя Германомъ Мельвилемъ, справедливы во всемъ. Нѣтъ причины сомнѣваться въ словахъ Товія, который очень честный человекъ».

Потомъ идетъ письмо самого Товія — Ричарда Грина по настоящему прозванію. Слѣдъ удара, нанесеннаго ему начальни-

комъ нукагивскихъ дикарей, еще видѣется на лбу. Онъ очень желаетъ найти господина и товарища по бѣдствіямъ Мельвила и проситъ редактора помѣстить его письмо, надѣясь, что его перепечатаютъ въ листкахъ албанскомъ, бостонскомъ, ньюіоркскомъ, и что оно дойдетъ до Мельвила.

Письмо Товія не увѣрило никого; никто не сомнѣвался, что все было устроено заранѣе: какъ въ-самомъ-дѣлѣ найти доказательства и свѣрить имена, числа, происшествія? Товій поручается за Мельвила, который поручается за Товія, за обоихъ порукой издатель провинціального журнала, въ свою очередь получающій отъ нихъ патентъ на правдивость. Дѣло запутывалось, зрители забавлялись, для спекуляторовъ американскихъ тутъ было что *отгадывать, сообразжать, разсчитывать*. Короче, это было довольно занимательный предметъ для пари въ области литературы. Германъ Мельвилъ воспользовался первымъ успѣхомъ и скоро далъ продолженіе *Taipi*, которое назвалъ *Ому*. Почти тѣ же достоинства заключались во второмъ сочиненіи, имѣвшемъ менѣе успѣха; это отрывки дорожнаго журнала, изъ котораго былъ заимствованъ *Taipi*. Репутація рассказчика утвердилась. Каждый соглашался, что у Германа Мельвила было необыкновенное воображеніе, что онъ выдумывалъ самыя любопытныя нелѣпости и неподражаемъ въ серьезной мистификаціи.

Но извѣстный критикъ Филаретъ Шаль, не соглашался съ этимъ мнѣніемъ и находя въ сочиненіяхъ Мельвила свѣжесть и глубину впечатлѣній, вида въ немъ писателя не столько забавляющагося мечтою и играющаго съ облакомъ, сколько преслѣдуемаго могущественнымъ воспоминаніемъ, типъ характера англо-американскаго, живущаго ощущеніями, любопытнаго какъ ребенокъ, отважнаго какъ дикаря, бросающагося очертя голову въ неслыханныя предпріятія, оканчивающаго ихъ съ отчаяннымъ героизмомъ, и полагая, что Мельвилъ очень вѣрно описалъ самого себя, обратился къ одному почтенному гражданину Соединенныхъ-Штатовъ, человѣку ученому и остроумному, съ вопросомъ о настоящемъ имени этого страннаго писателя, который называетъ себя Германомъ Мельвилемъ и издаетъ такія любопытныя сказки какъ *Taipi* и *Вторникъ*. Вотъ что отвѣчалъ ему почтенный гражданинъ Соединенныхъ-Штатовъ, человѣкъ ученый и остроумный:

— Вы люди слишкомъ утонченныя, доискиваетесь вездѣ хитрости, да притворства? Германа Мельвила зовутъ Германомъ Мельвилемъ; онъ сынъ бывшаго секретаря посольства нашихъ штатовъ при Севъ-Джемскомъ дворѣ. Человѣкъ пыллаго темперамента

онъ рано пошелъ въ море. Какія приключенія ознаменовали курсъ его бурныхъ и не слишкомъ классическихъ наукъ? Онъ одинъ можетъ уведомить васъ объ этомъ, и если когда-нибудь вы поѣдете въ Массачусетъ, гдѣ онъ живетъ и гдѣ женился, совѣтую вамъ обратиться къ нему за свѣдѣніями. Это человѣкъ атлетическаго сложенія, еще молодой, смѣлый, предприимчивый, человѣкъ составленный весь изъ нервовъ и мускуловъ, которыми весело бороться съ волнами и съ бурями, съ людьми и погодой. Онъ женился на дочери мистера Шау, одного изъ самыхъ знаменитыхъ судей въ Новой-Англіи, и живетъ теперь въ тишинѣ семейной жизни, окруженный справедливой и странной знаменитостью, которой нѣсколько двусмысленную сторону онъ принималъ охотно, потому что на него смотрятъ вообще какъ на рассказчика хорошо выдуманыхъ басенъ, но самыхъ невѣроятныхъ, нелѣпыхъ басенъ. Родныхъ его, которые знаютъ, что приключенія, рассказанныя имъ справедливы, нисколько не льстятъ похвалы его воображенію. Двоюродный братъ его, у котораго я провелъ прошедшее лѣто, много кричалъ противъ упорства читателей, смотрящихъ на *Таули* и *Ому* какъ на сцены фантастическія. — Братъ мой, говоритъ онъ, пишетъ очень хорошо, особенно когда описываетъ вѣрно то, что чувствовалъ; не получивъ образованія въ обыкновенномъ и принятомъ смыслѣ этого слова, онъ сохранилъ свѣжесть впечатлѣній. Именно своимъ молодымъ лѣтамъ, проведеннымъ среди дикарей, обязанъ онъ этой искренности, силой, этимъ благоуханіемъ странной дѣйствительности, которые придаютъ ему необыкновенный колоритъ; онъ бы никогда не выдумалъ писанныхъ имъ странныхъ сценъ. Слѣдственно то, что восхищенный своей импровизированной репутаціей, онъ не разувѣряетъ тѣхъ, которые приписываютъ блеску и творческой плодовитости воображенія достоинства, принадлежащія только вѣрности воспоминанія. Онъ будетъ въ отчаяніи, если узнаютъ истину въ этомъ любопытномъ эпизодѣ изъ жизни молодаго моряка. Появленіе Товія или Ричарда Грина, лица дѣйствительнаго и раздѣлявшаго всѣ его опасности, было ему нѣкоторымъ образомъ непріятно; оно низводило его съ пьедестала романиста до обыкновенной роли рассказчика. Зная и сумасбродную голову Мельвилля, и какъ онъ провелъ свои первые годы, читая его журналъ, его *Boug-Notes*, который теперь въ рукахъ его тестя, разговаривая съ Ричардомъ Гриномъ его вѣрнымъ Ашатомъ, я смѣюсь надъ его читателями. Вы видите ложь тамъ, гдѣ истина, а истину тамъ, гдѣ ложь. Перечтите *Таули*, не говорю объ *Ому*

который только блѣдный оттискъ перваго, перечтите *Тапи* не какъ романъ, но какъ отпечатокъ идей и правотъ, свойственныхъ полинезійскому архипелагу, такъ мало извѣстному. Новый путешественникъ правдивѣ Бугенвиля, который перемѣнилъ роши *Тапи* въ будоаръ *à la Pompadour*, — чѣмъ *Дандро*, который, чтобы украсить и расцвѣтить свой чувственный матеріализмъ, употребляетъ въ дѣло сладострастные рассказы Бугенвиля; оцѣнкой правдоподобіе *Англичанъ Элмса* и *Ирля*, озабоченныхъ только оправданіемъ поведенія англичанскихъ миссіонеровъ; словомъ всѣхъ тѣхъ писателей, которымъ недоставало вмѣстѣ и поэтическаго и живописнаго слога и горячности слога, необходимой для такихъ описаній. Конечно Мелвилль употребляетъ слишкомъ сильныя краски, но это не удивительно. Въ его тогдашнемъ возрастѣ, въ ту эпоху, когда первый пылъ и свѣжесть развивающейся жизни придаютъ идеямъ и впечатлѣніямъ страстную силу, онъ долженъ былъ ощущать это живое, преувеличенное, если хотите, волненіе, при новости видовъ и страшности опасностей. Его плодovitый слогъ слишкомъ украшенъ, колеръ въ родѣ *Рубенса*, краски жарки и сильны, пристрастіе къ драматическимъ эффектамъ, цвѣтистыя описанія оскорбляютъ вкусъ, но смѣшно бы ожидать воздержности колорита отъ молоденькаго американскаго юнга, который вмѣлъ честь провести четыре мѣсяца съ дикарями, раздѣляя удовольствіе ихъ первобытной жизни и чуть было не попался къ нимъ на жаркое. Какъ всѣ его предшественники, какъ *Кукъ* и *Бугенвиль*, онъ писалъ съ упоеніемъ, причивенномъ прелестью природы и странностью обычаевъ. Только *Американецъ*, не столько обольщаясь сладострастіемъ новой *Цитеры* сколько радуясь возможности гоизаться за првключеніями, является отважнымъ, рѣзкимъ, пылкимъ; это характеръ особенный, дѣлающій это странное твореніе достойнымъ изученія.

И такъ будемъ смотрѣть на сочиненія *Мелвиля* какъ на рассказъ изъ путешествій, а не какъ на мечту, какъ на взглядъ, брошенный на полинезійскую жизнь, а не какъ на пріятную выдумку. Прежде чѣмъ примемся за его послѣднее твореніе *Вторникъ*, послѣдуемъ за молодымъ юнгой въ эту неизвѣстную долину на *Маркизовыхъ Островахъ*, среди племенъ, почти неизвѣстнаго миссіонерамъ, чуждаго полу образованности, яложеной соприкосновеніемъ съ *Европейцами* прибрежнымъ туземцамъ, сдѣлавшимся обращкомъ жеманнаго варварства и кокетливаго

невѣжества. Мельвилъ не изъясняетъ подробно какимъ образомъ очутился онъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ на китоловномъ американскомъ судѣ, остановившемся въ Нукагивѣ въ 1842. Не говорить также почему находился въ немилости у капитана Вангса, ни какія причины заставили его бѣжать.

«Когда наша лодка, говоритъ онъ, вошла въ Тіорскій Заливъ, солнце было въ зенитѣ. Огромныя волны Океана вѣжно несли насъ подъ обременительнымъ звономъ, и какъ съ нами воды не было, жажда пожирала насъ. Мнѣ такъ хотѣлось поскорѣе выйти на землю, что ирежде чѣмъ мы причалили къ берегу я выпрыгнулъ и очутился въ толпѣ нагихъ дѣтей, которые кричали какъ демоны и пустились за мной по пятамъ. Я пробѣжалъ бѣгомъ все пространство, раздѣлявшее меня отъ густой рощицы, въ которую я бросился очертя голову, какъ водолазъ въ море. Какое восхитительное ощущение охватило меня! Мнѣ казалось, что я обвѣтъ элементомъ новой жизни, исполненной свѣжести, журчанья, плавнаго шума, упоительной сладости. Говори, что хочешь объ освѣжительномъ и крѣпительномъ дѣйствіи морскихъ ваннъ: ванна въ тѣнистой зелени Тіора, подъ кокосами и пальмами, среди атмосферы, достойной Эдема, вотъ наслажденіе! Какъ описать представившійся мнѣ ландшафтъ. когда я вышелъ изъ этого зеленѣющаго убѣжища? Узкая долина съ уютными и драпированными переступенемъ пригорками, составляя отъ одной вершины до другой арки изъ вѣтвей и прозрачныхъ фестоновъ, какъ будто отворяла мнѣ длинную бухту зелени, которая по мѣрѣ того какъ я подходилъ, распиралась и образовала самую великолѣпную долину, какую только я когда-либо видалъ.»

Именно этому описательному слогу, этому вѣсколько преувеличенному можетъ-быть, и выбирающему предпочтительно живыя и блестящія краски, колориту, обязанъ Мельвилъ своей репутаціей фантастическаго писателя. Волшебство полинезійскаго ландшафта обольщаетъ юнгу, который въ сопровожденіи товарища своего матроса Ричарда Грина дезертируетъ въ одинъ прекрасный день. Проливной дождь принуждаетъ ихъ укрыться въ военныхъ лодкахъ, привязанныхъ у берегу, потомъ они вмѣстѣ идутъ къ довольно возвышенному холму, убѣжанному густымъ лѣсомъ.

«Когда мы подошли къ подошвѣ холма, говоритъ онъ, насъ остановила груда высокаго тростяку желтаго цвѣту, чрезвычайно густаго, плотная колоннада, составленная изъ острыхъ, гибкихъ и твердыхъ какъ желѣзо, палочекъ. Наирасно несли мы

болѣе удобопроедимаго пути, мы съ горестью убѣдились, что тростниковый лѣсъ возвышался до середины холма. Ни просѣки, ни тропинки. Надо было прокладывать себѣ дорогу иррегулярно среди этихъ штыковъ. Будучи сплѣтѣ Товіа я пошелъ впередъ, оставивъ его въ арьергардѣ. Я исполнилъ то, что моя сила и ловкость позволяли мнѣ, ломая и придерживая справа и слева сжатые зубцы этого природнаго исполнскаго гребня, среди котораго пошла мы какъ мышь въ мышеловку. Скоро я отчаялся въ успѣхѣ. Гибкіе и жесткіе стебли безпрестанно сдѣлывались, не смотря на всѣ мои усилія. Въ бѣшенствѣ отъ такого неожиданнаго и страшнаго препятствія, я бросился всей тяжестью тѣла на длинные шипы, чтобы разломать ихъ, но обломки царапали меня до крови и я вставалъ, чтобы прійняться за то же. Повторяя эту продѣлку, мы подвинулись на вѣскольکو шаговъ и я упалъ, побѣжденный усталостью, покрытый потомъ. Пизенькій и худощавый Товіа минулъ двадцать пользовавшійся моими усиліями, хотѣлъ смѣнить меня и пошелъ въ авангардѣ безуспѣшно. Онъ никакъ не могъ сладить съ тростникомъ и я долженъ былъ опять стать на своей постѣ. Съ тѣломъ, облитымъ кровью и потомъ, пцарапаные, взраненые, добрались мы почти до половины дороги, дождь пересталъ и атмосфера сдѣлалась жаркою выше всякаго выраженія. Упругость тростника поднимала его со всѣхъ сторонъ, онъ останавливалъ то малое количество воздуха, которое могло бы дойти до насъ, мѣшалъ видѣть, гдѣ мы находились и найти дорогу между этими осьми и десяти футовыми стеблями. Запыхавшись, въ изнеможеніи, я чувствовалъ себя неспособнымъ идти далѣе. Рубаха была вся смочена дождемъ, я выжалъ рукавъ, чтобы утолить жажду; вѣскольکو капель воды, добытыхъ такимъ образомъ не облегчили меня, я упалъ замертво въ безмысленной апатіи. Между-тѣмъ Товіа выдумалъ средство выпутаться изъ засады. Вооружившись охотничьимъ ножомъ, онъ пріялся косить на право и на лѣво непокорный тростникъ: образовалась прогалина. Прійдя въ себя я послѣдовалъ его примѣру, возвратившему мнѣ бодрость и сдѣлалъ значительную засѣку около насъ. Но увя! чѣмъ болѣе расширялся подвигъ разрушенія, тѣмъ болѣе увеличивалась возвышенность и густота тростника. Я начиналъ думать, что все кончено и что безъ прибавки доброй пары крыльевъ, намъ будетъ невозможно выйти изъ капкана, какъ вдругъ на право явилась прогалина и пропустила до меня радостный лучъ солнца. Я сообщилъ это пріятное извѣстіе Товіа и мы пріялись за дѣло съ

большой силой и мужествомъ чѣмъ прежде; мы такъ хорошо трудились, что очутились наконецъ на свободѣ, въ недалекомъ разстояніи отъ вершины. Послѣ нѣсколькихъ минутъ спокойствія мы взобрались на хребетъ, не поднимаясь на ноги, чтобы жители долины не примѣтили насъ и не преградили пути, но ползая на рукахъ, на ногахъ, на колѣнахъ, скользя по муравѣ какъ змѣй. Цѣлый часъ былъ посвященъ этой не слишкомъ удобной переправѣ.

Полагая, что защищены отъ нескромныхъ наблюденій завѣсомъ деревь, мы смѣло встали. Этотъ хребетъ, отдѣляясь отъ другихъ скалъ, составлявшихъ амфитеатръ около бухты, возвышался острококетнымъ угломъ надъ берегомъ, и исключая небольшого количества наклонныхъ плоскостей, образовала отлогій спускъ, косвенно простиравшійся къ центральнымъ горамъ острова. Мы достигли почти до того мѣста на этой площадкѣ, которое возвышается надъ моремъ. На лѣво была дорога, которая должна была провести насъ на гору и покрытая плоской, бархатистой муравой, иногда ширвкою только въ нѣсколько футовъ. Восхищаясь успѣхомъ нашего предпріятія, дыша свѣжимъ ароматическимъ воздухомъ, возвратившимъ крѣпость членамъ, мы пустились по этой эластической и мягкой поверхности, по профилю нашъ, рисовавшійся ясно на песчаномъ грунтѣ, уже замѣтили. Изъ впадинъ самыхъ удивительныхъ долинъ, изъ самыхъ скрытыхъ ущелій раздались страшные крики и, опустивъ глаза на долину; мы увидали дикихъ обитателей острова, выбѣгающихъ въ безпорядкѣ изъ хижинъ, разбросанныхъ тамъ и сямъ какъ бѣлыя точки. Мы находились слишкомъ высоко, чтобы не чувствовать себя въ безопасности отъ преслѣдованія и съ одной стороны знали, что дикари не побѣгутъ за нами въ пустыни горъ, съ другой, что у насъ было довольно времени, чтобы убѣжать отъ нихъ. Однако при этихъ крикахъ мы пустились бѣжать спѣше и были наконецъ остановлены отвѣсною стѣной, преградой казавшейся неодолимой. Помощью неусыпной смѣлости, древесныхъ кореньевъ и кустарника, употребленныхъ нами вмѣсто ступеней, рискуя сто разъ переломить себя шею, мы перелѣзли черезъ стѣну и продолжали бѣжать съ чрезвычайной быстротою. Мы пристали къ острову рано утромъ и все поднимались, ни разу не оборачиваясь къ морю. Могло быть часовъ шесть вечера. Наконецъ мы усѣлись на самомъ возвышенномъ пикѣ острова, огромномъ базальтовомъ пикѣ, обитомъ со всѣхъ сторонъ цвѣтами и чуждыми растеніями, возвышав-

шея почти на три тысячи футовъ надъ уровнемъ моря, какъ огромная, каменная корзина.»

Вся эта картина либѣтъ достоинство животрепещущей истины. Бѣглецы, у которыхъ почти не было провѣин, и хлѣбъ смѣшался съ табакомъ въ карманѣ, достигли до оврага или глубокой ямы, которой описаніе очень любопытно:

•Представившееся намъ природное зрѣлище, живо напечатлѣлось въ моемъ воспоминаніи. Пять потоковъ или скорѣе пять пѣнистыхъ лавинъ, падающихъ изъ пяти отверстій или ущелій и увеличенныя дождемъ соединялись въ одну яростный водоворотъ, стремившійся съ страшнымъ шумомъ съ осьмидесяти футовой вышины на дно углубленія, вырытаго въ скалахъ, громоздившихся около насъ; оттуда бурный потокъ, сжатый въ узкомъ проходѣ, казалось терялся въ самой глубинѣ и недрахъ земли. Сводъ, образованный исполненными корнями и столѣтними вѣтвями сосѣднихъ деревьевъ, трепеталъ подъ непрерывнымъ потрясеніемъ гремучаго каскада, и сбрасывалъ съ длинныхъ волюсь своихъ непрерывный дождь. Свѣтъ умирающаго дня проликалъ съ меланхолическимъ дрожаніемъ сквозь влажную арку, дѣлая видъ еще ужаснѣе и страшнѣе и напоминая, что скоро сумерки окружатъ насъ. Когда я осмотрѣлъ это новое убѣжище, я спросилъ себя какъ могло случиться, что я принялъ за тропилку борозду, которая привела насъ въ такое мѣсто, и началъ думать, что на-вѣрно не дикари проложили эту совсѣмъ безвлезную дорогу. Впрочемъ было что то успокоительное въ мыслѣ, уменьшавшей для насъ возможность встрѣтиться внезапно съ тѣмъ, которыхъ мы опасались, и я заключилъ, что мы не можемъ сдѣлать ничего лучшаго какъ воспользоваться тайникомъ, драгоценнымъ для вашей безопасности. Товинъ думалъ тоже; немедленно принялся мы строить временной шалашъ изъ листьевъ и обломковъ деревь. Мы принуждены были выстроиться у подошвы водопада; вода занимала остальное пространство. Въ непродолжительное время до наступленія ночи, мы покрыли кровлю слоями влажной муравы, росшей въ расщелинахъ скалъ. Нашъ шалашъ, названіе это еще слишкомъ высокопарно, состоялъ изъ подюжныи вѣтвей, положенныхъ косвенно къ скалѣ съ однимъ концомъ, воткнутымъ въ ложе потока; мы вползли подъ этотъ родъ навѣсу, чтобы дать тамъ отдыхъ нашимъ истощеннымъ силамъ. Это была ужасная почъ, я никогда ея не забуду. Товинъ, котораго голосъ утѣшилъ бы меня, сдѣлался неспособенъ произнести ни одного слова; прислонившись спиной къ стѣнѣ, вдоль

которой текли вѣтвыя ледяныя капли, уткнувъ голову въ могила, съ судорожною дрожью въ членахъ, онъ не находилъ ни мысли, ни слова, ни дыханія. Ничего не доставало къ нашему мученію. Дождь лпль ливня и дѣлалъ изъ нашего убѣжища презрѣвную пропію. Ужасы голода, холода, отчаяннаго положенія, окружающія насъ сумерки, лишпль было меня мужества.

Ночь прошла, а бѣгльцамъ сталъ не легче; будучи принуждены тащиться по кустарнику: одинъ рапеный въ ногу осколкомъ тростника, другой дрожа отъ лихорадки, они дошли до безымянной долины, которая снабдила ихъ на завтракъ остатками плодовъ, забракованныхъ птицами, и не примѣтили никакой дороги.

«Не зная куда направить шаги, видя передъ собой только горизонтъ безъ проложеннаго пути, мы рѣшились войти въ близкую рощу. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея я зацѣпилъ ногой кусокъ плода хлѣбнаго дерева, совершенно зеленый, еще влажный и, очевидно, только что сорванный. Я подаль его Тонію, который не могъ удержаться, чтобы не затрепетать при этомъ неоспоримомъ доказательствѣ сосѣдства дикарей Таипи или Гаппаръ, двухъ враждебныхъ, непримиримыхъ племенъ. Немного подалье мы нашли связку вѣтвей того же дерева. Казалось вѣроятнымъ, что кто-то, испугавшись нашего приближенія, бросилъ эту вязанку, и побѣждалъ уведомить тозарищей. Въ какія руки попадемъ мы, къ Таипи или Гаппарамъ? Возвратиться было поздно; мы медленно подвигались, Тонія смотрѣлъ направо и на лѣво подъ деревья. Вдругъ я вижу, что онъ остановился, словно его ужалила эхидна, всталъ на колѣна, одной рукой раздвинулъ густыя листья, другой сдѣлалъ мнѣ знакъ не идти далѣе, между тѣмъ какъ взглядъ его, устремленный на отдаленный предметъ, какъ-будто не могъ отъ него оторваться. Я не послушался его безмолвнаго указанія, подошелъ и увидѣлъ два существа, стоявшія неподвижно, прижавшись другъ къ другу. Безъ всякаго сомнѣнія, увидѣвъ насъ, они убѣжали въ чашу кустарника. Я тотчасъ рѣшился. Бросивъ палку, вытащилъ изъ ула кусокъ бумажной матеріи и привязалъ его какъ знамя къ концу сорванной вѣтви. Тонію я велѣлъ сдѣлать тоже самое и оба, везя въ рукѣ жезлъ мира, подошли къ двумъ трепещущимъ существамъ. Это были — мальчикъ и дѣвочка, одинъ лѣтъ шестнадцати или семнадцати, другая четырнадцати или пятнадцати, красоты и правильности формъ необыкновенныхъ, которыхъ парядъ украсила одна природа. Наклонивъ голову со вниманіемъ и сжимаю руку дѣвочки, полузакрытый длинными волосами подруги,

молодой человекъ облокотился другою рукою на ея локоть. Изыщшая въжнность стана, движеніе боязни, склонившее ихъ впередъ, граціозное положеніе обонхъ составляло изящную группу самаго прелестнаго и завваго эффекту. Молодой человекъ былъ совершенно голъ, на дѣвушкѣ былъ только древесный поясъ, откуда следи и спереди вѣло по два листка хлѣбнаго дерева. При нашемъ приближеніи, они чрезвычайно испугались. Боясь, чтобы они не убѣжали, я остановился и, показывая кусокъ матеріи, просилъ жестами принять этотъ подарокъ. Они не трогались съ мѣста. Я произнесъ нѣсколько словъ на ихъ языкѣ; они, казалось, успокоились; я подвинулся впередъ, они отступали шагъ за шагомъ; мы подошли наконецъ такъ близко, что могли набросить имъ на плеча подарокъ и продолжали въжливые жесты: чета все отступала... Наконецъ, ускоривъ шаги, они вдругъ испустили продолжительный крикъ странною интонаціи, на который изъ соседней рощи отвѣчалъ такой же крикъ. Черезъ нѣсколько минутъ мы вошли въ открытое пространство и замѣтили въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ длинный и низкій шалашъ, передъ которымъ сидѣло нѣсколько дѣвушекъ. Увидѣвъ насъ, всѣ вскочили и исчезли въ кустахъ какъ робкія лани. Скоро раздались дикіе крики и со всѣхъ сторонъ прибѣжали туземцы; шумная толпа женщинъ, дѣтей, мальчишекъ, окруживъ насъ съ громкими восклицаніями, не допускала никуда впередъ. Словно ихъ землей завладѣла армія. Что разсказывали наши юные водители, казалось, удвоивало удивленіе островитянъ, смотрѣвшихъ на насъ во всѣ глаза. Наконецъ мы дошли до большаго строенія изъ бамбуку, и туземцы, образовавъ изъ себя ограду, чтобы пропустить насъ, сдѣлали намъ знакъ войти туда. Мы повинувались и безъ церемоній бросились на циновки, которыми былъ устланъ полъ. Черезъ нѣсколько минутъ комната наполнилась людьми; тѣ, которые не могли войти, старались увидать насъ сквозь щели тростинку и бамбуку.

«При свѣтѣ умиряющаго дня мы смотрѣли на эти внимательныя и дикія лица, блиставшія любопытствомъ и изумленіемъ; здѣсь бронзоватыя, татуированныя вонны, тамъ дѣвушки съ въжлыми членами, всѣ занятые шумнымъ разговоромъ, котораго текстомъ, очевидно, были мы, а проводники наши разсказывали подробности и насилу успѣвали отвѣчать на вопросы. Ничто не можетъ быть сильнѣе тѣлодвиженій этихъ островитянъ, когда разговоръ оживляется; жесты ихъ и движенія, смѣшанные съ воємъ и плясками, наконецъ порядочно насъ напугали. Возлѣ насъ

сидѣло съ подлюжныи начальниковъ, съ видомъ очень благороднымъ. Будучи воздержнѣе другихъ, они смотрѣли на насъ съ мрачнымъ и постояннымъ вниманіемъ, что насъ очень смущало. Одинъ изъ нихъ, казалось, пользовавшійся въкоторую власть, вдругъ всталъ прямо передъ нами; неподвижность лица отвѣчала неподвижности тѣла; можно было сказать, что это бронзовая статуя. Никогда не случалось мнѣ подвергаться пытливости взгляда, такъ странно пристального; мысль дикаря не открывалась въ немъ: онъ изслѣдовалъ мою. Довольно долго подвергнувшись этому веселому испытанію, я потерялъ терпѣніе и старался избавиться отъ него, или по крайней мѣрѣ отвлечь, предложить табакъ начальнику дикарей, котораго надѣялся этимъ задобрить. Отстегнувъ камзолъ, я вынулъ изъ боковаго кармана свертокъ табаку и предложилъ ему. Спокойно оттолкнувъ онъ мой подарокъ и, не говоря ни слова, сдѣлалъ знакъ воротиться на свое мѣсто. Въ прежнихъ сношеніяхъ моихъ съ нукагвскими и тюркскими дикарями, предложеніе табаку всегда имѣло успѣхъ. Должевѣ ли я быдъ считать отказъ начальника за объявленіе войны? былъ ли онъ Гаппаръ или Таппи? Наконецъ долго безмолвныя и закрытыя уста его отворились, и именно съ этимъ вопросомъ обратился ко мнѣ дикарь:

« — Таппи или Гаппаръ?

« Я обернулся къ Товію, на лицо котораго туземный факель бросалъ красноватый блескъ, и видѣлъ какъ онъ побѣднѣлъ и задрожалъ при этомъ роковомъ вопросѣ. Послѣ мнунтой паузы я отвѣчалъ на удачу, уступивъ какому-то тайному побужденію:

« — Таппи!...

« Бронзовая статуя опустила голову въ знакъ ободренія и продолжала тѣмъ же вопросительнымъ тономъ:

« — *Мортарки?*

« Я повторилъ: *Таппи Мортарки!* Продолжительный крикъ радости привѣтствовалъ этотъ отвѣтъ; цѣлая толпа смуглыхъ и голыхъ людей принялась танцовать около насъ; хлопали въ ладоши и лѣсъ тысячу разъ огласился этими волшебными словами: *Таппи мортарки*, которыя все устроили.»

Живость и драматическій интересъ, цвѣтистая, одушевленная быстрота отличаютъ эти страницы, полныя жизни, качество основное, безъ котораго нѣтъ литературнаго произведенія.

Мельвилъ продолжалъ:

« Разлегшись на циновкахъ, мы держали потомъ родъ торжественнаго пріема, давали аудіенцію группамъ; приходившія одна

за другою объявлять намъ имена; мы говорили имъ наши и онѣ очень весело удалялись. Какъ всё смѣялись во время церемоніи, и какъ порывы веселости возобновлялись при каждомъ новомъ означеніи, которое новопришедшіе себѣ приписывали; я не могъ не подумать, что комедія разыгрывалась на нашъ счетъ и что каждый изъ представляемыхъ забавлялъ компанію, присвоивъ себѣ чудные титулы и необыкновенныя вѣнчепованія, причинявшія общую веселость, и которыхъ смыслъ былъ намъ невѣстенъ. Все это продолжалось съ часъ. Когда толпа нѣсколько уменьшилась, я сдѣлалъ знакъ главному начальнику, котораго звали Мегеви, и онъ повѣлъ, что намъ хочется ѣсть и спать. Тотчасъ, по его приказанію, намъ принесли два кокосовыхъ орѣха, облушленные и полуразломанные, и тыквенную бутылку, наполненную *пой-поемъ*, родъ каши или тѣста, изъ сердцевинны хлѣбнаго дерева: кушанье, служащее основаніемъ туземной кухни, желтаго цвѣту, очень липкое; оно похоже на губной клей въ жидкомъ состояніи. Поднеся къ губамъ кокосовые орѣхи и проглотивъ разомъ прохладительное питье, которымъ они были наполнены, мы не знали какъ намъ приняться за *пой-пой*, на который я смотрѣлъ съ жадностью. Наконецъ, сузувъ туда руку, я вытащилъ ее всю покрытую этимъ вязкимъ клеємъ; даже бутылка подвигалась отъ движенія, до того тѣсто густо и тяжело: Товій сдѣлалъ точно тоже; это двойное доказательство нашей неловкости и невѣжества вызвало у хозяевъ продолжительный и сильный порывъ веселости. Когда онъ утихъ нѣсколько, Мегеви сдѣлалъ намъ знакъ быть внимательными, и я увидѣлъ, что онъ хочетъ дать намъ урокъ. Погрузивъ указательный палецъ правой руки въ бутылку и, повернувъ его ученымъ образомъ, вытащилъ обмазанный тѣстомъ, описалъ имъ кругъ въ воздухѣ, чтобы не допустить тѣсто свалиться и, положивъ палецъ въ ротъ, вынулъ совершенно чистымъ. Я подражалъ его примѣру не совсѣмъ успѣшно. Голодному некогда изучать свѣтскіе обычаи, особенно когда онъ на островѣ Южнаго Океана; мы съ Товіемъ продолжали забавлять островитянъ нашими неловкими успѣхами, которыя наконецъ обліпли намъ лицо словно маской и оставили многочисленные слѣды на одеждѣ. Кушанье это такое трудное для ѣды, немного горьковатаго вкусу, не имѣетъ ничего непріятнаго для Европейца. Въ нѣсколько дней я привыкъ къ нему и нашелъ превосходнымъ. Это кушанье смѣшали другія, чрезвычайно вкусныя; обѣдъ кончили вапаткомъ кокосовыхъ орѣховъ, удивительно свѣжыхъ. Потомъ намъ подали трубку, любопытно изваянную, кото-

рую мы начали курить. Во время обѣда туземцы не переставали разсматривать насъ съ самымъ постояннымъ вниманіемъ; малѣйшія подробности нашихъ жестовъ и движеній становились для нихъ неисчерпаемымъ источникомъ толковъ, и изумленіе дошло до высочайшей степени, когда мы сняли платье, промокшее отъ дождя. Они не могли понять, что полугодовое плаваніе подъ тропикомъ впечатлѣло на наши лица черноватый оттѣнокъ, и удивлялись, что близка къ телу противорѣчала смуглости лица; шупали вездѣ, какъ купецъ шупаетъ матерію, которую находятъ краивою; в громкія восклицанія, при видѣ бѣлой кожи европейскаго тела, упрругихъ мускуловъ, не такъ жесткихъ и твердыхъ какъ кожа Полинезійцевъ, изумляли ихъ.»

Въ слѣдующей книжкѣ мы расскажемъ какъ Мельвилъ узналъ, что у этихъ островитянъ, среди ихъ первобытной и прелестной певности, есть странные вкусы, и какъ трогательная простота поклонностей допускаетъ, несмотря на Жанъ-Жака, въ которую примѣсь людоедской гастрономіи.

ФРАНЦУЗСКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ПАРИЖѢ. 1. *On ne saurait penser à tout*, *Нельзя всего предвидѣть*, комедія въ одномъ дѣйствіи, Альфреда де-Мюссэ.

Во всякомъ дѣлѣ только первый шагъ труденъ: это истина, доказанная опытомъ вѣковъ, и которую испытала авторъ предлежащей комедіи, или вѣрибе, драматической пословицы. Пѣсколько лѣтъ его комедіи и пословицы были печатаны и извѣстны всему читающему міру, а онъ и не думалъ о возможности ставить ихъ на сцену; наконецъ госпожа Алланъ, возвратившись въ Парижъ, пожелала возобновить свои петербургскіе успѣхи, и поставила «Прихоть», безспорно одно изъ лучшихъ произведеній его пера. Пьеса имѣла успѣхъ, какаго должно было ожидать отъ нея и отъ таланту исполнительницы, и открыла путь на сцену и другимъ пословицамъ господина де Мюссэ. Не довольствуясь старымъ запасомъ, онъ принялся даже писать новыя; но къ сожалѣнію должно сознаться, что новыя далеко не соответствуютъ старымъ, ни по содержанію, ни по отбѣлкѣ.

Не только мысль, но даже многія сцены, разговоры, остроты пословицы «Нельзя всего предвидѣть», заимствованы изъ не являшагося въ свѣтъ произведенія покойнаго водевиллиста Кармонтеля. Альфредъ де-Мюссэ, вѣроятно, вспомнилъ изреченіе Мольера: «Я беру свое добро, гдѣ оно ни попадется.» По эта система ему, очевидно, не счастливится, потому что заимствованіе вышло очень

неудачно. Вотъ вамъ тощее содержаніе заимствованной послословицы :

Вѣчный маркизъ и вѣчная маркиза, отъ которыхъ давно уже всѣмъ набило оскомину на зубы, любятъ другъ друга; но вмѣсто того, чтобы за-просто сказать другъ другу то, что каждый изъ нихъ очень хорошо знаетъ, и потомъ сыграть свадьбу, они вступаютъ въ безконечныя бесѣды о томъ, о семъ, а болѣе ни о чемъ, и кажется употребляютъ всѣ силы и средства, чтобы какъ-можно больше удалиться отъ дѣла. Прибавьте къ этому, что маркизъ и маркиза, во всемъ прочемъ совершенно похожіе на всѣхъ маркизовъ и маркизъ, которыми съ-поконъ-вѣку пробиваются сочинители комедій, водевилей и пословицъ, имѣютъ одну особенность: они удивительно разсѣяны; маркизъ говоритъ одно, маркиза отвѣчаетъ другое: оба путаются въ собственныхъ мысляхъ и словахъ; за что имъ возмущается, все дѣлаютъ на-обумъ. Это могло бы продолжаться въ безконечность, если бы авторъ не сжался наконецъ надъ публикою, которая должна слушать всю эту безтолочь. Дѣло идетъ какъ-то на ладъ; влюбленные объявляются, сами не зная какъ это случилось, и начинаютъ укладываться, чтобы уѣхать къ посланническому посту маркиза, гдѣ и шамбрепы они увѣчатъ свои безконечныя переговоры. Но въ минуту отъѣзда является дядя и объявляетъ, что посольство, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, не состоится. «Нельзя всего предвидѣть», говоритъ маркизъ, и зававѣсь опускается надъ этимъ глубокимъ прреченіемъ мудрости народовъ.

2. Un duel chez Ninon, Дуэль у Ниноны, водевилъ въ одномъ дѣйствіи, господъ Теодора Барьера и Мишеля Каррѣ.

Маркизъ, — не припомнимъ прозванія, — рѣшился разойтись съ Ниноюю де-Ланклѣ. Это можетъ показаться нейтротнымъ, потому что достовѣрный исторіографъ любовныхъ ея приключеній, мосье де Вольтеръ, говоритъ, что ее никто не покидалъ, по что она сама скоро покидала своихъ любовниковъ. Но у маркиза есть очень уважительныя причины на это отступленіе отъ законнаго порядка вещей; разстроенное состояніе краснорѣчиво убѣждаетъ его остепениться, — жениться. Какъ обрадовался бы онъ, если бъ дошла до него вѣсточка, что Нинона ему зміѣнила! а тутъ, какъ на зло, горничная ея клянется, что Нинона влюблена въ него больше чѣмъ когда-либо! Задумался маркизъ.... вдругъ пришла ему въ голову бластательная мысль: поѣть окрѣмъ прошель человекъ молодой, иеудурной собою, дворяннцъ, маркизъ

или графъ, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, богатый; словомъ, такой именно человекъ какого нужно, чтобы заступитъ мѣсто маркиза. Маркизъ призываетъ его; графъ входитъ. «Что вамъ угодно?» — Ничего. — «Какъ ничего! да зачѣмъ же вы меня звалъ?» — Тамъ, ни за чѣмъ. Вы проходили мимо, а я соскучился; вотъ я васъ и призывалъ. Не угодно ли вамъ будетъ побесѣдовать?

Графъ шутить не любитъ: онъ требуетъ удовлетворенія. Маркизъ принимаетъ вызовъ, но желаетъ сначала объясниться болѣе разумнымъ и не столь опаснымъ оружіемъ, словомъ. Онъ рассказываетъ въ чемъ дѣло; и графъ хочетъ уже удалиться, не требуя удовлетворенія отъ сумасшедшаго. Но Нинона все слышала, и, во что бы ни стало, отомстить невѣрному. Она удерживаетъ гостя, ласкаетъ его, кокетничаетъ съ нимъ; по-мѣрѣ того, какъ она опутываетъ сердце новаго знакомаго, ревность пробуждаетъ прежнюю любовь въ сердцѣ стараго, такъ что онъ готовъ для нея отказаться и отъ невѣсты и отъ приданнаго. Дѣло не обошлось бы безъ дуэля, если бы Нинона не постаралась примирить молодыхъ людей, убѣдивъ одного остаться отставнымъ другомъ, а другаго — быть кандидатомъ на званіе друга.

3. *Les Puritains d'Écosse, Шотландскіе Пуританы*, драма въ пяти дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ, господина Поля Февала.

Бѣдовое племя — люди, запинаящіеся перекривленіемъ романовъ въ драмы. Никому вѣтъ отъ нихъ пощады: ни живымъ ни мертвымъ! Вотъ, напримѣръ, господинъ Поль Феваль перекривлялъ сначала свои собственные романы, потомъ сталъ перекривлять романы своихъ пріятелей и сверстниковъ, а теперь уже принимается за романы мертвыхъ, и на первый случай выбралъ Вальтера Скотта. Бѣдный Вальтеръ Скоттъ! Каждый изъ нашихъ читателей, вѣроятно, знаетъ романъ его, переименованный въ переводахъ «Шотландскими пурптанамъ»; зная же романъ, знаетъ и драму, потому что Поль Феваль не остановится за числомъ лицъ или за числомъ дѣйствій и картинъ, только бы всю книгу по листочкамъ выставить на сцену.

4. *Fleur de soufre, Сѣрный цвѣтъ*, фантастическая пьеса въ пяти дѣйствіяхъ, господина Мелезвля.

Герой этой пьесы, какъ можно догадаться изъ самаго уже названія, чертенокъ, но чертенокъ милый, любезный, очарователь-

ный! Онъ влюбился въ Мишу, жену мосьё Жюваса, и рѣшилъ, во что бы то ни стало, что она будетъ принадлежать ему. Старшой положилъ, что онъ достигнетъ своей цѣли, если изъ трехъ искушеній, которымъ она будетъ подвергнута, двухъ не выдержитъ. Вотъ Сѣрный цвѣтъ преслѣдуетъ бѣдную Мишу: сначала ведетъ онъ ее въ великолѣпный дворецъ, упоетъ пласкою, лакомствами, шипучими винами, танцами. Добродѣтель Миши колеблется; однако же она опомниается во время, и съ честью выходитъ изъ перваго искушенія. Но чертёнокъ не унываетъ: ему еще остается два искушенія. Видя, что удовольствіемъ ничего не возьмешь, онъ обращаетъ свои удары противъ чувствительнаго сердца Миши. У Миши есть ребенокъ; Сѣрный цвѣтъ посылаетъ опасную болѣзнь на младенца. Мишѣ стѣитъ послушать обольстителя, и младенецъ будетъ здоровъ. Материнская любовь побѣждаетъ супружескій долгъ; Миша соглашается дать обольстителю одна только поцѣлуй. Сѣрный цвѣтъ въ восторгѣ: еще одно усиліе, и жертва въ его рукахъ. Онъ прикидывается невиннымъ юношею, кается и проситъ прошенія; потомъ старается возбудить въ сердцѣ Миши ревность, внушая ей подозрѣніе насчетъ вѣрности мужа. Миша на краю паденія: ее спасаетъ добродѣтель.

Музыкальныя новости. *Лондонъ.* Еще новая шерпетія въ романѣ Жении Ливдъ. Двѣ недѣли тому назадъ положительно было извѣстно, что она оставляетъ театръ и Англію, и выходитъ замужъ. Теперь она въ Парижѣ, а все-таки не замужемъ. Говорятъ, что она ѣдетъ въ Швецію. Что это, наконецъ, дѣйствительность или комедія? Если комедія, то пора бы ее когда-нибудь и кончить.

На Ковенгарденскомъ театрѣ возобновили «Гугенотовъ». Это представленіе было настоящимъ торжествомъ для Гривиз, которая исполнила роль Валентины съ такимъ совершенствомъ, какого отъ нея не ожидали въ родѣ музыки, ей совершенно чуждомъ. Марию отличилъ въ септуорѣ и дуо. Благословеніе княжаловъ пикъ, пафъ—Марини, ратапланъ, исполняемое Ривесомъ, каждый разъ требуются вторично.—«Донъ-Жуанъ» не смотря на то, что пѣлъ Бишекъ, не имѣлъ успѣха.

Парижъ. Холера продолжаетъ здѣсь свирѣпствовать и похищаетъ изъ музыкальнаго міра жертву за жертвой. Первою жертвою ея была знаменитая Каталани, второю Фредерикъ Калья-

брейнеръ, только что окончившій свое послѣднее произведеніе и намѣревавшійся ѣхать въ Италію, третьюю—извѣстный сочинитель романсовъ Пеппе Гамбогги, четвертою—Блезъ, замѣчательный оркестровый музыкантъ.—На дняхъ тоже умеръ профессоръ цѣвля въ консерваторіи, Бандералли, впрочемъ, не отъ холеры, а отъ аневризма.

Успѣхъ «Пророка» постоянно одинаковъ. Никогда ни одному образцовому произведенію не приходилось бороться противъ столь сильныхъ враговъ, какъ «Пророку». Враги эти: общіе выборы, холера, и невыносимые жары. Не смотря на такія неблагопріятныя условія, торжество его нисколько не уменьшается. Надобно отдать полную справедливость и исполнителямъ, старанія и энергія которыхъ, кажется, увеличиваются по мѣрѣ возрастанія неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Віардіо поетъ и играетъ съ каждымъ днемъ лучше и лучше. Голосъ Рожэ отдохнулъ отъ своей мгновенной усталости и зазвучалъ по прежнему. Кастелланъ не отстаеетъ отъ своихъ сотрудниковъ, и съ честью поддерживаетъ успѣхъ, приобретенный первымъ дебютомъ; наконецъ самый энтузіазмъ публики тоже не остываетъ ни на минуту.

Появленіе Мейерберова «Пророка» привело всю Европу въ какое-то напряженное состояніе, безпримѣрное въ исторіи искусства и тѣмъ болѣе замѣчательное при современномъ грозномъ ураганѣ событій. Парижъ теперь просто въ опьяненіи. Здѣсь самые важные политическіе вопросы уступили мѣсто великому вопросу ежедневной жизни: «доставу ли я себѣ билетъ на Пророка?» Тѣ, кому удалось слышать новую оперу, превратились въ гордыхъ аристократовъ, и съ презрѣніемъ смотрятъ на несчастныхъ пролетаріевъ, которые еще не имѣли счастья, средства или случая (все это необходимо) сдѣлаться участниками великаго наслажденія. Такъ будетъ и впредь, до-тѣхъ-поръ, пока вся Франція не услышитъ новаго «Пророка». Тогда увидимъ мы замѣчательное явленіе: республиканцы, всѣ до единого, обратятся въ аристократовъ, то есть, въ аристократовъ искусства. Прочія государства Европы тоже присутствовали при первыхъ представленіяхъ «Пророка», въ лицѣ своихъ посланниковъ, и притомъ всякое на свой особенный національный ладъ.

Изъ Англіи прибыли въ Парижъ тысячи милордовъ и джентльменовъ, для того, чтобы посредствомъ золота и хитростей, подкупа и убѣжденій, добиться права сказать впоследствии: «я слышалъ Пророка». Всѣ лучшіе лондонскіе журналы прислали своихъ со-

трудняковъ и такимъ образомъ черезъ двое сутокъ могли помѣстить въ столбцахъ своихъ подробныя свѣдѣнія о новомъ произведеніи Мейербера. Дирекція Театра Королевы, которой предстоитъ счастье поставить у себя въ іюлѣ мѣсяцѣ «Пророка», не только сама въ полномъ своемъ составѣ присутствовала при парижскомъ представленіи, но даже привезла съ собой Марію, будущаго «Пророка», машинистовъ, балетмейстера, декораторовъ и костюмеровъ, и все это для того, чтобы лондонская постановка оперы ни на волосъ не разнилась отъ парижской. Голландія и Бельгія выказали свою осмотрительность, достоинство и ученость. Музыкальныя общества амстердамское, роттердамское и брюссельская консерваторія отправили депутаціи и нарочно посланныхъ, которые выслушавъ внимательно и разобравъ по частямъ прелести новой партитуры, папаясали о ней, какъ въ примѣръ Фетякъ (отецъ) нѣскольکو ученыхъ и глубокомысленныхъ статей.

Особенно отрадно то, что и Германія, въ которой въ настоящую минуту совершается такая неурядица, не исключила себя изъ этого артистическаго переселенія народовъ. Это даетъ надежду, что врожденное Нѣмцамъ чувство гармоніи когда-нибудь возьметъ опять верхъ. Можно смѣло утверждать, что со всѣхъ концовъ Германіи направлялись къ Паржу къ желѣзнымъ дорогамъ цѣлыя толпы артистовъ, любителей, критиковъ и энтузіастовъ. Впрочемъ *официально* объявлено только присутствие нѣсколькихъ издателей, изъ которыхъ одинъ пріобрѣвшій право изданія новой оперы, гордо поднялъ свою лучезарную главу — это именно Гертель изъ Лейпцига, а прочіе обманувшіеся въ своихъ надеждахъ, грызли съ досады ногти и думали о томъ, какъ бы, не смотря на неудачу, присягнуть себѣ какой-нибудь тапещъ или тогсеау изъ «Пророка».

Отдаленныя страны должны были довольствоваться газетными извѣстіями, которыя повсюду ожидаемы и читаемы были съ любопытствомъ, въ настоящее время заслуживающимъ особеннаго вниманія; повторяю, до-тѣхъ-поръ пока произведеніе искусства будетъ въ такой степени возбуждать всеобщее сочувствіе, можно оставаться спокойну даже и при бѣдственныхъ событіяхъ. Смуты и беспорядки не гармонируютъ съ музыкою, и потому до-тѣхъ-поръ, пока это искусство не утратило совершенно своего владычества надъ сердцами народовъ, до-тѣхъ-поръ существуетъ и здоровое пониманіе всего прекраснаго, добраго и святаго. Понима-

віе это можетъ быть потемнено на короткое время, но зайтите не болѣе, какъ на короткое время. Скоро выйдетъ оно на прежнюю прямую дорогу и тогда въ жизни будетъ такая же гармоія какъ и въ искусствѣ.

Говоря о всеобщемъ интересѣ, возбужденномъ новою оперою въ Европѣ, нельзя не упомянуть объ изумительныхъ усилахъ дирекціи, употребленныхъ на приобрѣтеніе партитуры «Пророка» и великолѣпную постановку этой оперы, вполне достойную великости созданія. Здѣсь видимъ мы просто невѣроятное: композиторъ, и импрессаріо помѣнялись между собою ролями. Композиторъ, который при обыкновенномъ порядкѣ вещей, всегда приходится въ зависимости отъ капризовъ импрессаріо, пѣвцовъ и преимущественно пѣвицъ, въ настоящее время деспотически предписываетъ условія, принимаемыя обоими импрессаріо — Рокламомъ и Дюпонтелемъ съ почтительною покорностью и утвержденнымъ контрактомъ. Исторія представляетъ намъ много пріятныхъ необыкновенныхъ почестей, которыхъ удостоивались замѣчательнѣйшіе артисты — оперы Глука и Пиччини превратили французскій дворъ въ два враждебные стана; соправствъ Фарвелли за свои бравурныя аріи возведенъ былъ испанскій король въ званіе перваго министра, въ новѣйшее время духовныя и свѣтскія депутаціи встрѣчали Женни Ливидъ во многихъ городахъ — но все это никакъ не можетъ сравниться съ условіями Мейербера. О постановкѣ на сцену, великолѣпнѣмъ своимъ превосходящей все доселѣ существовавшее въ этомъ родѣ, сказано было въ этихъ условіяхъ вкратцѣ. Само собою разумѣется, что новой постановки и быть не могло. Солнце, туманъ, катавье на конькахъ на замерзшемъ пруду, рушащійся въ пламени дворецъ, отличнѣйшія декораціи, машины и костюмы — стоять ли упоминать о подобныхъ бездѣлицахъ, которыя легко можно устроить за нѣсколько сотъ тысячъ франковъ! Гораздо труднѣе было исполнить условіе, касательно раздачи ролей. Здѣсь нужно было *Рожю* переташить изъ Комической Оперы, гдѣ онъ уже состоялъ ангажированнымъ, въ Большую, а *Виздо* и *Кастеллава* заставить, первую нарушить въ Англіи контрактъ, а послѣднюю покинуть Италіанскую Оперу, учиться французскому языку и въ «Пророкѣ» первый разъ въ жизни пѣть по французски. Сколько нужно было имѣть дипломатическаго убѣжденія, чтобы уговорить тенориста промѣнять сцену, на которой ему былъ обезпеченъ успѣхъ, на сцену, гдѣ предстояли труднѣйшія задачи

гдѣ должно было бороться съ воспоминаніями о Нурри и Дюпрѣ, и гдѣ наконецъ снова слѣдовало хлопотать о благосклонности публики. Чего стоило убѣдить Виардо, пѣвицу, знаменитую во всей Европѣ и почти неизвѣстную въ Парижѣ, выступить передъ непомерно строгою публикою, въ роль, написанной для контральтаваго голоса, безъ верхнихъ нотъ, на которыя можно было бы рассчитывать, притомъ выступить въ костюмѣ вовсе не блестящемъ, съ сѣдыми волосами, съ лицомъ, покрытымъ морщинами. И Кастелланъ тоже не легко было согласиться промѣнять свой гармоническій языкъ на французскіе горловые и поднебные звуки, неудобные для пѣнья, не говоря уже о тѣхъ трудностяхъ, которыя представляетъ различіе оперы италіанской отъ оперы Менербера.

Неутоимая энергія директоровъ, плодъ вдохновенія или отчаянія, тѣмъ болѣе является достойною удивленія, если вспомнить, что и послѣ самаго совѣстливаго соблюденія всѣхъ пунктовъ условій, исполненіе «Пророка» все-таки замѣло отъ *bon plaisir* Мейербера. Послѣдній выговорилъ себѣ право назначить первое представленіе оперы только тогда, когда онъ вымолитъ будетъ доволенъ репетиціями. Кромѣ того, на основаніи одного пункта контракта, онъ могъ взять свое произведеніе обратно, даже въ самый день перваго представленія, въ случаѣ если вспыхнетъ война, въ которой Франція будетъ принимать какое-нибудь участіе, какъ-бы это участіе отдаленно ни было.

Впрочемъ, на эту уступчивость директоровъ, принявшихъ безпрекословно нѣсколько десятковъ подобныхъ условій, а равно и на нетерпѣливое ожиданіе цѣлой Европы, слѣдуетъ смотрѣть все не какъ на результатъ «Пророка», а какъ на слѣдствіе блестятельнаго успѣха «Роберта» и «Гугенотовъ». Самая же партитура «Пророка» до послѣдней минуты оставалась для всего свѣта кляпой за семью печатями. Нѣтъ болѣе робкаго, осторожнаго композитора, какъ Мейерберъ. Даже задушевнымъ друзьямъ не позволяеть онъ ни одного нескромнаго взгляда на свои произведенія, до-тѣхъ-поръ, пока они не обнаружены, а послѣднее случается не иначе какъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ. Такъ партитура «Пророкъ» уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ была окончена совершенно, а композиторъ все таки не отдавалъ ва сцену, и единственно только затѣмъ, что не ходилъ нигдѣ пѣвцы для роли Фидесы, матери Пророка. Эта роль написана для контральтаваго голоса и въ драматическомъ

и музыкальномъ отношеніи самая главная въ оперѣ. Большая часть извѣстныхъ пѣвицъ—сопрано, а тѣ немногія альтистки, которыя повадобились кое-гдѣ при ограниченномъ репертуарѣ своихъ ролей, не могли обладать драматическою энергіею, столь необходимой по мнѣнію композитора какъ для музыкальнаго, такъ и для драматическаго исполненія роли Фидесы.

Въ 1840 году я встрѣтился разъ съ Мейерберомъ въ Итальянской Оперѣ, въ Берлинѣ. Давали «Figlia del reggimento», Донизетти. — «Какъ попали вы на правый берегъ Шпре?» спросилъ я его въ удивленіи. — «Дай Богъ, чтобы я попалъ на *правый* берегъ!» отвѣчалъ онъ. Мнѣ много говорили хорошаго объ альтисткѣ, которая поетъ сегодня. Я пріѣхалъ посмотрѣть, нельзя ли будетъ мнѣ съ ея помощью пустить на свѣтъ моего «Пророка». — На другой день, нетерпѣливо желая узнать мнѣніе Мейербера о пѣвицѣ, которая мнѣ не понравилась, я отправился къ нему въ Тиргартенъ. Какъ и слѣдовало ожидать—онъ не былъ доволенъ. «Не годится! говорилъ онъ, прохаживаясь въ волненіи по канатъ: рѣшительно не годится! Пусть Берлинцы говорятъ, что мнѣ угодно, а я все таки лучше всѣхъ знаю, что мнѣ нужно. Правда, у Зои есть вѣсколко хорошихъ нижнихъ нотъ, но изволите видѣть, мнѣ этого мало. Я написалъ роль не для опредѣленнаго какого-либо голоса, а для естественнаго характеристическаго пѣвія. Партія Фидесы, какъ прилично характеру престарѣлой матери, движется преимущественно на среднихъ нотахъ, но вѣстѣ съ тѣмъ, для великихъ моментовъ ей нужны высокія ноты, которыя въ достаточной ясности и силѣ встрѣчаются только у сопрано. Быть можетъ я ошибся, но что же дѣлать, если я не могъ дѣйствовать иначе, если только такой характеръ роли казался мнѣ правильнымъ и эффектнымъ. По этой причинѣ Зоя для меня не годится. Верхнія ноты у нея слишкомъ обыкновенны. Повѣрьте, что при такомъ пѣніи пропадетъ у меня сцена четвертаго акта. Тутъ нуженъ сильный голосъ, тутъ нужны могучіе, поразительные звуки. Судите сами!» Онъ горячился постепенно все болѣе и болѣе и при послѣднихъ словахъ сѣлъ за фортепiano, на которомъ я уже давно замѣтилъ раскрытую партитуру замѣчательной толщины. Пока онъ бралъ первые аккорды, я помѣстился у него за стуломъ и глядѣлъ въ ноты. Это была одна изъ тѣхъ массивныхъ партитуръ, которыя умѣлъ создавать только Мейерберъ. Но прежде нежели я успѣлъ поряд-

* Gott gebe, dass ich das rechte Ufer gefunden habe.

комъ ориентироваться въ этой массѣ системъ и многосложныхъ оркестровныхъ и хорныхъ партій, какъ Мейербергъ внезапно вскочилъ со стула, быстро закрылъ книгу, потомъ подбѣжалъ къ полу-открытому шкафу, сунулъ туда «Пророка», въ кучу подобныхъ же толстыхъ книгъ, заперъ шкафъ, и положивъ ключъ въ карманъ, красный и въ смущеніи снова воротился ко мнѣ:

«Не сердитесь на меня за мой поступокъ! проговорилъ онъ заисываясь. Я не могу, я не долженъ никому показывать моего манускрипта. Въ жару разговора я не остерегся. Хотя я и доверяю вамъ какъ нельзя болѣе, но если бы я съигралъ вамъ что-нибудь изъ своей оперы, то послѣ такого промаха ни минуты не былъ бы покоенъ. Вы могли бы сказать о томъ другому, другой третьему, и такъ далѣе. Такимъ-образомъ, прежде нежели вы произвели бы свое собственное мнѣніе о моемъ произведеніи, мы съ вами прочли бы навѣрно въ какомъ-нибудь журналѣ разборъ моего «Пророка», основанный на подробностяхъ схваченныхъ на лѣту. Для меня это была бы сушая бѣда; я тогда скорѣе сжегъ бы «Пророка», нежели отдалъ бы его на сцену: мнѣ нужна публика свѣжая, не подготовленная; я не могу дѣйствовать на публику, которую руководятъ предрассудки».

Наконецъ, когда насмѣшники уже стали смотрѣть на «Пророка» какъ на мифъ, Мейербергъ нашелъ въ Viardot то, что онъ такъ долго и тщетно искалъ въ другихъ пѣвицахъ. Онъ снова передѣлалъ роль, написалъ нѣсколько новыхъ нумеровъ, единственно для этой великой артистки, и затѣмъ заключилъ знаменитый въ лѣтописяхъ искусствъ контрактъ съ дирекціей. Началось разучиваніе пѣссы, болѣею частью подъ надзоромъ самого композитора, и вмѣстѣ съ тѣмъ настало время тяжелыхъ испытаній для господъ Роклана и Дюпонтеля. Рецетиціи новой оперы занимали пѣвцовъ и оркестръ, танцовщиковъ и машинистовъ, декораторовъ и костюмеровъ съ такою исключительностью, что у послѣднихъ почти вовсе не оставалось времени для другихъ пѣссы. Публика ждала съ нетерпѣніемъ «Пророка», и не хотѣла слушать другихъ оперъ. Что ни давали, театръ былъ постоянно пустъ, а давать надо было что-нибудь. Первый парижскій театръ ни зачѣмъ не рѣшился бы выставить на афишкѣ несприятное слово «Rélache».

Однимъ словомъ, никогда «Пророкъ» не былъ такъ нуженъ, и никогда не ждала его съ такимъ нетерпѣніемъ какъ въ 1849 году.

Мейербергъ, не смотря на какія просьбы директоровъ, оставался непреклоненъ.

— Какъ только все пойдетъ хорошо, говорять онъ, опера будетъ дана, но ни за что равнѣ!»

— Но когда же, думаете вы, придетъ это блаженное время?

— Быть-можетъ, черезъ недѣлю; а то, пожалуй, и черезъ мѣсяцъ — это зависитъ не отъ меня, а отъ исполнителей!

И неутомимый маэстро снова принимая за репетиціи.

Въ одинъ день, когда двери театра, герметически запертыя во время репетиціи, растворились, и изъ нихъ радостно вырвалась на бульваръ толпа утомленныхъ вѣщавъ, танцовщицковъ, музыкантовъ и машинистовъ. Рокланъ вышелъ въ пассажъ, который ведетъ изъ Оперы къ бульвару. Онъ только-что вытерпѣлъ нелый бой съ жестокосердымъ композиторомъ и потому шелъ въ глубокой думѣ, навѣвая про себя какой-то мотивъ.

Вдругъ чья-то рука сильными движеніемъ останавливаетъ его.

«Скажите на милость, что вы дѣлаете!» говоритъ ему Мейерберъ.

— Чтò, чтò такое я сдѣлалъ? спрашиваетъ испуганный Рокланъ.

— Несчастный! вы поете!

— Благодарю за комплиментъ. Но отчего же бы мнѣ и не пѣть, если есть охота?

— Пойте, сдѣлайте милость, сколько угодно, но ради Бога, не мой мотивы изъ «Пророка», какъ вы это сейчасъ дѣлаете! Помните, что для успѣха оперы нужно, чтобы она была совершенно неизвѣстна публикѣ. Неужели вы сами хотите нарушить секретъ репетиціи, который, благодаря нашимъ мѣрамъ, предосторожности, оставался пока неприкосновеннымъ?

— Вы правы, пробормоталъ Рокланъ. Извините меня, пожалуйста! Впередъ я буду умнѣ!

На слѣдующій день, когда Мейерберъ послѣ репетиціи выходилъ изъ театра, передъ нимъ появилось человѣкъ десять хористовъ и хористокъ. Едва вышли они на улицу, какъ тотчасъ же громко запѣли хоръ коронованія. Перепуганный до смерти Мейерберъ, только что было хотѣлъ нагнать ихъ и заставить молчать, какъ въ тоже самое время съ нимъ поровнялась другая толпа, которая раскланиваясь почтительно съ маэстро, затянула къ свою очередь другой хоръ изъ «Пророка». Въ эти минуты Мейерберомъ овладѣлъ ужасъ; не въ силахъ болѣе слушать исполненіе своей музыки на улицѣ, онъ спѣшитъ обратно въ театръ. Къ счастью онъ нашелъ обомлѣ директоровъ вѣста, и потому тутъ

же начали призвать ны свои жалобы и требовать строжайшаго взысканія съ хористовъ.

— Вотъ небывалый случай, говоритъ Рокколонъ. Здѣсь, въуниверситетѣ свѣтъ; конечно ны имѣемъ полную власть надъ хористами. Но ны театръ оны свободны дѣлать, говорить, а равно и пѣть все, что ны угодно. — Какъ же ны запретить это? — «Но сами судите, если ны мелодіи будутъ такими образомъ развѣтываются по улицамъ, то истиннй мечтающій запомнить ны, званіи ны, насчитываетъ и... не пѣть, это просто ужасно!... Оперы ны будетъ имѣть выкаете усѣйка: все спануть, что я оставилъ своево пророка изъ старинныхъ, набытокъ мотыговъ...»

— Совершенно правдѣ. Если у насъ дѣла пойдутъ также ныкъ теперь, не удивительно, что ны скоро услышимъ лучшія мелодіи «Пророка» на уличныхъ шарманкахъ.

Мысль, что вублина услышитъ въ первый разъ столько лѣтъ старчевало хранимаго «Пророка» на уличныхъ шарманкахъ — ужаснуло Мейербера. Чтобы отразить этотъ неожиданный ударъ отъ своего дѣтища, Мейерберъ согласился на единственное, предложенное ему директорамъ, средство спасенія и назначилъ первое представленіе, въ самую скорѣйшую времени.

Такого образомъ ренетиціемъ положень былъ конецъ, и «Пророкъ», явился на свѣтъ, который давно ожидалъ его съ петербургскій.

Родство Мейербера имѣла во всякомъ случаѣ свое основаніе. Свѣтъ зналъ его по настоящее время какъ композитора «Роберты» и «Гугенотовъ». Этими произведеніями онъ не только заставлялъ забыть свои многочисленные италіянскія оперы, но и сообщалъ французской оперѣ драматическую глубину, страстное возвышенное стремленіе. Конечно все это обозначалось уже отчасти въ произведеніяхъ Спонтини, Россини и Обера; но тамъ оно только обозначалось, и никогда не доходило до той могучей самостоятельности, какъ у Мейербера. Замѣчу кстати, что судьба Глюка, въ первомъ отношеніи, отчасти похожа на судьбу Мейербера, тотъ тоже написалъ болѣе 40 неудавшихся италіянскихъ оперъ, прежде нежели началъ «Альцестою» свой классическій періодъ во Франціи. Ни одинъ драматическій композиторъ не пользовался при жизни такой громкой, всеобщей славой, какъ Мейерберъ. Самъ Россини, имя котораго достигло самыхъ отдаленныхъ странъ свѣта, не имѣлъ такого повсюднаго успѣха какъ авторъ «Роберты». Россини стремился преимущественно къ благозвучію, Мейерберъ къ характеристичности.

Перваго часто упрекали въ поверхности, между тѣмъ послѣдній умѣлъ увлечь какъ знатоковъ, такъ и массу тѣмъ, что называется въ искусствѣ глубиною мысли. Въ этомъ различіи заключается характеристика обоихъ гениевъ. Россини, одинъ изъ числа рѣдкихъ оригинальныхъ, самостоятельно творящихъ душъ, слѣдовалъ только своему инстинкту, и этотъ инстинктъ былъ его гонимъ. Онъ похожъ на одно изъ пышныхъ деревьевъ первобытнаго лѣса, которое изъ своего собственного жизненнаго сока творитъ вокругъ себя цѣлый лѣсъ деревьевъ. Тутъ нѣтъ и слѣда науки или отчетливой работы. Только въ вѣкоторыхъ позднѣйшихъ его операхъ встрѣчается иногда то, что называется въ музыкѣ изложеніемъ и планомъ. Характеръ гонія Россини заключается въ блаженной безпечности. Россини вполне Италіионецъ.

Его оперы — положенное на музыку *dolce far niente*.

— Мейерберъ напротивъ постоянно расчитываетъ. Всякую — черту, всякую складку въ необъятныхъ заданіяхъ своихъ оперъ онъ выражаетъ нотами. Каждая нота у него имѣетъ свое назначеніе, каждая несетъ свою дань богинѣ этого колоссальнаго храма — эфекту. У Мейербера все плодъ размышленія. Превращеніе Мейербера италіянскаго въ Мейербера французскаго, «Робертъ», «Гугеноты», необъятная и что всего удивительнѣе продолжительная его слава — все это результаты спекуляціи богато одареннаго отъ природы духа, отличнаго артиста, а имѣетъ съ тѣмъ и необыкновеннаго знатока свѣта. Да, Мейерберъ быть-можетъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ свѣта; онъ знаетъ какихъ работъ и хлопотъ стоили ему «Робертъ» и «Гугеноты», и потому имѣетъ полное право боязненно заботиться о томъ, чтобы предварительно удалено было все то, что могло бы помѣшать его дальнѣйшему ходу — не говоря уже восхожденію, потому что восхожденіе далѣе такой степени славы едва ли возможно.

Подробный разборъ оперъ Мейербера и въ особенности «Пророка» я представляю въ слѣдующей статьѣ.

В. ДАНКЕ

=

ВЛИЯНІЕ ЭЛЕКТРИЧЕСТВА НА ХОЛЕРУ. Одинъ парижскій врачъ, господинъ Оранъ, дѣлалъ весьма любопытныя наблюденія надъ недостаткомъ электричества въ воздухѣ во время свирѣствованія эпидемическихъ болѣзней, преимущественно холеры. Вотъ что говоритъ онъ въ письмѣ своемъ къ парижской Академіи Наукъ.

«Между - тѣмъ какъ въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ холера съ большою или мѣншею силою свирѣствовала въ Парижѣ, я дѣлалъ ежедневно наблюденія надъ дѣйствіемъ электрической машины, чтобы убѣдиться, нѣтъ ли какого соотношенія между силою болѣзни и степенью недостатка разлитой въ атмосферѣ электрической жидкости. Машина, которою я пользовался, довольно сильна, и даетъ, въ обыкновенную погоду, послѣ двухъ или трехъ оборотовъ, блестящія искры отъ пяти до шести сантиметровъ (около двухъ дюймовъ) въ длину. Я замѣтилъ, что съ появленіемъ эпидеміи, я никогда не могъ произвести того же дѣйствія. Въ апрѣлѣ я въ маѣ искры, которыя я добывалъ съ чрезвычайнымъ трудомъ, не превосходили двухъ или трехъ сантиметровъ въ длину, и различіе ихъ величины совершенно совпадало съ дѣйствіемъ силы эпидеміи. Хотя эти факты довольно ясно говорили, что я нашелъ на слѣдъ важныхъ явленій, которыя хотѣлъ изслѣдовать, однако же я ими не убѣдился, потому что ихъ можно было приписать влажности воздуха или нецѣлности электрической машины. Поэтому я съ величайшимъ нетерпѣніемъ ждалъ наступленія ясной, теплой погоды, чтобы продолжать свои опыты съ большою увѣренностью. Это время

пастушило; но въ машинѣ, къ изумленію моему, оказалось не усиленіе электричества, какъ слѣдовало бы ожидать, а напротивъ явное его уменьшеніе; и до такой степени, что 4, 5 и 6 іюня не возможно было добиться не только искры, но даже самаго тихаго треску. Седьмаго іюня машина со всѣмъ не дѣйствовала. Это новое уменьшеніе электрической жидкости, какъ всѣмъ извѣстно, совершенно совпадаетъ съ возобновившеюся силою холеры. Чтѣ касается до меня, это меня столько же встревожило, какъ удивило; я былъ вполне убѣжденъ, и видѣлъ въ этомъ только слѣдствіа предугадавшаго факта. Можно себѣ представить, съ какимъ безпокойствомъ я въ эти критическія минуты вопрошалъ машину, этого печальнаго, вѣрнаго толкователя великаго бѣдствія. Наконецъ, утромъ 8 іюня, опять показалось вѣсколькслабыхъ искръ, и онѣ стали съ каждымъ часомъ усиливаться. Съ радостью узналъ я, что животворящая жидкость возвратилась въ атмосферу. Къ вечеру сильная гроза возвѣстила Парижу, что электричество снова наполнило его атмосферу, и холера исчезла въ моихъ глазахъ, виѣствѣ съ породившею ее причиною. На слѣдующій день, 9 іюня, продолжалъ я свои наблюденія, и увидѣлъ, что машина при малѣйшемъ прикосновеніи давала немедленно обильныя искры.

«Я считъ обязанностью сообщить свои наблюденія академіи. Вопросъ кажется мнѣ вполне доказаннымъ. Природа соблюдаетъ, чтобы въ атмосферѣ находилась масса электричества, необходимая для поддержанія жизни. Какъ скоро это количество электричества, по чему либо уменьшится, или даже почти совсѣмъ истощится на нѣкоторое время, чтѣ изъ этого происходитъ? Всѣ страдаютъ болѣе или менѣе. Кто имѣетъ въ себѣ достаточный запасъ электричества, тотъ выдерживаетъ; кто живетъ однимъ заимствованіемъ электричества изъ общаго запаса, тотъ умираетъ. Этимъ объясняется, что не только холера, но можетъ быть и всѣ прочія эпидеміи, происходятъ изъ уменьшенія количества электричества въ атмосферѣ. Если этотъ фактъ будетъ изслѣдованъ и признанъ за законъ, то, я думаю, медицина, имѣющая столько средствъ производить и добывать электричество, будетъ въ состояніи съ успѣхомъ бороться съ этими бичами человечества».

ЛЕКЦІЯ ПРОФЕССОРА ЛЕСЛИ О ГОГАРТѢ Въ Лондонѣ въ последнее время производили фуроръ лекціи о живописи, читанныя въ королевской академіи художествъ профессоромъ Лесли. Изъ нихъ

особенно достойна вниманія четвертая лекція, содержащая оцѣнку британской школы, и преимущественно Рейнольдза, Гогарта и Вильки. Сообщаемъ читателямъ часть ея, касающуюся до Гогарта; мы увѣрены, что они не безъ любопытства прочтутъ нѣсколько подробностей объ этомъ гевіяльномъ художникѣ, который одинъ образуетъ совершенно отдѣльную, самостоятельную школу живописи.

Если излагать исторію британской школы живописи въ хронологическомъ порядкѣ, говоритъ почтенный профессоръ, то прежде всего слѣдовало бы говорить о Гогартѣ, потому-что онъ былъ предшественникомъ Рейнольдза, а Рейнольдзъ предшественникомъ Веста. Но извѣстно, что слава Гогарта утвердилась только въ позднѣйшее время. Онъ едва могъ продавать свои произведенія по самымъ низкимъ цѣнамъ, и даже Горасъ Вальполь, первый защитникъ его въ томъ кругу, который управляетъ общественнымъ мнѣніемъ, не признавалъ въ немъ художественнаго достоинства; онъ вачинаетъ свое сужденіе о немъ замѣчаніемъ, что это скорѣе комическій писатель, употреблявшій кисть вмѣсто пера, чѣмъ живописецъ; и потомъ не иначе называетъ его, какъ литераторомъ. Одинъ пасторъ, по имени Джильпинъ, писавшій при жизни Гогарта, обвиняетъ его въ совершенномъ незнаніи законовъ композиціи. Кажется, можно съ достовѣрностью сказать, что весь объемъ его генія былъ постигнутъ не прежде, какъ по собраніи и выставкѣ всѣхъ его твореній въ картинной галереѣ Британскаго института, въ 1814 году. Тутъ только увидѣли, какъ онъ владѣлъ своимъ искусствомъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ умѣлъ подчинять его своей волѣ, какъ твердо и неизмѣнно шелъ всегда къ предположенной цѣли, никогда не жертвуя истинною характера и выраженія второстепеннымъ красотамъ. Тутъ замѣтили чистоту его колорита и по любви, съ которою онъ отдѣлывалъ свои произведенія узнали, что живопись была для него наслажденіемъ, а не усиленнымъ трудомъ. «Гогартъ, говоритъ сэръ Мартинъ Ши, президентъ королевской академіи художествъ, оказалъ своему отечеству великую услугу, которая даетъ ему полное право на всеобщее уваженіе и благодарность. Всѣ просвѣщенные народы всегда выше всего ставили славу самобытности въ искусствахъ и въ наукахъ, и гордились великими людьми, которые, выступая изъ толпы, казались рожденными для проложенія новыхъ путей и обрѣтенія новыхъ источниковъ знанія и счастія. Въ число немногихъ лицъ, принадлежащихъ къ этому разряду, можемъ мы

смѣло поставитъ Гогарта; потому-что не оригинальности своего таланта, но самостоятельности своего вдохновенія, онъ съ чѣстью выдержитъ сравненіе съ любыми живописцемъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Съ самого вступленія своего на поприще живописи, онъ презрѣлъ избитыми путями искусства, проложенными его предшественниками; никогда не шелъ онъ по слѣдамъ другихъ, никогда не вращается въ положенныхъ до него предѣлахъ, никогда не прибѣгаетъ къ существовавшимъ до него комбинаціямъ. У него, можетъ быть, меньше условнаго, меньше мертваго матеріалу, чѣмъ у кого-либо изъ прочихъ художниковъ. Планы, группировка, характеры, стиль, манера, все у него свое собственное, все проистекаетъ прямо изъ собственной его художнической натуры; онъ извлекаетъ ихъ изъ этого источника совершенно чистыми, не проводя по каналамъ, которые мутятъ струю и указываютъ на почву, по которой она протекала. Путь, по которому онъ шелъ на поприщѣ искусства, открылся для него, и кажется за нимъ же и закрылся; но до-тѣхъ поръ пока существуютъ его творенія, Англія можетъ съ гордостью говорить, что она произвела одного изъ тѣхъ неустрашимыхъ пловцовъ, которые смѣло пускаются въ океанъ мысли за новыми открытіями, и привозятъ богатые клады изъ невѣдомыхъ еще странъ.

Трагическій и комическій элементъ соединяются и взаимно отбѣляются въ Гогартѣ съ такою же вѣрностью природѣ, какъ у Шекспира. Въ-самомъ-дѣлѣ, уиѣе владѣтъ контрастами — отличительная черта въ твореніяхъ этого художника. Возьмите, напримѣръ, сцену тюрьмы въ «Жизни распутнаго»; всѣ группы на первомъ планѣ показываютъ вамъ бѣдствіе и горестъ: негодующая жена негодяя поднимаетъ на него руку; дѣвушка, которую онъ обольстилъ въ молодости, и которая послѣдовала за нимъ въ заключеніе, лежитъ въ судорогахъ; въ то же время, какой контрастъ представляетъ вамъ между этими группами, вдали, алхимикъ, окруженный своими плавильными снарядами, или бѣдный ученый, который старается привести несчастную въ чувство, причесъ изъ кармана его вываливается его просить уплаты государственнаго долгу. Не будемъ распространяться о поразительныхъ и истинно юмористическихъ контрастахъ «визіонній», которые представляются во всѣхъ картинахъ Гогарта, и которыя не дались ни одному изъ нидерландскихъ живописцевъ, крѣпъ развѣ одного Яна Стена.

Единственнъ также Гогартъ въ обѣтѣновкѣ. Сколько уха и юмору въ противоположеніи различныхъ вещей, которые люди

Сирадоронильдъ купила на аукціонѣ, изъ собранія сэра Тимоти, и которуюи забавляется черныи пажъ ея. Эта группа дивовищъ, кончающаяся какии-то удивительныи четвероногии звѣрькомъ, забавна въ высшей степени. Какъ оригинально, какъ полно коммунизму, во второй гравюрѣ, «Анализа красоты»; разбросанное по полу собраніе шляпъ! къ каждой изъ этихъ шляпъ можно бы придумать лицо.

Не менѣ замѣчательно, съ какии умомъ Гогартъ заключаетъ въ самой ничтожной повидному вещи цѣлую повѣсть, или цѣлое правдоученіе. Познакомившись съ главныи предметомъ его картины, тѣмъ внимательнѣе вы будете всматриваться въ подробности, тѣмъ болѣе убѣдитесь, что тутъ нѣтъ ни одной вещи, въ которой не скрывался бы смыслъ, которая не имѣла бы цѣли. Въ сценѣ бракосочетанія въ «Жизни распутнаго», когда герой, промотавъ отцовское имѣніе, ведетъ къ алтарю старую, богатую невѣсту, изображена внутренность старой Мерилебенской церкви, которая въ то время находилась еще не въ городѣ, а въ предмѣстьи, и потому преимущественно избиралась для тайныхъ вѣнчаній, или въ такихъ случаяхъ, когда одно изъ сочетающихся лицъ стыдилось своего брака. Церковь тѣсна и запущена; обыкновенный живописецъ провелъ бы трещины по стѣнамъ, затянулъ бы ихъ плѣсенью и паутиною; Гогартъ разбилъ скрижалъ десяти заповѣдей, покрылъ плѣсенью символъ вѣры, затянулъ паутиною отверстіе кружки для подавій. Въ послѣдней сценѣ «Моднаго брака» лежитъ у ногъ умирающей графини пустая стеклянка съ ярлыкомъ: *лауданумъ*; не довольствуясь этимъ, живописецъ положилъ полгъ нея «Предсмертную рѣчь казеннаго юрисконсульта Сильвертона», чтобы показать, что не смерть мужа, а смерть возлюбленнаго побудила ее отравиться.

Замысловатая кисть Гогарта умѣетъ представлять въ наглядной формѣ такіа вещи, которыа, казалось-бы, вовсе не принадлежатъ къ сферѣ пластическаго искусства. Въ уличномъ шумѣ, отъ котораго «Негодующій музыкантъ», тщетно затыкаетъ уши соединяются звуки уличнаго пѣвца, валторниста, точильщика, мостовщика; въ нѣсколькихъ шагахъ виситъ вывѣска жестянника, а вдали развѣвающийся на колокольнѣ флагъ указываетъ на звонъ колоколовъ. Въ Англіи имѣютъ обыкновеніе распускать флагъ, когда бываетъ звонъ по какому-нибудь торжественному случаю.

Нѣтъ лучшаго пробнаго камня для опредѣленія степени сочувствія художника къ природѣ, какъ изображеніе дѣтей. Въ дѣт-

скихъ фигурахъ Гогарта часто замѣчается та же прелесть, прелестная изъ несочувствія къ дѣятельности взрослыхъ, которая встрѣчается въ твореніяхъ Рафаэля. Въ примѣръ можно привести мальчика, участвующаго въ «Похоровахъ распутной женщины», который играетъ своею трещоткою, и, — какъ говорить Лэмъ, — одинъ во всемъ шествіи не лицемѣрять; или того же мальчика въ предъидущей картинѣ, въ сценѣ смерти. Хорошенькая дѣвочка, въ обѣдѣ на выборахъ, такъ внимательно разсматривающая перстень на пальцѣ знатнаго господина, или двѣ маленькія плутовки, въ картинѣ «Утро», которыя такъ тихо идутъ въ школу, и которыхъ короткій слѣдъ рисуется на снѣгу, — также очаровательные типы дѣтства.

Въ Голлендоузѣ есть превосходная картина Гогарта, въ которой первыя роли занимаютъ дѣти. Это изображеніе домашняго театра у мистра Ковдюнта, въ присутствіи герцога Кумберлендскаго и другихъ высокихъ лицъ. Три дѣвочки и одинъ мальчикъ стоятъ на сценѣ, и, кажется, преважно слятся разыграть свои роли, какъ можно лучше, но положеніе и выраженіе лица другой дѣвочки, сидящей въ первомъ ряду зрителей, неподражаемо. Какъ она вытянулась и выпрямилась, какъ погружена въ представленіе; и такъ пробудеть она неподвижно до конца представленія, въ восторгѣ, какой можетъ ощущать только ребенокъ, и который теперь тѣмъ сильнѣе и живѣе, что на сценѣ такія же дѣти, какъ она сама. Колоритъ этой картины превосходенъ; она принадлежитъ къ первымъ произведеніямъ Гогарта, писаннымъ съ ватуры, и служившимъ приготовленіемъ его позднѣйшимъ и болѣе важнымъ твореніямъ.

Справедливо замѣчаетъ Кольриджъ: «Сатпра въ Гогартѣ никогда не уничтожаетъ любви къ прекрасному; часто ставитъ она прекрасный жемчужный образъ среди собранія затѣйливыхъ уродовъ; и этотъ образъ — такова сила истиннаго гениа, — этотъ образъ не представляетъ контрасту имъ; и не для контрасту поставленъ тутъ; она распространяетъ на всю группу духъ примиренія и любви, и невольно присоединяетъ въ зрителѣ къ смѣху тоже чувство любви. Эгиптъ художникъ не дозволяетъ поучительной насмѣшкѣ, которую порождаетъ причудливости природы, переходить въ ядовитое чувство презрѣнія или ненависти».

Живописцу такъ трудно, и во многихъ случаяхъ даже невозможно вполне перенести свою мысль на полотно, что нельзя не пожалѣть о томъ, что самъ Гогартъ не далъ намъ ключа къ своимъ твореніямъ, который однимъ словомъ разрѣшалъ бы всѣ

сомнѣнія, представляющіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; такихъ мѣсть, впрочемъ, гораздо меньше, чѣмъ можно бы ожидать отъ картинъ, столь обильныхъ вводными эпизодами. Всего болѣе при водила въ недоумѣніе комментаторовъ третья картина изъ собранія, пзвѣстнаго подъ названіемъ «Моднаго брака». Чтò касается до нея, мнѣ кажется, тутъ необходимо искать болѣе глубокаго значенія въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, на которыя доселѣ смотрятъ слишкомъ поверхностно. Мнѣ кажется, что выраженіе старшей женщины должно изображать ревность; плаче невозможно объяснить ея неистоваго, мстительнаго взгляда. Гитъ въ вѣковта обращенъ только на шарлатана-врача; не поднималъ бы онъ палки на женщину. Она еще въ цвѣтѣ лѣтъ, и черты ея искажены яростью, но при спокойномъ настроеніи духа, могутъ быть хороши. Ножъ, который она старается скрыть, назначаетъ ея соперницѣ; живописецъ вѣроятно хотѣлъ этимъ показать, что порокъ, который свѣтъ считаетъ прощательнымъ, перѣдко ведетъ къ самымъ тяжкимъ преступленіямъ.

Газитъ, кажется, ошибался, приписывая молодой дѣвушкѣ намѣреніе, которое, по нашему мнѣнію, болѣе согласно съ яростнымъ выраженіемъ лица старшей женщины. «Ничто, говоритъ онъ, не можетъ произвести большаго впечатлѣнія, какъ противоположность между необыкновенною вѣжностью ея сложенія и чертъ, и закоснѣлымъ равнодушіемъ ея характера! Но въ самомъ дѣлѣ она еще почти ребенокъ; она слишкомъ молода, чтобы быть закоснѣлою въ порокъ; она скорѣе жертва утонченнаго разврата. Нѣтъ сомнѣнія, что шарлатанъ, въ которомъ не трудно узнать Француза, представляетъ въ то же время угодника разврата. Если смотрѣть на картину въ этомъ свѣтѣ, то сцена дѣлается совершенно ясною. Гогартъ съ справедливымъ негодованіемъ видѣлъ, что знатное общество въ Англіи охотѣе перенимало пороки континента, чѣмъ его хорошія свойства, и не пропускалъ ни одного случая бичевать этотъ болѣзненный духъ подражанія. Я думаю, что въ этой бѣдной дѣвочкѣ должно видѣть нѣчто больше, чѣмъ примѣръ порока. Мишурный нарядъ ея, очевидно достался ей отъ какой-нибудь предшественницы, потому что платье слишкомъ длинно для той, на которую оно надѣто. Мнѣ кажется эта дѣвочка, и дочь самой графини въ послѣдней картинѣ, должны показывать, въ различныхъ родахъ, какое зло порокъ завѣщаетъ невинности; колодка на ногѣ дочери блистательной четы есть печальное свидѣтельство наслѣдственности порока и награжденія.

И не смотря на то, что Гогартъ писалъ теми картинами, его обвиняли будто бы онъ употребляетъ во зло свое искусство и прибавляли, что онъ кался на смертномъ одрѣ. Последнее однако же совершенно не имѣетъ основанія, потому что онъ не только далъ гранировать обѣ картины, которыя однѣ могутъ подметать этому упреку; но даже, когда доски стерлись, онъ велѣлъ ихъ обложить, и продавалъ эти эстампы до самой смерти. Утверждать, будто Гогартъ, который такъ неутомимо срывалъ личину со всехъ видовъ порока и бичевалъ старинныхъ художниковъ за то, что они возбуждали страсти изображеніями изъ загорелой хроники олимпійскихъ боговъ, могъ такъ святотатствовать надъ своимъ искусствомъ, значить съ непростительною легкомысленностью чернить память человека, который всю жизнь свою являлъ самую благородную и истинно художническую душу. Постараемся снять съ него это незаслуженное имъ пятно, хотя не скрываемъ, что беремъ на себя не совсемъ легкую задачу.

Картины, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, изображаютъ повесть обольщенной и покинутой женщины, повесть, которая гораздо болѣе внушаетъ состраданія къ несчастной жертвѣ и презрѣнія къ обольстителю, нежели чувство порочнаго удовольствія; и сами притики сознаются, что онъ изображаетъ ее не съ такою обнаженною грубостью, какая часто встрѣчается во многихъ произведеніяхъ, которыхъ не думаютъ обвинять въ безирравственности направленія. Если манера его, какъ въ этихъ такъ и въ прочихъ его произведеніяхъ, не была бы терпима вкусомъ нашего времени, то можно отвѣчать только, что вкусъ нашего времени терпитъ многое въ искусствѣ, гораздо болѣе предосудительное. Гогартъ показываетъ въ этихъ картинахъ, какъ умъ и изображение молодой женщины, воспитанной въ благочестіи, до обольщенія ея уже испорчены безирравственными книгами, которыя, вѣроятно, даны ей были съ этою цѣлью; въ ящикѣ стола вы видите, рядомъ съ молитвенникомъ, нѣсколько книгъ соблазнительнаго содержанія. Въ первой картинѣ много значитъ падающее зеркало: оно свѣтло и не имѣетъ ни одного пятна; во второй картинѣ оно лежитъ на полу, разбитое въ дребезги. Тутъ вы видите несчастную въ слезахъ, умоляющую своего обольстителя не покидать ее; въ его лицѣ слишкомъ ясно написано, какъ мало можно надѣяться на его честь: онъ думаетъ о себѣ одномъ. Въ этой картинѣ, какъ и во всехъ твореніяхъ Гогарта, много смѣшныхъ и юмористическихъ чертъ; но общее впечатлѣніе, которое оно оставляетъ, — впечатлѣніе прискорбное. *Наря*

осмысливъ, что кистью его ведало похвальное желаніе предохранить повеленныхъ отъ опасности и разбудить уснувшую совѣсть въ по-ротыль.

Храмъ Юпитера Аммона. Одно изъ самыхъ замѣчательныхъ малейшій древности, суть прорицалища, которыхъ таинственное начало и значеніе донынѣ не удалось разгадать самымъ глубокимъ изыскателямъ. При поверхностномъ взглядѣ на вещи легко все рѣшить, сказавъ, что это былъ одинъ обманъ корыстолюбивыхъ жрецовъ; но такой отвѣтъ не можетъ удовлетворить добросовѣстнаго мыслящаго изыскателя, знающаго какъ долго и каковъ вліяніе прорицалища имѣли у двухъ самыхъ образованныхъ народовъ древности: у Египтянъ и у Грековъ. Извѣстно, что религія древности дѣлала прорицалища тайною для непосвященныхъ, и что всѣхъ болѣе пользовалось этимъ преимуществомъ таинственности прорицалище Юпитера Аммона, въ Ливіи. Находясь на оазисѣ, среди обширной степи, храмъ его былъ почти недоступенъ любопытнымъ, такъ что Александръ-Великій, желая посѣтить его, принужденъ былъ совершить походъ, въ которомъ едва не погибъ съ своимъ войскомъ.

Одинъ авглійскій путешественникъ, господинъ Бейль Сентъ-Джонъ, посѣтивъ недавно этотъ знаменитый храмъ, сообщаетъ о немъ въкоторыя довольно любопытныя подробности. Строгое нравовѣріе жителей Сиваха (на оазисѣ того же имени) и ихъ недоувѣрчивость долго не дозволяли ему исполнить свое намѣреніе, посѣтить близъ лежащія развалины. «Наконецъ утромъ, 5 октября, говоритъ онъ, рѣшились мы не откладывать далѣе своей поѣздки къ храму Юпитера Аммона; мы готовы уже были отправляться въ путь пѣшкомъ, когда намъ привели двухъ ословъ съ двумя погонщиками. Проводникъ повелъ насъ по тѣсной, извилистой уллицѣ, между двухъ низкихъ заборовъ, сложенныхъ, по обыкновенію, изъ земли, смѣшанной съ солью. Эти заборы окружали сады съ пальмовыми и другими плодовосными деревьями, и были очень тщательно построены. Далѣе тянулася наша дорога по берегу узкаго протока, который вскорѣ обратился въ довольно значительный, чистый ручей. Во все время ѣзды мы не замѣтили ни слѣда деревень, или отдѣльныхъ жилищъ; только миновавъ первую пальмовую рощу, мы выѣхали на обширныя поля, на которыхъ работало множество Негровъ. Наконецъ мы достигли юго-западнаго края деревни Гхарми, той же, что Горземецъ называетъ Агремирхъ, а Мицутоти — Сивахъ-эль-Шаріехъ.

Она расположена на вершинѣ высокаго и крутаго утеса, и была, можетъ быть, въ цвѣтущее время аммонскаго царства украшеннымъ дворцомъ аммонскихъ царей. Въ трехъ или четырехъ стахъ шагахъ на югъ отъ деревни мы увидѣли наконецъ темную массу развалинъ, возвышавшуюся на довольно высокой плоскости, среди открытой равнины. Мы тотчасъ угадали, что это цѣль нашей поѣздки: соскочили съ ословъ и съ бьющимся сердцемъ поспѣшили туда. Еще нѣсколько шаговъ по обломкамъ скалъ и по осколкамъ, въ которыхъ не видно было и слѣда ихъ первоначальной формы, и мы очутились въ тѣни громадныхъ камней, которые, вѣроятно, за нѣсколько тысячъ лѣтъ были взгромозжены, чтобы служить кровомъ святиль, гдѣ одно изъ значительнѣйшихъ въ древности прорпцалищъ провозглашало свои таинственные выроки. Остатки храма можно описать въ нѣсколькихъ словахъ.

Первое, что представляется путешественнику при приближеніи къ храму, это — одна сторона разрушенныхъ воротъ; они ведутъ въ развалины обширной палаты, которая однако же, вслѣдствіе громадности камней, образующихъ кровлю, кажется на видъ гораздо меньше, чѣмъ она есть въ самомъ дѣлѣ. Вокругъ этой величественной развалины разбросаны въ живопишемъ безпорядкѣ громаныя плиты известковаго камня, множество обломковъ колоннъ и двѣ или три гипсовыя капители; земля вездѣ изрыта ямами и покрыта обломками стѣнъ и камней, и другими признаками существованія тутъ за нѣсколько столѣтій множества большихъ зданій. Изъ сохранившихся развалинъ, мнѣ кажется, должно заключать, что храмъ былъ обведенъ чрезвычайно толстою стѣною, которой длина съ юга къ сѣверу составляла около четырехъ-сотъ, а съ востока къ западу болѣе трехъ сотъ футовъ. Была ли другая, внутренняя стѣна, съ точностью опредѣлить нельзя; но я почти убѣжденъ, что внутреннее пространство заключало въ себѣ множество раздѣленій и строеній; потому что во многихъ мѣстахъ, разрытыхъ туземцами для отысканія зарытыхъ тамъ, по ихъ мнѣнію, кладовъ, видны прочныя фундаменты стѣнъ и небольшихъ камеръ. Если бы тщательно разчистить завалы и щебень, то довольно вѣроятно, что и въ настоящее время можно бы составить себѣ понятіе о планѣ всего зданія. Отъ внутренней палаты святилища, простирающагося футовъ на пятьдесятъ въ длину и на шестнадцать въ ширину, уцѣлѣла только сѣверная часть, замѣчательная по особенному образу постройки. Стѣны, имѣющія около шести футовъ въ толщину, сложены сравни-

только изъ мелкихъ плитъ, между-тѣмъ какъ кровля состоитъ изъ длинныхъ, такъ сказать, каменныхъ полосъ, двадцати-семи футовъ въ длину, на четыре въ ширину и столько же въ толщину; эти длинныя плиты лежали на обѣихъ стѣнахъ и выступали надъ ними спаружи, образуя родъ карниза. Изъ нихъ три еще остались на мѣстѣ; упавшихъ я насчиталъ десять, которыхъ обломки раскиданы кругомъ, такъ что по числу ихъ очень легко опредѣлить первоначальную длину этой палаты. Очень вѣроятно, что это было святилище храма, мѣсто, гдѣ прорицалище объявляло свои выроки. Если бы я смѣлъ судить о развалинахъ Беледъ-эръ-рума, которые мнѣ кажутся новѣйшимъ подражаніемъ древнему зданію, то я сказалъ бы, что ворота соединялись съ святилищемъ тонкими стѣнами, въ которыхъ были пробиты окна для свѣту.

Вопрошавшіе прорицалище, по всѣмъ вѣроятіямъ, не проникли дальше этого мѣста; жрецъ же съ противоположнаго конца палаты, сокрытый подъ глубокимъ мракомъ друидическаго крова, провозглашалъ таинственные отвѣты бога. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ сѣвернаго конца святилища находится восточная сторона массивныхъ каменныхъ воротъ, которыхъ устои еще уцѣлѣли. Эти ворота покрыты гіероглифами и изображеніями, частью вырѣзанными въ камень, частью выпуклыми, также какъ по стѣнамъ святилища. На потолкѣ множество изображеній орловъ и коршуновъ съ распростертыми крыльями, расположенныхъ вереницею одинъ за другимъ, на устѣянномъ звѣздами полѣ. Судя по уцѣлѣвшимъ краскамъ, они, кажется, всѣ были первоначально раскрашены красною и синею красками. Я насчиталъ на западной стѣнѣ святилища пятьдесятъ-пять строкъ или вѣрнѣе столбцовъ гіероглифовъ, и пятьдесятъ-три на восточной. Между прочимъ есть цѣлые ряды фигуръ съ скржалми на головѣ. Между горами разваливъ, окружающихъ ворота, изъ которыхъ многія также испещрены гіероглифами, видѣлъ я огромный камень, на которомъ съ трехъ сторонъ изображено какое-то чудовище съ бараньими рогами. Не мало труда стоило мнѣ пробраться къ нему. Я хотѣлъ срисовать нѣкоторые гіероглифы, но по недостатку умѣнія и навыку, не могъ сдѣлать ничего порядочнаго. Сверхъ-того скржалл, которыя должны быть очень важны, находятся такъ высоко, что для осмотра ихъ необходимы лѣса или лѣстницы; а мы не могли ими заpastись, тѣмъ болѣе, что были въ не совсѣмъ благопріятныхъ отношеніяхъ съ жителями оазиса. Надъ частью воротъ я замѣтилъ цѣлый рядъ изображеній, но, не

смотря на свои хорошіе глаза, я не могъ достаточно ихъ рассмотреть, чтобы срисовать. Что касается до изображеній боговъ, царей или героевъ, съ ихъ эмблемами, покрывающими всю поверхность стѣнъ, ихъ едва ли можно объяснить безъ помощи надписей. Замѣчательно, что въ гіероглифахъ очень часто встрѣчаются изображенія верблюда и какой-то птицы, довольно похожей на страуса.

Мнѣ некогда было списать эти или многія другія изображенія. Нашъ нетерпѣливый проводникъ и погонщики безпрестанно терпѣли насъ; къ тому же мы замѣтили въ недалекомъ разстояніи, подъ купою пальмовыхъ деревьевъ, нѣсколько лицъ очень подозрительной наружности, и разсудили, что гораздо благоразумнѣе будетъ поскорѣе убраться, не дожидаясь бѣды. Мы поѣхали къ югу, вдоль небольшого, чрезвычайно извилистаго ручейка, и вступивъ въ прекрасную, тѣнистую рощу, скоро достигли *Солнечнаго источника*. Это глубокій колодець, который былъ некогда обложенъ камнемъ, какъ видно изъ сохранившихся развалинъ. Вода въ немъ чиста, но горьковата; разсказываютъ, что она въ полдень горяча, а за полдень холодна. Мы хотѣли испытать ея температуру, и она оказалась совершенно одинаковою съ температурою окружающей атмосферы, именно въ 84° по Фаренгейту (23½° по Реомюру); это было въ половинѣ десятаго часу утра. Поверхность колодца постоянно покрыта пузырями, всходящими со дна, такъ что кажется, будто вода въ немъ въ безпрестанномъ волненіи. Мѣсто это восхитительно: небольшая заставка въ пальмовой рощѣ, съ прозрачнымъ, и въ то же время вѣчно волнуемымъ источникомъ, по краямъ котораго разбросаны развалины древняго колодца, зарытыя до половины въ камышъ, и обросшія ползучими растеніями. Произведенія искусства разрушены и заросли мохомъ, а источникъ течетъ живо и весело попрежнему: не образъ ли это тѣлности тѣла и вѣчно-юной жизни духа?

Красивый ручеекъ течетъ сквозь живую рѣшетку и журча бѣжить по тѣнистому руслу къ развалинамъ храма. Мы нѣсколько минутъ стояли на этомъ мѣстѣ, и смотрѣли то на гряды облаковъ, отраженные въ струящейся водѣ, то на голубое небо, то наконецъ на плодоносныя деревья, которыя маняли своею роскошною растительностью, или на простѣки, открывавшіяся со всѣхъ сторонъ между пальмами, подобно частямъ огромнаго готическаго храма. Всѣ извѣстія древнихъ о Солнечномъ источникѣ удивительно согласны между собою; всѣ они почти въ однихъ и

тѣхъ же словахъ упоминають о переиънахъ его температуры, и я нисколько не сомнѣваюсь въ истинѣ ихъ наблюденіи. Аммоніумъ долгое время былъ сравнительно довольно доступенъ, и путешественники безпрестанно посѣщали его. Я разспрашивалъ жителей Сиваха о странннхъ свойствахъ этого источника, но ничего не могъ отъ нихъ добиться; Бедуины однакоже слышали о постоянномъ различіи его температуры въ полночь и въ полдень. Просѣвъ на шѣсть какія-нибудь десять минутъ, мы конечно не имѣли возможности удостовѣриться въ истинѣ этого сказанія; но то обстоятельство, что термометръ, при опущеніи въ воду, не показалъ никакой переиъны, не доказываетъ ли, что это не горячій источникъ? Какъ мы уже говорили, изъ источника вытекаетъ ручей, течетъ къ сѣверу, соединяется съ другимъ ручьемъ, и продолжаетъ течь къ храму, гдѣ частью служитъ къ орошенію, частью терлется въ болотѣ, которое тянется до самыхъ развалинъ обводной стѣны. Геродотъ упоминаетъ, что вода Солнечнаго источника употреблялась на орошеніе садовъ, и прибавляетъ, что къ нему можно было подходить только въ полдень, когда вода всего холоднѣе. Мы слышали о существованіи другихъ развалинъ въ недалекомъ разстояніи отъ этихъ; но сколько не разспрашивали, и какъ не смотрѣли черезъ камышевыя плетни, обвитые ползучими растеніями, намъ не удалось открыть никакихъ слѣдовъ этихъ развалинъ.

Пройдя еще нѣкоторое пространство по прекрасной, тѣнистой просѣкѣ, мы вернулись назадъ, чтобы сдѣлать нѣкоторые розыски съ западной стороны; они не имѣли желаннаго успѣха: мы нашли одиъ пальмовыя рощи и луга. На возвратномъ пути къ деревни Гхарми, куда мы шли другою дорогою, мы осмотрѣли всѣ фруктовые сады, занимающіе восточную сторону, и открыли слѣды обширнаго каменнаго строенія, котораго виду я однакоже не могъ изслѣдовать. Нѣсколько огромныхъ, превосходно сохранившихся камней навели меня на предположеніе, что до этого мѣста доходила вѣншнѣя укрѣпленія крѣпости. Мы хотѣли какъ можно ближе подойти къ деревнѣ, но насъ не допустили. Въ стѣнахъ, казавось, было много обтесанныхъ камней огромныхъ размѣровъ, вѣроятно принадлежавшихъ нѣкогда къ древнимъ аммоніскимъ сооружеиіямъ, можетъ быть къ дворцу. Я очень сожалѣлъ, что не могъ развискать внутренности деревни, которая должна непременно заключать въ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ остатковъ. Одинъ поселеннцъ разсказывалъ мнѣ, что на дворѣ шейкова дома есть отверстіе въ видѣ колодца, которое ведетъ къ подземно-

му ходу, соединяющемуся съ Гебель-Моутою. Изъ словъ его можно заключить, что если этотъ подземный ходъ дѣйствительно существуетъ, то это ни что иное какъ катаномбы, потому что онъ сравнивалъ его съ улицей, по обѣимъ сторонамъ которой тянутся дома христіанъ. Другой рассказывалъ мнѣ также, что онъ открылъ, въ одной изъ гробницъ Гебель-Моуты, подземный ходъ, прорытый очень глубоко въ землю; что онъ было прошелъ по нему въ некоторое пространство, но что потомъ ему стало страшно и онъ воротился назадъ. Прибавимъ къ этому, что существованіе этихъ подземныхъ сообщеній есть общее повѣрье на оазисѣ. Подобный же подземный ходъ, говорятъ, ведетъ изъ деревни Гхарми къ Омъ-Бейдахскимъ развалинамъ. Говорили мнѣ также объ обширныхъ искусственныхъ пещерахъ въ томъ холму, на которомъ стоитъ городъ Сивахъ. Сверхъ того рассказываютъ, что домъ, находящійся на вершинѣ холма, стоитъ на крышѣ большого зданія, построеннаго въ одинаковомъ стилѣ, съ большимъ храмомъ. Слѣдовательно очень не мудроно, что подъ новѣйшимъ Сивахъ-эль-кабиромъ зарыты развалины цѣлаго древняго города.

ШАНГХАЙ, ЕВРОПЕЙСКІЙ ГОРОДЪ ВЪ КИТАѢ. Въ одной англійской газетѣ находимъ любопытное извѣстіе о китайскомъ городѣ Шангхаѣ, сообщенное Робертомъ Форчуномъ, который извѣстенъ уже прежними своими путешествіями въ Небесную Имперію. Городъ этотъ замѣчательнъ, какъ первый шагъ, завоеванный въ Китаѣ европейскою цивилизаціею; мы увѣрены, что читатели наши не посѣтуютъ за сообщеніе имъ этихъ занимательныхъ подробностей.

Когда я въ первый разъ посѣтилъ этотъ городъ, говоритъ почтенный путешественникъ, городъ, о которомъ я тогда же писалъ, что онъ можетъ сдѣлаться очень важнымъ пунктомъ для англійской и американской торговли, война только-что благополучно кончилась. Китайцы были вынуждены согласиться на нанкинскій договоръ; первый торговый корабль поднялся по рѣкѣ, и нѣсколько англійскихъ купцовъ поселились въ Шангхаѣ. Мы жили въ скверныхъ китайскихъ домахъ, въ рисовыми соломенками; дождь верѣдко даже въ постеляхъ мочилъ насъ насквозь, и мы едва не умерли отъ стужи. Въ морозные дни зачастую случалось намъ, просыпаясь поутру, видѣть полъ своихъ комнатъ покрытый снѣгомъ. Въ такомъ положеніи были вещи зимою 1843—44 годовъ.

Въ сентябрѣ прошлаго года, послѣ трехъ-лѣтняго пребыванія въ Англіи, я опять очутился въ устьѣ Шангхая на китайской

лодки, плившей къ городу. Первое, что поразило мои взоры, при приближеніи къ городу, былъ цѣлый лѣсъ мачтъ, пужь не одиѣхъ китайскихъ джонкъ, которыя такъ поразили меня въ первое мое путешествіе, а большихъ, статныхъ судовъ, по большей части англійскихъ и сѣверо-американскихъ. Въ это время стояло на якорѣ передъ городомъ двадцать шесть большихъ кораблей, изъ которыхъ многіе были нагружены произведеніями англійскихъ мануфактуръ, и собиравсь въ отечество съ грузомъ чаю и шелковыхъ тканей. Еще болѣе былъ я пораженъ видомъ берега. Я зналъ, что по возвращеніи моемъ въ Англію, было построено въ Шангхаѣ нѣсколько англійскихъ и американскихъ домовъ; два или три изъ нихъ были начаты еще при мнѣ; но никакъ не могъ я ожидать, чтобы въ такое короткое время мѣсто жалкихъ китайскихъ шалашей, хлопчатобумажныхъ полей и кладбищъ заступилъ цѣлый новый городъ, и притомъ довольно обширный. Китайцы мало-по-малу переселяются съ семействами, имуществомъ и со всѣми своими принадлежностями далѣе во внутрь своей имперіи; почти такъ же какъ Индѣйцы въ Сѣверной Америкѣ, но съ тѣмъ различіемъ, что они уступаютъ свои жилища чужеземцамъ добровольно, за хорошія деньги. Замѣчательно, какъ они заботятся о переносѣ, вмѣстѣ съ прочимъ своимъ имуществомъ, останковъ своихъ умершихъ родственниковъ, которыхъ они обыкновенно хоронятъ подлѣ своихъ домовъ. Безпрестанно случается встрѣчать цѣлыя вереницы гробовъ, которые носильщики или члены семейства несутъ на западъ, на новыя селитвы, откуда, надѣются, не вытѣснить ихъ уже чужеземецъ. Очень часто случается также, что гробы сгнили и не могутъ быть перенесены; тогда вы увидите Китайца съ книгою въ рукахъ, въ которой заключается списокъ костей его родныхъ, и по этому списку онъ откапываетъ и разбираетъ драгоценные останки.

Очень любопытно посмотреть на группу китайскихъ купцовъ, пришедшихъ изъ внутреннихъ областей въ Шангхаѣ по дѣламъ или изъ любопытства. Какое удивленіе написано на ихъ широкихъ лицахъ, между-тѣмъ какъ они расказываютъ вездѣ и впередъ по берегу рѣки. Длинные ряды англійскихъ кораблей, дома чужеземцевъ, ихъ собаки, ихъ лошади, все для нихъ невидаль, все возбуждаетъ ихъ удивленіе, едва ли не больше самаго чужеземца. Господа Дентъ, Билъ и компанія, которымъ принадлежитъ лучшій домъ въ Шангхаѣ, говорятъ, что имъ нѣтъ покою отъ любознательныхъ китайцевъ, которые приходятъ просить позволенія осмотрѣть домъ, и которыхъ хозяева, разумѣется, считаютъ

долгомъ принимать со всевозможною любезностью. Посѣтители всегда выходятъ чрезвычайно довольные; и можно надѣяться, что ближайшее знакомство съ удобствами и утонченностями европейской жизни, внушитъ образованнымъ Китайцамъ болѣе выгодное понятіе о заморскихъ варварахъ.

Къ украшеніямъ новаго города принадлежитъ небольшая, но очень красивая церковь, при которой находится пасторъ, прибывшій изъ Англій въ сентябрѣ прошлаго года.

Прошлою осенью Шанхай подвергся многимъ болѣзнямъ, возникшимъ вслѣдствіе чрезмѣрныхъ дождей, выпавшихъ въ продолженіе лѣта, и едва не потопившихъ весь край. Янгъ це-киангъ и нѣкоторыя рѣки его бассейна выступили изъ береговъ; многочисленные каналы, перерѣзывающіе всю страну, переполнились водою и залили всѣ низменные мѣста. Болѣзнь похитила нѣкоторыхъ изъ почетвѣйшихъ членовъ англійской колоніи. При городѣ находится небольшое кладбище, купленное у Китайцевъ, и обведенное каменною стѣною; на немъ построена и скромная часовня. Со-временемъ, можетъ быть, Англичане послѣдуютъ примѣру Китайцевъ и болѣе позаботятся о красотѣ своего кладбища. Еслибъ разбить его на аллеи, обсадить ихъ плакучими ивами, можжевельникомъ, елями, и другими деревьями, это не мало бы содѣйствовало къ возвышенію Европейцевъ въ глазахъ народа, который больше всѣхъ другихъ народовъ отличается почтеніемъ къ могиламъ своихъ усопшихъ отцовъ.

Нѣсколько словъ объ аббатѣ де-женудѣ. Имя аббата де-Женуда, который нынче умеръ въ Парижѣ, останется особенно связано съ общимъ уваженіемъ. Это былъ человѣкъ строгаго образованія и удивительной дѣятельности. Это былъ также человѣкъ свѣтскій, не презиравшій ни поэзіи, ни поэтовъ, какъ это сейчасъ покажетъ анекдотъ изъ счастливыхъ временъ романтическаго разцвѣтанія.

Этому скоро будетъ двадцать-пять лѣтъ. Въ воздухѣ носился тогда свѣжій concertio строевъ, слетѣвшихъ съ устъ всѣхъ молодыхъ людей. Въ кустахъ можно было найти меньше гнѣздъ, чѣмъ на софкахъ разбросанныхъ идиалій: у Юліи де-Рессегіе, Эмили Дешана, Альфреда де-Вьянн, Сумѣ, де-Латуша, звучали подъ пальцами *гармоническія лютни*. Тогда еще говорилось «лютни». Викторъ Гюгъ переводилъ Лукіана и готовилъ драму «Ами Робсаръ». Двадцать-пять лѣтъ назадъ! тогдашнія знаменитости сдѣлались неизвестными; тогдашніе неизвѣстные стали знаменитыми.

Въ этотъ весенній и царственный часъ, одинъ молодой человекъ, дворянинъ, красивый какъ портретъ Жерара, стройный, съ кроткимъ и глубокимъ взоромъ, явился къ одному издателю и предложилъ ему томъ стихотвореній, своихъ первыхъ стихотвореній. Это было довольно смѣло! Но издатель, сохранившій нѣчто человеческое, предложилъ триста франковъ за эти стихотворенія, не читая ихъ. Молодаго поэта это неможно смутило, однако онъ умѣлъ сохранить хладнокровіе и просилъ полторы тысячи франковъ, *послѣ прочтенія*, прибавилъ онъ улыбаясь.

Полторы тысячи франковъ! Это была его цѣна, онъ не хотѣлъ ничего сбавить. Нензвѣстно почему отважный молодой человекъ оцѣнилъ свои стихотворенія въ полторы тысячи франковъ и обѣщалъ себѣ найти ихъ, и точно нашелъ, только не у книгопродавца, а у аббата де-Жевуда, которому былъ представленъ случайно, и которому вздумалось сдѣлаться издателемъ любовныхъ стихотвореній. И такъ молодой человекъ досталъ полторы тысячи франковъ, и въ этотъ день вѣрно прегордо прошелъ передъ лавкой книгопродавца, предлагавшаго ему триста. Бѣдные, такъ презираемые тогда триста франковъ! какой поэтъ найдетъ вась теперь!

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ этого, счастливый дворянинъ получилъ приглашеніе на обѣдъ къ редактору «Gazette de France». Собраніе было составлено изъ знаменитостей по большей части литературныхъ. За десертомъ поставили закрытую тарелку передъ поэтомъ, до которой не позволили ему дотронуться, прежде чѣмъ онъ прочтетъ нѣсколько изъ своихъ самыхъ гармоническихкихъ стансовъ. У собранія вырвался одинъ одногласный крикъ восторгу въ продолжительномъ браво. Тогда по знаку аббата де-Жевуда, поэтъ открылъ тарелку — на ней было двадцать-осемь тысячъ франковъ банковыми билетами!

— Эта сумма принадлежитъ вамъ, сказалъ аббатъ, наслаждался удивленіемъ своего любимца; тотъ, кто купилъ ваши стихотворенія за полторы тысячи франковъ, продалъ ихъ за тридцать тысячъ; ничего не можетъ быть проще...

На двѣ тарелки было послѣднее изданіе твореній этого поэта, небольшой томикъ, великолѣпно переплетенный, на которомъ красовалось золотыми буквами: «Méditations poétiques par M. Alphonse de-Lamartine» («Поэтическія размышленія Альфонса де-Ламартина»).

князь меттернихъ. Графъ и графиня Меттернихъ наслаждались удовольствіями медоваго мѣсяца въ прелестномъ убѣжищѣ, украшенномъ вмѣстѣ и природой и искусствомъ. Въ одинъ день когда они прогуливались въ огромномъ паркѣ, устроенномъ знаменитымъ французскимъ архитекторомъ Шальгреномъ, котораго курьерствъ вызвалъ въ Кобленцъ, передъ новобрачными вдругъ явился курьеръ въ ливреѣ императрицы-королевы.

Графъ поблѣдѣлъ; курьеръ, пріѣхавшій издалека, очень могъ смутить министра; онъ подалъ ему депешу, содержащую короткое и сухое повелѣніе немедленно отправиться въ Вѣну, чтобы дать отчетъ въ своемъ поведеніи.

Георгій старался скрыть свое смятеніе передъ женою, отъ которой однако нельзя было утаить содержаніе полученнаго имъ письма.

Войдя въ кабинетъ, графъ быстро написалъ отвѣтъ первому министру и вручилъ его курьеру, ожидавшему его, чтобы отправиться опять въ Вѣну.

— Для чего, говорилъ самъ себѣ графъ, требуютъ отъ меня отчета въ поведеніи? Кажется, я вѣрно исполнялъ свои обязанности.... Ну! я поѣду въ Вѣну, пристыжу клеветниковъ.... О! я съумѣю оправдаться передъ государыней, она возвратитъ мнѣ уваженіе, когда выслушаетъ.

Графъ разсуждалъ такимъ-образомъ самъ съ собою, когда жена вошла къ нему въ кабинетъ; видя волненіе мужа, она догадалась, что онъ получилъ непріятное извѣстіе.

— Георгій, сказала она, обращаясь къ шѣжности, къ чистосердечію мужа, Георгій, тебя вѣрно поразило большое несчастіе; неужели ты не довѣришь мнѣ своихъ огорченій? Развѣ я не должна утѣшить тебя, раздѣлить твои горести. Георгій, довѣрься мнѣ; въ особености не бойся огорчить своей откровенностью; твоё молчаніе огорчитъ меня гораздо болѣе.

И она бросилась на шею къ мужу, сжавшему ее въ объятіяхъ. Взявъ со стола роковое письмо, графъ подалъ его жемъ.

— Прочти, сказалъ онъ.

Графиня схватила съ живостью письмо и пробѣжавъ его, возвратила мужу.

— Чтѣ ты объ этомъ думаешь? спросилъ онъ.

— Тоже чтѣ и ты, другъ мой!... я увѣрена, что ты раздѣляешь мое мнѣніе.

— Меня оклеветали....

— Такъ, другъ мой, а невинному нечего бояться. Ты оставилъ въ Вѣнѣ враговъ....

— Откуда они возьмутся?... я едва провелъ тамъ вѣсколько дней; только два раза былъ при дворѣ....

— Ахъ, другъ мой! развѣ государыня не отличила тебя передъ всеми домогающимися ея довѣренности? развѣ у тебя нѣтъ дарованій? блескъ, занимаемой тобою должности привлекъ на тебя вниманіе, боятся, чтобы ты не поднялся еще выше; и чтобы остановить твою карьеру—постарались повредить тебѣ въ глазахъ императрицы.

— Иначе нельзя изъяснить полученное мною приказаніе, но хотя мнѣ не въ чемъ упрекнуть себя, выраженія этого письма внушаютъ безпокойство. Если я найду въ Вѣнѣ тюрьму... прежде чѣмъ меня выслушаютъ!

— Нѣтъ! нѣтъ! другъ мой, вскричала графиня, не надо колебаться.... завтра мы ѣдемъ въ Вѣну.

— Завтра! завтра! но я поѣду одинъ.... не хочу подвергать тебя случайностямъ путешествія, которое можетъ кончиться несчастнымъ образомъ....

— Что ты говоришь, Георгій? Развѣ и счастье и несчастіе не должны быть общи между нами? Я поѣду съ тобой, другъ мой; пожалуй пріѣду даже прежде тебя ко двору, куда твои враги надѣются, можетъ-быть, что ты не смѣешь пріѣхать.

— Нѣтъ, Беатрикса, ты останешься здѣсь. Если я попадусь, еще тогда будетъ время заняться мной, надѣюсь на твою вѣжливость, и преданность и въ оковахъ и въ изгнаніи!

Графиня пристально посмотрѣла на мужа.

— Георгій, сказала она измѣнившимся голосомъ, такъ ты меня не любишь?

— Боже мой! другъ мой! моя Беатрикса! какія жестокія слова произнесла ты! можешь ли ты сомнѣваться въ моей вѣжности?

— Дай мнѣ одно доказательство, единственное, которому я повѣрю, позволю ѣхать съ тобой въ Вѣну.

Графъ подумалъ вѣсколько минутъ: графиня съ безпокойствомъ ждала его отвѣту.

— Ты требуешь этой горестной жертвы, Беатрикса!... Идешь вмѣстѣ.... Дай Богъ, чтобы не оправдался мой грустный предчувствія!

Графъ успѣшилъ приготовленіями къ отъѣзду, но не хотѣлъ, чтобы знали о томъ; онъ боялся, чтобы курьерскъ не настоялъ отложить отъѣздъ, потому что любилъ Георгія и надѣялся

ся, что оупруги останутся еще съ мѣсяць въ Шенбургу; онъ даже начерталъ программу празднествъ, которыя любезность его приготовляла графинѣ.

Но прїѣздъ вѣскаго курьера нельзя было скрыть отъ курфюрста; едва тотъ отправился назадъ, курфюрстъ явился къ графинѣ; она была одна въ гостиной, еще взволнованная сценой съ мужемъ и принцу не трудно было отгадать, что она мучительно озабочена. Послѣ нѣсколькихъ обыкновенныхъ вопросовъ о здоровьѣ, онъ удался, обѣщая собѣ разузнать эту домашнюю тайну.

Возвратясь въ свои покои, курфюрстъ нашелъ графа, ожидавшаго его, чтобы по обыкновенію засвидѣтельствовать свое уваженіе, сообразно правиламъ этикета. Графъ ничего не говорилъ о курьерѣ, а курфюрстъ желалъ, чтобы Меттернихъ предупредилъ его распросы. Наконецъ утомленный таинственной скромностью графа, курфюрстъ прямо приступилъ къ цѣли:

— Чтѣ новаго въ Вѣнѣ, любезный графъ?

— Вашему королевскому высочеству должно быть столько же и даже болѣе чѣмъ мнѣ извѣстно, что происходитъ въ столицѣ.

— Вы вѣрно шутите, любезный графъ?

Меттерниха нѣсколько смутили эти слова, въ которыхъ заключалась и насмѣшка и досада.

— Я говорю очень серьезно и къ тому же прибавлю вашему высочеству, что я нисколько не расположенъ шутить.

— Но вѣдь вы получили сегодня извѣстія изъ Вѣны.

— Ваше высочество вѣрно позволите гонорить о курьерѣ?

— Именно.

— Въ депешахъ, которыя онъ привезъ ко мнѣ, не было ни слова о Вѣнѣ и о томъ, что происходило тамъ во время его отъѣзда.

— То есть привезенное письмо было чрезвычайно дипломатическое.

— Клянусь, ваше королевское высочество, что оно касалось только меня.

Эти слова сопровождало такое выраженіе покорной грусти, что оно сдѣлало живое впечатлѣніе на курфюрста.

— Не стану настаивать, сказалъ принцъ удаляясь, я долженъ уважить ваши тайны. Но если исправно вамъ понадобится подпора въ Вѣнѣ или въ другомъ мѣстѣ, надѣйтесь на меня.

И курфюрстъ сжалъ руку графа.

Меттернихъ не могъ устоять противъ такихъ знаковъ дружескаго участія.

— Я ѣду завтра въ Вѣну, сказалъ онъ.

— Что вы говорите? любезный графъ. Какъ вы насъ оставите, графиня обидѣла остаться здѣсь подолѣе.

— Мнѣ приказано вернуться въ Вѣну, и я долженъ повиноваться.

Курфирстъ былъ пораженъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, вы вернетесь, любезный графъ?

— Не могу обидѣть вашему высочеству.

— Боюсь, что вы скрываете отъ меня истину. Неужайтесь: я была сейчасъ у графини и нашла въ ней странную перемену. Необходимость обыкновеннаго путешествія не можетъ причинить такой внезапный переворотъ. Я знаю, что самыя невнятные поступки могутъ быть перетолкованы заботниками. Васъ обманывали....

— Предполагаю, что такъ....

Курфирстъ, который сидѣлъ во время этого разговору, вдругъ всталъ и увлекъ графа изъ кабинета въ садъ.

— Для меня довольно того, что вы сказали, графъ, чтобы объяснить настоящую причину вашего внезапнаго отъѣзда. Вамъ угрожаетъ немилость и можетъ быть моя привязанность къ вамъ тому причиною.

— Ваше королевское высочество изволите ошибаться.

— Нѣтъ, другъ мой; не смотря на связи мои съ вѣнскими дворами, меня можетъ быть подозреваютъ... но я другъ вашъ и сумѣю васъ защитить, поѣду въ Вѣну вмѣстѣ съ вами и самъ стану просить за васъ императрицу.

— У меня недостатокъ словъ, чтобы выразить признательность вашему высочеству, но если вы изволите принимать участіе въ судьбѣ моей, позвольте ѣхать одному съ женой. Ваше присутствіе въ Вѣнѣ, ходатайство въ мою пользу, могутъ подтвердить подозрѣнія, которыхъ я сталъ жертвою. Можетъ быть враги мои обрадуются, когда вы открыто станете защищать меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, я пристыжу ихъ, общаю вамъ, а если вы не хотите ѣхать со мной я уѣду прежде. Выбирайте, это мое послѣднее слово.

— Напрасно графъ уговаривалъ курфирста остаться въ Шенборнбургѣ, тотъ былъ очень упрямъ и увѣренъ, что вліяніе ея да Марію-Терезію избавитъ графа отъ угрожающей гибели.

На другой день, въ пять часовъ утра, почтовый экипажъ съ гербомъ трирскаго курфюрста, выѣхалъ изъ ограды замка на вѣнскую дорогу.

Принцъ самъ повезъ въ столицу графа Георгія Меттерниха съ женой. Приѣхавъ въ Вѣну, графъ Меттернихъ хотѣлъ испросить аудиенцію у императрицы, прежде свиданія съ первымъ министромъ; ему хотѣлось поскорѣе оправдаться въ глазахъ государыни и отдать ей отчетъ въ своемъ поведеніи, какъ требовало письмомъ, привезенное въ Шонборнлаустъ курьеромъ. Трирскій курфюрстъ успокоилъ его вѣтераніе и совѣтовалъ подождать, пока его потребуютъ во дворецъ.

— Я хочу, другъ мой, прежде васъ быть у императрицы, это моя обязанность; положитесь на меня, чтобы устроить ваше дѣло. Императрица легко уступаетъ наговорамъ и часто слушается дурныхъ совѣтовъ, но съ такою же легкостью отказывается отъ предубѣжденій, и если ошибется, то охотно признается въ заблужденіи и даже умѣетъ загладить его.

Меттернихъ все еще настаивалъ, но курфюрстъ сказалъ ему повелительнымъ тономъ, заставившимъ его замолчать.

— Я хочу, чтобы вы дождались моего возвращенія, а сейчасъ ѣду во дворецъ.

Принцъ тотчасъ сѣлъ въ почтовый экипажъ и поѣхалъ во дворецъ. Чтѣ тамъ произошло? какими рѣчами объѣшались въ этомъ свиданіи императрица и курфюрстъ? Надо полагать, что ходатайство курфюрста получило полный успѣхъ, потому что черезъ три дня послѣ приѣзду графа и графини Меттернихъ въ Вѣну, то есть, 8 февраля 1771 года, въ тамошней газетѣ были напечатаны слѣдующія строки:

«Вчера, ея сіятельство графъ Георгій Меттернихъ, министръ ея величества при вестфальскомъ дворѣ, и ея сіятельство графиня Меттернихъ, урожденная фонъ-Кагевекъ, имѣли честь быть допущены на особую аудиенцію къ ея величеству императрицѣ».

Это извѣстіе было громовымъ ударомъ для враговъ Меттерниха. Оно очень ясно возвѣщало имъ, что человекъ, котораго они считали въ немплоти и можетъ-быть наканунѣ изгнанія, восторжествовалъ надъ ихъ угрозами и интригами.

Но для курфюрста было недовольно отдать справедливость графу; онъ хотѣлъ приготовить ему пріятный сюрпризъ, и въ ту минуту какъ Меттернихъ приготовлялся къ своему посту по предписанію перваго министра, онъ подалъ ему приглашеніе на обѣдъ ко двору съ женой.

Извѣстно, что Марія-Терезія не расточала эти приглашенія, напротивъ, она допускала къ своему столу только членовъ своего семейства и путешествующихъ привцевъ. Императрица избѣгала сколько могла тѣ собранія, гдѣ должна была покоряться правиламъ этикета; она любила свободу, которую можно найти только въ семейномъ кругу.

Графа нѣсколько смутила, даже раздосадовала эта милость: онъ предвидѣлъ, что она еще болѣе раздражить ненависть враговъ; однако не было никакой возможности не явиться на приглашеніе.

Странно было то, что онъ еще не зналъ настоящей причины своей кратковременной немилости; до-тѣхъ-поръ онъ предавался невѣдѣнности предположеній, отливу и приливу гипотезъ; это еще была загадка, которую онъ тщетно старался отгадать.

Напрасно спрашивалъ онъ курфирста: тотъ былъ непропца, емъ и даже притворялся, что не знаетъ ничего; онъ только сказалъ, что свиданіе съ императрицей заставило его предположить, что лживыя донесенія увѣрили Марію-Терезію, будто министръ ея при вестфальскомъ дворѣ, пожертвовалъ дѣламъ ея величества удовольствіямъ Гименея.

Графъ понималъ, что курфирстъ знаетъ лучше настоящее положеніе дѣла, но онъ уважалъ скромность принца, которая, какъ онъ полагалъ, была предписана ему августѣйшей волей.

Императрица была очень благосклонна, исполнена предупредительности и вниманія къ графу и графинѣ Меттернихъ. Послѣ обѣда посадила возлѣ себя, въ своей гостиной, молодую графиню, съ которой очень долго и дружески разговаривала и когда графъ пришелъ раскланяться съ императрицей, жена его еще была съ нею. Марія-Терезія обратилась съ любезной улыбкой къ Меттерниху.

— Поздравляю васъ съ счастливымъ выборомъ, графъ, сказала она: жена ваша прелестна; однако я сержусь на васъ.... признаюсь вамъ.

Меттернихъ смутился; императрица какъ будто правилось его замѣшательство.

— Да, графъ, сержусь и хочу сдѣлать вамъ уврекъ.... очень важный.

— Если бы вашему величеству угодно было увѣдомить меня, что это за вина, можетъ-быть, невольная....

— Невольная или вѣтъ, вина существуетъ, проступокъ дѣйствителенъ. Ну, допросто-ка свою совѣсть!

Меттерниху не трудно было признать, что императрица шутила; онъ легко оправдался отъ замѣшательства, ктому же его совершенно успокоивало пренебреженіе жены, которой выраженіе лица отдаляло всякую мысль дѣйствительной опасности.

Эту маленькую сцену императрица приготовила, чтобъ пообавиться немножко.

Графъ поддался шуткѣ охотно, то есть, какъ умный человѣкъ.

— Позвольте, сказалъ онъ, сдѣлать вашему величеству простое замѣчаніе.

— Говорите, я готова васъ выслушать.

— Ваше величество приказали мнѣ допросить совѣсть, и этины поставили меня въ положеніе грѣшника, кающагося исповѣданью.

— О! не совѣшъ такъ, графъ, не совѣшъ.... Но продолжайте, прошу васъ.

— Грѣшникъ, ваше величество, готовится къ исповѣди продолжительнымъ размышленіемъ, допросъ совѣсти—дѣло важное.... и ваше величество, сдѣлавъ мнѣ совершенно неожиданный вопросъ, привели меня въ замѣшательство.

— Это правда, графъ, я и не подумала о томъ. Но припомните же немножко. Не согрѣшили вы съ мѣсяцъ тому назадъ противъ вашего ближняго, противъ меня напривѣръ?

Графъ смутился; замѣшательство его увеличилось, когда онъ замѣтилъ, что выраженіе строгости затомщило благосклонную веелость на лицѣ императрицы.

Въ эту минуту подошелъ курфюрстъ.

— Посмотрите, сказала императрица.... здѣсь происходитъ довольно рѣдкая вещь... Дипломатъ допрашиваетъ свою совѣсть передъ государыней.

— Какъ! это точно что-то необыкновенное, и я заранѣе благодарю ваше величество за доставляемое мнѣ удовольствіе.

Графа успокоило посредничество курфюрста; графиня взоромъ ободряла мужа.

Однако это положеніе, какъ ни было занимательно, не могло продолжиться; надо было поспѣшить развязкою маленькой драмы. Графъ все стоялъ въ положеніи человѣка размышляющаго. Марія-Терезія смотрѣла попеременно то на него, то на графиню.

— Кажется, память вамъ измѣняется, графъ, сказала ова.... Такъ вамъ не въ чемъ упрекнуть себя въ-отношеніи меня.

— Смѣю увѣрить, ваше величество.

— Берегитесь, графъ, берегитесь!... вы можете повелѣно увеличить вашу вину ложью. У васъ дурная память, намъ видно... Я могу помочь вамъ своей... Узнайте же, когда жеваются, те удивляются о томъ друзей, особенно тѣхъ, которые даде вамъ доказательство участія... привязанности...

Графъ обвѣстѣлъ голову; живая красна открыла его и графиню лицо. Только теперь понялъ онъ настоящую причину неудовольствія, котораго чуть-было не сталъ жертвою; только теперь мысль о великомъ проступкѣ пришла ему на умъ.

Даже курьерствъ, не отличавшійся прозрачностью, поняла сѣнью послѣднихъ словъ императрицы и сдрожала за своего любимаго, хотя предисловіе не имѣло въ себѣ ничего страшнаго. Самъ принцъ въ глубинѣ души былъ согласенъ съ Маріей-Терезіей; можетъ-быть, на ея мѣстѣ онъ не простилъ бы такого забвенія приличій; но какъ онъ самъ раздѣлялъ вину графа, потому что самъ устроилъ бракъ его съ Беатриксой фонъ-Каленки, то долженъ былъ также раздѣлять и отвѣтственность проступка.

Но Марія-Терезія рассудила, что графъ довольно наказанъ деннымъ ему урокомъ.

— Впаде, сказала она Меттерниху, что вы больше смыслите въ дипломатическихъ переговорахъ, чѣмъ въ допросѣ совѣсти; но перестанемъ говорить объ этомъ. Вы загладите вину, слуша мѣй царь, какъ служили до-сихъ поръ, и надюсь, что Богъ благословитъ вашъ бракъ. Но я забыла, что прощаю васъ съ условіемъ...

Императрица милостиво посмотрѣла на графиню, которую эти слова могли слова испугать:

— Я хочу, требую, чтобы первый ребенокъ вашъ, если это будетъ мальчикъ, вступилъ на ту же самую карьеру, которую вы начали съ такимъ блескомъ.

— Будемъ повиноваться вашему величеству и беру небо въ свидѣтели принимаемаго мною обязательства.

— Мнѣ довольно вашего слова, графъ. Теперь воротитесь въ вашему посту... Первый министръ сообщитъ вамъ новыя инструкціи...

Императрица встала; Меттернихъ съ женой ушли.

Эта сцена доставила много удовольствія Маріи-Терезіи; она была очарована манерами и разговоромъ графини Меттернихъ.

— Знаете ли, сказала она тирскому курьерству, который еще не простился съ нею, знаете ли, что вы чудесно умѣете составлять приличные браки. Графиня женщина замѣчательная, графъ

очень вамъ обязанъ; у него такая жена, которая превосходно бы исполнила обязанности посла. Какъ жаль, что дипломатическіе обряды и обычаи запрещаютъ женщинамъ служить! между ними есть много такихъ, которыя лучше мужчинъ годились бы на нѣкоторыя мѣста....

— Ваше величество доказываете, что скитръ въ рукахъ женщины....

— Довольно большая таместь....

И императрица вдругъ оставила курьерста, нѣсколько удивленнаго этимъ отвѣтомъ.

.... Четырнадцатаго мая 1771 года послѣ обѣда, портшезъ, сопровождаемый солдатами, остановился передъ домомъ, въ самомъ лучшемъ кварталѣ Кобленца.

Человѣкъ пожилыхъ лѣтъ, съ волосами, начинавшими сѣдѣть, вышелъ изъ этого портшеза, поддерживаемый двумя лакеями, потому что ему трудно было ходить отъ старости, съ трудомъ вошелъ онъ на ступени большой лѣстницы, которая вела въ главныя покои.

Ему не нужно было вѣлѣть докладывать о себѣ; его ждали; по знакамъ уваженія, которые показывали ему слуги, можно было судить, что это особа важная.

Дверь гостиной тотчасъ передъ нимъ отворилась; тамъ сидѣла молодая дама, съ лицомъ, измѣнившимся отъ страданія; она была одѣта просто, но съ изяществомъ. Сидя въ креслахъ, она держала въ рукѣ книгу, которую положила на столъ тотчасъ какъ вошелъ гость.

Онъ поклонился ей съ любезной улыбкой и сѣлъ возлѣ; лакеи ушли.

Этотъ гость былъ трирекій курьерстъ; дама — графиня Меттернихъ, жена министра императрицы Маріи Терезіи при вестфальскомъ дворѣ.

— Я вчера послалъ новаго курьера къ вашему мужу, графиня, сказалъ припѣцъ; я думаю, что ему нужно поторопиться.

Графиня сдѣлала успіе, чтобы придать лицу мейѣе грустное выраженіе.

— Ваше высочество правы.... сказала она.... поторопиться нужно.

— Ахъ Боже мой! понимаю.... графиня.... извините мое неумѣстное посѣщеніе.... я уйду....

— Ваше высочество не повяли меня; въ моемъ мучительномъ положеніи, вдали отъ мужа, я очень рада видѣть васъ.... Какимъ

образомъ мужъ мой и я будемъ въ состояніи выразить вамъ признательность за ваше участіе?

— Ахъ! графиня, я уже слишкомъ вознагражденъ за усилія мои оставить ваше счастье, вашими добродѣтелями, дарованіями, блестящими достоинствами избраннаго вами супруга.... Позвольте мнѣ, графиня, не продолжать долѣе посѣщенія, которое можетъ утомить васъ. Надѣюсь, что мужъ вашъ прійдетъ нынче вечеромъ; дай Богъ, чтобы онъ успѣлъ во время, чтобы принять въ свои объятія залогъ его вѣжности!

Приицъ всталъ, взялъ руку графини, напечатлѣвъ на ней поцѣлуй съ почтительной вѣжностью и пошелъ къ двери; графиня позвонила и оба лакея явились на помощь курфюрсту; онъ уже переступилъ черезъ порогъ, какъ вдругъ воротился и подошелъ къ графинѣ, удивленной этимъ возвращеніемъ. Сдѣлавъ лакеямъ знакъ отойти въ сторону, онъ сказалъ тихо графинѣ:

— Предсказываю вамъ, что у васъ будетъ мальчикъ.

Графиня улыбнулась.

— Я не могу ручаться за это, сказала она.

— Помните, что мужъ вашъ общалъ императрицѣ полтора года тому назадъ....

— Ваше высочество напоминаете мнѣ забытое обѣщаніе.

— Надо его однако сдержать, графиня; вы знаете, что у императрицы хорошая память.

— Знаю; но развѣ это обязательство и это обѣщаніе могли быть серьезны?

— Государыня считаетъ ихъ такими; а я прошу васъ вспомнить, графиня, что я поручился за васъ.

Графиня не настаивала болѣе, она говорила съ человѣкомъ очень упрямымъ, котораго было трудно, чтобы не сказать невозможно, убѣдить въ слишкомъ наивномъ легковѣрїи.

— Ну, если мы общали, и императрица и вы, если Богу будетъ угодно, останетесь довольны, ваше высочество.

Курфюрстъ снова простился съ графиней и ушелъ.

На другое утро, въ семь часовъ, въ домъ графини Меттернихъ было большое движеніе и волненіе необыкновенное; слуги бѣгали туда и сюда; нѣсколько докторовъ смѣнялись у постели графини, которая, страдая ужасно, искала взорами того, чьи слова могли ее утѣшить.

Вдругъ молодой человѣкъ съ растрепанными волосами, покрытый пылью и потомъ, бросается къ постели супруга, страдающей ужасными конвульсіями, жметъ ей руку, покрываетъ слеза-

и вы можете снѣзъ голова испемочъ подѣ такитъ ужаснѣишъ шопытаиѣмъ для сердца возлюбленнаго, мужа.

Но доктора требуютъ, чтобы онъ удалился; онъ кочѣтъ остаться, несмотря на ихъ неостустинныя просьбы и предостереженія, его увлекаютъ насильно, потому что докторамъ нужна свобода движеній для успѣху опасной операцин.

Курьерста уведомили о возвращеніи графа Меттерника; онъ вѣриналъ жѣ тому въ ту минуту, когда графъ принужденъ былъ удалиться; когда онъ увидѣлъ его обратное ступаніе, когда услышалъ раздраженнїя рыданія, онъ забылъ и свое завіе и свое достванство въ присутствїи неопочоловннхъ свидѣтелей, чтобы утѣшить Меттерника и возвратитъ ему надежду.

— Перестаньте, другъ мой, сказалъ онъ, вспомните, что вы мужчина, предоставьте женщинамъ слабость въ горести. Положеніе вашей жены не можетъ ввухать вамъ никакого опасенія.

Меттерникъ молчалъ, онъ не слышалъ и не слушалъ словъ курьера; вдругъ докторъ Бурггардъ, одинъ изъ лучшихъ врачей Германїи, оставившїй нѣсколько замѣчательныхъ сочиненїи, вѣриналъ въ комнату, въ которую заперъ Меттерника.

— Графиня разрѣшилась благополучно, вскричалъ онъ, можете войти къ ней.

— Она разрѣшилась! о Боже мой, благодарю тебя!

И графъ упалъ на колѣна.

— Но докторъ, спросилъ онъ, вы не сказали мнѣ, мальчикъ или дѣвочка?

— И, графъ, перебилъ курьерствъ, ваша жена родила мальчика... то есть, дипломата.

Эта шутка разсмѣшила Бурггарда.

— Ваше высочество, изволите говорить правду, сказалъ онъ, графиня разрѣшилась славнымъ, здоровымъ мальчикомъ, не знаю только дипломатомъ ли...

— Если онъ еще не дипломатъ, то будетъ имъ, докторъ! Не такъ ли любезный графъ?

Меттерникъ не отвѣчалъ принцу, а бросился въ комнату жены; одинъ изъ докторовъ тотчасъ подалъ ему ребенка и графъ заплакалъ отъ радости.

Курьерствъ тоже явился.

— Увѣряю васъ, вскричалъ онъ, обращаясь къ графу, что императрица будетъ вами довольна. Теперь вы съ ней расквитались!

Ребенокъ, родившїйся въ Кобленцѣ пятнадцатаго мая 1771 года

былъ тотъ, кто въ послѣдствіи сталъ австрійскимъ министромъ, словомъ — князь Меттернихъ!...

дуэль въ Миссиссиппи. *Шактасъ* подѣзжалъ къ городку Висксбургъ, чтобы взять тамъ значительный грузъ. Въ то время, какъ пароходъ причаливалъ, пассажиры увидѣли на другомъ берегу огромную толпу, какъ-будто ожидавшую необычайнаго зрѣлища. Жители Висксбурга, которыхъ спросили, что значить это сборище? отвѣчали: что это дуэль между двумя городскими негоціантами, пзвѣстными своей ловкостью стрѣлать изъ карабина.

Разлакомленные этимъ привлекательнымъ зрѣлищемъ, пассажиры *Шактаса* хотѣли воспользоваться временемъ, необходимымъ для нагруженія парохода. Родъ плоскаго паромъ на двухъ колесахъ, похожихъ на мельничные, перевезъ ихъ на другую сторону рѣки, съ многими изъ жителей города.

Вскарабкавшись не безъ труда на отвѣсные утесы, окружающіе Миссиссиппи съ этой стороны, пассажиры *Шактаса* смѣшались съ толпой, съ самого разсвѣта ожидавшей дуэли. Почти все были вооружены съ ногъ до головы, словно пришли сюда не въ качествѣ зрителей, но съ намѣреніемъ принять участіе въ борьбѣ. Нѣсколько группъ, совершенно отдѣльныхъ отъ толпы, отличались своимъ одушевленіемъ и дикимъ видомъ.

Наконецъ явился два соперника. Толпа безмолвно раздѣлилась на два параллельные ряда, образовавъ двѣ живыя стѣны, отдѣленные одна отъ другой метра на три. На каждомъ концѣ этой галереи, которой длина не превышала десяти метровъ, свидѣтели зарядили карабины въ виду сражающихся.

По окончаніи приготовленій, соперники встали въ позицію.

Погода была холодная, и небо, покрытое сѣроватыми облаками, освѣщало мрачнымъ и зловѣщимъ свѣтомъ мѣсто сраженія.

По обычаю страны на соперникахъ была очень широкая верхняя одежда, скроенная изъ шерстяныхъ бѣлыхъ или зеленыхъ одеялъ. Одинъ отличался высокимъ ростомъ. Пристальный и свирѣпый взоръ его такъ и сверкалъ. У другаго, молодаго человѣка лѣтъ двадцати шести, была пренеприятная наружность. Хотя ниже ростомъ своего соперника, онъ однако казался выше его по достоинству осаки. При первомъ взглядѣ, этотъ молодой человѣкъ долженъ былъ привлечь общую симпатію; улыбка его была запечатлѣна добротою и прелестью.

Прежде чѣмъ взять оружіе, поданное ему однимъ изъ свидѣте-

лей, онъ снялъ зеленое пальто, и явился глазами соперника въ бѣломъ камзолѣ, который жители той страны обыкновенно носятъ въ лѣтнее время.

Дѣйствіе этой маленькой хитрости, вѣроятно внушенной ему друзьями, не достигло предполагаемой цѣли. Въ-самомъ-дѣлѣ, не въ дальнемъ разстояніи позади молодого человѣка, простирался занавѣсъ очень сжатыхъ деревьевъ, на которыхъ эта бѣлая одежда означалась, какъ бѣлая муха на черной доскѣ. Вдругъ наступило глубокое молчаніе.

Два соперника, которыхъ взоры смѣшивались, какъ въ электрическомъ токѣ, прицѣлились въ ожиданіи сигнала.

Одинъ изъ свидѣтелей, дойдя до половины дороги двухъ лагерей, прервалъ молчаніе яснымъ и звучнымъ голосомъ:

— Готовы ли вы, господа?

— Готовы! отвѣчалъ вдругъ оба соперника.

— Разъ.... два.... три.... стрѣлай!

Два сухіе выстрѣла, словно одинъ и тотъ же залпъ, раздались прежде чѣмъ послѣднее слово было произнесено.

Оба соперника стояли на ногахъ. Они выстрѣлили, какъ всегда дѣлается въ такомъ случаѣ, не упрямая карабинъ въ плечо, чтобы не потерять четверть секунды, потому что для такихъ ловкихъ стрѣлковъ, какъ западные Американцы, четверть потерянной секунды — смерть!

Между тѣмъ толпа оставалась спокойною и безмолвною... соперники стончески сохранили свою позицію, ожидая, пока свидѣтели снова зарядятъ оружіе, что впрочемъ тѣ сдѣлали немедленно, въ глазахъ сражающихся, безъ малѣйшаго покушевія къ примиренію.

Слѣдствіе втораго опыта было рѣшительно. Молодой человѣкъ въ бѣломъ камзолѣ упалъ, прежде чѣмъ успѣлъ выстрѣлить изъ карабина.... Пуля противника попала ему въ лобъ....

Это ужасное зрѣлище смѣнилось самой страшной схваткой. Друзья несчастнаго молодого человѣка ринулись на партизановъ его соперника.

Не желая принять участіе въ этой неожиданной борьбѣ, пассажиры *Шактаса* поспѣшно удалились съ поля сраженія на паромъ; но онъ уже былъ загроможденъ толпою и не безъ труда успѣлъ онъ попасть туда. Въ ту минуту, когда паромъ готовился отправиться, прибѣжали просить мѣста для жертвы дуэля. Въ этой послѣдней милости нельзя было отказать умирающему, и тол-

на, тѣснившаяся на паромѣ, стѣснилась еще болѣе, чтобы дать мѣсто плачевной процессіи.

Паромъ, такъ опасно нагруженный, достигъ середины рѣки, какъ вдругъ раздались страшные крики....

Огромнѣйшій пароходъ прямо во всѣ пары неся на паромѣ.

Пароходъ приближается.... приближается.... онъ только на два оборота колесъ отъ парома.... еще минута, и все погибло!

Ужаснѣйшій крикъ отчаянія раздается и разоется по воздуху.... пароходъ столкнулся съ паромомъ!

По какому-то чуду, тяжелая масса, только покачнувшаяся отъ толчка, избавилась отъ почти вѣрной гибели и тяжело отвалила въ сторону.

Черезъ нѣсколько секундъ послѣ столкновенія, двадцать выстрѣловъ, направленныхъ въ кормчаго, раздались съ парома; но, благодаря Бога, онъ уже былъ на разстояніи, недостижимомъ для пули. Зыбкій плотъ, ужасно испорченный, добрался наконецъ до берегу, и пассажиры *Шактаса*, утомленные утренними волненіями, поспѣшили взобраться на свой пароходъ. Черезъ день они вышли на берегъ въ Луивиллѣ, и каждый поспѣшилъ заняться своимъ дѣломъ, даже не вспомнивъ о приключеніяхъ переѣзда.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого, въ одномъ журналѣ было напечатано:

«Недавно на берегахъ Миссиссипи происходилъ дуэль между двумя почетными негоціантами Вискбурга, въ слѣдствіе соперничества въ любви. Нѣсколько разъ оба джентльмена размѣнивались на улицахъ карабинными выстрѣлами, и чтобы положить копецъ этимъ перестрѣлкамъ, возмущавшимъ спокойствіе и безопасность жителей, друзья противниковъ уговорили ихъ окончить ссору востоящимъ дуэлемъ. Одинъ изъ соперниковъ, молодой человекъ, пользовавшійся большимъ значеніемъ, палъ смертельно раненый, и умеръ на слѣдующую ночь.»

ЛОВЕЦЪ ПЯВОВОКЪ. Нѣсколько лѣтъ уже какъ новая промышленность завелась въ флоридскихъ деревняхъ; исполненіе ея такъ живописно, что стоитъ подробнаго описанія. Тѣ поселяне, которыхъ бѣдность или духъ праздности доводитъ до бездѣйствія, отправляются вдоль рѣкъ, выбираютъ себѣ любое мѣсто, и тамъ сидя на травѣ, спускаютъ голыя ноги въ воду, между тѣмъ какъ длинными шестами ворочаютъ камешки и высокую траву, устилающіе дно рѣки. Когда легкій зудъ въ ногахъ, достаточно увеличится, они перестаютъ волновать воду и вытаскиваютъ изъ

рѣла ноги, на которыхъ висятъ пѣвки въ большомъ или меньшемъ количествѣ, смотря по мѣстности и по времени. Ежедневный барышъ этой ловли можетъ простираться отъ тридцати до тридцати пяти копѣекъ серебромъ.

Вотъ что разсказываютъ намъ по случаю ловли пѣвокъ.

Ивонна была прелестная небогатая дѣвушка, но большая кокетка. Изъ всѣхъ ея обожателей въ деревнѣ и въ окрестностяхъ, никто не любилъ ея такъ какъ Гервѣ, столярный подмастерье. Но Гервѣ былъ бѣденъ, спрота, въ ожиданіи отъ будущаго и отъ трудовъ своихъ того, въ чемъ отказало ему рожденіе. Ивонна однако любила его. И потому роднымъ нужно было много терпѣнія и истинной преданности, чтобы успѣть доказать ей всю нецѣлность такой привязанности. Въ тотъ день какъ старый музыкъ Керглазь женился на Ивоннѣ, славшейся на разсудительныя представленія родныхъ, Гервѣ оставилъ деревню, чтобы не быть свидѣтелемъ этого союза. Черезъ пять мѣсяцевъ онъ былъ въ Аюнкѣ, съ солдатской сумкой на спинѣ, и перестрѣливался съ Арабами Абдель-Кадера.

На другой день свадьбы, Ивонна замѣтила, что Керглазь былъ непожко грубъ, а черезъ недѣлю, что его нравъ и лицо нисколько не придавали удовольствія ея состоянію, хотя се увѣрили въ противномъ; наконецъ черезъ мѣсяць она узнала, что мужъ ея пѣвица. Она пошла жаловаться роднымъ, которые ей отвѣчали, что тутъ дѣлать нечего, что всѣ мужичны таковы, и что ей нечего считать себя несчастной, когда она завѣдываетъ славной, красивой мызой, въ замѣну кой какихъ недостатковъ въ мужѣ, которые время и любовь жены изгладятъ когда-нибудь. На возвратномъ пути Ивонна сѣла на краю дороги, закрыла голову передникомъ, и думая о бѣдномъ Гервѣ, который такъ любилъ ее, припалась горько плакать.

Домашнее спокойствіе очень пострадало отъ этого; Керглазь почерпалъ въ кабакѣ отолько утѣшенія, что на слѣдующій годъ владѣлецъ мызы счелъ нужнымъ возвратить его къ независимой жизни. Несчастливая Ивонна очутилась безъ всякихъ средствъ, оставленная родными, отказавшими дать ей убѣжище. Нужда Керглаза возрастала по мѣрѣ лишней, и онъ скоро прокутилъ все, что она имѣла.

Когда всѣ средства были истощены, и въ долгъ уже не вѣрныя, у Керглаза зашевелилась совѣсть, и чтобы не умереть отъ голоду, онъ сдѣлался ловцемъ пѣвокъ. Последнее его перемѣни-

дось; онъ успѣлъ скоро отложить небольшую сумму; но несчастная жена его продолжала подвергаться лишениямъ и горю.

Въ это время въ деревнѣ узнали, что Гервѣ, оставленный за-мертво въ одной экспедиціи, спасъ свою голову отъ ятагана арабскихъ наѣздниковъ, и поднятый союзнымъ племенемъ, послѣ долгаго пребыванія въ больницѣ, гдѣ ему отпили ногу, возвратился во Францію съ пенсіономъ. Въ-самомъ-дѣлѣ черезъ нѣсколько времени послѣ этого извѣстія, Гервѣ пріѣхалъ въ деревню, въ одинъ прекрасный осенній вечеръ.

Это былъ день храмоваго праздника. Всѣ прогуливались въ праздничныхъ платьяхъ на сельской площади, танцовали много и безпрестанно. Вдругъ въ толпѣ разнеслось извѣстіе: Гервѣ пріѣхалъ! Танцы тотчасъ прекращаются, всѣ идутъ къ нему на встрѣчу, всѣ протягиваютъ ему руки. Гервѣ — другъ, объ отъѣздѣ котораго сожалѣли, оплакивая его несчастіе, находитъ теперь въ этомъ славномъ возвращеніи нѣкоторое вознагражденіе въ горѣ, преслѣдовавшемъ его въ отсутствіи.

Ивонна, ожидая мужа, который на ловлѣ, видитъ изъ полуразрушенной хижны толпу бѣгущую по дорогѣ. Она подходитъ къ порогу и смотритъ. Извѣстіе о возвращеніи Гервѣ не дошло до нея: она жила въ страданіи и въ одиночествѣ. При видѣ того, чего она еще любила, она блѣднѣетъ, чувствуетъ какъ силы ея слабѣютъ, поспѣшно затворяетъ дверь, и сѣвъ у очага, придираетъ прялку, доставляющую ей дневное пропитаніе. Нѣсколько минутъ она занимается своей безконечной работой, но скоро силы ея оставляютъ, слабыя руки опускаются на колѣна и она падаетъ безъ чувствъ.

Въ тотъ же вечеръ Гервѣ узналъ до какой степени Ивонна страдаетъ и съ какой ангельской безропотностью переноситъ свое ужасное положеніе. Тогда онъ почувствовалъ, что въ сердцѣ его запылала любовь еще сильнѣе; Ивонна стала дорога ему не только за то, что была предметомъ самой горячей привязанности юныхъ лѣтъ его, но также и потому, что она насылала на него грустныя грезы во время отсутствія. Онъ украдкой проскользнулъ въ ея хижину, и провелъ ночь въ сосѣдней степи, въ печальномъ раздумьѣ, какъ бы ей помочь.

Утромъ, Ивонна, въ лихорадкѣ, послѣдовавшей за обморокомъ, искала мужа взоромъ и не нашла его возлѣ себя. Отчего онъ не возвратился? Ивонна открыла дверь хижины, чтобы воздухъ и солнце проникнули нѣсколько въ комнатку. Въ полдень

она замѣтила двухъ человекъ, которые несли третьяго и какъ-будто шли къ ней черезъ поле. Она подумала, что Керглазь не могъ устоять противъ ежедневнаго искушенія, и что его несли къ ней пьянымъ за-мертво. Носильщики положили на траву тѣло Керглаза — это былъ точно онъ — отдохнули и опять повесили его. По мѣрѣ приближенія, они стали колебаться. Наконецъ одинъ изъ нихъ узналъ Ивонну и оба остановились въ другой разъ. Но Ивонна, объятая грустнымъ предчувствіемъ, бросилась къ нимъ на встрѣчу. Нельзя было долѣе скрывать отъ нея несчастія, если только это было несчастіе.

Керглазь, отправившись наканунѣ на ловлю пѣвковъ, встрѣтилъ стараго товарища по распутству, который подтрунивъ надъ его превращеніемъ, успѣлъ затащить его въ кабакъ, гдѣ оба они напились какъ подобаетъ. Но и въ опьявленіи у Керглаза преобладала мысль, что онъ вышелъ на ловлю: онъ и отправился туда. Сначала все шло какъ должно. Спустивъ ноги въ воду, онъ славно управлялся съ шестами. Къ несчастію совѣ одолѣлъ его, и потому на другой день, два мельника нашли его на травѣ, умершаго отъ истеченія крови изъ ногъ, по милости пѣвковъ, какъ то подтвердили мирный судья и докторъ.

Черезъ годъ, Гервѣ опять сдѣлавшись столярниъ, женился на Ивоннѣ, которая заставила себя долго упрашивать: за что Гервѣ отмстилъ ей такимъ счастьемъ, какого она и не смѣла просить у Бога.

ЭЛЬ-ХАДЖЪ-ЗЕЙЯНЪ, ПРОДАВЕЦЪ ФИНИКОВЪ. *Разсказъ Целестина Ребура.* Какая у васъ чудесная турецкая трубка! сказалъ я однажды одному моему пріятелю: откуда она у васъ?

— Отъ одного молодого Африканца.

— Ба! какимъ образомъ?

— Это цѣлая исторія. Вы безъ сомнѣнія помните тѣхъ странствующихъ сыновъ Востока, которые на другой день по сооруженіи луксорскаго обелиска, явились на огромной площади Согласія, съ своими пестрыми тюрбанами, съ загорѣлымъ лицомъ, по чернѣвшимъ подъ поцѣлуями африканскаго солнца, и выставили тамъ лавочки съ финиками и серальской постпой? Между ними былъ одинъ, котораго страждущій видъ, трогательное выраженіе грусти, разлитое на юномъ, прекрасномъ лицѣ, произвелъ на меня живое впечатлѣніе. Каждый разъ какъ я отправлялся гулять въ ту сторону, увлекаемый неодолимою симпатіей, всегда оказывалъ ему предпочтеніе, когда мнѣ приходила

охота купить нѣсколько фивиковъ или постилы; такимъ образомъ мы наконецъ познакомились и я мало-по-малу довелъ его до того, что онъ сталъ разговаривать со мною на своемъ полу-французскомъ, полу-арабскомъ языкѣ о нравахъ и обычаяхъ его родины. Эти почти дружескія сношенія тянулись нѣсколько недѣль, какъ вдругъ однажды къ великому моему удивленію я не нашелъ его на обыкновенномъ мѣстѣ. Напрасно обошелъ я всю площадь и Елисейскія Поля. Вѣрно онъ занемогъ или воротился подъ свое чудное африканское небо, подумалъ я. Не видя его болѣе, я скоро забылъ его.

Черезъ нѣсколько времени, занятія мои припудили меня поселиться въ благородномъ предмѣстьи и я нанялъ комнату въ скромной гостиницѣ въ Вернельской улицѣ; не прошло и трехъ дней какъ въ одинъ вечеръ, возвращаясь домой, я почувствовалъ какъ чья то рука легонько ударила меня по плечу, и голосъ, не совсѣмъ незнакомый, ясно шепнулъ мнѣ на ухо эти слова:

— *Эйшъ алекъ, христіанинъ?* (какъ ты въ своемъ здоровьѣ).

Услышавъ эти слова, произнесенныя на такомъ языкѣ, я быстро обернулся и очутился лицомъ къ лицу съ Эль-Хаджъ-Зейяномъ, продавцомъ фивиковъ!

Оправившись отъ удивленія, въ которое привела меня эта неожиданная встрѣча, я забросалъ его вопросами и съ радостью узналъ, что онъ живетъ подъ одной кровлей со мною и даже дверь объ дверь. А исчезъ онъ съ площади Согласія по причинѣ разстройства въ здоровьѣ.

Посмотрѣвъ на него внимательно, я точно увидѣлъ въ его чертахъ слѣды сильнаго страданія.

— Вы отгадываете, другъ мой, продолжалъ мой пріятель, что мы возобновили знакомство съ новой горячностью, и я скоро узналъ обычаи и нравы Африканцевъ какъ моей родной земли. Къ-несчастью, здоровье Эль Хаджъ Зейяна не поправилось. Это постоянное состояніе упадка силъ не замедлило послужить поводомъ къ происшествію, изъ котораго я узналъ настоящую причину того, что я полагалъ сильной душевной горестью; потому что этотъ человѣкъ казалось мнѣ былъ матеріально счастливъ и хорошаго сложенія. Однажды, войдя въ его комнату, я нашелъ его на постелѣ, совершенно въ разслабленномъ состояніи. Жгучій, лихорадочный огонь пожиралъ его. Напрасно пытался бѣднякъ встать, чтобы достать чашу съ пивьемъ, которое онъ обыкновенно употреблялъ, и увидѣвъ меня, тотчасъ сдѣлалъ мнѣ

звукъ подать ему эту чашу. Въ торопливости я ошпбся и подаль ему другую, которую едва онъ поднесъ къ губамъ, какъ тотчасъ же возвратилъ мнѣ съ неопредѣлимымъ движеніемъ отъ ужаса.

— Я никогда, никогда не пью воды!.... вскричалъ онъ съ отчаяніемъ.

Я тотчасъ поправилъ ошибку, подавъ ему чашу съ чѣмъ-то въ родѣ молока, которое онъ выпилъ съ жадностью. Это питье сдѣлало ему пользу, и силы его мало по малу воротились. Любопытствуя узнать причину сильнаго отвращенія его отъ воды, я рѣшился разспросить его, и вотъ что могъ узнать изъ его разсказа, которымъ онъ удостоилъ меня послѣ нѣсколькихъ минутъ верблшности, потому что я уже вамъ сказала, Эль-Хаджъ-Зейявъ очень дурно изъяснялся по французски:

Онъ родился въ мѣсяцъ реджебъ въ 1812 году въ Тегасѣ, маленькомъ городкѣ, любопытномъ по своимъ домамъ, возстроеннымъ изъ каменной соли и покрытымъ верблюжьими кожами. Отецъ его мессуфитскій невольникъ, то есть, изъ племени Мессуфы, въ Судавѣ, съ трудомъ свискивалъ пропитаніе добывкою каменной соли, которою производится значительная торговля въ этомъ городѣ. Едва достигнувъ осемнадцати лѣтъ, Эль Хаджъ-Зейявъ имѣлъ горестъ лишиться отца и остался одинъ на землѣ, потому что мать умерла въ минуту его рожденія. Потеря эта сдѣлала такое впечатлѣніе на его чувствительную, любящую душу, что онъ опаско заведомъ. Молодость свасла его, по отъ этой болѣзни осталась у него глубокая меланхолія, и дни его протекали въ грусти и изнеможеніи.

Это продолжалось около году, когда Ибнъ Ади, господнивъ его, оставилъ Седжельмессу и поселился въ Тегасѣ съ дочерью своей Гиллѣ, чтобы лучше надзирать за работами своихъ многочисленныхъ работянковъ. Увидѣвъ однажды, случайно, лицо Гиллѣ Ибнъ-Ади, Эль-Хаджъ-Зейявъ былъ пораженъ ея красотой и страстно въ нее влюбился. Съ тѣхъ поръ жизнь его перемѣнилась; у него стала одна цѣль, одна единственная мысль—привлечь взоръ молодой дѣвушки и заставить себя полюбить. Ему удалось. Она не могла оставаться равнодушною при видѣ мужественнаго и красиваго лица любимаго невольника отца своего. Молодые люди полюбили другъ друга, не размышляя о невозможности союза — любовники вездѣ одинаковы — и мечтали о радости, счастіи и любви. Но, увы! все земное непрочно! въ одно утро бѣдный Эль Хаджъ-Зейявъ получилъ отъ любовницы, черезъ старую Негратяику, ея кормплицу, записку, всю смоченную слезами.

занд, гдѣ она увѣдомляла его, что отецъ хочетъ выдать ее за Мухаммеда-Абуль-Факиза, своего племянника. Велика была горестъ Эль-Хаджъ-Зейяна при этомъ роковомъ извѣстїи.

«Любовь моя велика, отвѣчалъ онъ: если твоя равняется моей, мы убѣжимъ далеко, далеко отсюда, въ вышнюю ночь, и луна блаженства не померкнетъ для насъ».

Черезъ четыре часа послѣ солнечнаго заката, проворный верблюдъ несъ нашихъ любовниковъ съ быстротою стрѣлы въ пустыню, простырающуюся отъ Тегаса до Ивалатена. Чтѣ же вышло изъ этого? Случилось то, что почти всегда случается, когда забываешь разсчитать физическія силы; десять дней пути отдѣляли еще бѣглецовъ отъ города, гдѣ они надѣялись найти средства скоро и безопасно добраться до Алжира, когда дочь Ибнъ-Ади, изнуренная усталостью отъ поѣздки по океану песковъ, гдѣ ни одна пальма не представляла имъ своей спасительной тѣни, занемогла горячкой. Къ довершенію несчастія, мѣхи опустѣли, вода вся вышла, достать было негдѣ и страшная неизбѣжная смерть ожидала ихъ, если всемогущій Аллахъ не пошлетъ имъ помощи!.... Терзаемый отчаяніемъ, Эль Хаджъ-Зейявъ смотрѣлъ на блѣдныя разстроенныя черты возлюбленной, которую страданіе приковывало почти безчувственную къ песку, когда вдругъ сильный шумъ заставилъ его поднять голову. Онъ замѣтилъ въ нѣсколькихъ шагахъ стадо *вехшій*, — родъ буйволовъ, у которыхъ желудокъ наполненъ водой, — бѣгущее за пищей къ предѣламъ пустыни.

Крикъ лихорадочной радости вырвался изъ груди Мессуфита. Онъ бросился въ погоню за животными; но едва удался отъ дѣвушки, какъ ему показалось, что его преслѣдуетъ, наступаютъ, окружаетъ одна изъ тѣхъ многочисленныхъ, демонскихъ шаекъ, которыми сусвѣріе Мессуфитовъ наполняетъ эту пустыню для гибели тѣла и души путешественниковъ, блуждающихъ тамъ одиноко, и онъ задрожалъ, воображая, что слышитъ какъ они режутъ ему въ уши:

«Безумный! вехши бѣгутъ скоро, твое тѣло утомлено, ноги отяжелѣли, ты ихъ не догонишь!... безумный!... безумный!»

Онъ остановился запыхавшись и поблѣднѣвъ, не зная продолжать ли ему погоню или воротиться; но вспомнивъ отчаянное состояніе бѣдной Геллѣ, пересталъ колебаться и пустился бѣжать, вскричавъ:

— Аллахъ милостивъ!... Мужество мое велико! я догону вехшій!

Въ самомъ дѣлѣ, черезъ нѣсколько минутъ послѣ быстраго, безумнаго бѣга, выстрѣлъ раздался въ безграничной пустыни и огромное животное покатилося безжизненно на песокъ.

Эль-Хаджъ Зейявъ съ живостью схватилъ небольшой мѣхъ, висѣвшій у него съ боку, потомъ вытащивъ ятаганъ проткнулъ желудокъ звѣря. При видѣ вытекавшей воды, онъ не могъ побѣдять желанія утолить жгучую жажду, поживавшую его уже двадцать смертельныхъ часовъ. Онъ жадно ее выпилъ, думая, что ему будетъ легко, собравшись снова съ силами, наступивтъ и убить другаго вѣхшия. Тщетная надежда! Испуганныя выстрѣломъ животныя, удвоили скорость бѣга, и когда Эль-Хаджъ Зейявъ хотѣлъ снова пуститься за ними въ погоню, онъ былъ уже такъ далеко, что наступъ ихъ не было никакой возможности!...

Безумное отчаяніе овладѣло тогда бѣдвымъ невольникомъ, при мысли, что онъ выпилъ воду, назначенную облегчить страданія, можетъ-быть даже сохранить жизнь его возлюбленной. Ночной мракъ распространился надъ пустыней, ужасъ снова воротился къ нему. Голосъ совѣсти принялъ онъ за крики демоновъ. Ему казалось, что они произносятъ эти зловѣщія слова:

«Горе тебѣ, Эль-Хаджъ-Зейявъ, горе! ты выпилъ воду вѣхшевь! Геллѣ, твоя возлюбленная погибнетъ! Горе тебѣ!... горе!»

Онъ упалъ безъ чувствъ. Когда чувства къ нему возвратились, солнце восходило, обливая пурпуровымъ свѣтомъ песокъ пустыни. Воспоминаніе о несчастной Геллѣ возвратилось ужасѣе, авительнѣе въ его душу. Онъ дотащился къ ней съ растерзаннымъ сердцемъ, изтомленный и нашелъ ее мертвою!...

Есть минуты въ жизни, когда нѣкоторые люди почерпаютъ въ избыткѣ самого несчастія необыкновенную энергію и мужество. Эль-Хаджъ Зейявъ, увидя у своихъ ногъ эту юную, прелестную женщину, которую неумолимая смерть скосила на утрѣ жизни, думая о потерянномъ счастьи, не нашелъ ни одной слезы, не пустилъ ни одного стenanія. Вырывъ могилу, онъ спустилъ туда тѣло несчастной Геллѣ, обернувъ голову ея къ Востоку; потомъ ставъ на колѣна у могилы, которую засыпалъ пескомъ, долго молился и далъ клятву странную, но понятную въ его положеніи—никогда не пить воды. Потомъ пустился въ дорогу, прогоняя встрѣчавшихся вѣхшевь и, наконецъ, черезъ десять дней неописанныхъ страданій и утомленія, дошелъ до Ивалатена, гдѣ нашелъ средства добраться до Алжира. Тамъ, чтобы разсѣяться отъ горя, нечувствительно точившаго его здоровье, онъ рѣшился

оставить родину; уѣхалъ изъ Африки и вышелъ на берегъ въ Марсель, 3 ноября 1830.

Вотъ какъ объявлялъ мнѣ Эль-Хаджъ Зейявъ причину своего отвращенія къ водѣ. Съ этого дня я расточалъ всѣ возможныя старанія, употребилъ все мое краспорѣчье, чтобы утѣшить его. Безполезныя старанія! бесплодное краспорѣчье! здоровье его должно ослабѣвать. Когда я замѣтилъ ему это, онъ сообщилъ мнѣ желаніе увидѣть снова Африку. Я не противорѣчилъ ему, надѣясь, что родной воздухъ подѣйствуетъ на него благотѣльно.

Онъ уѣхалъ.

Черезъ два мѣсяца послѣ этой разлуки, хозяйка подала мнѣ письмо съ черной печатью, съ алжирскимъ штемпелемъ!...

Я дрожа сорвалъ печать и вотъ что прочелъ:

(Пріятель мой выпнулъ изъ портфеля бумажку)

«Милостивый государь,

«Спѣшу исполнить священную обязанность.... послѣднюю волю умирающаго.... Недавно меня призвали въ качествѣ врача къ молодому Африканцу по имени Эль-Хаджъ-Зейяву, родомъ изъ Судана. Съ перваго взгляду я увидѣлъ, что помощь моя будетъ бесполезна! что тѣльное горе разрушаетъ жизнь этого человѣка! Дѣйствительно онъ скончался черезъ нѣсколько дней.... поручивъ мнѣ доставить единственному человѣку, котораго онъ любилъ послѣ своего отца, свою трубку и туфли, въ знакъ сохранныяго о немъ воспоминаія. Спѣшу переслать вамъ обѣ эти вещи, которыя вы получите вскорѣ послѣ этого письма.

«Докторъ Феликсъ Б...»

Не нужно говорить вамъ, продолжалъ мой пріятель взволнованнымъ голосомъ, что я зажигаю эту трубку и надѣваю туфли не безъ грустнаго, мучительнаго волненія, вспоминая объ ихъ первомъ, несчастномъ владѣльцѣ.

ЛИТЕРАТУРНЫЯ НОВОСТИ ВО ФРАНЦІИ. *Замогильныя Записки Шатобриана. Часть осьмая.* Однажды, вечеромъ, мы видѣли какъ въ наше убѣжище кто-то вошелъ украдкой въ одно окно, а вышелъ въ другое: это былъ москѣ Лабуарн, спасшійся отъ преслѣдованій Бонапарта. Вскорѣ послѣ этого явилась одна изъ этихъ страдающихъ душъ, которыя непохожи на другія души, и которыя смѣшиваютъ мимоходомъ свои неизвѣстныя несчастія съ страданіями человѣческаго роду: Люсиля, сестра моя.

Пріѣхавъ во Францію, я увѣдомилъ родныхъ о моемъ возвра-

щенія. Графиня де-Моринь, сестра моя, отпривилась первая отъискывать меня, ошиблась улицей и встрѣтила пать господъ Лассанъ, изъ которыхъ послѣдній вышелъ изъ сапожной, отъѣхать, что онъ здѣсь. Жена моя тоже явилась: она была прелестна и исполнена всѣми качествами, способными дать мнѣ счастье, которое я нашелъ съ нею съ-тѣхъ поръ, какъ мы сошлись. Графиня де-Ко, Люсилія, явилась потомъ. Жуберъ и графиня де-Бомонъ почувствовали къ ней страстную привязанность и вѣжное состраданіе. Тогда началась между ними переписка, кончившаяся только съ жизнью двухъ женщинъ, которыя склонились одна къ другой какъ два цѣпка одного свойства, готовые увлечь. Люсилія остановилась въ Версалі; тридцатого сентября 1802 и получила отъ нея эту записку: «Пишу, чтобы просить тебя поблагодарить отъ меня графиню де-Бомонъ за приглашеніе въ Савиньи. Я надѣюсь имѣть это удовольствіе черезъ двѣ недѣли, если только со стороны графини де-Бомонъ не встрѣтятся препятствій.» Графиня де-Ко пріѣхала въ Савиньи какъ сказала.

Я говорилъ вамъ, что въ юности сестра моя, канонисса Аржантьерскаго капитула, предвзначенная къ Ремпронтскому, имѣла къ мосьѣ де-Мальенлатру, совѣтнику въ бретанскомъ парламентѣ, привязанность, которая, заключенная въ груди ея, увеличила природную ея меланхолю. Во время революціи она вышла за графа де-Ко, а черезъ полтора года лишилась его. Смерть графини де-Фарси, сестры вѣжно любимой, увеличила грусть Люсиліи. Она привязалась потомъ къ женѣ моей и взяла надъ нею власть, сдѣлавшуюся мучительной, потому что Люсилія была вспыльчива, самовластна, безразсудна и жена моя, покоряясь ей капризамъ, скрывалась отъ нея, чтобы оказывать одолженія, который богатая пріятельница оказываетъ слишкомъ чувствительной и не такъ счастливой подругѣ.

Свойства и характеръ Люсиліи дошли почти до сумасбродства Жанъ-Жака Руссо; она почитала себя окруженною тайными врагами, давала графини де-Бомонъ, Жуберу и мнѣ ложные адреса, чтобы писать къ ней, разсматривала печати, старалась узнать по словамъ ли онѣ; блуждала изъ дому въ домъ, не могла оставаться ни у сестеръ ни у жены моей; не могла ихъ терпѣть, и жена моя, будучи предана ей выше всего, что только можно вообразить, была наконецъ угнетена тяжестью такой жестокой привязанности.

Еще новый ударъ судьбы поразилъ Люсилію. Мосьѣ де-Шендол-

дѣ, живя вѣкъ Вира, ѣздилъ къ ней въ Фужоръ; скоро устроилась была свадьба, которая вдругъ разошлась. Сестрѣ все не удавалось и она упала духомъ. Этотъ жалобный призракъ присылъ немного на камнѣ въ веселомъ саваннскомъ удивленіи столько сердець приняло его съ радостію и съ счастіемъ возвратило бы къ сладостной дѣйствительности бытія! Но сердце Люсиліи могло биться только въ воздухѣ, созданномъ нарочно для нея и который никто другой не дышала. Быстро поширала она дѣи особеннаго міра, куда судьба ее забросала.

Сестра не извинилась; она только приняла беземитное выраженіе своихъ бѣдствій: голова ея нѣсколько склонилась, какъ голова, отягощенная часами; она шепотавала шѣи родителей, эти первыя семейныя воспоминавія, вызванныя изъ памяти, окружали меня какъ ларвы, гнѣющія ночью при умирающемъ пламени погребельнаго костра. Глядя на Люсилію, и думалъ что вижу въ ней все свое дѣтство, которое смотреть на меня изъ-за ея нѣсколько помутнившихся глазъ.

Горестное видѣніе встало: эта женщина, отягощенная жизнью, какъ-будто пришла за другою угнетенной женщиной, которую должна была увлечь.

Лѣто прошло: по обыкновенію, я обещалъ себѣ повторить его на слѣдующій годъ; но стрѣлка не возвратится на тотъ часъ, котораго мы хотимъ. Зной въ Парижѣ и сдѣлалъ нѣсколько новыхъ знакомствъ. У воевъ Жюліена, человека богатаго, обязательнаго и веселаго собесѣдника, хотя въ его родѣ нѣтъ привычку застрѣливаться, была ложа во Французскомъ Театрѣ; онъ давалъ ее графини де-Вомонъ; четыре или пять разъ я былъ въ театрѣ съ де-Фонтаномъ и Жуберомъ. Когда я вступилъ въ свѣтъ, старая комедія была во всей своей славѣ, я нашелъ ее въ полномъ разрушеніи; трагедія еще поддерживалась, благодаря надмоазель Дюшена и особенно Тальмъ, достигшему до самой высокой степени драматическаго таланта. Я видѣлъ его при дебютѣ, онъ былъ не такъ хорошъ и, скажу, не такъ молодъ какъ въ то время, когда я увидѣлъ его снова: онъ пріобрѣлъ отличную наружность, благородство и важность, которыя достаются съ лѣтами.

Портретъ Тальмы, который мадамъ де-Сталь начертала, въ сочиненіи своемъ о Германіи, только въ половину справедливъ: блистательная писательница смотрѣла на великаго актера воображеніемъ женщины и придала ему то, чего не доставало.

Тальмъ не нуженъ былъ ширъ средній: онъ не умѣлъ пред-

ставлѣть *деорлима*, не зналъ нашего прежняго общества, не сѣдѣлъ за столомъ боярынь въ готической башнѣ, въ глубинѣ дѣсовъ; не понималъ гибкости, разнообразія тона, угодничества, вѣтренныхъ приѣмовъ нравовъ, наивности, иѣжности, героизма чести, христіанскаго самоотверженія рыцарства: не былъ ни Таукредомъ, ни Куси, или по-крайней-мѣрѣ превращалъ ихъ въ героев среднихъ вѣковъ своего изобрѣтенія.

Что же былъ Тальма? Онъ былъ — онъ, тотъ вѣкъ и древяное время съ глубокими и крѣпкими страстями любви и патриотизма: онъ являлись у него взрывами. Вдохновеніе было у него роковое, и то помѣшательство генія, въ которое повергаютъ бури переворотовъ. Ужасныя зрѣлища ихъ повторялись въ его талантѣ съ жалобнымъ и отдаленнымъ звукомъ хоровъ Софокла и Эврипида. Его грація, безусловная, поражала васъ какъ горе. Мрачную гордость, угрызеніе, ревность, душевную меланхолю, физическую боль, безуміе, невзгоду, человѣческой трауръ, звалъ онъ превосходно. Одинъ выходъ его на сцену, одинъ звукъ голоса былъ уже сильно трагическіе. Страданіе и мысль смѣшивались на лбу его, дышали въ неподвижности, въ позахъ, въ жесткахъ, въ походкѣ. Какъ *Грекъ* онъ приходилъ задыхавшимся и мрачнымъ изъ руинъ Аргоа, сущій безсмертный Орестъ, мучимый трупъ тысячи лѣтъ Эмевпадами. Какъ *Французъ* онъ явился изъ пустыхъ севъ-деицкихъ подземелій, гдѣ парки девяносто-третьяго года разсѣкли нить могильной жизни нашихъ древнихъ героевъ. Весь унылый, весь въ ожиданіи чего-то безвѣстнаго, но рѣшеннаго неправосуднымъ рокомъ, онъ ходилъ, какъ каторжникъ судьбы, неумолчно скованный между роковымъ приговоромъ и ужасомъ.

Время набрасываетъ неизбѣжный мракъ на старѣющія драматическія образцовыя произведенія; тѣнь ветхости пзмѣняетъ въ Рембрандовъ чпстѣйшихъ Рафаэлей; безъ Тальмы часть чудеса Корнеля и Расина осталась бы невѣстною. Драматическій талантъ — факель; онъ сообщаетъ огонь другимъ полугасшимъ факеламъ и оживляетъ геніевъ, восхищающихъ васъ своимъ возобновленнымъ блескомъ.

Тальмъ одолжены совершенствомъ актерской формы. По шестипа на сценѣ и строгость костюма такъ ли необходимы искусству какъ предполагаютъ? Герои Расина не заимствуютъ ничего отъ покрою платья: въ картинахъ первыхъ живописцевъ отдаленности пренебрежены и костюмы невѣрны. *Неистовство Ореста и проищанія Юда*, читанные въ гостиной Тальной во фрѣкъ про-

изводили такой же эффектъ какъ декламированныя на сценѣ въ греческой мантии или въ жидовскомъ кафтанѣ. Ивигенія была одѣта также какъ мадамъ де-Севинье, когда Боало обращаетъ съ этими чудными стихами къ своему другу.

Jamais Iphigénie en Aulide immolée
N'a coûté tant de pleurs à la Grèce assemblée,
Que dans l'heureux spectacle à nos yeux étalé
N'en a fait sous son nom verser la Champmeslé,

Этотъ способъ представленія неодушевленнаго предмета есть духъ искусства нашихъ временъ: она возвыщаетъ упадокъ высокой поэзіи и истинной драмы; когда безсильны къ великимъ красотамъ то довольствуются малыми; подражаютъ, до обману глазъ, кресламъ и бархату, когда уже не могутъ изобразить физиономію челоуѣка, сидящаго на этомъ бархатѣ и креслахъ. Спустившись до истинны матеріальной формы, находятъ себя принужденнымъ воспроизвести ее; потому что публика, ставъ сама матеріальной, требуетъ этого.

Между тѣмъ я кончилъ «Духъ Христіанства». Луціанъ пожелалъ видѣть нѣкоторыя корректуры и написалъ на поляхъ довольно пошлыя замѣчанія.

Хотя успѣхъ большаго сочиненія былъ такъ же блпстательнъ какъ успѣхъ маленькой «Аталы», его однако можно было оспорить: это было сочиненіе степенное, гдѣ я уже не попадалъ на основаніе прежней литературы и философіи посредствомъ романа, но гдѣ уничтожалъ ихъ разсужденіями и фактами. Волтеріанское царство взревѣло и пошло ратовать. Мадамъ де-Сталь ошиблась на-счетъ судьбы моихъ религіозныхъ писаній: ей приесли книгу неразрѣзанную, она просунула пальцы между листовъ, попала на главу la Virginité и сказала Адріану де-Монморанси, который былъ у ней:

— Ахъ! Боже мой! нашъ бѣдный Шатобрианъ! Это не будетъ имѣть никакого успѣха.

Аббатъ де-Булонъ, взявъ въ рукахъ нѣкоторыя части моего сочиненія до печатанія, отвѣчалъ спрашивавшему его книгопродавцу:

— Если хотите разориться, то печатайте!

А послѣ аббатъ де-Булонъ написалъ слишкомъ великодушную похвалу моей книгѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, казалось, все возвыщало мое паденіе: какъ жогъ я надѣяться, безъ имени, безъ хвалителей, разрушить влія-

віе Вольтера, господствующее уже полстолѣтія, Вольтера, величшаго огромное зданіе, окончательное энциклопедистами, скрѣпленное столыпными прославленными людьми въ Европѣ? Какъ? развѣ Дидроты, Даламберты, Дюкло, Дюнон, Гельвеційсы, Кондорсеты, были умы безъ головы? Какъ! свѣтъ воротится къ легендѣ, откажется отъ удивленія къ образцовымъ произведеніямъ науки и разсудка? Могъ ли я выиграть дѣло, котораго не могъ спасти Римъ, вооруженный всѣми своими перунами? Не было ли и смѣшно и отважно человѣку неизвестному противиться естественному движенію до такой степени несодому, что оно произвело морскую революцію? Даромъ было вѣдѣть, какъ пугней *протыкается крѣпостныя руки*, чтобы задумана была, и остановить ходъ роду человеческого! Слава Богу, довольно этого слова, чтобы разбить безумца: и въ самомъ дѣлѣ Жюльядъ ругая «Духъ Христіанства» въ «Декадѣ», объявлялъ, что критика съ судомъ своимъ опоздала, потому что моя оклеветка уже всѣмъ забыта. Это было сказано черезъ пять или шесть мѣсяцевъ по выходѣ въ свѣтъ книги, которой не могло уничтожить нападкѣ всей Французской Академіи по случаю десятилѣтнихъ прерій.

Среди обломковъ вашихъ храмовъ издавъ я «Духъ Христіанства». Вѣрныя считали себя спасенными; тогда нуждались въ вѣрѣ, жаждали религиозныхъ утѣшеній, что происходило отъ лишешя этикъ утѣшеній впродолженіи долгихъ лѣтъ. Сколько требовалось сверхъестественной силы, для столыпныхъ претерпѣнныкъ невзгодъ! Сколько увѣчныхъ семействъ искали у Отца чловѣковъ потерянныхъ дѣтей! Сколько разбитыхъ сердець, сколько душъ одинокихъ, призывалъ божественную руку для исцѣленія! Бросались въ церкви, какъ въ домъ врача во время заразы. Жертвы нашихъ смутъ (и сколько различныхъ жертвъ!) спасались у алтаря; жертвы кораблекрушенія цѣплялись за скалу, на которой искали спасенія.

Эпизодъ изъ «Духа Христіанства», надѣлавшій тогда менѣе шуму чѣмъ «Атала», рѣшилъ одну изъ чертъ новѣйшей литературы, но если бы *Реней* не существовалъ, я не висалъ бы его, если бы можно было уничтожить, я бы уничтожилъ. Расплодилась семья Ренеєвъ поэтовъ и Ренеєвъ прозаиковъ: слышались только жалобные и отрывистые звуки, говорили только о вѣтрахъ и буряхъ, о неизвестныхъ словахъ, брошенныхъ облаками и вѣчи. Не было ни одного школьника, который бы не воображалъ себя несчастливѣйшимъ изъ людей, мальчишки, который бы въ шествіи дѣтъ не восторжъ жизни, не думалъ, что его мучитъ го-

ній, въ безднѣ мыслей не предавался неопредѣленности страстей, не ударялъ по блѣдному и растрепанному лбу, и не удивлялъ изумленныхъ людей горемъ, которому названія ни оны, ни они не знали.

Въ Реневъ и вложилъ одна изъ недуговъ моего вѣка, но романисты опять затѣяли вздоры, вздумавъ сдѣлать страданіе всеобщимъ средствомъ. Общія чувства, составляющія основаніе человечества, отеческая и материнская вѣжность, сыновьяя любовь, дружба, любовь непостижимы; но особенная манера чувствованія, личность ума и характера могутъ распространяться и умножаться только въ большихъ и многочисленныхъ картинахъ. Неоткрытые уголки человеческого сердца — поле тѣсное, въ немъ нечего собирать послѣ пожинавшей уже руки. Душевная бѣдность — состояніе непостоянное и не натуральное: его нельзя воспроизвести, сдѣлать изъ него литературу, воспользоуясь какъ отраслью общею, безпрестанно измѣняемой волею художниковъ, которая управляетъ ею и измѣняетъ ея формы.

Какъ бы то ни было, литература окрасилась цвѣтами шенкъ религіозныхъ картинъ, а дѣла сохранили фразеологію мощъ писателій о гражданствѣ. Писатели удостоили меня чести водремать «Аталъ» и «Ренею» такъ какъ церковная кафедра занималась моими рассказами о миссіяхъ, благотѣвляхъ христіанства. Мѣста, въ которыхъ я показываю, что, прогнавъ языческія божества изъ Альсовъ, наше богопочтаніе распространило свои предѣлы и возаратило природу къ уединенію; параграфы, гдѣ я толкую о вліяніи религіи на образъ мыслей и выраженія, гдѣ разсматриваю перемены въ поэзіи и красворѣчій; главы, которыя посвящаю въискашіямъ о чувствахъ чуждыхъ, введенныхъ въ драматическій характеръ древности, заключаютъ зародышъ новой критики. Дѣйствующія лица Расина, какъ я уже сказалъ, не греческія лица, а христіанскія; а этого вовсе не поняли.

Если бы дѣйствіе «Духа Христіанства» было только возстаніемъ противъ ученія, отъ котораго произошло революціонныя бѣдствія, это вліяніе прекратилось бы вмѣстѣ съ причиною и не продолжилось бы до той минуты, когда я пишу. Но дѣйствіе «Духа Христіанства» на мнѣнія не ограничилось мгновеннымъ воскрешеніемъ религіи, которую почитали въ могилѣ; произошла перемѣна болѣе продолжительная. Если въ сочиненіи была новизна слогу, то заключалась также и перемѣна ученія; основаніе было также измѣнено какъ формы; атеизмъ или матеріализмъ не были уже основаніемъ вѣры или невѣрія молодыхъ умовъ; мысль о

Богъ и о безсмертіи души опять возвратила свое могущество: оттуда измѣненіе въ цѣли идей, связывающихся одна съ другою.

Толчокъ, данный умамъ «Духомъ Христіанства», выбалъ осемнадцатое столѣтіе изъ грязной колеи: опять принялись или скорѣе, начали изучать источники христіанства: перечитывали писанія святыхъ отцовъ, — предполагая, что ихъ когда-нибудь читали во Франціи, — и были поражены, встрѣчая столько любовныхъ фактовъ, столько философической науки, столько красоты слогу во всѣхъ родахъ, столько идей, которыя, по болѣе или менѣе чувствительной постепенности, дѣлали переходъ отъ древняго къ новѣйшему обществу: единственная и достопамятная эра человѣчества, гдѣ небо сообщается съ землею черезъ души гениальныхъ людей.

Возлѣ обрушивающагося языческаго міра, когда-то возвысился, какъ будто внѣ общества, другой міръ, зритель этихъ великихъ зрѣлищъ, бѣдный, отдаленный, уединенный, который вмѣшивался въ житейскія дѣла только тогда, когда кто имѣлъ нужду въ его наставленіяхъ или въ его помощи. Чудно было видѣть первыхъ епископовъ, почти всѣхъ почтенныхъ именемъ святыхъ и мучениковъ, этихъ простыхъ священниковъ, бодрствующихъ надъ мошами и на кладбищахъ, этихъ монаховъ и отшельниковъ въ монастыряхъ и гротахъ, дѣлающихъ уставы мпра, нравственности, милосердія, когда всюду была война, развратъ, варварство, переходящихъ отъ тирановъ Рима къ татарскимъ и готскимъ начальникамъ, чтобы предупредить несправедливость однихъ и жестокость другихъ, останавливающихъ войско деревяннымъ крестомъ и миролюбивымъ словомъ, самыхъ слабыхъ изъ людей и покровительствующихъ міръ противъ Атталы, поставленныхъ какъ связь между двухъ вселенныхъ, чтобы утѣшить послѣднія минуты умирающаго общества, и поддерживать послѣдніе шаги общества въ колыбелѣ.

Невозможно, чтобы истины развитыя въ «Духѣ Христіанства» не способствовали къ перемѣнѣ идей. Также съ этимъ соціальнымъ связывается вышшій вкусъ къ зданіямъ среднихъ вѣковъ; я заставлялъ юное столѣтіе пзумляться древнимъ храмамъ. Если мнѣніе мое употребили во зло, если не правда, что соборы наши приблизились къ красотѣ Партегона, если несправедливо, что эти церкви возвѣщаютъ намъ въ своихъ каменныхъ документахъ невѣдомые факты; если безумно поддерживать, что эти гранитные памятники открываютъ намъ вещи, ускользнушія отъ ученыхъ бепедиктицевъ, если то и дѣло что слыша толки о го-

тическомъ, умирають со скуки, это не моя вина. Впрочемъ, въ отношеніи искусства, я знаю чего недостаетъ «Духу Христіанства»; эта часть моего сочиненія очень недостаточна, потому что въ 1800 я не зналъ искусствъ, не видѣлъ ни Италіи, ни Греціи, ни Египта. Также я не довольно воспользовался жизнью святыхъ и легендами; онѣ представляли мнѣ дивные рассказы: выбирая со вкусомъ можно было сдѣлать обильную жатву. Это поле богатства воображенія среднихъ вѣковъ превосходить въ плодovitости превращенія Овидія и мплезійскія басни. Сверхъ того въ моемъ сочиненіи есть плоскія и живыя сужденія, какъ напримѣръ сужденія о Давте, которому послѣ я воздалъ блестящую хвалу.

Въ серьезномъ отношеніи я дополнилъ «Духъ Христіанства» въ «Etudes historiques», одномъ изъ о нихъ сочиненій, о которомъ мнѣ всего говорили, и которое болѣе всего обокрали.

Успѣхъ «Аталы» очаровалъ меня, потому что душа была еще свѣжа; успѣхъ «Духа Христіанства» былъ мнѣ мучителенъ: я принужденъ былъ пожертвовать временемъ перепишкѣ по-крайней-мѣрѣ бесполезной и чужестранной учтивости. Натянутое удивленіе не вознаграждало меня за досады, ожидающія того человека, чье имя осталось въ памяти толпы; какое благо можетъ замѣнить миръ, который вы потеряли, пустивъ публику во внутреннюю жизнь свою. Прибавьте къ этому безпокойство, которымъ музы любятъ мучить своихъ поклонниковъ, хлопоты задорнаго характера, неспособность къ фортунѣ, потеря свободнаго времени, неровный нравъ, чувствованія болѣе живыя, грусть и радость безъ причины: кто бы захотѣлъ, если бы былъ властенъ, купить на подобныхъ условіяхъ невѣрныя выгоды репутаціи, которую будутъ оспаривать во время вашей жизни, которую потомство не подтвердитъ и которой смерть сдѣлаетъ вѣсь навсегда чуждой?

Литературныя препія о новизнѣ слогу, возбужденныя «Аталой» возобновились при изданіи «Духа Христіанства».

Одна характеристическая черта нашей имперской школы и даже школы республиканской, достойна замѣчанія. Между-тѣмъ какъ общество подвизалось въ добрѣ и въ злѣ, литература оставалась неподвижной; чуждая къ перемѣнамъ идей она не принадлежала своему времени. Въ комедіи помѣщики, Колены, Бабеты или интрига неизвѣстныхъ уже гостивыхъ развѣгивались (какъ я уже замѣтилъ) передъ грубыми и кровожадными людьми, разру-

дѣтелями правотъ, которыхъ картину представляли; въ трагедіи публика все также занималась людьми высокаго роду.

Литература, знаменующая новую эру, началась только соротъ дн пятьдесятъ лѣтъ спустя послѣ открытія эры. Втеченіи этого полустолѣтія она только боролась и ссорилась. Мадамъ де-Сталь, Константъ, Лемерсіѳъ, Бональдъ, и наконецъ я, мы первые заговорили новымъ языкомъ. Литературный переворотъ, который тщеславится осемнадцатою столѣтіемъ, пришелъ къ нему изъ эмиграціи и изгнанія; де-Фонтанъ первый высидѣлъ этихъ птичекъ новой породы, особенно тѣмъ, что восходя къ семнадцатому вѣку, онъ набрался силы этого богатаго времени и потерялъ безплодность вѣку осемнадцатаго. Часть разуму человѣческаго, разбѣрающая трансцендентальныя предметы, подвинулась одна равнымъ шагомъ вмѣстѣ съ образованностью; къ несчастію, слава званія не осталась безпорочною: Лапласы, Лагранжи, Монжи, Шаптели, Бертолеты, всѣ эти чудные умы ужасно полюбили мірскую суету. Надо сказать правду, словесность осталась независимой, наука пошла ползкомъ; гениямъ не хватало характера, и тѣ изъ нихъ, которыхъ мысль парила выше звѣздъ на небѣ, думали только о томъ, какъ бы подбирать чины и титулы съ земли.

Наполеоновскій классикъ былъ гений девятнадцатаго вѣка въ парикѣ Людовика Четырнадцатаго, завшой по модѣ временъ Людовика-Пятнадцатаго. Бонапарте любилъ этотъ родъ, который и сдѣлался господствующимъ. Невозможно представить себѣ ничего блѣднѣе и ледовитѣе этого снимка со старины, который мгновенно рассыпался въ прахъ, какъ скоро новая словесность съ шумомъ вторглась на попрѣ въ образѣ моей книги. Въ послѣдней главѣ «Духа Христіанства» я разсматриваю вопросъ — что случилось бы съ міромъ, если бы петривая вѣра не была проповѣдуема во время шествія варваровъ: въ другомъ параграфѣ говорю я о томъ, какую важную книгу можно бы написать о перемѣнахъ, которыя христіанство ввело въ законы послѣ обращенія Константина. Въ нынѣшнемъ положеніи религиозныхъ чувствъ въ Европѣ я сочинилъ бы совсѣмъ другую книгу, но — вспоминая времена — вспоминая обстоятельства — видя плоды, приписавши думамъ и умамъ моихъ твореніемъ, направленіе, которое дало оно историческимъ изслѣдованіямъ, пользу принесенную имъ литературѣ, наукѣ, вѣрованію, душевному счастью, я отнюдь не сожалѣю о томъ, что оно — мое. Если имя мое оставитъ слѣды, я буду этимъ обязанъ «Духу Христіанства»; не обманывай

себя о существенномъ достоинствѣ сочиненія, я признаю въ немъ достоинство случайное; оно явилось именно въ свою пору. Если вліяніе моего труда не ограничивалось съ перемѣной, которую въ теченіе сорока лѣтъ произвело между живущими: поколѣніями, если бы еще служило къ оживленію у запоздалыхъ, искры образованныхъ истинъ земли, если легкій признакъ жизни, который думали тамъ видѣть, поддерживался въ будущихъ поколѣніяхъ, я бы удался полный надежды въ божественное милосердіе. Когда меня не станетъ, не забывай меня въ молитвахъ примиренный христіанинъ! мой прегрѣшенія можетъ быть оставить меня у этихъ дверей, гдѣ христіанская любовь моя восклицала за тебя: «Отворитесь вѣчныя врата! *Eleventhini, portæ æternales!*»

Жизнь моя совершенно разстроилась какъ только перестала принадлежать мнѣ. У меня была цѣлая толпа знакомствъ внѣ обычнаго моего общества. Меня призывали въ возстановляемые замки. Отправлялись какъ могли въ эти полумеблированные обители, гдѣ старыя кресла замѣняли новыя. Однако нѣкоторые замки остались въ цѣлости, какъ напримѣръ *Marais*, доставшійся мадамъ де-Лабришъ, превосходной женщиной, отъ которой счастье не могло отъязаться. Я помню, что мое безсмертіе ходило въ улицу *Saint Dominique d'Enfer*, взять мѣсто въ *Marais*, въ дрянной наемной каретѣ, гдѣ я встрѣчался съ мадамъ де-Винтимиль и мадамъ де-Фезанзакъ. Въ *Шавлатрѣ*, *Молѣ* передѣлывалъ комнаты во второмъ этажѣ. Въ большой полуразрушенной гостиной висѣла картина, гдѣ Матвѣй Молѣ, отецъ, былъ представленъ, остававливающий мятежъ своимъ четвероугольнымъ колпакомъ: картина, заставлявшая чувствовать разность временъ. Великолѣпная площадка, обсаженная липами, была очищена; но одна изъ трехъ аллей, которыя туда сходились, оставалась еще во всей пышности своей старой тѣни; потомъ насадили здѣсь другихъ деревьевъ: вотъ вамъ тощія тополи, какъ повсюду во Франціи.

По возвращеніи изъ эмиграціи не было ни одного бѣднаго изгнанника, который бы не выводилъ кривизны англійскаго саду на десяти футахъ земли или двора съзнаова найденныхъ кмѣ: я самъ развѣ не садилъ когда-то Волчью Долину? Не тамъ ли началъ эти «Заниски»? Не продолжалъ ли ихъ въ монбодессерскомъ паркѣ, котораго видъ, обезображенный небреженіемъ, старались тогда оживить, и въ ментенонскомъ паркѣ, недавно возстановленномъ, новой добычи для возвращающихся смуть? Замки

сожженные въ 1789, должны бы предостеречь остальные замки, оставаться скрытыми въ своихъ обломкахъ: но колокольни догложенныхъ деревень, пробивающіеся изъ лавы Везувія, не мѣшаютъ строить на поверхности той же лавы другія церкви и другія деревушки.

Между пчелами, составлявшими нашъ улей, была маркиза де-Кюстинъ, наследница длинныхъ волосъ Маргариты Прованской, жены Людовика Святаго, отъ крови которой она происходила. Я присутствовалъ при вступленіи ея во владѣніе Фервакомъ, и имѣлъ честь спать на кровати Беарца, и на кровати Христины Комбургской. Путешествіе это было дѣломъ не мало-важнымъ; въ одной каретѣ надо было отправить Астольфа де-Костина, ребенка, мосьё Бирштета гувернера, старую эльзаскую няньку, говорившую только по-нѣмецки, Женни горничную и Трима, знаменитую собаку, которая съѣдала дорожную провизію. Можно было подумать, что эта колонія отправлялась въ Фервакъ навсегда, однако замокъ не кончили еще меблировать, какъ уже подали сигналъ къ переезду. Я видѣлъ ту, которая съ такими великимъ мужествомъ вступила на ашафотъ, когда она была Парки, въ черной одеждѣ, съ станомъ, утонченнымъ смертью, съ головой, украшенной только шелковистыми волосами, улыбавшая мнѣ своими блѣдными губами, прелестными зубами, оставшая Сешеронъ, возлѣ Женевы, чтобы умереть въ Бексѣ, при вхождѣ въ Valais; я слышалъ какъ гробъ ея проходилъ ночью въ удивительныхъ улицахъ Лозанны, чтобы занять вѣчное мѣсто свое въ Фервакѣ. Она успѣшила скрыться въ землю, которой владѣла только на мгновеніе, какъ жизнью. Я прочелъ на углу каминнаго замка эти плохія рифмы, которыя приписываютъ любовнику Габриелю:

La dame de Fervagues
Mérîte de vives attaques.

Король вонялъ говорилъ то же и о другихъ: перелетныя мушкетіи обласканы, скоро выглаженныя и переходившія отъ красавицы на красавицу до госпожи де-Кюстинъ. Фервакъ былъ проданъ.

Я встрѣтилъ еще герцогиню де-Шатильонъ, которая въ отсутствіе мое во время Ста-Дней, прибрала мою долину Aulnay. Маданъ Анидсе, отъ которой я не переставалъ видѣться, познаномила меня съ Юліемъ Тальмой. Маданъ де-Клермонъ-Тоннеръ при-

звекла меня къ себѣ. У масть была одна бабушка и ей угодно было называть меня братцемъ. Оставшись вдовою послѣ графа де-Клермонъ-Тоньеръ, она вышла въ другой разъ за маркиза де-Таларю. Въ темницѣ она обратила Лагарпа. Черезъ нее я узналъ живописца Нвѣ, завербованнаго въ число ея угодниковъ; Нвѣ не надолго свелъ меня съ Сень-Мартеномъ.

Де-Сень-Мартену показалось, будто онъ нашелъ въ Атагѣ какой-то условный языкъ, котораго самъ я не прихѣтилъ и которымъ доказывалось сходство его мнѣній съ моими. Нвѣ, чтобы соединить двухъ собратовъ, далъ намъ обѣдъ въ высокой комнатѣ, которую онъ занималъ въ бурбонскомъ дворцѣ. Я прѣхалъ въ шесть часовъ: заоблаченный облакомъ былъ уже на своемъ постѣ. Въ семь часовъ сиренный лакей поставилъ на столъ супъ, удался и заперъ дверь. Мы съѣли и начали безмолвно есть. Де-Сень-Мартенъ, у котораго сверхъ-того были прекрасныя манеры, произносилъ только короткія прерывательныя слова. Нвѣ откидалъ восклицаніями съ жестами и гримасами живописца; я не повторялъ ни слова.

Черезъ полчаса омухъ вошелъ, снявъ супъ и поставилъ другое блюдо на столъ: кушанья сѣвнялись такимъ образомъ одно за другимъ въ даяныя промежуткахъ. Де-Сень-Мартенъ, разгорячась мало-по-малу, началъ говорить высказанно; тѣмъ болѣе онъ говорилъ, тѣмъ болѣе языкъ его становился ладонскимъ. Нвѣ сказалъ мнѣ, сжавъ руку, что мы увидимъ вещи необыкновенныя, услышимъ шумъ: шесть смертельныхъ часовъ я слушаю и ничего не понимаю. Въ полночь дуквонецъ вдругъ остался: я думалъ, что оуспѣется духъ тѣми или духъ свѣту, что званіи разсеуются по таинственнымъ корридорамъ; но де-Сень-Мартенъ объявилъ, что онъ дезуррился, и что мы въ другой разъ возвратимся къ этому разговору; надѣвъ шалью и ушелъ. Къ несчастію для него, неожиданнѣйшій гость отаждаятъ его у дверей и принудилъ воротиться, но все-таки онъ скоро доезжалъ. Я никогда болѣе не видалъ его: онъ ушелъ и умеръ въ саду Леопара-Ларожа, моего соратника по долинѣ Антрау.

Я — тушъ на Следенборгевъ: аббатъ Фаридъ, на обѣдѣ у мадамъ де-Кюстинъ хладился, что магнетизмомъ умертвить каварейку: каварейка одолѣла и аббатъ, видъ себя, быдъ принужденъ отказаться отъ затѣи, опасаясь, что каварейка убьетъ его: колдовскою трюможидикъ оказался бредомъ, потому что тутъ былъ хорешій христіанинъ — я.

Въ другой разъ, опять у мадамъ де Кюстинъ, знаменитый Гальс-

обѣдалъ со мною, не зная меня, обманулся на счетъ моего лицеваго угла, принялъ меня за рифмоплета и хотѣлъ, узнавъ кто я, поправить свое знаніе такимъ образомъ, что мнѣ стало стыдно за него. Форма головы можетъ служить къ тому, чтобы различить полъ, показать что принадлежитъ къ животнымъ страстямъ, но умственныя способности френологія никогда не узнаетъ. Еслибы можно было собрать черепы различныхъ великихъ людей, умершихъ съ сотворенія міра и представить ихъ глазамъ френологовъ, не говоря чьи они, эти люди не нашли бы адреса ни одной головы: судя по желвакамъ, они надѣлали бы самыхъ смѣшныхъ ошибокъ.

Мнѣ стало совѣстно: я говорилъ о мосьѣ де-Сенъ-Мартенъ съ насмѣшкой и рассказываю: эта насмѣшливость, которую я безпрестанно отталкиваю и которая безпрестанно ко мнѣ возвращается, мучитъ меня; я ненавижу сатирическое остроуміе, потому что это самое мелочное, самое обыкновенное и самое легкое изъ всѣхъ; разумѣется, что этихъ я не хочу увидѣть высокой комедіи. Мосьѣ де-Сенъ-Мартенъ былъ, конецъ концовъ, человекъ съ высокими достоинствами, съ благороднымъ и независимымъ характеромъ. Когда случались у него идеи удобопонятныя, онѣ бывали высоки и прекрасны. Не вымарать ли мнѣ двѣ предвдущія страницы изъ благодарности за великодушный и слишкомъ лестный отзывъ автора «Портрета мосье де-Сенъ-Мартена, писаннаго мнѣ самимъ?» Я бы это сдѣлалъ немедленно, если бы онѣ могли вредить положительной славѣ мосье де-Сенъ-Мартена и уваженію, во всякомъ случаѣ, должному его имени. Я впрочемъ вижу съ удовольствіемъ, что мои воспоминанія не обманули меня: мосьѣ де-Сенъ-Мартенъ не могъ быть совершенно пораженъ такъ какъ я на обѣдѣ, о которомъ говорю; но видно, что я не выдумалъ сцену и что рассказъ де-Сенъ-Мартена въ сущности похожъ на мой.

«Двадцать-осмага января 1803, говоритъ онъ, я видѣлся съ мосьѣ де-Шатобрианомъ на обѣдѣ, нарочно для того устроенномъ, «у Нвѣ въ Политехнической Школѣ. Я бы много выигралъ еслибы зналъ его ранѣе: это единственный честный литераторъ, съ которымъ я видѣлся съ тѣхъ-поръ какъ существую, а я еще только наслаждался его разговоромъ за обѣдомъ. Скоро пришелъ гость, который сдѣлалъ его безмолвнымъ на остальное время и «я не знаю когда представится опять случай, потому что царь «міра хочетъ остановить мою колесницу. Впрочемъ чего же мнѣ «нужно?»

Жосё де-Сенъ-Мартенъ въ тысячу разъ лучше меня: сановитость послѣдней фразы уничтожаетъ своимъ величіемъ мое безвредное цыганство.

Я встрѣтился съ де Сенъ-Ламберомъ и мадамъ д'Удто въ Магаин; оба они представляли старинныя мѣбля, набитыя соломой и тщательно сохраненныя подъ стекломъ — сущій осемнадцатый вѣкъ!

Трудно было понять нѣсколько страницъ изъ Исповѣди, при видѣ предмета восторговъ Руссо: сохранила ли мадамъ д'Удто письма, которыя писалъ къ ней Жанъ-Жакъ, и которыя, по словамъ ея были пламениѣе писемъ «Новой Элоизы». Думаютъ, что она пожертвовала ими де-Сенъ-Ламберу.

Въ осемдесятъ лѣтъ, мадамъ Удто еще восклицала въ пріятныхъ стихахъ:

Et l'amour me console

Rien ne pourra me consoler de lui.

Она не ложилась, не топнуть туфлей три раза и не сказавъ автору *Saisons*: «Добрый вечеръ, другъ мой!» Вотъ чѣмъ ограничивалась въ 1803 философія осемнадцатаго столѣтія.

Общество мадамъ д'Удто, Дидро, Сенъ-Ламбера, Руссо, Гримма, мадамъ д'Эпінн сдѣлало мнѣ долину Монморанси несносною, и хотя въ разсужденіи курьезовъ я очень радъ, что обломокъ вольтеріанскихъ временъ попался мнѣ на глаза, я не сожалѣю объ этомъ времени. Недавно я видѣлъ въ Санноа, домъ, въ которомъ жила мадамъ д'Удто — пустопорожнюю развалину съ четырьмя стѣнами. Оставленное пепелище всегда интересно, но чтò значить камень, передъ которымъ не спѣла ни красавица, ни мать семейства, ни набожность, и котораго зола, если бы ея не разметалъ вѣтеръ, заключала бы въ себѣ перегаръ годовъ, знавшихъ только то, чтобъ портить да уничтожать.

Контрафакція книга моея «Духа Христіанства» въ Авльонѣ, призвала меня въ октябрѣ 1802 въ южную Францію. Я зналъ только мою бѣдную Бретань и сѣверныя провинціи, черезъ которыя проѣзжалъ, оставляя отечество. Я ѣхалъ смотрѣть на солнце Прованса, на это небо, которое должно было представить мнѣ образчикъ Италіи и Греціи, куда истиннкъ и муза призывали меня. Я былъ въ счастливомъ расположеніи, репутація облегчала мнѣ жизнь: въ первомъ упоеніи славы много грѣзъ, и сначала глаза съ наслажденіемъ наполняются восходящимъ свѣтомъ; но устъ этотъ свѣтъ погаснетъ и вы останетесь во мракѣ, если

же онъ продолжится, привычка видѣть его скоро сдѣлаетъ мнѣ нечувствительнымъ къ нему.

Лионъ доставилъ мнѣ чрезвычайное удовольствіе. Я опять встрѣтилъ эти творенія Римляниъ, которыхъ не видалъ съ-тѣхъ поръ, какъ въ тревскомъ амфитеатрѣ читалъ нѣсколько листковъ Атлы, вытащивъ ихъ изъ сумки. На Саонѣ перевозили отъ одного берега на другой лодки, обшитыя полотномъ, съ фонаремъ ночи; правили ими женщины; осемнадцатилѣтняя лодочница, которая взяла меня къ себѣ на лодку, поправляла при каждомъ ударѣ весла, букеть цѣтвъ, дурно прикрѣпленныхъ къ ея шляпѣ. Я пробудился утромъ при звукѣ колоколовъ. Монастыри, висающіе на пригоркахъ, какъ-будто возвратили своихъ пустынниковъ. Сынъ Балланша, владѣльца послѣ Миньере «Духа Христіанства», былъ моимъ хозяиномъ и сталъ другомъ. Кто не знаетъ нынче христіанскаго философа, котораго сочиненія блестятъ этимъ мирнымъ свѣтомъ, гдѣ пріятно остановитъ взоръ, какъ на лучѣ дружескаго свѣтлы въ небѣ?

Двадцать-седьмого октября, почтовый ядоть, который привезъ меня въ Авиньонъ, былъ принужденъ остановиться по причинѣ бури. Я вообразилъ себя въ Америкѣ: Рона представила мнѣ большія степныя рѣки. Я пріютился въ маленькомъ трактирѣ, на берегу воды; рекрутъ стоялъ у очага съ сумкой на спинѣ; онъ шелъ въ итальянскую армию. Я писалъ на раздувательномъ мѣхѣ передъ трактирщицей, сидѣвшей безмолвно передо мною. Изъ уваженія къ путешественнику, она не давала шумѣть собакѣ и кошкѣ.

А писалъ я статью, которая почти была уже кончена во время плаванія по Ронѣ, статью о Legislation primitive, Бовальда. Я предвидѣлъ то, что случилось послѣ:

«Французская литература, говорилъ я, перемѣнитъ видъ; съ бурными переворотами родятся другія мысли, другой образъ мыслей о вещахъ и людяхъ. Легко предвидѣть, что писатели раздѣлятся. Одни усилятся выйти изъ прежнихъ дорогъ; другіе постараются слѣдовать древнимъ образцамъ, но представивъ ихъ въ новомъ свѣтѣ. Вѣроятно, что послѣдніе возьмутъ верхъ надъ противниками, потому что опираясь на великія преданія и великихъ людей, они будутъ имѣть руководителей вѣрнѣе и документы обильнѣе».

Строчки, оканчивающія мою странствующую критику, взяты изъ исторіи; умъ мой шелъ тогда съ вѣкомъ: «Авторъ этой статьи, говорю я, не можетъ остаться чуждымъ картины, которую

доставляетъ ему положеніе, въ какомъ онъ находится. Въ ту минуту какъ пишетъ эти послѣднія слова, онъ плыветъ по одной изъ самыхъ большихъ рѣкъ во Франціи. На двухъ противоположныхъ горахъ возвышаются двѣ башни въ развалинахъ; на верху этихъ башенъ привязаны небольшіе колокола, которыми горцы зовутъ при нашемъ прїѣздѣ. Эта рѣка, эти горы, эти готическіе монументы веселятъ на мгновеніе глаза зрителей; но никто не останавливается, чтобы идти туда, куда приглашаетъ его звонокъ. Путешественникъ изумляется громадности обломковъ, прїятности выходящихъ оттуда звуковъ, величію возвышающихся оттуда воспоминаній, но не останавливаетъ шествіе свое и при первомъ поворотѣ рѣки все забыто».

Прїѣхавъ въ Авиньонъ наканунѣ праздника всѣхъ святыхъ, я купилъ у ребенка, предлагавшаго мнѣ книги, три различныя и поддѣланныя изданія небольшого романа называемаго «Атала». Переходя отъ книгопродавца къ книгопродавцу, я отрылъ поддѣлывателя, который не зналъ меня. Онъ продалъ мнѣ четыре тома «Духа Христіанства» за ушѣренную цѣну, по девяти франковъ за экземпляръ и сдѣлалъ огромнѣйшую похвалу сочиненію и автору. Онъ жилъ въ прекрасномъ домѣ между дворомъ и садомъ. Я подумалъ, что нашелъ сороку въ гнѣздѣ: черезъ сутки я соскучился гоняться за фортуной и почти за ничто условился съ воромъ.

Я видѣлъ мадамъ де-Жансонъ, низенькую, сухую, бѣлую, рѣшительную женщину, которая въ своемъ помѣстьѣ, воевала съ Роной, перестрѣливалась съ прибрежными жителями и оборонялась отъ годовъ.

Заальпійскія путешествія начинались прежде Авиньономъ, это былъ входъ въ Италію. Французскіе географы говорили: «Рона принадлежитъ королю, но Авиньонъ орошается рукавомъ рѣки Сорги, которая принадлежитъ папѣ».

Въ Авиньонѣ мы осматривали Целестиновъ монастырь, гдѣ Реней велѣлъ написать въ монастырской залѣ скелетъ любимой имъ женщины необыкновенной красоты.

Въ церкви Бернардиновъ находится гробница мадонны Лауга: Францискъ Первый приказалъ отворить ее и поклонился безсмертному зраку. Мариньянскій побѣдитель оставилъ на новомъ воздвигнутомъ имъ памятникѣ, эту эпитафію:

En petit lieu compris vous pouvez voir
Ce qui comprend beaucoup par renommée

.....
 O gentil ame, estant fort estimée,
 Qui te pourra bouer qu'en se taisant
 Car la parole est toujours reprimée,
 Quand le sujet surmonte le disant.

Что вы говорите, а отец литературы, другъ Бенвенуто Челлини, Леонарда да Винчи, Приматиче, король, которому вы одолжены Діавой, сестрой Аполлона Бельведерскаго и одной изъ чудеснѣйшихъ картинъ Рафаэля, почитатель Петрарки, пѣвца Лавры, получилъ отъ признательности изящныхъ искусствъ нескончаемую жизнь, которой вы не уничтожите.

Я повѣхалъ въ Воклюзскую долину собирать на берегу источника душистый верескъ и первую оливку съ молодого дерева.

Chiara fontana, in quel medesimo bosco
 Sorgea d'un sasso; ed acque fresche et dolci
 Spargea soavemente mormorando:
 Al bel seggio riposto, ombroso e fesco
 Ne pastori apressanan, ne bifolci,
 Ma nimfe et muse a quel tenor cantando.

«Этотъ свѣтлый источникъ, въ этой самой рощѣ вытекаетъ изъ скалы, проливая свѣжія и тихія волны, которыя сладостно журчатъ. На этомъ красномъ спокойномъ ложѣ не толпятся ни стада ни пастухи; но нимфа и муза прохаживаются тамъ съ пѣснями.»

Петрарка разсказалъ, какъ онъ встрѣтилъ эту долину.

«Я справлялся, говорить онъ, объ уединенномъ мѣстѣ, куда бы могъ удалиться какъ въ пристань, когда нашелъ Воклюзскую большую, скрытую, очень уединенную долину, откуда рождается источникъ соргскій, царь всѣхъ источниковъ: я поселился тамъ, и тамъ же сочинилъ стихотворенія на простонародномъ языкѣ: я изобразилъ въ этихъ стихахъ печали моей юности.»

Также въ Воклюзѣ слышалъ онъ, какъ слышался еще тогда какъ я проходилъ тамъ, шумъ оружія, раздавшійся въ Италіи. Онъ восклицаетъ:

italia mia....

.....
 O dulinio raccolto

Di che deserti strani

Per inondar i nostri dolci campi!

.
 Non è questo'l terren ch'io toccai pria?
 Non è questo'l mio nido,
 Ove nudrito fui sì dolcemente?
 Non è questa la patria, in ch'io mi fido,
 Madre benigna e pia
 Chi copre l'uno et l'altro mio parente !

«Италія моя!.... -О ! потокъ чуждыхъ пустынь, собранный для орошенія сладкихъ нашихъ полей!.... Не это ли почва, по которой я сначала ходилъ?.... Не это ли гнѣздо, гдѣ меня такъ сладостно питали? Не это ли родина, которой я довѣряюсь, привѣтливая и благочестивая мать, скрывающая родителей моихъ.»

Вѣкъ богатый, юный, чувствительный, трепетавшій восторгами; вѣкъ повинующійся лирѣ великаго поэта, словно голосу законодателя! Петраркѣ обязаны возвращеніемъ папы въ Ватиканъ, его голосъ родилъ Рафаэля и поднялъ съ земли куполъ Микель-Анджело.

Возвратившись въ Авиньонъ, я искалъ дворца папъ, и мнѣ показали glacière: революція овладѣла знаменитыми мѣстами; воспоминанія прошедшаго принуждены расти вкривъ и зеленѣть на костяхъ. Увы! стоны жертвъ умираютъ вскорѣ послѣ нихъ; и едва достигаютъ какого-нибудь эха, чтобы еще пожить одно мгновеніе, когда голосъ, откуда они испарились, уже угасъ. Но между-тѣмъ какъ крикъ горести замиралъ на берегу Роны, вдали слышались звуки Петрарковой лютни; уединенная сапзопе, вырвавшаяся изъ могилы, продолжала очаровывать Воклюзъ безсмертной меланхоліей и былыми горестями любви.

Изъ Авиньона я поѣхалъ въ Марсель. Чего можетъ желать городъ, къ которому Цицеронъ обращается съ этими словами, ораторскому обороту которыхъ подражалъ Боссюэ. «Не забуду тебя, Марсель, городъ такой высокой добродѣтели, что большая часть народовъ должна уступить тебѣ, и что даже Греція не можетъ съ тобой сравниться (Pro 2. Placco). Тащить въ жизни Агриколы, такъ же хвалить Марсель, какъ соединяющій греческую вѣжливость съ экономіей латнскихъ провинцій. Сынъ Элады, наставникъ Галлія, прославленный Цицерономъ, покоренный Цезаремъ, не довольно ли славы соединяетъ онъ. Я поспѣшилъ войти въ Notre Dame de la Garde, чтобы полюбоваться моремъ, которое окружаютъ съ своими развалинами веселые берега всѣхъ знаменитыхъ странъ древности.

Нынѣшній 1838 годъ я взшелъ на вершину, увидѣлъ снова море, такъ хорошо мнѣ знакомое, на концѣ котораго возвышаются побѣдоносныя крестъ и могила. Дулъ сѣверо западный вѣтеръ, я вошелъ въ крѣпость, выстроенную Францискомъ Первымъ, гдѣ не бодрствовалъ уже ни одинъ ветеранъ египетской арміи, но гдѣ стоялъ рекрутъ, отправлявшійся въ Алжиръ и исчезающій подъ мрачными сводами. Безмолвіе царствовало въ возстановленной капеллѣ, между тѣмъ какъ вѣтеръ ревѣлъ извнѣ. Гимнъ британскихъ матросовъ *Notre Dame de Bon Secours* приходилъ мнѣ на мысль: вы знаете, когда и какъ я упоминалъ объ этой жалобной пѣснѣ моихъ первыхъ дней на Океанѣ.

*Je mets ma confiance
Vierge, en votre secours.*

Сколько нужно было происшествій, чтобы я воротился къ мирской стѣпѣ, которой былъ обреченъ въ дѣтствѣ! Когда я смотрѣлъ на эти *ex voto*, эти картины кораблекрушеній, вѣсившія вокругъ меня, я думалъ, что читаю исторію дней моихъ. Виргилій помѣщаетъ подъ карагенскими портиками троянскаго героя, взволнованнаго при видѣ картины, представляющей пожаръ Троя, и геній пѣвца Гамлета воспользовался душою пѣвца Дидоны.

Внизу сналы, покрытой прежде лѣсомъ, воспѣтымъ Луканомъ, я не узналъ Марсель: въ его прямыхъ, длинныхъ, широкихъ улицахъ, я уже не могъ заблудиться. Гавань была затроюжена кораблями; тридцать-шесть лѣтъ тому назадъ я съ трудомъ нашелъ бы тамъ судно, чтобы перенестись въ Кипръ какъ Жоанвилъ; на перекоръ людямъ, время молодить города. Я лучше любилъ свой старый Марсель съ памятниками Беранжеровъ, герцога Анжуйскаго, короля Реня, Гюиза и д'Эпернона, съ монументами Людовика-Четырнадцатаго и съ добродѣтелями де Бельзонса; мнѣ нравились морщины на его лбу. Можетъ быть, сомалѣя о потеранныхъ годахъ, я только оплакиваю года найденные. Правда, Марсель пріемно меня принималъ; но соперникъ Азия сталъ слишкомъ молодъ для меня.

Если бы Зависки Альфieri были изданы въ 1802, я бы не оставилъ Марсель, не посетивъ скалы ваннъ поэта. Этотъ суровый человѣкъ дошелъ разъ до очарованія мечтательности и выракшенія:

«Послѣ театра, говорить онъ, одно изъ моихъ удовольствій въ Марсели, было купанье въ морѣ каждый вечеръ; я нашелъ мѣстечко очень пріятное на полосѣ земли, на-право за гаванью, гдѣ,

когда я садился на песокъ, приклонившись спиною къ скалѣ, которая мѣшала видѣть меня со стороны земли, передо мною было только небо и море. Между этими двумя безграничностями, украшавшимися лучами заходящаго солнца, я проводилъ въ мечтаніи восхитительные часы, и тамъ сталъ бы поэтомъ, если бы умѣлъ писать на какомъ-нибудь языкѣ.

Я возвратился чрезъ Лангедокъ и Гасконію. Въ Нимѣ арены и Квадратный Домъ были еще не разчищены; въ нынѣшнемъ 1838 году я видѣлъ какъ ихъ добыли изъ могилы. Пошелъ отыскивать Якова Ребу. Я не вѣрю этимъ работникамъ-поэтамъ, которые обыкновенно не работники и не поэты: при всемъ почтеніи къ господину Ребу, я нашелъ его въ булочной, обращался къ нему не зная, съ кѣмъ говорю, не отличая его отъ другихъ поклонниковъ Цереры, его собратьевъ. Онъ спросилъ мою фамилію и сказалъ, что пойдетъ посмотреть дома ли тотъ, кого я спрашиваю. Онъ скоро воротился и объявилъ кто онъ, повелъ меня въ свой магазинъ; мы ходили по лабиринту мучныхъ мѣшковъ и вѣзли по лѣстницѣ въ маленькое убѣжище, похожее на верхнюю комнату вѣтряной мельницы. Тамъ мы сѣли и начали разговаривать. Я былъ счастливъ, какъ на моемъ чердакѣ въ Лондонѣ и счастливѣе чѣмъ въ министерскихъ преслахъ въ Парижѣ. Ребу вынулъ изъ коммоды рукопись и прочелъ мнѣ энергическія стихи изъ сочиняемой имъ поэмы «Послѣдній день». Я хвалилъ его благочестіе и талантъ. Я припомнилъ эти прелестныя строфы *Изгнаннику*:

Quelque chose de grand se couve dans le monde;
Il faut, ô jeune roi, que ton âme y réponde.
O! ce n'est pas pour rien que, calmant notre deuil,
Le ciel par un mourant fit relever ta vie;
Que quelque tems après, de ses enfans suivie,
Aux yeux de l'univers, la nation ravie
T'éleva dans ses bras sur le bord d'un cercueil.

Я разстался съ Ребу, пожелавъ поэту садовъ Горація. Я бы лучше желалъ, что бы онъ мечталъ на берегу Тибурскаго каскада, чѣмъ видѣть его собирающаго пшеницу, смолотую колесомъ надъ этимъ каскадомъ. Правда, что Софоклъ былъ можетъ-быть кузнецомъ въ Афинахъ, а Плаутъ въ Римѣ, возвѣщалъ Ребу въ Нимѣ.

Въ Монпельѣ я видѣлъ море, которому охотно написалъ бы какъ христіаннѣйшій король швейцарской конфедераціи: «Моя вѣрная союзница и великая подруга». Скалигеръ хотѣлъ сдѣлать

изъ Монпелье *глаздо своей старости*. Этотъ городъ получилъ свое имя отъ двухъ святыхъ дѣвъ, *Mons puellaum*: оттуда происходитъ красота его женщинъ. Монпелье, навъ передъ кардиналомъ де-Риншлѣ, видѣлъ смерть аристократическаго уложениа Франціи.

По дорогѣ изъ Монпелье въ Нарбонну, ко мнѣ возвратился припадокъ моихъ грѣзъ. Я бы забылъ объ этомъ припадкѣ, если бы, какъ нѣкоторые мнимые больные, не записалъ этотъ день на отмыткѣ, которую одну только о томъ времени и нашелъ теперь въ помощь моей памяти. На этотъ разъ пространство безлюдное, покрытое наперстянкой, заставило меня забыть міръ: взоръ мой скользилъ по этому морю багряныхъ стеблей, и остановился вдаль на синеватой цѣпи Кантала. Въ природѣ, исключая неба, океана и солнца, вдохновляютъ меня не огромные предметы, они только даютъ мнѣ ощущение величія, повергающее мою маловажность въ изумленіе, но безъ утѣшенія, къ подножію Создателя. Но сорванный мною цвѣтокъ, потокъ воды, укрывающійся между тростникомъ; птичка, которая или летитъ или отдыхаетъ передо мною, — вотъ чтó влечетъ меня къ мечтамъ. Не лучше ли приходитъ въ умленіе, не зная отъ чего, тѣмъ искать въ жизни занимательности ослабѣлой, охлажденной и повтореніемъ и множествомъ? Все обветшало нынче, даже несчастіе.

Въ Нарбоннѣ я увидалъ каналъ, называемый *le Canal des Deux-Mers*. Корнель, воспѣвая это сооруженіе, прибавилъ его величію къ величію Людовика-Четырнадцатаго:

La Garonne et le Tarn, en leurs grottes profondes
 Soupiraient dès longtemps pour marier leurs ondes,
 Et faire ainsi couler par un heureux penchant
 Les trésors de l'aurore aux rives du couchant.
 Mais à des vœux si doux, à des flammes si belles,
 La nature, attachée à des lois éternelles,
 Pour obstacle invincible opposait fièrement
 Des monts et des rochers l'affreux enchainement.
 France, ton grand roi parle, et ces rochers se fendent,
 La terre ouvre son sein, les plus hauts monts descendent.
 Tout cède.....

Въ Тулузѣ я примѣтилъ, съ мосту на Гароннѣ, линію Пиренеевъ, которыя проѣхалъ четыре года спустя: горизонты смѣняются какъ наши дни. Мнѣ предложили показать, въ склепѣ, высохшее тѣло прекрасной Паулины. Монморанси былъ обезглав-

лень на дворѣ ратуши; вѣрно эта отрубленная голова очень важна, если объ ней еще говорить послѣ столькихъ отрубленныхъ головъ? Не знаю, существуетъ ли въ исторіи уголовныхъ процессовъ показаніе свидѣтеля, по которому бы лучше можно было узнать, что это тотъ самый человѣкъ: «огонь и дымъ, которыми онъ былъ покрытъ», говоритъ Гито, «помѣшали мнѣ сначала узнать его; но «видя человѣка, который, разбивъ шесть рядовъ у насъ, убилъ еще солдатъ въ седьмомъ ряду; я предположилъ, что это никто другой какъ де-Монморанси; я это узналъ навѣрно, когда «увидѣлъ его на землѣ подъ мертвой лошадыю».

Архитектура оставленной церкви Святаго Серпена поразила меня. Эта церковь связана съ исторіей Албигенцевъ, которую оживила поэма, такъ хорошо переведенная Форіелемъ:

«Храбрый молодой графъ, свѣтъ и наслѣдникъ отца, крестъ и «железо, входятъ вмѣстѣ въ дверь. Ни лѣ комнатъ, ни въ цѣломъ жилѣ не осталось дѣвушки; городскіе жители, большіе и «маленькіе, всѣ смотрятъ на графа какъ на розанъ».

Я бы желалъ имѣть время освѣдомиться въ Тулузѣ о предметѣ самыхъ высокихъ моихъ восторговъ, о Кюжа, который писалъ лежа на брюхѣ свои сочиненія, разбросанныя вокругъ него. Не знаю, сохранили ли воспоминаніе о Сусаннѣ, его дочери, бывшей замужемъ два раза. Постоянство не очень нравилось Сусаннѣ. Она питала перваго мужа невѣрностями, отъ которыхъ умеръ другой. Кюжа покровительствовала дочь Франциска-Перваго, Пибрака — дочь Генриха-Втораго, двѣ Маргариты изъ роду Валезцевъ, чистой породы музъ. Пибракъ знаменитъ четырьестіями, переведенными на персидскій языкъ (я можетъ-быть жилъ въ домѣ президента, его отца). «У этого добраго мосьё де-Пибрака», говоритъ Монтанъ, «былъ такой милый умъ, такіа здравыя сужденія, такой кроткій нравъ, душа его такъ несогласовалась съ нашимъ развратомъ и бурями!» А Пибракъ написалъ защиту вареоломеевской ночи.

Я бѣжалъ не останавливаясь; судьба отослала меня къ 1838 году любоваться въ подробности градомъ Раймунда де-Сенъ-Жила, и говорить о сдѣланныхъ тамъ новыхъ знакомствахъ, мосьё де-Лавернѣ, человѣкѣ талантливомъ, умномъ и разсудительномъ; о мадмоазель Оноринѣ Баскѣ, будущей Малибранъ. Она, въ моемъ новомъ качествѣ служителя Клеменція Изоры, напоминала мнѣ эти стихи, которые Шапель и Бошомонъ писали на островѣ Анбжу, возлѣ Тулузы:

Hélas que l'on serait heureux
 Dans ce beau lieu digne d'envie,
 Si, toujours aimé de Sylvie
 On pouvait, toujours amoureux,
 Avec elle passer sa vie!

Пусть надюозель Онорина остерегается своего чуднаго голоса!
 Таланты сдѣланы изъ фальшиваго золота: съ ними бѣда.

Бордо едва освободился отъ своихъ эшафотовъ и отъ своихъ водныхъ жирондистовъ. Всѣ видѣнные мною города походили на прелестныхъ женщинъ, выздоравливающихъ послѣ сильной болѣзни и едва начинающихъ дышать. Въ Бордо Людовикъ-Пятнадцатый велѣлъ срубить Palais des Tutelles, чтобы выстроить Chateau-Trompette.

Сномъ и друзья древности застонали:

Pourquoi démolit-on ces colonnes des dieux,
 Ouvrage des Césars, monument tutélaire?

Едва можно было найти нѣсколько остатковъ арентъ. Если сожалѣть о всемъ, что разрушается, придется слишкомъ много плакать.

Я отправился въ Блѣ и увидѣлъ этотъ замокъ, тогда неизвѣстный, къ которому въ 1833 году я обратился съ этими словами: «Плѣнный Блѣ! я въ отчаяніи, что не могу ничего сдѣлать для твоей теперешней участи! Я направился къ Рошфору и въ Нантъ черезъ Вандею.

Страна эта носила, какъ старый воинъ, увѣчье и шрамы своего мужества. Кости и развалины, почервившія отъ времени и огня, поражали взоръ. Когда Вандейцы готовились напасть на врага, они преклоняли колѣна и получали благословеніе священника.

Длижансь, въ которомъ я закопался, былъ наполецъ путешественниками, рассказывавшими про насилія и убійства, преслѣдовавшія жизнь ихъ въ вандейскихъ войнахъ. Сердце у меня затрепетало, когда проѣхавъ Лоару, Нантъ, я вступилъ въ Бретань. Я прошелъ вдоль стѣнъ Ренискаго коллегіума, который видѣлъ послѣдніе годы моего дѣтства. Я могъ остаться только сутки съ женой и сестрами и воротился въ Парижъ.

=

ПУСТЫНЯ. Изъ воспоминаній Якова Араго. Такъ было угодно Богу. Здѣсь песокъ, тамъ песокъ, возлѣ васъ, за горизонтомъ, вездѣ только песокъ и безмолвіе пустыни, то есть, могильная тишина....

Такъ было угодно Богу. Какъ сосудъ чистой воды для плачущихъ губъ, какъ дневной лучъ слѣпому, какъ кроткій взглядъ матери плачущему ребенку, какъ слово прощенія проклятому, рука Всемогущаго разбросала тамъ и самъ въ этой безграничной пустынѣ маленькіе уголки земли, гдѣ растетъ мурава, распускается цвѣтокъ, возвышаются крѣдкія и волнистыя пальмы, гдѣ свѣжій вѣтерокъ играетъ съ любовью, гдѣ источникъ свѣтлой воды скользитъ по веселой и благоуханной почвѣ....

Передовые верблюды угадали: у нихъ истиниктъ — второе зрѣніе, оно не можетъ обмануть ихъ и всѣ наперерывъ ускоряли шаги, потому что всѣ поняли нашу пытку.

Увы! столько разочарованій постигло мужественныхъ путешественниковъ Сахарской пустыни, что мы не смѣли предаваться надеждѣ найти покровительственное спокойствіе возлѣ живительнаго источника.

Между тѣмъ ливія, почти всегда отсѣченная отъ большаго круга, въ безграничномъ діаметрѣ котораго странствовали мы, начала извѣщаться; выпуклости, неровности измѣнили мрачное однообразіе пейзажа. Да, да, сомнѣваться невозможно; цвѣтъ присоединяется къ формѣ; это уже не фантастическія облака, издѣвающіяся надъ надеждами каравана, а финиковое дерево съ жоловатымъ стволемъ, кокосовое съ обширными вѣтвями, дикая смоковница съ широкими листьями, густой лѣсъ съ верескомъ, съ природными аллеями, съ грабинами, съ блестящими цвѣтами и крылатымъ населеніемъ, котораго пронзительные и звучные крики приветствуютъ нашъ приходъ.

Мы не дали себѣ времени войти въ лѣсъ и, какъ ни доцало, каждый изъ насъ бросился на песокъ, осѣженный тѣнью выюккихъ произрастеній, которую заходящее солнце рисовало вдали восхитительными извилинами.

Послѣ первыхъ дорывовъ очень естественнаго уношенія, дослѣ перваго спокойнаго сна, добытаго столькими угнетеніями, мы бросились подъ широкіе зонтики, укрывавшіе насъ и нашла у подошвы толстыхъ банановыхъ деревьевъ колодцы футовъ въ двѣнадцать глубины, наполненные до половины свѣжей и прозрачной водой.

Края этихъ колодцевъ были покрыты блестящей и вѣсколко кисловатой смазкой; на поверхности воды плавали сухія вѣтви и

листья, но помощію шестовъ мы притянули ихъ къ краямъ отверстія и легко начерпали благодѣтельнаго питья, во сто разъ болѣе полезнѣйшаго для здоровья, чѣмъ эти крѣпкіе напитки, которые такъ часто и съ такимъ вредомъ употребляютъ караваны.

Тамъ и самъ мы нашли курганы, покрытые кокосовыми пальмами, прикрѣпленными къ землѣ нѣсколькими кольями, а возлѣ лужъ, не такъ глубокихъ какъ колодцы, многочисленныя слѣды лютыхъ звѣрей, заблудившихся въ пространство. На стволѣ одного дерева я прочелъ: Banks 1793; на сосѣднемъ стволѣ Lady Alton 1815, и множество другихъ надписей, почти совершенно стертыхъ трещинами древесной коры.

Я опять осмотрѣлъ лѣсъ и не безъ живѣйшей радости нашелъ бутылку, привѣшенную къ вѣтви фиговаго дерева, а въ этой бутылкѣ слѣдующую надпись по-французски и по-англійски :

« Каждому путешественнику поклонъ.

« Если хотите по прямой линіи направиться къ Мароку, слѣдуйте по тому направленію, которое указываетъ вамъ большое фиговое дерево, гдѣ виситъ эта бутылка, и банановое, отдѣленное отъ него разстояніемъ двѣнадцати шаговъ. Почти такой же прелестный оазисъ, какъ этотъ находится въ десяти миляхъ къ западу, по направленію этого самаго фиговаго и сломаннаго кокосоваго дерева, у подошвы котораго есть колодезь, куда надо спуститься по десяти ступенямъ склееннаго смазкой не-
« ску.»

«Джонъ Бекеръ.»

Хвала этой бутылкѣ! Точно такая же зарыта до половины у подошвы фиговаго дерева, а третья найдется возлѣ большаго резервуара отъ оазиса, къ сѣверо-западу отъ этого восхитительнаго мѣста.

Я зацѣпился ногою за бѣлый, изувѣченный скелетъ безъ головы.... вѣрно нѣсколько голодныхъ львовъ прогуливались тутъ въ то же время какъ и несчастный, котораго возвращенію напрасно ожидали друзья.

Маленькій дубовый сундучокъ лежалъ на муравѣ возлѣ грязной лужи. Разбитая крышка, бумаги, разбросанныя вокругъ, глубоко взрытая земля, показывали жестокою и кровавою борьбу; вѣрно тигръ или левъ проходили тутъ, когда путешественникъ оканчивалъ повѣствованіе о своемъ путешествіи по Сахарской пустынѣ.

Въ началѣ огромной тетради было написано: «Капитанъ Миддлтонъ, отправившійся изъ Горен одиннадцатаго іюня 1814....» Нѣсколько строчекъ, запачканныхъ кровью и грязью, невозмож-

но было прочесть; въ остальномъ заключался длинный рассказъ, довольно дурно написанный, объ ужасныхъ страданіяхъ, претерпѣнныхъ въ пустынѣ караваномъ, въ которомъ находился капитанъ Миддлтонъ.

Я старательно собралъ всѣ листки этихъ горестныхъ путевыхъ записокъ, но на другой день, когда я хотѣлъ привести ихъ въ порядокъ, уже не нашелъ ихъ.

Я пожаловался начальнику каравана; онъ отвѣчалъ, что довольно того, если мнѣ позволяютъ записывать въ дорогѣ, что такая шлошь дается не всѣмъ путешественникамъ, и что сундукъ съ бумагами сожгли когда я спалъ.

Я повѣрилъ, а негодяй солгалъ. Пріѣхавъ въ Мароко я узналъ, что онъ продалъ все за дорогую цѣну англійскому консулу, а тотъ отослалъ бумаги черезъ нѣсколько дней географическому обществу въ Лондонъ.

Наканунѣ нашего отъѣзда было частное затмѣніе солнца, и къ великому моему удивленію ни Негры, ни Арабы не испугались этого небеснаго феномена. Одни лошади и верблюды легли, и не хотѣли встать прежде совершеннаго освобожденія свѣтла. Что до крылатыхъ обитателей оазиса, то я не замѣтилъ, чтобы полетъ ихъ сталъ медленнѣе, а пѣніе и крики хоть сколько-нибудь измѣнились. Одинъ ибисъ свалился средн стана, но мы не могли узнать, утомленіе или страхъ были причиной его паденія.

Арабы сочли благопріятнымъ предзнаменованіемъ прибытіе такого гостя и ознаменовали свою радость обильными возліяніями.

Черезъ два часа они не могли держаться на ногахъ. Пусть послѣ этого хвалятъ ихъ воздержаніе!

Закатъ солнца былъ великолѣпенъ; послѣдніе лучи расцвѣчивали пурпуровыми оттѣнками вершины деревъ; мы были погружены въ сомнительную темноту, подъ ласкающими вспышками свѣжаго сѣвернаго вѣтерка. На воздухѣ не было палатокъ, а у стѣсенной груди темницы; широкій занавѣсъ едва скрывалъ отъ насъ голубое небо, усыянное блестящими звѣздами; головы наше отдыхали на густой муравѣ; каждый завладевалъ этой могущественной жизнью, готовой ускользнуть отъ него въ бѣдствіяхъ пустыни; и вы не можете себѣ вообразить какую волшебную картину представляло спокойствіе этихъ существъ съ такой горячей кровью, спящихъ и безмолвныхъ какъ окружавшая ихъ пустыня.

День, послѣдовавшій за этой спокойной и благовоной ночью,

былъ ужасенъ, и конечно мы бы погибли всё безъ благодѣтельнаго убѣжища, дарованнаго намъ небомъ. Прикосновеніе къ песку на солнцѣ жгло руку, листья трещали словно отъ огня, мурава крутилась отъ ѣдкаго дуновенія юго восточнаго вѣтру; потъ лился съ тѣла, силы наши ослабѣвали по мѣрѣ того, какъ дневное свѣтло захватывало пространство; даже верблюды просили помилованія плачевнымъ крикомъ.... Но вдругъ вѣтеръ поднялся съ сѣвера, къ листьямъ воротилась свѣжесть, къ четвероногимъ свободныя движенія, къ Арабамъ потерянная надежда, къ оазису пышное великолѣпіе.

Однако по тому самому, что это обиталище счастья было такъ противоположно дикой природѣ, среди которой бросила его рука Божія, оно могло сдѣлаться для насъ смертельнымъ. По этой причинѣ, послѣ важнаго разсужденія, начальники каравана назначили отъѣздъ черезъ день, но на другой день сдѣлался было небольшой безпорядокъ и чуть-чуть не потекла кровь, потому что нѣкоторые такъ же пламенно желали остаться, какъ другіе ѣхать.

Женщины усмирили ссору и рѣшили прибѣгнуть къ большинству голосовъ; вопросъ былъ тотчасъ рѣшенъ и миръ снова водворился между нами.

Негръ и Негритянка, его дочь, умерли ночью; мы похоронили ихъ съ обычными церемоніями; друзья сравняли землю, танцуя или скорѣе топая на могилѣ, а на другой день уже и забыли о понесенной ими потерѣ.

Я вырѣзалъ мое имя на древесной корѣ, написалъ его также на бумажкѣ, которую положилъ въ жестяной ящикъ....

Дай Боже, чтобы какой-нибудь счастливый путешественникъ сказалъ мнѣ, что онъ ихъ видѣлъ!

Арабы чрезвычайно религіозны; они вѣрують съ горячностью. Вѣра—ихъ жизнь, надежда, спасеніе.

Если Араба поражаетъ бѣдствіе, онъ молится, чтобы умножить небесный гнѣвъ. Въ счастьи онъ тоже молится, чтобы пророкъ не отнялъ у него благословенія. Въ этомъ восхитительномъ оазисѣ, до котораго мы достигли послѣ столькихъ страданій, радость была до того велика, что Негры, забывъ идолопоклонство сдѣлались мусульманами, чтобы участвовать въ удовольствіяхъ, которыми Арабы хотѣли сначала наслаждаться одни. Зрѣлище, представляемое оазисами, брошеннымъ въ пустыню, можетъ испугать науку. Здѣсь песокъ съ своей вѣчной бесплодностью; тамъ свѣжая и веселая зелень. Здѣсь природа въ траурѣ; тамъ покровъ противъ пылости жгучаго неба. Здѣсь

безжизненная атмосфера; тамъ легкій и благовоный вѣтерокъ шумитъ листьями и боится умереть, если выйдетъ изъ тѣнистаго круга, въ которомъ, такъ-сказать, играетъ и перелетаетъ по лѣсу.

Но горе неблаго разумному каравану, который заснетъ подъ крылами ласкающаго вѣтерка; есть дни, когда оазисъ оскверняется, когда его волшебный зонтикъ завертится на воздухѣ, когда птицы, которыхъ укрывалъ онъ, размечутся въ пространство, когда крѣпкія отрасли высокихъ произрастеній этого кошачищаго мѣста валются и разрушаются.... Въ эти дни опустошительный сирокко востаетъ, скатеться, стремится, захватываетъ, ровняетъ, зажигаетъ все, что подвернется подъ его ѣдкое дыханіе.... Ахъ! тогда, тогда никто не расскажетъ о бѣдствіяхъ; песокъ исполнилъ свое дѣло, а могилъ безжизненна.

Но дни свѣтлыя, горизонтъ лазурный, небо безъ лучей.... Посмотри на танцы, послушаемъ пѣсенъ Негровъ и Арабовъ, свѣтавшихся въ одномъ упоеніи, въ одной религіи.

Что усыпляетъ Европейца, пробуждаетъ Араба. Для меня ничего не можетъ быть грустнѣе, усыпительнѣе, однообразнѣе, смертельнѣе этой музыки въ три ноты, повторяемыя въ ровномъ промежуткѣ одна отъ другой, съ аккомпанементомъ барабана, безъ всякой модуляціи и, слѣдовательно, безъ гармоніи.

Музыканты сидятъ среди круга танцовщиковъ, ожидающихъ сигнала. Фигуры танца не что иное, какъ болѣе или менѣе красивыя и граціозныя положенія мужскихъ рукъ на голову и на плеча танцовщицъ, сначала неподвижныхъ и начинающихъ шевелиться только тогда, какъ ихъ накроютъ кускомъ матеріи голубой, бѣлой или пестрой, подъ которой стыдливости ихъ уже ничего опасаться.

Ходить съ важностью, перебираютъ ногами, напѣваютъ горланья слова, которыхъ смыслъ почти всегда составляетъ набожная пѣсня или рассказъ какого-нибудь блистательнаго подвига пророка, и черезъ четверть часа этого неутомительнаго движенія, плясуны садятся, уступая мѣсто новымъ фигурантамъ.

Но рѣдко эти танцы бываютъ предвѣстіемъ союза и часто свадьба заключаетъ праздникъ оазиса. Веселость принимаетъ тогда характеръ болѣе рѣшительный, топанье ногами становится лѣхорадочнѣе, и этотъ шумъ, необычайный въ караванѣ, смѣняется благоговѣялымъ безмолвіемъ, потому что въ пустынѣ все торжественно, и тишина и молчаніе, и пѣніе и рѣчи, и ходьба и сплоскостіе:

Если веселость сообщительна, безмолвіе тоже заразительно, и не умѣю вамъ сказать, какое благоговѣнное размышленіе овладѣваетъ караваномъ при сценахъ удовольствія, отдохновенія и вѣжности, которыя снѣняютъ въ оазисѣ утомленіе и удовольствіе пустыни. Вы бы подумали, что боится разбудить льва въ его логовищѣ или самуна, плѣннаго въ рукахъ Превѣчнаго.

Во время нашего пребыванія въ оазисѣ, шестнадцатилѣтняя дѣвушка, сестра человѣка, погребеннаго въ пустынѣ, вышла замужъ за одного изъ самыхъ храбрыхъ начальниковъ каравана. Хорошенькая невѣста, присѣвъ на пяткахъ, принимала подарки отъ жениха, съ граціей и съ скромностью, истинно назидательной; ее покрыли мягкими матеріями, украсили руки и шею золотыми браслетами и жемчугомъ, а послѣ всѣхъ подарковъ получила она самаго великолѣпнаго верблюда въ караванѣ и арабскую лошадь съ чудесной упряжью. Послѣ нѣсколькихъ комплиментовъ и нѣсколькихъ очень выразительныхъ пожатій руки, дѣвушка сѣла на подаренную лошадь, и объѣхавъ оазисъ, пустилась по пространству, заставляя скакуна голосомъ, шпорами и рукою—летать туда и сюда.

Возвратясь послѣ этихъ эволюцій, невѣста принимала съ простительнымъ тщеславіемъ похвалы друзей и съ гордостью сѣла возлѣ жениха.

Въ пѣніи и танцахъ, предшествовавшихъ той минутѣ, когда Арабъ увелъ жену въ приготовленную для нихъ палатку, заключалась невыразимая пріятность. Видно было, что это служитъ введеніемъ къ сценѣ вѣжности, въ которой по воспоминанію или надеждѣ, всѣ зрители любили принимать участіе.

Ночь была спокойная, счастливая, благоуханная; левъ рычагъ возлѣ стана, но или свѣтъ отъ нашихъ огней испугагъ его или голодъ его былъ утоленъ въ дорогѣ, только онъ не заблагоразсудилъ напасть на насъ.

Послѣ отъѣзду изъ Сенегала, столько кровавыхъ эпизодовъ омрачили наше путешествіе, что посѣщеніе такого гостя не могло быть намъ слишкомъ пріятно и страшный посѣтитель, послѣднимъ рычагіемъ, подобнымъ перекаату грома, предупредилъ насъ о своей ретирадѣ, словно боялся возмутить гармонию праздника.

Танцы Негровъ пріветствовали наше пробужденіе, но тутъ нѣтъ ничего спокойнаго, сладостнаго, веселаго. Это крики, топанье, вопли, страшныя кривлянья, порывы бѣснующихся, которыхъ безпорядокъ не изобразишь никакими словами. У этихъ

людей, рожденныхъ подь бронзовымъ небомъ, на раскаленной землѣ, среди урагановъ, уносящихъ ихъ жилища, безпрестанно сражающихся съ тиграми, съ боа, съ крокодилами, съ носорогами, со львами, съ пантерами, у этихъ людей, говорю я, всѣ чувства — страсти, всѣ страсти — неистовство.

У подобныхъ натуръ, рожденныхъ въ день гнѣва, дружба, ненависть, горесть, вѣжливость, ярость, кажутся отраслями одного и того же чувства.

Отъ празднествъ этихъ людей, отъ ласкъ ихъ и мщенія кружится голова, и вы подумаете, что присутствуете при первѣ обжорливыхъ волковъ или алчныхъ гienъ.

Мнѣ показалось съ минуту, что я перенесенъ на Сандвичевы Острова, гдѣ уже присутствовалъ на подобныхъ танцахъ и на играхъ не менѣе ужасныхъ.

Звучная труба дала сигналъ къ отъѣзду, и верблюды, стояшіе на колѣнахъ, пока навьючивали на нихъ поклажу, испустили родъ стеванія, возвѣщавшаго у нихъ угрозы новаго утомленія. Благодарный источникъ, помощью котораго наполнились наши мѣха, ожидалъ возвращенія грозы, чтобы оживиться и черезъ часъ, когда солнце пробѣжало уже три трети пути своего, мы стали собираться въ дорогу.

Но каково было наше огорченіе, когда мы узнали, что новобрачные не хотѣли подвергнуться гнѣву пустыни. Просьбы, слезы, мольбы, угрозы, ничто не могло побѣдить сопротивленія супруговъ; намѣреніе ихъ, говорили они, было внушеніемъ неба, а когда мы предсказывали имъ ужасы голода и жажды, они отвѣчали, что Господь станетъ пещись о нихъ, что мы нечестивцы, если сомнѣваемся въ небесномъ милосердіи.

Мы имъ сказали горестное и послѣднее «прости» и скоро густыя вершины пышнаго оазиса исчезли за нами въ сѣроватомъ туманѣ горизонта.

Свѣтлый сѣверный вѣтерокъ освѣжилъ атмосферу; въ первый разъ, послѣ нашего отъѣзда, мы были принуждены укрыться ночью подь одѣяла и всѣми порами вдыхали первое привѣтствіе температуры, возвѣщавшей средиземные берега. Каждый поздравлялъ себя съ такимъ счастливымъ путешествіемъ, потому что на дорогѣ осталось мало жертвъ; разговоры становились живѣе, пѣніе неправильнѣе, быстрѣе, а между тѣмъ начальники каравана, внимательные и безпокойные, шептались между собою и часто поднимали глаза къ небу, чтобы извѣдать его таинства.

Птицы скользили надъ нашими головами съ невѣролтой бы-

строгою, непуская крики ужаса; всё делѣли до одному надпродвиженію и не трудно было угадать, что большая опасность угрожала ихъ спокойствію.

Звѣзды не блистали уже съ такимъ блескомъ, дуна исчезла въ прозрачномъ туманѣ и благоуханный вѣтерокъ дулъ съ утратою. Удь! это — безнормальное насѣкомаго, прерывающее крикомъ ужаса жертвы, это — дѣмота воли, которая страдальца ураганъ подниметъ до облаковъ.

Насталъ день. Все замѣнилось между нами, около насъ; дожда и верблюды повернулись къ западу и топтали ногами, слышно ихъ жегъ подземный огонь.

Самуэль! самуэль! самуэль!

Раздались эти смертельные слова; теперь берегись!

Солнце всходитъ, поднимается, расширяется и какъ-будто отстѣпывается. Это огромный кругъ, на который глазъ можетъ смотрѣть не улавляясь; масса его красна; по ней безпрестанно пробѣгаютъ блѣдныя и быстрыя молніи, вокругъ рисуются драціи, рѣзко, фіолетовыя и синія молсы, а надъ ними, жгутие какъ жаровня, видѣются острѣе, фантастическіе хохолки, плавающие на огненномъ океанѣ, въ который они какъ-будто хотятъ погрузиться.

Эти угрожающія неровности состоятъ изъ пузыристыхъ массъ, которыхъ мрачные бока оковываютъ ураганъ, готовый разразиться.... наконецъ онъ расторгаетъ ихъ.... солнце помрачается, горизонтъ сжимается, земля дрожитъ, дѣвѣ летитъ быстрая какъ аэролитъ, падаетъ, захватываетъ, уноситъ въ своемъ стремленіи холмы, которые уравниваютъ огромныя растенія, которыя онъ поднимаетъ въ своемъ гигантскомъ бѣгѣ. Она засыпаетъ долины, мететъ, роетъ, бичуетъ почву, все преклоняется передъ нею, она не щадитъ никого, смѣется надъ слезами ужаса, надъ отчаяніемъ смертнаго томленія. Ей, неукротимой повелительницѣ, нужна безграничность, ей нужно поглотить развалины труповъ. Это — трауръ, ночь, хаосъ.

Вотъ является она. Караванъ думаетъ, что насталъ его послѣдній часъ; вотъ она съ своей песочной свитой, которая бичуетъ тѣло, колетъ, жжетъ его какъ электрическая искра. Голосъ ея — свистъ, зловѣщій вошь, дыханіе, сѣрный, удушливый запахъ; вы не смѣете прямо смотрѣть на нее, становитесь на колѣна, чтобы оставить ей менѣе добычи.... берегитесь! песокъ будетъ вашимъ саваномъ. Верблюды это знаютъ и топаютъ, чтобы не быть поглощену живьемъ, прижимаются другъ къ другу.

Гдѣ палатки провизій? гдѣ лошади? гдѣ люди? Ищите, вы найдете нѣкоторыхъ, но убитыхъ, изувѣченныхъ, безъ силы, безъ энергій, безъ надежды, потому что опустошительный самунъ еще не истощилъ всей своей ярости.

Что это, день или ночь? Какая вамъ нужда? Глаза ваши закрыты, а то песокъ обожжетъ ихъ. Вамъ только остается среди этого опустошенія ждать и молиться.

Мы стали считать, о, ужась! почти всѣ Негры исчезли въ вихрь; шесть Арабовъ, поглощенные пескомъ, едва видѣлись искривленные болью; два верблюда и четверо сильныхъ лошадей валялись на полу безъ всякаго признака жизни. Палатки были тамъ, куда унесъ ихъ самунъ; мѣховъ и провизій не находилось, а верблюдъ, тотъ, который всегда шелъ впереди каравана, вдругъ пустился бѣжать, словно пораженный головокруженіемъ, и звукъ трупы не имѣлъ уже силы остановить его.

Разрывая почву, мы нашли внимательную и преданную мать, погребенную подъ густымъ саваномъ песку и укрывающую своимъ безжизненнымъ тѣломъ бѣдныхъ дѣтей, задохшихся какъ она.

Я имѣлъ предосторожность закрыть лицо маской, такой, какую надѣваютъ въ фехтовальной залѣ, и одолженъ былъ своимъ спасеніемъ только присутствію духа и старанію, съ которымъ прицѣпился къ шеѣ верблюда, и подражалъ его топанію. Я бытъ разбитъ, изломанъ, и если бы опустошительный шквалъ продолжался еще нѣсколько минутъ, онъ унесъ бы меня, и теперь я не рассказывалъ бы вамъ поглощающихъ феноменовъ этой части центральной Африки, столь любопытной для изученія. Какъ ни недостаточенъ рассказъ мой, можетъ-быть онъ побудитъ васъ отъважиться на путешествіе.

БАЙРОНОВА ФОРНАРИНА. Для лѣниваго ума, для дѣятельнаго воображенія, что можетъ быть заманчивѣе какъ блуждать безъ цѣли посреди этого великолѣпно-мрачнаго дедама, который называется Венеціей? Ариадниной нитью служить вамъ гондольщикъ. Мѣрное колыханіе гондолы располагаетъ васъ къ вѣгѣ и къ самымъ причудливымъ мечтаніямъ. Все это очень похоже на какое-то замгальное странствіе, въ мѣстахъ, гдѣ обитаютъ души. Харонъ, въ эпоху своего плаванія по Ахерону, навѣрно, не былъ окруженъ такимъ безмолвіемъ.

Только на углу водяныхъ улицъ и переулковъ васъ пробуждаетъ музыкальный возгласъ гондольщиковъ: *Castellani — Nicolotti.*

Когда вы будете въ гондолѣ, забудьте совершить прогулку

въ Кіуджію, гдѣ еще бьется венеціанское сердце, въ Кіуджію, куда, бывало, не одинъ членъ Совѣта Десяти удался никогдѣ для того, чтобы на минуту въ радостяхъ любви позабыть дѣла своего отвратительнаго трибунала; куда Тиціанъ приходилъ искать свои обольстительно-существенныя «фигуры»; гдѣ Гольдони набирался остротъ для своихъ комедій.

Не забудьте также островъ Святаго-Лазаря, гдѣ Байронъ учился у Армянъ восточнымъ языкамъ. Монастырь трудолюбивыхъ мекхитаристовъ—можетъ-быть достойнѣйшее изъ всѣхъ отшельническихъ заведеній въ Италіи. Современные реформаторы непременно должны посѣтить островъ Святаго-Лазаря. Они не найдутъ здѣсь, какъ въ большей части западно-европейскихъ монастырей, бесплоднаго отреченія отъ міра, отъ его благъ и обольщеній.

Армяне живутъ какъ люди, не пренебрегая дарами неба, и проводятъ дни въ умственныхъ трудахъ, облагораживающихъ душу и утѣшающихъ сердце.

Однако, я, кажется, имѣлъ намѣреніе рассказать вамъ о моей встрѣчѣ съ Байроновою Форнарриною.... Вотъ какъ это было. Однажды подъ вечеръ, я какъ-то случайно приплылъ къ песчаной косѣ съ тощей рощицей, извѣстной поэтамъ пяти частей свѣта, подъ именемъ Лидо. Гондольщикъ мой назначилъ тамъ какое-то любовное свиданіе: значить, я долженъ былъ туда ѣхать....

Это былъ день «Вакханалій». Венеціане имѣютъ обычай каждый мѣсяцъ привѣтствовать новую луну на берегахъ Лидо, и привѣтствовать причудливыми плясками, шумными, неправдоподобными, невозможными тарантеллами, при звукахъ сумасбродной музыки, въ которой скрипка и флейта пускаются въ состязаніе и соперничаютъ между собою визгливыми, раздражающими звуками. Тутъ всѣ порядкомъ пьютъ, порядкомъ кричатъ, порядкомъ прыгаютъ; парижскіе маскарады — мертвы, въ сравненіи съ этими венеціанскими сборищами. Тутъ цѣлый народъ отъ души выказываетъ всю свою веселость и всѣ свои лохмотья.

Когда дѣвушки, задыхающіяся отъ утомленія, падаютъ на траву, щедро политую виномъ, мужчины пляшутъ одинъ, и до-тѣхъ-поръ покуда не упадутъ сами.

Сколько я знаю, не нашлось еще ни одного художника, который бы перенесъ эти такъ-называемыя *вакханаліи* — въ область искусства.

Поклонники Аріоста и Джорджіоне! узнаете ли вы Лидо въ блѣдномъ эскизѣ, который мнѣ даже совѣство представить тѣмъ,

кто имѣлъ когда-нибудь счастье мечтать на берегу этихъ зеленыхъ, поэтическихъ волнъ.

Впрочемъ, Венеціане называютъ свои веселыя сходбища *вакханаліями*, точно также, какъ они называютъ лѣстницу дожескаго дворца — *Лѣстницею Гигантовъ*. О неподражаемые амплификаторы!

Здѣсь даже послѣдній факіно, драгилъ, толкуеть о своемъ допотопномъ происхожденіи, о своихъ геркулесовскихъ подвигахъ.

Гондольщикъ мой совѣтовалъ мнѣ итти позабавиться немножко зрѣлищемъ этихъ вакханалій, похожихъ на пастушескій праздникъ; между тѣмъ какъ самъ онъ, спѣшилъ на старинное еврейское кладбище, гдѣ его ожидали съ нетерпѣніемъ.

Я послѣдовалъ за полу-поблекшей гирляндой молодыхъ дѣвушекъ, которыя бѣжали на лужокъ, шалили и плясали, заманивая группы разбурьявшихся молодцовъ, составлявшихъ хорювокъ вокругъ трехъ или четырехъ обвитыхъ вивякомъ бутылокъ, которыя каждый изъ пляшущихъ схватывалъ въ свою очередь и подносилъ къ губамъ, не имѣя права останавливаться.

Покинутыя бѣдвяжки видѣли ясно, что всѣ ихъ призывы бесполезны: развеселившіеся молодцы разтрачивали всѣ свои поцѣлунъ на бутылкахъ.

Между тѣмъ всѣ эти женщины блистали молодостью и веселостью — значитъ были хороши. Тиціанъ и Веронезъ нашли бы тутъ на что полюбоваться.... Сколько тутъ волнистыхъ, черныхъ косъ, искристыхъ глазъ, соблазнительныхъ плечъ.

Что за роскошь жизни! Этимъ трезвымъ вакханкамъ недоставало только вѣнковъ изъ плюща и виноградныхъ листьевъ; яркіе лохмотья ихъ обличали притязанія на кокетство. На шеѣ, на рукахъ, сверкалъ стеклярусъ, приготовляемый на островѣ Мурано; но лучшею ихъ одеждой была юность, лучшимъ нарядомъ — веселость.

Внезапно, вся эта прыгающая гирлянда была разорвана сущимъ ураганомъ, то есть толпой пляшущихъ мужчинъ, которые напали на женщинъ, какъ на свою неотъемлемую добычу.

Это были дикіе Римляне, бросающіеся, во время битвы, на испуганную добродѣтель Сабинокъ.

Въ этотъ вечеръ Лудо было театромъ вакханалій; двѣ или три тысячи Венеціанъ явились на эти вакханаліи въ качествѣ актеровъ или зрителей.

Сборище было чрезвычайно одушевлено и чрезвычайно живописно. Со стороны Венеціи, оно было осаждено крикливыми бар-

карлаини и эскадрой безчисленныхъ гондолъ; со стороны открытаго моря, песчаный берегъ былъ покрытъ купающимися.

Я вышелъ изъ моей гондолы недалеко отъ Санъ-Микели, этой крѣпости, которая кажется изсѣченною изъ цѣльной скалы. Передо мною случилась удивительная лавченка устрицъ и разнообразныхъ «морскихъ плодовъ», *frutti di mare*.

Мнѣ захотѣлось въ первый разъ изслѣдовать, могутъ-ли адриатическія устрицы состязаться относительно вкуса съ остендскими.

Устрицы были безподобны. Торговка выставила на видъ остатки красоты важной, надменной, выразительной; ей удалось сохранить столько только блескъ своихъ прекрасныхъ глазъ.

Между тѣмъ какъ я наслаждался и глазами и устрицами, подошелъ графъ Ф..., съ которымъ я встрѣчался во всѣхъ картинныхъ галереяхъ и австеріяхъ, на всѣхъ папертахъ и на всѣхъ пристаняхъ.

— Расскажала она вамъ свою исторію? спросилъ меня графъ.

— Свою исторію? Развѣ судьба позабылась надъ этой женщиной?

— Она была впродолженіе шести недѣль предметомъ любви одного изъ величайшихъ поэтовъ въ мірѣ.

— Байрона!

Поблѣкшая Форнарина услышала это магическое имя.

— Лордъ Байронъ! повторила она жалобнымъ голосомъ и съ меланхолической улыбкой.

— Расскажите-ка намъ, сказалъ графъ Ф..., въ двухъ трехъ словахъ. А мы поглощаемъ устрицъ, вокуда будете рассказывать.

Она заставила немножко себя просить.

— Все это безуміе, лепетала торговка устрицъ, поднимая глаза къ небу, какъ будто хотѣла прочесть тамъ прекрасный, давно забытый романъ своей жизни.

«Это было здѣсь, давно, давно; я плясала тутъ, какъ вонъ тѣ красавицы, что прыгаютъ тамъ на лужайкѣ.

Онъ прогуливался по берегу, на своемъ прелестномъ, благородномъ конѣ, котораго я столько разъ цѣловала въ шею, и какъ будто случайно, очутился посреди вакханалій. Я была тутъ всѣхъ безумице.... Онъ нашелъ меня всѣхъ прелестнѣе.

«— Дай-ка мнѣ сюда эту красотку, сказалъ онъ молодцу, который танцевалъ со мною, давай ее сюда, увидишь, какъ мы провальсирuemъ на конѣ».

«Мой танцоръ схватилъ меня въ охапку и бросилъ на руки всадника; тотъ прижалъ меня къ своему сердцу—и пришиорилъ

дошадь. О, какая то была безалаберная пляска. Я дотога боялась упасть, что уже не думала о своей добродѣтели. Я уцѣпилась за моего прелестнаго всадника, прижалась къ нему, какъ ладь подлѣ вѣтви во время бури.

«Первый разъ въ жизни я сидѣла на лошади; мнѣ казалось, что я на водахъ въ часъ прилива. Каждую секунду, я треметала, опасаясь пойти ко дну.... Просто, говорю дамъ: все это казалось мнѣ волшебной сказкой.

«Пришолъ вечеръ, темнота укрывала насъ отъ любопытныхъ взглядовъ. Веселыя пѣсни вакханалій долетали до моего слуха издали.

Я благополучно спустилась съ коня, для того, ятебѣ войти въ гондолу, всю обитую шелкомъ и бархатомъ. О! какое нумозиссаніе!... Что же вы не кушаете больше, господи?»

Въ-самомъ-дѣлѣ, мы пожирали романъ, который она намъ рассказывала на цѣлестномъ венеціанскомъ нарѣчій, съ пынщными образами, какъ-будто самъ Байронъ говорилъ ея устани.

Она продолжала:

«Мы приплыли къ палаццо Мочениго. Я дрожала, какъ ливень; я была счастлива, изумлена, потеряла голову.... Дворецъ, большой баричъ, лакен.... тогда какъ мать моя ожидала меня къ ужину въ нашей конурѣ недалеко отъ Ріальто....мать моя, рыбная торговка.

Лакен вытаращили глаза, чуть не съ арки дожескаго дворца. Я не смѣла пройти мимо этихъ диврейныхъ господъ.... Но онъ взялъ меня подлѣ руку, и провелъ въ свою комнату, гдѣ тотчасъ подалъ мнѣ турецкій кашмиръ, и сказалъ, что будетъ со мною ужинать.

— Господа! что же вы устрицы то!

«На другой день, продолжала торговка, онъ объявилъ мнѣ, что гондола ожидаетъ меня у дверей, чтобъ отвезти къ матери.

«— Да я вовсе не хочу уйти отсюда, возразила ему я.

«Онъ просилъ, онъ приказывалъ; я была непоколебима.

«— Развѣ я осмѣлюсь когда-нибудь, говорюна я ему, показаться въ нашемъ кварталѣ, матушка меня прибила бы; да не матери я боюсь, а солица.

«— Ну, сказалъ онъ, цѣлуя меня, такъ вы отправитесь сегодня вечеромъ, когда солнце закатится.

«— Никогда! вскричала я сгоряча, въ восторгѣ.

«Мы провели денѣкъ и весело и скучно. Что вы станете дѣлать! Онъ забавлялся и скучалъ со мною. Я не умѣла сказать

ему ничего, кромѣ того, что люблю его и хотѣла бы умереть за него.

«Насталъ вечеръ. Онъ нѣжно взялъ меня за руку.

«— Прощай... солнце закатилось! Прощай! скоро увидимся!

«Я не могла больше противиться, позволила вести себя, какъ ребенка. Когда мы были на перстильѣ, онъ знакомъ пригласилъ меня сойти въ гондолу,

«Гондольщикъ ожидалъ меня съ весломъ въ рукахъ.

«— Прощай! сказала я рѣшительно.

«Онъ хотѣлъ было предложить мнѣ руку, но я уже кинулась въ каналъ.

«По-правдѣ, господа, вы не слишкомъ-то любите устрицы!

«Вы догадываетесь, продолжала ех-Форнаррина, что я не осталась долго въ водѣ. Онъ самъ спасъ меня, съ помощью гондольщиковъ. Когда пришла въ себя, я была опять въ его комнатѣ, вокругъ меня суетился докторъ. А онъ, онъ поддерживалъ мою голову, какъ самый нѣжный братъ. Онъ былъ до слезъ тронутъ моимъ прощаніемъ въ водѣ.

— «Мargarита, говорилъ онъ, ты останешься со мною вѣчно.

— «Вѣчно! шептала я съ какимъ-то уныніемъ.

«Вѣчность лорда Байрона продолжалась шесть недѣль, шесть вѣковъ, правда, если вѣка считаются часами радости. Чудные дни! вотъ праздникъ-то для сердца!

«Всякій день, въ этой прелестной гондолѣ, гдѣ я скрывала свое счастье, мы отправлялись изъ палаццо Мочениго къ какому-нибудь дальнему островку; всего чаще посѣщали мы Лидо, гдѣ у него былъ конь, который не смѣлъ ступить своимъ копытомъ на мостовую венеціанскихъ улицъ. О! какъ я любила море! море, говорившее мнѣ о любви и о смерти!

«Его, когда онъ со мной говорилъ, я никогда не понимала, и однако жъ слушала съ наслажденіемъ. Какъ теперь слышу его голосъ. По-видимому, я поступила похвально, что бросилась въ воду; потому что онъ часто повторялъ мнѣ, будто въ цѣлой Англіи не нашлось-бы женщины, которая сдѣлала-бы это такъ хорошо.

«Во всякомъ случаѣ, я не разохотилась повторить эту сцену, и, признаться, согласилась-бы лучше, чтобъ меня осудили, на цѣлые три или четыре вѣка, продавать устрицы и рыбу, чѣмъ испить вторично эту горько-соленую чашу.

«Надобно-ли рассказывать вамъ конецъ! Вѣчно одна и таже пѣсня! конецъ обыкновенно не стѣбитъ начала.

Промелькнули

шесть недѣль, и онъ попросилъ меня идти жить къ матери; впрочемъ клялся, что дворецъ его будетъ всегда мнѣ открытъ. Онъ ожидалъ посѣщенія какого-то посланника и не могъ же принять такого гостя въ моемъ присутствіи.

«На этотъ разъ, я отправилась въ гондолѣ одна.... и даже не бросилась въ каналъ....»

«Потомъ я выдалась съ нимъ изрѣдка, изрѣдка; онъ любилъ меня крѣпко и потому забылъ меня скоро. Въ одинъ прекрасный день для меня не отворилась дверь палаццо Мочениго; на другой день онъ прислалъ мнѣ кошелекъ, набитый золотомъ.

«Я жила тогда съ моею матерью, близко палаццо Гримани.

«Я бросила кошелекъ въ каналъ, побѣжала домой, освободилась отъ своего шелковаго платья, разорвала всѣ кружева, нарядилась въ старое платье моей матери, и ... имѣю честь рекомендоваться.... Вотъ, стала торговать рыбой и устрицами. Я рѣшилась закрыть золотую книгу на прекраснѣйшей страницѣ. И то сказать — читать-то я порядочно не умѣла.»

Мы все еще слушали нашу рассказщицу.

— Господа, вы скушали только пять-десять-три штуки. По полу-цванцигеру за устрицу: составитъ всего двадцать семь цванцигеровъ.»

Это были ея послѣднія слова. Мы нашли устрицы немножко дорогими. Итогъ былъ подведенъ порядочно своевольно; однако жъ мы расплатились, не хмурясь.

У этой устричной торговли былъ въ жизни свой часъ поэзіи. Самъ Байронъ, гений высшаго разряда, выразу, можетъ-быть, не зналъ лучшаго вдохновенія, какъ въ ту минуту, когда Маргарита прощалась съ нимъ, бросаясь въ каналъ. Извѣстно, что страсть создаетъ поэта.

Вы понимаете, что я глядѣлъ на эту женщину съ возрастающимъ любопытствомъ, на эту женщину, которая на мгновеніе счумѣла быть возвышенной любовницей, и которая утратила самыя слѣды женственности, съ-той-поры, какъ покинула благоуханный берегъ молодости и какъ отъ жажды стяжанія поблекли ея губы.

Байронъ является отчасти самъ лѣтописцемъ своихъ похощеній съ венеціанскою Форнарною. Разумѣется, сказаніе его не согласуется во всѣхъ подробностяхъ съ рассказомъ этой бурной героини. Такъ напримѣръ, лордъ-поэтъ не упоминаетъ о томъ, что самъ спасъ ее.

Вотъ портретъ Маргариты, начерченный Байрономъ:

«Эта женщина имѣла на меня вліяніе, которое я часто оспаривалъ, но которое она сохранила во всей неприкосновенности. Это вліяніе заключалось въ ея черныхъ глазахъ, въ ея «физиономіи, мрачной и выразительной; у нея былъ венеціанскій характеръ, проявлявшійся и въ діалектѣ и въ складѣ мысли и во всѣхъ ея пріемахъ и въ рѣзвомъ простодушіи. Въ добавокъ, она не умѣла ни читать ни писать, значить, не могла утомлять меня письмами. Впрочемъ, я получилъ отъ нея два посланія, которыя она продиктовала нотаріусу», когда я былъ боленъ. Гордая, надменная, страшная охотница повелѣвать, она имѣла привычку дѣлать то, что ей хотѣлось, не соображаясь на счетъ времени, мѣста и лицъ, которыя тутъ случались. Если же женщины, прислужницы, бывшія въ палатцѣ, покушались ей въ чемъ-бы то ни было противорѣчить, она ихъ колотила.

«Въ то время какъ познакомился съ Маргаритою, я имѣлъ *relatione* съ синьйорой «», которая, встрѣтивъ однажды нѣко Форнарину, была до такой степени опрометчива, что обратилась къ ней съ угрозами: синьйора слышала про нашу прогулку на конѣ.

«Маргарита сорвала съ нея воаль и стала кричать: — Вы не жена его, и я не жена его! Вы его любовница, и я его любимица! Такъ какое же имѣете вы право дѣлать мнѣ упреки? Если онъ меня больше любитъ, чѣмъ васъ, развѣ я въ этомъ виновата? Если вамъ ужъ слишкомъ горько съ нимъ разставаться, такъ припнижьте его къ своей юбкѣ. Но пожалуйста не воображайте, что если вы побогаче меня, такъ ужъ и можете говорить со мною, не опасаясь никакихъ возраженій.

«Показавъ образецъ своего краснорѣчія, Маргарита удалилась, оставя вокругъ синьйоры многочисленное уличное собраніе; для разсужденій на-счетъ любезнаго діалога, происшедшаго между двумя красавицами....

«У ней были тысячи капризовъ. Она была прелестна въ своемъ *fasciato*: ей захотѣлось непремѣнно имѣть шляпку, да еще съ перьями. Всѣ мои доводы, когда я противился этому сибирскому переряженію, остались бесполезными. Потомъ, пожелала она имѣть костюмъ свѣтской дамы. Ей понадобилось платье со шлейфомъ; всякое сопротивленіе оказывалось невозможнымъ, и она волочила за собою этотъ проклятый хвостъ всюду, куда ни шла.

* Известно, что въ Венеціи нотаріусы содержатъ публичныхъ писцовъ, весьма успѣшно торгующихъ риторическими фразами и грамматическими ошибками.

«Она любила меня неистово. Въ одинъ осенній день, когда я отправился къ Лидо съ моими гондольщиками, — мы были застигнуты въ лагунахъ сильнымъ шкваломъ и подвергались порядочной опасности. Гондола наполнялась водой, весло было унесено волнами, море было бурно; дождь лилъ потоками, ночь приближалась, а вѣтеръ не стихалъ нисколько. Наконецъ, послѣ большихъ усилій, удалось намъ возвратиться въ Венецію, — и я увидѣлъ мою Маргариту на ступеняхъ палаццо Мочениго: она была въ слезахъ, волосы ея, смоченные дождемъ, развѣвались по плечамъ. Съ этимъ блѣднымъ лицомъ, съ этими глазами, блуждающими по волнамъ, которыя шумѣли у ея ногъ, Маргарита очень похожа была на Медею, сошедшую съ колесницы, или на богиню бури. Кромѣ ея, ни одно живое существо не привѣтствовало нашъ запоздалый возвратъ. Когда она меня увидѣла, то не бросилась ко мнѣ на встрѣчу, какъ можно было бы ожидать, а просто закричала:

— «Ah! can della Madonna, po esta il tempo per andar all' Lido.

«Потомъ прибила всѣхъ, и слугъ и гондольщиковъ».

Байронъ не говоритъ, получилъ-ли онъ свою долю....

А это мнѣ кажется несомнѣннымъ. На сценѣ не всякъ освѣтъ, кто захочетъ, говаривалъ Вольтеръ. Въ любви не всякъ бить, кто хочетъ, говаривалъ Байронъ.

Мы возвратились въ Венецію ночью, при прелестнѣйшемъ лунномъ свѣтѣ. Не говорите мнѣ о Колизеѣ, освѣщенномъ луною. Прекраснѣйшее ночное зрѣлище, какое представляетъ Италия, — это Венеція съ своею тишиной, съ своею восточною изумительностью, съ своими дворцами, глядящимися въ волны, съ таинственной гондолой, съ серебристыми куполами, съ торжественнымъ голосомъ храмовъ. Луна — солнце развалинъ. При свѣтѣ этого угасшаго солнца надо видѣть нынче этотъ угасшій городъ.

При этихъ-же мертвенныхъ лучахъ можно еще полюбоваться и на поблекшую красавицу лагуны, которая, въ свои золотые деньки, по выраженію самого Байрона, была хороша какъ тигрица, подала немало пищи любви и злословію, и прославилась отъ береговъ лагуны до береговъ Темзы, гдѣ спекуляторы, въ свое время, позаботились издать въ свѣтъ портретъ ея, съ подписью: *Байронова Форпарина*.

ТАКЪ, ДА НЕ ТАКЪ. *Супружеская сцена.*

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА: МУЖЬ. — ЖЕНА. — ГОРНИЧНАЯ.

(Изящная уборная. — Вечеръ).

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

ЖЕНА, съ вязаньемъ въ рукахъ у камина.

Рѣшительно вязать прескучно; а все-таки лучше, чѣмъ вышивать какую-нибудь собачку по канвѣ (*Поднимаетъ глаза на каминъ*). Ахъ, уже новый журналъ! Какъ онъ сюда попалъ? Я не помню, чтобы его принесли.... это вязанье такъ поглощаетъ вниманіе, что ужасъ!.... (*Читаетъ журналъ*). Скучно! Боже мой! какіе вздоры они пишутъ нынче!.... Чѣмъ они занимаются!.... хотятъ все передѣлать на свѣтѣ.... какъ будто все на свѣтѣ не было, какъ нельзя лучше!.... Вотъ бы написали хорошій романъ: такая полезная вещь!.... Романъ — печатная сплетня, хорошо обдуманная, тонко соображенная, мило рассказанная. Не лучше ли заниматься сплетнями печатными, чѣмъ словесными?.... А безъ сплетней нельзя быть!.... что за жизнь! нѣтъ никакого интересу для ума и сердца.... что другое можно выдумать для удержанія нашего женскаго воображенія отъ опасныхъ одинокихъ полетовъ въ этой пустотѣ, которую создаютъ вокругъ насъ мужья? (*Входитъ горничная*). Что такое?

ГОРНИЧНАЯ.

Письмо къ вамъ.

ЖЕНА.

Подай! (*Горничная уходитъ. Жена кладетъ работу*). Что это? Вотъ, право, сплетня.... рукописная.... которая мнѣ очень не нравится.... рука не незнакомая (*Читаетъ*). «Искренній другъ беретъ смѣлость, предупредить васъ, милостивая государыня, что нынче вечеромъ у вашего мужа назначено свиданіе съ синьорой Ріоха; она ждетъ его къ себѣ въ девять часовъ». И безъ подписи.... Какая подлость! (*Бросаетъ письмо въ огонь*). Эта синьора Ріоха, Испанка, Цыганка, бусурманка.... кто она такая!.... свалилась на насъ не знаю откуда.... вдова... говорятъ, бывшая актриса или танцовка.... Для нашихъ мужей это удивительная приманка.... и они вводятъ ее во всѣ общества.... многія жены смотрятъ на это равнодушно, потому что она — иностранка.... женщина обезславленная, притомъ же вѣтряная, безъ имени в роду.... такъ невѣрности съ нею не считаются. А! мой любезный Петръ! и

вы забрались туда же?... А я полагала, что у васъ вкусъ поразборчивѣе. Она дурна, или, по-крайней-мѣрѣ, я лучше ее: только онъ одинъ этого не видитъ.... настоящій мужъ! (*Принимается опять за работу*). Онъ ни лучше, ни хуже другихъ мужчинъ. И, Боже мой, нѣтъ! я его жена, больше ему ничего не нужно; я его люблю, а для него это роскошь, безъ которой онъ можетъ обойтись. Ему говорить, что онъ очень счастливъ, что женатъ на такой женщинѣ, какъ я: такъ вотъ ему прискучило слышать о своемъ счастьи (*Нѣсколько помолчалъ*). Если бы у меня были дѣти, мнѣ было бы не такъ грустно.... много же ему чести, когда онъ перебѣдетъ у другихъ эту Цыганку.... такая смуглая!.... просто чернавка!.... Ну, да ему-то и нравится, бѣлые и розовыя надѣли этимъ господамъ.... Но что надо думать объ этомъ гадкомъ письмѣ? Свиданіе назначено въ девять часовъ, а теперь ужъ девятаго половина, и я знаю, что мой мужъ спокойно работаетъ у себя (*Стучатся*). Ахъ, Боже мой, вотъ и онъ!

Вяжеть усердно.

СЦЕНА ВТОРАЯ.

ЖЕНА, МУЖЪ, щегольски одѣтый.

МУЖЪ.

Сиди, сиди, это я (*Подходитъ къ камину, грѣетъ ноги, и говоритъ съ разсыянною любезностью*). Что это за хорошенькая работа у тебя?

ЖЕНА.

Прежде чѣмъ хвалить, потрудись взглянуть....

МУЖЪ.

Потому-то я и спрашиваю, что взглянулъ, душа моя!

ЖЕНА.

Совсѣмъ нѣтъ: если бы не любовался собою въ зеркало, то увидалъ бы, что это прегадкій, толстый шарфъ, который я вяжу для лотереи-аллегри въ пользу бѣдныхъ.

МУЖЪ, весело.

Придирка? откуда мнѣ угадать, что это такое? я только вижу, что въ твоихъ рукахъ это очень мило, вотъ и все.

ЖЕНА.

Ты премилъ на словахъ!

МУЖЪ.

Я говорю то, что думаю. Но откуда взялась у тебя мысль заниматься такой работой?

Т. ХСѢІ. — Отд. VII.

СМѢСЬ.

ЖЕНА.

Нынче въ модѣ работать для благотворительныхъ цѣлей.... развѣ тебѣ не нравится?....

МУЖЬ.

Что ты такъ же добра, какъ хороша? Конечно нѣтъ.

ЖЕНА.

Я восхищена до глубины души.

МУЖЬ.

Только жаль, что ты утомляешь глаза своими добрыми дѣлами, а я прошу беречь ихъ, если не для себя, то для меня; я вѣдь такъ часто смотрю въ нихъ, а думаю-то о нихъ безпрестанно.

ЖЕНА.

Въ какомъ ты сегодня расположеніи духа!

МУЖЬ.

Увы! сегодня, какъ и всегда, влюбленъ въ васъ, милостивая государыня, хоть и говорятъ, смѣшно быть влюбленнымъ въ свою жену.

ЖЕНА.

Не заболѣйте пожалуйста отъ любви.

МУЖЬ.

Ты удивительна! Почему мнѣ не быть влюбленнымъ въ тебя? Развѣ ты не самая хорошенькая женщина на свѣтѣ?

ЖЕНА.

Не спорю; но я имѣю честь быть вашей женой, а это въ вашихъ глазахъ, по крайней мѣрѣ, неудобство, способное уничтожить всѣ мои прекрасныя качества.

МУЖЬ.

Ну! ну! позвольте же узнать причину такого сумазбродства, которое вы во мнѣ предполагаете?

ЖЕНА.

Ахъ! ко всему привыкають, а вы обыкновенно такъ скуны на эти милыя вещи, которыя расточаете мнѣ нынче вечеромъ, что вѣрно не хотите, чтобы я къ нимъ привыкла. Но позвольте спросить, безъ излишней нескромности, куда это вы ѣдете въ такомъ побѣдоносномъ нарядѣ?

МУЖЬ.

Въ клубъ. Но, что касается до твоихъ предирокъ....

ЖЕНА.

Въ клубъ? Обыкновенно вы не ѣдите туда въ такомъ блестятельномъ видѣ?

Нынче требуютъ этого.... въ клубѣ будутъ знатные гости, какой-то знаменитый путешественникъ....

МУЖЪ.

Не Испанецъ ли?

ЖЕНА.

Почему жъ такъ Испанецъ?

МУЖЪ.

ЖЕНА.

Потому что прїѣхавшимъ издалека очень легко выдать себя за кого хочешь. Кому охота отправляться въ его землю за справками. А что этотъ грандъ тоже вдовецъ?

МУЖЪ.

Въ какомъ смыслѣ принимаешь ты это *тоже*? Кто же тутъ еще вдовецъ? А мнѣ почему знать, вдовъ ли онъ или женатъ? Зачѣмъ этотъ вопросъ?

ЖЕНА.

Потому что я не стану принимать его жену, говорю вамъ напередъ. Мнѣ надобны иностранцы вообще, и иностранки въ особенноти. Какъ вы думаете, я полагаю, что изъ этихъ заграничныхъ земель ничего путнаго не можетъ къ намъ прїѣхать?

МУЖЪ.

Значить, все прїѣзжающее оттуда распутно?

ЖЕНА.

О! нѣтъ! я этого не говорю! Вы слишкомъ скоры на заключенія. Путному противоположно только безпутное, а не распутное. Тутъ есть отъѣвекъ. Въ которомъ часу надо вамъ быть въ нашемъ клубѣ?

МУЖЪ.

Боже мой, я думаю въ девять часовъ. Развѣ ты меня выгоняешь.

ЖЕНА.

Какъ угодно.

МУЖЪ.

«Согласенъ, душа моя, что ты дурно награждаешь меня за мою любезность.»

ЖЕНА.

Не разоряйтесь, пожалуйста, на эту ставку: а то станетъ подозрительно! Я наконецъ подумаю, что если вы пускаете мнѣ эту пыль въ глаза, такъ это съ намѣреніемъ ослѣпить меня какъ можно скорѣе.

СМѢСЬ.

МУЖЬ.

Боже мой! вы удостоиваете меня великой чести быть немножко ревнивой?

ЖЕНА.

Будь я ревнива, я бы не сказала, а доказала.

МУЖЬ.

Какимъ же это образомъ, позвольте узнать?

ЖЕНА.

Да такимъ, что сама доставила бы отлично уважительныя причины почувствовать ревность съ своей стороны.

МУЖЬ.

Отлично уважительныя причины?

ЖЕНА.

Да-съ, самыя уважительныя, самыя лучшія причины на свѣтѣ.

МУЖЬ.

Позвольте сказать, что это было бы несправедливо.

ЖЕНА.

Несправедливо? Я не имѣю удовольствія васъ понимать.

МУЖЬ.

Съ такимъ тонкимъ умомъ какъ вашъ, нельзя же не знать, что невѣрность со стороны жены не есть ни законное возмездіе, ни справедливое вознагражденіе за невѣрность мужа.

ЖЕНА.

Неужели? Стало-быть слово обязанность по вашему двусмысленно? Стало-быть оно — родъ таинственнаго божка съ двумя лицами, которое на насъ женщинъ смотритъ неумолимымъ окомъ, а вамъ, мужчинамъ улыбается съ пріятностью? Стало-быть слово обязанность — двойкій терминъ, который въ вашемъ супружескомъ словарѣ предоставляетъ вамъ невѣрность какъ право, а намъ даетъ только оскорбительныя выгоды преступной контрабанды?

МУЖЬ.

Позвольте....

ЖЕНА.

Нѣтъ, не позволю. И такъ честь запрещаетъ вамъ нарушить условія съ лакеемъ, а вѣрность, обѣщанная женою, а разбитыя клятвы съ нею у подножія алтаря, это нужды нѣтъ! Вы обращаетесь съ нами какъ съ невольницами которыя вамъ обязаны всѣмъ, а вы имъ ничѣмъ!

МУЖЬ.

Извините; я не говорю и даже не думаю этого. По моему,

мужъ, который позволяетъ себѣ измѣнить женѣ, поступаетъ преградко, дѣлаетъ негодный проступокъ.

ЖЕНА.

Да — шалость!

МУЖЪ.

Даже преступленіе, если хотите, но съ извинительными обстоятельствами, которыхъ для проступка жены быть не можетъ.

ЖЕНА.

Рѣшительно.

МУЖЪ.

Конечно такъ. И замѣтите, что если бы я захотѣлъ говорить по законамъ.

ЖЕНА.

А! по законамъ!... это чудо!

МУЖЪ.

Я бы сказалъ, что невѣрность жены можетъ имѣть для семейства и для общества такія бѣдственныя послѣдствія, которыхъ не имѣетъ невѣрность мужа... Я не хочу смотрѣть на положительную сторону вопроса... а гляжу на него съ точки зрѣнія, болѣе достойной насъ обоихъ... но все-таки это предметъ щекотливый и я буду просить васъ угадать меня скорѣе, чѣмъ понять....

ЖЕНА.

Это точно кажется мнѣ не слишкомъ ясно.

МУЖЪ.

Можетъ быть. Неужели вы думаете, что женщина, которой хочется быть уважаемой, я говорю только о такихъ, можетъ имѣть любовь внѣ супружества, не предавшись ей совершенно и не будучи виновна въ измѣнѣ противъ мужа по всѣмъ статьямъ? Мужчина, Боже мой! Мужчина истратить въ кратковременной интригѣ немножко ума, если онъ у него есть, вотъ и все....

ЖЕНА.

А если у него нѣтъ?

МУЖЪ.

Но женщина не отдается за такія бездѣлцы, я говорю это къ чести вашего пола, у васъ не можетъ быть любви безъ того, чтобы вы не вложили туда всю вашу душу, все существо свое, не отдались врагу и тѣломъ и душою: когда мы беремъ изъ супружескаго быту только нѣсколько свободныхъ минутъ, вы совершенно его покидаете, создаете себѣ новую и полную жизнь возлѣ той, которой обѣщали жить для насъ. Наши заблужденія

только невнимательность, могущая на время пригнать игноми-
ный беспорядокъ въ супружествѣ, а ваша — рѣшительная и не-
исправимая погибель.... Вотъ почему законъ мзды по моему не
прилагается къ подобнымъ обстоятельствамъ. Впрочемъ можете
быть я дурно изъясняюсь или у васъ нѣтъ необходимаго без-
пристрастія, чтобы судить о томъ, что, слава Богу, не относит-
ся ни къ вамъ ни ко мнѣ.

ЖЕНА.

Кончили наконецъ? Ну, я вѣдь и говорила: когда вы насъ об-
манываете, вы только шалуны, заслуживающіе прута, а когда мы
насъ обманываемъ, насъ надо колесовать и четвертовать. Это
очень справедливо и любезно. Прощайте, ступайте въ вашъ
клубъ: девять часовъ.

МУЖЪ.

Замѣть мой другъ, что ты меня выгоняешь.

ЖЕНА.

Это вамъ и кстатѣ, и мнѣ также. Прощайте.

МУЖЪ, цѣлуя ей руку.

Подумай о моей теоріи; увидишь, что въ ней много правды.

ЖЕНА.

Только напрасно вздумаете вы прибѣгнуть къ практикѣ, увѣ-
рю васъ!

МУЖЪ, уходя.

О! это только просто школа элоквенціи. Завтра, если угодно,
я буду знать урокъ наизусть и выскажу его самъ безъ малѣй-
шей ошибки. Добрая ночь.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

ЖЕНА, одна.

ЖЕНА, кладетъ работу, встаетъ и про-
хаживается.

Это ужъ просто безстыдство! Что же я называть мѣднымъ
лбомъ какъ не это? Я такъ и ждала, что онъ станетъ увѣрять
меня, что я еще обязана его благодарить.... нѣжно говорить о
томъ, что насъ занимаетъ большое искушеніе, потому что мужъ,
идущій къ любовницѣ, не можетъ удержаться, чтобы не гово-
рить о томъ женѣ!... Онъ прегадкій человѣкъ!... развратный по
силѣ правилъ, на основанія убѣдительныхъ доказательствъ....
Всего гнуснѣе то, что онъ отправился съ спокойной совѣстью
дослѣ этого полупризнанія и этого негоднаго оправданія! Онъ и

не думалъ обо мнѣ, о моихъ опасеніяхъ, о моей ревности, доказывая передо мною эти смѣшные вещи; онъ только искалъ ободренія для себя.... (*Послѣ минутнаго молчанія*). Это созданье съ двумя огромными глазами во всю ширину щекъ — глупо какъ печка. Желаю имъ веселиться.... это просто презрительно (*Садится и складываетъ руки*). Было бы очень смѣшно, если бы честная женщина расплакалась изъ-за какой-нибудь синьоры Рюха!... однако это грустно.... очень грустно!... Я бы дала отръзать руку, чтобы у меня въ эту минуту былъ ребеночекъ, крошечный, съ орѣхъ.... (*Вытираетъ глаза. Входитъ горничная*).

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

ЖЕНА, ГОРНИЧНАЯ.

ЖЕНА.

Что еще?

ГОРНИЧНАЯ.

Какой-то баринъ принесъ къ вамъ это письмо.

ЖЕНА.

Какъ, баринъ? Развѣ лакей или почтальонъ?

ГОРНИЧНАЯ.

Нѣтъ-съ, баринъ.

ЖЕНА.

Старикъ?

ГОРНИЧНАЯ.

Нѣтъ-съ, молодой.

ЖЕНА.

Что же ему нужно?

ГОРНИЧНАЯ.

Онъ принесъ къ вамъ это письмо.

ЖЕНА.

Такъ давай же.

Беретъ письмо, горничная уходитъ.

СЦЕНА ПЯТАЯ.

ЖЕНА, одна.

(*Распечатываетъ письмо и вскрикиваетъ отъ радости*). Ахъ! отъ Ипполита! такъ онъ не умеръ отъ холеры, какъ говорили! какое счастье! (*Читаетъ*). Воротался нынче утромъ.... завтра будетъ ко мнѣ.... Завтра, какъ глупо! Зачѣмъ не нынче вечеромъ?

Какія пустыя деликатности!.. Кажется, его трудно будетъ узнать.... и не удивительно, послѣ четырехъ-лѣтняго путешествія по ужаснымъ странамъ.... да! четыре года.... послѣ моего замужества.... Какое сердце, какая любовь! Однако вѣрно онъ вылетѣлся, если воротился (*Опять принимается за работу*). О! конечно, теперь мы можемъ увидѣться безопасно; я почти старуха, онъ совершенный старикъ, какъ онъ увѣряетъ.... Я думаю, что онъ очень загорѣлъ, и вѣрно расскажетъ мнѣ много страшныхъ приключеній.... Какъ это случается кстати! По-крайней-мѣрѣ зимой, всегда одна, я не стану скучать такъ смертельно.... (*прислушивается*). Какъ! невозможно! уже карета! Неужели это мой мужъ? (*Хочоветъ*). Ахъ! какое происшествіе! ея не было дома! Вѣрно какое-нибудь недоразумѣніе.... Вотъ и онъ (*Вяжетъ усердно*).

СЦЕНА ШЕСТАЯ.

ЖЕНА, МУЖЪ.

МУЖЪ, озабоченный.

Тебѣ надо непремѣнно, душа моя, рѣшиться разъ освѣтить переднюю; чтобы добраться до двери, надо идти ощупью цѣлый часъ. Если ты думаешь, что достаточно огарка на лѣстницѣ, ты очень ошибаешься.

ЖЕНА.

Какъ! вы тамъ пробирались ощупью цѣлый часъ? неужели?

МУЖЪ.

Разумѣется! (*садится съ уерюмымъ видомъ; послѣ минутнаго молчанія продолжаетъ*): что это за гадость вяжешь ты тамъ?

ЖЕНА.

Это та самая миленькая работа, которая вамъ такъ нравилась недавно.

МУЖЪ.

Вѣрно я не разглядѣлъ. Точно чулокъ, на который смотришь въ микроскопъ. Развѣ ты не можешь дѣлать петли поменьше? это похоже на неводъ.

ЖЕНА, не поднимая глазъ.

Такъ какъ я работаю не для васъ, то обойдусь безъ вашего наставленія. И притомъ же это не чулокъ: я уже имѣла честь докладывать вамъ, что это шарфъ.

МУЖЪ.

А! шарфъ! это другое дѣло.

ЖЕНА.

Я думаю, что шарфъ и чулокъ двѣ вещи разныя.... Позвольте замѣтить вамъ, что это мой клубокъ катаете вы подъ сапогомъ.

МУЖЬ.

Ахъ! извините.

ЖЕНА.

Если онъ вамъ не нуженъ, потрудитесь подать....

МУЖЬ.

Будьте спокойны, я до него не дотронусь.

ЖЕНА.

Серьёзно, вы не хотите его поднять?

МУЖЬ.

Какъ это можно! Я думалъ, что вы имѣете привычку оставлять его на полу.

ЖЕНА.

Это большое заблужденіе. Кстати, каковъ вашъ знатный гость, знаменитый путешественникъ?

МУЖЬ.

Не знаю; его не было.

ЖЕНА.

А! вашъ чудесный туалетъ пропасть даромъ! Я васъ знаю, вы, вѣрно, были ужасно недовольны.

МУЖЬ.

Не хотите ли вы этимъ сказать, что находите меня кислымъ и неспособнымъ.

ЖЕНА.

Напротивъ, я нахожу васъ очаровательнымъ. Вы могли играть цѣлую ночь въ клубъ, а возвратились провести вечеръ съ женой.... Но доброе дѣло за мной не пропадаетъ и въ замѣну вашей жертвы, я скажу вамъ пріятную новость.

МУЖЬ.

Что такое?

ЖЕНА.

Можетъ-быть я ошибаюсь: скажите скорѣе, были вы знакомы съ моимъ троюроднымъ братомъ Исполитомъ?

МУЖЬ.

Да; но я потерялъ его изъ виду уже нѣсколько лѣтъ. Онъ долженъ быть гдѣ-то далеко, чуть ли не въ Китаѣ.

ЖЕНА.

Нѣтъ, радуйтесь, онъ не въ Китаѣ.

МУЖЬ.

Пусть такъ.

СМЪСЬ.

ЖЕНА.

И не только не въ Китаѣ, но даже вы увидите его завтра; онъ спрашиваетъ, могу ли я его принять.... Вы рады?

МУЖЪ.

Въ восхищеніи... Онъ, кажется, ухаживалъ за вами до замужства?

ЖЕНА.

Кажется было что-то похожее...

МУЖЪ.

Если не ошибаюсь, онъ даже хотѣлъ жениться на васъ.

ЖЕНА.

Носились слухи; но явились вы, милостивый государь (*кладется*), явились вы — и все тутъ.

МУЖЪ.

Такъ вы его не любили?

ЖЕНА.

Не знаю; я была тогда ребенкомъ и не отдавала себѣ отчету въ томъ, что чувствовала.

МУЖЪ.

Стало быть и со мною вы употребили то же добродушное невѣдѣніе, тотъ же духъ небрежнаго выбора?

ЖЕНА.

Вы задаете мнѣ странные вопросы! Какъ вы хотите, чтобы я помнила то, что думала четыре года тому назадъ?

МУЖЪ.

Но уже конечно вы не были влюблены въ этого трюморднаго брата... какъ-бишь его?... мосѣ Ипполита?

ЖЕНА.

Не надо говорить *конечно*; я любила его не больше кого-нибудь другаго, вотъ и все.

МУЖЪ.

Стало быть вы любили его-таки немножко?

ЖЕНА.

Немножко, порядочно, страстно, огненно, ни капельки — какъ вамъ угодно — что это у васъ за ревность къ обратнымъ дѣвствіямъ, дражайшій господинъ мой супругъ?

МУЖЪ.

Ревность? у меня! какъ это можно?

ЖЕНА.

Да и не нужно!... хоть оно и учтивѣе, по-крайней-мѣрѣ притвориться ревнивымъ, но если для своей неприкосновенности къ ревности, вы основываетесь на разсужденіи вашемъ о долгѣ со-

вѣсти, которое мнѣ прочитали недавно, смѣю васъ увѣрить, что я имъ дурно воспользовалась. На этотъ счетъ у меня свои идеи, вѣроятно, женскія, какъ у васъ свои мужскія. Оставьте ихъ за собою, но я, какъ правдивая женщина, объявляю вамъ откровенно, что буду держаться моихъ идей.

МУЖЬ.

Что это?... угроза?

ЖЕНА.

Нѣтъ, не угроза, точно также, какъ ваше краснорѣчивое сужденіе, не было, я думаю, оправданіе.

МУЖЬ.

Полно, ты видишь, что я шутилъ.

ЖЕНА.

Ну, и я тоже шучу. Чѣмъ тебя я огорчила, ты скажи, любимый мой... какъ поетъ моя тетюшка.

МУЖЬ.

Боже мой! если ты непременно хочешь, я готовъ сознаться, что проступокъ мужа равенъ проступку жены. Ну, можно ли быть благодарными?

ЖЕНА.

А я говорю, что проступокъ мужа вдвое важнѣе проступка жены.

МУЖЬ.

Вотъ ужъ это.... наприѣръ.... извини, но ты любишь парадоксы.

ЖЕНА.

Признайтесь однако, что часто вы ставите вашу жену въ необходимость или обмануть или умереть отъ скуки. Добродѣтель, какъ ни тверда она, требуетъ ободренія и даже поддержки, а вы отказываете ей и въ томъ и въ другомъ.

МУЖЬ.

Я, душа моя?

ЖЕНА.

Кто говорить объ васъ? развѣ ваша совѣсть? Я говорю о всѣхъ мужьяхъ на землѣ. У мужчинъ есть тысячу случаевъ проводить время, занимать умъ, употреблять въ дѣло дѣятельность, имъ стѣдуетъ только выбирать развлеченія и если со всѣмъ этимъ они кидаются еще въ вихрь волненій невѣрности, признайтесь, что это единственно для того, чтобы дурно поступить.

МУЖЬ.

О! что до меня!...

ЖЕНА.

О! что до васъ, такъ вы чистый гений, безпорочная душа, это извѣстно. Сверхъ-того, когда вы женитесь господа, вы уже совершенно хладнокровны; чувственыя прелщенія, сердечныя продѣлки, вы на это преученыя мужья.... чтобы не сказать истощенныя — и пренечувствительныя.... не нужно и говорить отчего... отъ пресыщенія.

МУЖЪ.

О! право....

ЖЕНА.

Если бы вы были такъ добры, что не прерывали бы меня? Такъ, стало быть, вы изиѣняете своимъ обязанностямъ обдумавъ напередъ весь проступокъ. Мы женщины — увы! — это другое дѣло: мы начинаемъ жизнь, а вы кончаете ее. Противъ всѣхъ опасностей, всѣхъ искушеній, всѣхъ увлекательныхъ печальностей, у насъ нѣтъ другой крассы, кромѣ нашего бѣднаго инстинкта, между-тѣмъ какъ вы вооружены съ головы до ногъ великолѣпной опытностью. Это не все: ваши измѣны имѣютъ характеръ наступательный и самоумышленный, чего у насъ нѣтъ; вы наступаете; а мы только защищаемся: пусть мы виноваты, когда даемъ побѣдить себя, я согласна; но что сказать о васъ, которые обдумываете грѣхи и приводите ихъ въ дѣйствіе съ глубокимъ соображеніемъ!... И потому вы виновны даже въ случаѣ неудачи — даже въ случаѣ неудачи; слышите ли вы? Побудившее васъ намѣреніе, уже преступленіе. Коротко сказать, мы имѣемъ надъ вами нравственное превосходство дичи надъ охотникомъ. Я прибавлю только одно слово: часто невѣрность входитъ въ вашъ домъ въ ту дверь, которую вы оставили открытой, когда бѣжали, къ вашей возлюбленной.

МУЖЪ.

Все это можетъ быть очень тонко, но мнѣніе всѣхъ времени, написанное всѣми законами міра....

ЖЕНА.

Ахъ! оставьте меня въ покоѣ съ вашими законами міра! Вѣдь вы сами же ихъ пишете! Если невѣрность жены производитъ безпорядокъ въ семействѣ, ваша невѣрности не приносятъ ли смутеніе въ семейство другихъ? Кажется, общество ничего тутъ не выигрываетъ.

МУЖЪ.

Изъ всего этого самое явственнее для меня то, что ты очень хороша, когда говоришь съ жаромъ.

ЖЕНА.

Много же я выиграла, если только это результат моихъ доказательствъ!

МУЖЪ.

Но скажи, откуда взялись у тебя всѣ эти прекрасныя разсужденія?

ЖЕНА.

Вы чудный человекъ! Вы вѣрно считали меня дурочкой?

МУЖЪ.

Нѣтъ.... но....

ЖЕНА.

Но за что-нибудь такое приблизительное. Я замѣтила, вообще, что вы мужчины имѣете очень повелительное мнѣніе о женщинахъ и бываете страшно изумлены всякій разъ, какъ вамъ случится примѣтить, что онѣ говорятъ толково... *(Складываетъ работу и встаетъ)*.

МУЖЪ.

Какъ, ты уже уходишь?

ЖЕНА.

Акуратно въ одиннадцать часовъ каждый вечеръ. Я очень рада довести объ этомъ до вашего свѣдѣнія.

МУЖЪ.

Я это знаю и безъ вашего доклада; но я не думалъ, что уже такъ поздно.

ЖЕНА.

Очень мило.... Потрудитесь же проститься со мною и уйти.

МУЖЪ.

Развѣ я вамъ мѣшаю здѣсь?

ЖЕНА.

Нисколько.... *(Вынимаетъ шпильки и кладетъ ихъ на каминъ; потомъ развязываетъ волосы, которые падаютъ въ беспорядкъ)*.

МУЖЪ.

Развѣ тебѣ не нужно горничной?

ЖЕНА, передъ зеркаломъ, задомъ къ мужу.

Нѣтъ; я прибѣгаю къ слугамъ только въ крайней необходимости. Каждый вечеръ приваряжаюсь ко сну въ уборной, потомъ ухожу себѣ въ спальню преспокойно.

МУЖЪ.

Ты раздѣваешься сама?

ЖЕНА.

Какъ?

сирѣхъ.

Ты раздвѣаешься сама?

нужь.

жена, убирая волосы.

Сама своей особой.

нужь.

Какіе у тебя чудесные волосы!

жена.

Вы очень добры.

нужь.

Знаешь ли? Ты слишкомъ хороша, чтобы быть моею женою.

жена.

Можетъ быть. Положимъ, что и не женою.

нужь.

Я хочу сказать, что женщину, похожую на тебя, нельзя любить какъ жену: надо любить больше.

жена.

Однако на это трудно рѣшиться.

нужь.

А какъ ты думаешь, если дѣльная любовь существуетъ на свѣтѣ, не будетъ ли это та любовь, которая рождается изъ удивленія въ достоинствамъ и заслугамъ?

жена.

Вы опять пускаетесь въ метафизику? Прощайте же, прощайте.

нужь.

Ты непостижимо хороша! а я... право!... недостоинъ своего счастья (*Встаетъ и беретъ свѣчку*). Позвольте мужу посвятить вамъ, сударыня?

жена.

Да сомнѣя ли уже на васъ лучъ небесный?... погодите!

нужь.

Что это ты хочешь сказать?

жена.

Очистились ли вы отъ всѣхъ сквернъ и грѣховъ?... и нѣтъ ли у васъ еще гдѣ-нибудь въ уголку души утаеннаго грѣшка?

нужь.

Право, другъ мой, я не....

жена.

Развѣ ты не видишь, что я знаю все?

нужь.

Если ты знаешь все, мнѣ остается только униженно просить всепрощенія.

ЖЕНА.

А вѣдь навѣрно? не признаешься, въ надеждѣ спасти что-нибудь!
Ну признавайся..... признавайся.....

МУЖЬ.

Что мое ослѣпленіе и глупость дошла было до безумія?...

ЖЕНА.

До преступленія, сударь, до преступленія!

мужъ, цѣлуя ей руку.

До преступленія.

ЖЕНА.

Еще не все. И что снѣгора...? а?...

мужъ, съ жаромъ.

И что снѣгора Рюха безстыдная кокетка!

ЖЕНА.

Ах! Боже мой! не сердитесь, а то я подумаю, что вы еще ее любите.

МУЖЬ.

Ради Бога, пощади меня!

ЖЕНА, смотритъ на него молча, потомъ
пожимаетъ плечами, вздыхаетъ
и беретъ его за руку.

Приходите съ миромъ и впередъ не грѣшите.

КОНЦЕРТЪ ДЛЯ ВЪДЫКЪ. *Разсказъ Юлія Сандо.* Нѣсколько лѣтъ тому я былъ молодъ и зналъ только свою деревушку. Другъ моего семейства, очень любившій меня, предложилъ ѣхать съ нимъ въ южную Францію, куда призывали его дѣла по наследству. Рѣшили, что прежде нежели я вступаю въ свѣтъ, не худо немного постранствовать. Вотъ, въ одно прекрасное апрѣльское утро, вмѣстѣ съ другомъ Яковомъ, я выѣхалъ въ маленькой одноколѣ, которая очень походила на почтовую коляску, запряженной сильной лошадкой, которую хозяинъ звалъ *Bergere*. Можете вообразить какое это было очаровательное путешествіе? Всюду весна, и во мнѣ, и вокругъ: все радѣвало, кипѣло жизнью, зеленѣло въ моемъ сердцѣ какъ и на землѣ, и лепетъ моихъ шестнадцати лѣтъ смѣшивался съ пѣніемъ лѣсныхъ птичекъ.

Мы ѣхали потихоньку какъ ѣздятъ *setturini*. Выѣзжали рано, съ восходомъ солнца, обѣдали какъ случится и вечеромъ ложились, гдѣ Богъ приведетъ.

Другъ мой Яковъ былъ не разговорчивъ. Между восходомъ

в закатомъ солнца онъ выкуривалъ отъ пятнадцати до двадцати трубокъ табаку, а остальное время спалъ. *Bergere* дѣлала осемь и десять миль въ день, смотря по станціямъ. Все для меня было ново, и все восхищало, кромѣ городовъ, которые мы проѣзжали; они казались мнѣ ужасными. Я спрашивалъ себя, возможно ли, чтобы существа такъ организованныя, какъ пріятель мой и я, по доброй волѣ согласились влечать жизнь въ этихъ отвратительныхъ логовищахъ, съ которыми я съ гордостью сравнивалъ свою родимую трущобу! О прелесть отчизны! о могущество мѣстъ, гдѣ протекло наше дѣтство! очарованіе земнаго уголка, гдѣ впервые увидали мы Божій свѣтъ. Но чѣмъ ближе мы подвигались на югъ, тѣмъ города казались красивѣе, изыщѣе, и опрятнѣе; конечно все это было не такъ хорошо, какъ родимая сторонushка, за всѣмъ тѣмъ я отдалъ бы съ радостью всѣ города, гордо отразившіеся въ Ронѣ, за свою деревушку, смиренно орошаемую водами Крѣзы; однако я соглашался, что все это было не дурно. Въ концѣ апрѣля, въ одинъ жаркій и золотистый, словно лѣтній вечеръ, *Bergere*, одвоколка, пріятель Яковъ, трубка и я, торжественно вѣхали въ Карпантра, который засѣлъ въ своей оградѣ изъ зубчатыхъ валовъ, точно куропатка въ коркѣ пирога. Это одинъ изъ самыхъ поэтическихъ городовъ Франціи, которые печетъ южное солнце. Мы остановились въ гостиницѣ *Treux млукающихъ кошекъ*. На качавшейся отъ вѣтру вывѣскѣ, доморощенный художникъ нарисовалъ трехъ кошекъ, въ такомъ восторженномъ положеніи, которое трудно описать; онѣ, казалось, исполняли самое адское тріо, какое только можно вообразить.

Едва мы вышли изъ своей колесницы, какъ замѣтили вокругъ себя волненіе, которое казалось необыкновенно. Одушевленные группы толпились передъ гостиницею и на театральной площади. Весенній воздухъ разливалъ во всей природѣ какой-то праздничный видъ. Со всѣхъ сторонъ наѣзжали экипажи, сталкиваясь на всѣхъ перекресткахъ. Вѣроятно готовилось что-нибудь веселое и необыкновенное, чего мы не знали, потому что *Bergere*, другъ Яковъ и я, были слишкомъ неизвѣстны и къ тому же слишкомъ скромны, чтобы такое движеніе и стеченіе народу можно было приписать нашему прибытію. Очевидно ждали какого-нибудь владѣтельнаго князя или знаменитаго актера. Звонкъ къ обѣду вдругъ прервалъ наши догадки, которымъ мы предавались нѣсколько минутъ. За общимъ столомъ, я замѣтилъ въ первый разъ новый родъ двуногихъ животныхъ; Брюновъ и дру-

гіе натуралисты забыли упомянуть о нихъ въ своихъ исторіяхъ; поэтому я до-сихъ поръ не подозрѣвалъ ихъ существованія. Другъ Яковъ увѣрялъ меня, что эти страшныя существа были ни кто иные, какъ странствующіе приказчики. Они намъ объяснили, что въ этотъ самый вечеръ, въ театральной залѣ Карпантра, давали концертъ въ пользу бѣдныхъ. Концертъ! при этомъ словѣ я покраснѣлъ отъ удовольствія, а другъ Яковъ, поблѣднѣлъ отъ страху; потому что онъ глубоко ненавидѣлъ двѣ только вещи въ мірѣ: жену свою и музыку.

Надобно признаться, что концертъ въ провинціи былъ тогда рѣдкостью. Музыкальное образованіе Франціи только начиналось, и что касается до меня, я не слыхивалъ другихъ концертовъ, кромѣ птичьихъ, въ нашихъ рощахъ. Съ того времени мы сдѣлали быстрые успѣхи; Франція стала по крайней-мѣрѣ такою же музыкальною, какъ и Германія. Меломанія все поглотила и трудно предвидѣть, на чемъ остановится зло. Въ нашихъ департаментахъ нѣтъ города, состоящаго изъ четырехъ тысячъ душъ, гдѣ бы любители не давали хоть разъ въ недѣлю концертъ, гдѣ бы всякій день, всякій часъ, двѣсти или триста рукъ не колотили по клавишамъ бездушнаго и безчувственнаго инструмента, называемаго фортепiano: это какая-то бѣшеная страсть, болѣзнь. Недавно я опять былъ въ своей деревушкѣ. Двадцать лѣтъ тому, тамъ были только однѣ клавикорды моей бѣдной, крестной матери. Какъ теперь вижу, какъ ея бѣлые, худые пальцы пробѣгали по костянымъ клавишамъ и слышу, какъ грустный и нѣжный голосъ напѣвалъ старинныя аріи Ричарда. Теперь же въ нашемъ мѣстечкѣ цѣлое наводненіе фортепiano, рожковъ, огромныхъ басовъ, колоссальныхъ трубъ, и другихъ допотопныхъ инструментовъ. Въ самый день моего пріѣзда былъ концертъ у мера; на другой день давали серенаду оппозиціонному депутату. Прости мнѣ Господи; я готовъ биться объ закладъ, что теперь у дочери моей кормилицы есть фортепiano, а мой молочный братъ играетъ на флейтѣ или на кларнетѣ. Бывало Туанетта пѣвала простыя пѣсни своей родины, а Францискъ подъ звуки своей волынки по воскресеньямъ заставлялъ насъ танцовать подъ тѣнью вязовъ. Право, музыка истребила между нами много хорошаго, что быть-можетъ стояло ея. Она убила комедію, трагедію, драму, словомъ театр. Наслажденія разума, она замѣнила развлеченіемъ, которое не требуетъ такого усилія, чтобы насладиться имъ; нужно только раскрыть уши. Въ домашней жизни фортепiano

убило прежде всего тишину, внутреннее размышленіе, потому любовь къ книгамъ и чтенію, которое нѣкогда дѣлало зимніе вечера такими восхитительными.

Теперь концерты стали увеселеніемъ общимъ и пошлымъ, доступнымъ для всякаго: ихъ даютъ дюжинами. Я говорю не объ одномъ Парижѣ, гдѣ отъ концертовъ некуда дѣваться, но и о провинціяхъ, гдѣ трудно пройти между двумя рядами домовъ, чтобы прямо тебѣ въ грудь не попали цѣлой совагой. Но въ то время когда я путешествовалъ съ своимъ пріелемъ Яковомъ, въ одноколѣ, запряженной Bergere, концертъ считался событіемъ рѣдкимъ и торжественнымъ. Къ нему готовились за три мѣсяца впередъ, и когда великій день наступалъ, стеченіе повсюду было точно такое, какъ въ Карпантра въ тотъ день, о которомъ мы говоримъ. Надобно еще прибавить, что въ этомъ концертѣ для бѣдныхъ готовились услышать нѣкоторыхъ знаменитыхъ любителей въ цѣломъ департаментѣ и окрестностяхъ, между прочимъ и флажолетъ, прибывшій изъ Тараскона, о которомъ рассказывали чудеса. Но самое живое очарованіе, настоящая прелесть этого праздника, привлекавшая всѣхъ, была графиня Р^{***}, которая обѣщала содѣйствовать концерту своею граціей, красотой, голосомъ и талантомъ.

Къ тому же на счетъ графини Р^{***} носились слухи различнаго рода: странныя существа, которыхъ пріель мой Яковъ называлъ странствующими приказчиками, прислушивались къ этимъ рассказамъ съ видимымъ удовольствіемъ и позволяли себѣ отпустить на ихъ счетъ множество язвительныхъ замѣчаній и замысловатыхъ шутокъ, которыхъ я не умѣю передать. Все это дѣло за живо мое любопытство. Я узналъ, что графиня Р^{***} нѣсколько лѣтъ тому назадъ была знаменитая пѣвица; ея имя еще не предано забвенію; оно гремитъ и понынѣ какъ Золова арфа, наравнѣ съ именами Пасты и Каталани. Она не согласилась быть любовницею графа Р^{***} и потому онъ женился на ней. Говорили еще, что онъ сдѣлался жестокимъ мужемъ, какъ былъ ревнивымъ любовникомъ, и похитивъ ее съ театра, заперъ въ своемъ замкѣ, гдѣ несчастная жертва изнывала отъ раскаянія, печали и скуки.

Можетъ-быть, все это были сказки, выдуманнаы отъ нечего дѣлать. Но въ три года, которые она провела въ этой странѣ, ее почти никто не видалъ. Одни выхваляли ея красоту и молодость, другіе увѣряли, что она совсѣмъ не молода и не хороша. Наконецъ нашлись люди, которые утверждали, что она потеряла го-

лось послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ замужества. Чтобы знать наконецъ, чему вѣрить, весь округъ, который между прочимъ надо сказать—не любилъ графа Р*** за богатство, знатное имя, рѣдкой умъ, прекрасное обращеніе,—я все это узналъ послѣ,—весь округъ говорю я, рѣшился дать концертъ для бѣдныхъ, и просить графиню Р*** содѣйствовать этому благотворительному дѣлу. Правду сказать, благотворительность вовсе не входила въ расчетъ этого добраго дѣла: то былъ просто предлогъ добратся до таинственной хозяйки замка, сѣти, разставленныя любопытствомъ злыхъ и глупцовъ, котрые въ то же время рады были напомнить графу, что онъ женился на пльвицѣ и показать, что знаютъ тайну его неравнаго брака. Депутація, составленная изъ самыхъ знатнѣйшихъ гражданъ, отправилась въ замокъ. Къ крайней ихъ досадѣ, они не видали графини; ихъ принялъ графъ со всевозможною любезностью и поспѣшилъ дать обѣщаніе, что жена его будетъ участвовать въ этомъ добромъ дѣлѣ. Слухъ объ этой новости тотчасъ разнесся за десять миль вокругъ, и вотъ почему со всѣхъ сторонъ сбѣгались на этотъ праздникъ.

Нечего было и думать, уговорить Якова взять билетъ въ концертъ: при одной мысли, что въ Карпантра будетъ музыка, онъ хотѣлъ уже запрягать Bergere, и тотчасъ уѣхать оттуда. Насилу я могъ уговорить его остаться. Какъ только пробило восемь часовъ, онъ отправился спать, а я, въ восторгѣ отъ своей свободы, бросился за толпою въ театръ. Зала была уже полна. Музыканты съ своими инструментами занимали сцену, украшенную цвѣтами и вѣвками изъ зелени. Фортепіано, приготовленное для графини Р*** было поставлено подлѣ ramпы, противъ публики. Все было на своемъ мѣстѣ, недоставало одной графини. Всѣ начинали уже съ безпокойствомъ спрашивать другъ-друга, и поглядывать во всѣ стороны; но графиня Р*** не являлась. Послѣ цѣлаго часа напрасныхъ ожиданій, въ залѣ послышался ропотъ вѣтерпѣнія. Оркестръ рѣшился начать.

Сперва сыиграли увертюру изъ «Каравана». Мнѣ казалось, что она была исполнена въ совершенствѣ, и произвела волшебный эффектъ. До этого времени я не воображалъ, чтобы двѣнадцать человѣкъ могли надѣлать столько шума. Флейты, скрипки, басы и кларнеты, съ жаромъ и одушевленіемъ соперничествовали другъ передъ другомъ; потъ крупными каплями катился у меня за нихъ. Нечего и говорить, что за этимъ послѣдовалъ громъ неистовыхъ рукоплесканій: матери, сестры, жены, кухни музыкантовъ всхлипывали и проливали рѣкк слезъ, точно отвернутые:

краи. По окончаніи послѣдняго такта, всѣ искали глазами графиню Р*** ся пѣтъ, какъ вѣтъ. Нѣсколько минутъ прошло въ безмолвномъ ожиданіи; послѣ чего, какой-то хорошенькій толстякъ, въ черной одеждѣ и бѣломъ галстухѣ, приблизился къ краю сцены, граціозно раскланялся, и выпуль изъ кармана три или четыре кусочка буковаго дерева, приладилъ ихъ одинъ къ другому, и объявилъ, что помощью этого ничтожнаго инструмента, онъ будетъ подражать пѣнію всѣхъ птицъ, начиная съ пѣсень соловья до карканья вѣрона. При этихъ словахъ, въ публикѣ пробѣжалъ шумъ лестнаго одобренія, за которымъ послѣдовало глубокое и благоговѣйное молчаніе. Этотъ коротенькій толстякъ былъ флажолетъ изъ Тараскона.

Сначала онъ сталъ подражать пѣнію соловья, потомъ чирканью синицы, и жаворонка, свисту скворца, крику филина, воркованью голубя, кудахтанью курцы, произвольному крику пѣтуха, а накопецъ, согласно своему общанію, карканью вѣрона. Этотъ флажолетъ заключалъ въ себѣ разомъ, и птичникъ, и птичій дворъ. Цѣлый часъ прошелъ въ этомъ пріятномъ занятіи, которое, казалось, очень нравилось карпантурской публикѣ; послѣ чего толстенный господинъ снова разобралъ по кускамъ свой драгоценный инструментъ, положилъ его въ карманъ, и удалился, сопровождаемый рукоплесканіями толпы. Мой сосѣдъ, съ правой стороны, не вѣрилъ чудесамъ, которыя только-что слышалъ, и увѣрялъ, что за кулисами были спрятаны птицы, а сосѣдъ съ лѣвой, любезный и остроумный насмѣшникъ, думалъ, что этотъ господинъ долженъ бы послать свой флажолетъ натуралисту Дюжону, чтобы сдѣлать изъ него чучелу.

Маленькаго и толстаго господина замѣнилъ другой длинный и худощавый, прибывшій изъ Авиньона. Онъ объявилъ, что помощью обыкновенной скрипки, будетъ подражать всѣмъ инструментамъ, начиная съ флейты до барабана, что и исполнялъ, по крайней мѣрѣ съ самыми лучшими намѣреніями въ свѣтѣ. Онъ игралъ на всѣхъ инструментахъ кромѣ скрипки. Впослѣдствіи, мнѣ часто случалось, вспоминая объ этомъ думать, что такимъ образомъ у многихъ артистовъ талантъ подражанія убиваетъ самостоятельность; они способны проявить все за исключеніемъ своей самобытности; они могутъ быть отголоскомъ всего, только не самихъ себя.

Послѣ длиннаго и щедраго господина появился третій, съ длинными волосами, бородатый, завитой, напомаженный, раздушенный, въ желто зеленыхъ перчаткахъ, въ манжетахъ, припод-

пятыхъ у кисти рукъ, словомъ, красавецъ, денди: тогда левъ еще не былъ въ модѣ; ростомъ съ тамбуръ-мажора, и могъ бы однимъ ударомъ убить быка, а плечамъ его позавидовилъ бы самъ Геркулесъ. Онъ сѣлъ за фортепіано, страстнымъ голосомъ запѣлъ «*Fleur du Tage*» и привелъ всѣхъ въ восторгъ. Съ-тѣхъ-поръ я всегда питалъ глубокое удивленіе къ мужественнымъ юношамъ, которые такимъ образомъ потѣшали почтеннѣйшую публику. Выйти на поединокъ, выдержать не блѣднѣя выстрѣлъ своего противника, неустрашимо участвовать въ правильно обдуманномъ сраженіи, съ твердостью напасть на врага, мужественно идти на казнь, все это меня не удивляетъ. Но въ присутствіи двухъ или трехъсотъ особъ, храбро сѣсть за фортепіано и пропѣть себѣ подъ носъ: «*Je vais revoir ma Normandie*» или какую нибудь другую заунывную пѣсню; это самое высшее геройство, до котораго только можетъ дойти человѣкъ. Эти господа доказали уже свою храбрость, и имѣютъ полное право отказаться отъ дуэли. Въ этомъ случаѣ женщины раздѣляютъ мое мнѣніе и какъ вообще герои имѣютъ счастье имъ нравится, то перѣдко случается, что пѣвецъ романсовъ предпочтается умному человѣку.

Однако графиня не показывалась. Было около десяти часовъ: нечего было и ждать ее. Но ее все еще ждали, все еще падѣлись, когда четвертый господинъ, этотъ уже изъ Карпантра, начальникъ оркестра, распорядитель праздника, подошелъ къ рампѣ и послѣ трехъ расчитанныхъ поклоновъ, сообщилъ почтеннѣйшей публикѣ письмо, которое онъ только-что получилъ. Это было прелестное письмецо, въ которомъ графиня Р*** извинялась и сожалѣла, что не могла участвовать въ концертѣ и просила господъ комиссаровъ благосклонно принять ее приношеніе. Письмо сопровождалось билетомъ въ тысячу франковъ.

Можно представить, какую досаду должны были почувствовать всѣ любопытные, глупцы и злые; сдѣлалась всеобщая суматоха и шумъ. Чего только не говорили? чего не наслушался я? Очевидно, что графиня стара и дурна, потому что не хотѣла показаться; что она потеряла свой голосъ и потому не хочетъ чтобы ее слышали, но билетъ въ тысячу франковъ болѣе всего возбудилъ негодованіе добрыхъ людей. Очень кстати публичной пѣвицѣ принимать на себя видъ принцессы! Развѣ бѣдные города Карпантра имѣютъ нужду въ щедрыхъ благотѣннѣяхъ замка Р***? Развѣ городъ не прокормитъ своихъ бѣдныхъ? По общему мнѣнію билетъ въ тысячу франковъ должно отослать назадъ па-

женшой благотворительницѣ, но какъ болѣею частью заплатили деньги, для того, чтобы видѣть и слышать графиню, то со всѣхъ сторонъ стали кричать, что ихъ ограбили и настоятельно требовали, чтобы возвратили имъ деньги, такъ что отъ концерта, даннаго въ пользу бѣдныхъ, бѣдные рисковали имѣть только ту выгоду, что не присутствовали на немъ. Негодованіе возрастало, раздраженіе доходило до крайности. Напрасно оркестръ съ необыкновенною силою приступилъ къ выполненію увертюры изъ «Лодонски», думая укротить разоблаченныя страсти и покрыть шумъ бурей: буря покрывала шумъ оркестра. Послѣ этого достопамятнаго происшествія случилось мнѣ бывать на многихъ концертахъ: но не помню, чтобы гдѣ-нибудь слышалъ подобный шумъ, ни даже въ концертѣ, недавно данномъ музыкальною газетою. Свистѣли, ревѣли: полдюжины собакъ, пришедшихъ съ своими господами, жалобно вили, шалуны отвѣчали имъ плачевнымъ мяукашемъ. Дѣти плакали, женщины кричали, мужчины грозили побросать скамейки на театръ, а «Лодонска» все шла своимъ чередомъ: настоящее нашествіе Татаръ.

Трудно было рѣшить, чѣмъ кончилось бы это смятеніе и безпорядокъ, какъ вдругъ эти свирѣпыя волны стали безмолвны и неподвижны, какъ будто самъ Богъ повелѣлъ имъ стихнуть и успокоиться.

Молодая иностранка, которую среди общаго смятенія никто прежде не замѣтилъ, легкими шагами взшла на ступени, отдѣлявшія паркетъ отъ театра и какъ ангелъ слетѣвшій на землю вдругъ явилась у фортепіано приготовленнаго для графини Р... И въ самомъ дѣлѣ не былъ ли это ангелъ? Она, казалось, едва достигла первыхъ лѣтъ юности, простодушная миловидность ребенка еще украшала ея прелестное лицо, по лучу генія отражался на челѣ и во взорѣ ея. Она держала себя просто, но съ достоинствомъ; скромно, но безъ замѣшательства, улыбка играла на ея устахъ. При этомъ появленіи наступило всеобщее исчадіе. Никто не зналъ этой женщины. Всѣ глаза устремились на нее, а она, спокойная и свѣтлая, казалось, едва замѣчала толпу, на нее взирающую. Развязавъ ленту бѣлой шляпы, она небрежно положила ее къ ногамъ своимъ. Коса ея лежала низко, а волосы, раздѣленные на лбу и гладко причесанные, были блестящи и черны какъ вороново крыло. Она сняла перчатки, и маленькія ручки, пробѣжали по клавишамъ; послѣ прелюдіи, продолжавшейся нѣсколько минутъ, она запѣла.

Я слушалъ изумленный, притаивъ дыханіе, неподвижный,

и всѣ слушали подобно мнѣ. Никто не можетъ выразить того, что я слышалъ: она пѣла на томъ сладкомъ языкѣ, которымъ женщины и дѣти говорятъ на берегахъ Арно. То были восхитительныя мелодіи, разливавшіяся подобно чуднымъ потокамъ воды, освѣяемой свѣжею древесною тѣнью; онѣ терялись въ очаровательныхъ извилинахъ, какъ рѣка, спокойно и медленно совершая свое теченіе, между благоуханными берегами. Мнѣ казалось я подсмотрѣлъ то мгновеніе, когда мелодическія волны вылились изъ устъ ея, чувствовалъ какъ онѣ поднимали меня и унесли въ небесныя пространства. О, могущество голоса! о, очарованіе пѣнія! Въ этой закопченной залѣ, при свѣтѣ лампъ, на запыленной скамейкѣ мнѣ казалось, что впервые вижу дивное великолѣпіе вселенной. Важнымъ и сладкимъ голосомъ она описывала прелесть ясныхъ ночей, передавала сладость взаимной любви при свѣтѣ серебряныхъ свѣтилъ; ладью, скользящую по зеркалу спящаго озера, и я, закрывъ лицо руками, видѣлъ какъ во снѣ, лазуревыя горы сквозь розовый туманъ заходящаго солнца, вдыхалъ благоуханіе вечера, слышалъ дуновение свѣжаго вѣтерка, и вздохи влюбленныхъ смѣшивающіеся съ ропотомъ волнъ и шелестомъ листьевъ.

По окончаніи этой пѣсни, вся публика оставалась безмолвна и неподвижна; ни малѣйшаго шума, никакого волненія или движенія, всѣ глаза были устремлены на уста волшебницы. Всѣ еще слушали. Пальцы молодой пѣвицы еще оставались на клавишахъ, она пробѣгала по нимъ съ безотчетнымъ разсѣяніемъ и потомъ снова предалась вдохновенію своихъ воспоминаній. Что скажу вамъ? Вы видите, что я похожъ на несчастнаго пѣмага, который задыхается отъ сильныхъ ощущеній и можетъ выразить ихъ только воплемъ. Я всегда любилъ музыку и никогда не могъ понять музыкальной азбуки. Этотъ языкъ, усѣянный бемолями и бекарами также понятенъ для меня, какъ санскритскій или персидскій; я люблю музыку, какъ ящерицы любятъ ее: полагаю, онѣ были бы въ большомъ затрудненіи, если бъ пришлось имъ объяснить въ какомъ тонѣ написана симфонія, приведшая ихъ въ восторгъ, въ *ut majeur* или *si mineur*? Какъ передать дѣйствіе голоса, попеременно живаго и легкаго, вѣжнаго и звучнаго, задумчиваго и глубокаго, который кипѣлъ, билъ ключемъ, сверкалъ, разсыпался брызгами кристалльных нотъ, разливался гармоническими волнами, гремѣлъ какъ потокъ, ниспадающій въ бездну. Въ этомъ голосѣ заключалась вся прелесть юной любви и вся энергія могучихъ страстей. Вдохновенная красавица выражала

попеременно невинную веселость, обольстительное кокетство, вспышки ревности, жгучіе восторги, горькія слезы печали; въ первый разъ я предчувствовалъ образъ поэтическихъ героинь, которыхъ имена были еще мнѣ неизвѣстны: Розины, Анны, Джульетты, Эльвиры. Она прошла романсъ: «Ивушку», который помню, пѣвала моя крестная мать; но теперь я слышалъ Дездемону Шекспира, грустную какъ ночь, раздѣляющую ея стоны, предчувствующую свою страшную судьбу, предсказывающую ее каждымъ звукомъ, высказывающую ее каждымъ взглядомъ—Дездемону, готовую умереть. Какъ она была тогда прекрасна и трогательна! Потому она пѣла тирольскія пѣсни, быстрыя, скачущія какъ серна по снѣжнымъ вершинамъ Альповъ; голосъ, ея умѣющій такъ глубоко проникать въ сердца, умѣлъ также рассыпаться въ блистательныхъ фантазіяхъ.

Продержавъ насъ цѣлый часъ въ какомъ-то упоеніи, которое я не берусь описывать, она встала спокойная и улыбающаяся. Въ это мгновеніе зала потряслась отъ рукоплесканій; я думалъ, что стѣны распадутся отъ восторженныхъ кликовъ толпы. Сѣтѣхъ-поръ я сталъ вѣрить всему, что намъ рассказываютъ о дѣйствіи, которое Орфей производилъ на животныхъ своей отчизны. Всѣ сердца были растроганы, всѣ глаза омочены слезами. Впослѣдствіи времени я былъ свидѣтелемъ многихъ торжествъ подобнаго рода; я видѣлъ посредственныхъ піаннстовъ, возбуждавшихъ неистовый восторгъ, видѣлъ какъ розы и камеліи падали на головы толстыхъ и здоровыхъ теноровъ. Но уже никогда не возобновлялись для меня ощущенія этого вечера, начавшагося такъ комически и окончившагося такъ умилительно. Никто и не думалъ объ имени молодой пѣвицы, которую никто не зналъ: восторгъ поглотилъ любопытство; но она, спокойная и ясная, съ веселою улыбкою на полуоткрытыхъ устахъ, казалось не замѣчала, что происходило вокругъ нея. Тараскопскій флажолетъ подошелъ къ ней съ привѣтствіемъ; она премпо разсмѣялась ему прямо подъ носъ: геій, которому мы только-что внимали, обратился въ рѣзваго ребенка. Среди рукоплесканій—подъ огнемъ всеобщихъ взглядовъ, она спокойно надѣла свои перчатки и дорожную шляпу, потомъ открыла небольшой зеленый бархатный мѣшокъ съ шелковымъ спуркомъ и золотыми кистями, висѣвшій у ней на рукѣ, взяла его въ руку какъ кошелекъ для сбора милостыни и подставляя его особамъ окружавшимъ, ее сказала голосомъ, такъ хорошо проникавшимъ въ сердца:

— Для бѣдныхъ вашего города, прошу васъ!

— Рукоплесканія удвоились и всякій сѣшилъ подать что-нибудь. То былъ счастливый вечеръ для бѣдныхъ города Карпантра. Со всѣхъ сторонъ какъ дождь сыпались серебряныя монеты въ мѣшокъ прелестной сборщицы. Я видѣлъ какъ одна изящная и нарядная дама, растроганная и трепещущая отъ волненія, сняла съ руки дорогой браслетъ, положила его въ кошелекъ и поцѣловала руку державшую его; видѣлъ молоденькую дѣвушку, просто одѣтую, которой, вѣроятно, нечего было дать, потому что краснѣя, она положила туда букетъ фіалокъ омоченныхъ ея слезами. Какой дождь цвѣтовъ можно сравнить съ этимъ скромнымъ приношеніемъ? Незнакомка высыпала подаваніе на фортепіано, вынула оттуда букетъ фіалокъ и заткнувъ себѣ за поясъ, предложила въ-замѣнъ молодой дѣвушкѣ свой маленькій, зеленый мѣшокъ.

Концертъ этимъ и кончился; скрипки уложили въ ящики, а кларнеты въ футляры. Опираясь на руку своей горничной, прекрасная незнакомка прошла сквозь толпу, разступившуюся передъ нею. Музыканты уже замыслили дать ей серенаду, а молодые люди Карпантра—патріотическій пиръ. Но, къ-несчастью, почтовая коляска, запряженная четырьмя лошадьми, ждала у дверей театра: кучеръ сидѣлъ на козлахъ. Она сѣла въ экипажъ, и въ ту минуту, когда меръ приблизился къ ней съ благодарственнымъ привѣтствіемъ, раздался ударъ бича, лошади поскакали и коляска скрылась среди кривовъ и благословеній толпы.

Не во снѣ ли это было! не могу дать себѣ отчета; я былъ въ какомъ-то упоеніи. Ночь была чудная; я вышелъ изъ города въ поле, освѣщенное блѣднымъ свѣтомъ луны. Казалось, новыя способности вдругъ развернулись во мнѣ; понятія мои стали отчетливѣе и быстрѣе, чувства тоньше и вѣжливѣе. Въ ночной тиши мнѣ слышалась какая-то гармонія, говорившая въ первый разъ понятнымъ языкомъ; небо, усыянное звѣздами, уснувшія поля, все это было для меня зрѣлищемъ, которыхъ прелесть и поэзію до этого времени я даже не подозревалъ. И все этотъ голосъ, раздававшійся въ моемъ сердцѣ! Я возвратился домой съ разсвѣтомъ. Яковъ еще спалъ; я тотчасъ его разбудилъ и бросился ему на шею; но услышавъ, что дѣло идетъ о музыкѣ, онъ послалъ меня къ чорту, опять закрылся и принялся храпѣть во все горло.

Наша лошадка заболѣла и мы должны были прожить для нея нѣсколько лишнихъ дней, въ продолженіе которыхъ все были толки о концертѣ для бѣдныхъ, о графинѣ Р^{***} и о таинствен-

ной невинности. Вот терпелись въ догадкахъ одна другой необыточнѣе. Какъ другаго разговора не было за общимъ столомъ *Trois мяукающихъ кошекъ*, то пріятель мой Яковъ разъярился на хуме венра. Ему такъ надоѣло слушать о музыкѣ, что въ одне прекрасное утро онъ запретъ свою *Bergere*, которая едва только стала поправляться, и мы въгѣхали маленькой рысцою, онъ съ китвою никогда ногой не вступать въ этотъ городъ, а я увози съ собою одно изъ очаровательнѣйшихъ воспоминаній моеи молодости. Вотъ почему я всегда защищалъ тебя отъ насмѣшекъ, о городъ, окруженный валами съ зубчатою оградой! Вотъ почему ты мнѣ всегда представляешься полнымъ прелести и гармоніи, о жилище, нѣкогда любимое Петраркой. Великое имя твоего Карпантра! я писалъ всегда съ благоговѣніемъ, и пока живъ, ты всегда будешь имѣть къ услугамъ дружеское перо для отвѣта твоимъ клеветникамъ.

Путешествіе наше окончилось также какъ началось: одинъ мечталъ, другой курилъ. Мы проѣхали Нимъ, Арль, Монпелье, Марсель. Въ городъ Алэ, къ большому нашему горю, мы лишились *Bergere*, благородное животное околѣло на соломѣ. Окончивши дѣла кой-какъ и получивъ нѣсколько тысячъ франковъ, доставшіеся ему въ наслѣдство отъ старой тетки, пріятель Яковъ купилъ маленькую лошаду, назвалъ ее *Bistouri*, въ память своего перваго учителя хирурга, страшнаго варвара, и мы возвратились въ нашу деревеньку съ новымъ товарищемъ. Эта лошадь не такъ была крѣпка на ноги, какъ наша покойная *Bergere*. Хотѣлъ я сказать и къ тому же упрямая, своенравная, взбалмошная; она безъ всякихъ церемоній шаталась около зеленаго палисада, весело валлась въ пыли по дорогѣ, пила изъ всѣхъ источниковъ, щипала траву, брыкалась, фыркала, скакала, впрочемъ, была самое доброе животное. И такъ я возвращался такъ же, какъ и поѣхалъ, но взволнованный, разстроенный, съ жаднымъ любопытствомъ заглядывая въ каждый экипажъ, мелькавшій мимо насъ по дорогѣ, и уносилъ въ своемъ сердцѣ смѣшанныя голоса и неопредѣленные образы, которыхъ не было при отъѣздѣ. *Bistouri* опрокинулъ насъ три раза въ ровъ и мы возвратились домой безъ особенныхъ приключеній.

На другой годъ меня отравили въ Парижъ; я часто бывалъ въ оперѣ, въ концертахъ, но нигдѣ не слышалъ голоса, котораго искалъ и только въ свидѣніяхъ всегда слышалъ его. Все, что я видѣлъ казалось мнѣ мрачнымъ, холоднымъ. Самые прославленнѣе таланты заставляли меня только съ сожалѣніемъ улыбаться;

и оставался разбѣяннымъ и равнодушнымъ къ пѣнію, которому наиболѣе рукоплескали; кумиры ложъ и партера казались мнѣ не достойными еміана ихъ окружавшаго. Я оставался печальнымъ и разочарованнымъ, не смотря на всю пышность и блескъ представленія. Въ то время у меня былъ молодой товарищъ, большой знатокъ музыки и страстный любитель хорошаго пѣнія и прекрасныхъ голосовъ. Мы ходили вмѣстѣ въ лирической театръ, и рука объ руку возвращались ночью по набережной; онъ веселый и полный восторга, а я грустный склоня голову. Когда онъ спрашивалъ меня отъ чего я печаленъ — я отвѣчалъ полуфразой, которая обратилась у насъ въ пословицу: «Ахъ! еслибъ ты былъ въ прошломъ году въ концертѣ для бѣдныхъ, который давали въ Карпантра....» а онъ прерывалъ меня и смѣялся при моемъ имени, о городѣ вѣчно милый, гдѣ я впервые услыхалъ эту мелодическую душу, которая оставалась на землѣ, также какъ и въ твоихъ стѣнахъ, только на то мгновеніе, чтобы очаровать міръ.

Съ горя я рѣшился предаться своимъ воспоминаніямъ, и уже нѣсколько мѣсяцовъ не сопровождалъ моего товарища въ его набѣгахъ на театры. Настала зима; первая, которую я провелъ въ Парижѣ. Однажды пріятель мой вошелъ ко мнѣ веселый и торжествующій какъ Христофоръ Колумбъ, когда открылъ Америку. Онъ тоже только вчера открылъ новый свѣтъ; онъ открылъ Итальянскую Оперу. Онъ рассказывалъ мнѣ чудеса и увѣрялъ, что можно отважиться *даже и тому, кто былъ въ Карпантра на концертъ для бѣдныхъ*. Съ недовѣрчивостью покачалъ я головою; онъ настаивалъ, но напрасно; я потерялъ охоту къ новымъ опытамъ, къ тому же признаться ли наконецъ? другія заботы занимали меня; я ревновалъ къ голосу, который пѣлъ въ моемъ сердцѣ, какъ любовникъ ревнуетъ къ красотѣ своей любезной и чувствовалъ, что буду мучиться, если встрѣчу ему соперницу.

Съ того времени молодой дилетантъ не пропускалъ ни одного представленія въ оперѣ-буффѣ; по окончаніи приходилъ ко мнѣ и цѣлыя ночи просиживалъ у меня на постелѣ у ногъ монахъ, и одинъ Богъ знаетъ, сколько я долженъ былъ выслушивать восторговъ, восклицаній. Не одинъ разъ мнѣ хотѣлось поступить съ нимъ какъ другъ мой Яковъ поступилъ со мною въ Карпантра. Не могу скрыть, однакожъ, что наконецъ онъ возбудилъ во мнѣ живѣйшее любопытство и затронулъ музыкальную струну. Всего же болѣе онъ говорилъ мнѣ о двухъ царицахъ пѣнія, раздѣлявшихъ лавры; я горѣлъ нетерпѣніемъ видѣть и слышать ихъ, и въ то же время дрожалъ отъ страха.

Наконецъ, какъ то вечеромъ, я прочелъ на афишѣ: «Отелло», въ густой туманъ, который иногда окружаетъ Парижъ какъ будто саваномъ, я присоединился къ толпѣ, осаждавшей двери Итальянской Оперы. Послѣ цѣлаго часа ожиданія подъ густымъ и холоднымъ туманомъ, проникавшимъ меня до костей, толпа подвигалась медленно какъ кольца извивающейся змѣи; почти послѣдній я вошелъ въ святилище; или, лучше сказать, я не вошелъ въ него, потому что театръ былъ полонъ; не безъ труда я имѣлъ счастье получить мѣстечко за кулисами. Съ ударомъ осьми часовъ, я почувствовалъ трепеть пробѣжавшій по всѣмъ сердцамъ. Занавѣсъ поднялся и тишина была такая, что я долго слышалъ еще замиравшіе звуки оркестра; легкіе какъ облака, они носились надъ неподвижною толпою и разбивались о своды, какъ море разбиваетъ свои волны о прибрежныя скалы. Я ничего не видалъ, но всѣ звуки доходили до меня. Въ восторгѣ я слушалъ и думалъ, что былъ на небесахъ, и признаюсь, неблагодарный, я забылъ Карпантра; какъ вдругъ въ залѣ сдѣлалось движеніе, оглушительныя рукоплесканія возвѣстили появленіе Десдемоны. Я искалъ глазами молодую Венеціанку, но живая преграда скрывала отъ меня театръ и сцену. Тишина снова воцарилась: Десдемона пѣла. При первыхъ звукахъ этого чистаго голоса, я вздрогнулъ, и трепеть пробѣжалъ у меня съ головы до ногъ. Возможно ли? Не обманываюсь ли я? Не игра ли это воображенія? Точно ли это голосъ монахъ мечтавій? Я попробовалъ пройти сквозь толпу, преграждавшую мнѣ входъ въ залу, но всѣ усилія мои были напрасны, и я въ изнеможеніи упалъ на прежнее свое мѣсто. Я все еще колебался, все-еще сомнѣвался, но когда услышалъ романсъ «Ива», то не сомнѣвался уже болѣе что это была она! Когда занавѣсъ опустился, я бросился съ отчаяннымъ усиліемъ въ оркестръ. Скоро опять занавѣсъ поднялся при восклицаніяхъ публики, вызывавшей Десдемону — она явилась. Свѣтъ отъ свѣчей заколебался отъ восторженныхъ криковъ, посыпался цѣлый дождь цвѣтовъ, ложи заблестали драгоцѣнными камнями, бѣлые и розовые шарфы заколебались въ благоуханномъ воздухѣ. Я ее тотчасъ узналъ, она была все также проста и наивна въ своемъ торжествѣ: это была она, тотъ странствующій гений, который иногда на пути своемъ находилъ удовольствіе въ томъ, чтобы пѣть для бѣдныхъ.

Я не могъ слышать имени, которое раздавалось въ ложахъ и партерѣ.

Какъ зовутъ пѣвицу, которая играетъ роль Дездемоны спросить я у сосѣда?

Тотъ посмотрѣлъ на меня съ любопытствомъ какъ будто и только что прѣхалъ изъ Конго.

— Малибранъ, отвѣчалъ онъ мнѣ.

МУЗЫКАЛЬНЫЯ НОВОСТИ. Великое современное событіе, передъ которымъ забыто повсюду взятіе Рима Галлами и даже замолкли трубы славы Мейерберова «Пророка», составляетъ въ эту минуту появленіе госпожи Зонтагъ (графини Росси) на лондонской сценѣ. Всѣ любопытства напряжены, всѣ рты раскрыты для вопроса, всѣ уши ждуть отвѣту: какой успѣхъ имѣла она? какъ поетъ? какъ играетъ? какъ ее приняли?... И дѣйствительно, дѣло стѣбитъ любопытства. Когда госпожа Зонтагъ оставляла театръ, оркестры не были еще вполнну такъ бурны и оглушительны; Беллини еще не разорялъ голосовъ въ три вечера своей поющей декламацией, Доницетти еще не вгонялъ грудей въ чахотку пяти-вѣрстовыми аріями, отъ пѣвцовъ еще не требовали эффектовъ въ нотахъ, неестественныхъ по ихъ органу, страсть еще не обязывалась перекричать мѣдныхъ трубы, нѣжность еще не доходила до действия, пассажи — до стрѣльчатыхъ узоровъ, украшенія — до рококо, фюритуры были учтивыя, игра была воздержная, даже огонь былъ, на нынѣшніе термометры, холоденъ: огонь тогда только согрѣвалъ, а не жегъ, какъ нынче, и тогдашняя душа нынѣшней негодилась бы даже въ подметки. Что это была за «душа»!... при Керубини!... При возвращеніи своемъ, госпожа Зонтагъ должна была узнать все это, встрѣтась, лицомъ къ лицу, съ другими музыкальными правами и понятіями. Совсѣмъ новый міръ, съ новыми ушами, съ новымъ вкусомъ, съ небывалыми въ ея время требованіями и домогательствами. Какъ преодолѣла она всѣ эти затрудненія къ успѣху? какъ восторжествовала надъ такими ужасами?... Ничего! хорошо!... все обстоитъ благополучно! Восторгъ публики въ Театрѣ Королевы неимовѣренъ и превосходитъ даже самое бѣшенство. Но восторгъ принадлежитъ болѣе личному положенію возрожденной пѣвицы, чѣмъ ея искусству. Критика по утрамъ, на тощакъ, судить холодище отлично пообѣдавшихъ зрителей, которые бѣснуются вечеромъ для пищеваренія. Мы знаемъ теперь, изъ англійскихъ отчетовъ, три дебюта госпожи Зонтагъ, въ «Линдѣ», въ «Севильскомъ цирюльникѣ» и въ «Че-

перентолѣ». Для произведенія страшнаго эффекта въ Лондонѣ, лучше невозможно было начать какъ «Линдою», выступая снѣло, во-первыхъ, въ пѣснь совершенно новой для старинной пѣвицы, во-вторыхъ, и главное, послѣ Джени Линдъ. Шагъ былъ богатырскій, но превосходно обдуманнѣй, и удался вполне. Госпожа Зонтагъ восхитила даже холодную критику. Голосъ ея, вообще, не показался ни пѣвительнѣе ни звонче голосу госпожи Линдъ, но художественная обработка, окончанность и совершенство этого пѣнія, несказанная тонкость подробностей, изящество переходовъ, прелесть и отличный вкусъ украшеній, превзошли всѣ понятія и всѣ ожиданія. Выраженіе найдено *воздержнымъ* — что значить, нѣсколько холоднымъ, — но это приписываютъ, не отсутствію души, а восемнадцати-лѣтней привычкѣ являться знатной дамою и въ бережливой экспрессіи новой Линды видятъ рѣдкую, на пылкой и размахистой итальянской сценѣ, прелесть хорошаго тону и грацію отличнаго свѣтскаго приличія. Въ аріи *O luce di quest'anima* исполненіе ея было въ высшей степени блестящее, быстрое, легкое, игривое. Голосъ ея утратилъ двѣтри ноты *altissimo*, но, видно, что постоянно упражнялся, дѣлалъ въ удивленіи успѣхи въ искусствѣ, и былъ заботливо берегаемъ какъ любимая драгоценность. Отъ *do* средней октавы до *la* надъ линіей онъ свѣжъ, ровенъ, сладокъ, восхитителенъ. Отъ *fa* до *fa* онъ особенно звонокъ, помолъ и свѣтлъ какъ хрусталь. Въ роли Розины (Севильскій цирюльникъ) госпожа Зонтагъ была менѣе счастливою: была не въ голосѣ. Нельзя же всегда пѣть одинаково, говорили энтузіасты; день дню не ровенъ; въ одинъ вечеръ бываютъ даже часы хорошіе и часы дурные. Этотъ день, явно, былъ изъ посредственныхъ, чему виною, вѣроятно, память о покойной Малибранъ, истинной Испанкѣ, истинной, несравненной, неподражаемой Розинѣ, которую копируетъ, по возможности, сестра ея Влардъ. Въ сценѣ музыкальнаго урока госпожа Зонтагъ пѣла извѣстныя варіаціи Рода, для скрипки. Петербургцы знаютъ, какъ чудесно выдѣлываетъ она на голосовыхъ струнахъ своего горлышка эти нотные завиланы, созданные для смычка и бараньихъ кишекъ. Каталани дѣлала то же. Какъ вокальная древность, какъ ископаемый пѣвческій фокусъ, оно любопытно, но нельзя сказать, чтобы было пѣвительно. Госпожа Влардъ предается такому увлеченію безвкусно, распѣвая Шопеновы мазурки. Появленіе въ «Черентолѣ» лондонская критика называетъ *ошибкою*, но публика находилась въ вулканическомъ восторгѣ, избгла впухъ перчатки рукоплесками-

омъ и вызывала пѣвицу до безконечности. «Ченерентола» — торжество Джени Линдъ, и, въ самомъ дѣлѣ, нельзя ни слышать, ни вообразить что-нибудь очаровательнѣе ея въ этой роли. Въ Лондонѣ ужасно мѣшаютъ госпожѣ Зонтагъ свѣжія воспоминанія и опасныя сравненія, послѣ Малибранъ, послѣ Персианн, послѣ мисъ Кембл, послѣ Линдъ, послѣ Віардò, изъ которыхъ каждая была неподобною не въ томъ, такъ въ другомъ мѣстѣ «Ченерентолы». Нужно было бы затыкнуть всѣхъ ихъ вмѣстѣ, а это невозможно. То ли дѣло, если бы госпожа Зонтагъ явилась на петербургской сценѣ! Чтобы италіанскую оперу опять привести у насъ въ моду и славу, одно только это средство и остается. Для госпожи Зонтагъ и госпожи Линдъ вмѣстѣ, публика наша охотно рѣшилась бы еще разъ разориться. Всѣ прочія вокальныя комбинаціи обѣщаютъ мало успѣху и еще менѣе прибыли. Въ «финалѣ» «Ченерентолы», Джени Линдъ, въ минуту увлеченія страстью, которой госпожа Зонтагъ не любитъ и не способна ей предаваться, похищается у тенора послѣднія его фразы. Эффектъ чуденъ, изумленіе велико, и обширность ея голосу оправдываетъ этотъ наглый грабежъ. Госпожа Зонтагъ пыталась похитить у ней съ головы этотъ вѣнецъ. Но сравненіе было не въ ея пользу.

Французы хвастаются, что къ зимѣ госпожа Зонтагъ перейдетъ въ Парижъ. Это — невѣроятно. Два опыта италіанской оперы сдѣланы были въ Парижѣ прошедшею зимою, съ крайними усиліями, и оба горестно не удалась: публика, въ отсутствіи доходовъ, кормится своимъ капиталомъ, и денегъ у ней нѣтъ на потѣху. Несмотря на великодушіе Мейербера, пожертвовавшаго своимъ новымъ твореніемъ, даже Національный Театръ (le Grand-Opéra) принужденъ былъ недавно закрыться, при всѣхъ поддержкахъ отъ соучастниковъ въ предпріятіи. Сколько шуму и дѣлали Французы о «Пророкѣ» по журналамъ и фельетонамъ, сколько ихъ хвастались своимъ энтузіазмомъ къ прекрасному, своимъ удивленіемъ гевію Мейербера, своимъ великимъ наслажденіемъ при усердномъ слушаніи его творенія, а дѣло въ томъ, что Большая Опера лопнула именно на несравненномъ «Пророкѣ». Двадцать пять представленій этой оперы доставили театру только 46,000 рублей серебромъ сбору, именно, по 1,840 рублей за каждое представленіе. Театръ часто гремѣлъ своей пустотою, между-тѣмъ какъ фельетоны прославляли шумные восторги *всего Парижа*. Мейерберъ былъ недоволенъ исполненіемъ. Наконецъ онъ, и его «Пророкъ», и мать пророка, госпожа Віардò, бѣжали съ досадой

и гора въ Лондонѣ, гдѣ оперу эту и начала давать съ двадцать-осьмьюго іюля вторая италіанская труппа въ Ковентъ-гарденскомъ Театрѣ. *Успѣхъ безпримѣрный!* говорятъ свидѣтели первыхъ представлений. Исполненіе несравненно лучше парижскаго. Во-первыхъ душа и сердце сочиненія, госпожа Гарсія-Віардѣ занимаетъ и здѣсь свою чудную роль Вѣры (Fides), матери пророка анабаптистовъ. Но, вмѣсто Рожѣ, заступавшаго Дюпрѣ, для котораго Мейерберъ писалъ партію «Пророка», здѣсь поетъ Маріо, вмѣсто господжи Каstellанъ (роль Бертви) — мисъ Гель (Hayes), цѣлѣтъ и перло англійскіхъ швѣицъ въ настоящее время. Маріанн и Половини (два анабаптиста) навѣрное стѣять Левасѣра и Эдѣ. Звонкій голосъ Гемара (въ роли третьяго анабаптиста) однакъ можетъ быть вознагражденъ съ избыткомъ превосходства. Оркестръ полнѣе и разнообразнѣе, костюмы и декорации совершенно великолѣпнѣе, чѣмъ въ Парижѣ. Здѣсь только впервые Мейерберъ увидалъ и услышалъ оперу свою въ настоящемъ видѣ.

— Пріумъ, превосходный, восхитительный свирнчать, извѣстный и вашей публикѣ, скончался въ Бельгій. Какъ сладко игралъ онъ и какъ горько страдалъ въ неротную жизнь свою. Ему было не болѣе тридцати-трехъ лѣтъ отъ роду.

— Между-тѣмъ какъ Петербургъ, прошедшею зимою, за отсутствіемъ пріѣзжихъ талантовъ, печально прозвѣнналъ концертное время въ глухой пустотѣ, веселая и счастливая Москва сладостно винувала самыя сильныя ощущенія, благодаря неожиданному появленію одного изъ величайшихъ, побѣдоносѣйшихъ, удивительнѣйшихъ свирнчцовъ настоящаго времени. Господинъ Снморъ Шнефъ (Seymour Shiff), родомъ Англичанинъ, любимый ученикъ Гуммеля и законный наследникъ его таланта и даже его генія, Шнефъ, который вылезъ вмѣстѣ съ Листомъ и Листольфомъ держать скипетръ клавиатуры — фортепіаннаго Царянина — обновленный и украшенный Гуммель изъ новомъ иллюстрированномъ изданіи — громко прославившійся на сценѣ — поцѣлъ бездѣтныи на сценѣ — случайно попалъ въ Крымъ прошедшею осенью, заболѣвъ чумою, выдоронѣвъ, и въ веснѣ пріѣхалъ въ Москву. Представилъ изумленной Елизаветинѣю цѣлѣцѣцко образчикъ своей невѣроятной игры, въ май мѣсяцѣ онъ убѣждалъ свѣять въ нашу Россію, но, говорятъ, въ ноябрь будетъ въ Петербургѣ. Великое любопытство въ клавиатурномъ мѣрѣ! И, дѣйствительно, господинъ Шнефъ заслуживаетъ его во всѣхъ отношеніяхъ. *Въ немъ все есть*, по выраженію одной прелестной московской дилетантки: сила и мѣжность, фантазія и строгость, буря и

тишь, пѣнье лебеди и ярость воли, огонь и вода вмѣстѣ — душа, экспрессія, чистота, ловкость, — электрическая быстрота, невѣроятные пассажи, баснословный staccato, микроскопическіе трилли — игра умная и своенравная вмѣстѣ — туше удивительное, совершенно гумилевское, одушевленное, разнообразное и даръ импровизаціи — послѣ Гуммеля — безпримѣрный. Пѣанистовъ и виртуозовъ по званію оуъ болѣе всего удивлялъ въ Москвѣ своими импровизаціями, въ которыхъ съ необыкновенною легкостью, ловко, умно и связно, среди чудеснѣйшихъ модуляцій, переходилъ отъ повѣйшихъ пальцелюбныхъ красотъ къ самымъ страшнымъ *fugato* старинной школы, сливая два и три давнихъ пѣнія въ одно пѣнье для двухъ или трехъ голосовъ. Господинъ Шлякъ получилъ музыкальное образованіе въ Германіи, въ школѣ Баховъ и Мендельсоновъ, которыхъ оуъ, при всей своей современной блескотворности, непоколебимый поклонникъ. Въ Москвѣ, изъ чужихъ сочиненій, оуъ только и игралъ Мендельсона да Гуммеля. Всѣ прочія піесы были собственныя его сочиненія, которыхъ оуъ, подобно Паганини, не вздаетъ въ свѣтъ и никому не сообщаетъ. Въ Москвѣ однако жъ оуъ оставилъ друзьямъ своимъ, для издавія «Альбомъ», набранный изъ крымскихъ вдохновеній и посвященный князю Воронцову: собраніе это состоитъ изъ пятнадцати или шестнадцати новыхъ піесъ, одна другой предестѣе, различнаго характера и для разныхъ инструментовъ. Какъ необыкновенный и рѣшительно гекіальный импровизаторъ, господинъ Шлякъ, естественно, долженъ быть превосходный композиторъ: и дѣйствительно, сочиненія, которыя оуъ публично и частно игралъ въ Москвѣ, внушили знатокамъ очень высокое понятіе объ его дарованіи, и если бы была вѣщавая, поставили бы его мгновенно въ первомъ ряду писателей для фортепіано. Особенно замѣчательна, какъ художественное сочиненіе, чудная фантазія его на «Роберта Дявола», въ которой вся эта опера представлена въ восхитительной, живой и чрезвычайно живописной мавіатюрѣ. Но, коснувшись этого предмета, мы чувствуемъ, что оуъ завлекъ бы насъ далеко, и что композиторскій талантъ этого необыкновеннаго человѣка заслуживаетъ отдѣльнаго разсужденія. Отложимъ рѣчь объ этомъ до слѣдующаго случая.

=

НОВЫЯ РУССКІЯ КНИГИ.

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

В. П. Пезаткина,

на. Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

(Цѣны на серебро.)

РАДОНЕЖСКІЙ ПУСТЫННИКЪ, Святый Сергій Чудотворецъ. Жизнеописательное стихотвореніе въ девята пѣсняхъ; съ картинкою. Москва, 1849 года. Цѣна 1 р., вѣсов. за одинъ фунтъ.

БРАТКІЯ ПОУЧЕНІЯ протоіерея Родіона Путятина. Москва, 1849 года. Цѣна 1 р., съ перес. 1 р. 50 к.

ОПЫТЪ ИСТОРИЧЕСКИХЪ РОЗЫСКАНІЙ о слѣдственномъ уголовномъ судопроизводствѣ въ Россіи. Соч. профессора Владиміра Липовскаго. Одесса, 1849 года. Цѣна 1 р. 50 к., вѣс. за 2 фунтъ.

ПОМПЕЯ и ОТКРЫТІЯ ВЪ НЕЙ ДРЕВНОСТИ, съ монографіею Везувія и очеркомъ Геркуланума. Соч. В. Классовскаго. Съ планами и пояснительными гравюрами. Изданіе второе. Спб., 1849 года. Цѣна 4 р., вѣсов. за три фунта.

ВЕНГРИЯ и ВЕНГЕРСКІЯ ДѢЛА, съ картою Венгріи и прилежающихъ къ ней областей. Спб., 1849 года. Цѣна 1 р., вѣс. за одинъ фунтъ.

О МОЛИТВѢ ХРИСТІАНИНА въ разныхъ потребностяхъ и отхошеніяхъ его жизни. Изданіе второе. Спб., 1849 года. Цѣна 50 к., съ перес. 75 к.

ПИСЬМА ИЗЪ ЕКАТЕРИНОСЛАВА. Соч. Титова. Одесса, 1849 года. Цѣна 1 р. 25 к., вѣсов. за одинъ фунтъ.

